От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

Вы видите перед собой первую "Булгаковскую энциклопедию" в электронном варианте. Она посвящена вам, поклонникам творчества самого загадочного русского писателя двадцатого века, всем тем, благодаря кому память о Булгакове не умирает.

Наша энциклопедия, несмотря на такое название, - неакадемична, но популярна. Нашей целью было собрать в ней наиболее интересные сведения о жизни и творчестве Булгакова.

В "БЭ" вы найдете разгадки многих тайн булгаковской биографии и произведений, узнаете о прототипах полюбившихся персонажей, прочтете замысловатые шифры "Мастера и Маргариты", "Белой гвардии", "Собачьего сердца", "Роковых яиц", "Бега"… Здесь разрушаются мифы, созданные вокруг имени Булгакова, и исследуются мифы, сотворенные самим писателем.

"БЭ" - интеллектуальное и увлекательное чтение в Интернет. В ней мировая демонология соседствует с историей христианства, родные и близкие Булгакова - с великими философами и писателями, булгаковская Москва - с таинственным Ершалаимом.

Михаил Афанасьевич Булгаков вошел в мировую литературу прежде всего как автор романа "Мастер и Маргарита", который многие вдумчивые читатели считают лучшим романом двадцатого столетия. Поэтому отдельные статьи посвящены придуманным зданиям романа, вроде Дома Грибоедова, и нескольким десяткам основных персонажей.

Юлия Вишневская

От редакции

5 июня 2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

21 мая 2004
Чертовщина в "нехорошем" доме »»»

16 апреля 2004
Телесериал "Мастер и Маргарита" »»»

Архив публикаций

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ СМИ о Булгакове ~

14 апреля 2004
Александр Рукавишников: "Теперь я могу стать мастером по примусам"
Газета "Известия" Подробнее »

1 марта 2004
Жильцы Дома Булгакова пытаются отстоять здание-памятник у арендаторов
www.kp.ru Подробнее »

9 февраля 2004
Все Булгаков, Булгаков... а Шолохова, например, не читают
Газета "Известия" Подробнее »

3 ноября 2003
Судьба Маргариты - Е.С. Булгакова после смерти мужа
Сергей Шиловский Подробнее »

26 октября 2003
Мастер на лыжах и без Маргариты
Газета "Известия" Подробнее »

6 июля 2003
Пруд двух Булгаковых
Газета "Известия" Подробнее »

4 марта 2003
Москвичи победили нечисть на Патриарших
Газета "Известия" Подробнее »

7 февраля 2003
Булгаков нон грата - Писателя не пускают на Патриаршие пруды
Газета "Известия" Подробнее »

2 февраля 2003
Лужков обещал подумать о Булгакове
Газета "Известия" Подробнее »

13 октября 2002
Обыкновенная чертовщина - Булгаков никак не хочет быть увековеченным
Газета "Известия" Подробнее »

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Берлиоз Михаил Александрович ~

Страницы: 1 2

Михаил Александрович Берлиоз - персонаж романа "Мастер и Маргарита", председатель МАССОЛИТа.

МАССОЛИТ, располагающийся в Доме Грибоедова, по аналогии с объединением МАСТКОМДРАМ (Мастерская коммунистической драматургии) можно расшифровать как Мастерская (или Мастера) социалистической литературы.

Организация, которую возглавляет М. А. Б., пародирует реально существовавшие в 20-е - начале 30-х годов литературные и драматические союзы. Помимо МАСТКОМДРАМа, это РАПП (Российская Ассоциация Пролетарских Писателей), МАПП (Московская Ассоциация Пролетарских Писателей) и другие, ориентированные на поддержку постулатов коммунистической идеологии в литературе и искусстве.

Некоторыми чертами портрета М. А. Б. напоминает известного поэта, автора антирелигиозных стихов, в том числе "Евангелия от Демьяна", Демьяна Бедного (Ефима Алексеевича Придворова) (1883-1945). Как и Бедный, М. А. Б. "был маленького роста, упитан, лыс, свою приличную шляпу пирожком нес в руке, а на хорошо выбритом лице его помещались сверхъестественных размеров очки в черной роговой оправе". К портрету автора "Евангелия от Демьяна" здесь добавлены роговые очки, а традиционная для Бедного шляпа пирожком из зимней по сезону превращена в летнюю (хотя летние головные уборы обычно так не называют).

Роговые же очки связывают М. А. Б. не только с подобным ему мнимым иностранцем в Торгсине (см.: "Мастер и Маргарита"), но и с еще одним реальным прототипом - председателем РАППа Леопольдом Леонидовичем Авербахом (1903-1939). Намек на эту фамилию в завуалированной форме, присутствует в эпизоде, когда Воланд угощает М. А. Б. И Ивана Бездомного именно тем сортом папирос, каковой желает Бездомный - "Нашей маркой". В связи с этим возникает ассоциация со сценой в погребе Ауэрбаха из "Фауста" (1808-1832) великого немецкого поэта Иоганна Вольфганга Гёте (1749-1832), где Мефистофель мгновенно предоставляет посетителям тот сорт вина, который они желают. Здесь надо иметь в виду практическое тождество фамилий Авербах и Ауэрбах.

В "Новом завете без изъяна евангелиста Демьяна" Д. Бедного, опубликованном в "Правде" в апреле-мае 1925 г., финал звучал следующим образом:
Точное суждение о Новом завете:
Иисуса Христа никогда не было на свете.
Так что некому было умирать и воскресать,
Не о ком было Евангелия писать.

Точно так же М. А. Б. убеждает Ивана Бездомного, что "главное не в том, каков был Иисус, плох ли, хорош ли, а в том, что Иисуса-то этого, как личности, вовсе не существовало на свете и что все рассказы о нем - простые выдумки, самый обыкновенный миф". Кстати, в булгаковском архиве сохранились вырезки из "Правды" с фельетонами Д. Бедного.

Предсказание Воландом гибели М. А. Б. сделано в полном соответствии с канонами астрологии (см.: Демонология). Сатана отмечал наличие Меркурия во втором доме эклиптики. Это означало, что председатель МАССОЛИТа счастлив в торговле. М. А. Б. действительно ввел торгующих в святой храм литературы и удачлив в коммерции - получении материальных благ в обмен на убеждения и отказ от свободы творчества (его последние минуты озаряет мечта о поездке на отдых в Кисловодск). За это следует наказание.

В редакции 1929 г. Воланд применительно к М. А. Б. подчеркивал, что "луна ушла из пятого дома" (в окончательном тексте осталось неопределенное "луна ушла..."). Это указывало на отсутствие у М. А. Б. детей, т. е. прямых наследников. Действительно, единственным его наследником остается киевский дядя, которому Воланд и предлагает дать телеграмму. Несчастье в шестом доме, о котором говорит сатана, означает неудачу в браке, и действительно, как выясняется в дальнейшем, супруга М. А. Б. сбежала в Харьков с балетмейстером. Седьмой дом, куда в этот вечер перемещается светило, связанное с М. А. Б. - это дом смерти. Поэтому председатель МАССОЛИТа гибнет под колесами трамвая сразу после разговора с дьяволом.

Предсказание судьбы М. А. Б. может быть соотнесено с романом немецкого романиста-мистика Эрнста Теодора Амадея Гофмана (1775-1822) "Эликсир сатаны" (1815-1816), где рассказчик приглашает читателя разделить его общество на каменной скамье под сенью платанов: "С томлением неизъяснимым смотрели бы мы с тобой на синие причудливые громады гор". Он утверждает, что "наши, как мы их обычно именуем, грезы и фантазии являются, быть может, лишь символическим откровением сущности таинственных нитей, которые тянутся через всю нашу жизнь и связывают воедино все ее проявления; я подумал, что обречен на гибель тот, кто вообразит, будто познание это дает ему право насильственно разорвать тайные нити и схватиться с сумрачной силой, властвующей над нами".

Воланд предупреждает М. А. Б. об этих "таинственных нитях", над которыми человек не властен: "...Тот, кто еще недавно полагал, что он чем-то управляет, оказывается вдруг лежащим неподвижно в деревянном ящике, и все окружающие, понимая, что толку от лежащего нет более никакого, сжигают его в печи. А бывает и еще хуже: только что человек соберется съездить в Кисловодск... пустяковое, казалось бы, дело, но и этого совершить не может, потому что неизвестно почему вдруг возьмет - поскользнется и попадет под трамвай! Неужели вы скажете, что это он сам собой управил так? Не правильнее ли думать, что управился с ним кто-то совсем другой?"

Председатель МАССОЛИТа, который отрицает существование и Бога, и дьявола и не привык к необыкновенным явлениям, обречен на гибель, поскольку самонадеянно вообразил, что его поверхностные знания в области христианства, почерпнутые из Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона (см.: Христианство), дают основание пренебрегать знамениями судьбы. К тому же М. А. Б. так и не узнал, кто был перед ним на Патриарших.

Отрезанная голова
А профессору Доуэлю-то за что?!
"Каждому будет дано по его вере"
Выпьем за бытие!
Читайте завершение>>>

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Соков ~

Соков Андрей Фокич - персонаж романа "Мастер и Маргарита", буфетчик Театра Варьете.

В уста Сокова вложены бессмертные в России слова об "осетрине второй свежести". Летом 1995 г. нам довелось прочесть объявление в одном из московских киосков: "Пиво второй свежести".

Эпизод, когда Соков узнаёт от Воланда и его свиты о своей болезни и близкой смерти, но отказывается от предложения потратить свои немалые сокровища, скопленные отнюдь не трудами праведными, а за счёт всё той же "осетрины второй свежести", на радости жизни, явно навеян книгой английского историка епископа Фредерика Фаррара "Жизнь Иисуса Христа" (1873), хорошо известной Булгакову (см.: Христианство).

Там излагалась рассказанная Иисусом Христом притча, которая "при всей своей краткости богата значением". Это - "маленькая притча о богатом глупце, который в своём жадном, до богозабвения самонадеянном своекорыстии намеревался делать то и другое, и который, совсем забывая, что существует смерть и что душа не может питаться хлебом, думал, что душе его надолго хватит этих "плодов", "добра" и "житниц" и что ей достаточно только "есть, пить и веселиться", но которому, как страшное эхо, прогремел с неба потрясающий и полный иронии приговор: "Безумный! В сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил? (Лук., XII, 16-21) ".

А вот как выглядело предсказание, данное Сокову:
"…Умрёт он через девять месяцев, в феврале будущего года, от рака печени в клинике Первого МГУ, в четвёртой палате.
Буфетчик стал жёлт лицом.
- Девять месяцев, - задумчиво считал Воланд, - двести сорок девять тысяч… Это выходит круглым счётом двадцать семь тысяч в месяц? Маловато, но при скромной жизни хватит…
- Да я и не советовал бы вам ложиться в клинику, - продолжал артист, - какой смысл умирать в палате под стоны и хрип безнадёжных больных. Не лучше ли устроить пир на эти двадцать семь тысяч и, приняв яд, переселиться в другой мир под звуки струн, окруженным хмельными красавицами и лихими друзьями?"

У Булгакова с иронией обращается к Сокову не Бог, а дьявол, и, в отличие от героя евангельской притчи, буфетчик Театра Варьете - скуп и не наслаждается жизнью. Автор "Мастер и Маргариты", заменим Бога на дьявола, а богача-гедониста на жулика-скрягу, пародирует в истории Сокова евангельский сюжет.

Уже в ранней редакции Воланд предрекал Сокову смерть через год, но не назвал точной даты. Февраль будущего года как время смерти Сокова появился в тексте романа в январе 1940 года, также как и визит буфетчика к профессору Кузьмину. Смертельно больной писатель вывел здесь реального профессора В. И. Кузьмина, безуспешно лечившего его в конце 1939 года от наследственного нефросклероза. Называя февраль, Булгаков предсказывал собственную смерть, но ошибся на несколько дней: он умер 10 марта 1940 года (по хронологии "Мастер и Маргариты" смерть Сокова происходит за 10 лет до того - в феврале 1930 года).

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Иешуа Га-Ноцри ~

Иешуа Га-Ноцри - персонаж романа "Мастер и Маргарита", восходящий к Иисусу Христу из Евангелий.

Имя "Иешуа Га-Ноцри" Булгаков встретил в пьесе Сергея Чевкина "Иешуа Ганоцри. Беспристрастное открытие истины" (1922), а затем проверил его по трудам историков. В булгаковском архиве сохранились выписки из книги немецкого философа Артура Древса (1865-1935) "Миф о Христе", переведенной на русский в 1924 г., где утверждалось, что по-древнееврейски слово "нацар", или "нацер", означает "отрасль " или "ветвь", а "Иешуа" или "Иошуа" - "помощь Ягве" или "помощь божию".

Правда, в другой своей работе, "Отрицание историчности Иисуса в прошлом и настоящем", появившейся на русском в 1930 г. Древе отдавал предпочтение иной этимологии слова "нацер" (еще один вариант - "ноцер") - "страж", "пастух", присоединяясь к мнению британского историка библии Уильяма Смита (1846-1894) о том, что еще до нашей эры среди евреев существовала секта назореев, или назарян, почитавших культового бога Иисуса (Иошуа, Иешуа) "га-ноцри", т.е. "Иисуса-хранителя".

В архиве писателя сохранились и выписки из книги английского историка и богослова епископа Фридерика В. Фаррара "Жизнь Иисуса Христа" (1873). Если Древе и другие историки мифологической школы стремились доказать, что прозвище Иисуса Назарей (Га-Ноцри) не носит географического характера и никак не связано с городом Назаретом, который, по их мнению, еще не существовал в евангельские времена, то Фаррар, один из наиболее видных адептов исторической школы (см.: Христианство), отстаивал традиционную этимологию.

Из его книги Булгаков узнал, что упоминаемое в Талмуде одно из имен Христа - Га-Ноцри означает Назарянин. Древнееврейское "Иешуа" Фаррар переводил несколько иначе, чем Древе, - "чье спасение есть Иегова". С Назаретом английский историк связывал город Эн-Сарид, который упоминал и Булгаков, заставляя Пилата во сне видеть "нищего из Эн-Сарида".

Во время же допроса прокуратором И. Г.-Н. в качестве места рождения бродячего философа фигурировал город Гамала, упоминавшийся в книге французского писателя Анри Барбюса (1873-1935) "Иисус против Христа". Выписки из этой работы, вышедшей в СССР в 1928 г., также сохранились в булгаковском архиве.

Поскольку существовали различные, противоречившие друг другу этимологии слов "Иешуа" и "Га-Ноцри", Булгаков не стал как-либо раскрывать значение этих имен в тексте "Мастера и Маргариты". Из-за незавершенности романа писатель так и не остановил свой окончательный выбор на одном из двух возможных мест рождения И. Г.-Н.

В портрете И. Г.-Н. Булгаков учел следующее сообщение Фаррара: "Церковь первых веков христианства, будучи знакома с изящной формой, в которую гений языческой культуры воплощал свои представления о юных богах Олимпа, но, сознавая также роковую испорченность в ней чувственного изображения, по-видимому с особенной настойчивостью старалась освободиться от этого боготворения телесных качеств и принимала за идеал Исаино изображение пораженного и униженного страдальца или восторженное описание Давидом презренного и поносимого людьми человека (Исх., LIII, 4; Пс., XXI, 7, 8, 16, 18). Красота Его, говорит Климент Александрийский, была в его душе, по внешности же Он был худ. Иустин Философ описывает его как человека без красоты, без славы, без чести. Тело Его, говорит Ориген, было мало, худо сложено и неблагообразно. "Его тело, - говорит Тертуллиан, - не имело человеческой красоты, тем менее небесного великолепия".

Английский историк приводит также мнение греческого философа II в. Цельса, который сделал предание о простоте и неблагообразии Христа основанием для отрицания Его божественного происхождения. Вместе с тем, Фаррар опроверг основанное на ошибке латинского перевода Библии - Вульгаты утверждение, что Христос, исцеливший многих от проказы, сам был прокаженным.

Автор "Мастера и Маргариты" счел ранние свидетельства о внешности Христа достоверными, и сделал своего И. Г.-Н, худым и невзрачным со следами физического насилия на лице: представший перед Понтием Пилатом человек "был одет в старенький и разорванный голубой хитон. Голова его была прикрыта белой повязкой с ремешком вокруг лба, а руки связаны за спиной. Под левым глазом у человека был большой синяк, в углу рта - ссадина с запекшийся кровью. Приведенный с тревожным любопытством глядел на прокуратора".

Булгаков, в отличие от Фаррара, всячески подчеркивает, что И. Г.-Н. - человек, а не Бог, поэтому он и наделен самой неблагообразной, не запоминающейся внешностью. Английский же историк был убежден, что Христос "не мог быть в своей внешности без личного величия пророка и первосвященника".

Автор "Мастера и Маргариты" учел слова Фаррара о том, что до допроса у прокуратора Иисуса Христа дважды били. В одном из вариантов редакции 1929 г. И. Г.-Н. прямо просил Пилата: " - Только ты не бей меня сильно, а то меня уже два раза били сегодня..." После побоев, а тем более во время казни, внешность Иисуса никак не могла содержать признаков величия, присущего пророку. На кресте у И. Г.-Н. в облике проступают довольно уродливые черты: "...Открылось лицо повешенного, распухшее от укусов, с заплывшими глазами, неузнаваемое лицо", а "глаза его, обычно ясные, теперь были мутноваты".

Внешнее неблагообразие И. Г.-Н. контрастирует с красотой его души и чистотой его идеи о торжестве правды и добрых людей (а злых людей, по его убеждению, нет на свете), подобно тому как, по словам христианского теолога II-III вв. Климента Александрийского, духовная красота Христа противостоит его ординарной внешности.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Воланд ~

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7 8 9

Воланд - персонаж романа "Мастер и Маргарита", возглавляющий мир потусторонних сил. Воланд - это дьявол, сатана, "князь тьмы", "дух зла и повелитель теней" (все эти определения встречаются в тексте романа).

Воланд во многом ориентирован на Мефистофеля "Фауста" (1808-1832) Иоганна Вольфганга Гёте (1749-1832), в том числе и на оперного, из оперы Шарля Гуно (1818-1893) "Фауст" (1859).

Само имя Воланд взято из поэмы Гёте, где оно упоминается лишь однажды и в русских переводах обычно опускается. Так называет себя Мефистофель в сцене Вальпургиевой ночи, требуя от нечисти дать дорогу: "Дворянин Воланд идет!". В прозаическом переводе А. Соколовского (1902), с текстом которого Булгаков был знаком, это место дается так:

"**Мефистофель**. Вон куда тебя унесло! Вижу, что мне надо пустить в дело мои хозяйские права. Эй, вы! Место! Идет господин Воланд!"

В комментарии переводчик следующим образом разъяснил немецкую фразу "Junker Voland kommt": "Юнкер значит знатная особа (дворянин), а Воланд было одно из имен черта. Основное слово "Faland" (что значило обманщик, лукавый) употреблялось уже старинными писателями в смысле черта".

Булгаков использовал и это последнее имя: после сеанса черной магии служащие Театра Варьете пытаются вспомнить имя мага: " - Во... Кажись, Воланд. А может быть, и не Воланд? Может быть, Фаланд".

В редакции 1929-1930 гг. имя Воланд воспроизводилось полностью латиницей на его визитной карточке: "D-r Theodor Voland". В окончательном тексте Булгаков от латиницы отказался: Иван Бездомный на Патриарших запоминает только начальную букву фамилии - W ("дубль-ве").

Такая замена оригинального V ("фау") неслучайна. Немецкое "Voland" произносится как Фоланд, а по-русски начальное "эф" в таком сочетании создает комический эффект, да и выговаривается с трудом. Мало подходил бы здесь и немецкий "Faland". С русским произношением - Фаланд - дело обстояло лучше, но возникала неуместная ассоциация со словом "фал" (им обозначается веревка, которой поднимают на судах паруса и реи) и некоторыми его жаргонными производными. К тому же Фаланд в поэме Гёте не встречался, а Булгакову хотелось именно с "Фаустом" связать своего сатану, пусть даже нареченного именем, не слишком известным русской публике. Редкое имя нужно было для того, чтобы не искушенный в Демонологии рядовой читатель не сразу бы догадался, кто такой Воланд.

Третья жена писателя Е. С. Булгакова запечатлела в дневнике чтение начальных глав последней редакции "Мастера и Маргариты" 27 апреля 1939 г.: "Вчера у нас Файко - оба (драматург Александр Михайлович Файко (1893-1978) с женой), Марков (завлит МХАТа) и Виленкин (Виталий Яковлевич Виленкин (1910/11 г. рождения), коллега Павла Александровича Маркова (1897-1980) по литературной части МХАТа). Миша читал "Мастера и Маргариту" - с начала. Впечатление громадное. Тут же настойчиво попросили назначить день продолжения. Миша спросил после чтения - а кто такой Воланд? Виленкин сказал, что догадался, но ни за что не скажет. Я предложила ему написать, я тоже напишу, и мы обменяемся записками. Сделали. Он написал: сатана, я - дьявол. После этого Файко захотел также сыграть. И написал на своей записке: я не знаю. Но я попалась на удочку и написала ему - сатана".

Булгаков, несомненно, экспериментом был вполне удовлетворен. Даже такой квалифицированный слушатель как А. М. Файко Воланда сразу не разгадал. Следовательно, загадка появившегося на Патриарших прудах иностранного профессора с самого начала будет держать в напряжении большинство читателей "Мастера и Маргариты". В ранних редакциях Булгаков пробовал для будущего Воланда имена Азазелло и Велиар.

Литературная родословная Воланда, использованная Булгаковым, чрезвычайно многогранна. Дьявол в "Мастере и Маргарите" имеет очевидное портретное сходство с Эдуардом Эдуардовичем фон-Мандро - инфернальным персонажем романа А. Белого "Московский чудак" (1925), подаренного Булгакову автором. По определению, данному А. Белым в предисловии к роману "Маски" (1933) из той же эпопеи "Москва", что и "Московский чудак", Мандро - это сочетание "своего рода маркиза де-Сада и Калиостро XX века". В предисловии же к "Московскому чудаку" автор утверждал, что "в лице Мандро изживает себя тема "Железной пяты" (знаменитого романа Джека Лондона (Джона Гриффита) (1876-1916), появившегося в 1908 г.) (поработителей человечества)". Белый инфернальность своего персонажа всячески маскирует, так и оставляя читателя в неведении, сатана ли Мандро.

Пришествие дьявола в Москву по Марксу-Ленину
Булгаков отдал виллу в Ницце Воланду
Сатана наделен атрибутами Бога?
Жулик-скряга и литератор-коньюнктурщик
Читайте продолжение>>>

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Бегемот ~

Бегемот - персонаж романа "Мастер и Маргарита", кот-оборотень и любимый шут Воланда.

Julia Vishnevskaya

Имя Бегемот взято из апокрифической ветхозаветной книги Еноха. В исследовании И. Я. Порфирьева "Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях" (1872), по всей вероятности, знакомом Булгакову, упоминалось морское чудовище Бегемот, вместе с женским - Левиафаном - обитающее в невидимой пустыне "на востоке от сада, где жили избранные и праведные".

Сведения о Бегемоте автор "Мастера и Маргариты" почерпнул также из книги М. А. Орлова "История сношений человека с дьяволом" (1904), выписки из которой сохранились в булгаковском архиве. Там, в частности, описывалось дело игуменьи Луденского монастыря во Франции Анны Дезанж, жившей в XVII в. и одержимой "семью дьяволами: Асмодеем, Амоном, Грезилем, Левиафаном, Бегемотом, Баламом и Изакароном", причем "пятый бес был Бегемот, происходивший из чина Престолов. Пребывание его было во чреве игуменьи, а в знак своего выхода из нее, он должен был подбросить ее на аршин вверх. Этот бес изображался в виде чудовища со слоновой головой, с хоботом и клыками. Руки у него были человеческого фасона, а громаднейший живот, коротенький хвостик и толстые задние лапы, как у бегемота, напоминали о носимом им имени".

У Булгакова Бегемот стал громадных размеров котом-оборотнем, а в ранней редакции Бегемот имел сходство со слоном: "На зов из черной пасти камина вылез черный кот на толстых, словно дутых лапах..." Булгаков учел также, что у слоноподобного демона Бегемота были руки "человеческого фасона", поэтому его Бегемот, даже оставаясь котом, очень ловко протягивает кондукторше монетку, чтобы взять билет.

По свидетельству второй жены писателя Л. Е. Белозерской, реальным прототипом Бегемота послужил их домашний кот Флюшка - огромное серое животное. Булгаков только сделал Бегемота черным, так как именно черные коты по традиции считаются связанными с нечистой силой. В финале Бегемот, как и другие члены свиты Воланда, исчезает перед восходом солнца в горном провале в пустынной местности перед садом, где, в полном соответствии с рассказом книги Еноха, уготован вечный приют "праведным и избранным" - Мастеру и Маргарите.

Во время последнего полета Бегемот превращается в худенького юношу-пажа, летящего рядом с принявшим облик темно-фиолетового рыцаря "с мрачнейшим и никогда не улыбающимся лицом" Коровьевым-Фаготом. Здесь, по всей видимости, отразилась шуточная "легенда о жестоком рыцаре" из повести "Жизнеописание Степана Александровича Лососинова" (1928), которую написал друг Булгакова, писатель Сергей Сергеевич Заяицкий (1893-1930).

В этой легенде, наряду с жестоким рыцарем, ранее не видевшем женщин, фигурирует и его паж. Рыцарь у Заяицкого имел страсть отрывать головы у животных, у Булгакова эта функция, только по отношению к людям, передана Бегемоту - он отрывает голову конферансье Театра Варьете Жоржу Бенгальскому.

Бегемот в демонологической традиции - это демон желаний желудка. Отсюда необычайное обжорство Бегемота в Торгсине (магазине Торгового синдиката), когда он без разбора заглатывает все съестное. Булгаков иронизирует над посетителями валютного магазина, в том числе над самим собой. На валюту, полученную от зарубежных постановщиков булгаковских пьес, драматург с женой иногда делали покупки в Торгсине. Людей будто обуял демон Бегемот, и они спешат накупить деликатесов, тогда как за пределами столиц население живет впроголодь.

"Политически вредная" речь Коровьева-Фагота, защищающего Бегемота - "бедный человек целый день починяет примуса; он проголодался... а откуда ему взять валюту?" - встречает сочувствие толпы и провоцирует бунт. Благообразный, бедно, но чисто одетый старичок сажает мнимого иностранца в сиреневом пальто в кадку с керченской сельдью.

Сцена, когда представители власти пытаются арестовать Бегемота в Нехорошей квартире, а тот объявляет, что кот - "древнее и неприкосновенное животное", устраивая шутовскую перестрелку, восходит, скорее всего, к философскому трактату "Сад Эпикура" (1894) французского писателя, Нобелевского лауреата Анатоля Франса (Тибо) (1867-1923).

Там приведен рассказ, как охотник Аристид спас щеглят, вылупившихся в кусте роз у него под окном, выстрелив в подбиравшуюся к ним кошку. Франс иронически замечает, что Аристид полагал единственным предназначением кошки ловить мышей и быть мишенью для пуль. Однако с точки зрения кошки, мнившей себя венцом творения, а щеглят - своей законной добычей, поступок охотника не находит оправдания.

Бегемот тоже не желает стать живой мишенью и полагает себя существом неприкосновенным. Возможно, эпизод с щеглами подсказал Булгакову сцену, когда пришедшие арестовывать Бегемота безуспешно пытаются поймать его сеткой для ловли птиц.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

"Мастер и Маргарита"

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13

"Мастер и Маргарита" - роман. При жизни Булгакова не был завершен и не публиковался. Впервые: Москва, 1966.

Время начала работы над "Мастером и Маргаритой" Булгаков в разных рукописях датировал то 1928, то 1929 г. К 1928 г. относится возникновение замысла романа, а работа над текстом началась в 1929 г. Согласно сохранившейся расписке, Булгаков 8 мая 1929 г. сдал в издательство "Недра" рукопись "Фурибунда" под псевдонимом "К. Тугай" (псевдоним восходил к фамилии князей в рассказе "Ханский огонь"). Это - наиболее ранняя из точно известных дат работы над М. и М.

Однако роман был начат несколькими месяцами ранее. Сохранилось донесение неизвестного осведомителя ОГПУ от 28 февраля 1929 г., где речь идет о будущем "Мастере и Маргарите": "Видел я Некрасову, она мне сказала, что М. Булгаков написал роман, который читал в некотором обществе, там ему говорили, что в таком виде не пропустят, так как он крайне резок с выпадами, тогда он его переделал и думает опубликовать, а в первоначальной редакции пустить в качестве рукописи в общество и это одновременно вместе с опубликованием в урезанном цензурой виде".

Зимой 1929 г. были написаны только отдельные главы романа, отличавшиеся еще большей политической остротой, чем сохранившиеся фрагменты ранней редакции. Отданная в "Недра" "Мания фурибунда" представляла собой уже смягченный вариант первоначального текста. Правдоподобно и намерение Булгакова пустить рукопись романа в самиздат. Из письма неизвестной читательницы, которое автор "Мастера и Маргариты". получил 9 марта 1936 г., известно, что в рукописных и машинописных списках циркулировали среди заинтересованной публики "Кабала святош", "Собачье сердце" и "Роковые яйца" с ненапечатанным в сборнике "Недр" вариантом финала. Не исключено, что именно сигнал агента карательных органов в конечном счете сорвал публикацию "Мании фурибунды".

В первой редакции роман имел варианты названий: "Черный маг", "Копыто инженера", "Жонглер с копытом", "Сын В(елиара?)", "Гастроль (Воланда?)". Первая редакция "Мастера и Маргариты" была уничтожена автором 18 марта 1930 г. после получения известия о запрете пьесы "Кабала святош". Об этом Булгаков сообщил в письме правительству 28 марта 1930 г.: "И лично я, своими руками, бросил в печку черновик романа о дьяволе..."

Работа над "Мастером и Маргаритой" возобновилась в 1931 г. К роману были сделаны черновые наброски, причем уже здесь фигурировали Маргарита и ее безымянный спутник - будущий Мастер. В конце 1932 или начале 1933 г. писатель начал вновь, как и в 1929-1930 гг., создавать фабульно завершенный текст. 2 августа 1933 г. он сообщал своему другу писателю Викентию Вересаеву (Смидовичу) (1867-1945): "В меня... вселился бес. Уже в Ленинграде и теперь здесь, задыхаясь в моих комнатенках, я стал марать страницу за страницей наново тот свой уничтоженный три года назад роман. Зачем? Не знаю. Я тешу себя сам! Пусть упадет в Лету! Впрочем, я, наверное, скоро брошу это".

Однако Булгаков уже больше не бросал "Мастера и Маргариту" и с перерывами, вызванными необходимостью писать заказанные пьесы, инсценировки и сценарии, продолжал работу над романом практически до конца жизни. Вторая редакция "Мастера и Маргариты", создававшаяся вплоть до 1936 г., имела подзаголовок "Фантастический роман" и варианты названий: "Великий канцлер", "Сатана", "Вот и я", "Шляпа с пером", "Черный богослов", "Он появился", "Подкова иностранца", "Он явился", "Пришествие", "Черный маг" и "Копыто консультанта".

Третья редакция "Мастера и Маргариты", начатая во второй половине 1936 г. или в 1937 г., первоначально называлась "Князь тьмы", но уже во второй половине 1937 г. появилось хорошо известное теперь заглавие "Мастер и Маргарита". В мае - июне 1938 г. фабульно завершенный текст "Мастера и Маргариты" впервые был перепечатан. Авторская правка машинописи началась 19 сентября 1938 г. и продолжалась с перерывами почти до самой смерти писателя. Булгаков прекратил ее 13 февраля 1940 г., менее чем за четыре недели до кончины, на фразе Маргариты: "Так это, стало быть, литераторы за гробом идут?"

Фабульно "Мастер и Маргарита" - вещь завершенная. Остались лишь некоторые мелкие несоответствия, вроде того, что в главе 13 утверждается, что Мастер гладко выбрит, а в главе 24 он предстает перед нами с бородой, причем достаточно длинной, раз ее не бреют, а только подстригают. Кроме того, из-за неоконченности правки, часть из которой сохранялась только в памяти третьей жены писателя Е. С. Булгаковой, а также вследствие утраты одной из тетрадей, куда она заносила последние булгаковские исправления и дополнения, остается принципиальная неопределенность текста, от которой каждый из публикаторов вынужден избавляться по-своему. Например, биография Алоизия Могарыча была зачеркнута Булгаковым, а новый ее вариант только вчерне намечен. Поэтому в одних изданиях М. и М. она опускается, а в других, с целью большей фабульной завершенности, восстанавливается зачеркнутый текст.

23 октября 1937 г. Е. С. Булгакова отметила в дневнике: "У Михаила Афанасьевича из-за всех этих дел по чужим и своим либретто начинает зреть мысль - уйти из Большого театра, выправить роман ("Мастер и Маргарита"), представить его наверх". Тем самым "Мастер и Маргарита" признавался главным делом жизни, призванным определить судьбу писателя, хотя в перспективе публикации романа Булгаков далеко не был уверен. Перед завершением перепечатки текста "Мастера и Маргариты" он писал Е. С. Булгаковой в Лебедянь 15 июня 1938 г.: "Передо мною 327 машинописных страниц (около 22 глав). Если буду здоров, скоро переписка закончится. Останется самое важное - корректура авторская, большая, сложная, внимательная, возможно с перепиской некоторых страниц.

"Что будет?" - ты спрашиваешь. Не знаю. Вероятно, ты уложишь его в бюро или в шкаф, где лежат убитые мои пьесы, и иногда будешь вспоминать о нем. Впрочем, мы не знаем нашего будущего.

Свой суд над этой вещью я уже совершил, и, если мне удастся еще немного приподнять конец, я буду считать, что вещь заслуживает корректуры и того, чтобы быть уложенной в тьму ящика.

Теперь меня интересует твой суд, а буду ли я знать суд читателей, никому неизвестно.

Моя уважаемая переписчица (сестра Е. С. Булгаковой О. С. Бокшанская (1891-1948) очень помогла мне в том, чтобы мое суждение о вещи было самым строгим. На протяжении 327 страниц она улыбнулась один раз на странице 245-й ("Славное море...") (имеется в виду эпизод со служащими Зрелищной комиссии, беспрерывно поющими хором под управлением Коровьева-Фагота "Славное море священный Байкал..."). Почему это именно её насмешило, не знаю. Не уверен в том, что ей удастся разыскать какую-то главную линию в романе, но зато уверен в том, что полное неодобрение этой вещи с её стороны обеспечено. Что и получило выражение в загадочной фразе: "Этот роман - твоё частное дело" (?!). Вероятно, этим она хотела сказать, что она не виновата… Я стал плохо себя чувствовать и, если будет так, как, например, сегодня и вчера, то вряд ли состоится мой выезд (в Лебедянь). Я не хотел тебе об этом писать, но нельзя не писать. Эх, Кука, тебе издалека не видно, что с твоим мужем сделал после страшной литературной жизни последний закатный роман".

Булгаков предчувствовал свою смерть
"Дописать, прежде чем умереть!"
Черный юмор писателя
Булгаков опасался, что его "посадят"
Читайте продолжение>>>

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ От редакции ~

Новая редакция Булгаковской Энциклопедии

Обсуждение статьи

Дорогие друзья!

С гордостью представляем Вам плод великих трудов нашей редакции - новую версию Булгаковской Энциклопедии!

Булгаковская Энциклопедия не только поменяла свою обложку, но и существенно расширила содержание, добавив к своей основной части - собственно Булгаковской Энциклопедии - разделы "Булгаковедение" (литературная критика булгаковских произведений), "Рукописи" (авторские работы) и "Фотогалереи" (иллюстрации, фотографии и рисунки редакции и читателей на околобулгаковские темы). На полочках Библиотеки Булгаковской Энциклопедии теперь стоят абсолютно все произведения великого Мастера, включая переводы на английский язык.

Невидимая Вашему глазу основа Булгаковской Энциклопедии - ее программная часть, разработанная нашим техническим партнером - дизайн-студией **FutureSite**, - представляет не только ядро сайта, удобную навигацию и прекрасную юзабилити ресурса, но и современный форум для Вашего общения и усовершенствованную гостевую книгу, запоминающую Вас после первого же посещения. В Клубе Мастера появилась возможность приватного общения между его членами.

Изюминкой нового сайта станет виртуальная экскурсия по булгаковским местам Москвы, содержащая подробный путеводитель по таинственному Городу Мастера, снабженный интерактивной картой и фотографиями, специально по этому случаю сделанными редакцией БЭ в ходе майского рейда по Москве. Теперь почитателям Булгакова достаточно распечатать 11 страниц с сайта bulgakov.ru - и с этой легкой ношей и легким сердцем пуститься в плавание по расшифрованным для Вас булгаковским местам Москвы.

Появление новой версии сайта сохраняет аутентичность Ваших ссылок, поставленных в добрые старые времена на прежнюю Булгаковскую Энциклопедию. Программисты студии **FutureSite** предусмотрели автоматическое перенаправление на страницы новой Булгаковской Энциклопедии.

В усовершенствованной версии Булгаковской Энциклопедии всё необыкновенное: даже "шапка" сайта не простая, а интерактивная - с говорящими персонажами произведений Мастера.

Не скроем от Вас, мы горды проделанной нами работой - разработкой концептуального дизайна, расширением содержания сайта, усовершенствованием интерактивной и программной его частей. Теперь Булгаковская Энциклопедия по праву может называться литературным порталом, отвечающим всем современным требованиям как сегодняшнего сайтостроения, так и художественным нормам Интернета. Нам интересно Ваше мнение по поводу новой версии Булгаковской Энциклопедии - конструктивные замечания Вы всегда можете оставить в новом форуме.

Редакция Булгаковской Энциклопедии выражает огромную благодарность дизайнеру от Бога - **Сергею Важенину** - за его талант, готовность помочь, понимание сути и скорость работы. Без него Булгаковская Энциклопедия не имела бы своего сегодняшнего лица.

« Назад

5 июня 2004 *Юлия Вишневская*

~ Обсуждение статьи ~

Добавить сообщение

Sabina 08.06.04 [18:12]	Ура! Поздравляю вас и себя с открытием новой версии сайта! Он мне очень понравился. Жду от вас новых статей.

Добавление сообщения

Имя:	
E-Mail:	
Заголовок:	
Форматирование:	B i u Img URL Цвет шрифта: По умолчанию Закрыть теги
Ответы по email:	☑
Сообщение:	
	Опубликовать сообщение

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ От редакции ~

5 июня 2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии
Юлия Вишневская Подробнее »

21 мая 2004
Чертовщина в "нехорошем" доме
Газета "Известия" Подробнее »

16 апреля 2004
Телесериал "Мастер и Маргарита"
Газета "Известия" Подробнее »

9 февраля 2004
Нехорошей квартире нехорошо
Юлия Вишневская Подробнее »

7 декабря 2003
Студия FutureSite поздравляет «Булгаковскую Энциклопедию» с присуждением премии Р.Л.Е. и объявляет о начале работ над новой, современной, версией сайта
www.futuresite.ru Подробнее »

2 декабря 2003
Принимаем поздравления и подарки! БЭ стала лауреатом премии Р.Л.Е.!
Юлия Вишневская Подробнее »

20 октября 2003
Булгаковская Энциклопедия – номинант премии Р.Л.Е.
Юлия Вишневская Подробнее »

31 декабря 2002
Булгаковская Энциклопедия счастлива поздравить вас с Новым 2003 годом и Рождеством!
www.bulgakov.ru Подробнее »

24 августа 2002
Клуб Мастера
Юлия Вишневская Подробнее »

5 июля 2002
Квартира-музей М. А. Булгакова в Москве
Юлия Вишневская Подробнее »

24 мая 2002
Дом-музей М. А. Булгакова в Киеве
Юлия Вишневская Подробнее »

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Биография (1891-1940) ~

Дела и дни: [1891-1900] [1901-1910] [1911-1920] [1921-1930] [1931-1940]

1891 г.
3/15 мая* в семье преподавателя Киевской Духовной Академии Афанасия Ивановича Булгакова и его жены Варвары Михайловны (в девичестве - Покровской) в Киеве родился первый ребенок - сын, Михаил Афанасьевич Булгаков. Место рождения - дом священника о. Матвея Бутовского (Воздвиженская ул., 28).

18 мая - крещен по православному обряду в Крестовоздвиженской церкви (на Подоле) священником о. М. Бутовским. Имя дано в честь хранителя города Киева архангела Михаила. Крестными родителями стали ординарный профессор КДА Николай Иванович Петров и бабка Булгакова по отцовской линии Олимпиада Федоровна Булгакова.

1892-1899 гг.
Переезды семьи Булгаковых в различные домовладения в поисках более дешевой и удобной квартиры - в районе Печерска; на Госпитальной улице, 4; в Кудрявском переулке, 9.

1892 г.
Рождение сестры Булгакова Веры.

1895 г.
Рождение сестры Булгакова Надежды.

1895 г.
Рождение сестры Булгакова Варвары.

1898 г.
Рождение брата Булгакова Николая.

1900 г.
Рождение брата Булгакова Ивана. 18 августа - Булгаков поступает в приготовительный класс Второй киевской гимназии (Бибиковский бульвар, 18).

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Персонажи ~

- Абадонна
- Азазелло
- Александр Рюхин
- Алоизий Могарыч
- Аркадий Аполлонович Семплеяров
- Арчибальд Арчибальдович
- Афраний
- Барон Майгель
- Бегемот
- Воланд
- Гелла
- Жорж Бенгальский
- Иван Бездомный
- Иешуа Га-Ноцри
- Иосиф Каифа
- Иуда из Кариафа
- Коровьев-Фагот
- Левий Матвей
- Маргарита
- Мастер
- Михаил Александрович Берлиоз
- Никанор Иванович Босой
- Петлюра
- Понтий Пилат
- Соков
- Степан Богданович Лиходеев
- Стравинский
- Фрида

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Произведения ~

- "Адам и Ева"
- "Александр Пушкин"
- "Багровый остров", пьеса
- "Багровый остров", фельетон
- "Батум"
- "Бег"
- "Белая гвардия"
- "Бенефис лорда Керзона"
- "Блаженство"
- "Богема"
- "Был май"
- "В кафэ"
- "В ночь на 3-е число"
- "В часы смерти"
- "Война и мир"
- "Воспоминание..."
- "Вьюга"
- "Грядущие перспективы"
- "День нашей жизни"
- "Дни Турбиных"
- "Дон Кихот"
- "Дьяволиада"
- "Египетская мумия"
- "Записки на манжетах"
- "Записки юного врача"
- "Звёздная сыпь"
- "Зойкина квартира"
- "Золотистый город"
- "Иван Васильевич"
- "Кабала святош"
- "Киев-город"
- "Китайская история"
- "Комаровское дело"
- "Красная корона"
- "Крещение поворотом"
- "Курс истории СССР"
- "Лестница в рай"
- "Мастер и Маргарита"
- "Мёртвые души", инсценировка
- "Мёртвые души", киносценарий
- "Минин и Пожарский"
- "Мольер"
- "Морфий"
- "Москва 20-х годов"
- "Московские сцены"
- "Налёт"
- "Неделя просвещения"
- "Необыкновенные приключения доктора"
- "№13. - Дом Эльпит-Рабкоммуна"
- "Под пятой"
- "Полотенце с петухом"
- "Полоумный Журден"
- "Похождения Чичикова"
- "Пропавший глаз"
- "Псалом"
- "Путешествие по Крыму"
- "Рабочий город-сад"
- "Рашель"
- "Ревизор"
- "Роковые яйца"
- "Собачье сердце"
- "Тайному другу"
- "Театральный роман"
- "Торговый ренессанс"
- "Тьма египетская"
- "Ханский огонь"
- "Часы жизни и смерти"
- "Чаша жизни"
- "Чёрное море"
- "Шансон Д'Этэ"
- "Юрий Слезкин (силуэт)"
- "Я убил"

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Демонология ~

Страницы: 1 2 3 4 5

Демонология - раздел средневековой христианской теологии (западных ветвей христианства), рассматривающий вопрос о демонах и их сношениях с людьми. Демонология происходит от древнегреческих слов daimon, демон, злой дух (в античной Греции это слово еще не имело негативной окраски) и logos, слово, понятие. В буквальном переводе "демонология" значит "наука о демонах".

Знания, почерпнутые из Демонологии, Булгаков широко использовал в романе "Мастер и Маргарита". Источниками сведений по Демонологии для Булгакова послужили посвященные этой теме статьи Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона, книга М. А. Орлова "История сношений человека с дьяволом" (1904) и книга писателя Александра Валентиновича Амфитеатрова (1862-1938) "Дьявол в быте, легенде и в литературе средних веков". Из первых двух сохранились в булгаковском архиве многочисленные выписки с отсылками. Из труда А. В. Амфитеатрова в архиве автора "Мастера и Маргариты" выписок с прямыми отсылками нет, однако ряд из них, несомненно, восходит к "Дьяволу", в частности, о демоне Астароте (так Булгаков предполагал назвать будущего Воланда в ранней редакции романа). Кроме того, частые отсылки к книгам Амфитеатрова в булгаковских произведениях (например, к роману "Мария Лусьева за границей" в рассказе "Необыкновенные приключения доктора"), отчетливые параллели с амфитеатровским романом "Жар-цвет" (1895 - 1910) и исследованием о дьяволе в "Мастере и Маргарите" заставляют думать, что с демонологическим трудом Амфитеатрова Булгаков был хорошо знаком.

Из статей Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона автор "Мастера и Маргариты" почерпнул имя Геллы и многие детали и персонажи Великого бала у Сатаны и предшествовавшего балу шабаша (особенно пригодилась здесь статья "Шабаш ведьм"). Из статьи "Астрология" Брокгауза и Эфрона Булгаков взял важные детали предсказания судьбы Михаила Александровича Берлиоза, данного Воландом на Патриарших прудах: "Он смерил Берлиоза взглядом, как будто собирался сшить ему костюм, сквозь зубы пробормотал что-то вроде: "Раз, два... Меркурий во втором доме... луна ушла... шесть - несчастье... вечер - семь..." - и громко и радостно объявил: - "Вам отрежут голову!" Согласно принципам астрологии, двенадцать домов - это двенадцать частей эклиптики. Расположение тех или иных светил в каждом из домов отражает те или иные события в судьбе человека. Меркурий во втором доме означает счастье в торговле. Берлиоз действительно наказан за то, что ввел в храм литературы торгующих - членов возглавляемого им МАССОЛИТа, озабоченных только получением материальных благ в виде дач, творческих командировок, путевок в санатории (о такой путевке как раз и думает Михаил Александрович в последние часы своей жизни). Несчастье в шестом доме означает неудачу в браке. Из дальнейшего повествования мы узнаем, что жена Берлиоза сбежала в Харьков с заезжим балетмейстером. В редакции 1929 г. Воланд более ясно говорил, что "луна ушла из пятого дома". Это свидетельствовало об отсутствии у Берлиоза детей. Неудивительно, что единственным наследником председателя МАССОЛИТа оказывается киевский дядя, которому Воланд тотчас предлагает дать телеграмму о смерти племянника. Седьмой дом - это дом смерти, и перемещение туда светила, с которым связана судьба литературного функционера, означает гибель Берлиоза, которая и происходит вечером того же дня.

Из книги М. А. Орлова Булгаков взял имя Бегемота, многие детали шабашей разных народов, использованные для Великого бала у Сатаны, некоторые эпизоды биографии Коровьева-Фагота и др. С помощью "Истории сношений человека с дьяволом" разъясняется, например, история с костюмом председателя Зрелищной комиссии Прохора Петровича. Пустым костюм стал после того, как начальника, слишком часто поминавшего чертей, на самом деле взяла к себе нечистая сила в образе кота-оборотня Бегемота. Тем не менее, костюм продолжает сидеть в кабинете и успешно выполнять все функции пропавшего Прохора Петровича: принимать посетителей, накладывать резолюции (которые вернувшийся хозяин впоследствии все одобрил). Этот бюрократический символ напоминает главного героя рассказа Юрия Тынянова (1894-1943) "Подпоручик Киже" (1928) или "резинового Полыхаева", имеющего набор заранее подготовленных резолюций клише, успешно используемых его секретаршей, из романа "Золотой теленок" (1931) Ильи Ильфа (Файнзильберга) (1897-1937) и Евгения Петрова (Катаева) (1903-1942).

Однако у пустого костюма есть еще и зловещие инфернальные корни. В книге Орлова рассказывается об одном немецком дворянине XVI в., который "имел дурную привычку призывать черта во всех затруднительных случаях жизни. Однажды ночью, проезжая в сопровождении своего слуги по пустынной дороге, он вдруг был окружен целою толпою злых духов, которые схватили его и повлекли. Но слуге, человеку весьма благочестивому, стало жалко своего барина, и он, стремясь спасти его от чертей, крепко обнял его, творя молитву. Черти тщетно кричали ему, чтобы он бросил своего барина. Они ничего не могли сделать, и барин-богохульник был, таким образом, спасен своим слугою".

Здесь же приведен случай с одной саксонской девицей, обещавшей своему бедному жениху: "Если я пойду замуж за другого, то пусть меня черт унесет в самый день моей свадьбы". После того как невеста нарушила слово и предпочла бедняку богача, "во время свадебного пира во двор дома въехали двое незнакомых хозяевам всадников. Их приняли, как гостей, ввели в зал, где происходило пиршество. Когда все вышли из-за стола и начали танцевать, хозяева дома попросили одного из этих гостей протанцевать с новобрачной. Он подал ей руку и обвел ее кругом зала. Потом в присутствии родителей, родственников и друзей он с громкими криками схватил ее, вынес во двор и поднялся с нею на воздух. И затем в мгновение ока он исчез из глаз со своею добычею, и в ту же минуту исчезли его спутник и их лошади. Родители, в предположении, что их дочь была брошена где-нибудь оземь, искали ее целый день, чтобы похоронить, но не нашли. А на следующий день к ним явились те же два всадника и отдали им всю одежду и украшения новобрачной, сказав при этом, что Бог предал в их власть только ее тело и душу, а одежду и вещи они должны возвратить. И, сказав это, они вновь исчезли из глаз".

У Булгакова в роли слуги "барина-богохульника" выступает секретарша Прохора Петровича Анна Ричардовна, однако она, сожительствуя с шефом, отнюдь не являет собой образец христианской добродетели. Поэтому секретарше не удается спасти Прохора Петровича от нечистой силы. Председатель Зрелищной комиссии привычно врет Бегемоту, что занят и не может его принять. За ложь, а не только за грубость, наказан булгаковский герой, исчезая на глазах изумленной секретарши-любовницы точно таким же образом, как саксонская невеста, обманувшая бедняка. При этом на одежду и вещи и даже на душу подручный Воланда не покусился, взяв себе (да и то лишь на время) тело Прохора Петровича, падкого до плотских утех.

О визите Азазелло к профессору Кузьмину, истоках колдовства и древних религиях читайте продолжение>>>

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Великий бал у сатаны ~

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11

Великий бал у Сатаны - бал, который в романе "Мастер и Маргарита" дает Воланд в Нехорошей квартире в бесконечно длящуюся полночь пятницы, 3 мая 1929 году.

По воспоминаниям третьей жены писателя Е. С. Булгаковой (в записи В. А. Чеботаревой) в описании Великого бала у Сатаны были использованы впечатления от приема в американском посольстве в Москве 22 апреля 1935 г. Посол США Уильям Буллит (1891-1967) пригласил писателя с женой на это торжественное мероприятие. Об истории создания Великого бала у Сатаны Е. С. Булгакова рассказывала В. А. Чеботаревой:
"Сначала был написан малый бал. Он проходил в спальне Воланда; то есть в комнате Степы Лиходеева. И он мне страшно нравился. Но затем, уже во время болезни (следовательно, не ранее осени 1939 г.) Михаил Афанасьевич написал большой бал. Я долго не соглашалась, что большой бал был лучше малого... И однажды, когда я ушла из дома, он уничтожил рукопись с первым балом. Я это заметила, но ничего не сказала... Михаил Афанасьевич полностью доверял мне, но он был Мастер, он не мог допустить случайности, ошибки, и потому уничтожил тот вариант. А в роскоши большого бала отразился, мне кажется, прием у У. К. Буллита, американского посла в СССР.

Раз в год Буллит давал большие приемы по поводу национального праздника. Приглашались и литераторы. Однажды мы получили такое приглашение. На визитной карточке Буллита чернилами было приписано: "фрак или черный пиджак". Миша мучился, что эта приписка только для него. И я очень старалась за короткое время "создать" фрак. Однако портной не смог найти нужный черный шелк для отделки, и пришлось идти в костюме. Прием был роскошный, особенно запомнился огромный зал, в котором был бассейн и масса экзотических цветов". Этот прием Е. С. Булгакова подробно описала в дневниковой записи 23 апреля 1935 г., характерно назвав его "балом": "Бал у американского посла. М. А. в черном костюме. У меня вечернее платье исчерна-синее с бледно-розовыми цветами. Поехали к двенадцати часам. Все во фраках, было только несколько смокингов и пиджаков.

Афиногенов в пиджаке, почему-то с палкой. Берсенев с Гиацинтовой, Мейерхольд и Райх. Вл. Ив. с Котиком (имеются в виду В. И. Немирович-Данченко (1858-1943) со своим секретарем О. С. Бокшанской (1891-1948), сестрой Е. С. Булгаковой. - Б. С.). Таиров с Коонен. Буденный, Тухачевский, Бухарин в старомодном сюртуке, под руку с женой, тоже старомодной. Радек в каком-то туристском костюме. Бубнов в защитной форме...

В зале с колоннами танцуют, с хор - прожектора разноцветные. За сеткой - птицы - масса - порхают. Оркестр, выписанный из Стокгольма. М. А. пленился больше всего фраком дирижера - до пят.

Ужин в специально пристроенной для этого бала к посольскому особняку столовой, на отдельных столиках. В углах столовой - выгоны небольшие, на них - козлята, овечки, медвежата. По стенкам - клетки с петухами. Часа в три заиграли гармоники и петухи запели. Стиль рюсс. Масса тюльпанов, роз - из Голландии. В верхнем этаже - шашлычная. Красные розы, красное французское вино. Внизу - всюду шампанское, сигареты.

Хотели уехать часа в три, американцы не пустили - и секретари и Файмонвилл (атташе) и Уорд все время были с нами. Около шести мы сели в их посольский кадиллак и поехали домой. Привезли домой громадный букет тюльпанов от Болена (секретаря посольства. - Б. С.)".

Для полуопального литератора, каковым был Булгаков, прием в американском посольстве - событие почти невероятное, сравнимое с балом у сатаны. Советская наглядная пропаганда тех лет часто изображала "американский империализм" в облике дьявола. В Великом бале у Сатаны реальные приметы обстановки резиденции американского посла сочетаются с деталями и образами отчетливо литературного происхождения.

Для того, чтобы вместить Великий бал у Сатаны в Нехорошую квартиру, потребовалось раздвинуть ее до сверхъестественных размеров. Как объясняет Коровьев-Фагот, "тем, кто хорошо знаком с пятым измерением, ничего не стоит раздвинуть помещение до желательных пределов".

Здесь вспоминается роман "Человек-невидимка" (1897) Герберта Уэллса (1866-1946), где главный герой Гриффин рассказывает о своем изобретении, позволяющем достичь невидимости: "Я нашел общий закон пигментов и преломлений света, формулу, геометрическое выражение, включающее четыре измерения. Дураки, обыкновенные люди, даже обыкновенные математики и не подозревают, какое значение может иметь для изучающего молекулярную физику какое-нибудь общее выражение". Булгаков идет дальше английского фантаста, увеличив число измерений с достаточно традиционных четырех (можно вспомнить стереотипное "мир в четвертом измерении") до пяти. В пятом измерении становятся видимыми гигантские залы, где происходит В. б. у с., а сами участники бала, наоборот, невидимы для окружающих людей, в том числе для агентов ОГПУ, дежурящих у дверей Нехорошей квартиры.

Символ розы
"Парижская кровавая свадьба"
Светлая королева Марго
Читайте продолжение>>>

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Булгаковская Москва ~

- Дом Грибоедова
- "Москва 20-х годов"
- "Московские сцены"
- Нехорошая квартира
- "Столица в блокноте"
- Театр Варьете

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Театр Булгакова ~

- "Адам и Ева"
- "Александр Пушкин"
- "Багровый остров", пьеса
- "Батум"
- "Бег"
- "Блаженство"
- "Война и мир"
- "Дни Турбиных"
- "Дон Кихот"
- "Зойкина квартира"
- "Иван Васильевич"
- "Кабала святош"
- "Мёртвые души", инсценировка
- "Минин и Пожарский", либретто оперы
- "Пётр Великий", либретто оперы
- "Полоумный Журден"
- "Рашель", либретто оперы
- "Ревизор"
- "Сыновья Муллы"
- "Чёрное море", либретто оперы

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Родные и близкие ~

- Белозерская Л. Е. (жена)
- Булгаков, Афанасий Иванович (отец)
- Булгаков, Иван Афанасьевич (брат)
- Булгаков, Николай Афанасьевич (брат)
- Булгакова, Варвара Афанасьевна (сестра)
- Булгакова, Варвара Михайловна (мать)
- Булгакова, Вера Афанасьевна (сестра)
- Булгакова, Елена Афанасьевна (сестра)
- Булгакова, Елена Сергеевна (жена)
- Булгакова, Надежда Афанасьевна (сестра)
- Лаппа Т. Н. (жена)

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Философы ~

- Бердяев Н. А.
- Булгаков С. Н.
- Кант И.
- Флоренский П. А.
- Шестов Лев

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Булгаковедение ~

- Булгаковед Л. Паршин: "Я открываю тайны Булгакова…"
- Отец Мастера - *Игорь Лазебник* (1987)

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Рукописи ~

Этот раздел посвящен литературному, публицистическому и философскому творчеству читателей Булгаковской Энциклопедии, вдохновленных бессмертным искусством Михаила Булгакова.

Поделившись произведениями Вашего ума и души с единомышленниками, Вы подниметесь еще на одну ступеньку Лестницы Мастерства. И тогда, возможно, Ваши рукописи тоже не сгорят.

Ваши шедевры всегда готова оценить и дать им дорогу в жизнь и на сайт Булгаковской Энциклопедии главный редактор БЭ Юлия Вишневская.

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Фотогалереи ~

- Дом-музей М. А. Булгакова в Киеве (5 мая 2002 г.)
- Квартира-музей М. А. Булгакова в Москве (21 мая 2002 г.)

Редакция Булгаковской Энциклопедии также ждет Ваши иллюстрации к произведениям Михаила Булгакова, рисунки, фоторепортажи и фотографии в роли булгаковских персонажей. Нам хочется полюбоваться на наших читателей.

Ваше художественное творчество присылайте на адрес главного редактора Булгаковской Энциклопедии - Вишневской Юлии.

Со временем мы надеемся составить целые художественные галереи наших читателей, и, кто знает, может, БЭ станет первой площадкой для начинающего художника, а на фотографии нашего активного посетителя в амплуа булгаковского персонажа остановит свой взгляд прославленный кино- или театральный режиссер.

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ СМИ о БЭ ~

18 декабря 2002
Воланд вновь посетит Москву
Internet.ru Подробнее »

30 января 2002
Сайт дня: Веб-мастер и Маргарита
Нетоскоп Подробнее »

22 января 2002
Булгаковская энциклопедия полностью выложена в Сеть
Lenta.ru Подробнее »

22 января 2002
Первая в Сети Булгаковская энциклопедия
Internet.ru Подробнее »

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Лист рассылки ~

Подписавшись на нашу рассылку, Вы сможете получать последние новости Булгаковской Энциклопедии и всегда быть в курсе событий, происходящих в околобулгаковском мире.

E-mail >>>

Подписаться на рассылку ◉

Отказаться от подписки ○

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Партнеры сайта ~

- Библиотека RIN.ru - Золотой фонд мировой литературы
- Отечественные записки - журнал для медленного чтения
- Lib.Ru - Библиотека Максима Мошкова
- Hippy.ru - Сетевой дом русских хиппи

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Собачье сердце (иллюстрированное) ~

Главы: 1 2 3 4 5 6 7 8 9 Эпилог

У-у-у-у-у-гу-гугу-уу! О, гляньте, гляньте на меня, я погибаю! Вьюга в подворотне ревет мне отходную, и я вою с нею. Пропал я, пропал! Негодяй в грязном колпаке - повар столовой нормального питания служащих Центрального Совета Народного Хозяйства - плеснул в меня кипятком и обварил мне левый бок. Какая гадина, а еще пролетарий! Господи, боже мой, как больно! До костей проело кипяточком. Я теперь вою, вою, вою, да разве воем поможешь?

Чем я ему помешал? Чем? Неужели я обожру Совет Народного Хозяйства, если в помойке пороюсь? Жадная тварь. Вы гляньте когда-нибудь на его рожу: ведь он поперек себя шире. Вор с медной мордой. Ах, люди, люди!

В полдень угостил меня колпак кипятком, а сейчас стемнело, часа четыре приблизительно пополудни, судя по тому, как луком пахнет из пожарной Пречистенской команды. Пожарные ужинают кашей, как вам известно. Но это последнее дело, вроде грибов. Знакомые псы с Пречистенки, впрочем, рассказывали, будто бы на Неглинной в ресторане "Бар" едят дежурное блюдо - грибы, соус пикан, по три рубля семьдесят пять копеек порция. Это дело на любителя - все равно, что калошу лизать... У-у-у-у-у!..

Бок болит нестерпимо, и даль моей карьеры видна мне совершенно отчетливо: завтра появятся язвы, и, спрашивается, чем я их буду лечить? Летом можно смотаться в Сокольники, там есть особенная, очень хорошая трава, и кроме того, наешься бесплатно колбасных головок, бумаги жирной набросают граждане, налижешься. А теперь, зимой, куда же пойдешь? Не били Вас сапогом? Били. Кирпичом по ребрам получали? Кушано достаточно. Все испытал, с судьбою своею мирюсь и плачу сейчас не только от физической боли и холода, а потому что и дух мой уже угасает. Угасает собачий дух!

Вот тело мое, изломанное, битое! Надругались над ним люди достаточно. Ведь главное что - как врезал он кипяточком, под шерсть проело, и защиты, стало быть, для левого бока нет никакой. Я весьма легко могу получить воспаление легких, а получивши его, я, граждане, подохну с голоду. С воспалением легких полагается лежать на парадном ходе под лестницей, а кто же вместо меня, лежащего холостого пса, будет бегать по сорным ящикам в поисках питания? Прохватит легкое, и поползу я на животе, ослабею, и любой спец пришибет меня палкой насмерть. И дворники с бляхами ухватят меня за ноги и выкинут на телегу...

Дворники из всех пролетариев - наигнуснейшая мразь. Человечьи очистки, низшая категория. Повар и тот попадается разный. Например, покойный Влас с Пречистенки. Скольким он жизнь спас! Потому что самое главное во время болезни перехватить кус. И вот, бывало, говорили псы-старожилы, махнет Влас кость, а на ней с осьмушку мяса. Царство ему небесное за то, что был настоящая личность, барский повар графов Толстых, а не из Совета нормального питания. Что они там вытворяют в нормальном питании, ведь уму собачьему непостижимо! Они же, мерзавцы, из вонючей солонины щи варят, а те, бедняги, ничего и не знают. Берут, жрут, лакают.

Иная машинисточка получает по девятому разряду четыре с половиной червонца, ну, правда, любовник ей фильдеперсовые чулочки подарит. Да ведь сколько за этот фильдеперс ей издевательств надо вынести! Прибежит машинисточка, ведь за четыре с половиной червонца в "Бар" не пойдешь. Ей и на кинематограф не хватает, а кинематограф у женщин единственное утешение в жизни.

Дрожит, морщится, а лопает. Подумать только: сорок копеек из двух блюд, а они оба эти блюда, и пятиалтынного не стоят, потому что остальные двадцать пять копеек заведующий хозяйством уворовал. А ей разве такой стол нужен? У нее и верхушка правого легкого не в порядке, и женская болезнь на французской почве, на службе с нее вычли, тухлятинкой в столовой накормили, вон она, вон она!! Бежит в подворотню в любовниковых чулках. Ноги холодные, в живот дует, потому что шерсть на ней нет, а штаны она носит холодные, так, кружевная видимость. Рвань для любовника. Надень-ка она фланелевые, попробуй. Он и заорет: "До чего ты не изящна! Надоела мне моя Матрена, намучился я с фланелевыми штанами, теперь пришло мое времечко. Я теперь председатель, и сколько ни накраду - все, все на женское тело, на раковые шейки, на Абрау-Дюрсо. Потому что наголодался в молодости достаточно, будет с меня, а загробной жизни не существует".

Жаль мне ее, жаль! Но самого себя мне еще больше жаль. Не из эгоизма говорю, о нет, а потому что действительно мы в неравных условиях. Ей-то хоть дома тепло, ну а мне, а мне? Куда пойду? Битый, обваренный, оплеванный, куда же я пойду? У-у-у-у...

- Куть, куть, куть! Шарик, а Шарик? Чего ты скулишь бедняжка? А? Кто тебя обидел?.. Ух...

Ведьма сухая метель загремела воротами и помелом съездила по уху барышню. Юбчонку взбила до колен, обнажила кремовые чулочки и узкую полосочку плохо стиранного кружевного бельишка, задушила слова и замела пса.

- Боже мой!.. Какая погода... Ух... И живот болит. Это солонина, это солонина! И когда все это кончится?

Наклонив голову, бросилась барышня в атаку, прорвалась в ворота, и на улице начало ее вертеть, рвать, раскидывать, потом завинтило снежным винтом, и она пропала.

А пес остался в подворотне и, страдая от изуродованного бока, прижался к холодной массивной стене, задохся и твердо решил, что больше отсюда никуда не пойдет, тут и сдохнет в подворотне. Отчаяние повалило его. На душе у него было до того больно и горько, до того одиноко и страшно, что мелкие собачьи слезы, как пупырышки, вылезали из глаз и тут же засыхали. Испорченный бок торчал свалявшимися промерзшими комьями, а между ними глядели красные зловещие пятна от вара. До чего бессмысленны, тупы и жестоки повара. "Шарик" - она назвала его! Какой он к черту Шарик! Шарик - это значит круглый, упитанный, глупый, овсянку жрет, сын счастливых родителей, а он лохматый, долговязый и рваный, шляйка поджарая, бездомный пес... Впрочем, спасибо ей на добром слове...

Дверь через улицу в ярко освещенном магазине хлопнула, и из нее показался гражданин. Именно гражданин, а не товарищ, и даже вернее всего - господин. Ближе - яснее - господин. Вы думаете, я сужу по пальто? Вздор. Пальто теперь очень многие и из пролетариев носят. Правда, воротники не такие, об этом и говорить нечего, но все же издали можно спутать. А вот по глазам - тут уж и вблизи и издали не спутаешь. О, глаза - значительная вещь. Вроде барометра. Все видно - у кого великая сушь в душе, кто ни за что ни про что может ткнуть носком сапога в ребра, а кто сам всякого боится. Вот последнего холуя именно и приятно бывает тяпнуть за лодыжку. Боишься - получай. Раз боишься - значит стоишь... Р-р-р... гау-гау...

Господин уверенно пересек в столбе метели улицу и двинулся в подворотню. Да, да, у этого все видно. Этот тухлой солонины лопать не станет, а если где-нибудь ему ее и подадут, поднимет такой скандал, в газеты напишет: Меня, Филиппа Филипповича, обкормили!

Вот он, все ближе, ближе. Этот ест обильно и не ворует: этот не станет пинать ногой, но и сам никого не боится, а не боится потому, что вечно сыт. Он умственного труда господин, с культурной остроконечной бородкой и усами седыми, пушистыми и лихими, как у французских рыцарей, но запах по метели от него летит скверный, больницей. И сигарой.

Какого же лешего, спрашивается, носило его в кооператив Центрохоза? Вот он рядом... Чего ищет?.. У-у-у-у... Что он мог покупать в дрянном магазинишке, разве ему мало Охотного ряда? Что такое?! Кол-ба-су. Господин, если бы вы видели, из чего эту колбасу делают, вы бы близко не подошли к магазину. Отдайте ее мне!

Пес собрал остаток сил и в безумии пополз из подворотни на тротуар. Вьюга захлопала из ружья над головой, взметнула громадные буквы полотняного плаката "Возможно ли омоложение?".

- Натурально возможно! Запах омолодил меня, поднял с брюха, жгучими волнами стеснил двое суток пустующий желудок, запах, победивший больницу, райский запах рубленой лошади с чесноком и перцем. Чувствую, знаю, в правом кармане шубы у него колбаса. Он надо мной. О, мой властитель! Глянь на меня, я умираю! Рабская наша душа, подлая доля!

Пес пополз, как змея на брюхе, обливаясь слезами.

- Обратите внимание на поварскую работу. Но ведь вы ни за что не дадите. Ох, знаю я очень хорошо богатых людей! А в сущности, зачем она вам? Для чего вам гнилая лошадь? Нигде кроме такой отравы не получите, как в Моссельпроме. А вы сегодня завтракали, вы величина мирового значения, благодаря мужским половым железам. У-у-у-у.

Что ж это делается на белом свете? Видно помирать-то еще рано, а отчаяние - и подлинно грех. Руки ему лизать - больше ничего не остается.

Загадочный господин наклонился ко псу, сверкнул золотыми ободками глаз и вытащил из правого кармана белый продолговатый сверток. Не снимая коричневых перчаток, размотал бумагу, которой тотчас овладела метель, и отломил кусок колбасы, называемой "Особенная краковская". И псу этот кусок! О, бескорыстная личность. У-у-у!

- Фить-фить, - посвистел господин и добавил строжайшим голосом: - Бери! Шарик, Шарик!

- Опять Шарик. Окрестили! Да называйте, как хотите. За такой исключительный ваш поступок...

Пес мгновенно оборвал кожуру, с всхлипыванием вгрызся в краковскую и сожрал ее в два счета. При этом подавился колбасой и снегом до слез, потому что от жадности едва не заглотал веревочку. Еще, еще! Лижу вам руку. Целую штаны, мой благодетель!

- Будет пока что... - Господин говорил отрывисто, точно командовал. Он наклонился к Шарику, пытливо глянул ему в глаза и неожиданно провел рукой в перчатке интимно и ласково по шарикову животу.

- А-га, самец, - многозначительно молвил он, - ошейника нету, ну, вот и прекрасно, тебя-то мне и надо. Ступай за мной. - Он пощелкал пальцами. - Фить-фить!

- За вами идти? Да на край света. Пинайте меня вашими фетровыми ботинками в рыло, я слова не вымолвлю!

По всей Пречистенке сияли фонари. Бок болел нестерпимо, но Шарик временами забывал о нем, поглощенный одной мыслью, как бы не утратить в сутолоке чудесного видения в шубе и чем-нибудь выразить ему любовь и преданность. И раз семь на протяжении Пречистенки до Обухова переулка он ее выразил. Поцеловал в ботинок у Мертвого переулка, расчищая дорогу, диким воем так напугал какую-то даму, что она села на тумбу, раза два подвыл, чтобы поддержать жалость к себе.

Какой-то сволочной, под сибирского деланный кот-бродяга вынырнул из-за водосточной трубы и, несмотря на вьюгу, учуял краковскую. Шарик света не взвидел при мысли, что богатый чудак, подбирающий раненых псов в подворотне, чего доброго и этого вора прихватит с собой, и придется делиться моссельпромовским изделием. Поэтому на кота он так лязгнул зубами, что тот с шипением, похожим на шипение дырявого шланга, взодрался по трубе до второго этажа. Ф-р-р... гау... вон! Не напасешься Моссельпрома на всякую рвань, шляющуюся по Пречистенке!

Господин оценил преданность и у самой пожарной команды, у окошка, из которого слышалось приятное ворчание волторны, наградил пса вторым куском, поменьше, золотников на пять.

- Эх, чудак. Это он меня подманивает. Не беспокойтесь, я и сам никуда не уйду. За вами буду двигаться, куда ни прикажете.

- Фить-фить-фить! Сюда!

- В Обухов? Сделайте одолжение. Очень хорошо известен нам этот переулок.

- Фить-фить!

- Сюда? С удово... Э, нет! Позвольте. Нет. Тут швейцар. А уж хуже этого ничего нет на свете. Во много раз опаснее дворника. Совершенно ненавистная порода. Гаже котов. Живодер в позументе.

- Да не бойся ты, иди.

- Здравия желаю, Филипп Филиппович.

- Здравствуйте, Федор.

Вот это личность! Боже мой, на кого же ты нанесла меня, собачья моя доля! Что это такое за лицо, которое может псов с улицы мимо швейцара вводить в дом жилищного товарищества? Посмотрите, этот подлец - ни звука, ни движения. Правда, в глазах у него пасмурно, но в общем он равнодушен под околышком с золотыми галунами. Словно так и полагается. Уважает, господи, до чего же уважает! Ну-с, а я с ним и за ним. Что, тронул? Выкуси. Вот бы тяпнуть за пролетарскую мозолистую ногу. За все издевательства вашего брата. Щеткой сколько раз морду уродовал мне, а?

- Иди, иди.

- Понимаем, понимаем, не извольте беспокоится. Куда вы, туда и мы. Вы только дорожку указывайте, а я уж не отстану, несмотря на отчаянный мой бок.

С лестницы вниз:

- Писем мне, Федор, не было?

Снизу на лестницу, почтительно:

- Никак нет, Филипп Филиппович. - Интимно вполголоса вдогонку: - А в третью квартиру жилтоварищей вселили.

Важный песий благотворитель круто обернулся на ступеньке и, перегнувшись через перила, в ужасе спросил:

- Ну-у?

Глаза его округлились, и усы встали дыбом.

Швейцар снизу задрал голову, приладил ладошку к губам и подтвердил:

- Точно так. Целых четыре штуки.

- Бо-же мой! Воображаю, что теперь будет в квартире. Ну и что ж они?

- Да ничего-с!

- А Федор Павлович?

- За ширмами поехали и за кирпичом. Перегородки будут ставить.

- Черт знает, что такое!

- Во все квартиры, Филипп Филиппович, будут вселять, кроме вашей. Сейчас собрание было, постановление вынесли, новое товарищество. А прежних в шею.

- Что делается. Ай-яй-яй. Фить-фить...

- Иду-с, поспешаю. Бок, изволите ли видеть, дает себя знать. Разрешите лизнуть сапожок.

Галун швейцара скрылся внизу. На мраморной площадке повеяло теплом от труб, еще раз повернули, и вот бельэтаж.

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Остальные произведения ~

Произведения

- Мастер и Маргарита
- The Master and Margarita[1997]
- The Master and Margarita[1967]
- Записки юного врача
- Белая гвардия
- Бег
- Собачье сердце
- The Heart of a Dog
- Роковые яйца
- The Fateful Eggs
- Багровый остров
- Театральный роман
- Дьяволиада
- Ханский огонь
- Жизнь господина де Мольера
- Черновики: Черный маг, Копыто инженера
- Мастер и Маргарита (Черновые редакции романа)
- Мастер и Маргарита (переписанные главы)
- Необыкновенные приключения доктора
- Луч жизни

Пьесы

- Зойкина квартира
- Багровый остров
- Блаженство (сон инженера Рейна)
- Кабала святош (Мольер)
- Кабала святош
- Полоумный Журден
- Александр Пушкин
- Александр Пушкин (варианты)
- Батум
- Адам и Ева
- Мертвые души
- Война и мир
- Мертвые души (Киносценарий)
- Иван Васильевич
- Необычайное происшествие, или Ревизор (по Гоголю)
- Последние дни (Пушкин)
- Минин и Пожарский

Рассказы

- Был май
- Псалом
- Праздник с сифилисом
- Киев-Город
- Похождения Чичикова
- Богема
- Воспоминание...
- В кафе
- Грядущие перспективы
- Заметки и миниатюры

Эссе и публицистика

- Статьи, рассказы, наброски
- Столица в блокноте
- Письмо правительству СССР
- Александр Пушкин
- Заметки (ПСС т.2)
- Рассказы, очерки, фельетоны
- Рассказы, очерки, фельетоны 1925-1927гг

Переводы на эсперанто

- "Master i Margarita"

О творчестве Булгакова

- В.Угрюмова.Фиолетовый рыцарь и другие
- В.Лосев. Художественная автобиография Михаила Булгакова
- В.Лосев. Фантастический роман о дьяволе

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Лавка Мастера ~

Борис Соколов. "Булгаковская энциклопедия"

Серия "Русский стиль":
"Мастер и Маргарита"
"Белая гвардия"
"Театральный роман" (Записки покойника)

Серия "Библиотека мировой классики":
"Мастер и Маргарита"
"Белая гвардия"
"Театральный роман"

Коллекционный вариант:
"Роковые яйца". "Собачье сердце"
"Белая гвардия". "Бег"
"Записки покойника"

Отдельные произведения дополнительно:
"Мастер и Маргарита" (аудиокнига)
"Великий канцлер". "Князь тьмы"
"Дневник Мастера и Маргариты", Михаил и Елена Булгаковы

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ А ~

- Абадонна
- "Адам и Ева"
- Азазелло
- "Александр Пушкин"
- Александр Рюхин
- Алоизий Могарыч
  - Алоизий Могарыч - часть 2
- Аркадий Аполлонович Семплеяров
- Арчибальд Арчибальдович
- Афраний
- Ахматова

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Б ~

- "Багровый остров", пьеса
  - "Багровый остров", пьеса - часть 2
- "Багровый остров", фельетон
- Барон Майгель
- "Батум"
- "Бег"
  - "Бег" - часть 2
  - "Бег" - часть 3
  - "Бег" - часть 4
  - "Бег" - часть 5
  - "Бег" - часть 6
  - "Бег" - часть 7
- Бегемот
- Бездомный Иван
  - Бездомный Иван - часть 2
- "Белая гвардия"
  - "Белая гвардия" - часть 2
  - "Белая гвардия" - часть 3
  - "Белая гвардия" - часть 4
  - "Белая гвардия" - часть 5
  - "Белая гвардия" - часть 6
  - "Белая гвардия" - часть 7
- Белозерская
  - Белозерская - часть 2
- Белый А.
  - Белый А. - часть 2
  - Белый А. - часть 3
  - Белый А. - часть 4
  - Белый А. - часть 5
  - Белый А. - часть 6
  - Белый А. - часть 7
  - Белый А. - часть 8
- "Бенефис лорда Керзона"
- Бердяев Н. А.
  - Бердяев Н. А. - часть 2
- Берлиоз Михаил Александрович
  - Берлиоз Михаил Александрович - часть 2
- "Блаженство"
  - "Блаженство" - часть 2
- "Богема"
- Босой Никанор Иванович
- Булгаков, Афанасий Иванович
  - Булгаков, Афанасий Иванович - часть 2
- Булгаков, Иван Афанасьевич
- Булгаков, Николай Афанасьевич
- Булгаков, Сергей Николаевич
  - Булгаков, Сергей Николаевич - часть 2
- Булгакова, Варвара Афанасьевна
- Булгакова, Варвара Михайловна
- Булгакова, Вера Афанасьевна
- Булгакова, Елена Афанасьевна
- Булгакова, Елена Сергеевна
- Булгакова, Надежда Афанасьевна
- Бухарин Н. И.
  - Бухарин Н. И. - часть 2
- "Был май"
  - "Был май" - часть 2

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ В ~

- "В кафэ"
- "В ночь на 3-е число"
- "В часы смерти"
- Великий бал у сатаны
  - Великий бал у сатаны - часть 2
  - Великий бал у сатаны - часть 3
  - Великий бал у сатаны - часть 4
  - Великий бал у сатаны - часть 5
  - Великий бал у сатаны - часть 6
  - Великий бал у сатаны - часть 7
  - Великий бал у сатаны - часть 8
  - Великий бал у сатаны - часть 9
  - Великий бал у сатаны - часть 10
  - Великий бал у сатаны - часть 11
- "Война и мир"
- Воланд
  - Воланд - часть 2
  - Воланд - часть 3
  - Воланд - часть 4
  - Воланд - часть 5
  - Воланд - часть 6
  - Воланд - часть 7
  - Воланд - часть 8
  - Воланд - часть 9
- "Воспоминание..."
- "Вьюга"

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Г ~

- Гелла
- "Грядущие перспективы"

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Д ~

- "Дань восхищения"
- Демонология
  - Демонология - часть 2
  - Демонология - часть 3
  - Демонология - часть 4
  - Демонология - часть 5
- "День нашей жизни"
- "Дни Турбиных"
- Дом Грибоедова
  - Дом Грибоедова - часть 2
- "Дон Кихот"
- "Дьяволиада"

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Е ~

- "Египетская мумия"

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Ж ~

- Жорж Бенгальский

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ 3 ~

- "Записки на манжетах"
- "Записки юного врача"
- "Звёздная сыпь"
- "Зойкина квартира"
- "Золотистый город"

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ И ~

- Иван Бездомный
  - Иван Бездомный - часть 2
- "Иван Васильевич"
- Иешуа Га-Ноцри
- Иосиф Каифа
- Иуда из Кариафа
  - Иуда из Кариафа - часть 2

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ К ~

- "Кабала святош"
  - "Кабала святош" - часть 2
- Кант
- "Киев-город"
- "Китайская история"
- "Комаровское дело"
- Коровьев-Фагот
  - Коровьев-Фагот - часть 2
  - Коровьев-Фагот - часть 3
- "Красная корона"
- "Крещение поворотом"
- "Курс истории СССР"

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Л ~

- Лаппа
- Левий Матвей
- Ленин
  - Ленин - часть 2
- "Лестница в рай"
- Лиходеев Степан Богданович
- Лямин Н. Н.

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ М ~

- Маргарита
- Масонство
  - Масонство - часть 2
  - Масонство - часть 3
  - Масонство - часть 4
  - Масонство - часть 5
  - Масонство - часть 6
  - Масонство - часть 7
- Мастер
  - Мастер - часть 2
  - Мастер - часть 3
  - Мастер - часть 4
  - Мастер - часть 5
  - Мастер - часть 6
  - Мастер - часть 7
  - Мастер - часть 8
  - Мастер - часть 9
  - Мастер - часть 10
- "Мастер и Маргарита"
  - "Мастер и Маргарита" - часть 2
  - "Мастер и Маргарита" - часть 3
  - "Мастер и Маргарита" - часть 4
  - "Мастер и Маргарита" - часть 5
  - "Мастер и Маргарита" - часть 6
  - "Мастер и Маргарита" - часть 7
  - "Мастер и Маргарита" - часть 8
  - "Мастер и Маргарита" - часть 9
  - "Мастер и Маргарита" - часть 10
  - "Мастер и Маргарита" - часть 11
  - "Мастер и Маргарита" - часть 12
  - "Мастер и Маргарита" - часть 13
- Мейринк Густав
  - Мейринк Густав - часть 2
- "Мёртвые души", инсценировка
- "Мёртвые души", киносценарий
- "Минин и Пожарский"
- Михаил Александрович Берлиоз
  - Михаил Александрович Берлиоз - часть 2
- "Мольер"
  - "Мольер" - часть 2
  - "Мольер" - часть 3
  - "Мольер" - часть 4
- "Морфий"
- "Москва 20-х годов"
- "Московские сцены"

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Н ~

- "Налёт"
- "Неделя просвещения"
- "Необыкновенные приключения доктора"
- Нехорошая квартира
- Никанор Иванович Босой
- "№13. - Дом Эльпит-Рабкоммуна"

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ П ~

- Петлюра
- "Пётр Великий"
- "Под пятой"
  - "Под пятой" - часть 2
  - "Под пятой" - часть 3
- "Полотенце с петухом"
- "Полоумный Журден"
- Понтий Пилат
  - Понтий Пилат - часть 2
  - Понтий Пилат - часть 3
  - Понтий Пилат - часть 4
- Попов П. С.
- "Похождения Чичикова"
- "Пропавший глаз"
- "Псалом"
- "Путешествие по Крыму"

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Р ~

- "Рабочий город-сад"
- "Рашель"
- "Ревизор"
- "Роковые яйца"
  - "Роковые яйца" - часть 2
  - "Роковые яйца" - часть 3
- Рюхин Александр

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ С ~

- Салтыков-Щедрин М. Е.
- "Самогонное озеро"
- "Самоцветный быт"
- Семплеяров Аркадий Аполлонович
- Сенкевич Генрик
- Слащёв Я. А.
  - Слащёв Я. А. - часть 2
- "Собачье сердце"
  - "Собачье сердце" - часть 2
  - "Собачье сердце" - часть 3
  - "Собачье сердце" - часть 4
  - "Собачье сердце" - часть 5
- Соков
- "Сорок сороков"
- "Спиритический сеанс"
- Сталин
  - Сталин - часть 2
  - Сталин - часть 3
  - Сталин - часть 4
  - Сталин - часть 5
  - Сталин - часть 6
  - Сталин - часть 7
- "Стальное горло"
- Степан Богданович Лиходеев
- "Столица в блокноте"
- Стравинский
- "Сыновья Муллы"

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Т ~

- "Тайному другу"
- Театр Варьете
- "Театральный роман"
- "Торговый ренессанс"
- Троцкий Л. Д.
  - Троцкий Л. Д. - часть 2
- "Тьма египетская"

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Ф ~

- Фагот
  - Фагот - часть 2
  - Фагот - часть 3
- Флоренский П. А.
  - Флоренский П. А. - часть 2
  - Флоренский П. А. - часть 3
  - Флоренский П. А. - часть 4
- Фрида

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ X ~

- "Ханский огонь"
- Христианство
  - Христианство - часть 2
  - Христианство - часть 3
  - Христианство - часть 4
  - Христианство - часть 5
  - Христианство - часть 6

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Ч ~

- "Часы жизни и смерти"
- "Чаша жизни"
- "Чёрное море"

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ III ~

- "Шансон Д`Этэ"
- Шестов Лев
  - Шестов Лев - часть 2

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Ю ~

- "Юрий Слезкин (силуэт)"
  - "Юрий Слезкин (силуэт)" - часть 2

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Я ~

- "Я убил"

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

А

- Абадонна
- "Адам и Ева"
- Азазелло
- "Александр Пушкин"
- Александр Рюхин
- Алоизий Могарыч
  - Алоизий Могарыч - часть 2
- Аркадий Аполлонович Семплеяров
- Арчибальд Арчибальдович
- Афраний
- Ахматова

Б

- "Багровый остров", пьеса
  - "Багровый остров", пьеса - часть 2
- "Багровый остров", фельетон
- Барон Майгель
- "Батум"
- "Бег"
  - "Бег" - часть 2
  - "Бег" - часть 3
  - "Бег" - часть 4
  - "Бег" - часть 5
  - "Бег" - часть 6
  - "Бег" - часть 7
- Бегемот
- Бездомный Иван
  - Бездомный Иван - часть 2
- "Белая гвардия"
  - "Белая гвардия" - часть 2
  - "Белая гвардия" - часть 3
  - "Белая гвардия" - часть 4
  - "Белая гвардия" - часть 5
  - "Белая гвардия" - часть 6
  - "Белая гвардия" - часть 7
- Белозерская
  - Белозерская - часть 2
- Белый А.
  - Белый А. - часть 2
  - Белый А. - часть 3
  - Белый А. - часть 4
  - Белый А. - часть 5
  - Белый А. - часть 6
  - Белый А. - часть 7
  - Белый А. - часть 8
- "Бенефис лорда Керзона"
- Бердяев Н. А.
  - Бердяев Н. А. - часть 2
- Берлиоз Михаил Александрович
  - Берлиоз Михаил Александрович - часть 2
- "Блаженство"

    - "Блаженство" - часть 2
- "Богема"
- Босой Никанор Иванович
- Булгаков, Афанасий Иванович
    - Булгаков, Афанасий Иванович - часть 2
- Булгаков, Иван Афанасьевич
- Булгаков, Николай Афанасьевич
- Булгаков, Сергей Николаевич
    - Булгаков, Сергей Николаевич - часть 2
- Булгакова, Варвара Афанасьевна
- Булгакова, Варвара Михайловна
- Булгакова, Вера Афанасьевна
- Булгакова, Елена Афанасьевна
- Булгакова, Елена Сергеевна
- Булгакова, Надежда Афанасьевна
- Бухарин Н. И.
    - Бухарин Н. И. - часть 2
- "Был май"
    - "Был май" - часть 2

В

- "В кафэ"
- "В ночь на 3-е число"
- "В часы смерти"
- Великий бал у сатаны
    - Великий бал у сатаны - часть 2
    - Великий бал у сатаны - часть 3
    - Великий бал у сатаны - часть 4
    - Великий бал у сатаны - часть 5
    - Великий бал у сатаны - часть 6
    - Великий бал у сатаны - часть 7
    - Великий бал у сатаны - часть 8
    - Великий бал у сатаны - часть 9
    - Великий бал у сатаны - часть 10
    - Великий бал у сатаны - часть 11
- "Война и мир"
- Воланд
    - Воланд - часть 2
    - Воланд - часть 3
    - Воланд - часть 4
    - Воланд - часть 5
    - Воланд - часть 6
    - Воланд - часть 7
    - Воланд - часть 8
    - Воланд - часть 9
- "Воспоминание..."
- "Вьюга"

Г

- Гелла
- "Грядущие перспективы"

Д

- "Дань восхищения"
- Демонология
    - Демонология - часть 2
    - Демонология - часть 3
    - Демонология - часть 4
    - Демонология - часть 5
- "День нашей жизни"
- "Дни Турбиных"
- Дом Грибоедова
    - Дом Грибоедова - часть 2

- "Дон Кихот"
- "Дьяволиада"

Е

- "Египетская мумия"

Ж

- Жорж Бенгальский

З

- "Записки на манжетах"
- "Записки юного врача"
- "Звёздная сыпь"
- "Зойкина квартира"
- "Золотистый город"

И

- Иван Бездомный
- "Иван Васильевич"
- Иешуа Га-Ноцри
- Иосиф Каифа
- Иуда из Кариафа
    - Иуда из Кариафа - часть 2

К

- "Кабала святош"
    - "Кабала святош" - часть 2
- Кант
- "Киев-город"
- "Китайская история"
- "Комаровское дело"
- Коровьев-Фагот
    - Коровьев-Фагот - часть 2
    - Коровьев-Фагот - часть 3
- "Красная корона"
- "Крещение поворотом"
- "Курс истории СССР"

Л

- Лаппа
- Левий Матвей
- Ленин
    - Ленин - часть 2
- "Лестница в рай"
- Лиходеев Степан Богданович
- Лямин Н. Н.

М

- Маргарита
- Масонство
    - Масонство - часть 2
    - Масонство - часть 3
    - Масонство - часть 4
    - Масонство - часть 5
    - Масонство - часть 6
    - Масонство - часть 7
- Мастер
    - Мастер - часть 2

    - Мастер - часть 3
    - Мастер - часть 4
    - Мастер - часть 5
    - Мастер - часть 6
    - Мастер - часть 7
    - Мастер - часть 8
    - Мастер - часть 9
    - Мастер - часть 10
- "Мастер и Маргарита"
    - "Мастер и Маргарита" - часть 2
    - "Мастер и Маргарита" - часть 3
    - "Мастер и Маргарита" - часть 4
    - "Мастер и Маргарита" - часть 5
    - "Мастер и Маргарита" - часть 6
    - "Мастер и Маргарита" - часть 7
    - "Мастер и Маргарита" - часть 8
    - "Мастер и Маргарита" - часть 9
    - "Мастер и Маргарита" - часть 10
    - "Мастер и Маргарита" - часть 11
    - "Мастер и Маргарита" - часть 12
    - "Мастер и Маргарита" - часть 13
- Мейринк Густав
    - Мейринк Густав - часть 2
- "Мёртвые души", инсценировка
- "Мёртвые души", киносценарий
- "Минин и Пожарский"
- Михаил Александрович Берлиоз
- "Мольер"
    - "Мольер" - часть 2
    - "Мольер" - часть 3
    - "Мольер" - часть 4
- "Морфий"
- "Москва 20-х годов"
- "Московские сцены"

Н

- "Налёт"
- "Неделя просвещения"
- "Необыкновенные приключения доктора"
- Нехорошая квартира
- Никанор Иванович Босой
- "№13. - Дом Эльпит-Рабкоммуна"

П

- Петлюра
- "Пётр Великий"
- "Под пятой"
    - "Под пятой" - часть 2
    - "Под пятой" - часть 3
- "Полотенце с петухом"
- "Полоумный Журден"
- Понтий Пилат
    - Понтий Пилат - часть 2
    - Понтий Пилат - часть 3
    - Понтий Пилат - часть 4
- Попов П. С.
- "Похождения Чичикова"
- "Пропавший глаз"
- "Псалом"
- "Путешествие по Крыму"

Р

- "Рабочий город-сад"

- "Рашель"
- "Ревизор"
- "Роковые яйца"
  - "Роковые яйца" - часть 2
  - "Роковые яйца" - часть 3
- Рюхин Александр

С

- Салтыков-Щедрин М. Е.
- "Самогонное озеро"
- "Самоцветный быт"
- Семплеяров Аркадий Аполлонович
- Сенкевич Генрик
- Слащёв Я. А.
  - Слащёв Я. А. - часть 2
- "Собачье сердце"
  - "Собачье сердце" - часть 2
  - "Собачье сердце" - часть 3
  - "Собачье сердце" - часть 4
  - "Собачье сердце" - часть 5
- Соков
- "Сорок сороков"
- "Спиритический сеанс"
- Сталин
  - Сталин - часть 2
  - Сталин - часть 3
  - Сталин - часть 4
  - Сталин - часть 5
  - Сталин - часть 6
  - Сталин - часть 7
- "Стальное горло"
- Степан Богданович Лиходеев
- "Столица в блокноте"
- Стравинский
- "Сыновья Муллы"

Т

- "Тайному другу"
- Театр Варьете
- "Театральный роман"
- "Торговый ренессанс"
- Троцкий Л. Д.
  - Троцкий Л. Д. - часть 2
- "Тьма египетская"

Ф

- Фагот
- Флоренский П. А.
  - Флоренский П. А. - часть 2
  - Флоренский П. А. - часть 3
  - Флоренский П. А. - часть 4
- Фрида

Х

- "Ханский огонь"
- Христианство
  - Христианство - часть 2
  - Христианство - часть 3
  - Христианство - часть 4
  - Христианство - часть 5
  - Христианство - часть 6

Ч

- "Часы жизни и смерти"
- "Чаша жизни"
- "Чёрное море"

Ш

- "Шансон Д`Этэ"
- Шестов Лев
  - Шестов Лев - часть 2

Ю

- "Юрий Слезкин (силуэт)"
  - "Юрий Слезкин (силуэт)" - часть 2

Я

- "Я убил"

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Абадонна ~

Абадонна - персонаж романа "Мастер и Маргарита", демон войны.

Своим именем он, очевидно, обязан повести писателя и историка Н. А. Полевого (1896-1946) "Абадонна" и особенно стихотворению поэта Василия Жуковского (1783-1852) "Аббадона" (1815), представляющему собой вольный перевод эпилога поэмы немецкого романтика Фридриха Готлиба Клопштока (1724-1803) "Мессиада" (1751-1773).

Герой стихотворения Жуковского - ветхозаветный падший ангел, возглавивший восстание ангелов против Бога и в наказание сброшенный на землю. Аббадона, обреченный на бессмертие, напрасно ищет гибели: "Вдруг налетела на солнце заблудшая в бездне планета; час ей настал разрушенья... она уж дымилась и рдела... К ней полетел Аббадона, разрушиться вкупе надеясь... Дымом она разлетелась, но, ах!.. не погиб Аббадона!"

В "Мастере и Маргарите" разлетевшаяся дымом планета превратилась в хрустальный глобус Воланда, где гибнут люди и дымятся поражаемые бомбами и снарядами дома, а Аббадона беспристрастно наблюдает, чтобы страдания для обеих воюющих сторон были одинаковыми. Здесь сказалась антивоенная позиция Булгакова, выраженная еще в рассказе "Необыкновенные приключения доктора" (1922) и основанная на его опыте военного врача первой мировой и гражданской войн.

Война, развязанная Аббадоной и предстающая взору Маргариты, - это вполне конкретная война. На глобусе Воланда "кусок земли, бок которого моет океан", ставший театром военных действий, представляет собой Пиренейский полуостров. Здесь расположена Испания, где в 1936-1939 гг. происходила кровопролитная гражданская война.

Впервые эпизод с Аббадоной и глобусом появился в варианте 1937 г., когда война в Испании неизменно присутствовала в кинохронике и выпусках новостей по радио (Воланд как раз сетует на невнятные голоса радиодикторов, для чего и завел себе хрустальный глобус - прообраз телевизора, только живого).

К событиям в Испании Булгаков проявлял постоянный интерес, и с ними связана одна из его последних газетных публикаций. 26 декабря 1936 г. "Литературная газета" напечатала несколько писем советских писателей в связи с потоплением неизвестной подводной лодкой торгового судна "Комсомолец", шедшего в Испанию.

Было здесь и булгаковское письмо, в котором автор "Мастера и Маргариты" присоединял свой голос к тем, кто высказывался за направление в испанские воды эскадры (вопрос насчет эскадры был поставлен редакцией): "Советские военные корабли сумеют и отконвоировать торговые суда, и внушить уважение к флагу Союза, а, в случае крайности, напомнить, насколько глубоки и опасны воды, в которых плавают поджигатели войны". При этом Булгаков заметил, что, "по моему глубокому убеждению, слова возмущения здесь ничем не помогут".

Хотя письмо и его содержание во многом были заданы заранее, нет оснований сомневаться, что здесь отразились и собственные убеждения писателя: войны можно прекратить не словами возмущения, а применением силы против агрессора. Вероятно, здесь лежит разгадка, почему Воланд относится бесстрастно к результатам работы Аббадоны и не разделяет негодования Маргариты ужасными последствиями войны, в частности, гибелью невинных младенцев. Он внушает героине, что слова в данном случае бесполезны. Ведь Аббадона слеп, он всегда в черных очках и не может оказывать предпочтение никому из участников войны.

Свои очки Аббадона снимает только однажды - во время убийства Барона Майгеля - именно этого предателя надо было уничтожить, поскольку он угрожал погубить весь мир Воланда и выступал чрезвычайно удачливым конкурентом сатаны на дьявольском поприще.

Имя Абадонна восходит к древнееврейскому Аваддон. Так зовут ангела Апокалипсиса. Он упоминается в романе "Белая гвардия", где пациент Алексея Турбина, больной сифилисом и начитавшийся Откровения Иоанна Богослова поэт Русаков связывает этого ангела с военным вождем большевиков Л. Д. Троцким, имя которого будто бы "по-еврейски Аваддон, а по-гречески Аполлион, что значит губитель".

Дословно Аваддон переводится, как "прекращение бытия". Не исключено, что из этой, возникшей в "Белой гвардии", связи главы Красной Армии с Аваддоном, родилась мысль в "Мастере и Маргарите" назвать Абадонной демона войны. Портрет Аббадоны в чем-то подсказан внешностью Троцкого, поскольку Аббадона - худой человек в очках, и его работа столь же безукоризненна, как и деятельность Троцкого на посту главы военного ведомства. Оба они равнодушны к жертвам войны.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Необыкновенные приключения доктора"

"Необыкновенные приключения доктора" - рассказ. Опубликован: Рупор, М., 1922, №2.

Главный герой рассказа, доктор N, явно автобиографичен. Н. п. д. основаны на событиях жизни Булгакова в период с конца 1918 г. до начала 1920 г. Это - единственное произведение, где писатель признает факт мобилизации близкого себе по жизненным обстоятельствам героя не только в гетманскую и петлюровскую, но также и в красную, и в белую армии.

Мобилизация героя красными отражена в следующих словах, относящихся к периоду пребывания в городе (Киеве) большевиков: "Меня уплотнили... И мобилизовали". Версия о службе самого Булгакова в Красной Армии находит подтверждение в признании, что он присутствовал в Киеве во время 10 из 14 бывших в городе переворотов (подробнее см.: "Киев-город").

Обстоятельства, при которых герой Н. п. д. оказался в деникинской армии, позволяют предположить, что он был захвачен в плен во время неудачного наступления на Киев Красной Армии 14-16 октября 1919 г. В рассказе об этом только три отрывочные фразы: "Артиллерийская подготовка и сапоги" и "Кончено. Меня увозят... Из пушек... и...".

Далее следует главка "Ханкальское ущелье". Здесь доктор в качестве начальника медицинской службы 3-го Терского казачьего полка присутствует при взятии белыми Чечен-аула, где укрепились чеченцы - сторонники имама Узуна-Хаджи (1819-1920) и красные партизаны. То, что сам Булгаков непосредственно участвовал в этом бою, доказывается точностью деталей боевых действий и перечнем частей, участвовавших в сражении.

Уже после смерти Булгакова историки по газетам того времени установили, что в сражении за Чечен-аул действительно участвовали все названные в Н. п. д. части: 1-й Кизляро-Гребенский и 3-й Терский казачий (этот последний в сентябре-октябре 1919 г., возможно, был в Киеве) полки и 1-й Волжский гусарский полк, а также три батареи кубанской пехоты.

Булгаков сознательно сдвинул хронологию событий, отнеся в Н. п. д. бой за Чечен-аул к сентябрю, тогда как он разыгрался 28-29 (15-16 по ст. ст.) октября 1919 г. Таким образом писатель стремился сбить с толку тех, кто попытался бы связать текст рассказа с судьбою автора и инкриминировать ему службу в белой армии.

Дневниковая запись Булгакова в ночь с 23 на 24 декабря 1924 г. фиксирует его воспоминание о встрече со смертельно раненым в живот полковником, происшедшей "в ноябре 19-го года во время похода за Шали-аул", причем спустя полчаса после гибели полковника автора Н. п. д. контузило. Шали-аул был взят белыми войсками уже после Чечен-аула, 2 ноября, а по н. ст. - 15 ноября, и поход за Шали-аул отряд, в составе которого находился Булгаков, совершил в ноябре. Это доказывает, что автор Н. п. д. прекрасно помнил, когда именно происходили те или иные события, связанные с его службой у белых. Скорее всего, в рассказе смещено и время его мобилизации красными: более вероятно, что это был не конец февраля, а конец августа 1919 г. (см.: "Киев-город").

В последующем Булгакову пришлось скрывать не столько саму по себе службу у белых, сколько факт перехода от красных к белым. Подобное могли простить лояльным литераторам вроде Валентина Катаева (1897-1986) или Эдуарда Багрицкого (Дзюбина) (1895-1934), которые в ходе гражданской войны неоднократно служили и в красной, и в белой армиях (Багрицкий, по утверждению жены писателя Ивана Бунина (1870-1953) В. Н. Муромцевой (1881-1961) - даже в деникинской контрразведке).

Булгакову, который, по словам враждебной критики, не рядился "даже в попутнические тона", такое не простили бы. Поэтому автор Н. п. д. скрывал свое медицинское образование, особо подчеркивал в рассказе, что это не его собственные воспоминания, а записки друга, который то ли погиб во время Новороссийской эвакуации армии генерала А. И. Деникина (1872-1947) в марте 1920 г., то ли благополучно эмигрировал в Буэнос-Айрес.

Булгаков особо предупреждал сестру Надю (в письме от 26 апреля 1921 г.) не вести с его владикавказской знакомой актрисой О. А. Мишон никаких разговоров на медицинские темы и внушить ей, что до того как заняться журналистикой, он окончил не медицинский, а естественный факультет. Писатель опасался, что его врачебное прошлое может вскрыть службу в Красной Армии. Возможно, из-за этих же соображений он не вернулся более к медицине и переехал с Кавказа не в Киев, а в Москву.

В Н. п. д. Булгаков заявил решительную антивоенную позицию, к которой привел его опыт первой мировой и гражданской войн: "Проклятие войнам отныне и вовеки!".

Некоторые кавказские впечатления, зафиксированные в Н. п. д., отразились позднее в романе "Мастер и Маргарита". Так, в рассказе мы находим портрет убитого и ограбленного казаками чеченца: "У края брошенной заросшей дороги лежит чеченец. Руки разбросал крестом. Голова закинута. Лохмотья черной черкески. Ноги голые". Тут можно вспомнить распятие Иешуа Га-Ноцри и двух разбойников, от чьих лохмотьев отказались палачи. Убитый чеченец лежит в позе распятого, и его труп густо облепили изумрудные мухи, как и тела живых еще Га-Ноцри, Гестаса и Дисмаса.

Герой Н. п. д. наводит цейсовский бинокль на близлежащую гору и видит странную картину: "...Цейс галлюцинирует! Холм, а на холме, на самой вершине - венский стул! Пустыня! Кто же на гору затащил стул? Зачем?" В "Мастере и Маргарите" подобным образом описано последнее пристанище Понтия Пилата: "Воланд осадил своего коня на каменистой безрадостной плоской вершине... Луна заливала площадку зелено и ярко, и Маргарита скоро разглядела в пустынной местности кресло и в нем белую фигуру сидящего человека".

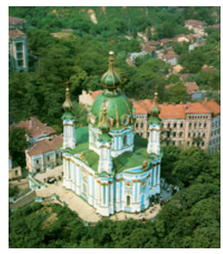
Не исключено, что здесь запечатлена знаменитая Столовая гора, у подножья которой расположен Владикавказ.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций
Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы
Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи
Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта
Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

"Киев-город"



"Киев-город" - фельетон. Опубликован: Накануне, Берлин - М., 1923 г., 6 июля.

Материалами для фельетона послужили воспоминания Булгакова о событиях 1917-1919 гг. в родном городе и впечатления от поездки в Киев по командировке от газеты "Накануне" в период с 21 апреля по 10 мая 1923 г.

Слова фельетона о том, что всего в Киеве в революцию и гражданскую войну переворотов "было 14, причем 10 из них я лично пережил", помогают реконструировать биографию Булгакова этого периода. 14 переворотов в Киеве это: 1) Февральская революция 1917 г.; 2) взятие власти в городе украинской Центральной Радой (Центральным Советом) в конце октября - начале ноября 1917 г.; 3) захват Киева частями Красной гвардии, вытеснившими из города войска Центральной Рады 26 января 1918 г.; 4) возвращение в город Центральной Рады при поддержке австро-германских войск 1 марта 1918 г.; 5) свержение правительства Центральной Рады германскими войсками и провозглашение на созванном в киевском цирке 29 апреля 1918 г. Съезде хлеборобов гетманом Украины П. П. Скоропадского(1873-1945), бывшего генерал-лейтенанта царской службы и бывшего командующего войсками Центральной Рады; 6) свержение П. П. Скоропадского и взятие Киева 14 декабря 1918 г. войсками Украинской Народной Республики под командованием головного атамана и руководителя Украинской Директории (правительственного органа) С. В. Петлюры; 7) занятие Киева войсками Красной Армии 5 февраля 1919г. (украинские войска оставили город накануне, 3 февраля); 8) вступление в Киев утром 31 августа 1919г. украинских войск (красные оставили город 30 августа); 9) вступление в город войск белой Добровольческой армии Вооруженных Сил Юга России генерала А. И. Деникина (1872-1947) (войсками, занявшими Киев, командовал генерал Н. Э. Бредов) и отступление из Киева украинских войск во второй половине дня 31 августа 1919 г.; 10) взятие города Красной Армией 14 октября 1919 г.; 11) отступление из Киева красных 16 октября 1919 г. и возвращение в город добровольческих войск; 12) занятие Киева красными 14 декабря 1919 г.; 13) вступление в город украинских и польских войск 7 мая 1920 г.; 14) занятие Киева Красной Армией 12 июня 1920 г.

Если 1-м явлением "киевской драмы" считать "беспечальное" дореволюционное состояние города, то захват города поляками и петлюровцами 7 мая 1920 г. действительно будет, как это и указано в фельетоне, последним XIV-м явлением перед установлением современного состояния (Status praesens) Киева, оказавшегося в конце концов под властью большевиков.

Булгаков не был в городе только во время четырех переворотов - осенью 1917 г., когда работал земским врачом в городской больнице Вязьмы; 14 декабря 1919 г., когда вместе с белой армией находился на Северном Кавказе; там он оставался и в 1920 г., уже при Советской власти, во время двух последних киевских переворотов, 7 мая и 12 июня.

Польские и украинские войска оставили Киев из-за прорыва фронта 1-й Конной армией под командованием С. М. Буденного (1883-1973), почему в К.-г. упоминается, что "советская конница грубо и буденно заехала куда-то, куда не нужно, и паны в течение нескольких часов оставили заколдованный город".

Булгаков приехал в Киев вскоре после того, как 2 марта 1917 г. в Киев поступила телеграмма депутата Государственной Думы от фракции прогрессистов А. А. Бубликова об отречении от престола Николая II. Эта телеграмма в К.-г. выступает как знак окончания прежних беспечальных времен. Кстати, Бубликов был не только железнодорожным инженером, но и членом масонской организации, а к Масонству Булгаков питал пристальный интерес.

Писатель наблюдал начавшиеся революционные события в городе и 7 марта забрал в канцелярии университета свой диплом с отличием и прочие документы. В феврале 1918 г. он вернулся в Киев в первые дни восстановления Советской власти и одновременно незадолго до оставления города красными. Так как в 1918 г. в Советской России произошла смена юлианского и григорианского календаря (старого и нового стиля), то после 31 января сразу наступило 14 февраля.

События, связанные со своим вступлением в офицерско-юнкерский отряд 14 декабря 1918 г. и мобилизацией в петлюровскую армию в ночь со 2-го на 3-е февраля 1919 г. Булгаков описал в романе "Белая гвардия" и в рассказах "В ночь на 3-е число" и "Необыкновенные приключения доктора".

Позднее, во второй половине 20-х годов, Булгаков сообщил своему другу П. С. Попову: "Жил в Киеве с февраля 1918 года по август 1919 года". Учитывая эту датировку и счет киевских переворотов, можно предположить, что в конце августа 1919 г. Булгаков как врач был мобилизован красными и ушел из Киева. Факт мобилизации автобиографического главного героя в Красную Армию зафиксирован в рассказе "Необыкновенные приключения доктора".

Не исключено, что Булгаков был даже рад предоставившейся возможности отступить из города вместе с красными. Он опасался репрессий со стороны петлюровцев за дезертирство из украинской армии в начале февраля 1919 г. Именно украинские войска выбили большевиков из Киева и первыми вступили в город утром 31 августа 1919 г. То, что их заставят уйти из города белые добровольческие части генерала Бредова, Булгаков, как и другие киевляне, заранее предположить не мог.

14 октября 1919 г. он вместе с советскими войсками вернулся в Киев и, либо попал в плен в ходе неудачных для красных боев (на это есть намек в "Необыкновенных приключениях доктора"), либо добровольно перешел на сторону белых. После этого автор К.-г. отбыл в качестве начальника медицинской службы (околотка) 3-го Терского казачьего полка на Северный Кавказ и больше на постоянное жительство в Киев не возвращался, опасаясь репрессий за то, что после службы в Красной Армии оказался в рядах деникинских войск.

В К.-г. Булгаков еще сохранял надежды, что с нэпом возможно возвращение к какой-то цивилизованной жизни. Этой надежды уже нет в его дневниковых записях 1924-1925 гг. и позднейших произведениях. В фельетоне же писатель еще слышит "трепет новой жизни", еще питает надежды на возрождение "царственного" города. С этим связан и важный мотив покоя "после страшных громыхающих лет", получивший свое завершение в романе "Мастер и Маргарита". Пока для Булгакова свет и покой не противопоставляются друг другу, как в последнем "закатном" романе.

В К.-г. Булгаков пишет: "Днем, в ярком солнце, в дивных парках над обрывами - великий покой... В садах большой покой. В Царском светлая тишина. Будят ее только птичьи переклики да изредка доносящиеся из города звонки киевского коммунального трамвая". Идиллия светлого покоя в К.-г. нарушается описанием следов разрухи - сожженного на дрова воздушного моста, обугленного скелета здания и даже отсутствием скамеек в парке.

В фельетоне заметно влияние ритмизованной прозы романа "Петербург" А. Белого: "Как будто шевелятся тени, как будто шорох из земли"; "Сторожа жгут кучи прошлогодних листьев, тянет дымом в пустынных аллеях".

В К.-г. органически сочетается эпическое (при описании бурных и трагических событий революции и гражданской войны), лирическое (когда идут воспоминания о "беспечальном", юном поколении) и сатирическое (при характеристике современного состояния города) начала.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций
Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы
Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи
Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта
Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Петлюра ~

Петлюра Симон Васильевич (1879-1926) - политический и военный деятель, публицист, один из лидеров украинского национального движения в первой четверти XX в., ставший персонажем романа Булгакова "Белая гвардия" (1922-1924) и фельетона "Киев-город" (1923).

П. родился в 1879 г. в семье извозчика. Учился в духовной семинарии, потом в Харьковском университете, а закончил образование во Львовском университете в австрийской Галиции.

Был одним из лидеров Украинской социал-демократической партии. В 1914-1917 гг. состоял председателем Главной контрольной комиссии Земского союза по Западному фронту, а после Февральской революции 1917 г. - председателем Украинского фронтового комитета. С осени 1917 г. П. - секретарь (министр) Центральной Рады по военным делам, в конце 1917 - начале 1918 г. - также командующий войсками Центральной Рады.

После возвращения в Киев Центральной Рады вместе с австро-германскими войсками в марте 1918 г. П. вышел в отставку и на первом киевском губернском земском собрании был избран председателем киевской земской управы, а впоследствии - председателем управы Всеукраинского земского союза. 11 августа 1918 г. П. был арестован по распоряжению правительства гетмана П. П. Скоропадского (1873-1945). В начале ноября 1918 г. освобожден из заключения.

14 ноября 1918 г. в Белой Церкви П. обнародовал воззвание о восстании против Скоропадского, создал Директорию Украинской Народной Республики - коллективный правительственный орган из представителей оппозиционных режиму гетмана партий и был провозглашен головным атаманом - главнокомандующим войсками Директории, 14 декабря 1918 г. взявшими Киев и свергнувшими власть Скоропадского.

3 февраля 1919 г. войска П. покинули Киев под натиском Красной Армии, 31 августа 1919 г. вновь заняли город, но были вынуждены уйти в тот же день под давлением белой Добровольческой армии. В мае 1920 г. правительство УНР во главе с П. при поддержке польских войск вернулось в Киев, но уже в июне вынуждено было оставить его.

После заключения советско-польского перемирия 12 октября 1920 г. и поражения, нанесенного Красной Армией украинским войскам в ноябре 1920 г., П. эмигрировал в Польшу, а впоследствии во Францию. Публиковал статьи в украинских изданиях за пределами СССР.

25 мая 1926 г. П. был убит С. Шварцбардом, мстившим за еврейские погромы, проводившиеся украинскими войсками. В октябре 1927 г. убийца П. был оправдан французским судом.

Булгаков, будучи противником отделения Украины от России, негативно относился к деятельности и личности П. В романе "Белая гвардия" он, среди прочего, именуется "земгусаром" - презрительная кличка, которой фронтовые офицеры называли сотрудников Союза земств и городов, работавших в тылу по снабжению войск.

Вероятно, писатель был знаком с очерком А. Павловича "Петлюра", появившимся в апреле 1919 г. в ростовском журнале "Донская волна". Его автор говорит о неясности прошлого своего героя: "...Воспитывался, если не ошибаюсь, в семинарии, или вообще в каком-то духовном учебном заведении, затем учился в Харьковском университете и закончил образование, кажется, в Австрии".

Павлович передает и широко распространившиеся противоречащие друг другу слухи о П.: "Петлюра поднял восстание против гетмана!" - "Петлюра мятежник! Петлюра - большевик!" - "Петлюра в Полтаве, Петлюра в Киеве, Петлюра в Фастове". Везде он воодушевляет войска, везде он произносит речи. И между тем никто не видит и не знает Петлюру... Петлюра нечто мифическое".

Автор очерка признавал, что если настроение петлюровского войска "все же стало клониться к большевизму - то сдержать этого явления Петлюра при всем желании не мог". Павлович относился к головному атаману, который тогда, весной 1919 г., еще не был повержен, с уважением и без антипатии, считая П. "умным человеком" и "честным революционером", не повинным в еврейских погромах, творимых его солдатами, которых П. был не в состоянии обуздать (еврейские погромы на Украине и вообще в "черте оседлости" творили военнослужащие всех противоборствующих армий).

Точно таким же образом Булгаков в "Белой гвардии" говорит о непроясненности прошлого П. и приходит к одинаковому с Павловичем выводу: " - Ну, так вот что я вам скажу: не было. Не было! Не было этого Симона вовсе на свете... Просто миф, порожденный на Украине в тумане страшного 18-го года".

Подобно автору очерка в "Донской волне", писатель перечисляет противоречивые слухи о местонахождении и внешности П.: "Петлюра во дворце принимает французских послов с Одессы... Петлюра в Берлине президенту представляется по случаю заключения союза... Петлюра мае резиденцию в Белой Церкви. Теперь Била Церковь буде столицей... Он в Виннице... Петлюра в Харькове... Петлюра в Бельгии..."

П. здесь наделен сходством с дьяволом, у которого по традиции неопределимая внешность и способность одновременно находиться в разных удаленных друг от друга местах.

В окончании "Белой гвардии", не опубликованном в свое время из-за закрытия журнала "Россия", П. во сне Алексея Турбина уподоблялся нечистой силе, исчезающей на рассвете с первым пением петухов (позднее, в "Мастере и Маргарите", точно так же исчезал не отбрасывающий тени администратор с украинской фамилией Варенуха, оставляя в покое финдиректора Римского): "Петурра!.. Петурра... Петурра... храпит Алексей... Но Петурры уже не будет... Не будет, кончено. Вероятно, где-то в небе петухи уже поют, предутренние, а значит, вся нечистая сила растаяла, унеслась, свилась в клубок в далях за Лысой Горой (место шабаша ведьм под Киевом, согласно славянской мифологии) и более не вернется. Кончено".

Связь П. с потусторонним миром подчеркивается в булгаковском романе и номером камеры, из которой его освободили, что навлекло несчастье на город. Номер этот - 666, "число Зверя", связанное в Апокалипсисе с антихристом.

Не получив поддержки со стороны Англии и Франции, П., в отличие от Юзефа Пилсудского (1867-1935) в Польше, так и не смог выполнить миссию общенационального лидера - создателя жизнеспособного Украинского государства. Собственно украинская культура, в отличие от польской, до 1917 г. существовала лишь несколько десятилетий, и общегосударственная украинская идея не смогла получить необходимой поддержки у населения. Большинство крестьян объединялось в отряды или даже просто уголовные банды, преследовавшие лишь местные интересы и часто в равной мере враждебные всем - и белым, и красным, и немцам, и полякам, а иной раз - самому П.

Булгаков воочию видел плоды усилий "честного революционера". Он понимал, что миф П. подкрепляла крестьянская ненависть к помещикам, офицерам и поддерживавшим их германским оккупантам. В финале "Белой гвардии" "только труп и свидетельствовал, что Петлюра не миф, что он действительно был..."

Неоспоримым свидетельством деятельности П. на Украине для Булгакова были тысячи погибших невинных людей, за которых он возлагал ответственность на головного атамана.

Автор "Белой гвардии" был согласен с М. Павловичем в том, что петлюровские войска легко склонялись к большевизму, и в булгаковском романе такая "оборачиваемость" украинских солдат подчеркивается не только красным цветом шлыков их папах, но и, в неопубликованном в журнале "Россия" окончании, тем, что Алексей Турбин в финале во сне видит среди большевиков тех самых петлюровцев, которые преследовали его на Мало-Провальной и чуть не убили в день падения гетмана.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Белая гвардия"

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7

"Белая гвардия" - роман. Впервые опубликован (не полностью): Россия, М., 1924, №4; 1925, №5. Полностью: Булгаков М. Дни Турбиных (Белая гвардия). Париж: Concorde, т. 1 - 1927, т. 2 - 1929. 2-й том в 1929 г. как "Конец белой гвардии" и вышел также в Риге в "Книге для всех".

Б. г. - во многом автобиографический роман, основанный на личных впечатлениях писателя о Киеве (в романе - Городе) конца 1918 - начала 1919 г. Семья Турбиных - это в значительной степени семья Булгаковых. Турбина - девичья фамилия бабушки Булгакова со стороны матери, Анфисы Ивановны, в замужестве - Покровской.

Б. г. была начата в 1922 г., после смерти матери писателя, В. М. Булгаковой, 1 февраля 1922 г. (в романе смерть матери Алексея, Николки и Елены Турбиных отнесена к маю 1918 г. - времени ее брака с давним другом, врачом Иваном Павловичем Воскресенским. Рукописи романа не сохранилось. Как говорил Булгаков своему другу П. С. Попову в середине 20-х годов, Б. г. была задумана и написана в 1922-1924 гг.

По свидетельству перепечатывавшей роман машинистки И. С. Раабен, первоначально Б. г. мыслилась как трилогия, причем в третьей части, действие которой охватывало весь 1919 г., Мышлаевский оказывался в Красной Армии. Характерно, что отрывок из ранней редакции Б. г. "В ночь на 3-е число" в декабре 1922 г. был опубликован в берлинской газете "Накануне" с подзаголовком "Из романа "Алый мах". В качестве возможных названий романов предполагавшейся трилогии в воспоминаниях современников фигурировали "Полночный крест" и "Белый крест".

В фельетоне "Самогонное озеро" (1923) Булгаков так отозвался о Б. г., над которой тогда работал: "А роман я допишу, и, смею уверить, это будет такой роман, от которого небу станет жарко..." Однако во второй половине 20-х годов в беседе с П. С. Поповым назвал Б. г. романом "неудавшимся", хотя "к замыслу относился очень серьезно". В автобиографии, написанной в октябре 1924г., Булгаков зафиксировал: "Год писал роман "Белая гвардия". Роман этот я люблю больше всех других моих вещей". Но писателя все больше одолевали сомнения. 5 января 1925 года он отметил в дневнике: "Ужасно будет жаль, если я заблуждаюсь и "Белая гвардия" не сильная вещь".

Прототипами героев Б. г. стали киевские друзья и знакомые Булгакова. Так, поручик Виктор Викторович Мышлаевский списан с друга детства Николая Николаевича Сынгаевского. Первая жена Булгакова Т. Н. Лаппа описала Сынгаевского в своих воспоминаниях: "Он был очень красивый... Высокий, худой... голова у него была небольшая... маловата для его фигуры. Все мечтал о балете, хотел в балетную школу поступить. Перед приходом петлюровцев он пошел в юнкеры". Позднее, после занятия Киева войсками А. И. Деникина (1872-1947), Н. Н. Сынгаевский ушел с белыми и эмигрировал.

Портрет персонажа во многом повторяет портрет прототипа: "...И оказалась над громадными плечами голова поручика Виктора Викторовича Мышлаевского. Голова эта была очень красива, странной и печальной и привлекательной красотой давней настоящей породы и вырождения. Красота в разных по цвету, смелых глазах, в длинных ресницах. Нос с горбинкой, губы гордые, лоб был чист, без особых примет. Но вот один уголок рта приспущен печально, и подбородок косовато срезан так, словно у скульптора, лепившего дворянское лицо, родилась дикая фантазия откусить пласт глины и оставить мужественному лицу маленький и неправильный женский подбородок". Тут черты Сынгаевского сознательно соединены с приметами сатаны - разными глазами, мефистофелевским носом с горбинкой, косо срезанными ртом и подбородком. Позднее эти же приметы обнаружатся у Воланда в романе "Мастер и Маргарита".

Прототипом поручика Шервинского послужил еще один друг юности Булгакова Юрий Леонидович Гладыревский, певец-любитель (это качество перешло и персонажу), служивший в войсках гетмана Павла Петровича Скоропадского (1873-1945), но не адъютантом. Потом он эмигрировал. Интересно, что в Б. г. и пьесе "Дни Турбиных" Шервинского зовут Леонид Юрьевич, а в более раннем рассказе "В ночь на 3-е число" соответствующий ему персонаж именуется Юрий Леонидович.

В этом же рассказе Елена Тальберг (Турбина) названа Варварой Афанасьевной, как и сестра Булгакова, послужившая прототипом Елены. Капитан Тальберг, ее муж, был во многом списан с мужа Варвары Афанасьевны Булгаковой, Леонида Сергеевича Карума (1888-1968), немца по происхождению, кадрового офицера, служившего вначале Скоропадскому, а потом большевикам, у которых он преподавал в стрелковой школе.

В варианте финала Б. г., в журнале "Россия" доведенном до корректуры, но так и не опубликованном из-за закрытия этого печатного органа, Шервинский приобретал черты не только оперного демона, но и Л. С. Карума: " - Честь имею, - сказал он, щелкнув каблуками, - командир стрелковой школы - товарищ Шервинский.
Он вынул из кармана огромную сусальную звезду и нацепил ее на грудь с левой стороны. Туманы сна ползли вокруг него, его лицо из клуба входило ярко-кукольным.
- Это ложь, - вскричала во сне Елена. - Вас стоит повесить.
- Не угодно ли, - ответил кошмар. - Рискнете, мадам.
Он свистнул нахально и раздвоился. Левый рукав покрылся ромбом, и в ромбе запылала вторая звезда - золотая. От нее брызгали лучи, а с правой стороны на плече родился бледный уланский погон...
- Кондотьер! Кондотьер! - кричала Елена.
- Простите, - ответил двуцветный кошмар, - всего по два, всего у меня по два, но шея-то у меня одна и та не казенная, а моя собственная. Жить будем.
- А смерть придет, помирать будем... - пропел Николка и вышел.
В руках у него была гитара, но вся шея в крови, а на лбу желтый венчик с иконками.
Елена мгновенно поняла, что он умрет, и горько зарыдала и проснулась с криком в ночи".

В продолжении вы прочитаете об инфернальных героях, крысах и Троцком-сатане, узнаете, на чьей стороне Булгаков и кто заплатит за кровь, а также вам будут представлены свидетельство трупа и миф о Петлюре.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Белая гвардия", часть 2

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7

Значимы для Булгакова инфернальные черты у таких героев как Мышлаевский, Шервинский и Тальберг. Последний неслучайно похож на крысу (гетманская серо-голубая кокарда, щетки "черных подстриженных усов", редко расставленные, но крупные и белые зубы", "желтенькие искорки" в глазах, - в "Днях Турбиных" он прямо сравнивается с этим малоприятным животным). Крыс традиционно связывают с нечистой силой. Всем троим, очевидно, в последующих частях трилогии, (а до закрытия журнала "Россия" в мае 1926 г. Булгаков, скорее всего, думал продолжить Б. г.), предстояло служить в Красной Армии своего рода наемниками (кондотьерами), таким образом спасая свои шеи от петли. Глава же Красной Армии председатель Реввоенсовета Л. Д. Троцкий в романе прямо уподоблен сатане.

Булгаков предсказал в финале романа два варианта судьбы участников белого движения - либо служба красным с целью самосохранения, либо гибель, которая суждена Николке Турбину, как и брату рассказчика в "Красной короне" (1922), носящему то же имя.

В результате публикации Б. г. сильно испортились отношения Булгакова с сестрой Варей и Л. С. Карумом, а также со знакомым поэтом Сергеем Васильевичем Шервинским (1892-1991), чьей фамилией был награжден не самый привлекательный персонаж романа (хотя в пьесе "Дни Турбиных" он уже гораздо симпатичнее).

В Б. г. Булгаков показывает народ и интеллигенцию в пламени гражданской войны на Украине. Главный герой, Алексей Турбин, хоть и явно автобиографичен, но, в отличие от писателя, не земский врач, только формально числившийся на военной службе, а настоящий военный медик, много повидавший и переживший за три года мировой войны. Он в гораздо большей степени, чем Булгаков, является одним из тех тысяч и тысяч офицеров, которым приходится делать свой выбор после революции, служить вольно или подневольно в рядах враждующих армий.

В Б. г. противопоставлены две группы офицеров - те, кто "ненавидели большевиков ненавистью горячей и прямой, той, которая может двинуть в драку", и "вернувшиеся с войны в насиженные гнезда с той мыслью, как и Алексей Турбин, - отдыхать и отдыхать и устраивать заново не военную, а обыкновенную человеческую жизнь". Зная результаты гражданской войны, Булгаков на стороне вторых.

Лейтмотивом Б. г. становится идея сохранения Дома, родного очага, несмотря на все потрясения войны и революции, а домом Турбиных выступает реальный дом Булгаковых на Андреевском спуске, 13.

Булгаков социологически точно показывает массовые движения эпохи. Он демонстрирует вековую ненависть крестьян к помещикам и офицерам, и только что возникшую, но не менее глубокую ненависть к немцам-оккупантам. Все это и питало восстание, поднятое против немецкого ставленника гетмана П. П. Скоропадского лидером украинского национального движения С. В. Петлюрой.

Для Булгакова Петлюра - "просто миф, порожденный на Украине в тумане страшного восемнадцатого года", а стояла за этим мифом "лютая ненависть. Было четыреста тысяч немцев, а вокруг них четырежды сорок раз четыреста тысяч мужиков с сердцами, горящими неутоленной злобой. О, много, много скопилось в этих сердцах. И удары лейтенантских стеков по лицам, шрапнельный беглый огонь по непокорным деревням, и спины, исполосованные шомполами гетманских сердюков, и расписки на клочках бумаги почерком майоров и лейтенантов германской армии. "Выдать русской свинье за купленную у нее свинью 25 марок". Добродушный, презрительный хохоток над теми, кто приезжал с такой распиской в штаб германцев в Город.
И реквизированные лошади, и отобранный хлеб, и помещики с толстыми лицами, вернувшиеся в свои поместья при гетмане, - дрожь ненависти при слове "офицерня"... Были десятки тысяч людей, вернувшихся с войны и умеющих стрелять...
- А выучили сами же офицеры по приказанию начальства!"

В финале Б. г. "только труп и свидетельствовал, что Пэттура не миф, что он действительно был..." Труп замученного петлюровцами еврея у Цепного моста, трупы сотен, тысяч других жертв - это действительность гражданской войны. А на вопрос "Заплатит ли кто-нибудь за кровь?" Булгаков дает уверенный ответ: "Нет. Никто". Позднее вопрос о цене крови стал одним из основных в пьесе "Бег" и "Мастере и Маргарите".

В Б. г. Булгаков использует мотив "оборачиваемости" большевиков и петлю ровцев. В действительности многие деятели украинского национального движения и части петлюровской армии нередко в ходе гражданской войны или уже после ее окончания переходили на сторону большевиков либо, по крайней мере, признавали Советскую власть.

Так, один из руководителей Центральной Рады и Директории известный писатель Владимир Кириллович Винниченко (1880-1951) в 1920 г. короткое время входил в состав Компартии Украины и украинского Совнаркома (правда, впоследствии он эмигрировал). Уже после окончания гражданской войны вернулся в СССР бывший председатель Центральной Рады известный историк Михаил Сергеевич Грушевский (1866-1934).

Перешел к большевикам и один из ближайших соратников Петлюры Юрий Тютюнник, выпустивший в 1924 г. в Харькове на украинском языке мемуары "С поляками против Украины", а позднее работавший в украинской кинематографии. Как знать, не был ли с ним знаком Булгаков, писавший в 30-е годы киносценарий "Ревизор" (1934) по заказу "Украинфильма".

Прототип одного из персонажей Б. г., ворвавшегося в город петлюровского полковника Болботуна, полковник П. Болбочан, ранее командовавший 5-м Запорожским полком в армии Скоропадского, в ноябре 1918 г. встал на сторону Директории и участвовал во взятии Киева, а спустя полгода перешел к большевикам и был расстрелян по приказу Петлюры.

Разоблачение большевистского мифа
Как голых крестьян шомполами избивали
Кто же не враг интеллигенции?
Прототип Василисы
Об этом и многом другом читайте далее>>>

« Назад
Наверх »

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

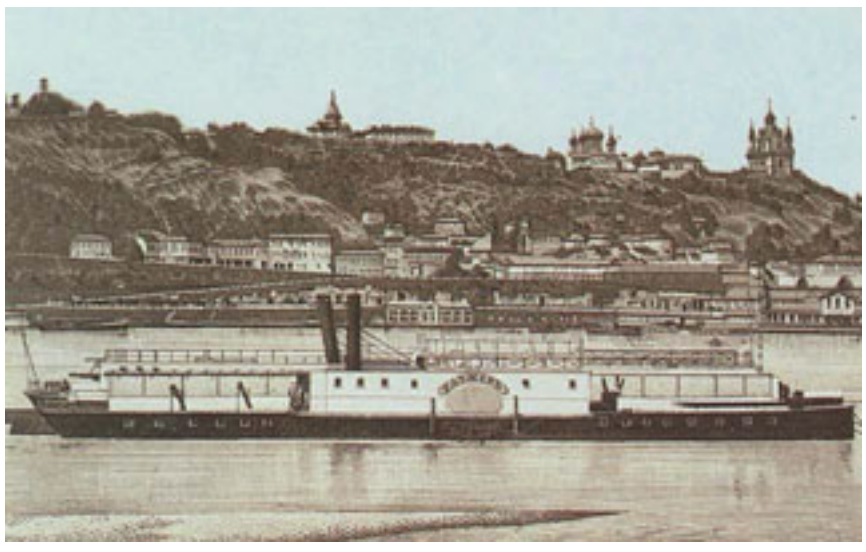
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

"Белая гвардия", часть 3

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7



Между украинскими социалистами, к которым принадлежали и Петлюра, и Винниченко, и Тютюнник, и большевиками еще и в 20-е годы не было непроходимой пропасти. Булгаков же в Б. г. старался дать понять читателям, что насилие исходило от большевиков никак не в меньшей степени, чем от их противников. Большевистский миф, по цензурным условиям, он вынужден разоблачать иносказательно, намеками на полное сходство красных с петлюровцами (последних ругать не запрещалось).

Это проявилось, в частности, в следующем эпизоде: "По дорогам пошло привидение - некий старец Дегтяренко, полный душистым самогоном и словами страшными, каркающими, но складывающимися в его темных устах во что-то до чрезвычайности напоминающее декларацию прав человека и гражданина. Затем этот же Дегтяренко-пророк лежал и выл, и пороли его шомполами люди с красными бантами на груди. И самый хитрый мозг сошел бы с ума над этой закавыкой: ежели красные банты, то ни в коем случае не допустимы шомпола, а ежели шомпола - то невозможны красные банты..."

Этот эпизод был купирован в советских изданиях Б. г. 60-х-80-х годов, ибо не укладывался в пропагандистский стереотип, согласно которому красный цвет и насилие над человеком, да еще проповедующим гражданские права, несовместимы. Для Булгакова и большевики, и петлюровцы равнозначны и выполняют одну и ту же функцию, поскольку "нужно было вот этот самый мужицкий гнев подманить по одной какой-нибудь дороге, ибо так уж колдовски устроено на белом свете, что, сколько бы он ни бежал, он всегда фатально оказывается на одном и том же перекрестке. Это очень просто. Была бы кутерьма, а люди найдутся".

Возможно, он был знаком с цитатой из "Правды", приведенной в книге С. П. Мельгунова "Красный террор в России" (1923): "Чрезвычайка запирала крестьян массами в холодный амбар, раздевала догола и избивала шомполами".

В варианте заключительной части Б. г., так и не напечатанном в журнале "Россия", Алексей Турбин, сбежавший от петлюровцев, ожидает прихода красных и видит сон, в котором его преследуют чекисты: "И ужаснее всего то, что среди чекистов один в сером, в папахе. И это тот самый, которого Турбин ранил в декабре на Мало-Провальной улице. Турбин в диком ужасе. Турбин ничего не понимает. Да ведь тот был петлюровец, а эти чекисты-большевики?! Ведь они же враги? Враги, черт их возьми! Неужели же теперь они соединились? О, если так, Турбин пропал!
- Берите его, товарищи! - рычит кто-то. Бросаются на Турбина.
- Хватай его! Хватай! - орет недостреленный окровавленный оборотень, - тримай його! Тримай!
Все мешается. В кольце событий, сменяющих друг друга, одно ясно - Турбин всегда при пиковом интересе, Турбин всегда и всем враг. Турбин холодеет.
Просыпается. Пот. Нету! Какое счастье. Нет ни этого недостреленного, ни чекистов, никого нет".

По Булгакову, все власти, сменяющие друг друга в гражданской войне, враждебны интеллигенции. В Б. г. он показал это на примере петлюровцев, в фельетонах "Грядущие перспективы" (1919) и "В кафэ" (1920) - на примере красных, и, наконец, в пьесе "Бег" (1928) - на примере белых.

В Б. г. выявлены и причины неудачи белого движения. Крестьянство ему враждебно, а городская "кофейная публика", заклейменная еще в фельетоне "В кафэ", защищать идеалы белых не желает: "Все валютчики знали о мобилизации за три дня до приказа. Здорово? И у каждого грыжа, у всех верхушка правого легкого, а, у кого нет верхушки - просто пропал, словно сквозь землю провалился. Ну, а это, братцы, признак грозный. Если уж в кофейнях шепчутся перед мобилизацией и ни один не идет - дело швах!"

Алексей Турбин в Б. г. - монархист, хотя монархизм его испаряется от сознания бессилия предотвратить гибель невинных людей. Т. Н. Лаппа свидетельствовала, что эпизод исполнения братьями Турбиными и их друзьями запрещенного царского гимна - не выдумка. Булгаков с товарищами действительно пели "Боже, царя храни", только не при гетмане, а при петлюровцах. Это вызвало недовольство домовладельца, Василия Павловича Листовничего (1876 - 1919) - прототипа инженера Василия Ивановича Лисовича, Василисы, в Б. г.

Однако в период создания романа Булгаков уже не был монархистом. В дневнике писателя 15 апреля 1924 г. следующим образом прокомментированы слухи о том, "будто по Москве ходит манифест Николая Николаевича" (Младшего) (1856-1929), дяди Николая II (1868-1918) и главы дома Романовых: "Черт бы взял всех Романовых! Их не хватало".

"На пиру богов"
Разочарование в мужиках
Как Булгаков служил гетману Скоропадскому
Убийства евреев
Писатель спорит с Евангелием
Читайте продолжение>>>

« Назад

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций
Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы
Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи
Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта
Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

"Белая гвардия", часть 4

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7

В Б. г. есть отчетливые параллели со статьей С. Н. Булгакова "На пиру богов" (1918). Русский философ писал, что "некто в сером", кто похитрее Вильгельма, теперь воюет с Россией и ищет ее связать и парализовать". В романе "некто в сером" - это и Троцкий, и Петлюра, уподобленные дьяволу, причем настойчиво подчеркивается серый цвет у большевистских, немецких и петлюровских войск. Красные - это "серые разрозненные полки, которые пришли откуда-то из лесов, с равнины, ведущей к Москве", немцы "пришли в Город серыми шеренгами", а украинские солдаты не имеют сапог, зато имеют "широкие шаровары, выглядывающие из-под солдатских серых шинелей".

Рассуждения же Мышлаевского о "мужичках-богоносцах" Достоевского, порезавших офицеров под Киевом, восходит к следующему месту в статье "На пиру богов": "Недавно еще мечтательно поклонялись народу-богоносцу, освободителю. А когда народ перестал бояться барина, да тряхнул вовсю, вспомнил свои пугачевские были - ведь память народная не так коротка, как барская, - тут и началось разочарование..."

Мышлаевский в Б. г. последними словами ругает "мужичков-богоносцев достоевских", которые сразу становятся смирными после угрозы расстрела. Однако он и другие офицеры в романе только угрожают, но угроз своих в действие не приводят (барская память действительно короткая), в отличие от мужиков, которые при первой возможности возвращаются к пугачевским традициям и господ режут.

При описании похода Мышлаевского под Красный Трактир и гибели офицеров автор Б. г. воспользовался воспоминаниями Романа Гуля (1896-1986) "Киевская эпопея (ноябрь - декабрь 1918 г.)", опубликованными во втором томе берлинского "Архива русской революции" в 1922 г. Оттуда же образ "звенящего шпорами, картавящего гвардейца адъютанта", материализовавшийся в Шервинском, плакат "Героем можешь ты не быть, но добровольцем быть обязан!", бестолковщина штабов, с которой сам Булгаков не успел столкнуться, и некоторые другие детали.

Как вспоминала Т. Н. Лаппа, булгаковская служба у Скоропадского свелась к следующему: "Пришел Сынгаевский и другие Мишины товарищи и вот разговаривали, что надо не пустить петлюровцев и защищать город, что немцы должны помочь... а немцы все драпали. И ребята сговаривались на следующий день пойти. Остались даже у нас ночевать... А утром Михаил поехал. Там медпункт был... И должен был быть бой, но его, кажется, не было. Михаил приехал на извозчике и сказал, что все кончено и что будут петлюровцы".

Эпизод с бегством от петлюровцев и ранением Алексея Турбина 14 декабря 1918 г. - писательский вымысел, сам Булгаков ранен не был. Гораздо драматичнее было бегство мобилизованного Булгакова от петлюровцев в ночь со 2-го на 3-е февраля 1919 г., запечатленное в Б. г. в бегстве Алексея Турбина, а в рассказе "В ночь на 3-е число" - в бегстве доктора Бакалейникова. Т. Н. Лаппа запомнила возвращение мужа в эту драматическую ночь: "Почему-то он сильно бежал, дрожал весь, и состояние было ужасное - нервное такое. Его уложили в постель, и он после этого пролежал целую неделю, больной был. Он потом рассказал, что как-то немножко поотстал, потом еще немножко, за столб, за другой и бросился в переулок бежать. Так бежал, так сердце колотилось, думал, инфаркт будет. Эту сцену, как убивают человека у моста, он видел, вспоминал".

В романе болезнь Алексея Турбина перенесена по времени на период пребывания в Городе петлюровцев, а сцену убийства еврея у Цепного моста он наблюдает, как это и было с писателем, в ночь на 3-е февраля. Приход петлюровцев в Город начинается убийством еврея Фельдмана (как можно судить по киевским газетам того времени, человек с такой фамилией действительно был убит в день вступления украинских войск в Киев) и завершается убийством безымянного еврея, которое Булгакову довелось видеть воочию. Сама жизнь подсказала трагическую композицию Б. г. Писатель в романе утвердил человеческую жизнь как абсолютную ценность, возвышающуюся над всякой национальной и классовой идеологией.

Финал Б. г. заставляет вспомнить "звездное небо над нами и нравственный закон внутри нас" И. Канта и навеянные им рассуждения князя Андрея Болконского в романе "Война и мир" (1863-1869) Льва Николаевича Толстого (1828-1910). В предназначавшемся к опубликованию в журнале "Россия" тексте заключительные строки романа звучали так: "Над Днепром с грешной и окровавленной, и снежной земли поднимался в черную и мрачную высь полночный крест Владимира. Издали казалось, что поперечная перекладина исчезла - слилась с вертикалью, и от этого крест превратился в угрожающий острый меч. Но он не страшен. Все пройдет. Страдания, муки, кровь, голод и мор. Меч исчезнет, а вот звезды останутся, когда и тени наших тел и дел не останется на земле. Звезды будут так же неизменны, так же трепетны и прекрасны. Нет ни одного человека на земле, который бы этого не знал. Так почему же мы не хотим мира, не хотим обратить свой взгляд на них? Почему?"

В издании Б. г. 1929 г. "мир" в финале исчез, и стало не столь очевидным, что Булгаков здесь полемизирует со знаменитыми словами Евангелия от Матфея: "Не мир я принес вам, но меч". Автор Б. г. явно предпочитает мечу мир. Позднее, в романе "Мастер и Маргарита" парафраз евангельского изречения был вложен в уста первосвященника Иосифа Каифы, убеждающего Понтия Пилата, что Иешуа Га-Ноцри принес иудейскому народу не мир и покой, а смущение, которое подведет его под римские мечи. И здесь же Булгаков утверждает покой и мир как одну из высших этических ценностей.

А в финале Б. г. автор солидарен с Кантом и Львом Толстым: только обращение к надмирному абсолюту, который символизирует звездное небо, может заставить людей следовать категорическому моральному императиву и навсегда отказаться от насилия. Однако, наученный опытом революции и гражданской войны, автор Б. г. вынужден констатировать, что люди не желают взглянуть на звезды над ними и следовать кантовскому императиву. В отличие от Толстого, он не столь большой фаталист в истории.

Для "мужичка-богоносца" свято его брюхо
Прототип демона Шполянского
Булгакова мучают сомнения
Высокая оценка Волошина
Читайте далее>>>

« Назад
Наверх »

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Белая гвардия", часть 5

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7

Народные массы в Б. г. играют важную роль в развитии исторического процесса, однако направляются не какой-то высшей силой, как утверждается в "Войне и мире", а своими собственными внутренними устремлениями, в полном соответствии с мыслью С. Н. Булгакова, высказанной в статье "На пиру богов": "А теперь вдруг оказывается, что для этого народа ничего нет святого, кроме брюха. Да он и прав по-своему, голод - не тетка".

Народная стихия, поддержавшая Петлюру, оказывается в Б. г. мощной силой, сокрушающей слабую, по-своему тоже стихийную, плохо организованную армию Скоропадского. Именно в недостатке организации обвиняет гетмана Алексей Турбин. Однако эта же народная сила оказывается бессильна перед силой хорошо организованной - большевиками. Организованностью большевиков невольно восхищается Мышлаевский и другие представители белой гвардии.

А вот осуждение "наполеонов", несущих людям страданье и смерть, автор Б. г. с автором "Войны и мира" вполне разделяет, только Петлюра и Троцкий для него не миф, как Наполеон Бонапарт (1769-1821) для Толстого, а реально существующие и по-своему выдающиеся личности, которые вследствие главенствующей роли должны нести и более высокую ответственность за преступления своих подчиненных (впрочем, грядущие преступления ЧК еще только смутно угадываются во снах Алексея Турбина, да и то лишь в неопубликованном варианте романа).

Кроме Троцкого, еще один близкий к большевикам персонаж Б. г. имеет демонические черты. Если председатель Реввоенсовета сравнивается с ангелом бездны Аполлионом Откровения Иоанна Богослова и иудейским падшим ангелом Аваддоном (оба слова в переводе с древнегреческого и древнееврейского означают губитель), то Михаил Семенович Шполянский, получающий инструкции из Москвы, уподобляется лермонтовскому демону.

Прототипом Шполянского послужил известный писатель и литературовед Виктор Борисович Шкловский (1893-1984). В 1918 г. он находился в Киеве, служил в броневом дивизионе гетмана и, как и Шполянский в Б. г., "засахаривал" броневики, описав все это подробно в мемуарной книге "Сентиментальное путешествие", вышедшей в Берлине в 1923 г. Правда, Шкловский был тогда не большевиком, а членом боевой левоэсеровской группы, готовившей восстание против Скоропадского. Булгаков приблизил Шполянского к большевикам, памятуя также, что до середины 1918 г. большевики и левые эсеры являлись союзниками, а потом многие из них вступили в коммунистическую партию.

Из-за того, что в СССР Б. г. не была закончена публикацией, а зарубежные издания конца 20-х годов были малодоступны на родине писателя, первый булгаковский роман не удостоился особого внимания прессы. Правда, известный критик А. К. Воронский (1884-1937) в конце 1925 г. успел назвать Б. г. вместе с "Роковыми яйцами" произведениями "выдающегося литературного качества", за что в начале 1926 г. получил резкую отповедь главы Российской Ассоциации Пролетарских Писателей (РАПП) Л. Л. Авербаха (1903-1939) в рапповском органе - журнале "На литературном посту". В дальнейшем постановка по мотивам Б. г. пьесы "Дни Турбиных" во МХАТе осенью 1926 г. переключила внимание критики на это произведение, и о самом романе забыли.

Булгакова мучили сомнения насчет литературных достоинств Б. г. В дневниковой записи в ночь на 28 декабря 1924 г. он зафиксировал их: "Роман мне кажется то слабым, то очень сильным. Разобраться в своих ощущениях я уже больше не могу". Вместе с тем существовала и высокая оценка Б. г. авторитетным современником. Поэт Максимилиан Волошин (Кириенко-Волошин) (1877-1932) пригласил Булгакова к себе в Коктебель и 5 июля 1926 г. подарил ему акварель с примечательной надписью: "Дорогому Михаилу Афанасьевичу, первому, кто запечатлел душу российской усобицы, с глубокой любовью..." Тот же Волошин в письме издателю альманаха "Недра" Н. С. Ангарскому (Клестову) (1873-1941) в марте 1925 г. утверждал, что "как дебют начинающего писателя "Белую гвардию" можно сравнить только с дебютами Достоевского и Толстого".

Булгаков при переделке текста романа в конце 20-х годов убрал некоторые цензурно острые моменты и несколько облагородил ряд действующих лиц, в частности, Мышлаевского и Шервинского, явно с учетом развития этих образов в "Днях Турбиных". В целом же в пьесе характеры героев оказались психологически более глубокими, не такими рыхлыми, как в романе, и действующие лица теперь не дублировали друг друга.

В письме правительству 28 марта 1930 г. Булгаков называл одной из главных черт своего творчества в Б. г. "упорное изображение русской интеллигенции, как лучшего слоя в нашей стране. В частности, изображение интеллигентско-дворянской семьи, волею непреложной исторической судьбы брошенной в годы гражданской войны в лагерь белой гвардии, в традициях "Войны и мира". Такое изображение вполне естественно для писателя, кровно связанного с интеллигенцией". В этом же письме он подчеркнул "свои великие усилия СТАТЬ БЕССТРАСТНО НАД КРАСНЫМИ И БЕЛЫМИ".

Непротивление злу насилием по Булгакову
Убийство в воображении
Подлый предатель Тальберг
Продолжение следует>>>

« Назад

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

"Белая гвардия", часть 6

Булгакову действительно удалось беспристрастно взглянуть на все воюющие стороны гражданской войны с позиции, близкой к философии ненасилия (непротивления злу насилием), развитой Л. Н. Толстым в основном уже после создания "Войны и мира" (в романе эту философию выражает только Платон Каратаев). Однако булгаковская позиция здесь не вполне тождественная толстовской.

Алексей Турбин в Б. г. понимает неизбежность и необходимость насилия, однако сам на насилие оказывается неспособен. В окончании Б. г., которое так и не было опубликовано в журнале "Россия", он, наблюдая бесчинства петлюровцев, обращается к небу: " - Господи, если ты существуешь, сделай так, чтобы большевики сию минуту появились в Слободке. Сию минуту. Я монархист по своим убеждениям. Но в данный момент тут требуются большевики... Ах, мерзавцы! Ну и мерзавцы! Господи, дай так, чтобы большевики сейчас же, вон оттуда, из черной тьмы за Слободкой, обрушились на мост.
Турбин сладострастно зашипел, представив себе матросов в черных бушлатах. Они влетают, как ураган, а больничные халаты бегут врассыпную. Остается пан куренный и эта гнусная обезьяна в алой шапке - полковник Мащенко. Оба они, конечно, падают на колени.

- Змилуйтесь, добродию, - вопят они.
Но тут доктор Турбин выступает вперед и говорит:
- Нет, товарищи, нет. Я - монар... Нет, это лишнее... А так: я против смертной казни. Да, против. Карла Маркса я, признаться не читал и даже не совсем понимаю, причем он здесь, в этой кутерьме, но этих двух надо убить как бешеных собак. Это - негодяи. Гнусные погромщики и грабители.
- А-а... так... - зловеще отвечают матросы.
- Д-да, т-товарищи. Я сам застрелю их. В руках у доктора матросский револьвер. Он целится. В голову. Одному. В голову. Другому".

Булгаковский интеллигент убить способен только в воображении, и в жизни предпочитает передоверить эту неприятную обязанность матросам. И даже протестующий крик Турбина: "За что же вы его бьете?!" заглушается шумом толпы на мосту, что, кстати, спасает доктора от расправы. В условиях всеобщего насилия в Б. г. интеллигенция лишена возможности возвысить свой голос против убийств, как лишена возможности сделать это и позднее, в условиях установившегося к моменту создания романа коммунистического режима.

Прототип Тальберга Л. С. Карум оставил обширные воспоминания "Моя жизнь. Рассказ без вранья", где многие эпизоды своей биографии, отразившиеся в Б. г., изложил в собственной интерпретации. Мемуарист свидетельствует, что он очень рассердил Булгакова и других близких своей жены, явившись на свадьбу в июне 1917 г. (как и свадьба Тальберга с Еленой, она была за полтора года до описываемых в романе событий) в мундире, при всех орденах, но с красной повязкой на рукаве.

В Б. г. братья Турбины осуждают Тальберга за то, что он в марте 1917 года "был первый, - поймите, первый, - кто пришел в военное училище с широченной красной повязкой на рукаве. Это было в самых первых числах, когда все еще офицеры в Городе при известиях из Петербурга становились кирпичными и уходили куда-то, в темные коридоры, чтобы ничего не слышать. Тальберг как член революционного военного комитета, а не кто иной, арестовал знаменитого генерала Петрова".

Карум действительно был членом исполнительного комитета Киевской городской Думы и участвовал в аресте генерал-адъютанта Н. И. Иванова (1851 - 1919), в начале первой мировой войны командовавшего Юго-Западным фронтом, а в феврале 1917 г. предпринявшего по приказу императора неудачный поход на Петроград для подавления революции. Карум отконвоировал генерала в столицу.

Муж сестры Булгакова, как и Тальберг, окончил в Петербурге юридический факультет университета и Военно-юридическую академию. При Скоропадском он, подобно герою Б. г., служил в юридическом отделе военного министерства. В декабре 1917 г. Карум покинул Киев и вместе с братом Булгакова Иваном, которого мать, опасаясь петлюровской мобилизации, отправила с зятем, прибыл в Одессу, а оттуда в Новороссийск. Прототип Тальберга поступил в белую Астраханскую армию, ранее поддерживавшуюся немцами, стал здесь председателем суда и был произведен в полковники. Возможно, это обстоятельство подсказало Булгакову повысить Тальберга до полковника в пьесе "Дни Турбиных".

Бывший начальник штаба Киевского военного округа генерал Н.Э. Бредов, знавший Карума еще по его деятельности в исполнительном комитете киевской Думы, при переходе Астраханской армии в состав Вооруженных сил Юга России генерала А. И. Деникина настоял на его увольнении. Только благодаря влиятельным знакомым Каруму удалось получить должность преподавателя права в Феодосии, куда он и уехал в сентябре 1919 г., забрав с собой из Киева жену. К зятю в Феодосию отправился и брат Булгакова Николай, раненый в октябрьских 1919 г. боях в Киеве. Возможно, это обстоятельство побудило писателя связать будущую судьбу Николки в Б. г. с Перекопом. После прихода красных Карум, не пожелавший эвакуироваться с Русской армией генерала П. Н. Врангеля (1878-1928) в ноябре 1920 г., остался преподавать в стрелковой школе, которая в 1921 г. была переведена в Киев.

В отличие от Елены Турбиной в Б. г. и особенно в "Днях Турбиных", сестра Булгакова Варя мужу не изменяла. Когда в 1929 г. Карум был арестован и сослан в Новосибирск, жена последовала за ним. Сохранилась ее записка, переданная супругу после ареста: "Любимый мой, помни, что вся моя жизнь и любовь для тебя. Твоя Варюша".

Сохранилась любопытнейшая рукопись Л. С. Карума "Горе от таланта" (1967), посвященная анализу булгаковского творчества. Здесь прототип следующим образом характеризовал Тальберга: "Наконец, десятым и последним из белогвардейцев - это генерального штаба капитан Тальберг. Он собственно даже не в белой гвардии, он служит у гетмана. Когда начинается "завируха", он садится на поезд и уезжает, не желая принимать участия в борьбе, исход которой для него вполне ясен, но за это навлекает на себя ненависть Турбиных, Мышлаевского и Шервинского. - Почему он не взял с собой жену? Почему он "крысиной походкой" ушел от опасности в неизвестность? Он - "человек без малейшего понятия о чести". Для белой гвардии Тальберг - личность эпизодическая".

Автор "Горя от таланта" стремится как бы оправдать Тальберга: отказался от участия в безнадежной борьбе, жену не взял с собой, потому что ехал в неизвестность. Самого же писателя Карум характеризовал почти теми же словами, что и враждебная автору Б. г. марксистская критика 20-х годов: "Да, талант Булгакова был именно не столько глубок, сколько блестящ, и талант был большой... И все же произведения Булгакова не народны. В них нет ничего, что затрагивало народ в целом. Вообще, у него народа нет. Есть толпа загадочная и жестокая. В произведениях Булгакова есть известные слои царского офицерства или служащие, или актерская и писательская среда. Но жизнь народа, его радости и горести по Булгакову узнать нельзя. Его талант не был проникнут интересом к народу, марксистско-ленинским миросозерцанием, строгой политической направленностью. После вспышки интереса к нему, в особенности к роману "Мастер и Маргарита", внимание может потухнуть".

В письме правительству 28 марта 1930 г. Булгаков процитировал сходный с карумовским отзыв критика Р. В. Пикеля, появившийся в "Известиях" 15 сентября 1929 г.: "Талант его столь же очевиден, как и социальная реакционность его творчества".

В завершении: что выбрать: карьеризм или идейность, прототипы Николки, голая ведьма Явдоха на горе.

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Белая гвардия", часть 7

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7

Л. С. Карум в своих мемуарах пытался доказать, что он гораздо лучше Тальберга и не лишен понятия о чести, но невольно лишь подтвердил булгаковскую правоту. Чего стоит эпизод с попыткой поцеловать руку арестованному и препровождаемому в Петроград генералу Н. И. Иванову, дабы "выразить старому генералу всю мою симпатию к нему и показать, что не все из окружающих являются его врагами" (этот жест Карум явно делал на тот случай, если власть переменится, и Иванов вновь будет командовать). Или сцена в Одессе: "Встретил на улице какого-то знакомого по академии офицера... Он, узнав, что я пять дней должен болтаться один в Одессе, уговорил меня зайти к полковнику Всеволжскому, очень интересному, якобы, человеку, у которого собирается ежедневно офицерское общество, в будущем долженствующее составить офицерскую дружину или даже возглавить отряд, который пойдет на бой с большевиками.
Мне делать было нечего. Я согласился.
Всеволжский занимал большую квартиру... В комнате человек 20 офицеров... Все молчат, говорит Всеволжский, Говорит он много и хорошо о предстоящих задачах офицеров в восстановлении России. Уговаривает меня остаться в Одессе и не ехать на Дон.

- Но я здесь займу какую-либо должность и буду получать содержание? - спрашиваю я.
- Нет, - улыбается гвардейский полковник. - Ничего я Вам не могу гарантировать.
- Ну, тогда мне надо ехать, - говорю я. Больше я к нему не заходил".

Из цитированного отрывка ясно, что Карум, как и восходящий к нему герой Б. г., был озабочен только карьерой, пайком и денежным содержанием, а не какими-то идейными соображениями, и потому с такой легкостью менял армии в годы революции и гражданской войны. Между тем, профессия юриста давала возможность зарабатывать на жизнь и сугубо мирным трудом адвоката, однако стремление сделать карьеру и политическая беспринципность побуждали булгаковского зятя оставаться на военной службе у всех сменявших друг друга правительств.

Тальбергу в Б. г. противопоставлены братья Турбины, готовые вступить в безнадежную борьбу с петлюровцами и только после краха сопротивления осознающие обреченность белого дела. Причем, если старший, списанный с самого автора Б. г., отходит от борьбы, то младший явно готов ее продолжать и, вероятно, погибнет на Перекопе.

Николка имел прототипами младших братьев Булгакова - главным образом Николая, но частично и Ивана. Оба они участвовали в белом движении, были ранены, сражались до конца. Иван, интернированный в Польше вместе с войсками генерала Н. Э. Бредова, позднее добровольно вернулся в Крым к генералу Врангелю и оттуда уже отправился в эмиграцию. Николай же, скорее всего, по ранению, эвакуированный в Крым, служил вместе с Л. С. Карумом в Феодосии. Однако негативного отношения к мужу сестры у него не было. В письме матери из Загреба 16 января 1922 г. Н. А. Булгаков упоминает встречи "у Варюши с Леней" с двоюродным братом Константином Петровичем Булгаковым во время службы в Добровольческой армии (в середине 20-х К. П. Булгаков эмигрировал и стал инженером-нефтяником в Мексике). Очевидно, встреча Н. А. Булгакова с Л. С. Карумом произошла в Феодосии, где он жил вместе с Варей.

Образом молочницы Явдохи автор Б. г. продолжает традицию изображения здорового начала в народной жизни, ее стяжателю Василисе, тайно вожделеющему молодую красавицу. Здесь заметно влияние известного рассказа "Явдоха" (1914) сатирической писательницы Надежды Тэффи (Лохвицкой) (1872-1952). Позднее, в предисловии к сборнику "Неживой зверь" (1916) она следующим образом изложила содержание рассказа: "Осенью 1914 года напечатала я рассказ "Явдоха". В рассказе, очень и грустном и горьком, говорилось об одинокой деревенской старухе, безграмотной и бестолковой, и такой беспросветно темной, что, когда получила она известие о смерти сына, она даже не поняла, в чем дело, и все думала - пришлет он ей денег или нет. И вот одна сердитая газета посвятила этому рассказу два фельетона, в которых негодовала на меня за то, что я якобы смеюсь над человеческим горем.

- Что в этом смешного находит госпожа Тэффи! - возмущалась газета и, цитируя самые грустные места рассказа, повторяла:
- И это, по ее мнению, смешно?
- И это тоже смешно?
Газета, вероятно, была бы очень удивлена, если бы я сказала ей, что не смеялась ни одной минуты. Но как могла я сказать?"

Булгакова привлекло в данном предисловии сходство с Б. г., где он, в отличие от фельетонов и сатирических повестей, ни минуты не смеялся и рассказывал о вещах трагических. Свою Явдоху Булгаков сделал цветущей молодухой, которую вожделеет скаредный Василиса, причем в его воображении она предстает "голой, как ведьма на горе".

« Назад

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Информация о сайте ~

Bulgakov.ru - полностью некоммерческий проект, который не принадлежит ни одному фонду или организации, не выражает позицию никаких булгаковедческих школ, направлений и течений, кроме собственной позиции, которая строится из мнения редакции Энциклопедии и сообщества сайта.

Сайт www.bulgakov.ru создан по материалам книги *Бориса Соколова* **"Булгаковская энциклопедия"**. Все права на печатную версию энциклопедии принадлежат издательствам **"Локид"** и **"Миф"**.

Приобрести книгу Вы можете Здесь

Все права на оригинальный контент, адаптированный под Интернет, принадлежат Юлии Вишневской, как непосредственному руководителю и организатору проекта. Она также является автором некоторых иллюстраций.

Программная часть **Булгаковской Энциклопедии** была разработана **FutureSite Design Studio**.

Огромная благодарность – дизайнеру **Сергею Важенину** за оперативное создание новой «обложки» **Булгаковской Энциклопедии**.

При полном или частичном цитировании текстов, использовании иллюстраций и фотографий обязательна ссылка на сайт **Булгаковской Энциклопедии** www.bulgakov.ru.

Булгаковская энциклопедия

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н О П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

"Роковые яйца"

Страницы: 1 2 3

"Роковые яйца" - повесть. Опубликована: Недра, М., 1925, № 6. Вошла в сборники: Булгаков М. Дьяволиада. М.: Недра, 1925 (2-е изд. - 1926); и Булгаков М. Роковые яйца. Рига: Литература, 1928. В сокращенном виде под названием "Луч жизни" повесть Р. я. печаталась: Красная панорама, 1925, №№ 19-22 (в № 22 - под названием "Роковые яйца").

Одним из источников фабулы Р. я. послужил роман английского писателя Герберта Уэллса (1866-1946) "Пища богов" (1904), где речь идет о чудесной пище, ускоряющей рост живых организмов и развитие интеллектуальных способностей у людей-гигантов, причем рост духовных и физических возможностей человечества приводит в романе к более совершенному мироустройству и столкновению мира будущего и мира прошлого - мира гигантов с миром пигмеев. У Булгакова гигантами оказываются не интеллектуально продвинутые человеческие индивидуумы, а особо агрессивные пресмыкающиеся. В Р. я. отразился и другой роман Уэллса - "Борьба миров" (1898), где завоевавшие Землю марсиане внезапно гибнут от земных микробов. У Булгакова же подступившие к Москве пресмыкающиеся становятся жертвой фантастических августовских морозов.

Среди источников Р. я. есть и более экзотические. Так, живший в Коктебеле в Крыму поэт Максимилиан Волошин (Кириенко-Волошин) (1877-1932) прислал Булгакову вырезку из одной феодосийской газеты 1921 г., где говорилось "о появлении в районе горы Кара-Даг огромного гада, на поимку которого была отправлена рота красноармейцев".

Послуживший прототипом Шполянского "Белой гвардии" писатель и литературовед Виктор Борисович Шкловский (1893-1984) в своей книге "Сентиментальное путешествие" (1923) приводит слухи, циркулировавшие в Киеве в начале 1919 г. и, возможно, питавшие булгаковскую фантазию: "Рассказывали, что у французов есть фиолетовый луч, которым они могут ослепить всех большевиков, и Борис Мирский написал об этом луче фельетон "Больная красавица". Красавица - старый мир, который нужно лечить фиолетовым лучом. И никогда раньше так не боялись большевиков, как в то время. Рассказывали, что англичане - рассказывали это люди не больные - что англичане уже высадили в Баку стада обезьян, обученных всем правилам военного строя. Рассказывали, что этих обезьян нельзя распропагандировать, что идут они в атаки без страха, что они победят большевиков.

Показывали рукой на аршин от пола рост этих обезьян. Говорили, что когда при взятии Баку одна такая обезьяна была убита, то ее хоронили с оркестром шотландской военной музыки и шотландцы плакали.

Потому что инструкторами обезьяньих легионов были шотландцы.

Из России дул черный ветер, черное пятно России росло, "больная красавица" бредила".

В Р. я. страшный фиолетовый луч пародийно превращен в красный луч жизни, наделявший тоже немало бед. Вместо похода на большевиков чудесных боевых обезьян, будто бы привезенных из-за границы, у Булгакова к Москве подступают полчища гигантских свирепых гадов, вылупившихся из присланных из-за границы яиц.

В тексте Р. я. указаны время и место написания повести: "Москва, 1924 г., октябрь". Повесть существовала в первоначальной редакции, отличной от опубликованной. 27 декабря 1924 г. Булгаков читал Р. я. на собрании литераторов при кооперативном издательстве "Никитинские субботники". 6 января 1925 г. берлинская газета "Дни" в рубрике "Российские литературные новости" откликнулась на это событие: "Молодой писатель Булгаков читал недавно авантюрную повесть "Роковые яйца". Хоть она литературно незначительна, но стоит познакомиться с ее сюжетом, чтобы составить себе представление об этой стороне российского литературного творчества.

Действие происходит в будущем. Профессор изобретает способ необыкновенно быстрого размножения яиц при помощи красных солнечных лучей... Советский работник, Семен Борисович Рокк, крадет у профессора его секрет и выписывает из-за границы ящики куриных яиц. И вот случилось так, что на границе спутали яйца гадов и кур, и Рокк получил яйца голоногих гадов. Он развел их у себя в Смоленской губернии (там и происходит все действие), и необозримые полчища гадов двинулись на Москву, осадили ее и сожрали. Заключительная картина - мертвая Москва и огромный змей, обвившийся вокруг колокольни Ивана Великого.

Тема веселенькая! Заметно, впрочем, влияние Уэллса ("Пища богов"). Конец Булгаков решил переработать в более оптимистическом духе. Наступил мороз и гады вымерли...".

Сам Булгаков в дневниковой записи в ночь на 28 декабря 1924 г. охарактеризовал свои впечатления" от чтения Р. я. на "Никитинских субботниках" следующим образом: "Когда шел туда - ребяческое желание отличиться и блеснуть, а оттуда - сложное чувство. Что это? Фельетон? Или дерзость? А может быть, серьезное? Тогда не выпеченное. Во всяком случае, там сидело человек 30 и ни один из них не только не писатель, но и вообще не понимает, что такое русская литература.

Боюсь, что как бы не саданули меня за все эти подвиги "в места не столь отдаленные"... Эти "Никитинские субботники" - затхлая, советская рабская рвань, с густой примесью евреев".

Вряд ли отзывы посетителей "Никитинских субботников", которых Булгаков ставил столь низко, могли заставить писателя изменить финал Р. я. В том, что первый, "пессимистический" конец повести существовал, сомневаться не приходится. Бывший сосед Булгакова по Нехорошей квартире писатель Владимир Лёвшин (Манасевич) (1904-1984) приводит тот же вариант финала, будто бы сымпровизированный Булгаковым в телефонном разговоре с издательством "Недра", когда текст еще не был готов: "...Повесть заканчивалась грандиозной картиной эвакуации Москвы, к которой подступают полчища гигантских удавов".

По воспоминаниям секретаря редакции альманаха "Недра" П. Н. Зайцева (1889-1970) Булгаков сразу передал сюда Р. я. в готовом виде, и скорее всего воспоминания В. Лёвшина о "телефонной импровизации" финала - ошибка памяти. О существовании Р. я. с другим финалом сообщала Булгакову анонимная корреспондентка в письме 9 марта 1936 г. в связи с неизбежным снятием с репертуара пьесы "Кабала святош", называя среди того, что "пишется Вами, а м. б. и приписывается и передается" "вариант окончания" Р. я. и повесть "Собачье сердце" (не исключено, что вариант финала Р. я. был записан кем-то из присутствовавших на чтении 27 декабря 1924 г. и позднее попал в самиздат).

Интересно, что реально существовавший "пессимистический" финал почти буквально совпал с тем, который был предложен писателем Максимом Горьким (Алексеем Максимовичем Пешковым) (1865-1936) уже после опубликования повести, вышедшей в свет в феврале 1925 г. 8 мая того же года он писал литератору Михаилу Леонидовичу Слонимскому (1897-1972): "Булгаков очень понравился мне, очень, но он не сделал конец рассказа. Поход пресмыкающихся на Москву не использован, а подумайте, какая это чудовищно интересная картина!"

Горькому осталась неизвестна заметка в "Днях" 6 января 1925 г. и он не знал, что предлагавшийся им конец существовал в первой редакции Р. я. Булгаков так и не узнал этого горьковского отзыва, равно как и Горький не подозревал, что в дневнике Булгакова в записи 6 ноября 1923 г. автор Р. я. отозвался о нем очень высоко как о писателе и очень низко - как о человеке: "Я читаю мастерскую книгу Горького "Мои университеты". Несимпатичен мне Горький как человек, но какой это огромный, сильный писатель и какие страшные и важные вещи говорит он о писателе".

Автор "Моих университетов" (1922) из своего западноевропейского "прекрасного далека" не представлял себе абсолютную нецензурность варианта финала с оккупацией Москвы полчищами гигантских пресмыкающихся. Булгаков же, скорее всего, это осознал и, то ли под давлением цензуры, то ли заранее предвидя ее возражения, переделал окончание Р. я.

На счастье писателя, цензура видела в походе гадов на Москву в Р. я. только пародию на интервенцию 14 государств против Советской России в годы гражданской войны (гады-то иностранные, раз вылупились из заграничных яиц). Поэтому взятие полчищами пресмыкающихся столицы мирового пролетариата воспринималось цензорами лишь как опасный намек на возможное поражение СССР в будущей войне с империалистами и разрушение Москвы в этой войне. По этой же причине не была выпущена позднее, в 1931 г., пьеса "Адам и Ева", когда один из руководителей советской авиации Я. И. Алкснис (1897-1938) заявил, что пьесу ставить нельзя, поскольку по ходу действия гибнет Ленинград.

В таком же контексте воспринимался курий мор, против которого сопредельные государства устанавливают кордоны. Под ним подразумевались революционные идеи СССР, против которых Антанта провозгласила политику санитарного кордона. Однако на самом деле "дерзость" Булгакова в Р. я., за которую он опасался попасть в "места не столь отдаленные", заключалась в другом, и система образов в повести в первую очередь пародировала несколько иные факты и идеи.

Главный герой Р. я. - профессор Владимир Ипатьевич Персиков, изобретатель красного "луча жизни". Именно с помощью этого луча выводятся на свет чудовищные пресмыкающиеся, создающие угрозу гибели страны. Красный луч - символ социалистической революции в России, совершенной под лозунгом построения лучшего будущего, но принесшей террор и диктатуру. Гибель Персикова во время стихийного бунта толпы, возбужденной угрозой нашествия на Москву непобедимых гигантских гадов, олицетворяет ту опасность, которую таил начатый В. И. Лениным и большевиками эксперимент по распространению "красного луча" на первых порах в России, а потом и во всем мире.

Владимир Ипатьевич Персиков родился 16 апреля 1870 г., ибо в день начала действия Р. я. в воображаемом будущем 1928 г. 16 апреля ему исполняется 58 лет. Главный герой - ровесник Ленина. 16 апреля - тоже дата неслучайная. В этот день (по н. ст.) в 1917 г. вождь большевиков вернулся в Петроград из эмиграции. Показательно, что ровно одиннадцать лет спустя профессор Персиков открыл чудесный красный луч. Для России таким лучом стал в 1917 г. приезд Ленина, на следующий день обнародовавшего знаменитые Апрельские тезисы с призывом к перерастанию "буржуазно-демократической" революции в социалистическую.

Персиков и Ленин - близнецы-братья
Годы - немцы по национальности
Другие прототипы Персикова
Советские критики - о "Роковых яйцах"
"Кремлёвский мечтатель"
Читайте продолжение >>>

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции 5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Роковые яйца", часть 2

Страницы: 1 2 3

Портрет Персикова тоже весьма напоминает портрет Ленина: "Голова замечательная, толкачом, с пучками желтоватых волос, торчащими по бокам... Персиковское лицо вечно носило на себе несколько капризный отпечаток. На красном носу старомодные маленькие очки в серебряной оправе, глазки блестящие, небольшие, росту высокого, сутуловат. Говорил скрипучим, тонким, квакающим голосом и среди других странностей имел такую: когда говорил что-либо веско и уверенно, указательный палец правой руки превращал в крючок и щурил глазки. А так как он говорил всегда уверенно, ибо эрудиция в его области у него была совершенно феноменальная, то крючок очень часто появлялся перед глазами собеседников профессора Персикова". От Ленина здесь - характерная лысина с рыжеватыми волосами, ораторский жест, манера говорить, наконец, вошедший в ленинский миф знаменитый прищур глаз.

Совладает и обширная эрудиция, которая, безусловно, у Ленина была, и даже иностранными языками Ленин и Персиков владеют одними и теми же, по-французски и по-немецки изъясняясь свободно. В первом газетном сообщении об открытии красного луча фамилия профессора была переврана репортером со слуха на Певсиков, что ясно свидетельствует о картавости Владимира Ипатьевича, подобно Владимиру Ильичу. Кстати, Владимиром Ипатьевичем Персиков назван только на первой странице Р. я., а потом все окружающие именуют его Владимир Ипатьич - почти Владимир Ильич.

В ленинском контексте образа Персикова находит свое объяснение заграничное, а конкретно: немецкое, судя по надписям на ящиках, происхождение яиц гадов, которые потом под действием красного луча чуть не захватили (а в первой редакции Р. я. даже захватили) Москву. Ленин и его товарищи после Февральской революции были переправлены из Швейцарии в Россию через Германию в запломбированном вагоне (недаром подчеркивается, что прибывшие к Рокку яйца, которые он принимает за куриные, кругом оклеены ярлыками). Уподобление большевиков гигантским гадам, идущим походом на Москву, было сделано еще в письме безымянной проницательной булгаковской читательницы: "Уважаемый Булгаков! Печальный конец Вашего Мольера Вы предсказали сами: в числе прочих гадов, несомненно, из рокового яйца вылупилась и несвободная печать".

Среди прототипов Персикова был также известный биолог и патологоанатом Алексей Иванович Абрикосов (1875-1955), чья фамилия спародирована в фамилии главного героя Р. я. И спародирована она неслучайно, ибо как раз Абрикосов анатомировал труп Ленина и извлек его мозг. В Р. я. этот мозг как бы передан извлекшему его ученому, человеку мягкому, а не жестокому, в отличие от большевиков, и увлеченному до самозабвения зоологией, а не социалистической революцией.

Не исключено, что к идее луча жизни в Р. я. Булгакова подтолкнуло знакомство с открытием в 1921 г. в Поволжье. Персиков - товарищ председателя Доброкура - организации, призванной помочь ликвидировать последствия гибели куриного поголовья в СССР. Своим прототипом Доброкур явно имел Комитет помощи голодающим, созданный в июле 1921 г. группой общественных деятелей и ученых, оппозиционных большевикам. Во главе Комитета стали бывшие министры Временного правительства С. Н. Прокопович (1871-1955), Н. М. Кишкин (1864-1930) и видная деятельница партии меньшевиков Е. Д. Кускова (1869-1958). Советское правительство использовало имена участников этой организации для получения иностранной помощи, которая часто употреблялась совсем не для помощи голодающим, а для нужд партийной верхушки и мировой революции. Уже в конце августа 1921 г. Комитет был упразднен, а его руководители и многие рядовые участники арестованы.

В Р. я. Персиков гибнет тоже в августе. Его гибель символизирует, среди прочего, и крах попыток непартийной интеллигенции наладить цивилизованное сотрудничество с тоталитарной властью. Стоявший вне политики интеллигент - это одна из ипостасей Персикова, тем более оттеняющая другую - народийность этого образа по отношению к Ленину. В качестве такого интеллигента прототипами Персикова могли послужить знакомые и родственники Булгакова. В своих воспоминаниях вторая жена писателя Л. Е. Белозерская высказала мнение, что "описывая наружность и некоторые повадки профессора Персикова, М. А. отталкивался от образа живого человека, родственника моего, Евгения Никитича Тарновского", профессора статистики, у которого им одно время нришлось жить. Не исключено, что в фигуре главного героя Р. я. отразились и какие-то черты дяди Булгакова со стороны матери врача-хирурга Николая Михайловича Покровского (1868-1941), бесспорного прототипа профессора Преображенского в "Собачьем сердце".

Существует и третья ипостась образа Персикова - это гениальный ученый-творец, открывающий галерею таких героев, как тот же Преображенский, Мольер в "Кабале святош" и "Мольере", Ефросимов в "Адаме и Еве", Мастер в "Мастере и Маргарите". В Р. я. Булгаков впервые в своем творчестве поставил вопрос об ответственности ученого и государства за использование открытия, могущего нанести вред человечеству. Писатель показал опасность того, что плоды открытия присвоят люди непросвещенные и самоуверенные, да еще обладающие неограниченной властью. При таких обстоятельствах катастрофа может произойти гораздо скорее, чем всеобщее благоденствие, что и показано на примере Рокка. Сама эта фамилия, возможно, родилась от сокращения РОКК - Российское Общество Красного Креста, в госпиталях которого Булгаков работал врачом в 1916 г. на Юго-Западном фронте первой мировой войны - первой катастрофы, которую на его глазах пережило человечество в XX в. И, разумеется, фамилия незадачливого директора совхоза "Красный луч" указывала на рок, злую судьбу.

Критика после выхода Р. я. быстро раскусила скрытые в повести политические намеки. В архиве Булгакова сохранилась машинописная копия отрывка из статьи критика М. Лирова (М. И. Литвакова) (1880-1937) о творчестве Булгакова, опубликованной в 1925 г. в № 5-6 журнала "Печать и революция". В этом отрывке речь шла о Р. я. Булгаков подчеркнул здесь наиболее опасные для себя места: *"Но настоящий рекорд побил М. Булгаков своим "рассказом" "Роковые яйца". Это уже действительно нечто замечательное для "советского" альманаха.*

Профессор *Владимир Ипатьевич* Персиков сделал необычайное открытие - он открыл красный солнечный луч, под действием которого мелкие гады, скажем, лягушек моментально превращаются в головастиков, головастики быстро вырастают в огромных лягушек, которые тут же размножаются и тут же приступают к взаимоистреблению. И также относительно всяких живых тварей. Таковы были поразительные свойства красного луча, открытого *Владимиром Ипатьевичем*. Об этом открытии быстро узнали в Москве, несмотря на конспирацию *Владимира Ипатьевича*. Сильно заволновалась юркая советская печать (тут дается картинка нравов советской печати, любовно списанная с натуры, худшей бульварной печати Парижа, Лондона и Нью-Йорка) (сомневаемся, что Лиров когда-нибудь бывал в этих городах и тем более был знаком с нравами тамошней прессы). Сейчас зазвонили по телефону "ласковые голоса" из Кремля, и началась советская... неразберихa.

А тут разразилось бедствие над советской страной: по ней пронеслась истребительная эпидемия кур. Как выйти из тяжелого положения? Но кто обычно выводит СССР из всех бедствий? Конечно, агенты ГПУ. И вот нашелся один чекист Рокк (Рок), который имел в своем распоряжении совхоз, и этот Рокк решил восстановить в своем совхозе куроводство при помощи открытия Владимира Ипатьевича.

Из Кремля получился приказ профессору Персикову, чтобы он свои сложные научные аппараты предоставил во временное пользование Рокку для надобностей восстановления куроводства. Персиков и его ассистент, конечно, возмущены, негодуют. И, действительно, как можно такие сложные аппараты предоставить профанам. Ведь Рокк может натворить бедствий. Но "ласковые голоса" из Кремля неумолимы. Ничего, чекист - он делать все умеет.

Рокк получил аппараты, действующие при помощи красного луча, и стал оперировать в своем совхозе. Но вышла катастрофа - и вот почему: Владимир Ипатьевич выписал для своих опытов яйца гадов, а Рокк для своей работы - куриные. Советский транспорт, натурально, все перепутал, и Рокк вместо куриных яиц получил "роковые яйца" гадов. Вместо кур Рокк развел огромных гадов, которые сожрали его, его сотрудников, окружающее население и огромными массами устремились на всю страну, главным образом на Москву, уничтожая все на своем пути. Страна была объявлена на военном положении, была мобилизована Красная армия, отряды которой погибали в геройских, но бесплодных боях. Опасность уже угрожала Москве, но тут случилось чудо: в августе внезапно ударили страшные морозы, и все гады погибли. Только это чудо спасло Москву и весь СССР.

Но затем в Москве произошел страшный бунт, во время которого погиб и сам "изобретатель" красного луча, Владимир Ипатьевич. Толпы народные ворвались в его лабораторию и с возгласами: "Бей его! Мировой злодей! Ты распустил гадов!" растерзали его.

Все вошло в свою колею. Ассистент покойного Владимира Ипатьевича хотя и продолжал его опыты, но снова открыть красный луч ему не удалось".

Критик М. Лиров упорно называл профессора Персикова Владимиром Ипатьевичем, подчеркивая также, что он - изобретатель красного луча, т.е. как бы архитектор Октябрьской социалистической революции. Властям предержащим явно давалось понять, что за Владимиром Ипатьевичем Персиковым проглядывает фигура Владимира Ильича Ленина, а Р. я. - пасквильная сатира на покойного вождя и коммунистическую идею в целом. М. Лиров обратил внимание возможных пристрастных читателей повести на то, что Владимир Ипатьевич погиб во время народного бунта, что убивают его со словами "мировой злодей" и "ты распустил гадов". Здесь можно было усмотреть намек на Ленина как провозглашенного вождя мировой революции, а также ассоциацию со знаменитой "гидрой революции", как выражались противники Советской власти (большевики, в свою очередь, говорили о "гидре контрреволюции"). Интересно, что в пьесе "Бег" (1928), оконченной в год, когда происходит действие в воображаемом будущем Р. я., "красноречивый" вестовой Крапилин называет вешателя Хлудова "мировым зверем".

Картина гибели главного героя Р. я., пародирующего уже мифологизированного Ленина, от возмущенных "толп народных" (это возвышенно-патетическое выражение - изобретение критика, в булгаковской повести его нет) вряд ли могла понравиться тем, кто находился у власти в Кремле. И никакой Уэллс ни Лирова, ни других бдительных читателей обмануть не мог. В другом месте своей статьи о Булгакове критик утверждал, что "от упоминания имени его прародителя Уэллса, как склонны сейчас делать многие, литературное лицо Булгакова нисколько не проясняется. И какой же это, в самом деле, Уэллс, когда здесь та же смелость вымысла сопровождается совершенно иными атрибутами! Сходство чисто внешнее..." Но связь здесь может быть еще более прямая: Г. Уэллс побывал в нашей стране и написал книгу "Россия во мгле" (1921), где, в частности, рассказал о встрече с Лениным и назвал большевистского вождя, вдохновенно говорившего о будущих плодах плана ГОЭЛРО, "кремлевским мечтателем" - словосочетание, широко распространившееся в англоязычных странах, а позднее обыгрываемое и опровергаемое в пьесе Николая Погодина (Стукалова) (1900-1962) "Кремлевские куранты" (1942). В Р. я. подобным "кремлевским мечтателем" изображен Персиков, отрешенный от мира и погруженный в свои научные планы. Правда, в Кремле он не сидит, но с кремлевскими вождями по ходу действия постоянно общается.

Советский критик = доносчик
Реальный прототип Рокка
"Роковые яйца" - "наглейший и возмутительный поклеп на Красную власть!"
Руководство по написанию доносов
Уинстон Черчилль - о булгаковской повести
Пародия на Будённого
Читайте завершение »»»

« Назад
Наверх »

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций
Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы
Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи
Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта
Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

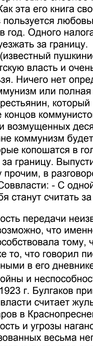
"Роковые яйца", часть 3

Страницы: 1 2 3

М. Лиров, поднаторевший в литературных доносах (только ли литературных?), кстати, и сам сгинувший в очередной волне репрессий в 30-е годы, стремился прочесть и понять "кому следует" даже то, чего в Р. я. не было, не останавливаясь перед прямыми подтасовками. Критикан утверждал, что сыгравший главную роль в разыгравшейся трагедии Рокк - чекист, сотрудник ГПУ. Тем самым делался намек, что в Р. я. спародированы реальные эпизоды борьбы за власть, развернувшейся в последние годы жизни Ленина и в год его смерти, где чекист Рок (или его прототип Ф. Э. Дзержинский (1877-1926), глава карательных органов) оказывается заодно с некоторыми "пасковыми голосами" в Кремле и приводит страну к катастрофе своими неумелыми действиями. На самом деле в Р. я. Рокк - совсем не чекист, хотя и проводит свои опыты в "Красном Луче" под охраной агентов ГПУ. Он - участник гражданской войны и революции, в пучину которой бросается, "сменив флейту на губительный маузер", а после войны "редактирует в Туркестане "огромную газету", сумев еще как член "высшей хозяйственной комиссии" прославиться "своими изумительными работами по орошению туркестанского края".

Очевидный прототип Рокка - редактор газеты "Коммунист" и поэт Г. С. Астахов, один из главных гонителей Булгакова во Владикавказе в 1920-1921 гг. и его оппонент на диспуте о Пушкине (хотя сходство с Ф. Э. Дзержинским, с 1924 г. возглавлявшего Высший Совет Народного Хозяйства страны, при желании тоже можно усмотреть). В "Записках на манжетах" дан портрет Астахова: "смелый с орлиным лицом и огромным револьвером на поясе". Рокк, подобно Астахову, имеет своим атрибутом огромный револьвер - маузер, и редактирует газету, только не на туземном окраинном Кавказе, а в туземном же окраинном Туркестане. Вместо искусства поэзии, которому считал себя причастным Астахов, поносивший Пушкина и считавший себя явно выше "солнца русской поэзии", Рокк приверженец музыкальному искусству. До революции он - профессиональный флейтист, а потом флейта остается его главным хобби. Потому-то он остается в конце, подобно индийскому факиру, заворожить игрой на флейте гигантскую анаконду, однако без какого-либо успеха. В романе приятеля Булгакова по Владикавказу Юрия Слезкина (1885-1947) "Девушка с гор" (1925) Г. С. Астахов запечатлен в облике поэта Авалова, члена ревкома и редактора основной городской газеты, - осетинского юноши с бородой, в бурке и с револьвером.

Если же принять, что одним из прототипов Рокка мог быть Л. Д. Троцкий, действительно проигравший борьбу за власть в 1923-1924 гг. (Булгаков отметил это в своем дневнике еще 8 января 1924 г.), то нельзя не подивиться совершенно мистическим совпадениям. Троцкий, как и Рокк, играл самую активную роль в революции и гражданской войне, будучи председателем Реввоенсовета. Параллельно он занимался и хозяйственными делами, в частности, восстановлением транспорта, но целиком на хозяйственную работу переключился после ухода в январе 1925 г. из военного ведомства. Рокк прибыл в Москву и получил вполне заслуженный отдых в 1928 г. С Троцким подобное произошло почти тогда же. Осенью 1927 г. его вывели из ЦК и исключили из партии, в начале 1928 г. - сослали в Алма-Ату, и буквально через год он вынужден был навсегда покинуть пределы СССР, исчезнуть из страны. Надо ли говорить, что все эти события произошли после создания Р. я.! М. Лиров писал свою статью в середине 1925 г., в период дальнейшего обострения внутрипартийной борьбы и, похоже, в расчете, что читатели не заметят, пытался приписать Булгакову ее отражение в Р. я., написанных почти годом ранее.



Булгаковская повесть не осталась незамеченной и осведомителями ОГПУ. Один из них 22 февраля 1928 г. доносил: "Непримиримейшим врагом Советской власти является автор "Дней Турбиных" и "Зойкиной квартиры" Мих. Афанасьевич Булгаков, бывший сменовеховец. Можно просто поражаться долготерпению и терпимости Советской власти, которая до сих пор не препятствует распространению книги Булгакова (изд. "Недра") "Роковые яйца". Эта книга представляет собой наглейший и возмутительный поклеп на Красную власть. Она ярко описывает, как под действием красного луча родились грызущие друг друга гады, которые пошли на Москву. Там есть подлое место, злобный кивок в сторону покойного т. ЛЕНИНА, что лежит мертвая жаба, у которой даже после смерти осталось злобное выражение на лице (здесь имеется в виду гигантская лягушка, выведенная Персиковым с помощью красного луча и умерщвленная цианистым калием из-за своей агрессивности, причем "на морде ее даже после смерти было злобное выражение" - намек на тело Ленина, сохраняемое в мавзолее). Как эта его книга свободно гуляет - невозможно понять. Ее читают запоем. Булгаков пользуется любовью молодежи, он популярен. Доходит до 30 000 р. в год. Одного налога он заплатил 4 000 р.

Потому заплатил, что собирается уезжать за границу.

На этих днях его встретил Лернер (известный пушкинист И. О. Лернер (1877-1934). Очень обижается Булгаков на Советскую власть и очень недоволен нынешним положением. Совсем работать нельзя. Ничего нет определенного. Нужен обязательно или снова военный коммунизм или полная свобода. Переворот, говорит Булгаков, должен сделать крестьянин, который наконец-то завоюет настоящим родным языком. В конце концов коммунистов не так уже много (и среди них "таких"), а крестьян обиженных и возмущенных десятки миллионов. Естественно, что при первой же войне коммунизм будет вымотен из России и т. п. Вот они, мыслишки и надежды, которые копошатся в голове автора "Роковых яиц", собирающегося сейчас прогуляться за границу. Выпустить такую "птичку" за рубеж было бы совсем неприятно... Между прочим, в разговоре с Лернером Булгаков коснулся противоречий в политике Соввласти: - С одной стороны кричат - сберегай. А с другого: начнешь сберегать - тебя станут считать за буржуя. Где же логика".

Нельзя ручаться за дословную точность передачи неизвестным агентом разговора Булгакова с Лернером. Но, вполне возможно, что именно тенденциозная интерпретация Р. я. доносчиком способствовала тому, что Булгакова так никогда и не выпустили за границу. В целом же то, что говорил писатель пушкинисту, хорошо согласуется с мыслями, запечатленными в его дневнике "Под пятой". Там есть рассуждения о вероятности новой войны и неспособности Советской власти ее выдержать. В записи от 26 октября 1923 г. Булгаков привел свой разговор на эту тему с соседом-пекарем: "Поступки власти считает жульническими (облигации etc.). Рассказал, что двух евреев комиссаров в Краснопресненском совете избили явившиеся на мобилизацию за негласность и угрозы наганом. Не знаю, правда ли. По словам пекаря, настроение мобилизованных весьма неприятное. Он же, пекарь, жаловался, что в деревнях развивается хулиганство среди молодежи. В голове у малого то же, что и у всех - себе на уме, прекрасно понимает, что большевики жулики, на войну идти не хочет, с международном положении никакого понятия. Дикий мы, темный, несчастный народ".

Очевидно, в первой редакции Р. я. захват иноземными гадами Москвы символизировал будущее поражение СССР в войне, которое в тот момент писатель считал неизбежным. Нашествие пресмыкающихся также олицетворяло эфемерность нэповского благополучия, нарисованного в фантастическом 1928 году достаточно народивно. Такое же отношение к нэпу автор Р. я. выразил в беседе с Н. О. Лернером, сведения о которой дошли до ОГПУ.

На Р. я. были любопытные отклики и за границей. Булгаков сохранил в своем архиве машинописную копию сообщения ТАСС от 24 января 1926, озаглавленного "Черчилль боится социализма". Там говорилось, что 22 января министр финансов Великобритании Уинстон Черчилль (1874-1965), выступая с речью в связи с забастовками рабочих в Шотландии, указал, что "ужасные условия, существующие в Глазго, порождают коммунизм", но "Мы не *желаем видеть на нашем столе московские крокодиловые яйца* (подчеркнуто Булгаковым). Я уверен, что наступит время, когда либеральная партия окажет всемерную помощь консервативной партии для искоренения этих доктрин. Я не боюсь большевистской революции в Англии, но боюсь попытки социалистического большинства самостоятельно ввести социализм. Одна десятая доля социализма, который разорил Россию, окончательно погубила бы Англию..."

Есть в Р. я. и другие пародийные зарисовки. Например та, где бойцы Первой Конной, во главе которой "в таком же малиновом башлыке, как и все всадники, едет ставший легендарным 10 лет назад, поставервший и поседевший командир конной громады" - Семен Михайлович Буденный (1883-1973), - выступают в поход против гадов с блатной песней, исполняемой на манер "Интернационала":

Ни туз, ни дама, ни валет,
Побьем мы гадов, без сомненья,
Четыре сбоку - ваших нет...

Здесь нашел место реальный случай (или, по крайней мере, широко распространившийся в Москве слух). 2 августа 1924 г. Булгаков занес в дневник рассказ своего знакомого писателя Ильи Кремлева (Свена) (1897-1971) о том, что "полк ГПУ шел на демонстрацию с оркестром, который играл "Это девушки все обожают". В Р. я. ГПУ заменено на Первую Конную, и такая предусмотрительность, в свете цитированной выше статьи М. Лирова, оказалась совсем не лишней. Писатель был знаком со свидетельствами и слухами о нравах буденновской вольницы, отличавшейся насилием и грабежами. Они были запечатлены в книге рассказов "Конармия" (1923) Исаака Бабеля (1894-1940) (правда, в несколько смягченном виде против фактов его же конармейского дневника). Вложить в уста буденновцев блатную песню в ритме "Интернационала" было вполне уместно. Любопытно, что в дневнике Булгакова последняя запись, сделанная более чем через полгода после выхода Р. я., 13 декабря 1925 г., посвящена именно Буденному и характеризует его вполне в духе поющих блатной "Интернационал" бойцов Конармии в Р. я.: "Мельком слышал, что умерла жена Буденного. Потом слух, что самоубийство, а потом, оказывается, он ее убил. Он влюбился, она ему мешала. Остается совершенно безнаказанным. По рассказу, она угрожала ему, что выступит с разоблачением его жестокостей с солдатами в царское время, когда он был вахмистром". Степень достоверности этих слухов трудно оценить и сегодня.

На Р. я. были в критике и положительные отклики. Так, Ю. Соболев в "Заре Востока" 11 марта 1925 г. оценивал повесть как наиболее значительную публикацию в 6-й книге "Недр", утверждая: "Один только Булгаков со своей юмористически-фантастической и сатирически-утопической повестью "Роковые яйца" неожиданно выпадает из общего, весьма благонамеренного и весьма приличного тона". "Утопичность" Р. я. критик увидел "в самом рисунке Москвы 1928 года, в которой профессор Персиков вновь получает "квартиру в шесть комнат" и ощущает весь свой быт таким, каким он был... до Октября".

Но в целом советская критика отнеслась к Р. я. отрицательно как к явлению, противоречащему официальной идеологии. Цензура стала более бдительной по отношению к начинающему автору, и уже следующая повесть Булгакова "Собачье сердце" так и не была напечатана при его жизни. Секретарь американского посольства в Москве Чарльз Боолен, в середине 30-х годов друживший с Булгаковым, а в 50-е годы ставший послом в СССР, со слов автора Р. я. именно появление этой повести в своих воспоминаниях называл как веху, после которой критика всерьез обрушилась на писателя: "Coup de grace (решающий удар) был направлен против Булгакова после того, как он написал рассказ "Роковые яйца". Небольшой литературный журнал "Недра" напечатал рассказ целиком, прежде чем редакторы осознали, что это - пародия на большевизм, который превращает людей в монстров, разрушающих Россию и могущих быть остановленными только вмешательством Господа. Когда настоящее значение рассказа поняли, против Булгакова была развязана обличительная кампания".

Р. я. пользовались большим читательским успехом и даже в 1930 г. оставались одним из наиболее спрашиваемых произведений в библиотеках. 30 января 1926 г. Булгаков заключил договор с московским Камерным театром на инсценировку Р. я. Однако резкая критика Р. я. в подцензурной печати сделала перспективы постановки Р.я. не слишком обнадеживающими, и вместо Р. я. был поставлен "Багровый остров". Договор на эту пьесу, заключенный 15 июля 1926 г., оставлял инсценировку Р. я. как запасной вариант: "В случае, если "Багровый остров" не сможет по каким-либо причинам быть принятым к постановке Дирекцией, то М. А. Булгаков обязуется вместо него, в счет платы, произведенной за "Багровый остров", предоставить Дирекции новую пьесу на сюжет повести "Роковые яйца"...

"Багровый остров" появился на сцене в конце 1928 г., но был запрещен уже в июне 1929 г. В тех условиях шансы на постановку Р. я. исчезли полностью, и Булгаков к замыслу инсценировки больше не возвращался.

« Назад
Наверх »

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004 Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций
Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы
Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи
Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта
Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

"Записки на манжетах"

"Записки на манжетах" - повесть, при жизни Булгакова целиком под одной обложкой не публиковавшаяся.

Первая часть 3. на м. опубликована: Накануне, Берлин - М., 1922 г., 18 июня, Литературное приложение. Републикована с разночтениями, изъятиями и дополнениями: Возрождение, М., 1923 г., № 2. Отрывки из первой части перепечатаны (с некоторыми дополнениями): Бакинский рабочий, 1924 г., 1 янв. Вторая часть 3. на м. опубликована: Россия, М., 1923 г., № 5. Обе части впервые опубликованы вместе (по текстам "Возрождения" и "России" с добавлением пропущенных фрагментов из "Накануне" и "Бакинского рабочего"): Театр, М., 1987 г., № 6.

Во всех прижизненных публикациях повести имеется ряд купюр. Существовал более полный текст 3. на м., который Булгаков читал на собрании литературного общества "Никитинские субботники" в Москве 30 декабря 1922 г. и 4 января 1923 г.

В протоколе заседания 30 декабря 1922 г. было зафиксировано: "Михаил Афанасьевич в своем предварительном слове указывает, что в этих записках, состоящих из 3-х частей, изображена гонодная жизнь поэта где-то на юге (называя главного героя З. на м. поэтом, Булгаков стремился создать впечатление, что он не автобиографичен, как это казалось слушателям). Писатель приехал в Москву с определенным намерением составить себе литературную карьеру. Главы из 3-й части Михаил Афанасьевич и читает".

4 января 1923 г. Булгаков прочел отрывки из первых двух частей. 19 апреля 1923 г. он получил проект договора АО "Накануне" об отдельном издании З. на м., где указан объем будущей книги: "приблизительно 4 и 1/4 печатного листа" и размер гонорара: 8 долларов за лист. Возражения Булгакова вызвал 10-й пункт проекта договора: "Если по требованию цензуры потребуются сокращения книги, то Булгаков не будет возражать против них и А. О. "Накануне" вправе их произвести".

20 апреля 1923 г. Булгаков писал директору-распорядителю АО "Накануне П. А. Садыкеру: "На безоговорочное сокращение согласиться не могу. Этот параграф 10 необходимо исключить или переработать совместно. Во всем остальном договор вполне приемлем мною". Разногласия были урегулированы, писатель сдал рукопись в издательство и получил полный гонорар в размере 34 долларов США.

31 августа 1923 г. Булгаков сообщал своему другу писателю Юрию Слёзкину (1885-1947), что волнуется о судьбе книг, которые "Накануне" должно издать в Берлине: "По слухам, они уже готовы (первыми выйдут твоя и моя). Интересно, выпустят ли их. За свою я весьма и весьма беспокоюсь. Корректуры они мне, конечно, и не подумали прислать".

3. на м. в Берлине так и не вышли, и рукописей или корректур этого издания до сих пор не обнаружено. В незаконченной повести "Тайному другу" (1929) Булгаков описал финал этой истории: "Три месяца я ждал выхода рукописи и понял, что она не выйдет. Причина мне стала известна, над повестью повис нехороший цензурный знак. Они долго с кем-то шушукались и в Москве, и в Берлине".

Автор 3. на м. пытался опубликовать повесть также в издательстве "Недра". 26 мая 1924 г. он писал секретарю "Недр" Петру Никаноровичу Зайцеву (1889-1970): "Оставляю Вам "Записки на манжетах" и убедительную просьбу поскорее выяснить их судьбу. В III-й части есть отрывок уже печатавшийся. Надеюсь, что это не смутит Николая Семеновича (Ангарского (Клестова), возглавлявшего "Недра"). При чтении III-й части придется переходить от напечатанных отрывков к писанным на машине, следя за нумерацией глав, в был бы очень рад, если бы "Манжеты" подошли. Мне они лично нравятся". Но публикация в "Недрах" по цензурным или иным причинам не состоялась.

Известный сегодня текст 3. на м. составляет около 1,5 печатных листов, т. е. чуть более трети от общего объема булгаковской рукописи, сданной в "Накануне". Опубликованные фрагменты повести делятся на две, а не на три части. Судя по цитированному письму Булгакова П. Н. Зайцеву от 26 мая 1924 г., в рукописи третьей части были московские сцены 3. на м. При подготовке отдельного издания 3. на м. Булгаков разбил кавказские сцены на две части, первую - где действие происходит во Владикавказе, и вторую, в которой автобиографический герой посещает Тифлис и Батум. Последние 6 глав первой части 3. на м., связанные с этими двумя городами, были опубликованы в газете "Бакинский рабочий".

К сожалению, неизвестно содержание неопубликованной большей части текста 3. на м., вызвавшей основные цензурные претензии. Но и опубликованные фрагменты повести вряд ли понравились цензорам. Особенно это касается затянутого здесь диспута об Александре Пушкине (1799-1837). Он состоялся во Владикавказе летом 1920 г.

В 3. на м. автор на диспуте кладет на обе лопатки докладчика - местного поэта "с орлиным лицом и огромным револьвером на поясе". Докладчик Пушкина "обработал на славу. За белые штаны, за "вперед гляжу я без боязни", за камер-юнкерство и холопскую стихию, вообще за "псевдореволюционность и ханжество", за неприличные стихи и ужахивание за женщинами", предложив в заключение "Пушкина выкинуть в печку". Отчет, помещенный во владикавказской газете "Коммунист", показывает, что Булгаков в 3. на м. довольно точно передал суть доклада ее главного редактора Г. И. Астахова: "Пушкин - типичный представитель либерального дворянства, пытавшегося "примирить" рабов с царем... И мы с спокойным сердцем бросаем в революционный огонь его полное собрание сочинений, уповая на то, что если там есть крупинки золота, то они не сгорят в общем костре с хламом, а останутся".

Возражения же Булгакова, в 3. на м. переданные пушкинским "ложная мудрость мерцает и тлеет перед солнцем бессмертным ума...", в газетном изложении с подзаголовком "Волк в овечьей шкуре" звучали куда менее поэтично: "... С большим "фонтаном" красноречия и с большим пафосом говорил второй оппонент - литератор Булгаков. Отметим... его тезисы... дословно: бунт декабристов был под знаком Пушкина и Пушкин ненавидел тиранию (смотри письма к Жуковскому: "Я презираю свое отечество, но не люблю, когда говорят об этом иностранцы"); Пушкин теоретик революции, но не практик - он не мог быть на баррикадах. Над революционным творчеством Пушкина закрыта завеса: в этом глубокая тайна его творчества. В развитии Пушкина наблюдается "творческая кривая". Пушкин был "и ночь и лысая гора" приводит Булгаков слова поэта Полонского, и затем - творчество Пушкина божественно, лучезарно; Пушкин - полубог, евангелист, интернационалист (sic!). Он первоплощался во всех богов Олимпа: был и Ваюс и Бахус, и в заключение: на всем творчестве Пушкина лежит печать глубокой человечности, гуманности, отвращения к убийству, к насилию и лишению жизни человека - человеком (на эту минуту Булгаков забывает о Пушкинской дуэли). И в последних словах сравнивает Пушкина с тем существом, которое заповедало людям: "не убий".

Все было выдержано у литератора Булгакова в духе несколько своеобразной логики буржуазного подголоска и в тезисах и во всех ухищрениях вознести Пушкина. Все нелепое, грязное, темное было покрыто "флером тайны", мистикой. И немудрящий, не одурманенный слушатель вправе спросить: Да, это прекрасно, "коли нет обмана", но что же сделало Божество, солнечный гений - Пушкин для освобождения задушенного в тисках самовластия Народа? Где был Пушкин, когда вешали хорошо ему знакомых декабристов и ссылали остальных, пачками, в Сибирскую каторгу. Где был гуманный "подстрекатель бунта"?"

В 3. на м. Булгаков дословно привел отзывы своих противников: "Я - "волк в овечьей шкуре". Я - "господин". Я - "буржуазный подголосок". Астахов же, взяв слово после выступления Булгакова, охарактеризовал великого поэта почти так же, как и безымянный докладчик у Булгакова: "Камер-юнкерство, холопская стихия овладела Пушкиным, и написать подлинно революционных сочинений он не мог".

Редактор "Коммуниста" апеллировал "не к буржуазному пониманию, а к простому, пролетарскому смыслу". А "буржуазная" аудитория булгаковское выступление встретила восторженно. В 3. на м. об этом говорится довольно скупо: "В глазах публики читал я безмолвное, веселое: - Дожми его! Дожми!"

В газетном отчете, написанном недружественно по отношению к Булгакову, реакция зрителей изображена подробнее: "Что стало с молчаливыми шляпками и гладко выбритыми лицами, когда заговорил литератор Булгаков.

Все пришли в движение. Завозились, заерзали от наслаждения.
"Наш-то, наш-то выступил! Герой!"
Благоговейно раскрыли рты, слушают.
Кажется, ушами захлопали от неистового восторга.

А бывший литератор ("бывший" - не в значении, что прежде был литератором, а теперь сменил профессию, а в смысле принадлежности к "бывшим" - людям, чье общественное положение было поколеблено революцией) разошелся.

Свой почуял своих, яблочко от яблони должно было упасть, что называется, в самую точку.
И упало.
Захлебывались от экстаза девицы.
Хихикали в кулачок "пенсистые" солидные физиономии.
- Спасибо, товарищ Булгаков! - прокричал один.
Кажется, даже рукоплескатия были.
В общем, искусство вечное, искусство прежних людей полагало свой триумф".

Подобное единение зрителей с происходящим на сцене Булгакову довелось позднее видеть в Москве, когда во МХАТе шла его пьеса "Дни Турбиных". Но в 3. на м. есть и пример другого рода "единения" во время премьеры "революционной" пьесы "Сыновья муллы", которого сам драматург скорее опасался: "В тумане тысячного дыхания сверкали кинжалы, газыри и глаза. Чеченцы, кабардинцы, ингуши, - после того, как в третьем акте геройские наездники ворвались и схватили пристава и стражников, кричали:
- Ва! Подлец! Так ему и надо!
И вслед за подотдельскими барышнями вызывали: "автора!"
За кулисами пожимали руки.
- Пирикрасная пьеса!
И приглашали в аул.

В 3. на м. автор стоит на позициях гуманизма, в чем справедливо обвиняли его оппоненты на пушкинском диспуте, хотя по цензурным и художественным соображениям об этом автор не заявляет прямо: "Стихи Пушкина удивительно смягчают озлобленные души. Не надо злобы, писатели русские!"

Позднее Булгаков продолжил пушкинскую тему пьесой "Александр Пушкин", где гениальный поэт показан жертвой враждебного светского окружения, приближенных царя. Возможно, создавая эту пьесу, Булгаков помнил и о пушкинском диспуте, о той травле, которой подвергли поэта и вставшего на его защиту автора 3. на м. владикавказские ревнители пролетарской культуры.

В 3. на м. Булгаков признается, что в 1921 г. имел намерение эмигрировать и именно с этой целью добирался от Владикавказа до Батума: "... Бежать! Бежать! На 100 тысяч можно выехать отсюда. Вперед. К морю. Через море и море, и Францию - сушу - в Париж!" Однако эмиграция сорвалась из-за отсутствия денег, которых не оказалось у Булгакова, чтобы заплатить капитану судна, идущего в Константинополь; "На обточенных соленой водой гольшах лежу, как мертвый. От голода ослабел совсем...

Через час я продал шинель на базаре. Вечером идет пароход. Он не хотел меня пускать. Понимаете? Не хотел пускать!..

Довольно! Пусть светит Золотой Рог. Я не доберусь до него. Запас сил имеет предел. Их больше нет. Я голоден, я сломлен! В мозгу у меня нет крови. Я слаб и боязлив. Но здесь я больше не останусь".

Т. Н. Лаппа, первая жена Булгакова, подтверждает намерение из 3. на м. эмигрировать из Батума: "В Батуме мы сняли комнату где-то в центре, но денег уже почти не было. Он там тоже все пытался что-то написать, что-то куда-то пристроить, но ничего не выходило. Тогда Михаил говорит: "Я поеду за границу. Но ты не беспокойся, где бы я ни был, я тебя вызвышу, вызову". Я-то понимала, что это мы уже навсегда расстаемся. Ходили на пристань, в порт он ходил, все искал кого-то, чтоб его в трюме спрятали или еще как, но тоже ничего не получалось, потому что денег не было. А еще он очень боялся, что его выдадут. Очень боялся".

Только отсутствие денег у Булгакова летом 1921 г. помешало его эмиграции и заставило отправиться искать приложения своих литературных способностей в Москве, как это и запечатлено в 3. на м.

Вероятно, и в случае эмиграции Булгаков состоялся бы литературно, но это был бы совсем другой писатель. Как знать, не занял ли бы тогда в его творчестве Париж место Киева и Москвы.

Наверх ≈

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Тайному другу"

"Тайному другу" - повесть, имеющая подзаголовок: "Дионисовы мастера. Алтарь Диониса. Сцены".

При жизни Булгакова не была закончена и не публиковалась. Впервые: Памир, Душанбе, 1987, №4. На первой странице рукописи указано время написания Т.д.: "Сентябрь 1929 г." и заметка: "План романа" (впоследствии по канве повести Булгаков стал писать тоже незаконченный и автобиографический "Театральный роман".)

Обстоятельства создания Т.д. приведены в воспоминаниях третьей жены писателя Е. С. Булгакова: "Летом 1929 года я уехала лечиться в Ессентуки. Михаил Афанасьевич писал мне туда прекрасные письма, посылал лепестки красных роз; но я должна была уничтожить их перед возвращением - я была замужем, я не могла их хранить. В одном из писем было сказано: "Я приготовил Вам подарок, достойный Вас..." Когда я вернулась в Москву, он протянул мне эту тетрадку...".

В тетради, сохранившейся в булгаковском архиве, текст Т. д. обрывается на середине фразы, хотя оборотная сторона листа и еще один лист - чистые. Эта последняя фраза звучит так: "Плохонький роман, Мишун, вы..." и принадлежит развязному поэту Вове Баргузину, находящемуся к тому же в состоянии подпития.

Не исключено, что в замысел Булгакова входила принципиальная незавершенность Т. д., как незавершенной считал он в 1929 г. свою судьбу. Поэтому Е. С. Булгаковой была подарена незаконченная повесть, где рассказывалось об истории создания и публикации романа "Белая гвардия" (который в СССР при жизни Булгакова так и не был напечатан полностью). Незавершенность повести как бы напоминала о незавершенности романа. Не был окончен и "Театральный роман", но там причины были скорее не в замысле, а во внешних обстоятельствах: Булгаков решил сначала завершить "Мастера и Маргариту", а позднее уже не успел вернуться к "Театральному роману" из-за смертельной болезни.

Все персонажи Т.д. имели легко узнаваемых прототипов. Так, являющийся автору в обличье дьявола редактор Рудольф Рафаилович (или Максимович) - это редактор журнала "Россия" Исай Григорьевич Лежнев (Альтшулер) (1891-1955), в мае 1926 г. арестованный и высланный за границу как активный деятель сменовеховского движения. Поэтому он не успел завершить публикацию "Белой гвардии".

Издатель Рвацкий - это издатель "России" Захарий Леонтьевич Каганский, после выезда за границу опубликовавший без ведома автора переводы пьес "Дни Турбиных", "Зойкина квартира" и др. и получивший гонорары за их зарубежные постановки. 21 февраля 1928 г. Булгаков направил заявление в Административный отдел Моссовета с просьбой разрешить ему поездку за границу для пресечения незаконной деятельности Каганского, но получил отказ. 3 октября 1928 г. драматург неосмотрительно выдал доверенность берлинскому Издательству Ладыжникова на охрану его авторских прав на пьесу "Зойкина квартира", но издательство оказалось связано с тем же Каганским, и в итоге брат Булгакова Николай, как он сообщал в письме 19 мая 1939 г., вынужден был разделить гонорары за зарубежные постановки булгаковских пьес пополам с бывшим издателем "России".

Прототипом поэта Вовы Баргузина, возможно, послужил Владимир Владимирович Маяковский (1893-1930), близко знакомый с писателем и резко выступавший против пьесы "Дни Турбиных". Фамилия Баргузин - название штормового байкальского ветра из известной песни "Славное море, священный Байкал", которую исполняют под руководством Коровьева-Фагота сотрудники Зрелищной комиссии в "Мастере и Маргарите". Бурно приветствовавшего революцию Маяковского, вообще отличавшегося взрывным характером, было вполне логично уподобить ветру баргузину.

В 1929 г. в пьесе "Клоп" Булгаков был включен Маяковским в "словарь умерших слов" светлого коммунистического будущего, а в стихотворении "Лицо классового врага 1. Буржуй-Ново" (1928) поэт обвинил автора "Дней Турбиных" в получении социального заказа от "новой буржуазии".

На прениях по докладу наркома просвещения А. В. Луначарского (1875-1933) "Театральная политика Советской власти" 2 октября 1926 г., за несколько дней до премьеры "Дней Турбиных" во МХАТе, Маяковский высказался следующим образом: "В отношении политики запрещения я считаю, что она абсолютно вредна... Но запретить пьесу, которая есть, которая только концентрирует и выводит на свежую водицу определенные настроения, какие есть - такую пьесу запрещать не приходится. А если там вывели двух комсомольцев (во время генеральной репетиции пьесы с публикой 23 сентября 1926 г.), то, давайте, я вам поставлю срыв этой пьесы, - меня не выведут. Двести человек будут свистеть, и сорвем, и скандала, и милиции, и протоколов не побоимся. (Аплодисменты.)
...Мы случайно дали возможность под руку буржуазии Булгакову пискнуть - и пискнул. А дальше мы не дадим. (Голос с места: "Запретить?"). Нет, не запретить. Чего вы добьетесь запрещением? Что эта литература будет разноситься по углам, и читаться с таким же удовольствием, как я двести раз читал в переписанном виде стихотворения Есенина...
Вот эта безобразная политика пускания всей нашей работы по руслу свободной торговли: то, что может быть приобретено, приобретается, это хорошо, а все остальное плохо, - это чрезвычайно вредит и театральной, и литературной, и всякой другой политике. И это значительно вреднее для нас, чем вылезшая, нарвавшая "Белая гвардия".

Едва намеченный образ поэта Вовы Баргузина развернут в "Мастере и Маргарите" в образ поэта Александра Рюхина, также имеющего своим прототипом Маяковского. Там Булгаков в отместку сделал его самого жертвой "скандала с протоколом", который учиняет в ресторане Дома Грибоедова, а позднее в клинике Стравинского поэт Иван Бездомный.

Сон, где герой Т. д. видит родной Киев во время гражданской войны, вспоминает виденное им убийство еврея петлюровцами (глава "Неврастения"), похож на другой булгаковский сон, рассказанный в письме сестре Наде 31 декабря 1917 г. из опостылевшей уездной Вязьмы: "...Мучительно тянет меня вон отсюда в Москву, или Киев, туда, где хоть и замирая, но все же еще идет жизнь. В особенности мне хотелось бы быть в Киеве! Через два часа придет новый год. Что принесет мне он? Я спал сейчас, и мне приснился Киев, знакомые и милые лица, приснилось, что играют на пианино...
Недавно в поездке в Москву и Саратов мне пришлось видеть воочию то, что больше я не хотел бы видеть.
Я видел, как толпы бьют стекла в поездах, видел, как бьют людей. Видел разрушенные и обгоревшие дома в Москве... Видел голодные хвосты у лавок, затравленных и жалких офицеров, видел газетные листки, где пишут в сущности об одном: о крови, которая льется и на юге, и на западе, и на востоке..."

Тогда, на исходе бурного 1917 г., Киев, оставленный Булгаковым еще до начала революционных потрясений, представлялся ему островком стабильности, где жизнь сохранила дореволюционный уют.

В 1929 г., когда создавалась повесть Т. д., Булгаков уже пережил в Киеве страшные моменты гражданской войны, видел не только как бьют, но и как убивают людей. Родной город во сне героя теперь неразрывно связан с насилием и страхом смерти.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Дом Грибоедова ~

Дом Грибоедова - в романе "Мастер и Маргарита" - здание, где помещается возглавляемый Михаилом Александровичем Берлиозом МАССОЛИТ - крупнейшая литературная организация.

В Д. Г. Булгаков запечатлел так называемый Дом Герцена (Тверской бульвар, 25), где в 20-е годы размещался ряд литературных организаций: РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей) и МАПП (Московская ассоциация пролетарских писателей), по образцу которых и создан вымышленный МАССОЛИТ. Расшифровки этого сокращения в тексте "Мастера и Маргариты" нет, однако наиболее вероятным представляется Мастера (или Мастерская) социалистической литературы, по аналогии с существовавшим в 20-е годы объединением драматургов МАСТКОМДРАМ (Мастерская коммунистической драмы).

В ресторане Д. Г. отразились черты не только ресторана Дома Герцена, но и ресторана Клуба театральных работников, директором которых в разное время был Я. Д. Розенталь (1893-1966), послуживший прототипом директора ресторана Д. Г. Арчибальда Арчибальдовича. Ресторан Клуба театральных работников, располагавшийся в Старопименовском переулке, на весну и лето переезжал в филиал, которым служил садик у старинного особнячка (дом № 11) на Страстном бульваре, где размещалось журнально-газетное объединение ("Жургаз"). В этом объединении Булгаков предполагал издавать своего "Мольера". В саду "Жургаза", куда проникнуть можно было только по специальным пропускам, играл знаменитый джаз-оркестр Александра Цфасмана, часто исполнявший популярный в 20-е и 30-е годы фокстрот "Аллилуйя" американского композитора Винцента Юманса (в булгаковском архиве сохранились ноты этого фокстрота). "Аллилуйя" играет оркестр ресторана Д. Г. перед тем, как туда приходит известие о гибели Берлиоза, а также джаз-оркестр на Великом балу у сатаны. Этот фокстрот - пародия на христианское богослужение в уподобленном аду ресторане Д. Г. Интересно, что Великий бал у сатаны вобрал в себя многие черты приема в американском посольстве в Москве 22 апреля 1935 г., на котором присутствовали Булгаков и где "Аллилуйя" тоже наверняка исполняли.

Дом Герцена пародийно уподоблен Дому Грибоедова, поскольку фамилия известного драматурга Александра Сергеевича Грибоедова (1795-1829) "гастрономическая" и указывает на главную страсть членов МАССОЛИТа - стремление хорошо поесть. Но у реального Дома Герцена с именем Грибоедова есть и некоторая связь, подтолкнувшая Булгакова дать своему Д. Г. имя автора "Горя от ума" (1820-1824). В этом доме в 1812 году родился писатель и публицист Александр Иванович Герцен (1812-1870), внебрачный сын крупного помещика И. А. Яковлева, брата владельца дома сенатора А. А. Яковлева. Сын сенатора Алексей, двоюродный брат А. И. Герцена, упоминается в грибоедовском "Горе от ума" княгиней Тугоуховской как чудак, который "чинов не хочет знать! Он химик, он ботаник, князь Федор мой племянник!".

В "Мастере и Маргарите" приведена история Д. Г.: "Дом назывался "Домом Грибоедова" на том основании, что будто бы некогда им владела тетка писателя - Александра Сергеевича Грибоедова (Домом Герцена владел дядя автора "Былого и дум" (1852-1868), где его двоюродный брат Алексей выведен как Химик). Ну владела или не владела - мы точно не знаем. Помнится даже, что, кажется, никакой тетки домовладелицы у Грибоедова не было... Однако дом так называли. Более того, один московский врун рассказывал, что якобы вот во втором этаже, в круглом зале с колоннами, знаменитый писатель читал отрывки из "Горя от ума" этой самой тетке, раскинувшейся на софе (намек на двоюродного брата Герцена в "Горе от ума", где восходящий к нему персонаж - племянник Тугоуховской). А впрочем, черт его знает, может быть и читал, не важно это!"

Ряд литераторов МАССОЛИТа, обитающих в Д. Г., имеет своих прототипов. Так, критик Мстислав Лаврович - это пародия, через лавровишневые капли, на писателя и драматурга Всеволода Витальевича Вишневского (1900-1951), одного из ревностных гонителей Булгакова, много способствовавшего, в частности, срыву постановки "Кабалы святош" в ленинградском Большом Драматическом Театре. Вишневский отразился и в одном из посетителей ресторана Д. Г. - "писателе Иоганне из Кронштадта". Это намек на киносценарии "Мы из Кронштадта" (1933) и "Мы - русский народ" (1937), написанные Вишневским и связывающие драматурга с другим прототипом Иоганна из Кронштадта - известным церковным деятелем и проповедником, причисленным русской православной церковью к лику святых, о. Иоанном Кронштадским (И. И. Сергеевым) (1829-1908). О. Иоанн был протоиереем Кронштадского собора и почетным членом черносотенного "Союза русского народа". В 1882 г. он основал Дом трудолюбия в Кронштадте, где были устроены рабочие мастерские, вечерние курсы ручного труда, школа для трехсот детей, библиотека, сиротский приют, народная столовая и другие учреждения для призрения нуждающихся.

Д. Г. - это пародия на Дом трудолюбия. Народная столовая здесь превратилась в роскошный ресторан. Библиотека в Д. Г. блистательно отсутствует - членам МАССОЛИТа она не нужна, ведь коллеги Берлиоза не читатели, а писатели. Вместо трудовых учреждений Дома трудолюбия в Д. Г. располагаются отделения, связанные только с отдыхом и развлечениями: "Рыбно-дачная секция", "Однодневная творческая путевка. Обращаться к М. В. Подложной", "Перелыгино" (пародия на дачный писательский поселок Переделкино), "Касса", "Личные расчеты скетчистов", "Квартирный вопрос", "Полнообъемные творческие отпуска от двух недель (рассказ-новелла) до одного года (роман, трилогия). Ялта, Суук-су, Боровое, Цихидзири, Махинджаури, Ленинград (Зимний дворец)" (названия курортов и туристских достопримечательностей говорят сами за себя), "Бильярдная" и др.

Фамилия председателя Главреперткома в 1930-1937 гг. драматурга и театрального критика Осафа Семеновича Литовского (1892-1971), самого непримиримого из булгаковских противников, способствовавшего запрещению всех его пьес, спародирована в фамилии погубившего Мастера критика Латунского, члена МАССОЛИТа. Двенадцать членов руководства МАССОЛИТа, напрасно ожидающих в Д. Г. своего председателя, пародийно уподоблены двенадцати апостолам, только не христианской, а новой коммунистической веры. Погибший Берлиоз повторяет судьбу Иисуса Христа, правда, смерть претерпевает, как Иоанн Креститель - от усекновения головы.

"Штурман Жорж" - это не только пародия на французскую писательницу Жорж Санд (Аврору Дюпен) (1804-1876). Под таким псевдонимом пишет присутствующая на заседании в Д. Г. "московская купеческая сирота" Настасья Лукинична Непременова, автор морских батальных рассказов. Конкретный ее прототип из булгаковских современниц - драматург Софья Александровна Апраксина-Лавринайтис, писавшая под псевдонимом "Сергей Мятежный". Как свидетельствуют записи в дневнике третьей жены писателя Е. С. Булгаковой, Апраксина-Лавринайтис была знакома с Булгаковым и в марте 1939 г. безуспешно пыталась дать ему свое либретто для Большого Театра. 5 марта Елена Сергеевна отметила: "Звонок. - "Я писательница, встречалась раньше с Михаилом Андреевичем и хорошо его знаю..."
- С Михаилом Афанасьевичем?
Поперхнулась. Фамилия неразборчивая. Словом, написала либретто. Хочет, чтобы М. А. прочитал". 8 марта писательница позвонила вторично и "оказалось Сергей Мятежный". В отличие от "С. Мятежного", Булгаков хорошо запомнил Апраксину-Лавринайтис, ибо восходящая к ней колоритная героиня появлялась уже в ранних редакциях "Мастера и Маргариты" под псевдонимом "Боцман Жорж" и с почти апокалиптическим возрастом 66 лет. Другим прототипом "Штурмана Жоржа" стала Лариса Михайловна Рейснер (1895-1926), писательница и активный участник гражданской войны, во время которой она вместе со своим мужем Федором Федоровичем Раскольниковым (Ильиным) (1892-1939) в качестве политработника находилась на кораблях красного флота. Впечатления того времени воплотились в военно-морской прозе Л. А. Рейснер. Она стала прототипом женщины-комиссара в пьесе Всеволода Вишневского "Оптимистическая трагедия" (1933). Ф. Ф. Раскольников, один из руководителей советских военно-морских сил, а позднее дипломат, в конце 20-х годов был начальником Главреперткома и редактором журнала "Красная Новь". В это время Булгаков не побоялся подвергнуть публичной критике пьесу Раскольникова "Робеспьер" (по воспоминаниям Е. С. Булгаковой, автор пьесы был настолько взбешен критикой, что ее муж даже опасался выстрела в спину).

Беллетрист Бескудников в ранней редакции был председателем секции драматургов, причем появлялся в Д. Г. "в хорошем, из парижской материи, костюме и крепкой обуви, тоже французского производства". Эти детали связывают данный персонаж с героем рассказа "Был май" молодым драматургом Полиевктом Эдуардовичем, только что вернувшимся из-за границы и одетым во все иностранное. У Полиевкта Эдуардовича и Бескудникова был общий прототип - писатель и драматург Владимир Михайлович Киршон (1902-1938), гонитель и конкурент Булгакова.

Сцена, когда Коровьева-Фагота и Бегемота не пускают в ресторан Д. Г. из-за отсутствия писательских удостоверений - это не только бытовая московская зарисовка реальных событий у того же ресторана в садике "Жургаза", но и отсылка к вполне конкретному литературному источнику. Речь идет о романе французского писателя Нобелевского лауреата Анатоля Франса (Тибо) (1844-1924) "На белом камне" (1904), где герой, оказавшись в социалистическом будущем, не может попасть в ресторан, так как от него требуют предъявить членский билет какой-либо трудовой артели. Булгаковская мысль о том, что противоестественно считать человека способным к творческому труду только на основании его принадлежности к литературной организации, созвучна традиции. Франс предвидел, что в обществе будущего осуществление социалистического идеала приведет к гипертрофированному развитию машинного производства и примитивной уравниловке, не оставит места для подлинного творчества. Булгаков писал уже в социалистическом обществе, и Д. Г. с расположенным в нем МАССОЛИТом - злая сатира на это общество, где человека определяют писателем только по наличию у него клочка картона в дорогой коже "с золотой широкой каймой".

Почему Жагот и Бегемот назвались Панаевым и Скабичевским?
Как Петербург со всех сторон подожгли
Студенты во все времена - козлы отпущения
Ещё о студентах - страшный содом пьяного бесснования
Что символизируют пожары в "Мастере и Маргарите"?
Читайте завершение >>>

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Дом Грибоедова, часть 2 ~

Страницы: 1 2

Бегемот и Коровьев смогли проникнуть в ресторан Д. Г., назвавшись именами писателя и журналиста Ивана Ивановича Панаева (1812-1862) и критика и историка литературы Александра Михайловича Скабичевского (1838-1910), причем эти имена взаимозаменяемы: "Коровьев против фамилии "Панаев" написал "Скабичевский", а Бегемот против "Скабического" написал "Панаев". Оба они олицетворяли поверхностную, неглубокую критику демократического направления, не способную постичь сути явлений, но достаточно популярную среди советских литераторов в первые послереволюционные годы. Такая же формальная иерархия, как и в написанной Скабичевским "Истории новейшей литературы" (1891), присутствует в МАССОЛИТе, где писателями считают только лиц с соответствующими удостоверениями, а особо выдающимися - тех, кто входит в состав руководящих органов. Скабичевский и Панаев вполне подходят под формальные критерии обитателей Д. Г.

"Литературные воспоминания" А. М. Скабичевского, последний раз переизданные в наиболее полном виде в 1928 г., накануне начала работы Булгакова над романом "Мастер и Маргарита", послужили важным источником для описания пожара Д. Г. и других пожаров в Москве (Торгсина на Смоленском рынке и дома 302-бис по Садовой). Скабичевский рассказывал о пожарной эпидемии 1862 г. в Петербурге, запечатленной также в романе Федора Достоевского (1821-1881) "Бесы" (1871-1872). Автор "Литературных воспоминаний" яркими красками нарисовал пожар Апраксина двора, случившийся в Духов день, 28 мая 1862 г.: "В исторический день Апраксинского пожара стечение публики в Летнем саду, благодаря хорошей погоде, было особенно многолюдное. И вот в самый разгар гулянья, часу в пятом, разом во всех концах сада раздались крики:

- Спасайтесь, горим, Апраксин весь в огне!

Началась страшная паника. Публика, в ужасе, бросилась к выходам из сада, и у каждых ворот произошла смертельная давка, из которой многих женщин вынесли замертво. Пользуясь этой суматохою, мазурики уже не воровали, а прямо срывали с девиц драгоценности, с клочьями платья и кровью из разорванных ушей. Это и дало повод предполагать, что поджог был произведен мазуриками, со специальной целью поживиться насчет гуляющих в Летнем саду разодетых купчих. Другие утверждали, что пожар начался с часовни, так как купцы и их дщери-невесты слишком переусердствовали и расставили такую массу свечей ради праздника, что от жара все кругом вспыхнуло.

Первое, что поразило меня, когда мы переехали на ялике через Неву - это вид Невского проспекта: все магазины сплошь были закрыты, не видно было ни одного экипажа вдоль проспекта, ни одного пешехода на тротуарах. Город точно весь вымер. Я никогда не видал Невского столь пустынным, даже в глухую ночь, в три, в четыре часа: было как-то особенно жутко. На Казанской площади глазам нашим представился высокий холм из кусков разных материй.

Пройдя затем Гостиный двор, мы свернули на площадь Александрийского театра и, через Театральный переулок, вышли на Чернышеву площадь. Здесь пожар предстал перед нами во всем своем грандиозном ужасе.

Я уже и не помню, как мы с отцом перебрались через площадь сквозь удушливый дым, нестерпимый жар, осыпаемые бумажным пеплом, летевшим из окон пылавшего министерства внутренних дел. Только перейдя через Чернышев мост, мы имели возможность оглядеться и отдать себе отчет в происходящем. С одной стороны из окон министерства вились громадные снопы пламени, на наших глазах занималась одна зала за другой, и когда огонь проникал в новую залу, с треском сыпались стекла из ее окон и появлялись вслед за тем новые языки пламени.
С другой стороны огонь, перебросившись через Фонтанку, пожирал высокие поленницы дровяного двора. Замечательно при этом, что рыбный садок близ Чернышева моста, несмотря на то, что находился на пути огня, был пощажен им и остался нетронутым. Не ограничиваясь набережными Фонтанки, огонь по Чернышеву и Лештукову переулку дошел почти до Пяти углов, пожрав по пути много десятков домов...
Выйдя на набережную Фонтанки, мы пошли вдоль нее по направлению к Семеновскому мосту. Щукин и Апраксин дворы в это время представляли собой сплошное море пламени в квадратную версту в окружности. Зданий не было уже видно: одно бушующее пламя, нечто вроде Дантова ада. Жар был почти нестерпимый, так как ветер дул в нашу сторону. Мимо нас проскакал рысью, нам навстречу, император, верхом на коне, окруженный свитою. За ним бежала толпа народа. Среди толпы ходили слухи, что разъяренная чернь побросала несколько человек в огонь, подозревая в них поджигателей.
Повернув затем на Гороховую и Садовую, мы прошли в тылу пожара мимо горящих рядов. Здесь было легче идти, так как ветер дул в противоположную сторону, и мы могли подходить вследствие загромождения улицы к самым рядам. Выбравшись затем на Невский и обойдя таким образом весь пожар, мы направились домой.
Вечером вспыхнуло в городе еще несколько пожаров в разных окраинах, так что небо со всех сторон было в заревах. Пожары эти были предоставлены самим себе, так как все силы были сосредоточены на главном, угрожавшем и Гостиному двору, и банку, и публичной библиотеке, но если все эти здания удалось отстоять, то благодаря лишь направлению ветра в противоположную сторону.
После того прошло еще два или три дня, в которые было по три, по четыре пожара в сутки. Дошло до такой паники, что в канцелярии Суворова (петербургского генерал-губернатора) чиновники побросали занятия и намеревались расходиться по домам. Но во всяком случае, ни одного мало-мальски внушительного пожара больше уже не было. А затем вскоре погода испортилась, пошли дожди; вместе с тем, прекратились и пожары, свидетельствуя этим, что главная причина их заключалась не в чем ином, как в засухе".

Петербургские пожары 1862 г. описаны и в "Воспоминаниях" (1889) вдовы И. И. Панаева Авдотьи Яковлевны Панаевой (1819-1893) (муж ее скончался 18 февраля 1862 г., за несколько месяцев до начала пожарной эпидемии). Булгаков был знаком с обеими книгами, и это стало еще одной причиной взаимозаменяемости фамилий "Скабичевский" и "Панаев" в сцене на веранде Д. Г. Свидетельство А. Я. Панаевой во многом совпало с мемуарами А. М. Скабичевского: "В духов день... в дверях комнаты, где я сидела за работой, появился Андрей, мой лакей, и перепуганным голосом проговорил: "Авдотья Яковлевна, Петербург со всех сторон подожгли!"
У меня мелькнула мысль, что Андрей вдруг сошел с ума; я невольно посмотрела ему в глаза, но не нашла в них ничего дикого, кроме страшного испуга, а он поспешил добавить:
- Извольте сами выйти на подъезд и увидите, что делается на улице.
Я вышла на подъезд и в самом деле поразилась сумятицей, которая происходила на улице. Собственные экипажи мчались по направлению к Невскому, на извозчиках сидели и стояли по нескольку седоков. Народ толпами бежал посреди улицы, а на тротуаре у каждого дома стояли жильцы; у нашего подъезда также стояла группа прислуги и жильцов. На лицах всех было выражение испуга. Да и точно можно было испугаться скачущих экипажей, бегущей толпы народа и крика кучеров. К довершению всего, сильный ветер рвал с головы шляпы, пыль столбом поднималась с мостовой и ослепляла глаза".

Далее А. Я. Панаева приводит рассказ ограбленной на пожаре купеческой свахи: " - И, матушка, точнехонько свету представление приключилось, мужской пол как бросился из саду, а за ним и наша сестра. В воротах такая стала давка, что смерть, а мошенники-душегубцы и ну тащить с нас, что попало. С меня сволокли ковровый платок, а с Марьи Савишны - тысячную шаль с брошкой сорвали. Кричали мы, кричали, да кому было нас, слабых женщин, защищать! С дочерей Марьи Савишны с шеи сорвали жемчуг. Вот в какое разорение все купечество подпало, до свадеб ли теперь, а нашей сестре приходится с голоду помирать".

Панаева передает различные слухи и описывает, как на ее глазах толпа схватила двух молодых людей, помогавших пожарным тушить пожар, подозревая в них поджигателей: " - Хороши эти молодцы, - вечор подожгли, а теперь для отводу глаз качают воду да еще посмеиваются", причем "какая-то пожилая женщина в платке, стоявшая около меня, перекрестилась и радостно произнесла: "Слава те, господи, что изловили этих нехристей, а то опять быть пожару". В поджогах подозревали поляков, студентов и "нигилистов" и едва ли не нечистую силу. Когда зашла речь о том, что "жильцы имеют право потребовать от дворников, чтобы они заперли ворота... кучер утвердительно заметил:
- Не поможет! У поджигателей, сказывают, имеется такой состав: мазанут им стену дома, а он через час пречудесно вспыхнет. Известно - все поляки поджигают".

Ряд деталей пожара в Д. Г. и других местах в Москве Булгаков взял из мемуаров Панаевой. Подобно мнимым поджигателям во время петербургского пожара 1862 г., настоящий поджигатель Коровьев-Фагот помогает пожарным тушить Д. Г., и в результате здание сгорело дотла. Для поджогов Бегемот и Коровьев используют зажигательную смесь из примуса - бензин. Во время охоты за Воландом и его свитой в эпилоге романа обезумевшая толпа хватает сотни котов, а также всех людей с фамилиями, хоть отдаленно напоминающими Коровьева и Воланда. Среди задержанных оказался и человек с польской фамилией - кандидат химических наук Ветчинкевич. Это отзвук передаваемых Панаевой слухов, что поджог устроили поляки. Точно так же, как Авдотья Яковлевна, сперва заподозрившая своего лакея в сумасшествии, а затем по глазам убедившаяся в его полной нормальности, Александр Рюхин, взглянув в глаза Ивану Бездомному, приходит к выводу, что тот совершенно здоров и его зря привезли в психиатрическую клинику профессора Стравинского. Когда Мастер и Маргарита вместе с поджегшим арбатский подвальчик Азазелло садятся на черных коней, чтобы покинуть Москву, увидевшая их кухарка, "простонав, хотела поднять руку для крестного знамения", как и женщина из рассказа Панаевой, но подручный Воланда пригрозил ей отрезать руку.

Еще больше деталей московских пожаров взято Булгаковым у Скабичевского. Воланд, подобно автору "Литературных воспоминаний", использовал как синонимы слова "толпа" и "чернь" в ранней редакции "Мастера и Маргариты", когда втолковывал Берлиозу и Бездомному, что "толпа - во все времена толпа, чернь..." В варианте 1931 г. Иван Бездомный, оказавшись в психиатрической лечебнице (тогда он именовался то Покинутым, то Безродным), "пророчески громко сказал:
- Ну, пусть погибнет красная столица, я в лето от Рождества Христова 1943-е все сделал, чтобы спасти ее! Но... но победил ты меня, сын гибели, и заточил меня, спасителя... Он поднялся и вытянул руки, и глаза его стали мутны и неземной красоты.
- И увижу ее в огне пожаров, - продолжал Иван, - в дыму увижу безумных, бегущих по Бульварному кольцу..."

Во всех редакциях романа, кроме последней, масштаб пожаров в Москве, вызванных подручными Воланда, приближался к масштабу петербургских пожаров в описании Скабичевского, причем было много жертв. Лишь в последней редакции "Мастера и Маргариты" сгорело всего несколько зданий, вокруг которых разворачивалось действие, и обошлось без жертв. Пожар в романе уничтожил те дома, которые были порождены фантазией писателя, в том числе и Д. Г., позволяя считать все происшедшее сном, не оставившим никаких следов в реальной жизни. Картину опустевшего в один миг Петербурга, нарисованную Скабичевским, Булгаков использовал в пьесе "Адам и Ева", когда изображал обезлюдевший в результате газовой атаки Ленинград.

При пожаре Д. Г. "как бы зияющая пасть с черными краями появилась в тенте и стала расползаться во все стороны. Огонь, проскочив сквозь нее, поднялся до самой крыши грибоедовского дома. Лежащие на окне второго этажа папки с бумагами в комнате редакции вдруг вспыхнули, а за ними схватило штору, и тут огонь, гудя, как будто кто-то его раздувал, столбами пошел внутрь теткиного дома", а из Д. Г., "к чугунной решетке бульвара, откуда в среду вечером пришел не понятый никем первый вестник несчастья Иванушка, теперь бежали недообедавшие писатели, официанты, Софья Павловна, Боба, Петракова, Петраков". У Скабичевского сходным образом горит здание министерства внутренних дел, когда бумажный пепел осыпает наблюдателя, а толпа гуляющих, подобно посетителям ресторана Д. Г., в панике покидает Летний сад.

Коровьев и Бегемот внешне очень походят на "мазуриков", которым молва, по свидетельству автора "Литературных воспоминаний", приписывала поджог с целью поживиться в возникшей панике имуществом гуляющих купчих. Но у Булгакова добыча Бегемота и Коровьева на пожаре Д. Г. невелика: обгоревший поварской халат, "небольшой ландшафтик в золотой раме" и целая семга. Немного больше - два больших балыка смог унести с собой директор ресторана Д. Г. Арчибальд Арчибальдович (как и у Скабичевского, огонь пощадил рыбу). В Петербурге горят места торговли - Апраксин и Гостиный дворы, у Булгакова жертвой пожара становится Торгсин на Смоленской. Подобно Скабичевскому, Воланд видит на пожаре носителя верховной власти - И. В. Сталина, констатируя в окончательном тексте "Мастера и Маргариты": "У него мужественное лицо, он правильно делает свое дело, и вообще все кончено здесь". Как и петербургские пожары 1862 г., московские пожары прекращает посланный Воландом сильнейший ливень с грозой.

В варианте 1934 г. Маргарита и Мастер наблюдали пожар почти так же, как и А. Я. Панаева. У Булгакова: "Первый пожар подплыл под ноги поэту на Волхонке. Там пылал трехэтажный дом напротив музея. Люди, находящиеся в состоянии отчаяния, бегали по мостовой, на которой валялись в полном беспорядке разбитая мебель, искрошенные цветочные вазоны". А в панаевских "Воспоминаниях" читаем: "В одном доме на полуразрушенной стене комнаты каким-то чудом уцелел большой поясной портрет в золоченой раме (не отсюда ли спасенный Бегемотом ландшафтик в золоченой раме?). Вся мостовая была завалена выбитыми из домов рамами, искалеченной мебелью и домашней утварью". У Скабичевского петербургский пожар сравнивается с Дантовым адом. В начале "Мастера и Маргариты" с адом сравнивается Д. Г., чем уже предопределяется его гибель в огне пожара. Расписываясь как "Панаев" и "Скабичевский", Коровьев-Фагот и Бегемот напоминают о знаменитых петербургских пожарах, описания которых связаны с этими фамилиями, однако угрожающему предупреждению внял только проницательный Арчибальд Арчибальдович.

Еще одно место в мемуарах Скабичевского привлекло внимание автора "Мастера и Маргариты" - рассказ о студенческих вечеринках: "...Напивались очень быстро и не проходило и часа после начала попойки, как поднимался страшный содом общего беснования: кто плясал вприсядку, кто боролся с товарищем; менее опьяненные продолжали вести какой-нибудь философский спор, причем заплетающиеся языки несли невообразимую чушь; в конце концов спорившие менялись своими утверждениями (поэтому, быть может, Бегемот и Коровьев так легко меняются фамилиями "Панаев" и "Скабичевский")..." В ресторане Д. Г. царит подобное же содомское веселье: "Покрытые испариной лица как будто засветились, показалось, что ожили на потолке нарисованные лошади, в лампах как будто прибавили свету, и вдруг, как бы сорвавшись с цепи, заплясали оба зала, а за ними заплясала и веранда". Скабичевский утверждал: "Никаких ссор в пьяном виде у нас не было". В Д. Г. происходит не только ссора, но и драка Ивана Бездомного с членами МАССОЛИТа, в том числе со своим другом поэтом Александром Рюхиным, причем в ранних редакциях "Мастера и Маргариты" по реакции окружающих было очевидно, что ссоры по пьяному делу в ресторане Д. Г. отнюдь не редкость. Булгаков наглядно демонстрирует падение литераторских нравов со времен Скабичевского.

В Д. Г. есть и отзвуки "Горя от ума". Грибоедовская Софья Павловна превращается в девушку на контроле, спрашивающую у посетителей писательские удостоверения. Слова Воланда о новом здании, которое непременно будет построено на месте сгоревшего Д. Г., могут быть иронически соотнесены со знаменитым утверждением Чацкого: "Дома новы, да предрассудки стары".

Пожар Д. Г. и других зданий в Москве заставляет вспомнить мысль русского философа Л. Шестова, высказанную им в работе "Афины и Иерусалим" (1930-1938): "От копеечной свечи Москва сгорела, а Распутин и Ленин - тоже копеечные свечи - сожгли всю Россию". Пожары в "Мастере и Маргарите" символизируют печальные последствия революции для России, вождю которой В. И. Ленинуч и его соратникам уподоблены Воланд со свитой помощников, выступающих в роли поджигателей.

« Назад

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Александр Рюхин ~

Александр Рюхин - персонаж романа "Мастер и Маргарита", поэт, член МАССОЛИТа. Прототипом А. Р. послужил поэт Владимир Маяковский (1893 - 1930). С ним Булгаков нередко играл в бильярд. Об этом сохранились воспоминания друга Булгакова, драматурга С. А. Ермолинского (1900 - 1984): "Если в бильярдной находился в это время Маяковский и Булгаков направлялся туда, за ними устремлялись любопытные. Ещё бы - Булгаков и Маяковский! Того гляди разразится скандал.

Играли сосредоточенно и деловито, каждый старался блеснуть ударом. Маяковский, насколько помню, играл лучше.

- От двух бортов в середину, - говорил Булгаков.

Промах.

- Бывает, - сочувствовал Маяковский, похаживая вокруг стола и выбираю удобную позицию. - Разбогатеете окончательно на своих тётях манях и дядях ванях, выстроите загородный дом, и огромный собственный бильярд. Непременно навещу и потренирую.

- Благодарствую. Какой уж там дом!

- А почему бы?

- О, Владимир Владимирович, но и вам клопомор не поможет, смею уверить. Загородный дом с собственным бильярдом выстроит на наших с вами костях ваш Присыпкин.

Маяковский выкатил лошадиный глаз и, зажав папиросу в углу рта, мотнул головой:

- Абсолютно согласен.

Независимо от результата игры прощались дружески. И все расходились разочарованные".

Те же бильярдные сражения в "Кружке" - Клубе работников искусств в Старопименовском переулке, только гораздо менее идиллически, описала вторая жена Булгакова Л. Е. Белозерская, объяснившая, почему Булгаков играл с Маяковским "с таким каменным замкнутым лицом". Автор пьесы "Клоп" (1928) отнёс Булгакова в "Словарь умерших слов" фантастического коммунистического будущего, призывал к обструкции булгаковских "Дни Турбиных" и утверждал в стихотворении "Лицо классового врага. "Буржуй-Нуво" (1928), что нэпманский "буржуй-нуво"

…На ложу
в окно
театральных касс
тыкая
ногтём лаковым
он
даёт
социальный заказ
На "Дни Турбиных" -
Булгаковым.

Впервые Булгаков отобразил Маяковского в образе развязно-фамильярного поэта Владимира Баргузина в неоконченной повести 1929 г. "Тайному другу", где Баргузин свысока критикует роман автобиографического героя повести. Революционное творчество Маяковского здесь ассоциируется с ураганным ветром - баргузином.

В "Мастере и Маргарите" ссора А. Р. с Иваном Бездомным пародирует действительные взаимоотношения Маяковского с поэтом Александром Безыменским, послужившим одним из прототипов Бездомного. Уничижительный отзыв о Безыменском есть в стихотворении Маяковского "Юбилейное" (1927): "Ну, а что вот Безыменский?!// Так…// Ничего…// морковный кофе". В эпиграмме 1930 г. характеристика Безыменского была не менее резкой: "Уберите от меня// этого// бородатого комсомольца!"

Стихотворение А. Р., посвящённое Первомаю, на которое нападает Бездомный, это, скорее всего, лозунговое стихотворение Маяковского к 1 мая 1924 г. Рассуждения А. Р. на счёт Пушкина (Булгаков пародийно наделил героя именем великого поэта): "Вот пример настоящей удачливости… - тут Рюхин встал во весь рост на платформе грузовика и руку поднял, нападая зачем-то на никого не трогающего чугунного человека, - какой бы шаг он ни сделал в жизни, что бы ни случилось с ним, всё шло ему на пользу, всё обращалось к его славе! Но что он сделал? Я не постигаю… Что-нибудь особенное есть в этих словах. "Буря мглою…"? Не понимаю!.. Повезло, повезло! - вдруг ядовито заключил Рюхин и почувствовал, что грузовик под ним шевельнулся, - стрелял, стрелял в него этот белогвардеец Дантес и раздробил бедро и обеспечил бессмертие..." - это отзвук посвященного Пушкину стихотворения Маяковского "Юбилейное" (1924).

У Булгакова спародировано стремление автора стихотворения фамильярно поздороваться с Пушкиным: "Александр Сергеевич, //разрешите представиться. // Маяковский. //Дайте руку! //Вот грудная клетка. //Слушайте, //уже не стук, а стон". А. Р. тоже поднимает руку, встав во весь рост и обращаясь к памятнику Пушкина на Тверском бульваре, только рука у него поднята скорее не для рукопожатия, а в бессильной злобе, рожденной завистью, как бы для удара.

Автор "Мастера и Маргариты" издевается над следующими словами Маяковского: "На Тверском бульваре //Очень к вам привыкли. //Ну, давайте, //подсажу на пьедестал. //Мне бы //памятник при жизни //полагается по чину. //Заложил бы // динамиту // - ну-ка, //дрызнь!". Слова же о "белогвардейце Дантесе" навеяны другим пассажем Маяковского: "Сукин сын Дантес! //Великосветский шкода. //Мы б его спросили: // - А ваши кто родители? //Чем вы занимались //до 17-го года? //Только этого Дантеса бы и видели".

В варианте 1929-1930 гг. Булгаков иронически давал понять, что Рюхин именно "левый поэт", как и Маяковский: "Иванушка шел плача и пытался укусить за руку то правого Пантелея, то левого поэта Рюхина..."

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций
Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы
Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи
Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта
Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Белозерская ~

Страницы: 1 2

Белозерская Любовь Евгеньевна (1895 - 1987) - вторая жена Булгакова (1924-1932), один из возможных прототипов Маргариты в ранних редакциях романа "Мастер и Маргарита".

Оставила посвященные Булгакову мемуары "О, мед воспоминаний" (1969), а также подготовленную по его рекомендации рукопись о своей эмигрантской жизни в Константинополе и Париже "У чужого порога" (ее устные рассказы на эту тему послужили материалом для пьесы "Бег"). Б. написала и третью книгу воспоминаний, "Так было", - о своем знакомстве с известным историком Е. В. Тарле (1875 - 1955) уже после развода с Булгаковым. "У чужого порога" и "Так было" были изданы в 1989 г. посмертно. Б. были посвящены роман "Белая гвардия", повесть "Собачье сердце" и пьеса "Кабала святош".

Б. родилась 18/30 сентября 1895 г. под Ломжей (Польша) в дворянской семье. Ее отец Евгений Михайлович Белозерский (1853 - 1897) был дипломатом, а потом служил в акцизном ведомстве. Мать Б. - Софья Васильевна Белозерская (урожденная Саблина) (1860 - 1921) окончила московский Институт благородных девиц, получив там музыкальное образование. После смерти отца семья Белозерских переехала к дальним родственникам в Пензу. Б. закончила с серебряной медалью Демидовскую гимназию в Санкт-Петербурге. Там же она училась в частной балетной школе. В 1914 г. Б. окончила курсы сестер милосердия и ухаживала за ранеными в благотворительных госпиталях. После октября 1917 г. Б. уехала из Петрограда к одной из своих подруг в деревню в Центральной России.

В 1918 г. она переезжает в Киев, где встречается с известным журналистом, знакомым ей еще по Петербургу, Ильёй Марковичем Василевским (1883 - 1938), писавшим под псевдонимом "Не-Буква". Б. стала женой Василевского, которому за необузданную ревность дала кличку "Пума".

В феврале 1920 г. Б. с мужем из Одессы отбыли в Константинополь, откуда в том же году переехали во Францию: в Марсель, а потом в Париж, где Василевский начал издавать собственную газету "Свободные мысли", скоро прекратившую свое существование из-за отсутствия средств. Зимой 1921/22 г. Б. с мужем переехали в Берлин, где Василевский стал сотрудничать в сменовеховской газете "Накануне". В июле 1923 г. он уехал в Россию вместе с Алексеем Толстым. В конце 1923 г. в Москву приехала Б. Ее брак с Василевским фактически распался еще в последние месяцы жизни в Берлине.

В начале января 1924 г. на вечере, устроенном редакцией "Накануне" в честь Алексея Толстого в особняке Бюро обслуживания иностранцев в Денежном переулке, Б. познакомилась с Булгаковым. В своих воспоминаниях писатель Юрий Слезкин (1885- 1947) рассказывал об этом сближении: "Тут у Булгакова пошли "дела семейные"- появились новые интересы, ему стало не до меня. Ударил в нос успех! К тому времени вернулся из Берлина Василевский (Не-Буква) с женой своей (которой по счету?) Любовью Евгеньевной, не глупая, практическая женщина, многое испытавшая на своем веку, оставившая в Германии свою "любовь", - Василевская приглядывалась ко всем мужчинам, которые могли бы помочь строить ее будущее. С мужем она была не в ладах. Наклевывался роман у нее с Потехиным Юрием Михайловичем (ранее вернувшимся из эмиграции) - не вышло, было и со мною сказано несколько теплых слов... Булгаков подвернулся кстати. Через месяц-два все узнали, что Миша бросил Татьяну Николаевну и сошелся с Любовью Евгеньевной".

Булгаков и Б. стали жить вместе в октябре 1924 г. Их брак был зарегистрирован 30 апреля 1925 г. В дневниковой записи в ночь на 28 декабря 1924 г. Булгаков весьма откровенно отозвался о Б.: "Подавляет меня чувственно моя жена. Это и хорошо, и отчаянно, и сладко, и, в то же время, безнадежно сложно: я как раз сейчас хворый, а она для меня... Как заноза сидит... что чертова баба завязила меня; как пушку в болоте, важный вопрос. Но один, без нее, уже не мыслюсь. Видно привык".

Тут же он признался: "Эта ужасно глупо при моих замыслах, но, кажется, я в нее влюблен. Одна мысль интересует меня. При всяком ли она приспособилась бы так же уютно, или это избирательно для меня?"

Б. помогала мужу в работе над пьесой о Мольере, переводя с французского, которым свободно владела, многочисленные источники. Она же, по ее устным воспоминаниям, подсказала будто бы ввести в будущий роман "Мастер и Маргарита" образ главной героини, чтобы несколько сократить перевес мужских персонажей в этом произведении.

В феврале 1929 г. Булгаков познакомился с подругой Б. Е. С. Шиловской, с которой у него завязался роман. В октябре 1932 г. она стала третьей женой писателя (см.: Е. С. Булгакова). Развод Б. с Булгаковым произошел 3 октября 1932 г. Некоторое время он еще продолжал встречаться со своей второй женой, периодически оказывая ей материальную помощь.

20 октября 1932 г. состоялся разговор Б. с Булгаковым, зафиксированный Любовью Евгеньевной на обороте булгаковской записки, озаглавленной ей как "последняя записка в общем доме". Там говорилось: "Чиша! Не волнуйся ты так: поверь мне, что всем сердцем я с твоими заботами и болью. Ты - не одинокий человек. Больше ничего не умею сказать. И звери тоже. М. Приду, если не будешь спать, поговорить с тобой".

Разговор, в изложении Б., произошел следующим образом: "Мы поговорили. Боже мой! Какой же был разговор. Бедный мальчик... Но я все поняла. Слезы лились между его пальцев (лицо загородил руками)". Булгаков снял Б. комнату в другом месте и отстроил ей помещение в том же доме (Б. Пироговская, 35), где они до этого жили. В новую комнату на Б. Пироговской Б. въехала 24 сентября 1933 г.

В 1930 г. Б. пыталась устроиться редактором в редакцию "Технической энциклопедии", однако после месячного испытательного срока не была пропущена отделом кадров как бывшая дворянка. С 1933 г. Б. работала редактором в редакции "ЖЗЛ", потом в редакции "Исторические романы" "Жургаза" (в 1938 г. эту редакцию перевели в Гослитиздат). После 1945 г. Б. была научным редактором по транскрипции в издательстве Большой Советской Энциклопедии, а с конца 40-х годов - редактором в "Литературной газете", сотрудничала и с журналом "Огонек". В 1928-1930 гг. Б. держала корректуру собрания сочинений Викентия Вересаева (Смидовича) (1867-1945), а с 1936 г. сделалась литературным секретарем Е. В. Тарле. Б. скончалась 27 января 1987 г. в Москве и похоронена на Ваганьковском кладбище.

Многие детали из мемуаров Б. "У чужого порога" отразились в булгаковских произведениях. Нищая жизнь русской эмиграции в Константинополе, мрачный константинопольский базар запечатлены в пьесе "Бег". По воспоминаниям Б.: "Большой базар" - "Гран-базар" - "Капалы Чарши" в Константинополе... поражал своей какой-то затаенной тишиной и пустынностью. Из темных нор на свет вытащены и разложены предлагаемые товары: куски шелка, медные кофейники, четки, безделушки из бронзы. Не могу отделаться от мысли, что все декорация для отвода глаз, а настоящие и не светлые дела творятся в черных норах. Ощущение такое, что если туда попадешь, то уж и не вырвешься". В "Беге" на этом базаре торгует резиновыми чертями генерал Чарнота, который не в силах покинуть Константинополь в финале пьесы.

В Париже Б. одно время танцевала в балетной труппе знаменитого мюзик-холла "Фоли-Бержер". Она, в частности, описывает в своей книге "У чужого порога" статистов Большого парижского ревю в этом мюзик-холле: "Просто - толпа и "ню" - обнаженные. Вся тяжесть ложится на последних. Они переодеваются (скорее - раздеваются) раз по десять-пятнадцать за вечер и присутствуют на сцене в течение всего спектакля. Они - декоративная оправа всего ревю".

Вероятно, воспоминания Б. повлияли на замысел Великого бала у сатаны, где присутствует толпа обнаженных женщин вместе с одетыми мужчинами. Не исключено, что некоторые черты образа Маргариты на этом балу были подсказаны рассказом Б. о ее последней репетиции в "Фоли-Бержер": "В картине "Ночь на колокольне Нотр-Дам" участвовала вся труппа. По углам таинственно вырисовывались Химеры. Зловещий горбатый монах в сутане стоял над громадным колоколом, простирая руки над вырывающимся из-под его ног пламенем. Из пламени медленно поднималась фигура лежащей женщины. Черный бархат скрадывал железную подпорку и казалось, что женщина плывет в воздухе (не отсюда ли полет нагой Маргариты в ночном небе?) На колоколе, привязанная гирляндами цветов, висела совершенно обнаженная девушка. В полутьме мерцало ее прекрасное тело, казавшееся неживым. Голова, в потоке темных волос, была безжизненно запрокинута.

Под звуки глазуновской "Вакханалии" оживали химеры. Ведьмы хороводом проносились вокруг монаха. Вдруг одна из них крикнула: "Она умерла!" и остановилась. Произошло смятение. Задние наскочили на передних.
- Где? Кто? - Оркестр продолжал играть. - О! Умерла!
- Тихо! - крикнул режиссер. - Без паники!
Артистку сняли с колокола. Она была в глубоком обмороке. Впопыхах ее положили прямо на пол. Появился врач, запахло камфарой. "Она закоченела, - сказал он. - Прикройте ее!" Монах набросил на девушку свою сутану".

Похожим образом и столь же мнимо умирает Маргарита, отравленная вместе с Мастером Азазелло, чтобы вновь воскреснуть в последнем полете. В позе химеры на Нотр-Дам сидит Воланд на крыше Пашковского дома. Фотографию этой химеры Б. привезла из Парижа, и она долгое время стояла на письменном столе Булгакова.

Читайте в завершении о парижском карнавале, всаднике в фиолетовом и скаредном миллионере. Здесь же вы узнаете про главный жизненный принцип Булгакова.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций
Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы
Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи
Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта
Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Белозерская, часть 2 ~

Страницы: 1 2

В книге "У чужого порога" Б. яркими красками рисует масленичный карнавал в Париже: "Избирается карнавальная королева. Ей полагается быть не старше 25 лет, быть не замужем и самой зарабатывать себе на жизнь.
В этот раз избрана машинистка из 13-го района, одного из самых бедных в Париже.
Вот она стоит на платформе украшенного цветами грузовика, озябшая и счастливая и улыбается всеми своими ямочками. По традиции в этот день ее принимает в своем дворце на Елисейских полях президент. Их обычно и снимают вдвоем: президент во фраке, со своей президентской лентой, она - в горностаевой королевской мантии.
Из большого, разнообразного, веселого шествия запомнилась мне одна колесница, отражающая в чисто французском духе злободневную тему - жилищный кризис.
На грузовике - двуспальная кровать (что греха таить: любят французы этот сюжет), в ней под одеялом двое улыбающихся молодоженов. Над ними - арка - часть моста: больше молодой паре деваться некуда. Чтобы подчеркнуть иллюзию моста, на арке стоит мужчина с удочкой - символ неугасающей страсти парижан к рыбной ловле, толпа отпускает пикантные шуточки, смеется, аплодирует..."

Очевидно, это карнавальное шествие подсказало шествие знаменитых грешников всех времен и народов на Великом балу у сатаны. Маргарита, избранная королевой этого созданного булгаковской фантазией бала, наделена прямо противоположными качествами по отношению к королеве парижского карнавала. Ей тридцать лет, она замужем, не нуждается в заработке, будучи обеспечена состоятельным мужем - крупным инженером, и живет в богатстве, а не в бедности.

Б. вспоминала, как они с Василевским встретили в Константинополе похоронную процессию: "Навстречу нам приближались греческие похороны - эффектное пятно на фоне улицы. Все лиловое: гроб, покрывало, венки, облачение священников. Лиловый цвет - траурный". Возможно, исходя из этой символики Коровьев-Фагот в сцене последнего полета превращается в фиолетового рыцаря. В ранней редакции весть Воланду от Иешуа Га-Ноцри насчет судьбы Мастера и Маргариты приносил всадник в фиолетовом. Траурный фиолетовый цвет означал прекращение земной жизни главных героев романа.

В книге "У чужого порога" есть рассказ о Владимире Пименовиче Крымове (1878-1968), богатом человеке, старом знакомом Василевского и прототипе Корзухина в пьесе "Бег": "У него под Берлином, в Целлендорфе, уютный обжитой дом, миловидная черноглазая жена, по типу украинка (должно быть, очень мила в венке, в плахте и вышитых рукавах) (в "Беге" - жена украинца Чарноты Люська, ставшая потом женой Корзухина), погибшая от пустячной операции в клинике знаменитого Бома (где, кстати, ее обворовали), еще драгоценная премированная пекинская собака, приобретенная за много сотен фунтов на собачьей выставке в Лондоне. Обслуживающий весь дом слуга Клименко - из бывших солдат белой армии.
Сам Владимир Пименович - человек примечательный: происходит из сибирских старообрядцев, богатый владелец многого недвижимого имущества в разных точках земного шара, вплоть до Гонолулу. Он несколько раз совершал кругосветное путешествие, о чем написал неплохую книгу "Богомолы в коробочке". Из России уехал, "когда рябчик в ресторане стал стоить 60 копеек вместо 40, что свидетельствовало о том, что в стране неблагополучно", - таковы его собственные слова. В Петербурге был представителем автомобилей Форда. Участвовал в выпуске аристократического журнала "Столица и усадьба". У него хорошая библиотека. Он знает языки. Крепкий, волевой человек, с одним слабым местом: до безумия любит карты, азартен.
Внешне он, по выражению моей сестры, "похож на швейцарский сыр", бледный, плоский, в очках с какими-то двояковыпуклыми стеклами.
Все мои рассказы о нем, о том, например, как он учит лакея Клименко французскому языку, заинтересовали в свое время Михаила Афанасьевича Булгакова. Тип Крымова привлек писателя и породил (окарикатуренный, конечно) образ Корзухина в пьесе "Бег".
Я, безумица, как-то раз села играть с ним и его гостями в девятку (в первый раз в жизни!) и всех обыграла. Мне везло, как всегда везет новичкам. По неопытности, прикупила к восьмерке, оказалось, туза. Все ахнули. Чудо в карточных анналах! Мне бы уйти от стола, как сделал бы опытный игрок, но я не ушла и все, конечно, проиграла плюс осталась должна. На другой день Крымов приехал на машине за карточным долгом".

Булгаков своеобразно отомстил в "Беге" Крымову-Корзухину за скаредность и стремление получить деньги даже с полунищей соотечественницы, заставив его безнадежно проиграть, только не новичку, а опытному игроку генералу Чарноте.

Б. очень точно сформулировала в своей книге "О, мед воспоминаний" главный жизненный принцип Булгакова: "Мы часто опаздывали и всегда торопились. Иногда бежали за транспортом. Но Михаил Афанасьевич неизменно приговаривал: "Главное - не терять достоинства".
Перебирая в памяти прожитые с ним годы, можно сказать, что эта фраза, произносимая иногда по шутливому поводу, и было кредо всей жизни писателя Булгакова".

В книге "О, мед воспоминаний" Б. излагает также содержание не дошедшей до нас булгаковской пьесы "Белая глина", которую они вместе писали в 1924 г.: "Как-то днем... пришел оживленный М. А. и сказал, что мы будем вместе писать пьесу из французской жизни... и что у него уже есть название: "Белая глина". Я очень удивилась и спросила, что это такое - "белая глина", зачем она нужна и что из нее делают.
- Мопсов из нее делают, - смеясь, ответил он. Эту фразу потом говорило одно из действующих лиц пьесы.
Много позже, перечитывая чеховский "Вишневый сад", я натолкнулась на рассказ Симеонова-Пищика о том, что англичане нашли у него в саду белую глину, заключили с ним арендный договор на разработку ее и дали ему задаток. Вот откуда пошло такое необычайное название! В результате я так и не узнала, что, кроме мопсов, из этой глины делают.
Зато сочиняли мы и очень веселились.
Схема пьесы была незамысловата. В большом и богатом имении вдовы Дюваль, которая живет там с 18-летней дочерью, обнаружена белая глина.
Эта новость волнует всех окрестных помещиков: никто толком не знает, что это за штука. Мосье Поль Ив, тоже вдовец, живущий неподалеку, бросается на разведку в поместье Дюваль и сразу же попадает под чары хозяйки. И мать, и дочь необыкновенно похожи друг на друга. Почти одинаковым туалетом они усугубляют еще это сходство: их забавляют постоянно возникающие недоразумения на этой почве. В ошибку впадает мосье Ив, затем его сын Жан, студент, приехавший из Сорбонны на каникулы, и, наконец, инженер-геолог, эльзасец фон Трупп, приглашенный для исследования глины и тоже сразу же бешено влюбившийся в мадам Дюваль. Он - классический тип ревнивца. С его приездом в доме начинается кутерьма. Он не расстается с револьвером.
- Проклятое сходство! - кричит он. - Я хочу застрелить мать, а целюсь в дочь...
Тут и объяснения, и погоня, и борьба, и угрозы самоубийства. Когда, наконец, обманом удается отнять у ревнивца револьвер, он оказывается незаряженным... В третьем действии все кончается общим благополучием. Тут мы применили принцип детской скороговорки: "Як женился на Цип, Яхцидрах на Циппидрип..." Поль Ив женится на Дюваль-матери, его сын Жан - на Дюваль-дочери, а фон Трупп - на экономке мосье Ива мадам Мелани.
Мы мечтали увидеть "Белую глину" у Корша, в роли мосье Ива - Радина, а в роли фон Труппа - Топоркова".

По всей вероятности, Булгаков вместе с Б. создал новую редакцию своей владикавказской комедии, о которой он писал сестре Вере 26 апреля 1921 г.: "Лучшей моей пьесой подлинного жанра я считаю 3-актную комедию-буфф салонного типа "Вероломный папаша" ("Глиняные женихи"). И как раз она не идет, да и не пойдет, несмотря на то, что комиссия, слушавшая ее, хохотала в продолжении всех трех актов... Салонная! салонная! Понимаешь".

Можно предположить, что в "Глиняных женихах" действие происходило в России, а "вероломным папашей" был будущий мосье Ив "Белой глины". Не исключено, что фон Трупп в первой редакции был не эльзасцем, а прибалтийским немцем, и мог иметь прототипом Л. С. Карума, мужа булгаковской сестры Варвары, отразившегося в Тальберге из "Белой гвардии" и "Дней Турбиных".

"Белую глину", одетую во французские одежды, дабы подчеркнуть ее водевильную природу (этот жанр родился во Франции), ждала абсолютно та же судьба, что и "Глиняных женихов". Б. рассказывает о завершении истории с пьесой: "Два готовых действия мы показали Александру Николаевичу Тихонову (Сереброву) (в последующем отвергнувшего "Мольера"). Он со свойственной ему грубоватой откровенностью сказал:
- Ну, подумайте сами, ну кому нужна сейчас светская комедия?
Так третьего действия мы и "не дописали".

Соавторство Б. с Булгаковым выражалось в том, что она давала мужу бытовой материал "из французской жизни" для "Белой глины", как позднее константинопольский материал - для "Бега". Подобным же образом В. В. Вересаев поставлял Булгакову необходимые сведения для пьесы "Александр Пушкин", а туземный соавтор - материал "из горской жизни" для пьесы "Сыновья муллы".

« Назад
Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Коровьев-Фагот ~

Страницы: 1 2 3

Коровьев-Фагот - персонаж романа "Мастер и Маргарита", старший из подчиненных Воланду демонов, черт и рыцарь, представляющийся москвичам переводчиком при профессоре-иностранце и бывшим регентом церковного хора.

Фамилия Коровьев сконструирована по образцу фамилии персонажа повести Алексея Константиновича Толстого (1817-1875) "Упырь" (1841) статского советника Теляева, который оказывается рыцарем Амвросием и вампиром. Интересно, что Амвросием зовут одного из посетителей ресторана Дома Грибоедова, расхваливающего достоинства его кухни в самом начале романа. В финале же визит в этот ресторан Бегемота и Коровьева-Фагота заканчивается пожаром и гибелью Дома Грибоедова, а в заключительной сцене последнего полета Коровьева-Фагота, как и Теляев у А. К. Толстого, превращается в рыцаря.

Коровьев-Фагот связан и с образами произведений Федора Михайловича Достоевского (1821-1881). В эпилоге "Мастера и Маргариты" среди задержанных по сходству фамилий с Коровьевым-Фаготом названы "четыре Коровкина". Здесь сразу вспоминается повесть "Село Степанчиково и его обитатели" (1859), где фигурирует некто Коровкин. Дядя рассказчика полковник Ростанев считает этого героя одним из близких себе людей. Полковник "вдруг заговорил, неизвестно по какому поводу, о каком-то господине Коровкине, необыкновенном человеке, которого он встретил три дня назад где-то на большой дороге и которого ждал теперь к себе в гости с крайним нетерпением". Для Ростанева Коровкин "уж такой человек; одно слово, человек науки! Я на него как на каменную гору надеюсь: побеждающий человек! Про семейное счастье как говорит!" И вот перед гостями появляется давно ожидаемый Коровкин "не в трезвом состоянии души-с". Костюм его, состоящий из изношенных и поврежденных предметов туалета, когда-то составлявших вполне приличную одежду, напоминает костюм Коровьева-Фагота.

Коровкин схож с булгаковским героем и разительными приметами пьянства на физиономии и в облике: "Это был невысокий, но плотный господин, лет сорока, с темными волосами и с проседью, выстриженный под гребенку, с багровым круглым лицом, с маленькими, налитыми кровью глазами, в высоком волосяном галстухе, в пуху и в сене, и сильно лопнувшем под мышкой, в pantalon impossible (невозможных брюках (фр.) и при фуражке, засаленной до невероятности, которую он держал на отлете. Этот господин был совершенно пьян".

А вот портрет Коровьева-Фагота: "...прозрачный гражданин престранного вида. На маленькой головке жокейский картузик, клетчатый кургузый воздушный... пиджачок... гражданин ростом в сажень, но в плечах узок, худ неимоверно, и физиономия, прошу заметить, глумливая"; "...усики у него, как куриные перья, глазки маленькие, иронические и полупьяные, а брюки клетчатые, подтянутые настолько, что видны грязные белые носки".

Здесь полный контраст физических черт - Коровкин низкий, плотный и широкоплечий, Коровьев-Фагот же высокий, худой и узкоплечий. Однако при этом совпадает не только одинаковая небрежность в одежде, но и манера речи. Коровкин обращается к гостям:" - Атанде-с... Рекомендуюсь: дитя природы... Но что я вижу? Здесь дамы... А зачем же ты не сказал мне, подлец, что у тебя здесь дамы? - прибавил он с плутовскою улыбкою смотря на дядю, - ничего? не робей!.. представимся и прекрасному полу... Прелестные дамы! - начал он, с трудом ворочая язык и завязая на каждом слове, - вы видите несчастного, который... ну, да уж и так далее... Остальное не договаривается... Музыканты! польку!

- А не хотите ли заснуть? - спросил Мизинчиков, спокойно подходя к Коровкину.
- Заснуть? Да вы с оскорблением говорите?
- Нисколько. Знаете, с дороги полезно...
- Никогда! - с негодованием отвечал Коровкин. - Ты думаешь, я пьян? - нимало... А впрочем, где у вас спят?
- Пойдемте, я вас сейчас проведу.
- Куда? в сарай? Нет, брат, не надуешь! Я уж там ночевал... А, впрочем, веди... С хорошим человеком отчего не пойти?.. Подушки не надо; военному человеку не надо подушки... А ты, мне, брат, диванчик, диванчик сочини... Да, слушай, - прибавил он останавливаясь, - ты, я вижу, малый теплый; сочини-ка ты мне того... понимаешь? ромео, так только, чтоб муху задавить... единственно, чтоб муху задавить, одну, то есть рюмочку.
- Хорошо, хорошо! - отвечал Мизинчиков.
- Хорошо... Да ты постой, ведь надо ж проститься... Adieu, mesdames и mesdemoiselles... Вы, так сказать пронзили... да уж ничего! после объяснимся... а только разбудите меня, как начнется... или даже за пять минут до начала... а без меня не начинать! слышите? не начинать!.."

Пробудившись же, Коровкин, по словам лакея Видоплясова, "многоразличные вопли испускали-с. Кричали: как они представятся теперь прекрасному полу-с? а потом прибавили: "Я не достоин рода человеческого!" и все так жалостно говорили-с, в отборных словах-с". Почти также говорит и Коровьев-Фагот, обращаясь к Михаилу Александровичу Берлиозу и изображая из себя похмельного регента:
" - Турникет ищите, гражданин? - треснувшим тенором осведомился клетчатый тип, - сюда пожалуйте! Прямо, и выйдете куда надо. С вас бы за указание на четверть литра... поправиться... бывшему регенту!".

Как и герой Достоевского, Коровьев-Фагот просит выпивку "для поправления здоровья". Его речь, как и речь Коровкина, делается отрывистой и малосвязной, что характерно для пьяного. Присущую Коровкину интонацию плутовской почтительности Коровьев-Фагот сохраняет и в разговоре с Никанором Ивановичем Босым, и в обращении к дамам на сеансе черной магии в Театре Варьете. Коровьевское "Маэстро! Урежьте марш!" явно восходит к коровкинскому "Музыканты! польку!". В сцене же с дядей Берлиоза Поплавским Коровьев-Фагот "жалостливо" и "в отборных словах-с" ломает комедию скорби.

"Село Степанчиково и его обитатели" представляет собой также пародию на личность и произведения Николая Гоголя (1809-1852). Например, дядя рассказчика, полковник Ростанев, во многом пародирует Манилова из "Мертвых душ" (1842-1852), Фома Фомич Опискин - самого Гоголя, а Коровкин - Хлестакова из "Ревизора" и Ноздрева из "Мертвых душ" в одном лице, с которыми столь же связан и Коровьев-Фагот.

С другой стороны, образ Коровьева-Фагота напоминает кошмар "в брюках в крупную клетку" из сна Алексея Турбина в "Белой гвардии". Этот кошмар, в свою очередь, генетически связан с образом либерала-западника Карамзинова из романа Достоевского "Бесы" (1871-1872). К.-Ф. - это также материализовавшийся черт из разговора Ивана Карамазова с нечистым в романе "Братья Карамазовы" (1879-1880).

Между Коровкиным и Коровьевым-Фаготом есть, наряду со многими чертами сходства, одно принципиальное различие. Если герой Достоевского - действительно горький пьяница и мелкий плут, способный обмануть игрой в ученость лишь крайне простодушного дядю рассказчика, то Коровьев-Фагот - это возникший из знойного московского воздуха черт (небывалая для мая жара в момент его появления - один из традиционных признаков приближения нечистой силы). Подручный Воланда только по необходимости надевает различные маски-личины: пьяницы-регента, гаера, ловкого мошенника, проныры-переводчика при знаменитом иностранце и др. Лишь в последнем полете Коровьев-Фагот становится тем, кто он есть на самом деле, мрачным демоном, рыцарем Фаготом, не хуже своего господина знающим цену людским слабостям и добродетелям.

За что наказан рыцарь Фагот?
Неудачный каламбур о Свете и Тьме
Столетия вынужденного шутовства
Демонические прототипы Коровьева из "Истории сношений человека с дьяволом"
"Легенда о жестоком рыцаре"
Читайте продолжение>>>

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Коровьев-Фагот, часть 2 ~

Страницы: 1 2 3

Рыцарство Коровьева-Фагота имеет много литературных ипостасей. В последнем полете фигляр Коровьев преображается в мрачного темно-фиолетового рыцаря с никогда не улыбающимся лицом. Этот рыцарь "когда-то неудачно пошутил... его каламбур, который он сочинил, разговаривая о свете и тьме, был не совсем хорош. И рыцарю пришлось после этого прошутить немного больше и дольше, нежели он предполагал", - так излагает Воланд Маргарите историю наказания Коровьева-Фагота.

Своеобразным прототипом рыцаря Фагота здесь послужил, по всей вероятности, бакалавр Сансон Карраско, один из основных персонажей булгаковской инсценировки романа "Дон Кихот" (1605-1615) Мигеля де Сервантеса (1547-1616).

Сансон Карраско, стремясь заставить Дон Кихота вернуться домой, к родне, принимает затеянную им игру, выдает себя за рыцаря Белой Луны, побеждает рыцаря Печального Образа в поединке и вынуждает поверженного дать обещание вернуться к семье. Однако Дон Кихот, возвратившись домой, не может пережить крушения своей фантазии, ставшей для него самой жизнью, и умирает. Сансон Карраско, рыцарь Белой Луны, делается невольным виновником гибели рыцаря Печального Образа. Герцог говорит Сансону после ранения Дон Кихота, что "шутка зашла слишком далеко", а умирающий идальго называет Карраско "наилучшим рыцарем из всех", но "жестоким рыцарем".

Дон Кихот, чей разум помутился, выражает светлое начало, примат чувства над разумом, а ученый бакалавр, символизируя рациональное мышление, вопреки своим намерениям творит черное дело. Не исключено, что именно рыцарь Белой Луны наказан Воландом столетиями вынужденного шутовства за трагическую шутку над рыцарем Печального Образа, закончившуюся гибелью благородного идальго.

Сансон Карраско связан с ночным светилом - луной, олицетворением потусторонних сил. В ночь полнолуния совершает свой последний полет и рыцарь Фагот, вместе с Воландом и остальными членами свиты возвращающийся в свой мир - мир ночи.

У Коровьева-Фагота в его рыцарском обличии есть еще один, демонологический прототип. В книге М. А. Орлова "История сношений человека с дьяволом" (1904), из которой сохранились многочисленные выписки в булгаковском архиве, приведена история двух рыцарей. Один из них, испанский дворянин (как и сервантесовский Дон Кихот), влюбленный в монахиню, по дороге на свидание с ней должен был пройти через монастырскую церковь. В ярко освещенной церкви рыцарь видит отпевание покойника, и дворянину называют имя умершего - его собственное. В ответ рыцарь смеется, указав, что монахи ошибаются, и что он, слава Богу, жив и здоров. Однако охваченный внезапным страхом, выбегает из церкви.

Его догоняют две громадные черные собаки и загрызают насмерть. Другой рыцарь, Фалькенштейн, однажды усомнился в могуществе и самом существовании демонов и со своими сомнениями обратился к некоему монаху Филиппу. Тот начертал шпагой волшебный круг и заклинаниями вызвал черта - громадного и ужасного черного дьявола, появившегося с шумом и грохотом. Рыцарь не вышел за пределы волшебного круга и остался жив и невредим, "только все его лицо побледнело и оставалось таким до конца жизни".

В Коровьеве-Фаготе контаминированы образы обоих рыцарей. Испанский рыцарь наказан за насмешку над предсказанием собственной смерти (за это же наказан и Михаил Александрович Берлиоз), а рыцарь Фалькенштейн - за сомнения в существовании демонов, причем лицо его навеки остается бледным, тогда как рыцарь Фагот обречен оставаться с всегда мрачным лицом.

В более раннем варианте сцены последнего полета Коровьева-Фагота "сорвал с носа пенсне и бросил его в лунное море. С головы слетела его кепка, исчез гнусный пиджачишко, дрянные брючонки. Луна лила бешеный свет, и теперь он заиграл на золотых застежках кафтана, на рукояти, на звездах шпор. Не было никакого Коровьева, невдалеке от мастера скакал, колол звездами бока коня рыцарь в фиолетовом. Все в нем было печально, и мастеру показалось даже, что перо с берета свешивается грустно". Здесь Коровьев-Фагот имеет сходство как с испанским дворянином-рыцарем из книги Орлова, так и с рыцарем Белой Луны - Сансоном Карраско. Помощник Воланда парадоксально обретает черты рыцаря Печального Образа. Отметим также, что фиолетовый цвет в католической традиции - цвет траура.

Превращение Коровьева-Фагота в рыцаря, вероятно, связано и с шуточной "легендой о жестоком рыцаре", содержащейся в повести друга Булгакова писателя Сергея Сергеевича Заяицкого (1893-1930) "Жизнеописание Степана Александровича Лососинова" (1928). Вот эта легенда: "В некоем замке, стоящем над бездною, на весьма крутой и неудобной для пешеходов скале, жил барон, отличавшийся неимоверною злобою, которую срывал он не только на своих слугах и родственниках, но и на беззащитных животных... Не бывало случая, чтобы, встретив на дороге корову, рыцарь отказал себе в удовольствии засунуть шпагу ей в бок или, чтобы, поймав кошку, не привязал он ее за хвост к длинной бечевке и не начал бы раскачивать в таком виде над бездною". Исцеление рыцаря от его странного недуга происходит у Заяицкого при столь же комических обстоятельствах: "Однажды гулял рыцарь со своим пажом по берегу реки столь же бурливой, сколь узкой, и обмахивал себя широкой шляпой с пером, так как день был жаркий. Перед этим он только что отхватил голову овце (вспомним, что Коровьев-Фагот направил к роковому турникету Берлиоза, которому в результате отрезало голову трамваем), пасшейся на лужайке, и жестокость его теперь изыскивала себе нового применения. Вдруг глаза его уставились в одну точку, приняли выражение глубочайшего удивления, граничащего с ужасом, и, вперив в ту же самую точку указательный перст правой руки, закричал он:

- Что это такое?
Паж глянул по указанному направлению и обомлел: прекрасная дама стояла на берегу и делала все попытки искупаться в реке, причем золоченая карета ее со стыдливо отвернувшимся возницей стояла тут же на зеленом холме.
- Что это? - повторил барон, не опуская перста.
- Это дама, о благородный барон, - отвечал паж, дрожа от страха за несчастную, а кстати, и за себя.
- Да, но что же это такое? - продолжал восклицать рыцарь. Он подошел ближе к незнакомке, которая в это время уничтожила последнюю преграду между собою и солнечными лучами, внезапно упал на колени и, будто ослепленный сиянием, закрылся епанчою. Когда он встал, лицо его было светло и умильно. Подойдя к красавице, которая между тем с перепугу влезла в воду, он любезно пригласил ее обедать в свой замок и предлагал ей немедленно перестать купаться, не понимая, что заставляет ее сидеть в воде столь долгое время. Красавице с трудом удалось убедить его обождать в карете, что он наконец и сделал, дав ей таким образом возможность одеться, не нарушая требований целомудрия. Возвращаясь в свой замок в карете, барон слегка обнимал стан дамы и все время умолял кучера не стегать бедных лошадей, а при встрече со стадом не только не сделал попытки проткнуть корову шпагой, но, протянув из окна руку, ласково потрепал ближайших животных. Такова, заканчивает легенда, удивительная сила женского влияния. Вследствие странного стечения обстоятельств барон с детства не только не видел женщин, но даже не подозревал об их существовании, что было совершенно упущено из вида его родственниками. Первая же встреча с женщиной превратила кровожадного льва в ласкового теленка".

О Бегемоте - паже Фагота.
А вам Коровьев чем-то Вицлипуцли не напоминает?
Реальный прототип Фагота - слесарь-водопроводчик, бывший регент.
Рыцарь Белого и Черного Орла.
Читайте завершение>>>

« Назад

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Коровьев-Фагот, часть 3 ~

Страницы: 1 2 3

У рыцаря Фагота, как и у "жестокого рыцаря" в повести Заяицкого, есть паж. В этой роли выступает кот-оборотень Бегемот, меняющий свое обличье в последнем полете: "Тот, кто был котом, потешавшим князя тьмы, теперь оказался худеньким юношей, демоном-пажом, лучшим шутом, какой существовал когда-либо в мире". Показательно, что он летит бок о бок с Коровьевым-Фаготом. Злые шутки "жестокого рыцаря" над животными, вероятно, удовлетворили бы Воланда. А вот невольный каламбур по отношению к купающейся даме, ликвидировавшей последнюю преграду между своим телом и солнечными лучами, и, будто сиянием, ослепившей героя легенды, дьяволу мог бы не понравиться. Ведь Воланд по мере сил препятствует Маргарите проявить благотворное женское влияние после Великого бала у сатаны, в частности, в отношении Фриды.

После того, как Коровьев-Фагот "соткался из воздуха" на Патриарших прудах, Михаил Александрович Берлиоз в беседе с Иваном Бездомным упомянул "про менее известного грозного бога Вицлипуцли, которого весьма почитали некогда ацтеки в Мексике". Вицлипуцли здесь ассоциируется с Коровьевым-Фаготом неслучайно. Это - не только бог войны, которому ацтеки приносили человеческие жертвы, но и, согласно немецким легендам о докторе Фаусте, - дух ада и первый помощник сатаны. В качестве первого помощника Воланда выступает в "Мастере и Маргарите" Коровьев-Фагот.

Одно из имен Коровьева-Фагота - Фагот восходит к названию музыкального инструмента фагот, изобретенному итальянским монахом Афранио. Благодаря этому обстоятельству резче обозначается функциональная связь между Коровьевым-Фаготом и Афранием (см.: "Мастер и Маргарита"). У Коровьева-Фагота есть даже некоторое сходство с фаготом - длинной тонкой трубкой, сложенной втрое. Булгаковский персонаж худ, высок и в мнимом подобострастии, кажется, готов сложиться перед собеседником втрое (чтобы потом спокойно ему напакостить).

Не исключено, что Коровьев-Фагот имел и реального прототипа среди знакомых Булгакова. Вторая жена писателя Л. Е. Белозерская в книге мемуаров "О, мед воспоминаний" упоминает слесаря-водопроводчика Агеича, любовника их домработницы Маруси (в квартире на Б. Пироговской, 35а), которая впоследствии вышла за него замуж и, по утверждению мемуаристки, "много раз после прибегала она ко мне за утешением. Несколько раз прорывался к нам и пьяный Агеич. Алкоголь настраивал его на божественное: во хмеле он вспоминал, что в юности пел в церковном хоре (по устному свидетельству Л. Е. Белозерской в беседе с нами, Агеич был регентом хора) и начинал петь псалмы. Выпроводить его в таком случае было очень трудно. "Богиня, вы только послушайте... - и начинал свои песнопения..." По словам Л. Е. Белозерской, Агеич был "на все руки мастер". Отставной регент-водопроводчик повлиял на коровьевскую ипостась Коровьева-Фагота, который выдает себя за бывшего регента и предстает на Патриарших горьким пьяницей. Правда, вместо псалмов, Коровьев-Фагот разучивает с сотрудниками филиала Зрелищной комиссии "Славное море священный Байкал...".

Он, как и Агеич, - мастер на все руки, только по части устройства всяких гадостей. Интонация и фразеология Коровьева-Фагота, когда он обращается к Маргарите: "Ах, королева, - игриво трещал Коровьев, - вопросы крови - самые сложные вопросы в мире!", напоминает обращение Агеича к Л. Е. Белозерской.

Эпизод с хоровым кружком, поющим "Славное море...", возможно, навеян случаем, связанным с другой "байкальской" песней. 18 декабря 1933 г. Е. С. Булгакова оставила в дневнике следующую запись: "...Поздно вечером Рубен Симонов потащил нас к себе. Там были еще и другие вахтанговцы, было очень просто и весело. Симонов и Рапопорт дуэтом пели "По диким степям Забайкалья..." (Один из поющих будто бы не знает слов, угадывает, вечно ошибается: "навстречу - родимый отец..." (поправляется: мать!) и т. д.) Обратно Симонов вез нас на своей машине - по всем тротуарам - как только доехали!" У Коровьева-Фагота хор поет песню слаженно и правильно, только никак не может остановиться. То, что пьяный руководитель Театра имени Евг. Вахтангова Р. Н. Симонов (1899-1968) благополучно довез писателя и его жену до дому, могло быть расценено Е. С. Булгаковой как покровительство Бога или дьявола. Черт Коровьев-Фагот, играющий пьяницу-регента, путает служащих Зрелищной комиссии, заставляя их в рабочее время отдаваться хоровому пению.

Булгаков высмеял приверженность представителей советской власти всех уровней именно к этому виду искусства еще в повести "Собачье сердце" (1925), а в письме сестре Наде 24 марта 1922 г. сообщал об обстановке в доме 10 по Б. Садовой, где тогда проживал в квартире, ставшей впоследствии Нехорошей квартирой: "...Дом уже "жилищного рабочего кооператива" и во главе фирмы все та же теплая компания, от 4-7 по-прежнему заседания в комнате налево от ворот" (вероятно, сопровождавшиеся ненавистным писателю хоровым пением).

Любопытно, что рыцарство Коровьева-Фагота связано с обретением им одной из высших степеней Масонства, степени Кадош, или Рыцаря белого и черного орла.

« Назад

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций
Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы
Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи
Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта
Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Бездомный Иван ~

Страницы: 1 2

Иван Бездомный (он же - Иван Николаевич Понырев) - персонаж романа "Мастер и Маргарита", поэт, становящийся в эпилоге профессором Института истории и философии.

Одним из прототипов И. Б. был поэт Александр Ильич Безыменский (1898-1973), чей псевдоним, ставший фамилией, спародирован в псевдониме Бездомный. В редакции "Мастера и Маргариты" 1929 г. упоминался памятник "знаменитому поэту Александру Ивановичу Житомирскому, отравившемуся в 1933-м году осетриной", причем памятник располагался напротив Дома Грибоедова. Учитывая, что Безыменский был родом из Житомира, намек здесь был еще прозрачнее, чем в окончательном тексте, где комсомольский поэт остался связан лишь с образом И. Б.

Безыменский выступал с резкими нападками на "Дни Турбиных", а его пьеса "Выстрел" (1929) пародировала это булгаковское произведение. "Выстрел" был высмеян в эпиграмме Владимира Маяковского (1893-1930), написанной в декабре 1929 г. или январе 1930 г., где о Безыменском было сказано достаточно резко: "Уберите от меня этого бородатого комсомольца!.." Ссора Безыменского и Маяковского спародирована в ссоре И. Б. с поэтом Александром Рюхиным (его прототипом послужил Маяковский).

Предсказание Воланда, что И. Б. окажется в сумасшедшем доме, восходит к роману английского писателя Чарльза Мэтьюрина (1782-1824) "Мельмот Скиталец" (1820). Там один из героев, некий Стентон, встречается с Мельмотом, продавшим душу дьяволу. Мельмот предсказывает, что их следующая встреча произойдет в стенах сумасшедшего дома ровно в двенадцать часов дня. В ранней редакции "Мастера и Маргариты" в психиатрической лечебнице профессора Стравинского перед И. Б. являлся не Мастер, а Воланд.

Стентон, самоуверенно полагавший, что ему нечего узнавать у посланца сатаны, действительно вскоре заключается своими близкими в сумасшедший дом, причем это вызвано "постоянными разговорами его о Мельмоте, безрассудной погоней за ним, странным поведением в театре и подробным описанием их необыкновенных встреч, которые делались с глубочайшей убежденностью". В лечебнице Стентон сначала буйствует, но потом решает, что "самым лучшим для него будет прикинуться покорным и спокойным в надежде, что с течением времени он либо умилостивит негодяев, в чьих руках он сейчас оказался, либо, убедив их в том, что он человек безобидный, добьется себе таких поблажек, которые в дальнейшем, может быть, облегчат ему побег". У героя Мэтьюрина в сумасшедшем доме "оказались два пренеприятных соседа", один из которых постоянно распевал оперные куплеты, а второй, прозванный "Буйной головой", все время повторял в бреду: "Руфь, сестра моя, не искушай меня этой телячьей головой (имеется в виду голова казненного во время Пуританской революции английского короля Карла I (1600-1649). Из нее струится кровь; молю тебя, брось ее на пол, не пристало женщине держать ее в руках, даже ежели братья пьют эту кровь". И однажды в полночь к Стентону в лечебницу является Мельмот.

Злоключения незадачливого героя Мэтьюрина у Булгакова в точности повторяет И. Б. Поэт гонится за Воландом; после рассказа о встрече с "иностранным профессором" на Патриарших, который будто бы беседовал с Понтием Пилатом, И. Б. принимают за сумасшедшего и заключают в клинику Стравинского. Там он приходит к той же линии поведения, что и Стентон в "Мельмоте Скитальце". Соседями И. Б. в лечебнице оказываются председатель жилтоварищества Никанор Иванович Босой, декламирующий во сне монолог пушкинского Скупого рыцаря, и конферансье Театра Варьете Жорж Бенгальский, бредящий о своей отрезанной во время сеанса черной магии голове.

В судьбе поэта Ивана Бездомного, превратившегося к финалу романа в профессора Института истории и философии Ивана Николаевича Понырева, Булгаков как бы дал ответ на предположение одного из видных мыслителей-евразийцев и гениального лингвиста князя Николая Сергеевича Трубецкого (1890-1938), который в 1925 г. в статье "Мы и другие", опубликованной в берлинском "Евразийском временнике", высказывал надежду, что "положительное значение большевизма может быть в том, что, сняв маску и показав всем сатану в его неприкрытом виде, он многих через уверенность в реальность сатаны привел к вере в Бога. Но, помимо этого, большевизм своим бессмысленным (вследствие неспособности к творчеству) ковырянием жизни глубоко перепахал русскую целину, вывернул на поверхность пласты, лежавшие внизу, а вниз - пласты, прежде лежавшие на поверхности. И, быть может, когда для созидания новой национальной культуры понадобятся новые люди, такие люди найдутся именно в тех слоях, которые большевизм случайно поднял на поверхность русской жизни. Во всяком случае, степень пригодности к делу созидания национальной культуры и связь с положительными духовными основами, заложенными в русском прошлом, послужат естественным признаком отбора новых людей. Те, созданные большевизмом новые люди, которые этим признаком не обладают, окажутся нежизнеспособными и, естественно, погибнут вместе с породившим их большевизмом, погибнут не от какой-нибудь интервенции, а от того, что природа не терпит не только пустоты, но и чистого разрушения и отрицания и требует созидания, творчества, а истинное, положительное творчество возможно только при утверждении начала национального и при ощущении религиозной связи человека и нации с Творцом Вселенной".

При встрече с Иваном, тогда еще Бездомным, Воланд призывает поэта сперва поверить в дьявола, рассчитывая, что тем самым И. Б. убедится в истинности истории Понтия Пилата и Иешуа Га-Ноцри, а затем поверит и в существование Спасителя. В полном соответствии с мыслями Н. С. Трубецкого поэт Бездомный обрел свою "малую родину", сделавшись профессором Поныревым (фамилия происходит от станции Поныри в Курской области), как бы приобщаясь тем самым к истокам национальной культуры. Однако нового И. Б. поразила бацилла всезнайства. Этот человек, поднятый революцией на поверхность общественной жизни, сначала - известный поэт, после - известный ученый. Он пополнил свои знания, перестав быть тем девственным юношей, который пытался задержать Воланда на Патриарших прудах.

Но в реальность дьявола, в подлинность истории Пилата и Иешуа И. Б. верил, пока сатана и его свита были в Москве и пока сам поэт общался с Мастером, чей завет И. Б. выполнил, отказавшись в эпилоге от поэтического творчества. Но подобным же образом Степан Богданович Лиходеев по рекомендации Воланда перестал пить портвейн и перешел на одну только водку, настоянную на смородиновых почках. Иван Николаевич Понырев убежден, что нет ни Бога, ни дьявола, а он сам в прошлом стал жертвой гипнотизера. Прежняя вера оживает у профессора только раз в год, в ночь весеннего полнолуния, когда он видит во сне казнь Иешуа, воспринимаемую как мировую катастрофу. Видит Иешуа и Пилата, мирно беседующих на широкой, заливаемой лунным светом дороге, видит и узнает Мастера и Маргариту. Сам же И. Б. к подлинному творчеству не способен, а истинный творец - Мастер - вынужден искать защиты у Воланда в последнем приюте.

Так проявился глубокий скептицизм Булгакова относительно возможности перерождения к лучшему тех, кто был привнесен в культуру и общественную жизнь Октябрьским переворотом 1917 г. Автор "Мастера и Маргариты" не видел в советской действительности таких людей, появление которых предсказывали и на которых надеялись князь Н. С. Трубецкой и другие евразийцы. Взращенные революцией, вышедшие из народа поэты-самородки, по мнению писателя, были слишком далеки от ощущения "религиозной связи человека и нации с Творцом Вселенной", и утопией оказалась идея, что они смогут стать творцами новой национальной культуры. "Прозревший" и превратившийся из Бездомного в Понырева Иван ощущает подобную связь лишь во сне.

Прототип Бездомного - Студент из "Фауста"
Почему Иван хотел сослать Канта на Соловки?
Смысл университетского обучения
Пошлость профессоров
Читайте завершение

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Бездомный Иван, часть 2 ~

Страницы: 1 2

Превращение И. Б. из поэта в единственного ученика Мастера, в профессора, забывшего и о поэзии, и о Мастере (о своем учителе И. Б. вспоминает только раз в год, в ночь весеннего полнолуния), воспроизводит один из сюжетов великой драматической поэмы "Фауст" (1808-1832) Иоганна Вольфганга Гёте (1749-1832) - историю Студента, пришедшего учиться у Фауста и ставшего достойным учеником Мефистофеля. И. Б. - ученик не только Мастера, но и Воланда, так как именно сатана преподает ему историю Понтия Пилата и Иешуа Га-Ноцри и заставляет поверить в существование нечистой силы. Гетевский Студент признается:

Скажу со всею прямотой:
Мне хочется уже домой.
От здешних тесных помещений
На мысль находит помраченье.
Кругом ни травки, ни куста,
Лишь сумрак, шум и духота.

(Перевод - Б. Пастернака)

И. Б. заключен в палату в клинике Стравинского, за окном которой - недоступные больному река, зеленая трава и сосновый бор. Здесь у него наступает помрачение ума: поэт плачет и никак не может изложить на бумаге историю своей встречи с Воландом и услышанный рассказ о прокураторе Иудеи. Затем следует дьявольское просветление - И. Б. перестает горевать о погибшем Берлиозе: "Важное, в самом деле, происшествие - редактора журнала задавило!.. Ну, царство небесное ему! Ну, будет другой редактор и даже, может быть, еще красноречивее прежнего". И. Б., превращаясь из Бездомного в Понырева, как бы избавляется от тоски по дому, присущей и герою Гёте. Студент утверждает:

Три года обученья - срок,
По совести, конечно, плевый.
Я б многого достигнуть мог,
Имей я твердую основу.

Эти слова пародирует Булгаков, заставляя И. Б. предложить: "Взять бы этого Канта, да за такие доказательства года на три в Соловки!" Воланд же приходит в восторг от этого предложения, замечая, что "ему там самое место!" и вспоминая разговор с И. Кантом за завтраком: "Вы, профессор, воля ваша, что-то несладкое придумали! Оно, может, и умно, но больно непонятно. Над вами потешаться будут". Здесь имеется в виду весьма специфическое обучение Канта - в концлагере на Соловках, а три года - как раз срок обучения средневековых студентов, о котором говорит герой "Фауста". Нравственное доказательство бытия Божия, выдвинутое Иммануилом Кантом, утверждает основу нашей совести, данную Богом в виде категорического императива - не делать другому того, что ты не хотел бы испытать на себе. Ясно, что оно неприемлемо для сатаны. Гетевский Мефистофель после слов Студента о твердой основе призывает ученика не следовать клятве Гиппократа, а предаться медицине другого рода:

Смысл медицины очень прост.
Вот общая ее идея:
Все в мире изучив до звезд,
Все за борт выбросьте позднее.
Зачем трудить мозги напрасно?
Валяйте лучше напрямик.
Кто улучит удобный миг,
Тот и устроится прекрасно.
Вы стройны и во всей красе,
Ваш вид надменен, взгляд рассеян.
В того невольно верят все,
Кто больше всех самонадеян.
Ступайте к дамам в будуар.
Они - податливый товар.
Их обмороки, ахи, охи,
Одышки и переполохи
Лечить возмитесь не за страх -
И все они у вас в руках.

Предложение отправить Канта на перевоспитание в Соловки отразило и личные впечатления писателя. Его третья жена Е. С. Булгакова отметила в дневнике 11 декабря 1933 г. рассказ сестры Булгакова Надежды о том, как один из родственников ее мужа А. М. Земского (1892-1946), коммунист, "сказал про М. А. - Послать бы его на три месяца на Днепрострой, да не кормить, тогда бы он переродился". Миша:

- Есть еще способ - кормить селедками и не давать пить".

В речи И. Б. Булгаков превратился в Канта (с этим философом многими своими чертами связан и автобиографический Мастер), три месяца - в три года, а Днепрострой - в Соловки. (Правда, насчет того, чтобы кормить автора "Критики чистого разума" селедкой, поэт обмолвиться не успел). Общение же с медициной для И. Б. оказалось куда менее приятным, чем для получаемого Мефистофелем Студента: будущий профессор Понырев очутился в сумасшедшем доме.

Гетевский Студент слышит от представшего в костюме Фауста лукавого учителя:

Заучивайте на дому
Текст лекции по руководству,
Учитель, сохраняя сходство,
Весь курс читает по нему.
И все же с жадной быстротой
Записывайте мыслей звенья.
Как будто эти откровенья
Продиктовал вам дух святой,

и отвечает:

Я это знаю и весьма
Ценю значение письма.
Изображенное в тетради
У вас, как в каменной ограде.

И. Б. в клинике Стравинского за высокой оградой безуспешно пытается воспроизвести на бумаге то "откровение" о Пилате и Иешуа, что "продиктовал" ему на Патриарших вместо "духа святого" сам Воланд. Студент признается:

Я б стать хотел большим ученым
И овладеть всем потаенным,
Что есть на небе и земле,

и в дальнейшем превращается в самоуверенного бахвала-всезнайку Бакалавра, возглашающего:

Вот назначенье жизни молодой:
Мир не был до меня и создан мной,
Я вывел солнце из морского лона,
Пустил луну кружить по небосклону.
День разгорелся на моем пути,
Земля пошла вся в зелени цвести,
И в первую же ночь все звезды сразу
Зажглись вверху по моему приказу.
Кто, как не я, в приливе свежих сил
Вас от филистерства освободил?
Куда хочу, протаптываю след,
В пути мой светоч - внутренний мой свет.
Им все озарено передо мною,
А то, что позади, объято тьмою.

Мефистофель поражен пошлостью своего ученика:

Ступай, чудак, про гений свой трубя!
Что б сталось с важностью твоей бахвальской,
Когда б ты знал: нет мысли маломальской,
Которой бы не знали до тебя!
Разлившиеся реки входят в русло.
Тебе перебеситься суждено.
В конце концов, как ни бродило б сусло,
В итоге получается вино.

Бывший Студент в запале восклицает: "Я захочу, и черт пойдет насмарку", на что Мефистофель замечает: "Тебе подставит ножку он, не каркай".

В "Мастере и Маргарите" Воланд как раз и "подставляет ножку" И. Б., приводя поэта в сумасшедший дом. 6 декабря 1829 г. в беседе со своим секретарем и биографом, автором "Разговоров с Гёте в последние годы его жизни" (1836-1848) Иоганном Петером Эккерманом (1792-1854), создатель "Фауста" следующим образом отозвался об образе Бакалавра: "В нем олицетворена та претенциозная самоуверенность, которая особенно свойственна юному возрасту и которую в столь ярких образчиках имели вы возможность наблюдать у нас в первые годы после освободительной войны (война германских государств против французского императора Наполеона в 1813-1815 гг.). В юности каждый думает, что мир начал, собственно говоря, существовать только вместе с ним и что все существуют, в сущности, только ради него".

У Булгакова, в отличие от героя Гёте, И. Б., еще не будучи обременен практически никакими знаниями, легкомысленно отвергает бытие не только Бога, но и дьявола, за что и несет наказание. Бакалавр просто отрицает пользу полученных знаний, абсолютизируя собственную свободу воли:

Мальчиком я, рот разиня,
Слушал в этих же палатах
Одного из бородатых
И за чистую монету
Принимал его советы.
Все они мой ум невинный
Забивали мертвечиной,
Жизнь мою и век свой тратя
На ненужные занятья.

И. Б., в противоположность ему, в эпилоге романа предстает многознающим профессором, отрицающим существование черта, тогда как Бакалавр считает нечистую силу подвластной своей воле. Автор "Мастера и Маргариты" нового Студента, по сравнению с Гёте, повысил с бакалавра до профессора. Здесь он учитывал существовавшую русскую традицию восприятия этого героя "Фауста". Александр Амфитеатров (1862-1938) в своей книге "Дьявол в быте, легенде и в литературе средних веков" отмечал: "Следуя дьявольским советам, студент - во второй части "Фауста" - обратился в такого пошлейшего "приват-доцента", что самому черту стало совестно: какого вывел он "профессора по назначению".

И. Б., может быть, и не такой пошлый, как гетевский Бакалавр, но уверенность новоиспеченного профессора Понырева, что ему "все известно", что "он все знает и понимает", лишает И. Б. способности к подлинному творчеству, к восхождению на вершины познания, как не может подняться к высотам этического подвига Иешуа Га-Ноцри гениальный Мастер. "Исколотая память" обоих одинаково затихает, и пробуждается только в волшебную ночь весеннего полнолуния, когда И. Б. и Мастер встречаются вновь. Профессор Иван Николаевич Понырев - это действительно "профессор по назначению", типичный "красный профессор", отрицающий духовное начало в творчестве и, в отличие от Бакалавра Гёте, - сторонник только эмпирического опытного знания, потому все происшедшее с ним, включая встречи с Воландом и Мастером, И. Б. в эпилоге объясняет гипнозом.

То, как И. Б. выступает учеником Мастера, во многом повторяет ритуальную практику Масонства и находит в ней свое объяснение.

« Назад Наверх »

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Кант ~

Кант Иммануил (1724-1804) - основоположник немецкой классической философии, оказавший значительное влияние на творчество Булгакова, особенно в романе "Мастер и Маргарита".

К. родился 22 апреля 1724 г. в столице Восточной Пруссии Кенигсберге (ныне Калининград, центр Калининградской области в России) в семье шорника. В 1733 г. поступил в школу. В 1740 г. после окончания школы К. стал студентом теологического факультета Кёнигсбергского университета. Чтобы иметь возможность учиться в университете, давал частные уроки. В 1746 г. окончил университет и служил домашним учителем в семьях протестантского пастора и двух помещиков за пределами Кенигсберга. С 1755 г. преподавал в Кёнигсбергском университете. В 1755-1756 гг. К. защитил магистерскую и докторскую диссертации, став приват-доцентом и экстраординарным профессором. В 1765-1770 гг. занимал также должность помощника университетского библиотекаря. В 1770 г. К. защитил вторую докторскую диссертацию и был назначен ординарным профессором. В 1786 г. К. избрали ректором университета, а в 1788 г. переизбрали на второй срок. К. читал лекционные курсы по метафизике, логике, моральной философии, по этике, математике, физике, физической географии, антропологии. В 1797 г. по состоянию здоровья прекратил чтение лекций. К. скончался в Кенигсберге 12 февраля 1804 г.

Первая опубликованная работа К. - "Мысли об истинной оценке живых сил" (1746). За ней последовали "Всеобщая естественная история и теория неба" (1755), "Единственно возможное основание для доказательства бытия Бога" (1763), "О форме и принципах чувственно воспринимаемого и умопостигаемого мира" (1770) (это - вторая докторская диссертация К., положившая начало так называемого критического периода его творчества, когда была создана система критического, или трансцендентального, идеализма), "Критика чистого разума" (1781), "Пролегомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука" (1783), "Критика практического разума" (1788), "Критика способности суждения" (1790), "Религия в пределах только разума" (1793), "Конец всего сущего" (1794), "К вечному миру" (1795), "Метафизика нравов" (1797), "О мнимом праве врать из человеколюбия" (1797), "Антропология" (1798), "Логика" (1800) и др.

Вслед за Львом Николаевичем Толстым (1828-1910) Булгаков в "Белой гвардии" использовал символ звездного неба в качестве контрапункта категорического морального императива, данного Богом внутреннего нравственного закона. В "Мастере и Маргарите" Воланд напоминает Михаилу Александровичу Берлиозу и Ивану Бездомному о выдвинутом К. нравственном доказательстве бытия Бога, которое Берлиоз тотчас признает неубедительным. Поэтому сатана вынужден предъявить ему свое доказательство "от противного", дабы заставить литераторов убедиться в существовании дьявола, а через это поверить и в Бога. В первой редакции "Мастера и Маргариты", создававшейся в 1929-1930 гг., "доказательство Воланда" называлось шестым, следовательно, доказательство К. считалось пятым.

Сведения о доказательствах бытия Божьего Булгаков взял из статьи П. Васильева "Бог" Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона, где утверждалось, что нравственное доказательство К. стало пятым по общему счету в дополнение к четырем ранее существовавшим: историческому, космологическому, телеологическому и онтологическому. Именно из этой статьи в окончательном тексте романа черпал аргументы Берлиоз в споре с Воландом, почти дословно цитируя, что "Шиллер говорил, что кантовские рассуждения по этому вопросу могут удовлетворить только рабов, а Штраус просто смеялся над этим доказательством". В процессе дальнейшей работы над "Мастером и Маргаритой" писатель обратился к тексту трактата "Единственно возможное основание для доказательства бытия Бога" и выяснил, что, кроме четырех названных выше, К. опроверг еще одно, пятое по общему счету, доказательство - логическое. Таким образом, в последней редакции романа доказательство К. закономерно стало шестым, а доказательство Воланда - седьмым.

Из других произведений К. наиболее тесные параллели в тексте "Мастера и Маргариты" можно найти с трактатом "Конец всего сущего". Здесь К. утверждал: "Есть такое выражение - им пользуются по преимуществу набожные люди, которые говорят об умирающем, что он отходит из времени в вечность.

Это выражение теряет смысл, если под вечностью понимать бесконечное время; в этом случае человек никогда не покидал бы пределы времени, а лишь переходил бы из одного времени в другое. Следовательно, в виду надо иметь конец всякого времени, притом, что продолжительность существования человека будет непрерывной, но эта продолжительность (если рассматривать бытие человека как величину) мыслится как совершенно несравнимая со временем величина (duratio noumenon), и мы можем иметь о ней только негативное понятие. Такая мысль содержит в себе ничто ухватывающее, приближая нас к краю бездны, откуда для того, кто погрузится в нее, нет возврата... и вместе с тем она притягивает нас, ибо мы не в силах отвести от нее своего испуганного взгляда... Она чудовищно возвышена; частично вследствие окутывающей ее мглы, в которой сила воображения действует сильнее, чем при свете дня. Наконец, удивительным образом она сплетена и с обыденным человеческим разумом, поэтому в том или ином виде во все времена ее можно встретить у всех народов, вступающих на стезю размышления".

Философ выделял две системы взглядов на будущую вечность: взгляды унитариев, согласно которым гарантируется вечное блаженство всем - для чего достаточно одного только покаяния, и взгляды пиетистов, которые сулят блаженство лишь немногим избранникам, а всем остальным - вечное проклятие. Что касается системы, которая проклинала бы всех, то она невозможна, поскольку тогда остается непонятным, зачем вообще были созданы люди". По мнению К., обе эти системы "полностью превосходят спекулятивные способности человеческого разума и приводят нас к ограничению идей разума только условиями практического употребления. Ибо перед нами нет ничего иного, что готовило бы нас сейчас к нашей участи в будущем мире, кроме приговора собственной совести, т. е. наше нынешнее моральное состояние, насколько мы его знаем, позволяет разумным образом судить о том, что именно те принципы нашего образа жизни, которыми мы руководствуемся вплоть до кончины (хороши ли они или плохи), останутся такими же и после смерти, и у нас нет ни малейшего основания предполагать, что в будущем они изменятся".

К. полагал, что люди ждут конца света, потому что существование мира, с точки зрения человеческого разума, "имеет ценность лишь постольку, поскольку разумные существа соответствуют в нем конечной цели своего бытия; иначе же последняя оказывается недостижимой, то сотворенное бытие теряет в их глазах смысл, как спектакль без развязки и замысла". Философ считал, что конец света внушает страх вследствие преобладающего ничто "о безнадежной испорченности человеческого рода, укоренившейся в нем настолько, что ни малейшего основания для надежды вообще не видно, чтобы какое-либо существо способно было исправиться". По мнению К., обе эти системы "полностью превосходят спекулятивные способности человеческого разума и приводят нас к ограничению идей разума только условиями практического употребления. Ибо перед нами нет ничего иного, что готовило бы нас сейчас к нашей участи в будущем мире, кроме приговора собственной совести, т. е. наше нынешнее моральное состояние, насколько мы его знаем, позволяет разумным образом судить о том, что именно те принципы нашего образа жизни, которыми мы руководствуемся вплоть до кончины (хороши ли они или плохи), останутся такими же и после смерти, и у нас нет ни малейшего основания предполагать, что в будущем они изменятся".

К. объяснял тревожное ожидание судного дня тем, что "в ходе прогресса человеческого рода культура одаренности, умения и вкуса (а вследствие этого и роскоши) естественно обгоняет развитие моральности, и это обстоятельство является наиболее тягостным и опасным как для нравственности, так и для физического блага, потому что и потребности растут значительно быстрее, чем средства их удовлетворения. Но нравственные задатки человечества, которые всегда плетутся позади... когда-нибудь все же (при наличии мудрого правителя мира) перегонят ее, тем более что она в своем поспешном беге то и дело сама создает себе препятствия и часто спотыкается. Исходя из наглядных доказательств превосходства нравственности в нашу эпоху по сравнению с предшествующими временами мы должны питать надежду, что судный день, означающий конец всего сущего на земле, скорее наступит, как вознесение на небо, чем как подобное хаосу нисхождение в ад".

При этом автор "Конца всего сущего" особо выделял роль Христианства: "Не следует забывать о том, что присущая христианству мораль, которая делает его достойным любви, все еще светится сквозь внешние наслоения, несмотря на частую смену мнений, и спасает от антипатии, в ином случае неизбежную бы его поразившей. Как ни странно, в эпоху небывалого ранее Просвещения эта мораль выступает в наиболее ярком свете (и только она одна в будущем сможет сохранить за нам сердца людей)".

У Булгакова проблема времени и вечности, вопрос о судном дне связаны, прежде всего, с образом Воланда. На сеансе черной магии в Театре Варьете сатана приходит к выводу, что московская публика мало изменилась на протяжении столетий: "Ну что же... они - люди как люди. Любят деньги, но ведь это всегда было... Человечество любит деньги, из чего бы те не были сделаны, из кожи ли, из бумаги ли, из бронзы или золота. Ну, легкомысленны... ну, что ж... и милосердие иногда стучится в их сердца... обыкновенные люди... В общем, напоминают прежних... квартирный вопрос только испортил их..."

"Испорченность человечества" здесь сведена к весьма актуальному для булгаковской Москвы "квартирному вопросу", а стремление к роскоши, составляющее по К. один из признаков близкого конца света, обернулось фокусом с новомодными парижскими туалетами, после сеанса, подобно червонцам Воланда, превратившимся в ничто. Таким образом, развязка спектакля в Театре Варьете вынесена за его рамки, а весь эпизод приобретает характер пародии по отношению к рассуждениям К.

Булгаков не столь оптимистически, как великий философ, смотрел на нравственный прогресс человечества в настоящем и будущем, констатируя, что со времени возникновения христианства мало что изменилось к лучшему. И чтобы демонстрируемые доверчивым зрителям Коровьевым-Фаготом, не оставляют после себя следа и впоследствии списываются на силу гипнотического внушения, в соответствии с мыслью К.: "Разве там, где воображение возбуждено непрерывным ожиданием, будет недостаток в знамениях и в чудесах?"

Автор "Конца всего сущего" подчеркивал: "Предающийся раздумью человек владает в мистику (у разума, который не может удовлетворяться своим имманентным, т. е. практическим, употреблением и охотно отгораается в область трансцендентного, есть свои тайны); здесь разум уже не понимает ни самого себя, ни своих желаний, он предпочитает грезить, вместо того чтобы оставаться в пределах чувственного мира, как это подобает его интеллектуальному обитателю. Отсюда берет начало чудовищная система Лао-Цзы (древнекитайского философа VI-V вв. до н. э., основоположника даосизма) о высшем благе, которое должно представлять собой ничто, т. е. сознание растворения себя в лоне божества благодаря слиянию с ним и уничтожению тем самым своей личности; китайские философы, закрыв глаза, в темной комнате создают предчувствие такого состояния, мысля и ощущая свое ничто. Отсюда и пантеизм (тибетцев и других восточных народов), и возникший вследствие его метафизической сублимации спинозизм; оба они - близкие родственники древнейшего учения об эманации человеческих душ из божества (и их конечного поглощения последним). И все это только для того, чтобы люди могли наслаждаться в конце концов вечным покоем, которым уснут вместе с блаженным концом всего сущего, - понятие, знаменующее прекращение рассудочной деятельности и вообще всякого мышления".

У Булгакова Мастер - это "интеллектуальный обитатель земли", награжденный вечным покоем при переходе из земного времени в вечность. Неслучайно он был наделен, особенно в варианте 1936 г., внешним сходством с К. Тогда Воланд в финале говорил Мастеру: "Свечи будут гореть, услышишь кварты, яблоками будут пахнуть комнаты дома. В пудреной коже, в старинном привычном кафтане, стуча тростью, будешь ходить, гулять и мыслить".

Портрет героя в последнем приюте явно восходит к портрету К. в книге немецкого поэта и публициста Генриха Гейне (1797-1856) "К истории религии и философии в Германии" (1834); "Он жил механически размеренной, почти абстрактной жизнью холостяка в тихой, отдаленной улочке Кенигсберга... Не думаю, чтобы большие часы на тамошнем соборе бесстрастнее и равномернее исполняли свои ежедневные внешние обязанности, чем их земляк Иммануил Кант. Вставание, утренний кофе, писание, чтение лекций, обед, гуляние - все совершалось в определенный час, и соседи знали совершенно точно, что на часах половина четвертого, когда Иммануил Кант в своем сером сюртуке, с камышовой тросточкой в руках выходит из дому и направляется к маленькой липовой аллее, которая в память о нем до сих пор называется Аллеей философии. Восемь раз он проходил ее ежедневно взад и вперед во всякое время года, а когда было пасмурно или серые тучи предвещали дождь, появлялся его слуга, старый Лампе, с тревожной заботливостью следуя за ним, с длинным зонтиком под мышкой, как символом провидения. Какой странный контраст между внешней жизнью этого человека и его разрушительной, миры сокрушающей мыслью".

В полном соответствии с утверждением К., что "те принципы нашего образа жизни, которыми мы руководствуемся вплоть до кончины... останутся такими же и после смерти", Воланд на Великом балу у сатаны говорит оживший на время голове Берлиоза: "Вы всегда были горячим проповедником той теории, что по отрезании головы жизнь в человеке прекращается, он превращается в золу и уходит в небытие. Мне приятно сообщить вам, в присутствии моих гостей, хотя они и служат доказательством совсем другой теории (о посмертном инобытии), о том, что ваша теория и солидна и остроумна. Впрочем, все теории стоят одна другой. Есть среди них и такая, согласно которой каждому будет дано по его вере. Да сбудется же это! Вы уходите в небытие, а мне радостно будет из чаши, в которую вы превращаетесь, выпить за бытие!"

Булгаков не верил в кантовского "мудрого правителя мира", при котором нравственные качества человечества в итоге пересилят стремление к удовлетворению все возрастающих потребностей. В варианте последней редакции "Мастера и Маргариты", который как будто не был отменен последующей правкой, но пока что не вошел в основной текст романа, Воланд, покидая Москву, обращался к тамошнему "мудрому правителю" - И. В. Сталину, явно одобряя деятельность главы советской сатанократии: "У него мужественное лицо, он правильно делает свое дело, и вообще все кончено здесь. Нам пора!"

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Христианство ~

Страницы: 1 2 3 4 5 6

Христианство - мировая религия, объединяющая последователей учения Иисуса Христа, изложенного в Новом завете - четырех Евангелиях (от Матфея, Марка, Луки и Иоанна), Деяниях апостолов и некоторых других священных текстах. Священной книгой Х. признается также Ветхий завет, собственно Библия, почитаемая также приверженцами иудаизма.

Согласно рассказам Евангелий, Иисус Христос был казнен (распят на кресте) римским прокуратором (правителем) Иудеи Понтием Пилатом. Традиция относит это событие к 33 г. Иисус Христос был сыном Божьим и своей жертвой искупил грехи человечества. На третий день после казни он воскрес, явился своим ученикам (апостолам), а затем вознесся на небо. Последователи Х. верят во второе пришествие Христа, когда он будет судить всех живых и мертвых, даруя вечное блаженство праведникам и адские муки грешникам.

В 1054 г. Х. раскололось на две церкви - восточную православную и западную католическую, а в XVI в. в результате движения Реформации от католицизма отделился ряд церквей, обычно определяемых как протестантские. Х., наряду с исламом и буддизмом, - одна из трех наиболее распространенных на земном шаре мировых религий (в отличие от локально-этнических - иудаизма, индуизма, конфуцианства, даосизма и др.).

В ершалаимских сценах романа "Мастер и Маргарита" Булгаков дал оригинальную художественную версию возникновения Х. В период работы над романом, в 1920-30-е годы, в СССР была официально принята так называемая мифологическая теория происхождения Х., объявлявшая Иисуса Христа только мифом, порожденным сознанием последователей Х., а не реально существовавшей исторической личностью. Приверженцем этой теории в романе выступает председатель МАССОЛИТа Михаил Александрович Берлиоз, убеждающий поэта Ивана Бездомного в беседе на Патриарших прудах, что Иисуса Христа не было на свете.

В ходе начавшейся дискуссии с Воландом Берлиоз отвергает все существующие доказательства бытия Божия, которых, по утверждению загадочного профессора-иностранца, "как известно, существует ровно пять". Председатель МАССОЛИТа полагает, что "ни одно из этих доказательств ничего не стоит, и человечество давно сдало их в архив. Ведь согласитесь, в области разума никакого доказательства существования бога быть не может". Воланд в ответ замечает что это - повторение мысли великого немецкого философа И. Канта, который "начисто разрушил все пять доказательств, а затем, как бы в насмешку над самим собою, сооружил собственное шестое доказательство!

- Доказательство Канта, - тонко улыбнувшись, возразил образованный редактор, - также неубедительно. И недаром Шиллер говорил, что кантовские рассуждения по этому вопросу могут удовлетворить только рабов, а Штраус просто смеялся над этим доказательством!"

Этот диалог восходит к тексту статьи П. Васильева "Бог" Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона, где Кант назван создателем пятого по счету доказательства бытия Бога - нравственного, в дополнение к четырем, существовавшим ранее - историческому, космологическому, телеологическому и онтологическому. В первой редакции булгаковского романа, написанной в 1929-1930 гг., доказательство Канта называлось пятым, а "доказательство Воланда" - предсказание гибели Берлиоза - выступало в качестве шестого, решающего доказательства.

Как подчеркивалось в статье "Бог", Кант считал, что "в нашей совести существует безусловное требование нравственного закона, который не творим мы сами и который не происходит из взаимного соглашения людей". Вместе с тем, немецкий философ не признавал "возможным найти какое бы то ни было доказательство бытия Божия в области чистого разума". Булгаков в процессе работы над "Мастером и Маргаритой", обратившись к кантовской работе "Единственно возможное основание для доказательства бытия Бога" (1763), выяснил, что здесь философ опроверг еще одно доказательство - логическое, пятое по общему счету. Поэтому в окончательном тексте романа кантовское нравственное доказательство из пятого стало шестым.

В статье Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона отмечалось, что поскольку "Кантово доказательство утверждает бытие личного Бога, то против него восстали все пантеисты: Фихте, Шеллинг и Гегель порицают его довольно резко и Шиллер говорит, что Кант проповедует нравственность, пригодную только для рабов, Штраус насмешливо замечает, что Кант к своей системе, по духу противной теизму, пристроил комнатку, где бы поместить Бога". Берлиоз почти дословно повторяет, что "недаром Шиллер говорил, что кантовские рассуждения по этому вопросу могут удовлетворить только рабов, а Штраус просто смеялся над этим доказательством".

Булгаков намеренно раскрывает перед читателями главный источник эрудиции Берлиоза - Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Писатель с иронией говорит об образованности редактора (в ранней редакции прямо назывався редактируемый Берлиозом журнал - "Богоискатель", по аналогии с реально существовавшим "Безбожником"), ясно давая понять, что ни Иммануила Канта, ни Фридриха Шиллера (1759-1805), ни Давида Фридриха Штрауса (1808-1874) председатель МАССОЛИТа в действительности не читал.

Берлиоз утверждает, что об Иисусе Христе "никогда ни словом" не упоминал знаменитый Иосиф Флавий (37 - после 100). На самом деле, в дошедшем до нас тексте "Иудейских древностей" Флавий пишет об Иисусе, но считает его мессией, что было совершенно невозможно для правоверного приверженца иудаизма, каким был римский историк. Это обстоятельство позволяло сторонникам мифологической школы считать данное место позднейшей вставкой христианских редакторов. Но уже при жизни Булгакова существовало доказательство подлинности сообщения Иосифа Флавия об Иисусе, что подтверждало историчность основателя Х.

Еще в 1912 г. русский ученый, профессор Дерптского (ныне Тартуского) университета Александр Александрович Васильев (1867-1953) опубликовал во французском журнале "Восточная патрология" текст и перевод хроники Агапия Манбиджского - христианского епископа и арабского историка X в. В этой хронике цитируется и посвященная Иисусу часть труда Флавия, причем Агапий использовал сирийский перевод с недошедшего до нас греческого оригинала. В его изложении данное место читается следующим образом: "В то время жил мудрый человек, которого звали Иисусом. Образ жизни его был достойным, и он славился своей добродетелью. И многие люди из иудеев и других народов стали его учениками. Пилат приговорил его к распятию и смерти. Но те, кто стали его учениками, не отреклись от его учения. Они сообщили, что он явился им через три дня после распятия и что он был живым. Полагают (или возможно), что он был мессией, относительно которого пророки предсказали чудеса". Здесь о том, что Иисус был мессией, Флавий говорит лишь со ссылкой на мнение, распространенное среди учеников казненного, отнюдь не солидаризуясь с ним.

Сам А. А. Васильев, после 1917 г. прочно обосновавшийся в Висконсинском университете в США и специализировавшийся по истории Византии, не сомневался, как и подавляющее большинство русских и зарубежных исследователей, исключая советских официозных историков и философов, в историчности Иисуса Христа. В примечании к своему переводу хроники Агапия он указал, что данное место восходит к сочинению Иосифа Флавия, но, похоже, более об этом своем открытии нигде не упоминал. В широкий научный оборот текст Агапия Манбиджского вошел только в 1971 г., когда бельгийский исследователь Ш. Пине, основываясь на васильевской публикации, еще раз сделал вывод о том, что сообщение арабского историка восходит к неискаженной версии "Иудейских древностей".

Наверняка с открытием Васильева по роду своей специальности были знакомы профессора Киевской Духовной Академии, сохранявшие связи с семьей Булгаковых и после смерти отца писателя, А. И. Булгакова. Возможно, от них автор "Мастера и Маргариты" узнал о подтверждении подлинности сообщения Иосифа Флавия об Иисусе и специально заставил Берлиоза исказить содержание "Иудейских древностей". Булгаков ничего не говорит о том, что слова об Иисусе - позднейшая вставка редакторов-христиан. Писатель был уверен в неосновательности такого предположения и вынудил Берлиоза сказать заведомую неправду об отсутствии у Иосифа Флавия каких-либо упоминаний о Христе.

В книге английского историка и богослова епископа Фредерика Фаррара "Жизнь Иисуса Христа" (1873) был полностью приведен вызывавший спор текст Иосифа Флавия. Это место присутствовало в русском переводе сочинения Фаррара, выполненном в 1893 г., причем все сомнительные места, и как раз те, которые читались иначе или отсутствовали в обнаруженной А. А. Васильевым хронике Агапия Манбиджского, были заключены в скобки. Вот это знаменитое место: "В то время был Иисус, мудрый человек, (если только позволительно его называть человеком), ибо Он был совершитель чудесных дел (учитель людей, с удовольствием принимающих истину), и привлек к себе многих как из иудеев, так и из эллинов. (Он был Христос). И когда Пилат, по настоянию вождей наших, осудил Его на крест, те, которые прежде любили Его, не оставили Его. (Ибо Он явился им на третий день опять живым, как и божественные пророчества изрекли о Нем касательно этого и множества других чудесных дел). Поколение христиан, так названных по нему, не исчезло еще и теперь".

Ф. В. Фаррар, весьма критически и неприязненно относившийся к Флавию из-за его иудейства и распущенного, по христианским меркам, образа жизни, считал и то место "Иудейских древностей", где говорится об Иакове, "брате Иисуса, называемого Христом", также сомнительной подлинности" (поскольку правоверный иудей не мог назвать Иисуса Христом). Интересно, что в переводе фарраровской "Жизни Иисуса Христа", выполненном в 1904 г. М. П. Фивейским и вышедшем как приложение к журналу "Русский паломник", редакция купировала несколько десятков срок, "с которыми не может мириться чувство православного христианина", в том числе и обширную цитату из "Иудейских древностей" Флавия. Осталось лишь указание на вероятную подложность этого свидетельства, которое в лучшем случае "представляет вставку в текст его Книги", а также утверждение Фаррара о том, что со стороны автора "Иудейских древностей" "молчание о таком явлении, как христианство, не только было намеренным, но и недобросовестным".

Именно из перевода М. П. Фивейского сохранились многочисленные выписки в булгаковском архиве. Автор "Мастера и Маргариты" наверняка был знаком и с опубликованным в 1893 г. переводом А. П. Лопухина, так как с приведенной там цитатой из Флавия есть отчетливые параллели как в словах Воланда о Банге, разделяющим с Понтием Пилатом наказание бессмертием ("...Тот, кто любит, должен разделять участь того, кого он любит"), так и в последнем обращении Маргариты к Мастеру ("Я знаю, что вечером к тебе придут те, кого ты любишь..."). Воланд выполняет просьбу Иешуа Га-Ноцри взять вместе с Мастером в последний приют ту, которая любила и страдала из-за него".

Берлиоз утверждает, что "то место в пятнадцатой книге, в главе 44-й знаменитых Тацитовых "Анналов", где говорится о казни Иисуса, - есть не что иное, как позднейшая вставка". В изложении аргументов сторонников мифологической школы председатель МАССОЛИТа точен, но сама эта аргументация автора "Мастера и Маргариты" отнюдь не убедила. Писатель также изучил вопрос о подлинности сообщения римского историка Тацита (около 58 - около 117). В связи с пожаром Рима в 64 г. в царствование императора Нерона (37-68), который, чтобы отвести от себя подозрения в поджоге, обвинил во всем христиан, автор "Анналов" указал, что основатель Х. по имени Христ был казнен в царствование Тиберия правителем Иудеи Понтием Пилатом. В булгаковском архиве сохранилась выписка латинского текста сообщения Тацита и его французского перевода из принадлежавшего писателю издания "Анналов".

Истина об Иешуа Га-Ноцри
На каком языке говорили ершалаимцы?
Как Пилат отправил телеграмму Каифе
Га-Ноцри: политикан и провокатор или мечтатель и философ?
Почасовая хронология ершалаимских сцен
"Чистка" Евангелия
Читайте продолжение >>>

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Христианство, часть 2 ~

Страницы: 1 2 3 4 5 6

Большую роль в трактовке ранней истории Х. в романе "Мастер и Маргарита" сыграла пьеса Сергея Чевкина "Иешуа Ганоцри. Беспристрастное открытие истины" (1922). Разгромная рецензия поэта Сергея Городецкого (1884-1967) на эту пьесу, опубликованная в 1923 г. в журнале "Красная нива", была положена в основу разбора Берлиозом поэмы Бездомного об Иисусе Христе. Пьеса Чевкина имеет многочисленные параллели с ершалаимской частью "Мастера и Маргариты". Из этого источника Булгаков почерпнул принцип отличной от евангельской транскрипции имен и географических названий. Этот принцип был изложен Чевкиным в послесловии под красноречивым заголовком "Заключительный вздох сожаления": "Все имена действующих лиц, а также все упоминаемые имена и события собраны по разным, но только научным источникам и, следовательно, в известном смысле, достоверны. Характеры действующих лиц развиты, конечно, произвольно, но в строгом соответствии с материалом, оставленным историей... Стремясь восстановить реалистическую основу, я, прежде всего, должен был восстановить реальные имена и принять поэтому подлинно иудейского Накдимона, а не греческого Никодима, Шаула, а не Павла или Савла и т. д.".

Чевкин с огорчением отмечал, что обстоятельства не позволили ему написать для русских книгу, "какую написал для французов Ренан, а для немцев Штраус, но более близкую к истине", такую вещь, как "Саламбо" (1862) Гюстава Флобера (1821-1880) или "Таис" (1890) Анатоля Франса (Тибо) (1844-1924), "художественно-научный" роман, где можно было бы "вскрыть, наконец, подлинную жизнь раввина Иешуа, изумительно правдивые эпизоды из коей сверкают там и сям в канонических поэмах, в апокрифах, в Талмуде, у Цельса". Автор "Иешуа Ганоцри" хотел собрать "эти сверкающие жемчужины действительности" и восстановить по ним истину. Из всех своих предшественников Чевкин, как и Булгаков, наиболее высоко ставил Ф. В. Фаррара с его книгой "Жизнь Иисуса Христа", который "благодаря своему необъятному специальному образованию смог выслушать и другую сторону, т. е. Талмуд с его выкинутыми (из Евангелий) местами".

В пьесе Чевкина транскрибируются в соответствии с реальным звучанием только древнееврейские личные имена и некоторые слова, а традиционные "Иерусалим" и "цезарь" оставлены без изменений. У Булгакова же греческое "Иерусалим" закономерно превратилось в древнееврейское "Ершалаим", а латинские "цезарь" и "центурион" стали "кесарем" и "кентурионом" в полном соответствии с произношением I в. н. э. В тексте пьесы "Иешуа Ганоцри" оставлены без перевода и пояснения некоторые древнееврейские и латинские слова - "шолом-алейхем", "атриум", "квирит" и др. С помощью такого приема Чевкин стремился передать языковый колорит эпохи и обозначить наречие, на котором говорит тот или иной персонаж. В "Мастере и Маргарите" многие подобные слова даны без перевода и пояснения - "претория", "синедрион", "когорта", но их значение вполне очевидно из контекста, да и сами эти термины достаточно широко известны. Булгаков избегает некоторых, по выражению Чевкина "жупельных" слов вроде "ам-гаарец" или "шолом-алейхем". Читателям всегда понятно, на каком языке говорит в данный момент тот или иной персонаж ершалаимских сцен.

Пьеса Чевкина насыщена просторечными выражениями. Например, привратник храма говорил, что Иешуа "начал с несколькими оборванцами из своей шайки громить продавцов священных предметов". В первой редакции "Мастера и Маргариты", датируемой 1929-1930 гг., стиль ершалаимских сцен был другой, отличной от строгого, чеканного стиля окончательного текста. Первые варианты древней части романа приближались к булгаковским сатирическим повестям и фельетонам 20-х годов. Здесь присутствовали и рассчитанные на комический эффект анахронизмы. Например, Понтий Пилат грозил Иосифу Каифе отправить в

Рим "телеграмму" с жалобой, а Иешуа, говоря о добрых людях, неверно истолковавших его учение, отмечал, что они "в университетах не учились". В текст обильно вводились просторечные выражения, подчеркивающие очевидную условность происходящего в Ершалаиме. Так, освобожденный разбойник Вар-Равван радостно говорил Иешуа: "Замели тебя вовремя, Назарей", а Иешуа в ответ называл его "мой добрый бандит" (в пьесе Чевкина Иешуа именовал сотника Петрония "мой добрый воин").

Не исключено, что знакомство с "Иешуа Ганоцри" послужило дополнительным стимулом для Булгакова обратиться к труду Ф. В. Фаррара. Некоторые имена из пьесы, после проверки по первоисточникам, перешли в булгаковский роман. В частности, Иуда, сын Симона из Кериофа, стал Иудой из Кириафа (в ранних редакциях - Иуда из Кериота), а имя Иешуа Ганоцри осталось практически без изменений.

Такие действующие лица пьесы Чевкина, как трибун легиона Корнелий Сабин и сотник (центурион) аппариторов Петроний отдельными своими чертами отразились в персонажах ершалаимских сцен - начальнике тайной стражи Афрании, прокураторе Иудеи Понтии Пилате и кентурионе особой кентурии Марке Крысобое. Сабин в "Иешуа Ганоцри" фактически выполняет функции начальника тайной полиции. Неслучайно он утверждает: "Мои сыщики донесли мне, что уже несколько дней город волнуется как растревоженный муравейник. Появился какой-то новый раввин-проповедник. Одни называют его пророком, другие обманщиком. В общем, все иудеи против него, но в подонках народа благодаря ловкой демагогии он пользуется большим успехом".

В ранней редакции ершалаимских сцен Понтий Пилат называл Иуду из Кириафа "сыщиком", а в окончательном тексте именовал Иешуа Га-Ноцри лгуном, но потом признавал, что язык у нового проповедника хорошо подвешен. Прокуратор у Булгакова цитировал слова приговора Синедриона о том, что Иешуа явился в Ершалаим верхом на осле, "сопровождаемый толпою черни", кричавшей ему приветствия "как бы некоему пророку". Но если у Чевкина Ганоцри - действительно ловкий демагог и обманщик, стремящийся подбить толпу на восстание, чтобы самому стать царем Иудеи, то обвинения против булгаковского героя оказываются целиком несправедливыми (даже осла у него никогда не было).

Сотник Петроний, как и кентурион Марк Крысобой, жесток к подчиненным, хотя сам - бывалый воин. Он угрожает Иуде: "Слушай, иудей, ты, вероятно никогда не ощущал на своей шее кулак римского воина или палку на своей спине", а когда "добивает" Иешуа на кресте, но так, чтобы распятый остался в живых, то говорит с уверенностью: "Я знаю, как ударить, и умею ударить". Можно вспомнить, как во время допроса Иешуа Га-Ноцри у прокуратора Марк Крысобой очень умело ударяет арестанта: "движение кентуриона было небрежно и легко, но связанный мгновенно рухнул наземь, как будто ему подрубили ноги".

Роман "Мастер и Маргарита" откровенно полемичен по отношению к пьесе Чевкина, прежде всего в трактовке образа Иешуа. В пьесе Ганоцри - расчетливый политикан, пытающийся использовать иерусалимскую чернь для своих выгод и крайне нетерпимый к противникам. Вот его ответ на утверждение фарисеев, что новоявленный пророк ведет Израиль в "царство блудниц": "Не в царство блудниц, а в царство правды и справедливости, в котором не будет места всем обидчикам народа Израилева". Недаром храмовый привратник говорит об Иешуа, что "в него вошел сатана!" Булгаковский Га-Ноцри тоже произносит слова о будущем царстве "истины и справедливости", но оставляет это царство открытым абсолютно для всех, утверждая лишь, что там "не будет власти ни кесарей, ни какой-либо иной власти". Он считает добрыми всех людей, даже предателя Иуду, даже палача Крысобоя.

Интересно, что у Чевкина Иешуа, пережив ужас распятия и будучи спасен лишь благодаря участию в его судьбе Петрония, в финале пересматривает свои взгляды. Вот его монолог, обращенный к сотнику: "Больше не хочу. Довольно. Если бы весь мир предложил мне все царские троны, я с отвращением отказываюсь от них. Ты прав, добрый воин, пророки - невежественные мечтатели и лгуны. Они обманули меня. Два раза ради вздорной мечты я опускался в бездну смерти. И этого для меня довольно". Чевкинский Иешуа отказался от честолюбивых замыслов, хотя и продолжал считать себя невинной жертвой "невежественных мечтателей и лгунов". Не тот Иешуа у Булгакова - мечтатель и философ, проповедующий всеобщую любовь и терпимость.

В ранней редакции "Мастера и Маргариты" Га-Ноцри еще обладал некоторыми чертами персонажа пьесы, и его доброта не была абсолютна. Иешуа более самоуверенно заявлял право на единоличное обладание истиной, предлагая Пилату: "... Пойдем со мной на луга, я тебя буду учить истине, а ты производишь впечатление человека понятливого". Уже распятый на кресте, на обращение одного из разбойников попросить за него кентуриона об ускорении смерти, чтобы прекратить мучения, Га-Ноцри убеждал несчастного попросить и за другого распятого - "иначе не сделаю".

У Чевкина важной причиной сочувствия Пилата к арестованному выступает то, что прокуратор видит возможность использовать Иешуа в качестве провокатора для ослабления ненавистных ему саддукеев во главе с Каифой и усиления раздоров среди иудеев. Об этом Понтий Пилат откровенно говорит своему другу Элии Ламии: "Когда я допрашивал его, он плел какую-то чепуху о новом царстве, населенном стоиками. Несомненно это фанатик, маниак, а может быть просто безумец. Во всяком случае, я вижу, он взбудоражил весь муравейник. Гм... такие люди нам полезны. Рассеивая смуту, они помогают разделять и владеть. Не нужно только, конечно, спускать их с глаз и вовремя обрезать им крылья".

В "Мастере и Маргарите" тема провокации присутствует в речи первосвященника Иосифа Каифы, утверждающего, что новый проповедник должен был подвести народ под римские мечи. В первой редакции романа подчеркивалась также "провоцирующая" роль Иешуа по отношению к Пилату: медленно, но верно и едва ли не намеренно Га-Ноцри отрезал прокуратору все возможности одновременно соблюсти букву закона и сохранить арестованному жизнь, вынудив утвердить смертный приговор.

Вероятно, хронология ершалаимских сцен "Мастера и Маргариты" отразила знакомство Булгакова с пьесой "Иешуа Ганоцри". Чевкин, описывая три последних дня пребывания Иешуа в Иерусалиме, подчеркивал, что "развитие фабулы произведено в точном соответствии с каноническими произведениями". Действие пьесы начинается ранним утром 13-го нисана, приговор, казнь и снятие с креста происходит 14-го, а "воскресение" - явление Иешуа своим последователям случается 16-го нисана. Кроме того, в первом акте говорится о дебоше, устроенном Иешуа в храме за день до начала происходящих в пьесе событий, т. е. 11-го нисана.

У Булгакова суд Пилата и казнь тоже свершается 14-го нисана, причем во время казни из воспоминаний Левия Матвея мы узнаем о событиях, связанных с арестом Га-Ноцри и случившихся за день до того, 12-го нисана. Чевкин целиком выпустил день 15-го нисана, чтобы сразу рассказать о том, как произошло мнимое "воскресение" Ганоцри. Булгаков же, чтобы завершить роман воскресным днем 16-го нисана (и православной пасхой 5-го мая), сдвинул действие ершалаимских сцен "Мастера и Маргариты" на один день вперед по сравнению с пьесой.

Булгаков учёл и сделанную Чевкиным почасовую раскладку дня 14-го нисана: "Иешуа был распят приблизительно в 1 час дня. Весною солнце всходит в Палестине около 6 часов. Суд в Синедрионе был при дневном свете, значит приблизительно от 6 до 8-ми. В 8 пришли к Пилату. Расстояние несколько шагов. В 9 пошли к Ироду. Час-полтора провели у Ирода и в дороге... Около 11-ти вернулись к Пилату. Споры, разбор, приговор, приготовление креста, шествие на Голгофу, выкапывание и проч. Иешуа не мог быть распят раньше первого часа дня, это же говорит Лука (23, 44) и Иоанн (19.14), а в 5-6 он уже был снят. Он не мог умереть так скоро, и Пилат это отлично понимал".

В булгаковском романе все эти события происходят в те же самые временные промежутки, но поскольку выпадает визит к Ироду, и Га-Ноцри приводят к прокуратору лишь один раз, то Пилат объявляет приговор "около десяти часов утра". Казнь же, как и у Чевкина, продолжается немногим более четырех часов - "когда истек четвертый час казни", Левий Матвей проклял Бога и обратился к помощи дьявола, что дало немедленный эффект - появление "в пятом часу страданий" грозовой тучи и вестника от Пилата с приказом умертвить казнимых.

У Чевкина Петроний наносит удар, будто бы добивающий Иешуа, а в действительности лишь обеспечивающий ему необходимое кровопускание. Сотник понял, что Пилат сочувствует осужденному и, подобно тому, как в "Мастере и Маргарите" Афраний намеками сговаривается с прокуратором об убийстве Иуды, Петроний дает понять своему начальнику, что Иешуа останется жив. Тот Иешуа Ганоцри, которого мы видим в пьесе, заносчивый, себялюбивый и равнодушный к другим людям, не должен был умереть. В данном случае драматург следовал индийским легендам, согласно которым Иисус Христос при подобных обстоятельствах избежал смерти на кресте, а потом удалился в Индию, где умер в глубокой старости.

В образе Иешуа Чевкин заклеймил человека, что "стремится к трону, руководимый побуждениями, которые двигали в прошлом, двигают в настоящем и будут двигать в будущем во все времена, у всех народов, всех тиранов, узурпаторов". Смерть дала бы чевкинскому герою хоть какое-то очищение. У Булгакова Иешуа тоже не умирает на кресте своей смертью. Писатель учел, что за 4-5 часов распятый не мог погибнуть от зноя и жажды. Его действительно добивает палач по тайному распоряжению прокуратора, стремящегося облегчить страдания Га-Ноцри. Но смерть невинного Иешуа становится непосильным грузом для совести Понтия Пилата.

Чевкин стремился максимально учесть всю информацию, сообщаемую об Иисусе Христе как каноническими Евангелиями, так и другими источниками. В своей пьесе он рационально истолковал все чудеса, связанные с именем основоположника Х., в том числе и его "воскресение". Драматург даже заставил Пилата умыть руки перед иудеями. Почти все исследователи сходились в том, что на такое унижение перед покоренным народом римский правитель никогда бы не пошел. Но в чевкинской пьесе этому эпизоду придан иронический оттенок: прокуратор просто вымыл руки перед завтраком.

Булгаков тоже стремился очистить Евангелия от недостоверных, по его мнению, событий. Пилат в романе просто потирает руки, когда начинает чувствовать неизбежность казни Иешуа. Автор "Мастера и Маргариты" опустил некоторые излишние для его замысла детали евангельской фабулы. Писатель сконцентрировал действие только вокруг Пилата и Га-Ноцри, так что в романе оказалось гораздо меньше действующих лиц, чем в чевкинской пьесе, хотя обычно в эпическом жанре больше персонажей, чем в драматическом. Нетрадиционная трактовка поведения предавшего Иешуа ученика, данная Чевкиным, частично отразилась у Булгакова в образе Иуды из Кириафа, тогда как в Понтии Пилате ершалаимских сцен ощутимо влияние поэмы Георгия Петровского "Пилат" (1893-1894).

А. Франс и Булгаков: образ прокуратора Иудеи
"Мог ли Пилат есть устрицы?" - римская трапеза
Красное вино - символ крови
Афраний и Пилат - первые христиане
Гениальность Булгакова - в слиянии античности и современности
Читайте далее >>>

« Назад Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

– Христианство, часть 3 –

Страницы: 1 2 3 4 5 6

Важную роль в трактовке Х. в "Мастере и Маргарите" сыграло знакомство Булгакова с рассказом Анатоля Франса "Прокуратор Иудеи" (1891). Этот рассказ упоминался и в пьесе Чекина: драматург особо оговорил, что один из персонажей, Элли Ламия, друг Пилата, целиком взят оттуда и принес ироническое извинение "м-сье Анатолю" за то, что не смог попросить у него на это предварительного согласия из-за расстройства почтовых сообщений между Россией и Францией.

В рассказе Франса Булгакова привлек написанный с авторской симпатией образ Пилата, равно как и многие детали римской жизни той эпохи. Вот, например, подробное описание трапезы Понтия Пилата и Элии Ламии: "Только два лова ожидали гостей. Стол был сервирован пышно, но без особой роскоши. На тяжелых серебряных блюдах лежали винные ягоды, приготовленные в меду. дрозды, люкренские устрицы и сицилийские миноги". Именно это место вызвало булгаковский вопрос в подготовительных материалах к "Мастеру и Маргарите": "Мог ли Пилат есть устрицы?" и выписки из вышедшего в 1914 г. русского перевода книги французского историка Гастона Буассье (1823-1906) "Римская религия от времен Августа до Антонинов" о том, что или римляне и о "возлияниях в честь императора". Здесь не было прямого подтверждения, входили ли устрицы в римский пищевой рацион. Говорилось только, что у римлян были распространены блюда из даров моря. Буассье отмечал также, что обеды римских коллегий (объединений по профессии) жрецов, ветеранов и др. часто отличались обилием и роскошью. Закон против роскоши требовал, чтобы перед началом подобного обеда каждый гость принес клятву, что истратит на пир не более 120 золотых на все угощения, "кроме хлеба, вина и овощей", и что на столе "будут только местные вина".

Если Булгаков обращался к другим источникам, то должен был выяснить, что устриц римляне действительно ели. Известный римский поэт 1 в. н. э. Марциал особо выделял люкренские устрицы как изысканнейшее блюдо на званом обеде. Трапеза булгаковского Пилата и Афрания скромнее. Прокуратор и начальник тайной стражи, возлежа за маленьким столом, пьют вино и едят хлеб, зеленые овощи, мясо и фрукты. Из конкретных блюд упомянуты только устрицы - символ изысканности и знак экзотичности. Сицилийские миноги, вполне уместные в рассказе Франса, действие которого происходит на Сицилии, в Иудее выглядели бы слишком экстравагантными. Чрезмерное обилие подробностей могло только отвлечь внимание читателей "Мастера и Маргариты" от вина, которое пьют собеседники. С этим вином связаны многочисленные ассоциации.

У ног Понтия Пилата лужа красного вина из разбитого кувшина - напоминание о только что пролитой невинной крови Иешуа Га-Ноцри. Элизод, с которым связано возникновение этой лужи, имеет явную параллель в пьесе Чекина. У Булгакова "слуга, перед грозой накрывающий для прокуратора стол, почему-то растерялся под его взглядом, взволновался оттого, что чем-то не угодил, и прокуратор, рассердившись на него, разбил кувшин о мозаичный пол, проговорив:
- Почему в лицо не смотришь, когда подаешь? Разве ты что-нибудь украл?
Черное лицо африканца посерело, в глазах его появился смертельный ужас, он задрожал и едва не разбил и второй кувшин, но гнев прокуратора почему-то улетел так же быстро, как и прилетел".

У Чекина и Булгакова совпадают не только символика, но и психологическая мотивировка. Сабин собирается в нарушение римских законов, но в интересах влиятельной группировки иудейской знати арестовать человека, власти Рима не причинившего вреда. Здесь красное вино - тоже символ крови, которую еще только предстоит пролить. Трибун легиона опасается, что раб догадался о состоявшемся сговоре, и это вызывает у Сабина внезапную вспышку гнева. Но, трезвея, он понимает, что слуга ничего знать не может, и успокаивается. Булгаковский Пилат, отправивший на казнь ни в чем не повинного Га-Ноцри, испытывает беспокойство. Ему чудится, что окружающие знают об этом преступлении и осуждают его. Прокуратор подозревает даже своего раба и беспричинно, на первый взгляд, гневается на него, но соображает, что тот ничего не ведает об истории Иешуа. Поэтому гнев Пилата проходит столь же быстро, как и начался.

Тост прокуратора в "Мастере и Маргарите": " - За нас, за тебя, кесарь, отец римлян, самый дорогой и лучший из людей!" - это дословная цитата из труда Буассье, где со ссылкой на великого римского поэта Овидия (43 до н. э. - около 18 н. э.) приведена фраза, традиционная для римлян во время так называемых "праздников родства" при возлиянии в честь императора. Из этой же книги Булгаков почерпнул ряд черт для характеристики Понтия Пилата как типичного римлянина эпохи возникновения Х. Буассье отмечал: "Римская религия не только не поощряет набожности, но можно даже сказать, что она относится к ней отрицательно. Римский народ создан был для действования; мечтательность, мистическое созерцание были ему чужды и подозрительны. Он больше всего чтит спокойствие, порядок и точность: все, что возбуждает и смущает душу, ему не нравится".

Таким человеком действия, противоположным идеалам Х., и предстает первоначально перед нами булгаковский Пилат, не принимающий религии иудеев, но с подозрением относящийся и к проповеди Иешуа. У Франса и у Чекина Пилат выступает прежде всего как убежденный поклонник эпикурейской философии. У Булгакова прокуратор Иудеи более суровый, по-солдатски приземленный, чуждый философствования, но способный оценить ум Га-Ноцри и силу его учения. В беседе Афрания и Пилата автор "Мастера и Маргариты" воспользовался еще одной официальной римской формулой:
"- Ручаться можно, - ласково поглядывая на прокуратора, ответил гость, - лишь за одно в мире - за мощь великого кесаря.
- Да пошлют ему боги долгую жизнь, - тотчас же подхватил Пилат, - и всеобщий мир". Далее следует римская клятва ларами (божествами домашнего очага) и пиром двенадцати богов, которой прокуратор подкрепляет свое желание уехать из ненавистного Ершалаима как можно скорее. Здесь и его подсознательное, невысказанное прямо сожаление, что не удалось покинуть город раньше, до суда и казни Иешуа. Все упоминаемые в этом диалоге реалии противоположной Х. римской религии восходят к книге Г. Буассье и к тому месту, где приводятся слова видного римского богослова Тертуллиана (около 160 -после 220) о том, что христиане на своих собраниях молились за императора и просили своего Бога даровать ему "долгую жизнь, признанную всеми власть, дружную семью, храброе войско, верный сенат, честных подданных и всеобщий мир".

В "Мастере и Маргарите" Афраний и Пилат пародийно уподоблены первым последователям новой религии. Замышляемое ими убийство Иуды из Кириафа - пока что первое и единственное следствие проповеди добра Иешуа, демонстрирующее бесплодность призывов Га-Ноцри считать добрыми людьми всех, в том числе и предателя Иуду. Прокуратор намеренно опускает слова официальной здравицы о верных и честных подданных. Ведь он и Афраний замыслили по сути измену - убийство человека, донесшего на нарушителя "закона об оскорблении величества" - составной части императорского культа. Этот закон карал всех, усомнившихся в божественности римского цезаря, и во времена императора Тиберия (43 н. э. - 37 н. э., правил 14-37 н. э.), когда возникло Х., широко использовался для преследования неугодных. Не смерть Иуды из Кириафа не снимает бремени с совести прокуратора. Иешуа Га-Ноцри был прав. Облегчить душу Пилата может не новое убийство, а глубокое раскаянье в происшедшем из-за него казни невиновного.

В рассказе Франса Пилат и Ламия пьют фалернское вино, воспетое еще римским поэтом Горацием. Булгаков обратил внимание на следующие рассуждения Г. Буассье: "А кто знает, не царствовало ли в этом кабаке рабов более искренного веселья, чем за столом господина, когда он наливал друзьям свое пятидесятилетнее фалернское или угощал глубоким вином Цинару или Лалагею?" В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона отмечалось, что фалернское, одно из лучших итальянских вин, уступало только цекубскому. Скорее всего, как и фалернское, цекубское вино было белым. Но Булгаков сознательно поступился деталью ради символа, поэтому прокуратор и Афраний пьют красное вино, хотя и названное "Цекуба", тридцатилетнее" (выдержка у него показана меньшая, чем у фалернского в книге Буассье). Мастера же и Маргариту Азазелло травит красным фалернским вином, в природе не существующим. И хотя Пилат за трапезой с начальником тайной стражи пытается казаться любезным и веселым, на самом деле во дворце прокуратора, терзаемого мухами совести, ни фалернское, ни цекубское не способны создать ту атмосферу веселья, которая царит в кабачке простонародья.

В "Прокураторе Иудеи" главный герой следующим образом излагает историю восстания самаритян: "Эти события памятны мне, словно они произошли вчера. Один простолюдин, обладавший даром слова, такие часто встречаются в Сирии, убедил самаритян уйти вооруженными на гору Газим, считающуюся у них священной, и обещал открыть их глазам священные сосуды, которые были спрятаны здесь Моисеем в древние времена Эвануза и Энея, отца нашего. Самаритяне восстали по его настоянию. Но, предупрежденные вовремя, я занял гору отрядом пехоты, а кавалерии велел охранять ее склоны. Эти предосторожности были необходимы, мятежники уже заняли городок Тиратоба, расположенный у подножья Газима. Я легко рассеял их и подавил восстание в зародыше. Затем, чтобы дать пример с наименьшим количеством жертв, я предал казни главарей бунта".

В "Мастере и Маргарите" Пилат оказался в Ершалаиме в связи с происшедшими там волнениями, и казнь организована для устрашения их участников. Герой Франса вспоминает, что ему постоянно приходилось таскать войска из-за происходивших в стране беспорядков. Булгаковский Понтий Пилат говорит Иосифу Каифе: "Вспомни, как мне пришлось перемещать войска, пришлось, видишь, самому приехать, глядеть, что у вас тут творится". Оцепление Лысой Горы у Булгакова в точности повторяет оцепление горы Газим в "Прокураторе Иудеи": у вершины располагаются подразделения римской пехоты, а склоны охраняет сирийская кавалерийская ала. У Иешуа, по определению Пилата, язык подвешен хорошо, почему толпы зевак и ходили за ним, слушая проповедь о добрых людях. Согласно показанию Га-Ноцри, его отец, по слухам, был сириец. Булгаков учел характеристику сирийцев в рассказе Франса.

Предчувствие Пилатом своего бессмертия в "Мастере и Маргарите" тоже, возможно, является скрытой цитатой из "Прокуратора Иудеи", где Ламия говорит своему собеседнику: "Я смеюсь... забавной мысли, которая, не знаю почему, пришла мне в голову. Что будет, если Юпитер евреев явится в Рим и начнет преследовать тебя своей ненавистью... Берегись, Понтий, чтобы невидимый Юпитер евреев не высадился однажды в Остии!" Но у Булгакова бессмертие Пилата связано не с вечным преследованием его Богом иудеев, а с той вечной "славой", которая останется за прокуратором в веках после осуждения Иешуа Га-Ноцри.

Булгаковский Пилат предвидит свое бессмертие и в финале романа тяжко страдает от него. У Франса же отставной прокуратор Иудеи и его друг весьма иронически относятся к возможности "божьей кары" - вечных преследований со стороны иудеев и их божества. Булгаков полемизирует со своим французским предшественником. Герой "Прокуратора Иудеи" вспомнил о многих достопамятных событиях своей бурной жизни, но так и не воскресил в памяти историю Иисуса Христа, хотя Ламия прямо спросил его об этом. У Булгакова же Понтий Пилат всю оставшуюся жизнь мучается своей ролью в деле Иешуа Га-Ноцри.

Если несколько ироничный стиль рассказа Роланда об Иешуа и Пилате в первой редакции "Мастера и Маргариты" был близок к стилю Франса, то в дальнейшем явственно проявились различия. Как отмечал в свое время известный французский литературный критик Георг Брандес (1842-1927) во впервые переведенном на русский язык в 1908 г. критическом очерке "Анатоль Франс", у этого писателя "прежде всего бросается в глаза ирония; она выдает в нем преемника Ренана. Но ирония Франса, при всем сродстве, - иная. Ренан, как писатель - историк или критик, - гораздо всегда от своего имени, и в вымышленных лицах его философских драм, еще больше - его философских диалогов, слышится непосредственно он сам. Ирония же Франса кроется за простосердечием. Ренан скрывается, Франс перевоплощается. Он пишет, становясь на точку зрения древнего христианства или средневекового католичества, и из того, что он говорит, ясно, что он думает". Булгакову ирония в ершалаимских сценах не нужна, а вот принцип перевоплощения он воспринял и использовал: Пилат, Иешуа и другие персонажи мыслят и действуют как люди античности, но в то же время напоминают современников писателя, ибо вполне близки и понятны читателям XX века.

Как Булгаков силой воображения восстановил историю раннего христианства
Образец описания античности
Работа с источниками
Откуда "кровавый подбой на белом плаще"?
Чистка Евангелия от мифов
Легенда о платке Вероники
Читайте продолжение »»»

« Назад
Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

– Христианство, часть 4 –

Страницы: 1 2 3 4 5 6

Отношение к истории у Франса своеобразно. Как подчеркивал Г. Брандес, "среди многого другого не верит Франс и в научную историю". Булгаков не столь скептически как Франс относился к возможностям исторической науки, в частности, в решении непростой проблемы реконструкции истории первоначального Х. Вместе с тем, автор "Мастера и Маргариты" следовал принципу художественного преобразования исторического факта, силой воображения угадывая те события, о которых молчат источники. Булгаков произведения художественной литературы на тему ранней истории Х. поверял трудами историков. В подготовительных материалах к роману он фиксировал вопросы, возникавшие в процессе работы, вроде того, каким по счету прокуратором Иудеи был Пилат, какого цвета было фалернское вино, когда был распят Иисус Христос, какое русский эквивалент названия легиона Фульмината, каково местоположение Голгофы и этимология этого названия (оказалось - Лысый Череп), где была резиденция прокуратора Иудеи и т. п. Писатель стремился быть точным в исторических деталях, предлагая вместе с тем совершенно не каноническую трактовку зарождения Х. и биографии Иисуса Христа.

В изображении античного мира эпохи возникновения Х. Булгаков старался достичь объективности. Он мог бы подписаться под словами Г. Буассье из введения к "Римской религии", о том, что "в предстоящем нашему исследованию вопросе предрассудки были так сильны, что некоторые историки, смотря по тому, каких они мнений придерживались, делали вполне простодушно совершенно различные заключения из одних и тех же документов. Одни из них очень охотно перечисляют все те преступления, которые дошли до нас в рассказах древних писателей, и доходят до того, что отрицают какие-либо добродетели у языческого общества, забывая, что о них имеются многочисленные свидетельства у Отцов церкви. Другие, напротив, обращая свое внимание исключительно на великие принципы, провозглашенные философами, и не задаваясь вопросами, нашли ли они свое применение в жизни, рисуют тогдашний век в самых увлекательных картинах и ставят античную мудрость так высоко, что переворот, совершенный христианством, выглядит ненужным, или вернее, что никакого такого переворота и не было, а новая религия ни что иное, как естественное продолжение древних религий и философских учений. Подобные преувеличения противны всякому смыслу и опровергаются историей. Моя единственная забота - это собрать воедино, насколько можно, больше фактов, изложить их без какого-либо искажения, сохранив за ними их истинный характер и смысл, так чтобы каждый, читая эту книгу, мог легко сам составить себе свое мнение".

Автор "Мастера и Маргариты" был знаком с трудами немецкого историка и философа Артура Древса (1865-1935), одного из наиболее крайних последователей мифологической школы, полностью отрицавшего какую-либо историчность Иисуса Христа. Из его работ в булгаковском архиве сохранились выписки этимологии имени Иешуа Га-Ноцри. От классических трудов второго историка Эрнеста Ренана (1823-1892) "Жизнь Иисуса" (1863) и "Антихрист" (1866) среди подготовительных материалов к роману остались многочисленные выписки, относящиеся к пророчеству Понтия Пилата Иосифу Каифе и ряду деталей обрядов Афрания и Иуды из Кириафа. Ренан доказывал историчность Иисуса, но отрицал его божественную природу.

В противоположность французскому историку Ф. В. Фаррар в своей "Жизни Иисуса Христа", столь же активно использованной Булгаковым, утверждал как историческое бытие Иисуса Христа, так и его божественность. Из книги Фаррара автор "Мастера и Маргариты" взял многие подробности палестинского быта эпохи возникновения Х. В подготовительных материалах к роману сохранилась выписка из этой работы, относящаяся к имени "Толмай". В ранней редакции "Мастера и Маргариты" так звали начальника тайной стражи - будущего Афрания, а в окончательном тексте - того из подчиненных Афрания, что руководил погребением тела Иешуа Га-Ноцри и казненных с ним разбойников Гестаса и Дисмаса (эти имена Булгаков почерпнул из исследования Николая Макхавейского "Археология страданий господа нашего Иисуса Христа", опубликованного в "Трудах Киевской Духовной Академии" за 1891 г.).

Фаррар полагал, что Толмаем был назван отец апостола Варфоломея, чье имя можно этимологизировать как "сын Толмая". Само имя "Толмай", скорее всего, первоначально пришло в булгаковский роман из повести Флобера "Иродиада" (1877), посвященной истории Иоанна Крестителя. Там Толмай - один из приближенных тетрарха Ирода Антипы. Из "Иродиады", вероятно, и такая значимая деталь сюжета Понтия Пилата как кровавая подбой на белом плаще - предвестие грядущего пролития невинной крови. У Флобера сирийский наместник Вителлий "сохранил свою пурпуровую перевязь, косвенно пересекала она его льняную тогу".

Из фарраровской "Жизни Иисуса Христа" Булгаков заимствовал и упоминание о тридцати тетрадрахмах. Английский историк указывал, что во времена Христа евангельских сиклей (сребреников) не было в действительности в обращении, "но Иуде могли заплатить сирийскими или финикийскими тетрадрахмами, которые были одинакового веса". Писатель следовал за Фаррааром там, где деталями поправлял канонические Евангелия. Британский епископ широко привлекал данные Талмуда и другой иудейской литературы об Иисусе Христе, которые свел в специальное приложение. Там утверждалось, что у Иисуса было лишь пять учеников, включая апостола Матфея и автора апокрифического Евангелия Никодима (Навдима бен Горциона). Не без влияния Фаррара Булгаков сократил число учеников у своего Иешуа до одного - Левия Матвея.

В подготовительных материалах к булгаковскому роману сохранились выписки двух прямо противоположных мнений насчет того, знал ли Иисус Христос древнегреческий язык. Фаррар считал, что "Спаситель, вероятно, говорил на греческом языке", а Ренан - что "мало также вероятно, чтоб Иисус знал по-гречески". Булгаков предпочел мнение английского историка, так как в соответствии с ним можно было сделать образ Иешуа Га-Ноцри ярче и глубже. Писателю нужен был знакомый с греческой традицией просвещенный герой, в отличие от Ренана, придавшего своему Иисусу черты патриархальности и в большей мере управившему на роль иудейской религии и религиозно-бытовой практики в генезисе нового учения.

Булгаковская позиция в вопросе о происхождении Х. была ближе всего к той, что занимал в своей "Жизни Иисуса" (1835-1836) немецкий историк и богослов Д. Ф. Штраус, не сомневавшийся в историчности Иисуса, но полагавший, что в передаче последних поколений его история превратилась в миф. Из книги Штрауса Булгаков выписал рассказ о том, что "причиной тьмы, которую один Лука определяет более точным образом как затмение солнца, не могло быть естественное затмение: в то время было пасхальное полнолуние... То же самое случилось с солнцем во время убийства Цезаря...". Так подтверждалось, что истинной причиной внезапно наступивший темноты была скорее всего грозовая туча, как это было и в поэме Георгия Петровского: "Нависла туча темная и скрыла высь лазури". В "Мастере и Маргарите" перед самой гибелью Иешуа "с Запада поднималась грозно и неуклонно грозовая туча".

С работой Штрауса связано и само построение сцены допроса Иешуа Пилатом в булгаковском романе. Немецкий историк считал, что "вообще говоря, четвертый евангелист... весьма тщательно разработал сцену допроса у Пилата, которой он даже придал характер драматической игры, не теряющий. Так, например, он отмечает, что иудеи, ввиду наступавшей Пасхи, "не вошли в претторию" к Пилату, чтобы "не оскверниться", и что хотя Иисус был приведен в претторию, но сам Пилат неоднократно "выходил к иудеям для переговоров" и наконец сам "вывел" из претории Иисуса. Однако евангелист наш несомненно затруднился бы сказать, кто же сообщил ему, евангелисту, стоявшему, вероятно, вместе с прочими иудеями перед зданием претории, о чем именно беседовал Пилат с Иисусом, находясь внутри претории".

Булгаков, подобно Штраусу, пытался очистить первичные данные Евангелий от позднейших мифологических наслоений. Историк сомневался в том, что римский прокуратор Иудеи мог омовением рук перед иерусалимской толпой продемонстрировать, что осудил на мучительную смерть невиновного. Штраус критикует и версию Евангелия от Матфея о вещем сне жены Пилата, просившей мужа не делать зла Иисусу. По мнению немецкого историка, рассказ о жене прокуратора Иудеи просто повторил легенду о другом вещем сне - жены Гая Юлия Цезаря (102 или 100 - 44 до н. э.), призывавшей мужа не выходить из дома в тот день, когда случилось его убийство. Этих недостоверных, по мнению Штрауса, эпизодов не осталось в последней редакции "Мастера и Маргариты".

В то же время Штраус считал вполне реальными отраженные в Евангелиях мотивы ненависти к Иисусу со стороны иудейских властей, увидевших в его учении опасную конкуренцию строго иерархической иудейской религии, на которую опиралось местное жречество. Жрецы попытались представить Иисуса перед римским прокуратором человеком политически неблагонадежным и стремились доказать, что "политически опасными моментами являются - та популярность, которой пользовался Иисус в народе, то внимание, с которым народ прислушивался к проповеди Иисуса, и та почесть, которая ему была оказана народом при въезде в Иерусалим. В этом отношении евангельский рассказ вполне правдоподобен исторически".

Все эти мотивы сохранены в "Мастере и Маргарите". Версия о приветствиях, которые будто бы выкрикивала толпа при вступлении Иешуа в Ершалаим, присутствует лишь в официальном протоколе, составленном Синедрионом, и опровергается самим Га-Ноцри. В булгаковском архиве сохранилась выписка из книги Генриха Гретца "История евреев", где отмечена "полная недостоверность сообщения о торжественном входе в Иерусалим" Иисуса Христа, а также цитата из книги французского писателя коммуниста Анри Барбюса (1873-1935) "Иисус против Христа" (1928): "Я думаю, что в действительности кто-то прошел - малоизвестный еврейский пророк, который проповедовал и был распят". Из работы Барбюса попал в роман и город Гамала как место рождения Иешуа Га-Ноцри. Французский писатель, убежденный атеист, тем не менее допускал, что Иисус существовал, хотя в дальнейшем его облик был мифологизирован Евангелиями.

Для создания ершалаимских сцен "Мастера и Маргариты" Булгаков широко использовал сведения, сообщаемые как каноническими Евангелиями, так и апокрифами. Из последних наибольшее значение в работе над романом имело евангелие от Никодима. В статье Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона "Никодимово евангелие" отмечалось, что это произведение содержало много материалов, связанных с Понтием Пилатом. Здесь же имелась отсылка к работе И. Я. Порфирьева "Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки" (1890). Булгаков, по всей видимости, был знаком и со статьей Энциклопедического словаря, и с книгой Порфирьева.

В первой редакции "Мастера и Маргариты" изгалялась история Вероники - вдовы, исцеленной Иешуа, а потом подавшей ему на пути к месту казни свой платок. У Порфирьева со ссылкой на апокриф "Acta Sanctorum" ("Священные акты") подробно рассказывалось о Веронике: "Когда Спаситель шел на крестную смерть, жена из Иерусалима, Вероника, подала ему свое покрывало с головы, чтобы отереть им пот и кровь. Он возвратил ей полотно, но на нем, в знак Его любви, отпечатано было Его лицо. Нет сомнения, что здесь, разумеется, та же Вероника, которая в других сказаниях изображается как кровоточивая жена, получившая исцеление от прикосновения к ризам Спасителя".

Вероника фигурировала и в Евангелии Никодима, а в латинском сказании о смерти Пилата ее история прямо связывалась с судьбой прокуратора Иудеи. Император Тиверий, страдавший неизлечимой болезнью (согласно Евангелию Никодима, у него на лице был "гнойный струп", который ни один врач не мог вылечить), узнает, что "в Иерусалиме явился врач по имени Иисус", и приглашает за ним своего приближенного Волюсиана, но тому по приезде сообщают, что Пилат уже осудил Иисуса на распятие как возмутителя народа. На обратной дороге приближенный Тиверия встречает Веронику, которая рассказывает о своем исцелении и говорит, что у нее есть образ Иисуса на полотне, увидев который Тиверий тотчас исцелится. Волюсиан едет в Рим вместе с Вероникой, и образ Иисуса приносит кесарю обоим. Тиверий гневается на Пилата, осудившего на смерть невинного Иисуса, вызывает прокуратора в Рим и хочет предать казни, но "Пилат, узнав об этом, сам умертвил себя своим собственным ножом. Тело Пилата было сброшено в Тибр; но Тибр не принимал его; потом бросали его в другие места, пока не бросили в один глубокий колодец, окруженный горами, где оно до сих пор находится".

В ранних стадиях работы над романом писатель предполагал подробнее обрисовать дальнейшую судьбу Понтия Пилата, что и вызвало обстоятельную разработку истории Вероники в редакции 1929 г. Тогда Воланд на Патриарших рассказывал литераторам о судьбе христианской святыни - платка ("полотенца") Вероники, который будто бы лежит на морском дне, куда попал "в 1204 году". Булгаков связал историю реликвии с событиями четвертого крестового похода, окончившегося взятием крестоносцами Константинополя. Скорее всего, источником здесь послужила хроника Робера де Клари "Взятие Константинополя". Этот памятник латинской литературы в 1865 г. был переведен на русский язык в составе гимназической хрестоматии по истории средних веков.

Распятие христианских святынь крестоносцами
Лакомились ли Иисус и его ученик фигами?
Второе убийство Христа
Булгаков и Мережковский об Иисусе: удивительные совпадения
Евангелие от Воланда
Читайте об этом далее »»»

« Назад Наверх »

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Христианство, часть 5 ~

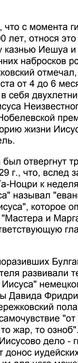
Страницы: 1 2 3 4 5 6

Во "Взятии Константинополя" говорилось о расхищении крестоносцами христианских святынь, хранившихся в многочисленных церквях города. Робер де Клари, сам участвовавший в походе, упомянул среди прочих достопримечательностей кусок полотна с запечатленным на нем ликом Христа. В другом месте хроники рассказывалось о саване, на котором будто бы тоже сохранилось изображение Иисуса. Эти реликвии, особенно первую, автор "Мастера и Маргариты", по всей вероятности, отождествил со знаменитым платком Вероники. После взятия Константинополя они, как и многие другие христианские святыни, исчезли неизвестно куда.

Единственная дата, фигурирующая в хронике де Клари, - 1203 г., время, когда, по мнению хрониста, начался поход (в действительности - в 1202 г.) и произошел первый штурм и оккупация Константинополя крестоносцами. Но Булгаков вскоре узнал, что разграбление города произошло только после второго приступа, последовавшего в 1204 г., когда платок Вероники в результате бурных событий действительно мог оказаться на дне моря. Поэтому писатель исправил в черновике 1203 г. на 1204-й, правильную дату гибели святыни.

Все же в окончательном тексте "Мастера и Маргариты" автор романа отказался от истории Вероники. Возможно, это было вызвано стремлением освободить ершалаимские сцены от сомнительных свидетельств о будто бы совершенных Иисусом Христом чудесах. В то же время, многие детали, восходящие к новозаветным апокрифам, были сохранены. Например, Понтий Пилат и в последней редакции называет Иешуа Га-Ноцри великим врачом и вспоминает о гнойной язве на лбу у Тиверия.

В архиве Булгакова сохранилась выписка из труда Ф. В. Фаррара о том, что плоды фигового дерева (смоковницы) назывались баккуротами и были обычным блюдом на пасхальном ужине, следовательно, наверняка употреблялись и на евангельской тайной вечере. С этой выпиской соседствует другая - из посмертно изданного дневника известного археолога и православного деятеля, первооткрывателя Синайского кодекса Библии епископа Порфирия Успенского (1804-1885) "Книга бытия моего"(1894). В нем содержалось описание путешествия по святым местам. Внимание автора "Мастера и Маргариты" привлекла запись от 29 марта 1844 г. о том, что в горах Вифлеема смоковницы "только что начали распускать свои листья, хотя плоды уже попадались на них величиной с маслину". Далее епископ отметил, что в долинах процесс созревания смокв идет гораздо быстрее, поэтому еще за 24 дня до поездки в Вифлеем по дороге в Капернаум он видел "гораздо более развившиеся смоковницы". Булгаков мог быть уверен, что в окрестностях Иерусалима, расположенного в долине Иордана, баккуроты во второй половине апреля, когда происходит действие ершалаимских сцен, уже вполне созрели и ими на самом деле могли лакомиться Иешуа Га-Ноцри и его единственный ученик. Это подобие тайной вечери зафиксировано в записях Левия Матвея, которые читает Понтий Пилат: "Смерти нет... Вчера мы ели сладкие весенние баккуроты...".



В "Мастере и Маргарите" обнаруживаются удивительные переклички и с книгой известного русского писателя, поэта и мыслителя Дмитрия Сергеевича Мережковского (1865-1941) "Иисус Неизвестный", вышедшей в Белграде в 1932 г. Как и Булгаков, Мережковский резко критиковал мифологическую теорию происхождения Христианства: "Что такое "мифомания"? Мнимонаучная форма религиозной ко Христу и христианству ненависти, как бы судороги человеческих внутренностей, извергающих это лекарство или яд. "Мир ненавидит Меня, потому что Я свидетельствую о нем, что дела его злы" (Ио. 7, 7). Вот почему, в самый канун злейшего дела мира - войны, мир Его возненавидел так, как еще никогда. И слишком понятно, что всюду, где только желали покончить с христианством, "научное открытие", что Христос - миф, принято было с таким восторгом, как будто этого только и ждали".

В "Иисусе Неизвестном" построения мифологов характеризуются как попытка "украсть спасенный мир у Спасителя, совершить второе убийство Христа, злейшее: в первом, на Голгофе, - только тело Его убито, а в этом, втором, - душа и тело; в первом - только Иисус убит, а во втором - Иисус и Христос...". В первой редакции "Мастера и Маргариты", создававшейся в 1929 г. "повторное" убийство Христа, которое совершают Берлиоз и Бездомный, утверждая, что его никогда не было на свете, иллюстрировалось и конкретным действием. Иванушка по наущению Воланда наступил на изображение Иисуса, сделанное на песке, за что был наказан сумасшествием.

Мережковский в своей книге подчеркивал, что с момента гибели Христа и его Воскресения до 1932 г. прошло ровно 1900 лет, отнюдь это событие к 31-32 гг. Именно такой промежуток времени между казнью Иешуа и современностью Булгаков обозначил в одном из самых ранних набросков романа, за три года до появления "Иисуса Неизвестного". Мережковский отмечал, что Евангелия обозначают время проповеди Иисуса Христа от 4 до 6 месяцев, но считал, что в действительности эти месяцы заключали в себя двухлетний промежуток, о котором говорило Евангелие от Иоанна. Автор "Иисуса Неизвестного" отвергал мнение известного врача и мыслителя лауреата Нобелевской премии мира Альберта Швейцера (1875-1975), написавшего "Историю жизни Иисуса" (1921), что проповедь продолжалась всего лишь несколько недель.

В "Мастере и Маргарите" с самого начала был отвергнут традиционный 33 г. и действие ершалаимских сцен отнесено к 29 г., что, вслед за Швейцером, сводило проповедническую деятельность Иешуа Га-Ноцри к неделям, а не к месяцам. Мережковский ренановскую "Жизнь Иисуса" называл "евангелием от Пилата" и стремился восстановить "Евангелие от Иисуса", которое описывало бы подлинный ход событий. Булгаков же древнюю часть "Мастера и Маргариты" писал как "евангелие от Воланда", так и назвав соответствующую главу в первой редакции романа.

Было еще много совпадений, наверняка поразивших Булгакова при знакомстве с текстом "Иисуса Неизвестного". Оба писателя развивали тезис о сочувствии Пилата Иисусу, опираясь, в частности, на "Жизнь Иисуса" немецкого теолога, одного из основоположников мифологической школы Давида Фридриха Штрауса. Но ещё удивительнее следующее совпадение. Мережковский полагал, что во время допроса Иисуса у Пилата было скверное самочувствие "от погоды": "ломота в членах, тяжесть в голове и по всему телу то жар, то озноб". Это усиливает неприятное ощущение прокуратора, что "Иисусово дело - гнуснейшее" и боязнь, что его решение "по справедливости" вызовет донос иудейских первосвященников императору на Капри ("знал, каким опасным для него может быть донос об "оскорблении величества"). У Булгакова Пилат страдал жуткой головной болью ещё в самом первом варианте ершалаимских сцен, написанном в 1929 г. Только там она ещё именуется не загадочным греческим словом гемикрания, а его более привычным французским эквивалентом - мигрень.

Булгаковский Пилат, как и Пилат у Мережковского, ненавидит Иерусалим и иудеев. Такое совпадение не удивительно, ибо о подобном в отношении пятого прокуратора Иудеи сообщали все источники. Удивительнее другое. Мережковский, приводя данные римских историков о том, что Понтий Пилат покончил с собой, вскрыв вены в ванне с водой, высказал мысль, что прокуратор в тот момент, когда понял, что смертный приговор Иисусу неизбежен, увидел "страшную, как бы неземную, скуку, может быть ту самую, с какой будет смотреть Пилат на воду, мутнеющую от крови растворенных жил".

Уже в первой редакции "Мастера и Маргариты" Пилат после отказа Каифы помиловать Иешуа "оглянулся, окинул взором мир и ужаснулся. Не было ни солнца, ни розовых роз, ни пальм. Плыла багровая гуща, а в ней, покачиваясь, нырял сам Пилат, видел зеленые водоросли в глазах и подумал: "Куда меня несет?" После этого прокуратор грозил первосвященнику грядущими несчастьями: "...Хлебнёшь ты у меня, Каифа, хлебнет народ Ершалаимский не малую чашу". При этом прокуратор уверял собеседника, что подслушать их может "разве что дьявол с рогами... другу душевный всех религиозных изуверов, которые затравили великого философа..."

Мережковский три года спустя писал: "Худшей стороной своей обращен Пилат к иудеям, и те - к нему: он для них - "пес необрезанный", "враг Божий и человеческий", а они для него - племя "прокаженных" или бесноватых. Править ими все равно, что гнездом ехидн. То же, что впоследствии будут чувствовать такие просвещенные и милосердные люди Рима, как Тит, Веспасиан и Траян, - желание истребить все иудейское племя, разорить дотла гнездо ехидн, разрушить Иерусалим так, чтобы не осталось в нем камня на камне, плугом пройти по тому месту и солью посыпать ту землю, где он стоял, чтобы на ней ничего не росло, - это, может быть, уже чувствовал Пилат".

Булгаков же еще в 1929 г. сделал выписки из ренановского "Антихриста" о последнем походе Тита (39-81), закончившемся взятием Иерусалима в 70 г., которые использовал в последующих редакциях романа для конкретизации пилатовых угроз. Мережковский считал, что за ходом суда Синедриона и Пилата над Иисусом тайно наблюдал первосвященник Ганан (Анна), тесть Каифы и главный губитель Иисуса. У Булгакова же при допросе Иешуа Га-Ноцри и оглашении приговора тайно присутствует сам Дьявол.

Совпадения в трактовке истории Иисуса у двух писателей вызывают удивление, если учесть, что произошли они независимо, в результате самостоятельного осмысливания показаний источников. Однако ряд конкретных совпадений с книгой Мережковского появился в "Мастере и Маргарите" в середине 30-х годов, вероятно, под влиянием знакомства с "Иисусом Неизвестным". Так, Мережковский полагал, что вместо Иуды Искариота был Иуда из Кериота. Именно так стал называться булгаковский герой во второй редакции ершалаимских сцен, создававшейся осенью 1933 г. Иуда из Кириафа появился лишь в окончательном тексте романа.

В "Иисусе Неизвестном" следующим образом описана туча, покрывшая небо в день суда и казни Христа: "Судя по внезапно наступающей в тот день, полуденной, как бы полуночной, тьме Голгофской, - "тьма наступила по всей земле" (Мк. 15, 33), - солнце в то утро взошло мутно-зловещее, как всегда перед юго-восточным ветром, хамзином... Только что судьи, выйдя из палаты суда, взглянули на небо, как, может быть, подумали: "в первый день Пасхи, хамзин - недобрый знак!" "Хуже Черного Желтый", - говорили в народе; это значит: "тихий, желтый дивол хамзина хуже черного дьявола бурь". Очень высоко в небе проносящийся и земли почти недосягающий ветер из Аравийской пустыни гонит по небу облака пыли неосязаемой; только на хрубах хрусти она, стесняет дыхание и воспаляет глаза. Где-то очень далеко пронесшегося, черного самума, хамзин - желтая, слабая, но все еще страшная тень. Стелется по земле и по небу, как дым от пожара, мутно желтая мгла, и тускло-красное, без лучей, солнце висит в ней кровяным шаром... Как бы довременного хаоса и Конца грядущего проходит по лицу земли и неба зловещая тень".

В 1938 г. в тексте ершалаимских сцен возникла черно-желтая туча: "По небу с запада поднималась грозно и неуклонно, стерев солнце, грозовая туча. Края ее уже вскипали белой пеной, черное дымное брюхо отсвечивало желтым. По дорогам, ведущим в Ершалаиму, гонимые внезапно поднявшимся ветром, летели, вертясь, пыльные столбы". Посланная Воландом туча олицетворяет и черный самум, и его желтую тень - хамзин, символизируя первобытный хаос и близкий конец страданий Иешуа.

Цитата из гетевского "Фауста: "...так кто ж ты, наконец? - Я часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо", пришла в булгаковский роман в качестве эпиграфа также из "Иисуса Неизвестного". В главе "По ту сторону Евангелия" Мережковский приводит свой перевод и немецкий оригинал этого места: "Дьявол служит Богу наперекор себе, как однажды признался Фаусту Мефистофель, один из очень умных дьяволов:

Я - часть той Силы,
Что вечно делает добро, желая зла.
Ein Teil von jener Kraft,
Die stets das Bose will und stets das Guteschafft.

В главном все же не признался, - что для него невольное служение Богу - ад.

Пилат - заурядный человек
Верил ли Булгаков?
"Бог не нужен сильным и смелым", А Булгакову?
Автор "Мастера и Маргариты" - о вечном
"А Ницше - дурак"
Читайте завершение »»»

« Назад Наверх ^

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»
Архив публикаций
Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы
Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи
Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта
Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Христианство, часть 6 ~

Побудительные мотивы в обращении к евангельскому сюжету были у двух писателей одинаковыми: торжество государственного атеизма в СССР, гонения на церковь, фактический запрет Евангелий и культивирование мифологической школы в изучении происхождения Христианства. Образ Понтия Пилата у Мережковского и Булгакова получился практически тождественный. Автор "Иисуса Неизвестного" заметил: "Очень удивился бы, вероятно, Пилат, но, может быть, не очень обрадовался бы, если бы узнал об этой будущей славе своей; удивился бы, вероятно, еще больше, если бы, поняв, что значит "христианин", узнал, что христиане будут считать его своим... Нет, Пилат - не "святой", но и не злодей: он, в высшей степени, - средний человек своего времени. "Се, человек!.." - можно бы сказать о нем самом. Почти милосерд, почти жесток; почти благороден, почти подл; почти мудр, почти безумен; почти невинен, почти преступен; все - почти, и ничего - совсем: вечное проклятие "средних людей".

Булгаков наделяет своего Пилата гораздо более глубокими муками совести за содеянное. Автор "Мастера и Маргариты" заимствует у Мережковского некоторые реалии эпохи, вроде мозаики в претории, где ведет допрос прокуратор, или походного стула центуриона, на котором во время казни восседает Афраний. Приказ прокуратора развязать Иисусу руки - также из "Иисуса Неизвестного".

Но вот булгаковский Воланд сильно отличается от дьявола Мережковского. Выполнение просьб-поручений Иешуа для него - совсем не мука, и ворчит Воланд скорее для того, чтобы скрыть, что его цели по сути совпадают с целями Иешуа. Мережковский думал, что восстановить истинное Евангелие от Иисуса - это значит поверить в Богочеловека, узреть его Небесный и Земной лик и начать жить по Христу. Поэтому писатель был убежден, что сокрытие властями Евангелий только приблизит грядущую веру населения России в Евангелие истинное, а тем самым - достижение христианских идеалов в масштабе всего человечества. Эпилог "Мастера и Маргариты" куда пессимистичнее: все вернулось на круги своя. Визит Воланда и гениальный роман Мастера об Иешуа и Пилате ничего не изменил в современной Москве. И Га-Ноцри для Булгакова, скорее, не Богочеловек, а просто Человек.

Ершалаимские сцены "Мастера и Маргариты" представляют собой изложение ранней истории Х., весьма далекое от канонической версии Евангелий. Иешуа Га-Ноцри, как неоднократно подчеркивает писатель, это человек, а не Сын Божий. Он не свершает чудес, отраженных в Евангелиях, и с ним самим не происходит чуда Воскресения. Встает вопрос об отношении Булгакова к Х. и вере в Бога вообще, принимая во внимание, что столь вольную трактовку евангельского сюжета вряд ли позволил бы себе правоверный христианин - православный, католик и даже представитель какой-либо из многочисленных протестантских конфессий.

Позиция автора "Мастера и Маргариты" в вопросе веры неоднократно менялась на протяжении его жизни. 25 марта 1910 г. сестра Булгакова Надя записала в своем дневнике: "Теперь о религии... Нет, я чувствую, что не могу еще! Я не могу еще писать. Я не ханжа, как говорит Миша. Я идеалистка, оптимистка... Я - не знаю... - Нет, я пока не разрешу всего, не могу писать. А эти споры, где Иван Павлович (Воскресенский) и Миша защищали теорию Дарвина и где я всецело была на их стороне - разве это не признание с моей стороны, разве не то, что я уже громко заговорила, о чем молчала даже самой себе, что я ответила Мише на его вопрос: "Христос - Бог по-твоему? - "Нет!" ...Я боюсь решить, как Миша (позднейшее примечание: неверие)".

В 1940 г. она следующим образом резюмировала споры тех лет, освящаемые именами Чарльза Дарвина (1809-1882) и Фридриха Ницше (1844-1900): "1910 г. Миша не говел в этом году. Окончательно, по-видимому, решил для себя вопрос о религии - неверие. Увлечен Дарвином. Находит поддержку у Ивана Павловича". Поскольку эта запись была сделана Надей в 1940 г., вскоре после смерти Булгакова, с которым она часто беседовала в последние месяцы жизни, у сестры сложилось впечатление, что писатель умер неверующим (его не отпевали) и что решение в вопросе веры, принятое в 1910 г., было окончательным.

На самом деле в отношении к религии Булгакову еще предстояло пережить сложную эволюцию. После войны и революции он под тяжестью пережитых испытаний и виденных воочию страданий людей опять вернулся к вере. 26 октября 1923 г. писатель признался в дневнике с характерным названием "Под пятой": "Сейчас я посмотрел "Последнего из могикан", которого недавно купил для своей библиотеки. Какое обаяние в этом старом сентиментальном Купере. Там Давид, который все время распевает псалмы, и навел меня на мысль о Боге.
Может быть, сильным и смелым он не нужен, но таким, как я, жить с мыслью о нем легче. Нездоровье мое осложненное, затяжное. Весь я разбит. Оно может помешать мне работать, вот почему я боюсь его, вот почему я надеюсь на Бога". Очевидно, в страстной молитве Елены Турбиной в романе "Белая гвардия", создававшемся в первой половине 20-х годов, выразилась вновь обретенная Булгаковым вера в Бога.

Но, по всей видимости, вскоре его взгляды претерпели коренной поворот. В письме правительству от 28 марта 1930 г. автор "Мастера и Маргариты", только что уничтоживший черновик первой редакции романа, указывал на "черные и мистические краски (я - МИСТИЧЕСКИЙ ПИСАТЕЛЬ), в которых изображены бесчисленные уродства нашего быта, яд, которым пропитан мой язык, глубокий скептицизм в отношении революционного процесса, происходящего в моей отсталой стране, и противупоставление ему излюбленной и Великой Эволюции, а самое главное - изображение страшных черт моего народа, тех черт, которые задолго до революции вызывали глубочайшие страдания моего учителя М. Е. Салтыкова-Щедрина". Здесь слова о себе как о "мистическом писателе" помещены в явно иронический контекст, что было бы немыслимо для настоящего мистика.

Также и в пьесе "Адам и Ева" (1931 г.), драматург как будто отрицает существование Бога: в результате происшедшей катастрофы уверовал только писатель-конъюнктурщик Пончик-Непобеда, ранее сотрудничавший в горячо нелюбимом Булгаковым "Безбожнике". 5 января 1925 г. в своем дневнике писатель весьма нелестно отозвался об этом славном журнале, связывая его содержание с преобладанием евреев среди сотрудников: "Когда я бегло проглядел у себя дома вечером номера "Безбожника", был потрясен. Соль не в кощунстве, хотя оно, конечно, безмерно, если говорить о внешней стороне. Соль в идее, ее можно доказать документально: Иисуса Христа изображают в виде негодяя и мошенника, именно его. Не трудно понять, чья это работа (подобная трактовка образа Иисуса во многом присуща иудейскому Талмуду). Этому преступлению нет цены".

Пончик преспокойно возвращается к казенному атеизму, когда опасность миновала, победила мировая революция и жизнь вернулась в прежнее русло. Гораздо же более симпатичный Булгакову персонаж "Адама и Евы", исправившийся хулиган Маркизов, пораженный зрелищем гибели Ленинграда, наоборот, отрекается от веры в Бога:
"М а р к и з о в . Гляньте в окно, гражданин, и вы увидите, что ни малейшего бога нет. Тут дело верное.
П о н ч и к. Ну кто же, как не грозный бог, покарал грешную землю?
М а р к и з о в (слабо). Нет, это газ пустили и задавили СССР за коммунизм..."

По всей видимости, потрясения конца 20-х годов, связанные с "годом великого перелома" - 1929-м, когда не только прикончили нэп, но и Булгакова лишили возможности печататься, а все его пьесы оказались снятыми с репертуара, отвратили автора "Мастера и Маргариты" от Бога, не сумевшего защитить от жизненных напастей в лице всесильного коммунистического государства.

В 1940 г., незадолго до смерти, Булгаков говорил о "вечных вопросах" в беседе со своим другом драматургом Сергеем Ермолинским (1900-1984). Булгаковские размышления воспроизведены в его воспоминаниях: " - Если жизнь не удастся тебе, помни, тебе удастся смерть... Это, сказал Ницше, кажется, в "Заратустре". Обрати внимание - какая надменная чепуха! Мне мерещится иногда, что смерть - продолжение жизни. Мы только не можем себе представить, как это происходит. Но как-то происходит... Я ведь не о загробном говорю, я не церковник и не теософ, упаси боже. Но я тебя спрашиваю: что же с тобой будет после смерти, если жизнь не удалась тебе? Дурак Ницше... Он сокрушенно вздохнул. - Нет, я, кажется, окончательно плох, если заговорил о таких заумных вещах... Это я-то?.."

Здесь автор "Мастера и Маргариты" недвусмысленно отвергает церковное Х., загробную жизнь и мистику. Посмертное воздаяние заботит его лишь в виде непреходящей славы. Булгаков, почти все главные произведения которого при жизни так и не были опубликованы, боялся, что после смерти его может ждать забвение, а написанное канет в безвестность, так и не дойдя до читателей и зрителей.

Во что и как верил Булгаков - не до конца понятно и сегодня, когда обнародованы, наверное, уже все свидетельства на сей счет. В 1967 г. третья жена писателя Е. С. Булгакова вспоминала: "Верил ли он? Верил, но, конечно, не по-церковному, а по-своему. Во всяком случае, в последнее время, когда болел, верил - за это я могу поручиться". Нельзя исключить, что Булгаков верил в Судьбу или Рок, склонялся к деизму, считая Бога лишь первотолчком бытия, или растворял Его в природе, как пантеисты. Однако последователем Х. автор "Мастера и Маргариты" явно не был, что и отразилось в романе.

« Назад
Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Под пятой"

Страницы: 1 2 3

"Под пятой" - дневник Булгакова, имеющий подзаголовок "Мой дневник 1923 года" (фактически записи в дневнике продолжались с 24 мая 1923 г. по 13 декабря 1925 г.).

При жизни Булгакова Под п. не публиковался. Впервые: Театр, М., 1990, №2.

Во время обыска, проведенного 7 мая 1926 г. на квартире Булгакова (Обухов пер., 9), сотрудниками ОГПУ была изъята рукопись Под п., а также рукопись и машинопись повести "Собачье сердце".

Картина этого обыска запечатлена в воспоминаниях второй жены писателя Л. Е. Белозерской: "В один прекрасный вечер", - так начинаются все рассказы, - в один прекрасный вечер на голубятню постучали (звонка у нас не было) и на мой вопрос "кто там?" бодрый голос арендатора ответил: "Это я, гостей к вам привел!"
На пороге стояли двое штатских: человек в пенсне и просто невысокого роста человек - следователь Славкин и его помощник с обыском. Арендатор пришел в качестве понятого. Булгакова не было дома, и я забеспокоилась: как-то примет он приход "гостей", и попросила не приступать к обыску без хозяина, который вот-вот должен прийти.
Все прошли в комнату и сели. Арендатор, развалясь в кресле, в центре. Личность его была примечательная, на язык несдержанная, особенно после рюмки-другой... Молчание. Но длилось, оно, к сожалению, недолго.
- А вы не слышали анекдота, - начал арендатор...
("Пронеси, господи!" - подумала я.)
- Стоит еврей на Лубянской площади, а прохожий его спрашивает: "Не знаете ли вы, где тут Госстрах?"
- Госстрах не знаю, а госужас вот... (В анекдоте обыгран тот факт, что ОГПУ, как и его нынешняя наследница ФСБ, помещается в здании бывшего страхового общества "Россия" на Лубянской площади). Раскатисто смеется сам рассказчик. Я бледно улыбаюсь. Славкин и его помощник безмолвствуют. Опять молчание - и вдруг знакомый стук.
Я бросилась открывать и сказала шепотом М. А.:
- Ты не волнуйся, Мака, у нас обыск. Но он держался молодцом (дергаться он начал значительно позже). Славкин занялся книжными полками. "Пенсне" стало переворачивать кресла и колоть их длинной спицей. И тут случилось неожиданное. М. А. сказал:
- Ну, Любаша, если твои кресла выстрелят, я не отвечаю. (Кресла были куплены мной на складе бесхозной мебели по 3 р. 50 коп. за штуку.)
И на нас обоих напал смех. Может быть, и нервный.
Под утро зевающий арендатор спросил:
- А почему бы вам, товарищи, не перенести ваши операции на дневные часы?
Ему никто не ответил... Найдя на полке "Собачье сердце" и дневниковые записи, "гости" тотчас же уехали.
По настоянию Горького, приблизительно через два года "Собачье сердце" было возвращено автору..."

Обыск у Булгакова был проведен из-за начавшейся по принятому в конце апреля 1926 г. решению Политбюро кампании против сменовеховцев. В те же дни был арестован и на три года выслан за границу редактор сменовеховского журнала "Россия" И. Г. Лежнев (Альтшулер) (1891-1955), опубликовавший "Белую гвардию", а сам журнал был закрыт.

Булгаков неоднократно пытался вызволить арестованные рукописи. 24 июня 1926 г. он обратился с прошением к председателю Совнаркома А. И. Рыкову (1881-1938) с просьбой вернуть изъятые во время обыска 7 мая 1926 г. два экземпляра повести "Собачье сердце" и три тетради рукописи "Мой дневник".

6 июля 1928 г. Булгаков выдал супруге Максима Горького (Алексея Максимовича Пешкова) (1868-1936) Екатерине Павловне Пешковой (1878-1965) доверенность на получение рукописей из ОГПУ, которые ему обещали вернуть, затем обращался с повторными просьбами об этом к заместителю председателя ОГПУ Г. Г. Ягоде (1891-1938), а позднее в том же месяце писал Горькому: "В 1926 году, в день генеральной репетиции "Дней Турбиных", я был в сопровождении агента ОГПУ отправлен в ОГПУ, где подвергся допросу. Несколькими месяцами раньше представителями ОГПУ у меня был произведен обыск, причем отобраны были у меня "Мой дневник" в трех тетрадях и единственный экземпляр сатирической повести моей "Собачье сердце"... Я подавал много раз прошения о возвращении мне рукописей из ГПУ и получал отказы или не получал ответа на заявления".

Судя по воспоминаниям Л. Е. Белозерской, Под п. был возвращен Булгакову во второй половине 1929 г. Неизвестный осведомитель ОГПУ 3 марта 1930 г. информировал: "Мих. Булгаков рассказывал о своих неудачах... Он обратился с письмом к Рыкову, прося о загр. паспорте; ответа не последовало, но - "воротили дневники" (в кавычках здесь - подлинные булгаковские слова)".

По свидетельству третьей жены писателя Е. С. Булгаковой, после получения дневника обратно Булгаков его уничтожил. Однако с рукописи в ОГПУ перед возвращением ее автору сняли машинописную и фотографическую копии, которые в 1989-1993 гг. были обнародованы органами государственной безопасности.

1 сентября 1933 г., начиная вести свой дневник, Е. С. Булгакова записала: "Сегодня первая годовщина нашей встречи с М. А. после разлуки (последовавшей в феврале 1931 г. по настоянию ее второго мужа Е. А. Шиловского (1889-1952). Миша настаивает, чтобы я вела этот дневник. Сам он, после того, как у него в 1926 году взяли при обыске его дневники, - дал себе слово никогда не вести дневника. Для него ужасна и непостижима мысль, что писательский дневник может быть отобран".

В переписке Булгаков всегда называл рукопись своего Под п. "Мой дневник", хотя в фотокопии отчетливо видно, что это - подзаголовок, а основное название - "Под пятой". Однако это последнее несло несомненный политический оттенок и было неудобно для цитирования в письмах Горькому и Ягоде.

В булгаковском архиве сохранились вырезки из его дневниковых записей 1922 г. Первая из сохранившихся записей от 25 января начинается словами: "Забросил я дневник", из чего можно заключить, что он был начат ранее, скорее всего, сразу после приезда Булгакова в Москву в сентябре 1921 г.

В недатированном заявлении Г. Г. Ягоде, оставшемся в копии в булгаковском архиве, писатель говорит о дневниках, "содержащих крайне ценное лично для меня отражение моего настроения в прошедшие годы (1921-1925)", что также подтверждает, что начаты они были в 1921 г.

Вместе с тем, раз в архивах госбезопасности сохранились копии дневника только за 1923-1925 гг. и именно эта часть была озаглавлена "Под пятой", логично предположить, что лишь Под п. как некое законченное произведение был изъят ОГПУ, а тетрадь с записями 1921-1922 гг. сохранилась у Булгакова, и впоследствии, после возвращения Под п., он уничтожил все свои дневниковые записи, оставив только небольшие фрагменты на память и как доказательство, что дневник существовал.

Из этих сохранившихся записей наиболее красноречива та, что сделана 9 февраля 1922 г.: "Идет самый черный период моей жизни. Мы с женой (Т. Н. Лаппа) голодаем".

Записи 1921-1922 гг. еще не рассматривались как литературные заготовки, а лишь отражали тяжелую борьбу за существование. Только со стабилизацией своего материального положения в качестве постоянного фельетониста "Гудка" и "Накануне" Булгаков начал Под п. как некое литературное произведение (об этом говорит наличие заглавия), в силу предельной откровенности предназначенное, очевидно, лишь для посмертной публикации (нецензурность Под п. для условий 20-х годов сомнений не вызывает).

В дневнике писатель сформулировал свое отношение к политическому течению сменовеховства, с которым были связаны берлинская газета "Накануне" и московский журнал "Россия". В этих органах Булгаков публиковался.

Сменовеховство ведет свою историю со сборника "Смена вех", вышедшего в Праге в июле 1921 г. Его авторы - видные деятели эмиграции - Ю. В. Ключников (1886-1938), Ю. Н. Потехин (1890-1938), А. В. Бобрищев-Пушкин (1875-1938?) и др.

Идейный вождь сменовеховства бывший министр в правительстве Колчака Н. В. Устрялов (1890-1938) провозглашал путь "эволюции умов и сердец", необходимость признания эмиграцией советской власти и совместной работы с ней, в расчете, что большевики будут эволюционировать в сторону возрождения русского национального государства на цивилизованных началах.

Один из вождей большевиков Л. Д. Троцкий сразу по выходу "Смены вех" так оценил значение сборника: "Люди, которые давали министров Колчаку, поняли, что Красная Армия не есть выдумка эмигрантов, что это не разбойничья банда, - она является национальным выражением русского народа в настоящем фазисе развития. Они абсолютно правы... Наше несчастие, что страна безграмотная, и, конечно, годы и годы понадобятся, пока исчезнет безграмотность и русский трудовой человек приобщится к культуре".

Сменовеховцы хотели видеть в нэпе признаки желательной для них эволюции. Однако на самом деле нэп для большевиков был не более чем тактическим маневром, а после устранения Троцкого от реальных рычагов власти (этот процесс писатель точно фиксировал в Под п.) никто всерьез дела со сменовеховцами иметь не собирался.

Булгаков, в отличие от них, в термидорианское перерождение советской власти не веривший (статья Н. В. Устрялова в "Смене вех" так и называлась "Путь термидора"), о сменовеховстве и сменовеховцах в Под п. отзывался крайне нелестно. Свое неверие в благотворную эволюцию большевизма он выразил в сатирических повестях "Роковые яйца" и "Собачье сердце".

Булгаков: "Я нахожусь в среде исключительной сволочи"
Даже гении бывают антисемитами
"Затхлая, советская, рабская рвань, с густой примесью евреев"
Читайте продолжение>>>

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

"Под пятой", часть 2

Страницы: 1 2 3

В дневниковой записи 26 октября 1923 г. Булгаков на личном опыте утверждал: "Мои предчувствия относительно людей никогда меня не обманывают. Никогда. Компания исключительной сволочи группируется вокруг "Накануне". Могу себя поздравить, что я в их среде. О, мне очень туго придется впоследствии, когда нужно будет соскребать накопившуюся грязь со своего имени. Но одно могу сказать с чистым сердцем перед самим собой. Железная необходимость вынудила меня печататься в нем. Не будь "Накануне", никогда б не увидали света ни "Записки на манжетах", ни многое другое, в чем я могу правдиво сказать литературное слово. Нужно было быть исключительным героем, чтобы молчать в течение четырех лет, молчать без надежды, что удастся открыть рот в будущем. Я, к сожалению, не герой". (Автор Под п. еще не знал, что с 1929 г. ему придется оказаться точно в таком положении).

А 23 декабря 1924 г. писатель очень верно предрек судьбу сменовеховцев: "Все они настолько считают, что партия безнадежно сыграна, что бросаются в воду в одежде. Василевский (И. М. Василевский (Не-Буква) (1882-1938), известный журналист-сменовеховец, первый муж второй жены Булгакова Л. Е. Белозерской) одну из книжек выпустил под псевдонимом. Насчет первой партии совершенно верно. И единственная ошибка всех Павлов Николаевичей (речь идет о лидере кадетов П. Н. Милюкове (1859-1943), в эмиграции редактировавшем газету "Последние новости") и Пасмаников (либеральный журналист Д. С. Пасманик (1869-1936) был сотрудником Милюкова), сидящих в Париже, что они все еще доигрывают первую, в то время как логическое следствие: за первой партией идет совершенно другая, вторая. Какие бы ни сложились в ней комбинации - Бобрищев погибнет".

Особенно возмущало Булгакова то, что "сменил вехи" такой крайне правый публицист как А. В. Бобрищев-Пушкин, выпустивший сразу под двумя псевдонимами, П. Арский и Ал. Дмитриев, в серии "Вожди и деятели революции" книгу о М. М. Володарском (Гольдштейне) (1891-1918), петроградском комиссаре по делам печати, агитации и пропаганды, убитом террористом и канонизированном большевиками: "Но все-таки поймите. Старый, убежденный погромщик, антисемит pur sang (чистокровный (фр.) пишет хвалебную книгу о Володарском, называя его "защитником свободы печати". Немеет человеческий ум".

В "Смене вех" Бобрищев-Пушкин утверждал: "Советская власть при всех ее дефектах - максимум власти, могущей быть в России, пережившей кризис революции. Другой власти быть не может - никто ни с чем не справится, все перегрызутся". В большевиках он увидел ту твердую власть, за которую ратовал до 1917 г.

Булгаков же насчет возможностей сохранения свободы и даже самой жизни при такой твердой коммунистической власти не обольщался и относительно будущей судьба сменовеховцев оказался провидцем: в 1937-1938 гг. Н. В. Устрялов, И. М. Василевский, А. В. Бобрищев-Пушкин и др. были репрессированы, и погибли.

"Веселые берлинские б…", как назвал сменовеховцев Булгаков в Под п. в записи от 3 января 1925 г., веселились недолго и кончили очень плохо. Невольной жертвой борьбы с ними стал и сам автор Под п., на долгие годы получивший небезопасный ярлык "сменовеховца", и его дневник, угодивший в руки ОГПУ.

В Под п. проявился свойственный Булгакову бытовой антисемитизм. Он всячески подчеркивает еврейскую национальность несимпатичных ему людей, вроде издателя "Белой гвардии" З. Л. Каганского или некоторых руководителей "Накануне". Возможно, подобное отношение к евреям укрепилось у него еще в семье.

А. И. Булгаков, отец писателя, в статье "Современное франкмасонство" (1903) с тревогой отмечал, что "в настоящее время ряды франкмасонских лож наполняются евреями" и "понятное дело, что от таких лож нельзя ожидать ничего доброго для христианства".

В Под п., например, в записи в ночь с 20 на 21 декабря 1924 г. осуждаемые писателем действия французского премьера Эдуарда Эррио (1872-1957), который "этих большевиков допустил в Париж", объясняются его мнимо-еврейским происхождением: "У меня нет никаких сомнений, что он еврей. Люба (Л. Е. Белозерская) мне это подтвердила, сказав, что она разговаривала с людьми, лично знающими Эррио. Тогда все понятно".

А, отзываясь о публике, посещающей "Никитинские субботники", организованные создателем одноименного издательства литературоведом Е. Ф. Никитиной (1893-1973), писатель в ночь на 28 декабря 1924 г. подчеркивал, что это - "затхлая, советская, рабская рвань, с густой примесью евреев". В донесении анонимного агента ОГПУ от 10 ноября 1928 г. содержится сходный по духу булгаковский отзыв: "О "Никитинских субботниках" Булгаков высказал уверенность, что они - агентура ГПУ".

В то же время, черносотенно-погромных настроений Булгаков не разделял и, как видим, осуждал за это А. В. Бобрищева-Пушкина. Не был он в то время и монархистом. 15 апреля 1924 г. в связи со слухами, что по Москве ходит манифест великого князя Николая Николаевича (1856-1929), которого часть русских монархистов считала претендентом на престол, писатель раздраженно заметил: "Черт бы взял всех Романовых! Их не хватало".

В завершении:

Что выбрать: медицину или литературу? Сомнения Булгакова.
"С моими взглядами мне трудно печататься и жить".
Булгаков о "несимпатичном" Горьком
"А сову эту я разъясню".

« Назад

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Под пятой", часть 3

Страницы: 1 2 3

В Под п. Булгаков уже окончательно осознает писательство, как единственное дело своей жизни. Например, 30 сентября 1923 г. он с удовлетворением констатировал: "В литературе я медленно, но все же иду вперед. Это я знаю твердо. Плохо лишь то, что у меня никогда нет ясной уверенности, что я хорошо написал".

Такая уверенность в Под п. проявилась у него только по отношению к рассказу "Богема". 4 января 1925 г. в связи с его публикацией в журнале "Красная новь" Булгаков записал: "Это мой первый выход в специфически-советской тонко-журнальной клоаке. Эту вещь я сегодня перечитал, и она мне очень нравится... Кажется, впервые со знаменитой осени 1921-го года (времени приезда в Москву) позволю себе маленькое самомнение и только в дневнике, - написан отрывок совершенно на "ять", за исключением одной, двух фраз".

Но порой писателя охватывали сомнения: 26 октября 1923 г. Булгаков признавался: "Горько раскаиваюсь, что бросил медицину и обрек себя на неверное существование. Но, видит Бог, одна только любовь к литературе и была причиной этого.
Литература теперь трудное дело. Мне с моими взглядами, волей-неволей выливающимися в произведениях, трудно печататься и жить".

Свои убеждения, политические и эстетические, писатель выразительно определил в записи 30 сентября 1923 г. (в скобках поставив старый стиль - 17 сентября) в связи с двухлетней годовщиной приезда в Москву: "Вероятно, потому, что я консерватор до... "мозга костей" хотел написать, но это шаблонно, ну, словом, консерватор, всегда в старые праздники меня влечет к дневнику... Два года! Многое ли изменилось за это время? Конечно, многое. Но все же вторая годовщина меня застает все в той же комнате и всё таким же изнутри".

Подобные взгляды выразились в неприятии коммунистов и революции. Даже в письме к правительству от 28 марта 1930 г. Булгаков осторожно указывал на свой "глубокий скептицизм в отношении революционного процесса, происходящего в моей отсталой стране, и противупоставление ему излюбленной и Великой Эволюции".

В дневнике 26 октября 1923 г., характеризуя соседа пекаря, писатель выразился гораздо определеннее: "В голове у малого то же, что и у всех - себе на уме, прекрасно понимает, что большевики жулики, на войну идти не хочет, о международном положении никакого понятия. Дикий мы, темный, несчастный народ".

Что же касается литературы, то здесь булгаковский консерватизм выразился в неприятии русского авангарда, в частности, прозы А. Белого. 16 января 1925 г. Булгаков зафиксировал впечатления от состоявшегося накануне, 14 января, в кружке П. Н. Зайцева чтения Белым воспоминаний о Валерии Брюсове (1873-1924): "Белый в черной курточке (невольный булгаковский каламбур). По-моему, нестерпимо ломается и паясничает.
Говорил воспоминания о Валерии Брюсове. На меня все это произвело нестерпимое впечатление. Какой-то вздор... символисты... В общем, пересыпая анекдотиками, порой занятными, долго нестерпимо говорил... о каком-то папоротнике... о том, что Брюсов был "Лик" символистов, но в то же время любил гадости делать...
Я ушел, не дождавшись конца. После "Брюсова" должен был быть еще отрывок из нового романа Белого. Merci." (по иронии судьбы этот роман, "Московский чудак", несший в себе влияние повести "Роковые яйца", 20 сентября 1926 г. был подарен Белым Булгакову).

6 ноября 1923 г. Булгаков записал в Под п.: "Теперь я полон размышления и ясно как-то стал понимать - нужно мне бросить смеяться. Кроме того - в литературе вся моя жизнь. Ни к какой медицине я никогда больше не вернусь. Несимпатичен мне Горький как человек, но какой это огромный, сильный писатель и какие страшные и важные вещи говорит он о писателе... Страшат меня мои 32 года и брошенные на медицину годы, болезни и слабость... Я буду учиться теперь. Не может быть, чтобы голос, тревожащий меня сейчас, не был вещим. Не может быть. Ничем иным я быть не могу, я могу быть одним - писателем. Посмотрим же и будем учиться, будем молчать".

Писатель высоко оценивал реалистическую прозу даже "несимпатичного" Горького, а свое литературное будущее связывал уже не с сатирой и юмором, а с произведениями серьезного жанра, вроде эпической "Белой гвардии".

Правда, насчет художественного значения романа его терзали сомнения, отразившиеся и в Под п. 5 января 1925 г. Булгаков записал: "Ужасно будет жаль, если я заблуждаюсь и "Белая гвардия" не сильная вещь". Ему не дано было предугадать тогда, что подлинную славу принесет последний роман "Мастер и Маргарита", где эпическое соседствует с сатирическим, юмор с демонологией, а философия - с изображением московского быта.

В Под п. зафиксирована также булгаковская вера в Бога и возмущение воинствующим атеизмом коммунистов, их глумлением над Христианством, в частности, в статьях "Безбожника". 5 января 1926 г. писатель так передал свои впечатления от этого атеистического журнала: "Когда я бегло проглядел у себя дома вечером номера "Безбожника", был потрясен. Соль не в кощунстве, хотя оно, конечно, безмерно, если говорить о внешней стороне. Соль в идее, ее можно доказать документально: Иисуса Христа изображают в виде негодяя и мошенника, именно его. Не трудно понять, чья это работа. Этому преступлению нет цены... Большинство заметок в "Безбожнике" подписаны псевдонимами. "А сову эту я разъясню" (цитата из повести "Собачье сердце")".

Здесь Булгаков нападки на Христа связывает с еврейским происхождением большинства авторов "Безбожника". "Разъяснил" он их в "Мастере и Маргарите", сатирически показав циничный атеизм Михаила Александровича Берлиоза и бездумный - Ивана Бездомного.

« Назад

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Богема"

"Богема" - рассказ. Опубликован: Красная Нива, М., 1925, №1.

Б. - произведение автобиографическое, основанное на истории создания и постановки булгаковской пьесы "Сыновья муллы" весной 1921 г. во Владикавказе и последующей поездки драматурга на вырученные деньги в Тифлис (Тбилиси). Эти же события отражены в повести "Записки на манжетах" (1922 - 1923). Упоминаемый в Б. фельетон, за который автор получил "1200 рублей и обещание, что меня посадят в особый отдел, если я еще напечатаю что-нибудь похожее" - это, вероятно, "Неделя просвещения", хотя не вполне понятно, какие именно "насмешки" могло усмотреть там бдительное революционное око.

В Б. Булгаков признает написание "Недели просвещения" одним из четырех преступлений своей жизни, наряду с растратой на кино денег, предназначенных на учебник физики, женитьбой на Т. Н. Лаппа вопреки воле матери (к моменту написания Б., в 1924 г., Булгаков с первой женой уже развелся), а также вынужденное заявление в особом отделе, что пьеса "Сыновья муллы" хорошая и для постановки этой революционной пьесы он едет в Тифлис.

Характерно, что Булгаков не считает криминалом создание бездарной пьесы само по себе. В "Записках на манжетах" он прямо заявляет, что писали ее "втроем: я, помощник поверенного и голодуха". Предосудительным драматург считает только попытку выдать плохую пьесу за хорошую. Но и она вынуждается обстоятельствами.

Как сообщила в своих воспоминаниях Т. Н. Лаппа, весной 1921 г. над головой Булгакова во Владикавказе сгустились тучи: "В общем, если б мы там еще оставались, нас бы уже не было. Ни меня, ни его. Нас бы расстреляли. Там же целое белогвардейское гнездо было: сын генерала Гаврилова (владикавказского знакомого Булгакова, ушедшего с белыми), Дмитрий, предлагал в их подполье работать, но я отказалась. Потом хотел завербовать медсестру из детского дома, который в их особняке был, а она его выдала. Тут и начальника милиции арестовали, где я раньше работала. Он тоже контрреволюционером оказался. Ну, и надо было сматываться".

Попытки поставить "революционную" пьесу в Тифлисе и Батуме, куда позднее перебрался Булгаков, не увенчались успехом, но в Грозном и Владикавказе она продолжала ставиться еще и в 30-е годы.

Булгаков высоко оценивал Б., но стыдился запечатленной в ней бедности жизни. 4 января 1925 г. он записал в своем дневнике "Под пятой": "Сегодня вышла "Богема" в "Красной Ниве" №1. Это мой первый выход в специфически-советской тонко-журнальной клоаке. Эту вещь я сегодня перечитал, и она мне очень нравится, но поразило страшно одно обстоятельство, в котором я целиком виноват. Какой-то беззастенчивой бедностью веет от этих строк. Уж очень мы тогда привыкли к голоду и его не стыдились, а сейчас как будто бы стыдно. Подхалимством веет от этого отрывка. Кажется, впервые со знаменитой осени 1921-го года (времени приезда Булгакова в Москву) позволю себе маленькое самомнение и только в дневнике, - написан отрывок совершенно на "ять", за исключением одной, двух фраз. ("Было обидно и др.").

Вот не понравившаяся Булгакову тяжеловесная фраза: "Было обидно, в особенности потому, что гримасы были вовсе не нужны..." В Б. автор, чтобы его не узнали на фотографии, сделанной по случаю премьеры его "революционной пьесы", гримасничает, и "благодаря этим гримасам, в городе расплылся слух, что я гениальный, но и сумасшедший в то же время человек".

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

"Сыновья Муллы"

"Сыновья муллы" - пьеса, поставленная во Владикавказе в мае 1921 г. местной ингушской труппой.

Премьера состоялась 15 мая и С. м. прошли три раза. Позднее пьеса была переведена на осетинский язык (с заменой мусульманских имен на осетинские) и ставилась осетинскими самодеятельными театральными коллективами. Ни при жизни Булгакова, ни после его смерти С. м. до сих пор не печатались на русском языке. Осетинский перевод пьесы, выполненный артистом Б. И. Тотровым, опубликован: Фидиуг, Владикавказ, 1930, №4. Сохранился суфлерский экземпляр русского текста пьесы, хранящийся ныне в архиве Булгакова в Отделе Рукописей Российской Государственной Библиотеки.

Процесс создания С. м. Булгаков описал в повести "Записки на манжетах" (1922-1923) и в рассказе "Богема" (1925). В повести об этом говорится следующим образом: "Помощник присяжного поверенного, из туземцев, научил меня. Он пришел ко мне, когда я молча сидел, положив голову на руки, и сказал:

- У меня тоже нет денег. Выход один - пьесу нужно написать. Из туземной жизни. Революционную. Продадим ее...

Я тупо посмотрел на него и ответил:

- Я не могу ничего написать из туземной жизни, ни революционного, ни контрреволюционного. Я не знаю их быта. И вообще я ничего не могу писать. Я устал, и кажется, у меня нет способностей к литературе.

Он ответил:

- Вы говорите пустяки. Это от голоду. Будьте мужчиной. Быт - чепуха. Я насквозь знаю быт. Будем вместе писать. Деньги пополам.

С того времени мы стали писать.. Его жена развешивала белье на веревке в комнате, а затем давала нам винегрет с постным маслом и чай с сахарином. Он называл мне характерные имена, рассказывал обычаи, а я сочинял фабулу. Он тоже. И жена подсказывалась и давала советы. Тут же я убедился, что они оба гораздо более меня способны к литературе. Но я не испытывал зависти, потому что твердо решил про себя, что эта пьеса будет последним, что я пишу:..

И мы писали.

Он нежился у печки и говорил:

- Люблю творить! Я скрежетал пером... Через семь дней трехактная пьеса была готова. Когда я перечитал ее у себя, в натопленной комнате, ночью, я, не стыжусь признаться, заплакал! В смысле бездарности - это было нечто совершенно особенное, потрясающее! Что-то тупое и наглое глядело из каждой строчки этого коллективного творчества!..

В туземном подотделе пьеса произвела фурор. Ее немедленно купили за 200 тысяч. И через две недели она шла.

В тумане тысячного дыхания сверкали кинжалы, газыри и глаза. Чеченцы, кабардинцы, ингуши, - после того, как в третьем акте геройские наездники ворвались и схватили пристава и стражников, - кричали:

- Ва! Подлец! Так ему и надо!

И вслед за подотдельскими барышнями вызывали: "автора"

За кулисами пожимали руки.

- Пирикрасная пьеса!

И приглашали в ауп..."

Автор "Записок на манжетах" признавался, что С. м. писали втроем: "Я, помощник поверенного и голодуха".

В "Богеме" этот туземный помощник присяжного поверенного назван по имени: Генэулаев. Сюжет написания здесь определен чуть больше: семь с половиной дней, а роль Генэулаева охарактеризована несколько иначе: "Сам он мне тут же признался, что искренне ненавидит литературу, вызвав во мне взрыв симпатии к нему. Я тоже ненавижу литературу и уж, поверьте, гораздо сильнее Генэулаева. Но Генэулаев назубок знает туземный быт, если конечно, бытом можно назвать шашлычные завтраки на фоне самых постылых гор, какие есть в мире, кинжалы невважной стали, поджарых лошадей, духаны и отвратительную, выворачивающую душу музыку".

Помощник присяжного поверенного должен был "подсылать этот быт" в пьесу. Художественное же качество С. м. автор в "Богеме" оценивал не менее сурово, чем в "Записках на манжетах", хотя теперь, учитывая опыт советского театра первой половины 20-х годов, уже не настаивал на уникальности пьесы: "...Если когда-нибудь будет конкурс на самую бессмысленную, бездарную и наглую пьесу, наша получит первую премию (хотя, впрочем... впрочем... вспоминаю сейчас некоторые пьесы 1921-1924 годов и начинаю сомневаться...), ну не первую - вторую или третью".

По словам автора "Богемы", гонорар за пьесу был 200 тысяч рублей, разделенный между соавторами поровну (та же сумма - ив "Записках на манжетах", причем "пьеса прошла три раза (рекорд), и вызывали авторов"). Этими деньгами Булгаков, как он сообщает в "Богеме", распорядился следующим образом: "Семь тысяч я съел в 2 дня, а на остальные 93 решил уехать из Владикавказа".

Судя по данным, сообщаемым Булгаковым в "Записках на манжетах", и учитывая, что премьера С. м. была 15 мая 1921 г. - в булгаковский день рождения, пьеса была написана соавторами в конце апреля. На вырученный от постановки С. м. гонорар Булгаков выехал 26 мая в Тифлис (Тбилиси) через Баку. После его отъезда пьеса еще неоднократно шла не только во Владикавказе, но и в Грозном.

Т. Н. Лаппа, первая жена писателя, в своих воспоминаниях в основном подтверждает изложенные Булгаковым в "Записках на манжетах" и "Богеме" обстоятельства создания С. м. Она отметила, что муж ходил во Владикавказе писать пьесу к их соседям Пейзулаевым, и что значительная часть денег была потрачена на обязательный после премьеры банкет (скорее всего, на него как раз и ушли упоминаемые в "Богеме" 7 тыс. рублей).

Соавтором Булгакова по С. м. был кумык Тагир Пейзулаев, уроженец селения Аксай в Дагестане, успевший до революции окончить юридический факультет Петербургского университета. В начале 1920-х годов он жил во Владикавказе, в позднее переселился в Москву, где и скончался в 1936 г.

Неизвестно, встречались ли Булгаков и Пейзулаев в столице, но своего владикавказского знакомого писатель вспомнил, когда начал в 1929 г. писать роман "Мастер и Маргарита". В ранних редакциях директора Театра Варьете Степана Богдановича Лиходеева звали Гараса Педулаев, а нечистая сила бросала его не в Ялту, а во Владикавказ. Только в последней редакции "Мастера и Маргариты", начатой в 1937 г., герой был перемещен в Ялту, а не во Владикавказ, и стал именоваться Степой Лиходеевым. Булгаков узнал о смерти своего владикавказского соавтора и счел неудобным придавать его черты сатирическому персонажу.

Скорее всего, роль Пейзулаева в создании С. м. свелась к снабжению драматурга необходимыми бытовым материалом. Текст пьесы, по всей видимости, писал один Булгаков. В осетинском переводе 1930 г. стоит только его фамилия. После приезда в Москву в сентябре 1921 г. драматург уничтожил рукопись С. м. Однако в 1960 г. в Грозном был обнаружен суфлерский экземпляр пьесы. На нем также один автор - Булгаков.

В "Записках на манжетах" как будто предсказана такая судьба текста С. м.: "Я начал драть рукопись. Но остановился. Потому что вдруг, с необычайной чудесной ясностью, сообразил, что правы говорившие: написанное нельзя уничтожить! Порвать, сжечь... От людей скрыть. Но от самого себя - никогда! Конченo! Неизгладимо. Это изумительную штуку я сочинил. Конченo!.."

В "Мастере и Маргарите" подобные рассуждения вылились в ставшие афоризмом слова Воланда "Рукописи не горят!", сказанные по поводу гениального романа Мастера. Но Булгаков еще в начале 20-х годов понимал, что свой след в жизни оставляют любые произведения, в том числе и такие бездарные как С. м. К тому же судьба С. м. оказалась счастливей многих других, гораздо более талантливых булгаковских пьес, так и не увидевших свет рампы при жизни автора.

В С. м. Булгаков, против стереотипов "революционных" постановок того времени, обратился к событиям не Октябрьской, а Февральской революции 1917 г., которая представлена как явление безусловно положительное, спасающее от ареста главного героя - сына муллы революционера Идриса. Между тем, в "Грядущих перспективах" (1919) писатель винит Февральскую революцию в приходе к власти большевиков и осуждает ее, среди прочего, и за "безумство мартовских дней".

Трудно сказать, изменились ли за полтора года взгляды Булгакова или в С. м. он просто приспосабливался к местной конъюнктуре. Для горских народов этапной стала именно Февральская революция, резко ослабившая в горных районах Северного Кавказа власть центрального российского правительства. Трудно судить, насколько соответствует взглядам автора ощутимая в С. м. поддержка права народов на национальное самоопределение. Это выражается, в частности, в лозунге "Да здравствует свободная Ингушетия!" и словах о необходимости "защищать свободу Ингушетии".

В "Грядущих перспективах", романе "Белая гвардия" и пьесе "Дни Турбиных" Булгаков категорически выступал против отделения от России Украины. Однако нельзя исключить, что опыт полугородничного пребывания на Северном Кавказе убедил его, что кавказские народы очень сильно отличаются от русских в культурном, социальном и психологическом отношении, и поэтому их отделение от России не может нанести последней вреда. Но, вполне возможно, что слова о свободе Ингушетии были простой уступкой настроениям местной публики.

С. м. - пьеса вполне мифологическая. Все ее персонажи с самого начала делятся на хороших и плохих, черных и белых (или, точнее, белых и красных). Хорошие - это все представители местного ингушского (в осетинском переводе - осетинского) населения - муллы Хассбот, его сыновья: студент-революционер Идрис и офицер Магомет, друг Идриса Юсуп и прочие. Плохие - представители царской власти - Начальник полицейского участка, подчиненные ему стражники, а также старшина селения Магомет-Мирза. Последний, впрочем, как и стражники, будучи представителем ингушского народа, в конце пьесы по мановению волшебной палочки исправляется и получает прощение, причем происходит следующий характерный диалог:

"Х а с с б о т . Конечно, его нужно отпустить. Он свой человек.

И д р и с. Свой человек иногда бывает хуже чужих. Слушай, Магомет-Мирза, если мы тебя отпустим, ты помни это всегда, и плохо тебе будет, если ты когда-нибудь еще пойдешь против свободного народа.

М а г о м е т М и р з а. Да, что ты, Идрис, я никогда и не подумаю об этом".

С миром отпускают и стражников, отобрав только винтовки и дав прощальное напутствие: "Вы пойдете и скажете всем о том, что произошло, что свергли старую власть и вы свободны, как и все".

Подобная мифологичность пьесы вполне гарантировала единение неприятельской и не слишком образованной владикавказской публики с происходящим на сцене, но Булгакову такое единение, иронически описанное в "Записках на манжетах", радости не доставляло. В 1939 г., по воле судьбы, драматургу пришлось писать последнюю свою пьесу о молодом И. В. Сталине "Батум" тоже в мифологическом ключе. В пьесе же "Багровый остров" (1927) Булгаков учел опыт С. м. и наделил чертами мифа "революционную" пьесу драматурга Дымогацкого, заставив, в частности, плохих арапов к финалу раскаяться и переродиться.

А вот в образах муллы Хассбота и его сына офицера Магомета можно заметить первые наброски темы отношения интеллигенции к революции, на другом художественном уровне решенной в пьесах "Дни Турбиных" (1926) и "Бег" (1928).

Есть в С. м. и идея, ставшая одной из важнейших в романе "Мастер и Маргарита". Друг Хассбота Али-хан обращается к сыну муллы: "Идрис, кто же теперь у нас будет начальником участка?" Ответ Идриса: "Будет новая власть - все по-новому", - удивленный Али-хан, комментирует так: "Не будет? Как же так? А, впрочем, лучше, если не будет. От них только одни несчастия и горе".

Из этого серьезного, хотя и сдобренного юмором диалога в последнем булгаковском романе возникла проповедь Иешуа Га-Ноцри о том, что "всякая власть является насилием над людьми и что настанет время, когда не будет власти ни кесарей, ни какой-либо иной власти. Человек перейдет в царство истины и справедливости, где вообще не будет надобна никакая власть".

Революционер Идрис, подобно Иешуа, провозглашает будущее царство справедливости, где не будет богатых и бедных и все будут равны между собой. Он заявляет: "Бежать нужно только тогда, когда опасность уже настоящая и ничего против нее поделать нельзя, иначе поступают только трусы". Это роднит его с братьями Турбинными из "Белой гвардии" и "Дней Турбиных". Они, в отличие от Тальберга, не бегут от опасности при первых признаках, а с готовностью встречают ее. О спасении же Турбины начинают думать лишь тогда, когда всякое сопротивление становится невозможным.

В противоположность многим другим пьесам на революционную тему, Булгаков уже в С. м. призывал проявлять милость к представителям свергнутой власти. Даже плохому начальнику участка Идрис обещает не допустить расправы и обеспечить справедливый суд.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции 5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

"Зойкина квартира"

"Зойкина квартира" - пьеса.

Премьера состоялась в Театре им. Евг. Вахтангова 28 октября 1926 г. 3. к. была снята по решению Главреперткома, утвержденном коллегией Наркомпроса 17 марта 1929 г., после 198-го представления. Во Франции премьера 3. к. состоялась 9 февраля 1937 г. в парижском театре "Старая голубятня".

При жизни Булгакова был опубликован только немецкий перевод 3. к. - Берлинским издательством И. П. Ладыжникова в 1929 г. Впервые на русском языке: Новый журнал, Нью-Йорк, 1969-1970, №№ 97, 98. Впервые в СССР: Современная драматургия, 1982, №2.

В сентябре 1925 г. Булгаков получил аванс Студии Е. Б. Вахтангова за будущую 3. к. 1 января 1926 г. было заключено с вахтанговцами соглашение на 3. к.

По воспоминаниям второй жены драматурга Л. Е. Белозерской, инициатива исходила от театра, предложившего Булгакову написать комедию. Пьеса утверждала, что сюжет 3. к. был почерпнут из заметки в ленинградской вечерней "Красной газете", где рассказывалось о раскрытии милицией карточного притона некоей Зои Буяльской, действовавшего под вывеской пошивочной мастерской. Текст этой заметки до сих пор не найден. Не исключено, что на самом деле внимание Булгакова привлек освещавшийся в октябре 1924 г. "Красной газетой" процесс Адели Адольфовны Тростянской, организовавшей притон и дом свиданий под видом пошивочной мастерской и массажно-маникюрного кабинета.

Возможно также, что прототипом булгаковской Зои Денисовны Пельц послужила Зоя Петровна Шатова, содержательница притона, арестованная в Москве весной 1921 г. При ее аресте были задержаны пришедшие в притон за винном известные поэты Анатолий Мариенгоф (1897-1962) и Сергей Есенин (1895-1925).

В мемуарном "Романе без вранья" (1926) Мариенгоф описал эту сцену: "На Никитском бульваре в красном каменном доме на седьмом этаже у Зои Петровны Шатовой найдешь не только что неколебавшуюся белую голову, Перцову" и "Зубровку" Петра Смирнова, но и старое бургундское и черный английский ром. Легко взбегаем на нескончаемую лестницу. Звоним условленные три звонка. Открывается дверь. Смотрю: Есенин пятится... В коридоре сидят с винтовками красноармейцы. Агенты проводят обыск".

Сразу же после снятия 3. к. эпизод с З. П. Шатовой был поставлен в прямую связь с булгаковской пьесой. В №10 журнала "Огонек", появившемся в конце марта 1929 г., была опубликована статья следователя Самсонова "Роман без вранья" - "Зойкина квартира". Там утверждалось: "Зойкина квартира существовала в действительности. У Никитских ворот, в большом красного кирпича доме на седьмом этаже посещали квартиру небезызвестной по тому времени содержательницы популярного среди преступного мира, литературной богемы, спекулянтов, растратчиков, контрреволюционеров специального сапона для интимных встреч Зои Шатовой. Квартиру Зои Петровны Шатовой мог посетить не всякий. Она не для всех была открыта и доступна. Свои попадали в Зойкину квартиру конспиративно, по рекомендации, паролям, условным знакам. Для пьяных оргий, недвусмысленных и преступных встреч Зойкина квартира у Никитских ворот была удобна: на самом верхнем этаже большого дома, на отдельной лестничной площадке, тремя стенами выходила во двор, так что шум был не слышен соседям. Враждебные советской власти элементы собирались сюда как в свою штаб-квартиру, в свое информационное бюро".

Задним числом З. П. Шатовой стремились пришить "политическое" дело и даже переносили на ее притон, где ограничивались только нелегальной торговлей спиртным, арестовы булгаковской 3. к. - тайного дома свиданий.

11 января 1926 г. Булгаков читал текст пьесы вахтанговцам. По настоянию театра, в целом восторженно принявшим 3. к., драматург внес ряд изменений и дополнений. 3. к. из 4-х актной превратилась в 3-х актную пьесу. Некоторые купюры носили ценсурный характер, в частности, сняли частушку, исполняемую Мертвым телом: "Пароход идет прямо к пристани, будем рыб кормить коммунистами".

Уже после премьеры 3. к. по настоянию Главреперткома было сделано дополнение в финал, усиливающее торжество закона и рабоче-крестьянской милиции. Если первоначально Аметистов и Херувим благополучно скрывались из квартиры, что вызывало реплику Зои: "А убийцы бежали!", то теперь агент угрозыска сообщал по телефону: "Да, да, взяли в подъезде Аметистова и Херувима с горничной".

Несмотря на почти постоянные аншлаги, 9 ноября 1927 г. 3. к. была снята с репертуара, в апреле 1928 г. возвращена на сцену, а 17 марта 1929 г. окончательно запрещена. В конце 20-х годов 3. к. ставилась также Киевским русским драматическим театром, Драматическим им. А. В. Луначарского в Ростове-на-Дону, Тифлисским рабочим театром, Крымским государственным драматическим театром, Театром русской драмы в Риге и рядом других театров.

Сам Булгаков за три недели до премьеры в №40 журнала "Новый зритель" следующим образом определил жанр 3. к.: "Это трагическая буффонада, в которой в форме масок показан ряд дельцов нэпманского пошиба в наши дни в Москве".

В 1935 г. в связи с переводом 3. к. на французский, сделанным актрисой Марией Рейнгардт, Булгаков создал новую сокращенную редакцию пьесы, освобождением от многих реалий 20-х годов, а также от упоминаний различных политических деятелей: В. И. Ленина, И. В. Сталина и др., внесенных во французский текст переводчицей. Драматург добился, чтобы в переводе были сделаны справки в соответствии с новой, второй редакцией 3. к. С этой редакции в мае 1935 г. советский литератор Эммануил Львович Жуховицкий и секретарь посольства США в Москве Чарльз Болен (в 50-е годы он стал американским послом в СССР) перевели пьесу на английский.

Сохранились воспоминания Л. Е. Белозерской о постановке 3. к. в Театре им. Евг. Вахтангова: "Надо отдать справедливость актерам - играли они с большим подъемом. Конечно, на фоне положительных персонажей, которыми была перенасыщена советская сцена тех лет, играть отрицательных было очень увлекательно (у порока, как известно больше сценических красок!). Отрицательными были все: Зойка, деловая, разбитная хозяйка квартиры... (Ц. Л. Мансурова), кузен ее Аметистов, обаятельный авантюрист и веселый человек (имевший литературным прототипом, как и Остап Бендер романов Ильи Арнольдовича Ильфа и Евгения Петровича Петрова "Двенадцать стульев" (1928) и "Золотой теленок" (1931), дикненсовского Джингля из "Посмертных записок председателя Пиквикского клуба (1837)", случайно прибившийся к легкому Зойкиному хлебу (Рубен Симонов). Он будто с трамплина взлетал и садился верхом на пианино, выдумывал целый каскад трюков, смешивших публику; дворянин Обольянинов, Зойкин возлюбленный, белая ворона среди нэпманской накипи, но безнадежно увязший в этой порочной среде (А. Козловский), председатель домкома Аллилуйя, "око недремлющее", пьяница и взяточник (Б. Захава).

Хороши были китайцы (Толчанов и Горюнов), убившие и ограбившие богатого нэпмана Гуся (здесь характерная ошибка мемуаристки: Гусь в комедии - совсем не нэпман, а ответственный советский работник, коммунист, при этом склонный обильно запускать руку в государственный карман). Не отставала от них в выразительности и горничная (В. Попова), простонародный говор которой как нельзя лучше подходил к этому образу. Конечно, всех их в финале разоблачают представители МУРа.

Вот уж подлинно можно сказать, что в этой пьесе "голубых" ролей не было! Она пользовалась большим успехом и шла два с лишним года. Положив руку на сердце, не могу понять, в чем ее криминал, почему ее запретили".

В снятии со сцены 3. к. главную роль сыграла одиозность имени Булгакова и развернувшаяся в 1929 г. общая кампания по запрету его пьес. Нэп уже отошел в прошлое, и разоблачение его "примас" вместе больше не интересовало. Кроме того, в образе некоторых "бывших", в частности, возлюбленной Гуся Аллы, посещающей Зойкину квартиру, чтобы заработать денег и уехать в Париж к своему возлюбленному, просматривались не только комические и сатирические, но и трагические черты.

Подобно Аметистову, другие персонажи 3. к. имели литературных прототипов. Мертвое тело, снившийся ветеран Белого движения, заставлял проницательных и образованных зрителей вспомнить "Сказку о мертвом теле, неизвестно кому принадлежащем" (1833) Владимира Федоровича Одоевского (1803 - 1869), где вылившему штоф водки приказному Севастьяныч, находящемуся при мертвом теле, вдруг является вышедший из тела владелец и требует тело обратно, но чиновник выдачу тела откладывает под предлогом, что надо собрать справки: "когда лекарь дотронулся до тела своим бистурием, владелец вскочил в тело, тело поднялось, побежало и... за ним Севастьяныч долго гнался по деревне, крича изо всех сил: "лови, лови похойника!"

Также бросается в глаза сходство со "Страшной местью" (1832) любимого Булгаковым Николая Гоголя (1809-1852), где старик-колдун, казак Петр, предавший брата Ивана, принимает страшную муку от своей жертвы, превратившейся в каменного всадника на Карпатских горах: "Ухватил всадник страшною рукою колдуна и поднял его на воздух. Вмиг умер колдун и открыл после смерти очи; но уже был мертвец, и глядел, как мертвец. Так страшно не глядит ни живой, ни воскресший. Ворочал он по сторонам мертвыми глазами и увидел поднявшихся мертвецов от Киева и от земли Галичской и от Карпата, как две капли воды схожих лицом на него... И все мертвецы вскочили в пропасть, подхватили мертвеца и вонзили в него свои зубы". Такова страшная посмертная судьба колдуна, чей рыбье не дано за его преступления покаяния.

Мертвое тело в 3. к. имеет явное сходство с Мертвым телом в сказке Одоевского, но зловещее: "Вот придут наши, я вас всех перевешаю", роднит его с инфернальным героем Гоголя. Булгаковскому персонажу уготовано то же наказание, что и гоголевскому колдуну - жить и мучаться после моральной гибели за те преступления, что свершили белые (разочарование в белом движении Булгаков выразил в "Днях Турбиных" и особенно в "Беге"). Инфернальные черты угадываются и в главной героине 3. к. Неслучайно Алла обращается к ней со ставшей знаменитой репликой: "Зойка! Вы - черт!"

По воспоминаниям писателя Владимира Артуровича Лёвшина (Манасевича) (1904-1984), булгаковского соседа по Нехорошей квартире, одним из прототипов Зойки послужила жена художника Георгия Богдановича Якулова (1884-1928). Студия Якуловых располагалась в квартире 38 дома №10 по Б. Садовой, где в 1922-1924 гг. жил Булгаков.

По свидетельству В. А. Лёвшина, "жена Якулова, Наталия Юльевна Шиф, - женщина странной, броской внешности. Есть в ней что-то от героинь супрематических портретов. У нее великолепные золотистые волосы, редкой красоты фигура и горбоносое, асимметричное, в общем, далеко не миловидное лицо. Некрасивая красавица.

О ней говорили по-разному. Иные восхищались ее элегантностью и широтой. Другие шокировала свобода нравов в ее доме. Студия Якулова пользовалась скандальной известностью. Здесь, если верить слухам, появлялись не только люди богемы, но и личности сомнительные, каких немало расплодилось в эпоху нэпа... В то время считали, что прототип Зойки Пельц - жена Якулова... Некий намек на это в книге и у самого Булгакова. В "Театральном романе" среди странных драматургических видений, посещающих Максудова, есть то, что он "мысленно называл "третьим действием". Именно - синий дым, женщина с асимметричным лицом, какой-то фрачник, отравленный дымом..." После блестящего спектакля Театра имени Вахтангова, декорации которого были откровенно списаны с дома на Садовой, за студией Якулова утвердилось прозвище "Зойкиной квартиры".

Лёвшин отмечает также, что по воспоминаниям артиста Вахтанговского театра Л. Д. Снежницкого, на сцене возвышался "пятиэтажный московский дом, стены которого образуют колодец" и что в этом доме легко узнать дом на Б. Садовой, запечатленный в "Мастере и Маргарите" (там помещается Нехорошая квартира) и рассказе "№13. Дом Эльпит-Рабкоммуна". Некоторой асимметрией лица обладала и первая исполнительница роли Зойки Цецилия Львовна Мансурова (1897-1976), причем это было усилено гримом, в результате чего у героини появился нос уточкой.

На Н. Ю. Шиф как прототип Зойки указывает и первая супруга Булгакова Т. Н. Лаппа, рисующая колоритный портрет жены художника: "Она некрасивая была, но сложена великолепно. Рыжая и вся в веснушках. Когда она шла там на машине подъезжала, за ней всегда толпа мужчин. Она ходила голая... одевала платье прямо на голое тело или пальто, и шляпа громадная. И всегда от нее струя очень хороших духов. Просыпается: "Жорж, идите за водкой!" Выпивала стакан, и начинался день. Ну, у них всегда какие-то орги, люди подозрительные, и вот, за ними наблюдали. На другой стороне улицы поставили это... увеличительное... аппарат и смотрели. А потом она куда-то пропала, а Якулова арестовали".

Экстравагантный костюм жены Якулова мог подсказать Булгакову то одеяние, которое оказалось на Маргарите после Великого бала у сатаны: черный плащ, одетый на голое тело. Сходным образом с соседями Якулова реагирует на это одеяние соседка Михаила Александровича Берлиоза и Степана Богдановича Лиходеева Аннушка Чума: "...Какая-то дамочка в черной ряске, как показалось Аннушке в полутьме. Дамочка не то босая, не то в каких-то прозрачных, видно, заграничных, в крючки изодранных туфлях. Тьфу ты! что в туфлях! Да ведь дамочка-то голая! Ну да, ряса накинута прямо на голое тело! "Ай да квартирка!" В душе у Аннушки все пело от предвкушения того, что она будет рассказывать завтра соседям".

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Ленин ~

Страницы: 1 2

Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870-1924) - советский государственный и партийный деятель, основатель Российской Социал-демократической Рабочей Партии (большевиков), впоследствии - Российской Коммунистической партии (большевиков), первый председатель советского правительства - Совета Народных Комиссаров (СНК).

Родился 10/22 апреля 1870 г. в г. Симбирске (ныне - Ульяновск) в семье чиновника. Дворянин (отец дослужился до чина действительного статского советника и получил потомственное дворянство). В 1887 г. окончил гимназию, поступил на юридический факультет Казанского университета, но был исключен за участие в студенческих беспорядках. В 1891 г. сдал экстерном экзамены на юридическом факультете Петербургского университета.

В 1895 г. один из организаторов марксистского "Союза борьбы за освобождение рабочего класса", в том же году арестован, в 1897 г. выслан на три года в с. Шушенское Красноярской губернии. В 1898 г. женился на учительнице и ссыльной революционерке Надежде Константиновне Крупской (1869-1939). В 1903 г. на II съезде РСДРП возглавил фракцию большевиков (большинства).

В 1917 г. в результате Октябрьской революции стал председателем СНК. Инициатор красного террора и политики военного коммунизма. С мая 1921 г. в результате ряда ударов - следствия склеротического заболевания сосудов головного мозга становится недееспособным. Умер 21 января 1924 г. в с. Горки под Москвой, тело покоится в мавзолее на Красной площади в Москве.

В булгаковском творчестве Л. занимал заметное место. После его смерти Булгаков опубликовал три очерка - "В часы смерти", "Часы жизни и смерти" (о прощании с телом Л. в Колонном зале, при котором писатель присутствовал) и "Воспоминание...". Последний также основан на подлинной истории. В 1921 г. Булгаков написал прошение на имя председателя Совнаркома и с помощью Н. К. Крупской, возглавлявшей тогда Главполитпросвет, получил комнату в Нехорошей квартире за №50 дома №10 по Б. Садовой. Если не к самому Л., то уж к его супруге Булгаков в связи хоть с каким-то разрешением "квартирного вопроса" испытывал чувство благодарности.

Л. послужил прототипом главного героя повести "Роковые яйца" профессора Персикова, а также Воланда и одного из второстепенных персонажей романа "Мастер и Маргарита" - артиста Куролесова.

Профессор Владимир Ипатьевич Персиков - изобретатель красного луча жизни. Но этот луч порождает чудовищных пресмыкающихся, создающих угрозу всему человечеству. Красный луч здесь символизирует социалистическую революцию в России, что началась под лозунгами построения лучшего будущего, а закончилась террором и диктатурой. Булгаков на себе прочувствовал трагические последствия социалистического эксперимента, и в повести гибель Персикова во время бунта толпы, возбужденной приближением гадов, закономерна.

Связь Персикова с Л. выявляется через биографические данные Владимира Ипатьевича. Будущий профессор родился 16 апреля 1870 г., так как в день начала действия повести, 16 апреля 1928 г., ему исполняется 58 лет. Персиков - ровесник Л., а 16 апреля - это день возвращения вождя большевиков в Россию в 1917 г. На следующий день Л. выступил со знаменитыми Апрельскими тезисами, где призвал к социалистической революции.

В первой редакции повести "Собачье сердце" калоши из прихожей профессора Преображенского крадут тоже в апреле 1917 г. (в последующих редакциях этот вызывающий апрель был заменен на более нейтральный март). Как и Александр Солженицын (1918 г. рождения), назвавший заключительный "узел" своего "Красного колеса" "Апрель 17-го", Булгаков считал приезд Л. и Апрельские тезисы переломным моментом на пути России к Октябрьскому перевороту.

Портрет Персикова - "голова замечательная, толкачом, лысая, с пучками желтоватых волос, торчащими по бокам... глазки блестящие, небольшие, росту высокого, сутуловат... когда говорил что-либо веско и уверенно, указательный палец правой руки превращал в крючок и щурил глазки" - во многом совпадает с портретом Л. - характерная лысина, любимый ораторский жест, сутулость, прищур глаз. Персиков, как и Л., картавит, поскольку со слуху репортер воспринимает его фамилию как "Певсиков".

С Л. связан и другой прототип Персикова, биолог и патологоанатом Алексей Иванович Абрикосов (1875-1955) (его фамилия спародирована в фамилии героя). Именно Абрикосов анатомировал труп Л. и извлекал его мозг. У Булгакова мозг главного большевика как бы передан профессору-ученому. Полностью имя и отчество Персикова - Владимир Ипатьевич употреблено лишь на первой странице повести, а в дальнейшем окружающие называют профессора Владимир Ипатьич - совсем как Владимир Ильич. Сходство подчеркивается и феноменальной эрудицией Персикова, сопоставимой с ленинской, и датой написания повести: "Москва, 1924 г., октябрь" - год смерти вождя и месяц большевистского переворота.

То, что почетный товарищ председателя Доброкура профессор Персиков - это пародия на председателя Совнаркома Л., не осталось тайной для современников Булгакова. В булгаковском архиве сохранился отзыв на "Роковые яйца" еврейского (писавшего на идише) критика Моисея Ильича Литвакова (1880-1937), на русском публиковавшего статьи под псевдонимом М. Лиров. В этом отзыве, появившемся в № 5-6 журнала "Печать и Революция" за 1925 г., писатель красным карандашом подчеркнул те места, где критик настойчиво повторял имя и отчество первооткрывателя красного луча - Владимир Ипатьич, давая понять властям предержащим, над кем издевается крамольный автор. Впрочем, пародия здесь не злая, пародийно снижается скорее идея, а не сам человек, поэтому от Персикова у читателей в целом остается благоприятное впечатление.

Отчество Ипатьич дано герою не только из-за созвучия с Ильичом, но, возможно, и в память о том, что в доме Ипатьева в Екатеринбурге была по приказу Л. уничтожена семья Романовых и последний император России Николай II (1868-1918). Кстати, первый царь этой династии Михаил Романов (1596-1645) скрывался от врагов в Ипатьевском монастыре. Это намек на то, что Л. стал своеобразным преемником Романовых, сохранив фактически неограниченное самодержавное правление.

Не только бдительный критик М. Лиров, не уцелевший в волнах террора 30-х годов, но и безымянный сексот уловили связь "Роковых яиц" с фигурой Л. В донесении от 22 февраля 1928 г. неизвестный осведомитель ОГПУ утверждал, что в булгаковской повести описывается, "как под действием красного луча родились грызущие друг друга гады, которые пошли на Москву" и что "там есть подлое место, злобный кивок в сторону покойного т. Ленина, что лежит мертвая жаба, у которой даже после смерти осталось злобное выражение на лице".

Читайте в завершении:
Ленин - прототип Дьявола
Что общего у Бегемота и Зиновьева?
Ленин - лицемер
"Комиссародержавие"

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

Воланд также имеет Л. одним из своих многочисленных прототипов. Это проявляется в эпизоде, когда знаменитый милицейский пес Тузбубен безуспешно ищет сатану и его свиту после скандала в Театре Варьете.

В булгаковском архиве сохранилась вырезка из газеты "Правда" от 6-7 ноября 1921 г. с воспоминаниями Александра Васильевича Шотмана (1880-1937), бывшего связного ЦК, "Ленин в подполье", где описывалось, как вождь большевиков летом и осенью 1917 г. скрывался от Временного правительства, объявившего его "германским шпионом". "Не только контрразведка и уголовные сыщики были поставлены на ноги, но даже собаки, в том числе знаменитая собака-ищейка "Треф", были мобилизованы для поимки Ленина. "Тем, кто искал Л., "помогали сотни добровольных сыщиков среди буржуазных обывателей".

Это разительно напоминает атмосферу поисков Воланда и его свиты после сеанса черной магии в Театре Варьете, а также в эпилоге романа, когда обезумевшие обыватели задерживают десятки и сотни подозрительных людей и котов (тут еще и намек на массовые чистки и репрессии 20-х - 30-х годов).

Шотман цитирует слова одного из виднейших соратников Ленина Я. М. Свердлова (1885-1919) на VI съезде партии летом 1917 г. о том, что "хотя Ленин и лишен возможности лично присутствовать на съезде, но невидимо присутствует и руководит им". Точно таким же образом Воланд сообщает Михаилу Александровичу Берлиозу и Ивану Бездомному, что незримо присутствовал при суде Понтия Пилата над Иешуа Га-Ноцри. По убеждению Бездомного, сатана мистическим образом руководил действиями председателя МАССОЛИТа, направив его под колеса трамвая.

Шотман рассказал, как, скрываясь от врагов, изменили свою внешность Л. и находившийся вместе с ним ближайший соратник Григорий Евсеевич Зиновьев (Радомышельский-Апфельбаум) (1883-1936): "Тов. Ленин в парике, без усов и бороды был почти неузнаваем, а у тов. Зиновьева к этому времени отрослиусы и борода, волосы были острижены, и он был совершенно неузнаваем". У Булгакова бриты все герои, восходящие к Л. - профессор Персиков, Воланд и драматический актер Савва Потапович Куролесов.

Сходство же с Зиновьевым в романе внезапно обретает кот Бегемот - любимый шут Воланда и наиболее близкий сатане из свиты бесов. Полный, любивший поесть Григорий Евсеевич в усах и бороде приобретал кошачьи черты, а в личном плане был самым близким к Л. из всех большевистских вождей.

Шотман, охранявший Л., когда тот скрывался в Разливе и Финляндии, вспоминал одну из бесед с ним: "Я очень жалею, что не изучил стенографии и не записал тогда все то, что он говорил. Но... я убеждаюсь, что многое из того, что произошло после Октябрьской революции, Владимир Ильич уже тогда предвидел". В "Мастере и Маргарите" таким даром предвидения наделен Воланд.

Шотман в 1937 г. был репрессирован, и к моменту завершения романа его мемуары оказались под запретом. Поэтому вероятность обнаружения "ленинского следа" в образе Воланда в связи с ищейкой Тузбубен была значительно меньше, чем в случае с профессором Персиковым. Тузбубен - пародия на кличку Треф, весьма распространенную среди полицейских собак (трефа - казенная масть). Пародия отражает булгаковское отношение к революции и революционерам, если вспомнить определение Александром Блоком (1889-1921) главных героев "Двенадцати" (1918): "На спину б надо бубновый туз" - такой знак нашивали на одежду осужденным уголовным преступникам.

Драматический артист, убеждающий управдома Никанора Ивановича Босого и других арестованных валютчиков (во сне Никанора Иваныча) добровольно сдать валюту и ценности, назван в последней редакции "Мастера и Маргариты" Саввой Потаповичем Куролесовым. Он тоже имел Л. своим главным прототипом. В редакции 1937-1938 гг. этот малосимпатичный персонаж именовался куда прозрачнее - Илья Владимирович Акулинов. Здесь он описывался следующим образом: "Обещанный Бурдасов не замедлил появиться на сцене и оказался пожилым, бритым, во фраке и белом галстуке...

Без всяких предисловий он скроил мрачное лицо, сдвинул брови и заговорил ненатуральным голосом, глядя на золотой колокольчик:

- Как молодой повеса ждет свиданья с какой-нибудь развратницей лукавой...

Далее Бурдасов рассказал о себе много нехорошего. Никанор Иванович, очень помрачнев, слышал, как Бурдасов признавался в том, что какая-то несчастная вдова, воя, стояла перед ним на коленях под дождем, но не тронула черствого сердца артиста. Никанор Иванович совсем не знал до этого случая поэта Пушкина, хотя и произносил, и нередко, фразу: "А за квартиру Пушкин платить будет?", и теперь, познакомившись с его произведением, сразу как-то загрустил, задумался и представил себе женщину с детьми на коленях и невольно подумал: "Сволочь этот Бурдасов!" А тот, все повышая голос, шел дальше и окончательно запутал Никанора Ивановича, потому что вдруг стал обращаться к кому-то, кого на сцене не было, и за этого отсутствующего сам же себе отвечал, причем называл себя то "государем", то "бароном", то "отцом", то "сыном", то на "вы", а то на "ты".

Понял Никанор Иванович только одно, что помер артист злою смертью, прокричав: "Ключи! Ключи мои!", повалившись после этого на пол, хрипя и срывая с себя галстук.

Умерев, он встал, отряхнул пыль с фрачных коленей, поклонился, улыбнувшись фальшивой улыбкой, и при жидких аплодисментах удалился, а конферансье заговорил так:

- Ну-с, дорогие валютчики, вы прослушали в замечательном исполнении Ильи Владимировича Акулинова "Скупого рыцаря".

Женщина с детьми, на коленях молящая сидящего на своих сокровищах барона о куске хлеба, - здесь не только и даже не столько цитата из пушкинской "маленькой трагедии". Это намек на реальный эпизод из жизни Л., почерпнутый из статьи "Ленин у власти", опубликованной в 1933 г. в парижском еженедельнике "Иллюстрированная Россия". Автор статьи укрылся под псевдонимом "Летописец". Возможно, это был Борис Георгиевич Бажанов (1900-1982), бежавший на Запад и поселившийся в Париже бывший секретарь Оргбюро и Политбюро.

В "Ленине у власти" вождь большевиков характеризовался крайне нелицеприятно: "Он с самого начала отлично понимал, что крестьянство не пойдет ради нового порядка не только на бескорыстные жертвы, но и на добровольную отдачу плодов своего каторжного труда. И наедине со своими ближайшими сотрудниками Ленин, не стесняясь, говорил как раз обратное тому, что ему приходилось говорить и писать официально. Когда ему указывали на то, что даже дети рабочих, то есть того самого класса, ради которого и именем которого был произведен переворот, недоедают и даже голодают, Ленин с возмущением парировал претензию:

- Правительство хлеба им дать не может. Сидя здесь, в Петербурге, хлеба не добудешь. За хлеб нужно бороться с винтовкой в руках... Не сумеют бороться - погибнут с голода!.."

Илья Владимирович Акулинов - это злая пародия на Владимира Ильича Ульянова. Здесь очевидные пары: Владимир Ильич - Илья Владимирович, Ульяна - Акулина. Последняя пара также образует устойчивое сочетание в фольклоре, а Акулина, кроме того, в народном сознании связывается с нечистой силой.

Сами имена, составляющие фамилии, имеют тут для Булгакова символический смысл. Ульяна - это искаженная латинская Юлиана, т.е. относящаяся к роду Юлиев, из которых вышел и Юлий Цезарь, первый монарх Рима. Акулина же - искаженная латинская Акилина, т. е. орлиная, а орел был гербом монархии в России, как и во многих других странах мира (в большинстве случаев восходя к римским орлам как символу императорской власти). Булгаков тем самым еще раз подчеркнул монархический характер созданного Лениным и другими большевиками режима.

Поскольку имя Илья Владимирович Акулинов было бы чересчур явным вызовом цензуре, Булгаков пробовал другие имена для этого персонажа, которые должны были вызвать у читателей улыбку, не пугая в то же время цензоров. Он именовался, в частности, Ильей Потаповичем Бурдасовым, что вызывало ассоциации с охотничьими собаками. В конце концов Булгаков назвал своего героя Саввой Потаповичем Куролесовым. Имя и отчество персонажа ассоциируется с цензором Саввой Лукичем из пьесы "Багровый остров" (народное прозвище Л. - Лукич). А фамилия напоминает о последствиях для России деятельности вождя большевиков и его товарищей, которые действительно "покуролесили".

В эпилоге романа актер, как и Л., умирает злой смертью - от удара. Обращения же, которые адресует сам себе Акулинов-Куролесов: "государь", "отец", "сын" - это намек как на монархическую сущность власти Л. (популярный в первые годы после революции среди антикоммунистической оппозиции термин "комиссародержавие"), так и на обожествление личности вождя советской пропагандой (он - и бог-сын, и бог-отец, и бог - святой дух).

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Театр Варьете ~

Театр Варьете - вымышленный театр в романе "Мастер и Маргарита", с которым в архитектонике произведения связано мнимое пространство. В ранних редакциях Т. В. назывался "театр Кабаре".

Здесь происходит сеанс черной магии Воланда с последующим разоблачением. Разоблачение в данном случае происходит буквально: обладатели полученных от дьявола взамен на их скромные московские платья новейших парижских туалетов после сеанса в одно мгновение помимо своей воли разоблачаются, так как модные парижские платья исчезают неведомо куда.

Прототипом Т. В. послужил Московский мюзик-холл, существовавший в 1926-1936 гг. и располагавшийся неподалеку от Нехорошей квартиры по адресу: Б. Садовая, 18. Ныне здесь находится Московский Театр Сатиры. А до 1926 г. тут размещался цирк братьев Никитиных, причем здание специально было построено для этого цирка в 1911 г. по проекту архитектора Нилуса. Цирк Никитиных упоминается в "Собачьем сердце". Кстати, программа Т. В. содержит ряд чисто цирковых номеров, вроде "чудес велосипедной техники семьи Джули", прототипом которой послужили знаменитые циркачи-велофигуристы семьи Польди (Подрезовых), с успехом выступавшие на сцене Московского мюзик-холла.

"Денежный дождь", пролитый на зрителей Варьете подручными Воланда, имеет богатую литературную традицию. В драматической поэме "Фауст" (1808-1832) Иоганна Вольфганга Гёте (1749-1832) во второй части Мефистофель, оказавшись вместе с Фаустом при дворе императора, изобретает бумажные деньги, которые оказываются фикцией.

Другой возможный источник - то место в "Путевых картинах" (1826) Генриха Гейне (1797-1856), где немецкий поэт в сатирических тонах дает аллегорическое описание политической борьбы между либералами и консерваторами, представление как рассказ пациента Бедлама. Мировое зло расскажчик объясняет тем, что "господь бог сотворил слишком мало денег".

Воланд и его помощники, раздавая толпе бумажные червонцы, как бы восполняют мнимую нехватку наличности. Но дьявольские червонцы быстро превращаются в обыкновенную бумагу, и тысячи посетителей Т. В. становятся жертвой обмана. Мнимые деньги для Воланда - это только способ выявить внутреннюю сущность тех, с кем соприкасается сатана и его свита.

Но эпизод с дождем червонцев в Т. В. имеет и более близкий по времени литературный источник - отрывки из второй части романа Владимира Зазубрина (Зубцова) (1895-1937) "Два мира", публиковавшиеся в 1922 г. в журнале "Сибирские огни". Там крестьяне - члены коммуны - решают упразднить и уничтожить деньги, не дожидаясь декрета Советской власти. Однако вскоре выясняется, что деньги в стране не отменены, и тогда толпа подступает к руководителям коммуны, называет их обманщиками и мошенниками, угрожает расправой и хочет добиться невозможного - вернуть уже уничтоженные купюры.

В Т. В. ситуация зеркальна. Присутствующие на сеансе черной магии сначала получают "якобы деньги" (так называлась одна из глав ранней редакции романа), которые принимают за настоящие. Когда же мнимые деньги превращаются в ничего не стоящие бумажки, буфетчик Т. В. Соков требует от Воланда заменить их на полновесные червонцы.

Разудалые слова марша, которым Коровьев-Фагот вынуждает оркестр Т. В. завершить скандальный сеанс, - это пародия на куплеты из популярного в XIX в. водевиля "Лев Гурыч Синичкин, или Провинциальная Дебютантка" (1839) Дмитрия Ленского (Воробьева)(1805-1860):

Его превосходительство
Зовет ее своей
И даже покровительство
Оказывает ей.

У Булгакова куплеты стали еще более юмористическими. Они адресованы непосредственно к требовавшему разоблачения черной магии, но разоблаченному самому председателю Акустической комиссии Аркадию Аполлоновичу Семплеярову:

Его превосходительство
Любил домашних птиц
И брал под покровительство
Хорошеньких девиц!!!

Не исключено, что образ с птицами здесь был подсказан Булгакову "птичьей фамилией" как автора, писавшего под псевдонимом Ленский, так и главного героя водевиля.

Т. В. в "Мастере и Маргарите" имеет довольно глубокие эстетические корни. В 1914 г. манифест одного из основателей футуризма итальянского писателя Филиппо Томмазо Маринетти (1876-1944) "Мюзик-холл" (1913) был опубликован в русском переводе в №5 журнала "Театр и искусство" под названием "Похвала театру Варьете" (вероятно, подобная трансформация названия подсказала Булгакову заменить реальный Московский мюзик-холл на вымышленный Т. В.).

Маринетти утверждал: "Театр Варьете разрушает все торжественное, святое, серьезное в искусстве. Он способствует предстоящему уничтожению бессмертных произведений, изменяя и пародируя их, представляя их кое-как, без всякой обстановки, не смущаясь, как самую обыденную вещь... Необходимо абсолютно уничтожить всякую логичность в спектаклях варьете, заметно преувеличить их экстравагантность, усилить контрасты и предоставить царствовать на сцене всему экстравагантному... Прерывайте певицу. Сопровождайте пение романса ругательными и оскорбительными словами... Заставить зрителей партера, лож и галереи принимать участие в действии... Систематически профанируйте классическое искусство на сцене, изображая, например, все греческие, французские и итальянские трагедии одновременно в один вечер, сокращенными и комически перепутанными вместе... Поощряйте всячески жанр американских эксцентриков, их гротескные эффекты, поражающие движения, их неуклюжие выходки, их безмерные грубости, их жилетки, наполненные всяческими сюрпризами и штанами, глубокими, как корабельные трюмы, из которых вместе с тысячью предметов исходит великий футуристический смех, долженствующий обновить физиогномию мира".

Булгаков не жаловал футуризм и другие теории "левого искусства", отрицательно относился к постановкам В. Э. Мейерхольда (1874-1940) и проекту памятника Третьему Интернационалу В. Е. Татлина (1885-1953) (см.: "Столица в блокноте"). В повести "Роковые яйца" иронически упоминается "Театр имени покойного Всеволода Мейерхольда, погибшего, как известно, в 1927 году при постановке пушкинского "Бориса Годунова", когда обрушились трапеции с голыми боярами".

Автор "Мастера и Маргариты" точно следует всем рекомендациям знаменитого итальянца. Т. В. действительно разрушает все святое и серьезное в искусстве. Программы здесь лишены какой-либо логики, что олицетворяет, в частности, конферансье Жорж Бенгальский, который несет чушь и отличается, подобно американским эксцентрикам, неуклюжестью и грубостью.

Воланд и его подручные действительно заставляют участвовать в представлении и партер, и ложи, и галерку, побуждая публику определить судьбу незадачливого Бенгальского, а затем ловить падающие бумажным дождем червонцы. Коровьев-Фагот делает так, что мало сопровождается экстравагантными раздувальными куплетами и достает из своих карманов множество предметов, порождающих у публики "великий футуристический смех": от часов финдиректора Варьете Римского и волшебной колоды карт до дьявольских червонцев и магазина парижского модного платья. А чего стоит кот Бегемот, легко пьющий воду из стакана или отрывающий голову надоевшему конферансье!

Воланд, устраивая опыт с деньгами и незадачливым Жоржем Бенгальским, испытывает москвичей, выясняет, насколько изменились они внутренне, по-своему стремится "обновить физиогномию мира".

И Булгаков руками нечистой силы наказывает всех причастных к Т. В. за опошление высокого искусства в духе призывов Маринетти, манифест которого оборачивается сеансом черной магии. Директор Т. В. Степан Богданович Лиходеев из своей квартиры выброшен Воландом в Ялту, администратор Т. В. Варенуха становится жертвой вампира Геллы и сам превращается в вампира, с трудом избавляясь в финале от этой неприятной должности. Тот же Варенуха с Геллой едва не погубили финдиректора Т. В. Римского, который лишь чудом избежал участи, постигшей администратора. Наказана и публика Т. В., потерявшая и призрачные парижские наряды, и свои настоящие московские.

Парадокс заключается в том, что Булгаков, не сочувствуя футуризму и другим течениям "левого" искусства, в "Мастере и Маргарите", как и в других своих произведениях, широко использовал гротеск, бесстрашно смешивал жанры и традиции разных литературных направлений и стилей, вольно или невольно следуя тут теории Маринетти. Да и клоунов-эксцентриков автор романа любил. В "Столице в блокноте" с восхищением упоминается клоун Лазаренко, который в цирке Никитиных, в двух шагах от театра ГИТИСа, где Мейерхольд ставит свой спектакль, ошеломляет публику "чудовищными salto".

Булгаков был только против того, чтобы эксцентрика подменяла собой высокое театральное искусство, но не возражал, если то и другое органически соединялись. В "Мастере и Маргарите" высокое философское содержание вполне уместно соседствует с буффонадой, в том числе и в Т. В.

Дьявольский магазин французской моды во время сеанса черной магии в Т. В. во многом взят из рассказа популярного в начале XX в. писателя Александра Амфитеатрова (1862-1938) "Питерские контрабандистки" (1898), где на дому одной из известных контрабандисток действует подпольный магазин модного женского платья, незаконно ввезенного в Россию.

Эпизод с червонцами Воланда в Т. В. одним из источников имел очерк "Легенда о Агриппе" писателя и поэта-символиста Валерия Брюсова (1873-1924), написанный для русского перевода книги Ж. Орсье "Агриппа Неттесгеймский: Знаменитый авантюрист XVI в." (1913). Там отмечалось, что средневековый германский ученый и богослов Агриппа Неттесгеймский (1486-1535), по мнению современников, - чародей, будто бы "часто, во время своих переездов... расплачивался в гостиницах деньгами, которые имели все признаки подлинных. Конечно, по отзыве философа монеты превращались в навоз. Одной женщине Агриппа подарил корзину золотых монет; на другой день с этими монетами произошло то же самое: корзина оказалась наполненной лошадиным навозом".

После Великого бала у сатаны Воланд дарит пачку червонцев злой соседке Михаила Александровича Берлиоза Аннушке-Чуме, невольно способствовавшей гибели председателя МАССОЛИТа и пытавшейся украсть подаренную Маргарите дьяволом золотую подкову - символ не только счастья, но и копыта дьявола. Эти деньги потом превращаются в доллары, которые у Аннушки изъяла милиция. Для героини валюта оказалась столь же бесполезна, как и навоз для женщины, мнимо облагодетельствованной Агриппой.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Нехорошая квартира ~

Нехорошая квартира - квартира №50 в доме 302-бис по Садовой улице в романе "Мастер и Маргарита". В Нехорошей квартире поселяется Воланд и его свита. Здесь происходит контакт потусторонних сил с современным московским миром.

Прообразом Нехорошей квартиры послужила квартира №50 в доме №10 по Б. Садовой улице в г. Москве, где Булгаков жил в 1921-1924 гг. Кроме того, некоторыми чертами планировки Нехорошей квартиры соответствует более просторной квартире №34 в том же доме, где писатель поселился в период с августа по ноябрь 1924 г. Вымышленный номер 302-бис - это зашифрованный номер 10 здания-прототипа по формуле 10=(3+2)x2. Кроме того, фантастически большой номер (ни на одной из Садовых улиц в Москве не было и нет дома с таким большим номером) должен подчеркнуть нереальность происходящего, так же как и невероятно большой номер отделения милиции, выдавшего паспорт дяде Берлиоза Максимилиану Андреевичу Поплавскому - 412.

Квартира №50 запечатлена также в ряде рассказов и фельетонов: "№13. - Дом Эльпит - Рабкоммуна", "Псалом", "Самогонное озеро", "Воспоминание…" и др.
Первая жена Булгакова Т. Н. Лаппа вспоминала квартиру №50 и прототипа погубившей Берлиоза Аннушки Чумы: "Эта квартира не такая, как остальные, была. Это бывшее общежитие, и была коридорная система: комнаты направо и налево. По-моему, комнат семь было и кухня. Ванной, конечно, никакой не было, и черного хода тоже. Хорошая у нас комната была, светлая, два окна. От входа четвертая, предпоследняя, потому что в первой коммунист один жил, потом милиционер с женой, потом Дуся рядом с нами, у нее одно окно было, а потом уже мы, и после нас еще одна комната была. В основном, в квартире рабочие жили. А на той стороне коридора, напротив, жила такая Горячева Аннушка. У нее был сын, и она все время его била, а он орал. И вообще, там невообразимо что творилось. Купят самогону, напьются, обязательно начинают драться, женщины орут: "Спасите! Помогите!" Булгаков, конечно, выскакивает, бежит вызывать милицию. А милиция приходит - они закрываются на ключ и сидят тихо. Его даже оштрафовать хотели".

В отличие от коридорной системы №50, в квартире №34 было пять комнат, в двух из которых жил богатый финансист Артур Борисович Манасевич с женой, еще в одной - их прислуга, в четвертой - Александра Николаевна Кибель с сыном Вовкой, послужившие прототипами героев рассказа "Псалом", а в пятой вместо выехавшего сына А. Б. Манасевича будущего писателя Владимира Артуровича Лёвшина (Манасевича) (1904-1984) поселились Булгаков с Т. Н. Лаппа.

В Нехорошей квартире, в отличие от квартиры №50, живут относительно интеллигентные жильцы (оба - партийцы), скорее напоминающие обитателей квартиры №34 - директор Театра Варьете Степан Богданович Лиходеев, держащий прислугу Груню, и председатель МАССОЛИТа Михаил Александрович Берлиоз, имеющий общие с Булгаковым инициалы и писательскую профессию.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"№13. - Дом Эльпит-Рабкоммуна"

"№13. - Дом Эльпит-Рабкоммуна" - рассказ.

Опубликован: Красный журнал для всех, Пг., 1922, №2. Вошел в сборники: Булгаков М. Дьяволиада. М.: Недра, 1925 (2-е изд. - 1926); Булгаков М. Роковые яйца. Рига: Литература, 1928.

В №13 Д. Э.-Р. изображен дом №10 по Б. Садовой, в романе "Мастер и Маргарита" превратившийся в дом 302-бис по Садовой, где помещается Нехорошая квартира. До революции этот дом принадлежал "табачному королю" миллионеру И. Пигиту.

В 1921-1924 гг. Булгаков проживал здесь в комнате, сначала в квартире №50 (история вселения в эту квартиру запечатлена в рассказе "Воспоминание..."), а затем в квартире №34. После революции вместо "классово чуждых элементов" в "дом Пигита" были заселены рабочие соседней типографии, как вспоминал Владимир Артурович Лёвшин (1904-1984), сосед Булгакова и сын поселившегося после революции в том же доме крупного финансиста Артура Борисовича Манасевича.

Бывший "Дом Пигита" преобразовали в одну из первых в Москве рабочих коммун, вследствие чего управление, а частично и обслуживание дома перешло в руки жильцов, теперь уже преимущественно пролетарского происхождения.

Прототипом управляющего домом Христи послужил управляющий дома №50 К. Сакизчи. О нем и о других прототипах героев №13 - Д. Э.-Р. рассказал в своих мемуарах В. А. Лёвшин: "Гениальнейший из всех московских управляющих Борис Самойлович Христи", за которым стоит колоритная фигура "матово-черного дельца в фуражке с лакированным козырьком" - караим Сакизчи, управляющий домом при Пигите и оставленный в той же должности после революции по причине своей полной незаменимости.
А Нилушкин Егор - представитель домовой общественности, облеченный титулом "санитарного наблюдающего"? Спросите старожилов, и вам сразу же скажут, что это известный всему дому Никитушкин, личность комическая, чьи грозные предупреждения ("Которые тут гадют, всех в 24 часа!") не испугали бы даже ребенка.
А Пыляева Аннушка? Та, что вопреки строжайшим запретам Христи топила буржуйку выломанными из пола паркетинами, виновница сожравшего дом Эльпит пожара (тоже, между прочим, невыдуманного, хоть и раздутого Булгаковым до масштабов катастрофических)? Родословная ее не восходит ли к Аннушке из квартиры 34, вечно разбивавшей посуду по причине своего кривоглазия?"

Прототипом Эльпита, платящего жалование Христи за сохранение дома, послужил не сам И. Д. Пигит, благополучно эмигрировавший, а А. Б. Манасевич. По воспоминаниям первой жены Булгакова Т. Н. Лаппа, у К. Сакизчи "с Манасевичем Артуром дела какие-то были. Как не хватало денег на отопление, так он занимал у Манасевича, у которого много денег было". В №13 - Д. Э.-Р. такие же отношения связывают Эльпита и Христи.

Описание дореволюционного быта дома Эльпит ориентировано на роман А. Белого "Петербург". "Лакированная каретка", в которой приезжает к генералу от кавалерии де-Баррейну Григорий Ефимович Распутин (Новых) (1872-1916), напоминает лакированную карету сенатора Аблеухова, серая кариатида - кариатиду у подъезда возглавляемого сенатором учреждения, сыщики-тени, охраняющие Распутина - таких же сыщиков "Петербурга", и т. д. Роман А. Белого здесь воспринят как символ безвозвратно ушедшей императорской России: "Большое было время... И ничего не стало... ".

Как и Белый, Булгаков подчеркивает симптомы разложения старого мира, олицетворением которого стали Распутин и распутинщина. "Директор банка, умница, государственный человек", но с лицом, "лишь чуть-чуть испорченным какими-то странноватыми, не то больными, не то уголовными глазами". Другой жилец - "фабрикант (афинские ночи со съемками при магнии)", а среди остальных - "золотистые выкормленные женщины" и "доктора по абортам".

Вместе с тем, среди дореволюционных жильцов дома Эльпит Булгаков поместил и "всемирного феноменального баса-солиста" - явный намек на Федора Ивановича Шаляпина (1873-1938), чьим исполнением Мефистофеля автор "Мастера и Маргариты" восхищался.

Старую Россию писатель рисовал не одними только черными красками, хотя и признавал неизбежность ее гибели. Осенью 1921 г. Булгаков задумал создать пьесу об убийстве Распутина, о чем писал родным в Киев 17 ноября 1921 г., прося поискать необходимые материалы. Замысел остался неосуществленным, однако отразился в рассказе "Ханский огонь" и в появлении Распутина в №13 Д. Э.-Р.

Пожар и гибель дома Эльпит символизируют, что революция куда более катастрофична, чем прежний режим. Пожар носит подчеркнуто апокалиптический характер, и неслучайно перед спасшимися жильцами возникает в небе видение Зверя из Бездны. А управляющий, чья фамилия - Христи ассоциируется со Спасителем - Иисусом Христом, оказывается бессилен уберечь здание.

Вместе с тем, Христи пародийно наделен демоническими чертами и назван "матово-черным дельцом". Автор шутовски восклицает: "смотритель"! Это Христи-то!". Однако управляющий не повинен в гибели дома Эльпит, хоть и именуется в рассказе "косой черт". От невежественного пролетариата спасти дом не смогли ни Бог, ни дьявол, а обреченность здания подчеркивается №13 - числом сатаны.

Из №13 - Д. Э.-Р. пожар дома Эльпит перенесен в роман "Мастер и Маргарита", где Воланд и его свита поджигают Нехорошую квартиру. В №13 - Д. Э.-Р. подлинным дьяволом, сжигающим дом, оказывается не демонический Христи и не бывший домовладелец Эльпит, как может показаться в начале рассказа, а народная темнота. Недаром в финале Аннушка "отчетливо помыслила в первый раз в жизни так:
- Люди мы темные. Темные люди. Учить нас надо, дураков..."

Писатель, как опытный автор детектива, сначала подсказывает читателю ложное решение, намекая, что грядущая катастрофа может случиться от инфернального Христи, чтобы затем в финале подвести к настоящей разгадке происшедшего.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Воспоминание..."

"Воспоминание..." - рассказ. Опубликован: Железнодорожник, М., 1924, №1-2.

Как и очерки "Часы жизни и смерти" и "В часы смерти", В. написано в связи с получением известия о кончине В. И. Ленина 21 января 1924 году.

В рассказе отражен подлинный эпизод с пропиской Булгакова и его первой жены Т. Н. Лаппа в квартиру №50 на Б. Садовой, 10 (см.: Нехорошая квартира). Это происходило осенью 1921 г., когда Булгаков работал в Лито (литературном отделе) Главполитпросвета, а во главе последнего стояла жена В. И. Ленина Надежда Константиновна Крупская (1869-1939). В квартире №50 в то время был прописан Андрей Михайлович Земский (1892-1946), муж сестры Булгакова Нади, но домком отказывался прописать к нему шурина.

Т. Н. Лаппа вспоминала об этих событиях: "... В домоуправлении были горькие пьяницы, они все ходили к нам, грозили выписать Андрея и нас не прописывали, хотели, видно, денег, а у нас не было. Прописали нас только тогда, когда Михаил написал Крупской. И она прислала в наш домком записку - "Прошу прописать..."

О том, как составлялось это письмо, сохранилось свидетельство машинистки И. С. Раабен, печатавшей роман "Белая гвардия". По ее словам, Булгаков пришел к ней поздней осенью 1921 г., когда "он жил по каким-то знакомым, потом решил написать письмо Надежде Константиновне Крупской. Мы с ним письмо это вместе долго сочиняли. Когда оно уже было напечатано, он мне вдруг сказал: "Знаете, пожалуй, я его лучше перепишу от руки". И так и сделал. Он послал это письмо, и я помню, какой он довольный прибежал, когда Надежда Константиновна добилась для него большой 18-метровой комнаты где-то в районе Садовой".

В. связано с В. И. Лениным через его жену - в финале Булгаков особо выделяет ее фамилию: "Ульянова". В то же время в В. есть и некоторая ирония по поводу многочисленных воспоминаний о Ленине, которые после смерти вождя писали даже люди, почти незнакомые с ним: "У многих, очень многих есть воспоминания, связанные с Владимиром Ильичом, и у меня есть одно", после чего и следует рассказ о помощи, которую оказала Булгакову Крупская, с благодарностью ей, а не Ленину.

Булгаков тут ориентировался на фельетон Александра Амфитеатрова (1862-1938) "И моя встреча с Л. Н. Толстым" (1909), пародирующий многочисленные воспоминания, связанные с толстовским юбилеем. Здесь рассказчик принимает за графа Толстого обыкновенного русского мужика и соответствующим образом строит с ним разговор.

Очевидно, иронию Булгакова редакторы не почувствовали, и рассказ был благополучно напечатан.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Часы жизни и смерти"

"Часы жизни и смерти" - репортаж, имеющий подзаголовок "(С натуры)". Опубликован: Гудок, М., 1924, 27 янв.

Ч. ж. и с. рассказывает о прощании москвичей с В. И. Лениным, скончавшимся 21 января 1924 г. По времени создания, это второй репортаж Булгакова об этом событии, первый, "В часы смерти", появился в газете "Бакинский рабочий" с датировкой "утро 24 января". Ч. ж. и с. скорее всего были написаны 25 или 26 января.

Здесь Ленин наделен несомненным посмертным величием: "Он молчит, но лицо его мудро, важно и спокойно... Как словом своим на слова и дела подвинул бессчетные шлемы караулов, так теперь убил своим молчанием караулы и реку идущих на последнее прощание людей". Уверенность толпы в ленинском величии передана просторечным диалогом в очереди:
" - Все помрем...
- Думай мозгом, что говоришь. Ты помер, скажем, к примеру, какая разница. Какая разница, ответь мне, гражданин?
- Не обижайте!
- Не обижаю, а внушить хочу. Помер великий человек, поэтому помолчи. Помолчи минуту, сообрази в голове происшедшее..."

Поклонение умершему вождю большевиков Булгаков неслучайно сравнивает с поклонением Христу. Он фиксирует обращение безвестной тетки: " - Братики, Христа ради, поставьте в очередь проститься" и то, что "змеей, тысячей звеньев идет хвост к Параскеве-Пятнице".

Писатель утверждает: "Все ясно. К этому гробу будут ходить четыре дня по лютому морозу в Москве, а потом в течение веков по дальним караванным дорогам желтых пустынь земного шара, там, где некогда, еще при рождении человечества, над его колыбелью ходила бессменная звезда".

Автор Ч. ж. и с., несомненно, был знаком с работами философов Н. А. Бердяева и С. Н. Булгакова, в частности, со статьей последнего "Религия человекобожия в русской революции" (1908), где доказывалось, что марксизм, особенно в его русской разновидности, стремился заменить собой христианство, присвоив и извратив многие его положения, обещая людям построение небесного рая на земле - коммунизма.

В Ч. ж. и с. Булгаков дал яркую зарисовку важного этапа посмертной мифологизации Ленина. Очерк появился в день, когда тело вождя в саркофаге было выставлено во временном Мавзолее и стало ясно, что страна обрела нетленные мощи нового коммунистического "святого".

В Ч. ж. и с. неслучайно сравнение очереди к телу Ленина со змеей. Подобное сравнение присутствует и в репортаже "В часы смерти". Вероятно, истинное булгаковское отношение к происходящему как раз и определяется этой метафорой.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"В часы смерти"

"В часы смерти" - репортаж, имеющий подзаголовок" (От нашего корреспондента)". Опубликован: Бакинский рабочий, 1924, 1 февр.

В ч. с. - хронометрированный репортаж о прощании москвичей с В. И. Лениным, скончавшимся 21 января 1924 г.

В репортаже никак не выражено отношение к личности и делу Ленина, только очередь прощающихся с ним сравнивается с "черной змеей". Булгаков запечатлел здесь лишь "неподвижно желтое, всему миру известное лицо".

В другом очерке того же события, "Часы жизни и смерти", появившемся в московском "Гудке", возможно, под влиянием более строгой редакторской цензуры, в адрес умершего вождя все-таки присутствуют лестные эпитеты, и есть попытка осмысления значения Ленина в истории.

В В ч. с. нет ничего, кроме сухой хронологии событий. Репортаж датирован утром 24 января. Очевидно, он предшествовал "Часам жизни и смерти" и в какой-то мере послужил первичным материалом.

Смерть Ленина Булгаков зафиксировал в своем дневнике: "22 января 1924 года (9-го января 1924 г. по старому стилю). Сейчас только что (пять с половиной часов вечера) Семка (сын соседки, вероятный прототип Славки в рассказе "Псалом") сообщил, что Ленин скончался. Об этом, по его словам, есть официальное сообщение".

Писатель намеренно очень точно датировал это известие, понимая его историческую важность. В В ч. с. хронология начинается через полтора часа после полученного сообщения о смерти, в 7 часов вечера 22 января, а следующая дневниковая запись у Булгакова датирована только 25 февраля 1924 г.

Возможно, в дни похорон вождя большевиков писатель вел специальный дневник, посвященный этому событию, который частично воспроизвел в В ч. с.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Псалом"

"Псалом" - рассказ. Опубликован: Накануне, Берлин - М., 1923, 23 сент. Вошел в сборник: Булгаков М. Трактат о жилище. М.-Л.: Земля и фабрика, 1926 (Библиотека сатиры и юмора).

В П. отражена жизнь Булгакова в Нехорошей квартире - кв. №50 в д. 10 по Б. Садовой. Первая жена писателя Т. Н. Лаппа вспоминает атмосферу тамошней жизни: "Вообще дом был знаменитый... Кого только в нашей квартире не было! По той стороне, где окна выходят на двор, жили так: хлебопек, мы, дальше Дуся - проститутка; к нам нередко стучали ночью: "Дуся, открой!" Я говорила: "Рядом!" Вообще же она была женщина скромная, шуму от нее не было; тут же и муж ее где-то был недалеко... Дальше жил начальник милиции с женой, довольно веселой дамочкой... Муж ее часто бывал в командировке; сынишка ее забегал к нам..."

Она также утверждала, что в доме 10 действительно жила женщина, Александра Николаевна Кибель, с сыном Вовкой, однако ее комната была в квартире №34, куда Булгаковы переехали только в августе 1924 г. Кто именно из них послужил прототипом Славки и его матери в П., трудно определить однозначно. Писатель Владимир Артурович Лёвшин (Манасевич) (1904-1984), сын крупного финансиста А. Б. Манасевича, живший в квартире 34 и знавший Булгакова, в своих воспоминаниях назвал прототипом Славки именно Вовку из 34-й квартиры.

Однако сын Н. А. Кибель родился 3 февраля 1922 г. и в 1923 г. ему никак не могло быть около четырех лет, как герою П. Скорее всего, Булгаков взял в основу П. житейскую драму Н. А. Кибель, о которой рассказал В. А. Лёвшин: "Молодая миловидная женщина (комната по коридору направо) потихоньку глотает слезы, напрасно ожидая возвращения любимого человека. "Скоро приедет муж!" - говорит она соседке. "Скоро приедет папа!" - обещает она своему малышу". Славку же автор П. списал с сынишки начальника милиции.

В П. отразилась любовь Булгакова к детям, притом, что своими детьми он так и не обзавелся. Т. Н. Лаппа, вспоминая, что ей приходилось делать от Булгакова два аборта, один - в 1912 г., еще до свадьбы, а другой - в конце 1916 или начале 1917 г., не без основания считала: "Он любил чужих детей, не своих. Потом, у меня никогда не было желания иметь детей. Потому что жизнь такая. Ну что б я стала делать, если б у меня ребенок был? А потом, он же был больной морфинист. Что за ребенок был бы?" (морфинизм Булгакова описан в автобиографической повести "Морфий").

Вторая жена писателя Л. Е. Белозерская в мемуарной книге "О, мед воспоминаний" свидетельствует: "М.А. любит детей и умеет с ними ладить, особенно с мальчиками". При этом она рисует трогательную картину, как он успокаивал четырехлетнего Витьку, сына соседки, когда они жили во флигеле во дворе дома №9 по Обуховому переулку. Происходило это в 1924 г., уже после создания П., но вел себя Булгаков совсем так, же, как автобиографический герой рассказа: "Когда плаксивые вопли Витьки чересчур надоедают, мы берем его к себе в комнату и сажаем на ножную скамейку. Здесь я обычно пасую, и Витька переходит целиком на руки М. А., который показывает ему фокусы. Как сейчас слышу его голос: "Вот коробочка на столе. Вот коробочка перед тобой... Раз! Два! Три! Где коробочка?".

Третья жена Е. С. Булгакова в своем дневнике неоднократно фиксирует самые теплые отношения, сложившиеся между Булгаковым и жившим вместе с ними ее сыном Сергеем Шиловским (1926-1975), а также с другим сыном, Евгением (1921-1957), оставшимся с отцом, Е. А. Шиловским (1889-1952).

Строки, которые разучивают автор со Славкой: "Куплю я себе туфли к фраку, /И буду петь по ночам псалом, /И заведу себе собаку. /Ничего, как-нибудь проживем", - это несколько измененная цитата из песни Александра Вертинского (1889-1957) "Это все, что от Вас осталось" (1918):
Вот в субботу куплю собаку,
Буду петь по ночам псалом,
Закажу себе туфли к фраку...
Ничего. Как-нибудь... проживем.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций
Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы
Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи
Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта
Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

"Морфий"

"Морфий" - рассказ, некоторыми исследователями булгаковского творчества называемый также повестью. Опубликован: Медицинский работник, М., 1927 г., № №45-47.

М. примыкает к циклу "Записки юного врача", имеет, как и рассказы этого цикла, автобиографическую основу, связанную с работой Булгакова земским врачом в селе Никольское Сычевского уезда Смоленской губернии с сентября 1916 г. по сентябрь 1917 г., а также в уездном городе Вязьме той же губернии с сентября 1917 г. по январь 1918 г.

Однако большинство исследователей не включает М. в "Записки юного врача", поскольку он появился на год позднее рассказов этого цикла и не имеет никаких прямых указаний на принадлежность к "Запискам юного врача". В момент публикации М. замысел отдельного издания книги "Записки юного врача" был уже оставлен (но рассказ "Звездная сыпь" также не имел при публикации указаний на принадлежность к циклу, хотя появившийся несколько позднее рассказ "Пропавший глаз" был снабжен примечанием: "Записки юного врача").

В М. отразился морфинизм Булгакова, пристрастившегося к наркотику после заражения дифтеритными пленками в ходе трахеотомии, описанной в рассказе "Стальное горло". Это случилось в марте 1917 г, вскоре после его поездки в Москву и Киев, пришедшейся на дни Февральской революции.

Т. Н. Лаппа, первая жена Булгакова, позднее характеризовала его состояние после приема наркотика: "Очень такое спокойное. Спокойное состояние. Не то чтобы сонное. Ничего подобного. Он даже пробовал писать в этом состоянии".

Ощущение наркомана Булгаков передал в дневниковой записи главного героя М. доктора Полякова (основная часть рассказа - это дневник Полякова, который читает его друг доктор Бомгард уже после самоубийства сельского врача, а от лица Бомгарда ведется обрамляющее повествование): "Первая минута: ощущение прикосновения к шее. Это прикосновение становится теплым и расширяется. Во вторую минуту внезапно проходит холодная волна под ложечкой, а вслед за этим начинается необыкновенное прояснение мыслей и взрыв работоспособности. Абсолютно все неприятные ощущения прекращаются. Это высшая точка проявления духовной силы человека. И если б я не был испорчен медицинским образованием, я бы сказал, что нормальный человек может работать только после укола морфием".

В последнем булгаковском романе "Мастер и Маргарита" морфинистом в эпилоге становится поэт Иван Бездомный, оставивший поэзию и превратившийся в профессора литературы Ивана Николаевича Понырева. Только после укола наркотика он видит во сне как наяву то, о чем рассказывается в романе Мастера о Понтии Пилате и Иешуа Га-Ноцри.

Булгаков страдал морфинизмом и после перевода в Вяземскую городскую земскую больницу в сентябре 1917 г. Как вспоминала Т. Н. Лаппа, одной из причин отъезда в Вязьму стало то, что окружающие уже заметили болезнь: "Потом он сам уже начал доставать (морфий), ездить куда-то. И остальные уже заметили. Он видит, здесь, (в Никольском) уже больше оставаться нельзя. Надо сматываться отсюда. Он пошел - его не отпускают. Вот говорит: "Я не могу там больше, я болен", - и все такое. А тут как раз в Вязьме врач требовался, и его перевели туда".

Очевидно, морфинизм Булгакова не был только следствием несчастного случая с трахеотомией, но и проистекал из общей унылой атмосферы жизни в Никольском. Молодой врач, привыкший к городским развлечениям и удобствам, тяжело и болезненно переносил вынужденный сельский быт. Наркотик давал забвение и даже ощущение творческого подъема, рождал сладкие грезы, создавал иллюзию отключения от действительности.

С Вязьмой связывались надежды на перемену образа жизни, однако это оказался, по определению Т. Н. Лаппа, "такой захолустный город". По воспоминаниям первой жены Булгакова, сразу после переезда, "как только проснулись - "иди, ищи аптеку". Я пошла, нашла аптеку, приношу ему. Кончилось это - опять надо. Очень быстро он его использовал (по свидетельству Т. Н. Лаппа, Булгаков кололся дважды в день). Ну, печать у него есть - "иди в другую аптеку, ищи". И вот я в Вязьме там искала, где-то на краю города еще аптека какая-то. Чуть ли не три часа ходила. А он прямо на улице стоит меня ждет. Он тогда такой страшный был... Вот, помните его снимок перед смертью? Вот такое у него лицо. Такой он был жалкий, такой несчастный. И одно меня просил: "Ты только не отдавай меня в больницу". Господи, сколько я его уговаривала, увещевала, развлекала... Хотела все бросить и уехать. Но как посмотрю на него, какой он - как же я его оставлю? Кому он нужен? Да, это ужасная полоса была".

В М. роль, которую в реальности исполняла Т. Н. Лаппа, во многом передана медсестре Анне - любовнице Полякова, делающей ему уколы морфия. В Никольском такие уколы Булгакову делала медсестра Степанида Андреевна Лебедева, а в Вязьме и в Киеве - Т. Н. Лаппа.

В конце концов жена Булгакова настояла на отъезде из Вязьмы в попытке спасти мужа от наркотического недуга. Т. Н. Лаппа рассказывала об этом: "...Приехала и говорю: "Знаешь что, надо уезжать отсюда в Киев". Ведь и в больнице уже заметили. А он: "А мне тут нравится". Я ему говорю: "Сообщат из аптеки, отнимут у тебя печать, что ты тогда будешь делать?" В общем, скандалили, скандалили, он поехал, похлопотал, и его освободили по болезни, сказали: "Хорошо, поезжайте в Киев". И в феврале (1918 г.) мы уехали".

В М. портрет Полякова - "худ, бледен восковой бледностью" напоминает о том, как выглядел сам писатель, когда злоупотреблял наркотиком. Эпизод же с Анной повторяет скандал с женой, вызвавший отъезд в Киев: "Анна приехала. Она желта, больна. Доконал я ее. Доконал. Да, на моей совести большой грех. Дал ей клятву, что уезжаю в середине февраля".

После приезда в Киев автору М. удалось избавиться от морфинизма. Муж В. М. Булгаковой И. П. Воскресенский (около 1879 - 1966) посоветовал Т. Н. Лаппа постепенно уменьшать дозы наркотика в растворе, в конце концов полностью заменив его дистиллированной водой. В результате Булгаков отвык от морфия.

В М. автор как бы воспроизвел тот вариант своей судьбы, который реализовался бы, останься он в Никольском или Вязьме. Скорее всего, в Киеве автор М. был спасен не только врачебным опытом И. П. Воскресенского, но и атмосферой родного города, после революции еще не успевшего потерять свое очарование, спасен встречей с родными и друзьями. В М. самоубийство доктора Полякова происходит 14 февраля 1918 г., как раз накануне булгаковского отъезда из Вязьмы.

Дневник Полякова, который читает доктор Бомгард, не заставший друга в живых, это своего рода "записки покойника" - форма, использованная позднее в "Театральном романе", где главного героя, покончившего с собой драматурга Максудова, зовут Сергеем, как и доктора Полякова в М. Показательно, что герой "Театрального романа" сводит счеты с жизнью в Киеве, бросившись с Цепного моста, т. е. в городе, куда смог вырваться Булгаков из Вязьмы и тем самым спастись от морфия и стремления к самоубийству. А вот герой М. до Киева так и не добрался.

В отличие от рассказов цикла "Записки юного врача", в М. есть обрамляющий рассказ от первого лица, а сама исповедь жертвы морфинизма доктора Полякова запечатлена в виде дневника. Дневник ведет и главный герой "Необыкновенных приключений доктора". В обоих случаях эта форма использована для большей дистанцированности героев от автора рассказов, поскольку и в "Необыкновенных приключениях доктора", и в М. фигурируют вещи, которые могли компрометировать Булгакова в глазах недружественных читателей: наркомания и служба у красных, а потом у белых, причем не вполне понятно, как герой попал из одной армии в другую.

С большой долей уверенности можно предположить, что ранней редакцией М. послужил рассказ "Недуг". В письме Булгакова Н. А. Булгаковой в апреле 1921 г. содержалась просьба сохранить ряд оставшихся в Киеве рукописей, включая "в особенности важный для меня черновик "Недуг". Ранее, 16 февраля 1921 г. в письме двоюродному брату Константину Петровичу Булгакову в Москву автор М. также просил среди других черновиков в Киеве сохранить этот набросок, указывая, что "сейчас я пишу большой роман по канве "Недуга".

В последующем черновик М. вместе с другими рукописями был передан Н. А. Булгаковой писателю, который их все уничтожил. Скорее всего, под "Недугом" подразумевался морфинизм главного героя, а первоначально задуманный роман вылился в большой рассказ (или небольшую повесть) М.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции 5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

"Записки юного врача"

"Записки юного врача" - цикл, состоящий из рассказов "Полотенце с петухом", "Крещение поворотом", "Стальное горло", "Вьюга", "Тьма египетская", "Пропавший глаз" и "Звездная сыпь".

Все эти рассказы в 1925-1926 гг. публиковались в московском журнале "Медицинский работник", а также ("Стальное горло") в ленинградском журнале "Красная панорама". При публикации все они, за исключением двух, имели подзаголовки "Записки юного врача", или такое же подстрочное примечание. К рассказу "Тьма египетская" имеется сноска: "Из готовящейся к изданию книги "Записки юного врача", однако книга так и не была издана при жизни Булгакова. В рассказе "Стальное горло" подзаголовок был другой: "Рассказ юного врача", а рассказ "Звездная сыпь" вообще не имел подзаголовков и примечаний, относящих его к какому-либо циклу или книге.

Впервые З. ю. в. в виде цикла вышли в 1963 г. в Библиотеке "Огонька" (№ 23) без рассказа "Звездная сыпь" (как не имеющего прямых указаний на принадлежность к З. ю. в.), с изменением заглавия "Стальное горло" на "Серебряное горло" и датировки событий с 1917 г. на 1916 г., возможно, по цензурным соображениям, а также для искусственного сближения времени действия с временем приезда Булгакова в село Никольское Сычевского уезда Смоленской губернии в качестве земского врача.

К З. ю. в. примыкает рассказ "Морфий", опубликованный в "Медицинском работнике" в 1927 г., однако большинство исследователей этот рассказ в состав цикла не включает, поскольку он не только не имел никаких указаний на принадлежность к З. ю. в. при публикации, но и достаточно сильно отличается от рассказов цикла по форме и содержанию.

Здесь основная часть - это не прямое повествование от имени юного врача, а дневник такого врача, доктора Полякова, который после его самоубийства читает товарищ Полякова по университету доктор Бомгард. В отличие от героя-автора в З. ю. в. главный герой "Морфия" Поляков терпит поражение в борьбе со своим недугом - морфинизмом и гибнет. "Морфий" задумывался Булгаковым как отдельное произведение, вне цикла З. ю. в., хотя и на общем с ним автобиографическом материале.

В предисловии к неосостоявшемуся второму изданию З. ю. в. сестра писателя Н. А. Булгакова (Земская) отмечала: "Уроженец большого культурного города, любящий и знающий искусство, большой знаток и ценитель музыки и литературы, а как врач склонный к исследовательской лабораторной и кабинетной работе, Михаил Булгаков, попав в глухую деревню, в совершенно непривычную ему него обстановку, стал делать свое трудное дело так, как диктовало ему его внутреннее чувство, его врачебная совесть. Врачебный долг - вот что прежде всего определяет его поведение по отношению к больным. Он относится к ним с подлинно человеческим чувством. Он глубоко жалеет страдающего человека и горячо хочет ему помочь, чего бы это ни стоило лично ему. Жалеет и маленькую задыхающуюся Лидку ("Стальное горло"), и девушку, попавшую в мялку ("Полотенце с петухом"), и роженицу, не дошедшую до больницы и рожающую у речки в кустах, и бестолковых баб, говорящих о своих болезнях непонятными словами ("Пропавший глаз": "...научился понимать такие бабьи речи, которых никто не поймет"), и всех, всех своих пациентов.

Пишет он об этом без излишней декламации, без пышных фраз о долге врача, без ненужных поучений.

Не боится он сказать и о том, как трудно ему приходится.

В жизни Мих. Булгаков был остро наблюдателен, стремителен, находчив и смел, он обладал выдающейся памятью. Эти качества определяют его и как врача, они помогали ему в его врачебной деятельности. Диагнозы он ставил быстро, умел сразу схватить характерные черты заболевания; ошибался в диагнозах редко. Смелость помогала ему решиться на трудные операции".

В З. ю. в. отображены многие подлинные случаи врачебной деятельности Булгакова во время его работы в земской больнице села Никольское Сычевского уезда Смоленской губернии в период с сентября 1916 г. по сентябрь 1917 г. Туда он был направлен по мобилизации как не годный к военной службе ратник ополчения 2-го разряда для замещения вакансии земского врача. С 20 сентября 1917 г. до февраля 1918 г. Булгаков продолжал службу в земской городской больнице Вязьмы в том же Смоленской губернии, однако этот период отразился только в обрамляющем рассказе доктора Бомгарда в "Морфии", где основная часть - дневник доктора Полякова - тоже связана с опытом работы в Никольском, названном здесь Гореловым.

18 сентября 1917 г. Сычевская земская управа в связи с переводом в Вязьму выдала Булгакову удостоверение с развернутой характеристикой его работы в Никольском: "...С 29-го сентября 1916 года и по 18 сентября сего 1917 года состоял на службе Сычевского земства в должности Врача, заведовавшего Никольской земской больницей, за каковое время зарекомендовал себя энергичным и неутомимым работником на земском поприще. При этом, по имеющимся в Управе сведениям, в Никольском участке за указанное время пользовалось стационарным лечением 211 чел., а всех амбулаторных посещений было 15361. Оперативная деятельность врача М. А. Булгакова за время его пребывания в Никольской земской больнице выразилась в следующем: было произведено операций - ампутация бедра 1, отнятие пальцев на ногах 3, высвобождение матки 1, обрезание крайней плоти 4, акушерские щипцы 2, поворот на ножку 3, ручное удаление последа 1, удаление атеромы и липомы 2 и трахеотомий 1; кроме того, производилось: зашивание ран, вскрытие абсцессов и нагноившихся атером, проколы живота (2), вправление вывихов; один раз производилось под хлороформенным наркозом удаление осколков раздробленных ребер после огнестрельного ранения".

Многие из упомянутых операций отразились в З. ю. в.: ампутация бедра ("Полотенце с петухом"), поворот плода на ножку ("Крещение поворотом"), трахеотомия ("Стальное горло") и др. В З. ю. в. главный герой моложе Булгакова, хотя действие и сдвинуто на год по сравнению с булгаковской биографией: юный врач приезжает в село в сентябре 1917 г., а не в сентябре 1916 г., как это было в случае с Булгаковым. В "Стальном горле" основному персонажу 24 года, тогда как к моменту прибытия в Никольское автору З. ю. в. было уже полных 25 лет. Но юный возраст не мешает герою цикла успешно преодолевать все препятствия и успешно выполнять свою миссию.

То, что сам Булгаков был действительно хорошим врачом, подтверждает и первая жена писателя Т. Н. Лаппа, бывшая рядом с ним и в Никольском, и в Вязьме: "Диагнозы он замечательно ставил. Прекрасно ориентировался". Так что здесь никакой идеализации действительности нет, при том, что суровая деревенская реальность дана в З. ю. в. без всяких прикрас.

З. ю. в. были ориентированы на "Записки врача" (1901) Викентия Викентьевича Вересаева (Смидовича) (1867-1945), с которым Булгакову позднее довелось подружиться и даже создать в соавторстве пьесу "Александр Пушкин". Булгаковский юный врач другой, чем вересаевский. Он, в отличие от героя "Записок врача", практически не знает неудач. Вересаев писал о неврастении в период, когда был близок к марксизм. Ему казалось, что "пришли новые люди, бодрые, верящие, находившие счастье не в жертве, а в борьбе". Булгаков З. ю. в. писал тогда, когда как раз и приходилось пожинать плоды этой борьбы.

Для автора "Записок врача" "единственный выход - в сознании, что мы - лишь небольшая часть одного громадного, неразъединимого целого, что исключительно лишь в судьбе и успехах этого целого мы можем видеть и свою личную судьбу, и успех". Для автора же и главного героя З. ю. в. прежде всего важен его собственный профессиональный успех, а борьбу он мыслит не в одиночку, но в единстве с сослуживцами-медиками, а не с некими аморфными и гранднозными целым. Юный врач, как видится ему в "Тьме египетской", всегда вместе со своей "ратью" - фельдшерами и медсестрами, и, может быть шире, с "отрядом врачей".

Автор З. ю. в. утверждал силу личного подвига интеллигента, несущего помощь страждущим и просвещение народу, тогда как Вересаев в "Записках врача" стремился продемонстрировать бессилие одиночки, без слияния с массой.

Первая редакция З. ю. в. создавалась по горячим следам событий. По свидетельству друга юности Булгакова Александра Петровича Гдешинского (1893-1951) в письме Н. А. Земской 1-13 ноября 1940 г., первую редакцию будущего рассказа "Звездная сыпь" Булгаков зачитывал родным и друзьям в Киеве в 1918 г. Не исключено, что ранний вариант З. ю. в., называвшийся "Записки земского врача", создавался еще во время пребывания Булгакова в Смоленской губернии.

В письме к двоюродному брату Константину Петровичу Булгакову из Владикавказа в Москву 16 февраля 1921 г. Булгаков упоминал среди оставшихся в Киеве рукописей "Наброски Земского врача" и "Недуг" (вероятно, первую редакцию "Морфия"). А в письме матери, В. М. Булгаковой, 17 ноября 1921 г. автор З. ю. в. уже из Москвы сообщал: "По ночам пишу "Записки земского врача". Может выйти солидная вещь. Обрабатываю "Недуг". После публикации рассказов из З. ю. в. и "Морфия" тексты ранних редакций Булгаков уничтожил.

Любопытные воспоминания о первых чтениях З. ю. в. в Киеве в 1918 г. оставил зять Булгакова (муж его сестры Вари) Л. С. Карум (1888-1968), послуживший прототипом Тальберга в "Белой гвардии" и "Днях Турбиных". В неопубликованном очерке "Горе от таланта: М. А. Булгаков как человек и писатель" он сообщает: "Тяготевший по наследству к беллетристике, он, оказывается, приехал в Киев не с пустыми руками, а привез несколько рассказов о своей деятельности земского врача... Ведь люди его поколения и его среды (примечательно, что сам Карум, человек одного с Булгаковым поколения и среды, на склоне лет предпочел от этого поколения дистанцироваться) начинали жить дважды. Первый раз - в условиях старой русской жизни, они кончали гимназию, университет, обзаводились семьями, служили. Об этой жизни, в которой было не только плохое, но и хорошее, они и вспомнили. Второй раз они начинали жить с самого начала, уже после революции. Иногда меняли профессию, место жительство, специальность, даже семью. И первый период будил воспоминания. Он ушел в прошлое.

Рассказы оригинальны и свежи, раскрывают психологию врача. До того времени широкая публика знала о переживаниях врача только по произведениям В. Вересаева "Записки врача", но это были записки врача-терапевта. Булгаков же описывает психику врача-хирурга, к тому же юного. Это было ново, написано талантливо".

В мемуарной неопубликованной рукописи "Моя жизнь. Рассказ без вранья" Л. С. Карум оставил уникальное свидетельство, как реагировали на З. ю. в. киевские друзья Булгакова: "В 1918 году "Записки" производили между его приятелями фурор. По вечерам Булгаков удалялся в комнату, которая служила ему кабинетом во время приема больных, и там читал выдержки из "Записок" своим восторженным слушателям. Коля Судзиловский (племянник Л. С. Карума, прототип Ларионова в "Белой гвардии" и "Днях Турбиных") как-то раз после чтения сказал: "Это восхитительно, замечательно". Он рассказал, что Булгаков описал случай, когда ему пришлось в первый раз сделать при дифтерите трахеотомию. Булгаков очень волновался, но сделал, как он говорит, операцию блестяще, и ребенок сейчас же спокойно задышал". Здесь явно имеется в виду ранняя редакция рассказа "Стальное горло".

В письме Н. А. Земской от 1-13 ноября 1940 г. А. П. Гдешинский отмечал, что в письмах из Никольского "Миша очень сетовал на кулацкую, черствую натуру туземных жителей, которые, пользуясь неоценимой помощью его как врача, отказали в продаже полупуда масла, когда заболела жена... или в таком духе".

Антикулацкие настроения Булгакова находят подтверждение в его собственноручных показаниях на допросе в ОГПУ 22 сентября 1926 г.: "На крестьянские темы я писать не могу потому, что деревню не люблю. Она мне представляется гораздо более кулацкой, нежели это принято думать".

Однако в З. ю. в. антикулацкие мотивы практически отсутствуют, а упор сделан на необходимость просвещения народа. Булгаков не желал иметь ничего общего с официальной пропагандой, клеймившей кулаков (хотя до поры до времени допускалось их существование).

Писатель, как сообщал в донесении от 22 февраля 1928 г. неизвестный осведомитель ОГПУ, в разговоре с исследователем-пушкинистом Н. О. Лернером (1877-1934) утверждал: "Нужен обязательно или снова военный коммунизм или полная свобода. Переворот... должен сделать крестьянин, который наконец-то заговорил настоящим родным языком. В конце концов коммунистов не так уже много... а крестьян обиженных и возмущенных десятки миллионов".

Возможно, что эти, оказавшиеся впоследствии несостоятельными расчеты на крестьянство, привели к приглушению кулацких черт деревенских жителей в З. ю. в.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Полотенце с петухом"

"Полотенце с петухом" - рассказ. Опубликован: Медицинский работник, М, 1926, №№ 33, 34, с подстрочным примечанием: "Из книги "Записки юного врача"".

В рассказе, согласно булгаковскому замыслу, открывающему цикл "Записки юного врача", описан приезд главного героя в земскую Мурьинскую больницу в 40 верстах от уездного города Грачевки в Смоленской губернии 17 сентября 1917 г.

В основе П. с п. лежат события из биографии Булгакова. Будущий писатель в сентябре 1917 г. после окончания Киевского университета был назначен земским врачом Никольской земской больницы Сычевского уезда Смоленской губернии. Никольское в П. с п. превратилось в Мурьино, а Сычевка - в Грачевку.

Описанная в рассказе операция по ампутации бедра действительно имела место, как отмечается в справке о деятельности Булгакова в Никольской больнице, выданной 18 сентября 1917 г. Сычевским земством, однако, очевидно, была произведена не в первый день приезда в Никольское 27 сентября 1916 г., а позднее.

В П. с п. автор намеренно сдвинул события на год вперед, чтобы день, означивший трагедию девушки, попавшей в мялку и получившей тяжелую травму, и который в реальности был последним днем пребывания в Никольском, пришелся бы как раз на преддверие Октябрьской Революции, символически предвосхищая кровь и страдания, которые вызовет этот переворот.

Слова отца дочери: "Только чтоб не померла. Калекой останется - пущай" вполне могут быть отнесены к послереволюционной судьбе России и, скорее всего, отражают надежды самого автора П. с п., что страна все-таки выживет, пусть и покалеченная властью большевиков.

Как будто такой оптимизм вызывает и финал рассказа, где героиня остается жива и дарит врачу в знак признательности полотенце с петухом. Однако красный петух на полотенце и красная кайма по подолу искалеченной девушки подсознательно будят тревогу. Ведь происходит эта последняя встреча через два с половиной месяца после начала действия, т. е. в начале декабря 1917 г. ("в окне сиял один из первых зимних дней"), уже после революции, когда крестьяне сплошь и рядом пускали помещикам "красного петуха" и проливалась первая кровь в братоубийственной войне.

При републикации П. с п. в 1963 г. дата приезда врача в Мурьинскую больницу была по цензурным соображениям исправлена на 16 сентября 1916 г., что в большей мере соответствовало реальной биографии Булгакова, но полностью противоречило его замыслу.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Крещение поворотом"

"Крещение поворотом" - рассказ, имеющий подзаголовок "Записки юного врача". Опубликован: Медицинский работник, М., 1925, №№ 41, 42.

К. п. входит в состав цикла "Записки юного врача". Операция, описанная в рассказе, поворот на ножку, действительно была сделана Булгаковым в бытность его заведующим Никольским здравпунктом (Никольской земской больницей) в Сычевском уезде Смоленской губернии. Данная операция упоминается в справке, выданной Булгакову 18 сентября 1917 г. Сычевской земской управой в связи с переводом его в Вяземскую городскую земскую больницу.

По воспоминаниям первой жены писателя Т. Н. Лаппа, события, запечатленные в К. п., произошли в первый день их приезда в Никольское 18 сентября 1916 г., а не некоторое время спустя, как в рассказе, причем настроение мужа роженицы, которого в К. п. вообще нет среди действующих лиц, было суровым и не сулило юному врачу ничего хорошего: "В первую же ночь, как мы приехали, Михаила к роженице вызвали. Я сказала, что тоже пойду, не останусь одна в доме. Он говорит: "Забирай книги, и пойдем вместе". Только расположились и пошли ночью в больницу. А муж этой женщины увидел Булгакова и говорит: "Смотри, если ты ее убьешь, я тебя зарежу". Вот, думаю, здорово. Первое приветствие. Михаил посадил меня в приемной, "Акушерство" дал и сказал, где раскрывать. И вот, прибежит, глянет, прочтет и опять туда. Хорошо, акушерка опытная была. Справились, в общем".

В К. п. главный герой тоже использует учебник акушерства, но только один, без жены. К моменту публикации К. п., как и других рассказов цикла "Записки юного врача", Булгаков и Т. Н. Лаппа уже развелись (в 1924 г.), и, вероятно, по этой причине, жена врача из К. п. исчезла.

В К. п. юный врач в конце концов бросает книгу: "Все эти ученые слова ни к чему в этот момент. Важно одно: я должен ввести одну руку внутрь, другой рукой снаружи помогать повороту и, полагаясь не на книги, а на чувство меры, без которого врач никуда не годится, осторожно, но настойчиво низвесть одну ножку и за нее извлечь младенца.
Я должен быть спокоен и осторожен и в то же время безгранично решителен, нетруслив".

После успешного завершения операции главный герой вновь перечитывает акушерский учебник, "раскрытый на странице "Опасности поворота", причем "произошла интересная вещь: все прежние темные места сделались совершенно понятными, словно налились светом, и здесь, при свете лампы, ночью, в глуши, я понял, что значит настоящее знание.
"Большой опыт можно приобрести в деревне, - думал я, засыпая, - но только нужно читать, читать, побольше... читать..."

Поскольку начало действия цикла "Записок юного врача" в открывающем его рассказе "Полотенце с петухом" приурочено к 17 сентября 1917 г. - дню прибытия юного врача в Мурьинскую больницу, а в К. п. события происходят уже много дней спустя после начала работы главного героя в земской больнице, но тоже осенью, можно предположить, что рождение ребенка происходит близко к 25 октября 1917 г. - дню социалистической революции в России.

Младенец, неправильно лежащий в чреве матери, как бы олицетворяет новый, рожденный революцией мир, который его творцы хотят произвести на свет, руководствуясь книжными марксистскими теориями. По мысли автора К. п., надо прежде всего руководствоваться живым опытом народной жизни, как воспринимает юный врач со слуха опыт фельдшера и акушерки.

Преддверие Октябрьской революции символизирует эпизод в начале рассказа, когда "кто-то настойчиво и громко барабанил в наружную дверь, и удары эти показались мне сразу зловещими" (это акушерка Аксинья сообщает врачу, что привезли роженицу в тяжелом состоянии).

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Стальное горло"

"Стальное горло" - рассказ, имеющий подзаголовок "Рассказ юного врача". Опубликован: Красная панорама. Л., 1925, №33.

С. г. имеет автобиографическую основу, как и другие рассказы цикла "Записки юного врача". В свидетельстве, выданном Булгакову 18 сентября 1917 г. Сычевской земской уездной управой, указывается, в частности, что во время работы в земской больнице села Никольского он, среди прочих операций, произвел трахеотомию, которая и описана в С. г.

Здесь также учтен случай с трахеотомией в "Записках врача" Викентия Вересаева (Смидовича) (1867-1945), где, однако, исход операции трагический. У Булгакова больная дифтерией девочка после трахеотомии выздоравливает. Однако для самого автора С. г. эта операция обернулась очень неприятными последствиями.

Первая жена Булгакова Т. Н. Лаппа вспоминала об этом случае, относя его к марту 1917 г., вскоре после Февральской революции: "Привезли ребенка с дифтеритом, и Михаил стал делать трахеотомию. Знаете, горло так надрезается? Фельдшер ему помогал, держал там что-то. Вдруг ему стало дурно. Он говорит: "Я сейчас упаду, Михаил Афанасьевич". Хорошо, Степанида (медсестра Степанида Андреевна Лебедева) перехватила, что он там держал, и он тут же грохнулся. Ну, уж не знаю, как они там выкрутились, а потом Михаил стал пленки из горла отсасывать и говорит: "Знаешь, мне, кажется, пленка в рот попала. Надо сделать прививку". Я его предупреждала: "Смотри, у тебя губы распухнут, лицо распухнет, зуд будет страшный в руках и ногах". Но он все равно: "Я сделаю". И через некоторое время началось: лицо распухает, тело сыпью покрывается, зуд безумный. Безумный зуд. А потом страшные боли в ногах. Это я два раза испытала. И он, конечно, не мог выносить. Сейчас же: "Зови Степаниду". Я пошла туда, где они живут, говорю, что "он просит вас, чтобы вы пришли". Она приходит. Он: "Сейчас же мне принесите, пожалуйста, шприц и морфий". Она принесла морфий, впрыснула ему. Он сразу успокоился и заснул. И ему это очень понравилось. Через некоторое время, как у него неважное состояние было, он опять вызвал фельдшерицу. Она же не может возражать, он же врач... Опять впрыскивает. Но принесла очень мало морфия. Он опять... Вот так это и началось".

Вероятно, "неважное состояние" Булгакова, от которого он избавлялся с помощью морфия, объяснялось еще и унынием, охватившим его в деревенской глуши, и наступившей после февраля 1917 г. общей нестабильностью жизни (по воспоминаниям Т. Н. Лаппа: "Очень, знаете, тоскливо было").

В С. г. действие отнесено ко времени после Октябрьской революции. При этом подчеркнуты одиночество и тоска героя, но безо всякой связи с морфием: "Итак, я остался один. Вокруг меня - ноябрьская тьма с вертящимся снегом, дом завалило, в трубах завыло. Все двадцать четыре года моей жизни я прожил в громадном городе и думал, что вьюга воет только в романах. Оказалось: она воет на самом деле. Вечера здесь необыкновенно длинны, лампа под синим абажуром отражалась в черном окне, и я мечтал, глядя на пятно, светящееся на левой руке у меня. Мечтал об уездном городе - он находился в сорока верстах от меня. Мне очень хотелось уехать с моего пункта туда. Там было электричество, четыре врача, с ними можно было посоветоваться, во всяком случае, не так страшно. Но убежать не было никакой возможности, да временами я и сам понимал, что это малодушие. Ведь именно для этого я учился на медицинском факультете..."

Сходные чувства выразил Булгаков в письме сестре Н. А. Булгаковой 31 декабря 1917 г. из уездной Вязьмы, которая, как и находившаяся в 40 верстах от Никольского уездная Сычевка, казалась чуть ли не раем, а на поверку обернулась полным разочарованием. Автор С. г. писал сестре: "И вновь я тяну лямку в Вязьме... Я живу в полном одиночестве... Зато у меня есть широкое поле для размышлений. И я размышляю. Единственным моим утешением является для меня работа и чтение по вечерам.
Мучительно тянет меня вон отсюда в Москву или Киев, туда, где хоть и замирая, но все же еще идет жизнь. В особенности мне хотелось бы быть в Киеве!"

Именно в Вязьму поместил Булгаков героя рассказа (или повести) "Морфий", который узнает о гибели своего друга, сельского врача доктора Полякова, покончившего с собой на почве морфинизма. Там дан как бы вариант судьбы автора С. г. и других рассказов из "Записок юного врача", в случае, если бы он остался в селе.

Удачная операция, слава о которой идет по окрестностям как легенда о стальном горле, будто бы сделанном больной девочке, помогает юному врачу на время забыть свою тоску, и в финале - "дом мой был одинок, спокоен и важен", ибо герой осознал значение своей миссии.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Звёздная сыпь"

"Звездная сыпь" - рассказ. Опубликован: Медицинский работник, 1926, № 29, 30.

З.с. входит в автобиографический цикл "Записки юного врача".

В рассказе отразилась одна из главных проблем, с которой столкнулся Булгаков в бытность его земским врачом в селе Никольское Сычевского уезда Смоленской губернии с сентября 1916 г. по сентябрь 1917 г. - массовое распространение венерических заболеваний.

В письме сестре писателя Н. А. Булгаковой (Земской) от 1-13 ноября 1940 г. Александр Петрович Гдешинский (1893-1951), друг киевской юности Булгакова, вспоминал содержание писем автора З. с., полученных из Никольского: "Огромное распространение сифилиса. Помню, Миша рассказывал об усилиях по открытию венерических отделений в этих местах". Далее А. П. Гдешинский отмечал, что "об этой стороне его деятельности наилучше расскажет его большая работа, которую он зачитывал в Киеве (в 1918 г.)... К стыду своему, я заснул (время было утомительное), за что и был впоследствии отмечен соответствующим образом... Этот труд, как мне кажется, касался его деятельности в Никольском и, как мне казалось, - не без влияния Вересаева" (имеются в виду вересаевские "Записки врача", в полемике с которыми и создавались "Записки юного врача").

Первая редакция З. с. была уже завершена к 1918 г., т. е. писалась по горячим следам событий (возможно, это был первый из написанных рассказов будущего цикла "Записки юного врача"). Но, судя по тому, что такой тонкий ценитель литературы, как А. П. Гдешинский заснул во время чтения, первоначальный текст З. с. не отличался тем художественным совершенством, которое видно в опубликованном рассказе.

Суммируя воспоминания самого Булгакова и его друзей, Н. А. Булгакова записала в дневнике по поводу З. с.: "1916 год. Приехав в деревню в качестве врача, Михаил Афанасьевич столкнулся с катастрофическим распространением сифилиса и других венерических заболеваний (конец войны, фронт валом валил в тыл (после Февральской революции 1917 г.), в деревню хлынули свои и приезжие солдаты). При общей некультурности быта это принимало катастрофические размеры. Кончая университет, М. А. выбрал специальностью детские болезни (характерно для него), но волей-неволей пришлось обратить внимание на венерологию. М. А. хлопотал об открытии венерологических пунктов в уезде, о принятии профилактических мер. В Киев в 1918 г. он приехал уже венерологом. И там продолжал работу по этой специальности - недолго".

В романе "Белая гвардия" в качестве пациента доктора Алексея Турбина выступает больной сифилисом поэт-декадент Русаков, тогда как в З. с. описывается прием юным врачом неграмотного деревенского мужика, не сознающего опасность своей болезни.

В финале З. с. автор бросает ретроспективный взгляд: "Итак, ушли года. Давно судьба и бурные лета разлучили меня с занесенным снегом флигелем. Что там теперь и кто? Я верю, что лучше. Здание выбелено, быть может, и белье новое. Электричества-то, конечно, нет. Возможно, что сейчас, когда я пишу эти строки, чья-нибудь юная голова склоняется к груди больного. Керосиновая лампа отбрасывает свет желтоватый на желтоватую кожу...
Привет, мой товарищ!"

Слова насчет выбеленного здания можно соотнести с известными словами Чацкого из комедии Александра Грибоедова (1795-1829) "Горе от ума" (1820-1824): "Дома новы, да предрассудки стары!" По убеждению Булгакова, и в подновленном здании больницы другой юный врач в середине 20-х обречен иметь дело с теми же крестьянскими предрассудками, с которыми мужественно боролся его предшественник в 1917 г.

Этот мотив звучит и в последнем булгаковском романе "Мастер и Маргарита", где Воланд предрекает, что Дом Грибоедова будет отстроен, намекая на людские предрассудки, которые преодолеть гораздо труднее, чем построить новое здание.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Пропавший глаз"

"Пропавший глаз" - рассказ. Опубликован: Медицинский работник, М., 1926, N №36, 37, с подстрочным примечанием: "Записки юного врача".

П. г. входит в состав автобиографического цикла "Записки юного врача". Описанная в П. г. операция по поводу огнестрельного ранения действительно была произведена Булгаковым, когда он работал земским врачом в селе Никольском Сычевского уезда Смоленской губернии. В удостоверении, выданном ему Сычевской земской управой 18 сентября 1917г., среди проведенных врачом Булгаковым операций значилось и "под хлороформенным наркозом удаление осколков раздробленных ребер после огнестрельного ранения". Близко к приводимому в П. г. и число больных, зафиксированное в этом документе: 211 стационарных и 15361 амбулаторных. В рассказе цифры немного другие, но также свидетельствующие о высоком медицинском профессионализме автора: "За год, вот до этого вечернего часа, я принял 15 613 больных. Стационарных у меня было 200, а умерло только шесть".

Тем не менее, в П. г., в отличие от других рассказов "Записок юного врача", акцент сделан на ошибках главного героя, хотя и не приводящих к трагическим последствиям и даже обставленных юмористическими подробностями. Вывод, который делает автор: "Значит, нужно покорно учиться". Только в момент создания П. г. Булгаков относил это утверждение уже не к медицине, а к литературе.

В дневниковой записи 6 ноября 1923 г. в связи с отзывом редактора журнала "Россия" И. Г. Лежнева (Альтшулера) (1891-1955) о рассказе "Псалом" (" великолепен, "как миниатюра", "я бы его напечатал") автор П. г. отметил: "Страшат меня мои 32 года и брошенные на медицину годы, болезни и слабость. У меня за ухом дурацкая опухоль... уже два раза оперированная. Из Киева писали начать рентгенотерапию. Теперь я боюсь злокачественного развития. Боюсь, что шалая, обидная, слепая болезнь прервет мою работу. Если не прервет, я сделаю лучше, чем "Псалом".

Я буду учиться теперь. Не может быть, чтобы голос, тревожащий сейчас меня, не был вещим. Не может быть. Ничем иным я быть не могу, я могу быть одним - писателем.

Посмотрим же и будем учиться, будем молчать".

Размышления о своем писательском призвании были вызваны у Булгакова грустной "медицинской" темой и преломились в П. г. - рассказе тоже на "медицинскую" тему. Внутренний голос убеждает героя П. г. в необходимости учиться. В тот момент Булгаков еще рассматривал себя в литературном плане учеником, которому предстоит овладеть секретами писательского мастерства.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н О П Р С Т У Ф Х Ч Ш Щ Ю Я :: А-Я ::

~ Мастер ~

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10

Мастер - персонаж романа "Мастер и Маргарита", историк, сделавшийся писателем.

Мастер - во многом автобиографический герой. Его возраст в момент действия романа ("человек примерно лет тридцати восьми" предстает в лечебнице перед Иваном Бездомным) - это в точности возраст Булгакова в мае 1929 г. (38 лет ему исполнилось 15-го числа, через 10 дней после того, как Мастер и его возлюбленная покинули Москву).

Газетная кампания против Мастера и его романа о Понтии Пилате напоминает газетную кампанию против Булгакова в связи с повестью "Роковые яйца", пьесами "Дни Турбиных", "Бег", "Зойкина квартира", "Багровый остров" и романом "Белая гвардия". В булгаковском архиве сохранились выписки из газеты "Рабочая Москва" от 15 ноября 1928 г., где под заголовком "Ударим по булгаковщине!" излагались выступления в Московском комитете партии на собрании коммунистов, работающих в сфере искусства, состоявшемся 13 ноября. Во вступительном слове председатель комитета по делам искусств П. М. Керженцев (Лебедев) (1881-1940) обвинил тогдашнего председателя Главискусства в потворствовании Булгакову: "Тщетно пытался тов. Свидерский сложить с себя вину за постановку "Бега". Тщетно апеллировал он к решениям высших инстанций - они, мол, разрешали. Собрание осталось при своем мнении, которое еще более укрепилось, когда тов. Свидерский, припертый к стенке, заявил:
- Я лично стою за постановку "Бега", пусть в этой пьесе есть много нам чуждого - тем лучше, можно будет дискутировать".

В "Мастере и Маргарите" "ударить, и крепко ударить, по пилатчине и тому богомазу, который вздумал протащить... ее в печать" предлагает критик Мстислав Лаврович, осуждая Мастера и того редактора, который осмелился опубликовать отрывок романа о Понтии Пилате.

В 1934 г. Булгакову удалось опубликовать отрывок из "Бега". Кампания против булгаковской пьесы была развернута осенью 1928 г. Кампания против произведения Мастера также приходится на осень 1928 г., поскольку в тексте указывается, что роман "был дописан в августе месяце", затем перепечатан, отдан редактору, читавшему его две недели, затем последовала публикация отрывка и разгромные статьи, после которых в "половине октября" Мастер был арестован и через три месяца, "в половине января" 1929 г. оказался в клинике профессора Стравинского, поскольку был лишен средств к существованию. Интересно, что массированная атака на "Бег" началась тоже ровно за три месяца до того, как Мастер оказался в лечебнице - в середине октября 1928 г. У Стравинского он находится "вот уже четвертый месяц", т. е. как раз до начала мая 1929 г. Очевидно, что арест Михаил Булгаков хронологически приурочил к началу кампании против своей лучшей пьесы.

Писатель передал персонажу и любовь к третьей жене, Е. С. Булгаковой, прототипу Маргариты. После запрета "Бега" в 1929 г. Булгаков оказался в таком же безысходном положении, как и Мастер, когда все пьесы были запрещены, а прозаические произведения не принимались в печать. В романе он заставил автобиографического героя искать убежища в психиатрической лечебнице, сам же в жизни нашел выход в письме к И. В. Сталину.

Вместе с тем, у Мастера много и других, самых неожиданных прототипов. Его портрет: "бритый, темноволосый, с острым носом, встревоженными глазами и со свешивающимся на лоб клоком волос", выдает несомненное сходство с Николаем Васильевичем Гоголем (1809-1852). Ради этого Булгаков даже сделал Мастера при первом появлении бритым, хотя в дальнейшем несколько раз особо отметил, что у Мастера есть борода, которую ему в клинике подстригают дважды в день с помощью машинки (смертельно больной писатель не успел до конца отредактировать текст своего последнего романа).

Обращенные к Мастеру слова Воланда: "А чем же вы будете жить?" - это парафраз известного высказывания поэта и журналиста Николая Алексеевича Некрасова (1821-1877), адресованного Гоголю и относящегося к 1848 г. Оно приведено в опубликованных в №6 журнала "Современник" за 1855 г. "Заметках и размышлениях Нового поэта о русской журналистике" известного литературного критика И. И. Панаева (1812-1862), издававшего совместно с Некрасовым этот знаменитый журнал: "Но надобно и на что-то жить". Сожжение же Мастером своего романа ориентировано не только на сожжение Булгаковым в марте 1930 г. ранней редакции будущего "Мастера и Маргариты", но и на сожжение Гоголем второго тома "Мертвых душ" (1842-1852).

Слова Мастера о том, что "я, знаете ли, не выношу шума, возни, насилий" и что "в особенности ненавистен мне людской крик, будь то крик страдания, ярости или иной какой-нибудь крик" почти буквально воспроизводит сентенцию доктора Вагнера из драматической поэмы "Фауст" (1808-1832) великого немецкого поэта Иоганна Вольфганга Гёте (1749-1832):

Но от забав простонародья
Держусь я, доктор, в стороне.
К чему б крестьяне ни прибегли,
И тотчас драка, шум и гам.
Их скрипки, чехарда и кегли,
И крик невыносимы нам.

(Пер. Б. Пастернака)

Монолог Мастера имеет ощутимые переклички и с выступлением Поэта в театральном прологе "Фауста":

Не говори мне о толпе, повинной
В том, что пред ней нас оторопь берет.
Она засасывает, как трясина,
Закручивает, как водоворот.
Нет, уведи меня на те вершины,
Куда сосредоточенность зовет,
Туда, где божьей созданы рукою
Обитель грез, святилище покоя.
Что те места твоей душе навеют,
Пускай не рвется сразу на уста.
Мечту тщеславье светское рассеет,
Пятой своей растопчет суета.
Пусть мысль твоя, когда она созреет,
Предстанет нам законченно чиста.
Наружный блеск рассчитан на мгновенье,
А правда переходит в поколенья.

Здесь почти точно описан последний приют Мастера, где он наконец обретает желанный покой. Неслучайно Мастер ранней редакции романа именовался (в черновых набросках) Фаустом и Поэтом. Только последний приют Мастера создан не божьей, а дьявольской рукою, хотя Воланд и действует по поручению Иешуа Га-Ноцри. Перед тем, как отпустить Мастера, сатана спрашивает у него: "Неужели ж вам не будет приятно писать при свечах гусиным пером? Неужели вы не хотите, подобно Фаусту, сидеть над ретортой в надежде, что вам удастся вылепить нового гомункула?" Однако у Гёте не Фауст, а Вагнер сотворяет гомункула. Если в отношениях с Воландом и в своей любви к Маргарите Мастер повторяет Фауста, то его приверженность к гуманитарному знанию, замысел романа о Понтии Пилате и стремление создать гомункула роднит булгаковского героя с Вагнером, любителем книжной премудрости, а не опытного знания. Мастер в своем произведении истину, по его собственным словам, "угадал", а не познал.

Литературный источник Мастера и Воланда
Портрет Сатаны
Как?! Дьяволу скучно?!
"Счастье - это стремление к счастью"
Читайте продолжение>>>

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Мастер, часть 2 ~

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10

В формировании образа М., помимо гетевского "Фауста", значительную роль сыграла современная Булгакову вариация на эту тему. Товарищ Булгакова по работе в "Накануне" Эмилий Львович Миндлин (1900-1980) написал роман "Возвращение доктора Фауста", начало которого было опубликовано в 1923 г. во втором томе альманаха "Возрождение", вместе с булгаковской повестью "Записки на манжетах". Продолжения романа, скорее всего, по цензурным причинам, так и не последовало. Миндлин перенес своего Фауста в начало XX в. и поселил "в давней мастерской, в одном из переулков Арбата, излюбленной им улицы, шумливого и громокипящего города Москвы".

Герой "Возвращения доктора Фауста" разочаровался в возможностях познания: "Но что есть знание? Что можно знать о причине этой быстротекущей смены явлений, миров, систем? Нет смены законов. Но что можно знать о законах? Он почувствовал явственно, реально, в ужасе, что ничего не знает, что по-прежнему - как и в детстве (лужайка, игры, дом и мать с белыми булками) недвижна, нетронута тайна - неизбывно тревожное пребывание в продолжительном окружении ее".

В результате Фауст уезжает "далеко из Москвы, далеко от несколько чужой ему России, в маленький и тихий городок Швиттау", где надеется зажить тихой и спокойной жизнью, не возвращаясь более к науке. В местном погребке Пфайфера, повторяющем во многом знаменитый гетевский погребок Ауэрбаха, Фауст встречает "профессора Мефистофеля", как написано на визитке, подобной той, что предъявляет булгаковский сатана Михаилу Александровичу Берлиозу. Этот образ, несомненно, отразился в Воланде. Герой Миндлина не опознает своего старого знакомого при первой встрече у Пфайфера, хотя всеми атрибутами оперного Мефистофеля профессор обладает:

"Скучающего в одиночестве Фауста заинтересовал он сразу. У господина были до крайности тонкие ноги в черных (целых, без штопок) чулках, обутые в черные бархатные туфли, и такой же плащ на плечах. Фаусту показалось, что цвет глаз господина менялся беспрестанно". Мефистофель обращает поданную ему воду то в вино, то в пиво. В итоге "Пфайфер испуганно выронил кружку из рук и вскрикнул:
- Вы - черт, милостивый государь!
За столиками встрепенулись. Некоторые встали.
Незнакомец снял свой берет.
- Меня зовут Конрад-Христофор Мефистофель. Я профессор университета в Праге. Простите, господин хозяин, если я обеспокоил вас! Я готов уплатить вам, сколько вы скажете, - сделайте одолжение. Я немного пошутил. Поверьте, я просто проделал некоторый эксперимент. Я проверил силу словесного убеждения. Она оказалась сильнее вашего зрения. В кружках была действительно вода", в чем все присутствующие тотчас же убеждаются.

Шутка Мефистофеля еще более привлекает к нему внимание Фауста, который представляется доктором химии, приехавшим из Москвы, и приглашает профессора за свой столик. Мефистофель заявляет, что "эти шутки и подобные им немало времени и покоя отнимают у меня... Но когда в жизни ничего не остается более, как шутить! Вы понимаете, не потому, что скучно... Именно потому, что есть причины, удерживающие еще меня на земле и заставляющие влачиться еще по этой глупой, бессмысленной, проклятой человеческой жизни, именно потому ничего более не остается мне, как шутить, шутить от скуки, от досады, от злости..." Фауст возражает, что жизнь не кажется ему бессмысленной и глупой, и хотя он сам в свои шестьдесят лет так и не нашел счастья, но "если бы в мое распоряжение вновь было предоставлено такое щедрое количество времени, на этот раз я использовал бы его, я бы счастливо прожил свою жизнь!"

Тут Мефистофель обещает доказать своему собеседнику, что на земле нет самой возможности счастья (вполне по пушкинской формуле: "На свете счастья нет, а есть покой и воля"). Фауст же утверждает, что "счастье может заключаться в самом процессе стремления к счастью".

"Поэзия - это кокаин!"
Загадочный профессор
Заговор об организации убийства всего человечества
Рыжеволосая Марго
Читайте далее>>>

« Назад

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Мастер, часть 3 ~

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10

- "В вас говорит отчаяние, господин профессор, - сказал Фауст, - я убежден, что в вас говорит отчаяние. Вы наверное (я почти убежден в этом) чрезмерно огорчены чем-нибудь!" Мефистофель отвечает с сожалением:
"- Вы - поэт... вы - поэт! Все люди - поэты. Хозяин Пфайфер - тоже поэт. Поэзия - это кокаин!.."

И загадочный профессор излагает Фаусту свою мечту: "Ах, я мечтаю об одном - о восстании человека против человеческой жизни, против обманности, в которую погружен он, против роли, которую играет он на земле. Но не о словесном, не о фразерском восстании, но о действенном, об активном! Я мечтаю о восстании человеческой воли. Например, - тут Мефистофель наклонился над самым ухом Фауста - например, об организации самоубийства всего человечества..."

Мефистофель агитирует Фауста стать его сообщником в организации подобного самоубийства, а когда тот пытается отказаться, предлагает окончательно убедиться в бессмысленности человеческого существования. Фауст, однако, продолжает сомневаться: "- Едва ли! Правда, я разочаровался в возможностях науки... и я не знаю еще в чем смысл жизни, но я чувствую, что он существует!
- Так чувствуют все, и никто не знает этого смысла!"

Мефистофель приводит последний аргумент: "Господин Фауст, если я покажу вам мир не таким, каким вы видите его, но таким, каким он существует в самом себе? Ну тогда?.. Хотите?!
- Что? Что?
- Быть со мной! - глаза Мефистофеля провалились, их не было видно, - хотите? Мы отомстим тому, кто издевается над человеком, отомстим, если убедим человека лишить себя жизни!.. Прекратить себя! Будете со мной?!
- Но как вы докажете? Вы не убедите меня.
- Я покажу вам то, чего вы никогда не смогли бы увидеть с помощью вашей науки!..
Теплое дыхание окутывало голову Фауста. Слова профессора из Праги дурманили...
- Хочу, хочу, - прошептал он, - хочу!"

Фауст сетует на свою старость. Мефистофель обещает возвратить ему молодость. Наконец происходит узнавание: "...Мефистофель приблизил лицо свое к Фаусту. Глаза его мерцали, то синим, то красным цветом. Тонкие брови приподнимались кверху.
- Или ты не узнаешь меня? - спросил он тихо, смотря в глаза Фауста. Фауст вздрогнул. Он узнал и ответил: - Узнаю!.. Я буду твоим... Но, исполни обещание!"

Мефистофель возвращает Фаусту молодость, делает его двадцатипятилетним. Помолодевший герой жаждет любви, и они покидают Швиттау. В соседнем старинном городке Литли в трактире "Золотая подкова" Фауст встречает рыжеволосую дочь хозяина Марго. Первые восемь глав романа Миндлина на этом обрываются, как раз на завязке истории, повторяющей историю гетевской Маргариты (Гретхен).

Сходство с "Возвращением доктора Фауста" видно невооруженным глазом, как в образе Воланда, так и в образе М. Миндлин поселил своего Фауста в один из переулков Арбата, а М. "нанял у застройщика в переулке близ Арбата... две комнаты в подвале маленького домика в садике". Миндлинский Мефистофель называет Фауста поэтом, и будущий М. в черновиках также именовался Поэтом.

Мастер в прошлом был Фесей
Феся не видел "ни одной штуки" мужиков
Граф или мужик? А какая разница!
Феся - это же Ленин!
Читайте далее>>>

« Назад

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Мастер, часть 4 ~

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10

Скорее всего, в самой ранней редакции "Мастера и Маргариты", сохранившейся лишь в отрывках и создававшейся в 1929 г., функции М. выполнял ученый-гуманитарий по имени Феся. Его Булгаков наделил феноменальной эрудицией в демонологии Средневековья и итальянского Возрождения, а также профессурой на историко-филологическом факультете университета, что в еще большей степени, чем М., сближает Фесю с гетевским Вагнером.
Феся, как и М. последней редакции романа, сторонится толпы и вообще простонародья, предпочитая основное время проводить в своем московском кабинете или за границей. При советской власти в газетной статье Фесю обвинили в том, что он издевался над мужиками в своем подмосковном имении. "И тут впервые мягкий и тихий Феся стукнул кулаком по столу и сказал (а я... забыл предупредить, что по-русски он говорил плохо... сильно картавя):
- Этот разбойник, вероятно, хочет моей смерти...", и пояснил, что он не только не издевался над мужиками, но даже не видел их "ни одной штуки".

И Феся сказал правду. Он действительно ни одного мужика не видел рядом с собой. Зимой он сидел в Москве, в своем кабинете, а летом уезжал за границу и не видел никогда своего подмосковного именья. Однажды он чуть было не поехал, но, решив сначала ознакомиться с русским народом по солидному источнику, прочел "Историю пугачевского бунта" Пушкина, после чего ехать наотрез отказался, проявив неожиданную для него твердость. Однажды, впрочем, вернувшись домой, он гордо заявил, что видел "настоящего русского мужичка. Он в Охотных рядах покупал капусты. В треухе. Но он не произвел на меня впечатление зверя".

Через некоторое время Феся развернул иллюстрированный журнал и увидел своего знакомого мужичка, правда, без треуха. Подпись под старичком была такая: Граф Лев Николаевич Толстой. Феся был потрясен.
- Клянусь Мадонной, - заметил он, - Россия необыкновенная страна! Графы выглядят в ней как вылитые мужики!" Таким образом, Феся не солгал".

Здесь упоминание восстания Емельяна Пугачева (1740 или 1742 - 1775), так напугавшее Фесю, можно соотнести с планируемым Мефистофелем в "Возвращении доктора Фауста" коллективным самоубийством человечества, соучастником в организации которого должен был стать главный герой. У Миндлина в качестве такого самоубийства в последующих главах должна была рассматриваться либо первая мировая война, либо Октябрьская революция в России, причем, судя по заглавию, Фауст вместе с Мефистофелем возвращался в Москву в революционную или послереволюционную эпоху.

В сохранившемся фрагменте о Фесе чувствуется пародийный отзвук данного В.И. Лениным определения Льва Толстого (1828-1910) как первого мужика в русской, да и в мировой литературе ("до этого графа подлинного мужика в литературе не было... Кого в Европе можно поставить рядом с ним... Некого"). Отсюда, может быть, и картавость булгаковского героя, сближающая его с вождем большевиков.

Эта пародия накладывается на другую. Эпизод встречи Феси с Толстым как бы зеркально воспроизводит ситуацию фельетона Александра Валентиновича Амфитеатрова (1862-1938) "И моя встреча с Л. Н. Толстым" (1909). Амфитеатровский герой, титулярный советник Воспаряев, принимает встреченного им в поезде бородатого русского мужика за графа Толстого. Булгаковский Феся, наоборот, принимает Толстого за мужика, в полном соответствии с ленинским пассажем. У Амфитеатрова герой ссылается на портреты писателя, обильно публиковавшиеся в газетах в 1908 г. в связи с его 80-летним юбилеем: "Но... он! он! несомненно! Портреты-то его мне, как всякому порядочному интеллигенту, слава богу, достаточно известны!", и эти портреты вводят его в заблуждение.

Феся же, только увидев портрет, убеждается в своей ошибке и косвенно подтверждает свое первоначальное мнение о том, что народ - зверь, сформировавшееся после знакомства с пушкинской "Историей Пугачева" (1834). В первой редакции "Мастера и Маргариты" проблема взаимоотношений интеллигенции с народом и большевиками должна была решаться в образе Феси. В позднейших редакциях из-за очевидной нецензурности тема эта в образе М. отошла в подтекст, а на первый план вышли взаимоотношения творца с миром литературы, за которым советская власть угадывается, но не называется прямо как виновница злоключений М.

Феся, который, судя по сохранившимся отрывкам, непосредственно соприкасался с нечистой силой и, по всей вероятности, участвовал в шабаше или черной мессе, по ходу действия должен был встретить Воланда, который возвращал ему молодость, как Мефистофель Фаусту. В окончательном тексте романа М. из ученого-историка превращается в писателя (возможно, тут Булгаков вспомнил собственную работу над "Курсом истории СССР" ради получения 100-тысячной премии - именно такую сумму выигрывает М. в лотерею). Вероятно, и в ранней редакции Фесе суждено было помолодеть и стать литератором. Ведь и Фауст Миндлина, отказавшись от попыток познать мир с помощью науки, собирался исследовать человеческую природу как поэт (недаром его так называет Мефистофель).

Прототип Мастера - сам Иммануил Кант!
У Мастера была пудреная коса. А вы не знали?
Отличительная черта философа - не помнит имени своей жены
Читайте далее>>>

« Назад

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Мастер, часть 5 ~

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10

М. у Булгакова - философ и потому наделен сходством с упоминаемым в романе И. Кантом. Ему присущи некоторые черты биографии основоположника немецкой классической философии. Вот как, например, характеризовал Канта в посвященной ему статье Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона религиозный философ Владимир Сергеевич Соловьев (1853-1900): "Личность и жизнь Канта представляют совершенно цельный образ, характеризуемый неизменным преобладанием рассудка над аффектами и нравственного долга над страстями и низшими интересами. Поняв свое научно-философское призвание как высшую обязанность, Кант безусловно подчинил ей все остальное... Весьма склонный к сердечному общению. Кант находил, что семейная жизнь мешает умственному труду - и остался навсегда одиноким. При особой страсти к географии и путешествиям, он не выезжал из Кенигсберга, чтобы не прерывать исполнения своих обязанностей. По природе болезненный, он силою воли и правильным образом жизни достиг того, что дожил до глубокой старости, ни разу не быв болен. Потребностям сердца Кант давал необходимое удовлетворение в дружбе с людьми, которые не мешали, а поддерживали его в умственной работе. Главным другом его был купец Грин, который с большими практическими способностями соединял такое умственное развитие, что вся "Критика чистого разума" прошла через его предварительное одобрение. Дружбою оправдывалась и единственная плотская слабость, которую позволял себе Кант: он любил удовольствия стола, в небольшом обществе друзей".

Точно так же и М. равнодушен к радостям семейной жизни. Он не помнит имени своей жены, не стремится иметь детей, а когда состоял в браке и работал историком в музее, то, по собственному признанию, жил "одиноко, не имея родных и почти не имея знакомых в Москве" (в последних словах - скрытый намек на то, что М. родился не в Москве, как и сам Булгаков, уроженец Киева).

Любовь М. к Маргарите - во многом неземная, вечная любовь, о которой говорил тот же Владимир Соловьев. Она никак не направлена на создание семьи. М. осознал свое писательское призвание, как Кант - философское и научное, бросил службу и в арбатском подвале засел за роман о Понтии Пилате. У М., подобно немецкому философу, оказался только один главный и единственный друг, не считая возлюбленной, - журналист Алоизий Могарыч, покоривший М. необыкновенным сочетанием страстной любви к литературе и выдающихся практических способностей. Через Алоизия Могарыча М. и пропускает свой роман, как Кант через купца Грина - "Критику чистого разума". Только результат был прямо противоположен. Грин своими замечаниями действительно помогал другу улучшить текст, а Алоизий Могарыч точно определил, какие места романа М. совершенно неприемлемы для советской цензуры и критики, а в довершении донес на автора, чтобы завладеть его квартирой в арбатском переулке.

Судьба М. - это как бы "негативный" вариант судьбы Канта, и не только в том, что лучший друг оказался предателем. В отличие от немецкого философа, автор романа о Понтии Пилате не в силах самостоятельно победить свой душевный недуг, как Кант поборол в свое время недуг физический. Душевные страдания сломили М., и свое произведение, в отличие от автора трех великих "Критик", напечатанным он так и не увидел. Вновь обрести роман и соединиться со своей романтической возлюбленной М. может только в предоставленном Воландом последнем приюте. В варианте текста 1936 г. М. здесь был еще более явно наделен чертами Канта. Сатана так рисовал ему уготованную награду: "Ты будешь жить в саду, и всякое утро, выходя на террасу, будешь видеть, как гуще дикий виноград оплетает твой дом, как цепляясь, ползет по стене. Красные вишни будут усыпать вишни в саду... Свечи будут гореть, услышишь квартеты, яблоками будут пахнуть комнаты дома. В пудреной косе, в старинном привычном кафтане, стуча тростью, будешь ходить, гулять и мыслить".

Тут бросается в глаза очевидное сходство с хрестоматийным портретом автора "Критики чистого разума", данном известным немецким поэтом и публицистом Генрихом Гейне (1797-1856) в его книге "К истории религии и философии в Германии" (1834): "Вставание, утренний кофе, писание, чтение лекций, обед, гуляние - все совершалось в определенный час, и соседи знали совершенно точно, что на часах - половина четвертого, когда Иммануил Кант в своем сером сюртуке, с камышовой тросточкой в руке выходил из дома и направлялся к маленькой аллее, которая в память о нем до сих пор называется Аллеей философии. Восемь раз он проходил ее ежедневно взад и вперед во всякое время года, и, когда было пасмурно или серые тучи предвещали дождь, появлялся его слуга, старый Лампе, с тревожной заботливостью следуя за ним, с длинным зонтиком под мышкой, как символ провидения. Какой странный контраст между внешней жизнью этого человека и его разрушительной, миры сокрушающей мыслью".

В окончательном тексте "Мастера и Маргариты" сходство М. с Кантом осталось, но сделалось менее заметным. Здесь Воланд обращался к герою так: "...О, трижды романтический мастер, неужто вы не хотите днем гулять со своей подругой под вишнями, которые начинают зацветать, а вечером слушать музыку Шуберта? Неужели ж вам не будет приятно писать при свечах гусиным пером?.. Там ждет уже вас дом и старый слуга, свечи уже горят, а скоро они потухнут, потому что вы немедленно встретите рассвет".

В последнем полете М. принимает облик философа XVIII в.: "Волосы его белели теперь при луне и сзади собрались в косу, и она летела по ветру. Когда ветер отдувал плащ от ног мастера, Маргарита видела на ботфортах его то потухающие, то загорающиеся звездочки шпор. Подобно юноше-демону, мастер летел, не сводя глаз с луны, но улыбался ей, как будто знакомой хорошо и любимой, и что-то, по приобретенной в комнате №118-й привычке, сам себе бормотал".

Прелести последнего приюта
Покой - высшая человеческая ценность
Рай Сатаны
Не всё ли равно - живой ли, мёртвый?
Читайте далее>>>

« Назад

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Мастер, часть 6 ~

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10

В "Мастере и Маргарите", как и в книге Гейне, сомнению подвергается лишь религиозная, а не этическая сторона кантовской философии (см.: Христианство). Как и в жизни Канта, контраст присутствует в награде, дарованной М.: внешний покой последнего приюта и напряженная работа творческой мысли, создание новых произведений, полная творческая свобода при невозможности донести плоды своего труда до читателей.

В разговоре с Воландом Левий Матвей насчет М. печально заключает: "Он не заслужил света, он заслужил покой". Для сатаны, утверждающего, что "наслаждаться голым светом" может только глупец, вроде его собеседника, награда, дарованная М. безусловно выше традиционного света, данного Фаусту Гёте. В чем Воланд и убеждает М., когда тот, завершив свой роман, отпустил Понтия Пилата навстречу Га-Ноцри: "Мне туда, за ним? - спросил беспокойно мастер, тронув поводья. - Нет, - ответил Воланд, - зачем же гнаться по следам того, что уже окончено?"

М. не может возвратиться и в покинутую им Москву: "Тоже нет, - ответил Воланд и голос его сгустился и потек над скалами, - романтический мастер! Тот, кого так жаждет видеть выдуманный вами герой, которого вы сами только что отпустили, прочел ваш роман. - Тут Воланд повернулся к Маргарите: - Маргарита Николаевна! Нельзя не поверить в то, что вы старались выдумать для мастера наилучшее будущее, но, право, то, что я предлагаю вам, и то, о чем просил Иешуа за вас же, за вас - еще лучше". Дьявол описывает прелести последнего приюта, где М. сможет созидать нового гомункула и "писать при свечах гусиным пером". Маргарита завершает мысль Воланда: " - Слушай беззвучие, - говорила Маргарита мастеру, и песок шуршал под ее босыми ногами, - слушай и наслаждайся тем, чего тебе не давали в жизни, - тишиной. Смотри, вон впереди твой вечный дом, который тебе дали в награду. Я уже вижу венецианское окно и вьющийся виноград, он подымается к самой крыше. Вот твой дом, вот твой вечный дом. Я знаю, что вечером к тебе придут те, кого ты любишь, кем ты интересуешься и кто тебя не встревожит. Они будут тебе играть, они будут петь тебе, ты увидишь, какой свет в комнате, когда горят свечи. Ты будешь засыпать, надевши свой засаленный и вечный колпак, ты будешь засыпать с улыбкой на губах. Сон укрепит тебя, ты станешь рассуждать мудро. А прогнать меня ты уже не сумеешь. Беречь твой сон буду я".

Те, кого любит М. - это придуманные им герои. Он получает возможность творить вечно, он освобождается от Понтия Пилата и от памяти о пережитых страданиях, перейдя ручей, символизирующий реку забвения Лету: "Память Мастера, беспокойная, исколотая память стала потухать. Кто-то отпускал на свободу мастера, как сам он только что отпустил им созданного героя".

Здесь Булгаков следует мировой традиции, рассматривающей покой как одну из высших человеческих ценностей. Можно вспомнить, например, роман Г. Сенкевича "Огнем и мечом" (1882), где Адам Кисель, воевода брацлавский, горестно восклицает: "...Пусть бог судит нас за наши деяния, и да пошлет он хотя б после смерти покой тем, кто при жизни страдал сверх меры". Таким же покоем награжден М.: "...Кто много страдал перед смертью... без сожаления покидает туманы земли, ее болота и реки, он отдается с легким сердцем в руки смерти, зная, что только она одна успокоит его".

Пушкинское стихотворение "Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит..." (1834), подсказавшее Булгакову название 30-й главы "Мастера и Маргариты" - "Пора! Пора!", содержит формулу: "на свете счастья нет, а есть покой и воля", применимую к награде, которую получил М. Он, подобно автору стихотворения, мог бы сказать о себе:
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

Такая обитель - последний приют булгаковского героя. Показательно, что именно в 30-й главе Маргарита окончательно решает вверить свою судьбу и судьбу М. черту: "Черт знает, что такое, и черт, поверь мне, все устроит!.. Как я счастлива, как я счастлива, как я счастлива, что вступила с ним в сделку!" Это троекратно повторенная фраза звучит как заклинание. После нее является подручный Воланда Азазелло и с помощью яда обеспечивает М. и Маргарите посмертный покой. Во второй редакции романа в 1934 г. двойственность положения М. во время последнего полета особо подчеркивалась - "поэт" (так именовался тогда будущий М.) одновременно и мертвый и живой: "Над неизвестными равнинами скакали наши всадники. Луны не было, и неуклонно светало. Воланд летел стремя к стремени рядом с поэтом.
- Но скажите мне, - спрашивал поэт, - кто же я? Я вас узнал, но, ведь, несовместимо, чтобы я, живой из плоти человек, удалился вместе с вами за грани того, что носит название реального мира?
- О, гость дорогой! - своим глубоким голосом ответил спутник с вороном на плече (словами арии Кончака из оперы А. П. Бородина (1833-1887) "Князь Игорь" (1890), - о, как приучили вас считаться со словами! Не все ли равно - живой ли, мертвый ли (тут чувствуется интонация булгаковской дневниковой записи в ночь с 20 на 21 декабря 1924 г. по поводу полемики вокруг книги Л. Д. Троцкого "Уроки Октября": "... публика, конечно, ни уха ни рыла не понимает в этой книге и ей глубоко все равно - Зиновьев ли, Троцкий ли, Иванов ли, Рабинович")!
- Нет, все же я не понимаю, - говорил поэт, потом вздрогнул, выпустил гриву лошади, провел по телу руками, расхохотался.
- О, я глупец! - воскликнул он, - я понимаю! Я выпил яд и перешел в иной мир! - Он обернулся и крикнул Азазелло:
- Ты отравил меня!
Азазелло усмехнулся ему с коня.
- Понимаю: я мертв, как мертва и Маргарита, - заговорил поэт возбужденно. - Но скажите мне...
- Мессир... - подсказал кто-то.
- Да, что будет со мною, мессир?
- Я получил распоряжение относительно вас. Преблагоприятное. Вообще могу вас поздравить - вы имели успех. Так вот, мне было велено...
- Разве вам можно велеть?
- О, да. Велено унести вас..."

В окончательном тексте инобытие М. после отравления приобретает более ярко выраженный литературный характер: он уподобляется автору-персонажу собственного романа, подобно тому, как в персонажей его произведения превращаются виденные М. и Маргаритой во время последнего полета Иешуа Га-Ноцри и Понтий Пилат.

Поэты умирают от недостатка воздуха
Покой - высшая человеческая ценность
Христа тоже не оставляли в покое
Мастер в ссылке
"Россия - пустыня без покоя и тюрьма без отдыха"
Читайте далее>>>

« Назад
Наверх »

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Мастер, часть 7 ~

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10

Булгаков учитывал и истолкование пушкинского "покоя и воли" Александром Блоком (1880-1921) в статье "О назначении поэта" (1921): "Они необходимы поэту для освобождения гармонии. Но покой и волю тоже отнимают. Не внешний покой, а творческий. Не ребяческую волю, не свободу либеральничать, а творческую волю, тайную свободу. И поэт умирает, потому, что дышать ему уже нечем; жизнь потеряла смысл". Автор статьи атмосферу, создавшуюся вокруг Пушкина, проецировал на свое собственное положение в послереволюционной России, как бы предчувствуя скорую смерть через полгода от "недостатка воздуха" - отсутствия творческой свободы. В том же положении находился Булгаков, равно как и созданный его фантазией М. "Творческий покой" Блока булгаковский герой может обрести только в последнем приюте на границе света и тьмы, земного и внеземного бытия.

Для разрешения вопроса, почему М. в романе награжден не светом, а покоем, можно обратиться и к книге английского историка и богослова епископа Ф. В. Фаррара "Жизнь Иисуса Христа"(1873), выписки из которой сохранились в булгаковском архиве (см.: Христианство). Епископ Фаррар характеризует Христа как мессию и носителя света и как Того, кто постоянно ищет уединения и покоя:

"Молва об этом чудесном событии (исцелении бесноватого и тещи Симона) разнеслось по всей Галилее и Перес, и даже до отдаленных пределов Сирии (Матф., IV, 24), и можно представить себе, как сильно утомленный Спаситель нуждался после этого в продолжительном покое. Но лучшим и самым приятным для него отдыхом было уединение и безмолвие, где Он, не тревожимый никем, мог быть наедине со своим Отцом небесным. Равнина Геннисаретская была еще окутана глубокой тьмой, наступающей перед рассветом, когда, незамеченный никем, Иисус встал и удалился в одно пустынное место, и там подкрепил свой дух тихой молитвой. Хотя дело, для которого Он был послан, часто обязывало Его проводить время среди теснящейся и возбужденной толпы, Он однако же не любил народного шума и избегал даже почестей и выражений признательности от тех, которые чувствовали в Его присутствии как бы обновление всего своего существа. Но ему не давали, даже на короткое время, оставаться в покое и в уединении. Народ неотступно следовал за Ним; Симон со своими друзьями почти гонялись за ним с неутомимой жаждой видеть и слышать. Они даже хотели почти силой удержать его у себя. Но он спокойно отклонил их настойчивость".

Тут же историк добавляет, что Христос исцелял "безбоязненно и спокойно, но не свободно от скорби и страдания". М., познав страдания, тоже ищет покоя и уединения и ради них готов даже придти в дом скорби. Он сторонится толпы и боится людского крика. Подобно тому, как Христос, по Фаррару, в уединении и безмолвии остается наедине с Отцом небесным, М. остается наедине с замыслом романа о Понтий Пилате.

М. в романе оказывается в ссылке, когда во сне предстает перед возлюбленной: "Приснилась неизвестная Маргарите местность - безнадежная, унылая, под пасмурным небом ранней весны. Приснилось это клочковатое бегущее серенькое небо, а под ним беззвучная стая грачей. Какой-то корявый мостик. Под ним мутная весенняя речонка, безрадостные, нищие полуголые деревья, одинокая осина, а далее - меж деревьев, за каким-то огородом, - бревенчатое зданьице, не то оно - отдельная кухня, не то баня, не то черт его знает что. Неживое все кругом какое-то и до того унылое, что так и тянет повеситься на этой осине у мостика. Ни дуновения ветерка, ни шевеления облака и ни живой души. Вот адское место для живого человека!

И вот, вообразите, распахивается дверь этого бревенчатого здания, и появляется он. Довольно далеко, но он отчетливо виден. Оборван он, не разберешь, во что он одет. Волосы всклокочены, небрит. Глаза больные, встревоженные. Манит ее рукой, зовет. Захлебываясь в неживом воздухе, Маргарита по кочкам побежала к нему и в это время проснулась".

Мотив "неживого воздуха" заставляет вспомнить мысль Блока о нехватке воздуха для поэта. Слова же об адском месте для живого человека явно восходят к завершающим фразам книги маркиза Астольфа де Кюстина (1790-1854) "Россия в 1839г." (1843): "Нужно жить в этой пустыне без покоя, в этой тюрьме без отдыха, которая именуется Россией, чтобы почувствовать всю свободу, предоставленную народам в других странах Европы, какой бы ни был принятый там образ правления... Всегда полезно знать, что существует на свете государство, в котором немыслимо счастье, ибо по самой своей природе человек не может быть счастлив без свободы".

Прототип подлеца Алоизия Могарыча
Портретист Михаила Булгакова
Ссыльный Мастер и его друзья
Высшая награда недоступна даже гениям
Читайте продолжение>>>

« Назад

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Мастер, часть 8 ~

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10

Но Булгаков здесь отразил и подлинные обстоятельства судьбы своих знакомых, людей творческих, имевших отношение к театральному миру. Местность, в которой Маргарита видит М., явно северная. А в числе прототипов М. был хорошо известный Булгакову Сергей Сергеевич Топленинов, один из лучших театральных художников Москвы, в середине 30-х годов сосланный на полтора года в г. Вельск Архангельской области. Подвальчик М. списан главным образом с особняка братьев Топлениновых (Мансуровский пер., 9). Там же жил драматург Сергей Александрович Ермолинский (1900-1984), послуживший прототипом Алоизия Могарыча. С. С. Топленинов обитал в нижнем, полуподвальном этаже, и в 1929-1930 гг. в трудный период своей жизни к нему нередко заходил Булгаков, порой оставаясь ночевать, позировал для портретов (в архиве художника сохранились два из них). По воспоминаниям вдовы старшего брата, актера Владимира Сергеевича Топленинова, Евгении Владимировны Власовой, Булгаков, когда гостил у Топлениновых, часто писал роман при свете свечей и под треск дров в печи, как это делает и М. в своем подвальчике. Также и ближайший булгаковский друг философ и литературовед П. С. Попов, живший неподалеку от Арбата в Плотниковском переулке (10, кв. 35), был на некоторое время выслан из Москвы, а его полуподвальная квартира нашла отражение в подвальчике М.

Во второй редакции романа в 1934 г. в сцене последнего полета Коровьев-Фагот предлагал М. нырнуть в кафе "освежиться, так сказать, после рязанских страданий", после чего "тоска вдруг сжала сердце поэта". Здесь - намек на еще одного ссыльного, чья биография неожиданным образом пересеклась с булгаковской. В архиве Булгакова сохранились два письма от артиста Николая Васильевича Безекирского, сосланного в Рязань. В письме от 19 апреля 1929 р. Безекирский, знавший Булгакова по работе в Лито (литературном отделе) Главполитпросвета в конце 1921 г., так излагал свою печальную историю: "...Вы некоторое время сами были в скверном материальном положении, а, следовательно, скорее поймете мое теперешнее ужасное положение: я административно выслан на 3 года минус 6 губерний. Причина для меня до сих пор довольно туманная - следователь ГПУ обвинял меня в контрреволюционном разговоре в одном доме, где я часто бывал, ну и в результате я в Рязани, лишился службы в Москве, не член уже стал союза, и здесь я не могу нигде найти работы и я сейчас в таком положении, что хоть где-нибудь зацепись за крюк!"

Автор "Мастера и Маргариты" своего М. поместил в психиатрическую лечебницу, но в подтекст ввел и мотив ссылки, более отчетливо присутствовавший в промежуточной редакции.

Несмотря на всю ценность дарованного М. творческого покоя для самого Булгакова, определенная неполнота награды в романе присутствует. Прямее об этом говорилось в ранних редакциях. В частности, в наброске 1933 г. Воланд сообщал М.: " - Ты не поднимешься до высот. Не будешь слушать мессы. Но будешь слушать романтические..." А в варианте 1936 г. слова дьявола звучали следующим образом: "Ты награжден. Благодари бродившего по песку Иешуа, которого ты сочинил, но о нем более никогда не вспоминай. Тебя заметили, и ты получишь то, что заслужил. Ты будешь жить в саду, и всякое утро, выходя на террасу, будешь видеть, как гуще дикий виноград оплетает твой дом... Исчезнет из памяти дом на Садовой, страшный Босой, но исчезнет мысль о Ганоцри и о прощенном игемоне. Это дело не твоего ума. Кончились мучения. Ты никогда не поднимешься выше, Иешуа не увидишь, ты не покинешь свой приют".

Тут писатель следует идее русского религиозного философа Л. Шестова. В его работе "Potestas Clavium" ("Власть ключей") (1923) утверждалось, что "отдельная человеческая душа... рвется на простор, прочь от домашних пенатов, изготовленных искусными руками знаменитых философов... Она не умеет дать себе отчета в том, что разум, превративший свой бедный опыт в учение о жизни, обманул ее. Ей вдруг дары разума - покой, тишина, приятства - становятся противны. Она хочет того, что разуму и не снилось. По общему, выработанному для всех шаблону, она уже жить не может. Всякое знание ее тяготит, - именно потому, что оно есть знание, т. е. обобщенная скудость". Шестов подчеркивал различие между высшим, сверхъестественным светом Божественного Откровения или Судьбы, доступного немногим, и низшим, естественным светом разума, выше которого не поднимаются те, которые стремятся лишь рациональными способами познать действительность.

М., автор гениального романа, посредством писательской интуиции, но исторически точно, т. е. рационально, воссоздал историю Понтия Пилата и Иешуа Га-Ноцри. Он сломлен неблагоприятными жизненными обстоятельствами и жаждет только "даров разума" - тишины и покоя. Высший свет судьбы остается для М. недоступен. Во сне М. и Маргарита являются Ивану Бездомному в лучах низшего, естественного света - света луны, тогда как прощенному Понтию Пилату дана возможность по лунной дороге подняться к Иешуа Га-Ноцри, носителю высшего света, и завершить давнюю беседу. М. жаждет покоя, а Понтий Пилат мечтает покаянием снять груз преступления с души, и для него вопрос судьбы выходит на первый план. М. же судьба его бессмертного романа становится безразлична. Возлюбленный Маргариты признается Воланду: "Он мне ненавистен, этот роман".

Почему "рукописи не горят!"
Сходство творческих ощущений Булгакова и Гумилёва
Покой Иуде и Иосифу Каифе только снится
Мистицизм Петра Флоренского и Феси
Читайте далее>>>

« Назад Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Мастер, часть 9 ~

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10

Сожжение М. рукописи о Иешуа и Пилате и ее чудесное возрождение из пепла Воландом, сопровождаемое популярным афоризмом: "Рукописи не горят!", может быть понято в свете книги М. И. Щелкунова "Искусство книгопечатания в его историческом развитии" (1923), выписки из которой сохранились в булгаковском архиве. Там отмечалось, что "если душа книги - ее содержание, то тело книги - бумага, на которой она напечатана". Сожжение романа М., как и отказ автора от борьбы, не в силах уничтожить "бессмертную душу" произведения - высокую историю Иешуа и Пилата.

Лирический монолог рассказчика "Мастера и Маргариты": ("Боги, боги мои! Как грустна вечерняя земля! Как таинственны туманы над болотами. Кто блуждал в этих туманах, кто много страдал перед смертью, кто летел над этой землей, неся на себе непосильный груз, тот это знает. Это знает уставший", и т. д.), проецируемый на судьбу М., восходит не только к цитированному выше монологу Адама Киселя из романа г. Сенкевича "Огнем и мечом", но и к другим источникам. Может даже показаться, что здесь нашли место переживания самого писателя во время последней болезни, однако, по воспоминаниям Е. С. Булгаковой, в своей основе этот монолог был написан задолго до смертельного недуга. Зато явные переклички имеются со стихотворением Николая Гумилева (1886-1921) "Творчество" (1918):

Моим рожденные словом,
Гиганты пили вино
Всю ночь, и было багровым,
И было страшным оно.
О, если б кровь мою пили,
Я меньше бы изнемог,
И пальцы зари бродили
По мне, когда я прилег.
Проснулся, когда был вечер.
Вставал туман от болот,
Тревожный и теплый ветер
Дышал из южных ворот.
И стало мне вдруг так больно,
Так жалко стало дня,
Своею дорогой вольной
Прошедшего без меня...
Умчаться б вдогонку свету!
Но я не в силах порвать
Мою зловещую эту
Ночных видений тетрадь.

Совпадают не только ощущение полета и связанный с ним образ таинственных туманов, встающих от болот, не только грустный вечерний пейзаж, но и то, что М., с которым в лирическом монологе как бы сливается автор-рассказчик "Мастера и Маргариты", не может уйти в свет, так как не в состоянии отрешиться от творчества. Потому и материализуется вновь дословно сохранившийся в его голове роман о Понтии Пилате - "ночных видений тетрадь". Лишь после завершения романа М. прощением Пилата в сцене последнего полета эта история уходит из памяти героя, освобождая ее для воплощения новых замыслов. Сходство творческих ощущений Гумилева и Булгакова здесь несомненно.

Покой М. противопоставлен покою Иуды из Кириафа и Иосифа Каифы, купленным ценою жизни и страданий других людей. Можно указать на безусловно известное Булгакову письмо Н. В. Гоголя своей матери М. И. Гоголь-Яновской (урожденной Косяровской) (1791-1868) от 8 июня 1833 г: "Зачем нам деньги, когда они ценою вашего спокойствия? На эти деньги... мне все кажется, что мы будем в глядеть такими глазами, как Иуда на сребреники: за них проданы ваша тишина и, может быть, часть самой жизни, потому что заботы коротают век".

Не исключено, что одним из прототипов предшественника М. в ранней редакции - ученого Феси, послужил религиозный философ и богослов, а также видный ученый - математик и физик, православный священник П. А. Флоренский, с творчеством которого автор "Мастера и Маргариты" был хорошо знаком. Феся, обладая обширной эрудицией во многих областях знания, особенно интересуется искусством, историей, философией и литературой эпохи Возрождения. Увлеченный мистикой, он оказывается участником шабаша. Феся - автор таких работ как "Категории причинности и каузальная связь", "История как агрегат биографии", "Ронсар и плеяда", исследований и диссертации по искусству и эстетическому сознанию итальянского Возрождения. После революции в Хумате (художественных мастерских) он читает курс "Гуманистический критицизм как таковой", в кавдивизии - "Крестьянские войны в период Реформации", в Академии изящных искусств ведет курс "Секуляризация этики как науки", а еще в одном месте делает доклад "Респленцитность формы и пропорциональность частей".

Флоренский, как и булгаковский герой, обладал обширными знаниями по философии, истории литературы и искусства. Он был автором магистерской диссертации "О духовной Истине" (1912), превращенной позднее в знаменитую книгу "Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодиции" (1914), сыгравшую большую роль в обращении части интеллигенции к религии накануне революции. После октября 1917г. Флоренский преподавал сразу во многих учреждениях. В Московской Духовной Академии он читал курс истории философии, во Вхутемасе - лекции по теории перспективы, был редактором технической и математической энциклопедий. Флоренский являлся решительным противником философии и эстетики Возрождения, однако, по общему мнению, черты магизма, мистики и натурализма парадоксальным образом сближали его взгляды с этой эпохой. Возможно, Булгаков специально наделил Фесю качествами, прямо противоположными тем, что у прототипа: подчеркнутой светской ориентацией исследований (каузальность, в отличие от автора "Столпа", он понимает как простую причинность, не связывая ее с промыслом Божьим) и глубоким интересом к собственно итальянскому Возрождению и сходным с ним явлениям в культуре других стран, вроде поэзии Пьера де Ронсара(1524-1585), главы "Плеяды" - французской поэтической школы.

Мистицизм сближает Фесю с Флоренским, только у первого он связан с западноевропейской демонологической традицией, а у второго - с православной. Флоренский был арестован впервые в мае 1928 г. в рамках кампании ОГПУ по борьбе с религиозными деятелями и представителями русской аристократии, скопившимися после революции в Сергиевом Посаде. В связи с этим в газетах появились заголовки, вроде следующих: "Троице-Сергиева Лавра - убежище бывших князей, фабрикантов и жандармов!" или "Шаховские, Олсуфьевы, Трубецкие и др. ведут религиозную пропаганду!" Фесю же в газетной статье обвинили в том, что до революции он издевался над мужиками в своем подмосковном имении, а теперь свил гнездо в Хумате. Вторично Флоренский был арестован в феврале 1933 г. и более домой не вернулся. Любопытно, что эпизод с арестом М. впервые появился во второй редакции романа осенью 1933 г. - зимой 1934 г.

Люди, не думайте! И вы будете счастливы!
Мастер несправедливо обойден Фаустом
Награду вручает...Дьявол!
Гений Мастера и поныне живёт в Вечном Доме
Читайте завершение>>>

« Назад
Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Мастер, часть 10 ~

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10

Последний приют М. среди множества литературных ассоциаций, напоминает и цветущий остров из романа Чарльза Мэтьюрина (1782-1824) "Мельмот-скиталец" (1820), где возлюбленная Мельмота красавица Иммали просит его остаться навсегда, чтобы не возвращаться "в этот мир зла и горя. Здесь цветы всегда будут цвести, а солнце светить так же ярко, как в тот день, когда я в первый раз тебя увидела. Зачем же тебе возвращаться в мир, где людям приходится думать и где они несчастны?"

Упоминание М. в беседе с Иваном Бездомным "этого проклятого вкладного листа в газету", где был напечатан фрагмент романа о Понтии Пилате, вызвавший шквал критики, - намек на публикацию 1 октября 1932 г. отрывка из пьесы "Бег" в ленинградской "Красной газете". Именно кампания, развернутая против "Бега" в 1928-1929 гг. привела в конечном счете к снятию с репертуара всех пьес драматурга.

Финал судьбы М. полемичен по отношению к судьбе Фауста в поэме Гёте, где Ангелы уносят в свет бессмертную сущность главного героя:

Спасен высокий дух от зла
Произволеньем божьим:
Чья жизнь в стремлениях прошла,
Того спасти мы можем.
А за кого любви самой
Ходатайство не стынет,
Тот будет ангелов семьей
Радушно в небе принят.

У Булгакова же М. уготован только Лимб, пространство между Адом и Раем, где обитают души младенцев, умерших без крещения, и невольные грешники. В поэме Ангелы с Фаустом Лимб минуют, устремляясь к райским высотам, где парят души невинных христианских блаженных младенцев:

Вон над вершиною
Этой скалистой
Нечто невинное.
След чей-то чистый.
Мгла тонкостенная,
И в промежутке -
Души блаженные,
Дети, малютки.
Чуждые бремени
Горестей лишних,
Дышат вне времени
Славою в вышних.
Ощупью шарящей
Дух для начала
Пустим в товарищи
К братии малой.

М., в отличие от Фауста, в последний скалистый приют несут не Ангелы, а Воланд со своей свитой. У Гёте любовь меняет природу сатаны и заставляет его не препятствовать добру:

Наша сторона отбила душу у нечистой силы,
В бегство обратив лукавых
И цветами закидав их.
Вместо адских мук, с печалью
Боль любви они познали.
Перед ней сдалась природа
Сатаны, их коновода.
Он не снес ее укола.
Милосердье побороло.

В "Мастере и Маргарите" потусторонние силы в лице Воланда не только не препятствуют добру, но прямо исполняют просьбу Иешуа Га-Ноцри наградить М. покоем.

Последний приют М. напоминает следующие слова Екклесиаста: "В тот день, когда задрожат стерегущие дом и согнутся мужи силы; и перестанут молоть мелющие, потому что их немного осталось; и помрачатся смотрящие в окно; и запираться будут двери на улицу; когда замолкнет звук жернова, и будет вставать человек по крику петуха и замолкнут дщери пения; и высоты будут им страшны и на дороге ужасы; и зацветет миндаль, и отяжелеет кузнечик, и рассыплется каперс, ибо отходит человек в вечный дом свой, и готовы окружить его по улице плакальщицы; - доколе не порвалась серебряная цепочка, и не разорвалась золотая повязка, и не разбился кувшин у источника, и не обрушилось колесо над колодцем. И возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратился к Богу, который дал его" (Еккл., 12, 3-7).

В финале булгаковского романа, когда "ни скал, ни площадки, ни лунной дороги, ни Ершалаима не стало вокруг", М. и Маргарита "увидели обещанный рассвет. Он начинался тут же, непосредственно после полуночной луны". Главные герои "в блеске первых утренних лучей" миновали ручей и двинулись по песчаной дороге. Маргарита при этом говорит М.: "Смотри, вон впереди твой вечный дом, который тебе дали в награду. Я уже вижу венецианское окно и вьющийся виноград, он подымается к самой крыше. Вот твой дом, вот твой вечный дом. Я знаю, что вечером к тебе придут те, кого ты любишь, кем ты интересуешься и кто тебя не встревожит. Они будут тебе играть, они будут петь тебе, ты увидишь, какой свет в комнате, когда горят свечи". Вечный дом - это место пребывания души М., его бессмертного гения.

История М., как и история гетевского Фауста, среди прочего, воплощает в себе ритуалы Масонства.

« Назад Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Масонство ~

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7

Масонство - (другое название: франкмасонство, от фр. franc mason, "вольный каменщик") - духовно-инициатическое движение, возникшее в начале XVIII в. (по другим данным в XVII в.) в Великобритании и распространившееся оттуда по всему миру, включая и Россию. М. нашло отражение в романе Булгакова "Мастер и Маргарита".

Название "масонство" ("франкмасонство") дано в память о строителях Соломонова храма в Ветхом завете. М. наследовало традиции средневековых цеховых объединений (в том числе каменщиков-строителей) и духовно-рыцарских и церковных орденов. Первичные организации М. - ложи, объединяющиеся по странам и группам стран, так называемым провинциям.

В узком смысле масонами называют собственно франкмасонов, в широком смысле под М. понимают не только франкмасонство, но и близко стоящие к нему по обрядности и религиозно-этическим воззрениям ритуальные братства розенкрейцеров, иллюминатов, мартинистов, членов Герметического ордена Золотой Зари (где сильно теософское влияние) и др.

Согласно масонской легенде, царь Соломон, завладев троном Давида, занялся строительством храма и царского дворца. Для этого он заключил союз с царем древнего Тира Хирамом, правившим по соседству с Израилем. Хирам предоставил Соломону целую армию каменщиков и плотников, которых возглавлял главный мастер строителей храмов, посвященных богу Дионису, Хирам Абифф - самый ловкий и искусный из когда-либо существовавших в мире строителей. Под его началом было 183 600 ремесленников, надсмотрщиков и подневольных работников.

Хирам Абифф знал тайны мастерства и секретные слова, которые помогали безошибочно оценить уровень работы любого строителя. Однажды три подмастерья захотели вынудить его сообщить им секреты Великого Мастера и подстерегли Абиффа в храме, где он молился у незавершенного алтаря, а когда Великий Мастер отказался назвать секретный пароль, то убили его циркулем, угольником и молотком (три этих предмета стали символами М.).

Целью М. провозглашается нравственное самосовершенствование и братская взаимопомощь между членами лож, достижение духовного братства всего человечества. По мнению масонов, тайны мира и Бога могут открыться лишь совершенному и посвященному человеку. В М. существует сложная иерархия степеней посвящения в тайны учения, высшая из которых - Великий Мастер (или Великий Магистр). Масоны сохраняют строгую секретность вокруг своих ритуалов и доктрины. Большинство масонских лож не принимает в свой состав женщин, а также представителей нехристианских конфессий, поэтому легенды о существовании иудейских масонских лож, так называемых "жидомасонов", лишены исторического основания.

Отец автора "Мастера и Маргариты" А. И. Булгаков, будучи приват-доцентом Киевской Духовной Академии по кафедре истории западных вероисповеданий, посвятил М. специальную статью "Современное франкмасонство. (Опыт характеристики)", опубликованную в № 12 "Трудов КДА" за 1903 г. Там он, опираясь на книгу немецкого исследователя И. Г. Финделя "История франкмасонства" (1874) отмечал: "Конечно, каждый франкмасон скажет: "Никто из нас не имеет в виду скрывать свою деятельность; никто из нас не станет и обольщать других касательно целей этой деятельности; и тем не менее мы остаемся при том мнении, что франкмасонство, несмотря на публикацию уставов его, несмотря на множество книг, написанных его друзьями, его сторонниками и его врагами, и до настоящего времени остается по существу неизвестною историческою величиною, определение которой может быть сделано только приблизительно. Зависит же это от того, что в нем так же, как и в ордене иезуитов, есть такая сторона, знание о которой доступно только самому ограниченному числу вполне посвященных членов", поскольку "в пределах франкмасонства есть два разряда приверженцев: 1) те, которые не знают последнего слова, ни по крайней мере последней цели союза (Ordens) и 2) настоящие франкмасоны, которые хорошо знают, что делают и что делают".

Отец писателя повторил и расхожее антисемитское утверждение, что "в настоящее время ряды франкмасонских лож наполняются евреями; понятное дело, что от таких лож нельзя ожидать ничего доброго для христианства". Автор "Современного франкмасонства" отнесся к М. достаточно враждебно, полагая масонов враждебными православной церкви. Он ставил вопрос: "как франкмасонство относится к церкви Христовой?" и утверждал, что "ответ на этот вопрос сами франкмасоны дают такой: "По принципу своему, не касаясь догматов, франкмасонский союз воздерживается от всякого участия в религиозных смутах, производимых различными партиями; он учит уважать и чтить всякую форму исповедания, но прежде всего заботится о том, чтобы члены его в жизни своей проявляли любовь и терпимость друг к другу. Масонство имеет дело *только с человеком*, стараясь сделать из своих членов хороших людей. Оно вместе с тем готовит из них хороших членов и для их религиозных обществ... Указываемая будто бы вражда франкмасонства к христианству есть вымысел, опирающийся на ложных слухах и есть следствие незнания истинного характера деятельности масонства. Но... не поощряет оно и *религиозного безразличия*... оно опирается на вечные основы всех верований, имеет в виду только нравственное достоинство своих последователей, предоставляя каждому полную свободу в его частных мнениях".

На основании этих слов можно было бы заключить, что франкмасонство из *чудея вообще*, буддиста, брамина, язычника, магометанина, латинянина, протестанта, или православного вообще готовит хорошего магометанина, хорошего иудея, *хорошего язычника, хорошего латинянина, хорошего протестанта, хорошего православного*. Но, конечно, такой вывод был бы нелепостью, потому что основание его заключает в себе ложь по существу; а что это так, это может быть видно хотя бы из того, что быть хорошим иудеем или магометанином значит быть хорошим врагом всякой иной веры; иначе люди должны лицемерить, скрывая свои воззрения; но поддерживать лицемерие в членах своего союза вряд ли может входить в планы истинного франкмасонства, направленного к воспитанию нравственных существ; лицемерие есть один из самых безнравственных пороков; в лучшем случае члены франкмасонского союза могут оставаться безразличными к вопросам веры, но безразличие к вере отцов своих осуждается всюду, да и из вышеприведенных слов... видно, что истинное франкмасонство *не поощряет религиозного безразличия*. Как же оно выпутывается из этого затруднительного положения? Оно, как видно, *стремится создать новую веру, утверждающуюся на вечных основах всех верований*, на том всеобщем начале, которое можно найти во всякой религии, т. е. на вере в Величайшее бытие, Личное Существо, Строителя вселенной".

Здесь А. И. Булгаков, вольно или невольно, преувеличивает степень религиозной индифферентности М. Масоны действительно не придавали значения межконфессиональным различиям в рамках христианства (почему, например, многие русские могли в XVIII и XIX вв. свободно вступать во французские и немецкие ложи, где основная масса членов были протестантами и католиками). Но в ложах М. никогда не было иноверцев - последователей нехристианских религий, которые сохранили бы приверженность буддизму, исламу или иудаизму и после вступления в ложу. Идеал М. основывается на заповедях, общих для всех христианских конфессий.

А. И. Булгаков в своей статье дал также сведения о степенях М. и о масонском обряде посвящения. М. представлялось ему неким гигантским кругом, заключающим в себе, по степени посвящения, несколько меньших кругов адептов: "Из этого союза, - говорят франкмасоны, - не исключается тот, *кто верует иначе*, а только тот, *кто хочет иного и живет иначе*. Таков и есть франкмасонский союз. Он есть самое широкое соединение в пределах человечества, самый крайний круг, заключающий в себе все меньшие круги и, кроме того, самая высшая форма союзной человеческой жизни, в том смысле, что кроме него не существует другого нравственно-религиозного соединения, имеющего в своей основе то, что есть общего у истинно добрых людей".

Чтобы точно знать, чего именно ожидать от М. православным и иным христианам, "самому нужно стоять в центре франкмасонства. А для этого необходимо достигнуть высших ступеней франкмасонства, к которому три низшие ступени (ученика, подмастерья и мастера) служат только преддверием; члены этих степеней знают только немногих председателей своих лож; они находятся под руководством членов высших разрядов: "Масонов Шотландского обряда", "Розенкрейцеров" (Rose-Croix) и "Невидимых" или "Задних лож" (Arriere Loges); чтобы достигнуть этого, нужно иметь 33-ю степень франкмасонства. Имеющие эту степень и стоят во главе франкмасонского союза".

А. И. Булгаков подробно описал обряд посвящения в степень мастера: "Посвящение "мастера" есть символическое воспроизведение событий, передаваемых в легенде о Хираме, строителе храма Соломонова. По идее посвящаемый в мастера должен занять в гробу место убитого лежащего в гробу мастера (Хирама), который не хотел сообщить подмастерьям священное слово мастера. Для этого подмастерье, ищущий степени мастера, после спроса и осмотра, и клятвы хранить молчание кладется с церемониями в гроб, в котором до того времени лежал его ближайший предшественник. Все собрание и место собрания имеет мрачный вид: все присутствующие одеты в черное платье с лазоревыми поясами, испещренными масонскими знаками солнца, луны, и семи звезд. Лежащий в гробу новичок подмастерье изображает скрытого в земле убитого Хирама, уносшего с собою в могилу священное слово мастера, с помощью которого он творил чудеса строительного искусства. Убитого ищут и, наконец, находят, стараются приподнять, но заявляют, что у него тело уже сошло с костей. Тогда его приподнимает первоприсутствующий мастер, троекратно целует и тихо говорит ему: "Macbena" (мастерское слово, символ смерти Хирама), и вслух восклицает: "Да будет хвала Великому Строителю Вселенной. Мастер найден!.." После этого все присутствующие садятся. А новый мастер произносит следующую клятву: "В присутствии Великого Строителя мира и пред достойнейшими мастерами, которые слушают меня, я клянусь и беру честное обязательство: действовать согласно идеалам масонства, которые были и будут мне внушены; любить научную истину, которая есть источник всякого блага, избегать лжи - источника всякого зла; искать всяких средств к образованию самого себя, к просвещению своего духа, к укреплению своего разума. Я обещаюсь любить своих братьев, и приходить на помощь в нужде детям вдовы даже с опасностью для своей жизни. Кроме того, я обещаюсь никогда не открывать кому бы то ни было тайн степени мастера, которые будут мне вверены". А затем идет само посвящение".

А. И. Булгаков отмечал, что аналогичным образом проходят обряды посвящения учеников и подмастерьев и что "эти обряды напоминают египетские мистерии".

Читайте в продолжении:
Был ли Михаил Булгаков масоном?
"Дьявол в 19 веке"
Масонство и демонология
Надругательства над черепами монахов
На каком языке говорит Люцифер?
Рыцарь ордена тамплиеров

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий Бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Масонство, часть 2 ~

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7

Михаил Булгаков, несомненно, был знаком со статьей своего отца о М. и использовал содержащиеся там сведения для развития линии гениального Мастера и его ученика Ивана Бездомного в романе "Мастер и Маргарита". Писатель почерпнул информацию о М. и из других источников. Так, в книге М. А. Орлова "История сношений человека с дьяволом" (1904), выписки из которой сохранились в булгаковском архиве, рассказывается о псевдомасонских обрядах, взятых из работы Жоржа Батайля и Лео Таксиля "Дьявол в XIX столетии". Характерно, что изложение этого мистифицирующего труда помещено в заключительный, четвертый раздел книги Орлова, названный "Демонизм в последние столетия". Именно из этого раздела Булгаков сделал выписки о демоне Бегемоте.

Под псевдонимом Лео Таксиль писал известный французский публицист Габриэль Жоган Пажес (1854-1907), убежденный атеист и борец с христианством. Книгу "Дьявол в XIX в." Таксиль написал вместе со своим другом Карлом Хаксом, взявшим псевдоним доктор Батайль. Таксиль принес в апреле 1885 г. мнимое раскаяние папе Льву XIII (1810-1903) за свои антицерковные писания и обещал разоблачить козни масонов, которые будто бы поклоняются дьяволу. После публикации книги "Дьявол в XIX в." (она выходила отдельными выпусками) Таксиль объявил в апреле 1897 г. о мистификации, за что был отлучен от церкви.

В книге Таксиля и Батайля причудливо синтезировались демонологические и масонские легенды и фантазия авторов. Доктор Батайль, судовой врач, много плававший по Южным морям, побывавший в Китае, Индии и Америке, будто бы встретил во время странствий некоего итальянца Карбучча, который захотел поближе познакомиться с масонством и за двести франков смог купить диплом высокой масонской степени "великого командора храма", что открыло ему многие тайны масонских лож.

И вот что этот "добрый католик" рассказал Батайлю: "В время последнего путешествия в Калькутту Карбучча посетил тамошнее масонское общество так называемых Ре-Теургистов-Оптиматов. Он и раньше посещал это общество, но на этот раз сам Великий Мастер и все подвластные ему чины встретили гостя с особою торжественностью. За несколько дней перед тем был получен от Альберта Пайка, знаменитого основателя американского Палладизма... особый чин служения при магических церемониях. По этому случаю калькуттские масоны как раз во время прибытия Карбучча приготовлялись к особому торжественному заседанию, во время которого присланное Пайком заклинание предполагалось впервые испытать. Дело, однако, оставливалось за неприбытием каких-то чрезвычайно существенных принадлежностей, которые с минуты на минуту ожидались из Китая. Что это были за вещи, Карбучча не знал. Он мог только понять, что ожидаемая посылка могла быть добыта только в Китае и что туда за нею был командирован один из калькуттских масонов Шекльтон.

Скоро приводит и давно ожидаемый Шекльтон со своею драгоценною кладью. Ящик был вскрыт, и Карбучча не без содрогания увидел внутри его три человеческих черепа. Ему сейчас же объяснили, что это черепа трех католических миссионеров, недавно убитых в Китае. Извлекши из ящика черепа, Великий Мастер обратился к братии с такими словами:

- Братья! Наш брат Шекльтон вполне и в точности выполнил почетное поручение, которое мы ему дали. Он виделся с нашими братьями, китайскими приверженцами кабалистического масонства, и при их содействии добыл эти три черепа, которые вы видите. Это черепа монахов из миссии Куан-Си, которых наши китайские братья самолично казнили, предварительно предали их ужаснейшим истязаниям, хотя, к сожалению, эти истязания и были недостаточны для этих гнусных проповедников римского суеверия. После того эти черепа были посланы к местному тао-тао (губернатору) для того, чтобы подвергнуть их известному вам поруганию. Наш брат тао-тай любезно уступил нам их. И вот тут его печать, которая устраняет всякие сомнения в подлинности этих черепов.

Весь этот спич Великий Мастер произнес самым веселым голосом и при этом предъявил присутствующим листок рисовой бумаги, на котором была оттиснута печать - императорский дракон с пятью когтями, печать, которую в Китае могут употреблять одни только высшие сановники. Видя эти ужасные предметы и слушая эти не менее ужасные речи, Карбучча готов был провалиться сквозь землю, но отступать было уже поздно; тут он впервые понял, какое тяжкое время навалил он на свою благочестивую католическую душу, вязавшись в это масонство. Но делать было нечего и на этот раз надо было испить чашу до дна.

Между тем, черепа торжественно положили на стол. Церемониймейстер ложи разместил присутствующих около этого стола в виде треугольника, острый угол которого был обращен к восточной стороне зала. Тогда Великий Мастер взял в руки кинжал, вышел из рядов, подошел к столу и, ударяя кинжалом каждый череп, произносил: "Да в Бетет проклят Адонай! Да будет благословенно имя Люцифер!"

После этих восклицаний для злополучного Карбучча исчезли последние искры сомнений в том, что он находится среди поклонников дьявола. И ему под угрозою лютой смерти предстояло принимать участие во всем, что они собирались делать.

Вслед за Великим Мастером удары кинжалом по черепам и те же восклицания проделали и издали один за другим все присутствующие, а в том числе, разумеется, и Карбучча. Черепа превратились в груду осколков. Их собрали и бросили в пламя жаровни, которая была поставлена перед статуей Бафомета, украшавшей восточный угол зала".

Далее в кресле Великого Магистра появляется сам Люцифер, озаряемый "ослепительно ярким светом" ("Люцифер" в переводе с латинского значит "светоносец"). Сатана представляет собой "совершенно обнаженного мужчину, которому на вид можно было дать 35-38 лет. Это был человек высокого роста, без усов и без бороды; он был худощав, хотя вовсе не тощ. Лицо у него было красивое, с тонкими чертами, с выражением достоинства. Во взгляде просвечивала какая-то грусть. Углы губ были слегка сморщены меланхолическою улыбкой... он был совершенно обнажен, и его тело, стройное, как у Аполлона, было ослепительно белое с легким розовым оттенком. Он заговорил на чистейшем английском языке, и чарующий звук его голоса, по словам Карбучча, навсегда остался у него в памяти". Далее Люцифер берет за руки Шекльтона, тот издает нечеловеческий крик, все погружается во тьму, сатана исчезает, а Шекльтон остается сидеть в своем кресле, но уже мертвый.

Орлов приводит и другие эпизоды из "Дьявола в XIX столетии", связанные с похождениями Батайля, посещающего различные секты масонов-демонопоклонников. Там он видит статую главной святыни масонов - божества Бафомета, изображающегося в виде козла. Батайль побывал и в масонском храме в американском городе Чарльстон, принадлежащем ложе Пайка: "Чарльстонский храм масонов... принадлежит к числу замечательнейших святилищ этой секты. Общий план его таков. Храм представляет собой громадный квадрат, вся середина которого занята круглым лабиринтом. Вокруг этого лабиринта идут опять-таки квадратом, широкие коридоры, а в них открываются двери, ведущие в разные помещения. Правая сторона здания занята помещениями обыкновенного простого масонства, так называемого шотландского толка; левая же половина здания принадлежит демонопоклонникам-палладистам. Самая главная святыня храма находится в его задней части, противоположной главному входу. Здесь выстроен очень просторный зал правильной треугольной формы, с необычайно толстыми стенами. В святилище это, которое называется Sanctum Regnum (святое царство), ведет одна только дверь, вся железная, и чрезвычайно массивная и прочная. Вот здесь-то, в заднем восточном углу этого треугольника, и поставлена главная святыня демонопоклонников - та самая статуя Бафомета, которую, по преданию, вручил тамплиерам сам сатана".

Другая святыня Чарльстонского храма - "золотое кресло, вещь весьма любопытная; о его происхождении существует следующее сказание. Первоначально это кресло было простым дубовым, и Альберт Пайк сидел на нем, председательствуя в Верховном совете. Когда Пайк основал палладизм и писал его устав, разумеется, по внушению и под диктовку самого сатаны, то эта работа шла у него совершенно благополучно до известного места. Когда же он приступил к этому роковому месту, то перо в его руке на первой же строчке сломалось. Пайк взял другое перо, но его постигла та же участь. Он переменил бумагу. Но перья продолжали ломаться одно за другим. Стремясь уразуметь это происшествие, Пайк прибегнул к великому заклинанию. На это заклинание к нему никто не явился, а только какой-то голос громко крикнул ему прямо в ухо, чтобы он немедленно отправлялся в Чарльстон. Пайк приехал в Чарльстон и здесь рассказал свои затруднения своему другу, доктору Макею, такому же убежденному демонопоклоннику, как он сам. Оба они немедленно отправились в храм, заперлись там в том самом зале, где стояло вышеупомянутое дубовое кресло, и предались пламенной молитве, прося Люцифера, чтобы он поборол чары врагов, которые, как думал Пайк, мешали ему писать устав. Окончив эту молитву и взглянув на кресло, они увидели, что из деревянного оно вдруг сделалось золотым. На кресле лежала рукопись, и в зале распространился сильный запах горящей серы - явный знак адского посетителя. На кресле они рассмотрели очень хорошо им известный иероглиф, представляющий собой подпись Баал-Зебуба (то же самое, что Вельзевула, демона, которому будто бы поклонялась секта Альберта Пайка (1809 - после 1881), видного масона Шотландского обряда, бывшего генерала армии конфедератов). Рукопись была писана прекрасным почерком, чернилами яркого зеленого цвета. Рукопись была написана на латинском языке и сопровождалась переводами на английский, испанский, французский, немецкий, португальский и голландский языки. В конце рукописи красовалась подпись Баал-Зебуба красными буквами ослепительной яркости". А потом во время собрания масонам явился в золотом кресле и сам Баал-Зебуб, председательствовавший на сборище.

Третьей же святыней Чарльстонского храма, по уверениям Батайля, был череп Якова (Жака) де Молэ (1243-1314), гроссмейстера (великого мастера) ордена тамплиеров (храмовников), рыцарей Соломонова храма, сожженного на костре во Франции 18 марта 1314 г. по обвинению в ереси и сношениях с дьяволом. История этого черепа, согласно рассказу Батайля в изложении Орлова, была такова: "Как известно, главное преступление и злодейство храмовников состояло в том, что они в своих непрестанных войнах с Востоком скопили несметные богатства, которыми и завладели папа с королем, после того, как прикончили орден. Но это миноходом. Главная же суть в том, что череп сожженного Якова Молэ остался целым и невредимым. Но почему этот череп оказался священною вещью, когда попал к современным люциферитам-палладистам? Потому, что рыцари-храмовники были настоящие демонопоклонники, о чем прежде всего свидетельствует статуя Бафомета, хранящаяся в Чарльстонском капище, которая досталась палладистам тоже от храмовников. Масоны полагают или, лучше сказать, свято верują, что Яков Молэ не весь сгорел на костре. Палач, заведовавший сжиганием, был подкуплен друзьями Молэ и устроил так, что когда Молэ был задушен дымом, то палач уменьшил огонь и в конце концов ему удалось скечь только тело Молэ, голова же осталась цела, на ней обгорели лишь волосы и борода. Палач ее ловко скрыл и потом передал тем, кто его подкупил. После чего череп был очищен и вместе со статуей Бафомета отправлен в Шотландию".

Обряд с черепом Молэ проходил следующим образом: "Неподалеку от гранитного пьедестала с черепом было поставлено кресло, и на нем уселся д-р Макей; это очень важное лицо у палладистов; они считают, что в него преемственно перешла душа последнего гроссмейстера храмовников... Старик как бы совсем умер и оставался мертвым около часа, а потом благополучно воскрес. Как только старый Макей погрузился в свой мертвый сон, череп, лежавший на гранитной колонне, внезапно ярко осветился, словно бы внутри его вспыхнула электрическая лампа. Все огни в зале были тотчас потушены. Свет из черепа исходил сильный, напряженный, распространявшийся по всему помещению. Он с минуты на минуту усиливался, и через несколько времени из глазных впадин хлынули два могучие снопа пламени... это был настоящий живой огонь; он вырывался из черепа с громким свистом и воем, подобно пламени, вырывающемуся из трубы раскаленной печи".

Даже в косноязычном пересказе Орлова отчетливо проступала пародийность и юмор книги "Дьявол в XIX столетии", которую всерьез могли принимать разве что простодушные католические священники и монахи. У Таксиля и Батайля Булгаков почерпнул идею соединения М. с демонопоклонничеством и пародирования самого масонского обряда, который у автора "Мастера и Маргариты" наполняется также философским содержанием (в сцене Великого бала у сатаны).

Ритуалы, обряды и символика масонства
Приём профана в ученики
Сокровенный смысл учения Вольных Каменщиков
Читайте далее »»»

« Назад
Наверх ^

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Масонство, часть 3 ~

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7

Писатель наверняка был знаком и с научными трудами о М., в частности, с фундаментальным двухтомником "Масонство в его прошлом и настоящем", изданном в 1914-1915 гг. под редакцией С. П. Мельгунова (1879/80-1956) и Н. П. Сидорова. Там в статьях секретаря Великой ложи франкмасонов "Астрея" в Москве Тиры Оттовны Соколовской (1871 г. рождения) "Масонские системы" и "Обрядность вольных каменщиков" освещалась ритуальная практика М. Так Булгаков познакомился с изложением главной священной легенды М., данной в том числе через истолкование ковра 3-й степени Иоанновского М.: "По черному полю вышиты серебряные слезы, гроб убиенного мастера с возложенною на него акацией и надписью M.B.N.; череп и скрещенные берцовые кости, наугольник, циркуль и молоток, а также палица и масштаб. Смысл всего ковра - была печаль по исчезновении истины из среды людей. Возникновение предания об убийстве великого мастера, строителя Соломонова храма Гирама, Гирам Абифа или Адонирама относится к XVII или началу XVIII века; предание имеет несколько разносказаний, но сущность одна: возмутились ленивые, нетерпеливые и алчные подмастерья, желая не по заслугам, а силою добиться высшей заработной платы, которую выдавали только Мастерам, т.е. совершенным работникам. С этою целью подмастерья напали на Адонирама, дабы под угрозой смерти принудить его открыть им тайну мастерского слова и прикосновения, зная которые, они могли получить желанную плату. "Ибо Гирам, великий строитель Соломонова храма, имел такое множество работников, с коими должно было рассчитываться, что не мог он упомнить всех, а потому, всякой степени работников (по искусству их в ремесле) дал он особое слово и знак, дабы при плате признавать их было легче". Ударами масштаба, наугольника и молотка, а по другим изъяснениям - кирки, циркуля, палицы, Адонирам был убит, но не предал тайны. Акация, символ вечности - духа и добрых дел, возложена на убиенном; буквы M.B.N. означают тленность тела, оболочки духа; мертвая голова и кости изъяснялись так: "дабы образ смерти нас не устрашал, предлагается сие печальное знамение, но чтобы мы должность свою к Ордену не полагали выше, нежели жизнь свою, которую обязаны мы жертвовать для ордена и для благополучия и безопасности братьев". По позднейшим толкованиям под убиенным мастером разумелись все мученики идеи".

В "Обрядности вольных каменщиков" был подробно описан ритуал посвящения в различные степени М.: "Обрядность трех низших степеней, т.е. иоанновского масонства, была несравнимо проще обрядности всех остальных степеней. В степенях иоанновского ученика, товарища и мастера преобладала символика этических начал Вольного Каменщичества, начал равенства, братства, всечеловеческой любви и непротивления злу. Обрядность высоких степеней, т. е. андреевского или шотландского масонства (флаг Шотландии включает в себя крест св. Андрея, патрона этой страны), символизировала борьбу за идеал силою, славу мученичества за идею, нещадную жестокость к врагам и предателям".

А вот как выглядел обряд посвящения ученика в статье Соколовской: "В иоанновской ложе первой ученической степени лазурь тканей и золото символических украшений ласкали взор. Стены затягивались голубыми тканями, подвешенными на золотом шнуре, связанном большим кафинским узлом, как раз на самой середине стены, обращенной к востоку. Тут же, на востоке, на возвышении о трех ступенях был престол, масонский жертвенник, а за ним кресло управляющего ложею. На престоле лазоревое, шелковое покрывало с густою золотою бахромой. Балдахин, осеняющий престол и кресло великого мастера, также голубого шелка, испещренного золотыми звездами, среди коих, в сиянии ярких золотых лучей, сверкает треугольник со священным именем Великого Зодчего Вселенной. На престоле раскрытая Библия у первой главы от Иоанна. Обнаженный меч, золотой циркуль и наугольник резко выделяются на потемнелых листах святой книги.

Деревянные кресла и стулья крыты белым лаком: они обиты лазоревым бархатом для Великих Мастеров и белым атласом для прочей братии. В ложах с очень ограниченными денежными средствами ткани бывали проще или даже вовсе заменялись окраскою дерева в соответствующие цвета. Столы должностных лиц покрашены голубой краской и форма их треугольная. На полу, посреди ложи, разостлан символический расписной ковер (подобный упомянутому выше в связи с легендой об убийстве Хирама (Гирама). В золоченых треугольных трехсвечниках зажжены девять желтых восковых свечей. Светильники озаряют мягким светом восток, юг и запад; северная часть залы - в полутьме. Большая, шестиконечная звезда спускается с потолка над ковром; она из золоченой бронзы; цепь, на которой она подвешена, также густо позолочена, матовая, с блестящими острыми гранями ромбоидальных звеньев. На братьях голубые камзолы и белые кожаные запоны, крошечные каменщичьи железные лопаточки подвешены на белых ремешках к третьей петле камзола, у всех руки в белых перчатках. Управляющего мастера отличает голубая шляпа, украшенная золотым солнцем или белым пером. Запон его подбит и обшит голубым шелком, на запоне же нашиты три голубые большие розетки. В петлице камзола, на голубой ленточке золотая лопаточка; на шее, в знак власти, - ключик слоновой кости и в знак подчинения орденским законам - золотой наугольник. В правой руке его - круглый молот белой кости.

Каким же образом совершался прием профана в ученики иоанновского масонства?

"Возымевший настоятельное желание соделаться вольным каменщиком", изъясняют масонские уставы, должен был заручиться рекомендацией кого-либо из членов той ложи, в которую он желал быть принятым, и через его посредничество подать о том просьбу управляющему ложей. Просьба вручалась рекомендующим не с глазу на глаз мастеру стула, а в присутствии братьев, когда, после окончания работ в ложе, обносилась, так называемая, кружка-предлагательница, куда опускалась просьба. По открытии предлагательницы, все просьбы и заявления прочитывались секретарем во всеуслышании и, если случалось заявление о желании профана быть посвященным в таинства масонства, то имя профана выставлялось в зале ложи, где и оставалось на виду две недели. В течение этих двух недель на обязанности всех членов ложи лежало расследование о нравственности, характере, гражданских и семейных "добродетелях" предложенного к приему. Поручитель же, которым являлся в большинстве случаев предложивший профана, "долженствовал прилежать" произвести перемены в его нраве, буде то необходимо, "дабы не оставить его еще погрязшим в какие-нибудь склонности, противные всему тому, что он будет слышать при своем принятии". По истечении обязательного срока, следовала баллотировка, если не имелось никаких порочащих сведений. Уже один черный шар мог отдалить прием и вызвать новые расследования, если только заявленная мастеру стула причина не оказывалась настолько незначительною, чтобы он своею властью мог черный шар обелить. При наличности трех черных шаров обычно в приеме отказывалось и лишь через известный промежуток времени, иногда в несколько лет, профан мог возобновлять свое ходатайство. О забаллотировании профана тотчас поставлялось в известность все братство вольных каменщиков, а в случае благоприятного исхода, все члены ложи, а иногда и дружественные ложи, приглашались к приему профана в орден, т. е. к присутствованию при торжественном посвящении в первую степень иоанновского ученика".

Соколовская подробно описывает обряд посвящения, "каким он был в России в XVIII веке, в союзе Великой Национальной ложи и во многих ложах начала XIX века": "В назначенный день и час поручитель, завязав профану глаза, вез его в помещение ложи, где все приглашенные каменщики уже находились в сборе. По приезде он тотчас отводил его в так называемую "черную храмину", где и оставлял его одного, предварив, что он имеет право снять наложенную на его глаза повязку лишь тогда, когда стихнет совершенно всякий шум, не слышен будет даже малейший отзвук удаляющихся шагов.

Черная храмина, или храмина размышления, была не велика, без окон; дверей, через которые был введен испытуемый и в которые вышел поручитель, не было видно: так искусно были они замаскированы. Потолок сводом едва только дозволял стоять выпрямившемуся среднего роста человеку. Покрашенная, либо затянутая тканями храмина была однообразно черная, чем скрывался действительный ее размер, тем более еще, что она была едва освещена. С потолка свешивался "лампад триугольный", в котором три тонких свечи давали "свет трисиянный". В одном углу - черный стол и два стула. На столе - берцовые человеческие кости и череп, из которого в глазные впадины выбивалось синеватое пламя горевшего спирта. Тут же - библия и песочные часы. В противоположном углу - человеческий скелет с надписью над ним: "ты сам таков будешь". В двух других углах по гробу; в одном гробу - искусно подделанный мертвец с признаками тления, в другом углу - гроб пустой.

Тьму, смерть, тление, слабый свет, часы и отверстую библию - вот что видел каждый посвящаемый, когда впервые снимал с очей своих повязку в масонском братстве. Истекало четверть часа, и входил обрядоначальник. Изумленному, испуганному или равнодушно взиравшему профану он изъяснял значение черной храмины более или менее витиевато, нередко в следующих выражениях: "Вы посажены были в мрачную храмину, освещенную слабым светом, блистающим сквозь печальные остатки тленного человеческого существа, помощью сего малого сияния вы не более увидели, как токмо находящуюся вокруг вас мрачность и в мрачности сей разверстое Слово Божие. Может статься, вы вспомнили тут слова Священного Писания: "Свет во тьме светится и тьма его не объят". Человек наружный - тленен и мрачен, но внутри его есть некая искра нетленная, придержащаяся Тому Великому, Всецелому Существу, Которое есть источник жизни и нетления, Которым содержится вселенная. Вступая к нам в намерении просветиться, при первом шаге получили вы некое весьма изобразительное поучение, что желающий света должен прежде узреть тьму, окружающую его, и, отличив ее от истинного света, обратить к нему все внимание. Повязка, наложенная тогда на ваши глаза, заградила то чувство, которое едва ли не более прочих развлекает наше внимание, дабы вы, устраняясь от наружных вещей, сильно действующих на наши чувства, всего себя обратили внутрь себя к источнику вашей жизни и блаженства. Цель ордена троякая: сохранение и предание потомству таинства (тайного знания); исправление членов ордена, исправление собственным примером и вне общества находящихся, а также весь род человеческий. Орден требует исполнения 7 должностей: повиновение, познание самого себя, отвержение гордыни, любовь к человечеству, щедролюбие, скромность, любовь к смерти. Ритор пространно изъясняет важность этих "должностей", их неразрывность, а затем тотчас же требует доказательства первой, третьей и пятой; в знак послушания испытуемый должен позволить завязать себе глаза, в знак отвержения гордыни - снять верхние одежды, эти отличия земной жизни; в знак щедрости - отдать все деньги и драгоценности. Приставив к обнаженной левой груди острие меча, ритор выводит посвящаемого из черной храмины.

"Труден путь добродетели", такими словами почти неизменно начинал ритор свои наставления во время шествия в ложу. Необычное зрелище являло это шествие: вели разутого, полураздетого человека с завязанными глазами, неуверенно ступавшего, не взирая на дружески направлявшую руку руководителя, одетого вычурно, украшенного различными знаками и лентами, в круглой шляпе и с накинутой на плечи епанчею; длинный, сверкающий меч держал руководитель в протянутой свободной руке и острием его слегка касался обнаженной груди посвящаемого. Один неверный шаг, неосторожность и поранение неизбежно, а между тем путь не ровен, - то "каменные крутизны", то куда-то "в неизвестные глубины нисходящие скользкие ступени". "Елико возможно должно теснить путь испытуемого", - гласят уставы, - "вести его противу всех свирепствующих стихий на испытание духа и воли его".

Далее следует ритуальное пение, а затем "тремя ударами в дверь ритор просит доступа в ложу. Песнь смолкает.

Приоткрыв двери, брат стрегущий вопрошает: "Кто нарушает покой наш?", и вводитель, от имени ищущего, ответствует: "Свободный муж, который желает быть принят в почтенный Орден Свободных Каменщиков".

Тогда Великий Мастер предлагает целый ряд вопросов, которые так же, как и ответы на них, передаются чрез посредство первого надзирателя и стрегущего брата.

"Как зовут? Сколько от роду лет? Где родился? Какого закона? Где жительство имеет? Какого звания в гражданском обществе?" Еще не отзвучал последний ответ, как Великий Мастер восклицает: "Впустите его!"

Тогда вводитель отступает от посвящаемого и немного спустя второй надзиратель вкладывает в его правую руку свою обнаженную шпагу, направив ее острие к левой обнаженной груди; так доводит он испытуемого до ковра, у которого его останавливает, придав ногам положение прямого угла. Посвящаемый должен ответить на шесть вопросов:

"Первейшим ли вы признаете долгом, чтобы Высочайшее Существо, Источник всякого порядка и согласия почитать, страшиться и любить?"

"Признаете ли начертанное в Откровении Слово Его за истинное к высочайшему совершенству путеводство?"

"Согласны ли все сие вами тако признаваемое в самых деяниях ваших с крайней верностью наблюдать и исполнению всецелую жизнь посвятить?"

"Признаете ли всех людей вообще за братию свою?"

"Думаете ли, что служить и благотворствовать им есть дело волею Божиею взыскуемое и собственное блаженство ваше составляющее?"

"Первейшею целью исполнение сих должностей почитать согласны ли?"

"Данное вами слово свято ли для вас?" - После утвердительных ответов, Великий Мастер возглашает: "Слышите, любезные братья, что этот свободный человек в намерениях своих тверд. Добровольно соглашается он посвятить себя должностям нашим, подчинению. Согласны ли вы на то, чтобы он был принят в общество наше?" Выражается согласие, заканчивающееся троекратным: "Ей, тако!"

Великий Мастер повелевает второму надзирателю совершить с испытуемым три символических путешествия вокруг ложи: 1-е путешествие - от запада чрез север, восток и полдень, вновь на запад; 2-е - через полдень, восток и север, а 3-е - подобно первому; при каждом путешествии водящий тихим голосом наставляет испытуемого о трудности пути к добродетели и премудрости, о необходимой отваге и стойкости в следовании по пути, с которого вспять воротиться с честью нельзя.

Затем подводится совершивший путешествие к Великому Мастеру, где с него берется обязательство скромности и верности: "Ничего об Ордене отнюдь не открывать никому, не удостоверившись тщательным испытанием, что он истинный свободный каменщик"; "ложе навсегда пребыть верным, с крайним послушанием наблюдать обряд ее, благу оной всечасно споспешествовать, от всякого вреда посильно охранять и от часу большему утверждению оного всеми силами споспешествовать"; "всем людям, наипаче же собратьям, помогать во всяких случаях, никогда не отрекаться, разве что таковая помощь иметь послужить ко вреду благонравия и чести вашей".

Управляющий мастер изъясняет всю важность обета; еще не поздно отрешиться от посвящения, но раз произнесенный обет связывает с братством и дает братству полную власть карать за невыполнение оного. Но ищущий света неустрашим; он упорствует в требовании посвящения, и Великий Мастер восклицает: "Преклоните колена пред жертвенником нашим, подайте правую руку". Левым обнаженным коленом становится испытуемый на подушку, лежащую перед жертвенником; правую руку возлагает на отверстое первою главою Св. Иоанна Евангелие. К обнаженной груди его приставляется отверстый циркуль. Он обещает принять на себя все обязательства во всей силе их и все требуемое свято исполнить, "Ей, обещаются в том и столь свято, сколь любезно для меня имя честного человека". Испытуемого поднимают, к языку прикладывается печать молчаливости. "Узрите нас впервые", - говорит Великий Мастер торжественно; повязку снимают и в полутьме ложи, освещенной лишь пламенем сжигаемого на жертвеннике спирта, посвящаемый различает блестящие мечи, устремленные на него. "Видите все устремленные на вас орудия наши на случай, ежели паче чаянья измените обязанностям? Не в том намерении, чтобы думали мы когда обагрить руки свои кровию вашей, суд страшнейший того ожидает вас. Казнь беззаконных в руке Божией". Громко по всей ложе трижды разносятся повторяемые братьями последние слова о казнях беззаконных. Вновь завязывают глаза посвящаемому, и ложа ярко освещается, пока Великий Мастер говорит: "Сколь мщение ужасно преступнику, столь обрадователен благочестивому свет. Да узрит свет!" Повязка снята; вспыхивают ярким светом фальшфейеры и быстро угасают при возгласе: "Тако угасает свет и все утехи с ним, но хранящий волю Божию пребывает во веки!"

Все братья обращают мечи вверх острием, высоко подняв их над головами.

"Мы всякое земное величие, все чувственные забавы и утехи почитаем ничем, не большей цены и прочности, как и оное, на миг осенившее вас пламя и исчезнувший уже по нем дым".

"Обет ваш верности запечатлейте, соединив кровь вашу с кровью всех братий".

Вновь повергают испытуемого на колени перед жертвенником; сам он должен приставить циркуль к обнаженной груди, обрядоначальник подставляет кровавую чашу, а Мастер, ударяя по головке циркуля молотом, трижды говорит: "Во имя Великого Строителя мира; в силу данной мне власти и достоинства моего; по согласии всех присутствующих здесь и по всему земному шару рассеянных братий, принимаю я вас в свободные каменщики ученики". И, протянув через жертвенник обе руки, полагает их на плечи принимаемого, говоря: "Достояние твое и часть твоя да будет Господь Бог твой", а все братья восклицают: "Господь благословляет праведные и наказует беззаконные".

"Знайте", заканчивает Великий Мастер обряд посвящения, "знайте, что все, зависевшее доселе от доброй воли вашей, наблюдение указанных вам семи должностей стало долгом вашим. Жребий ваш решился!" Новопринятого уводят, чтобы вернуть ему одежду и вновь вводят в ложу для изъяснения смысла обряда, для вручения лопаточки, запона, рукавиц и отличительного знака ложи, а также для изъяснения символов, изображенных на ковре.

Ритор изъясняет сокровенный смысл приема: "Путь из черной храмины в ложу, это - путь из тьмы к свету, от безобразия к красоте, от слабости к силе, от невежества к премудрости, от земной юдоли к блаженной вечности. Благий посланник, направляющий, предостерегающий - это искра Божества в совести человеческой, это глас патрона Ордена, Иоанна Крестителя, взывающий к покаянию, глас, слышимый в сердце каждого, это благодать Всевышнего через испытание препятствий, огорчений земной жизни, приводящая к вратам Эдема, в сонме избранных, потому-то посвященные - все в свете ярком ложи и лишь посвящаемый во тьме завязанных очей. Путешествия вокруг ложи - те же горести земной жизни, но, свершая с посвящаемым круг, надзиратель знакомит дух принимаемого с понятием о вечности. Слепо верить долженствует посвящаемый слову Великого Мастера, когда с него требуется клятва на Священном Писании, ибо глаза у него заграждены повязкой земных страстей, заблуждений, мешающих видеть Священную Сокровищницу Премудрости, книгу слов Божиих. Но как только будет дана им клятва, как доказательство слепой веры в Провидение, на этой, лишь чувствуемой, таинственной, неведомой книге, - повязка спадает, и он уже различает окружающее; он сознает позор зла и святость добра. Наконец, дают ему узреть полный свет, причем он видит, что вся слава земли преходит, яко дым; видит все строение храма премудрости, постигает тайну бытия, тайну жизни и смерти, сопричисляется к сонму избранных, просветленных духов в недрах непреходящего Блага".

Секретарь читает запись о искании доступа в Орден и о принятии новопосвященного, который с удивлением слышит, что в "летописи" Ордена занесена вся прежняя жизнь его. "Ни одна черта жизни человеческой, ни мысли, ни деяния его - ни возмарается из великой книги бытия", - говорит секретарь. "Все в ней записано".

Секретаря сменяет обрядоначальник. Он вручает принятому белый кожаный запон, как знак, что профан вступил в братство каменщиков, созидающих великий храм человечества; лопаточку серебряную, неполированную, "ибо отполирует ее прилежное употребление при охранении сердец от нападения расщепляющей силы пороков"; пару белых мужских рукавиц - в напоминание того, что лишь чистыми помыслами, непорочною жизнью, можно надеяться возвести храм премудрости; пару женских рукавиц обрядоначальник предлагает передать избраннице сердца, непорочной женщине. "Иные по невежеству или недальновидности не усматривают в сем обряде сокровенного смысла", говорит обрядоначальник, "но я вам, любезный брат, должен сказать, вам надлежит избрать себе сотрудницу, подругу, обручиться ей яко невесте, сочетаться чистым и священным браком с премудростью, с небесною девою Софиею. Да будет она вам неразлучною спутницею, единою вашею избранницею".

И мастер стула, и вития говорят речи, красивые речи о трех великих столбах, на коих держится храм премудрости. Они говорят о мудрости, силе и красоте. Говорят еще о безмерной любви ко всему человечеству, "тьму победим светом", восклицает Великий мастер, и трижды три раза в знак общности мыслей рукоплещут братья. Стройный хор братьев гармонии, под звон музыкальных инструментов, не громкими торжественными напевами успокаивает страсти. Ясные мысли претворяются в неясные грезы".

Продолжение следует:
Как стать мастером
Обряд-убийство
"Плоть от костей отделяется"
Только Сверхчеловек мог стать Рыцарем белого и черного орла
"Сыны солнца"

« Назад
Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции 5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н О П Р С Т Ф Х Ц Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

– Мастер, часть 4 –

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7

Как и А. И. Булгаков, описания обряда посвящения в подмастерье, или товарища, Соколовская не дает, переходя сразу к степени мастера: "При приеме в эту степень ложа вся затягивалась черными тканями; на стенах - черепа и кости с надписью "помни смерть", на полу черный ковер с нашитыми золотыми слезами и посреди ковра открытый гроб; трехсвечные светильники поддерживались человеческими скелетами, "коих всегда поставлялось три". По правую сторону от жертвенника, на искусственно сделанном земляном холме сверкала золотая ветвь акации. Все братья были одеты в черные камзолы, в черные длинные епанчи и круглые шляпы с опущенными полями. Вся обстановка символизировала глубокое горе: это было горе по убиенном великом строителе Соломонова храма, Адонираме, или Гираме, или Гирам-Абифе. Обряд посвящения изображал убийство Адонирама, причем посвящаемый выполнял его роль.

Легенда об убийстве искусного мастера-строителя передавалась так: падение Адама было тройственное, по духу, душе и телу: в первом пал он по воображению, во втором, когда уснул, в третьем - когда прельстился змием. Адам, включавший в себе мужское и женское начало, однако не имел тела в смысле земной, преходящей материи и, лишь прельстившись змием, т.е. соединясь с материей, он утратил подобие Духа Зиждителя, создавшего его, и принял образ смертного существа. Однако, память была ему сохранена о красотах Эдема и высших божественных познаниях; он в сердце, с источником жизни, сохранил луч света, освещавший покинутый им рай и продолжавший озарять его благодатью всезнания. Адам передал детям своим этот луч света, но, по мере того, как умножались, уплотнялись частицы материи, луч терял свою яркость; лишь некоторые избранные мужи, которых томила тоска об утраченном Эдеме, сохранили в сердцах яркий луч благодати; тогда, дабы знание высших таинств не утратилось навеки с течением времени, побудила некоторых избранных мудрецов заключить его в символы; символы эти, как неоценненое хранилище святыни всезнания Адама до грехопадения, передавались мудрецами избранным после долгих испытаний.

Мудрый Соломон был одним из избранников, и задумал воздвигнуть великий храм и так построенное, чтобы он символически передал потомству, всем жаждавшим познать истину, божественного познания. Для постройки храма были вызваны 130 000 рабочих различных наций, но работами руководил Адонирам, ученик египетских мудрецов, тоже обладавший знанием "божественной истины".

Адонирам разделил работников на три степени: учеников, товарищей, т. е. подмастерьев, и мастеров. Каждой степени были присвоены отличительные знаки, слова и правила. Дабы работа их была основательна, Адонирам знакомил работников с познаниями избранных мудрецов, предлагая им символы и изъясняя их; степень познания была соразмерна степеням ученика, подмастерья и мастера. Мастера получали высшую плату, что вызвало желание трех товарищей выпытать обманом или силою мастерское слово у Адонирама. Однажды вечером, когда храм был уже пуст, Адонирам пришел для обычного осмотр. У южных дверей подступил к нему один из заговорщиков, и, не выпытав у него слова мастера, ударил молотком; у северных дверей другой товарищ нанес ему удар киркою; тогда Адонирам, предвидя свою гибель, поспешил сохранить от непосвященных мастерское, древнее слово, и бросил золотой треугольник, символ всеосведомленства духа, божеское начало, в колодезь. На треугольнике было таинственное изображение имени Иеговы. Тогда-то третий вдбунтовавшийся товарищ бросился на искусного архитектора и нанес ему смертельный удар циркулем у восточных дверей. Убийцы унесли и схоронили тело Адонирама.

Узнавший о гибели своего помощника, Соломон пришел в великую печаль и повелел найти тело Великого Мастера. В знак невинности своей в убиении, рабочие явились в белых перчатках. Тело было найдено, ибо земля оказалась рыхлою, и вотюнутая ветвь акации, которою убийцы отметили себе место погребения Адонирама, чтобы впоследствии перенести и сокрыть убитого в более отдаленном месте, - зазеленела. Мастера из гроба, что древнее мастерское слово уже потеряло значение, содержавшись, может быть, известным многих, решили его заменить первым, которое будет кем-либо из них произнесено при открытии тела погибшего мастера". В это мгновение открылось тело и, увидев признаки тления, раздался возглас присутствовавших: "Плоть от костей отделяется". Это-то выражение и было принято отличительным словом мастерской степени.

В мастерском обряде трема ударами молота посвящаемый повергается в гроб, удары наносятся обычно председательствующим мастером, иногда же, согласно сказанию об Адониране, надзиратели выполняют роль бунтующих товарищей и при обходе посвящаемым помещения ложи, на юге, севере и востоке наносят ему удары, слегка прикасаясь своими молотками. Положенного в гроб покрывают красною, как бы окровавленною тканью; на сердце возлагаются: золотой треугольник с именем "Иегова" и ветвь акации или терновника (в древности посвященного солнцу, как источнику жизни), а в головах и ногах гроба помещают циркуль и наугольник. Посвящаемого вынимают из гроба пятью приемами; это пятикратное поднятие знаменует, что должны совершенствоваться все пять чувств.

В ритуале читаем: "мастерская степень благие размышления возбуждать долженствует. Все иероглифы оной представляют под покровом смерти будущую жизнь; взгляд на все, что являет нам мастерская ложа, должен произвести в нас смятение, а сие смятение - первоначало Премудрости - в смятении золотые слезы пробиваются на мрачном жоре, должно пробиться сквозь нашу чувственность и возродить наши духовные силы. Кто сей Адонирам? не есть ли это некое существо, сокрытое в человеке, существо вечно пребывающее, сей глас, который вбодряет томно те твои дела, кои относятся к чему-нибудь вечному, постоянному, и который указывает тебя при думании тщетного, преходящего? Но глас сей умолкает под ударами трех злодеев: гордости, корыстолюбия и спастолюбия!"

Чрезвычайно сложны разъяснения обряда мастерской степени, но обряды этой степени, как они изъяснялись в русских ложах, символизировали и воскваление неустрашимости, готовность жертвовать всеми благами земной жизни в борьбе за распространение идей света, презрение смерти тела в чаянии вечной жизни бессмертного духа. Символический обряд убиения и воскресения мастера означал также, что надо умереть греху, дабы ожить для жизни духа; "новое" мастерское слово - "плоть от костей отделяется" - означало именно, что дух должен отделиться от всего истлевающего, греховно-бренного, дабы обрести высшую Премудрость всеведения. "Не явно ли и в наружной, естественной смерти, что тленное не входит в живот; пороки, страсти - не суть ли они прах и тлен, тело истлевающее?", говорит ритор посвящаемому в мастера.

Но мастерская степень имела еще другого рода значение: посвященный всецело отрекался от своей личности, вполне отдавался служению Ордену. Взамен того он, после искуса, определенного времени приёбывания "в мастерах" получал власть управлять ложею, "яко Адонирам распределяет рабочих", т.е. братьев вольных каменщиков, собирать их в заседания, учреждать новые ложи; ему, как постигшему все тайны трех символических степеней, доступ во все ложи этих степеней, по всему миру, был свободен. В системах многостепенных власть Иоаннковского мастера была более ограничена. Достойно внимания, что характер глубого Иоаннковского масонства, как нельзя более ярко, выражен в рассказе о смерти Адонирама: он не противится злу силой, но, не изберяя его, покорно ему, жертвует собой. Иоаннковские масоны распространяли свои идеи с горячностью, но держась принципа непротивления злу".

Вместе с тем, Соколовская утверждает, что более высокие степени и связанные с ними системы в Ордене Вольных Каменщиков, занимались "страстною проповедью борьбы со злом силою". Для примера автор "Обрядности вольных каменщиков" описывает так называемую степень "Кадош": "Последнею ступенью масонской лестницы степеней в "Старом принятом шотландском обряде", была 30-ая. Она носила название "Рыцарь белого и черного Орла, Великий Избранник, Кадош".

Под наименованием "Кадош" масоны разумели "едино избранных сверхчеловеков, очистившихся от скверны предрассудков". Нет сочинения, написанного "для разоблачения страшных таин Вольно-Каменщического Ордена", в котором бы не приводилась в пример степень "Кадош". Эта степень потому обращала на себя внимание, что готовила посвящаемых в мстители за попранные права человечества и была далека от миролюбивого масонства голубых лож...

По обряднику десятых годов XIX века, цвет тканей и символических украшений ложи был цветом печали, крови и смерти. Ложу убрали пурпурными тканями и по ним вышивали "золотые языки огневого пламени и серебряные слезы". Кресло Великого Командора, трижды могучего Властодержца, почти совершенно скрывалось за тяжелым, черным бархатом балдахина, взор приковывали "кроваво-красные", "евтонические" кресты; ими усеян был красный балдахин. Ни сверкающий золотом и лазорью священный труг ангельских с оком Провидения, ни пламеневшая звезда с многозначащей буквою G, - не венчали балдахин; над ним царил венчанный золотою короною двуглавый орел с распростертыми крыльями. Его грозный орел непреклонной борьбы; в его сжатых когтях был меч. На груди орла, в небольшом треугольнике начертано было священное имя "Адоная"...

Одеяние Великого Командора было царственное, пурпурное, но его прикрывала черная мантия, украшенная на стороне сердца красным крестом; корону, венец мудрости, Командор возлагал на голову в торжественных заседаниях. Все рыцари одеты были в короткие далматики черного цвета, опоясанные красными поясами с золотой бахромой; в иных ложах далматики бывали белые с черною каймою, а пояса черные с серебряной бахромой, на груди и на спине белых далматиков нашивался красный осьмиугольный крест. В наиболее строгих ложах рыцари белого и черного Орла носили одежды средневековых Рыцарей Храма и все вооружение - от шлема до шпор - было красивым повторением рыцарских доспехов. Большинство лож, однако, предпочитали далматики, и в таких ложах Рыцари надевали черные шлямы с опущенными полями. Украшением шлям служило золотое солнце и красные буквы N. A., знаменовавшие слова "Nekam Adonai" ("Возмездие, Господи).

На черных шелковых лентах, чрезплечных и шейных, на запонах и отличительном знаке, тевтоническом кресте, были все те же девизы непреклонного ревения борьбы на смерть с врагами своих идеалов, все те же символы печали, крови, смерти.

Цвет одежды посвящаемого был серый или черный. Босой, с веревкой вкруг шеи медленно следовал он за водителем и входил в полутемный зал ложи; чадно и неровно мерцали и разгорались факелы в руках неподвижно стоявших рыцарей. Зажженный факел был и в правой руке водителя, в левой он держал конец "верви", свободною петлею накинутой на шею посвящаемого. Раздавалось негромкое брящание мячей и вновь смолкало: это рыцари вынимали и вновь вкладывали в ножны мечи, словно сгорая желанием приветствовать посвящаемого, но сдерживаемые осторожностью, боязью встретить предателя вместо брата и друга. Различные испытания предлагались посвящаемому с целью уверится в его беспрашии и преданности Ордену: на жаровне в сосуде серебрился расплавленный свинец (в действительности ртуть); испытуемому приказывали беспрепятно опустить в каленую массу свою руку. "Что значит рука в сравнении с жизнью, коей пожертвовал наш Великий мастер?" - восклицал витяя. Были и другие испытания.

После клятвы и различных церемоний, одевали испытуемого в ритуальные одежды и вручали ему отличительное украшение Кадоша, красный эмалированный восьмиугольный крест с перламутровыми или жемчужным овалом в центре. На одной стороне овала виднелось черное изображение мертвой головы, пронзенной кинжалом, в напоминание рыцарям о данной ими клятве не отступать перед угрозами смерти, если повстречались они на пути к намеченной цели.

Буквы J. M., изображенные на другой стороне овала, означали Жака Молэ, последнего гроссмейстера Ордена храмовников. Этого-то, глубоко чтимого гроссмейстера (как символа непоколебимой верности данному обету), погибшего в пламени костра в 1314 г., и изображает посвящаемый при входе в ложу: его словно ведут на казнь. Веревка вкруг шеи напоминает о висельнике, к которым были подведены осужденные храмовники; горящие факелы в руках рыцарей символизировали пылающие костры, пламенем коих были сожжены и другие Храмовники, осужденные на смерть совместно со своим гроссмейстером. "Вечная слава мученику за добродетель", - воскликнули братья по окончании обряда, приветствуя вновь принятого рыцаря черного и белого Орла...

Виновникам же гибели средневековых храмовников, французскому королю Филиппу Красивому и папе Клименту V, Великие избранники клялись "воздать должное по делам их". Но король и папа, много веков тому назад уже представше на суд Высшего Неземного Судии, были лишь символы, и под этими символами разумелась борьба за смерть против "Деспотизма гражданского и церковного".

Содержание степени Кадош не исчерпывалось приготовлением бесстрашного воителя с мраком фанатизма и насилия: "ковалась сильная воля, освобождался дух от пут суеверий, полировался разум". Великие избранники именовали себя "сынами света", "сынами солнца", коим открыто Великое знание", Gnosis, познание тайн бытия".

Как масонство отразилось в "Мастере и Маргарите"
Прокоп Ивонушка
Пародии на масонские обряды в романе
Все рукописи - от дьявола?
Сожжение демонопоклонника Берлиоза и чудесное спасение головы
Читайте далее »»»

« Назад
Наверх »

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Масонство, часть 5 ~

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7

Значимые эпизоды "Мастера и Маргариты", связанные с такими персонажами как Иван Бездомный, Мастер, Воланд, Коровьев-Фагот и Маргарита, подобно сцене Великого бала у сатаны, являются пародией на масонские обряды. Поэт Иван Бездомный, которого Мастер в финале называет своим учеником, - это как бы профан, пытающийся обрести низшую масонскую степень ученика (в истории христианства, равно как и в демонологии, Иван Николаевич в начале романа - действительно полный профан). В погоне за Воландом он теряет свою верхнюю одежду, как это и положено кандидату в масонские ученики: "Точно на том месте, где была груда платья, остались полосатые кальсоны, рваная толстовка (возможный намек на следование масонов трех низших степеней, в том числе и ученика, принципу непротивления злу насилием; этому принципу следовал в своем учении и Лев Николаевич Толстой (1828-1910), в честь которого назван соответствующий тип рубахи), свеча, иконка и коробка спичек".

В этом одеянии Иван Бездомный появляется в Доме Грибоедова, приколов на грудь английской булавкой бумажную иконку "со стершимся изображением неизвестного святого" - скрытая пародия на масонский обряд прикосновения к груди посвящаемого клинком или циркулем (в редакции 1929 г. Иван Бездомный прицеплял иконку прямо к голому телу). Клиника Стравинского, куда позднее попадает поэт, напоминает ученическую масонскую ложу, где "деревянные кресла и стулья крыты белым лаком", а посвящаемого вводят в полутемное помещение надзиратели. В лечебнице Бездомного те же надзиратели (санитары) везут по коридору, освещенному только "синими ночными лампами".

Вопросы, которые задает врач Ивану Николаевичу, во многом повторяют те, что задает Великий Мастер кандидату в ученики: "...У Ивана выспросили решительно все насчет его прошлой жизни, вплоть до того, когда и как он болел скарлатиной, лет пятнадцать тому назад. Исписав за Иваном целую страницу, перевернули ее, и женщина в белом перешла к расспросам о родственниках Ивана. Началась какая-то канитель: кто умер, когда да отчего, не пил ли, не болел ли венерическими болезнями, и все в таком же роде (попытка выявить наследственные пороки). В заключение попросили рассказать о вчерашнем происшествии на Патриарших прудах, но очень не приставали, сообщению о Понтии Пилате не удивлялись". Последний вопрос - это как бы пародия на вопрос Великого Мастера о почитании Высочайшего существа, приведенный в статье Т. О. Соколовской. У Булгакова на месте высочайшего существа оказывается Воланд.

Медицинский осмотр Бездомного ведется с помощью непременного атрибута масонской символики - молотка, в данном случае - врачебного молоточка: "Тут женщина уступила Ивана мужчине, и тот взялся за него по-иному и ни о чем уже не расспрашивал. Он измерил температуру Иванова тела, посчитал пульс, посмотрел Ивану в глаза, светя в них какою-то лампой (подобным образом "в полутьме ложи, освещенной лишь пламенем сжигаемого спирта, посвящаемый различает блестящие мечи, устремленные на него"). Затем на помощь мужчине пришла другая женщина и Ивана кололи, но не больно, чем-то в слину, рисовали у него ручкой молоточка какие-то знаки на коже груди, стучали молоточками по коленям, отчего ноги Ивана подпрыгивали, кололи палец и брали из него кровь, кололи в локтевом сгибе, надевали на руки какие-то резиновые браслеты".

Иван рассказывает "про дядю Федора, пившего в Вологде запоем". Федор (Теодор) в переводе с греческого значит "божий дар", причем Теодором в ранней редакции "Мастера и Маргариты" звали Воланда. Здесь, опять-таки, пародия на слова ритора, изъясняющего смысл масонской символики новопосвященному ученику (в статье Соколовской): "Благий посланник, направляющий, предостерегающий - это искра Божества в совести человечества..." Реалистически точно описанные бывшим врачом Булгаковым медицинские процедуры в "Мастере и Маргарите" оказываются пародией на незавершенный обряд посвящения в ученики, присущий М.

В варианте романа, датированном 1933 г., ослепший Иванушка Бездомный появлялся на шабаше, который соответствовал Великому балу у сатаны последней редакции. Подобная слепота, только мнимая, характерна для ученика в масонском обряде посвящения. В эпилоге Иван Бездомный становится человеком науки, превратившись в профессора Ивана Николаевича Понырева. Тем самым он реализовал отмеченную в статье А. И. Булгакова любовь масонов к научной истине. В варианте 1933 г. Воланд обещает ослепшему Ивану прозрение через тысячу лет, после того как поэт уверовал в существование Иешуа Га-Ноцри и захотел увидеть его. В М. ученик, приносящий клятву, доказывает тем самым веру в Провидение, и в результате повязка спадает с его глаз и позволяет осознать позор зла и святость добра.

Обряд посвящения в мастера пародируется и после Великого бала у сатаны. Булгаковский Мастер, извлеченный Воландом из клиники Стравинского, получает от дьявола обратно сожженную рукопись романа о Понтии Пилате, подобно тому, как, по утверждению Батайля, Альберт Пайк обрел рукопись масонского устава от самого Люцифера. Заключенная в этом романе проповедь добра и истины в учении Иешуа Га-Ноцри также совпадает с масонскими идеалами. В нем - как бы заветное слово масонского первого Великого Мастера Хирама. Автор повествования о Понтии Пилате всецело отдается своему произведению, отрекаясь от личной жизни, как и предписывал устав М. посвященному в мастерскую степень. Подобно тому, как знанием "божественной истины" обладал Хирам-Адонирам, у Булгакова такое знание - прерогатива Иешуа Га-Ноцри и Мастера. Мнимая смерть и бесследное исчезновение тела Мастера и его возлюбленной в эпилоге булгаковского романа тоже можно поставить в контекст мастерского ритуала, где посвящаемый сначала изображает положенного в гроб Хирама, а потом поднимается и произносит клятву мастера.

Масонская символика присутствует и в образе председателя МАССОЛИТа Михаила Александровича Берлиоза (один раз в тексте он именуется секретарем МАССОЛИТа, и это, как и председатель, не только бюрократический, но и масонский термин). МАССОЛИТ может быть расшифрован в том числе и как "Масонский союз литераторов". Берлиоз и другие члены союза как бы создают новую, но ложную веру, стремясь на самом деле только к личному преуспеянию и приумножению имущества (стремление масонов к увеличению имущества всех членов союза отмечал А. И. Булгаков).

Гибель председателя МАССОЛИТа и появление его головы на Великом балу у сатаны пародирует рассказ Батайля о казни Жака де Молэ, чудесном спасении от огня его головы (по тогдашней практике тело председателя МАССОЛИТа должно было подвергнуться кремации) и использовании черепа гроссмейстера тамплиеров в ритуале американских масонов-демонопоклонников. Живой огонь, вырывающийся из глазниц черепа в фантастическом рассказе Батайля, превратился в "живые, полные мысли и страдания глаза" головы Берлиоза на балу у Воланда.

Саму идею сделать главой масонов дьявола Булгаков, возможно, почерпнул у Батайля, сделавшего верховным руководителем масонов сатану Люцифера. Воланд в "Мастере и Маргарите" выполняет функции масона высшей степени, вроде Великого Командора. Убранство Нехорошей квартиры, перед Великим балом у сатаны напоминает убранство масонской ложи перед обрядом посвящения - бесконечная темная зала, освещенная свечами. Священный египетский жук-скарабей на груди Воланда заставляет вспомнить об отмеченной А. И. Булгаковым связи масонского обряда с мистериями Древнего Египта и об указании Соколовской на то, что Хирам-Адонирам был учеником египетских мастеров.

Глаза Воланда - "правый с золотою искрой на дне, сверляший любого до дна души, и левый - пустой и черный, вроде как узкое игольное ухо, как выход в бездонный колодец всякой тьмы и теней" олицетворяют тот колодец, куда предчувствовавший гибель мастер Хирам бросил золотой треугольник с "таинственным изображением имени Иеговы", символ божеского начала и всесовершества духа. Одеяние Воланда - черная хламида и шпага на боку в точности соответствует одеянию и вооружению Великого Командора в обряде посвящения в 30-ю степень Кадош, или рыцаря белого и черного орла. В начале бала сатана предстает в нижнем белье, как и полагается посвящаемому, а облик Великого Командора принимает сразу после убийства Барона Майгеля, чья алая кровь заливает крахмальную рубашку и жилет - традиционное масонское платье.

Бесконечная лестница, по ступеням которой Маргарита поднимается в Нехорошую квартиру на бал, напоминает таинственную лестницу в четырнадцать ступеней, устанавливающуюся в приемной ложи Кадош и символизирующую, согласно Соколовской, соединение "земного ничтожества" с небесным величием, незнания со всеведением (по этой лестнице обязательно должен был входить посвящаемый). Тут можно усмотреть знакомство автора "Мастера и Маргариты" с реальной практикой русского М. начала XX в., когда женщины уже входили в масонский союз. Помимо Т. О. Соколовской, масонкой была, например, видная общественная деятельница и публицистка социалистического толка Е. Д. Кускова (1869-1958), причем о ее М. было довольно широко известно.

Череп Берлиоза играет роль кровавой чаши, куда стекает кровь посвящаемого в масонскую степень, соединяемая с кровью братьев-масонов. Черные фраки гостей на Великом балу у сатаны - это то же самое, что черные одежды на присутствующих при обряде посвящения в мастера. Соединение Мастера и Маргариты соответствует содержащемуся в масонском обряде пожеланию ученику "избрать себе подругу, обручиться ей яко невесте, сочетаться чистым и священным браком с премудростью, с небесною девою Софиею". Пародия здесь в том, что олицетворяющая вечную женственность и премудрость Божию Маргарита вынуждена стать ведьмой, чтобы соединиться с Мастером.

Конечная награда Мастеру - не свет, а покой, также связывается с символикой М., поскольку масоны считаются "сынами света". Тут есть связь и с финалом "Фауста" (1808-1832) Иоганна Вольфганга Гёте (1749-1832), где дарование главному герою света совпадает с масонской традицией (Гёте, как известно, был масоном). Но в соответствии с философской концепцией Булгакова Мастер не получает света.

Рыцарь Коровьев
Обряд посвящения в степень Кадош - в романе
Алоизий Могарыч - "строитель Соломонова храма"
За что наказали Фагота и почему обделили мастера
Рецепт приготовления гомункула
Об этом вы узнаете в продолжении >>>

« Назад
Наверх »

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Масонство, часть 6 ~

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7

С Коровьевым-Фаготом связано посвящение в степень Кадош - степень рыцаря белого и черного орла. Неслучайно во время визита буфетчика Театра Варьете Сокова в Нехорошую квартиру Гелла впервые называет первого помощника Воланда рыцарем. Детали обстановки, которые видит вошедший, - пародия на обряд посвящения именно в рыцарскую степень Кадош: "Войдя туда, куда его пригласили, буфетчик даже про дело свое позабыл, до того его поразило убранство комнаты. Сквозь цветные стекла больших окон... лился необыкновенный, похожий на церковный свет. В старинном громадном камине, несмотря на жаркий весенний день, пылали дрова. А жарко между тем нисколько не было в комнате, и даже наоборот, входящего охватывала какая-то погребная сырость. Перед камином на тигровой шкуре сидел, благодушно жмурясь на огонь, черный котище. Был стол, при взгляде на который богобоязненный буфетчик вздрогнул: стол был покрыт церковной парчой (в ранней редакции прямо говорилось, что на парче "были вышиты кресты, но только кверху ногами"; тем самым усиливалось сходство с тевтонскими крестами на бархатном покрытии балдахина во время посвящения в рыцари черного и белого орла)... У камина маленький, рыжий, с ножом за поясом, на длинной стальной шпаге жарил куски мяса, и сок капал в огонь, и в дымоход уходил дым".

Соков видит и другие предметы, характерные для степени Кадош: "...На спинку стула наброшен был траурный плащ, подбитый огненной материей, на подзеркальном столике лежала длинная шпага с поблескивающей золотой рукоятью. Три шпаги с рукоятями серебряными стояли в углу так же просто, как какие-нибудь зонтики или трости. А на оленьих рогах висели береты с орлиными перьями". Шпаги - это современное повторение мечей рыцарей черного и белого орла. С орлом ассоциируются и орлиные перья беретов, а черно-красный плащ Воланда соответствует одеянию Великого Командора.

Испытания, которым в память о казнях тамплиеров подвергают посвящаемого в степень Кадош, пародийно воспроизведены в тех испытаниях, что выпали на долю Сокова в Нехорошей квартире. Согласно описанию Соколовской, кандидату в рыцари черного и белого орла надевали на шею веревку - в память о рыцарях Храма, погибших на виселицах. Под буфетчиком Театра Варьете "с треском подломилась" скамеечка, что символизирует скамейку, выбиваемую из-под ног висельника, а горящая жаровня - костры, на которых жгли тамплиеров.

Испытаний Андрей Фокич не выдерживает. Согласно Соколовской, рыцарям степени Кадош было предписано избегать семи пороков: "гордости, скупости, неумеренности, похоти, корыстолюбия, праздности, гнева". Воланд ставит вопросы перед Соковым таким образом, чтобы выяснить наличие или отсутствие у него всех этих грехов. Выясняется, что похоть, неумеренность, гордость, праздность чужды Сокову - он не пьет вина, не интересуется женщинами, не привык к употреблению вкусной и дорогой пищи, не умеет веселиться и праздно проводить свое время. Зато буфетчик страдает скупостью и корыстолюбием и может разгневаться, как возмущается он вопросом Воланда: "Вы когда умрете?"

Соков, как и другие современные персонажи "Мастера и Маргариты", испытаний, которые должны пройти кандидаты на обретение различных степеней М., не осилил. Ни один из псевдомасонских обрядов в "Мастере и Маргарите" не доводится до конца. Воланд и его товарищи подмастерья уподоблены в романе обладателям высших степеней М., для которых характерна, по утверждению Соколовской, страстная проповедь "борьбы со злом силою". Сатане и его свите особенно присуще мщение - отличительная черта степени Кадош. Они наказывают Берлиоза, Барона Майгеля и Алоизия Могарыча. Последний уподоблен строителю-подмастерью, предательски убившему Великого Мастера Хирама. Могарыч успел уже произвести в подвальчике булгаковского Мастера кое-какие строительные работы:
" - Я ванну пристроил, - стуча зубами, кричал окровавленный Могарыч и в ужасе понес какую-то околесицу - одна побелка... купорос..."

Во время последнего полета Фагот обретает облик рыцаря черного и белого орла. В варианте 1936 г. он выглядел следующим образом: "Луна лила бешеный свет, и теперь он заиграл на золотых застежках кафтана на рукояти, на звездах шпор. Не было никакого Коровьева, невдалеке от мастера скакал, колол звездами бока коня рыцарь в фиолетовом. Все в нем было печально, и мастеру показалось даже, что перо с берета свешивается грустно". Коровьев-Фагот похож на тех рыцарей черного и белого орла, которые, по словам Соколовской, несколько модернизировали рыцарский костюм, надев короткие черные далматики (кафтаны) черного или белого цвета и пояса с серебряной или золотой бахромой, а также черные шляпы, украшенные золотым солнцем (у Булгакова вместо шляпы - берет с орлиным пером).

В окончательном тексте рыцарский наряд Фагота превратился в традиционные рыцарские доспехи, как это и было в большинстве лож степени Кадош; а прегрешение, за которое он понес наказанье, стало прямо связываться с темой света и тьмы: "На месте того, кто в драной цирковой одежде покинул Воробьевы горы под именем Коровьева-Фагота, теперь скакал, тихо звеня золотою цепью повода, темно-фиолетовый рыцарь с мрачнейшим и никогда не улыбающимся лицом...
- Почему он так изменился? - спросила тихо Маргарита под свист ветра у Воланда.
- Рыцарь этот когда-то неудачно пошутил, - ответил Воланд, поворачивая к Маргарите свое лицо с тихо горящим глазом, - его каламбур, который он сочинил, разговаривая о свете и тьме, был не совсем хорош. И рыцарю пришлось после этого прошутить немного больше и дольше, нежели он предполагал. Но сегодня такая ночь, когда сводятся счеты. Рыцарь свой счет оплатил и закрыл!" В качестве символа печали, траура и смерти выбран не черный цвет, принятый в ложе степени Кадош, а фиолетовый, традиционный для западного христианства. Поскольку рыцари белого и черного орла именовали себя "сынами света" и "сынами солнца", каламбур насчет солнца и тьмы являлся для них вещью предосудительной и мог быть сочтен гордыней - одним из семи запретных для степени Кадош пороков. В наказание Коровьева-Фагота превратили в шута.

Одно из занятий, которым предлагает Воланд заняться Мастеру в последнем приюте - "сидеть над ретортой в надежде, что вам удастся вылепить нового гомункула", хотя и восходит к соответствующему эпизоду "Фауста", имеет, как, впрочем, и у Гёте, масонскую окраску. Соколовская в статье "Масонские системы" рассказывает о так называемой Теоретической степени М., которая "есть посредствующее звено между свободным каменщичеством и высшим собратством избранных просветленных, т. е. "внутренним орденом", к принятию в теоретические философы избирались достойнейшие питомцы масонского приуготовительного училища, иоанновские мастера; однако им предоставлялось еще время пройти одну или две степени шотландского масонства, "дабы к философским работам способными соделать"...

В русских архивах сохранились многочисленные списки предметов для занятий масонов в степени теоретических братьев, но многие из них писаны шифром и трудно поддаются толкованию: не всегда возможно угадать границу между иносказанием и действительностью. Таковы подробнейшие описания "создания гомункула в хрустальных ретортах из майской росы и человеческой крови" (этот процесс следует понимать как метафору соединения мужского и женского начала, крови и росы, с целью достижения Андрогина - двуполого совершенного существа)..."

Фактически Воланд обещает Мастеру производство в следующую степень - теоретического философа. Интересно, что действие московских сцен "Мастера и Маргариты" происходит в мае, так что один ингредиент гомункула оказывается прямо под рукой. Другим ингредиентом должна послужить кровь убитого на Великом балу у сатаны Барона Майгеля. Эта кровь "давно ушла в землю", так что она может соединиться с майской росой и сделать возможным сотворение гомункула.

Полет Мастера в черном ночном небе к последнему приюту в скалах (вспоминается шубертовское "Черные скалы мой покой", произносимое во время последнего полета Коровьевым-Фаготом в варианте 1931 г.), где герой должен обрести степень теоретического философа, ассоциируется с мрачной обстановкой теоретических лож. Соколовская утверждала: "В противоположность светлому, красивому убранству лож иоанновского масонства и причудливой обстановке красных шотландских лож, ложи, предназначавшиеся для заседаний теоретических братьев, были мрачны, их убирали черным сукном и черным шелком".

Поскольку теоретическая степень занимала промежуточное положение между низшим, иоанновским М. и высшим, андреевским, неполнота награды, данной булгаковскому герою, может найти здесь свое объяснение. Как предупреждал Воланд Мастера в ранней редакции: "Ты не поднимешься до высот, не будешь слушать мессы...". Последний приют, где творец романа о Понтии Пилате сможет наслаждаться покоем, находится на границе света и тьмы.

Возлюбленный Маргариты не поднимается до степени рыцарей черного и белого орла - "сынов света", но оказывается выше обладателей степеней иоанновского М., которым, по Соколовской "открыты были лишь символы кристаллически чистого учения нравственного усовершенствования и служения на пользу страждущего человечества". Таким "голым светом", говоря словами Воланда, способен наслаждаться только одномерно мыслящий Левий Матвей, не только ученик Иешуа Га-Ноцри, но и как бы обладатель низшей, ученической степени М. Булгаковский Мастер выше столь примитивного понимания светлого начала, однако сам не способен к борьбе и мщению, хотя и готов признать способность зла творить благо. Поэтому он не в состоянии достичь высших степеней андреевского, или шотландского М.

В завершении:

Булгаков думал умереть от финских ножей в спине
Масонский знак треугольника
И Кант тоже масон?!
Масонство и Коммунистическая партия едины!

« Назад

Наверх »

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Масонство, часть 7 ~

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7

Булгаков употреблял терминологию М. даже в своей переписке. В письме философу и литературоведу П. С. Попову от 19 марта 1932 г. он, имея в виду гибель Александра Пушкина (1799-1837), утверждал: "Когда сто лет назад командора нашего русского ордена писателей пристрелили, на теле его нашли тяжелую пистолетную рану. Когда через сто лет будут раздевать одного из потомков перед отправкой в дальний путь, найдут несколько шрамов от финских ножей. И все на спине. Меняется оружие!" Писатель иносказательно говорит о критической заметке драматурга Всеволода Вишневского (1900-1951), сорвавшей постановку "Кабалы святош" в ленинградском Большом драматическом театре. Себя, как и Пушкина, Булгаков произвел в высшую степень писательского ордена, по аналогии с орденом масонским.

Символику М. в "Мастере и Маргарите" автор соединял с христианским преданием. Бриллиантовый треугольник на портсигаре Воланда, предъявляемом литераторам на Патриарших, - это явно масонский знак, олицетворение того золотого треугольника, который обреченный мастер Хирам-Адонирам бросил в глубокий колодец. В книге британского историка и богослова епископа Ф. В. Фаррара "Жизнь Иисуса Христа" (1873), выписки из которой сохранились в булгаковском архиве, можно прочесть: "Чтобы показать им (главным священникам, книжникам, раввинам, представителям всех классов Синедриона), что самое писание пророчественно обличает их; Христос спросил, неужели они никогда не читали в Писании о камне, который отвергнут был строителями, но который, тем не менее, по чудесным целям Божиим, сделался главой угла? Как могли они дальше оставаться строителями, когда весь план их строительства был отвергнут и изменен? Разве древнее мессианское пророчество не показывает ясно, что Бог призовет других строителей на строительство своего храма?" М. учитывает в своем учении и эту притчу, вследствие чего масонский треугольник на портсигаре Воланда мог быть истолкован автором "Мастера и Маргариты" как краеугольный камень (отвергнутый камень, который чудесным образом сделался главой угла).

Слова Ивана Бездомного: "Взять бы этого Канта, да за такие доказательства года на три в Соловки!" тоже связаны с темой М. Весной 1926 г. в Ленинграде ОГПУ арестовало членов масонского кружка мартинистов во главе с Борисом Викторовичем Кириченко (1883 г. рождения), имевшим псевдонимы Астромов и Ватсон. Этот бывший гвардейский офицер стал в революцию юрисконсультом Смольного. Он являлся генеральным секретарем "Автономного русского масонства", а в момент ареста служил финансовым инспектором губернского отдела народного образования. Подробный рассказ о деле Кириченко-Астромова и его товарищей, осужденных постановлением коллегии ОГПУ на 3 года лагерей, был напечатан в вечернем выпуске "Красной газеты" 15 июня 1928 г. Там среди членов астромовского кружка упоминались "последователи Канта, вычищенные из партии". Таким образом, если не сам И. Кант, то его последователи-масоны в СССР в конце 20-х годов имели все шансы очутиться в Соловецком концлагере. В последнем полете Мастер летит в костюме XVIII в., уподобляясь как Канту, так и обладателю масонской степени теоретического философа.

В очерке "Красной газеты" указывалось, что Астромов был гипнотизером и вместе с другим масоном Гредигером утверждал, что живет уже две тысячи лет. В "Мастере и Маргарите" Воланда, во многом действующего как обладателя высшей масонской степени, принимают за гипнотизера, а живет он никак не менее девятнадцати веков, если присутствовал при допросе Понтием Пилатом Иешуа Га-Ноцри.

Авторы очерка, известные журналисты братья Тур (Леон Давидович Тубельский (1905-1961) и Петр Львович Рыжей (1908-1978) писали, что руководители ленинградских масонов "выставляли масонство как философское, умозрительное течение, культурно-этический профсоюз, ничего общего с западным политиканствующим масонством не имеющий. Более того, Астромов (кстати сказать, участник штурма Зимнего в октябре 1917г.) декларировал масонство, как попутчика ВКП(б) и исторически "доказывал" общность целей автономного русского масонства и коммунистической партии". После ареста Астромов даже написал письмо И. В. Сталину с изложением этих идей, оставшееся без ответа.

Не исключено, что дело кружка Астромова, показавшего живучесть М. в советских условиях, стало одним из побудительных мотивов для Булгакова широко использовать масонскую обрядность в "Мастере и Маргарите".

« Назад

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Кабала святош"

Страницы: 1 2

"Кабала святош" - пьеса, второе название которой - "Мольер".

Под этим названием была поставлена МХАТом 16 февраля 1936 г., однако из-за резко критической статьи в "Правде" "Внешний блеск и фальшивое содержание" 9 марта 1936 г. спектакль был снят, успев пройти при неизменном аншлаге семь раз. В 1932 г. в Берлине вышел перевод К. с. на немецкий В. Грёгера. Впервые опубликована: Булгаков М. Пьесы. М.: Искусство, 1962.

К. с., пьесу о великом французском комедиографе Жане Батисте Мольере (Поклене) (1622-1673), Булгаков начал писать в октябре 1929 г., а в декабре того же года закончил первую редакцию. 19 января 1930 г. драматург читал К. с. во МХАТе, который принял пьесу к постановке. Но 18 марта 1930 г. Главрепертком запретил К. с. Это событие стало одной из причин булгаковского письма правительству СССР от 28 марта 1930 г. с просьбой определить его судьбу и либо выслать за границу, либо дать средства к существованию на родине. После некоторых исправлений текста, 3 октября 1931 г. Главрепертком разрешил пьесу к постановке при условии ряда купюр и изменений и только в театрах Москвы и Ленинграда. К. с. по требованию цензуры получила название "Мольер".

12 октября 1931 г. Булгаков заключил договор с Ленинградским Большим Драматическим Театром на постановку К. с., а 15 октября - такой же договор с МХАТом. 14 марта 1932 г. БДТ известил автора об отказе от постановки. Спектакль был сорван выступлениями в ленинградской прессе известного драматурга Всеволода Витальевича Вишневского (1900-1951), писавшего 11 ноября 1931 г. в "Красной газете": "Зачем тратить силы, время на драму о Мольере, когда к вашим услугам подлинный Мольер. Или Булгаков перерос Мольера и дал новые качества, по-марксистски вскрыл "сплетения давних времен"?"

В письме своему другу П. С. Попову от 27 марта 1932 г. Булгаков так охарактеризовал творца этого литературного доноса: "Внешне: открытое лицо, работа "под братишку", в настоящее время крейсирует в Москве". Впоследствии в "Мастере и Маргарите" автор "Первой Конной" (1929) и "Оптимистической трагедии" (1933) был спародирован (через лавровишневые капли и устойчивое сочетание древнерусских имен Мстислав - Всеволод) в образе критика-конъюнктурщика Мстислава Лавровича, сыгравшего зловещую роль в травле гениального Мастера. Для Вишневского Булгаков был не только идейный противник, но и опасный в коммерческом смысле конкурент, поскольку К. с. и другие булгаковские пьесы грозили вытеснить из репертуара произведения "братишки моряка".

Репетиции К. с. во МХАТе затянулись более чем на четыре года. В ходе их произошел конфликт основателя Художественного театра Константина Сергеевича Станиславского (Алексеева) (1863-1938) с Булгаковым. Станиславский утверждал: "Не вижу в Мольере человека огромной воли и таланта. Я от него большего жду. Если бы Мольер был просто человеком... но ведь он - гений. Важно, чтобы я почувствовал этого гения, не понятого людьми, затоптанного и умирающего... Человеческая жизнь Мольера есть, а вот артистической жизни - нет". Эти мысли "гениальный старик" высказал сразу после того, как 5 марта 1935 г. ему была впервые продемонстрирована К. с. (без последней картины "Смерть Мольера").

Станиславский как будто чувствовал цензурную неприемлемость главной идеи драматурга - трагической зависимости гениальнейшего комедиографа от ничтожной власти, от напыщенного и пустого Людовика XIV (1638-1715) и окружающей короля "кабалы святош" (последнее название вызвало аллюзии у цензоров и было заменено). Главный режиссер МХАТа стремился сместить акценты пьесы и перенести конфликт в план противостояния гения и не понимающей его толпы. Даже сатирическая направленность творчества Мольера не казалась Станиславскому столь уж опасной с цензурной точки зрения. Он указывал: "Ведь Мольер обличал всех без пощады, где-то надо показать, кого и как он обличал".

22 апреля 1935 г. Булгаков направил Станиславскому письмо, где отказался переделывать пьесу. Он подчеркнул, что "намеченные текстовые изменения... нарушают мой художественный замысел и ведут к сочинению какой-то новой пьесы, которую я писать не могу, так как в корне с нею не согласен", и выразил готовность забрать пьесу из МХАТа. Станиславский капитулировал, согласился текст не трогать, но пытался добиться торжества своих идей с помощью режиссуры, побуждая актеров к соответствующей игре. Иначе, чем Булгаков, Станиславский видел и декорации к спектаклю. Он хотел, чтобы спектакль был "парадным и нарядным", "из золота и парчи", чтобы все сияло как солнце". Точно также хотел передать пышность века "короля-солнца" режиссер К. с. Николай Михайлович Горчаков (1898-1958). На этот раз "система Станиславского" не сработала, труппа отказалась играть так, как он хотел.

С конца мая 1935 г. Станиславский отказался от репетиций, и за постановку взялся второй "отец-основатель" МХАТа Владимир Иванович Немирович-Данченко (1858-1943). Пышные, с обилием позолоты и бархата декорации художника Петра Владимировича Вильямса (1902-1947) призваны были придать спектаклю конкретно-исторический колорит и замаскировать нежелательные ассоциации с современностью. Булгакову и его третьей жене, в отличие от публики, постановка во МХАТе не очень понравилась. 6 февраля 1936 г. после генеральной репетиции Е. С. Булгакова записала в дневнике: "Это не тот спектакль, которого я ждала с 30 года..."

Участь К. с. была решена 29 февраля 1936 г., когда председатель Комитета по делам искусств при Совнаркоме СССР Платон Михайлович Керженцев (Лебедев) (1881-1940) представил в Политбюро ЦК ВКП(б) записку "О "Мольере" М. Булгакова (в филиале МХАТа)", где информировал: "М. Булгаков писал эту пьесу в 1929-1931 гг., т. е. в тот период, когда целый ряд его пьес был снят с репертуара или не допущен к постановке... Он хотел в своей новой пьесе показать судьбу писателя, идеология которого идет вразрез с политическим строем, пьесы которого запрещают.

В таком плане и трактуется Булгаковым эта "историческая" пьеса из жизни Мольера. Против талантливого писателя ведет борьбу таинственная "Кабала", руководимая попами, идеологами монархического режима... И одно время только король заступается за Мольера и защищает его против преследований католической церкви.

Мольер произносит такие реплики: "Всю жизнь я ему (королю) лизал шпоры и думал только одно: не раздави... И вот все-таки раздавил..."; "Я, быть может, вам мало льстил? Я, быть может, мало ползал? Ваше величество, где же вы найдете такого другого блюдолиза, как Мольер?"; "Что я должен сделать, чтобы доказать, что я червь?"

Эта сцена завершается возгласом: "Ненавижу бессудную тиранию!" (Репертком исправил на: "королевскую") (К счастью, Керженцев не знал, что в черновике у Булгакова было еще более кромольно: "Ненавижу государственную власть!")

Несмотря на всю затушеванность намеков, политический смысл, который Булгаков вкладывает в свое произведение, достаточно ясен, хотя, может быть, большинство зрителей этих намеков и не заметят.

Он хочет вызвать у зрителя аналогию между положением писателя при диктатуре пролетариата и при "бессудной тирании" Людовика XIV".

Критика Керженцева поразительно совпадала с критикой К.с. Станиславским, хотя с замечаниями режиссера чиновник наверняка не был знаком: "Пьеса о гениальном писателе, об одном из самых передовых борцов за новую буржуазную культуру против поповщины и аристократии, об одном из ярчайших реалистов XVIII столетия (на самом деле должно быть - XVII, впрочем, опечатка вполне адекватна тому бреду насчет "реализма" правоверного классициста Мольера и его борьбе за "новую буржуазную культуру", которую Керженцев разделял с марксистской эстетикой того времени), крепко боровшегося за материализм против религии, за простоту против извращенности и жеманства. А где же Мольер?

В пьесе Булгакова писателя Мольера нет и в помине. Показан, к удовольствию обывателя, заурядный актерик, запутавшийся в своих семейных делах, подлизывающийся у короля - и только.

Зато Людовик XIV выведен, как истый "просвещенный монарх", обаятельный деспот, который на много голов выше всех окружающих, который блестит как солнце в буквальном и переносном смысле слова".

На самом деле Людовик у Булгакова показан не обаятельным, а вполне ничтожным и подлым деспотом, но, говоря о монархе, Керженцев возвысил этот образ и ничего не сказал о булгаковской иронии, поскольку ясно давал понять своим адресатам, кто является действительным прототипом Людовика XIV, а о И. В. Сталине плохо говорить было нельзя. Вывод же оказался убийственным для Булгакова: "Если оставить в стороне политические намеки автора и апофеоз Людовика XIV, то в пьесе полная идейная пустота - никаких проблем пьеса не ставит, ничем зрителя не обогащает, но зато она искусно, в пышном пустоцвете, подносит ядовитые капли".

Отзыв Керженцева совпадал и с отзывом первого цензора К. с. Исаева: "Очевидно, автор не без тайного замысла в такой скрытой форме хочет бить нашу цензуру, наши порядки. Он даже предлагал пьесу разрешить, поскольку "переключение" в нашу эпоху слишком замаскировано, трусливо", но Главрепертком тогда, в марте 1931 г., К. с. запретил. Пять лет спустя "замаскированность" политических намеков в глазах Керженцева была уже не смягчающим, а отягчающим вину обстоятельством. От опытного чиновничьего глаза не укрылись и попытки МХАТа приглушить аллюзии К. с.: "Что же сделал театр с этим ядовитым пустоцветом? Политические намеки он не хотел подчеркивать и стремился их не замечать. Не имея никакого идейного материала в пьесе, театр пошел по линии наименьшего сопротивления. Он постарался сделать из спектакля пышное зрелище и взять мастерством актерской игры.

Вся энергия театра ушла в это внешнее. Декорации (Вильямса), костюмы, мизансцены - все это имеет задачей поразить зрителя подлинной дорогой парчой, шелком и бархатом".

Председатель Комитета по делам искусств предложил: "Побудить филиал МХАТа снять этот спектакль не путем формального его запрещения, а через сознательный отказ театра от этого спектакля, как ошибочного, уводящего их с линии социалистического реализма. Для этого поместить в "Правде" резкую редакционную статью о "Мольере" в духе этих моих замечаний и разобрать спектакль в других органах печати.

Пусть на примере "Мольера" театры увидят, что мы добиваемся не внешне блестящих и технически ловко сыгранных спектаклей, а спектаклей идейно насыщенных, реалистически полнокровных и исторически верных - от ведущих театров особенно".

Сталин возглавляет свору гонителей Булгакова
Советский миф о Мольере-соцреалисте
Антибулгаковская статья в "Правде"
Проницательный читатель - спаситель и пророк
Образец доноса на драматурга
МХАТ - кладбище пьес
Читайте завершение

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций
Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы
Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи
Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта
Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

"Кабала святош", часть 2

Страницы: 1 2

Сталин одобрил предложения Керженцева. Еще до решения Политбюро в прессе появились критические статьи против "Мольера". 11 февраля 1936 г. в "Советском искусстве" была напечатана статья давнего гонителя Булгакова председателя Главреперткома Осафа Семеновича Литовского (1892-1971) (в "Мастере и Маргарите" он выведен в образе похожего на пастора критика Латунского). В тот же день в письме П. С. Попову драматург так охарактеризовал эту публикацию: "О пьесе отзывается неодобрительно, с большой, но по возможности сдерживаемой злобой..." 22 февраля в мхатовской многотиражке "Горьковец" против К. с. выступили собратья Булгакова по писательскому цеху Всеволод Иванов (1895-1963), Александр Афиногенов (1904-1941) и бывший товарищ по "Гудку" Юрий Олеша (1899-1960). Вс. Иванов обвинял драматурга в том, что он создал "ординарную мещанскую пьесу", а Ю. Олеша считал главным недостатком пьесы "отсутствие в фигуре Мольера профессиональных черт поэта, писателя".

Писавшие явно по заказу литераторы делали вид, что не читали интервью Булгакова "Он был велик и неудачлив", опубликованное в "Горьковце" 15 февраля 1936г.: "Меня привлекла личность учителя многих поколений драматургов, - комедианта на сцене, неудачника, меланхолика и трагического человека в личной жизни... Я писал романтическую драму, а не историческую хронику. В романтической драме невозможна и не нужна полная биографическая точность". Булгаков попытался, по его собственным словам, "проникнуть в загадку личной драмы Мольера", построив пьесу на версии, согласно которой вторая жена великого комедиографа, Арманда Бежар (1645-1700), в действительности была его дочерью. В связи с этим 17 февраля на К. с. обрушился рецензент "Вечерней Москвы", утверждавший, что "недопустимо строить пьесу на версии о Мольере-кровосмесителе, на версии, которая была выдвинута классовыми врагами с целью его политической дискредитации". Булгаковский Мольер противостоял уже сложившемуся советскому мифу о Мольере, представлявшему великого французского драматурга-классицита "борцом" за реализм, против религии, церкви, королевского абсолютизма и "феодальной" аристократии, к тому же совершенно безгрешным в личной жизни.

9 марта 1936 г. появилась инспирированная Керженцевым по поручению Политбюро антибулгаковская статья в "Правде". Там говорилось, что драматург написал "реакционную", "фальшивую" и "негодную" пьесу, "извратив и опошлив" мольеровскую биографию и творчество. Редакционная статья "Правды" особо обратилась на декорацию спектакля, обвинив театр, что тот попытался скрыть реакционное содержание пьесы "блеском дорогой парчи, шелка, бархата и всякими побрякушками".

Не все зрители поняли содержащиеся в К. с. политические намеки, в этом П. М. Керженцев был прав. Но проницательные читатели (и зрители) все же нашлись. 9 марта 1936 г. Булгаков получил письмо, подписанное "Ваша читательница", по-настоящему ободрившее его в трудную минуту и показавшее, что творчество драматурга доходит до той интеллигентной публики, которой оно адресовано. В послании утверждалось: "Печальный конец Вашего Мольера Вы предсказали сами: в числе прочих гадов, несомненно, из рокового яйца вылупилась и несвободная печать.

А т. к. не только багровой, но и красной расцветки нет в Вашей пьесе, то ее отстранили, как "Багровый остров".

Но все же однообразная Осанна, которую поют охрипшими голосами "поэтические рвачи и выжиги", так надоела, что Ваши талантливые произведения всем известны (я узнала содержание Вашего "Мольера" осенью 30-го г.)..."

Очевидно, что текст К. с. был известен поклонникам булгаковского творчества по крайней мере за пять с половиной лет до премьеры спектакля. Неизвестная читательница и почитательница Булгакова в своем письме возвышала автора К. с. над литераторами-современниками: "Обидно для Вас, для актеров и для нас, грешных, а хриплой Осанне тоже обидно: негромкое Ваше слово несомненно заглушает ее хриплый вой. Видно, демократия и всякие свободы нам не по плечу.

Не унывайте, - пишите, не ждет ли и Вас судьба Мольера? Вас будут ставить и читать и Вами восхищаться, когда от Афиногеновых и слуху не останется". Предсказание восторженной читательницы сбылось примерно через три десятилетия, когда в 60-е годы стали широко публиковать булгаковские произведения, а о популярном в 30-е годы драматурге А. Н. Афиногенове забыли почти сразу после его гибели от осколка германской авиабомбы в октябре 1941 г.

В тот же день, 9 марта 1936 г., Е. С. Булгакова зафиксировала в дневнике обращенные к Булгакову просьбы представителей МХАТа написать покаянное оправдательное письмо, от которого драматург категорически отказался. Неизвестный осведомитель НКВД в донесении 14 марта 1936 г. сообщил булгаковскую реакцию на события, связанные с К. с.: "Статья в "Правде" и последовавшее за ней снятие с репертуара пьесы М. Булгакова особенно усилили как разговоры на эту тему, так и растерянность. Сам Булгаков сейчас находится в очень подавленном состоянии (у него вновь усилилась его боязнь ходить по улицам одному), хотя внешне он старается ее скрыть. Кроме огорчения от того, что его пьеса, которая репетировалась четыре с половиной года, снята после семи представлений, его пугает его дальнейшая судьба как писателя... Он боится, что театры не будут больше рисковать ставить его пьесы, в частности, уже принятую театром Вахтангова "Александр Пушкин", и конечно, не последнее место занимает боязнь потерять свое материальное благополучие. В разговорах о причине снятия пьесы он все время спрашивает "неужели это действительно плохая пьеса?" и обсуждает отзыв о ней в газетах, совершенно не касаясь той идеи, какая в этой пьесе заключена (подавление поэта властью). Когда моя жена сказала ему, что, на его счастье, рецензенты обходят молчанием политический смысл его пьесы, он с притворной наивностью (намеренно) спросил: "А разве в "Мольере" есть политический смысл?" и дальше этой темы не развивал. Также замалчивает Булгаков мои попытки уговорить его написать пьесу с безоговорочной советской позиции, хотя по моим наблюдениям, вопрос этот для него самого уже не раз вставал, но ему не хватает какой-то решимости или толчка. В театре ему предлагали написать декларативное письмо, но этого он сделать боится, видимо, считая, что это "уронит" его как независимого писателя и поставит на одну плоскость с "кающимися" и подхалимствующими. Возможно, что тактичный разговор в ЦК партии мог бы побудить его сейчас отказаться от его постоянной темы (в "Багровом Острове", "Мольере" и "Александре Пушкине") - противопоставления свободного творчества писателя и насилия со стороны власти; темы, которой он в большой мере обязан своему провинциализму и оторванности от большого русла текущей жизни".

Не исключено, что безымянным осведомителем здесь выступил Евгений Васильевич Калужский (1896-1966), актер МХАТа и свояк Булгакова, муж сестры Е. С. Булгаковой Ольги Сергеевны Бокшанской (урожденной Нюренберг) (1891-1948). 9 марта 1936 г. Калужский с женой были у Булгаковых в момент, когда драматургу предлагали оправдываться письмом. Сам Калужский, страдавший алкоголизмом, однажды как будто даже прямо намекал на свою связь с органами. 24 августа 1934 г. Е. С. Булгакова отметила в дневнике: "Вечером был Женя Калужский, рассказывал про свою летнюю поездку. Приехал во Владикавказ, остановился в гостинице. Дико утомленный, уснул. Ночью пришли в номер четыре человека, устроили обыск, потом повели его в ГПУ. Там часа два расспрашивали обо всем... Потом извинились: Ошибка. Приняли за другого".

На Калужского как на осведомителя указывает и следующее более раннее обзорное донесение от 23 мая 1935 г., принадлежащее, очевидно, тому же агенту, что информировал о событиях, связанных со снятием К. с.: "БУЛГАКОВ М. болен каким-то нервным расстройством. Он говорит, что не может даже ходить один по улицам и его провожают даже в театр, днем." Далее приводится дословная оценка драматургом руководителей МХАТа: "Работать в Художественном театре сейчас невозможно. Меня угнетает атмосфера, которую напустили эти два старика СТАНИСЛАВСКИЙ и ДАНЧЕНКО. Они уже юродствуют от старости и презирают все, чему не 200 лет. Если бы я работал в молодом театре, меня бы подтаскивали, вынимали из скорлупы, заставили бы состязаться с молодежью, а здесь все затхло, почетно и далеко от жизни. Если бы я боролся мысль, что меня преследуют, я ушел бы в другой театр, где наверное бы помолодел".

В дневнике Е. С. Булгаковой именно такой разговор записан 20 марта 1935 г. и как раз с Е. В. Калужским: "Вчера у нас были Оля с Калужским. М. А. рассказывал нам, как все это (репетиции К. с.) происходит в Леонтьевском. Семнадцатый век старик (Станиславский) называет "средним веком", его же - "восемнадцатым". Пересыпает свои речи длинными анекдотами и отступлениями, что-то рассказывает про Стаховича (отставного генерала свиты Алексея Александровича Стаховича (1856-1919), поступившего в Художественный театр актером, ставшего потом одним из его директоров, а после революции покончившего с собой; послужил прототипом упоминаемого в "Театральном романе" покойного генерал-майора Клавдия Александровича Комаровского-Эшаппара де Бионкура, артиста Независимого Театра), про французских актеров, доказывает, что люди со шпагами не могут появиться на сцене, то есть нападает на все то, на чем пьеса держится. Портя какое-нибудь место, уговаривает М. А. "полюбить эти искажения".

В кампании против К. с. принял участие и Михаил Михайлович Яншин(1902-1976), один из наиболее близких Булгакову актеров МХАТа. 17 марта в "Советском искусстве" появилась его беседа с репортером под заголовком "Поучительная неудача", где утверждалось, что "на основе ошибочного, искажающего историческую действительность текста поставлен махово-натуралистический спектакль". Через год, 22 февраля 1937 г., как отмечает Е. С. Булгакова, в Доме актера Яншин объяснялся по поводу статьи о "Мольере", говорил, что его слова исказили, что он говорил совсем другое". Булгаков объяснений не принял и навсегда разорвал дружбу с Яншиным, по иронии судьбы игравшим в К. с. роль верного слуги Бутона, но в жизни вынужденного сыграть актера Муаррона, которому по ходу пьесы пришлось предать Мольера, своего учителя и друга.

Весной и летом 1936 г. МХАТ безуспешно пытался договориться с драматургом о внесении изменений в текст К. с. В августе 1936 г. в Синоне на Кавказе Н. М. Горчаков, по свидетельству Е. С. Булгаковой, хотел "уговорить М. А. написать не то две, не то три новых картины к "Мольеру". М. А. отказался: "Запятой не переставлю". Неспособность МХАТа отстоять К. с. подтолкнула Булгакова к решению уйти с должности мхатовского режиссера-ассистента. 9 сентября 1936 г. он сказал об этом Е. С. Булгаковой, а 15 сентября подал заявление об уходе. Вопреки мнению агентов НКВД, драматург не убоялся материальных трудностей. 9 сентября 1936 г. Е. С. Булгакова записала в дневнике насчет МХАТа: "После гибели "Мольера" М. А. там тяжело:

- Кладбище моих пьес".

2 октября 1936 г. в письме другу и соавтору по пьесе "Александр Пушкин" Викентию Вересаеву (Смидовичу) (1867-1945) Булгаков прямо связал свой уход из МХАТа со снятием мольеровского спектакля: "Из Художественного театра я ушел. Мне тяжело работать там, где погубили "Мольера".

« Назад Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Попов П. С. ~

Попов Павел Сергеевич (1892-1964) - философ и литературовед, один из ближайших друзей Булгакова, автор первого булгаковского биографического очерка, созданного в 1940 г. вскоре после смерти писателя, но опубликованного только в 1991 г.

П. родился 28 июля (9 августа) 1892 г. в г. Иванове в семье крупного суконного фабриканта Сергея Максимовича Попова (1862-1934). Окончил гимназию, а в 1915 г. - историко-филологический факультет Московского университета, в один год с другим ближайшим булгаковским другом - Н. Н. Ляминым. Оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. Преподавал в гимназиях, был профессором Нижегородского университета, читал курс логики в московском Институте слова.

По воспоминаниям двоюродной сестры П. А. М. Шуберт: "После революции 1917 года и начавшейся перестройки в СССР всей науки началась перестройка и научной деятельности Павла Сергеевича. От разработки философских проблем гносеологического порядка он стал постепенно переходить на проблемы логики, на литературоведение... Для себя же углублялся в чтение ранних христианских философов (Фомы Аквинского) и философии средневековья (Блаженный Августин)".

С 1923 г. П. работал в Государственной Академии Художественных Наук (ГАХН). В 1926 г. женился на внучке писателя Льва Николаевича Толстого (1828-1910) Анне Ильиничне Толстой (1887-1954). В 1930 г. ГАХН расформировали. П. был исключен из ГАХН и как представитель "эксплуататорских классов" в сентябре 1931 г. вместе с женой выслан в Ленинград, где работал в Институте русской литературы (Пушкинском доме) АН СССР. В феврале 1932 г. с помощью А. И. Толстой получил разрешение вернуться в Москву.

П. занимался творчеством Александра Пушкина (1799-1837), Федора Достоевского (1821-1881), Антона Чехова (1864-1904), Льва Толстого, Ивана Тургенева (1818-1883) и др., работал над академическим пушкинским собранием сочинений, переводил Платона (428 или 427 - 348 или 347 до н. э.) и других античных авторов. В 1944 г. стал заведующим кафедрой логики в МГУ.

Скончался 31 января 1964 г. в Москве. Похоронен на Ваганьковском кладбище. Автор многих статей и нескольких книг, в том числе вузовского учебника "Логика" (1960) и посмертно изданной монографии "Развитие логических идей от античности до эпохи Возрождения" (1974).

П. познакомился с Булгаковым в 1926 г. и, сразу же оценив булгаковский талант, высказал пожелание стать биографом писателя. П. в 20-е годы со слов Булгакова зафиксировал ряд фактов его жизни и творчества, которые использовал позднее для создания биографического очерка. Эти записи, сделанные по памяти, касаются раннего творчества Булгакова, до "Дней Турбиных" включительно, а также жизни писателя в годы гражданской войны.

Обращает на себя упоминающийся здесь ненайденный пока фельетон того периода: "В революционные годы писал фельетоны. Наиболее выдающийся "День главного врача", где описывается военная обстановка". Возможно, этот фельетон стал первой редакцией рассказа "Необыкновенные приключения доктора".

Интересна и характеристика, данная Булгаковым "Белой гвардии": "Свой роман считаю неудавшимся, хотя выделяю из своих других вещей, так как к замыслу относился очень серьезно". Соотношение повествовательного и драматургического начала в своем творчестве Булгаков сравнил с левой и правой рукой пианиста, подчеркнув невозможность противопоставить одно другому. Писатель признался П. в большом значении снов в своих произведениях: "Сны играют для меня исключительную роль. Теперь снятся только печальные сны. В романе сны построены искусственно. Прямых реальных черт они не отображают".

П. увлекали проблемы творчества и бессознательного. Сохранились рукописи его статей для терминологического словаря ГАХН, так и не увидевшего свет. В статье "Творчество" П. анализировал и творческий процесс Булгакова, явно пользуясь консультациями писателя: "Автопортретный образ Алексея Турбина в романе "Белая гвардия" Булгакова, слившись с фигурой Най-Турса, дал в позднейшем тексте "Дней Турбиных" новый комбинированный образ Алексея, более сложный и структурный, что явствует из сличения текста романа с пьесой. Самые продукты творчества носят на себе отпечаток своего генезиса".

А в статье "Бессознательное" П. в качестве примера "развития творческой фантазии на основе впечатлений, сохранившихся в памяти", привел булгаковскую "Белую гвардию": "Бегство Тальберга в Германию. Сборы. "А потом... потом в комнате противно, как во всякой комнате, где хаос укладки, и еще хуже, когда абажур сдернут с лампы. Абажур священен. Никогда не убегайте крысьей побежкой на неизвестность от опасности. У абажура дремлите, читайте, пусть воет вьюга - ждите, пока к вам придут". Это место П. связал с воспоминаниями Булгакова о лампе в отцовском кабинете, зафиксированными в беседе с писателем: "Особое значение для меня имеет образ лампы с абажуром зеленого цвета. Это для меня очень важный образ. Возник он из детских впечатлений - образа моего отца, пишущего за столом. Если мать мне служила стимулом создания романа "Белая гвардия", то по моим замыслам образ отца должен быть отправным пунктом для другого замышляемого мною произведения". Тогда, в 1926 г., Булгаков уже задумывался над будущим романом "Мастер и Маргарита", где отразились научные интересы отца, А. И. Булгакова - история Христианства, а также проблемы современного Масонства.

Сохранилась довольно обширная переписка П. и Булгакова за 1928-1939 гг. В первом из известных писем от 8 сентября 1928 г. П. писал с Кавказа, имея в виду пьесу "Бег": "Вы сами знаете, как приходится страдать от отсутствия настоящей литературы в теперешнее время, - за прошлый год в театрах не удалось посмотреть ни одной мало-мальски ценной вещи; и вот есть основание предполагать, что в предстоящем году удастся посмотреть одно действительно ценное произведение" (надежды, как известно, не оправдались, поскольку "Бег" был запрещен).

Предметом обсуждения в переписке стало содержание и судьбы пьес "Кабала святош", "Адам и Ева", "Блаженство" и театральной и кинематографической инсценировок "Мертвых душ", равно как и возобновление (после снятия в 1929 г.) "Дней Турбиных". П. блистал остроумием, Булгаков ему не уступал. 28 февраля 1932 г. П. сообщал из Ленинграда: "Вот марксистов тут меньше, чем в Москве, поэтому я об экономических основах Турбинской пьесы и не подумал; на первое представление не успел попасть...". А по поводу "Блаженства" он писал 6 марта 1934 г.: " 2222-й год (время действия в пьесе) меня очень интересует. Я очень люблю и ценю чисто научные прозрения в будущее".

П. имел склонность к сравнительно-литературоведческим исследованиям. 19 марта 1934 г. он поделился с Булгаковым очередным открытием: "Сегодня решил не заниматься - читаю французский роман, заподозрив, что дедушка Толстой недаром его читал, называется он "Une femme genante" ("Стеснительная женщина"), а главный герой Corentin, пропусти букву T и выйдет недурной русский роман, а Толстой любил qui pro quo (один вместо другого (лат.), в значении путаница, недоразумение)".

Несомненно, от П. с его огромной эрудицией не могло укрыться, что и Булгаков "недаром" читал многие произведения мировой литературы, отразившиеся в его творчестве. В булгаковском письме П. от 25 января 1932 г. отчетливо сквозит пессимизм, вызванный продолжающимся запретом всех пьес и личной драмой - невозможностью встречаться с будущей третьей женой Е. С. Булгаковой и постепенным распадом брака со второй женой Л. Е. Белозерской: "Бессонница, ныне верная подруга моя, приходит на помощь и водит пером. Подруги, как известно, изменяют. О, как желал бы я, чтобы эта изменила мне!
Итак, дорогой друг, чем закусывать, спрашиваете Вы? Ветчиной. Но этого мало. Закусывать надо в сумерках, на старом потертом диване, среди старых и верных вещей. Собака должна сидеть на полу у стула, а трамваи слышаться не должны. Сейчас шестой час утра, и вот они уже воют, из парка расходятся. Содрогается мое проклятое жилье... Впервые ко мне один человек пришел, осмотрелся и сказал, что у меня в квартире живет хороший домовой. Надо полагать, что ему понравились книжки, кошка, горячая картошка. Он ненаблюдателен. В моей яме живет скверная компания: бронхит, ревматизм и черная дамочка - Нейрастения. Их выселить нельзя. Дудки! От них нужно уехать самому".

Но это письмо писалось долго - вплоть до 24 февраля. За это время успело произойти одно чрезвычайно радостное для Булгакова событие - возобновление "Дней Турбиных" во МХАТе. Поэтому свое послание он закончил на более оптимистической ноте: "Для автора этой пьесы это значит, что ему - автору - возвращена часть его жизни. Вот и все".

Литературные вкусы Булгакова и П. в значительной степени совпадали. Судя по письмам, оба высоко ставили прозу Алексея Апухтина (1840-1893), оставаясь равнодушными к его поэзии. Это было уже во время смертельной болезни Булгакова. Его последнее дошедшее до нас письмо П. датировано 24 января 1940 г.: "Жив ли ты, дорогой Павел? Меня морозы совершенно искалечили, и я чувствую себя плохо. Позвони!"

Во время болезни друг навещал писателя, а после его кончины вошел в комиссию по литературному наследству. В биографическом очерке, предназначавшемся для так и не вышедшего в свет сборника булгаковских пьес, П. очень точно сказал о Булгакове: "Беспокойный, трудный путь писателя, пройденный с таким напряжением и неоскудевавшей энергией, путь жизни и творчества, на который было затрачено столько сил, работы и душевных мук и который оборвался так рано и несправедливо, дает право писателю на безмятежную оценку его писательского труда и на глубокую и вечную признательность за незабываемый вклад, внесенный им в сокровищницу русской литературы".

Е. С. Булгакова П. и особенно его жену явно недолюбливала, что отразилось в дневниковых записях. П. и А. И. Толстая принадлежали к кругу знакомых Л. Е. Белозерской и через нее познакомились с Булгаковым.

В последнем из дошедших до нас писем Булгакову от 12 декабря 1939 г. П. цитировал из собственного предисловия к выходящему под его редакцией сборника документов "Архив опеки Пушкина": "В связи с юбилеем, как известно, широко развернулась работа советских писателей по созданию новых драматических произведений, связанных с жизнью Пушкина, романов, ему посвященных, и т.п. Однако эти строки, в скрытой форме упоминавшие булгаковскую пьесу "Александр Пушкин", в тексте издания не сохранились, в чем П. признавал и свою вину: "В последний момент цензура потребовала, чтобы в предисловие был включен отдельный абзац о Николае I. Я его сделал, но места оставалось недостаточно, а переверстывать весь том - невозможно. Как быть? Мне говорят: вычеркните лишнее из предисловия. Я отвечаю, что лишнего не пишу. Ну, мы без вас найдем. И вычеркивают вышеприведенные строки. Я возражаю. А мне в ответ: да какие такие драматические произведения о Пушкине вы нашли? Я было хотел назвать то, из чего я внутренне исходил - твою пьесу, да махнул рукой и сказал: делайте, как хотите. А вышло глупо: ведь если кому будет интересна книга, так постановщикам твоей пьесы, и хорошо бы, если бы это было предусмотрено предисловием. А я смалодушествовал". П. не рискнул назвать цензорам имя друга-драматурга, почти все пьесы которого находились под запретом.

Е. С. Булгакова записала 11 июня 1937 г.: "Вечером - Аннушка с Патей Поповым. Случайно пришел Мелик (А. Ш. Мелик-Пашаев (1906-1964), дирижер Большого театра). Аннушка, по своей глупости, решила не ударить лицом в грязь перед Меликом и говорила о "высшем свете" (в связи с "Анной Карениной")... Ругала Немировича за книжку, ругала кого-то, кто описал ее отца, Илью Толстого, кричала "мой отец женился девственником и двадцать лет не изменял жене!"... На Мелика они произвели удручающее впечатление".

Но еще более удручающее впечатление на вдову Булгакова произвел отзыв о романе "Мастер и Маргарита", содержавшийся в адресованном ей письме П. от 27 декабря 1940 г. Здесь вместе с массой комплиментов покойному автору настойчиво проводилась мысль о невозможности публикации главного булгаковского произведения (осторожный П. явно опасался, как бы чего не вышло): "Я все под впечатлением романа. Прочел первую часть, кончая визитом буфетчика к Вас. Дм. Шервинскому (так именовался профессор Кузьмин в одном из промежуточных вариантов последней редакции романа, который читал П. и который до нас не дошел). Я даже не ждал такого блеска и разнообразия: все живет, все сплелось, все в движении - то расходясь, то вновь сходясь. Зная по кусочкам роман, я не чувствовал до сих пор общей композиции, и теперь при чтении поражает слаженность частей: все пригнано и входит одно в другое. За всем следишь, за подлинной реальностью, хотя основные элементы - фантастика. Один из самых реальных персонажей - кот. Что ни скажет, как ни поведет лапой - как рублем подарит. Как он отделал киевского дядюшку Берлиоза - очки надел и паспорт смотрел самым внимательным образом. Хохотал и больше всего над пением в филиале в Ваганьковском переулке. Я ведь чувствую и слышу, как вдруг ни с того ни с сего все, точно сговорившись, начинают стройно вопить. И слова - это прелесть: Славное море священный Байкал! Вижу, как их подхватывает грузовик - а они все свое. В выдумке М. А. есть поразительная хватка - сознательно или бессознательно он достиг самых вершин комизма. Современные эстетики (Бергсон (здесь речь идет о работе французского философа лауреата Нобелевской премии по литературе Анри Бергсона (1859-1941) "Смех" (1899-1924) и др.) говорят, что основная пружина смеха - то комическое чувство, которое вызывается автоматическим движением вместо движения органического, живого, человеческого, отсюда склонность Гофмана к автоматам. И вот смех М. А. над всем автоматическим и поэтому нелепым - в центре многих сцен романа.
Вторая часть - для меня очарование. Этого я совсем не знал - тут новые персонажи и взаимоотношения - ведь Маргарита Колдунья это Вы и самого себя Миша ввел. И я думал по новому заглавию, что Мастер и Маргарита означают Воланда и его подругу. Хотя сначала читал залпом, а теперь решил приступить ко 2-ой части после паузы, подготовив себя и передумав первую часть.
Хочется отметить и то, что мимолетные сцены, так сказать, второстепенные эпизоды также полны художественного смысла. Например, возвращение Рюхина из больницы; описание природы и окружающего с точки зрения встрясок на грузовике, размышления у памятника Пушкина - все исключительно выразительно.
Я подумал, что наш плотниковский подвальчик (квартира П. в Плотниковом переулке, 10/28) Миша так энергично выдрал из тетрадки, рассердившись на меня за что-то. Это может быть и так, но изъял это место Миша, конечно, по другой причине - ведь наш подвальчик Миша использовал для описания квартиры Мастера (и по мнению Л. Е. Белозерской, выраженному в ее мемуарах, плотниковская квартира П. и А. И. Толстой послужила прообразом подвальчика Мастера в окончательном тексте "Мастера и Маргариты"). А завал книгами окон, крашеный пол, тротуарчик от ворот к окнам - все это он перенес в роман, но нельзя было вдвойне дать подвальчик. Словом - уступаю свою прежнюю квартиру.
Но вот, если хотите - грустная сторона. Конечно, о печатании не может быть речи. Идеология романа - грустная, и ее не скроешь. Слишком велико мастерство, сквозь него все еще ярче проступает. А мрак он еще сгустил, кое-где не только не завуалировал, а поставил точки над i. В этом отношении я бы сравнил с "Бесами" Достоевского. У Достоевского тоже поражает мрачная реакционность - безусловная антиреволюционность. Меня "Бесы" тоже пленяют своими художественными красотами, но из песни слов не выкинешь - и идеология крайняя. И у Миши так же резко. Но сетовать нельзя. Писатель пишет по собственному внутреннему чувству - если бы изъять идеологию "Бесов", не было бы так выразительно. Мне только ошибочно казалось, что у Миши больше все сгладилось, уравновесилось, - какой тут! В этом отношении, чем меньше будут знать о романе, тем лучше. Гениальное мастерство всегда остается гениальным мастерством, но сейчас роман неприемлем. Должно будет пройти лет 50-100. Но как берегутся дневники Горького, так и здесь надо беречь каждую строку - в связи с необыкновенной литературной ценностью. Можно прямо учиться русскому языку по этому произведению.
Вот мои первые беспорядочные строки в связи с новыми страницами творчества М. А., с которыми я имел счастье познакомиться - благодаря Вам, почему и прошу Вас принять выражения моей глубокой признательности".

После этого письма переписка П. с Е. С. Булгаковой прервалась на пятнадцать лет, чему способствовала и "идеологическая" оценка П. главного булгаковского романа. Последнее из известных писем П. Е. С. Булгаковой датировано 21 декабря 1955 г. Из текста видно, что письму предшествовал перерыв отношений (П. благодарил "за внимание и память"), а само оно было ответом на присылку книги булгаковских пьес (М. Булгаков. Дни Турбиных. Последние дни. М.: Искусство, 1955): "Я снова оказался во власти обаяния Миши и его таланта. То обстоятельство, что я впервые читал печатный текст любимых моих произведений, захватило меня целиком: показалось, что вернулись вновь старые времена - как будто ничего не было, я сижу в подвальчике, читаю и сейчас пойду поделиться своими впечатлениями в соседний переулок (когда П. жил в Плотниковском переулке, Булгаков снимал квартиру неподалеку - в М. Левшинском).
Какой стиль! Ведь ни одного лишнего слова, а образы вспыхивают как живые при максимально сжатом тексте".

П. не дожил трех лет до первой публикации столь высоко оцененного им романа "Мастер и Маргарита".

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций
Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы
Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи
Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта
Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Лямин Н. Н. ~

Лямин Николай Николаевич (1892-1941?) - филолог, один из ближайших друзей Булгакова.

На даче в Крюково. 1926 г. М.А. Булгаков, Л.Е.Белозерская, Н.Н. Лямин

Родился в 1892 г. в Москве в купеческой семье. Потомственный почетный гражданин. Окончил гимназию, а в 1915 г. - историко-филологический факультет Московского университета (вместе с другим булгаковским товарищем, П. С. Поповым, с которым тогда же сблизился).

Специализировался по западноевропейской литературе, был оставлен в университете для приготовления к профессорскому званию. В 1910-е годы женился на Александре Сергеевне Прохоровой из известной купеческой семьи. В начале 20-х годов вступил в брак с художницей Наталией Абрамовной Ушаковой (1899-1990).

В 1923-1930 гг. работал в Государственной Академии Художественных Наук (ГАХН), где заведовал кабинетом теоретической поэтики. Там под началом Л. служил П. С. Попов. Одновременно Л. был старшим библиотекарем Библиотеки Высшего Совета Народного Хозяйства (ВСНХ). После закрытия ГАХН осенью 1930 г. стал заведующим библиотекой Наркомата Рабоче-крестьянской Инспекции.

Осенью 1931 г. в рамках кампании по изъятию у населения валюты и ценностей Л. был задержан и, по воспоминаниям Н. А. Ушаковой, провел в заточении около двух недель. Валюты и ценностей у Л. не обнаружили. Впечатления Л. от этого эпизода послужили основой для истории сна Никанора Ивановича Босого в "Мастере и Маргарите". Неслучайно, как свидетельствуют записи в дневнике третьей жены писателя Е. С. Булгаковой, первым, кому была прочитана в сентябре 1933 г. ранняя редакция главы романа о валютчиках, оказался Л.

Позднее Л. организовал библиотеку Академии коммунального хозяйства, и заведовал ею, а в январе 1936 г. стал ученым секретарем Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, но вскоре его уволили по доносу, обвинив в политической неблагонадежности, после чего Л. работал в библиотеке Академии архитектуры.

3 апреля 1936 г. Л. был арестован и осужден на три года лагерей. Срок отбывал в лагере Чибь-ю на севере. В начале 1939 г. был освобожден и в начале февраля поселился в Калуге (Л. было запрещено жительство в Москве, Ленинграде и ряде других крупных городов). Преподавал немецкий язык в школе. Вскоре после начала 22 июня 1941 г. Великой Отечественной войны Л. был повторно арестован. Дальнейшая его судьба неизвестна. По одним сведениям, Л. умер в 1942 г. в одном из сибирских лагерей, по другим - был расстрелян через короткое время после ареста в 1941 г. Посмертно реабилитирован.

Знакомство Л. с Булгаковым произошло в начале 1924 г. у писателя Сергея Сергеевича Заяицкого (1893-1930) (Долгий пер., 11, кв. 11). Автор подарил Л. сборник "Дьяволиада" со следующей надписью: "Настоящему моему лучшему другу Николаю Николаевичу Лямину. Михаил Булгаков. 1925 г. 18 июля. Москва".

Л. и Булгаков часто играли в шахматы. Это увлечение Л. отразилось в ранней редакции "Мастера и Маргариты". Когда Иван Бездомный вслед за Воландом врывался в незнакомую квартиру в Савельевском переулке, швейцар в подъезде встречал его словами: " - Зря приехали, граф, Николай Николаевич к Боре в шахматы ушли играть". Здесь имелись в виду Л. и еще один его с Булгаковым партнер по шахматам - Борис Валентинович Шапошников (1890-1956), художник, искусствовед и театровед. Квартира же, где Иван Бездомный вместо Воланда находит голую гражданку в ванной, сохранилась и в окончательном тексте романа - это квартира Л. в 20-е годы. Хотя официальный адрес был Остоженка, 7, кв. 66, фактически располагалась она в д. 12 по Савельевскому переулку.

Сохранилась переписка Л. и Булгакова за 1926-1939 гг. В первом из известных писем, отправленном летом 1926 г. с дачи в Крюково под Москвой, Л. беспокоится за судьбу булгаковской пьесы "Дни Турбиных", в ранней редакции называвшейся "Белая гвардия": "Самое сильное и лучшее в пьесе - сцена в гимназии. Ни за какие блага мира не соглашайся пожертвовать ею. Она производит потрясающее впечатление, в ней весь смысл. Образ Алеши нельзя видоизменять ни в чем, прикасаться к нему кощунственно. Театр же достаточно коверкал пьесу: нельзя было выбрасывать сцен, следовало сокращать текст".

Сохранились главным образом письма Л. Булгакову - двадцать одно, и лишь два ответных булгаковских письма. Это связано с тем, что после ареста 3 апреля 1936 г. по распоряжению Л. Н. А. Ушакова уничтожила булгаковские письма к нему.

В 1932 г. Л. очень заинтересовался работой Булгакова над мольеровской биографией и 1 августа 1932 г. советовал ему: "Ты грозишься сделаться самым осведомленным знатоком Мольера. Мне очень хотелось бы быть в Москве, чтобы узнать, как ты думаешь писать биографию Мольера и переделывать "Мещанина во дворянстве" (из этой переделки вышла пьеса "Полоумный Журден"). Не пиши только слишком научной сухой биографии, изложи лучше главное из жизни Мольера в беллетристической форме. Ведь это должно у тебя получиться так хорошо! (Булгаков очень удачно последовал данному совету в "Мольере"). Если тебе необходимы какие-нибудь книги, которых нет в Москве, я постараюсь разыскать их у ленинградских антикваров... Мне очень хотелось бы видеть "Мещанина во дворянстве" на сцене не только в твоей переделке, но и в твоей постановке. Неужели и на этот раз тебе не удастся получить самостоятельной сценической работы?" (этой мечте Булгакова и его друга так и не суждено было сбыться).

После ареста Л. переписка прервалась вплоть до февраля 1939 г. Л. постоянно звал Булгакова к себе в Калугу, однако Булгаков, занятый работой над "Батумом" и "Мастером и Маргаритой", а также оперными либретто в Большом театре, не успел навестить друга до своей роковой болезни. 1 октября 1939 г., отвечая на недошедшее до нас булгаковское письмо, где сообщалось об открывшемся нефросклерозе, Л. писал: "...Очень был огорчен твоим письмом, но глубоко верю, что ты вскоре поправишься, мы встретимся, поговорим и даже выпьем".

Но болезнь Булгакова прогрессировала. 16 октября 1939 г. Л. с тревогой обращался к Е. С. Булгаковой: "...Все время живу очень обеспокоенный Макиным (Мака - шутливое прозвище Булгакова, придуманное, по свидетельству его второй жены Л. Е. Белозерской, самим писателем в честь персонажа сказки - сына злой орангутангихи и употреблявшееся Л., П. С. Поповым и другими знакомыми писателя из так называемого "пречистенского" круга) здоровьем. Ведь в конце концов, ты же знаешь, как он мне всегда был близок и любим. Я верю, что все должно обойтись благополучно. Но когда я получил открытку (по-видимому, написанную тобою) (скорее всего, это и другие булгаковские письма Л. 1939 г. были изъяты или уничтожены при повторном аресте Л. в 1941 г.), где он говорит, что будет рад, если ему удастся выскочить с одним глазом, я расплакался (пишу, конечно, только тебе). Нет, этого я не могу себе представить. Мака еще нужен очень многим, и надо его подбодрить, хотя бы этой мыслью".

В феврале 1940 г. Л. приехал в Москву на один день и навестил вместе с Н. А. Ушаковой умирающего друга. Уже после смерти Булгакова 21 марта 1940 г. Л. написал его вдове: "Дорогая Люся! Я знаю, что тебе сейчас совсем не до меня, но мне захотелось тебе написать. Огромное горе, постигшее тебя, постигло нас всех. Я никак не могу себе представить, что никогда больше не увижу Маку, не услышу, как он читает свои новые произведения, не сыграю с ним в шахматы. Вспоминаются все те большие и маленькие радости, которые я получал от него. Многое было пережито вместе, а ведь наша последняя встреча была такой мимолетной. Только сейчас отдаешь себе отчет, каким большим и хорошим человеком был Мака. И вот не удалось его удержать, несмотря на беспримерную преданность, проявленную тобой. Об этом мне много писали и Патя (П. С. Попов) и Тата (Н. А. Ушакова)"

Е. С. Булгакова явно недолюбливала Л., как и весь пречистенский круг знакомых и друзей писателя, интеллигентов, в большинстве своем связанных с ГАХН. В позднейшей редакции дневниковой записи от 8 февраля 1936 г. она отметила: "Коля Лямин. После него М. А. говорил, что хочет написать или пьесу или роман "Пречистенка", чтобы вывести эту старую Москву, которая его так раздражает". Первоначально же данная запись звучала следующим образом: "Вчера был Коля и безумно раздражал меня и Мишу своими пошлыми разговорами. Миша дал убийственную характеристику того круга, в котором Коля вращается. Коля притих и был подавлен".

А в связи с болезнью Булгакова его третья жена 29 сентября 1939 г. сделала в дневнике следующее замечание: "Характерно для Пречистенки. Тата Лямина позвонила, но сказала, что Коле не будет сообщать в Калугу о болезни Миши до тех пор, пока Миша не выздоровеет, а то Коля расстроится.

После женитьбы на Е. С. Булгаковой происходило постепенное отдаление писателя от Л. и других пречистенцев в связи с появлением иного круга друзей, связанных с МХАТом и Большим Театром, представителей той "новой художественной интеллигенции", что сделали успешную карьеру при Советской власти и несколько свысока смотрели на дореволюционных интеллигентов, стремившихся в традиционной гуманитарной культуре найти прибежище от революционных бурь.

В ранней редакции "Собачьего сердца" в качестве соблазнителя пожилой дамы, желающей сделать у профессора Преображенского операцию по омоложению, назывался "этот Мориц", в позднейших редакциях замененный "этим Альфонсом". Здесь имелся в виду сотрудник ГАХН искусствовед Владимир Эмильевич Мориц (1890-1972), к которому ушла первая жена Л. Поместив персонажа с этой фамилией в юмористический контекст, Булгаков своеобразно "отомстил" за страдания друга.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Босой Никанор Иванович ~

Никанор Иванович Босой - персонаж романа "Мастер и Маргарита", председатель жилищного товарищества дома 302-бис по Садовой, где расположена Нехорошая квартира.

В ранней редакции романа Н. И. Б. звался Никодимом Григорьевичем Поротым, заставляя вспомнить автора апокрифического Никодимова Евангелия, особенно подробно излагавшего историю Понтия Пилата.

Н. И. Б. завершает длинный ряд управдомов-мошенников в булгаковском творчестве, начатый "барашковым председателем" в "Воспоминании...", Швондером в "Собачьем сердце" и Аллилуйей-Портупеей в "Зойкиной квартире" и продолженный Буншей-Корецким в "Блаженстве" и "Иване Васильевиче".

Председатель жилтоварищества дома 302-бис достаточно далеко ушел от своего прототипа - управляющего домом №50 по Б. Садовой караима К. Сакизчи (в рассказе "№13. - Дом Эльпит-Рабкоммуна" он выведен под именем Христи), превратившись в русского, а после проделок Воланда уверовавшего в христианского Бога: " - Бог истинный, бог всемогущий, - заговорил Никанор Иванович, - все видит, а мне туда и дорога. В руках никогда не держал и не подозревал, какая такая валюта! Господь меня наказует за скверну мою, - с чувством продолжал Никанор Иванович, то застегивая рубашку, то расстегивая, то крестясь, - брал! Брал, но брал нашими, советскими! Прописывал за деньги, не спорю, бывало...

На просьбу не валять дурака, а рассказывать, как попали доллары в вентиляцию, Никанор Иванович стал на колени и качнулся, раскрывая рот, как бы желая проглотить паркетную шашку.

- Желаете, - промычал он, - землю буду есть, что не брал? А Коровьев - он черт.

Всякому терпению положен предел, и за столом уже повысили голос, намекнули, что ему пора заговорить на человеческом языке.

Тут комнату с этим самым диваном огласил дикий рев Никанора Ивановича, вскочившего с колен:

- Вон он! Вон он за шкафом! Вот ухмыляется! И пенсне его... держите его! Окропить помещение!

Кровь отлила от лица Никанора Ивановича, он, дрожа, крестил воздух, метался к двери и обратно, запел какую-то молитву и, наконец, понес полную околесицу".

Ловля Н. И. Б. черта - Коровьева-Фагота у следователя ОГПУ разительно напоминает поиски черта Иваном Карамазовым во время допроса в "Братьях Карамазовых" (1879-1880) Федора Достоевского (1821-1881), причем оба героя одинаково сходят с ума. У Булгакова идет пародийное снижение по сравнению с Достоевским: в черта, а через него и в Бога поверил не образованный богоборец-нигилист, а полуграмотный хапуга-управдом.

Эпизод сна Н.И.Б., где он видит себя в помещении своеобразного театра (там небритых мужчин заставляют сдавать валюту и ценности), навеяна личными впечатлениями близкого друга Булгакова филолога Н. Н. Лямина. Как вспоминала вторая жена Лямина Н. А. Ушакова (1899-1990), "Николая Николаевича тоже вызвали. Уж не знаю, почему они решили, что у нас что-то есть. Может быть, потому, что они уже вызывали первую жену Николая Николаевича - Александру Сергеевну Лямину, которая была из известной купеческой семьи Прохоровых, кроме того, у них уже сидела ее тетка. Николай Николаевич просидел там недели две".

В 1929 г. ОГПУ начало кампанию по изъятию у населения валюты, золота и драгоценностей. Подозреваемых "валютчиков" держали в тюремных камерах иногда по несколько недель в надежде, что те "добровольно" выдадут хотя бы часть того, что имеют. При этом задержанных кормили соленой пищей, а воды давали мало.

11 декабря 1933 г. третья жена писателя Е. С. Булгакова зафиксировала в дневнике, как дальний родственник А. М. Земского (1892-1946) (мужа сестры Булгакова Нади) "сказал про М. А. - послать бы его на три месяца на Днепрострой, да не кормить, тогда бы он переродился. Миша: - Есть еще способ - кормить селедками и не давать пить".

Здесь соответствующий способ Булгаков, очевидно ассоциировал не только с гоголевским Городничим, практиковавшим в "Ревизоре" (1836) подобное в отношении купцов, но и со страданиями Лямина и других "валютчиков".

Н. А. Ушакова свидетельствовала, что тетка ее мужа, Прохорова, "у них уже долго сидела. Какое-то ожерелье или колье они искали... не помню, чье оно и у кого было спрятано. И Николая Николаевича все время об этом спрашивали, но он от всего отказывался и говорил, что ничего не знает. А первую жену Николая Николаевича тоже туда вызывали и тоже колье спрашивали, но они заранее договорились ни в чем не признаваться. В общем, он ничего не говорил о тетке до тех пор, пока ее не провели перед ним. Тогда он убедился, что они ее все равно знают. Потом у нас сделали обыск, но у нас, конечно, ничего не было, и они унесли две дешевые побрякушки со стекляшками вместо камней, и Николая Николаевича выпустили. И вот, он Булгакову обо всем этом подробно рассказывал, и тот написал эту главу про сон Никанора Ивановича почти слово в слово".

Арест Лямина произошел осенью 1931 г. 26 октября 1931 г. Булгаков сообщал в письме своему другу философу и литературоведу П. С. Попову в Ленинград: "Коля (Н. Н. Лямин) живет пристойно, но простудился на днях". Слова о простуде могли быть иносказательным сообщением о задержании.

Первый вариант главы о сне Н. И. Б. был написан в сентябре 1933 г. Тогда она называлась "Замок чудес". 17 и 27 сентября, судя по записям Е. С. Булгаковой, писатель читал ее Лямину. В дальнейшем глава неоднократно переделывалась и частично уничтожалась, вероятно, из-за политической остроты содержания. Однако и в окончательном тексте сохранилась история тетки Пороховниковой на Пречистенке, скрывающей валюту и драгоценности.

В первом варианте главы "Последний полет" романа "Мастер и Маргарита", написанном в июле 1936 г., Воланд предупреждал Мастера: "Исчезнет из памяти дом на Садовой, страшный Босой, но исчезнет мысль о Ганоцри и о прощенном игемоне". Первоначально Н. И. Б. должен был быть фигурой более зловещей - не только взяточником, но и вымогателем и доносчиком, возможно, игравшим по отношению к Мастеру ту же роль, которая в окончательном тексте досталась Алоизию Могарычу.

Очевидно, тогда Н. И. Б. проецировался на кого-то из "теплой компании" жилтоварищества дома №50 по Б. Садовой, о которой Булгаков писал сестре Наде 1 декабря 1921 г.: "Одно время пережил натиск со стороны компании из конторы нашего дома. "Да А. М. (имеется в виду муж Н. А. Булгаковой А. М. Земский) триста шестьдесят пять дней не бывает. Нужно его выписать. И вы тоже неизвестно откуда взялись" и т.д. и т.д. Не вступая ни в какую войну, дипломатически вынес в достаточной степени наглый и развязный тон, в особенности со стороны С. смотрителя. По-видимому, отцепились. Андрея настоял не выписывать... С. довел меня до белого каления, но я сдерживаюсь, потому что не чувствую, на твердой ли я почве. Одним словом, пока отцепились".

24 марта 1922 г. писатель сообщал сестре: "...Дом уже "жилищного рабочего кооператива" и во главе фирмы вся теплая компания, от 4-7 по-прежнему заседания в комнате налево от ворот".

Также и Н. И. Б. наделен только одной страстью - к еде и выпивке. От любимого занятия его и отрывают сотрудники ОГПУ. В окончательном тексте Н. И. Б. - фигура уже не столь зловещая, в большей мере юмористическая.

Прототип Н. И. Б. запечатлен в рассказе "Воспоминание...": "Председатель домового управления, толстый, окрашенный в самоварную краску, человек, в барашковой шапке и с барашковым же воротником, сидел, распопырив локти, и медными глазами смотрел на дыры моего полушубка".

В "Мастере и Маргарите" также подчеркивается, что председатель жилтоварищества - "тучный", "толстяк с багровой физиономией" (багровым лицо у Н. И. Б. стало от потрясения, вызванного долларами, обнаруженными в вентиляции, и арестом).

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Понтий Пилат ~

Страницы: 1 2 3 4

Понтий Пилат - римский прокуратор (наместник) Иудеи в конце 20-х - начале 30-х гг. н. э., при котором был казнен Иисус Христос. Понтий Пилат - один из главных героев романа "Мастер и Маргарита".

На первый взгляд, Понтий Пилат у Булгакова - человек без биографии, но на самом деле вся она в скрытом виде присутствует в тексте. Ключом здесь является упоминание битвы при Идиставизо, где будущий прокуратор Иудеи командовал кавалерийской турмой и спас от гибели окруженного германцами великана Марка Крысобоя. Идиставизо (в переводе с древнегерманского - Долина Дев, как и упомянуто у Булгакова) - это долина при р. Везер в Германии, где в 16 г. римский полководец Германик (15 до н. э. - 19 н. э.), племянник императора Тиберия (43 или 42 до н. э. - 37 н. э.), разбил войско Арминия (Германа) (18 или 16 до н. э. - 19 или 21 н. э.), предводителя германского племени херусков (хеврусков).

Слово же "турма" помогает определить этническое происхождение Понтия Пилата Из статьи в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона писатель знал, что турма - это подразделение эскадрона (алы) римской кавалерии, причем сама кавалерия в императорский период набиралась исключительно из неримлян. Ала носила название народности, из которой она формировалась. В статье Брокгауза и Эфрона приводился пример алы германского племени батавов. Римские кавалеристы рекрутировались из той местности, вблизи которой происходили боевые действия или квартировали войска. Поэтому у Булгакова сирийская ала в Иудее вполне правдоподобна.

П. П. как служивший в кавалерии, без сомнения, римлянином по рождению не был, а, скорее всего, происходил из германцев. Значительная часть тех же хеврусков не признала власти Арминия и сражалась против него вместе с римлянами. Сам Арминий, как отмечалось в Брокгаузе и Эфроне, "в молодости служил в римских легионах, участвовал в походах против возмутившихся паннонцев и получил звание римского всадника". Понтий Пилат у Булгакова неслучайно пожалован тем же званием.

Германское происхождение Понтия Пилата в романе подтверждается многими деталями. Упоминание, что прокуратор был сыном короля-звездочета и мельничихи Пилы, восходит к средневековой майнцской легенде о короле-астрологе Ате и дочери мельника Пилы, живших в прирейнской Германии. Однажды Ат, находясь в походе, узнал по звездам, что зачатый им тотчас ребенок станет могущественным и знаменитым. Королю привели первую попавшуюся женщину - мельничиху Пилу. Родившийся мальчик получил имя от сложения их имен.

Булгаков был знаком с поэмой Георгия Петровского "Пилат" (1893-1894), где подчеркивалось германское происхождение Понтия Пилата. Как и в "Мастере и Маргарите", в поэме Петровского прокуратор наделен сочувствием к Иисусу, в проповеди которого он не видит никакой угрозы общественному порядку. Понтий Пилат противопоставляет нового проповедника иудейскому духовенству: "...Кроткий Иисус - религии новатор, /Политики он чужд, язвит лишь фарисеев". Получив донос, прокуратор вызывает Иисуса и увещевает его: "Послушай, Назорей, теперь уж вот три года, /Как я тебе даю свободу говорить / И не жалею: речь твоя мудра народу, / Достоин ты всегда других уму учить. / Читал ли ты когда Сократа иль Платона, - / Величеством учения ты всех к себе зовешь, /Ты выше всех философов, ты выше их закона... /Ты ненависть к себе ученьем возбудил, /И не дивися им, врагам твоим заклятым, /Их много, и Сократ таких не умирил". У Петровского Понтий Пилат уверяет Иисуса, что тот должен смягчить, свою проповедь "для покоя" общества, но слышит в ответ: "То, что я несу народу, / Не есть раздор, война, но мир один, любовь; /Родился я в тот день, когда покой, свободу /Дал Август миру Римскому; израильская кровь /Из-за других прольется, а не из-за меня".

Иисус арестован по доносу Иуды, "синедрион, сановники... все требовали мщенья". А Понтий Пилат "трусости своей не может победить, /Он чует, мстит судьба законом правым, /И правду он теперь боится совершить". Прокуратор до конца пытается спасти Иисуса, но напрасно: "В чем вся его вина?.. Народа Он учитель?.. /Ужели мыслит он за кесаря царить? /Ужель он бунтовщик иль тайный возмутитель? / Его ль боитесь вы, стараетесь убить?.. / Кого хотите вы, чтоб я вам отпустил на ваш пасхальный дар. Его или Варраву? / - Сего, Варраву нам! - народ загомонил, / Вожатаями купленный на это свое право. /Замолкли голоса: Пилат во гневе дышит... Нависла туча темная и скрыла высь лазури... /Он смотрит на собрание, шептания их слышит, /И сам он сознает затишье перед бурей".

У Булгакова Понтий Пилат точно так же отмечает знакомство Иешуа Га-Ноцри с трудами греческих философов, присутствует у писателя и уникальный, встречающийся, кажется, ранее только у Петровского мотив трусости Понтия Пилата: прокуратор в "Мастере и Маргарите", как и в поэме, видит несостоятельность обвинения в "оскорблении величества", которое инкриминируется Га-Ноцри, и пытается убедить иудеев отпустить его, а не Варравана. А после оглашения приговора надвигается туча, и Понтий Пилат чувствует приближающуюся грозу.

Всадник Золотое Копьё
Пилат был немцем
Прокуратор Иудеи сейчас живёт в Альпах
Читайте продолжение>>>

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Понтий Пилат, часть 2 ~

Страницы: 1 2 3 4

У Петровского Иисус предрекает Пилату, что кровь иудеев прольется не по его вине. У Булгакова прокуратор грозит первосвященнику Иосифу Каифе, что Ершалаим будет взят и уничтожен римскими легионами. Здесь он точно следует описанию французским историком Эрнестом Ренаном (1823-1892) в книге "Антихрист" (1866) взятия Иерусалима будущим императором Титом (39-81) в 70 г. (отсюда обещание привести под стены города весь легион Фульмината (Молниеносный) и арабскую конницу).

В поэме муки совести П. П, из-за гибели по его вине Иисуса усиливаются тем, что прокуратору уже однажды пришлось по трусости совершить предательство. У Петровского Пилат - херуск по имени Ингомар: "Отец его с херусками ушел разить врагов, /А сыну поручил беречь сестру и мать, /Изрек ему проклятие он будущих годов, /Когда забудет он за землю их стоять. /Давно это было. Отец не воротился, /И взросший Ингомар завет его забыл. / За золото и блеск с врагом он подружился, /И, жизнь свою щадя, он силе уступил. /И ловкий юноша был сметлив в деле ратном, / Гордился похвалой искуснейших солдат, /И имя его прежнее погибло безвозвратно / За меткий его глаз он назван был Пилат".

Через поэму Петровского Булгаков познакомился с этой средневековой немецкой легендой о происхождении П. П. и использовал ее в романе: прокуратор именуется у него Всадником Золотое Копье, очевидно, как за меткий глаз, так и за любовь к золоту.

В булгаковском архиве сохранилась выписка из книги немецкого религиеведа Артура Древса (1865-1935) "Миф о Христе" с этимологизацией "Пилат - копейщик". Память о былой измене усиливает душевные муки того, кто против своей воли отправил на смерть Иешуа. Га-Ноцри же, заметив страдания П. П. от головной боли, заявляет, что не хочет быть его невольным палачом. Германское происхождение булгаковского П. П. подчеркивает его функциональную связь с сатаной Воландом, тоже немцем по имени и происхождению (от гетевского Мефистофеля).

Исторический П. П. пользовался покровительством всесильного временщика императора Тиверия Люция Элия Сеяна. В булгаковском архиве сохранилась выписка о времени гибели Сеяна, обвиненного в заговоре и убитого в тюрьме по приказу Тиверия - 18 октября 31 г. Это событие по хронологии выпадало из времени действия ершалаимских сцен "Мастера и Маргариты". Если покровитель булгаковского П. П. жив, то становится не очень понятно, почему прокуратор так опасается доноса Каифы и гнева императора. Поэтому писатель исключил Сеяна из числа возможных персонажей романа.

Булгаковский П. П. кончает свою жизнь в финале "Мастера и Маргариты" в полном соответствии с еще одной легендой, тоже связанной с германским мифом. В статье "Пилат" Брокгауза и Эфрона с судьбой прокуратора Иудеи связывалось название одноименной горы в Швейцарских Альпах, где "он будто бы и доселе появляется в великую пятницу и умывает себе руки, тщетно стараясь очистить себя от соучастия в ужасном преступлении". Читатели "Мастера и Маргариты" помнят П. П., сидящего при свете пасхального полнолуния на плоской горной вершине и жаждущего покоя, избавления от мук совести и прощения. Этот покой нес людям Иисус в поэме Петровского и им же, в конце концов, награждаются у Булгакова и прокуратор Иудеи, и "трижды романтический" несчастный в земной жизни Мастер.

П. П. в "Мастере и Маргарите" сверхъестественным образом прозревает грядущее свое бессмертие, связанное с представшим перед его судом нищим бродягой Иешуа Га-Ноцри. Когда прокуратор начинает сознавать, что придется утвердить смертный приговор Синедриона, его впервые посещает "какая-то совсем нелепая" мысль "о каком-то долженствующем быть - и с кем?! - бессмертии, причем, бессмертие почему-то вызывало нестерпимую тоску".

После утверждения приговора "тоска осталась необъясненной, ибо не могла же ее объяснить мелькнувшая как молния и тут же погасшая какая-то короткая другая мысль: "Бессмертие... пришло бессмертие..." Чье бессмертие пришло? Этого не понял прокуратор, но мысль об этом загадочном бессмертии заставила его похолодеть на солнцепеке".

Такая трактовка во многом оказалась новаторской в художественном воплощении евангельской темы. Возможно, именно из романа Булгакова она перешла в либретто популярнейшей рок оперы "Иисус Христос - суперзвезда", написанное Тимом Райсом в 1968 г. Здесь П. П. накануне допроса видит во сне Иисуса и ненавидящую пророка толпу. "Затем я вижу, что миллиарды оплакивают этого человека, а потом я слышу, как они поминают мое имя, проклиная меня", - восклицает оперный прокуратор. И у Булгакова, и у Райса соответствующие эпизоды восходят к евангельскому рассказу о предупреждении П. П. его женой, которая советует мужу не причинять зла виденному ей во сне праведнику, иначе ему, Пилату, придется пострадать за свои неосторожные действия.

В образе П. П. Булгаковым запечатлен человек, терзающийся муками совести за то, что отправил на смерть невинного. В финале романа П. П. даруется прощение. Этот персонаж генетически связан с героями автобиографического рассказа "Красная корона" - автора, мучающегося из-за гибели брата, и безымянного генерала, отправившего его в бой и повинного в бессудных казнях.

Еще одним предшественником П. П. в булгаковском творчестве выступает генерал Хлудов из пьесы "Бег". Здесь для палача олицетворением мук совести становится повешенный по его приказу вестовой Крапилин, призрак которого преследует Хлудова во сне и наяву.

"Ротмистр эскадрона Его Превосходительства Пилата Понтийского"
Обиженная Булгаковым супруга прокуратора
Как Пилат избежал императорского гнева и нашёл последний приют в горах
Читайте далее>>>

« Назад

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Понтий Пилат, часть 3 ~

Страницы: 1 2 3 4

В "Мастере и Маргарите" П. П. не может избавиться от видения казненного Иешуа, с которым прокуратор мечтает воссоединиться на лунной дорожке (такое воссоединение, благодаря Мастеру, происходит в финале). Связь с эпохой гражданской войны в образе П. П., подчеркивающая его родство с Хлудовым, отразилась в ряде деталей. Это - сочетание в речи прокуратора и в быте подчиненных ему подразделений римских (калиги - военная обувь, манипул, кентурия, когорта, ала, легион - наименования подразделений) и современных (сапоги, взвод, полк, казарма, солдаты) реалий. В редакции 1929 г. параллели с гражданской войной были отчетливее. Здесь фигурировал "адъютант" П. П., которого прокуратор называл "ротмистр". П. П. титуловали "Ваше Превосходительство", упоминался "эскадрон", "ординарец трибуна когорты" и т. д.

Образ П. П. у Булгакова полемичен по отношению к рассказу французского писателя Нобелевского лауреата Анатоля Франса (Тибо) (1844-1924) "Прокуратор Иудеи" (1891). В "Мастере и Маргарите" казнь Иешуа Га-Ноцри становится главным событием в жизни П. П., и память о казненном не дает прокуратору покоя всю оставшуюся жизнь. Главный герой "Прокуратора Иудеи", напротив, абсолютно не помнит ни самого Иисуса Христа, ни его казни.

В ранней редакции "Мастера и Маргариты" действовала также жена Понтия Пилата, Клавдия Прокула. Ее имя, отсутствующее в канонических Евангелиях, упоминается в апокрифическом Евангелии Никодима и приведено в книге германского религиеведа Г. А. Мюллера "Понтий Пилат: пятый прокуратор Иудеи и судья Иисуса из Назарета" (1888). Вероятно, из этой книги Булгаков выписал "Клавдия Прокула" со ссылкой на Никодимово евангелие. Однако в дальнейшем автор "Мастера и Маргариты" убрал супругу прокуратора из ершалаимских сцен, предпочтя оставить П. П. в полном одиночестве. Единственным другом всадника остался преданный пес Банга. Здесь тоже отличие от рассказа Франса, где П. П. вполне наслаждается радостями жизни и дружеским общением с Элием Ламией. Булгаковскому П. П. приходится терзаться муками совести в одиночку, что усиливает его раскаяние.

Из исследования Г. А. Мюллера Булгаков почерпнул и ряд других деталей к образу П. П. Немецкий ученый утверждал, что тот был именно пятым прокуратором Иудеи (некоторые другие источники указывали, что шестым). Автор "Мастера и Маргариты" узнал у Мюллера и годы правления предшественника П. П. Валерия Грата - с 15 по 25 (в булгаковском архиве сохранилась соответствующая выписка). Отсюда же была взята и легенда о Пиле и Ате (Атусе), отразившаяся в подготовительных материалах к роману: "Атус - король (Майнц) и дочь мельника Пила. Pila-Atus Понт Пятый! прокуратор!"

"Понт" в данном случае указывает на еще одну легенду, переданную русским участником Флорентийского собора митрополитом Исидором и связывающую рождение П. П. с городом Понт вблизи Бамберга в Германии. Когда Афраний говорит П. П., что он на службе в Иудее уже пятнадцать лет и начал ее при Валерии Грате, это полностью соответствует исторической истине, если принять за время действия ершалаимских сцен 29 г., а за начало службы Афрания - 15 г., первый год прокураторства Грата (можно предположить, что новый прокуратор захотел иметь нового человека на столь деликатной должности как начальник тайной стражи).

Из книги Мюллера Булгаков выписал по-немецки и пословицу о горе Пилат в Швейцарских Альпах, с которой легенда связывала последнее пристанище П. П.: "Когда Пилат покрыт шапкой (облаков), погода хорошая". В "Мастере и Маргарите" в финале главные герои видят П. П. в горной местности. В ней можно найти сходство и с Альпами, и с хорошо знакомой Булгакову в 1920-1921 гг. Столовой горой, у подножья которой находится Владикавказ.

Интересно, что швейцарская легенда о гибели П. П. была задолго до Булгакова использована в отечественной литературе. Николай Михайлович Карамзин (1766-1826) еще в конце XVIII в. в швейцарской части "Писем русского путешественника" (1789-1801) патетически восклицал: "Не увижу и тебя, отчизна Пилата Понтийского! Не взойду на ту высокую гору, на ту высокую башню, где сей несчастный сидел в заключении; не загляну в ту ужасную пропасть, в которую он бросился из отчаяния!"

Вариант этой легенды Булгаков также почерпнул из книги И. Я. Порфирьева "Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки" (1890). Там рассказывалось, что император Тиверий, получив исцеление "гнойного струпа" на лбу от платка Вероники, на котором отпечаталось изображение Иисуса, разгневался на П. П., казнившего столь искусного врача. Цезарь вызвал его в Рим и хотел предать смерти, но "Пилат, узнав об этом, сам умертвил себя своим собственным ножом. Тело Пилата было брошено в Тибр; но Тибр не принимал его; потом бросали в другие места, пока не погрузили в один глубокий колодец, окруженный горами, где оно до сих пор находится". Характерно, что во всех легендах последний приют П. П. оказывается в горах. Этой традиции следовал и Булгаков в "Мастере и Маргарите".

Идеи Льва Толстого живут в творчестве Булгакова
"Цена Столыпину - ломаный грош"
Прокуратор Иудеи - плохая должность
Больная совесть Пилата
Читайте завершение>>>

« Назад

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Понтий Пилат, часть 4 ~

Страницы: 1 2 3 4

В образе П. П. прослеживается отчетливая связь с идеями Льва Николаевича Толстого (1828-1910). Булгаков, по свидетельству писателя Эмилия Львовича Миндлина (1900-1980), хорошо знавшего автора "Мастера и Маргариты" в 20-е годы, однажды заявил: "После Толстого нельзя жить и работать в литературе так, словно не было никакого Толстого". Автор "Мастера и Маргариты", безусловно, был знаком не только с толстовскими произведениями, но и с воспоминаниями о великом писателе и мыслителе. Мимо внимания Булгакова, в частности, не могли пройти мемуары редактора журнала "Жизнь" Владимира Александровича Поссе (1864-1940). В 1929г., когда началась работа над "Мастером и Маргаритой", значительно дополненный вариант этих воспоминаний вышел в книге В. А. Поссе "Мой жизненный путь". Там был приведен рассказ Толстого "о стражнике, присланном по просьбе Софьи Андреевны (жены Толстого С. А. Берс (1844-1919). - Б. С.) для охраны Ясной Поляны": "Присутствие стражника, видимо, очень мучило Льва Николаевича.

- Подошел я к стражнику, - рассказывал Лев Николаевич, - и спрашиваю его: "Чего это у тебя сбоку висит? Нож, что ли?"
- Какой нож? Это не нож, а тесак.
- Что же ты им будешь делать? Хлеб резать?
- Какой там хлеб?!
- Ну, так мужика, который тебя хлебом кормит.
- Ну что ж, и буду резать мужика.
- Ведь сам ты тоже мужик. Как же тебе не совестно резать своего брата мужика?
- Хоть совестно, а резать буду, потому такова моя должность.
- Зачем же ты пошел на такую должность?
- А затем, что вся цена мне в месяц шестнадцать целковых, а платят мне тридцать два целковых, потому и пошел на эту должность.
- Ответ стражника, - с усмешкой заметил Толстой, - объяснил мне много непонятных вещей в жизни. Взять хотя бы Столыпина. Я хорошо знал его отца и его когда-то качал на коленях. Может быть, и ему совестно вешать (для подавления революционных выступлений Столыпин ввел военно-полевые суды, нередко применявшие смертную казнь), а вешает, потому что такова его должность. А на эту должность пошел, потому что красная цена ему даже не шестнадцать целковых, а, может, ломаный грош, получает же он - тысяч восемьдесят в год.

И таковы все эти порядочные люди, из так называемого высшего общества. Милы, любезны, учтивы, пока дело не коснется должности, а по должности - звери и палачи. Таков, например, был известный шеф жандармов Мезенцев, убитый за свои зверства революционерами (генерал-адъютанта Н. В. Мезенцева (1827-1878) заколол кинжалом революционер-народник и писатель С. М. Степняк (Кравчинский) (1851-1895). А вне должности был премилый и добродушный человек; я его хорошо знал".

П. П. у Булгакова сначала говорит "человеку с ножом" - выполняющему роль палача кентуриону Марку Крысобою (на боку у того, правда, не тесак, а короткий римский меч): "У вас тоже плохая должность, Марк. Солдат вы калечите..." Прокуратор пытается убедить себя, что именно должность заставила его отправить на казнь невинного Иешуа, что из-за плохой должности все в Иудее шепчут, будто он - "свирепое чудовище".

И в финале, когда Маргарита и Мастер видят сидящего в кресле на плоской горной вершине П. П., Воланд сообщает им, что прокуратор все время говорит "одно и то же. Он говорит, что и при луне ему нет покоя и что у него плохая должность". Как и Толстой, Булгаков утверждал, что никакими должностными обязанностями нельзя оправдать преступного насилия над людьми. Для П. П. слова о должности - только попытка успокоить больную совесть.

Интересно, что в свете толстовских слов о Столыпине, который готов вешать ради повышенного жалованья, рассуждения П. П. о плохой должности можно прочитать и как скрытый намек на широко известное лихоимство пятого прокуратора Иудеи (впрочем, в этом отношении он, если и отличался в худшую сторону от других римских наместников, то лишь немного). Известно, что именно из-за непомерных поборов с населения Пилат и был смещен в конце концов со своего поста. Булгаковский П. П. сильно облагорожен по сравнению с прототипом, поэтому его взяточничество и стремление к наживе спрятаны в подтекст.

« Назад

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций
Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы
Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи
Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта
Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Маргарита ~

Маргарита - персонаж романа "Мастер и Маргарита", возлюбленная Мастера.

Главным прототипом Маргариты послужила третья жена писателя Е. С. Булгакова. Через нее Маргарита связана с героиней пьесы начала 30-х годов "Адам и Ева" - Евой Войкевич. Е. С. Булгакова записала в своем дневнике 28 февраля 1938г.: "М.А. читал первый акт своей пьесы "Адам и Ева", написанной в 1931-м году... В ней наш треугольник - М. А., Е. А. (второй муж Е. С. Булгаковой военачальник Е. А. Шиловский (1889-1952), я". Здесь Булгаков послужил прототипом академика Александра Ипполитовича Ефросимова, а Шиловский - мужа Евы инженера Адама Николаевича Красовского. Вероятно, поэтому и муж Маргариты сделан в романе инженером.

В литературном плане Маргарита восходит к Маргарите "Фауста" (1808-1832) Иоганна Вольфганга Гёте (1749-1832). Некоторые детали образа Маргариты можно также найти в романе Эмилия Миндлина (1900-1980) "Возвращение доктора Фауста" (1923) (см.: Мастер). Например, золотая подкова, которую дарит Маргарите Воланд, очевидно, связана, с названием трактира "Золотая подкова" в этом произведении (здесь Фауст впервые встречает Маргариту).

Одна из иллюстраций к "Возвращению доктора Фауста" также нашла свое отражение в булгаковском романе. В сохранившемся в архиве писателя экземпляре альманаха "Возрождение" с миндлинским романом между страницами 176 и 177 помещен офорт И. И. Нивинского (1880/81-1933) "В мастерской художника", на котором изображена полуобнаженная натурщица перед зеркалом, причем на левой руке у нее накинут черный плащ со светлым подбоем, в правой руке - черные чулки и черные остроносые туфли на каблуке, волосы же - короткие и черные. Такой видит себя Маргарита в зеркале, когда натирается волшебным кремом Азазелло.

С образом Маргариты в романе связан мотив милосердия. Она просит после Великого бала у Сатаны за несчастную Фриду. Слова Воланда, адресованные в связи с этим Маргарите: "Остается, пожалуй, одно - обзавестись тряпками и заткнуть ими все щели моей спальни!.. Я о милосердии говорю... Иногда совершенно неожиданно и коварно оно пролезает в самые узенькие щелки. Вот я и говорю о тряпках", - заставляют вспомнить следующее место из повести Федора Достоевского (1821-1881) "Дядюшкин сон" (1859): "Но превозмогло человеколюбие, которое, как выражается Гейне, везде суется с своим носом".

Слова Достоевского, в свою очередь, восходят к "Путевым картинам" (1826-1830) Генриха Гейне (1797-1856), где милосердие связано, прежде всего, с образом добродушного маркиза Гумпелино, обладателя очень длинного носа. Мысль Достоевского, высказанная в романе "Братья Карамазовы" (1879-1880), о слезинке ребенка как высшей мере добра и зла, проиллюстрирована эпизодом, когда Маргарита, крушащая дом Драмлита, видит в одной из комнат испуганного четырехлетнего мальчика и прекращает разгром.

Булгаков подчеркивает также связь М. с французскими королевами, носившими имя Маргарита. В подготовительных материалах к последней редакции "Мастера и Маргариты" сохранились выписки из статей Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона, посвященных Маргарите Наваррской (1492-1549) и Маргарите Валуа (1553-1615).

Свадьба последней с королем Наваррским Генрихом - будущим французским королем Генрихом IV (1553-1610), как отмечалось в словарной статье, "отпразднованная с большой пышностью, закончилась Варфоломеевской ночью или парижской кровавой свадьбой" 24 августа 1572 г. Узнавший Маргариту по дороге на Великий бал у Сатаны толстяк называет ее "светлая королева Марго" и лопочет, "мешая русские фразы с французскими, какой-то вздор про кровавую свадьбу своего друга в Париже Гессара".

Гессар - это упомянутый в статье парижский издатель переписки Маргариты Валуа, вышедшей в середине XIX в., но Булгаков сделал его, как и безымянного толстяка, участником Варфоломеевской ночи. Однако, поскольку жена Генриха IV не оставила потомства, в образе Маргариты была контаминирована также Маргарита Наваррская, имевшая детей и создавшая знаменитый сборник новелл "Гептамерон" (1559).

Обе исторические Маргариты покровительствовали писателям и поэтам. Булгаковская Маргарита любит гениального писателя - Мастера (в ранних редакциях также названного Поэтом). Она - символ той вечной женственности, о которой поет Мистический хор в финале гетевского "Фауста":

Все быстротечное
Символ, сравненье.
Цель бесконечная
Здесь в достиженье.
Здесь - заповеданность
Истины всей.
Вечная женственность
Тянет нас к ней.

(Перевод Б. Пастернака)

В этой последней сцене Маргарита (Гретхен) у Гёте восклицает:

Оплот мой правый,
В сиянье славы,
Склони свой лик
над счастием моим.
Давно любимый,
Невозвратимый
Вернулся, горем
больше не томим.
Собраньем духов окруженный,
Не знает новичок того,
Что ангельские легионы
В нем видят брата своего.
Уже он чужд земным оковам
И прежний свой покров сложил.
В воздушном одеянье новом
Он полон юношеских сил.
Позволь мне быть его вожатой,
Его слепит безмерный свет.

Фауст и Маргарита воссоединяются на небесах, в свете. Вечная любовь гетевской Гретхен помогает ее возлюбленному обрести награду - традиционный свет, который его слепит, и потому она должна стать его проводником в мире света.

Булгаковская Маргарита тоже своей вечной любовью помогает Мастеру - новому Фаусту обрести то, что он заслужил. Но награда героя здесь - не свет, а покой, и в царстве покоя, в последнем приюте у Воланда или даже, точнее, на границе двух миров - света и тьмы, Маргарита становится поводырем и хранителем своего возлюбленного: "Ты будешь засыпать, надевши свой засаленный и вечный колпак, ты будешь засыпать с улыбкой на губах. Сон укрепит тебя, ты станешь рассуждать мудро. А прогнать меня ты уже не сумеешь. Беречь твой сон буду я".

Так говорила Маргарита, идя с Мастером по направлению к вечному их дому, и Мастеру казалось, что слова Маргариты струятся так же, как струился и шептал оставленный позади ручей, и память Мастера, беспокойная, исколотая иглами память, стала потухать".

Эти строки Е. С. Булгакова записывала под диктовку смертельно больного автора "Мастера и Маргариты".

Мотив милосердия и любви в образе Маргариты решен иначе, чем в гетевской поэме, где перед силой любви "сдалась природа сатаны... он не снес ее укола. Милосердие побороло", и Фауст был отпущен в свет. У Булгакова милосердие к Фриде проявляет Маргарита, а не сам Воланд. Любовь никак не влияет на природу сатаны, ибо на самом деле судьба гениального Мастера предопределена Воландом заранее. Замысел сатаны совпадает с тем, чем просит наградить Мастера Иешуа, и Маргарита здесь - часть этой награды.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

"Адам и Ева"

"Адам и Ева" - пьеса. При жизни Булгакова не публиковалась и не ставилась. Впервые: Булгаков М. Пьесы. Адам и Ева. - Багровый остров. - Зойкина квартира. Париж: ИМКА-пресс, 1971. Впервые в СССР: Октябрь, 1987, №6.

Булгаков начал писать текст "Адама и Евы" в июне 1931 г. 5 июня 1931 г. был заключен договор на пьесу с Госнардомом им. Карла Либкнехта и Розы Люксембург в Ленинграде. А. и Е. предполагалось ставить в ленинградском Красном театре.

8 июля 1931 г. Булгаков заключил также договор на постановку "Адама и Евы" в Театре им. Евг. Вахтангова в Москве. Первая редакция пьесы была закончена 22 августа 1931 г. Осенью того же года на чтение "Адама и Евы" в Вахтанговском театре, по свидетельству Л. Е. Белозерской, пригласили одного из руководителей советских ВВС Я. И. Алксниса (1897-1938), который сказал, что "ставить эту пьесу нельзя, так как погибает Ленинград". В результате "Адама и Еву" запретили.

Булгаков написал вторую редакцию пьесы, где катастрофа, происходящая в "Адаме и Еве", была представлена как сон одного из героев пьесы, академика Ефросимова. Однако и этот вариант был отвергнут цензурой. Постановка "Адама и Евы" не состоялась ни в Москве, ни в Ленинграде, ни в Баку, где ее хотел ставить Бакинский Рабочий театр.

В "Адаме и Еве" Булгаков нарисовал картину войны будущего, которая в начале 30-х годов представлялась прежде всего как война с использованием новейшего химического оружия. Тогда многие военные теоретики и обращавшиеся к военной теме литераторы полагали, что дальнейшее усовершенствование боевых отравляющих веществ может привести к глобальной катастрофе и гибели значительной части человечества. После второй мировой войны возможность такой катастрофы стали связывать уже с ядерным и термоядерным оружием. У Булгакова, хотя пьеса и завершается традиционной победой коммунистов и торжеством мировой революции, в уста Ефросимова вложена крамольная мысль о том, что способное предотвратить химическую войну изобретение, нейтрализующее боевые газы, должно быть одновременно передано всем правительствам земного шара. Главную опасность миру писатель видел в торжестве классовой идеологии, вооруженной оружием массового поражения, над общечеловеческими интересами и ценностями. Такая позиция делала невозможной постановку и публикацию А. и Е. при жизни автора.

В "Адама и Евы" библейский сюжет книги Бытия пародийно перенесен в эпоху послевоенного коллапса, вернувшего человечество в первобытное состояние. Ева здесь отвергает своего мужа, инженера Адама, в пользу ученого-творца Александра Ипполитовича Ефросимова (его фамилия в переводе с греческого означает радость или счастье).

Ефросимов стоит в ряду образов гениев в булгаковском творчестве - Персикова "Роковых яиц", Преображенского "Собачьего сердца", Пушкина, Мольера, Мастера.

Герои "Адама и Евы" как бы изгнаны из "рая" и теперь тяжким трудом вынуждены зарабатывать хлеб насущный. В их руках - спасение от смертоносных газов, но, кажется, нет возможности донести его до уцелевших людей. Сюжет пьесы во многом повторяет сюжет романа Джека Лондона (Джона Гриффита) (1876-1916) "Алая чума" (1915), где гибнет четырехмиллионный Сан-Франциско. Лекарство от алой чумы находит, но слишком поздно, сотрудник Мечниковского института в Берлине.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

"Собачье сердце"

Страницы: 1 2 3 4 5

"Собачье сердце" - повесть, имеющая подзаголовок "Чудовищная история".

При жизни Булгакова не публиковалась. Впервые: Студент, Лондон, 1968, №№9, 10; Грани, Франкфурт, 1968, №69; Булгаков М. Собачье сердце. Лондон, Flegon Press, 1968. Впервые в СССР: Знамя, 1987, №6. Авторская дата на машинописи С. с.: "январь - март 1925 года".

Повесть предназначалась для альманаха "Недра", где ранее были опубликованы "Дьяволиада" и "Роковые яйца". Редактор "Недр" Николай Семенович Ангарский (Клестов) (1873-1941) торопил Булгакова с созданием С. с., рассчитывая, что оно будет иметь не меньший успех среди читающей публики, чем "Роковые яйца".

7 марта 1925 г. автор читал первую часть С. с. на литературном собрании "Никитинских субботников", а 21 марта там же - вторую часть повести. Один из слушателей, М. Я. Шнейдер, следующим образом передал перед собравшимися свое впечатление от С. с.: "Это первое литературное произведение, которое осмеливается быть самим собой. Пришло время реализации отношения к происшедшему" (т. е. к Октябрьскому перевороту 1917 г.).

На этих же чтениях присутствовал внимательный агент ОГПУ, который в донесениях от 9 и 24 марта оценил повесть совсем иначе: "Был на очередном литературном "субботнике" у Е. Ф. Никитиной (Газетный, 3, кв. 7, т. 2-14-16). Читал Булгаков свою новую повесть. Сюжет: профессор вынимает мозги и семенные железы у только что умершего и вкладывает их в собаку, в результате чего получается "очеловечение" последней. При этом вся вещь написана во враждебных, дышащих бесконечным презрением к Совстрою тонах: 1). У профессора 7 комнат. Он живет в рабочем доме. Приходит к нему депутация от рабочих, с просьбой отдать им 2 комнаты, т. к. дом переполнен, а у него одного 7 комнат. Он отвечает требованием дать ему еще и 8-ю. Затем подходит к телефону и по №107 заявляет какому-то очень влиятельному совработнику "Виталию Власьевичу" (?) (в сохранившемся тексте первой редакции С. с. этот персонаж назван Виталием Александровичем (в последующих редакциях он превратился в Петра Александровича); очевидно, осведомитель со слуха неправильно записал отчество влиятельного покровителя), что операции он ему делать не будет, "прекращает практику вообще и уезжает навсегда в Батум", т. к. к нему пришли вооруженные револьверами рабочие (а этого на самом деле нет) и заставляют его спать на кухне, а операции делать в уборной. Виталий Власьевич успокаивает его, обещая дать "крепкую" бумажку, после чего его никто трогать не будет.

Профессор торжествует. Рабочая делегация остается с носом. "Купите тогда, товарищ, - говорит работница, - литературу в пользу бедных нашей фракции". "Не куплю", - отвечает профессор.

"Почему? Ведь недорого. Только 50 к. У Вас, может быть, денег нет?"

"Нет, деньги есть, а просто не хочу". "Так значит Вы не любите пролетариат?" "Да, - сознается профессор, - я не люблю пролетариат".

Все это слушается под сопровождение злорадного смеха никитинской аудитории. Кто-то не выдерживает и со злостью восклицает: "Утопия".

2). "Разруха, - ворчит за бутылкой Сэн-Жульена тот же профессор. - Что это такое? Старуха, еле бредущая с клюкой? Ничего подобного. Никакой разрухи нет, не было, не будет и не бывает. Разруха - это сами люди. Я жил в этом доме на Пречистенке с 1902 по 1917 г. пятнадцать лет. На моей лестнице 12 квартир. Пациентов у меня бывает сами знаете сколько. И вот внизу на парадной стояла вешалка для пальто, калош и т.д. Так что же Вы думаете? За эти 15 л. не пропало ни разу ни одного пальто, ни одной тряпки. Так было до 24 февраля, а 24-го украли все: все шубы, моих 3 пальто, все трости, да еще и у швейцара самовар свистнули. Вот что. А вы говорите разруха". Оглушительный хохот всей аудитории.

3). Собака, которую он приютил, разорвала ему чучело совы. Профессор пришел в неописуемую ярость. Прислуга советует ему хорошенько отлупить пса. Ярость профессора не унимается, но он гремит: "Нельзя. Нельзя никого бить. Это - террор, а вот чего достигли они своим террором. Нужно только учить". И он свирепо, но не больно, тычет собаку мордой в разорванную сову.

4). "Лучшее средство для здоровья и нервов - не читать газеты, в особенности же "Правду". Я наблюдал у себя в клинике 30 пациентов. Так что же вы думаете, не читавшие "Правды" выздоравливают быстрее читавших", и т. д., и т. д. Примеров можно было бы привести еще великое множество, примеров тому, что Булгаков определенно ненавидит и презирает весь Совстрой, отрицает все его достижения.

Кроме того, книга пестрит порнографией, облеченной в деловой, якобы научный вид. Таким образом, эта книжка угодит и злорадному обывателю, и легкомысленной дамочке, и сладко пощекочет нервы просто развратному старичку. Есть верный, строгий и зоркий страж у Совласти, это - Главлит, и если мое мнение не расходится с его, то эта книга света не увидит. Но разрешите отметить то обстоятельство, что эта книга (1 ее часть) уже прочитана аудитории в 48 человек, из которых 90 процентов - писатели сами. Поэтому ее роль, ее главное дело уже сделано, даже в том случае, если она и не будет пропущена Главлитом: она уже заразила писательские умы слушателей и обострит их перья. А то, что она не будет напечатана (если "не будет"), это-то и будет роскошным им, этим писателям, уроком на будущее время, уроком, как не нужно писать для того, чтобы пропустила цензура, т. е. как опубликовать свои убеждения и пропаганду, но так, чтобы это увидело свет. (25/III - 25 г. Булгаков будет читать 2-ю часть своей повести).

Мое личное мнение: такие вещи, прочитанные в самом блестящем московском литературном кружке, намного опаснее бесполезно-безвредных выступлений литераторов 101-го сорта на заседаниях "Всероссийского Союза Поэтов".

О чтении Булгаковым второй части С. с. неизвестный осведомитель сообщил гораздо лаконичнее. То ли она произвела на него меньшее впечатление, то ли посчитал, что главное уже сказано в первом доносе: "Вторая и последняя часть повести Булгакова "Собачье сердце" (о первой части я сообщил Вам двумя неделями ранее), дочитанная им на "Никитинском субботнике", вызвала сильное негодование двух бывших там писателей-коммунистов и всеобщий восторг всех остальных. Содержание этой финальной части сводится приблизительно к следующему: Очеловеченная собака стала наглеть с каждым днем, все более и более. Стала развратной: делала гнусные предложения горничной профессора. Но центр авторского глумления и обвинения зиждется на другом: на ношении собакой кожаной куртки, на требовании жилой площади, на проявлении коммунистического образа мышления. Все это вывело профессора из себя, и он разом покончил с созданным им самим несчастием, а именно: превратил очеловеченную собаку в прежнего, обыкновенного пса.

Если и подобно грубо замаскированные (ибо все это "очеловечение" - только подчеркнуто-заметный, небрежный грим) выпады появляются на книжном рынке СССР, то белогвардейской заграницы, изнемогающей не меньше нас от книжного голода, а еще больше от бесплодных поисков оригинального, хлесткого сюжета, остается только завидовать исключительнейшим условиям для контрреволюционных авторов у нас".

Такого рода сообщения наверняка насторожили инстанции, контролировавшие литературный процесс, и сделали неизбежным запрет С. с.

В продолжении вы прочтете:
Как сталинская цензура "зарезала" новый "перл" Булгакова
"Вещь в целом недопустима"
"Острый памфлет на современность"
Чтобы сделать карьеру в СССР, надо быть тупым и агрессивным
Шариков - пародия на строителя коммунизма

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Собачье сердце", часть 2

Страницы: 1 2 3 4 5

Люди, искушенные в литературе, повесть хвалили. Например, 8 апреля 1925 г. писатель Викентий Вересаев (Смидович) (1867-1945) писал поэту Максимилиану Волошину (Кириенко-Волошину) (1877-1932): "Очень мне приятно было прочесть Ваш отзыв о М. Булгакове... юмористические его вещи - перлы, обещающие из него художника первого ранга. Но цензура режет его беспощадно. Недавно зарезала чудесную вещь "Собачье сердце", и он совсем падает духом".

20 апреля 1925 г. Ангарский в письме Вересаеву сетует на то же самое - сатирические произведения Булгакова проводить "сквозь цензуру очень трудно. Я не уверен, что его новый рассказ "Собачье сердце" пройдет. Вообще с литературой плохо. Цензура не усваивает линию партии".

Старый большевик Ангарский здесь притворяется наивным. На самом деле, в стране начиналось постепенное ужесточение цензуры по мере укрепления власти И. В. Сталина. Сыграла роль и реакция критики на предыдущую булгаковскую повесть "Роковые яйца", рассматриваемую как антисоветский памфлет.

21 мая 1925 г. сотрудник "Недр" Б. Леонтьев послал Булгакову очень пессимистическое письмо: "Дорогой Михаил Афанасьевич, посылаю Вам "Записки на манжетах" и "Собачье сердце". Делайте с ними, что хотите. Сарычев в Главлите заявил, что "Собачье сердце" чистить уже не стоит. "Вещь в целом недопустима" или что-то в этом роде".

Однако Н. С. Ангарский, которому С. с. очень нравилось, решил обратиться на самый верх - к члену Политбюро Льву Борисовичу Каменеву (Розенфельду) (1883-1936). Через Б. Леонтьева он просил Булгакова направить рукопись С. с. с цензурными исправлениями Каменеву, отдыхающему в Боржоми, с сопроводительным письмом, которое должно быть "авторское, слезное, с объяснением всех мытарств..."

11 сентября 1925 г. Леонтьев написал Булгакову о неутешительном исходе этой последней попытки добиться публикации С. с.: "Повесть Ваша "Собачье сердце" возвращена нам Л. Б. Каменевым. По просьбе Николая Семеновича он ее прочел и высказал свое мнение: "это острый памфлет на современность, печатать ни в коем случае нельзя".

Леонтьев и Ангарский упрекали Булгакова, что тот послал Каменеву неправленый экземпляр: "Конечно, нельзя придавать большого значения двум-трем наиболее острым страницам; они едва ли могли что-нибудь изменить в мнении такого человека, как Каменев. И все же, нам кажется, Ваше нежелание дать ранее исправленный текст сыграло здесь печальную роль".

Последующие события показали неосновательность подобных опасений: причины запрещения С. с. были куда фундаментальнее, чем несколько не выправленных или выправленных в соответствии с цензурными требованиями страниц. 7 мая 1926 г. в рамках санкционированной ЦК кампании по борьбе со "сменовеховством" (см.: "Под пятой") в квартире Булгакова был произведен обыск и конфискована рукопись дневника писателя и два экземпляра машинописи С. с. Лишь три с лишним года спустя конфискованное при содействии Максима Горького (Алексея Максимовича Пешкова) (1868-1936) было возвращено автору.

Фабульно С. с., как и "Роковые яйца", восходит к произведениям знаменитого английского писателя-фантаста Герберта Уэллса (1866-1946), на этот раз - к роману "Остров доктора Моро" (1896), где профессор-маньяк в своей лаборатории на необитаемом острове занимается созданием хирургическим путем необычных "гибридов" людей и животных. Роман Г. Уэллса был написан в связи с ростом движения противников вивисекции - операций над животными и их убийством в научных целях.

У Булгакова добрейший профессор Филипп Филиппович Преображенский проводит эксперимент по очеловечению милого пса Шарика и очень мало напоминает героя Уэллса. Однако эксперимент оканчивается провалом. Шарик воспринимает только худшие черты своего донора, пьяницы и хулигана пролетария Клима Чугункина. Вместо доброго пса возникает зловещий, тупой и агрессивный Полиграф Полиграфович Шариков, который, тем не менее, великолепно вписывается в социалистическую действительность и даже делает завидную карьеру: от существа неопределенного социального статуса до начальника подотдела очистки Москвы от бродячих животных.

Превратив своего героя в начальника подотдела Московского Коммунального Хозяйства, Булгаков недобрым словом поминал свою вынужденную службу во владикавказском подотделе искусств и московском Лито (литературном отделе Главполитпросвета).

Шариков становится общественно опасен, науськиваемый председателем домкома Швондером против своего создателя - профессора Преображенского, пишет доносы на него, а в конце даже грозит револьвером. Профессору не остается ничего другого, как вернуть новоявленного монстра в первобытное собачье состояние.

Если в "Роковых яйцах" был сделан неутешительный вывод насчет возможности реализации в России социалистической идеи при существующем уровне культуры и просвещения, то в С. с. пародируются попытки большевиков сотворить нового человека, призванного стать строителем коммунистического общества.

"Homo socialisticus"
Обезьяны против большевиков
Булгаков предсказал кровавые чистки в партии
О любви к управдомам
Шариков - пародия на Ленина
Читайте далее>>>

« Назад

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Собачье сердце", часть 3

Страницы: 1 2 3 4 5

В работе "На пиру богов", вышедшей в Киеве 1918 г., философ, богослов и публицист С. Н. Булгаков заметил: "Признаюсь вам, что "товарищи кажутся мне иногда существами, вовсе лишенными духа и обладающими только низшими душевными способностями, особой разновидностью дарвиновских обезьян - Homo socialisticus".

Автор С. с. в образе Шарикова эту идею материализовал, учтя сообщение писателя и литературоведа Виктора Борисовича Шкловского (1893-1984), прототипа Шполянского в "Белой гвардии", приводившего в мемуарном "Сентиментальном путешествии" (1923) слухи, циркулировавшие в Киеве в начале 1919 г.: "Рассказывали, что англичане - рассказывали это люди не больные - что англичане уже высадили в Баку стада обезьян, обученных всем правилам военного строя. Рассказывали, что этих обезьян нельзя распропагандировать, что идут они в атаки без страха, что они победят большевиков".

Эти слухи могли быть простым развитием в воображении образа "особой разновидности дарвиновских обезьян". Булгаков же ранее использовал свидетельство В. Б. Шкловского, когда описал в "Роковых яйцах" поход гадов на красную Москву.

Автор С. с. предвидел, что шариковы легко могут сжить со свету не только преображенских, но и швондеров. Сила Полиграфа Полиграфовича - в его девственности в отношении совести и культуры. Профессор Преображенский грустно пророчествует, что в будущем найдется кто-то, кто натравит Шарикова на Швондера, как сегодня председатель домкома натравливает его на Филиппа Филипповича. Писатель как бы предсказал кровавые чистки 30-х годов уже среди самих коммунистов, когда одни швондеры карали других, менее удачливых.

Швондер в С. с. - мрачное, хотя и не лишенное комизма олицетворение низшего уровня тоталитарной власти - управдома, открывает большую галерею подобных героев в булгаковском творчестве, таких как Аллилуйя (Портупея) в "Зойкиной квартире", Бунша в "Блаженстве" и "Иване Васильевиче", Никанор Иванович Босой в "Мастере и Маргарите".

Операцию над Шариком профессор со священнической фамилией Преображенский делает во второй половине дня 23 декабря, а очеловечивание пса завершается в ночь на 7 января, поскольку последнее упоминание о его собачьем облике в дневнике наблюдений, который ведет ассистент Борменталь, датировано 6 января. Таким образом, весь процесс превращения собаки в человека охватывает период с 24 декабря до 6 января, от католического до православного Сочельника. Происходит Преображение, только не Господне.

Новый человек Шариков появляется на свет в ночь с 6-го на 7-е января - в православное Рождество. Но Полиграф Полиграфович - воплощение не Христа, а дьявола, взявший себе имя в честь вымышленного "святого" в новых советских "святцах", предписывающих праздновать День полиграфиста. Шариков - в какой-то мере жертва полиграфической продукции - книг с изложением марксистских догм, которые дал ему читать Швондер. Оттуда "новый человек" вынес только тезис о примитивной уравниловке - "взять все да и поделить".

При последней его ссоре с Преображенским и Борменталем всячески подчеркивается связь Шарикова с потусторонними силами: "Какой-то нечистый дух вселился в Полиграфа Полиграфовича, очевидно, гибель уже караулила его и рок стоял у него за плечами. Он сам бросился в объятья неизбежного и гавкнул злобно и отрывисто:

- Да что такое в самом деле? Что я, управы, что ли, не найду на вас? Я на шестнадцати аршинах здесь сижу и буду сидеть!

- Убирайтесь из квартиры, - задушевно шепнул Филипп Филиппович.

Шариков сам пригласил свою смерть! Он поднял левую руку и показал Филиппу Филипповичу обкусанный с нестерпимым кошачьим запахом шиш. А затем правой рукой по адресу опасного Борменталя из кармана вынул револьвер".

Шиш - это стоящие дыбом "волосы" на голове у черта. Такие же волосы у Шарикова: "жесткие, как бы кустами на выкорчеванном поле". Вооруженный револьвером Полиграф Полиграфович - это своеобразная иллюстрация знаменитого изречения итальянского мыслителя Николло Макиавелли (1469-1527): "Все вооруженные пророки победили, а безоружные погибли".

Здесь Шариков - пародия на В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого и других большевиков, которые военной силой обеспечили торжество своего учения в России. Кстати, три тома посмертной биографии Троцкого, написанной его последователем Исааком Дойчером (1906-1967), так и назывались: "Вооруженный пророк", "Разоруженный пророк", "Изгнанный пророк"(1954-1963).

Булгаковский герой - пророк не Бога, а дьявола. Однако только в фантастической действительности С. с. его удается обезоружить и путем сложной хирургической операции привести в первичный вид - доброго и милого пса Шарика, который ненавидит только котов и дворников. В реальности большевиков никто разоружить не смог.

О прототипе проф. Преображенского, невероятном сластолюбии большевистских вождей и о том, что похотливые пациенты профессора - реальные люди вы узнаете, если прочтете продолжение>>>

« Назад

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Собачье сердце", часть 4

Страницы: 1 2 3 4 5

Прототипом профессора Филиппа Филипповича Преображенского, равно как и одним из прототипов профессора Персикова в "Роковых яйцах", послужил дядя Булгакова, брат матери Николай Михайлович Покровский (1868-1941), врач-гинеколог. Его квартира по адресу Пречистенка, 24 (или Чистый переулок, 1) в деталях совпадает с описанием квартиры Преображенского в С. с. Интересно, что в адресе прототипа названия улиц связаны с христианской традицией, а его фамилия (в честь праздника Покрова) соответствуют фамилии персонажа, связанной с праздником Преображения Господня.

Сохранилось колоритное описание Н. М. Покровского в воспоминаниях первой жены Булгакова Т. Н. Лаппа: "...Я как начала читать - сразу догадалась, что это он. Такой же сердитый, напевал всегда что-то, ноздри раздувались, усы такие же пышные были. Вообще, он симпатичный был. Он тогда на Михаила очень обиделся за это. Собака у него была одно время, доберман-пинчер".

Мемуаристка также отметила, что "Николай Михайлович долго не женился, но очень любил ухаживать за женщинами". Возможно, это обстоятельство побудило Булгакова заставить в С. с. холостяка Преображенского заниматься операциями по омоложению жаждущих любовных похождений стареющих дам и кавалеров.

Н. М. Покровского вспоминает и вторая жена Булгакова Л. Е. Белозерская: "Он отличался вспыльчивым и непокладистым характером, что дало повод пошутить одной из племянниц: "На дядю Колю не угодишь, он говорит: не смей рожать и не смей делать аборт".

В ранних редакциях С. с. среди пациентов Преображенского угадывались вполне конкретные лица. Так, упоминаемый пожилой дамой ее неистовый любовник Мориц - это хороший знакомый Булгакова В. Э. Мориц (1890-1972), искусствовед, работавший в Государственной Академии Художественных Наук (ГАХН) и пользовавшийся большим успехом у дам. В частности, первая жена булгаковского друга Н. Н. Лямина Александра Сергеевна Лямина (урожденная Прохорова), дочь известного купца, ушла от мужа к Морицу. В 1930 г. В. Э. Мориц был арестован по обвинению в создании вместе с хорошо знакомым Булгакову философом Г. Г. Шпетом (1879-1937) в ГАХН "крепкой цитадели идеализма", сослан в Котлас, а после возвращения из ссылки благополучно преподавал мастерство актера в Театральном училище им. М. С. Щепкина. В позднейшей редакции фамилия Мориц заменена на Альфонс.

Эпизод же с "известным общественным деятелем", воспылавшим страстью к четырнадцатилетней девочке, в первой редакции был снабжен такими прозрачными подробностями, что по-настоящему испугал Н. С. Ангарского: "... Взволнованный голос тявкнул над головой:
- Я известный общественный деятель, профессор! Что же теперь делать?
- Господа! - возмущенно кричал Филипп Филиппович, - нельзя же так! Нужно, сдерживать себя. Сколько ей лет?
- Четырнадцать, профессор... Вы понимаете, огласка погубит меня. На днях я должен получить командировку в Лондон.
- Да ведь я же не юрист, голубчик... Ну, подождите два года и женитесь на ней.
- Женат я, профессор!
- Ах, господа, господа!.."

Н. С. Ангарский фразу насчет командировки в Лондон зачеркнул красным, а весь эпизод отметил синим карандашом, дважды расписавшись на полях. В результате в последующей редакции "известный общественный деятель" был заменен на "Я слишком известен в Москве...", а командировка в Лондон превратилась в просто "заграничную командировку".

Дело в том, что слова об общественном деятеле и Лондоне делали прототип легко опознаваемым. До весны 1925 г. из видных деятелей Коммунистической партии в британскую столицу ездили только двое. Первый - Леонид Борисович Красин (1870-1926), с 1920 г. - нарком внешней торговли и одновременно полпред и торгпред в Англии, с 1924 г. ставший полпредом во Франции. Второй - Христиан Георгиевич Раковский (1873-1941), бывший глава Совнаркома Украины, сменивший Красина на посту полпреда в Лондоне в начале 1924 г. Действие С. с. происходит зимой 1924-1925 гг., когда полпредом в Англии был Раковский, который, вероятно, и послужил прототипом развратника в С. с.

В дневниковой записи в ночь на 21 декабря 1924 г. в связи с охлаждением англо-советских отношений после обнародования письма Г. Е. Зиновьева (Радомышельского-Апфельбаума) (1883-1936), тогдашнего главы Коминтерна, Булгаков упомянул и Раковского: "Знаменитое письмо Зиновьева, содержащее в себе недвусмысленные призывы к возмущению рабочих и войск в Англии, - не только министерством иностранных дел, но и всей Англией, по-видимому, безоговорочно признано подлинным. С Англией покончено. Тупые и медленные англичане, хоть и с опозданием, но все же начинают соображать о том, что в Москве, Раковском и курьерах, приезжающих с запечатанными пакетами, таится некая, весьма грозная опасность разложения Британии".

По всей видимости, амурные утехи Раковского порождали в Москве слухи, и в образе пожилого развратника - любителя несовершеннолетних, восходящему к конкретному прототипу, Булгаков стремился продемонстрировать моральное разложение того, кто призван был работать на разложение "старой доброй Англии". Устами Филиппа Филипповича автор выражал удивление невероятному сластолюбию большевистских вождей. Любовные похождения многих из них, в частности, "всесоюзного старосты" М. И. Калинина (1875-1946) и секретаря ЦИК А. С. Енукидзе (1877-1937), не были тайной для московской интеллигенции в 20-е годы.

И в завершение:

Происхождение профессорского монолога о разрухе
Наказание любителей хорового пения
Этимология названия "Собачье сердце"
Цензура о Булгакове: "неуместный сатирик"

« Назад

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Собачье сердце", часть 5

Страницы: 1 2 3 4 5

В ранней редакции С. с. более крамольно читалось и заявление профессора Преображенского о том, что калоши из прихожей "исчезли в апреле 1917 г.", - намек на возвращение в Россию В. И. Ленина и его "Апрельские тезисы", как первопричину всех бед, случившихся в России. В следующей редакции апрель был заменен по цензурным соображениям на март 1917 г. и источником всех бедствий как бы стала Февральская революция, хотя к завоеваниям этой революции Булгаков относился положительно: в пьесе "Сыновья муллы" она показана как благо. Вероятно, деятельность большевиков автор С. с. считал направленной на ликвидацию демократических завоеваний Февраля.

Знаменитый монолог Филиппа Филипповича о разрухе: "Это - мираж, дым, фикция!.. Что такое это ваша, "разруха"? Старуха с клюкой? Ведьма, которая выбила все стекла, потушила все лампы? Да ее вовсе не существует! Что вы подразумеваете под этим словом? Это вот что: если я, вместо того чтобы оперировать, каждый вечер начну у себя в квартире петь хором, у меня настанет разруха. Если я, ходя в уборную, начну, извините меня за выражение, мочиться мимо унитаза и то же самое будут делать Зина и Дарья Петровна, в уборной получится разруха. Следовательно, разруха сидит не в клозетах, а в головах", - имеет один вполне конкретный источник. В начале 20-х годов в московской Мастерской коммунистической драматургии была поставлена одноактная пьеса Валерия Язвицкого (1883-1957) "Кто виноват?" ("Разруха"), где главным действующим лицом была древняя скрюченная старуха в лохмотьях по имени Разруха, мешающая жить семье пролетария.

Советская пропаганда действительно делала из разрухи какую-то мифическую неуловимую злодейку, стремясь скрыть, что первопричина - в политике большевиков, в военном коммунизме, в том, что люди отвыкли честно и качественно работать и не имеют стимулов к труду.

Единственным лекарством против разрухи Преображенский (и с ним Булгаков) признает обеспечение порядка, когда каждый может заниматься своим делом: "Городовой! Это и только это! И совершенно неважно - будет ли он с бляхой или же в красном кепи. Поставить городового рядом с каждым человеком и заставить этого городового умерить вокальные порывы наших граждан. Я вам скажу... что ничто не изменится к лучшему в нашем доме, да и во всяком другом доме, до тех пор, пока не усмирите этих певцов! Лишь только они прекратят свои концерты, положение само собой изменится к лучшему!".

Любителей хорового пения в рабочее время Булгаков наказал в романе "Мастер и Маргарита", где служащих Зрелищной комиссии заставляет безостановочно петь бывший регент Коровьев-Фагот. Милиционер как символ порядка возникает в фельетоне "Столица в блокноте" (1922-1923). Миф же разрухи оказывается соотносим с мифом С. В. Петлюры в "Белой гвардии", где бывшего бухгалтера Булгаков корит за то, что тот в конечном счете занялся не своим делом - стал "головным атаманом" эфемерного, по мнению писателя, Украинского государства. В романе монолог Алексея Турбина, где он призывает в борьбе с большевиками во имя восстановления порядка, соотносим с монологом Преображенского и вызывает сходную с ним реакцию. Брат Николка замечает, что "Алексей незаменимый на митинге человек, оратор". Шарик же думает о вошедшем в ораторский азарт Филиппе Филипповиче: "Он бы прямо на митингах мог деньги зарабатывать..."

Само название "Собачье сердце" взято из трактирного куплета, помещенного в книге А. В. Лейферта "Балаганы" (1922): "...На второе пирог - /Начинка из лягушачьих ног, /С луком, перцем /Да с собачьим сердцем". Такое название может быть соотнесено с прошлой жизнью Клима Чугункина, зарабатывавшего на жизнь игрой на балалайке в трактирах (по иронии судьбы, этим же зарабатывал себе на жизнь в эмиграции брат автора С. с. И. А. Булгаков).

С. с. предполагалось инсценировать во МХАТе. 2 марта 1926 г. Булгаков заключил с театром соответствующий договор, который, в связи с цензурным запретом С. с., был расторгнут 19 апреля 1927 г.

В С. с. есть конкретные приметы времени действия - с декабря 1924 г. по март 1925 г. В эпилоге повести говорится о мартовском тумане, от которого страдал головными болями вновь обретший свою собачью ипостась Шарик, а программа московских цирков, которую изучает Преображенский на предмет наличия в них противопоказанных Шарику номеров с котами ("У Соломоновского... четыре каких-то... юссемс и человек мертвой точки... У Никитина... слоны и предел человеческой ловкости") точно соответствует реальным обстоятельствам начала 1925 г. Именно тогда в 1-м Госцирке на Цветном бульваре, 13 (б. А. Саламонского) и 2-м Госцирке на Б. Садовой, 18 (б. А. Никитина) гастролировали воздушные гимнасты "Четыре Юссемс" и эквилибрист Этон, номер которого назывался "Человек на мертвой точке". Точная временная приуроченность характерна не только для С. с., но и для других булгаковских произведений - повести "Роковые яйца", пьесы "Блаженство", романа "Мастер и Маргарита".

По некоторым данным, еще при жизни Булгакова С. с. распространялось в самиздате. Анонимная корреспондентка в письме 9 марта 1936 г., когда после публикации критической статьи в "Правде" стало неизбежным снятие со сцены "Кабалы святош", ободряя Булгакова, сообщала ему, что многое, "что пишется Вами, а м. б. и приписывается, переписывается и передается, так, например вариант окончания повести "Роковые яйца" и повесть "Собачье сердце".

Известный литературовед Разумник Васильевич Иванов-Разумник (Иванов) (1878-1946) в книге мемуарных очерков "Писательские судьбы" (1951) отмечал: "Спохватившись слишком поздно, цензура решила впредь не пропускать ни единой печатной строчки этого "неуместного сатирика" (так выразился о М. Булгакове некий тип, на цензурной заставе команду имеющий). С тех пор рассказы и повести его запрещались (читал я в рукописи очень остроумную его повесть "Шарик")..." Здесь под "Шариком" явно имеется в виду С. с.

« Назад

Наверх »

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Неделя просвещения"

"Неделя просвещения" - фельетон. Опубликован: Коммунист, Владикавказ, 1921, 1 апреля.

Это - единственный известный пока фельетон, опубликованный Булгаковым на Северном Кавказе после ухода оттуда белых.

Обстоятельства, связанные с появлением Н. п., описаны Булгаковым в рассказе "Богема" (1925): "Фельетон в местной владикавказской газете я напечатал и получил за него 1200 рублей (по ценам того времени этого хватило бы на пропитание не более чем на один день) и обещание, что меня посадят в особый отдел, если я напечатаю еще что-нибудь похожее на этот первый фельетон... За насмешки".

Ни содержанием, ни художественными достоинствами Н. п. Булгаков не был удовлетворен, о чем и сообщил в письме сестре Вере 26 апреля 1921 г.: "... Посылаю тебе мой последний фельетон "Неделя просвещения", вещь совершенно ерундовую, да и притом узко местную (имена актеров). Хотелось бы послать что-нибудь иное, но не выходит никак..."

До сих пор остается загадкой, что же рассердило в Н. п. редактора "Коммуниста" Г. С. Астахова, одного из наиболее ревностных гонителей Булгакова (см.: "Записки на манжетах"). Возможно, его гнев вызвало ироническое отношение к "насильственному просвещению": неграмотного красноармейца в приказном порядке посылают на оперу Джузеппе Верди (1813-1901) "Травиата" (1853), а он мечтает посмотреть слона и клоунов в цирке.

В "Собачьем сердце" (1925) превращенный из собаки в человека "пролетарий" Шариков тоже будет предпочитать цирк всем другим видам искусств (кстати, ему доведется, в отличие от героя Н. п., все-таки увидеть цирковую программу со слонами).

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций
Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы
Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи
Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта
Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Аркадий Аполлонович Семплеяров ~

Аркадий Аполлонович Семплеяров - персонаж романа "Мастер и Маргарита", председатель "акустической комиссии московских театров".

Фамилия "Семплеяров" произведена от фамилии хорошего знакомого Булгакова, композитора и дирижера Александра Афанасьевича Спендиарова(1871 - 1928). Вторая жена писателя Л. Е. Белозерская вспоминает о знакомстве со Спендиаровым и его семейством в начале 1927 г. и приводит дневниковый рассказ его дочери Марины (1903 - 1984): "Мы с папой были у Булгаковых. Любовь Евгеньевна спросила заранее, какое любимое папино блюдо. Я сказала: "Рябчики с красной капустой". С утра я искала папу, чтобы сообщить ему адрес Булгаковых... Помню его голос в телефоне: "Это ты, Марюшка? Ну, что ты? Ну, говори адрес... Хорошо, я приду, детка". Когда я пришла, Михаил Афанасьевич, Любовь Евгеньевна и папа сидели вокруг стола. Папа сидел спиной к свету на фоне рождественской елки. Меня поразило то, что он такой грустный, поникший. Он весь в себе был, в своих мрачных мыслях и, не выходя из своего мрачного в то время мирка, говорил, глядя в тарелку, о накопившихся у него неприятностях. Потом, как-то неожиданно для нас всех, перешел на восхваление Армении. Чувствовалось, что в сутолочной Москве он соскучился по ней".

Сама Л. Е. Белозерская отозвалась о прототипе А. А. С. так: "Мне Александр Афанасьевич понравился, но показался необычайно озабоченным, а поэтому каким-то отсутствующим". Именно таким выглядит А. А. С. после скандала в Театре Варьете, где были разоблачены Коровьевым-Фаготом его любовные похождения. Тогда супруга А. А. С. на телефонный звонок "ответила мрачно, что Аркадий Аполлонович нездоров, лег почивать и подойти к аппарату не может".

Главным же прототипом А. А. С., которого в какой-то мере маскировала фигура армянина А. А. Спендиарова, был грузин Авель Софронович Енукидзе (1877 - 1937), являвшийся в 1922 - 1935 гг. секретарем Президиума ЦИК и председателем Правительственной комиссии по руководству Большим и Художественным театрами. Для собственно театрального искусства эта комиссия была столь же бесполезна, как и акустическая комиссия А. А. С., однако представляла собой дополнительный барьер для появления "идеологически вредных" спектаклей. Енукидзе также был членом коллегии Наркомпроса и Государственной комиссии по просвещению, располагавшихся на Чистых прудах в доме №6. На Чистых прудах находилась и акустическая комиссия А. А. С.

Енукидзе был неравнодушен к прекрасному полу, особенно к актрисам подведомственных театров, что и послужило поводом для его падения в рамках очередной "чистки" в высшем эшелоне власти. 7 июня 1935 г. Пленум ЦК ВКП(б) принял резолюцию, один из пунктов которой звучал так: "За политическое и бытовое разложение бывшего секретаря ЦИК СССР т. А. Енукидзе вывести его из состава ЦК ВКП(б)". 16 декабря 1937 г. А. С. Енукидзе в компании с рядом других подсудимых, в том числе Б. С. Штейгером, прототипом Барона Майгеля, был осужден Военной коллегией Верховного суда СССР по обвинению "в измене Родине, террористической деятельности и систематическом шпионаже в пользу одного из иностранных государств" и расстрелян (в фантастичности этих обвинений вряд ли сомневались мыслящие современники).

А. А. С. фигурировал еще в 1931 г. в списке персонажей будущего романа. Тогда его звали Пафнутий Аркадьевич Семплеяров. В сцене сеанса черной магии в Театре Варьете А. А. С. впервые появился в варианте конца 1934 г. Сатирическое изображение в этом образе А. С. Енукидзе было вызвано тем, что именно ему Булгаков в конце апреля 1934 г. направил прошение о двухмесячной поездке за границу, а секретарь ВЦИК, как зафиксировала в дневнике 4 мая 1934 г. третья жена писателя Е. С. Булгакова, не рискнул единолично решить вопрос о выезде и наложил на прошении резолюцию: "Направить в ЦК". В результате поездка была сорвана. Отказ последовал в унизительной для писателя и его жены форме (см. "Был май").

"Разоблачение" А. А. С. на сеансе черной магии стало своеобразной местью Булгакова А. С. Енукидзе, причем еще задолго до падения Авеля Софрононовича. Но в эпилоге, написанном уже после казни незадачливого секретаря ВЦИК и председателя комиссии по двум главнейшим театрам страны, автор "Мастера и Маргариты" существенно смягчил участь героя по сравнению с прототипом: А. А. С. всего лишь отправляют заведовать грибозаготовочным пунктом в Брянске, поскольку "не клеились у Аркадия Аполлоновича дела с акустикой, и сколько ни старался он улучшить ее, она какая была, такая и осталась". Здесь - косвенный намек на бесплодность запретительно-разрешительной деятельности А. С. Енукидзе в качестве правительственного руководителя делами Большого Театра и МХАТа.

Имя и отчество А. А. С. - Аркадий Аполлонович, можно перевести как "пастух Аполлона", поскольку "Аркадий" означает пастух - иронический намек на служение А. А. С. богу - покровителю искусств (имя персонажа в черновике 1931 г. - Пафнутий - переводится с древнеегипетского как "принадлежащий Богу").

А. А. С. генетически связан с упоминаемым персонажем пьесы 1931 г. "Адам и Ева" - всесильным покровителем литератора-конъюнктурщика Пончика-Непобеды Аполлоном Акимовичем, который требует его "к священной жертве" совсем как бог Аполлон. Эту же функцию выполняет в "Мастере и Маргарите" А. А. С.

У А. А. С. был еще один неожиданный прототип. В письме своему другу С. А. Ермолинскому 14 июня 1936 г. сразу по прибытию в Москву после киевских гастролей МХАТа, Булгаков, среди прочего, сообщал: "Когда поезд отошел и я, быть может, в последний раз глянул на Днепр, вошел в купе книгоноша, продал Люсе "Театр и драматургию" №4. Вижу, что она бледнеет, читая. На каждом шагу про меня. Но что пишут! Особенную гнусность отморчил Мейерхольд. Этот человек беспринципен настолько, что чудится, будто на нем нет штанов. Он ходит по белу свету в подштанниках".

Данный эпизод отражен и в дневниковой, записи Е. С. Булгаковой 12 июня 1936 г.: "Когда ехали обратно, купили номер журнала "Театр и драматургия" в поезде. В передовой "Мольер" назван "низкопробной фальшивкой". Потом - еще несколько мерзостей, в том числе очень некрасивая выходка Мейерхольда в адрес М. А. А как Мейерхольд просил у М. А. пьесу - каждую, которую М. А. писал".

Номер "Театра и драматургии", который купили Булгаковы, был посвящен дискуссии на собрании театральных работников Москвы 26 марта 1936 г. вокруг нескольких статей "Правды" по вопросам искусства, в том числе и статьи "Внешний блеск и фальшивое содержание", из-за которой сняли во МХАТе "Кабалу святош" ("Мольера").

Всеволод Эмильевич Мейерхольд (1874-1940) утверждал: "Театральная общественность ждет, чтобы я в своем выступлении от критики других театров перешел к развернутой самокритике... Есть такой Театр сатиры, хороший по существу театр... В этом театре смех превращается в зубоскальство. Этот театр начинает искать таких авторов, которые, с моей точки зрения, ни в какой мере не должны быть в него допущены. Сюда, например, пролез Булгаков".

Возможно, эти слова Мейерхольда как-то повлияли на снятие доведенного до генеральной репетиции "Ивана Васильевича" в Театре сатиры. Творец "нового искусства" здесь не столько мстил Булгакову за нелестный отзыв в "Роковых яйцах" ("Театр имени покойного Всеволода Мейерхольда, погибшего, как известно, в 1927 году при постановке пушкинского "Бориса Годунова", когда обрушились трапеции с голыми боярами"), - ведь и после этого он просил у опального драматурга пьесы для постановки, сколько стремился продемонстрировать солидарность с партийным печатным органом в безнадежной попытке спасти свой театр. Не спас. В декабре 1937 г. театр Мейерхольда был закрыт, и, судя по записям Е. С. Булгаковой, Булгаков никакого сожаления по этому поводу не выразил.

Зато в монологе А. А. С. появилась явная пародия на выступление В. Э. Мейерхольда. В варианте 1934 г. речь А. А. С. звучала следующим образом: " - Все-таки нам было бы приятно, граждане артист... если бы вы разоблачили нам технику массового гипноза, в частности денежные бумажки...

- Пардон, - отозвался клетчатый, - это не гипноз, я извиняюсь. И в частности, разоблачать тут нечего...
- Виноват, - сказал Аркадий Аполлонович, - все же это крайне желательно. Зрительская масса..."

В окончательном же тексте А. А. С. выражался почти так же, как Мейерхольд на дискуссии в марте 1936 г.: "Зрительская масса требует объяснения". На Мейерхольда теперь было ориентировано и описание окружения А. А. С. в Театре Варьете: "Аркадий Аполлонович помещался в ложе с двумя дамами: пожилой, дорого и модно одетой, и другой - молоденькой и хорошенькой, одетой попроще. Первая из них, как вскоре выяснилось при составлении протокола, была супругой Аркадия Аполлоновича, а вторая - дальней родственницей его, начинающей и подающей надежды актрисой, приехавшей из Саратова и проживающей в квартире Аркадия Аполлоновича и его супруги". В. Э. Мейерхольд происходил из немцев Поволжья и поддерживал с Саратовом тесные связи, приглашая оттуда на постоянную работу в Театр Революции известного впоследствии режиссера А. М. Роома (1894-1976).

Булгаков спародировал слова Мейерхольда о том, что от него требуют самокритики, которая в мейерхольдовском выступлении была заменена критикой других. А. А. С. публично уличают в любовных похождениях и, пусть не прямо, как жертв французской моды, но фигурально выставляют на всеобщее обозрение в одних подштанниках. Вторая жена Мейерхольда, актриса его театра Зинаида Николаевна Райх (1894-1939), была на двадцать лет младше мужа, как и мнимая родственница из Саратова по отношению к А. А. С.

Имя и отчество Аркадий Аполлонович в "Мастере и Маргарите" и Аполлон Акимович в "Адаме и Еве" могли быть подсказаны Булгакову одним домашним обстоятельством: по воспоминаниям второй жены писателя Л. Е. Белозерской, ее инструктора по верховой езде звали Константин Аполлонович.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Барон Майгель ~

Барон Майгель - персонаж романа "Мастер и Маргарита", имеет несколько литературных и, по меньшей мере, одного реального прототипа из числа булгаковских современников.

Этот реальный прототип - бывший барон Борис Сергеевич Штейгер, уроженец Киева, в 20-е и 30-е годы работавший в Москве в качестве уполномоченного Коллегии Наркомпроса РСФСР по внешним сношениям. Одновременно Штейгер являлся штатным сотрудником ОГПУ-НКВД. Он следил за входившими в контакт с иностранцами советскими гражданами и стремился получить от иностранных дипломатов сведения, интересовавшие советские органы безопасности.

17 апреля 1937г. Штейгер был арестован по делу бывшего секретаря Президиума ЦИК А. С. Енукидзе (1877-1937), являвшегося также председателем Правительственной комиссии по руководству Большим и Художественным театрами. 16 декабря 1937 г. вместе с другими подсудимыми по этому делу бывшего барона по ложному обвинению в измене Родине, террористической деятельности и систематическом шпионаже в пользу одного из иностранных государств приговорила к расстрелу Военная Коллегия Верховного Суда СССР. Приговор был немедленно приведен в исполнение.

В дневнике третьей жены писателя Е. С. Булгаковой Штейгер упоминается несколько раз. В частности, 3 мая 1935 г., описывая прием у советника американского посольства Уайли, она отмечает, что присутствовал, "конечно, барон Штейгер - непременная принадлежность таких вечеров, "наше домашнее ГПУ", как зовет его, говорят, жена Бубнова". А. С. Бубнов (1884-1938) был тогда наркомом просвещения, т.е. непосредственным начальником Б. С. Штейгера, и его жена знала, что говорила.

В той же записи от 3 мая 1937 г. Е. С. Булгакова указала, что накануне к ним заходил переводчик Эммануил Львович Жуховицкий, совместно с секретарем американского посольства Чарльзом Бооленом работавший над переводом на английский пьесы "Зойкина квартира", и "плохо отзывался о Штейгере". Вероятно, Жуховицкий, которого все подозревали в сотрудничестве с НКВД, видел в бывшем бароне опасного конкурента.

Вместе с Булгаковыми Штейгер был и на грандиозном приеме в американском посольстве, устроенном послом У. Буллитом (1891-1967) 23 апреля 1935 г. Этот прием послужил прообразом Великого бала у сатаны в "Мастере и Маргарите", где нашел свой конец Б. М.

24 апреля 1935 г., описывая по памяти прием у Буллита, Е. С. Булгакова упомянула и Штейгера: "...Мы уехали в 5 1/2 (часов утра 24 апреля) в одной из посольских машин, пригласив предварительно кой-кого из американских посольских к себе... С нами в машину сел незнакомый нам, но известный всей Москве и всегда бывающий среди иностранцев, кажется, Штейгер".

Похоже, что это была первая встреча Булгаковых со знаменитым бароном, о котором писатель и его жена были наслышаны ранее. Они нисколько не сомневались, что Штейгер сел с ними в одну машину только в целях осведомления, пытаясь выведать впечатления о приеме для доклада в инстанции.

Интересно, что в варианте "Мастера и Маргариты", написанном в конце 1933 г., сцена смерти Б. М. уже присутствовала (правда, тогда вместо Великого бала у сатаны в Нехорошей квартире происходил куда менее значительный шабаш). В образе Б. М. Булгаков предсказал гибель Б. С. Штейгера за четыре года до того, как она произошла в действительности. А вот сцена убийства Б. М. на Великом балу у сатаны вошла в текст только в 1939 г., во время булгаковской болезни и уже после казни Б. С. Штейгера.

У наушника и доносчика Б. М. были и литературные прототипы. Сама фамилия Майгель - это слегка измененная фамилия баронского рода Майделей, внесенного в дворянские матрикулы всех прибалтийских губерний России. Реальную фамилию Булгаков переделал так, что она стала ассоциироваться с магией, подчеркивая инфернальную сущность Б. М.

Скорее всего, его прототипом послужил также комендант Петропавловской крепости барон Егор Иванович Майдель (1817-1881), которого запечатлел в романе "Воскресение" (1899) Лев Толстой (1828-1910) в образе коменданта барона Кригсмута. В воспоминаниях Степана Андреевича Берса (1855-1910), брата жены Толстого Софьи Андреевны Толстой, опубликованных в 1894 г., приводится рассказ писателя о посещении им Е. И. Майделя в Петропавловской крепости: "Лев Николаевич с отвращением передавал мне, как комендант крепости с увлечением рассказывал ему о новом устройстве одиночных камер, об обшивке стен толстыми войлоками для предупреждения разговоров посредством звуковой азбуки между заключенными, об опытах крепостного начальства для проверки этих нововведений и т.п., и удивлялся этой равнодушной и систематической жестокости со стороны интеллигентного начальства. Лев Николаевич выразился так: "Комендант точно рапортовал по начальству, но с увлечением, потому что выказывал этим свою деятельность".

В "Мастере и Маргарите" Б. М. - служащий Зрелищной комиссии и занимается ознакомлением иностранцев с достопримечательностями столицы, подобно тому, как его прототип Б. С. Штейгер ведал внешними сношениями Наркомата просвещения. Председатель же Зрелищной комиссии Аркадий Аполлонович Семплеяров имел одним из своих прототипов А. С. Енукидзе, занимавшего аналогичный пост главы органа, контролировавшего основные театры страны, причем Штейгер с Енукидзе был близко знаком.

Е. И. Майдель тоже показывал Л. Н. Толстому "достопримечательности" своего мрачного заведения. Интеллигентный, знающий языки, приятный в общении, светский Б. М. совершенно равнодушен к жертвам своих доносов, будь то именитые иностранцы или простые советские граждане. Точно так же "интеллигентный" и "увлеченный" тюремщик Е. И. Майдель стремился произвести хорошее впечатление на известного писателя, выказывая при этом полнейшее равнодушие к заключенным - жертвам его "усовершенствований".

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Сталин ~

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7

Сталин - (настоящая фамилия: Джугашвили), Иосиф Виссарионович (1878-1953), советский государственный и партийный деятель, диктатор в 1924-1953 гг.

Он стал главным героем пьесы "Батум" и адресатом нескольких булгаковских писем.

Досье. Сталин родился 6/18 декабря 1878 г. (традиционная дата рождения, укоренившаяся в мифологизированной сталинской биографии и в сознании людей, - 9/ 21 декабря 1879 г.) в г. Гори Тифлисской губернии (ныне - Грузия) в семье грузинского сапожника (мать - осетинка). В 1894 г. окончил Горийское духовное училище и поступил в Тифлисскую духовную семинарию.

В 1896 г. начал принимать активное участие в работе марксистских кружков в семинарии, в 1898 г. стал членом группы "Месаме-даси" - первой грузинской социал-демократической организации. В 1899 г. исключен из семинарии в связи с пропагандой марксизма. В апреле 1902 г. за организацию рабочей демонстрации в г. Батуме Сталин был арестован и осенью 1903 г. выслан на 3 года в Восточную Сибирь, но в начале 1904 г. из ссылки бежал. Сталин принадлежал к фракции большевиков Российской Социал-демократической Рабочей Партии (в дальнейшем - Российская Коммунистическая Партия (большевиков). Всесоюзная Коммунистическая Партия (большевиков) и Коммунистическая Партия Советского Союза).

Неоднократно арестовывался и ссылался. Последний раз был сослан в феврале 1913 г. на 4 года в Туруханский край. В декабре 1916 г. Сталина мобилизовали в армию и направили в г. Ачинск, где его застала весть о Февральской революции. В марте 1917 г. Сталин вернулся в Петроград, где вошел в состав редакции центрального органа большевиков - газеты "Правда". С января 1912 г. он являлся членом ЦК РСДРП(б), а в мае 1917 г. вошел в состав Политбюро.

Считался в партии теоретиком национального вопроса. После победы Октябрьской революции Сталин стал наркомом по делам национальностей и членом ВЦИК, а с марта 1919 г. - наркомом государственного контроля, реорганизованного позднее в наркомат рабоче-крестьянской инспекции. В 1918-1920 гг. был членом Реввоенсовета Республики и реввоенсоветов ряда фронтов.

Как член Политбюро и один из руководителей правительства Сталин был активным проводником политики красного террора, провозглашенной после покушения на В. И. Ленина 30 августа 1918 г.
3 апреля 1921 избран генеральным секретарем ЦК партии. Находился на этом посту до октября 1952 г., а затем в связи с упразднением этой должности остался просто секретарем ЦК.

После смерти В. И. Ленина 21 января 1924 г. Сталин сделался фактически единоличным руководителем партии и государства.
6 мая 1941 г. стал председателем Совнаркома СССР, с июля 1941 г. - наркомом обороны, а с августа того же года - Верховным Главнокомандующим. 27 июня 1945 г. Сталину было присвоено звание Генералиссимуса Советского Союза.

В период своего правления Сталин неоднократно организовывал кампании массового террора против своих оппонентов в партии и различных социальных и национальных групп населения страны.

Скончался 5 марта 1953 г. от последствий инсульта. Похоронен в Москве, первоначально в Мавзолее В. И. Ленина, а после 1961 г. - у Кремлевской стены. Автор книг "Вопросы ленинизма", "О Великой Отечественной войне Советского Союза", "Марксизм и вопросы языкознания" (1950) и др.

Первым браком С. был женат с 1903 г. на Екатерине Семеновне Сванидзе, умершей в 1907 г. От этого брака родился сын Яков (1907-1944). Второй раз С. женился на Надежде Сергеевне Аллилуевой (1901-1932), весной 1918 г., но зарегистрирован их брак был в марте 1919 г. В ноябре 1932 г. Н. С. Аллилуева покончила с собой. От этого брака остались сын Василий (1921-1962) и дочь Светлана (1926 г. рождения).

Михаил Булгаков: "Я не полезен в своем отечестве"
"Конченый человек"
Сам Сталин звонит!
Читайте продолжение>>>

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Сталин, часть 2 ~

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7

Знакомство Булгакова со С. состоялось после булгаковского письма от 28 марта 1930 г., адресованного Правительству СССР. Писатель просил, обращаясь "к гуманности советской власти", "великодушно отпустить на свободу", поскольку он "не может быть полезен у себя, в отечестве". Автор письма особо выделил следующее: "Я ПРОШУ ПРАВИТЕЛЬСТВО СССР ПРИКАЗАТЬ МНЕ В СРОЧНОМ ПОРЯДКЕ ПОКИНУТЬ ПРЕДЕЛЫ СССР В СОПРОВОЖДЕНИИ МОЕЙ ЖЕНЫ ЛЮБОВИ ЕВГЕНЬЕВНЫ БУЛГАКОВОЙ".

К тому времени все булгаковские пьесы были запрещены, а проза в советских изданиях более не печаталась. Булгаков подчеркивал, что получает - "несмотря на свои великие усилия СТАТЬ БЕССТРАСТНО НАД КРАСНЫМИ И БЕЛЫМИ - аттестат белогвардейца-врага, а, получив его, как всякий понимает, может считать себя конченым человеком в СССР".

Писатель предлагал и другой вариант своей судьбы: "Если же и то, что я написал, неубедительно, и меня обрекут на пожизненное молчание в СССР, я прошу Советское Правительство дать мне работу по специальности и командировать меня в театр на работу в качестве штатного режиссера... Я прошу о назначении меня лаборантом-режиссером в 1-й Художественный Театр - в лучшую школу, возглавляемую мастерами К. С. Станиславским и В. И. Немировичем-Данченко".

Об обстоятельствах создания этого письма и его последствиях вспоминала третья жена писателя Е. С. Булгакова. 4 января 1956 г. она сделала в своем дневнике следующую мемуарную запись: "Когда я с ним познакомилась (28 февраля 1929 года) - у них было трудное материальное положение. Не говорю уж об ужасном душевном состоянии М. А. - все было запрещено (то есть "Багровый" и "Зойкина" уже были сняты, а "Турбиных" сняли в мае 1929 г.). Ни одной строчки его не печатали, на работу не брали не только репортером, но даже типографским рабочим. Во МХАТе отказали, когда он об этом поставил вопрос.

Словом, выход один - кончать жизнь. Тогда он написал письмо Правительству. Сколько помню, разносили мы их (и печатала ему эти письма я, несмотря на жестокое противодействие Шиловского) по семи адресам. Кажется, адресатами были: Сталин, Молотов, Каганович, Калинин, Ягода, Бубнов (нарком тогда просвещения) и Ф. Кон. Письмо в окончательной форме было написано 25 марта, а разносили мы его 31-го и 1 апреля (1930 года).

3 апреля, когда я как раз была у М. А. на Пироговской, туда пришли Ф. Кнорре и П. Соколов (первый, кажется, завлит ТРАМа (Театра Рабочей Молодежи, ныне - московского Театра Ленинского Комсомола), а второй - директор) с уговорами, чтобы М. А. поступил режиссером в ТРАМ (первый очевидный результат письма от 28 марта 1930 г.). Я сидела в спаленке, а М. А. их принимал у себя в кабинете. Но ежеминутно прибегал за советом. В конце концов я вышла, и мы составили договор, который я и записала, о поступлении М. А. в ТРАМ ("консультантом по драматической части"). И он начал там работать. А 18-го апреля часов в 6-7 вечера он прибежал, взволнованный, в нашу квартиру (с Шиловским) на Большом Ржевском и рассказал следующее.

Он лег после обеда, как всегда спать, но тут же раздался телефонный звонок и Люба (вторая жена писателя Л. Е. Белозерская, упомянутая в письме от 28 марта 1930 г.) его подозвала, сказав, что из ЦК спрашивают.

М. А. не поверил, решил, что розыгрыш (тогда это проделывалось) и взъерошенный, раздраженный взялся за трубку и услышал:
- Михаил Афанасьевич Булгаков?
- Да, да.
- Сейчас с Вами товарищ Сталин будет говорить.
- Что? Сталин? Сталин?
И тут же услышал голос с явным грузинским акцентом:
- Да, с вами Сталин говорит. Здравствуйте, товарищ Булгаков (или Михаил Афанасьевич - не помню точно).
- Здравствуйте, Иосиф Виссарионович.
- Мы ваше письмо получили. Читали с товарищами. Вы будете по нему благоприятный ответ иметь... А может быть, правда - вас пустить за границу? Что - мы вам очень надоели?

Булгаков отказывается уезжать из СССР
Почему Сталин раздумал?
На работу в МХАТ
Читайте продолжение>>>

« Назад

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Сталин, часть 3 ~

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7

М. А. сказал, что он настолько не ожидал подобного вопроса (да он и звонка вообще не ожидал) - что растерялся и не сразу ответил:
- Я очень много думал в последнее время - может ли русский писатель жить вне родины. И мне кажется, что не может.
- Вы правы. Я тоже так думаю. Вы где хотите работать? В Художественном театре?
- Да, я хотел бы. Но я говорил об этом, и мне отказали.
- А вы подайте заявление туда. Мне кажется, что они согласятся. Нам бы нужно встретиться, поговорить с вами...
- Да, да! Иосиф Виссарионович, мне очень нужно с вами поговорить.
- Да, нужно найти время и встретиться обязательно. А теперь желаю вам всего хорошего.

Но встречи не было. И всю жизнь М. А. задавал мне один и тот же вопрос: почему Сталин раздумал? И всегда я отвечала одно и то же: А о чем он мог бы с тобой говорить? Ведь он прекрасно понимал, после того твоего письма, что разговор будет не о квартире, не о деньгах, - разговор пойдет о свободе слова, о цензуре, о возможности художника писать о том, что его интересует. А что он будет отвечать на это?

На следующий день после разговора М. А. пошел во МХАТ и там его встретили с распростертыми объятиями. Он что-то пробормотал, что подаст заявление...
- Да боже ты мой! Да пожалуйста!.. Да вот хоть на этом... (и тут же схватили какой-то лоскут бумаги, на котором М. А. написал заявление).

И его зачислили ассистентом-режиссером в МХАТ (заявление Булгакова во МХАТ датировано 10 мая 1930 г.). Первое время он совмещал с трамовской службой, но потом отказался там.

Вспоминала и рассказывала рассказ Александра Николаевича Тихонова (редактора серии "ЖЗЛ" А. Н. Тихонова (Сереброва) (1880-1956). Он раз поехал с Горьким (он при нем состоял) к Сталину хлопотать за эрдмановского "Самоубийцу". Сталин сказал Горькому:
- Да что! Я ничего против не имею. Вот Станиславский тут пишет, что пьеса нравится театру. Пожалуйста, пусть ставят, если хотят. Мне лично пьеса не нравится. Эрдман мелко берет, поверхностно берет. Вот Булгаков!.. Тот здорово берет! Против шерсти берет! (Он рукой показал - и интонационно.) Это мне нравится!

Тихонов мне это рассказывал в Ташкенте в 1942 году, и в Москве после эвакуации - я встретила его около МХАТа" (этот разговор С. с Максимом Горьким (1868-1936) и Тихоновым насчет Николая Робертовича Эрдмана (1900-1970) и Булгакова происходил осенью 1931 г., когда шла безуспешная борьба за постановку "Самоубийцы").

Л. Е. Белозерская в своих мемуарах "О, мед воспоминаний" (1969) несколько иначе излагает знаменитый разговор С. с Булгаковым: "Однажды, совершенно неожиданно, раздался телефонный звонок. Звонил из Центрального Комитета партии секретарь Сталина Товстуха. К телефону подошла я и позвала Михаила Афанасьевича, а сама занялась домашними делами. Михаил Афанасьевич взял трубку и вскоре так громко и нервно крикнул: "Любаша!", что я опрометью бросилась к телефону (у нас были отводные от аппарата наушники).

На проводе был Сталин. Он говорил глуховатым голосом, с явным грузинским акцентом и себя называл в третьем лице. "Сталин получил, Сталин прочел..." Он предложил Булгакову:
- Может быть, вы хотите уехать за границу?..
Но Михаил Афанасьевич предпочел остаться в Союзе".

Вариант разговора, цитируемый Л. Е. Белозерской, близок ко второй версии рассказа Е. С. Булгаковой, приведенной в ее интервью радиостанции "Родина" в 1967г.: "...Сталин сказал: "Мы получили с товарищами ваше письмо, и вы будете иметь по нему благоприятный результат. - Потом, помолчав секунду, добавил: - Что, может быть, Вас правда отпустить за границу, мы Вам очень надоели?"

Это был неожиданный вопрос. Но Михаил Афанасьевич быстро ответил: "Я очень много думал над этим, и я понял, что русский писатель вне родины существовать не может". Сталин сказал: "Я тоже так думаю. Ну что же тогда, поступите в театр?" - "Да, я хотел бы". - "В какой же?" - "В Художественный. Но меня не принимают там". Сталин сказал: "Вы подайте еще раз заявление. Я думаю, что Вас примут". Через полчаса, наверное, раздался звонок из Художественного театра. Михаила Афанасьевича пригласили на работу".

Письмо Мастера "своему Хозяину"
Нет средств к спасению
Сталин - литературовед
Читайте продолжение>>>

« Назад

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Сталин, часть 4 ~

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7

Есть еще одно примечательное свидетельство, относящееся к телефонному диалогу Сталин - Булгаков. Оно принадлежит американскому дипломату Чарльзу Боолену, в 30-е годы работавшему секретарем в посольстве США в Москве и подружившегося с опальным писателем. В своих мемуарах "Свидетельство перед историей, 1929-1969" (1973) Боолен писал о Булгакове:

"В конечном счете пьесы были запрещены, писатель не мог устроиться ни на какую работу. Тогда он обратился за выездной визой. Он рассказывал мне, как однажды, когда он сидел дома, страдая депрессией, раздался телефонный звонок, и голос в трубке сказал: "Товарищ Сталин хочет говорить с Вами". Булгаков подумал, что это была шутка кого-то из знакомых и, ответив соответствующим образом, повесил трубку. Через несколько минут телефон зазвонил снова, и тот же голос сказал: "Я говорю совершенно серьезно. Это в самом деле товарищ Сталин". Так и оказалось. Сталин спросил Булгакова, почему он хочет покинуть родину, и Булгаков объяснил, что поскольку он профессиональный драматург, но не может работать в этом качестве в СССР, то хотел бы заниматься этим за границей. Сталин сказал ему: "Не действуйте поспешно. Мы кое-что уладим". Через несколько дней Булгаков был назначен режиссером-ассистентом в Первый Московский Художественный театр, а одна из его пьес, "Дни Турбиных", отличная революционная пьеса, была вновь поставлена на сцене того же театра".

Друг и соавтор Н. Р. Эрдмана по сценариям Михаил Давыдович Вольпин (1902-1988), которому Булгаков тоже рассказал о памятном разговоре, как и Боолен, свидетельствует, что "сначала он бросил трубку, энергично выразившись по адресу звонившего, и тут же звонок раздался снова и ему сказали: "Не вешайте трубку" и повторили: "С вами будет говорить Сталин". И тут же раздался голос абонента и почти сразу последовал вопрос: "Что - мы вам очень надоели?"

Ни Ч. Боолен, ни Л. Е. Белозерская ничего не говорят о прямо высказанном пожелании С. встретиться с писателем для беседы. Не исключено, что слова диктатора о возможной встрече родились в рассказе Е. С. Булгаковой под влиянием последующих булгаковских писем С.

В черновике письма от 30 мая 1931 г., сохранившемся в архиве писателя, Булгаков признавался: "...Хочу сказать Вам, Иосиф Виссарионович, что писательское мое мечтание заключается в том, чтобы быть вызванным лично к Вам. Поверьте, не потому только, что вижу в этом самую выгодную возможность, а потому, что Ваш разговор со мной по телефону в апреле 1930 года оставил резкую черту в моей памяти. Вы сказали: "Может быть, вам, действительно, нужно ехать за границу. .." Я не избалован разговорами. Тронутый этой фразой, я год работал не за страх режиссером в театрах СССР".

5 мая 1930 г. Булгаков написал С.: "Я не позволил бы себе беспокоить Вас письмом, если бы меня не заставляла сделать это бедность. Я прошу Вас, если это возможно, принять меня в первой половине мая. Средств к спасению у меня не имеется".

Последовавшее 10 мая зачисление во МХАТ драматург наверняка связывал с этим обращением и потому был особо благодарен С. Булгаков не знал, что вопрос о нем был решен гораздо раньше. Еще 12 апреля 1930 г. на копии булгаковского письма, направленного в ОГПУ, фактический глава этого ведомства Г. Г. Ягода (1891-1938) оставил резолюцию: "Надо дать возможность работать, где он хочет". А 25 апреля вопрос с Булгаковым был положительно решен на Политбюро, после чего дорога для поступления на службу во МХАТ была открыта.

Булгаков оказался в поле зрения С. по меньшей мере за год до письма Правительству от 28 марта 1930 г. и связанных с ним событий. 2 февраля 1929 г. в ответном письме драматургу Владимиру Билль-Белоцерковскому (1884/85-1970) по поводу пьесы "Бег" С. утверждал:

"Бег" есть проявление попытки вызвать жалость, если не симпатию, к некоторым слоям антисоветской эмигрантщины, - стало быть, попытка оправдать или полуоправдать белогвардейское дело. "Бег", в том виде, в каком он есть, представляет антисоветское явление".

Однако о пьесе "Дни Турбиных" вождь отозвался гораздо мягче: "Что касается собственно пьесы "Дни Турбиных", то она не так уж плоха, ибо она дает больше пользы, чем вреда. Не забудьте, что основное впечатление, остающееся у зрителя от этой пьесы, есть впечатление, благоприятное для большевиков: "если даже такие люди, как Турбины, вынуждены сложить оружие и покориться воле народа, признав свое дело окончательно проигранным, - значит, большевики непобедимы, с ними, большевиками, ничего не поделаешь". "Дни Турбиных" есть демонстрация всесокрушающей силы большевизма. Конечно, автор ни в какой мере "не повинен" в этой демонстрации. Но какое нам до этого дело?"

Сталин - театрал
Иосиф Виссарионович цитирует Турбина
Пророчество домработницы-глобуса
"Дни Турбиных" опять на сцене!
Читайте продолжение>>>

« Назад Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Сталин, часть 5 ~

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7

С. явно нравились "Дни Турбиных", он неоднократно посещал мхатовский спектакль. Вождю импонировал образ полковника Турбина в блестящем исполнении Николая Павловича Хмелева (1901-1945), образ сильного, не карикатурного врага, признающего перед смертью неизбежность торжества коммунистов и закономерность их победы в гражданской войне.

Интересно, что сталинское обращение в первой его речи в годы Великой Отечественной войны 3 июля 1941 г.: "К вам обращаюсь я, друзья мои!" очень напоминает обращение Алексея Турбина к юнкерам в гимназии: "Слушайте меня, друзья мои!". Возможно, эта фраза подсознательно пришла на ум С. в трагический момент первых, самых тяжелых недель германского вторжения.

18 февраля 1932 г. явно по инициативе С. "Дни Турбиных" во МХАТе были возобновлены. Решение об этом правительство приняло в середине января. Писатель Юрий Слезкин (1885-1947) в записи от 21 февраля 1932 г. так прокомментировал обстоятельства, связанные с восстановлением пьесы в мхатовском репертуаре: "От нападок критики театры страхуют себя, ставя "Страх" (пьесу Александра Афиногенова (1904-1941). МХАТ тоже "застраховал" себя...

На просмотре "Страха" присутствовал хозяин (Сталин). "Страх" ему будто бы не понравился, и в разговоре с представителями театра он заметил: "Вот у вас хорошая пьеса "Дни Турбиных" - почему она не идет?" Ему смущенно ответили, что она запрещена. "Вздор, - возразил он, - хорошая пьеса, ее нужно ставить, ставьте". И в десятидневный срок было дано распоряжение восстановить постановку..."

В письме своему другу философу и литературоведу П. С. Попову, писавшемся целый месяц, с 25 января по 24 февраля 1932 г., Булгаков сообщал: "15-го января днем мне позвонили из Театра и сообщили, что "Дни Турбиных" срочно возобновляются. Мне неприятно признаться: сообщение меня раздавило. Мне стало физически нехорошо. Хлынула радость, но сейчас же и моя тоска. Сердце, сердце!

Предшествовал телефону в то утро воистину колдовской знак. У нас новая домработница, девица лет 20-ти, похожая на глобус... 15-го около полудня девица вошла в мою комнату и, без какой бы то ни было связи с предыдущим или последующим, изрекла твердо и пророчески:

- Трубная пьеса ваша пойдеть. Заработаете тыщу.
И скрылась из дому. А через несколько минут - телефон.
С уверенностью можно сказать, что из Театра не звонили девице, да и телефонов в кухнях нет. Что же это такое? Полагаю - волшебное происшествие... Ну, а все-таки, Павел Сергеевич, что же это значит? Я-то знаю? Я знаю:

В половине января 1932 года, в силу причин, которые мне неизвестны, и в рассмотрение коих я входить не могу, Правительство СССР отдало по МХТ замечательное распоряжение: пьесу "Дни Турбиных" возобновить. Для автора этой пьесы это значит, что ему - автору возвращена часть его жизни. Вот и все".

Что спасло Булгакова от репрессий?
Мастер надорвался...
"Мне привита психология заключенного"
Читайте продолжение>>>

« Назад

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Сталин, часть 6 ~

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7

Очевидно, любовь С. к "Дням Турбиных" спасла драматурга от репрессий, несмотря на его более чем сомнительную "идеологическую благонадежность". В случае ареста и осуждения невозможно было бы сохранить булгаковскую пьесу в репертуаре главного театра страны, и С. это прекрасно понимал. Вероятно, здесь же была и причина того, что Булгакова так и не выпустили за границу. Если бы он стал невозвращенцем, "Дни Турбиных" пришлось бы убрать со сцены уже окончательно.

Булгаков неоднократно обращался в соответствующие инстанции и лично к С. с просьбой разрешить ему краткосрочную поездку за границу вместе с женой, но неизменно получал отказ. Например, в письме С. от 30 мая 1931 г. перечислялось все, сделанное за год, прошедший с момента памятного разговора и могущее оправдать стремление побывать за границей (заграничная поездка тогда и властью, и обыкновенными гражданами воспринималась как некая привилегия и награда):

"За последний год я сделал следующее: несмотря на очень большие трудности, превратил поэму Н. Гоголя "Мертвые души" в пьесу, работал в качестве режиссера МХТ на репетициях этой пьесы, работал в качестве актера, играя за заболевших актеров в этих же репетициях, был назначен в МХТ режиссером во все кампании и революционные празднества этого года, служил в ТРАМе - Московском, переключаясь с дневной работы МХТовской на вечернюю ТРАМовскую, ушел из ТРАМа 15.3.31 года, когда почувствовал, что мозг отказывается служить и что пользы ТРАМу не приношу, взялся за постановку в театре Санпросвета (и закончу ее к июлю). А по ночам стал писать. Но надорвался".

Булгаков сетовал: "Сейчас все впечатления мои однообразны, замыслы повиты черным, я отравлен тоской и привычной иронией. В годы моей писательской работы все граждане беспартийные и партийные внушали и внушили мне, что с того самого момента, как я написал и выпустил первую строчку и до конца моей жизни я никогда не увижу других стран. Если это так - мне закрыт горизонт, у меня отнята высшая писательская школа, я лишен возможности решить для себя громадные вопросы. Привита психология заключенного. Как воспою мою страну - СССР?"

Напрасны оказались булгаковские уверения в советском патриотизме: "По общему мнению всех, кто серьезно интересовался моей работой, я невозможен ни на какой другой земле кроме своей - СССР, потому что 11 лет черпал из нее. К таким предупреждениям я чуток, а самое веское из них было от моей побывавшей за границей жены (Л. Е. Белозерской), заявившей мне, когда я просился в изгнание, что она за рубежом не желает оставаться и что я погибну там от тоски менее чем в год".

С. остался глух к булгаковским просьбам. 10 июня 1934 г. писатель жаловался ему на издевательский отказ в заграничной поездке со стороны Иностранного отдела Мособлисполкома (см.: "Был май"), отмечая, что "попал в тягостное, смешное, не по возрасту положение" и что "обида, нанесенная мне в ИНО Мособлисполкома, тем серьезнее, что моя четырехлетняя служба в МХАТ для нее никаких оснований не дает, почему я и прошу Вас о заступничестве".

Заступничества не последовало. Летом 1935 г. Булгаков подал еще одно заявление на загранпоездку, написав об этом брату Николаю в Париж 9 июля. Однако сорвалась и новая попытка, о чем Н. А. Булгакову было сообщено 26 июля. Более драматург не прилагал усилий выехать за границу. Последний раз он обратился с письмом к С. 4 февраля 1938 г., прося облегчить участь своего друга Н. Р. Эрдмана, сосланного за написание сатирических басен в 1933 г. и потерявшего право жительства в Москве. Однако в тот раз участь опального драматурга смягчена не была, и поселиться в столице ему не разрешили. Хлопоча за Эрдмана, Булгаков как бы писал и о себе: "… я горячо прошу о том, чтобы Н. Эрдману была дана возможность вернуться в Москву, беспрепятственно трудиться в литературе, выйдя из состояния одиночества и душевного угнетения".

В одном из сохранившихся набросков письма С., относящемуся к началу 1931 г., Булгаков просил его "стать моим первым читателем...", явно ориентируясь на опыт взаимоотношений поэта Александра Пушкина (1799-1837) и императора Николая I (1796-1855) и, вероятно, рассчитывая, что сталинская цензура будет мягче главлитовской и главреперткомовской.

Однако единственным "художественным посланием" С. стала пьеса "Батум", где главным героем выступал сам Генеральный секретарь в молодые годы. После того, как "Батум" был запрещен 14 августа 1939 г., драматург, узнавший об этом в поезде по дороге к месту действия пьесы, воспринял данное известие как смертельную трагедию.

Смертный приговор Булгакову подписан
Сталин - романтический герой!
Воланд хвалит Сталина
Все кончено…
Читайте завершение>>>

« Назад

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Сталин, часть 7 ~

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7

12 сентября 1939 г. Е. С. Булгакова записала слова мужа во время их пребывания в Ленинграде: "Плохо мне, Люсенька. Он мне подписал смертный приговор". Эта фраза в равной мере могла относиться и к ленинградскому врачу, по-видимому, уже констатировавшему развившийся нефросклероз, и к С., без санкции которого не мог произойти запрет "Батума" (Булгаков связывал свою болезнь со злосчастной пьесой).

16 августа 1939 г. жена драматурга занесла в дневник рассказ режиссера МХАТа В. Г. Сахновского(1886-1945) о причинах запрета "Батума":

"...Пьеса получила наверху резко отрицательный отзыв. Нельзя такое лицо, как Сталин делать литературным образом (при позднейшем редактировании "литературный образ" был заменен на "романтического героя"). Нельзя ставить его в выдуманное положение и вкладывать в его уста выдуманные положения и слова. Пьесу нельзя ни ставить, ни публиковать", хотя, вместе с тем, "наверху посмотрели на представление этой пьесы Булгаковым как на желание перебросить мост и наладить отношение к себе".

Правда, 22 августа 1939 г. директор МХАТа Г. М. Калишьян убеждал драматурга, что "фраза о "мосте" не была сказана". А 18 октября 1939 г. Е. С. Булгакова записала, что 10 октября "было в МХАТе Правительство, причем Генеральный секретарь, разговаривая с Немировичем (главным режиссером МХАТа В. И. Немировичем-Данченко (1858-1943), сказал, что пьесу "Батум" он считает очень хорошей, но что ее нельзя ставить".

Это только слегка подсластило пилюлю умирающему. В первые дни после запрета пьесы Булгаков думал о письме С., но потом отказался от этого намерения. Насчет личности С. он не заблуждался. В романе "Мастер и Маргарита" в последней редакции, создававшейся одновременно с "Батумом", Воланд, покидая Москву, хвалит С.: "У него мужественное лицо, он правильно делает свое дело, и вообще все кончено здесь. Нам пора!"

8 февраля 1940 г. ведущие артисты МХАТа Василий Иванович Качалов (Шверубович) (1875-1948), Алла Константиновна Тарасова (1898-1973) и Н. П. Хмелев обратились к С. через секретаря А. М. Поскребышева (1891-1965). Они писали о тяжелой болезни Булгакова и резком ухудшении его состояния:

"Трагической развязки можно ожидать буквально со дня на день. Медицина оказывается явно бессильной, и лечащие врачи не скрывают этого от семьи. Единственное, что по их мнению могло бы дать надежду на спасение Булгакова, - это сильнейшее радостное потрясение, которое дало бы ему новые силы для борьбы с болезнью, вернее - заставило бы его захотеть жить, - чтобы работать, творить, увидеть свои будущие произведения на сцене.

Булгаков часто говорил, как бесконечно он обязан Иосифу Виссарионовичу, его необычайной чуткости к нему, его поддержке. Часто с сердечной благодарностью вспоминал о разговоре с ним Иосифа Виссарионовича по телефону десять лет тому назад, о разговоре, вдохнувшем тогда в него новые силы. Видя его умирающим, мы - друзья Булгакова - не можем не рассказать Вам, Александр Николаевич, о положении его, в надежде, что Вы найдете возможность сообщить об этом Иосифу Виссарионовичу".

Явным следствием письма стал визит к Булгакову первого секретаря Союза советских писателей Александра Александровича Фадеева (Булыги) (1901-1956). 15 февраля 1940 г. Е. С. Булгакова записала: "Вчера позвонил Фадеев с просьбой повидать Мишу, а сегодня пришел. Разговор вел на две темы: о романе ("Мастер и Маргарита") и о поездке Миши на юг Италии, для выздоровления".

Похоже, мечта писателя о заграничной поездке могла наконец стать реальностью, но больному Булгакову было уже все равно. Накануне, 13 февраля 1940 г. он прекратил и уже более не возобновлял правку своего последнего романа - на словах Маргариты: "Так это, стало быть, литераторы за гробом идут?" Писатель умер 10 марта 1940 г. Его друг драматург Сергей Александрович Ермолинский (1900-1984) вспоминал: "На следующее утро, - а может быть, в тот же день, время сместилось в моей памяти, но кажется, на следующее утро - зазвонил телефон. Подошел я. Говорили из Секретариата Сталина. Голос спросил:
- Правда ли, что умер товарищ Булгаков?
- Да, он умер.
Тот, кто говорил со мной, положил трубку".
С. так и не нашел время хотя бы на еще один телефонный разговор с умирающим писателем. Возможно, помешала занятость советско-финской войной, последние сражения которой развертывались как раз в эти дни. Диалог Сталин - Булгаков, завязавшийся 18 апреля 1930 г., в дальнейшем не имел продолжения, превратился в булгаковский монолог. Все письма Булгакова, адресованные С. после их телефонного разговора, шли в пустоту.

« Назад

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Азазелло ~

Азазелло - персонаж романа "Мастер и Маргарита", член свиты Воланда, "демон безводной пустыни, демон-убийца".

Имя Азазелло образовано Булгаковым от ветхозаветного имени Азазел (или Азазель). Так зовут отрицательного культурного героя ветхозаветного апокрифа - книги Еноха, падшего ангела, который научил людей изготовлять оружие и украшения. Благодаря Азазелу женщины освоили "блудливое искусство" раскрашивать лицо. Поэтому именно Азазелло передает Маргарите крем, волшебным образом меняющий ее внешность.

В книге И. Я. Порфирьева "Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях" (1872), известной, скорее всего, автору "Мастера и Маргариты", отмечалось, в частности, что Азазел "научил людей делать мечи, шпаги, ножи, щиты, брони, зеркала, браслеты и разные украшения; научил расписывать брови, употреблять драгоценные камни и всякого рода украшения, так что земля развратилась".

Булгакова привлекло сочетание в одном персонаже способности к обольщению и убийству. Именно за коварного обольстителя принимает Азазелло Маргарита во время их первой встречи в Александровском саду. Но главная функция Азазелло в романе связана с насилием. Он выбрасывает Степана Богдановича Лиходеева из Москвы в Ялту, изгоняет из Нехорошей квартиры дядю Михаила Александровича Берлиоза Поплавского, убивает из револьвера Барона Майгеля.

В ранних редакциях это убийство Азазелло совершал с помощью ножа, более подобающего ему как изобретателю всего существующего в мире холодного оружия. Однако в окончательном тексте "Мастера и Маргариты" Булгаков учел, что прототип Барона Майгеля Б. С. Штейгер уже в ходе создания романа был расстрелян, и заставил Азазелло убить предателя не ножом, а пулей. Азазелло также изобрел крем, который он дарит Маргарите. Крем этот так и называется "крем Азазелло". Волшебный крем не только делает героиню невидимой и способной летать, но и одаривает ее новой, ведьминой красотой. А в Нехорошей квартире Азазелло появляется через зеркало, т.е. тоже с помощью своего собственного нововведения.

В некоторых сохранившихся фрагментах редакции "Мастера и Маргариты" 1929 г. имя Азазелло носил сатана - будущий Воланд. Здесь Булгаков, очевидно, учел указания И. Я. Порфирьева на то, что у мусульман Азазел - это высший ангел, который после своего падения был назван сатаной. Азазелло тогда и позднее, вплоть до 1934 г., назывался Фиелло (Фьелло). Возможно имя Фиелло, в переводе с латинского означающее "сын", появилось под влиянием сообщения И. Я. Порфирьева о том, что в книге Еноха есть два латинских имени мессии: Fillius hominis (сын человеческий) и Fillius mulieris (сын жены). Имя Фиелло оттеняло подчиненное положение будущего Азазелло по отношению к будущему Воланду (тогда еще Азазелло), а с другой стороны пародийно приравнивало его к мессии.

В книге Еноха, согласно переводу И. Я. Порфирьева, Господь говорит архангелу Рафаилу: "Свяжи Азазиэля и брось его во тьму и заключи (прогони) в пустыню". В данном случае Азазелло уподоблен козлу отпущения из канонической ветхозаветной книги Левит. Там Азазел - козел отпущения, принимающий все грехи иудейского народа и ежегодно прогоняемый в пустыню. У И. Я. Порфирьева приводится и славянский ветхозаветный апокриф об Аврааме, где говорится, что "явился диавол Азазил, в образе нечистой птицы, и стал искушать Авраама: что тебе, Авраам, на высотах святых, в них же не едят, не пьют; несть в них пища человеча, вси си огнем поядают и покаляют тя". Поэтому в последнем полете Азазелло обретает облик демона безводной пустыни. Азазелло в образе "нечистой птицы" воробья предстает перед профессором Кузьминым, превращаясь затем в странную сестру милосердия с птичьей лапой вместо руки и мертвым, демоническим взглядом.

По всей видимости, апокриф об Авраама отразился в булгаковском черновом наброске, датируемым 1933 г.:
"Встреча поэта с Воландом.
Маргарита и Фауст.
Черная месса.
Ты не поднимешься до высот. Не будешь слушать мессы. Но будешь слушать романтические...
Маргарита и козел.
Вишня. Река. Мечтание. Стихи. История с губной помадой".

Здесь дьявол не отпускал Мастера (Поэта, Фауста) к "святым высотам", где нет "пищи человеческой", а отправлял его творить в последний романтический приют с земными плодами (вишнями) и рекой, из которой можно напиться воды. Азазелло тут, очевидно, превращен в козла, т.е. обрел свой традиционный облик, а в качестве чудесного крема выступает губная помада, которую тоже дал людям Азазел.

Сюжеты с мазью Азазелло, превращающей женщину в ведьму, и с преображением Азазелло в воробья, имеют древние мифологические корни. Можно отметить "Лукия, или Осла" древнегреческого писателя II в. Лукиана и "Метаморфозы" его современника римлянина Апулея.

У Лукиана жена Гиппарха разделась, "потом обнаженная подошла к свету и, взяв две крупинки ладана, бросила их в огонь светильника и долго приговаривала над огнем. Потом открыла объемистый ларец, в котором находилось множество баночек, и вынула одну из них. Что в ней заключалось, я не знаю, но по запаху мне показалось, что это было масло. Набрав его, она вся им натерлась, начиная с пальцев ног, и вдруг у нее начали вырастать перья, нос стал вороньим и кривым - словом, она приобрела все свойства и признаки птиц: сделалась она ни чем иным, как ночным вороном. Когда она увидела, что вся покрылась перьями, она страшно каркнула и, подпрыгнув, как ворона, вылетела в окно".

Точно таким же образом Маргарита натирается кремом Азазелло, но превращается не в ворона, а в ведьму, тоже обретая способность летать. Сам Азазелло в приемной профессора Кузьмина обращается сначала в воробья, а затем в женщину в косынке сестры милосердия, но с мужским ртом, причем рот этот "кривой, до ушей, с одним клыком". Здесь порядок превращения обратный, чем у Лукиана, и сниженный - вместо ворона - воробушек. Интересно, что эпизод с наказанием Азазелло профессора Кузьмина Булгаков продиктовал в январе 1940 г. после посещения профессора В. И. Кузьмина, безуспешно лечившего автора "Мастера и Маргариты" от нефросклероза и не скрывавшего от писателя, что жить тому осталось недолго.

Булгаков, описывая Маргариту, натирающуюся кремом Азазелло, учитывал и превращение волшебницы Памфилы, которое наблюдает Луций в "Метаморфозах" Апулея: "Прежде всего, Памфила сбрасывает с себя все одежды и, открыв какую-то шкатулку, вынимает оттуда множество ящиков, снимает крышку с одного из них и, набрав из него мази, сначала долго растирает ее между ладонями, потом смазывает себе всё тело от кончиков ногтей до макушки, долгое время шепчется со своей лампой и начинает сильно дрожать всеми членами. И пока они слегка содрогаются, их покрывает нежный пушок, вырастают и крепкие перья, нос загибается и твердеет, появляются кривые когти. Памфила обращается в сову. Испустив жалобный крик, вот она уже пробует свои силы, слегка подпрыгивая над землей, а вскоре, поднявшись вверх, распустив оба крыла, улетает".

Еще один эпизод из "Метаморфоз" отразился в "Мастере и Маргарите" в сцене убийства Азазелло Барона Майгеля. У Булгакова "барон стал падать навзничь, алая кровь брызнула у него из груди и залила крахмальную рубашку и жилет. Коровьев подставил чашу под бьющуюся струю и передал наполнившуюся чашу Воланду".

У Апулея таким же образом происходит мнимое убийство одного из персонажей, Сократа: "И, повернув направо Сократову голову, она (Мероя, убийца) в левую сторону шеи ему до рукоятки погрузила меч и излившуюся кровь старательно приняла в поднесенный к ране маленький мех, так чтобы нигде ни одной капли не было видно". В обоих случаях кровь убитых собирается не только для сокрытия следов преступления, но и для приготовления магических снадобий.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции 5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций
Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы
Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи
Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта
Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Лиходеев Степан Богданович ~

Степан Богданович Лиходеев - персонаж романа "Мастер и Маргарита", директор Театра Варьете.

В редакции 1929 г. С. Б. Л. именовался Гарусей Педулаевым и имел своим прототипом владикавказского знакомого Булгакова кумыка Туаджина Пейзулаева, соавтора по пьесе "Сыновья муллы", история работы над которой изложена в "Записках на манжетах" и "Богеме".

В первой редакции "Мастера и Маргариты" Воланд выбрасывал Гарасю Педулаева во Владикавказ. Тогда этот город пролетал над крышей дома 302-бис на Садовой и тут же видел большой и очень красивый сад, а за ним "громоздящуюся высоко на небе тяжелую гору с плоской как стол вершиной" (знаменитую Столовую гору, у подножья которой расположен Владикавказ).

Перед взором Гараси возник "проспект, по которому весело позванивал маленький трамвай. Тогда, оборотясь назад, в смутной надежде увидеть там свой дом на Садовой, Гарася убедился, что сделать этого он никак не может: не было не только дома - не было и самой Садовой сзади... Гарася залился детскими слезами и сел на уличную тумбу, и слышал вокруг ровный шум сада. Карлик в черном... пиджаке и в пыльном цилиндре вышел из этого сада. Его бабье безволосое лицо удивленно сморщилось при виде плачущего мужчины.
- Вы чего, граждани? - спросил он у Гараси, дико глядя на него. Директор карлику не удивился.
- Какой это сад? - спросил он только.
- Трэк, - удивленно ответил карлик.
- А вы кто?
- Я - Пульз, - пропищал тот.
- А какая это гора? - полюбопытствовал Гарася.
- Столовая Гора.
- В каком городе я?
Злоба выразилась на крохотном личике уродца.
- Вы что, граждани, смеетесь? Я думал, вы серьезно спрашиваете!.."

Лилипут уходит от Гараси, возмущенный, и тогда тот кричит: " - Маленький человек!.. Остановись, сжалься!.. Я... все забыл, ничего не помню, скажи, где я, какой город.
- Владикавказ, - ответил карлик. Тут Гарася поник главой, сполз с тумбы и, ударившись головой оземь, затих, раскинув руки. Маленький человечек сорвал с головы цилиндр, замахал им вдаль и тоненько закричал: - Милиционер, милиционер!"

Здесь отразились булгаковские впечатления от гастролировавшей во Владикавказе труппы лилипутов. В последующих редакциях С. Б. Л. назывался Степой Бомбеевым или Лиходеевым, но вплоть до 1937 г. его выбрасывали из Нехорошей квартиры во Владикавказ. В 1936 г. Т. Пейзулаев скончался в Москве. Возможно, узнав о смерти прототипа, Булгаков решил убрать детали, связывающие с ним С. Б. Л. В последней редакции романа незадачливого директора Театра Варьете Азазелло по приказу Воланда отправлял уже не во Владикавказ, а в Ялту.

Тут становится очевидной связь С. Б. Л. с героем рассказа Михаила Зощенко (1895-1958) "Землетрясение" (1929) Снопковым, который "через всю Ялту... прошел в своих кальсонах. Хотя, впрочем, никто не удивился по случаю землетрясения. Да, впрочем, и так никто бы не поразился". В отличие от героя "Землетрясения", С. Б. Л. своим появлением в непотребном виде производит в Ялте смятение. Впрочем, он тоже выступает как жертва стихии, только не землетрясения, а потусторонних сил.

В происшествиях, случившихся со Снопковым и С. Б. Л., совпадают многие мелкие детали. Герой Булгакова наказан, среди прочего, и за пьянство: перед вынужденным путешествием в исподнем и без сапог в Ялту он выпил чересчур много водки и портвейна (его приключения во многом предвосхищают сюжет известного фильма Эльдара Рязанова "Ирония судьбы, или с легким паром", где вместо Ялты фигурирует Ленинград).

Точно так же герой Зощенко накануне землетрясения (речь идет о Большом Крымском землетрясении 11 сентября 1927 г. в районе Ялты) "выкушал полторы бутылки русской горькой", затем заснул, был ограблен и раздет до подштанников. Очнувшись и пройдя несколько верст от города, "он присел на камушек и загоюнился. Местности он не узнает, и мыслей он никаких подвести не может. И душа и тело у него холодеют. И жрать чрезвычайно хочется.
Только под утро Иван Яковлевич Снопков узнал как и чего. Он у прохожего спросил.
Прохожий ему говорит:
- А ты чего тут, для примеру, в кальсонах ходишь?
Снопков говорит:
- Прямо и сам не понимаю. Скажите, будьте любезны, где я нахожусь?
Ну, разговорились. Прохожий говорит:
- Так что до Ялты верст, может, тридцать будет. Эва куда ты зашел".

Сходным образом в окончательном тексте Булгаков описывает пребывание С. Б. Л. в Ялте: "Открыв слегка глаза, он увидел себя сидящим на чем-то каменном. Вокруг него что-то шумело. Когда он открыл как следует, глаза, он увидел, что шумит море... и что, короче говоря, он сидит на самом конце мола, и что под ним голубое сверкающее море, а сзади - красивый город на горах.
Не зная, как поступают в таких случаях, Степа поднялся на трясущиеся ноги и пошел по молу к берегу.
На молу стоял какой-то человек, курил, плевал в море. На Степу он поглядел дикими глазами. Тогда Степа отколол такую штуку: стал на колени перед неизвестным курильщиком и произнес:
- Умоляю, скажите, какой это город?
- Однако! - сказал бездушный курильщик.
- Я не пьян, - хрипло ответил Степа, - я болен, со мной что-то случилось, я болен... Где я? Какой это город?..
- Ну, Ялта...
Степа тихо вздохнул, покатился на бок, головою стукнулся о нагретый камень мола".

Просторечный стиль рассказчика совпадает в обоих случаях. А вот реакция героев на происходящее оказывается прямо противоположной. Само слово "Ялта" успокаивает Снопкова, узнающего, что он не так уж далеко от дома забрался в своих странствиях. Наоборот, С. Б. Л. оно повергает в ужас. Директор Театра Варьете не в состоянии понять, как он за одно мгновение очутился в сотнях километров от Москвы.

Различие здесь и в объектах осмеяния. У Зощенко разоблачается юмористический, бичующий пьянство. Его герой - простой сапожник. "Землетрясение" - это как бы иллюстрация к известной поговорке "пьян как сапожник". У Булгакова же образ С. Б. Л. - образ сатирический. Пьянство - не единственный и далеко не главный порок директора Театра Варьете. Он наказан прежде всего за то, что занимает не свое место.

В ранних редакциях С. Б. Л. был прямо назван "красным директором". Так официально именовались назначенцы из числа партийных работников, которых ставили во главе театральных коллективов с целью осуществления административных функций и контроля, причем "красные директора", как правило, никакого отношения к театральному искусству не имели. В эпилоге "Мастера и Маргариты" С. Б. Л. получает более подходящее при его страсти к выпивке и закуске назначение - директором большого гастронома в Ростове.

В образе С. Б. Л. отразился и материал фельетона "Чаша жизни". Известное замечание Воланда: "Я чувствую, что после водки вы пили портвейн! Помилуйте, да разве это можно делать!" выросло из сентенции одного из героев этого фельетона: "Портвейн московский знаете? Человек от него не пьянеет, а так, лишается всякого понятия".

С. Б. Л., пробудившись, припоминает только, как целовал какую-то даму и как ехал на таксомоторе со сектчистом Хустовым. В "Чаше жизни" один из героев, Пал Васильич, обнимает и целует неизвестную даму, а потом рассказчик помнит только, как они ехали на такси. Очнувшись же дома, он, как и директор Театра Варьете, оказывается не в состоянии подняться.

С. Б. Л. связан также с булгаковским фельетоном "День нашей жизни". Его герой возвращается домой после попойки и заплетающимся языком произносит последний монолог перед тем, как забыться: "Что, бишь, я хотел сделать? да лечь... Это правильно. Я ложусь... но только умоляю разбудить меня, разбудить меня, непременно, чтоб меня черт взял в десять минут пятого... нет, пять десятого... Я начинаю новую жизнь... Завтра". С. Б. Л. якобы назначает свидание Воланду на десять часов, а затем директора действительно "черт взял" и кинул из Москвы в Ялту. В эпилоге С. Б. Л. начинает "новую жизнь": отказывается от портвейна и пьет только водку, настоянную на смородиновых почках, буквально следуя совету Воланда, "стал молчалив и сторонится женщин".

Ирония заключена в отчестве С. Б. Л. - Богданович, поскольку скорее не Бог, а черт принес Степу в Театр Варьете, где от него стонут подчиненные, так что на предположение администратора Варенухи, не попал ли С. Б. Л., как и Михаил Александрович Берлиоз, под трамвай, финдиректор Римский отвечает: " А хорошо бы было..."

Сомнительный разговор с Берлиозом "на какую-то ненужную тему", происходивший, "как помнится, двадцать четвертого апреля", который директор Театра Варьете связывает с печатью на двери Берлиоза и возможным арестом председателя МАССОЛИТа, восходит к переписке Булгакова с одним старым знакомым.

19 апреля 1929 г. ему написал из Рязани актер Николай Васильевич Безекирский. Он знал Булгакова осенью 1921 г., во время работы в Лито (Литературном отделе) Главполитпросвета. Безекирский сообщал: "Вы вероятно очень будете удивлены, что малознакомый к Вам пишет, но я вспомня наше короткое с Вами знакомство в трудное время и зная, что Вы некоторое время сами были в скверном материальном положении, а, следовательно скорее поймете мое теперешнее ужасное положение: я административно выслан на 3 года минус 6 губерний. Причина для меня до сих пор довольно туманная - следователь ГПУ обвинял меня в контрреволюционном разговоре в одном доме, где я часто бывал, ну и в результате я в Рязани, лишился службы в Москве, не член уже стал союза и пр., и здесь я не могу нигде найти работы и я сейчас в таком положении, что хоть где-нибудь зацепись за крюк!"

Судя по тому, что второе и последнее из известных писем Безекирского Булгакову с благодарностью за помощь датировано 26 апреля 1929 г. на открытке "для ответа" и поступило к Булгакову, как можно заключить по почтовому штемпелю, 28 апреля, то не дошедшее до нас письмо Булгакова Безекирскому было написано и отослано 24 апреля 1929 г., как раз в тот день, когда произошел разговор С. Б. Л. с Берлиозом.

Дата 24 апреля - это также одно из косвенных доказательств, что действие "Мастера и Маргариты" в московской части происходит не позднее начала мая, иначе бы С. Б. Л. вряд ли мог бы вспомнить точно день "сомнительного разговора". Поскольку события романа приурочены именно к 1929 г., Булгаков, очевидно, сознательно использовал дату своего письма Безекирскому в эпизоде с разговором С. Б. Л. и председателя МАССОЛИТа.

Происшествие с сосланным в Рязань актером было использовано в образе Мастера в одной из редакций романа, где упоминались "рязанские страдания" героя.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"День нашей жизни"

"День нашей жизни" - фельетон. Опубликован: Накануне, Берлин - М., 1923, 2 сент.

В Д. н. ж. заметно влияние прозы А. Белого: фельетон полностью состоит из прямой речи - диалогов и реплик, всего того, что слышит автор в течение одного дня дома, на улице и на службе.

Здесь передана скандальная атмосфера квартиры №50 в доме 10 по Б. Садовой, где в то время проживал писатель со своей первой женой Т. Н. Лаппа. Эта квартира позднее отразилась в Нехорошей квартире "Мастера и Маргариты".

Упоминаемая в Д. н. ж. скандалистка Анна Тимофеевна имела общего прототипа с Аннушкой Пыляевой рассказа "№13. - Дом Эльпит-Рабкоммуна" и Аннушкой-Чумой последнего булгаковского романа - соседку Булгаковых Анна Горячеву. О ней вспоминала Т. Н. Лаппа: "...На той стороне коридора, напротив, жила такая Горячева Аннушка. У нее был сын, и она все время его била, а он орал. И вообще, там невообразимо что творилось. Купят самогону, напьются, обязательно начинают драться, женщины орут: "Спасите! Помогите!"... Ей лет шестьдесят было. Скандальная такая баба. Чем занималась - не знаю. Полы ходила мыть, ее нанимали..."

В Д. н. ж. Анна Тимофеевна ругается не с сыном, а с дочерью-комсомолкой. Фигурирующий в фельетоне извозчик ("Я катал... На резвой, ваше высокоблагородие!") в "Мастере и Маргарите" трансформировался в лихача, предлагающего доставить в лечебницу Ивана Бездомного ("А вот на беговой! Я возил в психическую!").

Разговоры в ресторане Дома Печати ("Ваше здоровье. Братья писатели!.. Семь раз солянка по-московски! ...Эх, гармония хороша! Еду на Волгу! Переутомился я!") предвосхищают курортно-гастрономические разговоры в ресторане Дома Грибоедова.

В финале Д. н. ж. пьяный умоляет "разбудить меня непременно, чтоб меня черт взял, в десять минут пятого... нет, пять десятого..." В "Мастере и Маргарите" черт, точнее, Воланд, действительно взял и выбросил в Ялту не успевшего толком протрезветь обитателя Нехорошей квартиры - Степана Богдановича Лиходеева.

В Д. н. ж. Булгаков иронизирует над так называемой "общенародной собственностью". Безымянная героиня, у которой лопнула купленная в Государственном Универсальном магазине юбка, на возмущенное восклицание: "Вот тебе твой ГУМ универсальный!" получает резонный ответ: "Он такой же мой, как и твой. Сто миллионов носки на один день".

Критика госторговли была продолжена в повести "Собачье сердце" (1925), где профессор Преображенский убеждает окружающих: "Нигде кроме такой отравы не получите, как в Моссельпроме", перефразируя известный рекламный лозунг Владимира Маяковского (1893-1930): "Нигде кроме как в Моссельпроме!"

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций
Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы
Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи
Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта
Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Белый А. ~

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7 8

Белый Андрей (Борис Николаевич Бугаев) (1880-1934) - русский поэт, писатель, литературовед и философ, оказавший значительное влияние на творчество Булгакова.

Родился 14 октября (26 октября) 1880 г. в семье профессора математики Московского университета. В сентябре 1891 г. Б. начал учебу в знаменитой гимназии Л. И. Поливанова (Загарина) (1839-1899), по окончании которой в 1899 г. поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. 28 мая 1903 г. при окончании университета удостоен диплома 1-й степени (особых успехов Б. достиг в органической химии). На следующий день умер отец Б., Николай Васильевич Бугаев (1837-1903).

После окончания университета Б. продолжает интенсивное поэтическое творчество, начало которого приходится на 1897-1898 гг. К 1903 г. были написаны уже четыре "симфонии" Б. - своеобразные поэмы белым стихом, по структуре повторяющие музыкальные симфонии.

Б. становится одним из видных представителей символизма, сближается с Александром Блоком (1889-1921), Валерием Брюсовым (1873-1924), Константином Бальмонтом (1867-1942) и другими поэтами-символистами, пишет открытое письмо "Несколько слов декадента, обращенных к либералам и консерваторам", программные статьи "О теургии", "Символизм, как миропонимание" (1903) и др. В 1904 г. Б. начал занятия на историко-филологическом факультете Московского университета.

В революцию 1905 г. Б. познакомился с "Капиталом" (1867-1883) К. Маркса (1818-1883), после чего назвал себя "социал-символистом", участвовал в студенческих митингах и демонстрациях.

В сентябре 1906 г. Б., оставив университетские занятия, уехал в Германию, затем во Францию. Вернувшись в Москву в феврале 1907 г., Б. активно участвует в литературной жизни, публикует стихи и статьи по теории искусства и поэзии, выступает с лекциями, совершает еще несколько заграничных путешествий. В 1909 г. Б. близко сошелся с художницей Анной Алексеевной Тургеневой (Асей) (1890-1966).

В 1911 г. они вместе отправились в путешествие в Тунис, Египет и Палестину, после которого был начат роман "Петербург", где "петербургский период" русской истории осмыслен в контексте судеб мира, в том числе и древних восточных цивилизаций. Публикация "Петербурга" в 1913-1914 гг. принесла Б. всемирную известность как постреалистическому новатору в прозе. Он едва ли не первым в мире стал писать ритмизованный прозаический текст.

В марте 1914 г. Б. вступил в гражданский брак с А. А. Тургеневой в Швейцарии, где они работали на постройке антропософского храма Гетеанум. Там писателя с женой застало начало первой мировой войны. В августе 1916 г. Б. вернулся в Россию в связи с призывом на военную службу, но, получив отсрочку, в армии так и не служил.

В конце 1917 г. сблизился с Клавдией Николаевной Васильевой (урожденной Алексеевой) (1886-1970), ставшей его официальной женой только в июле 1931 г. До этого, в конце мая 1931 г. она была арестована, как видный деятель антропософского движения в России, но затем, благодаря хлопотам Б., ее освободили. После ареста муж Клавдии Николаевны, врач П. Н. Васильев, дал, наконец, согласие на развод.

С октября 1921 г. по октябрь 1923 г. Б. жил в Германии, однако затем ему было разрешено вернуться в СССР. В 1924 г. Б. начал работу над циклом романов "Москва", который предполагалось сделать тетралогией. Однако Б. успел написать только три романа: "Московский чудак", "Москва под ударом", и "Маски". Б. также написал цикл мемуаров "На рубеже двух столетий", "Начало века" и "Между двух революций", изданный в 1930-1935 гг.

8 января 1934 г. Б. скончался от паралича дыхательных путей после кровоизлияния в мозг. Похоронен, как и Булгаков, на Новодевичьем кладбище.

Посмертно в 1934 г. вышло исследование Б. "Мастерство Гоголя". Помимо перечисленных, Б. автор сборников статей "Символизм" (1910) и "Арабески" (1911), книг стихов "Золото в лазури" (1904), "Пепел" (1909), "Королевна и рыцари" (1919), романов "Котик Летаев" (1916) и "Крещеный китаец" (1927) и ряда других произведений. Б. увлекался теософией и мистическим антропософским учением Рудольфа Штейнера (1861-1925), основателя Антропософского общества (1913). О встречах с немецким мыслителем в Германии и Швейцарии Б. оставил книгу воспоминаний "Рудольф Штейнер", опубликованную только в 1982 г. в Париже.

Произведения Б., особенно чрезвычайно популярный в 1910-1920-е годы "Петербург", оказали существенное влияние на творчество Булгакова. В 1926 г. писатели обменялись подарками - книгами. Б. оставил следующую дарственную надпись на экземпляре романа "Московский чудак": "Глубокоуважаемому Михаилу Афанасьевичу Булгакову от искреннего почитателя. Андрей Белый (Б. Бугаев). Кучино. 20 сент. 26 г."

Реакцию же Булгакова зафиксировала записка секретаря издательства "Недра" Петра Никаноровича Зайцева (1889-1970) о передаче булгаковского сборника "Дьяволиада" - "Подарок автора, который был очень растроган Вашим вниманием".

Если маститый и признанный писатель, каким к середине 20-х годов был Б., обратил внимание на сочинения начинающего автора, то, значит, почувствовал в них что-то близкое себе. В свете этого выбор книг, которыми обменялись Б. и Булгаков, вероятно, не случаен. В "Московском чудаке", опубликованном в 1926 г., главный герой, математик профессор Коробкин, делает открытие, на основе которого могут быть созданы лучи, применимые в военных целях.

В повести "Роковые яйца", написанной в 1924 г. и опубликованной в 1925 г. в шестой книге альманаха "Недр" (она вошла и в сборник "Дьяволиада"), профессор Персиков изобретает лучи, которые вызывают ускоренный рост живых организмов и тоже оказываются применимы для военных нужд: в результате трагической ошибки возникают гигантские гады, чуть не погубившие (а в первоначальной редакции - погубившие-таки) Москву. Возможно, фабула повести Булгакова была использована Б. в "Московском чудаке". Работу над романом он начал в конце 1924 г., а авторские чтения "Роковых яиц" происходили уже в начале 1925 г.

Пародии раннего Булгакова на Андрея Белого
Азиатский город-миф и миф вождей
Сатана Мандро, он же тараканий царь, он же пират из Дома Грибоедова
Читайте продолжение>>>

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Белый А., часть 2 ~

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7 8

В сборник "Дьяволиада" вошел также рассказ "№13. - Дом Эльпит-Рабкоммуна", начало которого - сознательное, легко узнаваемое подражание "Петербургу": "Ах, до чего был известный дом. Шикарный дом Эльпит. Однажды, например, в десять вечера стосильная машина, грянув веселый мажорный сигнал, стала у первого парадного. Два сыщика, словно тени, выскочили из земли и метнулись в тень, а один прошмыгнул в черные ворота, а там по скользким ступеням в дворницкий подвал. Открылась дверца лакированной каретки, и, закутанный в шубу, высадился дорогой гость.

В квартире №3 генерала от кавалерии де Баррейна он до трех гостил.

До трех, припав к подножию серой кариатиды, истомленный волчьей жизнью, бодрствовал шпион. Другой до трех на полутемном марше лестницы курил, слушая приглушенный коврами то звон венгерской рапсодии, capriccioso, - то цыганские буйные взрывы:

Сегодня пьем! Завтра пьем
Пьем мы всю неде-е-лю - эх!
Раз... еще раз...

До трех сидел третий на ситцево-лоскутной дряни в конуре старшего дворника. И конусы резкого белого света до трех горели на полукруге. И из этажа в этаж по невидимому телефону бежал шепчущий горделивый слух: "Распутин здесь. Распутин".

Многие детали рассказа - из "Петербурга": лакированная карета сенатора Аблеухова, незнакомец, превращающийся в тень, и тени сыщиков следующие за ним ("Две тени утекли в промозглую муть"), образ кариатиды у подъезда возглавляемого Аблеуховым учреждения; дворницкий подвальчик, в котором прячется от агентов террорист Дудкин... Роман Б. для Булгакова - символ дореволюционной России, и начало рассказа дает ее абрис. Действие здесь развивается в разудалом песенном ритме и как бы пародирует ритмизованную прозу Б.

"Петербург" повлиял и на "Белую гвардию", что отмечалось еще в предисловии к парижскому изданию булгаковского романа 1928-1929 гг. Это сказалось в описании Города (родного для Булгакова Киева), в коротких рубленых фразах разговоров на улицах, в иногда возникающем ритме, активном использовании песенных текстов для выражения настроений героев.

В романе Б. возникал образ Петербурга - города-мифа, олицетворяющего целую эпоху русской истории, эпоху господства бюрократии, при внешнем европейском лоске сохранившей азиатскую сущность. Отсюда, вероятно, и татарская фамилия Аблеухова, одним из прототипов которого послужил оберпрокурор Священного Синода К. П. Победоносцев (1827-1907).

Для Булгакова Город в "Белой гвардии" олицетворял миф новой, революционной эпохи - миф вождей, вознесенных массами, как отражающих народные чувства и чаяния, будь то С. В. Петлюра или Л. Д. Троцкий. Поэтому обращение к "Петербургу" вполне логично: новый миф строится с использованием элементов старого. В повести же "Дьяволиада", давшей название сборнику, подаренному Б., Булгаков доказывал, что бюрократия совсем не погибла с революцией, а превосходно чувствует себя и в советское время.

Отзвуки же "Московского чудака" можно найти в более поздних булгаковских вещах - пьесе "Бег" и романе "Мастер и Маргарита". Один из главных героев романа Б. - Эдуард Эдуардович фон Мандро, крупный делец и международный авантюрист, человек с неопределенной биографией: "Происхождение рода Мандро было темно; одни говорили, что он датчанин, кто-то долго доказывал - вздор; Эдуард Эдуардович - приемыш усыновленный, отец же его был типичнейший грек, одессит - Малакака; а сам фон Мандро утверждал, что он - русский, что прадед его проживал в Эдинбурге, был связан с шотландским масонством, достиг в нем высшей степени, умер в почете; при этом показывал старый финифтевый перстень; божился, что перстень - масонский".

Мандро даже во внешности наделен чертами сатаны: "грива иссиня-черных волос с двумя вычерненными серебристыми прядями, точно с рогами, лежащими справа и слева искусным причесом "над лбом".

Черты этого героя отразились в "Беге" в образе "тараканьего царя" Артура Артуровича - авантюриста неопределенной национальности, скрывающего свое еврейское происхождение (кстати сказать, в последующих томах эпопеи "Москва" еврейское происхождение Мандро, на которое есть явные намеки в "Московском чудаке", окончательно выясняется). Как и у героя Б., у Артура Артуровича имя и отчество совпадают и имеют британскую окраску. По тому же принципу в "Мастере и Маргарите" сконструированы имя и отчество директора ресторана Дома Грибоедова Арчибальда Арчибальдовича, который назван пиратом, а в редакции 1929 г. связан с адом непосредственно, а не только в воображении рассказчика, как в окончательном тексте.

Похожи и портреты двух героев: Эдуард Эдуардович и Арчибальд Арчибальдович - брюнеты, оба одеты в черные фраки, причем Мандро - "артист спекуляции", часто "топящий" на бирже конкурентов. Артистичен и директор ресторана Дома Грибоедова, которого Булгаков неслучайно сравнивает с пиратом в Карибском море.

Воланд и Мандро - близнецы-братья
Маркиз де Сад и Калиостро 20 века
Кот на черепе трупа
Азазелло в прошлом был омерзительным карликом-сифилитиком
Читайте об этом далее>>>

« Назад Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Белый А., часть 3 ~

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7 8

Ряд черт Мандро можно найти и в Воланде "Мастера и Маргариты". При первом своем появлении Эдуард Эдуардович похож на иностранца ("казалось, что выскочил он из экспресса, примчавшегося прямо из Ниццы"), одет во все заграничное и щегольское - "английская серая шляпа с заломленными полями", "с иголочки сшитый костюм, темно-синий", "пикейный жилет", а в руках, одетых в перчатки, сжимает трость с набалдашником. Мандро - гладко выбритый брюнет, его лицо кривит гримаса злобы, а при встрече с сыном профессора Митей Коробкиным "вскинул он брови, показывая оскалы зубов", и снял шляпу.

Воланд является перед литераторами на Патриарших примерно в таком же виде: "Что касается зубов, то с левой стороны у него были платиновые коронки, а с правой - золотые. Он был в дорогом сером костюме, в заграничных в цвет костюма туфлях. Серый берет он лихо заломил на ухо, под мышкой нес трость с черным набалдашником в виде головы пуделя. По виду лет сорока с лишним. Рот какой-то кривой. Выбрит гладко. Брюнет. Правый глаз черный, левый почему-то зеленый. Брови черные, но одна выше другой. Словом - иностранец".

У героя же "Московского чудака" "съехались брови - углами не вниз, а наверх, содвигаясь над носом в мимическом жесте, напоминающем руки, соединенные ладонями вверх, между ними слились три морщины трезубцем, подъятым и режущим лоб". У Воланда похожим образом лицо "было скошено на сторону, правый угол рта оттянут книзу, на высоком облысевшем лбу были прорезаны глубокие параллельные острым бровям морщины".

У обоих есть и масонские атрибуты: финифтевый перстень с рубином и знаком "вольных каменщиков" - у Мандро; и портсигар с масонским знаком - бриллиантовым треугольником - у Воланда. Из рассказа Коровьева-Фагота мы узнаем, что дьявол у Булгакова, подобно демоническому герою романа Б., имеет виллу в Ницце.

Как Мандро, так и Воланд наделены рядом черт, традиционных для внешности "князя тьмы", в частности, преобладанием в костюме серого цвета и бросающимися в глаза неправильностями лица. При этом Мандро лишь символизирует дьявола, выступая по ходу действия в виде нормального финансового дельца, хотя и отличающегося небывалым размахом замыслов. Его инфернальность только подразумевается. Воланд же - настоящий дьявол, выдающий себя за иностранного профессора и артиста. Б. характеризовал Мандро как "своего рода маркиза де Сада и Калиостро XX-го века".

В "Московском чудаке" есть несколько эпизодов, отзвуки которых ощутимы в "Мастере и Маргарите". Так, сцена визита буфетчика Театра Варьете Сокова к Воланду, когда посетитель обнаруживает, что его шляпа, поданная ведьмой Геллой, превратилась в черного котенка, имеет своим источником то место у Б., когда при посещении Мандро профессором Коробкиным хозяин указывает близорукому гостю вместо его меховой шапки на свернувшегося клубочком кота. Герой "Московского чудака" "надел на себя не кота, а - терновый венец". У Булгакова шляпа на голове злосчастного буфетчика превращается в котенка, который и расцарапал лысину Сокова. Перед тем как вернуться за шляпой, плут буфетчик поминает Христа: "Оставьте меня, Христа ради", обращаясь к женщине, пытавшейся его задержать. Немедленно следует пародийное наказание со стороны нечистой силы, и Соков претерпевает те же муки, что и Христос перед распятием - котенок, возникший из шляпы, играет здесь роль тернового венца.

И в "Московском чудаке" и в "Мастере и Маргарите" оба героя, подвергшиеся сходному истязанию, вскоре должны погибнуть. Б. в своем романе ориентировался на рассказ Эдгара А. По (1809-1849) "Черный кот" (1843), где кот сидит на черепе трупа. Вероятно, Булгакову был известен не только роман Б., но и этот рассказ "предтечи символизма".

В ранней редакции "Мастера и Маргариты" описание кабинета Воланда, каким его видел буфетчик, почти совпадало с описанием кабинета Мандро. У Б. "фестонный камин в завитках рококо открывал свою черную пасть". У Булгакова "на зов из черной пасти камина вылез черный кот".

Не исключено, что сцена встречи управдома Никанора Ивановича Босого с Коровьевым-Фаготом, в ходе которой подручный Воланда убеждает хапугу-управдома сдать Нехорошую квартиру заезжему иностранцу, ориентирована на тот эпизод "Московского чудака", когда ростовщик Грибиков договаривается с Мандро сдать свою квартиру помощнику Эдуарда Эдуардовича в темных делах - безносому карлику-иностранцу. Этот карлик отразился и в образах членов свиты Воланда - Коровьеве-Фаготе и Азазелло.

Б. подчеркивает, что фантастический облик карлика вызывает отвращение и омерзение: "Просто совсем отвратительный карлик: по росту - ребенок двенадцати лет, а по виду протухший старик (хотя было ему, вероятно, всего лет за тридцать); но видно, что пакостник; эдакой гнуси не сыщешь; пожалуй - в фантазии. Но она видится лишь на полотнах угрюмого Брейгеля". Коровьев же - "гражданин престранного вида. На маленькой головке жокейский картузик, клетчатый кургузый воздушный же пиджачок... Гражданин ростом в сажень, но в плечах узок, худ неимоверно, и физиономия ... глумливая".

Тот персонаж "Мастера и Маргариты", который в окончательном тексте носил имя Азазелло, в редакции 1929-1930 гг. был очень похож на безносого карлика "Московского чудака": "Один глаз вытек, нос провалился. Одета была рожа в короткий камзольчик, а ноги у нее разноцветные, в полосах, и башмаки острые. На голове росли рыжие волосы кустами, а брови были черного цвета, и клыки росли, куда попало. Тихий звон сопровождал появление рожи, и немудрено: рукава рожи, равно как и подол камзола, были обшиты бубенчиками. Кроме того, горб... - Хватим? - залихватски подмигнув, предложила рожа...".

А вот портрет героя Б.: "Карлик был с вялым морщавым лицом, точно жеванный, желтый лимон, - без усов, с грязноватеньким, слабеньким пухом, со съеденной верхней губою, без носа с заклеечкой коленкоровой, черной, на месте дыры носовой; острием треугольничка резала часто межглазье она; вовсе не было глаз: вместо них - желто-алое, гнойное, вовсе безвековое глазье, которым с циничной улыбкою карлик подмигивал... уши, большие, росли - как врозь; был острижен он бобриком; галстук, истертый и рваный, кроваво кричал; и кровавой казалась на кубовом фоне широкого кресла домашняя куртка, кирпичного цвета, вся в пятнах; нет, тьфу: точно там раздавили клопа".

У обоих писателей персонажи стали карликами вследствие сифилиса, причем Булгаков, как врач в прошлом, подчеркнул почти неизбежный на последней стадии развития болезни горб, прямо не обозначенный у Б. Карлик у автора "Мастера и Маргариты" дается не глазами рассказчика, как в "Московском чудаке", а глазами персонажа - буфетчика.

В продолжении вы узнаете о пире почивших северных королей, мистической любви, "козлах, горбунах и черных рыцарях" и о происхождении залихватского свиста Фагота на Воробьевых горах.

« Назад Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций
Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы
Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи
Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта
Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Белый А., часть 4 ~

С четырьмя "симфониями" Б. обнаруживается много параллелей в романе "Мастер и Маргарита". В эпизоде, когда имя своей первой жены Мастер не может точно вспомнить - то ли Варенька, то ли Манечка (в памяти всплывает только полосатое платье), угадывается сцена из третьей симфонии "Возврат", где главный герой, ученый-химик Евгений Хандриков, очутившись в психиатрической лечебнице, испытывает равнодушие к своей прежней жизни и, в частности, не помнит имени жены, а помнит только цвет ее платья.

С "Северной (первой героической)" симфонией связан Великий бал у сатаны, который назван "весенним балом полнолуния, или балом ста королей", а Маргарита выступает на нем в роли королевы. Главная героиня "Северной" симфонии - королевна, а в финале в связи с ее вознесением на небе устраивается пир почивших северных королей, когда из золотых чаш пьют кровавое вино (на балу у Воланда в такую чашу превращается голова Михаила Александровича Берлиоза).

Маргарита приветствует гостей бала, находясь на возвышающейся над залом мраморной лестнице и стоя на одном колене. У Б. королевна тоже стоит на одном колене на возвышении, принимая рыцарей в пернатых шлемах, которые целуют ей руку и колено (Маргарите - только колено). И у королевны и у хозяйки Великого бала у сатаны на голове - алмазная корона.

В "Северной" симфонии женщина в черном плаще олицетворяет смерть и Вечность. Такое же символическое значение имеет черный плащ, который оказывается на плечах Маргариты после бала, и черные плащи всех участников последнего полета. Королевна в симфонии Б. "просила, чтобы миновал сон этой жизни и чтобы мы очнулись от сна". В финале "Мастера и Маргариты" главные действующие лица восклицают: " - Гори, гори, прежняя жизнь! Гори, страдание!" В "Северной" симфонии герои, в конце концов, восходят к вершинам света - мраморно-белой башне с террасой, с которой видна "голубая бесконечность".

В эпилоге королевна соединяется со своим возлюбленным рыцарем в Вечности, и они вместе встречают свет звезды Утренницы. Любовь королевны выводит рыцаря из "бездны безвременья", где он оказался за то, что знался с нечистой силой, и дарит ему свет. В "Мастере и Маргарите" главным героям дарован не свет, а покой, где-то на границе дня и ночи, куда возвращаются и двое влюбленных в "Северной" симфонии. Воланд обещает Мастеру и Маргарите перед последним приютом: "...Вы немедленно встретите рассвет".

У Б. в "Северной" симфонии герои награждены покоем, однако мир, где они пребывают, подвижный, но лишенный мысли и монотонный: "Здесь позабыли о труде и неволе! Ни о чем не говорили. Позабыли все и все знали! Веселились. Не танцевали, а взлетывали в изящных междупланетных аккордах. Смеялись беззвучным водяным смехом. А когда уставали - застывали в целомудренном экстазе, уходя в сонное счастье холодно-синих волн".

Любовь у Б. - целомудренна и мистична. Она олицетворяет "вечную женственность" Владимира Сергеевича Соловьева (1853-1900), первого русского философа, имевшего мировое значение. У Булгакова любовь Мастера и Маргариты - вполне земная, хотя и необыкновенная по своей силе. Мастеру оставлена способность творить и в последнем приюте, где ему предстоит "подобно Фаусту, сидеть над ретортой в надежде, что... удастся вылепить нового гомункула".

В "Северной" же симфонии покой - это вообще высшая возможная награда, даруемая Богом, а не дьяволом тем, кто стремится к земному величию: гордецам, титанам и героям, даруемая, если они смирились и обратились к Всевышнему:
"Еще давно великан поднял перед Господом свое гордое, бледнокаменное лицо, увенчанное зарей.
Еще давно они все поднимали тучи и воздвигали громады. Громоздили громаду на громаду. Выводили узоры и строили дворцы.
Но все пали под тяжестью громад, а туманные башни тихо таяли на вечернем небе.
И суждено им было шагать долгие годы среди синих туч - обломков былого, величия...
Это все старики великаны... Они смирились и вот идут к Богу просить покоя и снисхождения..."

У Б. покой несовместим с творчеством, он выше его. У Булгакова в "Мастере и Маргарите" покой с творчеством совместимы, хотя и в последнем приюте, вне земной жизни. Такой покой, однако, оказывается ниже духовных высот, которых достигнут те, кто поднялся до нравственного уровня Иешуа Га-Ноцри.

Описание шабаша в "Северной" симфонии отразилось в шабаше ранней редакции "Мастера и Маргариты", создававшейся в 1929 г. Там, в видении Феси, превратившегося в Мастера позднейших редакций, возникает сцена шабаша, где присутствуют черные ведьмы на скакунах. После шабаша, как можно судить по сохранившимся фрагментам, гости расходятся "недовольные и раздраженные". У Б. шабаш происходит в замке рыцаря, и там присутствуют "и пешие и конные", "и козлы и горбуны, и черные рыцари", но, поскольку сатана не удостоил владельца чести посещения, присутствовавшие "уезжали с пира несолоно хлебавши" и "уничтожали хозяина взорами презрения".

От варианта будущего "Мастера и Маргариты" 1933 г. сохранилось более подробное описание шабаша в Нехорошей квартире. Туда Маргарита попадала через трубу и видела "скачущие в яростной полке пары". В "Северной" симфонии участники шабаша танцуют дьявольский танец козловак, а в разгар его является женщина в черном, как и Маргарита, символизирующая вечность. В окончательном тексте "Мастера и Маргариты" шабаш происходит на берегу реки, причем главную роль здесь играет козлоногий, подносящий Маргарите бокал с шампанским. Есть и толстяк, смешащий всех своей неловкостью. Ноги у него в илистой грязи, как в черных ботинках. В "Северной" симфонии шабаш возглавляет козлоногий дворецкий, а среди участников выделяется "забавный толстяк", который "взгромоздился на стол, топча парчовую скатерть грубыми сапожищами, подбитыми гвоздями".

Не исключено, что из "Северной" симфонии берет начало тот залихватский свист, в котором соревнуются Бегемот и Коровьев-Фагот на Воробьевых горах: "Воланд кивнул Бегемоту, тот очень оживился, соскочил с седла наземь, вложил пальцы в рот, надул щеки и свистнул... Мастер вздрогнул от свиста, но не обернулся, а стал жестикулировать еще беспокойнее... - Мессир, поверьте, - отозвался Коровьев и приложил руку к сердцу, - пошутить, исключительно пошутить... - тут он вдруг вытянулся вверх, как будто был резиновый, из пальцев правой руки устроил какую-то хитрую фигуру, завился, как винт, и затем, внезапно раскрутившись, свистнул.
Этого свиста Маргарита не услыхала, но она его увидела в то время, как ее вместе с горячим конем бросило саженей на десять в сторону. Рядом с нею с корнем вырвало дубовое дерево, и земля покрылась трещинами до самой реки".

У Б. "тут выпрыгнул из чащи мой сосновый знакомец, великан. Подбоченясь, он глумился надо мной...
Свистал в кулак и щелкал пальцами перед моим глупым носом. И я наскоро собрал свою убогую собственность. Пошел отсюда прочь...
Большая луна плыла вдоль разорванных облак...
Мне показалось, что эта ночь продолжается века и что впереди лежат тысячелетия..."

Именно это место "Северной" симфонии послужило толчком для разработки многих важных эпизодов и мотивов "Мастера и Маргариты": глумления Коровьева-Фагота над Иваном Бездомным после гибели Михаила Александровича Берлиоза, растянувшейся на неопределенно долгое время полночи на Великом балу у сатаны, тысячелетий грядущего бессмертия, которые предчувствует Понтий Пилат.

Параллели "Мастера и Маргариты" и третьей симфонии Белого
Пустыня в глазах
"Симпатяга Пилат" и свинья в пальто
Созвучие замыслов Белого и Булгакова
Читайте далее>>>

« Назад
Наверх »

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Белый А., часть 5 ~

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7 8

Третья симфония Б., "Возврат", помимо эпизода с первой женой Мастера, оставила и другие следы в последнем булгаковском романе. Ее основное действие, заключенное, как и в "Северной" симфонии, в "надмирное" обрамление, происходит в Москве в начале XX в. Главный герой, молодой ученый-химик Евгений Хандриков, наделенный автобиографическими переживаниями Б., - земное воплощение Бога-Сына, непорочного ребенка. Он, как и булгаковский Мастер, находится в трагическом противоречии с окружающим миром и становится жертвой козней завистника - доцента Ценха, земного воплощения Змея. Хандриков, как и герой "Мастера и Маргариты", заболевает манией преследования и ищет спасения в санатории для душевнобольных.

В "Возврате" есть описание мраморного бассейна в банях, украшенного чугунными изображениями морских обитателей, причем вода в бассейне сравнивается с рубинами, и черпают ее серебряными шайками. На Великом балу у сатаны вода в одном из бассейнов рубинового цвета, из него черпают серебряными черпаками, а струю в бассейн выбрасывает гигантский черный фонтан в виде Нептуна. В банях Хандриков встречает старика - земное воплощение Бога Отца. У Булгакова сходными деталями оснащена сцена, где главная героиня встречает Воланда - антипода Бога.

Земная жизнь Хандрикова, как и рыцаря и его возлюбленной в "Северной" симфонии, оканчивается самоубийством. Точно так же прекращается земное бытие Мастера и Маргариты. Переход Хандрикова из надмирности в мир и обратно дан как переход из одного пространства в другое. В "Мастере и Маргарите" главные герои переходят из современного московского мира в вечный потусторонний мир, а в финале соприкасаются и с древним ершалаимским миром.

Уход Мастера дан как освобождение человека, изнемогшего от страданий. Возвращение Хандрикова к старику Богу - это желанное освобождение от земных мук. Эти муки в начале симфонии предсказывает старик ребенку: "Ты уйдешь. Мы не увидим тебя. Пустыня страданий развернется вверх, вниз и по сторонам. Тщетно ты будешь перебегать пространства - необъятная пустыня сохранит тебя в своих холодных объятьях..." Такую пустыню видит и Маргарита в глазах Мастера: "Смотри, какие у тебя глаза! В них пустыня...".

Но между "Возвратом" и "Мастером и Маргаритой" есть принципиальное различие. У Б. надмирные персонажи просто имеют земное воплощение и в финале возвращаются обратно в надмирность, меняя ипостаси. У Булгакова персонажи разных миров только функционально подобны друг другу, как, например, Воланд и Понтий Пилат, Иешуа Га-Ноцри и Мастер, но не переходят друг в друга, что доказывается и финалом "Мастера и Маргариты", где все перечисленные герои одновременно участвуют в действии.

Интересно, что в редакции 1929-1930 гг. персонажи разных миров переходили из одного воплощения в другое, и безумный Иван Бездомный видел, как Воланд на Патриарших прудах превратился в Понтия Пилата: "Трамвай проехал по Бронной. На задней площадке стоял Пилат, в плаще и сандалиях, и держал в руках портфель.
"Симпатяга этот Пилат, - подумал Иванушка..."

Садящийся в трамвай и пытающийся оплатить проезд кот Бегемот появился не без влияния четвертой симфонии Б. "Кубок метелей", где воображение героя поразил образ свиньи в пальто, садящейся на извозчика и ведущей себя вполне по-человечески. Отсюда же, быть может, превращение нижнего жильца Николая Ивановича в борова в "Мастере и Маргарите".

К "новому искусству", к попыткам преодолеть реализм в литературе и театре, олицетворением чего во многом было творчество Б., Булгаков относился без большой симпатии. В фельетоне "Столица в блокноте" он критиковал чрезмерную усложненность формы в постановке В. Э. Мейерхольда (1874-1940): "Пускай - гений. Мне все равно. Но не следует забывать, что гений одинок, а я масса. Я - зритель. Театр для меня. Желаю ходить в понятный театр".

Автор "Мастера и Маргариты", несомненно, считал, что не только театр - для зрителей, но и литература - для читателей. Писатель, выстраивая сложную структуру своих произведений, в особенности последнего романа, предусматривал в них, наряду со сложными философскими и литературными аллюзиями для посвященных, уровень восприятия массовым читателем. Последний вполне может прочесть главное булгаковское произведение как забавный юмористический и фантастический роман, ориентированный на успех у самой широкой публики.

Б. на такой успех не рассчитывал и ничего, соответствующего уровню массового восприятия, в своих вещах не оставлял. В 1930 г. критик А. К. Воронский (1884-1937), в "Литературной энциклопедии" характеризуя творчество Б., справедливо заметил: "Ритмическая проза вносит в его манеру однообразие, монотонность, в его ритмике есть что-то застывшее, рассудочное, слишком выверенное, манерное. Это часто отталкивает от Белого читателя".

Вместе с тем, многие замыслы Б., осуществленные и неосуществленные, созвучны булгаковским. В предисловии к "Московскому чудаку", первому роману эпопеи "Москва", Б. отмечал, что это эпопея "наполовину роман исторический. Он живописует нравы прошлой Москвы, разложение дореволюционного быта. В этом смысле первая и вторая часть романа ("Московский чудак" и "Москва под ударом") суть сатиры-шаржи...". "Сатирами-шаржами", только уже на послереволюционную действительность, стали такие произведения Булгакова как "Похождения Чичикова", "Дьяволиада", "Роковые яйца", "Дом №13. - Эльпит-Рабкоммуна", "Собачье сердце" и др.

О тяге к сверхъестественному, мистицизме и о письме Правительству, плодах булгаковской фантазии и "уродствах нашего быта", а также о том, что Белый "всю жизнь писал дикую ломаную чепуху" написано далее>>>

« Назад

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Белый А., часть 6 ~

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7 8

И у Б., и у Булгакова имелась несомненная тяга к сверхъестественному. Вспоминая в книге "На рубеже столетий" годы, проведенные в Поливановской гимназии, Б. ярко описывал, как он и его товарищи импровизировали: "Мы, постоянные импровизаторы, мифотворцы сюжетов, рисующих драматическую борьбу света и тьмы (начала с концом); миф - события, происходящие с нами и с нашими знакомыми; место действия: Арбат, Новодевичий монастырь, Поливановская гимназия; перелагая знакомых в свой миф, мы выращивали всякую фантастику в стиле Гофмана и Эдгара По; фантастику реализма; нужна нам не сказка; не тридесятое царство: нам нужен Арбат, Неопалимовский переулок; и для съемок местностей зорко оглядываем топографию переулков, чтобы в наших рассказах друг другу соблюсти иллюзию натуры… Перекидывали, точно мячик, сюжет, сочиняемый миф - настоящее сюжетное наводнение: становился трилогией, тетралогией он; тема ширилась до всемирной истории; центром же оставалась Москва; договорились до мирового переворота, в Москве начинаемого".

Б. - мистик, хотя в советское время ему приходилось всячески открещиваться от такого определения сути своего мировоззрения и утверждать, намекая на полученное образование, что "типичные мистики не бывают смолоду перепичканы естествознанием". И арест второй жены Б. был связан с обвинениями ее в мистицизме. До октября 1917г. Б. имел возможность более свободно высказываться на эту тему.

В предисловии ко второй, "Драматической" симфонии он отмечал, что "здесь осмеиваются некоторые крайности мистицизма. Является вопрос, мотивировано ли сатирическое отношение к людям и событиям, существование которых для весьма многих сомнительно. Вместо ответа я могу посоветовать внимательнее приглядеться к окружающей действительности".

Несомненно, для Б., помимо крайностей, существовала и некоторая "здоровая" основа мистицизма. Можно согласиться с мнением литературоведа Т. Н. Хмельницкой в предисловии к собранию стихотворений Б. в Большой серии "Библиотеки поэта" (1966): "Белый... который диалектически сам видел предмет своих заблуждений, никогда ни от чего не отходил. Для него и разоблаченные иллюзии продолжали жить... Для Белого одновременно предстает и уродливо-гротескный образ явления, и его "святая" суть. Мистики второй симфонии только доводят до абсурда идеи Вл. Соловьева, но сами идеи для Белого, в их высшем смысле, продолжают быть значительными и высокими".

Надо признать справедливой и точку зрения религиозного философа П. А. Флоренского. В рецензии на "Северную" симфонию, появившейся в №3 журнала "Новый путь" за 1904 г., он отмечал: "Для автора "Симфонии" Бог реален до осязательности: "На вечерней заре сам Господь Бог, весь окутанный туманом, бродил вдоль зарослей и качал синим касатиком". Поэму Белого законно назвать "поэмою мистического христианства".

Для Булгакова мистическое играло несколько другую роль. В письме правительству 28 марта 1930 г. он называл главными чертами своего творчества "выступающие в моих сатирических повестях: черные и мистические краски (я - МИСТИЧЕСКИЙ ПИСАТЕЛЬ), в которых изображены бесчисленные уродства нашего быта, яд, которым пропитан мой язык, глубокий скептицизм в отношении революционного процесса, происходящего в моей отсталой стране, и противопоставление ему излюбленной и Великой Эволюции, а самое главное - изображение страшных черт моего народа, тех черт, которые задолго до революции вызывали глубочайшие страдания моего учителя М. Е. Салтыкова-Щедрина".

"Мистическим писателем" Булгаков называет себя здесь в ироническом смысле, а мистическое для него - только художественный прием, призванный помочь созданию современной сатиры. Незадолго до смерти писатель признался своему другу драматургу Сергею Ермолинскому (1904-1984): "Я не церковник и не теософ". Воланд и другие представители потусторонних сил в "Мастере и Маргарите" - целиком плод фантазии, они подчеркнуто отделены от действительности.

Б. же, будучи мистиком, был убежден в возможности постижения реального существования как Бога, так и дьявола. Поэтому даже в целиком фантастической "Северной" симфонии бытие Бога написано автором вполне реалистично: Б. подобным образом представлял себе надмирность. В романах эпопеи "Москва" инфернальными чертами наделены персонажи дореволюционной московской жизни: автор как бы намекает читателям на возможное воплощение в них сил зла.

В период создания эпопеи Б. в письме к литературоведу и критику Р. В. Иванову-Разумнику (1878-1946) 23 октября 1927 г. так отзывался о К. Н. Васильевой: "Она - первая меня поняла в моей антропософии... Она одна из всех москвичей с невероятной чуткостью поняла, в какой мрак я ушел (я в те дни уже решил ехать за границу); и она нашла слова... И я - вернулся в Москву с решением: мне быть в России".

Антропософом Б. оставался до конца жизни. Любовь им также понималась мистически, как любовь не только к человеку, но и в воплощенному в нем миру света или тьмы, Добра или Зла. В предисловии к четвертой симфонии "Кубок метелей" Б. утверждал, что "хотел изобразить всю гамму той особого рода любви, которую смутно предощущает наша эпоха, как предощущали ее и раньше Платон, Гёте, Данте, - священной любви".

Авторский монолог Булгакова в "Мастере и Маргарите" обращен к иной любви: "За мной читатель! Кто сказал тебе, что нет на свете настоящей, верной, вечной любви? Да отрежут лгуну его гнусный язык". Здесь любовь, хоть и вечная, но земная, к человеку, а не к символу. Для Б. же еще в программной статье 1903 г. "Символизм как миропонимание" вне всякого сомнения остается основополагающее утверждение: "Не событиями захвачено все существо человека, а символами иного".

Булгаков такое мироощущение не разделял, и на смерть Б., согласно дневниковой записи Е. С. Булгаковой от 14 января 1934 г., отреагировал совсем не по древнему правилу ("о мертвых - либо хорошо, либо ничего"): " - Всю жизнь, прости господи, писал дикую ломаную чепуху... В последнее время решил повернуться лицом к коммунизму, но повернулся крайне неудачно... Говорят, благословили его чрезвычайно печальным некрологом".

Косность МХАТа и обида на Белого
Разница мировоззрений двух писателей
Булгаков - противник аскетизма
Он не любит классика Белого и называет его "великим лгуном"
Читайте продолжение>>>

« Назад
Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Белый А., часть 7 ~

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7 8

Тут сказалось раздражение по поводу критики Б. мхатовской постановки "Мертвых душ" по булгаковской инсценировке. На обсуждении спектакля во Всероскомдраме 15 января 1933 г. Б. заявил: "Возмущение, презрение, печаль вызвала во мне постановка "Мертвых душ" в МХАТе, - так не понять Гоголя! Так заковать его в золотые, академические ризы, так и не суметь взглянуть на Россию его глазами! И это в столетний юбилей непревзойденного классика. Давать натуралистические усадьбы николаевской эпохи, одну гостиную, другую, третью и не увидеть гоголевских просторов... гоголевской тройки, мчащей Чичикова-Наполеона к новым завоеваниям... Позор!"

Эти резкие слова по отношению к Булгакову были несправедливы, и тем горше была обида автора инсценировки: Б. не мог знать, что в ранних редакциях "Мертвых душ", а позднее в булгаковском киносценарии как раз и была сделана успешная попытка взглянуть на Россию глазами Гоголя, не устроившая, к сожалению, МХАТ.

Однако булгаковская критика Б. была вызвана не только этим обстоятельством, а в первую очередь разницей мировоззрений двух писателей. У Булгакова вызывала неприятие направленность сатиры Б. исключительно на дореволюционное прошлое (это давало возможность автору "Петербурга" публиковаться и в советское время, в отличие от современного сатирика - создателя "Роковых яиц" и "Собачьего сердца").

Творец "Мастера и Маргариты" не разделял антропософских увлечений Б. Если для последнего заключенный в явлении символ означал вне явления лежащую сущность, надмирную или потустороннюю, то для Булгакова символ выступал как прием, помогающий раскрытию внутренней сути явлений. Произведения Б. давали богатый материал символов, почерпнутых из всей мировой культуры, и автор "Мастера и Маргариты" использовал его, переиначив в соответствии с собственными мировоззренческими установками.

Антропософия, которой увлекался Б., проповедовала аскетизм как один из вариантов духовного пути. Например, в марте 1913 г., по записи Б., "Ася объявляет мне, что в антропософии она окончательно осознала свой путь, как аскетизм, что ей трудно быть мне женой, что мы отныне будем жить братом и сестрой", в связи с чем Б. в ноябре того же года констатировал: "Ася объявляет мне, чтобы мы не говорили друг с другом на темы наших путей, я ощущаю, что в точке священнейшей Ася покидает меня, отъединяется, ускользает".

Антропософское учение Р. Штейнера находило в Б. уже удобренную почву. Еще до знакомства с главой Антропософского общества Б. в романе (или повести) "Серебряный голубь" (1910), продолжением которого явился "Петербург", запечатлел старообрядческую мистическую секту аскетического толка. Булгаков подобный мистический аскетизм в "Мастере и Маргарите" высмеял словами Воланда, обращенными к скаредному аскету и вору, буфетчику Театра Варьете Сокову, только что узнавшему о близкой смерти: "... Что-то, воля ваша, недоброе таится в мужчинах, избегающих вина, игр, общества прелестных женщин, застольной беседы. Такие люди или тяжко больны, или втайне ненавидят окружающих... Да я и не советовал бы вам ложиться в клинику, - какой смысл умирать в палате под стоны и хрип безнадежных больных. Не лучше ли устроить пир на эти двадцать семь тысяч и, приняв яд, переселиться в другой мир под звуки струн, окруженным хмельными красавицами и лихими друзьями?" (в тот момент автор романа уже знал о безнадежности своей болезни).

Сохранилась чрезвычайно интересная зарисовка отношений Б. и Булгакова в воспоминаниях П. Н. Зайцева, зафиксировавшего и первую встречу писателей: "...Поэты, члены нашего кружка (имеется в виду литературный кружок, собиравшийся на квартире П. Н. Зайцева и преобразованный позднее в издательскую артель "Узел"; членами кружка были Павел Антокольский (1896-1978), Борис Пастернак (1890-1960), Софья Парнок (1885-1933), Владимир Луговской (1901-1957), Илья (Карл) Сельвинский (1899-1968) и др.), собиравшиеся у меня в Староконюшенном, просили уговорить Булгакова прочитать повесть на одном из собраний. Всем очень хотелось его послушать. Я передал Михаилу Афанасьевичу их просьбу, и в первое же собрание он читал "Роковые яйца". Булгаков читал хорошо, и все слушатели высоко оценили редкостное дарование автора - сочетание реальности с фантастикой. Среди присутствовавших у меня поэтов находился Андрей Белый. Ему очень понравилась повесть. Мне кажется, что при всем различии творческих индивидуальностей их обоих сближал Гоголь. А. Белый считал, что у Булгакова редкостный талант. Через год, в 1925 г., Белый написал первый том романа "Москва", где центральным персонажем был также гениальный первооткрыватель, профессор Коробкин, подобно профессору Персикову у Булгакова, прокладывающий новые пути в науке: в "Р. я." открывается "луч жизни", а в "М." Коробкин освобождает на благо и пользу человечества сверхэнергию атома.

Но странно: если А. Белый с интересом относился к Булгакову, ценил его как интересного, оригинального писателя, то Булгаков не принимал Белого.

Помню, однажды несколько позже я в разговоре с Михаилом Афанасьевичем произнес имя Белого.

- Ах, какой он лгун, великий лгун... - воскликнул Булгаков. - Возьмите его последнюю книжку (роман "Москва". - П. З.). В ней на десять слов едва наберется два слова правды! И какой он актер!".

О сходстве судеб двух писателей, "на родине, как в могиле", подозрительных цензорах и булгаковской угрозе властям читайте завершение>>>

« Назад

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Белый А., часть 8 ~

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7 8

Булгаков не мог не знать о близости П. Н. Зайцева Б., чьим литературным секретарем он фактически являлся, однако предпочел прямо высказать свое негативное отношение к автору "Московского чудака". Чтение у П. Н. Зайцева и знакомство Б. с Булгаковым произошло, скорее всего, 3 декабря 1924 г., в среду, так как П. Н. Зайцев сообщал поэту Максимилиану Волошину (Кириенко-Волошину) (1877-1932) в письме от 7 декабря 1924 г.: "Мы собираемся по средам. Читали: А. Белый - свой новый роман, М. Булгаков - рассказ "Роковые яйца". Несомненно, речь идет о чтении Б. первых двух глав романа "Московский чудак", которые в декабре 1924 г. писатель сдал в московское издательство "Круг".

Б. ощущал какую-то внешнюю похожесть (при несходстве внутреннего содержания) своей судьбы и булгаковской. П. Н. Зайцев зафиксировал такое высказывание Б.: "Прекрасно отзывался о Булгакове, считая его талантливым писателем, с прекрасной выдумкой, подлинным остроумием. Его подкупала фантастичность и сатиричность М. Булгакова".

Поэтому, когда в сентябре 1930 г. издательство "Федерация" хотело отказаться от печатания романа "Маски" якобы из-за нехватки бумаги, Б. шутливо заметил П. Н. Зайцеву: "- Булгаков стал режиссером МХАТа, а я пойду в режиссеры к Мейерхольду". Здесь сказалось принципиальное несходство эстетических позиций - Б. тяготел к Мейерхольду, которого Булгаков, возможно, не понимал и уж точно не принимал. В 1928 г. Мейерхольд собирался поставить драму "Москва" по эпопее Б., написавшего инсценировку, но спектакль так и не был осуществлен. Б. не исключал, что в случае отказа от публикации его сочинений, придется, как и Булгаков, делать вынужденную театральную карьеру.

Автор "Петербурга" и "Москвы" чувствовал себя на родине как в могиле, после того, как в 1922 г. один из вождей большевиков Л. Д. Троцкий в статье в "Правде", а в следующем году в программной книге "Литература и революция" объявил: "Белый - покойник и ни в каком духе он не воскреснет". В связи с этим Б. в статье "Почему я стал символистом и почему я не переставал им быть во всех фазах моего идейного и художественного развития" признавался: "Я вернулся в свою "могилу" в 1923 году, в октябре: в "могилу", в которую меня уложил Троцкий, за ним последователи Троцкого, за ними все критики и все "истинно живые" писатели... Я был "живой труп".

"Воскреснуть" Б. удалось только благодаря обретенному еще до революции положению "живого классика" с европейской известностью. Новой власти было лестно, по крайней мере в 20-е годы, что такой писатель готов ее признать. Б. выделили своеобразную "нишу" - романы из дореволюционного прошлого, исследование Гоголя, мемуары (правда, если они касались скользких мистических сюжетов, вроде воспоминаний о Р. Штейнере, то не публиковались). Б. позволили не восхвалять в своих книгах социалистического настоящего, сохраняя, однако, фактический запрет сатиры на советскую действительность.

У Булгакова дореволюционный писательской славы не было, и к концу 20-х годов он оказался настоящим "живым трупом", когда все пьесы были сняты со сцены и существовал фактический запрет на публикацию прозы. К 1934 г., моменту смерти Б., положение почти не улучшилось: кроме возобновления "Дней Турбиных", режиссерской поденщины во МХАТе и инсценировки "Мертвых душ", разруганной Б., радоваться было нечему, так что судьба Б. по сравнению с булгаковской все же была завидной - почти все, созданное после 1923 г., оказалось изданным при жизни автора "Петербурга".

Вероятно, Булгаков действительно завидовал Б., тем более что даже попытки уйти от современности и обратиться к истории, как в биографии "Мольер" и пьесе "Кабала святош", успеха не принесли. Репутация злободневного писателя, созданная "Днями Турбиных" и сатирическими повестями, заставляла цензоров с подозрением относиться к самому имени Булгакова на титуле любого произведения, даже не относящегося к современности.

У Б. репутация была противоположной: писателя, витающего в мистическом тумане, и от современности далекого. Тот же Л. Д. Троцкий убеждал: "Воспоминания Белого о Блоке - поразительные по своей бессюжетной детальности и произвольной психологической мозаичности - заставляют удесятеренно почувствовать, до какой степени это люди другой эпохи, другого мира, прошлой эпохи, невозвратного мира... Белый... ищет в слове, как пифагорейцы в числе, второго, особого, сокрытого, тайного смысла. Оттого он так часто загоняет себя в словесные тупики".

Проза Б. была доступна лишь узкому кругу подготовленных читателей, в отличие от прозы Булгакова, и власть не считала ее опасной для себя. Поэтому литературная судьба Б. сложилась удачнее булгаковской. Художественная фантазия Б. в инфернальных образах все-таки отражала его представления о реальном бытие Бога и потусторонних сил. Булгаковская инфернальная фантастика отражала только современное писателю бытие.

Отрицательное отношение Булгакова к Б. зафиксировано и в дневнике "Под пятой" в связи с чтением Б. на собрании у П. Н. Зайцева воспоминаний о Валерии Брюсове. 16 января 1925 г. автор дневника записал: "Позавчера был у П. Н. Зайцева на чтении А. Белого... Белый в черной курточке. По-моему, нестерпимо ломается и паясничает

Говорил воспоминания о Валерии Брюсове. На меня все это произвело нестерпимое впечатление. Какой-то вздор... символисты... "Брюсов дом в 7 этажей".

- Шли раз по Арбату... И он вдруг спрашивает (Белый подражал, рассказывая это в интонации Брюсова): "Скажите, Борис Николаевич, как по-Вашему - Христос пришел только для одной планеты или для многих?" Во-первых, что я за такая Валаамова ослица - вещать, а, во-вторых, в этом почувствовал подковырку...

В общем, пересыпая анекдотиками, порой занятными, долго нестерпимо говорил... о каком-то папоротнике... о том, что Брюсов был "Лик" символистов, но в то же время любил гадости делать...

Я ушел, не дождавшись конца. После "Брюсова" должен был быть еще отрывок из нового романа Белого. Mercі".

« Назад Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции 5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н О П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Троцкий Л. Д. ~

Страницы: 1 2

Троцкий (настоящая фамилия **Бронштейн**),**Лев (Лейба) Давидович** (1879-1940) - советский государственный, партийный и военный деятель, публицист. Его фигура привлекла внимание Булгакова, неоднократно упоминавшего Т. в своем дневнике и других произведениях.

Т. родился 26 октября (7 ноября) 1879 г. в деревне Яновка Елисаветградского уезда Херсонской губернии (ныне - Украина) в семье зажиточного еврейского колониста. Учился в Одесском, затем в Николаевском реальных училищах, в последний год учебы создал в Николаеве Южнорусский рабочий союз для борьбы за социальные права. В январе 1898 г. арестован в Одессе и заключен в тюрьму. В конце 1899 г. сослан на 4 года в Восточную Сибирь, в Иркутскую губернию. По дороге в ссылку в Бутырской пересыльной тюрьме женился на Александре Львовне Соколовской (1872-1935?), но их брак после рождения двух дочерей, Зинаиды (в замужестве Волковой) (1900-1933), впоследствии покончившей с собой в Берлине, и Нины (в замужестве Невельсон) (1902-1928), умерший позднее в Москве от туберкулеза, распался в 1902 г. после побега Т. из сибирской ссылки.

С марксистской теорией Т. познакомился в 1898-1899 гг. в одесской тюрьме. В 1902 г. бежал из ссылки за границу, в Лондоне впервые встретился с В. И. Лениным, знавшим его по статьям в иркутской газете "Восточное обозрение". С 1903 г. жил в гражданском браке с Натальей Александровной Седовой (1882-1962). У них было два сына - Лев (1906-1938), умерший в Париже подозревали, что к его смерти причастна советская агентура), и Сергей (1908-1937), расстрелянный НКВД.

В 1903 г. Т. занял на II съезде Российской Социал-Демократической Партии промежуточную позицию между большевиками и меньшевиками. В начале 1905 г. вернулся в Россию, в октябре стал заместителем председателя и фактическим руководителем Петербургского совета рабочих депутатов. В декабре 1905 г. арестован, в ноябре 1906 г. осужден на вечное поселении в Сибири, по пути в ссылку вновь бежал за границу. В начале апреля (ст. ст.) 1917 г. по пути из США в Россию британские власти в Канаде поместили Т. в лагерь для интернированных лиц как человека, опасного для нового русского правительства и интересов союзников. Освобожден по требованию Временного правительства, сделанному под нажимом Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Вернулся в Петроград в мае 1917 г., сблизился с Лениным, в июле вместе с возглавляемой им отколовшейся от меньшевиков Межрайонной организацией РСДРП вступил во фракцию большевиков, стал членом ЦК.

Т. принял самое активное участие в подготовке и проведении Октябрьского переворота, обеспечил привлечение на сторону восстания петроградского гарнизона. 25 сентября 1917 г. стал председателем Петроградского совета. 26 октября 1917 г. был назначен наркомом иностранных дел. 14 марта 1918 г. стал наркомом по военным (позднее - и морским делам), а 2 сентября 1918 г. - председателем Революционного Военного совета Республики. Т. - главный организатор и руководитель Красной Армии в 1918-1925 гг. Как член Политбюро в 1917 и 1919-1926 гг. и как один из ведущих деятелей правительства являлся активным проводником политики красного террора, осуществлявшейся советским руководством в 1918-1920 гг. С начала 20-х годов вел борьбу с И. В. Сталиным за власть в партии и государстве, но потерпел поражение и в 1927 г. был исключен из ВКП(б). В начале 1928 г. Т. сослали в г. Алма-Ата (ныне Казахстан), а в январе 1929 г. изгнали из СССР. В 1929-1933 гг. Т. жил на Принцевых островах в Турции вблизи Стамбула, в 1933-1935 гг. - во Франции, в 1935-1936 гг. - в Норвегии, с января 1937 г. - в Мексике, на вилле в пригороде Мехико Койоакане.

Занимался активной публицистической деятельностью, направленной против Сталина и других руководителей советской компартии и государства и их сторонников в компартиях других стран, поддерживал связи со своими сторонниками в СССР и в международном коммунистическом движении. 20 августа 1940 г. смертельно ранен ударом альпенштока в затылок агентом НКВД испанцем Рамоном Меркадером, умер 21 августа 1940 г. от последствий ранения. Похоронен в Койоакане, где на вилле создан его музей.

Т. - автор большого числа публицистических работ, в том числе двухтомной художественной автобиографии "Моя жизнь" (1930), а также книг "Уроки Октября" (1924), "Литература и революция" (1923), двухтомной политической биографии "Сталин" (1940), трехтомника "Как вооружалась революция" (1923-1925) и др. Общий объем публицистического наследия Т. превышает 80 томов.

Булгакова привлекала незаурядная личность Т. - главного военного вождя большевиков во время гражданской войны, против которых будущему автору "Белой гвардии" довелось воевать несколько месяцев в качестве военного врача Вооруженных сил Юга России на Северном Кавказе. В дневнике "Под пятой" писатель откликнулся на временное отстранение Т. по болезни от исполнения должностных обязанностей, расценив это как поражение председателя Реввоенсовета в борьбе за власть. 8 января 1924 г. публикации в газетах соответствующего бюллетеня Булгаков прокомментировал однозначно: "Итак, 8-го января 1924 г. Троцкого выставили. Что будет с Россией, знает один Бог. Пусть он ей поможет".

Очевидно, он считал победу Т. меньшим злом по сравнению с приходом к власти Сталина и тесно блокировавшихся с ним в тот период Г. Е. Зиновьева (Радомышельского-Апфельбаума) (1883-1936) и Л. Б. Каменева (Розенфельда) (1883-1936), женатого, кстати, на сестре Т. Ольге. Писатель не разделял распространенного мнения, что столкновение Т. с остальными членами Политбюро может привести к вооруженному противоборству и массовым беспорядкам. В записи, сделанной в ночь с 20 на 21 декабря 1924 г., Булгаков назвал самым главным событием последних двух месяцев "раскол в партии, вызванный книгой Троцкого "Уроки Октября", дружное нападение на него всех главарей партии во главе с Зиновьевым, ссылка Троцкого под предлогом болезни на юг и после этого - затишье. Надежды белой эмиграции и внутренних контрреволюционеров на то, что история с троцкизмом и ленинизмом приведет к кровавым столкновениям или перевороту внутри партии, конечно, как я и предполагал, не оправдались. Троцкого съели, и больше ничего. Анекдот:

- Лев Давидыч, как ваше здоровье?

- Не знаю, я еще не читал сегодняшних газет. (Намек на бюллетень о его здоровье, составленный в совершенно смехотворных тонах)". И в анекдоте, и в основном тексте записи есть некоторое сочувствие Т. Противники председателя Реввоенсовета названы "главарями", которые "съели" своего товарища по партии.

В ранней редакции пьесы "Дни Турбиных", создававшейся в 1925 г., Мышлаевский посреди застолья предлагает выпить за здоровье Т., потому что он "симпатичный", а в финале вполне трезво говорит: "Троцкий. Великолепная личность. Очень рад. Я бы с ним познакомился и корпусным командиром назначил бы..." Премьера "Дней Турбиных" происходила в октябре 1926 г., когда Т. уже официально оказался в опале, и всякое упоминание его имени в положительном контексте в мхатовской пьесе оказалось невозможным. Для Булгакова Т. - противник, но противник достойный уважения.

Не исключено, что писателю довелось слышать выступление Т. в Киеве летом 1919 г. Знаменитый хореограф Серж Лифарь (1905-1986), учившийся тогда в Киевской школе младших командиров, описал эту речь и события с ней связанные в "Мемуарах Икара" (1983): "Неожиданно объявили о прибытии в Киев пресловутого "Красного Наполеона" - Троцкого, знаменитого изобретателя "перманентной революции". На площади Софийского собора он намеревался выступить с пространной речью перед молодыми курсантами Красной Армии, с тем, чтобы воодушевить их и мобилизовать все силы на борьбу с белыми.

Будучи в первых рядах, мы должны были выслушать эту скучную речь. Однако большинство преподавателей... оставались до глубины души преданными старому режиму. Созрел заговор. Нам предстояло пробраться в первый ряд, встать в нескольких шагах от оратора и совершить покушение - бросить в него гранату. Набрали добровольцев. Я оказался среди них, так как прочно впитал идеалы верности олицетворяемому Россию царю, чье чудовищное убийство и уничтожение всей его семьи привело нас в глубочайшее смятение. Решено было бросить жребий среди добровольцев, дабы назначить исполнителя казни. Жребий мог пасть на меня, но этого не произошло. Он выпал на долю одного из моих товарищей. Может быть, ловкие привлекательные аргументы оратора взволновали его, или остановил страх за собственную судьбу, ожидавшую его в связи с поступком, который он намеревался совершить, но он воздержался от выполнения обещания, так и не вытащив гранату из кармана".

Возможно, Булгаков был в тот день на Софийской площади и внимал "ловким привлекательным аргументам" Т., незаурядного оратора, сумевшего, очевидно, даже потенциального террориста убедить отказаться от своего намерения. В последнем булгаковском романе "Мастер и Маргарита" Иешуа Га-Ноцри называет "добрым человеком" прокуратора Понтия Пилата, у которого репутация "свирепого чудовища", и хладнокровного палача кентуриона Марка Крысобоя, причем в ранней редакции Марк был назван не просто добрым, а "симпатичным". Вероятно, вольно или невольно Булгаков отразил в этом образе и свои впечатления от "зловещей фигуры Троцкого", как писал он в 1919 г. в фельетоне "Грядущие перспективы". Автор "Мастера и Маргариты" был убежден, что начатки добра могут сохраняться у самых жестоких с виду людей, в том числе и у прославившегося в годы гражданской войны своей беспощадностью Т.

Марк Крысобой выполняет функции военного командира при верховном правителе Иудеи Понтии Пилате - фактически ту же роль, что играл Т. при Ленине. Интересно, что Ленин послужил одним из прототипов Воланда, функционально тождественного Понтию Пилату. В белой армии именно Т. считали главным архитектором побед красных и испытывали чувства ненависти и уважения одновременно. Т. вполне позитивно изображен в миниатюре "Четыре портрета" из фельетона "Московские сцены", зато в "Белой гвардии" он уподоблен ангелу-губителю Аваддону-Аполлиону из Апокалипсиса. В "Мастере и Маргарите" Аваддон превратился в демона войны Абадонну, в котором также отразился Т.

В варианте окончания "Белой гвардии", не увидевшем свет из-за закрытия журнала "Россия", возможно, отразились впечатления от митинга на Софийской площади, где выступал Т.: "- Поздравляю вас, товарищи, - мгновенно изобразил Николка оратора на митинге, - таперича наши идут: Троцкий, Луначарский и прочие, - он заложил руку за борт блузы и оттопырил левую ногу. -
Ппр-авильно, - ответил он сам себе от имени невидимой толпы, а затем зажал рот руками и изобразил, как солдаты на площади кричат "ура".

- У а а а !!

Шервинский ткнул пальцами в клавиши.

Соль... ... ...до.

Проклятьем заклейменный.

В ответ оратору заиграл духовой оркестр. Иллюзия получилась настолько полная, что Елена вначале подавилась смехом, а потом пришла в ужас.

- Вы с ума сошли оба. Петлюровцы на улице!

- У а а а ! Долой Петлю!.. ап!

Елена бросилась к Николке и зажала ему рот".

Для героев "Белой гвардии", как и для самого Булгакова, Т. нес хоть какой-то, пусть жестокий, но порядок, по сравнению со стихийной разнузданностью войск С. В. Петлюры, чья фамилия здесь превращается в зловещую "петлю". Олицетворением нового порядка выступает Т. и в "Четырех портретах".

"Литература и революция"
Пророчества Троцкого
Кто не любит Салтыкова-Щедрина - тот негодяй и свинья!
Бегемот читал Троцкого?
Читайте в завершении »»»

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций
Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы
Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи
Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта
Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

В предисловии к книге "Литература и революция" председатель Реввоенсовета писал, что "царская цензура была поставлена на борьбу с силлогизмом... Мы боролись за право силлогизма против цензуры. Силлогизм сам по себе - доказывали мы при этом - бессмысленен. Вера во всемогущество отвлеченной идеи наивна. Идея должна стать плотью, чтобы стать силой... И у нас есть цензура, и очень жестокая. Она направлена не против силлогизма... а против союза капитала с предрассудком. Мы боролись за силлогизм против самодержавной цензуры, и мы были правы. Наш силлогизм оказался не бесплотным. Он отражал волю прогрессивного класса и вместе с этим классом победил. В тот день, когда пролетариат прочно победит в наиболее могущественных странах Запада, цензура революции исчезнет за ненадобностью..."

Здесь же Т. предрекал: "В Европе и Америке предстоят десятилетия борьбы... Искусство этой эпохи будет целиком под знаком революции. Этому искусству нужно новое сознание. Оно непримиримо прежде всего с мистицизмом, как открытым, так и переряженным в романтику, ибо революция исходит из той центральной идеи, что единственным хозяином должен стать коллективный человек и что пределы его могущества определяются лишь познанием естественных сил и умением использовать их".

Булгаков в письме Правительству от 28 марта 1930 г. полемизировал в скрытой форме с этими положениями Т.: "Борьба с цензурой, какая бы она ни была и при какой бы власти она не существовала, мой писательский долг, так же как и призывы к свободе печати. Я горячий поклонник этой свободы и полагаю, что, если кто-нибудь из писателей задумал бы доказывать, что она ему не нужна, он уподобился бы рыбе, публично уверяющей, что ей не нужна вода... Вот одна из черт моего творчества, и ее одной совершенно достаточно, чтобы мои произведения не существовали в СССР. Но с первой черточкой связи все остальные, выступающие в моих сатирических повестях: черные и мистические краски (я - МИСТИЧЕСКИЙ ПИСАТЕЛЬ), в которых изображены бесчисленные уродства нашего быта, яд, которым пропитан мой язык, глубокий скептицизм в отношении революционного процесса, происходящего в моей отсталой стране, и противупоставление ему излюбленной и Великой Эволюции, а самое главное - изображение страшных черт моего народа, тех черт, которые задолго до революции вызывали глубочайшие страдания моего учителя М. Е. Салтыкова-Щедрина".

Пикантность ситуации заключалась в том, что предполагаемым читателем этого письма должен был стать Сталин, только что сокрушивший Т. во внутрипартийной борьбе. Правда, неизвестно, читал ли генеральный секретарь "Литературу и революцию". Булгаков демонстративно заявлял себя противником цензуры во всех ее видах и "мистическим писателем", хотя и романтического направления. Главный герой "Мастера и Маргариты", обретающий последний приют в потустороннем мире Воланда, назван "романтическим мастером". Идеям Т. и других вождей большевиков о победе мировой пролетарской революции писатель противопоставлял принцип Великой Эволюции.

Впечатление, что в письме от 28 марта 1930 г. есть заочный спор с Т. усиливается, если прочесть следующие рассуждения из статьи "Об интеллигенции", включенной в сборник "Литература и революция". Т. утверждал, что в годы реакции "не любили Салтыкова. Это не простой вопрос изменчивых литературных вкусов, а нравственная характеристика эпохи... Образы негодяя - "властителя дум современности", торжествующей свиньи и "либерала применительно к подлости" были невыносимы для эпохи, которая меньшиковщину (по имени популярного реакционного журналиста газеты "Новое время" М. О. Меньшикова (1859-1918), впоследствии расстрелянного большевиками по обвинению в антисемитизме) дополнила веховщиной (от названия известного сборника статей русских религиозных философов "Вехи" (1909) ".

Тут же Т. резко критиковал мысль о русской интеллигенции как главной пружине исторического развития: "- Смотрите, - говорят, - какой мы народ: особенный, избранный... То есть народ-то наш, собственно, если до конца договаривать, дикарь: рук не моет и ковшей не полощет, да зато уж интеллигенция за него распялась... не живет, а горит - полтора столетия подряд. Интеллигенция переживает культурные эпохи - за народ. Интеллигенция выбирает пути развития - для народа. Где же происходит вся эта титаническая работа? Да в воображении той же самой интеллигенции!" Булгаков же в письме правительству от 28 марта 1930 г. одной из главных черт своего творчества назвал "упорное изображение русской интеллигенции как лучшего слоя в нашей стране".

В статье под парадоксальным и броским названием "Попрание силлогизма", вошедшей в книгу "Литература и революция", Т. утверждал: "Революционное XVIII столетие стремилось установить царство силлогизма. Наши "60-е годы" тоже проникнуты были духом рационализма. Воинственный силлогизм в обоих случаях был отрицанием неразумных идей и учреждений... Рационализм не согласен и не способен считаться со слепой инерцией, заложенной в исторические факты. Он хочет все проверить разумом и перестроить. А так как далеко не у всех общественных учреждений логически сведены концы с концами, то силлогизм не может не представляться им крайне беспокойным и подозрительным субъектом. Цензура и есть ведь не что иное, как инспекция над силлогизмом. Диалектика не отметает силлогизма, наоборот, она усыновляет его. Она дает ему плоть и кровь, и вооружает его крыльями - для подъема и спуска".

Здесь вспоминается диалог Воланда и Бегемота перед Великим балом у сатаны. Кот-оборотень, любимый шут "князя тьмы", считает, что его речи представляют собой "вереницу прочно упакованных силлогизмов, которые оценили бы по достоинству такие знатоки, как Секст Эмпирик, Марциан Капелла, а то, чего доброго, и сам Аристотель". Махинацию же с королем во время неудачно складывающейся шахматной партии с Воландом хитрый кот проделывает благодаря тому, что внимание присутствовавших было отвлечено шумом крыльев якобы разлетевшихся попугаев. Эти невидимые крылья - как бы пародия на слова Т. о марксизме, вооружающем силлогизм крыльями.

Слова сатаны, обращенные к Бегемоту: "на кой черт тебе нужен галстук, если на тебе нет штанов" и "партия его в безнадежном положении", равно как и ответ кота: "Положение серьезное, но отнюдь не безнадежное, больше того: я вполне уверен в конечной победе", - возможно, высмеивают попытки большевиков одурманить ниций народ сказками о коммунистическом рае после победы мировой революции и пародируют постоянно высказывавшуюся Т. уверенность в конечной победе, несмотря на очевидную (для Булгакова - уже в 1924 г.) безнадежность положения группы Т. во Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков) и международном коммунистическом движении. Писатель здесь пародировал не только веру в социалистическую утопию и торжество всемирной пролетарской революции, свойственную Т. до конца его дней, но и вообще присущее марксистам стремление свести все проявления живой жизни к цепочке силлогизмов.

В "Мастере и Маргарите" есть еще одна перекличка с "Литературой и революцией". Т. приводит слова великого русского поэта Александра Блока (1880-1921), почерпнутые из воспоминаний поэтессы Надежды Павлович (1895-1980): "Большевики не мешают писать стихи, но они мешают чувствовать себя мастером... Мастер тот, кто ощущает стержень всего своего творчества и держит ритм в себе", и следующим образом их комментирует: "Большевики мешают чувствовать себя мастером, ибо мастеру надо иметь ось, органическую, бесспорную, в себе, а большевики главную-то ось и передвинули. Никто из попутчиков революции - а попутчиком был и Блок, и попутчики составляют ныне очень важный отряд русской литературы - не несет стержня в себе, и именно поэтому мы имеем только подготовительный период новой литературы, только эпюды, наброски и пробы пера - законченное мастерство, с уверенным стержнем в себе, еще впереди".

В таком же положении, как и Блок, оказывается булгаковский Мастер. Автору романа о Понтии Пилате объективно отказывает в признании, и выпавшие на его долю испытания в конце концов ломают внутренний стержень главного героя "Мастера и Маргариты". Вновь обрести этот стержень он может лишь в последнем приюте Воланда. Сам Булгаков, хотя и наделил Мастера многими чертами своей судьбы, внутренний творческий стержень сохранил на всю жизнь и, по справедливому замечанию враждебной ему критики, выступал в советской литературе как писатель, "не рядящийся даже в попутнические цвета" (эту цитату из статьи главы РАППа Л. Л. Авербаха (1903-1939) в письме к Правительству от 28 марта 1930 г. автор выделил крупным шрифтом). Стержнем была любовь к свободе, стремление говорить правду и проповедовать гуманизм, что и отразилось в этическом идеале, выдвигаемом Иешуа Га-Ноцри.

Булгаков не принимал у Т. классового подхода к литературе и жизни и веры в грядущее торжество и благотворное значение мировой социалистической революции, его центральной идеи, что "единственным хозяином должен стать коллективный человек", пределы могущества которого "определяются лишь познанием естественных сил и умением использовать их". В образе председателя МАССОЛИТа Михаила Александровича Берлиоза, гибнущего в результате несчастного случая от рук комсомолки-вагоновожатой, а не по вине белогвардейцев или интервентов, как раз и спародирована безосновательная уверенность в грядущем всемогуществе социалистического "коллективного человека", в его способности познать и использовать силы природы и перестроить общество по заранее намеченному плану. Другой образец "нового человека" - Полиграф Полиграфович Шариков из повести "Собачье сердце", жуткий гибрид доброго пса и хулигана-пролетария, которого приходится силой возвращать в первобытное собачье состояние, ибо в человеческом облике он грозит погубить как своего создателя профессора Преображенского, так и натравившего его на Преображенского председателя домкома Швондера.

Все же одну мысль автора "Литературы и революции" Булгаков, вероятно, хоть и с оговорками, но принимал. Т. отрицал противопоставление буржуазной и пролетарской культур и утверждал, что "исторический смысл и нравственное величие пролетарской революции в том, что она залагает (надо бы: "закладывает") основы внеклассовой, первой подлинно человеческой культуры". Автор "Мастера и Маргариты" был безусловным приверженцем такой культуры, но явно полагал, что она существовала задолго до 1917 г. и для ее рождения совсем не требовалась "пролетарская революция".

Было близко Булгакову и утверждение Т., содержащееся в третьем томе сборника "Как вооружалась революция": "Наше несчастье, что страна безграмотная, и, конечно, годы и годы понадобятся, пока исчезнет безграмотность, и русский трудовой человек приобщится к культуре". Председатель Реввоенсовета признавал существование русской национальной культуры, рассматривая Красную Армию и коммунистическую Советскую власть "национальным выражением русского народа в настоящем фазисе развития". Булгаков в письме от 28 марта 1930 г. указывал на "страшные черты моего народа", запечатлел отсталость и незатронутость культурой русского мужика в "Записках юного врача", и в том же письме правительству утверждал себя продолжателем русской культурной традиции, подчеркивая в своем творчестве "изображение интеллигентско-дворянской семьи, волею непреложной исторической судьбы брошенной в годы гражданской войны в лагерь белой гвардии, в традициях "Войны и мира".

Именно своеобразная приверженность Т. к национальной культуре, пусть и в совсем иной форме, чем у автора "Белой гвардии", предопределила заинтересованное отношение и даже симпатию к нему со стороны Булгакова. Вероятно, для писателя в образе Т. навсегда слились апокалиптический ангел - губитель белого воинства, яркий оратор и публицист и толковый администратор, пытавшийся упорядочить советскую власть и совместить ее с русской национальной культурой.

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Салтыков-Щедрин М. Е. ~

Салтыков-Щедрин (наст. фамилия: Салтыков, псевдоним: Н. Щедрин) Михаил Евграфович (1826-1889) - русский писатель-сатирик и государственный деятель, оказавший влияние на творчество Булгакова.

Родился 15/27 января 1826 г. в селе Спас-Угол Калязинского уезда Тверской губернии в богатой дворянской семье. Окончил Царскосельский лицей. За близость к социалистическому кружку М. В. Петрашевского (1821-1866) С.-Щ. был сослан в Вятку в 1848-1855 гг. чиновником особых поручений при губернаторе. Непосредственной причиной ссылки послужили сатирические повести "Противоречия" и "Запутанное дело". В 1856 г. вернулся в Санкт-Петербург и обвенчался с Елизаветой Аполлоновной Болтиной. В 1858-1868 гг. С.-Щ. был на государственной службе - вице-губернатором в Твери и Рязани, председателем Казенной палаты в Пензе, Туле и Рязани, получил чин статского советника. В 1868-1884 гг. был редактором "Отечественных записок". 28 апреля (10 мая) 1889 г. скончался в Санкт-Петербурге. Имел сына и дочь.

С.-Щ. - автор многих романов и очерков, преимущественно сатирического характера. Наиболее известные его произведения - "Губернские очерки" (1856-1857), сатирические очерки "Помпадуры и помпадурши" (1863-1874), романы "История одного города" (1869-1870), "Дневник провинциала в Петербурге" (1872), "Господа Головлевы" (1875-1880), "Современная идиллия" (1877-1883), сборники "Сказки" (1869-1886) и "Пошехонская старина" (1887-1889). По довольно точному определению писателя и публициста Николая Чернышевского (1828-1889), С.-Щ. - "писатель по преимуществу скорбный и негодующий".

Булгаков высоко ценил сатиру С.-Щ. В письме правительству от 28 марта 1930 г. самой главной чертой своего творчества писатель назвал "изображение страшных черт моего народа, тех черт, которые задолго до революции вызывали страдания моего учителя М. Е. Салтыкова-Щедрина".

В сентябре-октябре 1933 г. Булгаков по просьбе редакции "Литературного наследства" ответил на две анкеты о творчестве С.-Щ. При жизни писателя они не были напечатаны. Сокращенный вариант одной из них в 1976 г. появился в № 1 журнала "Новый мир", а полностью тексты обеих анкет были опубликованы: Творчество Михаила Булгакова. Исследования. Материалы. Библиография. Кн. 1. Л.: Наука, 1991.

Булгаков утверждал, что "начал знакомиться с произведениями Щедрина, будучи, примерно, в тринадцатилетнем возрасте, причем, эти произведения мне чрезвычайно понравились. В дальнейшем я продолжал их читать и перечитывать, постоянно возвращаясь к ним".

Он назвал роль С.-Щ. в формировании своего мировоззрения значительной. Булгаков признавался: "Влияние на меня Салтыков оказал чрезвычайное, и, будучи в юном возрасте, я решил, что относиться к окружающему надлежит с иронией. Сочиняя для собственного развлечения обличительные фельетоны, я подражал приемам Салтыкова, причем немедленно добился результатов: мне не однажды приходилось ссориться с окружающими и выслушивать горькие укоризны. Когда я стал взрослым, мне открылась ужасная истина. Атаманы-молодцы, беспутные Клемантинки, рукосуи и лапотники, майор Прыщ и бывший Прохвост Угрюм-Бурчеев пережили Салтыкова-Щедрина. Тогда мой взгляд на окружающее стал траурным".

В связи с вопросом анкеты об оценке С.-Щ. в контексте задач создания советской сатиры автор "Роковых яиц" и "Собачьего сердца" не только рекомендовал "усиленное изучение Щедрина" "каждому из советских сатириков", но и поделился мыслями, выстраданными на собственной шкуре: "...Всякие попытки создать сатиру обречены на полнейшую неудачу. Ее нельзя создать. Она создается сама собой, внезапно. Она создается тогда, когда появится писатель, который сочтет несовершенной текущую жизнь и, негодуя, приступит к художественному обличению ее. Полагаю, что путь такого художника будет весьма и весьма труден".

Булгаков сознавал свое духовное родство с С.-Щ., родство, связанное со сходным положением обоих в литературно-общественной жизни, и это при том, что конкретных параллелей с щедринским творчеством у него почти нет. Сходство скорее на уровне сатирических приемов, а не конкретных образов.

У С.-Щ. не найти таких булгаковских типов как Рокк из "Роковых яиц" или Шариков из "Собачьего сердца", а у Булгакова нет градоначальников из "Истории одного города". Если у С.-Щ. зло персонифицировано в ряде колоритных, из жизни взятых героев, то у Булгакова в сатирических повестях оно чаще обезличено, предстает в виде бездушной государственной машины, противостоящей страдающим от нее интеллигентам и служащим, вроде делопроизводителя Короткова в "Дьяволиаде", профессоров Персикова и Преображенского в "Роковых яйцах" и "Собачьем сердце", Мастера в "Мастере и Маргарите".

Дело здесь в различии характера эпох, в которые творили оба писателя. Расцвет творчества С.-Щ. приходится на царствование Александра II (1855-1881), время великих реформ, когда, несмотря на цензурные препоны и преследования, и общество и власть до определенной степени испытывали потребность в сатире, реагировали на критику.

Во времена Булгакова уже к концу 20-х годов, с окончательным становлением тоталитарного режима, всякая критика власти стала невозможной и опасной, нужда в сатире практически отпала. Позднее, 6 января 1955 г. вдова писателя Е. С. Булгакова писала поэту Самуилу Маршаку (1887-1964) по поводу II съезда Союза советских писателей: "Кажется, Эренбург сказал на съезде: - воображаю, как бы встретили на улице Воровского (в Союзе советских писателей) Маяковского с его первыми стихами! - А я добавлю: - и Салтыкова-Щедрина и Гоголя!"

Когда-то выдающийся русский физиолог И. М. Сеченов (1829-1905) произнес тост за С.-Щ. как за "величайшего диагноста". Булгаков, сам врач по образованию и первой профессии, часто делает медиками или биологами своих героев - автора в "Записках юного врача", Персикова в "Роковых яйцах", Преображенского в "Собачьем сердце". Они выступают диагностами серьезного общественного нездоровья.

Жанр политической сатиры, в котором работал С.-Щ., с конца 20-х годов стал в СССР абсолютно невозможен. Булгаков в 30-е годы создавал "Мастера и Маргариту" - роман философско-сатирический, не зависящий от решения сиюминутных задач, а также "Театральный роман", где объектом сатиры и юмора становилась только театральная сцена и внутритеатральные отношения.

Путь С.-Щ. для автора "Мастера и Маргариты" был закрыт. Поэтому влияние С.-Щ. на булгаковское творчество оказалось не столь значительным, как могло бы быть, принимая во внимание любовь Булгакова к щедринским произведениям.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

"Дьяволиада"

"Дьяволиада" - повесть, имеющая подзаголовок "Повесть о том, как близнецы погубили делопроизводителя".

Опубликована: Недра, М., 1924, №4. Вошла в сборники: Булгаков М. Дьяволиада. М.: Недра, 1925 (2-е изд. - 1926); Булгаков М. Роковые яйца. Рига: Литература, 1928.

"Дьяволиада" была написана в 1923 г. 31 августа 1923 г. Булгаков сообщал в письме своему другу писателю Юрию Слезкину (1885-1947): "Дьяволиаду" я кончил, но вряд ли она где-нибудь пройдет. Лежнев (редактор журнала "Россия" И. Г. Лежнев (Альтшулер) (1891-1955) отказался ее взять".

"Дьяволиада" была принята к печати издательством "Недра", возглавлявшимся Николаем Семеновичем Ангарским (Клестовым) (1873-1941), старым большевиком, отличавшимся неплохим литературным вкусом, ориентированным на русскую классику XIX в. Сохранилась недатированная записка Булгакова сестре Надежде: "Я продал в "Недра" рассказ "Дьяволиада".

26 октября 1923 г. Булгаков записал в дневнике: "Повесть моя "Дьяволиада" принята, но не дают больше, чем 50 руб. за лист... Повесть дурацкая, ни к черту не годная".

Альманах "Недра" с "Дьяволиадой" вышел из печати 25 февраля 1924 г. Единственным заметным откликом на "Дьяволиада" было мнение известного писателя Евгения Ивановича Замятина (1884-1937), впоследствии ставшего булгаковским другом. В статье "О сегодняшнем и современном", опубликованной в №2 журнала "Русский современник" за 1924 г., он отметил: "Единственное модерное ископаемое в "Недрах" - "Дьяволиада" Булгакова. У автора, несомненно, есть верный инстинкт в выборе композиционной установки: фантастика, корнями врастающая в быт, быстрая, как в кино, смена картин - одна из тех (немногих) формальных рамок, в какие можно уложить наше вчера - 19, 20-й год. Термин "кино" - приложим к этой вещи, тем более что вся повесть плоскостная, двухмерная, все - на поверхности и никакой, даже вершковой, глубины сцен - нет. С Булгаковым "Недра", кажется, впервые теряют свою классическую (и ложноклассическую) невинность, и, как это часто бывает, - обольстителем уездной старой девы становится первый же бойкий столичный молодой человек. Абсолютная ценность этой вещи Булгакова - уж очень какой-то бездумной - невелика, но от автора, по-видимому, можно ждать хороших работ". Здесь же Замятин отметил влияние на Д. модернистской прозы начала XX в., прежде всего произведений А. Белого.

Позднее, когда Булгаков уже стал известен как автор пьесы "Дни Турбиных", на "Дьяволиаду" обратили внимание недружественные ему критики. В частности, И. М. Нусинов в 1929 г. в 4-й книге журнала "Печать и революция" так передавал содержание "Дьяволиады": "Мелкий чиновник, который затерялся в советской государственной машине - символе "Дьяволиады"... Новый государственный организм - "Дьяволиада", новый быт - такая "гадость", о которой Гоголь даже понятия не имел".

А. В. Зархи 10 апреля 1927 г. в газете "Комсомольская правда" утверждал: "Для Булгакова наш быт - это действительно фантастическая дьяволиада, в условиях которой он не может существовать..." Булгаков же в письме правительству 28 марта 1930 г. отмечал "черные и мистические краски, в которых изображены бесчисленные уродства нашего быта..."

В "Дьяволиаде" показан гоголевский "маленький человек", ставший жертвой набирающей обороты современной бюрократической машины, причем столкновение Короткова с этой машиной в помутненном сознании уволенного делопроизводителя превращается в столкновение с неодолимой дьявольской силой. Происходящее главный герой воспринимает словно в наркотическом бреду. Тут Булгаков, как и в своем раннем рассказе "Морфий", клинически точно воспроизвел последствия употребления наркотика.

Позднее в "Мастере и Маргарите" в обстоятельства "маленького человека" помещен не мелкий чиновник, а гениальный Мастер, и там уже нечистая сила в лице Воланда и его свиты помогает гению обрести покой, а его труду - бессмертие.

На финал "Дьяволиады", где обезумевший Коротков отбивается от окруживших его агентов уголовного розыска бильярдными шарами, а затем бросается вниз с крыши знаменитого "дома Нирензее" (Б. Гнездниковский пер., 10, где помещалась редакция газеты "Накануне") повлиял конкретный эпизод.

В августе 1923 г. при похожих обстоятельствах погиб некто П. Кротов, глава липового малого торгового предприятия "Смычка". Интересно, что газета с таким названием - орган Первой сельскохозяйственной выставки в СССР упоминается в булгаковском фельетоне "Золотистый город". Кротов отстреливался от преследовавших его милиционеров из нагана, а затем, теснимый снизу и с крыши, выбросился из окна третьего этажа и, тяжелораненый, был добит агентами на перекрестке Маросейки и Армянского переулка. Ранее он был признан "психически неполноценным" и уволен с должности начальника Костромской исправительной колонии. Это обстоятельство фигурировало на процессе его сообщницы баронессы Ольги Григорьевны фон Штейн, проходившем в декабре 1923 г.

Дело Кротова и Штейн отразилось в московских газетах того времени и вряд ли прошло мимо внимания автора "Дьяволиады" Интересно сходство фамилий Кротов и Коротков. Булгаковского героя мальчик-лифтер принимает за похитившего деньги преступника и советует: "Тебе, дяденька, лучше всего наверх, где бильярдные... там на крыше отсидишься, если с маузером". Но в отличие от мошенника и бандита Кротова, Коротков никаких преступлений не свершал, а его сумасшествие - следствие неспособности выбраться из бюрократического лабиринта.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

"Дни Турбиных"

"Дни Турбиных" - пьеса.

Премьера состоялась во МХАТе 5 октября 1926 г. В апреле 1929 г. Д. Т. были сняты с репертуара, а 16 февраля 1932 г. возобновлены и сохранялись на сцене Художественного театра вплоть до июня 1941 г. Всего в 1926-1941 гг. пьеса прошла 987 раз.

При жизни Булгакова не печаталась. Впервые: Булгаков М. Дни Турбиных. Последние дни (А. С. Пушкин). М.: Искусство, 1955. В 1934 г. в Бостоне и Нью-Йорке были опубликованы два перевода Д. Т. на английский язык, выполненные Ю. Лайонсом и Ф. Блохом. В 1927 г. в Берлине появился сделанный К. Розенбергом перевод на немецкий язык второй редакции Д. Т., носившей в русском оригинале название "Белая гвардия" (издание имело двойное название: "Дни Турбиных. Белая гвардия").

Д. Т. были написаны по мотивам романа "Белая гвардия" и первые две редакции пьесы носили одинаковое с ним название. Работу над первой редакцией пьесы "Белая гвардия" Булгаков начал в июле 1925 г. Еще 3 апреля 1925 г. он получил приглашение режиссера МХАТа Б. И. Вершилова придти в театр, где ему предложили написать пьесу на основе романа "Белая гвардия". У Булгакова замысел подобной пьесы зародился еще в январе 1925 г. В какой-то мере этот замысел продолжал идею, осуществленную во Владикавказе в ранней его пьесе "Братья Турбины" в 1920 г. Тогда автобиографические герои (Турбина - девичья фамилия бабушки Булгакова со стороны матери, Анфисы Ивановны, в замужестве - Покровской) были перенесены во времена революции 1905 г. В пьесе "Белая гвардия", как и в романе, Булгаков использовал собственные воспоминания о жизни в Киеве на рубеже 1918-1919 гг.

В начале сентября 1925 г. он читал в присутствии Константина Сергеевича Станиславского (Алексеева) (1863-1938) первую редакцию пьесы в театре. Здесь были повторены почти все сюжетные линии романа и сохранены его основные персонажи. Алексей Турбин еще оставался военным врачом, и среди действующих лиц присутствовали полковники Малышев и Най-Турс. Эта редакция не удовлетворила МХАТ из-за своей затянутости и наличия дублирующих друг друга персонажей и эпизодов. В следующей редакции, которую Булгаков читал труппе МХАТа в конце октября 1925 г., Най-Турс уже был устранен и его реплики переданы полковнику Малышеву. А к концу января 1926 г., когда было произведено окончательное распределение ролей в будущем спектакле, Булгаков убрал и Малышева, превратив Алексея Турбина в кадрового полковника-артиллериста, действительного выразителя идеологии белого движения. Артиллерийским офицером в 1917 г. служил муж сестры Булгакова Надежды Андрей Михайлович Земский (1892-1946). Знакомство с зятем побудило драматурга сделать главных героев Д. Т. артиллеристами.

Теперь наиболее близкий к автору герой - полковник Турбин - давал белой идее катарсис своей гибелью. К этому моменту пьеса в основном сложилась. В дальнейшем под воздействием цензуры была снята сцена в петлюровском штабе, ибо петлюровская вольница в своей жестокой стихии очень напоминала красноармейцев. В ранних редакциях, как и в романе, "оборачиваемость" петлюровцев в красных подчеркивалась "красными хвостами" (шлыками) у них на папахах.

Возражение вызывало название "Белая гвардия". К. С. Станиславский под давлением Главреперткома предлагал заменить его на "Перед концом", которое Булгаков категорически отверг. В августе 1926 г. стороны сошлись на названии "Дни Турбиных" (в качестве промежуточного варианта фигурировала "Семья Турбиных"). 25 сентября 1926 г. Д. Т. были разрешены Главреперткомом только во МХАТе. В последние дни перед премьерой пришлось внести ряд изменений, особенно в финал, где появились все нарастающие звуки "Интернационала", а Мышлаевского заставили произнести здравицу Красной Армии и выразить готовность в ней служить: "По крайней мере, я знаю, что буду служить в русской армии".

Д. Т. пользовались уникальным успехом у публики. Это была единственная пьеса в советском театре, где белый лагерь был показан не карикатурно, а с нескрываемым сочувствием, причем главный его представитель, полковник Алексей Турбин, был наделен явными автобиографическими чертами. Личная порядочность и честность противников большевиков не ставились под сомнение, а вина за поражение возлагалась на штабы и генералов, не сумевших предложить приемлемую для большинства населения политическую программу и должным образом организовать белую армию. За первый сезон 1926/27 гг. Д. Т. прошли 108 раз, больше, чем любой другой спектакль московских театров. Пьеса пользовалась любовью со стороны интеллигентной беспартийной публики, тогда как публика партийная иной раз пыталась устроить обструкцию.

Вторая жена драматурга Л. Е. Белозерская в своих мемуарах воспроизводит рассказ одной знакомой о мхатовском спектакле: "Шло 3-е действие "Дней Турбиных"... Батальон разгромлен. Город взят гайдамаками. Момент напряженный. В окне турбинского дома зарево. Елена с Лариосиком ждут. И вдруг слабый стук... Оба прислушиваются... Неожиданно из публики взволнованный женский голос: "Да открывайте же! Это свои!" Вот это слияние театра с жизнью, о котором только могут мечтать драматург, актер и режиссер". Постановщиком спектакля был Илья Яковлевич Судаков (1890-1969), а главным режиссером - К. С. Станиславский.

Почти вся критика дружно ругала Д. Т. Нарком просвещения А. В. Луначарский (1875-1933) утверждал (в "Известиях" 8 октября 1926 г.), что в пьесе царит "атмосфера собачьей свадьбы вокруг какой-нибудь рыжей жены приятеля", считал ее "полуапологией белогвардейщины", а позднее, в 1933 г., назвал Д. Т. "драмой сдержанного, даже если хотите лукавого капитулянтства". В статье журнала "Новый зритель" от 2 февраля 1927 г. Булгаков отчеркнул следующее: "Мы готовы согласиться с некоторыми из наших друзей, что "Дни Турбиных" циничная попытка идеализировать белогвардейщину, но мы не сомневаемся в том, что именно "Дни Турбиных" - осиновый кол в ее гроб. Почему? Потому, что для здорового советского зрителя самая идеальная слякоть не может представить соблазна, а для вымирающих активных врагов и для пассивных, дряблых, равнодушных обывателей та же слякоть не может дать ни упора, ни заряда против нас. Все равно как похоронный гимн не может служить военным маршем".

Драматург в письме правительству 28 марта 1930 г. отмечал, что в его альбоме вырезок скопилось 298 "враждебно-ругательных" отзывов и 3 положительных, причем подавляющее большинство их было посвящено Д. Т. Практически единственным положительным откликом на пьесу оказалась рецензия Н. Рукавишникова в "Комсомольской правде" от 29 декабря 1926 г. Это был ответ на ругательное письмо поэта Александра Безыменского (1898-1973), назвавшего Булгакова "новобуржуазным отродьем". Рукавишников пытался убедить булгаковских оппонентов, что "на пороге 10-й годовщины Октябрьской революции... совершенно безопасно показать зрителю живых людей, что зрителю порядочно-таки приелись и косматые попы из агитки, и пузатые капиталисты в цилиндрах", но никого из критиков так и не убедил.

В Д. Т. Булгаков, как и в романе "Белая гвардия", ставил целью, по его собственным словам из письма правительству 28 марта 1930 г., "упорное изображение русской интеллигенции, как лучшего слоя в нашей стране. В частности, изображение интеллигентско-дворянской семьи, волею непреложной исторической судьбы брошенной в годы гражданской войны в лагерь белой гвардии, в традициях "Войны и мира". Такое изображение вполне естественно для писателя, кровно связанного с интеллигенцией".

Но в пьесе отображены не только лучшие, но и худшие представители русской интеллигенции. К ним относится полковник Тальберг, озабоченный лишь своей карьерой. Во второй редакции пьесы "Белая гвардия" он вполне шкурнически объяснял свое возвращение в Киев, который вот-вот должны были занять большевики: "Я прекрасно в курсе дела. Гетманщина оказалась глупой опереткой. Я решил вернуться и работать в контакте с советской властью. Нам нужно переменить политические вехи. Вот и все". Своим прототипом Тальберг имел булгаковского зятя, мужа сестры Вари, Леонида Сергеевича Карума (1888-1968), кадрового офицера, сделавшегося, несмотря на свою прежнюю службу у гетмана П. П. Скоропадского (1873-1945) и у генерала А. И. Деникина (1872-1947), преподавателем красноармейской стрелковой школы (из-за Тальберга Булгаков рассорился с семейством Карум).

Но для цензуры столь раннее "сменовеховство" такого несимпатичного персонажа, как Тальберг, было неприемлемо. В окончательном тексте Д. Т. свое возвращение в Киев ему пришлось объяснять командировкой на Дон к генералу П. Н. Краснову (1869-1947), хотя оставалось неясно, почему не отличающийся храбростью Тальберг выбрал столь рискованный маршрут. Внезапно вспыхнувшая любовь к жене Елене в качестве объяснения этого поступка выглядела довольно фальшиво, поскольку прежде, поспешно уезжая в Берлин, Тальберг не проявлял заботы об оставляемой супруге. Возвращение же обманутого мужа прямо к свадьбе Елены с Шервинским нужно было Булгакову для создания комического эффекта и окончательного посрамления Владимира Робертовича.

Под давлением Главреперткома и МХАТа, наоборот, существенную эволюцию в сторону сменовеховства и охотного принятия Советской власти претерпел симпатичный Мышлаевский. Для подобного развития образа был использован литературный источник - роман Владимира Зазубрина (Зубцова) (1895-1937) "Два мира" (1921). Там поручик колчаковской армии Рагимов следующим образом объяснял свое намерение перейти к большевикам: "Мы воевали. Честно рэзали. Наша не бэрет. Пойдем к тем, чья бэрет... По-моему, и родина, и революция - просто красивая ложь, которой люди прикрывают свои шкурные интересы. Уж так люди устроены, что какую бы подлость они ни сделали, всегда найдут себе оправдание". Мышлаевский в окончательном тексте говорит о своем намерении служить большевикам и порвать с белым движением: "Довольно! Я воюю с девятьсот четырнадцатого года. За что? За отечество? А это отечество, когда бросили меня на позор?! И опять идти к этим светлостям?! Ну нет! Видали? (Показывает шиш.) Шиш!.. Что я, идиот, в самом деле? Нет, я, Виктор Мышлаевский, заявляю, что больше я с этими мерзавцами генералами дела не имею. Я кончил!.." Зазубринский Рагимов беззаботно-водевильную песню своих товарищей прерывал декламацией: "Я комиссар. В груди пожар!" В Д. Т. Мышлаевский вставляет в белый гимн - "Вещего Олега" здравицу: "Так за Совет Народных Комиссаров…" По сравнению с Рагимовым Мышлаевский в своих мотивах был сильно облагорожен, но жизненность образа при этом полностью сохранилась.

В сезон 1926/27 гг. Булгаков во МХАТе получил письмо, подписанное "Виктор Викторович Мышлаевский". Судьба неизвестного автора в гражданскую войну совпадала с судьбой булгаковского героя, а в последующие годы была столь же безотрадной, как и у создателя Д. Т. В письме сообщалось: "Уважаемый г. автор. Помня Ваше симпатичное отношение ко мне и зная, как Вы интересовались одно время моей судьбой, спешу Вам сообщить свои дальнейшие похождения после того, как мы расстались с Вами. Дождавшись в Киеве прихода красных, я был мобилизован и стал служить новой власти не за страх, а за совесть, а с поляками дрался даже с энтузиазмом. Мне казалось тогда, что только большевики есть та настоящая власть, сильная верой в нее народа, что несет России счастье и благоденствие, что сделает из обывателей и плутоватых богоносцев сильных, честных, прямых граждан. Все мне казалось у большевиков так хорошо, так умно, так гладко, словом, я видел все в розовом свете до того, что сам покраснел и чуть-чуть не стал коммунистом, да спасло меня мое прошлое - дворянство и офицерство. Но вот медовые месяцы революции проходят. НЭП, кронштадское восстание. У меня, как и у многих других, проходит угар и розовые очки начинают перекрашиваться в более темные цвета...

Общие собрания под бдительным инквизиторским взглядом месткома. Резолюции и демонстрации из-под палки. Малограмотное начальство, имеющее вид вотятского божка и вожделеющее на каждую машинистку (создается впечатление, что автор письма был знаком с соответствующими эпизодами булгаковской повести "Собачье сердце", неопубликованной, но ходившей в списках). Никакого понимания дела, но взгляд на все с кондачка. Комсомол, шпионящий походя с увлечением. Рабочие делегации - знатные иностранцы, напоминающие чеховских генералов на свадьбе. И ложь, ложь без конца... Вожди? Это или человечки, держащиеся за власть и комфорт, которого они никогда не видали, или бешеные фанатики, думающие пробить лбом стену (под последними подразумевался впавший уже в опалу Л. Д. Троцкий). А самая идея! Да, идея ничего себе, довольно складная, но абсолютно не претворяемая в жизнь как и учение Христа, но христианство и понятнее, и красивее (похоже, "Мышлаевский" был знаком и с трудами русских философов Н. А.

Бердяева и С. Н. Булгакова, доказывавших, что марксизм взял христианскую идею и просто перенес ее с небес на землю).

Так вот-с. Остался я теперь у разбитого корыта. Не материально. Нет. Я служу и по нынешним временам - ничего себе, перебиваюсь. Но паршиво жить ни во что не веря. Ведь ни во что не верить и ничего не любить - это привилегия следующего за нами поколения, нашей смены беспризорной.

В последнее время или под влиянием страстного желания заполнить душевную пустоту, или же, действительно, оно так и есть, но я иногда слышу чуть уловимые нотки какой-то новой жизни, настоящей, истинно красивой, не имеющей ничего общего ни с царской, ни с советской Россией. Обращаюсь с великой просьбой к Вам от своего имени и от имени, думаю, многих других таких же, как я, пустопорожних душой. Скажите со сцены ли, со страниц ли журнала, прямо или эзоповым языком, как хотите, но только дайте мне знать, слышите ли Вы эти едва уловимые нотки и о чем они звучат?

Или все это самообман и нынешняя советская пустота (материальная, моральная и умственная) есть явление перманентное. Caesar, morituri te salutant (Цезарь, обреченные на смерть приветствуют тебя)".

Слова об эзоповом языке указывают на знакомство автора письма с фельетоном "Багровый остров" (1924). Как фактический ответ "Мышлаевскому" можно рассматривать пьесу "Багровый остров", где Булгаков, превратив пародию на сменовеховство в "идеологическую" пьесу внутри пьесы, показал, что все в современной советской жизни определяется всевластием душащих творческую свободу чиновников, вроде Саввы Лукича, и никаких ростков нового тут быть не может. В Д. Т. же он еще питал надежды на какое-то лучшее будущее, потому и ввел в последнее действие крещенскую елку как символ надежды на духовное возрождение. Для этого даже была смещена хронология действия пьесы против реальной. Позднее Булгаков так объяснил это своему другу П. С. Попову: "События последнего действия отношу к празднику крещения... Раздвинул сроки. Важно было использовать елку в последнем действии". На самом деле оставление Киева петлюровцами и занятие города большевиками происходило 3-5 февраля 1919 г., но Булгаков перенес эти события на две недели вперед, чтобы совместить их с крещенским праздником.

Критика обрушилась на Булгакова за то, что в Д. Т. белогвардейцы предстали трагическими чеховскими героями. Будущий шеф Главреперткома О. С. Литовский (1892-1971) окрестил булгаковскую пьесу "Вишневым садом "белого движения", вопрошая риторически: "Какое дело советскому зрителю до страданий помещицы Раневской, у которой безжалостно вырубают вишневый сад? Какое дело советскому зрителю до страданий внешних и внутренних эмигрантов о безвременно погибшем белом движении?". А. Орлинский бросил драматургу обвинение в том, что "все командиры и офицеры живут, воюют, умирают и женятся без единого денщика, без прислуги, без малейшего соприкосновения с людьми из каких-либо других классов и социальных прослоек". 7 февраля 1927 г. на диспуте в театре Вс. Мейерхольда, посвященном Д. Т. и "Любови Яровой" (1926) Константина Тренева (1876-1945), Булгаков ответил критикам: "Я, автор этой пьесы "Дни Турбиных", бывший в Киеве во время гетманщины и петлюровщины, видевший белогвардейцев в Киеве изнутри за кремовыми занавесками, утверждаю, что денщиков в Киеве в то время, то есть когда происходили события в моей пьесе, нельзя было достать на вес золота".

Д. Т. в гораздо большей степени было реалистическим произведением, чем то допускали его критики, представлявшие действительность, в отличие от Булгакова, в виде заданных идеологических схем.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

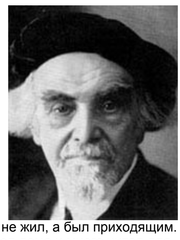
Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Бердяев Н. А. ~

Страницы: 1 2



Бердяев Николай Александрович (1874-1948) - русский философ, один из основоположников экзистенциализма.

Работы Б. отразились в произведениях Булгакова, в том числе в фельетоне "Похождения Чичикова" и романе "Мастер и Маргарита".

Б. родился 6/18 марта 1874 г. в Киеве в дворянской семье. В автобиографии 1903 г. Б. писал: "Ход моего воспитания и образования был таков. Детство я провел в собственной семье в г. Киеве. Потом поступил во второй класс киевского кадетского корпуса, но в корпусе не жил, а был приходящим. Во время своего пребывания в корпусе часто болел, сидел дома и много читал для себя. В шестом классе был переведен в Пажеский корпус в Петербург, но вместо переезда осуществил свою заветную мечту, вышел из корпуса и начал готовиться на аттестат зрелости для поступления в университет. Тогда же у меня явилось желание сделаться профессором философии. В 1894 г. я выдержал экзамен на аттестат зрелости и поступил в Киевский университет на естественный факультет. Через год я перешел на юридический факультет. В 1898 г. я был арестован и исключен из университета. В 1900 г. я был на три года административно сослан в Вологодскую губернию. Два года я прожил в г. Вологде, а один в г. Житомире".

Арест и ссылка были вызваны участием в социалистическом движении и пропаганде марксизма (первоначально Б. принадлежал к числу так называемых "легальных марксистов"). В 1901 г. с публикацией статьи "Борьба за идеализм" Б. перешел от позитивизма и марксизма к метафизическому идеализму.

В 1902 г. в сборнике "Проблемы идеализма" Б. напечатал программную статью "Этическая проблема в свете философского идеализма". В автобиографии Б. утверждал: "Маркс и марксистская литература оказали определяющее влияние на мое общественное направление, но я никогда не соединял марксизм с материализмом, в философии моим учителем сделался Кант, неокантианцы и имманентная школа гносеологического монизма".

В 1903-1904 гг. Б. сотрудничал в издании журнала "Вопросы жизни". В 1900 г. вышла первая книга Б. "Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н. К. Михайловском" (1900), за которым последовало много других, в том числе "Новое религиозное сознание и общественность" (1907), "Философия свободы" (1911), "Смысл творчества. Опыт оправдания человека" (1916), "Судьба России" (1918) и др.

В 1904 г. Б. женился на Лидии Юдифовне Трушевой (1874-1945). После Октября 1917 г. Б. был избран профессором Московского университета, основал Вольную академию духовной культуры.

В 1922 г. советское правительство выслало Б. из России. Вместе с Б. в изгнание отправили большую группу идеологических противников марксизма - философов-идеалистов, среди которых были Н. О. Лосский (1870-1965), С. Л. Франк (1877-1950), Л. П. Карсавин (1882-1952) и др. Сперва Б. поселился в Берлине, где создал Религиозно-философскую академию, а в 1926 г. переехал в Париж. Там он работал в ИМКА (христианском союзе молодежи) и в 1926-1939 гг. редактировал религиозно-философский журнал "Путь".

Скончался Б. в Кламаре под Парижем 23 марта 1948 г. от разрыва сердца. Незадолго до смерти Б. стал в 1947 г. почетным доктором философии Кембриджского университета и был одним из наиболее реальных кандидатов на получение Нобелевской премии по литературе 1948 г.

За границей Б. также выпустил целый ряд книг, главные из которых "Миросозерцание Достоевского" (1923), "Философия неравенства" (1923), "Смысл истории" (1923), "Новое средневековье" (1924), "Философия свободного духа. Проблематика и апология христианства" (1927), "О назначении человека: Опыт парадоксальной этики" (1931), "Русская идея" (1946), "Истоки и смысл русского коммунизма" (1955), а также философская автобиография "Самопознание" (1949).

Б. - религиозный философ. По мысли его давнего товарища и оппонента по многим философским вопросам Н. О. Лосского, высказанной в "Истории русской философии" (1951), "Бердяев отвергает всемогущество и всевидение Бога и утверждает, что Бог не творит воли существ Вселенной, а просто помогает тому, чтобы воля становилась добром. К этому выводу он пришел благодаря своему убеждению в том, что свобода не может быть создана и что если бы это было так, то Бог был бы ответственным за вселенское зло.

Зло появляется тогда, когда иррациональная свобода приводит к нарушению божественной иерархии бытия и к отпадению от Бога из-за гордыни духа, желающего поставить себя на место Бога".

У Булгакова роль такого духа во многом играет Воланд, который оказывается, однако, не вместо Бога, а рядом с Богом, выполняя некоторые деликатные поручения Иешуа Га-Ноцри.

Лосский выделяет как исключительно ценное утверждение Б. о том, что "учение об ужасных муках ада, безнадежных и вечных, имеет садистский характер. Замечательная черта философии Бердяева состоит в защите той истины, что христианство - религия любви и, следовательно, свободы и терпимости. Он заслуживает большой похвалы также за свою критику социализма, коммунизма, буржуазного духа и за свою борьбу против всякой попытки превращения относительных ценностей в абсолютные. Он критикует современную классовую борьбу с точки зрения христианского идеала".

Подобным же образом в "Мастере и Маргарите" Булгаков оценивает современность с точки зрения этического абсолюта - нравственного подвига Иешуа Га-Ноцри.

В "Русской идее" Б., критикуя учение Льва Толстого (1828-1910), замечает: "Моральный максимализм Толстого не видит, что добро принуждено действовать в темной, злой мировой среде, и потому действие его не прямолинейное. Но он видит, что добро заражается злом в борьбе и начинает пользоваться злыми средствами. Он хотел до конца принять Нагорную проповедь. Случай с Толстым наводит на очень важную мысль, что истина опасна и не дает гарантий, и что вся общественная жизнь людей основана на полезной лжи. Есть прагматизм лжи. Это очень русская тема, чуждая более социализированным народам западной цивилизации. Очень ошибочно отождествлять анархизм с анархией. Анархизм противоположен не порядку, ладу, гармонии, а власти, насилию, царству кесаря. Анархия есть хаос и дисгармония, т.е. уродство. Анархизм есть идеал свободной, изнутри определяемой гармонии и лада, т.е. победа Царства Божьего над царством Кесаря".

Б. никак не мог быть знаком с "Мастером и Маргаритой", а автор этого романа - с "Русской идеей", вышедшей через шесть лет после его смерти. Тем не менее, Булгаков устами Иешуа Га-Ноцри сформулировал практически ту же самую мысль, что и Б., об анархизме как идеале свободной гармонии для подлинно творческой личности: "Всякая власть является насилием над людьми и... настанет время, когда не будет власти ни кесарей, ни какой-либо иной власти. Человек перейдет в царство истины и справедливости, где вообще не будет надобна никакая власть".

Здесь же Булгаков предвосхищает бердяевскую критику толстовской идеи "заражения добром". Понтий Пилат и Афраний, выслушав проповедь Иешуа Га-Ноцри о том, что все люди добрые и что злых людей нет на свете, начинают творить добро злыми средствами, организуя убийство погубившего Иешуа Иуды из Кириафа.

Вечное заблуждение человечества
Чичиков-революционер
Мы живем в "ночную эпоху"
Определение строя в России - сатанократия
"Нет документа - нет и человека!"
Читайте завершение>>>

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Бердяев Н. А., часть 2 ~

Страницы: 1 2

Булгакову наверняка были близки и рассуждения о Царстве Божьем из "Философии неравенства": "Самая история, по сокровенному своему смыслу есть лишь движение к Царству Божьему. Но ограниченное сознание человеческое ищет Царства Божьего в самой истории. Это и есть основное противоречие религиозной философии истории. Царство Божье - цель истории, конец истории, выход за пределы истории. Поэтому Царство Божье не может быть в истории. Искание Царства Божьего в истории, в земной исторической действительности есть иллюзия, обман зрения. Оно - всегда четвертое измерение по сравнению с тремя измерениями в истории. Нельзя искать четвертое измерение внутри трех измерений пространства. История имеет абсолютный смысл, абсолютный источник и абсолютную цель. Но само Абсолютное не вмещается в ней. Историческая действительность вмещается в абсолютном, божественном бытии, но абсолютное, божественное бытие не может вмещаться в ней".

В "Мастере и Маргарите" в соответствии с учением П. А. Флоренского о троичности присутствует трехмирная структура: древний ершалаимский мир, вечный потусторонний и современный московский. При этом, в полном согласии с идеей Б., царство истины и справедливости, о котором говорит Иешуа, ни в одном из этих миров не существует. Вместо него в современном мире оказывается еще один, четвертый, мнимый мир, через который нечистая сила и вступает в контакт с москвичами.

В статье Б. "Духи русской революции" (1918), вошедшей в сборник "Из глубины", стихия Октябрьской революции сравнивалась со стихией гоголевских "Ревизора" (1836) и "Мертвых душ" (1842-1852): "В большей части присвоении революции есть что-то ноздревское. Личина подменяет личность. Повсюду маски и двойники, гримасы и клочья человека. Изолгание бытия правит революцией. Все призрачно, призрачны все партии, призрачны все власти, призрачны все герои революции. Нигде нельзя нащупать твердого бытия, нигде нельзя увидеть ясного человеческого лика. Эта призрачность, эта неонтологичность родилась от лживости. Гоголь раскрыл ее в русской стихии.
По-прежнему Чичиков ездит по русской земле и торгует мертвыми душами. Но ездит он не медленно в кибитке, а мчится в курьерских поездах и повсюду рассылает телеграммы. Та же стихия действует в новом темпе. Революционные Чичиковы скупают и перепродают несуществующие богатства, они оперируют с фикциями, а не реальностями, они превращают в фикцию всю хозяйственно-экономическую жизнь России".

В фельетоне "Похождения Чичикова" Булгаков показал, что Павел Иванович, как и другие гоголевские герои, чувствует себя в послереволюционной российской действительности как рыба в воде. Отсюда же и призрачность современной жизни в "Мастере и Маргарите", где рожденный писательской фантазией Ершалаим ощущается куда рельефнее и реальнее, чем хорошо знакомая Булгакову Москва.

В последнем булгаковском романе отразилась самая популярная в 20-е годы книга Б. "Новое средневековье", переведенная на четырнадцать языков, и имевшая подзаголовок "Размышление о судьбе России и Европы".

В писавшемся в конце жизни "Самопознании" Б. довольно сдержанно отзывался о ней: "Эта маленькая книжка, в которой я пытался осмыслить нашу эпоху и ее катастрофический характер, сделала меня европейски известным. Сам я не придавал такого значения этой книжке, но в ней я, действительно, многое предвидел и предсказал... Я не любил, когда многие иностранцы рассматривали меня, главным образом, как автора "Нового средневековья". Я написал книги более значительные и для меня, и по существу, но менее доступные для широкого чтения".

В "Новом средневековье" Б. утверждал: "Рациональный день новой истории кончается, солнце его заходит, наступают сумерки, мы приближаемся к ночи. Все категории пережитого уже солнечного дня непригодны для того, чтобы разобраться в событиях и явлениях нашего вечернего исторического часа. По всем признакам мы выступили из дневной исторической эпохи и вступили в эпоху ночную... Падают ложные покровы, и обнажается добро и зло. Ночь не менее хороша, чем день, не менее божественна, в ночи ярко светят звезды, в ночи бывают откровения, которых не знает день. Ночь первозданное, стихийнее, чем день. Бездна (Ungrund) Я. Беме раскрывается лишь в ночи. День набрасывает на нее покров. Когда наступают сумерки, теряется ясность очертаний, твердость границ".

У Булгакова в "Мастере и Маргарите" силы тьмы не противостоят, а сложным образом взаимодействуют с силами света, и Воланд по-своему убеждает Мастера, что "ночь не менее хороша, чем день", что уготованный ему последний приют на границе света и тьмы ничуть не хуже, а в чем-то определенно лучше традиционного света, ибо там автор романа о Понтии Пилате сможет узнать откровения, невозможные при свете дня: "...О, трижды романтический мастер, неужто вы не хотите днем гулять со своею подругой под вишнями, которые начинают зацветать, а вечером слушать музыку Шуберта? Неужели ж вам не будет приятно писать при свечах гусиным пером? Неужели вы не хотите, подобно Фаусту, сидеть над ретортой в надежде, что вам удастся вылепить нового гомункула?".

Во время последнего полета падают все покровы, и обнажается добро и зло. Все летящие, включая Мастера и Маргариту, предстают в своей истинной сущности: "Ночь густела, летела рядом, хватала скачущих за плащи и, содрав их с плеч, разоблачала обманы" . Воланд и другие демоны сбрасывают личины и, порожденные ночью, возвращаются в ночь. При этом шпоры сатаны представляют собой "белые пятна звезд".

Б. провозглашал: "Лишь те антигуманистические выводы, которые сделал из гуманизма коммунизм, стоят на уровне нашей эпохи и связаны с ее движением. Мы живем в эпоху обнажений и разоблачений. Обнажается и разоблачается и природа гуманизма, который в другие времена представлялся столь невинным и возвышенным. Если нет Бога, то нет и человека - вот что опытно обнаруживает наше время. Обнажается и разоблачается природа социализма, выявляются его последние пределы, обнажается и разоблачается, что религиозной нейтральности не существует, что религии живого Бога противоположна лишь религия дьявола, что религия Христа противоположна лишь религии антихриста. Нейтральное гуманистическое царство, которое хотело устроиться в серединной сфере между небом и адом, разлагается, и обнаруживается верхняя и нижняя бездна... В русском большевизме есть запредельность и потусторонность, есть жуткое касание чего-то последнего. Трагедия русского большевизма разыгрывается не в дневной атмосфере новой истории, а в ночной стихии нового средневековья. Ориентироваться в русском коммунизме можно лишь по звездам. Чтобы понять смысл русской революции, мы должны перейти от астрономии новой истории к астрологии средневековья. Россия - в этом своеобразие ее судьбы - никогда не могла принять целиком гуманистической культуры нового времени, его формальной логики и формального права, его религиозной нейтральности. Россия никогда не выходила окончательно из средневековья, из сакральной эпохи, и она как-то почти непосредственно перешла от остатков старого средневековья, от старой теократии к новому средневековью, к новой сатанократии. В России и гуманизм переживался в предельных формах человекобожества, в духе Кириллова, П. Верховенского, И. Карамазова, а совсем не в духе западной гуманистической истории нового времени. Вот почему России в переходе от новой истории к новому средневековью будет принадлежать совсем особое место. Она скорее родит антихриста, чем гуманистическую демократию и нейтральную гуманистическую культуру".

Б. показал многие особенности исторической судьбы России, проявившиеся не только в 20-е годы 20 века, но и сегодня, в начале нового тысячелетия. Философ воспринимал все происходящее в категориях борьбы Бога и дьявола.

Булгаков не был столь приверженен христианству и в "Мастере и Маргарите" позволил себе несколько приземлить и спародировать возвышенные образы "Нового средневековья". Здесь "обнажается и разоблачается" донжуан Аркадий Аполлонович Семплеяров - председатель бесполезной акустической комиссии и легкомысленные посетительницы Театра Варьете, прельстившиеся на новомодные французские платья Коровьева-Фагота и оставшиеся после сеанса в одном белье.

За сотни лет Россия мало изменилась, шагнув "от старой теократии к новой сатанократии", заменив христианство марксизмом и оставшись, пусть на новый лад, сакральным обществом. Поэтому очень мало перемен видит Воланд в публике, собравшейся в Театре Варьете на сеанс черной магии.

На Патриарших прудах сатана убеждает Ивана Бездомного поверить в реальность дьявола и через это уверовать и в Бога - у Булгакова Бог и дьявол не противостоят, а дополняют друг друга. Слова же Б.: "Если нет Бога, то нет и человека" преобразуются в замечательный афоризм Коровьева-Фагота: "Нет документа, нет и человека". Воланд ориентируется в судьбе видного литературного функционера Михаила Александровича Берлиоза "по звездам", предсказывая гибель Председателя МАССОЛИТа в полном соответствии с каноном средневековой астрологии (см. : Демонология).

"Нейтральное гуманистическое царство" превращается в не имеющий ничего общего с гуманизмом современный Булгакову московский мир, забывший о мире Неба, о Боге, и не желающем узнать посланцев мира потустороннего - Воланда и его свиту.

« Назад
Наверх »

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Флоренский П. А. ~

Страницы: 1 2 3 4

Флоренский Павел Александрович (о. Павел) (1882-1937) - русский философ, богослов, искусствовед, литературовед, математик и физик. Оказал существенное влияние на творчество Булгакова, особенно заметное в романе "Мастер и Маргарита".

Ф. родился 9/21 января 1882 г. в местечке Евлах Елисаветпольской губернии (ныне Азербайджан) в семье железнодорожного инженера. Осенью 1882 г. семья переехала в Тифлис, где в 1892 г. Ф. поступил во 2-ю Тифлисскую классическую гимназию. Незадолго до окончания гимназического курса, летом 1899 г., Ф. пережил духовный кризис, осознал ограниченность и относительность рационального знания и обратился к принятию Божественной Истины.

В 1900 г. Ф. окончил гимназию первым учеником с золотой медалью и поступил на физико-математический факультет Московского университета. Здесь он написал кандидатское сочинение "Об особенностях плоских кривых как местах нарушений прерывности", которое Ф. планировал сделать частью общефилософской работы "Прерывность как элемент мировоззрения". Он также самостоятельно изучал историю искусства, слушал лекции по философии творца "конкретного спиритуализма" Л. М. Лопатина (1855-1920) и участвовал в философском семинаре приверженца "конкретного идеализма" С. Н. Трубецкого (1862-1905) на историко-филологическом факультете.

Ф. воспринял многие идеи профессора Н. В. Бугаева (1837-1903), одного из основателей Московского математического общества и отца писателя А. Белого. Во время учебы в университете Ф. подружился с Белым. В 1904 г. после окончания университета Ф. думал принять монашество, однако его духовник епископ Антоний (М. Флоренсов) (1874-1918) не благословил его на этот шаг и посоветовал поступать в Московскую Духовную Академию.

Хотя Ф. блестяще окончил университет и считался одним из самых одаренных студентов, он отверг предложение остаться при кафедре и в сентябре 1904 г. поступил в МДА в Сергиевом Посаде, где поселился почти на тридцать лет. 12 марта 1906 г. в академической церкви произнес проповедь "Вопль крови" - против взаимного кровопролития и смертного приговора руководителю восстания на крейсере Очаков П. П. Шмидту ("лейтенанту Шмидту") (1867-1906), за что был арестован и неделю провел в Таганской тюрьме.

После окончания МДА в 1908 г. Ф. остался там преподавателем философских дисциплин. Его кандидатское сочинение "О религиозной Истине" (1908) стало ядром магистерской диссертации "О Духовной Истине" (1912), опубликованной в 1914 г. как книга "Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах". Это - главное сочинение философа и богослова.

25 августа 1910 г. Ф. женился на Анне Михайловне Гиацинтовой (1883-1973). В 1911 г. принял священство. В 1912-1917 гг. Ф. был главным редактором журнала МДА "Богословский вестник". 19 мая 1914 г. его утвердили в степени магистра богословия и сделали экстраординарным профессором МДА. В 1908-1919 гг. Ф. читал курсы по истории философии на темы: Платон и Кант, мышление еврейское и мышление западноевропейское, оккультизм и христианство, религиозный культ и культура и др. В 1915 г. Ф. служил на фронте полковым священником военно-санитарного поезда.

Ф. сблизился с такими русскими философами и религиозными мыслителями как С. Н. Булгаков, В. Ф. Эрн (1882-1917), Вяч. И. Иванов (1866-1949), Ф. Д. Самарин (умер в 1916 г.), В. В. Розанов (1856-1919), М. А. Новоселов (1864-1938), Е. Н. Трубецкой (1863-1920), Л. А. Тихомиров (1852-1923), протоиерей Иосиф Фудель (1864-1918) и др., был связан с "Обществом памяти Вл. С. Соловьева", основанным М. А. Новоселовым "Кружком ищущих христианского просвещения" и издательством религиозно-философской литературы "Путь".

В 1905-1906 гг. вошел в созданное С. Н. Булгаковым, А. В. Ельчаниновым, В. Ф. Эрном, В. А. Свентицким и др. "Христианское братство борьбы", деятельность которого развивалась в русле христианского социализма. В 1918 г. Ф. принимал участие в работе отдела Поместного Собора Русской Православной Церкви о духовно-учебных заведениях. В октябре 1918 г. стал ученым секретарем Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры и хранителем Ризницы. Ф. выдвинул идею "живого музея", предполагавшую сохранение экспонатов в той среде, где они возникли и существовали, и выступал поэтому за сохранение музеев Троице-Сергиевой Лавры и Оптиной пустыни как действующих монастырей (предложение Ф. осуществлено не было). После закрытия МДА в 1919 г. Ф. продолжал неофициально читать философские курсы ее бывшим и новым студентам в Даниловском и Петровском монастырях и на частных квартирах в 1920-е годы.

В 1921 г. Ф. был избран профессором Высших художественно-технических мастерских (Вхутемас), где читал лекции по теории перспективы вплоть до 1924 г. С 1921 г. Ф. также работал в системе Главэлектро Высшего Совета Народного Хозяйства РСФСР, занимаясь научными исследованиями в области диэлектриков, результатом которых стала вышедшая в 1924 г. книга "Диэлектрики и их техническое применение". Ф. создал и возглавил отдел материаловедения в Государственном экспериментальном электротехническом институте, сделал ряд открытий и изобретений.

В 1922 г. была издана книга Ф. "Мнимости в геометрии", основанная на курсе, который он читал в МДА и Сергиевском педагогическом институте. Эта книга вызвала резкую критику за идею конечной Вселенной со стороны официальных идеологов и ученых. В 1927-1933 г. Ф. работал также заместителем главного редактора "Технической энциклопедии", где опубликовал ряд статей. В 1930 г. Ф. стал по совместительству помощником директора по научной части Всесоюзного энергетического института.

В 1920-е годы Ф. создает ряд философских и искусствоведческих работ, которые при его жизни так и не увидели света: "Иконостас", "Обратная перспектива", "Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях", "Философия культа" и др., которые по замыслу должны были составить единый труд "У водоразделов мысли" - своеобразное продолжение "Столпа и утверждения Истины", призванное теодицею, учение об оправдании Бога, допускающего зло в мире, дополнить антроподицеей, учением об оправдании человека, о мире и человеке в их причастности к Богу.

В мае 1928 г. ОГПУ арестовало ряд религиозных деятелей и представителей русской аристократии, после революции проживавших в Сергиевом Посаде и его окрестностях. Перед этим в подконтрольной прессе была развернута кампания под заголовками-лозунгами: "Троице-Сергиева Лавра - убежище бывших князей, фабрикантов и жандармов!", "Гнездо черносотенцев под Москвой!", "Шаховские, Олсуфьевы, Трубецкие и др. ведут религиозную пропаганду!" и т. п. 21 мая 1928 г. Ф. был арестован. Ему не инкриминировали ничего конкретного. В обвинительном заключении от 29 мая утверждалось, что Ф. и другие арестованные, "проживая в г. Сергиев и частично в Сергиевском уезде и будучи по своему социальному происхождению "бывшими" людьми (княгини, князья, графы и т. п.), в условиях оживления антисоветских сил начали представлять для соввласти некоторую угрозу, в смысле проведения мероприятий власти по целому ряду вопросов".

25 мая 1928 г. по поводу обнаруженной у него фотографии царской семьи Ф. показал: "Фотокарточка Николая II хранится мною как память Епископа Антония. К Николаю я отношусь хорошо и мне жаль человека, который по своим намерениям был лучше других, но который имел трагическую судьбу царствования. К соввласти я отношусь хорошо (другого ответа на допросе в ОГПУ ожидать и не приходилось) и веду исследовательские работы, связанные с военным ведомством секретного характера. Эти работы я взял добровольно, предложив эту отрасль работы. К соввласти я отношусь как к единственной реальной силе, могущей провести улучшение положения массы. С некоторыми мероприятиями соввласти я не согласен, но безусловно против какой-либо интервенции как военной, так и экономической".

14 июля 1928 г. Ф. в административном порядке был сослан на три года в Нижний Новгород. В сентябре 1928 г. по ходатайству жены Максима Горького (А. М. Пешкова) (1868-1936) Екатерины Павловны Пешковой (1878-1965) Ф. был возвращен в Москву, прокомментировав обстановку в столице следующими словами: "Был в ссылке, вернулся на каторгу".

25 февраля 1933 г. Ф. повторно арестовали и обвинили в руководстве придуманной ОГПУ контрреволюционной организации "Партия Возрождения России". Под давлением следствия Ф. признал справедливость этого обвинения и передал 26 марта 1933 г. властям составленный им философско-политический трактат "Предполагаемое государственное устройство в будущем". В нем якобы излагалась программа "Партии Возрождения России", которая следствием именовалась национал-фашистской. В этом трактате Ф., будучи убежденным сторонником монархии, отстаивал необходимость создания жесткого автократического государства, в котором большую роль должны были играть люди науки, а религия отделена от государства, поскольку "государство не должно связывать свое будущее с догнивающим клерикализмом, но оно нуждается в религиозном углублении жизни и будет ждать такового".

26 июля 1933 г. Ф. был осужден тройкой Особого совещания на 10 лет исправительно-трудовых лагерей и 13 августа отправлен по этапу в восточносибирский лагерь "Свободный". 1 декабря 1933 г. он прибыл в лагерь и был оставлен на работу в научно-исследовательском отделе управления БАМЛАГ. 10 февраля 1934 г. Ф. отправили на опытную мерзлотную станцию в Сковородино. Проведенные здесь Ф. исследования легли в основу книги его сотрудников Н. И. Быкова и П. Н. Каптерева "Вечная мерзлота и строительство на ней" (1940).

В июле-августе 1934 г. с помощью Е. П. Пешковой к Ф. в лагерь смогла приехать жена с младшими детьми - Ольгой, Михаилом и Марией (старшие Василий и Кирилл в тот момент находились в геологических экспедициях). Семья привезла Ф. предложение правительства Чехословакии договориться с советским правительством о его освобождении и выезде в Прагу. Для начала официальных переговоров требовалось согласие Ф. Но он отказался.

В сентябре 1934 г. Ф. перевели в Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН), куда он прибыл 15 ноября 1934 г. Там Ф. работал на заводе йодной промышленности, где занимался проблемой добычи йода и агар-агара из морских водорослей и сделал ряд научных открытий. По некоторым данным, между 17 и 19 июня 1937 г. Ф. исчез из лагеря. 25 ноября 1937 г. постановлением Особой тройки Управления НКВД по Ленинградской области Ф. был приговорен к высшей мере наказания "за проведение контрреволюционной пропаганды" и согласно сохранившемуся в архиве органов безопасности акту расстрелян 8 декабря 1937 г. Место гибели и захоронения Ф. неизвестно. Ф. оставил неоконченные воспоминания "Детям моим", изданные посмертно. У Ф. было пятеро детей: Василий (1911-1956), Кирилл (1915-1982), Ольга (в замужестве Трубачева) (1921 г. рождения), Михаил (1921-1961) и Мария-Тинатин (1924 г. рождения).

Существуют легенды, что Ф. не был расстрелян, а еще долгие годы работал без права переписки в одном из секретных институтов над военными программами, в частности, над советским урановым проектом. Эти легенды порождались тем обстоятельством, что вплоть до 1989 г. не были точно известны время и обстоятельства его смерти. В 1958 г. после реабилитации Ф. родным была выдана справка о его смерти в лагере 15 декабря 1943 г., тогда как переписка с философом оборвалась в 1937 г.

Для легенды были и более серьезные основания. В письме сыну Кириллу от 3-4 июня 1937 Ф. отмечал, что "в прошлом письме я писал тебе о намечающейся возможности получать повышенные концентрации тяжелой воды посредством фракционного вымораживания" и далее излагал ряд технических подробностей предлагаемого способа промышленного получения тяжелой воды. Как известно, тяжелая вода используется только для производства ядерного оружия. Дейтерий был открыт американским физиком Гарольдом Юри, нобелевским лауреатом, в 1932 г. Не исключено, что Флоренский знал об этом открытии или сделал его самостоятельно. Кирилл работал как раз над проблемой тяжелой воды под руководством академика А. Н. Фрумкина (1895-1976). Хотя Ф. был репрессирован, его дети смогли продолжать научные исследования в секретных областях. С другой стороны, пока нет никаких данных, что в 1937 г. уже существовала советская ядерная программа.

И все же нельзя исключить, что именно из-за поднятых им в письмах вопросов производства тяжелой воды Флоренский исчез из лагеря в середине июня 1937 г. (в секретных институтах заключенные часто лишались права переписки). Другая загадка связана с тем, что между вынесением Ф. смертного приговора и приведением его в исполнение прошло 13 дней, тогда как обычно приговоры особых троек приводились в исполнение в течение 1-2 суток. Возможно, задержка с исполнением приговора была вызвана тем, что Ф. с Соловков был доставлен в Ленинград или, наоборот, дополнительное время потребовалось, чтобы переслать решение тройки в Соловецкий лагерь. Так или иначе, остается ничтожная вероятность того, что Ф. под чужим именем еще какое-то время работал в одном из закрытых научно-исследовательских институтов НКВД, так называемой "шарашке".

Суть своей философской, научной и богословской деятельности Ф. наиболее сжато и точно раскрыл в письме сыну Кириллу 21 февраля 1937 г.: "Что я делал всю жизнь? - Рассматривал мир как единое целое, как единую картину и реальность, но в каждый момент или, точнее, на каждом этапе своей жизни, под определенным углом зрения. Я просматривал мировые соотношения на разрезе мира по определенному направлению, в определенной плоскости и старался понять строение мира по этому, на данном этапе меня занимающему признаку. Плоскости разреза менялись, но одна не отменяла другую, а лишь обогащала. Отсюда - непрестанная диалектичность мышления (смена плоскостей рассмотрения), при постоянстве установки на мир, как целое".

А на допросе в ОГПУ в марте 1933 г. характеризовал себя так: "Я, Флоренский Павел Александрович, профессор, специалист по электротехническому материаловедению, по складу своих политических воззрений романтик Средневековья примерно XIV века..." Вспоминается "Новое Средневековье" (1924) Н.А. Бердяева, где автор увидел признаки заката гуманистической культуры нового времени после первой мировой войны и наступления Нового Средневековья, наиболее отчетливо выражаемого большевиками в России и фашистским режимом Бенито Муссолини (1883-1945) в Италии.

Сам Бердяев в "Русской идее" (1946) утверждал, что "Столп и утверждение Истины" "можно было бы причислить к типу экзистенциальной философии", а Ф. "по душевному складу" считал "новым человеком" своего времени, "известных годов начала XX в." Наряду с С. Н. Булгаковым, Ф. стал одним из основателей софиологии - учения о Софии - Премудрости Божьей, развивающем взгляды В. С. Соловьева (1853-1900).

Был ли знаком Булгаков со Флоренским?
Флоренский - прототип Мастера
Поповское шарлатанство
Влияние философа на композицию романа
Читайте продолжение >>>

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Флоренский П. А., часть 2 ~

Страницы: 1 2 3 4

Булгаков живо интересовался творчеством Ф. В его архиве сохранилась книга Ф. "Мнимости в геометрии" с многочисленными пометками. В 1926-1927 гг. Булгаков со второй женой Л. Е. Белозерской жил в М. Левшинском переулке (4, кв.1). В этом же переулке тогда жил и Ф. Кроме того, Л. Е. Белозерская работала в редакции "Технической энциклопедии" одновременно с Ф. Но никаких данных о личном знакомстве Булгакова с философом нет. Тем не менее, влияние идей Ф. ощутимо в романе "Мастер и Маргарита".

Не исключено, что еще в ранней редакции Ф. послужил одним из прототипов ученого-гуманитария Феси, профессора историко-филологического факультета и предшественника Мастера последующих редакций. Между Ф. и Фесей можно провести целый ряд параллелей. Фесю через десять лет после революции, т. е. в 1927 или 1928 гг., обвиняют в том, что он, будто бы издевавшийся над мужиками в своем подмосковном имении, теперь благополучно укрылся в Хумате (так прозрачно Булгаков замаскировал Вхутемас): в одной "боевой газете" появилась "статья... впрочем, называть ее автора нет нужды. В ней говорилось, что некий Трувер Рерюкович, будучи в свое время помещиком, издевался над мужиками в своем подмосковном имении, а когда революция лишила его имения, он укрылся от грома праведного гнева в Хумате..."

Придуманная Булгаковым статья очень напоминает те, что публиковались весной 1928 г. в связи с кампанией против дворян и религиозных деятелей, укрывшихся в Сергиевом Посаде. Она как бы подготовила первый арест Ф. и его товарищей. В "Рабочей газете" от 12 мая 1928 г. некто А. Лясс писал: "В так называемой Троице-Сергиевой лавре свили себе гнездо всякого рода "бывшие", главным образом, князья, фрейлины, попы и монахи. Постепенно Троице-Сергиева лавра превратилась в своеобразный черносотенный и религиозный центр, причем произошла любопытная перемена властей. Если раньше попы находились под защитой князей, то теперь князья находятся под защитой попов... Гнездо черносотенцев должно быть разрушено".

Неслучайно Фесю в статье называли потомком первого русского князя Рюрика. 17 мая 1928 г. корреспондент "Рабочей Москвы", укрывшийся под псевдонимом М. Ам-ий, в заметке "Под новой маркой" утверждал: "На западной стороне феодальной стены появилась только вывеска: "Сергиевский государственный музей". Прикрывшись таким спасительным паспортом, наиболее упрямые "мужи" устроились здесь, взяв на себя роль двуногих крыс, растаскивающих древние ценности, скрывающих грязь и распространяющих зловоние...

Некоторые "ученые" мужи под маркой государственного научного учреждения выпускают религиозные книги для массового распространения. В большинстве случаев это просто сборники "святых" икон, разных распятий и прочей дряни с соответствующими текстами... Вот один из таких текстов. Его вы найдете на стр. 17 объемистого (на самом деле, совсем не объемистого) труда двух ученых сотрудников музея - П. А. Флоренского и Ю. А. Олсуфьева, выпущенного в 1927 г. в одном из государственных издательств под названием "Амвросий, троицкий резчик XV века". Авторы этой книги, например, поясняют: "Из этих девяти темных изображений (речь идет о гравюрах, приложенных в конце книги) восемь действительно относятся к событиям из жизни Иисуса Христа, а девятое - к усекновению головы Иоанна".

Надо быть действительно ловкими нахалами, чтобы под маркой "научной книги" на десятом году революции давать такую чепуху читателю Советской страны, где даже каждый пионер знает, что легенда о существовании Христа не что иное, как поповское шарлатанство".

Ф. также был подвергнут критике за преподавание во Вхутемасе, где разрабатывал курс по анализу пространственности. Его обвинили в создании "мистической и идеалистической коалиции" с известным художником-графиком Владимиром Андреевичем Фаворским (1886-1964), иллюстрировавшим книгу "Мнимости в геометрии". Нападки на Ф. подсказали Булгакову образ статьи в "боевой газете", направленной против Феси. Булгаковский герой тему диссертации имел прямо противоположную той, что была у Ф. - "Категории причинности и каузальная связь" (каузальность, в отличие от Ф., Феся явно понимает как простую причинность, не отождествляя ее с промыслом Божьим).

Феся у Булгакова был приверженцем Возрождения, тогда как Ф. был глубоко враждебен ренессансной культуре. Но оба, и герой и прототип, - романтики, сильно обособленные от современной им жизни. Феся - романтик, связанный с культурной традицией Возрождения. Таковы и темы его работ и лекций, которые он читает в Хумате и других местах - "Гуманистический критицизм как таковой", "История как агрегат биографии", "Секуляризация этики как науки", "Крестьянские войны в Германии", "Есплинцитность формы и пропорциональность частей" (последний курс, преподававшийся в вузе, название которого не сохранилось, напоминает курс Ф. "Мнимости в геометрии" в Сергиевском педагогическом институте, а также лекции по обратной перспективе во Вхутемасе).

Некоторые работы Ф. могут быть противопоставлены работам Феси, например, "Наука как символическое описание" (1922) - "Истории как агрегату биографии", "Вопросы религиозного самопознания" (1907) - "Секуляризации этики как науки", "Антоний романа и Антоний предания" (1907) (в связи с романом Г. Флобера "Искушение святого Антония") и "Несколько замечаний к собранию частушек Костромской губернии Нерехтского уезда" (1909) - "Ронсару и Плеяде" (о французской поэзии XVI в.). Темы работ Феси подчеркнуто светские, однако он увлекается западноевропейской демонологией и мистикой и потому оказывается вовлечен в контакт с нечистой силой. Ф., в отличие от Феси, по его собственному признанию, - романтик русской православной средневековой традиции, где, как и в работах Ф., сильно было мистическое начало.

Некоторые черты Ф., возможно, отразились и в позднейшем образе Мастера. Философ, как он сам писал в автореферате биографии для Энциклопедического словаря Гранат (1927), после 1917 г., "состоя сотрудником Музейного отдела... разрабатывал методику эстетического анализа и описания предметов древнего искусства, для чего привлек данные технологии и геометрии" и был хранителем Ризницы Сергиевского музея. Булгаковский Мастер до того, как выиграл по лотерейному билету 100 тыс. рублей и засел за роман, работал историком в музее.

В автореферате для Словаря Гранат Ф. определял свое мировоззрение "соответствующим по складу стилю XIV-XV вв. русского средневековья", но подчеркивал, что "предвидит и желает другие построения, соответствующие более глубокому возврату к средневековью". Мастера в последнем полете Воланд уподобляет писателю-романтику и философу XVIII в. Вдохновение же главный герой последнего булгаковского романа черпает в еще более отдаленной эпохе Иешуа Га-Ноцри и Понтия Пилата.

Архитектонику "Мастера и Маргариты", в частности, три основных мира романа: древний ершалаимский, вечный потусторонний и современный московский, можно поставить в контекст учения Ф. о троичности как первооснове бытия, развиваемого в "Столпе и утверждении Истины". Философ говорил "о числе "три", как имманентном Истине, как внутренне неотделимом от нее. Не может быть меньше трех, ибо только три ипостаси извечно делают друг друга тем, что они извечно же суть. Только в единстве Трёх каждая ипостась получает абсолютное утверждение, устанавливающее ее, как таковую".

Ф. связывал троичность с Божественной Троицей и указывал, что ее невозможно вывести "логически, ибо Бог - выше логики". По мнению Ф., "число три являет себя всюду, как какая-то основная категория жизни и мышления". В качестве примеров Ф. приводил трехмерность пространства, трехмерность времени: прошлое, настоящее и будущее, наличие трех грамматических лиц практически во всех существующих языках, минимальный размер полной семьи в три человека: отец, мать, ребенок (точнее, воспринимаемой полной человеческим мышлением), философский закон трех моментов диалектического развития: тезис, антитезис и синтез, а также наличие трех координат человеческой психики, выражающихся в каждой личности: разума, воли и чувства. Добавим сюда и известный закон лингвистики: во всех языках мира первые три числительных - один, два, три - относятся к древнейшему лексическому пласту и никогда не заимствуются.

Булгаков, не будучи мистиком и православным, вряд ли напрямую придавал троичности "Мастера и Маргариты" какую-либо религиозную символику. Вместе с тем, в отличие от большинства основных персонажей трех миров, формирующих триады, два таких важных героя, как Мастер и Иешуа Га-Ноцри формируют только пару, а не триаду. Другую пару Мастер образует со своей возлюбленной, Маргаритой.

Проблема творческой личности и злой воли
Бегемот и Коровьев - провокаторы
Цветовая символика
Культура и советская уравниловка: кто кого?
Отрицание Коперника и возвращение к Птолемею
Физическое доказательство существования Рая
Обо всём этом читайте далее >>>

« Назад

Наверх »

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н О П Р С Т Ф Х Ц Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

Ф. В "Столпе и утверждении Истины" провозглашал: "Личность, сотворенная Богом, - значит, святая и безусловно-ценная своею внутренней сердцевиной - личность имеет свободную творческую волю раскрывающуюся как система действий, т. е. Как эмпирический характер. Личность, в этом смысле слова есть характер.

Но тварь Божия - личность, и она должна быть спасена; этот же характер есть именно то, что мешает личности быть спасенной. Психологически это значит, что злая воля человека, выявляющая себя в похотях и в гордыне характера, отделяется от с а м о г о человека, получая самостоятельное, безсубстанциональное в бытии положение и, вместе с тем, являясь "для другого"... абсолютным ничто".

Булгаковский Мастер - свою свободную творческую волю реализует в романе о Понтии Пилате. Для спасения творца гениального произведения Воланду действительно приходится развести личность и характер: сначала отравить Мастера и Маргариту с тем, чтобы, отделив их бессмертные, субстанциональные сущности, поместить эти сущности в последний приют. Также члены свиты сатаны - это как бы материализовавшиеся злые воли людей, и неслучайно они провоцируют современных персонажей романа на выявление дурных черт характера, мешающих освобождению и спасению личности.

В "Мастере и Маргарите" отразилась и цветовая символика, принятая в католической церкви и приведенная Ф. В "Столпе и утверждении Истины". Здесь белый цвет "знаменует невинность, радость и простоту", голубой - небесное созерцание, красный "провозглашает любовь, страдание, могущество, справедливость", кристаллически-прозрачный олицетворяет беспорочную чистоту, зеленый - надежду, нетленную юность, а венок из вечнозеленых листьев, желтый "означает испытание страданием", серый - смирение, золотой - небесную славу, черный - скорбь, смерть или покой, фиолетовый - молчание, а пурпурный символизирует королевский или епископский сан.

Нетрудно убедиться, что у Булгакова цвета имеют сходные значения. Например, Иешуа Га-Ноцри одет в голубой хитон, а на голове у него белая повязка. Такой наряд подчеркивает невинность и простодушие героя, равно как и его сопричастность миру неба. Коровьев-Фагот в последнем полете превращается в молчаливого фиолетового рыцаря. Записанные Левием Матвеем слова Иешуа о том, что "человечество будет смотреть на солнце сквозь прозрачный кристалл", выражают идею беспорочной чистоты, а серый больничный халат Мастера символизирует покорность героя судьбе. Золото ершалаимского храма олицетворяет небесную славу.

Багряная мантия, в которую как бы наряжают Маргариту перед Великим балом у сатаны, кулав в крови, - это символ ее королевского сана на этом балу. Красный цвет в "Мастере и Маргарите" напоминает о страдании и невинно пролитой крови, как, например, кровавый подбой на плаще у Понтия Пилата. Черный цвет, особенно обильный в сцене последнего полета, символизирует смерть героев и переход в иной мир, где для них уготована награда покоем. Желтый цвет, особенно в сочетании с черным, как правило, создает чрезвычайно тревожную атмосферу и предвещает грядущие страдания. У тучи, накрывшей Ершалаим во время казни Иешуа, "черное дыхание ближе отсвечивало желтым". Подобная же туча обрушивается на Москву тогда, когда заканчивается земной путь Мастера и Маргариты. Последующие несчастья словно предсказаны, когда при первой встрече Мастер видит у Маргариты мимозы - "тревожные желтые цветы", которые "очень отчетливо выделялись на черном ее весеннем пальто".

В булгаковском романе использован принцип, сформулированный Ф. В "Мнимостях в геометрии": "Если смотришь на пространство через не слишком широкое отверстие, сам будучи в стороне от него, то в поле зрения попадают и плоскость стены; но глаз не может аккомодироваться одновременно и на виденном сквозь стену пространстве и на плоскости отверстия. Поэтому, сосредоточиваясь вниманием на освещенном пространстве, в отношении самого отверстия глаз вместе и видит его и не видит... Вид через оконное стекло еще убедительнее приводит к тому же раздвоению; наряду с самим пейзажем в сознании наличио и стекло, ранее пейзажа нами увиденное, но далее уже не видимое, хотя и воспринимаемое осязательным зрением или даже просто осязанием, например, когда мы касаемся его лбом... Ничто зрением, оно есть ничто осязанию; но это ничто преобразовывается зрительным восприятием во что-то как бы зрительное. Прозрачное - призрачно..."

Еще в своем дневнике "Под пятой" Булгаков, похоже, упомянул это явление в одной из записей от 23 декабря 1924 г.: "...Вспомнил вагон в январе 20-го года и фляжку с водкой на сером пневе, и даму, которая жалела меня за то, что я так страшно дергаюсь. Я смотрел на лицо Р. О. И видел двойное видение. Ему говорил, а сам вспоминал... Нет, не двойное, а тройное. Значит, видел Р. О., одновременно - вагон, в котором я поехал не туда, куда нужно (возможно, намек на поездку в Пятигорск, после которой, по воспоминаниям второй жены Булгакова Т. Н. Лаппа, писатель заразился брюшным тифом и не смог отступить из Владикавказа вместе с белыми), и одновременно же - картину моей контузии под дубом и поломзина, раненого в живот... Он умер в ноябре 19-го года во время похода за Шали-Аул..."

В булгаковском видении, как и у Ф., сочетаются сразу три пространственных и временных пласта. Такие же три пространственно-временных мира мы видим в "Мастере и Маргарите", причем их взаимодействие в читательском восприятии во многом подобно оптическому явлению, разобранному Ф. Когда мы видим оживший мир древней легенды, реальный до осязаемости, как пространственный, так и современный мир романа выглядят порой "полусуществующими". Угаданный творческим воображением Мастера Ершалаим воспринимается как безусловная реальность, а город, где живет автор романа, становится как бы призрачным, населенным химерами человеческого сознания, порождающего Воланда и его свиту.

Тот же оптический принцип действует в сцене перед Великим балом у сатаны, когда Воланд демонстрирует работу демона войны Абадонны на своем волшебном хрустальном глобусе: "Маргарита наклонилась к глобусу и увидела, что квадратик земли расширился, многократно распласался и превратился как бы в рельефную карту. А затем она увидела и ленточку реки, и какое-то селение возле нее. Домик, который был размером с горошину, разросся и стал как бы спичечная коробка. Внезапно и беззвучно крыша этого дома взлетела наверх вместе с клубом черного дыма, а стенки рухнули, так что от двухэтажной коробочки ничего не осталось, кроме кучечки, от которой валил черный дым. Еще приблизив свой глаз, Маргарита разглядела маленькую женскую фигурку, лежащую на земле, а возле нее в луже крови разметавшего руки маленького ребенка". Здесь эффект многослойного изображения в прозрачном глобусе усиливает тревогу героини, пораженной ужасами войны.

В авторефераре для словаря Гранат Ф. Основным законом мира называл "второй принцип термодинамики - закон энтропии, взятый расширительно, как закон Хаоса во всех областях мироздания. Мир противостоит Логос - начало творящее (энтропия - это процесс, ведущий к хаотизации и деградации, а антропия - процесс, противоположный энтропии и направленный к упорядочению и усложнению строения чего-либо). Культура есть сознательная борьба с мировым уравниванием: культура состоит в изоляции, как задержке уравнительного процесса вселенной, и в повышении разности потенциалов во всех областях, как условии жизни, в противоположность равенству - смерти". По убеждению Ф., "ренессансовая культура Европы... закончила свое существование к началу XX в., и с первых же годов нового столетия можно наблюдать то всем линиям культуры первые ростки культуры иного типа".

В "Мастере и Маргарите" в момент создания романа о Понтии Пилате Мастер сознательно изолируется от мира, где господствует примитивное уравнивание личностей. Булгаков творил уже после культурной катастрофы 1917 г. в России, во многом сознававшейся Ф. Как конец европейской культуры нового времени, ведущей начало от эпохи Возрождения. Но Мастер принадлежит именно к этой, отмирающей, по мнению Ф., культуре, в традициях которой он творит историю Пилата и Иешуа, тем самым преодолевая обозначенный революцией разрыв культурной традиции.

Здесь Булгаков противоположен Ф. Философ думал, что на смену ренессансной культуре придет тип культуры, ориентированный на православное Средневековье. Автор "Мастера и Маргариты" создал совершенно не православный вариант евангельской легенды, и заставил главного героя, Мастера, в последнем полете превратиться в западноевропейского романтика XVIII в., а не в православного монаха XV в., столь близкого по типу мировосприятия Ф. Вместе с тем, Мастер своим романом противостоит "мировому уравниванию", упорядочивает мир Логосом, т. е. выполняет ту же функцию, какую приписывал культуре Ф.

В письме в Политотдел, содержавшем просьбу об издании книги "Мнимости в геометрии" Ф. Утверждал: "Разрабатывая монистическое мировоззрение, идеологию конкретного, трудового отношения к миру, я был и есть принципиально враждебен спиритуализму, отвлеченному идеализму и такой же метафизике. Как всегда полагал я, мировоззрение должно иметь прочные конкретно-жизненные корни и завершаться жизненным же воплощением в технике, искусстве и проч. В частности, я отстаиваю неэвклидовскую геометрию во имя технических применений в электротехнике... Теория мнимости может иметь физическое и, следовательно, техническое применение..."

Любопытно, что в экземпляре "Мнимостей в геометрии", сохранившемся в булгаковском архиве, подчеркнуты слова Ф., будто специальный принцип относительности утверждает, что "никакими физическими опытом убедиться в предполагаемом движении Земли невозможно. Иначе говоря, Эйнштейн объявляет систему Коперника чистой метафизикой, в самом порицательном смысле слова".

Привлекло внимание писателя и положение Ф. О том, что "Земля покоится в пространстве - таково прямое следствие опыта Майкельсона. Косвенное следствие - это надстройка, именно утверждение, что понятие о движении - прямолинейном и равномерном - лишено какого-либо уловимого смысла. А раз так, то из-за чего же было ломать перья и гореть энтузиазмом якобы постигнутого устройства вселенной?"

Близкой Булгакову оказалась и следующая мысль философа-математика: "...нет и принципиально не может быть доказательства вращения Земли, и в частности, ничего не доказывает пресловутый опыт Фуко: при неподвижной Земле и вращающемся вокруг нее, как одно твердое тело, небосводе, маятник так же менял бы относительно Земли плоскость своих качаний, как и при обычном, Коперниковском предположении о Земном вращении и неподвижности Неба. Вообще, в Птолемеевой системе мира, с ее хрустальным небом, "твердью небесною", все явления должны происходить так же, как и в системе Коперника, но с преимуществом здравого смысла и верности земле, земному, непосредственно достоверному опыту, с соответствием философскому разуму и, наконец, с удовлетворением геометрии".

Автор "Мастера и Маргариты" подчеркнул в работе Ф. И то место, где определялся радиус "земного бытия" - примерно в 4 млрд. км - "область земных движений и земных явлений, тогда как на этом предельном расстоянии и за ним начинается мир непостоянных новый, область небесных движений и небесных явлений, - попросту Небо".

Булгаков особо выделил мысль о том, что "мир земного - достаточно уютен", и обратил внимание, что по Ф. "граница мира приходится как раз там, где ее и признавали с глубочайшей древности", т. е. За орбитой Урана (к моменту публикации "Мнимостей в геометрии" Плутон еще не был открыт). При этом "на границе Земли и Неба длина всего тела делается равной нулю, масса бесконечна, а время его, со стороны наблюдаемое - бесконечным. Иначе говоря, тело утрачивает свою протяженность, переходит в вечность и приобретает абсолютную устойчивость. Разве это не есть переход в физических терминах - признаков идей, по Платонову - бестелесных, непротяженных, неизменяемых, вечных сущностей? Разве это не аристотелевские чистые формы? Или, наконец, разве это не воинство небесное, - созерцаемое с Земли как звезды, но земным свойствам чуждое?"

Булгаков подчеркнул и одно из наиболее принципиальных утверждений Ф., что "за границею предельных скоростей (эту границу автор "Мнимостей в геометрии" считал пределом земного бытия) простирается царство целей. При этом длина и масса тел делаются мнимыми".

Писатель также отметил заключительные строки книги Ф.: "Выражаясь образно, а при конкретном понимании пространства - и не образно, можно сказать, что пространство ломается при скоростях, больших скорости света, подобно тому, как воздух ломается при движении тел, со скоростями, большими скорости звука; и тогда наступают качественно новые условия существования пространства, характеризуемые мнимыми параметрами. Но, как провал геометрической фигуры означает вовсе не уничтожение ее, а лишь ее переход за грань отсчета поверхности и, следовательно, доступность существам, находящимся по ту сторону поверхности, так и мнимость параметров тела должна пониматься не как признак ирреальности его, но - лишь как свидетельство о его переходе в другую действительность. Область мнимостей реальна, постижима и на языке Данта называется Эмпиреем. Все пространство мы можем представить себе двойным, составленным из действительных и из совпадающих с ними мнимых гауссовых координатных поверхностей, но переход от поверхности действительной к поверхности мнимой возможен только через разлом пространства и выворачивание тела через самого себя. Пока, мы представляем себе средством к этому процессу только увеличение скоростей, может быть скоростей каких-то частиц тела; но у нас нет доказательств невозможности каких-либо иных средств. Так, разрывая время, "Божественная Комедия" неожиданно оказывается не позади, а впереди нам современной науки".

В завершении:
Финал романа мирит Коперника с Птолемеем
Сатана = Вселенная?
Предсказание открытия "черных дыр"
Творцу Булгакову напочём научные догматы

« Назад Наверх »

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Флоренский П. А., часть 4 ~

Страницы: 1 2 3 4

Ф. дал геометрическое истолкование перехода из времени в вечность, перехода, занимавшего И. Канта в трактате "Конец всего сущего" (1794). Именно это истолкование привлекло внимание Булгакова в "Мнимостях в геометрии". Финал "Мастера и Маргариты" демонстрирует равноправие двух систем устройства Вселенной: геоцентрической древнегреческого астронома Клавдия Птолемея (около 90 - около 160) и гелиоцентрической польского астронома Николая Коперника (1473-1543).

В сцене последнего полета главные герои вместе с Воландом и его свитой покидают "туманы земли, ее болотца и реки". Мастер и Маргарита отдаются "с легким сердцем в руки смерти", ища успокоения. В полете Маргарита видит, "как меняется облик всех летящих к своей цели" - ее возлюбленный превращается в философа XVIII в., подобного Канту, Бегемот - в мальчика-пажа, Коровьев-Фагот - в мрачного фиолетового рыцаря, Азазелло - в демона пустыни, а Воланд "летел тоже в своем настоящем обличье. Маргарита не могла бы сказать, из чего сделан повод его коня, и думала, что, возможно, что это лунные цепочки и самый конь - только глыба мрака, и грива этого коня - туча, а шпоры всадника - белые пятна звезд".

Сатана у Булгакова на пути в царство целей превращается в гигантского всадника, размерами сопоставимого со Вселенной. И местность, где летящие видят сидящего в кресле наказанного бессмертием Понтия Пилата, - это по сути уже не земная местность, поскольку перед этим "печальные леса утонули в земном мраке и увлекли за собою и тусклые лезвия рек". Воланд со спутниками скрывается в одном из горных провалов, "в которые не проникал свет луны".

Ф. фактически предсказал открытие так называемых "черных дыр" - звезд, в результате гравитационного коллапса превратившихся в космические тела, где радиус стремится к нулю, а плотность - к бесконечности, откуда невозможно никакое излучение и куда силой сверхмощного притяжения безвозвратно затягивается материя. Черный провал, где исчезает дьявол со своей свитой, может рассматриваться как аналог такой "черной дыры" (хотя во времена Ф. и Булгакова этот термин еще не употреблялся).

Последний приют Мастера и Маргариты уютен, как мир земного, но явно принадлежит вечности, т.е. находится на границе Неба и Земли, в той плоскости, где соприкасаются действительное и мнимое пространство.

Булгаков наделил существа "по ту сторону поверхности", вроде Коровьева-Фагота, Бегемота и Азазелло, юмористическими, шутовскими чертами и, в отличие от Ф., вряд ли верил в их реальное бытие, пусть даже в мире мнимостей. Писатель был не согласен с философской системой, изложенной в "Столпе и утверждении Истины" и "Мнимостях в геометрии". В то же время, он обратил внимание на слова Ф. о зависимости философии от человеческого мышления, о "философском разуме", которому лучше всего соответствует Птолемеева система устройства Вселенной.

Ф. считал "межи" или "табу" для нашей мысли исходящими от Бога и потому непреодолимыми. Булгаков был менее догматичен. В "Мастере и Маргарите" писатель, доверившись творческой фантазии, оказывается, подобно Данте Алигьери (1265-1321) в "Божественной комедии" (1307-1321), как бы "впереди нам современной" философии.

Ф. не мог преодолеть многих ограничений, накладываемых на философию особенностями мышления, такими как троичность или еще более фундаментальное стремление рассматривать все явления как имеющие начало и конец. Если бесконечность человеческий разум еще может воспринять, понимая ее как постоянное увеличение какого-то ряда, то безначалие - проблема для мышления гораздо более трудная, поскольку опыт человека говорит, что все вокруг, в том числе и его собственная жизнь, имеет начало, хотя и не обязательно имеет конец. Отсюда мечта о вечной жизни, воплощенная в бессмертии, дарованном божествам. Но практически во всех существующих мифах богам свойственно рождаться. Не только бесконечным, но и безначальным бытием обладает лишь один абсолютный Бог (в некоторых философских системах понимаемый как Мировой Разум). Но даже и этот Бог всегда представляется творцом Вселенной, которая, следовательно, должна иметь свое начало, и разными учеными и философами рассматривается либо как эллиптическая (конечная), либо как гиперболическая (бесконечная). Ф. признавал мировое пространство имеющим начало и конец, за что подвергался резкой критике со стороны марксистов.

А Булгаков в "Мастере и Маргарите" сумел отразить идею не только бесконечности, но и безначальности. В бесконечное пространство уходят Иешуа, Мастер, Маргарита, Воланд и подвластные ему демоны. В то же время, два таких важнейших героя как Мастер и Га-Ноцри, да и сам Воланд, входят в роман фактически без биографии. Этим они существенно отличаются от Понтия Пилата, чье жизнеописание, пусть в зашифрованном виде, в романе присутствует. У читателей остается впечатление, что не помнящий своих родителей бродяга из Галилеи и творец истории прокуратора Иудеи существовали и будут существовать всегда. В этом отношении они уподоблены Богу, чье бытие представляется вечным.

Как и бытие Божие, логично было бы представить Вселенную не только бесконечной, но и безначальной, что, тем не менее, восстает против коренных особенностей человеческого мышления и не находит поддержки в системах философии, признающих первичным сознание. Несмотря на это, безначально-бесконечная интерпретация мирового пространства присутствует в финале последнего булгаковского романа.

« Назад

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Левий Матвей ~

Левий Матвей - персонаж романа "Мастер и Маргарита", бывший сборщик податей, единственный ученик Иешуа Га-Ноцри.

Л. М. восходит к евангелисту Матфею, которому традиция приписывает авторство "логий" - древнейших заметок о жизни Иисуса Христа, которые легли в основу трех Евангелий: Матфея, Луки и Марка, называемых синоптическими.

Булгаков в романе как бы реконструирует процесс создания Л. М. этих "логий" - первичного искажения истории Иешуа Га-Ноцри и Понтия Пилата, умноженного затем в канонических Евангелиях. Сам Иешуа подчеркивает, что Л. М. "неверно записывает за мной".

По утверждению Га-Ноцри: "...Ходит, ходит один с козлиным пергаментом и неправильно пишет. Но я однажды заглянул в этот пергамент и ужаснулся. Решительно ничего из того, что там записано, я не говорил. Я его умолял: сожги ты бога ради свой пергамент! Но он вырвал его у меня из рук и убежал".

Рукопись Л. М., как и рукопись Мастера, не горит, но она несет не истинное, а извращенное знание. Это первичное искажение идей Иешуа Л. М. ведет к кровопролитию, о чем ученик Га-Ноцри предупреждает Понтия Пилата, говоря, что "крови еще будет".

В первой редакции романа Л. М. записывал за Иешуа в записную книжку. В подготовительных материалах к последней редакции "Мастера и Маргариты" сохранились выписки из книги М. И. Щелкунова "Искусство книгопечатания в его историческом развитии" (1923), где отмечалось, что первые книги в Риме появились лишь во второй половине I в., да и то они были сшиты из папируса, а не из бумаги, которая пришла в Европу еще позднее. Основными материалами для письма в Римской империи времен Иисуса Христа здесь были названы пергамент и папирус. В окончательном тексте романа Л. М. пишет на свитке пергамента, который, в отличие от папируса - долговечного материала - не мог сохраниться в течение столетий и отразиться в Евангелиях.

Проклятия Л. М., адресованные Богу, обнаруживают совершенно неожиданный источник - роман Владимира Зазубрина (Зубцова) (1895-1937) "Два мира" (1921) о гражданской войне в Сибири. Ученик Иешуа, бессильный прекратить страдания Учителя на кресте, убедившись в бесполезности своих молитв, проклинает Бога и как бы передает себя под покровительство дьявола: "Я ошибался! - кричал совсем охрипший Левий, - ты бог зла! Или твои глаза совсем закрыл дым из курительниц храма, а уши твои перестали что-либо слышать, кроме трубных звуков священников? Ты не всемогущий бог. Ты черный бог. Проклинаю тебя, бог разбойников, их покровитель и душа!"

Главный герой романа Зазубрина, подпоручик белой армии, наблюдая страдания и гибель отступающих офицеров и беженцев, проклинает перед иконой Бога-отца: "Ты видишь? Видишь наши муки, злой старик? Как глуп я был, когда верил в мудрость и доброту твою. Страдания людей тебе отрада. Нет, не верю я в тебя. Ты бог лжи, насилия, обмана. Ты бог инквизиторов, садистов, палачей, грабителей, убийц! Ты их покровитель и защитник".

Обращение Л. М. к дьяволу оказывается эффективным: на Ершалаим с запада надвигается гроза, которая вынуждает Понтия Пилата снять оцепление и добить распятых: Иешуа Га-Ноцри и разбойников Гестаса и Дисмаса.

Когда Л. М. позднее приносит Воланду весть о судьбе Мастера и Маргариты, он называет дьявола духом зла и повелителем теней, забыв о своем прошлом обращении к его покровительству, чем и вызван ироничный вопрос сатаны: "Если ты ко мне, то почему же ты не поздоровался со мной, бывший сборщик податей?"

Теперь Л. М. не желает, чтобы дьявол здравствовал, и в своей версии истории Иешуа Га-Ноцри начисто отрицает участие в ней "князя тьмы", который на самом деле "и на балконе был у Понтия Пилата, и в саду, когда он с Каифой разговаривал, и на помосте", и во время казни, когда услышал проклятия Л. М. в адрес Бога и откликнулся на них.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"В ночь на 3-е число"

"В ночь на 3-е число" - рассказ, имеющий подзаголовок "Из романа "Алый мах". Опубликован: Накануне, Берлин - М., 1922, 10 дек. Литературное приложение.

Если "Алый мах" - не мистификация, то, скорее всего, это первоначальное название романа "Белая гвардия". Текст рассказа чрезвычайно близок к тексту того окончания "Белой гвардии", которое не было опубликовано из-за закрытия журнала "Россия".

Рассказ отличается от "Белой гвардии" прежде всего фамилиями героев. Доктор Алексей Турбин здесь именуется доктором Михаилом Бакалейниковым, Николка Турбин - Колькой Бакалейниковым, Леонид Юрьевич Шервинский - Юрием Леонидовичем, Елена Тальберг - Варварой Афанасьевной, причем в тексте В н. на 3-е ч. она не сестра доктора Бакалейникова, а его жена. Из персонажей "Белой гвардии" в рассказе под тем же именем фигурирует инженер Василий Лисович.

Имена героев В. н. на 3-е ч. гораздо ближе к именам реальных прототипов. Для Михаила Бакалейникова и Алексея Турбина прототипом послужил сам Михаил Булгаков, для Кольки Бакалейникова и Николки Турбина - его брат Николай, для Варвары Афанасьевны и Елены Турбиной-Тальберг - сестра Варвара Афанасьевна Булгакова (по мужу - Карум), для Юрия Леонидовича и Леонида Юрьевича Шервинского - друг Булгакова и двоюродный брат мужа Вари Булгаковой Леонида Сергеевича Карума (1888-1968) Юрий Леонидович Гладыревский.

По свидетельству первой жены Булгакова Т. Н. Лаппа, описанный в В н. на 3-е ч. и в соответствующих главах "Белой гвардии" эпизод имел место в действительности, когда в ночь со 2-го на 3-е февраля 1919 г., во время отступления петлюровских войск из Киева, Булгаков был мобилизован как военный врач, видел страшное убийство еврея у Цепного моста, а затем смог отстать от петлюровцев и, рискуя быть расстрелянным за дезертирство, добрался домой, запыхавшись от быстрого бега и испытав сильное нервное потрясение. Тогда Т. Н. Лаппа на самом деле ждала мужа вместе с В. А. Булгаковой (Карум) и братьями Иваном и Николаем Булгаковыми.

В рассказе запечатлено потрясшее автора убийство еврея: "Первое убийство в своей жизни доктор Бакалейников увидал секунда в секунду на переломе ночи со 2-го на 3-е число. В полночь, у входа на проклятый мост... Пан куренный не рассчитал удара и молниеносно опустил шомпол на голову. Что-то кракнуло, черный окровавленный не ответил уже "ух". Как-то странно, подвернув руку и мотнув головой, с колен рухнул на бок и широко отмахнув другой рукой, откинул ее, словно побольше хотел захватить для себя истоптанной, унавоженной белой земли.

Еще отчетливо Бакалейников видел, как крючковато согнулись пальцы и загребли снег. Потом в темной луже несколько раз дернул нижней челюстью лежащий, как будто давился, и разом стих.

Странно, словно каркнув, Бакалейников всхлипнул, пошел, пьяно шатаясь, вперед и в сторону от моста к белому зданию".

Совпадение соответствующих глав "Белой гвардии" и В н. на 3-е ч. практически полное, текстуальное, с очень небольшой редакционной правкой и вставками. Между тем, в автобиографии, написанной в октябре 1924 г., Булгаков отмечал, что недавно закончил роман "Белая гвардия", который писал в течение года. В свете этого сообщения невероятно, чтобы "Белая гвардия", пусть даже в ранней редакции под названием "Алый мах", была уже почти закончена к декабрю 1922 г. - времени публикации В н. на 3-е ч.

На самом деле роман был начат с одной из последних глав, запечатлевшей событие, в наибольшей мере потрясшее Булгакова - первую насильственную смерть человека на его глазах и при полном бессилии что-нибудь изменить. До этого писателю, по крайней мере, однажды приходилось видеть смерть - в 1915 г. в его присутствии застрелился близкий друг Борис Богданов. Происшедшее тогда потрясло Булгакова, но все же это было не убийство, а самоубийство.

Если в В н. на 3-е ч. будущая Елена Турбина выступает еще как жена будущего Алексея Турбина, то в "Белой гвардии" она превратилась в сестру главного героя. В рассказе Булгаков слил в один образ судьбы двух близких ему женщин, дожидавшихся мужа и брата в ту роковую ночь.

К моменту завершения "Белой гвардии" писатель уже развелся с Т. Н. Лаппа, а охлаждение между ними началось еще раньше. Это могло, наряду с начавшимся в январе 1924 г. романом с Л. Е. Белозерской, побудить "превратить" Елену из жены в сестру Алексея Турбина, хотя некоторые черты Т. Н. Лаппа здесь сохранились. В частности, страстная молитва Елены за жизнь тяжело больного брата больше напоминает молитву жены и в основе имеет болезнь самого Булгакова во Владикавказе весной 1920 г., когда его, лежавшего в тифу, выходила Т. Н. Лаппа. Ей первоначально и была посвящена "Белая гвардия".

Финал В н. на 3-е ч. в тексте "Белой гвардии" отсутствует, но концовка рассказа уже в конденсированном виде содержит будущий финал романа: "Через час город спал. Спал доктор Бакалейников. Молчали улицы, заколоченные подъезды, закрытые ворота. И не было ни одного человека на улицах. И даль молчала. Из-за реки от Слободки с желтыми потревоженными огнями, от моста с бледной цепью фонарей не долетало ни звука. И сгинула черная лента, пересекшая город, в мраке на другой стороне. Небо висело: бархатный полог с алмазными брызгами, чудом склеившаяся Венера над Слободкой опять играла, чуть красноватая, и лежала белая перевязь - путь серебряный, млечный".

Здесь то же примиряющее звездное небо - символ морального абсолюта, а восходящая над городом звезда Венеры - символ богини любви, но звезда "чуть красноватая" - от обильно пролитой на земле крови. В начале же "Белой гвардии" над городом "особо высоко в небе стояли две звезды: звезда пастушеская Венера и красный, дрожащий Марс", звезды богини любви и бога войны, символы умиротворения и насилия.

Вероятно, мысль о таком вступлении и заключении романа была у Булгакова еще в пору написания В н. на 3-е ч. В финале "Белой гвардии" говорится о грядущем исчезновении войны - меча. В рассказе же с небосклона исчезает звезда бога войны - Марс.

Если в момент гибели человека у моста доктор Бакалейников, как и доктор Турбин, видит, что звезда Венеры чудесным образом сливается со вспышкой артиллерийского разрыва, то в финале "Белой гвардии" Венера вновь обретает свой обычный, играющий облик, склеившись опять после чудовищного взрыва. Это олицетворяет грядущее восстановление быта и бытия.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

"Был май"

Страницы: 1 2

"Был май" - рассказ. При жизни Булгакова не публиковался. Впервые: Аврора, Л, 1978, №3. Название дано при публикации по первому предложению, в оригинале (машинописи) - без названия.

По свидетельству третьей жены писателя Е. С. Булгаковой, Б. м. написан Булгаковым 17 мая 1934 г., когда появились обнадеживающие известия о том, что ему будет разрешена поездка в Париж. Б. м. задумывался как первая глава в будущей книге рассказов или очерков путешествия по Европе. Однако поездка не состоялась, и автор с горя порвал пополам листки машинописи рассказа - в таком виде они сохранились в булгаковском архиве до наших дней.

Там же есть воспоминания Е. С. Булгаковой, приложенные к машинописи Б. м: "Написано М. А. Булгаковым (продиктовано Е. С. Булгаковой) 17 мая 1934 г. сразу же после прихода домой в Нащокинский пер. из АОМСА (админ. отд. Моск. Сов.), куда мы были вызваны для получения заграничных паспортов, после того как М. А. написал просьбу о них на имя А. С. Енукидзе. 17.V по телефону некий т. Борисполец сказал М. А-чу, чтобы мы пришли, взяв с собой паспорта и фотокарточки для получения паспортов. В АОМСЕ он встретил нас очень любезно, подтвердил сказанное, дал анкеты для заполнения, сказал, что мы получим валюту. Перед ним на столе лежали два красных паспорта. Когда мы внизу заполняли анкеты, в комнату вошли двое: мужчина и женщина. Меня очень смешил М. А. во время заполнения анкеты, по своему обыкновению. Те пришедшие присматривались очень внимательно, как мы сообразили потом. Паспортов нам Борисполец не выдал, "паспортистка ушла", - сказал. Перенес на 19-е. С 19-го на 20-е, и т. д. Через несколько дней мы перестали ходить. А потом, в начале июня, кажется 7-го, во МХАТе от Ивана Серг. (курьера), который привез всем мхатовцам гору паспортов, - мы получили две маленькие бумажки - отказ. На улице М. А. стало плохо, я довела его до аптеки. Там его уложили, дали капли. На улице стоял Безыменский (один из наиболее непримиримых противников "Дней Турбиных", прототип Ивана Бездомного в "Мастере и Маргарите") около своей машины. "Ни за что не попрошу", - подумала я. Подъехала свободная машина, и на ней я отвезла Мишу домой. Потом он долго болел, у него появился страх пространства и смерти.

А эту главку он продиктовал мне 17 мая, - она должна была быть первой главой будущей книги путешествия. "Я не узник больше! - говорил Миша счастливо, крепко держа меня под руку на Цветном бульваре. - Придем домой, продиктую тебе первую главу".

В письме своему соавтору по пьесе "Александр Пушкин" Викентию Вересаеву (Смидовичу) (1867-1945) 11 июля 1934 г. Булгаков рассказал об этих же событиях: "... Самые трезвые люди на свете - это наши мхатчики. Они ни в какие розы и дождики не веруют. Вообразите, они уверовали в то, что Булгаков едет. Значит же, дело серьезно! Настолько уверовали, что в список мхатчиков, которые должны были получить паспорта (а в этом году как раз их едет очень много), включили и меня с Еленой Сергеевной. Дали список курьеру - катись за паспортами.

Он покатился и прикатился. Физиономия мне его сразу настолько не понравилась, что не успел он еще рта раскрыть, как я уже взялся за сердце.

Словом, он привез паспорта всем, а мне беленькую бумажку - М. А. Булгакову отказано.

Об Елене Сергеевне даже и бумажки никакой не было. Очевидно, баба, Елизавета Воробей! О ней нечего и разговаривать!

Впечатление? Оно было грандиозно, клянусь русской литературой! Пожалуй, правильней всего все происшедшее сравнить с крушением курьерского поезда. Правильно пущенный, хорошо снаряженный поезд, при открытом семафоре, вышел на перегон - и под откос!

Выбрался я из под обломков в таком виде, что неприятно было глядеть на меня...

Перед отъездом (в Ленинград, на гастроли МХАТа) я написал генсеку письмо, в котором изложил все происшедшее, сообщал, что за границей не останусь, а вернусь в срок, и просил пересмотреть дело... Ответа нет. Впрочем, поручиться, что мое письмо дошло по назначению, я не могу".

В дневнике Е. С. Булгаковой 18 мая 1934 г. отметила сомнения мужа в связи с тем, что 17-го они так и не получили паспортов: " - Слушай, а это не эти типы подвели?! Может быть подслушивали? Решили, что мы радуемся, что уедем и не вернемся? Да нет, не может быть. Давай лучше мечтать, как мы поедем в Париж!

И все повторял ликующе:

- Значит, я не узник! Значит, увижу свет!

Шли пешком, возбужденные. Жаркий день, яркое солнце. Трубный бульвар. М. А. прижимает к себе мою руку, смеется, выдумывает первую главу будущей книги, которую привезет из путешествия.

- Неужели не арестант?!

Это - вечная ночная тема: Я - арестант... Меня искусственно ослепили...

Дома продиктовал мне первую главу будущей книги".

Подозрения Булгаковых, окрепшие после отказа в получении загранпаспортов, что их судьбу определили неизвестные мужчина и женщина, находившиеся вместе с ними в комнате во время заполнения анкет, вряд ли основательны. Вопрос о выезде Булгакова за границу, тем более после его разговора с И. В. Сталиным в апреле 1930 г., определенно решался на самом верху. Тем более, 1 июня 1934 г. Е. С. Булгакова записала в дневнике, что Минервина, секретарша А. С. Енукидзе (1877-1937), секретаря ЦИК СССР, говорила ее сестре О. С. Бокшанской (1891-1948) о получении Булгаковыми паспортов как деле решенном. Скорее всего, в верхах по вопросу о выезде драматурга шла борьба, как шла она в свое время по поводу выпуска на сцену булгаковских пьес "Дни Турбиных" (1926) и "Бег" (1928). За время, пока Булгаков с женой заполняли анкеты, чиновник Борисполец мог получить новые указания, вследствие чего выдача заветных красных книжек так и не состоялась.

10 июля 1934 г. Булгаков написал письмо Сталину, где изложил всю историю с паспортами. Как подчеркнул драматург, чиновники несколько раз повторили, что "относительно вас есть распоряжение" паспорта выдать, как есть такое распоряжение и насчет писателя Бориса Пильняка (Вогау) (1894-1938) (1 июня Е. С. Булгакова отметила, что Пильняк с женой получили паспорта), а в секретариате ЦИК представителей МХАТа заверили, что "дело Булгаковых устраивается".

Письмо заканчивалось так: "Обида, нанесенная мне в ИПО Мособлисполкома, тем серьезнее, что моя четырехлетняя служба в МХАТ для нее никаких оснований не дает, почему я и прошу Вас о заступничестве". Ответа не последовало, поэтому можно предположить: Сталин был среди тех, кто возражал против выезда Булгакова за границу, не будучи уверенным, что опальный драматург вернется на родину.

О реакции Булгакова на отказ в заграничной поездке сохранилось любопытное донесение осведомителя НКВД. Этим осведомителем, по всей вероятности был артист МХАТа Евгений Васильевич Калужский (1896-1966), муж О. С. Бокшанской (см.: "Кабала святош"). В сводке от 23 мая 1935 г. он привел мнение Булгакова в связи со всей этой историей: "Меня страшно обидел отказ в прошлом году в визе заграницу. Меня определенно травят до сих пор. Я хотел начать снова работу в литературе большой книгой заграничных очерков. Я просто боюсь выступать сейчас с советским романом или повестью. Если это будет вещь не оптимистическая - меня обвинят в том, что я держусь какой-то враждебной позиции. Если это будет вещь бодрая - меня сейчас же обвинят в приспособленчестве и не поверят. Поэтому я хотел начать с заграничной книги - она была бы тем мостом, по которому мне надо шагать в литературу. Меня не пустили. В этом я вижу недоверие ко мне как к мелкому мошеннику. У меня новая семья, которую я люблю. Я ехал с женой, а дети оставались здесь. Неужели бы я остался или бы позволил себе какое-нибудь бестактное выступление, чтобы испортить себе здесь жизнь окончательно. Я даже не верю, что это ГПУ меня не пустило. Это просто сводят со мной литературные счеты и стараются мне мелко пакостить".

Конечно, писатель выказывал наивность, когда полагал, что его книга о заграничном путешествии устроила бы цензуру. Ведь советским канонам в изображении "иностранной" жизни, как доказывает Б. м., Булгаков следовать не собирался. Слова же из агентурной сводки о "мосте", возможно, отозвались в реакции власти на создание пьесы "Батум". 16 августа 1939 г., как зафиксировала на следующий день Е. С. Булгакова, режиссер МХАТа В. Г. Сахновский(1886-1945) сообщил, что "наверху посмотрели на представление этой пьесы Булгаковым, как на желание перебросить мост и наладить отношение к себе".

Данное сообщение потрясло драматурга, возможно, еще и потому, что он вспомнил о собственных словах по поводу "заграничной книги", призванной стать "тем мостом, по которому мне надо шагать в литературу". Оба раза попытки "наведения мостов" окончились неудачей.

Читайте в завершении:

Отказ Булгакову в поездке похоронил его творческие надежды
Иуда наших дней погиб в чистке 37 года
Предложение Юрия Олеши
Виновник "домашнего ареста" Булгакова

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

"Был май", часть 2

Страницы: 1 2

Отказ в заграничной поездке похоронил надежды развернуть Б. м. в большую книгу, сродни "Письмам русского путешественника" (1791-1795) писателя и историка Николая Михайловича Карамзина (1766-1826). А план такой книги у Булгакова уже созрел, и он подробно изложил его в письме В. В. Вересаеву 11 июля 1934 г.: "...В конце апреля сочинил заявление о том, что прошусь на два месяца во Францию и в Рим с Еленой Сергеевной... Как один из мотивов указан мной был такой: хочу написать книгу о путешествии по Западной Европе.

Наступило состояние блаженства дома. Вы представляете себе: Париж! памятник Мольеру... здравствуйте, господин Мольер, я о вас и книгу и пьесу сочинил; Рим! - здравствуйте, Николай Васильевич, не сердитесь, я Ваши "Мертвые души" в пьесу превратил. Правда, она мало похожа на ту, которая идет в театре, и даже совсем не похожа, но все-таки это я постарался... Средиземное море! Батюшки мои!..

Вы верите ли, я сел размечать главы книги!

Сколько наших литераторов ездило в Европу - и кукиш с маслом привезли! Ничего! Сережку нашего (пасынка Булгакова С. Е. Шиловского (1926-1975), если послать, мне кажется, он бы интереснее мог рассказать об Европе. Может быть, и я не сумею? Простите, попробую!..

Мы покойны. Мечтания: Рим, балкон, как у Гоголя сказано - пинны, розы... рукопись... диктую Елене Сергеевне... вечером идем, тишина, благоухание... Словом, роман!

В сентябре начинает сосать под сердцем: Камергерский переулок (месторасположение МХАТа), там наверно, дождик идет, на сцене полумрак, чего доброго, в мастерских "Мольера" готовят. И вот в этот самый дождик я являюсь. В чемодане рукопись, крыть нечем!"

Возможно, никогда больше планы Булгакова не были столь вдохновенны и конкретны по срокам. В сентябре 1934 г., в момент возвращения из путешествия, он рассчитывал иметь в чемодане готовую рукопись, которую даже называл романом. Судя по Б. м., это все же был бы не традиционный роман, а скорее род беллетризованных записок путешественника, вроде карамзинского труда.

В Б. м. запечатлены события, происходившие ровно за год до начала предполагавшейся поездки по Западной Европе - в мае 1933 г. Вернувшийся из-за границы молодой человек Полиевкт Эдуардович, одетый по последней западноевропейской моде - это драматург Владимир Михайлович Киршон (1902-1938), один из идейных противников и конкурентов Булгакова. Позднее он погиб в чистке 1937-1938 гг.

Киршон резко критиковал булгаковский "Бег", и как раз над этой пьесой автор Б. м. работал весной 1933 г., внося изменения в текст по требованию МХАТа. В Б. м. Полиевкт Эдуардович критикует пьесу автора. Что же касается собственного сочинения человека в замшевой куртке и шоколадного цвета штанах до колен, то здесь имеется в виду пьеса Киршона "Суд", в апреле - мае 1933 г. поставленная во Втором МХАТе и в том же году опубликованная в журнале "Новый мир".

Булгаков издевается над драматургом, побывавшим за рубежом, но пьесу на "заграничную" тему написавшим на основе сложившихся схем, без какого-либо использования собственных впечатлений. Киршон, точно, принадлежал к числу тех, кто привез из-за границы "кукиш с маслом". Автор Б. м. иронизирует над Полиевктом Эдуардовичем. Человек в замше не замечает стоящих рядом с ним нищих, зато заставляет страдать вымышленного "заграничного" Ганса, чья мать, послав проклятье палачам, "была выгнана с квартиры и ночевала на бульваре под дождем", простудилась и умерла.

Можно не сомневаться, что в булгаковской книге о заграничном путешествии не было бы погибающих в полицейских застенках отважных Гансов или Пьеров, и вряд ли Западная Европа была бы представлена страной нищих и пролетариев, мечтающих свергнуть "капиталистическое рабство". Даже если бы поездка Булгакова с женой в Париж и Рим состоялась, булгаковские "Письма русского путешественника", с вымышленными персонажами на основе реальных прототипов, в отличие от карамзинского сочинения, вряд ли увидели бы свет при жизни автора. Но отказ в выезде за границу ограничил будущую книгу только коротким рассказом Б. м.

В случившемся Булгаков винил А. С. Енукидзе. Может быть, даже подозревал, что секретарь ЦИК специально издевался над ним, и потому сделал Авелия Софроновича одним из прототипов Аркадия Аполлоновича Семплеярова в романе "Мастер и Маргарита".

Полиевкт Эдуардович в Б. м. - "молодой человек ослепительной красоты, с длинными ресницами, бодрыми глазами". Таким же красавцем изображен Иуда из Кириафа в "Мастере и Маргарите": лицо убитого Иуды стало "каким-то одухотворенно красивым". Сходство тут неслучайно, ибо о тесных связях В. М. Киршона с ОГПУ и НКВД было широко известно. Опалу и последующую гибель драматурга во многом предопределило устранение всесильного прежде шефа НКВД Г. Г. Ягоды (1891-1938).

4 апреля 1937 г. Е. С. Булгакова записала в дневнике: "Киршона забаллотировали на общемосковском собрании писателей при выборах президиума. И хотя ясно, что это в связи с падением Ягоды, все же приятно, что есть Немезида и т. д." А 21 апреля 1937 г. она с явным удовлетворением констатировала: "Слухи о том, что с Киршоном и Афиногеновым что-то неладно. Говорят, что арестован Авербах. Неужели пришла судьба и для них?"

Предложение бывшего булгаковского товарища по работе в газете "Гудок" писателя Юрия Олеши (1899-1960), зафиксированное Е. С. Булгаковой 27 апреля 1937 г., "пойти на собрание московских драматургов, которое открывается сегодня и на котором будут расправляться с Киршоном", и "выступить и сказать, что Киршон был главным организатором травли М. А.", Булгаков отверг. Как отметила в дневнике Е. С. Булгакова, хотя слова Олеши о роли Киршона в травле его мужа и справедливы, "М. А. и не подумает выступать с таким заявлением и вообще не пойдет. Ведь раздирать на части Киршона будут главным образом те, кто еще несколько дней назад подхалимствовали перед ним".

Автор Б. м. отомстил Киршону в своем романе "Мастер и Маргарита": там Понтий Пилат организует убийство предателя Иуды, а Иешуа Га-Ноцри в беседе с прокуратором предвидит, что с "юношей из Кириафа" "случится несчастье, и мне его очень жаль". Героя Б. м. Полиевкта Эдуардовича и Иуду из Кириафа роднит беспринципность, страсть к деньгам и жизненным удовольствиям.

Оба они подчеркнуто щегольски одеты. Преуспевающий драматург "стоял, прислонившись к стене театра и заложив ногу за ногу. Ноги эти были обуты в кроваво-рыжие (символ крови, которой немало попортил Булгакову и другим драматургам преуспевавший до поры до времени прототип) туфли на пухлой подошве, над туфлями были толстые шерстяные чулки, а над чулками - шоколадного цвета пузырями штаны до колен. На нем не было пиджака. Вместо пиджака на нем была странная куртка, сделанная из замши, из которой некогда делали мужские кошельки. На груди - металлическая дорожка с пряжечкой, а на голове - женский берет с коротким хвостиком". Предатель из Кириафа предстает перед нами "в белом чистом кефи, ниспадавшем на плечи, в новом праздничном голубом таллифе с кисточками внизу и в новеньких скрипящих сандалиях".

Еще в варианте 1934 г., Иешуа называл Иуду "очень красивым и любознательным юношей" и предрекал скорое несчастье с ним. Сравнение куртки Полиевкта Эдуардовича с мужским кошельком - это, возможно, намек на кошель с тридцатью тетрадрахмами, который отняли у Иуды убийцы. Наделив героя Б. м. чертами Иуды из Кириафа, Булгаков угадал печальную судьбу прототипа одного из героев Б. м. В последней же редакции "Мастера и Маргариты", писавшейся уже после гибели Киршона, костюм Иуды приобрел еще большее сходство с костюмом Полиевкта Эдуардовича: новые сандалии, кисточки на таллифе, новые и яркие головной убор и плащ.

« Назад
Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций
Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы
Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи
Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта
Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Иуда из Кариафа ~

Страницы: 1 2

Иуда из Кириафа - персонаж романа "Мастер и Маргарита", восходящий к Иуде Искариоту Евангелий, предавшему за тридцать сребреников Иисуса Христа.

Булгаков превратил Иуду Искариота в Иуду из Кириафа, следуя принципу транскрипции евангельских имен, примененному в пьесе Сергея Чевкина "Иешуа Ганоцри. Беспристрастное открытие истины" (1922) (см.: Христианство). У Чевкина был Иуда, сын Симона из Кериофа, а Булгаков сделал своего героя Иудой из Кириафа. В архиве писателя сохранилась выписка этого имени из книги английского историка епископа Фредерика В. Фаррара "Жизнь Иисуса Христа" (1873).

Чевкин дал весьма нетрадиционную трактовку поведения Иуды, во многом предвосхитив последующее развитие этого образа в литературе и искусстве XX в., в частности, в известной рок-опере "Иисус Христос - суперзвезда" (1969) (либреттист Тим Райе). Автор "Иешуа Ганоцри" подчеркивал: "История учит, что если из какой-либо заговорщицкой организации один из членов ее уходит на сторону врагов или просто покидает организацию, то здесь всегда или уязвленное самолюбие, или разочарование в идеях, целях организации или личности вожака, или древняя борьба за самку, или все это вместе в различных комбинациях. Иногда, правда, примешивается, и корыстолюбие, но не как причина, а следствие". В пьесе Чевкина предательство Иуды вызывается сочетанием всех вышеназванных причин, причем одним из основных мотивов измены здесь выступает ревность Иуды к Иешуа из-за сестры Лазаря Марии.

У Булгакова И. из К., казалось бы, предает Иешуа Га-Ноцри из-за той страсти, о которой начальник тайной стражи Афраний говорит Понтию Пилату: "У него есть одна страсть, прокуратор... Страсть к деньгам". Однако и здесь корыстолюбие в конечном счете только следствие. И. из К. любит Низу и наивно мечтает разбогатеть, чтобы увести ее от опостылевшего мужа. Но его возлюбленная оказывается агентом Афрания и сама предает того, кто ранее предал Иешуа.

Выписка названия города Кириаф со ссылкой на Фаррара в булгаковском архиве восходит к тому месту "Жизни Иисуса Христа", где, используя в качестве источника книгу Иисуса Навина, Фаррар отмечает: "Кириаф есть имя города на южной границе Иудеи". Соответствующий отрывок в русском синодальном переводе Библии звучит так: "...Города же их (были): Гаваон, Кефира, Беероф и Кириаф-Иарим" (Нав., IX, 17).

Чевкин и Булгаков восприняли сделанную Ф. В. Фарраром расшифровку прозвища Искариот, но по-разному транскрибировали название города (первый, очевидно, пользовался оригиналом, второй, судя по пагинации сохранившихся в архиве выписок, - переводом М. П. Фивейского, изданном в 1904 г., где соответствующее место читалось следующим образом: "Вот удел колена сынов Иудиных: в смежностью с Идумеею на юге были: Гацор-Хадафа, Кириаф, Хецрон, иначе Гацор").

Из книги Фаррара заимствованы и данные о сумме награды, полученной И. из К.: тридцать тетрадрахм, как признается предатель убийцам перед смертью. Английский историк указывал, что во времена Христа евангельских сиклей не было в обращении, "но Иуде могли заплатить сирийскими или финикийскими тетрадрахмами, которые были одинакового веса".

Булгаков стал автором оригинальной трактовки евангельского сюжета, введя в роман эпизод убийства И. из К. по распоряжению прокуратора Иудеи. При описании гибели И. из К. автор романа "Мастер и Маргарита" использовал целый ряд деталей из очерка русского писателя Александра Митрофановича Федорова (1868-1949) "Гефсимания", опубликованного в апреле 1911 г. в петербургском журнале "Новое слово".

Здесь переданы впечатления от посещения Федоровым Гефсиманского сада в лунную весеннюю ночь, причем упоминаются многие реалии, отразившиеся в булгаковском романе; турецкие казармы на месте дворца Пилата (у Булгакова рядом с дворцом расположены римские казармы); караваны арабов-паломников на верблюдах, ничуть не изменившиеся со времен Христа; ворота и стены Гефсиманского сада; переправа через Кедронский поток. В саду автора "Гефсимании" подкарауливали двое разбойников, и лишь присутствие проводника спасло его. От проводника же Федоров узнал, что недавно здесь был зарезан инок Пафнутий. В очерке автор утверждает, что тут же повторил про себя всю историю Иисуса, пришедшую ему на память в этот драматический момент.

Об Иуде Федоров отозвался следующим образом: "Нельзя измерить величие божественной жертвы, но мучительная дрожь охватывает при мысли о том, что за ней и перед ней - предательство. Оно издевается над ее бесплодностью, звоном сребреников оно отвечает на молитву, четками которой служат кровавые капли пота. Оно сторожит на каждом шагу подвиг и предательскими ударами ножа подсекает его корни. Удавился Иуда, но за ним стояли первосвященники. Сила предательства в них. И на смену одного сломавшегося клинка всегда явится другой, чтобы поразить из темноты героя".

Не без влияния очерка Федорова Булгаков сделал местом убийства И. из К. Гефсиманский сад. Но И. из К. в "Мастере и Маргарите", как и его прототип в "Гефсимании" - только орудие в руках первосвященника Каифы. Понтий Пилат убийством предателя не только не может искупить свой грех, но и не в состоянии вырвать корни заговора, причем члены Синедриона в конце концов добиваются отставки прокуратора (в "Мастере и Маргарите" Пилат предчувствует такой исход).

Внимание Булгакова привлекли также слова Федорова о том, что "в продолжение двух тысячелетий на землю эту упали ливни крови: кости сваливались, как хворост, и дикие бури-войны бушевали во имя Христа. Иерусалим разрушался и возникал много раз, но в Гефсиманском саду растут те же сизые маслины, те же красные цикламены качаются среди камней, как огненные бабочки. И люди остались те же".

У Булгакова первые капли крови, которые пролились в Гефсиманском саду после гибели Иешуа Га-Ноцри, - это капли крови И. из К. Данному месту созвучны и слова Левия Матвея Понтию Пилату о том, что "крови еще будет", и заключение Воланда на сеансе черной магии в Театре Варьете о том, что со времен Иисуса люди мало изменились.

И Булгаков, и Федоров ведут счет на два тысячелетия, хотя оба прекрасно представляли себе, что реальный промежуток между временами Иисуса Христа и современной им действительностью - девятнадцать, а не двадцать веков. Поэтому в финале "Мастера и Маргариты" Воланд говорит о Пилате, что тот несет свое наказание одиночеством и бессмертием "около двух тысяч лет".

Эпилог булгаковского романа созвучен воображаемому вознесению Христа из очерка Федорова: "Туча и луна придают еще более очарования тому, что я вижу, угадываю, почти постигаю. Шире раздалось серебристо-голубое пространство между землею и тучами; бесконечно длинной полосой, изломанной со стороны неба и земли, сияет оно и как бы течет, как светлая река. Слева, под этой рекой света, еще более яркое пространство, которое все фосфорится и блещет, точно зеркало луны, где она отражается из-за туч".

В эпилоге "Мастера и Маргариты" во сне Ивана Бездомного бывший поэт, ставший профессором истории, видит вознесшегося Иешуа, мирно беседующего с Пилатом, "тогда лунный путь вскипает, из него начинает хлестать лунная река и разливается во все стороны. Луна властвует и играет, луна танцует и шалит. Тогда в потоке складывается непомерной красоты женщина и выводит к Ивану за руку пугливо озирающегося обросшего бородой человека" - Мастера. Эти двое утешают бывшего поэта, после чего "луна начинает неистовствовать, она обрушивает потоки света прямо на Ивана, она разбрызгивает свет во все стороны, в комнате начинается лунное наводнение, свет качается, поднимается выше, затопляет постель. Вот тогда и спит Иван Николаевич со счастливым лицом".

Гефсиманский сад из места вознесения Христа у Булгакова превратился в место убийства И. из К. Автор "Мастера и Маргариты" контаминировал федоровские рассуждения об Иуде и его же рассказ о двух разбойниках в Гефсиманском саду и убийстве там инока Пафнутия.

В завершении вы узнаете:
Два предателя Рики-Тики и Иуда убиты одинаково искусно
Низа и Маргарита: любовь губительная и спасительная
Иуда был редким красавцем
Как арестовывали в древней Иудее

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Иуда из Кариафа, часть 2 ~

Страницы: 1 2

Еще в 1924 г. в фельетоне "Багровый остров" дана сцена убийства арапского полководца Рики-Тики, выступающего на стороне иностранных интервентов против родного острова. Она очень напоминает сцену убийства И. из К. в последнем булгаковском романе: "Арап во мгновение выхватил ножик и вдохновенно всадил его Рики-Тики, чрезвычайно метко угадав между 5-м и 6-м ребром с левой стороны.
- Помо... - ахнул вождь, - гите, - закончил он уже на том свете - перед престолом всевышнего.
- Ур-ра!!! - грянули эфиопы".

В "Мастере и Маргарите" "за спиной у Иуды взлетел нож, как молния, и ударил влюбленного под лопатку. Иуду швырнуло вперед, и руки со скрюченными пальцами он выбросил в воздух. Передний человек поймал Иуду на свой нож и по рукоять всадил его в сердце Иуды.
- Ни... за... - не своим, высоким и чистым молодым голосом, а голосом низким и укоризненным проговорил Иуда и больше не издал ни одного звука. Тело его так сильно ударилось о землю, что она загудела".

Когда Афраний докладывает Пилату об убийстве И. из К., то отмечает, что "убит он с чрезвычайным искусством". На вопрос прокуратора: " - Так что он, конечно, не встанет?", начальник тайной стражи философски отвечает: " - Нет, прокуратор, он встанет... когда труба Мессии, которого они здесь ожидают, прозвучит над ним. Но ранее он не встанет!"

Эпизод убийства И. из К. решается как эпическое преображение пародийного описания убийства предателя Рики-Тики (арапы обвиняют полководца в том, что он их "загнал под чемоданы", т. е. намеренно подставил под огонь тяжелых британских орудий). Обоих убивают искусным ударом ножа в сердце, громовое "ура" эфиопов по случаю гибели Рики-Тики превращается в "Мастере и Маргарите" в гул, который издает земля при падении И. из К. Одинаковым образом разбито на две части последнее слово, которое произносят жертвы, причем Рики-Тики оканчивает его уже на том свете перед престолом всевышнего. А И. из К. предстоит подняться, когда над ним протрубит труба Мессии.

И. из К. в конечном счете губит любовь к Низе, чье имя он укоризненно произносит в последние мгновения жизни. Нож убийцы взлетает над И. из К. "как молния", напоминая о словах Мастера, которыми тот передает возникновение любви между ним и Маргаритой: "Любовь выскочила перед нами, как из-под земли выскакивает убийца в переулке, и поразила нас сразу обоих!
Так поражает молния, так поражает финский нож!"

Но если Низа предает своего возлюбленного, то Маргарита до конца остается верной Мастеру и ради его спасения готова даже продать душу дьяволу.

И. из К. наделен внешностью благостного красавца: "...молодой, с аккуратно подстриженной бородкой человек в белом чистом кефи, ниспадавшем на плечи, в новом праздничном голубом таллифе с кисточками внизу и в новеньких скрипящих сандалиях" - "горбоносый красавец". Здесь он обладает многими чертами Иисуса Христа, отмеченными в книге Ф. В. Фаррара, в том числе деталями костюма: белым "кефи" (наголовным платком), голубым плащом, "таллифом".

Английский историк полагал, что "мы можем с благоговейным убеждением веровать, что в теле, заключавшем в себе превечное Божество и бесконечную святость, не могло быть ничего низкого или отталкивающего, а напротив, было "нечто небесное", как говорит блаженный Иероним. Всякая истинная красота есть только "таинство доброты", и совесть столь непорочная, дух столь полный гармонии, жизнь столь великая и благородная не могли не выражаться во внешности, не могли не отражаться в лице Сына человеческого. На красоту Его внешности мы нигде не находим ни малейшего указания... но с другой стороны, мы нигде не встречаем, даже в речи его врагов, ни одного слова или намека, которые бы могли относиться к неблагообразию Его внешности".

Фаррар в глубине души верил, что Христос "не мог быть в своей внешности без личного величия пророка и первосвященника", хотя и отвергал позднейшие апокрифические описания внешности Иисуса как слишком уж идеальные, благостные и неземные: "Никифор, приводя описание, данное Иоанном Дамаскиным в восьмом столетии, говорит, что Иисус похож был на Деву Марию, что Он был красив и поразительно высок ростом, с светлыми и несколько вьющимися волосами, которых никогда не касалась рука Его Матери, имел темные брови, овальное лицо с бледным и смугловатым оттенком, светлые глаза, несколько сутуловатый стан, и взгляд, в котором выражались терпение, благородство и мудрость".

Еще менее достоверным выглядел портрет Христа в письме некоего фантастического "председателя народа иерусалимского" Лентула римскому сенату: "Он имеет волнистые волосы, скорее даже кудрявые, винного цвета, которые лоснятся при спадении на плечи и разделяются посредине головы по обычаю назореев. Чело Его чисто и ровно, а лицо Его без всяких пятен и морщин, но рдеет нежным румянцем. Его нос и рот безукоризненной красоты. Он имеет окладистую бороду того же самого орехового цвета, как и волосы, не длинную, но раздвоенную. Глаза у Него голубые и очень светлые". Британский епископ надеялся, что эти описания "заключают в себе хотя бы слабый отголосок предания, сохранившегося от времен Иринея, Папия и апостола Иоанна".

Булгаков полностью отверг свидетельства о внешней, телесной красоте Иисуса. Ею в романе наделен предатель - И. из К., что еще больше по контрасту оттеняет безобразие души этого персонажа. Автор "Мастера и Маргариты" намеренно одел Иуду в голубой таллиф и белый кефи. Согласно символике цветов, приводимой в книге П. А. Флоренского "Столп и утверждение Истины", белый цвет "знаменует невинность, радость или простоту", а голубой - "небесное созерцание". И. из К. действительно простодушен и наивен, искренне радуется тридцати тетрадрахмам, рассчитывая за них купить любовь Низы, но его простота, по поговорке, хуже воровства.

Некоторые важные детали, связанные с сюжетной линией И. из К., Булгаков почерпнул из труда французского историка Эрнеста Ренана (1823-1892) "Жизнь Иисуса" (1863), против которого выступал Ф. В. Фаррар. Например, упоминание Пилатом в диалоге с Иешуа, что И. из К. во время беседы с Га-Ноцри "светильники зажег", связано с рассказом Э. Ренана о канонах иудейского судопроизводства: "Когда кого-нибудь обвиняют в "соблазне", к нему подсылают двух свидетелей, которых прячут за перегородкой, стараются завязать подсудимого в смежную комнату, откуда оба свидетеля могли бы расслышать его, не будучи им замечены. Около него зажигают две свечи, чтобы точно установить, что свидетели его видят".

И. из К. при скрытых в своем доме свидетелях намеренно провоцирует Иешуа Га-Ноцри на высказывания, которые могут быть расценены как нарушение закона об оскорблении величества. Поэтому после слов о том, что "человек перейдет в царство истины и справедливости, где вообще не будет надобна никакая власть", уже содержащих состав преступления, Га-Ноцри тут же арестовывают прятавшиеся в помещении стражники.

« Назад Наверх »

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Багровый остров", фельетон

"Багровый остров" - фельетон, имеющий подзаголовок: "Роман тов. Жюля Верна. С французского на эзоповский перевел Михаил А. Булгаков".

Опубликовано: Накануне, Берлин - М., 1924, 20 апр. (в рубрике "Литературная неделя").

Б. о. в пародийной форме излагает историю Февральской и Октябрьской революций 1917 г., гражданской войны и возможной будущей интервенции против СССР, как это виделось русским эмигрантам-сменовеховцам, чьим органом была газета "Накануне" (подробную характеристику сменовеховства и отношения к нему Булгакова см.: "Под пятой"). Сменовеховцы признали Советскую власть, призывали эмигрантов сотрудничать с ней, а в случае нападения иностранных держав на СССР встать в ряды Красной Армии.

Многие персонажи фельетона имеют очевидных исторических прототипов. Вождь и повелитель белых арапов Сизи-Бузи - это последний русский император Николай II (1868-1918). "Махровый арап", пьяница и бездельник Кири-Куки - глава Временного правительства А. Ф. Керенский (1881-1970), Февральская революция уподоблена извержению вулкана, т. е. некоему стихийному бедствию.

Иностранные интервенты представлены героями романов французского писателя-фантаста Жюля Верна (1828-1905). Лорд Гленарван и Паганель - из "Детей капитана Гранта" (1867-1868) (сам Багровый остров у Булгакова расположен "под 45-м градусом" в Тихом океане, точно там, где у Жюля Верна расположен Южный остров Новой Зеландии, у берегов которого чуть не погибли герои романа); Мишель Ардан - персонаж романов "С Земли до Луны" и "Вокруг Луны" (1865), капитан Гаттерас попал в булгаковский Б. о. из "Приключений капитана Гаттераса" (1866), а Филеас Фогг - из романа "Вокруг света в восемьдесят дней" (1873).

Более сложная генеалогия у полководца арапов Рики-Тики-Тави. Его имя - это название рассказа английского писателя Нобелевского лауреата Редьярда Киплинга (1865-1936), где так зовут симпатичного зверька мангуста. Рики-Тики-Тави у Булгакова пародирует некий обобщенный образ белого генерала, оказавшегося в эмиграции. В дальнейшем, когда в 1927 г. Булгаков написал на основе фельетона Б. о. пьесу "Багровый остров", этот персонаж превратился в полководца Ликки-Тикки и получил черты биографии конкретного белого генерала Я. А. Слащева, послужившего прототипом Хлудова в пьесе "Бег".

В связи с такой трансформацией персонажа неожиданное пророческое значение приобрела сцена убийства Рики-Тики-Тави в Б. о., во многих деталях повторенная в эпизоде убийства Иуды из Кириафа в "Мастере и Маргарите". В пьесе "Багровый остров" Ликки-Тикки, как и его прототип Я. А. Слащев, переходит на сторону краснокожих эфиопов и служит в их армии, т. е. по отношению к белым арапам ведет себя как Иуда. В январе 1929 г., Я. А. Слащев был убит, как бы повторив судьбу персонажа фельетона, получившего в пьесе его биографию.

Одним из важнейших источников для Б. о. послужил рассказ друга Булгакова, писателя Евгения Ивановича Замятина (1884-1937) "Арапы" (1920), где высмеяна двойная мораль большевиков в отношении насилия в годы гражданской войны. Повествование у Замятина ведется от лица краснокожих, которые воюют с живущими на одном с ними острове Буяне арапами: "Нынче утром арапа ихнего в речке поймали. Ну так хорош, так хорош: весь - филейный. Супу наварили, отбивных нажарили - да с лучком, с горчицей, с малосольным нежинским... Напитались: послал Господь!" Когда же арапы в свою очередь жарят шашлык из краснокожего, это вызывает совсем другую реакцию: " - Да на вас что - креста, что ли, нету? Нашего, краснокожего, лопаете. И не совестно?
- А вы из нашего отбивных не наделали? Энто чьи кости-то лежат?
- Ну что за безмозглые! Дак ведь мы вашего арапа ели, а вы - нашего, краснокожего. Нешто это возможно? Вот дайте-ка, вас черти-то на том свете поджарят!"

У читателей, знакомых с рассказом Замятина, булгаковский Б. о. должен был вызывать в памяти усиленно насаждавшийся коммунистической властью миф об оправданности и даже благотворности красного террора, который был якобы только реакцией на достойный всяческого осуждения белый террор. И Замятин, и Булгаков сознавали лживость этого мифа.

В Б. о. намек на "Арапов" и проблему оправдания красного террора дан опосредованно - через демонстрацию смехотворности просоветской версии истории революции и гражданской войны.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций
Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы
Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи
Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта
Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Слащёв Я. А. ~

Страницы: 1 2

Слащёв (Слащев-Крымский или Слащов) Яков Александрович (1885/1886-1929) - генерал-лейтенант белой армии, прототип Хлудова и некоторых других персонажей булгаковской пьесы "Бег".

Родился 29 декабря 1885 г. /10 января 1886 г. в Петербурге в семье отставного полковника, из потомственных дворян. Окончил в 1905 г. Павловское военное училище и начал службу в лейб-гвардии Финляндском полку. В 1911 г. окончил Императорскую Николаевскую военную академию, но без права причисления к Генеральному штабу. Булгаков, судя по обращенным к Хлудову словам Чарноты: "Рома, ты генерального штаба! Что ты делаешь?! Рома, прекрати!", (речь идет о бессудных казнях) позволяет персонажу достичь больших успехов в Академии, чем его прототипу.

С 1912 г. С. преподавал тактику в Пажеском корпусе. Первым браком С. был женат на дочери командира лейб-гвардии Финляндского полка, генерал-лейтенанта Владимира Аполлоновича Козлова (1856-1931) Софье. 18 января 1915 г. у супругов родилась дочь Вера. Протекция тестя, возможно, способствовала карьере С. С января 1915 г. С. находился в действующей армии, где прошел путь от командира роты до командира батальона лейб-гвардии Финляндского полка. 12 ноября 1916 г. произведен в полковники, а 14 июля 1917 г. назначен командующим гвардии Московским полком. С. был храбрым офицером, в первую мировую войну имел пять ранений, награжден многими орденами, в том числе Георгиевским оружием и орденом Св. Георгия 4-й степени.

8 декабря 1917 г. уволился из полка по ранению, не желая продолжать службу при большевиках, и 5 января 1918 г. прибыл в Новочеркасск, где формировалась Добровольческая армия генералов М. В. Алексеева (1857-1918) и Л. Г. Корнилова (1870-1918). Командирован М. В. Алексеевым в район Кавказских Минеральных Вод, где стал начальником штаба в отряде А. Г. Шкуро (Шкуры) (1887-1947), затем командовал 1-й Кубанской пластунской бригадой и был начальником штаба 2-й Кубанской казачьей дивизии. В апреле 1919 г. С. произведен главнокомандующим генерал-лейтенантом А. И. Деникиным (1872-1947) в генерал-майоры и назначен командиром 5-й пехотной дивизии, затем 4-й пехотной дивизии и 3-го армейского корпуса, действовавшего осенью 1919 г. против украинской армии С. В. Петлюры и повстанческих крестьянских отрядов Н. И. Махно (1889-1934).

С. успешно сражался против махновских отрядов, но фигура Махно притягивала его, он чувствовал в нем родственную авантюрную жилку. С. не раз говорил своим подчиненным: "Моя мечта - стать вторым Махно". В последние дни обороны Крыма он даже пытался материализовать эту мечту, встав во главе партизанского отряда в тылу красных уже после захвата советскими войсками Перекопа, но не получил поддержки главнокомандующего Русской армии генерал-лейтенанта П. Н. Врангеля (1878-1928). В январе - марте 1920 г. корпус С. успешно отразил попытки Красной Армии захватить Крым, за что в апреле С. был произведен П. Н. Врангелем в генерал-лейтенанты, а в июне осуществил успешный десант в Северную Таврию.

В августе 1920 г. С. после неудачных боев под Каховкой подал рапорт об отставке. П. Н. Врангель присвоил ему титул Слащев-Крымский. С. был оставлен в распоряжении главнокомандующего и отправлен лечиться в Ялту. В октябре 1920 г., в связи с прорывом красных в Крым, С. выехал на фронт в Джанкой, однако никакой должности в войсках не получил. Идею высадить в тылу противника морской десант из добровольцев для развития партизанских действий в Северной Таврии по примеру Махно Врангель не поддержал, предложив С., если он пожелает, самостоятельно остаться в тылу противника в Крыму. С., не приняв этого предложения, выехал в Севастополь, откуда на ледоколе "Илья Муромец" вместе с остатками родного ему лейб-гвардии Финляндского полка и полковым Георгиевским знаменем отбыл в Константинополь.

В связи с письмом С. комитету общественных деятелей 14 декабря 1920 г. с резкой критикой действий Врангеля по обороне Крыма, созданный последним суд чести уволил С. со службы без права ношения мундира. В ответ в январе 1921 г. С. издал книгу "Требую суда общества и гласности", где рассказал о своей деятельности на фронте и обвинил Врангеля в потере Крыма. После увольнения из Русской армии Земский союз предоставил С. ферму под Константинополем, где он разводил индеек и прочую живность, однако к сельскому хозяйству, в отличие от военного дела, таланта у бывшего генерала не оказалось, доходов он почти не имел и сильно бедствовал со второй женой, Ниной Николаевной, ранее числившейся при нем "ординарцем Нечволодовым", и дочерью.

В феврале 1921 г. контакты с С. установил уполномоченный ВЧК Я. Тененбаум, проживавший в Константинополе под фамилией Ельский. В мае 1921 г. чекисты перехватили письмо известного журналиста и общественного деятеля Ф. Баткина из Константинополя в Симферополь артисту М. Богданову, где сообщалось, что С. находится в настолько нищенском состоянии, что склоняется к возвращению на родину. Баткин и Богданов были завербованы ВЧК, причем последний был командирован в Константинополь, но, попав в поле зрения врангелевской контрразведки, возвратился обратно. За халатность Богданова даже предали революционному суду. С. пытался выговорить себе охранную грамоту, гарантирующую личную неприкосновенность и выделение валюты его семье, остававшейся в эмиграции. Бывшему генералу было отказано, да и сам С. признал, что никакая грамота не спасет его от мстителя, если таковой объявится (он точно предсказал свою судьбу). С. было обещано прощение и работа по специальности - преподавателя тактики. Ф. Баткину удалось тайно посадить С. с семьей и группой сочувствовавших ему офицеров на итальянский пароход "Жан", который 11 ноября 1921 г. прибыл в Севастополь. Здесь С. был встречен главой ВЧК Ф. Э. Дзержинским и в его личном поезде доставлен в Москву.

Сохранилась записка Л. Д. Троцкого В. И. Ленину 16 ноября 1921 г. в связи с возвращением С.: "Главком (С. С. Каменев (1881-1936) считает Слащева ничтожеством. Я не уверен в правильности этого отзыва. Но бесспорно, что у нас Слащев будет только "беспокойной ненужностью". Он приспособиться не сможет. Уже находясь в поезде Дзержинского, он хотел дать кому-то "25 шомполов".
Материалы в региструпе о Слащеве большие (документальные свидетельства преступлений С., собранные в регистрационном управлении Реввоенсовета). Наш вежливый ответ (рады будущим работникам) имеет пока что дипломатический характер (Слащев еще собирается тянуть за собой генералов).
Книжку Раковского (воспоминания Г. Н. Раковского "Конец белых. От Днепра до Босфора (Вырождение, агония и ликвидация)", вышедшие в Праге в 1921 г. и хорошо известные Булгакову; там, в частности, приведена характерная частушка "от расстрелов идет дым, то Слащев спасает Крым") пришлите, пожалуйста: я не читал".

Таким образом, не раскаяние и душевный переворот, а расчет приспособиться и получить средства к существованию, а также желание иметь возможность заниматься горячо любимым военным делом (ничем другим он заниматься не умел) привели С. в Москву. В его глазах Врангель был виноват уже тем, что проиграл Крым и лишил С. возможности сражаться во главе войск против большевиков, и только во вторую очередь - тем, что изгнал С. из армии. Всё это отразилось в книге "Требую суда общества и гласности", где П. Н. Врангель, А. П. Кутепов (1882-1930), П. Н. Шатилов (1881- после 1939) и другие генералы обвинялись не в качестве носителей порочной белой идеи и пособников Франции и других иностранных держав (как это было во второй книге С.), а за то, что допустили катастрофу в Крыму и окончательно погубили белое дело. С изданной в Константинополе книгой С. Булгаков был хорошо знаком. В ней приводился константинопольский адрес С.: "квартал Везнеджилер, улица Де-Руни, дом Мустафа-Эффенди, № 15-17". В булгаковской повести "Дьяволиада", написанной в 1923 г., еще до знакомства с побывавшей в Константинополе Л. Е. Белозерской, одно из заметных действующих лиц, секретарша советского начальника товарища Чекушина Лидочка де-Руни, носит такую фамилию в связи с книгой С.

Вопреки опасениям Троцкого, С. в СССР удалось приспособиться и даже сделать карьеру. По прибытии на родину он заявил, как сообщалось в гельсингфорсской газете "Путь" 26 ноября 1921 г.: "Не будучи сам не только коммунистом, но даже социалистом - я отношусь к Советской власти как к правительству, представляющему мою родину и интересы моего народа. Она побеждает все нарождающиеся против нее движения, следовательно, удовлетворяет требованиям большинства. Как военный, ни в одной партии не состою, но хочу служить своему народу, с чистым сердцем подчиняюсь выдвинутому им правительству".

20 ноября 1921 г. "Известия" опубликовали обращение С. к офицерам и солдатам армии Врангеля: "С 1918 года льется русская кровь в междоусобной войне. Все называли себя борцами за народ. Правительство белых оказалось несостоятельным и не поддержанным народом - белые были побеждены и бежали в Константинополь. Советская власть есть единственная власть, представляющая Россию и ее народ. Я, Слащев-Крымский, зову вас, офицеры и солдаты, подчиниться Советской власти и вернуться на Родину". С. был популярен, многие поверили ему и амнистии ВЦИК, объявленной 3 ноября 1921 г., рассудив, что, если простили преступления С., то более мелкие вообще не будут ставить в строку. В действительности, в отличие от С., многие вернувшиеся были репрессированы. С. же с июня 1922 г. стал преподавателем тактики, а в 1924 г. сделался главным руководителем преподавания тактики в Высшей тактически-стрелковой школе командного состава "Выстрел". По некоторым сведениям, С. преподавал и в Высшей школе ОГПУ.

В 1924 г. вышла книга С. "Крым в 1920 г: Отрывки из воспоминаний", ставшая главным источником для Булгакова при создании образа Хлудова в пьесе "Бег". 11 января 1929 г. С. был застрелен на своей квартире курсантом "Выстрела" Б. Коленбергом, мстившим за брата, казненного по приказу С. Убийство С. освещалось в газетных сообщениях. Не исключено, что гибель прототипа повлияла на появление вариантов финала "Бега", где Хлудов кончал с собой. По одним данным, Коленберг получил тюремный срок за убийство, по другим - был признан психически невменяемым. Возможно, ОГПУ помогло мстителю найти свою жертву, поскольку уже через год, в 1930 г., под личным руководством тогдашнего главы этого ведомства В. Р. Менжинского (1874-1934) была проведена операция под кодовым названием "Весна", в ходе которой было арестовано около 5 тыс. бывших царских и белых офицеров, служивших в Красной Армии, а еще с середины 20-х началось их ускоренное увольнение в запас. С., в связи с поднятым вокруг его имени шумом, было бы неудобно арестовать или отставить от службы. Возможно, что ОГПУ решило избавиться от него другим способом - руками Коленберга.

Посмертно, в 1929 г., была издана книга С. "Мысли по вопросам общей тактики: из личного опыта и наблюдений". Кроме того, С. опубликовал ряд статей в советской военной периодике и сборниках. В "Мыслях по вопросам общей тактики" заключительная фраза очень точно выразила военное, да и жизненное кредо С.: "В бою держитесь твердо своего принятого решения - пусть оно будет хуже другого, но, настойчиво проведенное в жизнь, оно даст победу, колебания же приведут к поражению".

Уже в рассказе Булгакова "Красная корона" (1922) С. послужил одним из прототипов генерала-вешателя. Приводимые в книге "Требую суда общества и гласности" слащевские приказы повлияли и на образ Хлудова в "Беге" (1928). В этой книге, в отличие от мемуаров 1924 г., еще не требовалось ретушировать казни на фронте и в тылу, репрессии против большевиков и заподозренных в сочувствии им, так что строки приказов звучали грозно: "...Требую выдавать каждого преступника, пропагандирующего большевизм..." "Как защитить, так и покарать я сумею. Дисциплину ввести самую строгую... Ослушники, берегись!". По свидетельству Л. Е. Белозерской, лично со С. Булгаков знаком не был, однако книга "Крым в 1920 г." была настольной при написании "Бега". Белозерская еще в Петрограде встречалась с матерью С., Верой Александровной Слащевой, и запомнила "мадам Слащеву" как женщину властную и решительную.

В предисловии к воспоминаниям С. известный писатель и политработник Дмитрий Фурманов (1891-1926) привел следующие слова генерала: "Много пролито крови... много тяжких ошибок совершено. Неизмеримо велика моя историческая вина перед рабоче-крестьянской Россией. Это знаю, очень знаю. Понимаю и вижу ясно. Но если в годину тяжких испытаний снова придется рабочему государству вынуть меч, - я клянусь, что пойду в первых рядах и кровью своей докажу, что мои новые мысли и взгляды и вера в победу рабочего класса - не игрушка, а твердое, глубокое убеждение". При этом сам Фурманов признавал: "Слащов-вешатель, Слащов-палач: этими черными штемпелями припечатала его имя история... Перед "подвигами" его, видимо, бледнеют зверства Кутепова, Шатилова, да и самого Врангеля - всех сподвижников Слащова по крымской борьбе".

Сам С. стремится создать в мемуарах образ болезненно раздвоенного человека, пытающегося обрести утраченную веру и испытывающего муки совести за то, что служит делу, в правоте которого сомневается: "...В моем сознании иногда мелькали мысли о том, что не большинство ли русского народа на стороне большевиков, ведь невозможно, что они и теперь торжествуют благодаря лишь немцам, китайцам и т. п., и не предали ли мы родину союзникам... Это было ужасное время, когда я не мог сказать твердо и прямо своим подчиненным, за что я борюсь". Мучимый сомнениями, С. подает в отставку, получает отказ и вынужден "остаться и продолжать нравственно метаться, не имея права высказать своих сомнений и не зная, на чем остановиться". Но для него "уже не было сомнений, что безыдейная борьба продолжается под командой лиц, не заслуживающих никакого доверия, и, главное, под диктовку иностранцев, т.е. французов, которые теперь вместо немцев желают овладеть отечеством... Кто же мы тогда? На этот вопрос не хотелось отвечать даже самому себе".

Те же муки испытывает булгаковский генерал Хлудов. Он еще расстреливает и вешает, но по инерции, ибо все больше задумывается, что любовь народная - не с белыми, а без нее победы в гражданской войне не одержать. Ненависть к союзникам Хлудов вымещает тем, что сжигает "экспортный пушной товар", чтобы "заграничным шлюхам собольих манжет не видать". Главнокомандующего, в котором легко просматривается прототип - Врангель, генерал-вешатель ненавидит, поскольку тот вовлек его в заведомо обреченную, проигранную борьбу. Хлудов бросает главкому в лицо страшное: "Кто бы вешал, вешал бы кто, ваше высокопревосходительство?" Но, в отличие от С., который в мемуарах так и не покаялся ни за одну конкретную свою жертву, Булгаков заставил своего героя свершить последнее преступление - повесить "красноречивого" вестового Крапилина, который потом призраком настигает палача и пробуждает у него совесть.

Все попытки С. в мемуарах оправдать и приуменьшить свои казни не достигают эффекта (он утверждал, что подписал смертные приговоры только 105 осужденным, виновным в различных преступлениях, но Булгаков еще в "Красной короне" заставил главного героя напомнить генералу, скольких тот отправил на смерть "по словесному приказу без номера" - автор рассказа помнил по службе в белой армии, сколь распространены были такие приказы). Булгаков не мог знать эпизода с 25 шомполами из цитированного выше письма Троцкого, хотя поразительно точно показал в "Белой гвардии", что шомпола в качестве универсального средства общения с населением использовали и красные, и белые, и петлюровцы.

Автор "Бега" не верил в раскаяние С., и его Хлудову не удается опровергнуть обвинений Крапилина: "Одними удавками войны не выиграешь! Стервятиной питаешься? Храбер ты только женщин вешать и слесарей!". Хлудовские оправдания, что он "на Чонгарскую Гать ходил с музыкой" и был дважды ранен (как и С., дважды раненый в гражданской войне), вызывают только крапилинское "да все губернии плюют на твою музыку и на твои раны". Здесь переиначена в народной форме часто повторявшаяся Врангелем и его окружением мысль, что одна губерния (Крым) сорок девять губерний (остальную Россию) победить не может. Смалодушничавшего после этого страстного обличения вестового Хлудов вешает, но потом Булгаков дарует ему, в отличие от С., мучительное и тяжкое, болезненное и нервное, но - раскаянье.

Читайте в завершении:
Крым при Врангеле
Генерал - алкоголик и наркоман в одном лице
Жертва гражданской войны
Прототипы де Бризара, Чарноты и Люськи
Трусость Врангеля и кровожадность Слащёва

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Слащёв Я. А., часть 2 ~

Страницы: 1 2

Автор "Бега" читал не только книги С., но и другие мемуары, где рассказывалось о знаменитом генерале. В 1924 г. в Берлине вышли воспоминания бывшего главы крымского земства князя В. А. Оболенского "Крым при Врангеле. Мемуары белогвардейца" (они также печатались в журнале "Голос минувшего на чужой стороне"). Слащёв Оболенского подозревал в социалистических воззрениях и искренне ненавидел, глава земства в свою очередь, смотрел на "спасителя Крыма" как на авантюриста и больного человека. Оболенский оставил следующий портрет С.: "Это был высокий молодой человек с бритым болезненным лицом, редеющими белобрысыми волосами и нервной улыбкой, открывающей ряд не совсем чистых зубов. Он все время как-то странно дергался, сидя, постоянно менял положения, и, стоя, как-то развинченно вихлялся на поджарых ногах. Не знаю, было ли это последствием ранений или потребления кокаина. Костюм у него был удивительный - военный, но как будто собственного изобретения: красные штаны, светло-голубая куртка гусарского покроя. Все ярко и кричаще безвкусно. В его жестикуляции и в интонациях речи чувствовались деланность и позерство".

Это описание послужило основой для ремарки, рисующей облик Хлудова: "… съежившись, на высоком табурете сидит Роман Валерьянович Хлудов. Человек этот лицом бел как кость, волосы у него черные, причесаны на вечный неразрушимый офицерский пробор. Хлудов курнос, как Павел, брит как актер, кажется моложе всех окружающих, но глаза у него старые. На нем солдатская шинель, подпоясан он ремнем по ней не то по-бабьи, не то как помещики подпоясывали шлафрок. Погоны суконные, и на них небрежно нашит черный генеральский зигзаг. Фуражка защитная грязная, с тусклой кокардой, на руках варежки. На Хлудове нет никакого оружия. Он болен чем-то, этот человек, весь болен, с ног до головы. Он морщится, дергается, любит менять интонации. Задает самому себе вопросы и любит сам же на них отвечать. Когда хочет изобразить улыбку, скалится. Он возбуждает страх. Он болен - Роман Валерьянович".

Все отличия в булгаковской ремарке от портрета С., данного Оболенским, легко объяснимы, но сходство бросается в глаза. На роль Хлудова во МХАТе предназначался актер Н. П. Хмелев (1901-1945), который действительно был курнос и имел черные волосы с неразрушимым офицерским пробором, столь запомнившимся зрителям по его исполнению Алексея Турбина в "Днях Турбиных". То же, что Хлудов курнос именно "как Павел", должно было вызвать ассоциацию с императором Павлом I (1754-1801), удавленным заговорщиками, и со стремлением Хлудова выиграть войну удавками. Солдатская шинель, заменившая цветистый костюм С., как бы сразу одевала Хлудова так, каким он должен был предстать в Константинополе после увольнения из армии без права ношения мундира (хотя в Константинополе генерал по воле драматурга переодевается в штатское). С другой стороны, то, что шинель была подпоясана не по военному и во всей одежде Хлудова присутствовала небрежность, придавала этому костюму род экстравагантности, хотя и не столь яркой, как в костюме прототипа.

Болезненное состояние С. Оболенский, как и другие мемуаристы, объяснял злоупотреблением кокаином и спиртом - генерал являл собой редчайшее сочетание алкоголика и наркомана в одном лице. Этих обвинений не отрицал и сам С. В книге "Крым в 1920 г." он привел свой рапорт Врангелю 5 апреля 1920 г., где, в частности, резко критиковал Оболенского и отмечал, что "борьба идет с коренными защитниками фронта до меня включительно, вторгаясь даже в мою частную жизнь (спирт, кокаин)", т. е., признавая наличие у себя этих пороков, протестовал лишь против того, что они стали достоянием широкой публики. Булгаков болезнь своего Хлудова свел к мукам совести за свершенные преступления и участие в движении, на стороне которого нет правды.

Оболенский следующим образом объяснял возвращение С. в Советскую Россию: "Слащев - жертва гражданской войны. Из этого от природы неглупого, способного, хотя и малокультурного человека она сделала беспардонного авантюриста. Подражая не то Суворову, не то Наполеону, он мечтал об известности и славе. Кокаин, которым он себя дурманил, поддерживал безумные мечты. И вдруг генерал Слащев-Крымский разводит индюшек в Константинополе на ссуду, полученную от Земского союза! А дальше?.. Здесь... заграницей, его авантюризму и ненасытному честолюбию негде было разыграться. Предстояла долгая трудовая жизнь до тех пор, когда можно будет скромным и забытым вернуться на родину... А там, у большевиков, все-таки есть шанс выдвинуться если не в Наполеоны, то в Суворовы. И Слащев отправился в Москву, готовый в случае нужды проливать "белую" кровь в таком же количестве, в каком он проливал "красную".

Мемуарист испытывал к былому гонителю смешанные чувства жалости, сочувствия, презрения и осуждения за переход к большевикам (именно Оболенский посодействовал С. в приобретении фермы, на которой так и не заладилась у бывшего генерала трудовая жизнь). Далее автор "Крыма при Врангеле" приводил комический рассказ, как в Москве один бывший крымский меньшевик, которого С. чуть не повесил, перейдя уже в большевистскую партию и работая в советском учреждении, встретил красного командира "товарища" С., и как они мирно вспоминали прошлое. Может быть, отсюда в "Беге" родилась юмористическая реплика Чарноты, что он бы на день записался к большевикам, чтобы только расправиться с Корзухиным, а потом тут бы же "выписался". Булгаков наверняка запомнил приведенные Фурмановым слова С. о готовности сражаться в рядах Красной Армии, подтверждавшие мысль Оболенского, и вряд ли сомневался в карьерных и житейских, а не духовных и мировоззренческих причинах возвращения бывшего генерала. Поэтому Хлудова пришлось наделить муками совести автобиографического героя "Красной короны", в безумном сознании которого постоянно присутствует образ погибшего брата.

Помимо мемуаров Оболенского, драматург учитывал и другие сведения о С. Он был знаком с книгой бывшего главы отдела печати в крымском правительстве Г. В. Немировича-Данченко "В Крыму при Врангеле. Факты и итоги", вышедшей в Берлине в 1922 г. Там отмечалось: "Фронт держался благодаря мужеству горстки юнкеров и личной отваге такого азартного игрока, каким был ген. Слащев". Г. Н. Раковский писал о С. следующее: "Слащев, в сущности, был самоличным диктатором Крыма и самовластно распоряжался как на фронте, так и в тылу... Местная общественность была загнана им в подполье, съежились рабочие, лишь "осважные" круги (т. е. пресса Освага (Осведомительного Агентства), отдела печати деникинского правительства) слагали популярному в войсках генералу восторженные дифирамбы. Весьма энергично боролся Слащев с большевиками не только на фронте, но и в тылу. Военно-полевой суд и расстрел - вот наказание, которое чаще всего применялось к большевикам и им сочувствующим".

Фигура С. оказалась настолько яркой, противоречивой, богатой самыми разными красками, что в "Беге" она послужила прототипом не только генерала Хлудова, но и двух других персонажей из белого лагеря - кубанского казачьего генерала Григория Лукьяновича Чарноты ("потомка запорожцев") и гусарского полковника маркиза де Бризара. Своей фамилией и титулом маркиз обязан еще двум историческим личностям. Актеру, играющему де Бризара, по словам Булгакова, "не нужно бояться дать Бризару эпитеты: вешатель и убийца". У этого героя проявляются садистские наклонности, а в результате ранения в голову он несколько повредился в уме. Маркиз де Бризар заставляет вспомнить о знаменитом писателе маркизе Донасьене Альфонсе Франсуа де Саде (1740-1814), от имени которого произошло само слово "садизм".

Еще одним прототипом де Бризара послужил редактор газеты "Донской Вестник" сотник граф Дю-Шайль, которого Врангель обвинил, вместе с генералами В. И. Сидориным (1882-1943) и А. К. Келчевским (1869-1923), командовавшими Донским корпусом, в донском сепаратизме и предал военно-полевому суду. (При аресте Дю-Шайль пытался застрелиться и был тяжело ранен в голову. Впоследствии суд его оправдал, и Дю-Шайль эмигрировал.) Это дело было описано у Г. В. Немировича-Данченко и других мемуаристов. От Дю-Шайля у де-Бризара - французская фамилия, громкий титул и тяжелое ранение в голову. От С. у этого персонажа - роскошный гусарский костюм и казнелюбие, а также помутнение рассудка, которое есть и у Хлудова, но у маркиза оно - следствие ранения, а не раздвоения личности и мук совести.

У Чарноты от С. - кубанское прошлое (Булгаков учел, что С. командовал сначала кубанскими частями) и походная жена Люська, прототипом которой послужила вторая жена С. - "казачок Варинька", "ординарец Нечволодов", сопровождавшая его во всех боях и походах, дважды раненая и не раз спасшая мужу жизнь. Некоторые мемуаристы называют ее Лидкой, хотя на самом деле вторую жену С. звали Ниной Николаевной. От С. у Чарноты также качества азартного игрока в сочетании с военными способностями и наклонностью к пьянству. Судьба Григория Лукьяновича - это вариант судьбы С., рассказанный Оболенским, тот вариант, который реализовался бы, останься генерал в эмиграции простым фермером. Тогда С. мог надеяться только на случайную удачу в игре, да на возвращение в Россию через много лет, если о нем там забудут.

Чарнота по ходу действия обнажает в хлудовской судьбе некоторые моменты, присущие судьбе С. По свидетельству Оболенского, люди, до революции знавшие С. как тихого, вдумчивого офицера, поражались перемене, произведенной гражданской войной, превратившей его в жестокого палача. При первой встрече с Хлудовым ранее знавший Романа Валерьяновича Чарнота поражается проявившейся в нем жестокости. А в финале, комментируя предстоящее возвращение Хлудова, "потомок запорожцев" высказывает предположение: "У тебя, генерального штаба генерал-лейтенанта, может быть, новый хитрый план созрел?" Оно вполне совпадает с реальными поступками С., который свое возвращенье в Россию тщательно спланировал, проведя длительные переговоры с советскими представителями и выговорив себе прощение и работу по специальности. Эти слова Чарноты оставляют впечатление, что Хлудов в Советской России совсем не обязательно будет казнен. Но Булгаков больше склоняется в образе Хлудова к мотиву искупительной жертвы, поэтому сильнее запоминаются другие слова Чарноты о том, что ждет раскаявшегося на родине: "Проживешь ты, Рома, ровно столько, сколько потребуется тебя с поезда снять и довести до ближайшей стенки, да и то под строжайшим караулом!"

В момент взятия красными Перекопа С. был не у дел. Булгаковский же герой командует фронтом и выполняет функции генералов А. П. Кутепова и П. Н. Врангеля. Именно Хлудов приказывает каким соединениям следовать к каким портам для эвакуации. В книгах С. такого приказа, отданного Врангелем, нет, но он есть в других источниках, в частности, в вышедшем в конце 1920 г. в Константинополе сборнике "Последние дни Крыма". В то же время Булгаков заставляет Хлудова критиковать Главнокомандующего почти теми же словами, какими С. в книге "Крым в 1920 г." критиковал Врангеля. Так, слова Хлудова: "...Но Фрунзе обозначенного противника на маневрах изображать не пожелал... Это не шахматы и не незабвенное Царское Село..." восходят к утверждению С. об ошибочности решения Врангеля начать переброску частей между Чонгаром и Перекопом накануне советского наступления: "...Началась рокировка (хорошо она проходит только в шахматах). Красные же не захотели изображать обозначенного противника и атаковали перешейки".

Фраза, брошенная Хлудовым Главнокомандующему по поводу намерения последнего переехать в гостиницу "Кист", а оттуда на корабль: "К воде поближе?", - это злой намек на трусость главкома, упомянутую в книге "Крым в 1920 г.": "Эвакуация протекала в кошмарной обстановке беспорядка и паники. Врангель первым показал пример этому, переехал из своего дома в гостиницу "Кист" у самой Графской пристани, чтобы иметь возможность быстро сесть на пароход, что он скоро и сделал, начав крейсировать по портам под видом поверки эвакуации. Поверки с судна, конечно, он никакой сделать не мог, но зато был в полной сохранности, к этому только он и стремился".

В позднейших редакциях "Бега", где Хлудов кончал с собой, о своем намерении вернуться в Россию он говорил иронически-иносказательно как о предстоящей поездке на лечение в германский санаторий. Здесь имелась в виду рассказанная С. в мемуарах история, как он отказался от предложения Врангеля ехать лечиться в санаторий в Германии, не желая тратить на свою персону народные деньги - дефицитную валюту.

В качестве антипода Хлудова (С.) Булгаков дал сниженный карикатурный образ белого Главнокомандующего (Врангеля). Слова архиепископа Африкана, чьим прототипом был глава духовенства Русской армии епископ Севастопольский Вениамин (Иван Федченко) (1881-1961), обращенные к Главнокомандующему: "Дерзай, славный генерал, с тобою свет и держава, победа и утверждение, дерзай, ибо ты Петр, что значит камень", имеют своим источником воспоминания Г. Н. Раковского, который отмечал, что "представители воинствующего черносотенного духовенства с епископом Вениамином, который деятельно поддерживал Врангеля еще тогда, когда он вел борьбу с Деникиным", с церковных кафедр "прославляли Петра Врангеля, сравнивая его не только с Петром Великим, но даже и с апостолом Петром. Он явится, мол, тем камнем, на котором будет построен фундамент новой России".

Комичное обращение к Африкану самого Главнокомандующего: "Ваше преосвященство, западноевропейскими державами покинутые, коварными поляками обманутые, в самый страшный час на милосердие божие уповаем", пародирует последний приказ Врангеля при оставлении Крыма: "Оставленная всем миром, обескровленная армия, боровшаяся не только за наше русское дело, но и за дело всего мира, - оставляет родную землю. Мы идем на чужбину, идем не как нищие с протянутой рукой, а с высоко поднятой головой, в сознании исполненного долга". Нищета, постигшая в Константинополе Хлудова, Чарноту, Люську, Серафиму, Голубкова и других эмигрантов в "Беге", показывает всю фальшивость врангелевских высокопарных слов.

Неслучайны имя и отчество Хлудова - Роман Валерьянович. Это скрытая полемика с рассказом Всеволода Иванова (1895-1963) "Операция под Бритчино" (1924), где С. послужил прототипом главного героя - бывшего командующего белыми армиями на Юге России генерал-лейтенанта Валерьяна Митрофановича Сабеева, теперь служащего в Красной армии и делающего доклад в военно-историческом обществе об одной из своих операций совместно с бывшим своим противником в этой операции - командармом товарищем Пастыревым. Кстати, во время лекций С., по свидетельствам выпускников школы "Выстрел", часто возникали горячие дискуссии с красными командирами, бывшими противниками генерала в тех или иных боях. У Иванова Сабеев терпит неудачу, потому что стремится еще защитить свою семью и размещает войска с учетом этого. В результате и бой он проигрывает, и семья гибнет. Пастырев же ради успеха жертвует жизнями брата и жены и одерживает победу.

Булгаков видел всю фальшь такой схемы применительно к реальному С. Поэтому Хлудов в "Беге" нисколько не жалеет ни женщин, ни детей, спокойно собираясь повесить начальника станции и оставить сиротой его маленькую дочь. Хлудов не имеет родных и близких, он даже более одинок, чем был на самом деле С. (с этой целью Булгаков "походную жену" передал Чарноте). Автор "Бега" не сомневался, что ради военных успехов С. пожертвовал бы кем угодно, и таким сделал своего Хлудова.

В 1925 г. а/о "Пролетарское кино" собиралось делать художественный фильм "Врангель", причем С. был приглашен в качестве военно-технического консультанта сценария Л. О. Полярного и М. И. Перцовича, а также на роль "генерала Слащова-Крымского" (роль ординарца должна была сыграть вторая жена С.). Любопытно, что если во МХАТе предполагавшийся исполнитель роли Хлудова Н. П. Хмелев не обладал портретным сходством с прототипом, то исполнитель этой роли в киноверсии "Бега", выполненной в 1970 г. режиссерами А. А. Аловым и В. Н. Наумовым, актер Владислав Дворжецкий оказался очень похож на С. Дворжецкий создал лучший на сегодня образ Хлудова. Убедительнее его трагедию больной совести палача не сыграл никто.

« Назад

Наверх

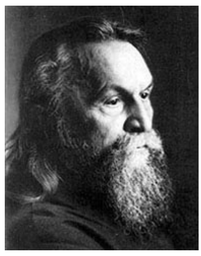
© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций
Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы
Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи
Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта
Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Булгаков, Сергей Николаевич ~

Страницы: 1 2



Булгаков Сергей Николаевич, о. Сергий (1871-1944) - философ, экономист, публицист, общественный деятель и богослов, оказавший влияние на творчество Булгакова, особенно в романе "Белая гвардия".

Б. родился 16/28 июля 1871 г. в г. Ливны Орловской губернии в семье священника. Учился в Орловской духовной семинарии до 1887 г., затем в Елецкой гимназии, а с 1890 г. - на юридическом факультете Московского университета, который окончил в 1894 г. и был оставлен для подготовки к профессорскому званию.

В 1896 г. опубликовал первую книгу "О рынках при капиталистическом производстве", написанную с марксистских позиций. В 1898 г. Б. женился на Елене Ивановне Токмаковой (1868-1945). В том же году получил двухлетнюю научную командировку в Берлин. В 1900 г. защитил опубликованную тогда же магистерскую диссертацию "Капитализм и земледелие", где была показана ограниченная применимость марксистской теории для русского сельского хозяйства. Это вызвало неудовольствие членов ученого совета, придерживавшихся ортодоксально-марксистских позиций, и в Москве для Б. не нашлось профессуры.

В 1901 г. был избран экстраординарным профессором Киевского политехнического института, где преподавал политэкономию. В 1903 г. участвует в основании марксистского "Союза освобождения". С 1904 г. Б. вместе с Н. А. Бердяевым редактирует петербургский журнал "Новый путь", в 1905 г. возвращается к церкви, впервые за много лет посещая исповедь, и в том же году в Москве основывает Религиозно-философское общество памяти В. С. Соловьева. В рамках деятельности этого общества в Киеве знакомится с А. И. Булгаковым, отцом Булгакова.

Отказ от марксизма был зафиксирован в книге статей "От марксизма к идеализму" (1903). В 1905 г. при известии о Манифесте 17 октября Б., нацепив красный бант, вышел на демонстрацию вместе со студентами, но в какой-то момент, по его собственным словам, "почувствовал совершенно явственно веяние антихристова духа" и, придя домой, выбросил красный бант в сортир.

В 1906 г. Б. явился одним из основателей Союза Христианской политики, а в 1907 г. был избран в Государственную Думу от Орловской губернии как беспартийный "христианский социалист", выступал со статьями, где проповедовал идеи христианского социализма. Однако после разгона Думы 3 июня 1907 г. окончательно разочаровался в революции и стал убежденным монархистом.

В 1909 г. участвовал в сборнике "Вехи", авторы которого призывали интеллигенцию обратиться от революции к религии. В 1911 г. вышел сборник статей Б. "Два града". В 1912 г. Б. защитил как докторскую диссертацию свою книгу "Философия хозяйства". В 1917 г. вышла наиболее значительная философская работа Б. "Свет невечерний", вторая часть "Философии хозяйства", по словам Б. - "род духовной автобиографии или исповеди", а в 1918 г. - сборник статей "Тихие думы".

В 1917-1918 гг. Б. активно участвует в работе Всероссийского Поместного Собора Православной церкви, составляет ряд его программных документов. 11 июня 1918 г. Б. принял сан священника в Даниловском монастыре в Москве. В 1917 г. Б. выпустил брошюру "Христианство и социализм", где утверждал: "В сердцах человеческих идет борьба, решается вопрос о том, кому поклониться и поверить: Христу, царство Коего не от мира сего, или же князьям мира сего. Эта же борьба идет и в душе социализма".

В 1918 г. Б. в Киеве опубликовал отдельным изданием статью "На пиру богов (Pro и Contra). Современные диалоги", предназначенную для продолжающего линию "Вех" сборника "Из глубины" (вышел в 1921 г., но почти весь тираж был конфискован). Статья "На пиру богов" оказала значительное влияние на М. А. Булгакова. С 1919 г. Б. сделался профессором Симферопольского университета, где преподавал политэкономию и богословие. Позднее жил в Ялте.

20 сентября 1922 г. сотрудники ЧК провели у Б. обыск. 13 октября он был арестован и препровожден в Симферополь. Там Б. объявили постановление о высылке за границу. 30 декабря отплыл из Севастополя в Константинополь, куда прибыл 7 января 1923 г. Из Константинополя Б. в том же 1923 г. переехал в Прагу, а в 1925 г. поселился в Париже, где стал профессором богословия и деканом Православного богословского института.

За границей Б. писал и публиковал почти исключительно богословские работы (часть из них была издана посмертно): "Купина неопалимая" (1927), "Лествица Иаковля" (1929), "Св. Петр и Иоанн" (1926), "Друг Жениха" (1927) "Агнец Божий" (1933), "Невеста Агнца" (1945), "Утешитель" (1936), "Апокалипсис Иоанна" (1948), "Православие" (1964), сборник проповедей "Радость церковная" и др. Он также создал религиозно-философские исследования "Трагедия философии" (1927) и "Философия имени" (1953).

Умер Б. в Париже 13 июля 1944 г. от кровоизлияния в мозг. Похоронен 15 июля 1944 г. на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. У Б. были дети: дочь Мария (1898-1979) и сыновья Федор (1902 г. рождения) и Иван (Ивашечка). Он родился 25 декабря 1906 г. и умер в Крыму от нефрита 27 августа 1909 г. Смерть Ивашечки оказала значительное влияние на мировоззрение Б. Как отмечал друг и ученик Б. Лев Александрович Зандер (1893-1964), "смерть сына Ивашечки была пережита о. Сергием не только как личное горе, но и как религиозное откровение. Об этом он помнил всю жизнь. Снимок с Ивашечки на смертном одре всегда украшал его комнату..."

Сам Б. писал 27 сентября 1909 г. философу и литературоведу Г. А. Рачинскому (1859-1939): "Как изобразить Вам пережитое? Скажу одно: я еще никогда не переживал такой муки в своей в общем благополучной, хотя и не свободной от утрат жизни. Мальчик этот наш (Ивашек, 3 г. 7 мес.) был особенный, необыкновенный, с небесным светом в очах и улыбке. Всегда вспоминаю, что родился он в Христову ночь, когда к заутрене звонили колокола. Вестник неба и ушел на небо".

В религиозно-философских, а позднее в богословских трудах Б., как и его друг и философский единомышленник П. А. Флоренский, развивал учение Владимира Сергеевича Соловьева (1853-1900) о Софии - Премудрости Божьей, олицетворении Вечной Женственности, увиденной через призму Божественного Триединства. Учение о Софии (софиология) у Б. выступает как основа Всеединства - универсального учения о Боге, Мире и Человеке.

По мысли Б., высказанной в "Свете Невечернем", бытие каждой человеческой личности обретает смысл лишь во вне ее находящемся Божественном Абсолюте. У Булгакова в "Мастере и Маргарите" таким Божественным Абсолютом становится Иешуа Га-Ноцри со своей этической проповедью Абсолютного Добра, и вне его теряют смысл своей жизни и жестокий Понтий Пилат, и гениальный Мастер.

В "современных диалогах" "На пиру богов", построенных по образцу "Трех разговоров" (1900) В. С. Соловьева, Б. рассуждал о судьбах России в условиях, когда предсказанное в соловьевской "краткой повести об Антихристе" пришествие Антихриста в лице большевиков уже состоялось. Б. писал о какой-то невидимой руке, "которой нужно связать Россию", об ощущении, что "осуществляется какой-то мистический заговор, бдит своего рода черное провидение: "Некто в сером" (инфернальный персонаж популярной пьесы Леонида Андреева (1871-1919) "Жизнь человека" (1907), кто похитрее Вильгельма, теперь воюет с Россией и ищет ее связать и парализовать".

У Булгакова в "Белой гвардии" "некто в сером" материализуется в военного вождя сторонников независимой Украины С. В. Петлюру, отмеченного "числом зверя" - 666, и в военного вождя большевиков Л. Д. Троцкого, уподобленного Аполлиону, "ангелу бездны", ангелу-губителю Апокалипсиса.

Народ - не богоносец, а "хам и скот"
Революция среди свиней
"Homo socialisticus"
Родственники ли писатель и философ Булгаковы?
Читайте в завершении>>>

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций
Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы
Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи
Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта
Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Булгаков, Сергей Николаевич, часть 2 ~

Страницы: 1 2

Рассуждения Мышлаевского в "Белой гвардии" и "Днях Турбиных" о "мужичках-богоносцах Достоевских" навеяны не только романом Федора Достоевского (1821-1881) "Бесы" (1871-1872), но и следующим осмыслением этого образа в работе "На пиру богов": "Недавно еще мечтательно поклонялись народу-богоносцу, освободителю. А когда народ перестал бояться барина, да тряхнул вовсю, вспомнил свои пугачевские были - ведь память народная не так коротка, как барская, - тут и началось разочарование. - Нам до сих пор еще приходится продираться чрез туман, напущенный Достоевским, это он богоносца-то сочинил. А теперь вдруг оказывается, что для этого народа ничего нет святого, кроме брюха. Да он и прав по-своему, голод - не тетка. Ведь и мы, когда нас на четверки хлеба посадили, стали куда менее возвышенны". Булгаковский Мышлаевский материт "мужичков-богоносцев", поддерживающих Петлюру, однако тут же готовых броситься опять в ноги "вашему благородию", если на них как следует прикрикнуть.

Б. в "На пиру богов" приходит насчет народа к неутешительному выводу: "Пусть бы народ наш оказался теперь богоборцем, мятежником против святынь, это было бы лишь отрицательным самосовершительством его религиозного духа. Но ведь чаще-то всего он себя ведет просто, как хам и скот, которому вовсе нет дела до веры. Как будто и бесов-то в нем никаких нет, нечего с ним делать им. От бесноватости можно исцелиться, но не от скотства".

И тут же устами другого участника "современных диалогов" опровергает, или, по крайней мере, ставит под сомнение этот вывод: "Чем же отличается теперь ваш "народ-богоносец", за дурное поведение разжалованный в своем чине, от того древнего "народа жестоковыйного", который ведь тоже не особенно был тверд в своих путях "богоносца"? Почитайте у пророков и убедитесь, как и там повторяются - ну, конечно, пламеннее и вдохновеннее - те самые обличения, которые произносятся теперь над русским народом".

Булгаков в том варианте окончания "Белой гвардии", который не был опубликован из-за закрытия журнала "Россия", вложил похожие слова в уста "несимпатичного" Василисы: "Нет, знаете ли, с такими свиньями никаких революций производить нельзя...", причем сам Василиса, вожделеющий к молочнице Явдохе, в мыслях готов зарезать свою нелюбимую жену Ванду. Он как бы уподобляется народу по уровню сознания, но не из-за голода, а из-за таких же, как у "мужичков-богоносцев", низменных стремлений.

К "На пиру богов" восходит в "Белой гвардии" и молитва Елены о выздоровлении Алексея Турбина. Б. передает следующий рассказ: "Перед самым октябрьским переворотом мне пришлось слышать признание одного близкого мне человека. Он рассказывал с величайшим волнением и умилением, как у него во время горячей молитвы перед явленным образом Богоматери на сердце вдруг совершенно явственно прозвучало: Россия спасена. Как, что, почему? Он не знает, но изменить этой минуте, усомниться в ней значило бы для него позабыть самое заветное и достоверное. Вот и выходит, если только не сочинил мой приятель, что бояться за Россию в последнем и единственно важном, окончательном смысле нам не следует, ибо Россия спасена - Богородичною силою".

Молитва Елены у Булгакова, обращенная к иконе Богоматери, также возымела действие - брат Алексей с Божьей помощью одолел болезнь: "Когда огонек созрел, затеплился, венчик над смуглым лицом Богоматери превратился в золотой, глаза ее стали приветливыми. Голова, наклоненная набок, глядела на Елену...
Елена с колен исподлобья смотрела на зубчатый венец над почерневшим ликом с ясными глазами и, протягивая рука, говорила шепотом:
- Слишком много горя сразу посылаешь, Мать-заступница. Так в один год и кончаешь семью. За что? На тебя одна надежда, Пречистая Дева. На тебя. Умоли Сына своего, умоли Господа Бога, чтоб послал чудо...
Шепот Елены стал страстным, она сбивалась в словах, но речь ее была непрерывна, шла потоком... Совершенно неслышным пришел тот, к кому через заступничество смуглой девы взывала Елена. Он появился рядом у разворотненной гробницы, совершенно воскресший, и благостный, и босой. Грудь Елены очень расширилась, на щеках выступили пятна, глаза наполнились светом, переполнились сухим бесслезным плачем. Она лбом и щекой прижалась к полу, потом, всей душой вытягиваясь, стремилась к огоньку, не чувствуя уже жестокого пола под коленями. Огонек разбух, темное лицо, врезанное в венец, явно оживало, и глаза выманивали у Елены все новые и новые слова. Совершенная тишина молчала за дверями и за окнами, день темнел страшно быстро, и еще раз возникло видение - стеклянный свет небесного купола, какие-то невиданные, красно-желтые песчаные глыбы, масличные деревья, черной вековой тишью и холодом повеял в сердце собор.
- Мать-заступница, - бормотала в огне Елена, - упроси Его. Вон Он. Что же Тебе стоит. Пожалей нас. Пожалей. Идут Твои дни, Твой праздник. Может, что-нибудь доброе сделает он, да и Тебя умолю за грехи. Пусть Сергей не возвращается... Отымаешь, отымай, но этого смертью не карай... Все мы в крови повинны, но ты не карай. Не карай. Вон Он, вон Он...
Огонь стал дробиться, и один цепочный луч протянулся длинно, длинно к самым глазам Елены. Тут безумные ее глаза разглядели, что губы на лике, окаймленном золотой косынкой, расклеились, а глаза стали такие невиданные, что страх и пьяная радость разорвали ей сердце, она сникла к полу и больше не поднималась".

Успех молитвы Елены и явление ей Сына Божьего, наряду с выздоровлением Алексея Турбина, символизируют в "Белой гвардии" надежду на выздоровление и возрождение России. Булгаков при этом берет на себя и на интеллигенцию в целом часть вины в пролитой крови. Явленный Елене образ Иисуса Христа позднее в "Мастере и Маргарите" развился в образ Иешуа Га-Ноцри. Отметим также, что если "современные диалоги" Б. происходят на Страстную неделю 1918 г., то молитва Елены в "Белой гвардии" - накануне Рождества.

В "На пиру богов" Б. обвинял интеллигенцию в пренебрежительном отношении к религии: "Почему-то теперь вдруг все ощетинились, когда большевики назначили празднование 1 мая в Страстную среду, тогда как сами повсюду и систематически делали по существу то же самое".

Специальное постановление Всероссийского церковного собора, составленное при участии Б. и оглашенное 20 апреля 1918 г., в связи с намерением советского правительства устроить 1 мая 1918 г. "политическое торжество с шествием по улицам и в сопровождении оркестров музыки" напоминало верующим, что "означенный день совпадает с великой средой. В скорбные дни Страстной недели всякие шумные уличные празднества и уличные шествия независимо от того, кем и по какому случаю они устраиваются, должны рассматриваться как тяжелое оскорбление, наносимое религиозному чувству православного народа. Посему, призывая всех верных сынов православной церкви в упомянутый день наполнить храмы, собор предостерегает их от какого-либо участия в означенном торжестве. Каковы бы ни были перемены в русском государственном строе, Россия народная была, есть и останется православной".

Булгаков в "Мастере и Маргарите", очевидно, будучи знаком и с работой Б. и с решением церковного Собора, приурочил начало действия к 1 мая 1929 г., когда праздник международной солидарности трудящихся опять пришелся на Страстную Среду. Именно вечером этого дня в Москве появляется Воланд со своей свитой и предсказывает председателю МАССОЛИТа Михаилу Александровичу Берлиозу на Патриарших прудах гибель под колесами трамвая, вероятно, также и за то, что Михаил Александрович в этот скорбный день проводит праздничное собрание правления своей организации.

Показательно, что в правлении МАССОЛИТа двенадцать литераторов. Б. в "На пиру богов" так рассуждает о поэме Александра Блока (1880-1921) "Двенадцать" (1918): "Вещь пронзительная, кажется, единственно значительная из всего, что появлялось в области поэзии за революцию. Так вот, если она о большевиках, то великолепно; а если о большевизме, то жутко до последней степени. Ведь там эти 12 большевиков, растерзанные и голые душевно, в крови, "без креста", а другие двенадцать превращаются" - в двенадцать апостолов новой веры, ведомых Иисусом Христом. В "Мастере и Маргарите" двенадцать литераторов-коммунистов, "голые душевно" и "без креста", смешны, хотя и страшны тоже, ибо способны загубить любой талант, вроде гениального автора романа о Понтии Пилате.

Б. в "современных диалогах" еще задавался вопросом: "Может быть, и впрямь есть в большевизме такая глубина и тайна, которой мы до сих пор не умели понять?", хотя был убежден, что если большевики и покажут "настоящее христианство", то "только снежное, с ледяным сердцем и холодной душой". При этом он признавался: "Для меня вообще перетряхивание этого старья на тему о сближении христианства и социализма давно уже потеряло всякий вкус".

Булгаковские литераторы-массолитовцы охладели и сердцем и душой, не годятся на роль апостолов какого бы то ни было учения и, как признается сам себе поэт Александр Рюхин, заливая водкой тоску в ресторане Дома Грибоедова, не верят в то, что проповедуют, о чем пишут. Дом Грибоедова обречен погибнуть в огне пожара, ибо в нем беззаботно предаются мирским радостям литераторы в скорбные дни Страстной Седмицы.

В фельетоне "Похождения Чичикова" (1922), помещая гоголевского героя в послереволюционную действительность, Булгаков, наряду со статьей Н. А. Бердяева "Духи русской революции" (1918), учитывал, возможно, и слова Б. из "современных диалогов" о том, что "революционные Чичиковы хлопочут, чтобы сбывать мертвые души, да под шумок и Елизавету Воробья за мужчину спустить".

Признание Б. в "На пиру богов" в том, что "товарищи" кажутся мне иногда существами, вовсе лишенными духа и обладающими только низшими душевными способностями, особой разновидностью дарвиновских обезьян - homo socialisticus", очевидно, натолкнуло Булгакова на идею его повести "Собачье сердце" (1925). Там подобным homo socialisticus'ом оказывается Полиграф Полиграфович Шариков, в котором обладающий лишь "низшими душевными способностями" пролетарий Клим Чугункин задавил все доброе, что было в симпатичном псе Шарике.

Возможно, Б. послужил также одним из прототипов приват-доцента Сергея Голубкова в пьесе "Бег" (1928), поскольку Голубков - анаграмма фамилии Булгаков. Герой пьесы - не только приват-доцент, но и сын "известного профессора-идеалиста". "Будущим приват-доцентом" в рассказе "В ночь на 3-е число" (1922) и в предназначенном для журнала "Россия" окончании романа "Белая гвардия" названы автобиографичные доктор Бакалейников и доктор Турбин. Голубков бежит из Петербурга, при этом ранее он жил в Киеве, а, оказавшись в Крыму и Константинополе, во многом повторяет путь Б. и в то же время остается автобиографичным героем.

В семействе Булгаковых было распространено предание о родстве с Б. (отец писателя, А. И. Булгаков, как и философ, был родом из Орловской губернии). Не исключено, что образ Голубкова в "Беге" Булгаков создал не без влияния этого предания.

« Назад
Наверх »

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Похождения Чичикова"

"Похождения Чичикова" - фельетон, иногда определяемый также как маленькая сатирическая повесть. Имеет подзаголовок "Поэма в 10-ти пунктах с прологом и эпилогом".

Опубликовано: Накануне, Берлин - М., 1922 г. 24 сент. Перепечатано: Бакинский рабочий, 1922 г. 9 окт. Вошел в авторские сборники: Дьяволиада. М.: Недра, 1925 (2-е изд. - 1926 г.); Роковые яйца. Рига: Литература, 1928.

Герои поэмы Николая Гоголя (1809-1852) "Мертвые души" (1842) здесь погружены в атмосферу пореволюционной России, где особенно вольготно чувствуют себя в эпоху нэпа. Порой они парадоксально, почти мистически совпадают с реальными современниками Булгакова.

Так, упоминаемые в фельетоне банды капитана Копейкина, будто бы отнявшие у Чичикова деньги, отпущенные на электрификацию, ассоциировались в сознании части тогдашних читателей не только с гоголевским героем, но и с действительно существовавшим капитаном Копейкиным, выходцем из солдат, возглавившим крупное антисоветское восстание крестьян в Саратовской губернии в 1918 г. Из Саратова была родом Т. Н. Лаппа, первая жена Булгакова.

П. Ч. - это сатира не столько на "гримасы нэпа", сколько на то общее разрушение нравственных и моральных устоев, которое произвела революция. Булгаков учитывал следующую характеристику революционной стихии, данную философом Н. А. Бердяевым в статье "Духи русской революции" (1918): "По-прежнему Чичиков ездит по русской земле и торгует мертвыми душами. Но ездит он не медленно в кибитке, а мчится в курьерских поездах и повсюду рассылает телеграммы. Та же стихия действует в новом темпе. Революционные Чичиковы скупают и перепродают несуществующие богатства, они оперируют с фикциями, а не реальностями, они превращают в фикцию всю хозяйственно-экономическую жизнь России. Многие декреты революционной власти совершенно гоголевские по своей природе и в огромной массе обывателей они встречают гоголевское к себе отношение. В стихии революции обнаруживается колоссальное мошенничество, бесчестность, как болезнь русской души. Вся революция наша представляет собой бессовестный торг - торг народной душой и народным достоянием. Вся наша революционная аграрная реформа, эсеровская и большевистская, есть чичиковское предприятие. Она оперирует с мертвыми душами, она возводит богатство народное на призрачном, нереальном базисе. В ней есть чичиковская смелость. В нашем летнем герое аграрной революции было поистине что-то гоголевское. Немало было также маниловщины в первом периоде русской революции и в революционном временном правительстве. Но "Мертвые души" имеют и глубокий символический смысл. Все хари и рожи гоголевской эпопеи появились на почве омертвения русских душ. Омертвение душ делает возможным чичиковские похождения и встречи. Это длительное и давнее омертвение душ чувствуется и в русской революции. Потому и возможен в ней этот бесстыдный торг, этот наглый обман. Не революция сама по себе это создала. Революция - великая проявительница, и она проявила лишь то, что таилось в глубине России. Формы старого строя сдерживали проявление многих русских свойств, вводили их в принудительные границы. Падение этих обветшалых форм привело к тому, что русский человек окончательно разнуздался и появился нагишом".

П. Ч. - это "Мертвые души", прочитанные Булгаковым глазами Бердяева в контексте русской революции.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

"Бег"

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7

"Бег" - пьеса, имеющая подзаголовок "Восемь снов".

При жизни Булгакова не ставилась. Был опубликован только один отрывок из Б. - седьмой сон со сценой карточной игры у Корзухина: Красная газета. Вечерний выпуск, Л., 1932, 1 окт. Впервые: Булгаков М. Пьесы, М.: Искусство, 1962.

Работу над текстом Булгаков начал в 1926 г. Замысел пьесы был связан с воспоминаниями второй жены драматурга Л. Е. Белозерской об эмигрантской жизни и с мемуарами бывшего белого генерала Я. А. Слащева "Крым в 1920 г." (1924), а также рядом других исторических источников, где рассказывалось о завершении гражданской войны в Крыму осенью 1920 г.

В апреле 1927 г. был заключен договор с МХАТом, по которому Булгаков обязался представить не позднее 20 августа 1927 г. пьесу "Рыцарь Серафимы" ("Изгои"). Тем самым драматург погашал аванс, выданный 2 марта 1926 г. за будущую постановку инсценировки "Собачьего сердца", не осуществленную из-за запрещения повести. Рукопись "Рыцаря Серафимы" (или "Изгоев") не сохранилась.

1 января 1928 г. Булгаков заключил новый договор с МХАТом. Теперь пьеса называлась "Бег". 16 марта 1928 г. драматург сдал ее в театр. 16 апреля 1928 г. на художественном совете МХАТа было запланировано начать в будущий сезон работу по постановке Б. Однако 9 мая 1928г. Главрепертком признал Б. "неприемлемым" произведением, поскольку автор никак не рассматривал кризис мировоззрения тех персонажей, которые принимают Советскую власть, и политическое оправдание ими этого шага.

Цензура сочла также, что белые генералы в пьесе чересчур героизированы, и даже глава крымской контрреволюции Врангель будто бы по авторской характеристике "храбр и благороден". На самом деле у Булгакова в первой редакции Б. белый Главнокомандующий, в котором легко узнаваем главнокомандующий Русской армией в Крыму генерал-лейтенант барон Петр Николаевич Врангель (1878-1928) (журнальная вырезка с фотографией его похорон сохранилась в булгаковском архиве), в портретной ремарке описывался следующим образом:

"На лице у него усталость, храбрость, хитрость, тревога" (но никак не благородство). Кроме того, Главреперткому очень не понравилась "эпизодическая фигура буденновца в 1-й картине, дико орущая о расстрелах и физической расправе", что будто бы "еще более подчеркивает превосходство и внутреннее благородство героев белого движения" (иного изображения врагов, чем простая карикатура, цензоры решительно не признавали). Театр вынужден был потребовать от автора переделок Б.

На сторону пьесы встал Максим Горький (А. М. Пешков) (1868-1936). 9 октября 1928 г. на заседании художественного совета он высоко отозвался о Б.: "Чарнота - это комическая роль, что касается Хлудова, то это больной человек. Повешенный вестовой был только последней каплей, переполнившей чашу и довершившей нравственную болезнь. Со стороны автора не вижу никакого раскрашивания белых генералов. Это - превосходнейшая комедия, я ее читал три раза, читал А. И. Рыкову (председателю Совнаркома) и другим товарищам. Это - пьеса с глубоким, умело скрытым сатирическим содержанием... Когда автор здесь читал, слушатели (и слушатели искушенные) смеялись. Это доказывает, что пьеса очень ловко сделана. "Бег" - великолепная вещь, которая будет иметь анафемский успех, уверяю вас".

Ранее на том же обсуждении режиссер Б. Илья Яковлевич Судаков (1890-1969) сообщил, что при участии автора достигнуто соглашение с Главреперткомом о направлении изменений в тексте пьесы: "Сейчас в пьесе Хлудов уходит только под влиянием совести (достоевщина)... Хлудова должно тянуть в Россию в силу того, что он знает о том, что теперь делается в России, и в силу сознания, что его преступления были бессмысленны".

Сторонники Б. стремились представить пьесу прежде всего как сатирическую комедию, обличавшую белых генералов и белое дело в целом, несколько отодвигая на второй план трагедийное содержание образа генерала Хлудова, прототипом которого послужил вернувшийся в Советскую Россию Я. А. Слащев. Интересно, что изменения, намеченные И. Я. Судаковым в отношении мотивов возвращения главного героя на родину, на самом деле оказались ближе к реальным мотивам Я. А. Слащева, но художественно обедняли фигуру Хлудова.

11 октября 1928 г. в "Правде" появилось сообщение, что Главрепертком разрешил МХАТу приступить к репетиции Б. при условии некоторых изменений текста, и репетиции в тот же день начались. Однако 13 октября Горький уехал на лечение в Италию, а 22 октября на расширенном заседании политико-художественного совета Реперткома по поводу Б. пьесу отклонили. В результате 24 октября было объявлено о запрещении постановки.

В печати начали кампанию против Б., хотя авторы статей часто даже не были знакомы с текстом пьесы. 23 октября 1928 г. "Комсомольская правда" напечатала подборку "Бег назад должен быть приостановлен". Хлесткие названия фигурировали и в других газетах и журналах: "Тараканий набег", "Ударим по булгаковщине". Позднее эти заголовки, как и многие другие, были блестяще спародированы в кампании против романа Мастера в "Мастере и Маргарите".

Сталинский вердикт о "Беге"
"Антисоветское явление"
Идея пьесы
Что цензура требовала от булгаковского Гения
Читайте продолжение>>>

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Бег", часть 2

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7

2 февраля 1929 г. И. В. Сталин, отвечая на письмо драматурга Владимира Наумовича Билль-Белоцерковского (1884/85-1970), дал резко отрицательную оценку Б.: "Бег" есть проявление попытки вызвать жалость, если не симпатию, к некоторым слоям антисоветской эмигрантщины, - стало быть, попытка оправдать или полуоправдать белогвардейское дело. "Бег", в том виде, в каком он есть, представляет антисоветское явление. Впрочем, я бы не имел ничего против постановки "Бега", если бы Булгаков прибавил к своим восьми снам еще один или два сна, где бы он изобразил внутренние социальные пружины гражданской войны в СССР, чтобы зритель мог понять, что все эти, по-своему "честные" Серафимы и всякие приват-доценты, оказались вышибленными из России не по капризу большевиков, а потому, что они сидели на шее у народа (несмотря на свою "честность"), что большевики, изгоняя вон этих "честных" сторонников эксплуатации, осуществляли волю рабочих и крестьян и поступали поэтому совершенно правильно".

Вождь интеллигенцию ("всяких приват-доцентов") очень не любил, это хорошо чувствуется по тону письма, и общий язык с писателем, ставившим своей главной задачей (в письме правительству, т.е. тому же Сталину, 28 марта 1930 г.) "упорное изображение русской интеллигенции, как лучшего слоя в нашей стране", лидер большевиков найти не мог. Сталинские пожелания насчет Б. были для Булгакова неприемлемы, хотя естественным образом совпадали с рекомендациями Главреперткома.

Режиссер же спектакля И. Я. Судаков, в попытке спасти полюбившуюся мхатовцам пьесу, готов был принять многие цензурные требования. Так, на заседании 9 октября 1928 г. он высказал мнение, что Серафима Корзухина и приват-доцент Голубков, интеллигенты, оказавшиеся в эмиграции вместе с белой армией, должны "возвращаться не для того, чтобы увидать снег на Караванной, а для того, чтобы жить в РСФСР".

Ему справедливо возражал начальник Главискусства А. И. Свидерский (1878-1933), склонявшийся к разрешению Б.: "Идея пьесы - бег, Серафима и Голубков бегут от революции, как слепые щенята, как бежали в ту полосу нашей жизни тысячи людей, а возвращаются только потому, что хотят увидеть именно Караванную, именно снег, - это правда, которая понятна всем. Если же объяснить их возвращение желанием принять участие в индустриализации страны - это было бы несправедливо и потому плохо".

После сталинского вердикта перспективы постановки Б. стали совсем призрачными. МХАТ попытался вернуться к вопросу о булгаковской пьесе, последняя репетиция которой состоялась 25 января 1929 г. (тогда еще не верили, что действительно последняя), в 1933 г. До этого, правда, театр успел 14 октября 1929 г. расторгнуть договор с Булгаковым и потребовать назад аванс (в счет погашения этого долга драматург начал работу над пьесой "Кабала святош").

Также не имела последствий попытка постановки Б. в Ленинградском Большом Драматическом Театре, договор с которым был заключен 12 октября 1929 г. 2 февраля 1933 г. на совещании во МХАТе по поводу плана предстоящего сезона вновь возник вопрос о Б. 10 марта начались репетиции, а 29 апреля 1933 г. с Булгаковым заключили новый договор и драматург начал переработку текста.

Направление переделок было определено в разговоре И.Я. Судакова с председателем Главреперткома, критиком и драматургом Осафом Семеновичем Литовским (1892-1971), изложившим требования цензуры. Судаков передал их в письме Дирекции МХАТа 27 апреля 1933 г. : "...Для разрешения пьесы необходимо в пьесе ясно провести мысль, что белое движение погибло не из-за людей хороших или плохих, а вследствие порочности самой белой идеи". В договоре автору была вменена обязанность сделать следующие изменения:
"а) переработать последнюю картину по линии Хлудова, причем линия Хлудова должна привести его к самоубийству как человека, осознавшего беспочвенность своей идеи;
б) переработать последнюю картину по линии Голубкова и Серафимы так, чтобы оба эти персонажа остались за границей;
в) переработать в 4-й картине сцену между главнокомандующим и Хлудовым так, чтобы наилучше разъяснить болезнь Хлудова, связанную с осознанием порочности той идеи, которой он отдался, и проистекавшую отсюда ненависть его к главнокомандующему, который своей идеей подменял хлудовскую идею" (здесь в тексте договора имеется вписанное рукой Булгакова разъяснение: "Своей узкой идеей подменял широкую Хлудова").

29 июня 1933 г. драматург послал И. Я. Судакову текст исправлений. 14 сентября 1933 г. он писал по этому поводу брату Н. А. Булгакову в Париж: "В "Беге" мне было предложено сделать изменения. Так как изменения эти вполне совпадают с первым моим черновым вариантом и ни на йоту не нарушают писательской совести, я их сделал". Вероятно, под черновым вариантом имеется в виду не дошедшая до нас рукопись "Рыцарей Серафимы", так что сегодня невозможно точно сказать, в чем именно требуемые поправки совпадали с первоначальным авторским замыслом. Однако к 1933 г. у Булгакова появились веские внутренние, а не только цензурные основания для существенной переработки первой редакции Б.

Если в 1926-1928 гг. пьесы Булгакова еще не были запрещены и с успехом шли на сцене, то к 1933 г. сохранились одни "Дни Турбиных", а общее ужесточение цензуры и требований идеологического единомыслия, происшедшее с конца 20-х годов, делало призрачными возможности возрождения какой-то цивилизованной жизни, с надеждами на которую возвращались в Россию Голубков, Серафима и сам Хлудов. Теперь первым двум логичнее было бы остаться в эмиграции, а бывшему генералу - покончить с собой. Да и судьба хлудовского прототипа к тому моменту уже получило свое трагическое завершение. В январе 1929 г. Я. А. Слащев был застрелен у себя на квартире родственником одной из своих многочисленных жертв. В жизни призрак невинно убиенного вестового Крапилина убил-таки генерала, вполне естественно было заставить его сделать это и в пьесе.

Воспоминания генерала Врангеля
"Его превосходительство любил домашних птиц..."
Стрельба по тараканам
Как лучше: с самоубийством или без?
"Бег" умер
Читайте далее>>>

« Назад Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций
Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы
Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи
Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта
Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

"Бег", часть 3

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7

Кроме того, к 1933 г. Булгаков уже ознакомился с воспоминаниями П. Н. Врангеля, вышедшими в 1928-1929 годах в берлинском альманахе "Белое дело". Там Я. А. Слащев характеризовался крайне негативно, с подчеркиванием болезненных элементов его сознания, хотя военный талант генерала не ставился под сомнение. Врангель дал такой портрет Слащева, который, вероятно, повлиял на образ Хлудова последних редакций Б.: "Слезы беспрерывно текли по щекам. Он вручил мне рапорт, содержание которого не оставляло сомнения, что передо мной психически больной человек. Он упоминал о том, что "вследствие действий генерала Коновалова, явилась последовательная работа по уничтожению 2-го корпуса и приведение его к лево-социал-революционному знаменателю"... Рапорт заканчивался следующими словами: "как подчиненный ходатайствую, как офицер у офицера прошу, а как русский у русского требую назначения следствия над начальником штаба главнокомандующего, начальником штаба 2-го корпуса и надо мной..."

Не менее красочно описал Врангель свой визит к Слащеву: "В вагоне царил невероятный беспорядок. Стол, уставленный бутылками и закусками, на диванах - разбросанная одежда, карты, оружие. Среди этого беспорядка Слащев, в фантастическом белом ментике, расшитом желтыми шнурами и отороченном мехом, окруженный всевозможными птицами. Тут были и журавль, и ворон, и ласточка, и скворец. Они прыгали по столу и диванам, вспархивали на плечи и на голову своего хозяина (не исключено, что под влиянием именно этого сообщения Врангеля Булгаков в "Мастере и Маргарите" переиначил на свой манер водевильную песенку, которую Коровьев-Фагот заставляет "врезать" после скандального сеанса в Варьете: "Его превосходительство любил домашних птиц / И брал под покровительство хорошеньких девиц".). Я настоял на том, чтобы генерал Слащев дал осмотреть себя врачам. Последние определили сильнейшую форму неврастении, требующую самого серьезного лечения".

Болезнь Слащева была связана не с муками совести за бессудные казни, а с перешедшими в манию подозрениями, что он будто бы окружен "социалистическими заговорщиками", в том числе и в штабе своего 2-го армейского корпуса. Теперь задача свести возвращение Хлудова не к мукам совести, а к политическому осознанию правоты Советской власти, отпадала. Психическое расстройство генерала приводило его к самоубийству, причем в некоторых вариантах финала он еще, перед тем, как застрелиться, выпускал обойму своего револьвера в зрителей тараканьих бегов.

"Сменовеховство", которое олицетворял Слащев (и Хлудов), к 30-м годам уже давно было мертво, а Советской власти больше не требовалось добровольное и осознанное признание со стороны интеллигенции как внутри страны, так и в эмиграции. Ныне действовал принцип римского императора Калигулы (12-41): "Пусть ненавидят, лишь бы боялись". Цензуру в новых условиях более удовлетворяло самоубийство Хлудова и остающиеся в эмиграции Серафима с Голубковым, причем подобный финал уже представлялся наиболее обоснованным и самому драматургу. Аргумент И. Я. Судакова, обращенный к противникам Б. в 1929 г.: "Какой же вам еще победы надо, если вы одержали победу над Слащевым, который работает у вас в академии", к 1933 г. окончательно потерял свою силу.

При всем этом, финал первой редакции Б., с возвращением Хлудова на родину, по общему мнению окружающих, был гораздо сильнее в художественном отношении. В этом были солидарны первая жена Булгакова Л. Е. Белозерская, его вторая жена Е. С. Булгакова и близкий друг драматург Сергей Ермолинский (1900-1984). Осенью 1937 г., когда вновь встал вопрос о постановке Б., и автор работал над новыми вариантами финала, Е. С. Булгакова 30 сентября записала в дневнике: "Вечером доказывала Мише, что первый вариант - без самоубийства Хлудова - лучше. (Но М. А. не согласен)".

Вариант с возвращением Хлудова предпочитал и драматург Александр Афиногенов (1904-1941), согласно записи Е. С., сказавший 9 сентября 1933 г. Булгакову: "Читал ваш "Бег", мне очень нравится, но первый финал был лучше. - Нет, второй финал лучше" (с выстрелом Хлудова). Действительно, финал первой редакции Б., где муки совести главного героя разрешались не традиционным самоубийством, а весьма нетривиально: возвращением на родину - место былых преступлений, что символизировало готовность принять любой приговор, был гораздо интереснее, представлял собой художественную новацию.

В 1933 г. МХАТ продолжал всерьез готовиться к постановке Б. Художник В. В. Дмитриев (1900-1948) работал над декорациями, а 11 октября 1933 г. даже обсуждалось, в присутствии Булгакова, музыкально-шумовое оформление будущего спектакля. Прошел еще год. 8 ноября 1934 г. Булгаков получил сведения, что Б. как будто разрешен и начинается распределение ролей. 9 ноября он написал новый вариант финала, с самоубийством Хлудова, расстрелявшего предварительно тараканьи бега, и с возвращением в Россию Серафимы и Голубкова. Однако 21 ноября 1934 г. драматург узнал о новом запрете Б.

Последний раз Булгаков вернулся к тексту пьесы после того, как 26 сентября 1937 г. узнал, что Комитет по делам искусств просит прислать экземпляр Б. 1 октября переделка была завершена, и Б. отдан в Комитет искусств. Однако тем дело и кончилось. 5 октября 1937г., не получив из МХАТа никаких известий насчет пьесы, Булгаков, согласно записи в дневнике жены, пришел к абсолютно правильному, хотя и печальному выводу: "Это означает, что "Бег" умер". Более попыток постановки пьесы при жизни драматурга не предпринималось.

Осенью 1937 г. Булгаков написал два варианта финала Б., не указав, какой из них предпочтительней. В одном из них, как и в редакции 1926-1928 гг., Хлудов, Голубков и Серафима возвращались на родину. Другой вариант предусматривал самоубийство Хлудова (с расстрелом "тараканьего царства"), но, в отличие от варианта 1933 г. Голубков и Серафима возвращались в Россию, а не уезжали во Францию, и не называли себя больше изгоями. Вероятно, Булгаков так и не преодолел колебания между сознанием наибольшей художественной убедительности финала с возвращением Хлудова и цензурным требованием, подкрепленным собственными настроениями, самоубийства главного героя. Что же касается судьбы Серафимы и Голубкова, то она, очевидно, уже потеряла в 1937 г. свою актуальность с точки зрения цензуры, а сам Булгаков склонялся к тому, чтобы все-таки вернуть их на родину.

Интересно, что уже после смерти Булгакова Комиссия по литературному наследству писателя 4 мая 1940 г. приняла решение о публикации Б., выбрав вариант финала с возвращением Хлудова. Тогда только что закончилась война с Финляндией и приближалась война с Германией, советская власть и Сталин опять брали на вооружение патриотическую идею, поэтому возвращение бывшего генерала, объединение эмиграции вокруг коммунистической метрополии вновь стало актуальным и цензурно предпочтительным.

Булгаков о "Беге"
Замысел пьесы
Стрельба по тараканам
Повешение на фонарях
И о превращении "Интеллигенции на Дону" в "Вечных Жидов"
Читайте далее>>>

« Назад Наверх »

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Бег", часть 4

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7

Вопреки широко распространенному убеждению современников и потомков, главная проблема Б. - это не проблема крушения белого дела и судеб эмиграции. В упомянутом выше разговоре с А. Н. Афиногеновым 9 сентября 1933 г. Булгаков заявил: "Это вовсе пьеса не об эмигрантах...". Действительно, даже в 1926 г., которым Булгаков датировал начало работы над Б., проблемы идеологии и практики канувшего в лету белого движения, и даже проблемы только что почившего сменовеховства (в связи с закрытием в мае 1926 г. сменовеховского журнала "Россия" и высылки за границу его редактора И. Г. Лежнева (Альтшуллера) (1891-1955) у Булгакова был произведен обыск) не могли быть актуальными.

Замысел Б., вероятно, зародился у Булгакова еще в самом конце 1924 г. В дневниковой записи в ночь с 23 на 24 декабря он вспомнил ночной бой за Шали-аулом в ноябре 1919 г. Булгаков запечатлел картину своей контузии под дубом и "полковника, раненого в живот.
Бессмертье - тихий светлый брег...
Наш путь - к нему стремленье.
Покойся, кто свой кончил бег,
Вы, странники терпенья...

Чтобы не забыть и чтобы потомство не забыло, записываю, когда и как он умер. Он умер в ноябре 19-го года во время похода за Шали-аул, и последнюю фразу сказал мне так: - Напрасно вы утешаете меня, я не мальчик. Меня уже контузили через полчаса после него. Так вот, я видел тройную картину. Сперва - этот ночной ноябрьский бой, сквозь него - вагон, когда уже об этом бое рассказывал, и этот, бессмертно-проклятый зал в "Гудке". "Блажен, кого постигнул бой". Меня он постигнул мало, и я должен получить свою порцию".

Характерно, что далее в записи осуждаются организованные коммунистами забастовки во Франции и деятельность там советского посольства, которую писатель рассматривал как направленную на разжигание в стране революции и гражданской войны. Симпатии Булгакова явно были на стороне белых - противников большевиков. Цитированные строки (без последней) из стихотворения Василия Жуковского (1783-1852) "Певец во стане русских воинов" (1812) стали эпиграфом к Б. Булгаков стремился оценить все стороны гражданской войны объективно и, как он писал в письме правительству 28 марта 1930 г., "СТАТЬ БЕССТРАСТНО НАД КРАСНЫМИ И БЕЛЫМИ". Эпиграф символизировал окончание эпохи революции и гражданской войны, Булгаков смотрел на нее уже из другого времени.

Образ безымянного полковника отразился не только в бесстрашном полковнике Най-Турсе из романа "Белая гвардия" и наследовавшем ему полковнике Турбине из пьесы "Дни Турбиных", но и в словах, которые в Б. произносит Хлудов: "Я в ведрах плавать не стану, не таракан, не бегаю! Я помню снег, столбы, армии, бои! И все фонарики, фонарики. Хлудов едет домой" (в позднейших вариантах: "Хлудов пройдет под фонариками" - намек на широко применявшееся повешение на фонарях).

Булгаков тоже вспоминал о прошлых боях как о чем-то гораздо более возвышенном, чем суровая поденщина в "Гудке". Он вполне мог сказать как генерал Чарнота, у которого, в отличие от Хлудова, не было на совести казней в тылу: "Я давно, брат, тоскую! Мучает меня черторой, помню я лавру! Помню бои!"

В замысле Б. важную роль сыграла статья писателя Александра Дроздова (1895-1963) "Интеллигенция на Дону", опубликованная в 1922 г. во втором томе берлинского "Архива русской революции". Самого А. М. Дроздова, "сменившего вехи", Булгаков в дневниковой записи 26 октября 1923 г. аттестовал "мерзавцем" за готовность в эмиграции сначала предложить свои услуги черносотенным монархистам вроде Н. Е. Маркова 2-го, а затем столь же охотно вступить в просоветскую редакцию "Накануне".

В "Интеллигенции на Дону" Булгакова привлек рассказ о крахе армии генерала А. И. Деникина (1872-1947) и последующей судьбе той части интеллигенции, которая была связана с белым движением на Юге России: "Но грянул час - и ни пушинки не осталось от новой молодой России, так чудесно и свято поднявшей трехцветный патриотический флаг. Все, что могло бежать, кинулось к Черному морю, в давке, среди стонов умирающих от тифа, среди крика раненых, оставшихся в городе для того, чтобы получить удар штыка озверелого красноармейца. Ах, есть минуты, которых не простит самое любящее сердце, которых не благословит самая кроткая рука! Поля лежали сырые и холодные, сумрачные, почуя близкую кровь, и шла лавина бегущих, упорная, озлобленная, стенающая, навстречу новой оскаленной безвестности, навстречу новым судьбам, скрывшим в темноте грядущего свое таинственное лицо. И мелким шагом шла на новые места интеллигенция, неся на плечах гробишко своей идеологии, переломленной пополам вместе со шпагой генерала Деникина. Распались дружеские путы, связавшие ее в моменты общего стремления к Белокаменной - и вот пошли бродить по блестящей, опьяненной победою Европе толпы Вечных Жидов, озлобленных друг на друга, разноязыких, многодушных, растерянных, многое похоронивших назади, ничего не унесших с собой, кроме тоски по России, бесславной и горючей".

В финале Б. схожими словами обращается к уезжающим в Россию Голубкову и Серафиме генерал Чарнота: "Так едете? Ну, так нам не по дороге. Развела ты нас судьба, кто в петлю, кто в Питер, а я, как Вечный Жид, отныне... Голландец я! Прощайте!" Для "потомка запорожцев" бег из Крыма в Константинополь, из Константинополя в Париж и обратно продолжается; для Голубкова, Серафимы и Хлудова он окончен.

Предшественником Хлудова в булгаковском творчестве был безымянный белый генерал из рассказа "Красная корона" (1922). К нему по ночам приходит призрак повешенного в Бердянске рабочего (возможно, этого казненного Булгакову довелось видеть самому). Трудно сказать, насколько в образе генерала из "Красной короны" мог отразиться прототип Хлудова Я. А. Слащев. Он к тому времени не успел еще выпустить мемуары "Крым в 1920 г.", но уже вернулся в Советскую Россию, чему в 1921 г. газеты уделили немало внимания, и ранее в Константинополе издал книгу "Требую суда общества и гласности" о своей деятельности в Крыму. С этой книгой автор Б. вполне мог быть знаком. Грозные слащевские приказы из этого труда могли повлиять на образ генерала-вешателя из "Красной короны".

Предшественник Понтия Пилата
Цена крови
Тайна смерти прокуратора Иудеи
Даже Булгаков испытывал муки совести
Голубков - это двойной Булгаков: писатель и философ-идеалист
Читайте продолжение>>>

« Назад Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

"Бег", часть 5

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7

В Б. Хлудов выступает непосредственным предшественником Понтия Пилата в "Мастере и Маргарите". Этот роман был начат Булгаковым в 1929 г., сразу по окончании первой редакций пьесы, а задуман параллельно с ней - в 1928 г. В Б., в отличие от "Белой гвардии" и "Дней Турбиных", главным стало не обдумывание уроков гражданской войны самих по себе, а философское осмысление цены крови вообще, казни невинных во имя идеи - и морального наказания (в виде мук совести) за это преступление.

По цензурным соображениям в Б. речь идет о белой идее и именно как ее носителя Чарнота обвиняет Хлудова в своей незавидной эмигрантской судьбе. Однако с тем же успехом образ Хлудова можно спроецировать на любую другую идею, коммунистическую или даже христианскую, во имя которых в истории было пролито еще больше невинной крови (о христианской идее и пролитой за нее крови позднее в "Мастере и Маргарите" будут говорить Левий Матвей и Понтий Пилат).

Финал с самоубийством Хлудова смотрится в свете этого достаточно искусственно. Ведь в тексте остались слова главного героя о том, что он решился вернуться в Россию, пройти под "фонариками", причем в результате "тает мое бремя", и генерала отпускает призрак повешенного Крапилина. Раскаяние и готовность ответить за преступление перед людьми, даже ценой возможной казни, по Булгакову приносит искупление и прощение.

Понтий Пилат лишен возможности предстать перед иным судом, кроме суда своей совести, за казненного Иешуа Га-Ноцри, который может осудить своих палачей лишь на страдания нечистой совести, но не на земное наказание. Поэтому в финале "Мастера и Маргариты" не вполне ясно, совершил ли прокуратор Иудеи самоубийство, бросившись в горную пропасть, или просто обречен после смерти в месте своей ссылки на муки за трусость, приведшую к казни невинного. При этом Понтию Пилату Булгаков все же дарует прощение устами Мастера. Не исключено, что именно в связи с развитием образа Пилата в 1937 г. писатель так и не выбрал между двумя вариантами финала Б. - с самоубийством или с возвращением Хлудова, который уже рассматривался как некий двойник прокуратора Иудеи.

В первой редакции Б. Хлудов перед знаменитой своей сентенцией: "Нужна любовь. Любовь. А без любви ничего не сделаешь на войне", цитировал известный приказ Л. Д. Троцкого: "Победа катится по рельсам...", угрожая повесить начальника станции, если тот не сумеет отправить вовремя бронепоезд. Здесь - дальнейшее развитие мысли полковника Алексея Турбина ("Народ не с нами. Он против нас"), что всякая идея может стать действенной, только обретя поддержку масс, здесь и "оборачиваемость" красной и белой идей: Хлудов, как и Слащев, как и мало отличавшийся в этом отношении от хлудовского прототипа Врангель, спокойной жестокостью и военно-организационным талантом подобен Председателю Реввоенсовета и главе Красной Армии Л. Д. Троцкому (разве что жестокость Врангеля и Троцкого более расчетлива, чем у Слащева).

Не исключено, что Булгаков наградил Хлудова и собственными переживаниями, только не из-за убийства невинного, а в связи с тем, что не смог предотвратить гибель человека. В "Красной короне", где главный герой становится двойником генерала, мучаясь после смерти брата, в рассказах "Я убил" и "В ночь на 3-е число", в романе "Белая гвардия" персонажи, имеющие очевидные автобиографические корни, испытывают сходные муки совести. Когда и как могла произойти такая трагедия в жизни драматурга, вряд ли удастся достоверно установить. Возможно, что переживания были связаны с гибелью безымянного полковника, которому врач Булгаков был бессилен помочь под Шали-аулом. Воспоминания об этом событии послужили, вне всякого сомнения, важным толчком к созданию Б.

Автобиографические мотивы в пьесе связаны также с образами Голубкова и Серафимы. Голубков - это анаграмма фамилии Булгаков. Этот персонаж отразил раздумья автора Б. о возможности эмиграции, не покидавшие его вплоть до начала 30-х годов. Серафима Корзухина наделена некоторыми переживаниями Л. Е. Белозерской в эмигрантскую пору ее жизни.

Однако есть и другие прототипы. Приват-доцент, сын профессора-идеалиста Сергей Голубков заставляет вспомнить о выдающемся философе-идеалисте и богослове С. Н. Булгакове, как и отец писателя, имевшем профессорское звание. Голубков в первой редакции Б. вспоминает о своей жизни в Киеве: "Очевидно, пещеры, как в Киеве. Вы бывали когда-нибудь в Киеве, Серафима Владимировна?" А в Киеве жил не только автор пьесы, но и С. Н. Булгаков. Последний, как и булгаковский герой, в конце гражданской войны оказался в Крыму и в декабре 1922 г. был выслан из Севастополя в Константинополь. Голубков вспоминает и Петербург, где философу С. Н. Булгакову тоже довелось преподавать.

Приват-доцент в Б. несет функцию философского осмысления проблемы "интеллигенция и революция", которую его знаменитый прототип пытался решить в статьях, опубликованных в сборниках "Вехи" (1909) и "Из глубины" (1921). Только Голубков - сниженное подобие великого мыслителя, и проблему решает достаточно конформистски, возвращаясь в Россию и мирясь с большевиками.

Прототипы Серафимы Корзухиной и ее подлого мужа
Если рябчики дорожают, из страны пора уезжать
Вилла Маты Хари и химера Нотр-Дама
"Куда ни приедешь, в харю наплюют"
Читайте далее>>>

« Назад

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Бег", часть 6

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7

Прототипом Серафимы Корзухиной, возможно, послужила хозяйка литературного объединения "Никитинские субботники" Евдоксия Федоровна Никитина (1895-1973), муж которой, А. М. Никитин (1876 - после 1920), был министром Временного правительства, а в 1920 г. вместе с деникинской армией отступал к морю. С Никитиной посещавший литературные вечера "Никитинских субботников" Булгаков был хорошо знаком.

Но основным прототипом мужа Серафимы Парамона Ильича Корзухина, по свидетельству Л. Е. Белозерской, послужил другой человек. Это был ее хороший знакомый петербургский литератор и предприниматель-миллионер Владимир Пименович Крымов (1878-1968), происходивший из сибирских купцов-старообрядцев. В своих мемуарах "О, мед воспоминаний" Л. Е. Белозерская сообщала о нем: "Из России уехал, как только запахло революцией, "когда рябчик в ресторане стал стоить вместо сорока копеек - шестьдесят, что свидетельствовало о том, что в стране неблагополучно", - его собственные слова. Будучи богатым человеком, почти в каждом европейском государстве приобретал недвижимую собственность, вплоть до Гонолулу...

Сцена в Париже у Корзухина написана под влиянием моего рассказа о том, как я села играть в девятку с Владимиром Пименовичем и его компанией (в первый раз в жизни!) и всех обыграла". Не исключено, что сама фамилия прототипа подсказала Булгакову поместить восходящего к нему Парамона Ильича Корзухина в Крым.

До революции Крымов окончил Петровско-Разумовскую сельскохозяйственную академию, издавал "великосветский" журнал "Столица и усадьба", написал интересную книгу о своем кругосветном путешествии, совершенном после Февральской революции в России, "Богомолы в коробочке", в эмиграции создал тетралогию "За миллионами" (1933-1935), пользовавшуюся большим успехом у читателей. Он писал также авантюрные романы и детективы, переводившиеся на английский и другие иностранные языки. Будучи человеком очень богатым, оказывал материальную помощь нуждавшимся эмигрантам. После прихода к власти нацистов в 1933 г. эмигрировал из Германии во Францию, где в Шату под Парижем приобрел виллу, ранее принадлежавшую знаменитой шпионке Мата Хари (подлинная фамилия голландской танцовщицы Маты Хари (1876-1917), расстрелянной французскими властями за шпионаж в пользу Германии - Маргарита Целле).

Как можно убедиться, прототип булгаковского Корзухина был совсем не плохой человек, отнюдь не зациклившийся на процессе делания денег и не лишенный литературных способностей. Но герой Б. превратился в символ стяжателя. Неслучайно, только сцена из пьесы, содержащая его "балладу о долларе" (в несохранившемся черновом варианте "Рыцарь Серафимы" ей противопоставлялась "баллада о маузере", которую, вероятно, произносил буденновец Баев), увидела свет при жизни Булгакова в 1932 г., не встретив цензурных препятствий. Париж озаряется в балладе золотым лучом доллара рядом с химерой собора Нотр-Дам. Открытка с изображением этой химеры, привезенная Л. Е. Белозерской, была в архиве Булгакова.

В "Мастере и Маргарите" в позе химеры Нотр-Дам сидит Воланд на крыше Пашкова дома, так что в "балладе о долларе" химера символизирует дьявола, которому продал за золото душу Корзухин. Неизвестный солдат, погибший за доллар - это олицетворение мефистофелевского "люди гибнут за металл". Крымов никакими инфернальными чертами, разумеется, не обладал, характеристика, которую дает Корзухину Голубков: "вы самый омерзительный, самый бездушный человек, которого я когда-либо видел", к нему вряд ли применима.

Интересно, что имя и отчество прототипа - Владимир Пименович трансформировались в имя и отчество персонажа через... имя и отчество вождя мирового пролетариата. Редкое старообрядческое имя Парамон заменило такое же редкое отчество Пименович, а имени Владимир у Корзухина соответствует пресловутый Ильич. В. И. Ленин предлагал в статье "О значении золота теперь и после полной победы социализма" (1921) в будущем коммунистическом обществе сделать из золота сортиры, Корзухин в Б., напротив, делает из золотого доллара вселенского кумира.

Вероятно, Булгаков чувствовал, что его самого в эмиграции ждала бы скорее судьба не миллионера Крымова, а Голубкова, Хлудова или в лучшем случае Чарноты, если бы выпал неожиданный выигрыш. Еще в "Днях Турбиных" Мышлаевский предсказывал: "Куда ни приедешь, в харю наплюют: от Сингапура до Парижа. Нужны мы там, за границей, как пушке третье колесо". Крымову, имевшему недвижимость и в Париже, и в Сингапуре, и в Гонолулу, в рожу, конечно, никто не плевал. Но писатель Булгаков понимал, что ему самому миллионером в эмиграции точно не стать, и к богатым, ассоциировавшимися прежде всего с хамоватыми советскими нэпманами, питал стойкую неприязнь, вылившуюся в карикатурный образ Корзухина.

Чарнота - это Малюта Скуратов наоборот
По Парижу в подштанниках
Происхождение тараканьих бегов
"В доме появился покойник"
Читайте завершение>>>

« Назад Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Бег", часть 7

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7

Автор Б. заставил Корзухина феноменально проиграть в карты гораздо более симпатичному генералу Григорию Лукьяновичу Чарноте, чье имя, отчество и фамилия, правда, заставляют вспомнить о Малюте Скуратове - Григории Лукьяновиче Бельском (умер в 1573 г.), одном из самых свирепых соратников царя Ивана Грозного (1530-1584). Но Чарнота, хоть по фамилии "черен", в отличие от "белого" злодея Скуратова-Бельского, преступлениями свою совесть не запятнал, и, несмотря на все разговоры защитников Б. о статичности этого образа, пользуется стойкой авторской и зрительской симпатией. Судьба ему дарует выигрыш у заключившего сделку с желтым дьяволом Корзухина. Булгаков не осуждает своего героя за то, что, в отличие от Хлудова, Чарнота остается за границей, не веря большевикам.

"Потомок запорожцев" наделен и комическими чертами. Его поход по Парижу в подштанниках - реализация мысли Хлестакова из гоголевского "Ревизора" (1836) о том, чтобы продать ради обеда штаны (с этим персонажем героя Б. роднит и безудержная страсть к карточной игре). Константинопольское же предприятие Чарноты - изготовление и продажа резиновых чертей-комиссаров, ликвидированное, в конце концов, за две с половиной турецкие лиры, восходит к рассказу Романа Гуля (1896-1986) в книге "Жизнь на фукса" (1927), где описывался быт "русского Берлина". Там бывший российский военный министр генерал В. А. Сухомлинов (1848-1926) "занимался тем, что делал мягкие куклы из кусков материи, набитых ватой, с пришитыми рисованными головами. Выходили прекрасные Пьеро, Арлекины, Коломбины. Радовался генерал, ибо дамы покупали их по 10 марок штуку. И садились мертвые куклы длинными ногами возле фарфоровых ламп, в будуарах богатых немецких дам и кокоток. Иль лежали, как трупики, на кушетках бледных девушек, любящих поэзию". Бизнес генерала Чарноты в Б. гораздо менее удачен, ибо его "красных комиссаров" турецкие дамы и любящие поэзию девушки не желают покупать даже за ничтожную сумму в 50 пиастров.

Прототипов имеют и второстепенные персонажи Б. По свидетельству Л. Е. Белозерской, Крымов "не признавал женской прислуги. Дом обслуживал бывший военный - Клименко. В пьесе - лакей Антуан Грищенко". Не исключено, что прототипом был Николай Константинович Клименко, писатель и драматург, оставивший, в частности, интересные воспоминания о другом писателе-эмигранте Илье Сургучеве (1881-1956). Вероятно, В. П. Крымов, взяв к себе Н. К. Клименко, таким образом оказывал ему вспомоществование. По иронии судьбы Булгаков наградил Антуана Грищенко в Б. косноязычием и забавной смесью "французского с нижегородским".

Буденновец Баев, командир полка, - это олицетворение упоминаемого Александром Дроздовым в "Интеллигенции на Дону" красноармейского штыка, смерть от которого грозила всем тем, кто прекращал стремительный бег к морю и дальше. В первой редакции Баев прямо обещал монахам: "я вас всех до единого и с вашим седым шайтаном вместе к стенке поставлю... Ну, будет сейчас у вас расстрел!", целиком уподобляясь искреннему поклоннику казней среди белых полковнику маркизу де Бризару, счастливо объявляющему: "Ну, не будь я краповый чёрт, если я на радостях кого-нибудь в монастыре не повешу" (черта напоминает и буденновец).

Слово "шайтан" в лексике красного командира подчеркивало азиатское происхождение Баева, намеком чему служит и его фамилия. При последующих переделках Булгакову пришлось образ красного командира существенно смягчить и облагородить, освободив от азиатских, варварских черт. Баев больше не обещал устроить в монастыре расстрел, а укрывшемуся под попоной в облике беременной Барабанчиновой Чарноте даже бросал сочувственно: "Нашла время, место рожать!"

Фантастические тараканьи бега позаимствованы Булгаковым из рассказов Аркадия Аверченко (1881-1925) в сборниках "Записки простодушного" (1922) и "Развороченный муравейник. Эмигрантские рассказы" (1927) (рассказ "Константинопольский зверинец"), а также из повести Алексея Николаевича Толстого (1882/83-1945) "Похождения Невзорова, или Ибикус" (1925).

По свидетельству Л. Е. Белозерской, на самом деле никаких тараканьих бегов в Константинополе не было. В Б. вертушка тараканьих бегов с "тараканьем царем" Артуром становится символом эмигрантского Константинополя - "тараканьего царства", бессмысленности закончившегося эмиграцией бега. Из этого царства вырываются те, кто не желает, уподобляясь тараканам в банке, вести безнадежную борьбу за существование, а пытается обрести смысл жизни - Голубков, Серафима и Хлудов.

В Б. Булгакову удалось мастерски слить воедино гротеск и трагедию, жанры высокий и низкий. Трагический образ Хлудова совсем не снижается фантасмагоричными тараканьими бегами или комической сценой карточной игры у Корзухина. Чарнота в чем-то Хлестаков, но эпическое начало превалирует в образе храброго кавалерийского генерала, "потомка запорожцев", помнящего азарт боев, в сравнении с которыми тараканий тотализатор и эмигрантское прозябание - ничто.

Сугубо достоверные детали гражданской войны и эмигрантского быта, взятые из надежных источников, не противоречат созданным авторским воображением тараканьим бегам, демонстрирующим тщетность надежд убежать от родины и от судьбы.

Прямых оценок Б. в булгаковских письмах не сохранилось, но близкие к драматургу люди единодушно свидетельствуют, что он считал это произведение своей лучшей пьесой. Л. Е. Белозерская в мемуарах отмечала: "Бег" - моя любимая пьеса, и я считаю ее пьесой необыкновенной силы самой значительной и интересной из всех драматургических произведений Булгакова". Хлудова должен был играть Н. П. Хмелев (1901-1945) и, как утверждала вторая жена Булгакова: "Мы с М. А. заранее предвкушали радость, представляя себе, что сделает из этой роли Хмелев со своими неограниченными возможностями. Пьесу Московский Художественный театр принял и уже начал репетировать... Ужасен был удар, когда ее запретили. Как будто в доме объявился покойник..." Е. С. Булгакова также вспоминала, что "Бег" был для меня большим волнением, потому что это была любимая пьеса Михаила Афанасьевича. Он любил эту пьесу, как мать любит ребенка".

« Назад

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Я убил"

"Я убил" - рассказ. Опубликован: Медицинский работник, М., 1926, №44, №45.

Главное действующее лицо Я. у. - автобиографический доктор Яшвин. Рассказ примыкает к ранее опубликованному в том же журнале "Медицинский работник" циклу "Записки юного врача" и появившемуся там же позднее рассказу (или повести) "Морфий".

В Я у., как и в рассказе "В ночь на 3-е число" (1922) и в романе "Белая гвардия" (1924) запечатлено потрясшее Булгакова в ночь со 2-го на 3-е февраля 1919 г. в Киеве у Цепного моста убийство. В Я у. глава петлюровцев полковник Лещенко (в "Белой гвардии" и рассказе "В ночь на 3-е число" - полковник Мащенко) рукояткой пистолета убивает неизвестного дезертира на глазах доктора.

Я у. - единственный рассказ, где интеллигент, имеющий автобиографические черты, действительно, а не только в воображении, как доктор Бакалейников из "В ночь на 3-е число" и доктор Турбин из "Белой гвардии", карает палача-петлюровца. Последней каплей, переполнившей чашу терпения доктора Яшвина, стали обвинения, брошенные ему в лицо женщиной, мужа которой расстреляли петлюровцы: "Какой вы подлец... вы в университете обучались - и с этой рванью... На их стороне и перевязочки делаете?! Он человека по лицу лупит и лупит. Пока с ума не свел... А вы ему перевязочку делаете?.."

На убийство Яшвина провоцирует приказ Лещенко дать женщине 25 шомполов. Вместо перевязки, доктор стреляет полковнику в голову из браунинга. Бакалейникову и Турбину для этого требуются воображаемые большевики-матросы и они потом корят себя "интеллигентской мразью" за трусость и нерешительность. Доктор же Яшвин в конце рассказа с удовлетворением констатирует: " - О, будьте покойны. Я убил. Поверьте моему хирургическому опыту".

Как и "Налет" (1923), Я у. представляет собой рассказ героя уже в мирной обстановке о событиях гражданской войны. Я у. - последнее по времени создания произведение, где перед интеллигентом встает дилемма, убивать или не убивать палача. Вероятно, к 1926 г. Булгаков пришел к убеждению, что в случае повторения ситуации ночи со 2-го на 3-е февраля 1919 г. он бы теперь действовал решительно и беспощадно. Подобная перемена связана с общим изменением состояния интеллигенции в послереволюционный период.

Еще в большом фельетоне "Столица в блокноте" (1922-1923) Булгаков отмечал с грустью: "После революции народилась новая, железная интеллигенция". Доктор Яшвин как раз и есть представитель этой "железной интеллигенции", которая "и мебель может грузить, и дрова колоть, и рентгеном заниматься". Только он перенесен со своим опытом и настроениями 20-х годов в февраль 1919 г., время разгара гражданской войны, и в тех обстоятельствах действует как бы уже с новым менталитетом. Сам Булгаков и родственные ему по мышлению интеллигенты тогда на насилие еще не были способны.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Налёт"

"Налет" - рассказ, имеющий подзаголовок: "В волшебном фонаре". Опубликован: Гудок, М., 1923, 25 дек.

В Н. впервые в булгаковском творчестве появляется сцена, ставшая позднее одной из наиболее важных в пьесе "Бег" (1928). В рассказе красноармеец Стрельцов перед лицом неминуемой смерти обличает захвативших его в плен бандитов (возможно, петлюровцев, так как действие происходит на Украине) и гибнет, не проявляя страха перед своими палачами. В "Беге" - гневные слова в лицо генералу-вешателю Хлудову бросает вестовой Крапилин, однако потом малодушно просит пощады, что, впрочем, не спасает его от петли.

В Н., несомненно, отразились воспоминания Булгакова о происшедшем на его глазах убийстве еврея петлюровцами в Киеве у Цепного моста в ночь со 2-го на 3-е февраля 1919 г., запечатленном в рассказе "В ночь на 3-е число" (1922) и романе "Белая гвардия" (1922-1924).

Однако главный герой Н. еврей Абрам чудом остается жив после расстрела, а погибает только его русский товарищ Стрельцов. Сам расстрел происходит у штабелей дров, как и потрясшее Булгакова убийство. В Н. дрова, много лет спустя привезенные в клуб, где работает Абрам, провоцируют его на воспоминания о происшедшей трагедии.

Показательно, что и в Н., и в рассказе "Я убил", и в пьесе "Бег" герои решаются на открытый протест против насилия с риском для жизни. Стрельцов, как и Крапилин, - явно из народа, а не из интеллигенции, чем, вероятно, Булгаков и объясняет его смелость, тогда как более интеллигентный Абрам во все время налета испытывает одно только чувство сильнейшего страха.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Столица в блокноте"

"Столица в блокноте" - фельетон. Опубликован: Накануне, Берлин - М, 1922, 21 декабря; 1923, 20 янв., 9 февр.; 1 марта.

В С. в б. даны зарисовки столичной жизни в разгар нэпа, сделанные под лозунгом, вылившимся в заключительные строки: "В порядке дайте нам точку опоры, и мы сдвинем шар земной".

Фельетон интересен еще отношением Булгакова к новому революционному искусству, выраженным в "Биомеханической главе" фельетона, где описана постановка в театре ГИТИСа Всеволодом Эмильевичем Мейерхольдом (1874-1940) пьесы бельгийского драматурга Фернана Кроммелинка (1888-1970) "Великодушный рогоносец" (1921): "...В общипанном, ободранном, сквозняковом театре вместо сцены - дыра (занавеса, конечно, нету и следа). В глубине - голая кирпичная стена с двумя гробовыми окнами.

А перед стеной сооружение. По сравнению с ним проект Татлина (Владимир Евграфович Татлин (1885-1953) - советский живописец, скульптор, архитектор и график авангардистского направления) может считаться образцом ясности и простоты. Какие-то клетки, наклонные плоскости, палки, дверки и колеса. И на колесах буквы кверху ногами "сч" и "те". Театральные плотники, как дома, ходят взад и вперед, и долго нельзя понять; началось уже действие или еще нет.

Когда же оно начинается (узнаешь об этом потому, что все-таки вспыхивает откуда-то сбоку свет на сцене), появляются синие люди (актеры и актрисы все в синем. Театральные критики называют это прозодеждой. Послал бы я их на завод, денька хоть на два! Узнали бы они, что такое прозодежда!).

Действие: женщина, подобрав синюю юбку, съезжает с наклонной плоскости на том, на чем женщины и мужчины сидят. Женщина мужчине чистит зад платяной щеткой. Женщина на плечах у мужчины ездит, прикрывая стыдливо ноги прозодеждной юбкой.

- Это биомеханика, - пояснил мне приятель. Биомеханика!! Беспомощность этих биомехаников, в свое время учившихся произносить слащавые монологи, вне конкуренции. И это, заметьте, в двух шагах от Никитинского цирка, где клоун Лазаренко ошеломляет чудовищными salto!"

Шаржированная картина мейерхольдовского спектакля выдает в авторе С. в б. поклонника реалистического искусства в его классический период - XIX-й, "золотой" век. Булгаков утверждает:

"... Я - человек рабочий, каждый миллион дается мне путем ночных бессонниц и дневной зверской беготни. Мои денежки как раз те самые, что носят название кровных. Театр для меня - наслаждение, покой, развлечение, словом, все что угодно, кроме средства нажить новую хорошую неврастению, тем более что в Москве есть десятки возможностей нажить ее без затраты на театральные билеты". Поэтому, хотя очень возможно, что Мейерхольд - гений, как уверяют футуристы, но "не следует забывать, что гений одинок, а я - масса. Я - зритель. Театр для меня. Желаю ходить в понятный театр".

Будь то в воле Булгакова - "пускай, пожалуйста, Мейерхольд умрет и воскреснет в XXI веке. От этого выиграют все, и прежде всего он сам. Его поймут. Публика будет довольна его колесами, он сам получит удовлетворение гения, а я буду в могиле, мне не будут сниться деревянные вертушки".

Вольно или невольно, автор С. в б. предсказал расцвет модернистского и постмодернистского искусства в конце XX в. Однако декларативная приверженность Булгакова реалистическому, понятному всем и массовому искусству все-таки во многом обманчива.

В С. в б. перед тем, как идти на "Великодушного рогоносца", автор посещает классическую оперу "Гугеноты" (1835) германо-итальянского композитора Джакомо Мейербера (1791-1864) и бессмертную "Риголетто" (1851) любимого Булгаковым великого итальянца Джузеппе Верди (1813-1901). Тем не менее, очень скоро старые добрые оперы перестают развлекать писателя, да и "тенор начинает петь такое, что сразу мучительно хочется в буфет и:

- Гражданин услужающий, пива! ("Человеков" в Москве еще нет.)"

Для Булгакова опера в С. в б. означает только восстановление нормы дореволюционного быта, но никак не произведение высокого искусства. В театре его более всего поражает фрак одного из зрителей, опять-таки как символ дореволюционной нормы. Если восстановление нормы и порядка в быту Булгаков всячески приветствует, то в искусстве его отношение к этому понятию гораздо более сложное. Свой идеал автор фельетона находит в эксцентрическом таланте артиста оперетты Г. М. Ярона (1893-1963), равно как в столь же эксцентрическом таланте сатирического клоуна В. Е. Лазаренко (1890-1939).

Реалистическую норму в искусстве требуется оплодотворить чем-то нереалистическим, гротескным, модернистским, чтобы искусство стало одновременно и великим, и доступным для широкой публики. Эту задачу Булгаков окончательно решил в романе "Мастер и Маргарита", где реалистическая основа органически соединена с достижениями немецких романтиков и русских символистов, московская гнетущая действительность - со свободной инфернальной фантазией, злободневная сатира - с неохристианской и экзистенциональной философией, пространство обыденности - с мистическим пространством.

Одна из находок С. в б. была использована в "Мастере и Маргарите". В главке "Во что обходится курение" нарушителей общественного порядка: бросающего в вагоне окурок нэпмана и неизвестного с черной бородкой, курящего в театре, моментально карают представители власти: "... Немедленно (черт его знает, откуда он взялся, словно из стены вырос) появился некто с квитанционной книжкой в руках..." и "из воздуха соткался милиционер, это было гофманское нечто".

В "Мастере и Маргарите" точно таким же образом, в стиле великого немецкого романтика Эрнста Теодора Амадея Гофмана (1776-1822) соткался на Патриарших прудах из воздуха черт Коровьев-Фагот, а Воланд и его свита очутились в Нехорошей квартире перед Степаном Богдановичем Лиходеевым.

Инфернальные персонажи наводят в Москве свой порядок, карая тех, кто причиняет зло другим и страдает разнообразными пороками. Этот мотив роднит "Мастера и Маргариту" со С. в б.

Только в романе Булгаков уже отчаялся в возможности обустройства жизни в стране силами существующей власти и пародийно вручает эту функцию сатане со товарищи. Поэтому порядок получается мнимый, сохраняющийся только в потустороннем мире.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Красная корона"

"Красная корона" - рассказ, имеющий латинский подзаголовок "Historia morbi" (История болезни - (лат.). Опубликован: Накануне, Берлин - М., 1922 г., 22 окт., Литературное приложение.

К. к. имеет автобиографический характер. Погибшего брата сходящего с ума рассказчика зовут Коля, как и родного брата писателя. Не исключено, что идею рассказа подсказали события, связанные с боями в Киеве в конце октября 1917 г. в ходе столкновений юнкеров, среди которых был Н. А. Булгаков, и войск Центральной Рады.

События эти запечатлены в булгаковском рассказе "Дань восхищения" (1920) и в письме его матери, В. М. Булгаковой, адресованном дочери Надежде 10 ноября 1917 г. Там дана картина обстрела Инженерного училища, где В. М. и Н. А. Булгаковы оказались вечером и ночью 29 октября. Подводя итог, мать отмечала: "Инженерное училище пострадало меньше других: четверо раненых, один сошел с ума".

Булгаков наделил автобиографического героя сумасшествием безвестного юнкера. В момент создания К. к. автор уже знал, что ушедшие с белой армией в эмиграцию его братья Иван и Николай живы (это известие дошло до него не позднее марта 1922 г.) В рассказе отразились те тревоги, которые мучили семью до выяснения их судьбы.

Еще одним толчком к созданию К. к. могла послужить смерть В. М. Булгаковой 1 февраля 1922 г. В бреду главный герой вспоминает слова, которые говорила мать: "Верни Колю. Верни. Ты старший". Квартира, которую он видит во сне, - это булгаковская квартира в Киеве на Андреевском спуске, 13, будущий "дом Турбиных" в "Белой гвардии" и "Днях Турбиных".

Последняя фраза погибшего брата: "Я не могу оставить эскадрон", рефреном повторяющаяся в больном сознании рассказчика, восходит, быть может, к следующему свидетельству матери из уже цитировавшегося письма: "... Раздавалась команда офицеров: Коля стал в ряды, и я его больше не видела..."

Упоминаемого в К. к. рабочего, повешенного на фонаре в Бердянске (по мысли главного героя К. к., он должен являться по ночам генералу-вешателю), Булгаков, возможно, действительно видел в этом городе во время переезда по железной дороге вместе с 3-м Терским полком из Киева на Северный Кавказ осенью 1919 г.

Мотив мук совести человека, к которому во сне или в состоянии безумия является призрак его вольной или невольной жертвы, впервые встречающийся в К. к., был развит Булгаковым в романе "Белая гвардия", рассказе "В ночь на 3-е число", пьесе "Бег" и в романе "Мастер и Маргарита". Линию генерала-вешателя продолжили такие герои как генерал Хлудов и прокуратор Иудеи Понтий Пилат, линию автобиографического героя - врач Алексей Турбин и доктор Бакалейников.

В К. к. ощутимо влияние рассказа Антона Чехова (1864-1904) "Черный монах" и "Записок сумасшедшего" (1835) Николая Гоголя (1809-1852), где также описаны призраки, возникающие в безумном сознании.

В К. к., как и в других булгаковских произведениях, к помешательству героя приводит малодушие, проявленное тогда, когда он не сумел воспротивиться генералу-вешателю, не выступил против казни неизвестного в Бердянске, не забрал брата немедленно с поля боя. По Булгакову протест против насилия - моральный долг всякого интеллигентного человека.

Рассказчик К. к. обвиняет генерала: "Кто знает, не ходит ли к вам тот грязный, в саже, с фонаря в Бердянске? Если так, по справедливости мы терпим. Помогать вам повесить я послал Колю, вешали же вы. По словесному приказу без номера". Невозможность искупить вину приводит к тому, что "не тает бремя", и призрак всадника в красной короне (брата с разбитой головой) продолжает мучить рассказчика. В "Беге" Хлудов, вешающий людей устными "безномерными" приказами, раскаивается и возвращается держать ответ. В результате его оставляет призрак повешенного и "тает бремя".

Возможно, прототипом генерала-вешателя в К. к. послужил генерал Я. А. Слащев. Булгаков был знаком с его книгой "Требую суда общества и гласности" (1921), где обильно цитировались слащевские "расстрельные" приказы, а название константинопольской улицы Де Руни, на которой жил отставной генерал, сделал фамилией одной из героинь повести "Дьяволиада" (1923).

Кроме того, Слащев командовал осенью 1919 г. войсками, действовавшими на юге Украины, в том числе и в районе Бердянска, против отрядов Н. И. Махно (1889-1934). Не исключено даже, что Булгаков и Слащев встретились тогда, хотя никаких сведений об этом в нашем распоряжении нет.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Дань восхищения"

"Дань восхищения" - подзаголовок рассказа Булгакова, опубликованного в начале февраля 1920 г. в одной из кавказских газет.

По предположениям некоторых исследователей, рассказ, который по воспоминаниям сестры писателя Н. А. Булгаковой назывался "Юнкер", появился 5/18 февраля 1920 г. в "Кавказской газете" (Владикавказ). Три фрагмента Д. в., вырезанные из газеты, Булгаков приложил к письму, адресованному сестре Вере в Киев и датированному 26 апреля 1921 г.: "...Посылаю три обрывочка из рассказа с подзаголовком "Дань восхищения". Хотя они и обрывочки, но мне почему-то кажется, что они будут небезынтересны вам..."

Газета с полным текстом Д. в. до сих пор не найдена. Вот текст сохранившихся отрывков: "В тот же вечер мать рассказывает мне о том, что было без меня, рассказывает про сына: - Начались беспорядки... Коля ушел в училище три дня назад и нет ни слуху..."; "... Вижу вдруг - что-то застучало по стене в разных местах и полетела во все стороны штукатурка. - А Коля... Коленька... - Тут голос у матери становится вдруг нежным и теплым, потом дрожит, и она всхлипывает. Потом утирает глаза и продолжает: - А Коленька обнял меня и я чувствую, что он ... он закрывает меня... собой закрывает".

В своем комментарии к Д. в. Н. А. Булгакова следующим образом передала содержание рассказа: "Сцена обстрела у белой стены. Герои - мать и сын. Мать навещает сына в училище, и на обратном пути он провожает ее. Они попадают под обстрел, сын закрывает мать... Об этом они рассказывают вернувшемуся старшему брату".

По воспоминаниям сестры Булгакова, в Д. в. уже звучала песня, ставшая популярной после премьеры "Дней Турбиных": "Здравствуйте, дачники, здравствуйте, дачницы, съемки у нас уж давно начались!".

В рассказе описывались реальные события, происшедшие с В. М. и Н. А. Булгаковыми в конце октября 1917 г. в Киеве. 10 ноября 1917 г. В. М. Булгакова извещала о происшедшем дочь Надежду и ее мужа А. М. Земского (1892-1946), в то время находившихся в Царском Селе: "Что вы пережили немало треволнений, могу понять, т. к. и у нас здесь пришлось пережить немало. Хуже всего было положение бедного Николайчика как юнкера. Вынес он порядочно потрясений, а в ночь с 29-го на 30-е я с ним вместе: мы были буквально на волосок от смерти. С 25-го октября на Печерске начались военные приготовления, и он был отрезан от остального города. Пока действовал телефон в Инженерном училище, с Колей разговаривали по телефону; но потом прервали и телефонное сообщение... Мое беспокойство за Колю росло, я решила добраться до него и 29-го после обеда добралась. Туда мне удалось попасть; а оттуда, когда в 7 1/2 часов вечера мы с Колей сделали попытку (он был отпущен на 15 минут проводить меня) выйти в город мимо Константиновского училища - начался знаменитый обстрел этого училища. Мы только что миновали каменную стену перед Константиновским училищем, когда грянул первый выстрел. Мы бросились назад и укрылись за небольшой выступ стены; но когда начался перекрестный огонь по училищу и обратно,- мы очутились в сфере огня - пули шлепались о ту стену, где мы стояли. По счастью, среди случайной публики (человек 6), пытавшейся здесь укрыться, был офицер: он скомандовал нам лечь на землю, как можно ближе к стене. Мы пережили ужасный час: трещали пулеметы и ружейные выстрелы, пули "искались" о стену, а потом присоединилось уханье снарядов... Но, видно, наш смертный час еще не пришел, и мы с Колей остались живые (одну женщину убило), но мы никогда не забудем этой ночи... В короткий промежуток между выстрелами мы успели (по команде того же офицера) перебежать обратно до Инженерного училища. Здесь уже были потушены огни; вспыхивал только прожектор; юнкера строились в боевой порядок; раздавалась команда офицеров: Коля стал в ряды, и я его больше не видела... Я сидела на стуле в приемной, знала, что я должна буду там просидеть всю ночь, о возвращении домой в эту страшную ночь нечего было и думать, нас было человек восемь такой публики, застигнутой в Инженерном училище началом боевых действий. Когда я пришла в себя после пережитого треволнения, когда успокоилось ужасное сердцебиение (как мое сердце только вынесло перебежку по открытому месту к Инженерному училищу) - уже снова начали свистать пули, - Коля обхватил меня обеими руками, защищая от пуль и помогая бежать... Бедный мальчик, как он волновался за меня, а я за него...

Минуты казались часами, я представляла себе, что делается дома, где меня ждут, боялась, что Ванечка кинется меня искать и попадет под обстрел... И мое пассивное состояние превратилось для меня в пытку... Понемногу публика выползла из приемной в коридор, а потом к наружной двери... Здесь в это время стояли два офицера и юнкер артиллерийского училища, тоже застигнутые в дороге, и вот один из офицеров предложил желающим провести их через саперное поле к бойням на Демиевке: этот район был вне обстрела... В числе пожелавших пуститься в этот путь оказались 6 мужчин и две дамы (из них одна я). И мы пошли... Но какое это было жуткое и фантастическое путешествие среди полной темноты, среди тумана, по каким-то оврагам и буеракам, по непролазной липкой грязи, гуськом друг за другом при полном молчании, у мужчин в руках револьверы. Около Инженерного училища нас остановили патрули (офицер взял пропуск), и около самого оврага, в который мы должны были спускаться, вырисовывалась в темноте фигура Николайчика с винтовкой... Он узнал меня, схватил за плечи и шептал в самое ухо: "Вернись, не делай безумия. Куда ты идешь? Тебя убьют!", но я молча его перекрестила, крепко поцеловала, офицер схватил меня за руку, и мы стали спускаться в овраг... Одним словом, в час ночи я была дома (благодетель офицер проводил меня до самого дома). Воображаете, как меня ждали? Я так устала и физически и морально, что опустилась на первый стул и разрыдалась. Но я была дома, могла раздеться и лечь в постель, а бедный Николайчик, не спавший уже две ночи, вынес еще два ужасных дня и ночи. И я была рада, что была с ним в ту ужасную ночь... Теперь все кончено... Инженерное училище пострадало меньше других: четверо ранено, один сошел с ума".

Тема Д. в. получила дальнейшее развитие в рассказе "Красная корона", где гибнущий брат главного героя Коля рефреном повторяет, являясь в видениях: "Я не могу оставить эскадрон". В "Белой гвардии" Николка Турбин, напевая "Съемки", вспоминает бой у Инженерного училища в октябре 1917 г.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Золотистый город"

"Золотистый город" - очерк. Опубликован: Накануне, Берлин - М., 1923, 30 сент., 6, 12,14 окт.

3. г. рассказывает об открывшейся в Москве на территории нынешнего Центрального парка культуры и отдыха им. М. Горького Первой сельскохозяйственной выставке в СССР.

Об обстоятельствах, связанных с созданием очерка, сохранились интересные воспоминания писателя и журналиста Эмилия Львовича Миндлина (1900-1980), вместе с Булгаковым сотрудничавшего в "Накануне": "Редакция "Накануне" заказала ему обстоятельный очерк. Целую неделю Михаил Афанасьевич с редкостной добросовестностью ездил на выставку и проводил на ней помногу часов.

Наконец изучение завершилось, и Булгаков принес в редакцию заказанный материал. Это был мастерски сделанный, искрящийся остроумием, с превосходной писательской наблюдательностью написанный очерк о сельскохозяйственной выставке. Много внимания автор сосредоточил на павильонах - узбекском, грузинском - и на всевозможных соблазнительных национальных напитках и блюдах в открытых на выставке чайхане, духане, шашлычной, винном погребке и закусочных под флагами советских среднеазиатских и закавказских республик. Никто не сомневался в успехе булгаковского очерка в Берлине. И даже то, что особенно много места в этом очерке уделено аппетитному описанию восточных блюд и напитков, признано было очень уместным и своевременным. Ведь эмигрантская печать злорадно писала о голоде в наших национальных республиках!

Наступил день выплаты гонорара. Великодушие Калменса (С. Н. Калменс - заведующий финансовой частью московской редакции "Накануне") не имело границ: он сам предложил Булгакову возместить производственные расходы: трамвай, билеты. Может быть, что-нибудь еще, Михаил Афанасьевич?

Счет на производственные расходы у Михаила Афанасьевича был уже заготовлен. Но что это был за счет! Расходы по ознакомлению с национальными блюдами и напитками различных республик! Уж не помню, сколько там значилось обедов и ужинов, сколько легких и нелегких закусок и дегустаций вин! Всего ошеломительней было то, что весь этот гомерический счет на шашлыки, шурпу, люля-кебаб, на фрукты и вина был на двоих.

На Калменса страшно было смотреть. Он производил впечатление человека, которому остается мгновение до инфаркта. Белый, как снег, скаредный наш Семен Николаевич Калменс, задыхаясь, спросил - почему же счет за недельное пирование на двух лиц? Не съедал же Михаил Афанасьевич каждого блюда по две порции!

Булгаков невозмутимо ответил:

- А извольте-с видеть, Семен Николаевич. Во-первых, без дамы я в ресторан не хожу. Во-вторых, у меня в фельетоне отмечено, какие блюда даме пришлись по вкусу. Как вам угодно-с, а произведенные мною производственные расходы покорнейше прошу возместить.

И возместил! Калменс от волнения едва не свалился, даже стал как-то нечленораздельно похрипывать, посинел. И все-таки возместил. Булгакову не посмел отказать".

В 3. г. в юмористической форме отражен проявившийся в экспонатах выставки культ вождей. Так, описывается реакция публики на гигантский цветник, где "с изумительной точностью выращен из разноцветных цветов и трав громадный Ленин, до пояса": "Слов не слышно, но видна женская фигура. Несомненно, деревенская баба в белом платочке. Последние ее слова покрывает не крик, а грохот толпы и отзывается на него издалека затерявшийся под краем подковы - главного павильона - оркестр. С трибуны исчезает белый платок, вместо него черный мужской силуэт.

- Дорогой! Ильич!!"

Булгаков иронизировал и над обилием изображений Л. Д. Троцкого в павильоне кустарной промышленности, особенно среди изделий, предназначенных на экспорт (на них латинскими буквами написано "Сибкустпром"): "И всюду Троцкий, Троцкий, Троцкий. Черный бронзовый, белый гипсовый, костяной, всякий".

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Багровый остров", пьеса

Страницы: 1 2

"Багровый остров" - пьеса, имеющая подзаголовок "Генеральная репетиция пьесы гражданина Жюля Верна в театре Геннадия Панфиловича с музыкой, изувержением вулкана и английскими матросами".

Премьера пьесы в Камерном театре Александра Яковлевича Таирова (Корнблита) (1885-1950) состоялась 11 декабря 1928 года. Спектакль был снят со сцены в июне 1929 г. после более чем 60 представлений. При жизни Булгакова текст пьесы не печатался. Впервые: Новый журнал, Нью-Йорк, 1968, № 93. Впервые в СССР: Дружба народов, 1987, №8.

Договор на Б. о. был заключен Булгаковым 30 января 1926 г. По условиям договора, "в случае, если "Багровый остров" не сможет по каким-либо причинам быть принятым к постановке Дирекцией, то М. А. Булгаков обязуется вместо него, в счет платы, произведенной за "Багровый остров", предоставить Дирекции новую пьесу на сюжет повести "Роковые яйца"...

Пьеса была создана по мотивам фельетона "Багровый остров", опубликованного в 1924 г. в "Накануне". Булгаков закончил первую редакцию пьесы к концу февраля 1927 г. и 4 марта отдал текст в театр. Постановка Б. о. была разрешена Главреперткомом только 26 сентября 1928 г. Полуторагодичная задержка явилась следствием острой критики произведений Булгакова в советской печати. В ходе подготовки спектакля Булгаков сделал ряд цензурных изменений и дополнений, а также купюр и вставок, вызванных режиссерскими требованиями А. Я. Таирова.

Например, по цензурным соображениям была удалена реплика режиссера Геннадия Панфиловича, обращенная к драматургу Дымогацкому: "Имейте в виду, я в случае чего, беспощадно вычеркивать буду, тут надо шкуру спасать. А то так можно вляпаться, что лучше и нельзя! Репутацию можно потерять". Слова же игравшего Сизи Бузи актера Анемподиста Сундучкова: "Говорил я Геннадию, не женись на актрисах... и всегда будешь в таком положении..." сняли по соображениям внутритеатральным: Таиров был женат на актрисе Алисе Георгиевне Коонен (1889-1974), которая занимала в его театре почти диктаторское положение.

Стремясь обезопасить спектакль от неизбежной критики политического свойства, Таиров накануне премьеры в № 49 журнала "Жизнь искусства" за 1928 г. следующим образом разъяснял замысел постановки: "Это - театр в городе Н. со всей его допотопной структурой, со всеми его заскорузлыми общетеатральными сценическими и актерскими штампами, который, попав в бурное течение революции, наскоро "приспособился" и стал с помощью все того же арсенала своих изобразительных средств, ничтоже сумняшеся, ставить на своей сцене только сугубо "идеологические" пьесы...

И директор театра Геннадий Панфилович, и драматург Дымогацкий (он же Жюль Верн) - оба на курьерских, вперегонки "приспособляются" и оба полны почти мистического трепета перед третьим - "Саввой Лукичем", ибо от него, от этого "Саввы Лукича", зависит "разрешеньице" пьесы или "запрещеньице". Для получения этого "разрешеньица" они готовы на все: как угодно перефасонивать пьесу, только что раздав роли, тут же под суфлера устраивать генеральную репетицию в гриме и костюмах, ибо "Савва Лукич" в Крым уезжает.

А "Савва Лукич", уродливо бюрократически восприняв важные общественные функции, уверовав, как папа римский, в свою мудрость и непогрешимость, вершит судьбы Геннадиев Панфиловичей и Дымогацких, перекраивает вместе с ними наспех пьесы, в бюрократическом стремлении своем не ведая, что вместе с ними насаждает отвратительное мещанское, беспринципное приспособленчество и плодит уродливые штампы псевдореволюционных пьес, способных лишь осквернить дело революции и сыграть обратную, антиобщественную роль, заменяя подлинный пафос и силу революционной природы мещанским сладковатым сиропом беспомощного и штампованного суррогата.

В нашу эпоху, эпоху подлинной культурной революции, является, на наш взгляд, серьезной общественной задачей в порядке самокритики окончательно разоблачить лживость подобных приемов, к сожалению, еще до конца не изжитых до настоящего времени. Эту общественную и культурно важную цель преследует в нашем театре "Багровый остров" - спектакль, задача которого является путем сатиры ниспровергнуть готовые пустые штампы как общественного, так и театрального порядка".

Режиссер стремился сделать Б. о. цензурно более приемлемым и направить сатиру против "бюрократических извращений" святых революционных идей, против бездарных "псевдореволюционных" штампов подцензурного искусства, свести дело к личностям отдельных исполнителей, которые допускают произвол и самодурство. От замысла Булгакова это было достаточно далеко.

Автор Б. о., в письме правительству 28 марта 1930 г., констатировавший свой "глубокий скептицизм в отношении революционного процесса, происходящего в моей отсталой стране, и противупоставление ему излюбленной и Великой Эволюции", никоим образом не имел своей целью защиту дела революции от осквернения. Подавление свободы слова Булгаков ставил в вину не отдельным цензорам-исполнителям, а порожденной революцией системе партийно-государственной власти. Даже обстоятельства, связанные с разрешением Б.о., наглядно доказывали, что дело отнюдь не в личностях.

Во время решающего просмотра спектакля осенью 1928 г. игравший Савву Лукича актер Е. К. Вибер, внешне схожий с присутствовавшим на просмотре главой театральной секции Главреперткома Владимиром Ивановичем Блюмом, был еще более уподоблен прототипу с помощью грима. Блюм, от которого зависело разрешение постановки, был одним из ревностных гонителей Булгакова. Он писал критические статьи под псевдонимом "Садко". Оттого-то Савва Лукич, плывущий по сцене на корабле под звуки революционной музыки, пародийно уподоблен новгородскому гостю Садко из одноименной оперы (1896) Н. А. Римского-Корсакова (1844-1908), с успехом шедшей в Большом театре. На этот раз цензор не рискнул запрещать пьесу, в которой был столь явный его двойник. Б. о. был разрешен, чтобы все равно оказаться под запретом спустя полгода.

Читайте в завершении:
Как цензура навязывала Булгакову идеологическую безвкусицу
Пародия на революцию
Обличение зловещей цензуры
Страшное обвинение в "призыве к свободной печати"
Прототип Дымогацкого-Жюля Верна

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Багровый остров", пьеса, часть 2

Страницы: 1 2

Б. о. пародирует многие моменты, связанные с постановкой булгаковских пьес, шедших, как известно, в столичных, а не в провинциальных театрах. Это не могло укрыться от компетентных зрителей постановки и побуждало их не верить заявлениям А. Я. Таирова, что действие происходит в будто бы провинциальном театре. В частности, слова Саввы Лукича о разрешении пьесы только в театре Геннадия Панфиловича - это пародия на решение Главреперткома, позволившего играть булгаковскую пьесу "Дни Турбиных" только во МХАТе.

Новый финал, который по настоянию Саввы Лукича получает "идеологическая" пьеса в Б.о., финал "с мировой революцией", пародирует как финал "Дней Турбиных", где, по настоянию театра, в конце были даны все нарастающие звуки "Интернационала", призванного символизировать надежды героев на лучшее будущее, так и вариант финала "Зойкиной квартиры", навязанный Главреперткомом Театру им. Евг. Вахтангова уже после премьеры: там появилось телефонное сообщение о том, что бежавшие из квартиры преступники благополучно пойманы.

На диспуте в театре В. Мейерхольда 7 февраля 1927 г., посвященном пьесам Константина Тренева (1876-1945) "Любовь Яровая" (1926) и Булгакова "Дни Турбиных", критик А. Орлинский и другие недоброжелатели булгаковской пьесы возмущались, что в "Днях Турбиных" нет "людей из народа" - хотя бы денщика и кухарки. В Б. о. Булгаков пародийно пошел навстречу этим требованиям. В пьесе Дымогацкого на сцену выведены "денщик" и "кухарка" - слуга Паспарту и горничная Бетси.

Как и в одноименном фельетоне, в комедии-памфлете, представляющей собой "Генеральную репетицию пьесы гражданина Жюля Верна в театре Геннадия Панфиловича, с музыкой, извержением вулкана и английскими матросами", "идеологический" опус Дымогацкого - Жюля Верна пародийно воспроизводит события революции 1917 г. и гражданской войны в осмыслении эмигрантов-сменовеховцев. Это заставляет Савву Лукича подозревать пьесу в сменовеховстве.

Образ вождя "белых арапов" полководца Лики-Тикки пародирует белого генерала Я. А. Слащева, вернувшегося в рамках сменовеховского движения на родину и прощенного Советской властью. Слащев был прототипом генерала Хлудова, героя писавшейся параллельно с Б. о. пьесы "Бег".

Главным для Булгакова в Б. о. было обличение советской цензуры, демонстрация трагической зависимости драматурга Василия Артуровича Дымогацкого от зловещего цензора Саввы Лукича. Таиров в своей постановке пытался несколько приглушить этот конфликт, однако бдительная критика сразу почувствовала, что именно в первую очередь хотел сказать Булгаков.

И. И. Бачелис в статье "О белых арапах и красных туземцах", опубликованной в №1 журнала "Молодая гвардия" за 1929 г., заметил: "В одном только месте Таиров сделал неожиданное и странное ударение. Разворачивая весь спектакль как пародию, он в последнем акте внезапно акцентирует "трагедию автора" запрещенной пьесы. Линия спектакля ломается и с места в карьер скачет вверх, к страстным трагическим тонам. Из груди репортера Жюля Верна рвется вопль бурного протеста против ограничения "свободы творчества". Злые языки утверждают, что автора-репортера Булгаков наделил некоторыми автобиографическими чертами ... что ж, тогда нам остается принять к сведению эти движущие причины его творчества. Но как бы ни звучал авторский вопль на сцене, характерно уж то, что Камерный театр выпятил именно этот момент. Это был пробный выпад театра - выпад осторожный, с оглядкой, - но выпад. Театр солидаризовался с автором. Таиров солидаризовался с Булгаковым в требовании "свободы творчества."

Со ссылкой на мнение германской печати И. И. Бачелис предъявил Булгакову страшное обвинение, охарактеризовав Б. о. как "первый в СССР призыв к свободе печати".

Здесь имелась в виду статья о Б. о., опубликованная 5 января 1929 г. в берлинской газете "Дойче Альгемайне Цайтунг". Ее перевод сохранился в булгаковском архиве: "Новая вещь Булгакова, конечно, не драматическое произведение крупного масштаба, как "Дни Турбиных"; это лишь гениальная драматическая шутка с несколько едкой современной сатирой и с большой внутренней иронией. Внутренние волнения зрителя и злободневность, которую эта вещь приобрела у московской интеллигенции, показались бы нам такими же странными в другой среде, как нам странным кажется волнение, вызванное постановкой "Свадьбы Фигаро" Бомарше у парижской публики старого режима... Русская публика, которая обычно при театральных постановках так много говорит об игре и режиссере, на этот раз захвачена только содержанием. На багровом острове Советского Союза среди моря "капиталистических стран" самый одаренный писатель современной России в этой вещи боязливо и придушенно посредством самовысмеивания поднял голос за духовную свободу!"

В письме правительству 28 марта 1930 г. Булгаков полностью солидаризовался с этой оценкой Б. о.: "...Когда германская печать пишет, что "Багровый остров" это "первый в СССР призыв к свободе печати" ... - она пишет правду. Я в этом сознаюсь. Борьба с цензурой, какая бы она ни была и при какой бы власти она не существовала, мой писательский долг, так же как и призывы к свободе печати. Я горячий поклонник этой свободы и полагаю, что, если кто-нибудь из писателей задумал бы доказывать, что она ему не нужна, он уподобился бы рыбе, публично уверяющей, что ей не нужна вода".

При этом драматург признавал, что в Б. о. "действительно встает зловещая тень и это тень Главного Репертуарного Комитета. Это он воспитывает илотов, панегиристов и запуганных "услужающих". Это он убивает творческую мысль".

Жанр пьесы Булгаков здесь определил как "драматургический памфлет", отрицая, что Б. о. - это пасквиль на революцию, как утверждала критика: пасквиль на революцию, вследствие чрезвычайной грандиозности ее, написать НЕВОЗМОЖНО. Памфлет не есть пасквиль, а Главрепертком - не революция". Естественно, что в письме, адресованном правительству, драматург не мог указать, что Главрепертком был плотью от плоти революционной власти.

По воспоминаниям соседа Булгакова по Нехорошей квартире математика и детского писателя Владимира Артуровича Лёвшина (Манасевича) (1904-1984), прототипом драматурга Василия Артурыча Дымогацкого в Б. о., пишущего под псевдонимом Жюль Верн, послужил он сам. Дело здесь не только в совпадении отчества, но и в фамилии Дымогацкий (В. А. Лёвшин был завзятым курильщиком), и в том обстоятельстве, что прототип в 1920-1922 гг. был студийцем Камерного театра, очень увлекался Жюлем Верном (1828-1905) и часто говорил о нем с Булгаковым.

« Назад

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Афраний ~

Афраний - персонаж романа "Мастер и Маргарита", начальник тайной стражи, непосредственно подчиняющийся прокуратору Иудеи Понтию Пилату.

Прототипом А. послужил Афраний Бурр, о котором подробно рассказывается в книге французского историка религий Э. Ренана (1823-1892) "Антихрист". Выписки из этой книги сохранились в архиве Булгакова. Ренан писал о "благородном" Афраний Бурре, занимавшем пост префекта претория в Риме (это должностное лицо исполняло, в числе прочих, и полицейские функции) и умершем в 62 г. Он, по словам историка, "должен был искупить смертью, полной печали, свое преступное желание сделать доброе дело, считаясь в то же время со злом".

Будучи тюремщиком апостола Павла, Афраний обращался с ним гуманно, хотя, как пишет Ренан, ранее "у Павла не было с ним никаких непосредственных отношений. Однако, возможно, что человеческое обращение с апостолом обусловливалось благодетельным влиянием, которое распространял вокруг себя этот справедливый и добродетельный человек". Под "смертью, полной печали", здесь имелось в виду сообщение в "Анналах" знаменитого римского историка Тацита о широко распространенном в народе мнении, что Афраний был отравлен по приказу императора Нерона (37-68).

А. и Понтий Пилат также пытаются сделать доброе дело, не порывая со злом. Пилат стремится помиловать Иешуа Га-Ноцри, но, опасаясь доноса, утверждает смертный приговор. А. по долгу службы руководит казнью, но потом по завуалированному приказу прокуратора убивает доносчика Иуду из Кириафа. А. и Понтий Пилат своеобразно восприняли проповедь Га-Ноцри о том, что, все люди добрые, ибо первое, что они делают после смерти Иешуа, так это убивают Иуду, совершая с точки зрения проповедника безусловное зло.

У Ренана в "Антихристе" упоминается должность префекта полиции Иудеи - на этот пост римский полководец и будущий император Тит (39-81) во время Иудейской войны 67-70 гг. назначил одного из своих иудейских сторонников Тиверия Александра. А. фактически является начальником полиции Иудеи, названной в романе тайной стражей.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Иосиф Каифа ~

Иосиф Каифа - персонаж романа "Мастер и Маргарита", иудейский первосвященник, президент Синедриона.

Образ И. К. восходит к упоминаемому Евангелиями председателю суда над Иисусом Христом, чье имя по-русски транскрибируется то как Иосиф Каиафа, то как Иосиф Каифа. Первый вариант принят в синодальном переводе и встречается в ранних редакциях булгаковского романа.

Угроза Понтия Пилата И. К. имеет своим источником работу французского историка Эрнеста Ренана (1823-1892) "Антихрист" (1866), где рассказывается о взятии и разрушении Иерусалима войсками будущего римского императора Тита (39-81) в 70 г. В архиве Булгакова сохранилась выписка из этой книги с перечислением легионов, участвовавших в осаде и штурме города. Ренан писал, что "с Титом были четыре легиона: 5-й Macedonica, 10-й Fretensis, 12-й Fulminata, 15-й Apollinaris, не считая многочисленных вспомогательных войск, доставленных его сирийскими союзниками, и множества арабов, явившихся ради грабежа".

Прокуратор же предрекает первосвященнику: "Увидишь ты не одну когорту в Ершалаиме, нет! Придет под стены города полностью легион Фульмината, подойдет арабская конница, тогда услышишь ты горький плач и стенания!". Вероятно, тут отразилась и нарисованная французским историком впечатляющая картина последних дней Иерусалима: "...Жаркий бой шел во всех дворах и на всех папертях. Страшная бойня происходила вокруг алтаря, постройки в виде усеченной пирамиды, увенчанной платформой и возвышающейся перед храмом, трупы убитых на платформе скатывались по ступеням и образовывали кучи у подножия здания. Ручьи крови текли со всех сторон; ничего не было слышно, кроме пронзительных криков убиваемых, которые, умирая, заклинали небеса. Было еще время для того, чтобы укрыться в верхний город; но многие предпочитали быть убитыми, считая завидной долей смерть за свое святилище; другие бросались в пламя, или кидались на мечи римлян, или закалывались, или убивали друг друга. Священники, которым удалось забраться на крышу храма, вырывали острия, находившиеся здесь, вместе со свинцовой обшивкой, и бросали их вниз на римлян, они продолжали это пока пламя их не поглотило. Большое число евреев собралось вокруг "святая святых", по слову пророка, который уверил их, что настал именно тот момент, когда Бог покажет им знамения спасения. Одна из галерей, в которой укрылось до шести тысяч этих несчастных (почти исключительно женщин и детей) была сожжена вместе с ними. В тот момент от всего храма уцелело лишь двое ворот и часть ограды, предназначавшаяся для женщин. Римляне воздвигли своих орлов на том месте, где находилось святилище, и поклонились им по обычаям своего культа".

Может быть, с этим описанием связаны слова И. К. о том, что народ иудейский защитит Бог и укроет кесарь, слова, которые в глазах читателей романа опровергаются не только пророчеством Пилата, но и печальной судьбой Иерусалима через несколько десятилетий, о которой рассказывалось в ренановском "Антихристе". Ручьи крови ассоциируются с обещанием Пилата напоить Ершалаим не водою, а, что подразумевается, кровью.

Зловещие слова Понтия Пилата И. К.: "Так знай же, что не будет тебе, первосвященник, отныне покоя! Ни тебе, ни народу твоему, - и Пилат указал вдаль направо, туда, где в высоте пылал храм, - это я тебе говорю - Пилат Понтийский, всадник Золотое Копье!" имеют своим источником не только сцену разрушения храма из книги Ренана, но и рассказ французского писателя Нобелевского лауреата Анатоля Франса (Тибо) (1844-1924) "Прокуратор Иудеи" (1891).

Там Пилат говорит о будущей судьбе иудеев, добившихся в конце концов его отстранения от должности: "Не в силах управлять ими, нам придется их уничтожить. Вечно непокорные, замышляя возмущение в своих горячих думах, они восстанут против нас с бешенством, рядом с которым гнев нумидийцев и угрозы Нарты покажутся нам капризами ребенка... Усмирить этот народ нельзя. Его надо уничтожить. Надо стереть Иерусалим с лица земли. Как я ни стар, но, может быть, наступит день, и я увижу, как падут его стены, как пламя пожрет его дома, жители будут поражены мечом и сравняется место, где стоит храм. И в этот день я буду, наконец, отомщен".

Пилат Франса ставит в вину иудеям только свою отставку. Булгаков возлагает вину не на иудейский народ в целом, а на его предводителя, - И. К., и вина эта - казнь Иешуа Га-Ноцри, которой добился первосвященник. Прокуратор прямо говорит И. К.: "Вспомнишь ты тогда спасенного Вар-раввана и пожалеешь, что послал на смерть философа с его мирною проповедью!"

Однако писатель заставляет своего Пилата грозить будущими карами не только главе Синедриона, но и всему иудейскому народу, как бы выворачивая наизнанку приписываемую первосвященнику Евангелиями подлую мудрость, согласно которой пусть лучше погибнет один человек, чем целый народ. Этот тезис отстаивает И. К., утверждая: "Не мир, не мир принес нам обольститель народа в Ершалаим, и ты, всадник, это прекрасно понимаешь. Ты хотел его выпустить затем, чтобы он смутил народ, над верою надругался и подвел народ под римские мечи! Но я, первосвященник иудейский, покуда жив, не дам на поругание веру и защищу народ!"

Здесь И. К. в скрытом виде цитирует слова Иисуса Христа из Евангелия от Матфея: "Не мир я принес вам, но меч", трактуя их не иносказательно, как в евангельском тексте, где Христос таким образом лишь утверждает примат своего учения над семейными, социальными или иными узами, а буквально, как стремление подвести иудеев под мечи римлян.

В подготовительных материалах к "Мастеру и Маргарите" сохранилась выписка из "Истории евреев" Генриха Гретца о том, что Иисус "был приведен в Синедрион, но не Великий, а в малый, состоявший из 23 членов, где председательствовал первосвященник Иосиф Каифа". Поэтому И. К. выступает как президент Малого Синедриона, вынесшего смертный приговор Иешуа.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций
Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы
Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи
Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта
Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

"Александр Пушкин"

"**Александр Пушкин**" - пьеса, второе название которой "Последние дни".

При жизни Булгакова не ставилась и не публиковалась. Впервые: Булгаков М. Дни Турбиных. Последние дни (А. С. Пушкин). М.: Искусство, 1955.

Работу над А.П. Булгаков начал 25 августа 1934 г., когда, согласно дневниковой записи его третьей жены Е.С Булгаковой, "у М.А. возник план пьесы о Пушкине. Только он считает необходимым пригласить Вересаева для разработки материала. М. А. испытывает к нему благодарность за то, что тот в тяжелое время сам приехал к М. А. и предложил в долг денег. М. А. хочет этим как бы отблагодарить его, а я чувствую, что ничего хорошего не получится. Нет ничего хуже, когда двое работают".

Из сотрудничества с писателем Викентием Викентиевичем Вересаевым (Смидовичем) (1867-1945), действительно, ничего путного не вышло. По замыслу Булгакова, Вересаев, как опытный специалист по творчеству Александра Сергеевича Пушкина (1799-1837), должен был предоставлять фактический материал для создания драмы о поэте.

Однако автор "Пушкина в жизни" (1926-1927) возражал против булгаковского замысла сделать пьесу о Пушкине без Пушкина, где главный герой по ходу действия ни разу не появляется на сцене. Возражал Вересаев и против трактовки Булгаковым образа Жоржа Шарля Дантеса (Геккерна) (1812-1895) не как простой посредственности, а по-своему сильной личности.

18 октября 1934 г. между соавторами были достигнута принципиальная договоренность о начале совместной работы над А. П. 17 декабря 1934 г. Булгаков и Вересаев заключили договор на пьесу с Театром им. Евг. Вахтангова. 27 марта 1935 г. Булгаков завершил черновик первой редакции А.П., а 9 сентября 1935 г. - ее окончательный текст. 18 мая 1935 г. он у себя дома читал пьесу актерам Театра им. Евг. Вахтангова. 2 июня чтение первой законченной редакции всей труппе имело большой успех.

6 июня Вересаев в письме соавтору предложил убрать свое имя с титульного листа А. П. Предложение было принято, но все денежные обязательства по договору Булгаков в отношении соавтора выполнил.

10 сентября 1935 г. А. П. был сдан в Театр им. Евг. Вахтангова, а 20 сентября разрешен к постановке Главреперткомом. Однако после снятия пьесы "Кабала святош" работа над А. П. была тем же Главреперткомом приостановлена (без запрета пьесы).

Новый договор с МХАТом на А. П. соавторы заключили в мае 1939 г. Имя Вересаева исчезло с титула, но за ним осталась половина гонорара. Новое разрешение постановки Главреперткомом последовало 26 июня 1939 г.

В приложенном к разрешению отзыве отмечалось: "Пьесу вернее было бы назвать "Гибель Пушкина". Автор имел целью изобразить обстановку и обстоятельства гибели Пушкина. Широкой картины общественной жизни в пьесе нет. Автор хотел создать лирическую камерную пьесу. Такой его замысел осуществлен неплохо".

24 октября 1939 г. Булгаков читал А. П. на заседании художественного совета при дирекции МХАТа. Поставлена пьеса была уже после смерти драматурга 10 апреля 1943 г. А.П., учитывая пожелания Главреперткома, был переименован в "Последние дни".

В А. П. Булгаков следовал штампам современной ему пушкинистики в изображении таких исторических личностей как Наталья Николаевна Гончарова (1812-1863) или Николай 1 (1796-1855).

Переписка Дантеса с его приемным отцом бароном Людвигом Геккерном (1791-1884), голландским посланником в России, опубликованная только в 1995 г., доказывает, что, по крайней мере, в отношении Н. Н. Гончаровой эти штампы были близки к реальному положению вещей: Дантес на самом деле пылал страстью к супруге Пушкина и в определенной степени пользовался взаимностью.

Образ же убийцы великого поэта у Булгакова получился нетривиальным, далеким от расхожих представлений большинства пушкинистов 30-х годов. Он - по-своему интересная, страстная личность, романтический герой, близкий к Дантесу из романа писателя и литературоведа Леонида Петровича Гроссмана (1888-1965) "Записки д'Аршиака" (1930).

20 мая 1935 г. Булгаков писал Вересаеву: "Вообще в Дантесе у нас серьезная неслаженность. Вы пишете: "Образ Дантеса нахожу в корне неверным и, как пушкинист, никак не могу принять на себя ответственность за него".
Отвечаю Вам: я в свою очередь Ваш образ Дантеса считаю сценически невозможным. Он настолько беден, тривиален, выхолощен, что в серьезную пьесу поставлен быть не может. Нельзя трагически погибшему Пушкину в качестве убийцы предоставить опереточного бального офицерика. В частности, намечаемую фразу "я его убью, чтобы освободить вас" Дантес не может произнести. Это много хуже выстрела в картину.
Дантес не может восклицать "О, ла-ла!". Дело идет о жизни Пушкина в этой пьесе. Если ему дать несерьезных партнеров, это Пушкина унизит".

Одной из главных тем А. П. стала тема противостояния художника-творца и деспотической власти, ранее развитая Булгаковым в пьесе о Мольере "Кабала святош" и в беллетризованной биографии Мольера, а также в писавшемся одновременно с А. П. романе "Мастер и Маргарита".

Аллюзий опасаться не приходилось, так как Пушкин в 30-е годы, в частности, в связи с празднованием в 1937 г. столетия со дня его гибели, стал частью официального мифа и все опасные параллели между самодержавием пушкинских времен и коммунистической властью, воплотившейся в диктатуре Сталина, цензурой не замечались.

Впрочем, некоторые наиболее острые моменты Булгаков при работе над пьесой все-таки снял. В частности, в окончательный текст не попал присутствовавший в первой редакции характерный диалог между жандармскими начальниками:
"Б е н к е н д о р ф. Много в столице таких, которых вышвырнуть бы надо.
Д у б е л ь т. Найдется".

Здесь можно было усмотреть слишком явный намек на высылку "дворянского элемента" и прочих политически неблагонадежных лиц из Ленинграда и Москвы после убийства секретаря ленинградской парторганизации С. М. Кирова (Кострикова) (1886-1934) 1 декабря 1934 г.

У Булгакова Пушкин пал жертвой заговора власти, которая ощущала поэта враждебным себе. Собственно светское общество, олицетворяемое Строгановым, Салтыковым, Долгоруковым и др., в том числе поэтами-завистниками Владимиром Бенедиктовым (1807-1873) и Нестором Кукольником (1809-1868), играет в пьесе подчиненную роль.

Устами одного из второстепенных персонажей Булгаков утверждал: "Гибель великого гражданина свершилась потому, что в стране неограниченная власть вручена недостойным лицам, кои обращаются с народом, как с невольниками!.."

На постановку А. П., помимо Театра им. Евг. Вахтангова и МХАТа, Булгаковым были заключены договоры с Ленинградским Красным театром. Саратовским драматическим театром, Горьковским театром драмы, Татарским государственным академическим театром, Киевским Театром Красной Армии, Харьковским театром революции и Харьковским театром русской драмы.

Все театры рассчитывали на постановку в юбилейном пушкинском 1937 г., однако из-за атмосферы, создавшейся тогда вокруг имени Булгакова, ни один из них не смог подготовить спектакль.

Харьковский театр русской драмы пытался даже вернуть по суду аванс за якобы запрещенную пьесу, однако 2 апреля 1937 года Булгаков выиграл процесс в Мосгорсуде, доказав, что А.П. разрешен Главреперткомом.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций
Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы
Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи
Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта
Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

"Батум"

"Батум" - пьеса. При жизни Булгакова не публиковалась и не ставилась. Впервые: Неизданный Булгаков. Энн Эрбор: Ардис, 1977. Впервые в СССР: Современная драматургия, 1988, №5.

Первое упоминание о намерении Булгакова писать пьесу об И. В. Сталине содержится в дневниковой записи третьей жены драматурга Е. С. Булгаковой от 7 февраля 1936 г.: "...Миша окончательно решил писать пьесу о Сталине". 18 февраля он подтвердил это намерение в беседе с директором МХАТа М. П. Аркадьевым.

Однако последующий скандал, вызванный снятием пьесы "Кабала святош", заставил драматурга надолго отложить свой замысел. Только в сентябре 1938 г. в связи с предстоявшим в будущем году 60-летием Сталина Художественный театр стал побуждать Булгакова к созданию пьесы о вожде. 9 сентября к драматургу пришли завлит МХАТа П. А. Марков (1897-1980) и его помощник В. Я. Виленкин (1910/11 г. рождения) с предложением писать пьесу о Сталине, напомнив о замысле 1936 г.

Согласно дневниковой записи Е. С. Булгаковой, "Миша ответил, что очень трудно с материалами, нужны - а где достать. Они предлагали и материалы достать через театр, и чтобы Немирович написал письмо Иосифу Виссарионовичу с просьбой о материале. Миша сказал - это очень трудно, хотя многое мне уже мерещится из этой пьесы. Пока нет пьесы на столе - говорить и просить не о чем".

Самые ранние наброски к Б. на столе Булгакова появились 16 января 1939 г. Первая редакция называлась "Пастырь". В основу пьесы была положена история Батумской рабочей демонстрации 8-9 марта 1902 г., организованной Сталиным. Главным источником послужила книга "Батумская демонстрация 1902 года", выпущенная Партиздатом в марте 1937 г. и содержавшая документы и воспоминания, призванные возвеличить первые шаги вождя по руководству революционным движением в Закавказье.

В качестве вариантов заглавия, кроме "Пастырь", Булгаков рассматривал "Бессмертие", "Битва", "Рождение славы", "Аргонавты", "Геракл", "Кормчий", "Юность штурмана", "Так было", "Кондор", "Комета зажглась", "Штурман вел корабль", "Молния", "Вставший из снега", "Штурман вел по звездам", "Юность командора", "Юный штурман", "Юность рулевого", "Поход аргонавтов", "Штурман шел по звездам", "Море штормит", "Когда начинался шторм", "Шторм грохотал", "Будет буря", "Мастер", "Штурман вел аргонавтов", "Комета пришла", "Как начиналась слава", "У огня", "Дело было в Батуми" и, наконец, "Батум".

Поскольку действие пьесы разворачивается в черноморском порту и на месте древнегреческой колонии, Булгаков пробовал названия, связанные с морем или героями древнегреческих мифов - аргонавтами, Гераклом. В ряде названий, начиная с "Пастыря", фигурирует образ молодого Сталина, выступающего в пьесе в качестве положительного культурного героя мифа (иная трактовка по условиям цензуры была невозможна).

15 июня Булгаков подписал договор с МХАТом. Первая редакция пьесы была закончена в середине июля. 17 июля началась перепечатка набело, в результате возникла новая, беловая редакция Б., законченная к 27 июля, когда Булгаков прочел Б. партийной группе МХАТа. Это чтение описано Е. С. Булгаковой: "Слушали замечательно, после чтения очень долго, стоя, аплодировали. Потом высказывались. Все очень хорошо. Калишьян в последней речи сказал, что театр должен ее поставить к 21 декабря".

От всех, включая главного режиссера МХАТа В. И. Немировича-Данченко (1858-1943), Б., несмотря на скромные художественные достоинства, имел только благоприятные отзывы (других о произведении, посвященном Сталину, быть не могло). Уже намечались актеры на главные роли в Б. Сталина должен был играть Н. П. Хмелев (1901-1945).

14 августа 1939 г. Булгакова во главе бригады МХАТа командировали в Батум для изучения материалов к будущей постановке, зарисовок декораций, собирания песен к спектаклю и т.д. Через два часа в Серпухове ему вручили телеграмму директора театра Г. М. Калишьяна: "Надобность поездки отпала, возвращайтесь в Москву". Не исключено, что запрет Б. спровоцировал обострение наследственного нефросклероза, который через семь месяцев свел Булгакова в могилу.

Создавая Б., писатель рассчитывал получить официальное признание и обеспечить публикацию своих произведений, прежде всего романа "Мастер и Маргарита", который летом 1938 г. он впервые превратил из рукописи в машинопись. Уже будучи смертельно больным, 8 ноября 1939 г. Булгаков так излагал историю Б. сестре Наде, согласно ее конспективной записи: "1. "Солнечная жизнь". 2. Образ вождя. Романтический и живой... Юноша...". Слова о "солнечной жизни" Н. А. Булгакова в другой записи прокомментировала булгаковскими словами: "А знаешь, как я хотел себе строить солнечную жизнь?"

При этом драматург стремился в минимальной степени идти на компромисс с собственной совестью. Он выбрал период, когда Сталин представлялся еще романтическим юношей, только что включившимся в революционную борьбу против самодержавия за идеалы справедливости и свободы. Булгаков мог убедить себя, что в жестокого диктатора Сталин превратился только после 1917г.

Однако, судя по подчеркиваниям и иным пометкам, оставленным драматургом в тексте "Батумской демонстрации", даже знакомство с этим сугубо официальным источником поколебало сложившийся у него образ честного, благородного и романтического революционера - молодого Джугашвили. Неслучайно Булгаков выделил красным карандашом рассказ о том, как в сибирской ссылке Сталин, чтобы совершить побег, "сфабриковал удостоверение на имя агента при одном из сибирских исправников". Это давало основания подозревать, что "великий вождь и учитель" действительно был полицейским агентом, ибо непонятно, как он мог изготовить удостоверение секретного агента настолько хорошо, что оно не вызвало сомнений у полицейских и жандармов.

Булгаков подчеркнул и следующие во многом саморазоблачительные слова Сталина, обращенные к демонстрантам: "Солдаты в нас стрелять не будут, а их командиров не бойтесь. Бейте их прямо по головам...". Такие провокационные призывы в значительной мере и вызвали кровавую расправу войск над Батумской демонстрацией.

Писатель, памятуя об аллюзиях, вызвавших запрет "Кабалы святош", и о том, что сам Сталин станет первым, главным по значению читателем Б., эти и другие двусмысленные эпизоды в текст пьесы не включил, но, судя по пометам в "Батумской демонстрации", насчет отсутствия у героя книги нравственных качеств сомнений не питал.

17 августа 1939 г. режиссер несостоявшегося спектакля по Б. В. Г. Сахновский (1886-1945) и В.Я. Виленкин, согласно записи Е. С. Булгаковой, заверили драматурга, что "театр выполнит все свои обещания, то есть - о квартире, и выплатит все по договору". Деньги по договору были выплачены, а добиться лучшей квартиры - этим соблазняли Булгакова на создание Б. - МХАТ не успел.

Тогда же Сахновский сообщил: "Пьеса получила наверху резко отрицательный отзыв. Нельзя такое лицо, как И. В. Сталин, делать романтическим героем, нельзя ставить его в выдуманные положения и вкладывать в его уста выдуманные слова. Пьесу нельзя ни ставить, ни публиковать. Второе - что наверху посмотрели на представление этой пьесы Булгаковым, как на желание перебросить мост и наладить отношение к себе". 22 августа Г. М. Калишьян, утешая Булгакова, уверял, что "фраза о "мосте" не была сказана".

Позднее, 10 октября 1939 г., как отметила Е. С. Булгакова, Сталин во время посещения МХАТа сказал В. И. Немировичу-Данченко, что "пьесу "Батум" он считает очень хорошей, но что ее нельзя ставить". Передавали и более пространный сталинский отзыв: "Все дети и все молодые люди одинаковы. Не надо ставить пьесу о молодом Сталине". Дирижер и художественный руководитель Большого Театра С. А. Самосуд (1884-1964) уже после запрета предлагал переделать Б. в оперу, полагая, что в опере романтический Сталин будет вполне уместен, однако замысел не осуществился, в том числе из-за болезни Булгакова.

Причины, по которым Сталин не допустил постановку Б., заключались в том, что он не хотел видеть себя на сцене начинающим революционером. И дело тут, скорее всего, не в наличии темных мест в батумский период сталинской биографии (щекотливых моментов хватало во все годы жизни диктатора). Просто для мифа лучше подходил образ умудренного жизнью человека, вождя великой страны. Для этой цели тогда, в 1939 г., почти идеально годилась фигура Сталина конца 20-х - начала 30-х годов, когда генсек уже достиг "высшей власти". После Великой Отечественной войны герой мифа претерпел трансформацию, одевшись в маршальский мундир и приняв облик военного вождя народа-победителя, самого мудрого полководца всех времен и народов. Молодому Сталину места в сталинском мифе не находится и по сей день. Булгаков вряд ли мог сознавать несоответствие образа молодого романтика-революционера официальному мифу, но Сталин такое несоответствие сразу же уловил.

Высказывались предположения, что Булгаков в Б. высмеял тирана, пусть в скрытой, эзоповой форме, или сознательно уподобил его Антихристу. Администратор МХАТа Ф. Н. Михальский полагал, что на запрещение пьесы могла повлиять сцена, где Сталин рассказывает о предсказаниях гадалки: "Все, оказывается, исполнится, как я задумал. Решительно сбудется все! Путешествовать, говорит, будешь много. А в конце даже комплимент сказала - большой ты будешь человек! Безусловно, стоит заплатить рубль", а также зачитываемое полицейское описание внешности Джугашвили: "Телосложение среднее. Голова обыкновенная. Голос баритональный. На левом ухе родинка". Как будто у положительного культурного героя мифа в принципе не может быть обыкновенной головы или родинки за ухом!

Также невероятно, чтобы зрители и даже пристрастные читатели могли в то время воспринимать рассказ о гадалке как скрытый намек на проявившееся уже с раннего возраста непомерное честолюбие Сталина. Многие эпизоды Б. в наши дни прочитываются действительно довольно двусмысленно, в том числе сцена избиения главного героя тюремной стражей, позаимствованная из созданной в 1935 г. французскими писателем-коммунистом Анри Барбюсом (1873-1935) апологетической биографии Сталина. Трудно допустить, чтобы Булгаков, памятуя о печальной участи пьесы о Мольере, рискнул сознательно сделать какие-то двусмысленные намеки в пьесе о Сталине.

Дело здесь в другом - во всеобщем свойстве любого мифа, который и от писателя, и от читателя (или зрителя) требует строго однозначного и однонаправленного взгляда на события и героев. Положительный культурный герой всегда и всеми должен восприниматься положительно, отрицательный - отрицательно. Иного восприятия не могло быть у подавляющего большинства читателей и будущих зрителей Б. в конце 30-х годов. Мало кто рискнул бы представить себе Сталина отрицательным героем или даже просто обыкновенным живым человеком, а тем более обратил бы внимание на те или иные подозрительные моменты в биографии вождя (это было крайне рискованно). При перемене же точки зрения на события и героев миф непременно превращается в гротеск.

Интересно, что единственная на сегодняшний день постановка Б. (с использованием текста ранней редакции и под названием "Пастырь") была осуществлена в 1991 г. в МХАТе им. Горького режиссером С. Е. Кургиняном именно в жанре гротеска.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Иван Васильевич"

"Иван Васильевич" - пьеса, созданная на основе пьесы "Блаженство" после того, как последняя была отвергнута московским Театром Сатиры и стала ранней редакцией И. В.

При жизни Булгакова не ставилась и не публиковалась. Впервые: Булгаков М. Драмы и комедии. М., Искусство, 1965.

Первую редакцию И. В. Булгаков создал в период с осени 1934 г. по конец сентября 1935 г. вместо отвергнутого "Блаженства". Еще в конце апреля 1934 г. написать пьесу об Иване Грозном (1530-1584), перенесенном в наши дни, (в развитие одного из мотивов "Блаженства") предложили драматургу актеры и режиссеры Театра Сатиры. 17 сентября 1934г. режиссер Николай Михайлович Горчаков (1898-1958) повторил просьбу, как зафиксировала в дневнике третья жена драматурга Е. С. Булгакова, "из "Блаженства" сделать комедию, в которой бы Иван Грозный действовал в современной Москве".

Начало работы над И. В. под этим названием вместо "Блаженства" впервые зафиксировано в дневнике жены драматурга 30 ноября 1934 г. 30 сентября 1935 г. первая редакция была закончена, и 2 октября Булгаков у себя на квартире прочел И. В. актерам и режиссерам Театра Сатиры. Комедия была принята, по выражению Е. С. Булгаковой, "с бешеным успехом" - "все радовались весело".

По цензурным соображениям в процессе подготовки к постановке Булгаковым была написана до апреля 1936 г. вторая редакция пьесы, где, в отличие от первой, все происходящее представлено как сон инженера Тимофеева. Были также устранены некоторые наиболее острые эпизоды, в частности, лекция о свиньях по радиорепродуктору и слова Тимофеева в финале, когда его арестовывает милиция: "Послушайте меня. Да, я сделал опыт. Но разве можно с такими свиньями, чтобы вышло что-нибудь путное?.."

Как и в "Роковых яйцах" и "Собачьем сердце", объектом сатиры оставалось невежество и безграмотность населения и власть предержащих. 17 октября 1935 г. Е. С. Булгакова описала в дневнике реакцию в Главреперткоме на И. В.: "Пять человек в Реперткоме читали пьесу, все искали, нет ли в ней чего подозрительного. Так ничего и не нашли... Замечательная фраза: а нельзя ли, чтобы Иван Грозный сказал, что теперь лучше, чем тогда?".

29 октября 1935 г. И. В. разрешили при условии ряда изменений и дополнений в тексте. 13 мая 1936 г. была проведена генеральная репетиция пьесы и сразу же после окончания репетиции последовал запрет И. В. В дневнике Е. С. Булгаковой сохранилась зарисовка этого печального события: "Генеральная без публики "Ивана Васильевича". (И это бывает - конечно, не у всех драматургов!) Впечатление от спектакля такое же безотрадное. Смотрели спектакль (кроме нашей семьи - М. А., Евгений и Сергей, Екатерина Ивановна (Буш, воспитательница Сергея, сына Е. С. Булгаковой) и я) - Боярский, Ангаров из ЦК партии, и к концу пьесы, даже не снимая пальто, держа в руках фуражку и портфель, вошел в зал Фурер, - кажется, он из МК партии.
Немедленно после спектакля пьеса была запрещена. Горчаков передал, что Фурер тут же сказал:
- Ставить не советую".

Явление партийного чиновника, запретившего И. В., было вполне в гофманском духе и удивительно напоминало явление сатаны-редактора в "Тайному другу" и "Театральном романе", написанных самим Булгаковым. Ничего мистического в запрете И. В., однако, не было. С одной стороны, сыграло свою роль снятие "Кабалы святош". С другой стороны, сам по себе И. В. имел мощный сатирический заряд.

Главный комический эффект заключался в том, что пьяница, сластолюбец, болван и прирожденный доносчик управдом Бунша оказывается вполне способен в другую эпоху выступить в роли могущественного Ивана Грозного, тогда как творец опричнины оказывается абсолютно беспомощным в роли советского управдома (тиранства Грозного здесь оказывается мало).

Мораль булгаковской пьесы заключалась в том, что в условиях деспотической власти во главе государства может оказаться любая посредственность, и при этом государственная машина все так же безжалостно будет перемалывать людей. Слишком явные и опасные (применительно к И. В. Сталину) аллюзии сделали И. В. нецензурным произведением.

Булгаков показал деградацию тирании в России со времен Грозного до советской эпохи, от жестокого и величественного царя Ивана до жестокого и жалкого управдома Бунши, который способен властвовать в Москве XVI века только с помощью умного жулика Жоржа Милославского - родного брата бессмертного Остапа Бендера.

В И. В. драматург, перефразируя вызвавшие неудовольствие Реперткома слова Бунши, рассказал "про советскую жизнь такие вещи, которые рассказывать неудобно". Автор пьесы не преувеличивал роль личности в истории (ничего принципиально не изменится, если царя заменить пьяницей управдомом), но, в отличие от своего любимого писателя Льва Николаевича Толстого (1828-1910), не отрицал ее вовсе. В комедии все преступления, казни и опричнину творит все же настоящий Иван Васильевич Грозный, а не внешне неотличимый от него управдом Иван Васильевич Бунша.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Блаженство"

Страницы: 1 2

"Блаженство" - пьеса, имеющая подзаголовок "Сон инженера Рейна в четырех актах".

При жизни Булгакова не публиковалась и не ставилась. Впервые: Звезда Востока, Ташкент, 1966, №7.

Замысел Б. относится к 1929 г. На него повлияли пьесы В. Маяковского "Клоп" (1928) и "Баня" (1929). Замысел был реализован только в 1933 г., когда 18 мая Булгаков заключил договор с Ленинградским мюзик-холлом на "эксцентрическую синтетическую трехактную пьесу".

Работа над Б. началась 26 мая, но вскоре прервалась и возобновилась только 8 декабря. Первую редакцию Булгаков закончил 28 марта 1934 г. К тому времени договор с Ленинградским мюзик-холлом был расторгнут, и 23 марта 1934 г. драматург заключил договор с московским Театром сатиры. Вторая редакция была завершена 11 апреля 1934 г., а третья - 23 апреля 1934 г. 25 апреля состоялось чтение Б. в Театре сатиры. Значительная часть пьесы, в том числе важнейшие сцены "в будущем", не понравились ни актерам, ни режиссерам. В результате по канве Б. Булгаков создал позднее новую пьесу "Иван Васильевич".

В Б. показано воображаемое будущее коммунистического строя. Оно возглавляется народным комиссаром изобретений Радамановым. Сама же страна осуществленной коммуно-технократической утопии в пьесе называется "Блаженство". Здесь пародийно трансформирован запечатленный в гомеровской "Одиссее" древнегреческий миф о златовласом Радаманфе, сыне бога Зевса, судье в царстве мертвых, которому подвластен Элизиум (Елисейские поля), блаженное царство, "где пробегают светло беспечальные дни человека".

Ирония в Б. заключается в том, что коммунистическое общество оказывается царством мертвых. Идеологическую диктатуру в Блаженстве осуществляет Институт Гармонии (намек на колонию утописта Роберта Оуэна (1771-1858) "Новая Гармония"), регламентирующий всю жизнь обитателей нового Элизиума. Это - предвестник зловещего Министерства Правды в антиутопии "1984" (1949) английского писателя Джорджа Оруэлла (Эрика Блэра) (1903-1950).

В первой редакции Б. Радаманов, убеждая инженера Рейна отдать властям Блаженства его изобретение - машину времени, признается: "Я плоховато знаю историю. Да это и неважно. Иван ли, Сидор. Грозный ли... Голубь мой, мы не хотим сюрпризов... Вы улетите... Кто знает, кто прилетит к нам?" Здесь - парафраз записи в булгаковском дневнике в ночь с 20 на 21 декабря 1924 г. в связи с выходом книги Л. Д. Троцкого "Уроки Октября": "...Ходили, правда, слухи, что Шмидта выгнали из Госиздата (речь идет об О. Ю. Шмидте (1891-1956), бывшем директоре Госиздата) именно за напечатание этой книги и только потом сообразили, что конфисковать ее нельзя, еще вреднее, тем более что публика, конечно, ни уха, ни рыла не понимает в этой книге и ей глубоко все равно - Зиновьев ли, Троцкий ли, Иванов ли, Рабинович. Это "спор славян между собою".

Руководителей "Блаженства" Булгаков наделяет менталитетом российского обывателя, которому решительно все равно, кто был творцом Октябрьского переворота - В. И. Ленин, Троцкий, Г. Е. Зиновьев (Радомышельский-Апфельбаум) (1883-1936) или кто-то еще. Радаманов и его товарищи, оказывается, "ни уха, ни рыла" не понимают в русской истории, а их "Блаженство" - космополитично и безнационально.

Приуроченность сцены ко дню международной солидарности трудящихся в "Блаженстве" идет от первомайской приуроченности в романе французского писателя Нобелевского лауреата Анатоля Франса (Тибо) (1844-1924) "На белом камне" (1904) действия в воображаемом социалистическом будущем.

Бал в честь 1-го мая, на котором веселятся пролетарии во фраках, напоминает о Вальпургиевой ночи на 1-е мая, празднике весны древнегерманской мифологии, в средневековой демонологии трансформировавшемся в великий шабаш (праздник ведьм) на горе Брокен в Гарце. Дальнейшее развитие тема 1 мая и Вальпургиевой ночи получила в "Мастере и Маргарите", где Воланд и его свита прибывают в Москву после шабаша на Брокене. Инженер Рейн, творец-изобретатель, отвергаемый социалистическим обществом, стоит в одном ряду с Ефросимовым "Адама и Евы" и главным героем "Мастера и Маргариты".

Родословная управдома Бунши претерпела разительные метаморфозы на пути от первой до третьей, последней редакции Б. В первой редакции, где изобретателя вначале звали Евгений Бондерор, Бунша в ответ на его слова: "Вам, князь лечиться надо!" горячо отстаивал свое простонародное происхождение:

"БУНША. Я уже доказал, Евгений Васильевич, что я не князь. Вы меня князем не называйте, а то ужас произойдет.

БОНДЕРОР. Вы - князь.

БУНША. А я говорю, что не князь. У меня документы есть. (Вынимает бумаги.) У меня есть документ, что моя мать изменяла в тысяча восемьсот семидесятом году моему отцу с нашим кучером Пантелеем, я есть плод судебной ошибки, из-за каковой мне не дают включиться в новую жизнь.

БОНДЕРОР. Что вы терзаете меня?

БУНША. Заклинаю вас уплатить за квартиру.

БОНДЕРОР. Мало нищеты, мало того, что на шее висит нелюбимый человек (намек на недавно распавшийся, 3 октября 1932 г., брак с Л. Е. Белозерской; невозможность бросить на произвол судьбы нелюбимую уже жену была одним из факторов, мешавших Булгакову соединиться с Е. С. Шиловской), - нет, за мною по пятам ходит развалина, не то сын кучера, не то князь, с засаленной книгой под мышкой и истязает меня".

О пародии на самого Ленина, ляпе Максима Горького, "смертном прыще" Михельсоне и о коне Нерона читайте в завершении>>>

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций
Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы
Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи
Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта
Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

"Блаженство", часть 2

Страницы: 1 2

Управдом наделен пародийным сходством с самым главным управляющим Советского государства - председателем Совнаркома В. И. Лениным, дворянское происхождение которого после 1917 г. не афишировалось. В народе было распространено немало легенд о пролетарском или крестьянском происхождении "вождя мирового пролетариата". Одна из таких легенд была запечатлена, например, в очерке писателя Владимира Зазубрина (Зубцова) (1895-1937) "Неезжеными дорогами" (1926), с текстом которого Булгаков был, скорее всего, знаком (см.: "Рабочий город-сад").

В Б. год рождения Бунши совпадает с годом рождения Ленина, а слова о судебной ошибке могут служить намеком на юридическое образование Ленина и его краткую адвокатскую практику в судах, не стяжавшую Владимиру Ильичу лавров знаменитого защитника. Назвав Буншу князем да еще с подходящим отчеством - Святослав Владимирович (по именам знаменитых древнерусских князей, к тому же одного из них, крестившего Русь, звали одинаково с Лениным) - Булгаков спародировал первого главу Советского государства, правление которого действительно привело к ужасным последствиям для России. Тут полное соответствие с комическим предсказанием Бунши: "Вы меня князем не называйте, а то ужас произойдет". Ленин под конец жизни стал немощным паралитиком, и потому Бондерор называет Буншу "развалиной".

Булгаков, как и вся интеллигенция, ощущал на себе последствия прихода Ленина и большевиков к власти. Драматурга всю жизнь терзали критики с убойными ленинскими цитатами в руках. Буншу же он заставил совершить путешествие в предрекаемый Лениным коммунистический рай.

Такой образ управдома был слишком прозрачен, чтобы пройти даже самого тупого цензора. Поэтому во второй редакции Б. Бунша доказывает Рейну, что "моя мать, Ираида Михайловна, во время Парижской коммуны состояла в сожительстве с нашим кучером Пантелеем. А я родился ровно через девять месяцев и похож на Пантелея". Тут исчезли слова о судебной ошибке и невозможности из-за нее включиться в новую жизнь - намек на осуществленное после 1917 г. поражение в правах бывших дворян (на Ленина такое поражение, разумеется, не распространялось).

Учитывая время существования Парижской коммуны - с сентября 1870 г. по март 1871 г. - дата рождения Бунши уверенно относилась на 1871 г., что уменьшало сходство с Лениным. Намек теперь был на то, что мелкие начальники - домовые тираны типа пьяницы Бунши родились благодаря успешной пролетарской (или социалистической) революции. Первым образцом такой революции марксисты считали Парижскую коммуну. Однако и данный намек оказался цензурно неприемлем. Поэтому в окончательном тексте Б. остались только достаточно безобидные уверения Бунши, что он - сын кучера Пантелея, без каких-либо подробностей.

Весь эпизод с бывшим князем, притворившимся кучером, подсказан Булгакову опубликованной в журнале "Русский современник" 1924 г. "Тетрадью примечаний и мыслей Онуфрия Зуева". Ее автором был писатель Евгений Замятин (1884-1937), в №2 этого же журнала напечатавший статью "О сегодняшнем и современном" с положительным отзывом о "Дьяволиаде", а позднее ставший булгаковским другом.

В заметке "Онуфрия Зуева" "Нотабене: сообщить куда следует (что бывший князь укрывается под чужой фамилией)" Замятин писал: "Открытие о том сделано мною совместно с Максимом Горьким. Вчера в сочинении Максима Горького "Детство" я прочел стихи:
И вечерней, и ранней порою
Много старцев, и вдов, и сирот
Под окошками ходит с сумой,
Христа ради на помощь зовет.
Причем Горький сообщает, что означенные стихи писаны (бывшим) князем Вяземским. Однако те же стихи обнаружены мною в книге, называемой "Сочинения И. С. Никитина". Из чего заключаю, что под фамилией Никитина преступно укрылся бывший князь, дабы избежать народного гнева".

Ляп Максима Горького (А. М. Пешкова) (1868-1936), спутавшего стихи крестьянского поэта Ивана Саввича Никитина (1824-1861) со стихами князя Петра Андреевича Вяземского (1792-1878), юмористически обыгран Замятиным со злым намеком на поощряемое новыми властями доносительство по отношению к скрывающим свое прошлое "бывшим".

Булгаков перевернул ситуацию зеркально: бывший князь Бунша упорно рядится в личину сына кучера, что не мешает ему донести "куда следует" об открытии Рейна-Бондерора - машине времени, из которой появился царь Иоанн Грозный. В пьесе же "Иван Васильевич", написанной по канве Б., Бунша вообще носит двойную фамилию: Бунша-Корецкий, приняв вторую ее половину от своего мнимого отца-кучера.

Образ директора Института Гармонии Саввича в Б. навеян спором Булгакова с писателем и журналистом Августом Явичем в середине 20-х годов о том, преступны ли, подобно убийце-извозчику В. И. Комарову, великие исторические деятели вроде Наполеона (1769-1821) или Ивана Грозного (1530-1584) (см.: "Комаровское дело"). Явич склонен был видеть в них "величайших преступников", а Ивана Грозного сравнивал с Комаровым, который после убийства всегда молился за упокой души своей жертвы.

В Б. Иоанн Грозный также изображен кающимся: "Увы мне грешному! Горе мне, окаянному! Скверному душегубцу, ох!". Явич приводит слова Булгакова, назвавшего Грозного безумцем. В финале Б. "в состоянии тихого помешательства идет Иоанн, увидев всех, крестится.
ИОАНН. О, беда претягчайшая!.. Господие и отцы, молю вас, исполу есмь чернец...
Пауза.
МИХЕЛЬСОН. Товарищи! Берите его! Нечего на него глядеть!
ИОАНН. (мутно поглядев на Михельсона). Собака! Смертный прыщ!
МИХЕЛЬСОН. Ах, я же еще и прыщ!
АВРОРА (Рейну). Боже, как интересно! Что же с ним сделают? Отправь его обратно. Он сошел с ума!
РЕЙН. Да.
Включает механизм. В тот же момент грянул набат. Возникла сводчатая палата Иоанна. По ней мечется Стрелецкий голова.
ГОЛОВА. Стрельцы! Гей, сотник! Гой да! Где царь?!
РЕЙН (Иоанну). В палату!
ИОАНН. Господи! Господи! (Бросается в палату.)
Рейн выключает механизм, и в то же мгновение исчезают палата, Иоанн и Голова".

Явич пытался убедить Булгакова, что безумцев, свершивших тягчайшие преступления, надо признавать вменяемыми и уничтожать, что "Герострата надо казнить". Автор Б. видел здесь лазейку для беззакония: "Нерон неподсуден. Зато он всегда найдет возможность объявить Герострата всякого, кто усомнится в его здравом рассудке. И потом, что такое безумие? С точки зрения сенаторов Калигула, назначивший сенатором своего рыжего жеребца, несомненно, сумасшедший. А Калигула, введя в сенат коня, лишь остроумно показал, чего стоит сенат, аплодирующий коню. Какая власть не объявляла своих политических противников бандитами, шпионами, сумасшедшими?"

В Б., как и предлагал Явич, милиция пытается привлечь к ответственности безумного Иоанна, и, спасая его, инженер Рейн возвращает помешавшегося царя в XVI в. Таким образом, получается, что часть своих преступлений царь совершил, будучи сумасшедшим (а помешался он в Б. от реалий современной советской жизни).

Явич рассказывает и о том, как Булгаков создал на него устную пародию - "не то похождения, не то приключения репортера Савича на Северном полюсе". Отсюда и Саввич в Б., блюдущий предустановленную коммунистическую гармонию в Блаженстве, противник всяких нарушающих ее проявлений живой жизни, которую олицетворяют прибывшие в Блаженство Рейн, Бунша и вор-рецидивист Милославский. Саввич конструирует жизнь по идеальному плану, вследствие чего жить в Блаженстве оказывается невыразимо скучно.

Булгаков иронизировал над Явичем, который в прошлом видел одних только преступников, судя царей с точки зрения если не несовершенного настоящего, то грядущего идеального будущего.

« Назад
Наверх »

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Рабочий город-сад"

"Рабочий город-сад" - очерк, имеющий подзаголовок "Закладка 1-го в Республике рабочего поселка". Опубликован: Рабочий, М., 1922, 30 мая.

В очерке рассказывается о создании первого рабочего поселка под Москвой у станции Перловка на Погонно-Лосином острове рабочими и служащими трех московских предприятий: завода "Богатырь", электростанции "1886 года" и интендантских вещевых складов. Поселок назывался "Дружба 1-го марта 1917 года", поскольку его устав был утвержден еще Временным правительством, созданным после Февральской революции. Поселок на 1,5 тыс. человек с домиками по образцам английских Булгаков сравнил с искусно возделанным садом и назвал будущий поселок "городом-садом".

Не исключено, что этот образ был использован писателем Владимиром Яковлевичем Зазубриным (Зубцовым) (1895-1937) в очерке "Неезженными дорогами" (1926), где о городе Кузнецке, который "стоит на золоте, угле и железе", говорится, что "городу этому суждено расцвесть".

Позднее булгаковский "город-сад" как через очерк В. Я. Зазубрина, так и непосредственно мог повлиять на Владимира Маяковского (1893-1930) в стихотворении "Рассказ о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка" (1929), где формула "город-сад" применяется уже ко всем грядущим свершениям первой пятилетки. Она стала частью мифа социалистического строительства ("через четыре года здесь будет город сад" и "я знаю, город будет, я знаю, саду цвесть, когда такие люди в Стране Советской есть").

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

"Комаровское дело"

"Комаровское дело" - фельетон. Опубликован: Накануне, Берлин - М., 1923, 20 июня.

В К. д. отражен суд над убийцей Василием Ивановичем Комаровым-Петровым и его женой, начавшийся в Москве в Политехническом музее 6 июня 1923 г. 8 июня "Известия" опубликовали сообщение о решении суда, приговорившего подсудимых к высшей мере наказания.

О К. д. сохранились интересные воспоминания писателя и журналиста Августа Явича, встретившегося с Булгаковым в редакции "Гудка" в середине 20-х годов. Эти воспоминания ставят фельетон в любопытный исторический контекст: "В Москве происходил судебный процесс над Комаровым, озверелым убийцей, именовавшим свои жертвы презрительно "хомутами". Промышлял извозом, он заманивал людей, чтобы "спрыснуть выгодное дельце", опаивал, убивал и грабил, а потом до зари молился вместе со своей благоверной "за упокой убиенных", кладя бессчетные земные поклоны перед старинным иконостасом. Своим кровавым промыслом он занимался довольно долго, пока случайность не разоблачила его: то ли не успел оглушить свою жертву, то ли не смог опоить ее до бесчувствия, то ли еще какое неосторожное упущение профессионального злодея в своем привычном ремесле, так или иначе - жертва вырвалась на волю, созывая людей воплями и своим окровавленным видом.

И вот я увидел в суде этого благообразного и трусливого изувера с остановившимся взором глубоко запавших глаз, мерцающих огоньком злобного, затравленного безумия. С поистине дьявольским равнодушием, не повышая голоса, монотонно рассказывал он суду бесчеловечные подробности своего беспримерного занятия, от которого веяло камерой пыток, смирительной рубахой и смрадом бойни.

Не помню уже, как случилось, но это именно дело и послужило поводом для нашего с Булгаковым разговора о том, каких великанов и каких злодеев способна родить русская земля, стоящая на праведниках, как утверждал Достоевский. И Булгаков позвал меня к себе продолжить спор совсем в карамазовском духе.

В оживленной беседе я не запомнил ни дороги, ни адреса...

Немыслимо спустя полстолетия повторить то, что было сказано участниками спора, проникнутого сарказмом, относившимся уже не к предмету спора, а к тому из его участников, который был и много моложе, и много задорней. Булгакову, видно, доставляло удовольствие поддразнивать меня, потешаться над моим простодушием, подзадоривать, заставляя смешно петушиться.

Сначала спор ведется вокруг Комарова с его "хомутами" и Раскольникова с его "египетскими пирамидами", пока Булгаков, явно пытаясь поддеть меня, не заметил как бы вскользь:

- Этак, чего доброго, и до Наполеона доберетесь.

Я тотчас проглотил крючок, как глупый и жадный окунь.

- А что же, один из величайших преступников...

- Не можете простить ему герцога Энгиенского...

- Если бы только Энгиенский... на его совести бессчетно жертв. И я скрупулезно перечислил длинный свиток его преступлений, начиная от расстрелянной картечью в Париже толпы и брошенной на произвол судьбы в африканской пустыне армии и кончая полумиллионным войском, погубленным в московском походе.

- Какой тиран не совершал преступлений! - подкинул снова Булгаков. И опять я клюнул на приманку.

- Никогда не поставил бы Наполеона при всех его преступлениях в ряду тиранов, таких, как Иван Грозный. Вот к кому ближе всего Комаров! - воскликнул я, пораженный своим внезапным открытием. - Верно, верно. Вспомните, так же молился "за убиенного боярина, а с ним пять тысяч душ дворовых..." Вспомните его кровавый синодик. И так же бил земные поклоны, стирая кожу со лба и натирая мозоли на коленях... ей-ей, тот же Комаров, только в иных масштабах.

- Не слишком ли густо, - сказал Булгаков. - Преступник, злодей, безумец, спору нет, а все же утвердил самодержавие и российскую государственность... - И обескровил Русь, подготовил Смутное время...

- И не дал растерзать Русь шакалам на мелкие княжеские вотчины.

- Каким шакалам? Он вырубил всю талантливую знать. А шакалов именно оставил. Взошли на трупном пиршестве.

Так вот, то поднимаясь, то опускаясь по ступенькам истории, мы стали вспоминать безумных владык, принесших своим народам неисчислимые страдания и бедствия. Я аккуратно цитировал "Психиатрические эскизы из истории" Ковалевского (известный русский историк и социолог М. М. Ковалевский (1851-1916). Булгаков приводил другие исторические примеры. Мы бродили по векам, не переходя рубеж двадцатого столетия ("Ходить бывает склизко /По камешкам иным, /Итак, о том, что близко, /Мы лучше умолчим", как писал в "Истории Государства Российского от Гостомысла до Тимашева" (1868) Алексей Константинович Толстой (1817-1875).

Мы заговорили о том, как быть с преступником, ежели он душевнобольной, - лечить или казнить. Ссылаясь на знаменитого юриста, утверждавшего, что, ежели безумец совершил тягчайшее преступление, его надо признать вменяемым и уничтожить, я сформулировал свою мысль так: а Герострата надо казнить.

Булгаков вдруг сделался очень серьезным.

- Опасный прецедент, - сказал он. - Открывает лазейку беззаконию. Нерон неподсуден. Зато он всегда найдет возможность объявить Герострата всякого, кто усомнится в его здравом рассудке. И потом, что такое безумие? С точки зрения сенаторов Калигула, назначивший сенатором своего рыжего жеребца, несомненно, сумасшедший. А Калигула, введя в сенат коня, лишь остроумно показал, чего стоит сенат, аплодирующий коню. Какая власть не объявляла своих политических противников бандитами, шпионами, сумасшедшими?" (здесь Булгаков как бы предвосхитил и политические процессы 30-х годов, когда бывшие противники Сталина объявлялись иностранными шпионами и бандой убийц, и практику советской психиатрии 6О-х-80-х годов, когда сумасшедшими объявлялись диссиденты - противники тоталитарного строя).

Булгаков подчеркивал в К. д., что Комаров "и жену, и детей бил и пьянствовал, но по праздникам приглашал к себе священников, те служили у него, он их угощал вином. Вообще был богомольный, тяжелого характера человек". Автор фельетона не разделял восхищения писателя Федора Достоевского (1821-1881) русским народом-богоносцем, который если и грешит, то потом искренне кается.

Комаров для Булгакова, несмотря на богомольность убийцы, не русский человек, даже и не зверь, а просто - "существо", "футляр от человека - не имеющий в себе никаких признаков зверства". Приговор над таким существом не имеет смысла - оно все равно стоит вне человеческого сообщества, хотя писатель и понимает, что толпа не успокоится без казни "этого миража "в оболочке извозчика", которому присуще "хроническое, холодное нежелание считать, что в мире существуют люди", и который ощущает себя "вне людей": "Приговор?

Ну, что тут о нем толковать.

Приговор в первый раз вынесли Комарову, когда милиция под конвоем повезла его, чтобы он показал, где закопал часть трупов...

Словно по сигналу слетелась толпа. Вначале были выкрики, истерические вопли баб. Затем толпа зарычала потихоньку и стала наваливаться на милицейскую цепь - хотела Комарова рвать. Непостижимо, как удалось милиции отбить и увезти Комарова.

Бабы в доме, где я живу, тоже вынесли приговор - "сварить живьем".

- Зверюга. Мясорубка. У этих тридцати пяти мужиков сколько сирот оставил, сукин сын. На суде три психиатра смотрели:

- Совершенно нормален. Софья - тоже.

Значит...

- Василия Комарова и жену его Софью к высшей мере наказания, детей воспитывать на государственный счет.

От души желаю, чтобы детей помиловал тяжкий закон наследственности. Не дай бог походить им на покойных отца и мать".

Булгаков, в отличие от Явича, не считал Комарова трусом, и для него если не психическая, то человеческая ненормальность убийцы не вызывала сомнения. Наглядевшись вдоволь в годы гражданской войны на множество судебных и бессудных расправ, автор К. д. стал безусловным противником смертной казни. В фельетоне он подчеркивает звериные инстинкты не самого Комарова, а толпы, требующей над ним расправы. Толпа в фельетоне "зарычала", собирается "рвать" Комарова, как волки рвут добычу, а простая баба предлагает убийце казнь вполне в духе царя-садиста Ивана Грозного (1530-1584) - "сварить живьем".

Спор Булгакова с Явичем об Иване Грозном, начатый в связи с К. д., неожиданно продолжился в пьесе "Блаженство". Явич описывал свою позднейшую встречу с Булгаковым, происшедшую в конце 20-х годов: "С улыбкой вспомнили наш давнишний спор. Булгаков шел в сторону Арбата. Мне было по пути, и мы пошли кривым, изломанным и пустынным в этот час переулком...

Мне почему-то вспомнилось, я слышал краем уха, давно, правда, еще в "Гудке", будто Булгаков написал на меня пародию: не то похождения, не то приключения репортера Савича на Северном полюсе. Я спросил: верно ли? Он засмеялся.

- Был грех. Только не написал, а устно пародировал. Говорили, смешно. А вы обиделись? Засмеялся и я.

- Нет, что вы. Боюсь людей, не понимающих юмора. Иногда это даже опасно".

Вероятно, из пародии на Явича родился один из героев "Блаженства" - директор института гармонии Саввич, в будущем коммунистическом Блаженстве стремящийся сохранить предустановленную гармонию от вредного воздействия естественных человеческих чувств. Возможно, автор К. д. помнил попытки Явича представить едва ли не всех деятелей прошлого преступниками, как бы подразумевая гармоничное будущее, где преступлений уже не будет. В "Блаженстве" появляется и кающийся Иоанн Грозный: "Увы мне, грешному! Горе мне, окаянному! Скверному душегубцу, ох!", причем, оказавшись в современной Москве, царь сходит с ума и в состоянии помешательства возвращается в свою эпоху. Булгаков делает Грозного безумным, а, следовательно, неподсудным за свои преступления. Писатель понимал, что бессмысленно судить политика прошлого с точки зрения современности. От Комарова в К. д. идет нить к Иоанну Грозному в "Блаженстве" и "Иване Васильевиче".

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Театральный роман"

"Театральный роман" - роман, имеющий подзаголовок "Записки покойника". При жизни Булгакова не закончен и не публиковался. Впервые: Новый мир, М., 1965, № 8.

На первой странице рукописи сохранились два названия: "Театральный роман" и "Записки покойника". Некоторые исследователи полагают, что "Записки покойника" являются основным названием романа, а "Театральный роман" - подзаголовком. Название "Театральный роман" определяет основное содержание произведения - роман главного героя, драматурга Максудова, с Независимым Театром, и роман как литературное творение, посвященное театральному миру и оставшееся в посмертных записках покончившего с собой драматурга. Неслучайно ранняя редакция Т. р., упоминаемая в письме Булгакова правительству 28 марта 1930 г. как сожженная после получения известия о цензурном запрете пьесы "Кабала святош", названа романом "Театр".

"Записки покойника" - это специфическое, с грустной иронией, определение жанра произведения, и в качестве основного названия оно выступать никак не может. Не исключено, что этот подзаголовок - дань традиции. Прежде всего вспоминается роман английского писателя Чарльза Диккенса (1812-1870) "Посмертные записки Пиквикского клуба" (1837) (в мхатовской инсценировке этого романа Булгаков успешно играл роль Судьи), а также мемуарные "Замогильные записки" (1849-1850) известного французского писателя-романтика и политического деятеля виконта Франсуа Рене де Шатобриана (1768-1848), предназначавшиеся к публикации только после смерти автора, как и рукопись Максудова в булгаковском романе.

Начало работы над Т. р. относится к концу 1929 г. или к началу 1930 г., после написания незавершенной повести "Тайному другу". События, запечатленные в этой повести, послужили материалом и для Т. р. Первая редакция Т. р., называвшаяся "Театр", была уничтожена 18 марта 1930 г. Работу над Т. р., по свидетельству его третьей жены Е. С. Булгаковой, писатель возобновил 26 ноября 1936 г., вскоре после перехода из МХАТа либреттистом-консультантом в Большой Театр.

Сюжет Т. р. во многом основан на конфликте Булгакова с главным режиссером Художественного театра Константином Сергеевичем Станиславским (Алексеевым) (1863-1938) по поводу постановки "Кабалы святош" во МХАТе и последующим снятием театром пьесы после осуждающей статьи газеты "Правда". 24 февраля 1937 г. писатель, как зафиксировано в дневнике его жены, впервые читал отрывки из Т. р. своим знакомым, причем "чтение сопровождалось оглушительным смехом".

3 июня 1937 г. он читал роман мхатовцам - художникам В. В. Дмитриеву (1900-1948) и П. В. Вильямсу (1902-1947), сестре Е. С. Булгаковой О. С. Бокшанской (1891-1948), работавшей секретарем основателя Художественного театра Владимира Ивановича Немировича-Данченко (1858-1943), ее мужу артисту Е. В. Калужскому (1896-1966), а также администратору театра Ф. Н. Михальскому. Как записала Е. С. Булгакова, сцена репетиции, напоминавшая о "Кабале святош", "всем понравилась". Позднее последовало еще несколько чтений Т. р. Однако, как вспоминала Е. С. Булгакова, в 1938 г. писатель "отложил "Записки" для двух своих последних пьес ("Дон Кихот" и "Батум"), но главным образом для того, чтобы привести в окончательный вид свой роман "Мастер и Маргарита". Он повторял, что в 1939 году он умрет и ему необходимо закончить Мастера, это была его любимая вещь, дело его жизни.
И "Записки покойника" оборвались на незаконченной фразе".

На незаконченной фразе остановилась и работа над повестью "Тайному другу". И получилось так, что обе эти фразы во многом передают главные идеи повести и романа. "Тайному другу" завершается обращением к автору: "Плохонький роман, Мишун, вы (дальше должно было последовать: написали)...". Т. р. писатель оборвал словами автора-Максудова: "И играть так, чтобы зритель забыл, что перед ним сцена..."

В "Тайному другу" в центре была печальная судьба первого булгаковского романа "Белая гвардия". Он не принес автору ни славы, ни денег, ни признания критики, остался неизданным полностью на родине, и в этом отношении должен был в ретроспективе оцениваться Булгаковым действительно как "плохой" (хотя и художественное качество писателя не вполне удовлетворяло). Так что нелестная оценка недружественным автору поэтом имела некоторый смысл в конце незавершенного текста.

В Т. р. Булгаков выступает противником системы К. С. Станиславского и неслучайно называет соответствующего героя Иваном Васильевичем, по аналогии с первым русским царем Иваном Васильевичем Грозным (1530-1584), подчеркивая деспотизм основателя Художественного театра по отношению к актерам (да и к драматургу). В конце Т. р. Максудов излагает результаты своей проверки теории Ивана Васильевича (фактически - Станиславского), согласно которой любой актер путем специальных упражнений "мог получить дар перевоплощения" и действительно заставить зрителей забыть, что перед ними не жизнь, а театр. Несомненно, дальше в Т. р. должно было последовать опровержение теории Ивана Васильевича, ибо в тех спектаклях, которые видел Максудов, во-первых, многие актеры играли плохо и иллюзии действительности создать не могли, а во-вторых, грань между сценой и жизнью непреодолима, и это должно было выразиться в комической реакции зрителей.

На репетиции, изображенной в Т. р., автор убеждается, что теория Ивана Васильевича к его пьесе и вообще к реальному театру неприменима: "Зловещие подозрения начали закрадываться в душу уже к концу первой недели. К концу второй я уже знал, что для моей пьесы эта теория не приложима, по-видимому. Патрикеев не только не стал лучше подносить букет, писать письмо или объясняться в любви. Нет! Он стал каким-то принужденным и сухим и вовсе не смешным. А самое главное, внезапно заболел насморком". Вскоре заболели насморком и сбежали от опостылевших упражнений Ивана Васильевича и другие актеры.

Булгаков хорошо знал, что актерский дар - от Бога. И дал это понимание своему Максудову, в горящем мозгу которого после судорожных выкриков: "Я новый... я новый! Я неизбежный, я пришел!" укрепляется мысль, что махающая кружевным платочком Людмила Сильвестровна Пряхина играть не может, "и никакая теория ничего не поможет! А вот там маленький, курносый, чиновничка играет, руки у него белые, голос сиплый, но теория ему не нужна, и этот, играющий убийцу в черных перчатках... не нужна ему теория!". Писатель в Т. р. спорит с идеей, что можно "играть так, чтобы зритель забыл, что перед ним сцена", и в то же время заставляет Максудова, переступающего порог Театра, не помнить, что перед ним всего лишь иллюзия действительности.

Для автора Т. р. театр был если не всей жизнью, то ее душой. Как отмечает в своих воспоминаниях вторая жена писателя Л. Е. Белозерская, композитор М. И. Глинка (1804-1857) говорил: "Музыка - душа моя!", а Булгаков вполне мог бы сказать: "Театр - душа моя!". Кстати, именно в период брака с Л. Е. Белозерской писатель получил прозвище Мака, от которого, возможно, и произведена фамилия Максудов. Герой Т. р. страстно пытается убедить своего слушателя артиста Бомбардова, одним из прототипов которого послужил Булгаков в своей актерской ипостаси, "в том, что я, лишь только увидел коня, как сразу понял и сцену, и все ее мельчайшие тайны. Что, значит, давным-давно, еще, быть может, в детстве, а может быть, и не родившись, я уже мечтал, я смутно тосковал о ней". Те же чувства владели писателем и драматургом всю жизнь.

В Т. р. воспроизведены многие драматические и комические моменты репетиций во МХАТе "Кабалы святош", однако прообразом пьесы Максудова "Черный снег" послужили "Дни Турбиных". Любопытно, что главный герой максудовской пьесы носит фамилию Бахтин. Это может свидетельствовать о знакомстве Булгакова с единственной вышедшей к тому времени книгой известного литературоведа М. М. Бахтина (1895-1975) "Проблемы творчества Достоевского" (1928), а приводимая в Т. р. цитата из "Черного снега" с участием этого персонажа может рассматриваться как иллюстрация бахтинской идеи диалогичности бытия:

"Б а х т и н (*Петрову*). Ну, прощай! Очень скоро ты придешь за мною...

П е т р о в. Что ты делаешь?!

Б а х т и н (*стреляет себе в висок, падает, вдали послышалась гармони...)...*"

Слова "гармоника" Иван Васильевич не дал Максудову дочитать, предложив, чтобы герой не застрелился, а закололся кинжалом, как средневековый рыцарь, хотя, как справедливо замечает Максудов: "...Дело происходит в гражданскую войну... Кинжалы уже не применялись..."

Здесь концентрированно воспроизведен не только предсмертный диалог Алексея Турбина с Николкой, но и диалог Хлудова с тенью Крапилина из "Бега", и вечный спор, который во сне ведет Понтий Пилат с Иешуа Га-Ноцри в "Мастере и Маргарите". То, что в "Черном снеге" Бахтин предсказывает скорую смерть своему собеседнику и продолжение в ином мире какого-то важного их диалога, не волнует Ивана Васильевича, ставшего пленником собственной системы и озабоченного лишь тем, как бы поэффектнее поставить сцену самоубийства.

Булгаков и М. М. Бахтин не были лично знакомы, но позднейшие бахтинские теории мениппеи как некоего универсального жанра и принципа "карнавализации действительности" прекрасно приложимы и к Т. р., и к "Мастеру и Маргарите". Если для Станиславского (и для Ивана Васильевича) театр - это храм и даже храм-мастерская, причем себя он видит в этом храме неким верховным божеством, то для Булгакова (и Максудова), театр - не только храм и мастерская, но и балаган. Трагикомическое внутри театральной кухни запечатлено в Т. р. Здесь демонстрируются интриги и борьба самолюбий, но вместе с тем - и чудо рождения нового спектакля.

В дневнике Е. С. Булгаковой в записи от 11 апреля 1935 г. сохранился колоритный рассказ О. С. Бокшанской об одном комическом случае с участием В. И. Немировича-Данченко и К. С. Станиславского: "Из Олиных рассказов:

У К. С. и Немировича созрела мысль исключить филиал из Художественного театра, помещение взять под один из двух их оперных театров, а часть труппы уволить и изгнать в окраинный театр, причем Вл. Ив. сказал:

- У Симонова монастыря воздух даже лучше... Правда, им нужен автомобильный транспорт... Но старики никак не могут встретиться вместе, чтобы обсудить этот проект.

К. С. позвонил Оле:

- Пусть Владимир Иванович позвонит ко мне.

Оля - Вл. Ив-чу. Тот:

- Я не хочу говорить с ним по телефону, он меня замучает. Я лучше к нему заеду... тринадцатого, хотя бы.

Оля - К. С.'у.:

- Я не могу принять его тринадцатого, раз что у меня тринадцатое - выходной день. Мне доктор не позволяет даже по телефону говорить.

Вл. Ив. - Оле: - Я могу придти шестнадцатого.

Оля - К. С.'у.

К. С.- Жена моя, Маруся, больна, она должна разгуливать по комнатам, я не могу ее выгнать.

Вл. Ив. - Оле: - Я приеду только на пятнадцать минут.

К. С. - Оле: - Ну, хорошо, я выгоню Марусю, пусть приезжает.

Вл. Ив. - Оле: - Я к нему не поеду, я его не хочу видеть. Я ему письмо напишу.

Потом через два часа Вл. Ив. звонит:

- Я письма не буду писать, а то он скажет, что я жулик и ни одному слову верить все равно не будет. Просто позвоните к нему и скажите, что я шестнадцатого занят.

Объясняется это последнее тем, что старики (Леонидов, Качалов и Москвин) страшно возмутились и заявили протест против такого отношения к актерам. И Вл. Ив. сдал все свои позиции".

В Т. р. два директора Независимого театра Иван Васильевич и Аристарх Платонович (последний, как и В. И. Немирович-Данченко, чаще всего пребывает за границей), "поссорились в тысяча восемьсот восемьдесят пятом году и с тех пор не встречаются, не говорят друг с другом даже по телефону". Булгаков не простил обоим руководителям МХАТа отказа бороться за "Кабалу святош" после зубодробильной статьи в "Правде" в марте 1936 г., не забыл и многолетних мытарств с репетициями пьесы. Поэтому Т. р. содержит довольно злые шаржи на Станиславского и Немировича-Данченко, равно как и на многих других сотрудников Художественного театра.

В записи В. Я. Лакшина сохранился рассказ Е. С. Булгаковой о предполагавшемся окончании Т. р.: "Роман должен был двигаться дальше примерно по такой канве: драматург Максудов, видя, что его отношения с одним из директоров Независимого Театра - Иваном Васильевичем - зашли в тупик, как манны небесной ожидает возвращения из поездки в Индию второго директора - Аристарха Платоновича. Тот вскоре приезжает, и Максудов знакомится с ним в театре на его лекции о заграничной поездке (эту лекцию Булгаков уже держал в голове и изображал оратора и слушателей в лицах - необычайно смешно)... К огорчению, драматург убеждается, что приезд Аристарха Платоновича ничего не изменит в судьбе его пьесы - а он столько надежд возлагал на его заступничество! В последней незаконченной главе Максудов знакомится с молодой женщиной из производственного цеха, художницей Авророй Госье. У нее низкий грудной голос, она нравится ему. Бомбардов уговаривает его жениться (поэтому глава, на которой прервалась работа над романом, называется "Удачная женитьба"). Но вскоре она умирает от чахотки. Между тем спектакль по пьесе Максудова, претерпевший на репетициях множество превращений и перемен, близится к премьере... Булгаков хотел изобразить взвинченную, нервозную обстановку первого представления, стычки в зале и за кулисами врагов и почитателей дебютанта. И вот премьера позади. Пренебрежительные, оскорбительные отзывы театральной прессы глубоко ранят Максудова. На него накатывает острый приступ меланхолии, нежелания жить. Он едет в город своей юности (тут Булгаков руки потирал в предвкушении удовольствия - так хотелось ему еще раз написать о Киеве). Простившись с городом, герой бросается головой вниз с Цепного моста, оставляя письмо, которым начат роман..."

Цепного моста в Киеве в момент создания Т. р. давно уже не было. Еще в фельетоне "Киев-город" (1923) Булгаков отмечал, что в 1920 г. при отступлении из города поляки "вздумали щегольнуть своими подрывными средствами и разбили три моста через Днепр, причем Цепной - вдребезги".

Поэтому судьба героя Т. р. столь же двойственна, как и Мастера в "Мастере и Маргарите". Те читатели и слушатели, которые хорошо знали Киев, должны были подумать, что Максудов не мог броситься в воду с не существующего в природе моста и, следовательно, сообщение о его самоубийстве в обрамляющем рассказе автора не более достоверно, чем утверждение, что "самоубийца никакого отношения ни к драматургии, ни к театрам никогда в жизни не имел..."

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

"Дон Кихот"

"Дон Кихот" - инсценировка одноименного романа (1605-1615) великого испанского писателя Мигеля де Сервантеса (1547-1616). При жизни Булгакова не ставилась и не публиковалась. Впервые: Булгаков М. Пьесы. М.: Искусство, 1962.

Инсценировка Д. К. была предложена Булгакову режиссером Вахтанговского театра В. В. Кузой в июне 1937 г. Драматург указывал на трудности театрального воплощения великого романа. Договор на Д. К. был заключен им только 3 декабря 1937 г. Булгаков обязался передать пьесу в театр не позднее 3 декабря 1938 г. Первые наброски к Д. К. он сделал 8 декабря 1937 г. 9 сентября 1938 г. Булгаков сдал текст Д. К. в Вахтанговский театр (интенсивная работа над ним шла с начала июля). 14 сентября 1938 г. Д. К. поступил в Главрепертком, 5 ноября 1938 г. распространился слух, что Д. К. разрешен цензурой. 9 ноября Театр им. Евг. Вахтангова подтвердил наличие такого разрешения, и на следующий день драматург уже читал пьесу труппе.

Но в действительности к тому времени Д. К. еще не был разрешен. В ожидании ответа от цензуры, которое затянулось на четыре месяца, Булгаков создал новую редакцию пьесы, 27 декабря 1938 г. переданную в Главрепертком. 5 января 1939 г., как зафиксировано в дневнике третьей жены драматурга Е. С. Булгаковой, он заявил работникам Главрепертkoма, что те умышленно затягивают разрешение Д. К., и он будет жаловаться в ЦК. 17 января пьеса была, наконец, разрешена. Причина промедления заключалась не в содержании пьесы, а в имени написавшего ее драматурга, для цензуры одиозном.

Вахтанговцам Булгаков читал пьесу еще 10 ноября 1938 г. По договору с театром Д. К. должен был быть поставлен до 1 января 1940 г. Но Булгаков не верил в скорую постановку пьесы. 11 марта 1939 г. он писал своему соавтору по пьесе "Александр Пушкин" Викентию Вересаеву (Смидовичу) (1867-1945): "Одним из последних моих опытов явился "Дон Кихот" по Сервантесу, написанный по заказу вахтанговцев. Сейчас он лежит у них, и будет лежать, пока не сгинет, несмотря на то, что встречен ими шумно и снабжен разрешающей печатью Репертkома. В своем плане они поставили его в столь дальний угол, что совершенно ясно - он у них не пойдет. Он, конечно, и нигде не пойдет. Меня это нисколько не печалит, так как я уже привык смотреть на всякую свою работу с одной стороны - как велики будут неприятности, которые она мне доставит? И если не предвидится крупных, и за то уже благодарен от души". В мрачных прогнозах насчет судьбы Д. К. Булгаков ошибся, но увидеть свою пьесу на сцене ему так и не довелось. В связи с окончанием в апреле 1939 г. гражданской войны в Испании постановка Д. К. потеряла актуальность.

В начале апреля 1939 г. начались репетиции Д. К., но вскоре были прекращены. Театр им. Евг. Вахтангова готовил "революционную" пьесу Алексея Николаевича Толстого (1882/83-1945) "Путь к победе", где режиссер Д. К. И. М. Рапопорт играл В. И. Ленина, а исполнитель роли Дон Кихота Рубен Николаевич Симонов (1899-1968) - И. В. Сталина. 24 февраля 1940 г., уже будучи смертельно больным, Булгаков направил письмо в театр с указанием на нарушение оговоренных сроков постановки Д. К. Ему была выплачена неустойка и заключено новое соглашение, где сроком постановки называлось 1 апреля 1941 г.

Но впервые Д. К. был поставлен не вахтанговцами, а Театром им. А. Н. Островского в Кинешме (режиссер А. Ларионов) 27 апреля 1940 г., через полтора месяца после смерти драматурга, скончавшегося 10 марта 1940 г. Русский театр драмы в Петрозаводске поставил Д. К. в конце января 1941 г. (режиссер Н. Берсенев). 15 марта 1941 г. премьеру Д. К. в постановке В. Кожича показал Ленинградский Театр им. А. С. Пушкина. Вахтанговский спектакль появился только 8 апреля 1941 г.

Булгаков очень любил роман Сервантеса и даже выучил испанский язык, чтобы читать его в подлиннике. 25 июля 1938 г. он написал Е. С. Булгаковой письмо по-испански: "Пишу тебе по-испански, для того, во-первых, чтобы ты убедилась насколько усердно я занимаюсь изучением царя испанских писателей, и, во-вторых, для проверки - не слишком ли ты позабыла в Лебедяни чудесный язык, на котором писал и говорил Михаил Сервантес". Драматург неслучайно превратил в письме Мигеля в Михаила, подчеркивая свое духовное родство с испанским писателем, которого тоже не баловала судьба.

Работа над Д. К. шла параллельно с созданием романа "Мастер и Маргарита", и многие образы Сервантеса отразились в последнем булгаковском произведении. В образе Иешуа Га-Ноцри есть черты Дон Кихота. Иешуа, проповедующий, что все люди - добрые, рассказывает, как ему удалось убедить Левия Матвея в своей правоте: "Первоначально он отнесся ко мне неприязненно и даже оскорблял меня, то есть думал, что оскорбляет, называя меня собакой... я лично не вижу ничего дурного в этом звере, чтобы обижаться на это слово... однако, послушав меня, он стал смягчаться... наконец бросил деньги на дорогу и сказал, что пойдет со мною путешествовать ..." Га-Ноцри также считает добрым, но несчастным человеком ударившего его центуриона Марка Крысобоя, утверждая: "Если бы с ним поговорить... я уверен, что он резко изменился бы". Тут в преображенном виде воспроизведен эпизод, когда Дон Кихот, оскорбленный в замке герцога священником, назвавшим странствующего рыцаря "пустой головой", кротко отвечает: "Я не должен видеть, да и не вижу ничего обидного в словах этого доброго человека. Единственно, о чем я жалею, это что он не побыл с нами, - я бы ему доказал, что он ошибается".

С романом Сервантеса связан и образ Коровьева-Фагота в "Мастере и Маргарите". В финале Воланд говорит о своем первом помощнике, превратившемся в темно-фиолетового рыцаря "с мрачнейшим и никогда не улыбающимся лицом": "Рыцарь этот когда-то неудачно пошутил... его каламбур, который он сочинил, разговаривая о свете и тьме, был не совсем хорош. И рыцарю пришлось после этого пошутить немного больше и дольше, нежели он предполагал. Но сегодня такая ночь, когда сводятся счеты. Рыцарь свой счет оплатил и закрыл!" В Д. К. бакалавр Сансон Караско, чтобы заставить Дон Кихота вернуться домой, принимает затеянную "рыцарем Печального образа" игру. Бакалавр выдает себя за "рыцаря Белой Луны", побеждает Дон Кихота и принуждает его вернуться к родне. Но после возвращения Дон Кихот, будучи не в силах перенести крушение своей фантазии, умирает. Шутка Сансона становится причиной гибели "рыцаря Печального образа". После ранения Дон Кихота герцог говорит в пьесе, что "шутка зашла слишком далеко". Сансон становится невольным палачом.

Героя Сервантеса зовут Самсон, но Булгаков транскрибирует его имя как Сансон, делая его совпадающим с фамилией известного палача эпохи Великой Французской революции Г. Сансона (приписываемые ему "Записки палача" были популярны в России). Сансон Караско, став "рыцарем Белой Луны", как бы связал себя с ночью и с ночным светилом, традиционно ассоциирующимся с потусторонними силами. Дон Кихот неразрывно соединен с дневным светом, с солнцем, и неслучайно его смерть происходит вместе с солнечным заходом. "Рыцарь Печального образа" олицетворяет светлое начало, хотя окружающие считают, что его ум помрачен. Рассудочный "рыцарь Белой Луны", сам того не сознавая, творит черное дело, погубив Дон Кихота.

В своем Д. К. Булгаков следовал духу и букве романа Сервантеса, не допуская модернизации, хотя ему рекомендовали сделать такую модернизацию очень высокопоставленные лица. Председатель Комитета по делам искусств П. М. Керженцев (Лебедев) (1881-1940), как отмечено в дневнике Е. С. Булгаковой 14 декабря 1937 г., драматургу "о "Дон Кихоте" сказал, что надо сделать так, чтобы чувствовалась современная Испания. О, черт!.." Но к концу 1938 г. стало ясно, что поддерживаемое Советским Союзом республиканское правительство потерпит поражение, и какие-либо аналогии с современной Испанией в Д. К. уже не требовались. Ослабление комедийных и усиление трагических моментов, проведенное Булгаковым в последней редакции Д. К. в конце 1938 - начале 1939 г., также пришлось кстати в свете исхода гражданской войны в Испании, закончившийся победой сторонников генерала Франсиско Франко (1892-1975).

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций
Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы
Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи
Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта
Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

"Грядущие перспективы"

"Грядущие перспективы" - фельетон. Опубликован: Грозный, 1919, 13/26 ноября.

Это - первая публикация Булгакова. Историю создания Г. п. писатель изложил в автобиографии 1924 г.: "Как-то ночью в 1919 году, глухой осенью, едучи в расхлябанном поезде, при свете свечечки, вставленной в бутылку из-под керосина, написал первый маленький рассказ. В городе, в который затащил меня поезд, отнес рассказ в редакцию газеты. Там его напечатали".

Поскольку Г. п. отличались резко антисоветским содержанием, газетную вырезку с фрагментом фельетона Булгаков наклеил в свой альбом лицевой стороной вниз, как она и сохранилась в архиве писателя.

В Г. п. Булгаков подчеркивал, что "наша несчастная родина находится на самом дне ямы позора и бедствия, в которую ее загнала "великая социальная революция", что "настоящее перед нашими глазами. Оно таково, что глаза эти хочется закрыть. Не видеть!" В пример России автор ставит Запад, находясь под впечатлением только что просмотренного английского иллюстрированного журнала: "На Западе кончилась великая война великих народов. Теперь они зализывают свои раны.
Конечно, они поправятся, очень скоро поправятся!
И всем, у кого, наконец, прояснился ум, всем, кто не верит жалкому бреду, что наша злостная болезнь перекинется на Запад и поразит его, станет ясен тот мощный подъем титанической работы мира, который возносит западные страны на невиданную еще высоту мирного могущества".

Перспективы будущего своей страны Булгаков видит здесь весьма мрачно: "Мы опоздаем...
Мы так сильно опоздаем, что никто из современных пророков, пожалуй, не скажет, когда же, наконец, мы догоним их и догоним ли вообще? (Здесь преломилось традиционное для русской интеллигенции стремление "догнать Запад". Оно было свойственно и для коммунистических вождей - В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого, И. В. Сталина, Н. С. Хрущева (1894-1971) и др. Сталин в 1931 г. провозгласил: "Задержать темпы - это значит отстать. А отставших бьют". Хрущев в 50-е годы выдвинул лозунг: "Догнать и перегнать Америку", - перекочевавший затем в анекдоты).
Ибо мы наказаны.
Нам немыслимо сейчас созидать.
Перед нами тяжкая задача - завоевать, отнять свою собственную землю".

В Г. п. утверждается: "Безумство двух последних лет толкнуло нас на страшный путь, и нам нет остановки, нет передышки. Мы начали пить чашу наказания и выпьем ее до конца".

Не исключено, что с этим связана в романе "Мастер и Маргарита" на Великом балу у сатаны, чаша Воланда, в которую превратилась отрезанная голова председателя МАССОЛИТа Михаила Александровича Берлиоза. Из нее Маргарита пьет кровь предателя Барона Майгеля. Данная сцена может символизировать чашу наказания, которую пьет Россия, попавшая под власть большевиков. Характерно, что в чаше - кровь сотрудника НКВД, а сама чаша - это голова руководителя послушной идеологизированной литературы.

Автор Г. п. провозглашает: "Расплата началась...
Нужно будет платить за прошлое неимоверным трудом, суровой бедностью жизни. Платить и в переносном, и в буквальном смысле слова.
Платить за безумство мартовских дней, за безумство дней октябрьских, за самостийных изменников, за развращение рабочих, за Брест, за безумное пользование станком для печатания денег... за все!
И мы выплатим.
И только тогда, когда будет уже очень поздно, мы вновь начнем кой-что созидать, чтобы стать полноправными, чтобы нас впустили опять в версальские залы (речь идет о Версальской мирной конференции 1919 г.).
Кто увидит эти светлые дни?
Мы?
О нет! Наши дети, быть может, а быть может, и внуки, ибо размах истории широк и десятилетия она так же легко "читает", как и отдельные годы.
И мы, представители неудачливого поколения, умирая еще в чине жалких банкротов, вынуждены будем сказать нашим детям:
- Платите, платите честно и вечно помните социальную революцию!"

Г. п. - единственное произведение, где Булгаков смог открыто высказать свои взгляды на дальнейшую судьбу России и на большевизм. Фельетон поднимает "вечные" проблемы русской истории и современности.

Булгаковский текст обладает удивительным свойством. Если бы дата создания и публикации Г. п. и авторство Булгакова не были известны, фельетон можно было бы датировать и концом 1917 г., и 1919 г., и 30-ми годами (если допустить его публикацию в русской эмигрантской печати), и концом 80-х, и 1991 или 1996 г., а его автором назвать многих известных публицистов - от С. Н. Булгакова до В. В. Кожинова.

Булгаков в Г. п. заявляет себя решительным западником и в западных демократиях видит для России образец развития. Однако содержание и тон написанного не оставляют сомнения, что автор Г. п. уже не верил в победу белого движения и осознал, что коммунистическая власть в стране установилась надолго, на несколько последующих поколений.

Правда, Булгаков чересчур оптимистически надеялся, что счастливая жизнь, может быть, наступит у внуков того поколения, которое он в "Киев-городе" (1923) назвал позднее "беспечальным" и чьи надежды на тихую и светлую жизнь были разрушены в 1917 г. Писатель разделял со всей русской интеллигенцией (а может, и со всем человечеством?) веру в светлое будущее, которое неизбежно должно породить мрачное настоящее.

Причины бедственного состояния России и незавидного в тот момент состояния белых Вооруженных сил Юга России во главе с генералом А. И. Деникиным (1872-1947) названы автором Г. п. иногда абсолютно верно, а иногда - совершенно ошибочно. Активное использование денежного станка после февраля 1917 г., породившее страшную инфляцию, равно как и полный паралич Временного правительства, способствовали победе большевиков.

Булгаков был сторонником "единой и неделимой России", но именно отсутствие какой-либо национальной политики, равно как и неспособность удовлетворительно разрешить аграрный вопрос, уже в момент публикации Г. п., в ноябре 1919 г., поставило белые армии на Юге России перед катастрофой. Упорное нежелание А. И. Деникина на деле уважать широкую автономию Дона и Кубани привело к резкому падению боеспособности донских и кубанских частей, росту в них дезертирства. Отказ же от признания руководителями белого движения независимости Польши и Украины привел к тому, что осенью 1919 г. польская армия на время прекратила боевые действия против красных, а украинские войска завязали бои с деникинскими частями. Тыл ВСЮР сотрясали массовые крестьянские повстанческие движения.

Булгаков в этом убедился, когда добирался из Киева на Северный Кавказ через Екатеринославскую губернию, где действовали отряды Н. И. Махно (1889-1934). Ему самому пришлось сражаться против чеченских горцев (как раз после похода на Чечен-аул, запечатленного в "Необыкновенных приключениях доктора" (1922), были созданы Г. п.).

Осведомлен был Булгаков и о борьбе с белыми отрядов "зеленых" на Кубани. Все это позволило Красной Армии собраться с силами и нанести войскам Деникина решающее поражение. В конце октября - начале ноября 1919 г. части Добровольческой армии и казачьи корпуса генералов А. Г. Шкуро (Шкуры) (1887-1947) и К. К. Мамонтова (Мамантова) (1869-1920) были разгромлены в генеральном сражении в районе Воронеж - Орел - Курск. Катастрофа стала совершенно очевидной здесь уже к 9 ноября. Войска Деникина начали стремительный бег к морю, завершившийся в марте 1920 г. провальной новороссийской эвакуацией.

Поэтому та часть Г. п., которая выражала казенный оптимизм, выглядела в конце ноября 1919 г. просто издевательством над читателями: "Герои-добровольцы рвут из рук Троцкого пядь за пядью русскую землю.
И все, все - и они, бестрепетно совершающие свой долг, и те, кто жмется сейчас по тыловым городам юга, в горьком заблуждении полагающие, что дело спасения страны обойдется без них, все ждут страстно освобождения страны.
И ее освободят.
Ибо нет страны, которая не имела бы героев, и преступно думать, что родина умерла...
Мы будем завоевывать собственные столицы.
И мы завоюем их.
Англичане, помня, как мы покрывали поля кровавой росой, били Германию, отталкивая ее от Парижа, дадут нам в долг еще шинелей и ботинок, чтобы мы могли скорее добраться до Москвы.
И мы доберемся.
Негодяи и безумцы будут изгнаны, рассеяны, уничтожены.
И война кончится".

В это время "герои-добровольцы" вместе с донцами и кубанцами со все нарастающей скоростью катились на юг. Подобный пассаж Г. п. был явной уступкой цензуре, военной и редакторской.

В романе Юрия Слезкина (1885-1947) "Девушка с гор" (1925) главный герой, бывший врач, а потом журналист Алексей Васильевич, прототипом которого послужил Булгаков, вспоминает редактора деникинской газеты, облаченного в английский френч и утверждавшего: "Мы должны пробуждать мужество в тяжелую минуту, говорить о доблести, о напряжении сил". Эта редакторская установка по духу вполне совпадает с "оптимистической" частью Г. п.

Но Булгаков неслучайно упомянул англичан, давая тем самым понять неискренность собственных бодрых утешений. Ведь Англия, в отличие от Франции, уже фактически прекратила помощь белому движению, и надеяться на британскую подмогу было бесполезно. То, что будущая борьба не сулит успеха, косвенно признавалось и в следующем месте Г. п.: "Но придется много драться, много пролить крови, потому что пока за зловещей фигурой Троцкого еще топчутся с оружием в руках одураченные им безумцы, жизни не будет, и будет смертная борьба". Булгаков давал понять, что с "безумцами" справиться не удастся.

Оптимизм некоторых, явно вымученных строк булгаковского фельетона читателей не обманул. Единственный известный пока отклик на Г. п. - статья П. Голодолинского "На развалинах социальной революции", опубликованная в той же газете "Грозный" 15/28 ноября 1919 г., явно принадлежит ревнителю поддержания "боевого духа" любой ценой. Он обвиняет Булгакова в пораженческих настроениях и, верно почувствовав, что автор Г. п. стремится предупредить своих читателей о неизбежном торжестве большевиков в России на длительный срок, возражает ему: "...Никогда большевизму не суждено укрепиться в России, потому что это было бы равносильно гибели культуры и возвращению к временам первобытной эпохи. Наше преимущество в том, что ужасная болезнь - большевизм посетил нашу страну первой. Конец придет скоро и неожиданно. Гнев народа обрушится на тех, кто толкнул его на международную бойню. Не завоевыванием Москвы и не рядом выигрышных сражений возьмет верх добровольческая армия, а лишь перевесом нравственных качеств".

Булгаков явно полагал, что одного перевеса нравственных качеств для победы недостаточно, да и не верил в наличие такого перевеса у добровольцев. Позднее, в "Красной короне" (1922) и "Беге" (1928), автор Г. п. покажет деградацию белого движения, выродившегося в "фонарную деятельность" генералов в тылу. Разложение же белого тыла автор Г. п. еще более пессимистично запечатлел в следующем фельетоне "В кафэ" (1920).

Впоследствии разочарование в союзниках, на которых в Г. п. как будто еще возлагаются надежды, сказалось в "Белой гвардии" (можно вспомнить краткую и выразительную надпись Николки Турбина: "Союзники - сволочи!") и, косвенно в "Беге", где филиппики в адрес стран Антанты произносят Хлудов и Белый Главнокомандующий.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"В кафэ"

"В кафэ" - фельетон. Опубликован: "Кавказская газета", Владикавказ, 1920, 5/18 янв.

В этом фельетоне усугублены мрачные прогнозы будущего России, данные еще в более ранних "Грядущих перспективах" (1919).

В автобиографии 1924 г. Булгаков сообщал, что "в начале 1920 года я бросил звание с отличием (имеется в виду диплом с отличием, полученный им по окончании медицинского факультета Киевского университета) и писал", а в автобиографии 1937 г. отнес это событие даже к 1919 г.

Судя по тексту В к., к моменту создания фельетона автор уже оставил работу военного врача (она запечатлена в рассказе "Необыкновенные приключения доктора") и стал профессиональным журналистом. Скорее всего, он был причислен к тем сотрудникам Освага (Осведомительного агентства - отдела печати белого правительства Юга России), которые получали от него жалованье и обязаны были писать в местные газеты.

Увольнение Булгакова от должности военного врача произошло на рубеже 1919-1920 гг. (1919 г. - по старому стилю (юлианскому календарю), принятому у белых, 1920 г. - по новому стилю (григорианскому календарю), восстанавливавшемуся на территориях, занимаемых красными).

Автор в фельетоне имеет врачебное свидетельство, освобождающее его от военной службы по болезни. Скорее всего, уволили Булгакова от должности военного врача вследствие контузии, полученной Булгаковым в ноябре 1919 г. во время похода за Шали-аул (об этой контузии он упоминает в своем дневнике "Под пятой" в записи от 23 декабря 1924 г.).

Приход в журналистику был осознанным решением автора В к. В дневниковой записи 6 ноября 1923 г. Булгаков подтвердил это: "... В литературе вся моя жизнь. Ни к какой медицине я никогда больше не вернусь... Ничем иным я быть не могу, я могу быть одним - писателем".

Вечер в кафе, описанный в фельетоне, происходит уже после взятия 8 января 1920 г. войсками Красной Армии Ростова-на-Дону, "второй столицы", наряду с Екатеринодаром, Вооруженных Сил Юга России, возглавлявшихся генералом А. И. Деникиным (1872-1947). Весть об этом дошла до отстоящего сравнительно далеко от линии фронта Владикавказа и вызвала здесь панику.

В фельетоне нет намека даже на казенный, подцензурный оптимизм. Тыловая публика, столь разоблачающе запечатленная в романе "Белая гвардия", здесь показана впервые и без всякой пощады. Писатель, как позднее в финале фельетона "Похождения Чичикова", мысленно обращается к "господину в лакированных ботинках", цветущему, румяному человеку явно призывного возраста с предложением "проехать на казенный счет на фронт, где вы можете принять участие в отражении ненавистных всем большевиков". Однако Булгаков прекрасно сознает, что не в воображении, а в жизни - такого господина и прочую кофейную публику на фронт не загонишь кнутом и не заманишь пряником.

Автор признается: "Я не менее, а может быть, даже больше вас люблю спокойную мирную жизнь, кинематографы, мягкие диваны и кофе по-варшавски!
Но, увы, я не могу ничем этим пользоваться всласть!
И вам и мне ничего не остается, как принять участие так или иначе в войне, иначе нахлынет на нас красная туча, и вы сами понимаете, что будет...
Так говорил бы я, но увы, господина в лакированных ботинках я не убедил бы.
Он начал бы бормотать или наконец понял бы, что он не хочет... не может... не желает идти воевать...
- Ну-с, тогда ничего не поделаешь, - вздохнув, сказал бы я, - раз я не могу вас убедить, вам просто придется покориться обстоятельствам!
И, обратившись к окружающим меня быстрым исполнителям моих распоряжений (в моей мечте я, конечно, представил и их как необходимый элемент), я сказал бы, указывая на совершенно убитого господина:
- Проводите господина к воинскому начальнику!
Покончив с господином в лакированных ботинках, я обратился бы к следующему...
Но, ах, оказалось бы, что я так увлекся разговором, что чуткие штатские, услышав только начало его, бесшумно, один за другим, покинули кафе.
Все до одного, все решительно!
. . . . . .
Трио на эстраде после антракта начало "Танго". Я вышел из задумчивости. Фантазия кончилась. Дверь в кафе все хлопала и хлопала.
Народу прибывало. Господин в лакированных ботинках постучал ложечкой и потребовал еще пирожных...
Я заплатил двадцать семь рублей и, пробравшись между занятыми столиками, вышел на улицу".

Автор В к. продемонстрировал бессилие деникинской власти, не способной направить на фронт окопавшихся в тылу, как позже в пьесе "Бег" он показал бессилие власти крымского правительства генерала барона П. Н. Врангеля (1878-1928).

Булгаков - убежденный сторонник правового порядка в обществе, когда всякий нарушивший его несет быструю ответственность за это. Такого порядка не оказывается и при новой коммунистической власти. Поэтому в "Похождениях Чичикова" автор-демиург покарать мошенников может только в фантастическом сне, в неприглядной же реальности они, как и тыловые приспособленцы В к., торжествуют и благоденствуют.

В романе "Девушка с гор" (1925) не слишком симпатизировавший Булгакову Юрий Слезкин (1885-1947) писал, что восходивший к автору В к. герой "не пел гимнов добровольцам". Этими же словами можно охарактеризовать булгаковскую позицию в фельетоне. Однако честный взгляд на события уже не мог принести пользу Добровольческой армии, окончательно проигравшей войну.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Московские сцены"

"Московские сцены" - фельетон, имеющий подзаголовок "На передовых позициях".

Опубликован: Накануне, Берлин - М., 1923, 6 мая. Под названием "Четыре портрета" и с разночтениями вошел в сборник: Булгаков М. Трактат о жилище. М.-Л.: Земля и Фабрика, 1926.

В М. с. описана квартира московских знакомых Булгакова - бывшего помощника присяжного поверенного Владимира Евгеньевича Коморского и его жены Зинаиды Васильевны по адресу: М. Козихинский пер., 12, кв.12. 3. В. Коморская как Зина упоминается также в фельетоне "Москва 20-х годов".

В М. с. отразилось неприязненное отношение к тем, кто преуспевал при нэпе. В повести "Записки на манжетах" посещение Коморских представлено в еще более сатирических красках: "В четверг я великолепно обедал. В два часа пошел к своим знакомым. Горничная в белом фартуке открыла дверь.
Странное ощущение. Как будто бы десять лет назад. В три часа слышу, горничная начинает накрывать в столовой. Сидим, разговариваем (я побрился утром). Ругают большевиков и рассказывают, как они измучились. Я вижу, что они ждут, чтобы я ушел. Я же не ухожу.
Наконец хозяйка говорит:
- А может быть, вы пообедаете с нами? Или нет?
- Благодарю вас. С удовольствием.
Ели: суп с макаронами и с белым хлебом, на второе - котлеты с огурцами, потом рисовую кашу с вареньем и чай с вареньем.
Каюсь в скверном. Когда я уходил, мне представилась картина обыска у них. Приходят. Все роют. Находят золотые монеты в кальсонах в комоде. В кладовке мука и ветчина. Забирают хозяина... Гадость так думать, а я думал.
Кто сидит на чердаке над фельетоном голодный, не следуй примеру чистоплюя Кнута Гамсуна (намек на роман датского писателя "Голод"(1890). Иди к этим, что живут в семи комнатах, и обедай".

В М. с. действие начинается тоже с обеда, который, однако, становится поводом для демонстрации титанических усилий хозяина шестикомнатной квартиры по защите от уплотнения. Этой цели служат и портреты вождей на стенах: Карла Маркса (1818-1883), Л. Д. Троцкого, А. В. Луначарского (1875-1933) и Карла Либкнехта (1871-1919), хотя основоположника марксизма хозяин квартиры ненавидит всей душой.

Достаточно случайный набор изображений (для логической завершенности требовались бы еще, по крайней мере, Фридрих Энгельс и В. И. Ленин, а в их отсутствие соседство Луначарского с Марксом выглядело немного странно, если не сказать большего) подчеркивает специфические цели организации этой галереи марксистских святых.

Булгаков, как и герой М. с., "едва ли не первый почувствовал, что происходящее - шутка серьезная и долгая". Однако подобное приспособленчество ему претило. Автора М. с. коробит, когда бывший присяжный поверенный называет Троцкого "наш вождь", и эту свою реакцию он передает портрету: "лишь хозяин впился четырьмя кнопками в фотографию, мне показалось, что председатель реввоенсовета нахмурился. Так хмурым он и остался"; "тут мне показалось, что судорога прошла по лицу фотографического Троцкого и губы его расклеились, как будто он что-то хотел сказать".

В финале обложение обитателей квартиры налогом как нетрудовых элементов выглядит как Божья кара за лицемерие, от которой никакой Карл Маркс не спасет: " - Что ж это такое? - горестно завопил хозяин, - ведь это ни отдыху, ни сроку не дают. Не в дверь, так по телефону! (намек на поговорку о черте, которого гонят в дверь, а он возвращается в окно). От реквизиций отбрились, теперь налог. Доколе это будет продолжаться? Что они еще придумают?!
Он взвел глаза на Карла Маркса, но тот сидел неподвижно и безмолвно. Выражение лица у него было такое, как будто он хотел сказать:
- Это меня не касается!"

Булгаков ухаживал за З. В. Коморской, и возможно, это стало причиной нелестного изображения того из героев М. с., которому ее муж послужил прототипом. По воспоминаниям первой жены писателя Т. Н. Лаппа, как-то Булгаков "позвонил Зине, назначил ей свидание на Патриаршем, потом приходят вместе, он говорит: "Вот, шел, случайно Зину встретил..." Это мне Коморский рассказал". Она же утверждала, что автор М. с. не только обедал у Коморских, но и частично экспроприировал в свою пользу их библиотеку: "Михаил, между прочим, таскал книги. У Коморского спер несколько. Я говорю: - Зачем зажилил?
- Я договорился.
- Я спрошу.
- Только попробуй!"

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Москва 20-х годов"

"Москва 20-х годов" - фельетон.

Опубликован: Накануне, Берлин - М., 1924, 27 мая; 12 июня (это последний фельетон Булгакова в "Накануне"). Вошел в сборник: Булгаков М. Трактат о жилище. М.-Л.: Земля и фабрика, 1926, (Библиотека сатиры и юмора) (в сборнике М. 20-х г. напечатана под названием "Трактат о жилище" и с сокращениями).

В фельетоне, в частности, описана квартира на Патриарших прудах (М. Бронная, 32, кв. 24), где жил знакомый писателя Иван Павлович Крешков, а также находившаяся неподалеку (М. Козихинский пер., 12, кв.12) квартира упоминаемой в фельетоне Зины - булгаковской знакомой Зинаиды Васильевны Коморской. Именно в этом районе Москвы позднее развернется действие московских сцен романа "Мастер и Маргарита".

Главная тема М. 20-х г. - жилищный кризис. Его Булгакову довелось испытать на себе, когда вначале пришлось долго добиваться вселения в одну из комнат квартиры №50 в доме №10 по Б. Садовой (Нехорошая квартира), а потом жить в ней с малоприятными соседями. И в дальнейшем, даже после въезда в трехкомнатную кооперативную квартиру в писательском доме (Нащокинский пер, 3-5, кв. 44) в 1934 г., Булгаков не был удовлетворен своими жилищными условиями, и обещание МХАТа предоставить новую квартиру было важным стимулом для начала его работы над пьесой "Батум" в 1938 г.

В М. 20-х г. обнаруживаются важные параллели с более значительными булгаковскими произведениями. Так, образ соседа пьяницы и дебошира Василия Ивановича: "Клянусь всем, что у меня есть святого, каждый раз, как я сажусь писать о Москве, проклятый образ Василия Ивановича стоит передо мною в углу. Кошмар в пиджаке и полосатых подштанниках заслонил мне солнце! Я упираюсь лбом в каменную стену, и Василий Иванович надо мной как крышка гроба", узнается в "Белой гвардии", когда Алексею Турбину во сне является "маленького роста кошмар в брюках в крупную клетку".

Позднее в "Мастере и Маргарите" в образе черта Коровьева-Фагота соединились детали обоих кошмаров - из "Белой гвардии" и М. 20-х г. Коровьев оказывается в Нехорошей квартире, прообразом которой была квартира на Б. Садовой (там жили Булгаков и Василий Иванович), но одет в клетчатое, что роднит его с восходящему к "Бесам" (1871-1872) Федора Достоевского (1821-1881) кошмаром Алексея Турбина.

В М. 20-х г. содержится и генезис "ершалаимских сцен" "Мастера и Маргариты": "В лето от рождества Христова... (в соседней комнате слышен комсомольский голос: "Не было его!!"). Ну, было или не было...". История Иешуа и Пилата, рассказанная Воландом Михаилу Александровичу Берлиозу и Ивану Бездомному, опровергает поддерживаемую Советской властью в 20-е и 30-е годы "мифологическую" теорию происхождения Христианства, отрицавшую историческое существование Иисуса Христа.

В булгаковском дневнике "Под пятой" атеистическая кампания 20-х годов, в которой большую роль играли комсомольцы, была резко осуждена. Например, в записи 5 января 1925 г. автор М. 20-х г. возмущался: "Когда я бегло проглядел у себя дома вечером номера "Безбожника", был потрясен. Соль не в кощунстве, хотя оно, конечно, безмерно, если говорить о внешней стороне. Соль в идее: ее можно доказать документально - Иисуса Христа изображают в виде негодяя и мошенника, именно его. Этому преступлению нет цены".

Естественно, в подцензурном фельетоне Булгаков не мог столь резко осудить государственный атеизм, поэтому в М. 20-х г. вопрос об историчности Христа как бы остается открытым: "было или не было". Однако из контекста ясно, что автор в реальном существовании Иисуса не сомневается.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций
Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы
Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи
Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта
Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

"Мёртвые души", инсценировка

"Мертвые души" - инсценировка одноименной поэмы (1842-1852) Николая Васильевича Гоголя (1809-1852).

Премьера во МХАТе состоялась 28 ноября 1932 г. При жизни Булгакова не публиковалась. Впервые: Булгаков М. Пьесы. М.: Советский писатель, 1986 г.

Работу над М. д. Булгаков начал вскоре после своего прихода во МХАТ режиссером-ассистентом 10 мая 1930 г. Первые наброски инсценировки были сделаны 17 мая 1930 г. Согласно булгаковскому замыслу, действие должно было начинаться в Риме.

В письме своему другу философу и литературоведу П. С. Попову 7 мая 1932 г. драматург утверждал: "Мертвые души" инсценировать нельзя. Примите это за аксиому от человека, который хорошо знает произведение. Мне сообщили, что существуют 160 инсценировок. Быть может, это и неточно, но во всяком случае играть "Мертвые души" нельзя...

А как же я-то взялся за это?

Я не брался, Павел Сергеевич. Я ни за что не берусь уже давно, так как не распоряжаюсь ни одним моим шагом, а Судьба берет меня за горло. Как только меня назначили в МХАТ, я был введен в качестве режиссера-ассистента в "М. д." (старший режиссер Сахновский (Василий Григорьевич Сахновский (1986-1946), режиссер МХАТа), Телешева (Е. С. Телешева (1892-1943), актриса и режиссер МХАТа) и я). Одного взгляда моего в тетрадку с инсценировкой, написанной приглашенным инсценировщиком (Д. П. Смолиным), достаточно было, чтобы у меня позеленело в глазах. Я понял, что на пороге еще Театра попал в беду - назначили в несуществующую пьесу. Хорош дебют? Долго тут рассказывать нечего. После долгих мучений выяснилось то, что мне давно известно, а многим, к сожалению, неизвестно: для того, чтобы что-то играть, надо это что-то написать. Коротко говоря, писать пришлось мне.

Первый мой план: действие происходит в Риме (не делайте больших глаз!). Раз он видит ее из "прекрасного далека" - и мы так увидим!

Рим мой был уничтожен, лишь только я доложил expose (конспект замысла). И Рима моего мне безумно жаль!..

Без Рима, так без Рима.

Именно, Павел Сергеевич, резать! И только резать! И я разнес всю поэму по камням. Буквально в клочья. Картина I (или пролог) происходит в трактире в Петербурге или в Москве, где секретарь Опекунского совета дал случайно Чичикову уголовную мысль покойников купить и заложить (загляните в гл. XI). Поехал Чичиков покупать. И совсем не в том порядке, как в поэме. В картине X-й, называемой в репетиционных листках "Камеральной", происходит допрос Селифана, Петрушки, Коробочки и Ноздрева, рассказ про капитана Копейкина и приезжает живой капитан Копейкин, от чего прокурор умирает. Чичикова арестовывают, сажают в тюрьму и выпускают (полицмейстер и жандармский полковник), ограбив дочиста. Он уезжает. "Покатим, Павел Иванович!"

Вот-с, какие дела.

Что было с Немировичем (Владимир Иванович Немирович-Данченко (1858-1943), вместе с Константином Сергеевичем Станиславским (1863-1938) - один из основателей и главных режиссеров МХАТа), когда он прочитал! Как видите, это не 161-я инсценировка и вообще не инсценировка, а совсем другое. (Всего, конечно, не упишешь в письме, но, например, Ноздрев всюду появляется в сопровождении Мижуева, который ходит за ним как тень. Текст сплошь и рядом передан в другие уста, совсем не в те, что в поэме, и так далее.)

Владимир Иванович был в ужасе и ярости. Был великий бой, но все-таки пьеса в этом виде пошла в работу. И работа продолжается около 2-х лет!

Ну и что же, этот план сумели выполнить? Не беспокойтесь, Павел Сергеевич, не сумели. Почему же? Потому что, к ужасу моему Станиславский всю зиму проворачивал, в Театре работать не мог (Немирович же за границей).

На сцене сейчас черт знает что. Одна надежда, что Ка-Эс поднимется в мае, глянет на сцену. Когда выйдут "Мертвые души". По-моему - никогда. Если же они выйдут в том виде, в каком они сейчас, будет большой провал на Большой Сцене.

В чем дело? Дело в том, что для того, чтобы гоголевские пленительные фантасмагории ставить, нужно режиссерские таланты в Театре иметь".

И Станиславский, и Немирович-Данченко мыслили инсценировку "Мертвых душ" вполне в академическом духе, поэтому римский пролог, предложенный Булгаковым, был сразу же отвергнут. Гораздо дольше удержалась фигура Первого, или Чтеца, за которым угадывалась фигура самого Гоголя. Первый вел спектакль, и в его уста Булгаков вложил эпические и лирические авторские отступления поэмы. Вначале этот образ нравился Станиславскому, но в итоге в этой иллюстративной постановке классического произведения, которой стали М. д., стал не нужен. На обсуждении премьерного спектакля Булгаков с сожалением говорил: "Надо эпическое течение громадной реки". Его в мхатовской постановке не было.

Прогноз Булгакова насчет судьбы М. д. не вполне оправдался. Его инсценировка увидела сцену через полгода после печального письма П. С. Попову. Л. Е. Белозерская, вторая жена Булгакова, в мемуарах следующим образом суммировала свои впечатления от спектакля: "Вскоре после премьеры как-то днем раздался телефонный звонок. К аппарату подошел М. А., сказал несколько слов, отложил трубку и обратился ко мне:

- С тобой хочет поговорить Константин Сергеевич.

Я замахала руками, затрясла отрицательно головой, но, ничего не поделаешь, пришлось подойти.

- Интересный ли получился спектакль? - спросил К. С.

Я ответила утвердительно, слегка покривив душой. Видно, необыкновенный старик почувствовал неладное. Он сказал:

- Да вы не стесняйтесь сказать правду. Нам бы очень не хотелось, чтобы спектакль напоминал школьные иллюстрации.

Я уж не сказала К. С., что именно школьные годы напомнил мне этот спектакль и Александринку в Петрограде, куда нас водили смотреть произведения классиков".

М. д. получили по преимуществу отрицательную оценку критики, но понравились зрителям. Спектакль сохранился в репертуаре МХАТа не только при жизни Булгакова, но и многие годы после его смерти. Из отзывов современников наиболее интересна критика М. д. писателем, поэтом и литературоведом, знатоком творчества Гоголя А. Белым. Еще на обсуждении постановки М. д. во Всероскомдраме 15 января 1933 г. он отмечал: " - Возмущение, презрение, печаль вызвала во мне постановка "Мертвых душ" в МХАТе... так не понять Гоголя! Так заковать его в золотые, академические ризы, так не суметь взглянуть на Россию его глазами! И это в столетний юбилей непревзойденного классика (здесь ошибка записавшего выступление А. Белого писателя Юрия Слезкина (1885-1947). В действительности речь шла о предстоящем в 1934 г. 125-летнем юбилее Гоголя). Давать натуралистически усадьбы николаевской эпохи, одну гостиную, другую, третью и не увидеть гоголевских просторов... гоголевской тройки, мчащей Чичикова-Наполеона к новым завоеваниям... Позор!"

В печатном же отклике на премьеру 20 января 1933 г. в газете "Советское искусство" Белый был не менее резок: "Театр прилепился к анекдотической фабуле сюжета, соблюдая в ней всю временную последовательность, но не заметил в ней самого главного - живой идеи произведения... мыслима ли, может ли быть постановка гоголевских "Мертвых душ" без чичиковской дорожной тройки, без ее жути, без чувства безысходной тоски, с которым Гоголь смотрел на бескрайние просторы современной ему России. Куда вообще девались все лирические отступления Гоголя?.. Почему нет капитана Копейкина - этой потрясающей по своей насыщенности социальной фигуры?.."

Отзыв Белого, автора вышедшей посмертно, в апреле 1934 г., великолепной книги "Мастерство Гоголя", обидел Булгакова: ведь критик не мог знать, что в первой редакции М. д. были и капитан Копейкин, и фантасмагорический Рим, и сам Гоголь в образе Первого, со всеми своими лирическими и эпическими монологами. Обидой, вероятно, были вызваны и несправедливые слова, сказанные Булгаковым по получении известия о смерти Белого. Третья жена драматурга Е. С. Булгакова приводит их в дневниковой записи 14 января 1934 г. (Белый скончался 8 января): "Всю жизнь, прости господи, писал дикую ломаную чепуху... В последнее время решил повернуться лицом к коммунизму, но повернулся крайне неудачно… Говорят, благословили его чрезвычайно печальным некрологом".

Но критику автора "Мастерства Гоголя" Булгаков, тем не менее, учел. В киносценарии "Мертвые души" в первой редакции он не только вернул Рим, Первого и капитана Копейкина, но и, не без подсказки Белого, ввел образ Чичикова-Наполеона. Театральная инсценировка М. д. вызвала заказ Булгакову киносценария еще одного гоголевского произведения - "Ревизора" (1934).

Как отмечает Е. С. Булгакова в дневниковой записи 13 апреля 1939 г., политредактор Главреперткома Евстратов предлагал Булгакову пересмотреть М. д. "в связи с изменением отношения к Гоголю - с 30-го года и вставить туда что-то" (речь шла о приглушении сатирической направленности гоголевской поэмы в связи с начавшейся определенной идеализацией дореволюционного прошлого). От имени мужа Е. С. Булгакова заявила цензору, что "ни пересматривать, ни вписывать М. А. не будет. Что это его не интересует".

Как отмечал со слов писателя П. С. Попов в первой булгаковской биографии, написанной в 1940 г. для так и не вышедшего сборника пьес, "девяти лет Булгаков зачитывался Гоголем, писателем, которого он неизменно ставил себе за образец и наряду с Салтыковым-Щедриным любил наибольше из всех классиков русской литературы. Мальчиком Михаил Афанасьевич особенно увлекался "Мертвыми душами", которые "расценивались им как авантюрный роман".

Впоследствии Булгаков постиг философский смысл гоголевской поэмы, и Чичиков, герой еще его раннего фельетона "Похождения Чичикова" в первой редакции М. д. и особенно в киносценарии "Мертвые души" вырос до демонического персонажа, нависающего над Россией. В нем материализуются страхи чиновников и помещиков "Николаевской Руси" перед народным бунтом.

Булгаков во многом сверял свою судьбу с биографией Гоголя, поступив с черновиком будущего романа "Мастер и Маргарита" так же, как Гоголь в свое время поступил с рукописью второго тома "Мертвых душ", и заставил потом своего Мастера, сознательно наделенного многими гоголевскими чертами, сжечь роман о Понтии Пилате. Как свидетельствовал П. С. Попов, в последние недели своей жизни Булгаков, "уже лишенный зрения, бесстрашно просил ему читать о последних жутких днях и часах Гоголя".

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Мёртвые души", киносценарий

"Мертвые души" - киносценарий по одноименной поэме (1842-1852) Николая Васильевича Гоголя (1809-1852). При жизни Булгакова не экранизировался и не публиковался.

Режиссерский сценарий Ивана Александровича Пырьева (1901-1968) (в соавторстве с Булгаковым) опубликован: Москва, 1978, № 1. Булгаковский сценарий М. д. опубликован: Киносценарии: Литературно-художественный альманах, М., 1987, № 4.

Киносценарий непосредственно связан с созданием Булгаковым инсценировки "Мертвых душ" во МХАТе. Премьера этой инсценировки была осуществлена 28 ноября 1932 г. Постановщиком был К. С. Станиславский (Алексеев) (1863-1938), выпускающим режиссером - В. Г. Сахновский (1886-1946). Мхатовская постановка "Мертвых душ" имела успех у публики и привлекла к себе внимание кинематографистов.

31 марта 1934 г. Булгаков заключил договор с московским "Союзфильмом", проявившим интерес к экранизации "Мертвых душ". Драматург обязался сдать текст сценария не позднее 20 августа 1934 г. 11 мая 1934 г. он познакомил режиссера будущего фильма И. А. Пырьева и заместителя директора "Союзфильма" Илью Вениаминовича Вайсфельда (1909 г. рождения) с экспозицией М. д.

Над текстом М. д. Булгаков работал почти все лето 1934 г. и завершил его 12 августа, в тот же день сдав на кинофабрику. Первая редакция М. д., наиболее полно отражающая авторский замысел, называлась: "Похождения Чичикова, или Мертвые души". О реакции кинематографистов на этот сценарий Булгаков рассказал в письме своему другу литературоведу и философу П. С. Попову 10 июля 1934 г.: "Люся (Е. С. Булгакова, третья жена писателя) утверждает, что сценарий вышел замечательный. Я им (И. В. Вайсфельду и И. А. Пырьеву) показал его в черновом виде, и хорошо сделал, что не перебелил. Все, что больше всего мне нравилось, то есть сцена суворовских солдат посреди Ноздревской сцены, отдельная большая баллада о капитане Копейкине, панихида в имении Собакевича и, самое главное, Рим с силуэтом на балконе, - все это подверглось полному разгрому! Удастся сохранить только Копейкина, и то сузив его. Но - Боже! - до чего мне жаль Рима!
Я выслушал все, что мне сказал Вайсфельд и его режиссер, и тотчас сказал, что переделаю, как они желают, так что они даже изумились".

В первой редакции М. д. Булгаков хотел осуществить идеи, которые ранее пытался воплотить в театральной инсценировке "Мертвых душ" при поддержке В. Г. Сахновского. Сахновский еще 7 июля 1930 г. на совещании во МХАТе утверждал: "Мертвые души" являются по замыслу самого Гоголя значительнейшей поэмой, для того, чтобы сохранить на сцене эпическую эту значительность Гоголя (помимо его комедийного и сатирического начал), следует ввести в спектакль роль Чтеца или "от автора", который, не выпадая из спектакля, а по возможности связываясь с его сквозным действием, дал бы нам возможность дополнить комедию и сохранить на сцене МХАТа всю эпичность Гоголя".

Но постепенно под давлением Станиславского, мыслившего инсценировку Гоголя в более классическом духе, из мхатовской постановки ушла и предложенная Булгаковым сцена в Риме, откуда, "из прекрасного далека", Гоголь взирал на Россию, ушла история капитана Копейкина, ушел и Чтец, или Первый, ведущий спектакль. То, что не удалось во МХАТе, Булгаков попытался восстановить на "Союзфильме". И, что поразительно, с теми же самыми результатами.

Еще в экспозиции сценария драматург подчеркивал, что "для того, чтобы представить поэму Гоголя на экране, ее надлежит подвергнуть значительной ревизии в том плане, чтобы события, совершающиеся в ней, были видимы с точки зрения современного человека". Эпизод с суворовскими солдатами, штурмующими крепость, когда Ноздрев загоняет Чичикова на козлы, баллада о капитане Копейкине, чья шайка постепенно вырастает в грозную армию, и другие сцены, исключенные И. А. Пырьевым и И. В. Вайсфельдом, как раз и передавали эпический строй "Мертвых душ". Режиссер же скорее воспринимал гоголевскую поэму как материал для сатирической комедии. Римский эпилог, по замыслу Булгакова, позволявший воспринимать все происшедшее до того на экране как живую мысль писателя-творца, для замысла И. А. Пырьева был излишен.

Баллады о капитане Копейкине и Чичикове-Наполеоне передают громадный всепоглощающий страх "мертвых душ" - чиновников перед угнетаемым и ограбленным ими русским народом, перед грозным призраком крестьянского бунта, который нередко в гоголевские времена становился осязаемой реальностью. Еще в раннем фельетоне "Похождения Чичикова" (1922), где гоголевские персонажи были перенесены в послереволюционную Россию, упоминание банд капитана Копейкина вызывало у читателей ассоциацию с антисоветским крестьянским восстанием в Саратовской губернии во главе с действительно существовавшим капитаном Копейкиным.

В 1934 г., когда создавались М. д., еще свежи в памяти были ужасы коллективизации, порожденный ею голод и стихийные крестьянские бунты. Поэтому данные эпизоды режиссер мог исключить также и по цензурным соображениям. В сценарии И. А. Пырьева Копейкин превратился в простую жертву царской бюрократии, а не в вождя народного бунта.

Интересно, что у Булгакова капитан Копейкин наделен наглой физиономией и сочувствия по замыслу автора вызывать не должен. Внешностью он даже уподоблен Емельяну Пугачеву (1740 или 1742 - 1775): "Возникает капитан Копейкин с заросшей окладистой бородой. На груди - звезда, посредине - икона на цепи. Показывает фигу". Пугачев и другие вожди крестьянских восстаний в советской историографии были канонизированы как герои сугубо положительные. Их единственным недостатком считалось незнакомство с марксистской теорией и отсутствие пролетариата в тогдашней России, что и мешало восставшим одержать победу. В свое время капитан Копейкин оказался неприемлем для царской цензуры. Теперь он стал неприемлем для советских кинематографистов: наглый, развязный, пьянствующий и жестокий крестьянский вожак полностью противоречил сложившемуся стереотипу.

Чичиков-Наполеон в качестве крестьянского вожака был еще менее приемлем в советское время: оба они считались героями отрицательными, к тому же Наполеон приезжал из-за границы, что могло вызвать неприятные ассоциации с прибытием В. И. Ленина и других большевистских вождей в Россию в апреле 1917 г. Да и картина суворовских солдат рядом с гоняющимся за Чичиковым Ноздревым выглядела достаточно комично и без должного почтения к Александру Васильевичу Суворову (1729 или 1730 - 1800) (в 1934 г. царского полководца, которого в первые послереволюционные годы ругали, уже превратили в прогрессивного исторического деятеля): "Картина на стене в столовой вдруг оживает. Столовая исчезает. Суворов со шпажонкой в руке, растопырив ноги, машет наступающим солдатам.
Ущелье в Альпах. Суворовские солдаты бегут с ружьями наперевес на приступ.
Ружейный грохот из ущелья.
Вырвавшись вперед, летит со шпагой взбалмошный поручик.
П о р у ч и к. Ребята! Вперед!
С у в о р о в. Держите его, сукина сына!
Поручик падает навзничь, убитый...
Столовая Ноздрева.
Суворов по-прежнему в пороховом дыму на картине.
Шесть собак прыгают, стараясь вскочить на козлы.
Порфирий и Павлушка лезут на приступ".

Не может положительный мифологический герой держать в руках шпажонку, а не шпагу, да еще растопырив ноги и ругаясь "сукиным сыном", как самый обыкновенный живой человек. Пырьев с Вайсфельдом сразу это почувствовали и сцену забраковали. Да и уподоблять суворовских "чудо-богатырей" ноздревским слугам тоже было некстати.

В этой сцене Булгаков наверняка использовал собственный боевой опыт конца 1919 г.: штурм Чечен-аула, запечатленный в "Необыкновенных приключениях доктора", другие столкновения в Чечне, во время которых автор М. д. получил контузию. Как знать, не о Кавказских ли горах думал Булгаков, не о Ханкальском ли ущелье, заставляя Суворова и его солдат штурмовать ущелье в Альпах.

Уже по цитированному выше письму П. С. Попову видно, что навстречу требованиям режиссера и заместителя директора киностудии автор пошел не по внутреннему с ними согласию, а от осознания полной своей зависимости от заказчиков. В дальнейшем к работе над М. д. Булгаков охладел. От редакции к редакции текст, где название "Мертвые души" вышло на первое место, ухудшался и ухудшался под натиском режиссерских требований, причем соавтором Булгакова уже выступал И. А. Пырьев.

К марту 1935 г. был написан режиссерский сценарий, который приняли к постановке. Работу над фильмом предполагалось начать немедленно. Но И. А. Пырьев переключился на съемки фильма "Партийный билет" (первоначальный сценарий назывался "Анна") на актуальную тему разоблачения вредителей и шпионов. Позднее, в 1965 г., он вновь вернулся к замыслу экранизации "Мертвых душ". Эпопея с экранизацией М. д. закончилась тем, что вместо гоголевской поэмы И. А. Пырьев перенес на экран "Братьев Карамазовых" (1879-1880) Федора Достоевского (1821-1881).

Режиссер мыслил экранизацию Гоголя во многом как иллюстрацию, Булгаков же разделял точку зрения литературоведа и писателя Юрия Николаевича Тынянова (1894-1943), написавшего сценарий по гоголевской "Шинели" (1842), о том, что "самый конкретный - до иллюзий - писатель. Гоголь, менее всего поддается переводу на живопись" (статья "Иллюстрации" (1923) и что "даже "инсценировка" в кино "классиков" не должна быть иллюстрационной - литературные приемы и стили могут быть только возбудителями, ферментами для приемов и стилей кино. ...Кино может давать аналогию литературного стиля в своем плане" (статья "О сценарии" (1926). Потому-то автор сценария М. д. часто "дописывал" за Гоголя, дабы точнее передать гоголевский дух. Однако все эти "отступления" от текста браковались И. А. Пырьевым. В первой редакции М. д. Булгаков во многом предвосхитил развитие современного монтажного кино, а гротескные образы вставных эпизодов заставляют вспомнить работы Луиса Бунюэля (1900-1983) и других режиссеров, заложивших в 20-е и начале 30-х годов на Западе основы сюрреализма в кино.

В М. д. в качестве источников обнаруживается не только поэма Гоголя, но и другие, гораздо менее известные произведения. Например, сцена подготовки города к приезду генерал-губернатора у Булгакова взята не из Гоголя, а из описания приезда императора Николая I (1796-1855) в Елисаветград в 1851 г., опубликованного в 1898 г. в 96-м томе петербургского журнала "Русская старина" (эта книжка журнала сохранилась в архиве Булгакова с его пометками). В М. д. читаем:
"Дорога. Мост. Крестьяне под руководством старосты на скорую руку чинят мост.
Дорога. Крестьяне метлами метут дорогу.
Дорога. Показываются громадные облака пыли. Первой летит тройка капитан-исправника. Затем экипаж, в нем генерал-губернаторские чиновники.
Затем - экипаж шестериком, в нем князь Однозоровский.
Сзади - четыре жандарма верхами.
Потом экипаж, в нем камердинер.
Город. Генерал-губернаторский дом. Бабы, подоткнув подолы, моют окна.
Перед домом полицейские солдаты метут мостовую. Полицеймейстер распоряжается".

В мемуарах старого солдата, помещенных в "Русской старине", картина подготовки местных елисаветградских властей к приезду императора выглядит точно так же: "Стали поправлять дороги, по которым государь должен был проехать, красить придорожные столбы под цвет киверов квартирующих полков, приводить в надлежащий порядок скирды с хлебом, маскируя вымолоченную солому снопами с зернами, поправлять крыши на амбарах, чисто разметать улицы, белить поселенские домики, выстроенные по ранжиру... В самом городе Елисаветграде происходила великая суета. Целый отряд инвалидных солдат и арестантов под командованием самого городничего, квартальных и хожалых, подметал улицы".

Описание Булгаковым генерал-губернаторского кортежа во многом повторяет картину въезда Николая I в Елисаветград: "Вскоре обозначилась открытая коляска, в которой сидел император Николай I и граф Адлерберг; на козлах, рядом с кучером, виднелась крупная фигура царского камердинера; четверка поджарых, степных лошадей, караковой масти мчалась в карьер..." Генерал-губернатор в М. д. оказывается как бы воплощением российского императора, а губернский город, который посетил Чичиков, вырастает до масштабов всей России.

Булгаков был знаком и с нашумевшей книгой маркиза Астольфа де Кюстина (1790-1857) "Россия в 1839 году" (1843), значительная часть которой вышла под названием "Николаевская Россия" в переводе на русский язык в 1930 г. (термин "Николаевская Россия" употреблен еще в экспозиции М. д., где в финале "Чичиков отправляется в странствие по николаевской России"). Кюстин без симпатии описывал российскую таможню: "Русские князья, подобно мне, простому путешественнику, должны были подвергнуться всем формальностям таможенного досмотра, и это равенство положений мне сначала понравилось. Но, прибыв в Петербург, я увидел, что они были свободны через три минуты, тогда как я три часа должен был бороться против всевозможных придирок таможенных церберов. На минуту почудившееся мне отсутствие привилегий на почве, взращенной деспотизмом, также мгновенно исчезло, и это сознание повергло меня в уныние.

Обилие ничтожных, совершенно излишних мер предосторожности при таможенном досмотре делает необходимым наличие бесконечного множества всякого рода чиновников. Каждый из них выполняет свою работу с такой педантичностью, ригоризмом и надменностью, которые имеют одну лишь цель - придать известную важность даже самому маленькому чиновнику. Он не позволяет себе проронить лишнее слово, но ясно чувствуется, что он полон сознания своего величия. "Уважение ко мне! Я часть великой государственной машины". А между тем эти частицы государственного механизма, слепо выполняющие чужую волю, подобны всего лишь часовым колесикам - в России же они называются людьми. Меня положительно охватывала дрожь, когда я смотрел на эти автоматы: столько противоестественного в человеке, превращенном в бездушную машину... Эти одушевленные машины были, однако, исключительно, до приторности, вежливы. Видно было, что они с колыбели приучались к учтивости, как воин с детства приучается к ношению оружия. Но какую цену могут иметь эти проявления изысканной вежливости, когда они выполняются лишь по приказу, из рабского страха пред своим начальством!.. Казалось, что они поглощены выполнением какого-то серьезного секретного поручения, хотя занимаемые ими должности отнюдь не соответствовали их напускной важности. Одни из них, с пером в руке, выслушивали ответы пассажиров или, вернее, обвиняемых, так как, очевидно, всякий иностранец, прибывший на русскую границу, трактуется заранее как преступник".

Особенно поразила Кюстина фигура главного российского таможенника: "Наконец-то узнали мы причину нашей столь длительной задержки: на пароходе появился начальник над начальниками, главный из главных, директор над директорами русской таможни... Важный чиновник прибыл не в форменном мундире, а во фраке, как светский человек, роль которого сначала он и принялся разыгрывать. Он всячески старается быть приятным и любезным с русскими дамами. Он напомнил княгине N об их встрече в одном аристократическом доме, в котором та никогда не бывала; он говорил ей о придворных балах, на которых она его никогда не видела. Короче, он разыгрывал с ними, и особенно со мной, глупейшую комедию, ибо я никак не мог понять, как это возможно выдавать себя за нечто более важное в стране, где вся жизнь строго регламентирована, где чин каждого начертан на его головном уборе или эполетах. Но человек, очевидно, остается одним и тем же повсюду. Наш салонный кавалер, не покидая манер светского человека, вскоре принялся, однако, за дело. Он элегантно отложил в сторону какой-то шелковый зонтик, затем чемодан, несессер и возобновил с неизменным хладнокровием исследование наших вещей, только что так тщательно проделанное его подчиненными. Этот, казалось, главный тюремщик империи производил обыск всего судна с исключительной тщательностью и вниманием. Обыск длился бесконечно долго, и светский разговор, которым неизменно сопровождал свою отвратительную работу насквозь пропитанный мускусом таможенный цербер, еще усугублял производимое им гнусное впечатление".

Сцены в М. д., связанные с работой Чичикова на таможне, вполне можно поставить в контекст книги маркиза де Кюстина:

"У ЧИЧИКОВА БЫЛО ПРОСТО СОБАЧЬЕ ЧУТЬЕ.

Чичиков с таможенными служителями обыскивает экипаж: отстегивает кожаные карманы, проходит пальцами по швам...

Проезжающий волнуется, пожимает плечами.

Внутри таможни. Взволнованная дама. Чичиков. Служитель.

Ч и ч и к о в. Не угодно ли вам будет, сударыня, пожаловать в другую комнату? Там супруга одного из наших чиновников объяснится с вами.

Отдельная комната в таможне. Стоит рыдающая взволнованная дама в одном белье, а супруга таможенного чиновника вытаскивает из корсажа у нее шелковые платки.

Помещение таможни. Стоит совершенно убитый проезжающий. Чичиков за столом. Перед Чичиковым груда отобранных вещей. Чичиков пишет акт.

Дорога. Экипаж. В экипаже проезжающий и проезжающая. Проезжающая плачет...

П р о е з ж а ю щ и й. Черт, а не человек..."

Возможно, именно под влиянием Кюстина после аферы с баранами, проведенной Чичиковым и его начальником, статским советником, пропустившими таким образом через границу на миллион брабантских кружев, Булгаков дал в М. д. сцены, когда кружева примеряет богатая петербургская дама, а потом весь высший свет красуется на придворном балу в контрабандных кружевах. Рационально мыслящий французский маркиз сравнивал любезного, но бездушного чиновника с машиной. Чичикова, с отменной вежливостью потрошащего проезжающих, Булгаков вслед за Гоголем сравнивает не с машиной, а с чертом, что подчеркивает инфернальность главного героя М. д.

Десятилетия спустя кинематографисты признали правоту Булгакова в трактовке М. д. Соратник И. А. Пырьева по принуждению драматурга к внесению в сценарий чуждых его замыслу изменений И. В. Вайсфельд в 1988 г. в своих воспоминаниях покаялся, но в основном за покойного Пырьева: "Работа над сценарием шла трудно. Михаил Афанасьевич Булгаков видел дальше и знал о Гоголе больше, чем кинематографические производственники. Правда, официальный консультант-литературовед, привлеченный киностудией, М. Б. Храпченко во время встреч и в письменном заключении по сценарию поддерживал общее для нас желание найти кинематографическую форму для изображения на экране подлинно гоголевских образов. Но пресс вульгаризаторских оценок литературы и кино сжимал замыслы экранизаторов, и очертания будущего фильма постепенно менялись, как меняется отражение человека, находящегося в комнате смеха. Чичикова усердно гримировали под героев Островского. Ему надлежало стать выразителем интересов "торгового капитала". Все, что помогало прямолинейному иллюстрированию этого нехитрого литературоведческого открытия, всячески поощрялось, а все действительно гоголевское, сложное, причудливое, необычайное, потрясающее встречало недоверие.
Отсутствие ординарности у Гоголя и его кинематографического интерпретатора - Булгакова - вызывало у вульгаризаторов крайнее огорчение. Режиссерский сценарий в каких-то своих элементах смещался под уклон от Гоголя к его противоположности. И именно в этот момент работы пришло известие о том, что Ивану Пырьеву надлежит ставить современный сценарий, а не "древнюю" экранизацию.
Известие было невеселым - пропадали труды месяцев. Но кто знает, что выиграл бы кинематограф, зритель и сам Иван Пырьев, если бы на экране вместо булгаковского прочтения "Мертвых душ" появилось компромиссное произведение".

Еще в самом начале работы над М. д. при обсуждении экспозиции между Булгаковым и Пырьевым произошел следующий замечательный диалог, зафиксированный Е. С. Булгаковой 11 мая 1934 г.: "Вчера вечером - Пырьев и Вайсфельд по поводу "Мертвых душ". М. А. написал экспозицию.
Пырьев:
- Вы бы, М. А., поехали на завод, посмотрели... (Дался им этот завод!) М.А.:
- Шумно очень на заводе, а я устал, болен. Вы меня отправьте лучше в Ниццу".

Еще выразительнее этот же диалог в воспоминаниях И. В. Вайсфельда: "Режиссер И. Пырьев, горячо заинтересованный в быстром и успешном завершении работы, по-видимому, начитался газетных заголовков о призыве ударников в литературу. Когда возник вопрос о том, куда Михаилу Афанасьевичу Булгакову лучше поехать, чтобы ничто не мешало ему писать сценарий, он изрек следующее:
- Я думаю, Михаил Афанасьевич, что вам лучше всего было бы поехать писать сценарий "Мертвые души" куда-нибудь на завод.
Установилась неловкая пауза. Забавный бес замелькал в глазах Михаила Афанасьевича, и он мягко сказал:
- Отчего же на завод? Лучше бы в Ниццу".

Беда была в том, что Булгакову и в ходе работы над М. д., и в других случаях чаще всего приходилось иметь дело с подобными "начитавшимися". Среди них были и люди далеко не бесталанные, как тот же Пырьев, но идеологические клише проникали и в их мышление. В этом тоже была причина неудачи с экранизацией М. д. и постановкой подавляющего большинства булгаковских пьес.

Слова же о Ницце, которые собеседники восприняли как простую шутку, на самом деле имели для Булгакова глубокий смысл. Незадолго до начала работы над М. д., 30 апреля 1934 г. драматург с женой подал прошение о двухмесячной поездке во Францию. 7 июня 1934 г. им было отказано, и последовавшая тяжелая депрессия даже на неделю-другую отдалила начало работы над текстом М. д. (см.: "Был май"). Приступая к экспозиции киносценария, Булгаков еще надеялся увидеть Ниццу, что и отразилось в разговоре с И. В. Вайсфельдом и И. А. Пырьевым. Зато впоследствии, еще не оправившись от пережитого потрясения, он покорно шел на исправления, диктуемые кинематографистами, нимало не пытаясь отстаивать свой вариант. Этот вариант даже былой оппонент спустя десятилетия признал самым лучшим сценарием для воплощения на экране гоголевской поэмы. Виллой же в Ницце Булгаков наградил Воланда в "Мастере и Маргарите".

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Ревизор"

"Ревизор" - киносценарий по одноименной пьесе (1836) Николая Васильевича Гоголя (1809-1852).

При жизни Булгакова не экранизировался и не публиковался. Режиссерский сценарий М. С. Каростина (в соавторстве с Булгаковым) впервые опубликован: Искусство кино, М., 1983, № 9. Булгаковский сценарий впервые опубликован: Киносценарии: Литературно-художественный альманах, М., 1988, №3.

Договор на Р. был заключен с киевским "Украинфильмом" 16 августа 1934 г., через четыре дня после сдачи на московский "Союзфильм" сценария "Мертвые души". Режиссером Р. первоначально предполагался известный актер и режиссер Алексей Денисович Дикий (1889-1955). Сразу же после заключения договора был составлен конспект сценария, одобренный дирекцией киностудии.

25 августа 1934 г., согласно дневниковой записи третьей жены драматурга Е. С. Булгаковой, началась работа над текстом Р. Первую редакцию драматург завершил 15 октября 1934 г. На следующий день в гости к Булгаковым пришли представители киевской киностудии (режиссер А. Д. Дикий был болен и придти не смог).

Этот визит подробно описала в своем дневнике жена драматурга: "Загорский (М. В. Загорский - помощник директора киевской кинофабрики), Катинов (В. Катинов - администратор "Украинфильма" по художественной части) и третий, неизвестный, отрекомендовавшийся: Абрам Львович... (фамилию не расслышали), - маленький военный с красными петлицами и с револьвером. М. А. читал черновик (первый) "Ревизора". За ужином критиковали. Загорский и Абрам Львович говорили, что действие надо вынести больше за пределы павильона и сократить словесную часть. Катинов произнес речь, наполненную цитатами, но абсолютно беспредметную. Угощала их, чертей, рябиновой водкой, икрой, яичницей, закусками".

Несомненно, подобная фарсовая критика "человека с револьвером" под водку и икру сильно раздражала автора Р. Кинематографисты пытались пойти наперекор камерности гоголевской пьесы, тогда как драматург стремился приспособить эту камерность для нужд кино.

Вторая редакция Р. была создана Булгаковым во второй половине октября 1934 г. и мало отличалась от первой. Однако 18 ноября 1934 г. во время посещения Булгаковыми А. Д. Дикого выяснилось, что он, как отметила в дневнике Е. С. Булгакова, "и не собирался ставить "Ревизора". Дикий говорил о том, что Гоголя очень трудно разрешить в кино, и никто не знает, как разрешить, в том числе и он. Все это прелестно, но зачем же он в таком случае подписывал договор?"

26 ноября у Булгакова появился режиссер "Украинфильма" Михаил Степанович Каростин, который собирался экранизировать "Ревизора". В тот же день драматург сообщил М. В. Загорскому о своем полном взаимопонимании с Каростиным и просил назначить его постановщиком Р. Сценарий уже утратил для автора первоначальную привлекательность.

10 декабря 1934 г. Е. С. Булгакова отметила в дневнике: "Были: Загорский, Каростин и Катинов. Загорский в разговоре о "Ревизоре" говорил, что хочет, чтобы это была сатира.

Разговоры все эти действуют на Мишу угнетающе: скучно, ненужно и ничего не дает, т. к. не художественно. С моей точки зрения, все эти разговоры - бессмыслица совершенная. Приходят к писателю умному, знатоку Гоголя - люди нехудожественные, без вкуса, и уверенным тоном излагают свои требования насчет художественного произведения, над которым писатель этот работает, утомляя его безмерно и наводя скуку.

Угостила их, чертей, вкусным ужином - икра, сосиски, печеный картофель, мандарины.

И - главное, Загорский все это бормотал сквозь дремоту".

Подобная "застольная" критика раздражала драматурга все больше. 28 декабря 1934 г. Е. С. Булгакова записала в дневнике: "Я чувствую, насколько вне Миши работа над "Ревизором", как он мучается с этим. Работа над чужими мыслями из-за денег... Перегружен мыслями, которые его мучают".

М. С. Каростин имел свой вариант сценария, который Булгаков стал дорабатывать. С течением времени роль режиссера в создании текста возрастала. 26 сентября 1935 г. по соглашению между драматургом и режиссером гонорар за Р. разделили так, что три четверти должен был получить Каростин.

Его сценарий очень сильно отличался как от булгаковского, так и от самой гоголевской пьесы. Сюжет имел авантюрный характер, а на первый план вышла фигура истинного ревизора, которому городничий в конце концов вручает громадную взятку и выходит сухим из воды.

Режиссер успел отснять лишь два эпизода: первый визит городничего к Хлестакову и финальную сцену (это немая гоголевская сцена, переходящая потом в лихорадочную деятельность по сбору с чиновников денег для последней решающей взятки). В конце февраля 1936 г. отснятые фрагменты были подвергнуты резкой критике в ходе дискуссии в Доме кино начальником Главного управления кинопромышленности Борисом Захаровичем Шумяцким (1886-1938) и известным режиссером Александром Петровичем Довженко (1894-1956), причем прозвучали грозные по тем временам обвинения в формализме. Работа над Р. более не возобновлялась. Булгаковский сценарий не поставлен до сих пор.

В первой редакции замысел автора Р. заключался в сохранении основной канвы пьесы и развитии гоголевских идей языком кино. В Р. по сравнению с оригиналом усилен гротеск, причем предполагалось перенести на экран мир подсознания героев, их сновидений, грез и страхов.

Тут и сон с крысами, пугающими городничего: "Комната превращается в тюрьму. Городничий в тюремном халате и в ручных кандалах стоит на койке, пятится. Две громадные крысы выходят из угла, медленно идут к нему. Городничий пытается сорвать кандалы. Срывает их, бросает в крыс. Крысы усмехаются. Городничий в ужасе бросается в дверь, оттуда на улицу, бежит в халате, за ним бегут две крысы. Городничий скрывается. Крысы бегут по улице, распухают и увеличиваются, постепенно превращаются в Бобчинского и Добчинского".

Тут и мечты Анны Андреевны о петербургском светском салоне, включенные в сцену сбора гостей у городничего: "Комната тотчас же преображается: зеркала разрастаются, становятся громадными, герань на окнах превращается в тропические растения.

Вдали зазвучала нежная музыка.

Анна Андреевна в бальном платье, с развернутым веером сидит в кресле.

В другом кресле сидит городничий в звездах и орденах, а за креслом Анны Андреевны стоит во фраке Хлестаков.

Анна Андреевна закрывается веером. Хлестаков целует ее в шею. Городничий вздрагивает.

Светские люди во фраках с поклонами идут к Анне Андреевне.

Городничий (внезапно делает зверское лицо и рявкает). Здорово, соколики!

Анна Андреевна роняет веер, в ужасе.

Комната превращается в прежнюю комнату. Городничий, Анна Андреевна и перед городничим - купцы".

Здесь - предельные варианты судьбы для людей облеченных властью в России, не только городничих, и не только в гоголевские времена. Многие из современных Булгакову властителей очень скоро, в 1937-1938 гг., познали тюрьму и смерть, и возможно уже тогда, в 1934 г., читавшие булгаковский Р. воспринимали сон городничего как пророческий. Тот же критик каростинской постановки, хваливший булгаковский сценарий, Б. З. Шумяцкий сгинул в ходе чистки. 25 января 1938 г. Е. С. Булгакова записала: "Говорят, что Шумяцкий арестован - вместе с женой".

Ряд персонажей Р. у Булгакова приземленное, чем у Гоголя. Городничий в первой редакции сценария глупее и бесцеремоннее, чем в пьесе, а жалкое положение Хлестакова усиливается некоторыми дополнительными сценами, вроде его воображаемого возвращения в деревню без штанов (это видение посещает героя в трактире, когда мнимый ревизор раздумывает, не продать ли штаны ради обеда). У Булгакова такой городничий действительно мог принять такого Хлестакова за ревизора.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Мольер"

Страницы: 1 2 3 4

Мольер - роман. При жизни Булгакова не публиковался. Впервые: Булгаков М. Жизнь господина де Мольера. М.: Молодая гвардия, 1962 г. (серия "ЖЗЛ").

Название "Жизнь господина де Мольера" было дано вдовой писателя Е. С. Булгаковой при подготовке романа к публикации в альманахе "Литературная Москва" в 1956 г. (издание не осуществилось). Во всех сохранившихся в булгаковском архиве авторских экземплярах машинописи роман назван "Мольер". Еще в октябре 1929 г. Булгаков занес в записную книжку названия интересовавших его авторов и произведений: "Казанова, Мольер, Записки Пиквикского клуба" (последнее - название романа (1837) великого английского реалиста Чарльза Диккенса (1812-1870), в инсценировке которого в МХАТе драматург в 1934-1935 гг. сыграл роль Судьи, и один из героев которого, мошенник Джингль, послужил прототипом Аметистова в пьесе "Зойкина квартира").

Здесь же Булгаков набросал список литературы о великом французском комедиографе Жане Батисте Мольере (Поклене) (1622-1673), использованной при работе как над пьесой "Кабала святош", так и над М.

Договор на М. для серии "Жизнь замечательных людей" "Жургаза" (Журнально-газетного издательства) был заключен 11 июля 1932 г. Первым названием беллетризованной биографии стало следующее: "Всадник де Мольер. Полное описание жизни Жана Баптиста Поклэна де Мольера с присовокуплением некоторых размышлений о драматургии".

Титул всадник (буквальный перевод с французского слова "кавалер") заставляет вспомнить другого персонажа, который в период начала работы над М. также владел творческим воображением писателя. Это - Понтий Пилат, всадник Золотое Копье, пятый прокуратор Иудеи. Если Мольер вынужден был порой льстить королю, пользуясь его покровительством и защитой от "князей церкви" и могущественных аристократов, то Пилат, опасаясь гнева кесаря, проявляет трусость, отправляя на казнь невинного Иешуа Га-Ноцри.

5 марта 1933г. Булгаков закончил работу над М. и 8 марта сдал рукопись в издательство. 9 апреля 1933 г. он получил развернутый отзыв редактора серии "ЖЗЛ" Александра Николаевича Тихонова (Сереброва) (1880-1956). Отзыв был резко отрицательным, хотя и признавал достоинства булгаковского таланта:

"Как и следовало ожидать, книга в литературном отношении оказалась блестящей, и читается с большим интересом. Но вместе с тем, по содержанию своему она вызывает у меня ряд серьезных сомнений. Первое и главное это то, что Вы между Мольером и читателем поставили некоего воображаемого рассказчика, от лица которого и ведется повествование. Прием этот сам по себе мог бы быть очень плодотворным, но беда в том, что тип рассказчика выбран Вами не вполне удачно. Этот странный человек не только не знает о существовании довольно известного у нас в Союзе, так называемого марксистского метода исследований исторических явлений, но ему даже чужд вообще какой-либо социологизм даже в буржуазном понятии этого термина. Поэтому нарисованная им фигура Мольера стоит вполне обособленно от тех социальных и исторических условий, среди которых он жил и работал.
Какова была классовая структура Франции эпохи Мольера? Представителем какого класса или группы был сам Мольер? Чьи интересы обслуживал его театр, и проч.? Все это необходимо знать, т. к. без этого будет многое непонятно в его личной судьбе, а в особенности в судьбе его театра.

Исторические события, на фоне которых развертывалась деятельность Мольера, освещены Вашим рассказчиком под углом зрения Иловайского (автора гимназических учебников русской и всеобщей истории Д. И. Иловайского (1832-1920). "Фронда" (движение аристократии, оппозиционное Людовику XIV (1638-1715) и его фавориту, фактическому правителю Франции кардиналу Джулио Мазарини (1602-1661) для него не более как внутренняя "междоусобица", война с Нидерландами и Испанией - личное дело Людовика XIV и пр.

В книге совершенно недостаточно выяснено значение мольеровского театра - его социальные корни, его буржуазная идеология, его предшественники и продолжатели, его борьба с ложноклассическими традициями аристократического канона (что это такое, наверняка не знали не только Мольер и Булгаков, но, думается, и сам А. Н. Тихонов).

Литературная генеалогия пьес Мольера - также неубедительна и ограничивается уголовными ссылками на заимствования и плагиаты (почему-то советская литературно-критическая традиция с самого начала очень не жаловала всякие упоминания о заимствованиях, не умея и не желая различить заимствование и плагиат. Самого Булгакова в печати обвиняли, что он чуть ли не украл из повести Алексея Николаевича Толстого (1882/83-1945) "Ибикус" (1924-1925) идею тараканьих бегов в пьесе "Бег" (правда, за эмигранта Аркадия Аверченко (1881-1925), у которого эти бега в рассказах тоже присутствуют, никто заступаться не спешил).

Советская идеология мифологизировала всех выдающихся людей прошлого и настоящего. Поэтому плоды творчества гениев следовало представлять как нечто абсолютно самобытное, оригинальное и неповторимое, чего, как известно, не может быть в природе человека. Эта традиция позднее, с конца 60-х годов, постепенно переносилась и на творчество канонизируемого Булгакова, в отношении которого стало дурным тоном говорить о заимствованиях, хотя концентрация литературных источников в булгаковских произведениях, особенно в "Мастере и Маргарите", едва ли не наивысшая в мировой литературе, что вовсе не мешает оригинальности автора М.).

Рассказчик неоднократно упоминает имена Корнеля, Расина, Шапеля и других современников Мольера. Но какие же сведения об них мы получаем? Корнель - был влюблен в Дю-Парк, Расин - был интриганом, Шапель - пьяницей. И это почти все! А что они делали и писали, какова их роль в литературе и театре - об этом нет почти ничего.

Остроумие - страшное преступление. Карается смертью.
Пилат был немцем
Обвинения Булгакова в "роялизме и вере в чертовщину".
Читайте продолжение>>>

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций
Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы
Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи
Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта
Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

"Мольер", часть 2

Страницы: 1 2 3 4

Помимо этого и других крупных недостатков, Ваш рассказчик страдает любовью к афоризмам и остроумию (страшное преступление с точки зрения редактора-марксиста). Некоторые из этих афоризмов звучат по меньшей мере странно. Например: "Актеры до страсти любят вообще всякую власть", "Лишь при сильной и денежной власти возможно процветание театрального искусства", "Все любят воров, потому что возле них всегда светло и весело", "Кто разберет, что происходит в душе у властителей людей" и прочее в этом роде.

Он постоянно вмешивается в повествование со своими замечаниями и оценками, почти всегда мало уместными и двусмысленными (о ящерицах, которым отрывают хвост, о посвящениях, которые писал Мольер высоким особам, о цензуре и пр.). За некоторыми из этих замечаний довольно прозрачно проступают намеки на нашу советскую действительность, особенно в тех случаях, когда это связано с Вашей личной биографией (об авторе, у которого снимают с театра пьесы, о социальном заказе и пр.).

(Похоже, А. Н. Тихонов всерьез опасался: читатели могут подумать что "актеры до страсти любят советскую власть", что советские партийные и государственные деятели, покровительствующие театру, много воруют, что души у советских властителей совсем не светлые, и т. д.).

Зато вполне недвусмысленны его высказывания, касающиеся короля Людовика XIV, свидетельствующие об том, что рассказчик склонен к роялизму (тут А. Н. Тихонов ошибся, не зная резких булгаковских отзывов в дневнике "Под пятой" о династии Романовых).

Людовик XIV для него - "серьезный человек на троне", "лицо бесстрастное и безупречное" (иронии враг остроумия А. Н. Тихонов тоже не воспринимает, или просто предпочитает не обращать на нее внимание, чтобы приблизить свой отзыв к столь популярному тогда жанру литературного доноса), он храбрый полководец и занят в "кругу своих выдающихся по уму министров". Он всегда галантен, вежлив и справедлив. Вместо ссылок на исторические материалы, Ваш рассказчик любит черпать свою информацию из каких-то сомнительных источников. Его рассказ то и дело пестрит выражениями: "как говорят", "поговаривают", "прошел слух", "злые языки болтают" и т. д. Все это придает его рассказу характер недостоверной сплетни даже в тех случаях, когда он излагает бесспорные факты.

И вообще, у этого человека большая любовь ко всякого рода сомнительным, альковным закулисным историям и пересудам. Вспомните только, с каким азартом и как подробно он излагает "пикантную" сплетню о сожительстве Мольера с дочерью. Ко всему прочему он обладает, по-видимому, большими оккультными способностями, иначе откуда бы он мог узнать, что чувствовал, видел и слышал Мольер в момент своей смерти или сколько раз снился Мольер Филиппу Орлеанскому (автор утверждает, что всего "один раз").

Да и вообще рассказчик верит в колдовство и чертовщину. Его Мольер "пылает дьявольской страстью". Рукописи Мольера "колдовским образом сгинули". Таким же "колдовским образом" рассказчик проникает в тайну женитьбы Мольера...

Если все это сопоставить, то получается отчетливый портрет бойкого, иногда блестящего благера-мещанина (от французского blagueur, т. е. хвастун, насмешник, враль), может быть, близкого эпохе Мольера, но никак не приемлемого в качестве лектора для нашего, советского слушателя.

А между тем, как я уже говорил, идея Ваша передать биографию Мольера устами выдуманного рассказчика - очень удачна. Если бы Вы вместо этого развязного молодого человека в старинном кафтане, то и дело зажигающего и тушащего свечи, дали серьезного советского историка (очевидно, в XVII век такого историка пришлось бы перемещать с помощью машины времени, вроде той, что была в булгаковских пьесах "Блаженство" и "Иван Васильевич", но тогда М., вероятно, превратился бы в фантастический роман; интересно, что работа над этими пьесами началась уже после отзыва А. Н. Тихонова и, как знать, не подсказал ли этот отзыв, наряду с другими источниками, переместить советских инженера-изобретателя, управдома и вора домушника в XVI и XXIII в.?), он бы мог много порассказать интересного о Мольере и его времени. Во-первых, - он рассказал бы о социальном и политическом окружении Мольера, о его роли литературного и театрального реформатора. Об истории театра до и после Мольера. Об театре - аристократическом, буржуазном и народном. Об их репертуаре и публике. Об существующих тогда теориях театрального искусства и борьбе этих теорий. Об устройстве театральной сцены, начиная от королевского театра до бродячих трупп. Об взаимоотношениях между антрепренерами и труппой и об целом ряде других интересных вещей, связанных с этой театральной эпохой.

Все это Вам, как специалисту по театру и знатоку Мольера, известно, конечно, лучше меня. Тогда почему же произошло такое досадное недоразумение с Вашей работой? По-видимому, Вы либо не поняли задач нашей серии - хотя и лично, и письменно мы Вас об них осведомляли, либо, создав для себя тип воображаемого рассказчика, вполне пригодного для первой части книги. Вы невольно, как художник, стали его развивать и в конце концов сами попали в его руки (отметим оригинальное решение А. Н. Тихоновым сложной теоретической проблемы, в каком соотношении находятся писатель, создавший текст, и введенная им в произведение фигура рассказчика: согласно редактору "ЖЗЛ" выходит, что рассказчик свободно может захватывать писателя в плен).

Так или иначе, но из всего сказанного выше нетрудно сделать неизбежный вывод - книга в теперешнем виде не может быть предложена советскому читателю. Ее появление вызовет ряд справедливых нареканий и на издательство и на автора. Книгу необходимо серьезно переработать. Я не сомневаюсь, что Вам нетрудно будет это сделать, если Вы, откинув отдельные, может быть, ошибочные мои замечания, согласитесь с основным - это не тот Мольер, каким его должен знать и ценить советский читатель.

Вы меня простите, Михаил Афанасьевич, что написал это все может быть резко и неуклюже (в неуклюжести автору отзыва, по-своему замечательного, не откажешь) - но я иначе не умею. Если Вы согласитесь взять на себя дальнейшую работу над рукописью, я, разумеется, готов более подробно в личной беседе изложить свою точку зрения (до личной беседы у Тихонова с Булгаковым дело так и не дошло).

Как Вы просили, я послал Вашу рукопись Алексею Максимовичу. Подождем, что он скажет".

Горький: "Мольер" - несерьезная работа. Нам за него попадет".
Похороны "Мольера"
Главный недостаток романа - марксизмом тут и не пахнет.
Читайте далее>>>

« Назад
Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

"Мольер", часть 3

Страницы: 1 2 3 4

Мнение основателя советской серии "ЖЗЛ" Максима Горького (Алексея Максимовича Пешкова) (1868-1936), что неудивительно, совпало с мнением А. Н. Тихонова, которому он написал 28 апреля 1933 г.: "В данном виде это - несерьезная работа и Вы правильно указываете - она будет резко осуждена". Вторая жена Булгакова Л. Е. Белозерская, одно время работавшая вместе с А. Н. Тихоновым в серии "ЖЗЛ", передает с его слов позднейшую устную характеристику Горьким булгаковского М.: "Что и говорить, конечно, талантливо. Но если мы будем печатать такие книги, нам, пожалуй, попадет..."

Уже 12 апреля 1933 г., не дожидаясь горьковского отзыва, Булгаков в ответном письме А. Н. Тихонову категорически не согласился с замечаниями редактора. Он утверждал: "Вопрос идет о полном уничтожении той книги, которую я сочинил и о написании взамен ее новой, в которой речь должна идти совершенно не о том, о чем я пишу в своей книге.

Для того чтобы вместо "развязного молодого человека" поставить в качестве рассказчика, "серьезного советского историка", как предлагаете Вы, мне самому надо было бы быть историком. Но ведь я не историк, я драматург, изучающий в данное время Мольера. Но уж, находясь в этой позиции, я утверждаю, что я отчетливо вижу своего Мольера. Мой Мольер и есть единственно верный (с моей точки зрения) Мольер и форму для донесения этого Мольера до зрителя (драматическая описка: не зрителя, а читателя. - Примечание Булгакова) я выбрал тоже не зря, а совершенно обдуманно.

Вы сами понимаете, что, написав свою книгу налицо, я уж никак не мог переписать ее наизнанку. Помилуйте!

Итак, я, к сожалению, не могу переделывать книгу и отказываюсь переделывать. Но что ж делать в таком случае? По-моему, у нас, Александр Николаевич, есть прекрасный выход. Книга непригодна для серии. Стало быть, и не нужно ее печатать. Похороним ее и забудем!"

17 ноября 1933 г. редакция "ЖЗЛ" известила Булгакова о своем окончательном отказе от публикации М.

Замечания А. Н. Тихонова к М. удивительным образом бьют именно по тем особенностям книги, которые делают ее привлекательной для читателей. К счастью для них, Булгаков переделывать М. не стал. Советский канон биографий деятелей прошлого и настоящего допускал только их мифологическое изображение. Тех, кто официально был признан выдающимся и для своего времени "прогрессивным", требовалось писать по преимуществу светлыми красками, а к допустимым недостаткам "прогрессистов" относилась разве что недооценка передовой роли того или иного класса или явления.

Такие современники Мольера как Пьер Корнель (1606-1684), Жан Расин (1639-1699), и уж тем более религиозный вольнодумец Клод Эманюэль Шапель (1626-1686) относились к числу положительных героев мифа, упоминать об их пьянстве или склонности к интригам считалось дурным тоном. Наоборот, монархов, вроде Людовика XIV, и вообще аристократов надо было изображать карикатурно в качестве отрицательных культурных героев. Творческая же личность как таковая ревнителей канона не интересовала. Место живого драматурга в биографии тот же Тихонов гораздо охотнее отдал бы подробному описанию устройства театральной сцены, интересному на самом деле только для специалистов. Требования же, предъявленные им к М., больше годились бы для обширного научного трактата по социально-политической или социо-культурной истории эпохи Людовика XIV.

А уж подозрительное отношение даже к метафорическому упоминанию дьявольской или колдовской силы вообще анекдотична и показывает, как мало шансов было в то время и на публикацию "Мастера и Маргариты", где мистическое начало, связанное с Воландом и его свитой, играет куда более важную роль, чем в М.

Слабая надежда на издание М. появилась, когда в октябре 1933 г. А. Н. Тихонова в редакции "ЖЗЛ" на время сменил Лев Борисович Каменев (Розенфельд) (1883-1936). 1 ноября 1933 г. Е. С. Булгакова зафиксировала в дневнике его мнение о рукописи со слов секретаря "ЖЗЛ" Н. А. Экке: " - Каменеву биография Мольера очень нравится, он никак не соглашается с оценкой Тихонова. Ждет его приезда из отпуска для того, чтобы обсудить этот вопрос с ним. Я очень надеюсь, что биография все-таки будет напечатана у нас". Вероятно, другой отзыв того же Л. Б. Каменева отмечен в дневнике Е. С. Булгаковой 21 сентября 1933 г. со ссылкой на Н. А. Экке, которая "рассказывала: "какой-то партийный работник из "Academia" говорил:
- Вы дураки будете, если не напечатаете. Блестящая вещь. Булгаков великолепно чувствует эпоху, эрудиция громадная, а источниками не давит, подает материал тонко" (временный заместитель А. Н. Тихонова до прихода в "ЖЗЛ" руководил издательством "Academia").

Ирония судьбы заключалась в том, что в 1926 г. Л. Б. Каменев, тогда занимавший гораздо более высокое положение одного из признанных партийных вождей, решительно воспрепятствовал публикации "Собачьего сердца". Позднее вождь впал в опалу и, кажется, научился гораздо терпимее относиться к литературным произведениям. Однако убедить А. Н. Тихонова Л. Б. Каменеву так и не удалось, а вскоре после убийства 1 декабря 1934 г. секретаря Ленинградской парторганизации С. М. Кирова (Кострикова) (1886-1934) он был репрессирован, так что в дальнейшем положительный отзыв Л. Б. Каменева мог бы только повредить М.

СССР - классический вымогатель
Мольеру повезло больше, чем Булгакову и его Мастеру
Советский театр - примитивная агитация
Мольер - "демон, достойный быть сожженным"
Читайте завершение>>>

« Назад

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

"Мольер", часть 4

Некоторые реалии М. неожиданным образом преломились в "Мастере и Маргарите". Вот описание театрального зала во дворце герцога Филиппа Орлеанского Малый Бурбон, где играла труппа Мольера, будучи Труппой Господина Единственного Брата Короля: "На главном входе Малого Бурбона помещалась крупная надпись "Надежда", а самый дворец был сильно потрепан, и все гербы в нем и украшения его попорчены или совсем разбиты, ибо междоусобица последних лет коснулась и его. Внутри Бурбона находился довольно большой театральный зал с галереями по бокам и дорическими колоннами, между которыми помещались ложи. Потолок в зале был расписан лилиями, над сценой горели крестообразные люстры, а на стенах зала - металлические бра... Театральная жизнь в Бурбоне прервалась тогда, когда началась Фронда, потому что в Бурбонский зал сажали арестованных государственных преступников, обвиняемых в оскорблении величества. Они-то и испортили украшения в зале".

В "Мастере и Маргарите" театральный зал Малого Бурбона видит в своем сне арестованный за хранение долларов в уборной управдом Никанор Иванович Босой, и в этом зале сидят (в буквальном смысле сидят на полу, в отличие от фрондеров XVII в.) государственные преступники, подозреваемые в еще более страшном преступлении, чем оскорбление величества - в сокрытии от государства валюты и прочих ценностей. Босой "почему-то очутился в театральном зале, где под золоченым потолком сияли хрустальные люстры, а на стенах кенкеты. Все было как следует, как в небольшом по размерам, но очень богатом театре. Имелась сцена, задернутая бархатным занавесом, по темно-вишневому фону усеянным, как звездочками, изображениями золотых увеличенных десяток, суфлерская будка и даже публика".

По сравнению с эпохой Людовика XIV и Мольера государственные преступники в "Мастере и Маргарите" кажутся мельче - не на королевскую власть покушаются, а всего лишь пытаются скрыть от властей золотые десятки, валюту да драгоценности. Однако показательно, что в советском обществе пятиконечные звезды - символ коммунистической идеи и аналог королевских бурбонских лилий на занавесе в М. превратились в золотые десятки.

Государство во времена Булгакова стремилось выжать из своих граждан как можно больше ценностей. В М. писатель ловко обыграл латинское словосочетание "оскорбление величества" - "laesio majestatis" из Закона об оскорблении величества, активно использовавшемся при римском императоре Тиберии (43 или 42 до н. э. - 37 н. э.) для преследования его врагов. Буквальный перевод "laesio majestatis" - умаление, ущерб или порча величества. Поэтому заключенные в театральный зал Малого Бурбона обвиняемые в "оскорблении величества" и "испортили украшения", причем эти украшения оказываются связанными с символикой королевской власти.

В "Мастере и Маргарите" закон об оскорблении величества становится причиной малодушия Пилата, убоявшегося отпустить Иешуа. В современном же мире "Мастера и Маргариты" "оскорбление величества" власти звучит пародийно и выражается в отказе отдать ей золотые десятки - весомый заменитель мнимых бумажных десяток-червонцев, которыми одаривают подручные Воланда московскую публику на сеансе в Театре Варьете.

Подлинные произведения театрального искусства, которые в М. играла в театральном зале Малого Бурбона труппа Мольера, а до нее - королевский балет и итальянцы, в "Мастере и Маргарите" спародированы выступлениями "драматического артиста" Куролесова и других, агитирующих сдавать накопления. Если в М. над главным входом во дворец Малый Бурбон помещается надпись "Надежда", что, имея в виду печальную судьбу узников театрального зала, заставляет вспомнить дантовское "Забудь надежду, всяк сюда входящий" перед входом в ад в "Божественной комедии" (1307-1321), то в "Мастере и Маргарите" Никанор Иванович видит только вспыхивающие на стенах "красные горящие слова: "Сдавайте валюту!"", - современную копию библейских "мене, мене, текел, упарсин" - пророчества вавилонскому царю Валтасару скорой гибели (Дан., 5). Советский театр, в сравнении с мольеровским, выродился в примитивное агитационное представление.

Интересно, что единственный абзац М., содержащий своеобразный сравнительно-исторический подход к исследуемой теме, но противоположный тому, который требовал от Булгакова А. Н. Тихонов, похоже, сознательно был купирован автором при отсылке рукописи в издательство, а позднее, вплоть до 1990 г. не воспроизводился из-за цензурной неприемлемости во всех советских изданиях М.

Вот это обращение рассказчика к акушерке, принимающей Мольера: "Добрая госпожа, есть дикая страна, вы не знаете ее, это - Московия, холодная и страшная страна. В ней нет просвещения, и населена она варварами, говорящими на странном для вашего уха языке. Так вот, даже в эту страну вскоре проникнут слова того, кого вы сейчас принимаете".

А в рукописи М. остались слова, вообще пародирующие "классовый" и "идеологический" подход, который Булгаков высмеял еще на примере репетиции пьесы драматурга Дымогацкого в "Багровом острове".

Вот пассаж, как бы предвосхитивший требуемого А. Н. Тихоновым историка-марксиста в качестве рассказчика: "Здесь я в смущении бросаю проклятое перо. Мой герой не выдержан идеологически. Мало того, что он сын явного буржуа, сын человека, которого наверное бы лишили прав в двадцатых годах XX столетия в далекой Московии, он еще к тому же воспитанник иезуитов, мало того, личность, сидевшая на школьной скамье с лицами королевской крови.

Но в оправдание свое я могу сказать кое-что. Во-первых, моего героя я не выбирал. Во-вторых, я никак не могу сделать его ни сыном рабочего, ни внуком крестьянина, если я не хочу налгать. И, в-третьих, - относительно иезуитов. Вольтер учился у иезуитов, что не помешало ему стать Вольтером".

К счастью Булгакова, ни А. Н. Тихонов, ни А. М. Горький, ни Л. Б. Каменев, не знали о том, что рассказчику в старинном кафтане, пишущему роман при свечах гусиным пером (подобная участь уготовлена Мастеру в последнем приюте), в ранней редакции М. предшествовал рассказчик - булгаковский современник. Иначе последний вряд ли бы отважился на положительный отзыв о М., а двое других сделали бы в своих рецензиях еще более резкие выводы, которые вполне могли бы привести и к репрессиям со стороны власть имущих по отношению к Булгакову.

Мольер в М. родственен Мастеру в последнем булгаковском романе. Вместе с тем, он находится в более завидном положении, чем герой "Мастера и Маргариты" и его создатель. Мольер все-таки способен ставить и публиковать свои пьесы, пусть иной раз и пересыкаясь перед королем и имея могущественных противников в лице высших церковных иерархов Франции. Булгаковский Мастер лишен возможности обнародовать свое гениальное произведение и может увидеть напечатанным лишь один отрывок из него. Однако эта публикация приводит к погубившей его травле со стороны идеологически ангажированных критиков.

Сам же Булгаков находился в положении, более близком к положению автобиографического Мастера, чем главного героя М. Его пьесы, за редким исключением, на сцене так и не появились, а в печати его произведений не было с 1928 г. и до самой смерти. Потому-то М. написан гораздо оптимистичнее "Мастера и Маргариты": если в начале 30-х годов Булгаков еще надеялся на перемены к лучшему в своей судьбе, то, дописывая последний роман, будучи смертельно больным, он уповал лишь на посмертную славу.

В черновике к М. Булгаков сделал выписку из брошюры священника церкви св. Варфоломея Рулле с такой характеристикой Мольера: "Демон, вольнодумец, нечестивец, достойный быть сожженным". Эта цитата отразилась в заключительных строках эпилога М.: "Итак, мой герой ушел в парижскую землю и в ней сгинул. А затем, с течением времени, колдовским образом сгинули все до единой его рукописи и письма. Говорили, что рукописи погибли во время пожара, а письма, будто бы, тщательно собрав, уничтожил какой-то фанатик. Словом, пропало все, кроме двух клочков бумаги, на которых когда-то бродячий комедиант расписался в получении денег для своей труппы".

В "Мастере и Маргарите" с помощью Воланда "колдовским образом" возрождается сожженная главным героем рукопись о Понтии Пилате.

Среди идущих за гробом Мольера в М. упоминается баснописец Жан де Лафонтен (1621-1695). В сцене сна Никанора Ивановича Босого в "Мастере и Маргарите" "баснями Лафонтена" называет театральный ведущий отговорки арестованных, что у них нет золота и валюты. Лафонтен, не побоявшийся публично отдать последние почести осуждаемому церковью комедиографу, в главном булгаковском романе поминается в уничижительном смысле карикатурным представителем новой власти, власти, удивительно схожей с "кабалой святош" - клерикальным тайным "Обществом Святых даров", боровшимся против "Тартюфа" (1664) и других мольеровских пьес.

« Назад Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Алоизий Могарыч ~

Страницы: 1 2

Алоизий Могарыч - персонаж романа "Мастер и Маргарита", журналист, написавший донос на Мастера и поселившийся впоследствии в его подвальчике в одном из арбатских переулков.

Прототипом А. М. послужил друг Булгакова, драматург Сергей Александрович Ермолинский (1900-1984). В 1929 г. Ермолинский познакомился с Марией Артемьевной Чимишкиан (1904 г. рождения), дружившей в то время с Булгаковым и его второй женой Л. Е. Белозерской. Через некоторое время молодые люди вступили в законный брак и сняли комнату в доме №9 по Мансуровскому переулку, принадлежавшем семье театрального художника-макетчика Сергея Сергеевича Топлениновa, одного из прототипов Мастера. Этот деревянный домик стал прообразом жилища Мастера и Маргариты.

А вот как Мастер излагает Ивану Бездомному историю своей дружбы с А. М.: "Так вот в то проклятое время (время травли Мастера за роман о Понтии Пилате) открылась калиточка нашего садика, денек еще, помню, был такой приятный, осенний. Ее не было дома. И в калиточку вошел человек, он прошел в дом по какому-то делу к моему застройщику, потом сошел в садик и как-то очень быстро свел со мной знакомство. Отрекомендовался он мне журналистом. Понравился он мне до того, вообразите, что я его до сих пор иногда вспоминаю и скучаю о нем. Дальше - больше, он стал заходить ко мне. Я узнал, что он холост, что живет рядом со мной примерно в такой же квартирке, что ему тесно там, и прочее. К себе как-то не звал. Жене моей он не понравился до чрезвычайности. Но я заступился за него. Она оказала:

- Делай, как хочешь, но говорю тебе, что этот человек производит на меня впечатление отталкивающее.

Я рассмеялся. Да, но чем, собственно говоря, он меня привлек? Дело в том, что вообще человек без сюрприза внутри, в своем ящике, неинтересен. Такой сюрприз в своем ящике Алоизий (да, я забыл сказать, что моего нового знакомого звали Алоизий Могарыч) - имел. Именно, нигде до того я не встречал и уверен, что нигде не встречу человека такого ума, каким обладал Алоизий. Если я не понимал смысла какой-нибудь заметки в газете, Алоизий объяснял мне ее буквально в одну минуту, причем видно было, что объяснение это ему не стоило ровно ничего. То же самое с жизненными явлениями и вопросами. Но этого было мало. Покорил меня Алоизий своею страстью к литературе. Он не успокоился до тех пор, пока не упросил меня прочесть ему мой роман весь от корки до корки, причем о романе он отозвался очень лестно, но с потрясающей точностью, как бы присутствуя при этом, рассказал все замечания редактора, касающиеся этого романа. Он попадал из ста раз сто раз. Кроме того, он совершенно точно объяснил мне, и я догадывался, что это безошибочно, почему мой роман не мог быть напечатан. Он прямо говорил: глава такая-то идти не может..."

Интересно, что Ермолинский в момент знакомства с Булгаковым действительно был еще холост. По воспоминаниям М. А. Чимишкиан, именно автор "Мастера и Маргариты" ее уговаривал: "Выходи, выходи за Ермолинского, он славный парень".

В отличие от самого Булгакова, его вторая жена Л. Е. Белозерская к Ермолинскому относилась без симпатии, чего не скрывала в опубликованных мемуарах. Она прямо писала: "Перехожу к одной из самых неприятных страниц моих воспоминаний - к личности Сергея Ермолинского, о котором по его выступлению в печати (я имею в виду журнал "Театр", №9, 1966 г. О Михаиле Булгакове) может получиться превратное представление.

Летом 1929 года он познакомился с нашей Марикой (М. А. Чимишкиан) и влюбился в нее. Как-то вечером он приехал за ней. Она собрала свой незамысловатый багаж. Мне было грустно. Маруся плакала, стоя у окна.

Ермолинский прожил с Марикой 27 лет, что не помешало ему в этих же воспоминаниях походя упомянуть о ней, как об "очень милой девушке из Тбилиси", не удостоив (это после двадцати-то семи лет совместной жизни!) даже назвать ее своей бывшей женой.

Жаль, что для мемуаристов не существует специальных тестов, определяющих правдивость и искренность автора. Плохо пришлось бы Ермолинскому перед детектором лжи. Я оставляю в стороне все его экскурсы в психологию: о многом он даже и не подозревает, хотя и претендует на роль конфидента М. А. Булгакова, который, кстати, никогда особого расоложения к Ермолинскому не питал, а дружил с Марикой. Прочтя этот "опус" в журнале "Театр", к сожалению, бойко написанный, много раз поражаешься беспринципностью автора. В мое намерение не входит опровергать по пунктам Ермолинского, все его инсинуации и подтасовки, но кое-что сказать все же нужно. Хотя воспоминания его забиты цитатами (Мандельштам, дважды - Герцен, М. Пришвин, Хемингуэй, Заболоцкий, П. Вяземский, Гоголь, Пушкин, Грибоедов), я все-таки добавлю еще одну цитату из "Горя от ума": "Здесь все есть, коли нет обмана". Есть обман! Да еще какой. Начать с авторской установки. Первое место занимает сам Ермолинский, второе - так и быть - отведено умирающему Булгакову, а третье - куда ни шло - Фадееву, фигуре на литературном горизонте значительной".

По мнению Л. Е. Белозерской, Ермолинский "по своей двуличной манере" "забывает то, что ему невыгодно помнить".

Как и А. М. с Мастером, Ермолинский познакомился с Булгаковым в 1929 г., когда развернутая против писателя кампания в прессе достигла апогея и все его пьесы были сняты.

Воспоминания Ермолинского, обильно оснащенные цитатами, доказывают, что их автор, как и А. М., был весьма сведущ в литературе. Мемуарист, подобно А. М. и вопреки утверждениям Л. Е. Белозерской, по крайней мере, во второй половине 30-х годов, действительно стал булгаковским "конфидентом".

Это доказывает дневниковая запись третьей жены писателя Е. С. Булгаковой от 5 декабря 1938 г.: "Вчера днем М. А. заходил к Сергею Ермолинскому поиграть в шахматы, а кроме того, Сергей Ермолинский, благодаря тому, что вертится в киношном мире, много слышит и знает из всяких разговоров, слухов, сплетен, новостей. Он - как посредник между М. А. и внешним миром".

Судя по интонации этой и других записей, Е. С. Булгакова относилась к Ермолинскому довольно сдержанно, но, конечно, без той ненависти, как Л. Е. Белозерская. В "Мастере и Маргарите" в отношении к А. М. главной героини автор передал в основном отношение к Ермолинскому Л. Е. Белозерской, которая была булгаковской женой в 1929 г., в году, когда разворачивается действие московских сцен романа и когда произошло на самом деле знакомство Булгакова с Ермолинским. Маргарита, узнав о предательстве А. М., едва не выцарапала ему глаза.

Не исключено, что именно Ермолинского имел в виду автор "Мастера и Маргариты", когда сообщал своему другу философу и литературоведу П. С. Попову 24 марта 1937 г.: "Некоторые мои доброжелатели избрали довольно странный способ утешать меня. Я не раз слышал уже подозрительно елейные голоса: "Ничего, после вашей смерти все будет напечатано!" Я им очень благодарен, конечно!" (согласно дневниковой записи Е. С. Булгаковой, Ермолинские посетили их накануне, 22 марта).

Точно так же о невозможности прижизненной публикации романа говорил Мастеру А. М. 16 мая 1939 г. Булгаков надписал жене свою фотографию: "Вот как может выглядеть человек, возившийся несколько лет с Алоизием Могарычем, Никанором Ивановичем и прочими". Здесь писатель указывал не только на усталость от десятилетней работы над романом, но и на длительное общение с перевертышами типа А. М., образ которого в тот момент еще носил общий и собирательный характер, без конкретных деталей.

История знакомства Мастера с А. М. была написана уже во время смертельной болезни автора - зимой 1939/40 г. 5 марта 1940 г. Е. С. Булгакова написала в дневнике: "Приход Фадеева. Разговор продолжался сколько мог. Мне: "Он мне друг". Сергею Ермолинскому: "Предал он меня или не предал? Нет, не предал? Нет, не предал!".

Булгаковские слова, несомненно, относились к Ермолинскому, который действительно был его другом, а не к Александру Александровичу Фадееву (Булыге) (1901-1956), первому секретарю Союза советских писателей, познакомившемуся с Булгаковым только 11 ноября 1939 г., когда он по должности навестил заболевшего члена Союза. Другом Булгакова Фадеев не был и предать его при всем желании не мог.

Подозревавший Ермолинского в предательстве, автор "Мастера и Маргариты", как видно из цитированного выше разговора, за пять дней до смерти подозрения отверг. Вероятно, в связи с этим рассказ Мастера о знакомстве с А. М. был перечеркнут Булгаковым, однако нового варианта он написать уже не успел (не исключено также, что текст был перечеркнут Е. С. Булгаковой).

Лицемерный друг
Интервью с Булгаковым
Почему Алоизий Могарыч - журналист?
Происхождение имени героя
Читайте завершение>>>

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций
Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы
Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи
Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта
Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Алоизий Могарыч, часть 2 ~

Поводом для подозрений послужил отзыв Ермолинского о пьесе "Батум" уже после ее запрещения, зафиксированный Е. С. Булгаковой 18 августа 1939 г.: "Сегодня днем Сергей Ермолинский, почти что с поезда, только что приехал из Одессы и узнал (о запрете "Батума"). Попросил Мишу прочитать пьесу. После окончания - крепко поцеловал Мишу. Считает пьесу замечательной. Говорит, что образ героя сделан так, что если он уходит со сцены, ждешь - не дождешься, чтобы он скорей появился опять. Вообще говорил много и восхищался, как профессионал, понимающий все трудности задачи и виртуозность их выполнения".

Булгаков не обманывал себя насчет художественных достоинств пьесы о Сталине и почувствовал лицемерие, хотя и вызванное благой целью - утешить потрясенного катастрофой с "Батумом" драматурга, у которого уже начиналась грозная болезнь, сведшая его в могилу.

Вероятно, автор "Мастера и Маргариты" рассудил, что если Ермолинский слукавил сейчас, то мог лукавить и раньше. В возбужденном сознании больного Булгакова родилось подозрение, что друг мог доносить на него в НКВД, и это подозрение материализовалось в образе А. М. Поведение Ермолинского в последние недели булгаковской жизни, много часов самоотверженно проведшего у постели больного, очевидно, рассеяло подозрения, но написать новый текст у Булгакова уже не было сил.

Скорее всего, Е. С. Булгакова знала, кто был прототипом А. М. 17 ноября 1967 г. она записала в дневнике свой разговор с Ермолинским по поводу его воспоминаний в журнале "Театр" (тогда Елена Сергеевна собирала книгу воспоминаний о Булгакове): " - Если ты хочешь, чтобы я приняла твою статью целиком, переведи прямую речь Миши в косвенную. Ты не передаешь его интонации, его манеры, его слова. Я слышу, как говорит Ермолинский, но не Булгаков. И, говоря откровенно, мне определенно не нравятся две сцены, одна - это разговор якобы ты журналист, а вторая - игра в палешан. Причем я не могу себе представить, где же я была в это время, что я не помню этой игры!".

"Игра в палешан" - это рассказ в воспоминаниях Ермолинского о застольной импровизации на тему спектакля Камерного театра "Богатыри" по пьесе Демьяна Бедного (Е. А. Придворова (1883-1945), на оформление которого пригласили художников из Палеха. Булгаков и его товарищи "в лицах" разыграли, как палешане возвращаются домой после провала пьесы.

Е. С. Булгакова в записи от 2 ноября 1936 г. охарактеризовала "Богатырей" как "стыдный спектакль", а 14 ноября с удовлетворением констатировала: "В газете - постановление Комитета по делам искусств: "Богатыри" снимаются. "...За глумление над крещением Руси...", в частности" и привела по этому поводу реплику Булгакова: "Таиров лежит с капустным листом на голове, уверяю тебя".

Вероятно, ей не хотелось еще раз вспоминать об этом спектакле, тем более что в ходе кампании, начавшейся в прессе по поводу "Богатырей", вновь стали поносить булгаковский "Багровый остров". Да и содержавшаяся в рассказе Ермолинского насмешка (от лица Булгакова) над официальной "народностью" могла показаться опасной вдове писателя.

Что же касается эпизода с Ермолинским-журналистом, то его стоит привести полностью: "Я бывал (во время последней болезни) у него каждый день. Пытаясь восстановить факты его жизни, предложил игру в навязчивого журналиста, приставшего с вопросами к знаменитому писателю.

- Ты хитришь, - сказал он, но игру принял.

В дальнейшем она развлекала его, и я в шуточной форме записал несколько таких бесед, состоявших из вопросов и ответов. Несколько листков случайно сохранилось. Вот эта запись. *Он.* Мне непонятно все-таки, уважаемый товарищ, зачем вы ко мне пристаете?

Я. Мировому человечеству интересна каждая деталь из вашей жизни.

Он. Я согласен, это так. Но я обязан все ж по благородству своего характера предупредить вас... - тут он прищурился и добавил юмористически: - Я, дорогой мой, "не наш" человек.

Я. Быть может, как раз, поэтому вы и представляете особый интерес?

Он (уже с непритворным негодованием). Это отвратительно, что вы говорите, голубчик! Я наш человек, а не наш - это я сам выдумал, сам подстроил.

Я. Простите, не понял.

Он. Вчера вы допрашивали меня о начале моего литературного пути.

Я. Совершенно верно. Я весь внимание.

Он. Именно тогда я и подложил себе первую свинью.

Я. Каким образом вам удалось это сделать?

Он. Молодость! Молодость! Я заявился со своим первым произведением в одну из весьма почтенных редакций, приодевшись не по моде. Я раздобыл пиджачную пару, что само по себе было тогда дико, завязал бантиком игривый галстук и, усевшись у редакторского стола, подкинул монокль и ловко поймал его глазом. У меня даже где-то валяется карточка - я снят на ней с моноклем в глазу, а волосы блестяще зачесаны назад (речь идет об известной фотографии 1926 г.).

Редактор смотрел на меня потрясенно. Но я не остановился на этом. Из жилетного кармана я извлек дедовскую "луковицу", нажал кнопку, и мой фамильный брегет проиграл нечто похожее на "Коль славен наш господь в Сионе". "Ну-с?" - вопросительно сказал я, взглянув на редактора, перед которым внутренне трепетал, почти обожествлял его. "Ну-с, - хмуро ответил мне редактор. - Возьмите вашу рукопись и займитесь всем, чем угодно, только не литературой, молодой человек". Сказавши это, он встал во весь свой могучий рост, давая понять, что аудиенция окончена. Я вышел и, уходя, услышал явственно, как он сказал своему вертлявому секретарю: "Не наш человек". Без сомнения, это относилось ко мне.

Я. И вы считаете, что этот случай сыграл роковую роль во всех ваших дальнейших взаимоотношениях с редакциями.

Он. Взгляните, голубчик, на этот случай шире. Дело в моем характере. Луковица и монокль были всего лишь плохо продуманным физическим приспособлением, чтобы побороть застенчивость и найти способ выразить свою независимость.

Я. Последуем дальше. Что привело вас в театр?

Он. Жажда денег и славы. Затаенная мечта выйти на аплодисменты публики владела мною с детства. Я во сне видел свою длинную шатающуюся фигуру с растрепанными волосами, которая стоит на сцене, а благодарный режиссер кидается ко мне на шею и обцеловывает меня буквально под рев восторженного зрительного зала. Я. Позвольте, но при возобновлении "Турбиных" занавес раздвигался шестнадцать раз, все время кричали "автора!", а вы даже носа не высунули.

Он. Французы говорят, что нам дарят штаны, когда у нас уже нет задницы, простите за грубое выражение. (И подозрительно.) А вы не из французской ли газеты?

Я. Нет.

Он (вкрадчиво). А может быть, из какой-нибудь другой иностранной, а?

Я. Нет, нет... Я из русской.

Он. Не из рижской ли, белоэмигрантской? (И он угрожающе поднял кулак.)

Я. Избави бог! (Я отмахнулся в ужасе.) Я из "Вечерки"! Из прекрасной, неповторимой "Вечерки" нашей!

Он. Ура! Тюпа! Люся! Водку на стол! Пускай этот господин напьется в свое полное удовольствие! Мне отнюдь не грозит опасность, что он напечатает обо мне хоть одну строчку!"

Очевидно, Булгаков впоследствии шутливые вопросы Ермолинского осмыслил вполне серьезно и заподозрил друга в попытке выведать его подноготную для доклада в "дорогие органы". А в пристрастной подаче весьма грозно могло прозвучать и признание писателя, что он - "не наш человек", и слова по поводу нежелания выходить к зрителям в связи с возобновлением "Дней Турбиных", о штанах, которые появились тогда, когда уже нет "задницы".

Е. С. Булгакова прекрасно осознавала, что именно в связи с этим разговором автор "Мастера и Маргариты" сделал А. М. журналистом. Ермолинский же не знал, что в романе есть столь разоблачительная для него история знакомства Мастера с А. М., поскольку она не была включена ни в журнальную публикацию "Мастера и Маргариты" 1966-1967 гг., ни в машинопись романа, подготовленную в 60-е годы вдовой писателя. Эпизод с А. М. вошел только в издание романа 1973 г., осуществленное при участии Е. С. Булгаковой, которой, однако, так и не удалось увидеть книгу напечатанной.

Опасения Булгакова насчет Ермолинского были безосновательными. В декабре 1940 г. последний был арестован, и в ходе допросов его связи с НКВД никак не проявились.

В шутливом разговоре с Ермолинским Булгаков рассказывал о злоключениях своей повести "Роковые яйца". На допросе в НКВД 14 декабря 1940 года Сергей Александрович назвал ее "наиболее реакционным произведением Булгакова" из всех, ему известных, поскольку там проявилось неверие "в созидательные силы революции". По утверждению Ермолинского: "Сам Булгаков считал, что "Р.Я." сыграли резко отрицательную роль в его литературной судьбе: он стал рассматриваться как реакционный писатель".

Дарственная надпись с экземпляра повести, сохранившаяся в архивах НКВД, подтверждала показания: "Дорогому другу Сереже Ермолинскому. Сохрани обо мне память! Вот эти несчастные "Роковые яйца". Твой искренний М. Булгаков. Москва. 4. IV.1935 г.".

Повесть насторожила цензуру и осложнила публикацию булгаковских произведений (больше крупных вещей писателя при его жизни в СССР напечатано не было).

Имя Алоизий для А. М. автор "Мастера и Маргариты", возможно, заимствовал из романа Александра Амфитеатрова (1862-1938) "Жар-цвет" (см.: Демонология), где так назван эпизодический персонаж, старый закрытый (кастелян) польского графа Валерия Гичовского. Это может указывать и на реальный прототип: Ермолинский был родом из Вильно и носил фамилию польского происхождения.

« Назад
Наверх »

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Гелла ~

Гелла - персонаж романа "Мастер и Маргарита".

Г. является членом свиты Воланда, женщиной-вампиром.

Имя "Гелла" Булгаков почерпнул из статьи "Чародейство" Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона, где отмечалось, что на Лесбосе этим именем называли безвременно погибших девушек, после смерти ставших вампирами.

Когда Г. вместе с обращенным ей в вампира администратором Театра Варьете Варенухой пытаются вечером после сеанса черной магии напасть на финдиректора Римского, на ее теле явственно проступают следы трупного разложения: "Финдиректор отчаянно оглянулся, отступая к окну, ведущему в сад, и в этом окне, заливаемом луною, увидел прильнувшее к стеклу лицо голой девицы и ее голую руку, просунувшуюся в форточку и старающуюся открыть нижнюю задвижку... Варенуха... шипел и чмокал, подмигивая девице в окне. Та заспешила, всунула рыжую голову в форточку, вытянула сколько могла руку, ногтями начала царапать нижний шпингалет и потрясать раму. Рука ее стала удлиняться, как резиновая, и покрылась трупной зеленью. Наконец, зеленые пальцы мертвой обхватили головку шпингалета, повернули ее, и рама стала открываться...

Рама широко распахнулась, но вместо ночной свежести и аромата лип в комнату ворвался запах погреба. Покойница вступила на подоконник. Римский отчетливо видел пятна тления на ее груди.

И в это время неожиданный крик петуха долетел из сада, из того низкого здания за тиром, где содержались птицы, участвовавшие в программах. Горластый дрессированный петух трубил, возвещая, что к Москве с востока катится рассвет.

Дикая ярость исказила лицо девицы, она испустила хриплое ругательство, а Варенуха у дверей взвизгнул и обрушился из воздуха на пол.

Крик петуха повторился, девица щелкнула зубами, и рыжие ее волосы стали дыбом. С третьим криком петуха она повернулась и вылетела вон. И вслед за нею, подпрыгнув и вытянувшись горизонтально в воздухе, напоминая летящего купидона, выплыл медленно в окно через письменный стол Варенуха".

Вероятно, здесь отразился киевский опыт Булгакова, запечатленный в романе "Белая гвардия". Там Николка Турбин в поисках трупа полковника Най-Турса оказался в морге, где видел, как сторож Федор "ухватил за ногу труп женщины, и она, скользкая, со стуком сползла, как по маслу на пол. Николке она показалась страшно красивой, как ведьма, и липкой. Глаза ее были раскрыты и глядели прямо на Федора. Николка с трудом отвел глаза от шрама, опоясывающего ее, как красной лентой..."

Такой же шрам опоясывает шею Г., что роднит ее с Маргаритой из "Фауста" (1808-1832) Иоганна Вольфганга Гёте (1749-1832), несчастной возлюбленной главного героя поэмы, казненной за убийство ребенка (ее историю повторяет история Фриды). Г. свободно перемещается по воздуху, тем самым обретая сходство с ведьмой, и с ведьмой же сравнивается неизвестная женщина в морге Города в "Белой гвардии".

То, что крик петуха заставляет удалиться Г. и ее подручного Варенуху, полностью соответствует широко распространенной в дохристианской традиции многих народов ассоциации петуха с солнцем - он своим пением возвещает приход рассвета с востока и тогда вся нечисть, в том числе и ожившие мертвецы-вампиры, удаляются на запад, под покровительство дьявола.

Характерные черты поведения вампиров - щелканье зубами и причмокивание Булгаков, возможно, позаимствовал из повести Алексея Константиновича Толстого (1817-1875) "Упырь" (1841), где главному герою грозит гибель со стороны упырей (вампиров). Здесь девушка-вампир поцелуем обращает в вампира своего возлюбленного - отсюда, очевидно, роковой для Варенухи поцелуй Г.

Г., единственная из свиты Воланда, отсутствует в сцене последнего полета. Третья жена писателя Е. С. Булгакова считала, что это - результат незавершенности работы над "Мастером и Маргаритой". По воспоминаниям В. Я. Лакшина, когда он указал ей на отсутствие Г. в последней сцене, "Елена Сергеевна взглянула на меня растерянно и вдруг воскликнула с незабываемой экспрессией: "Миша забыл Геллу!!!".

Но не исключено, что Булгаков сознательно убрал Г. из сцены последнего полета как самого младшего члена свиты, исполняющего только вспомогательные функции и в Театре Варьете, и в Нехорошей квартире, и на Великом балу у сатаны. Вампиры - это традиционно низший разряд нечистой силы.

К тому же Г. не в кого было бы превращаться в последнем полете, она ведь, как и Варенуха, обратившись в вампира (ожившего мертвеца), сохранила свой первоначальный облик. Когда ночь "разоблачала все обманы", Г. могла только снова стать мертвой девушкой. Возможно также, что отсутствие Г. означает ее немедленное исчезновение (за ненадобностью) после окончания миссии Воланда и его спутников в Москве.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Фрида ~

Фрида - персонаж романа "Мастер и Маргарита", участница Великого бала у сатаны.

Ф. просит Маргариту, чтобы та замолвила за нее слово перед князем тьмы и прекратила ее пытку: вот уже тридцать лет Ф. кладут ночью на стол платок, которым она удавила своего младенца.

В булгаковском архиве сохранилась выписка из книги известного швейцарского психиатра и общественного деятеля, одного из основоположников сексологии Августа (Огюста) Фореля (1848-1931) "Половой вопрос" (1908): "Фрида Келлер - убила мальчика. Кониецко - удавила младенца носовым платком".

Фрида Келлер, послужившая прототипом Ф., - это молодая швея из швейцарского кантона Сен-Галлен, родившаяся в 1879 г. Первоначально она зарабатывала всего 60 франков в месяц. Как отмечает Форель: "В погоне за большими заработками она по воскресным дням исполняла обязанности помощницы в кафе, где женатый хозяин упорно приставал к ней со своими ухаживаниями. Она вскоре перешла в новый магазин с ежемесячным окладом в 80 франков, но, когда ей было 19 лет, хозяин кафе, который давно уже на нее покушался, увлек ее под благовидным предлогом в погреб и здесь заставил ее ему отдаться, что повторялось еще раза два. В мае 1899 г. она разрешилась от бремени мальчиком в госпитале в Сен-Галлене". Ребенка Фрида Келлер поместила в приют, откуда, однако, его необходимо было забрать по достижении пятилетнего возраста.

Форель дает яркую картину душевного состояния Фриды в дни, предшествовавшие трагедии: "И вот, с понедельника Пасхи 1904 г., т. е. с той минуты, когда ребенку предстояло покинуть приют, одна лишь мысль медленно, но зловеще начинает овладевать ее дезорганизованным и объятым страхом мозгом, мысль, кажущаяся ей единственным просветом в ее отчаянном положении - мысль о необходимости избавиться от ребенка".

За несколько дней до визита в приют "ее видели мечущейся по квартире в поисках за каким-то шнурком. Внешний вид ее говорил о придавленном внутреннем состоянии. Наконец, она решилась. Сестры ее были извещены, что ребенок ее будет отправлен к тетке из Мюнхена, которая ждет ее в Цюрихе. Схватив ребенка за руку, она отправилась с ним в Гагенбахский лес. Здесь в уединенном месте она долго раздумывала, не решаясь на свое ужасное дело. Но, по ее словам, какая-то неведомая сила подталкивала ее.

Вырыв могилку руками, она удавила ребенка шнурком, и, убедившись в его смерти, зарыла трупик и обходным путем отправилась в отчаянии домой. 1-го июня приют был извещен ею о благополучном прибытии ребенка в Мюнхен, 7-го июня трупик после сильного дождя был найден на поверхности земли какими-то бродягами, 11-го того же месяца Фрида заплатила последний долг приюту за ребенка, а 14-го она была арестована.

Фрида не переставала объяснять свой поступок неспособностью содержать ребенка, а также необходимостью соблюдать тайну, которая заключала в себе позор ее вынужденного материнства, обусловившего внебрачное рождение. По свидетельству знавших ее, она отличалась кроткостью, добротой, любовью к труду, скромностью, любила детей. Заранее обдуманное намерение было признано ей самой, причем она не высказала никаких забот в интересах смягчения своего преступления.

Такие случаи по местным законам (ст. 133) заслуживают смертного приговора, который и был ей вынесен. Фрида Келлер при этом потеряла сознание. Верховный Совет Сен-Галленского кантона большинством всех против одного вместо смертной казни назначил ей пожизненное заключение в каторжной тюрьме".

В дополнении, сделанном в 1908г., Форель рассказал о пребывании Фриды в тюрьме: "Вначале она содержалась в течение 6 месяцев в одиночном заключении. После этого она была переведена в качестве прачки в прачечную при тюрьме и отличалась хорошим поведением. В интеллигентских кругах города Сен-Галлена начинают возрастать в ее пользу симпатии". Это позволило автору "Полового вопроса" выразить надежду, что "бедную Фриду Келлер" вскоре освободят.

В том же самом дополнении Форель кратко изложил историю 19-летней работницы из Силезии Кониецко, которая при аналогичных обстоятельствах 25 февраля 1908 г. родила ребенка, "причем она удушила младенца, засунув ему в рот и нос скомканный платок". Суд учел смягчающие вину обстоятельства и приговорил Кониецко к двум годам тюрьмы, что дало Форелю повод для негодующего восклицания: "Как милостиво! Этот верх милосердия звучит злою иронией", поскольку, как справедливо полагал швейцарский ученый, "чаще действительным убийцей является не мать, фактически убившая ребенка, но низкий отец, покинувший беременную или не пожелавший признать ребенка".

Булгаков контаминировал в образе Ф. героинь обеих историй. Ф., обладая основными чертами биографии Фриды Келлер, убивает своего ребенка еще в младенчестве и при помощи носового платка, подобно Кониецко. Таким образом, это событие оказывается перенесено в май 1899 г. - время, когда Фрида Келлер родила ребенка. Тогда утверждение Коровьева-Фагота на Великом балу у сатаны о том, что вот уже тридцать лет камеристка кладет на стол Ф. платок, которым она задушила младенца, оказывается абсолютно точным, поскольку события "Мастера и Маргариты" в московской его части разворачиваются как раз в мае 1929 г.

Автору романа в эпизоде с Ф. важен был именно невинный младенец, его страдания, как последняя мера добра и зла. Вместе с тем, писатель, подобно Форелю, несмотря на весь ужас преступления, назвал (устами Маргариты) главным виновником насильника - отца ребенка. Булгаков учел и приведенные швейцарским ученым данные о психических отклонениях, имевшихся у Фриды Келлер. Форель отмечал, что она страдала головными болями из-за перенесенного в детстве воспаления мозга. Платок, который Ф. видит каждый вечер на своем столике - это не только символ терзающих ее мук совести ("и мальчики кровавые в глазах", используя слова из пушкинского "Бориса Годунова"), но и признак наличия у нее болезненной навязчивой идеи.

Фрида Келлер, вероятно, была в конце концов освобождена и, скорее всего, пережила автора "Мастера и Маргариты". Кониецко же вообще отделалась сравнительно легким наказанием. Однако Булгаков поместил Ф. среди умерших, как если бы вынесенный судом смертный приговор был приведен в исполнение.

Внимание писателя привлек тот факт, что свое преступление Фрида Келлер совершила на Пасхальную неделю 1904 г., да еще в мае, (здесь речь идет о Пасхе западных христиан, не совпадающей с православной), что соответствовало и пасхальной приуроченности действия "Мастера и Маргариты". Не оставил он без внимания и слова о том, что некая неведомая и неодолимая сила подталкивала швею из Сен-Галлена на преступление. У Фореля этой силой выступает психическая болезнь Фриды, для которой ребенок подсознательно стал символом ее несчастья и позора. Автор "Полового вопроса" писал: "Несмотря на любовь к детям, Фрида своего ребенка не любила, она его никогда не ласкала, не баловала, не целовала и, будучи в других случаях доброй и отзывчивой женщиной, весьма безучастно относилась к собственному ребенку".

У Булгакова искусителем Ф. подразумевается дьявол, который и призвал ее потом на свой бал. Однако Ф., благодаря милосердию Маргариты, даруется прощение, к которому призывал и Форель в отношении Фриды Келлер. История Ф. также во многом перекликается с историей Маргариты (Гретхен) в "Фаусте" Иоганна Вольфганга Гёте (1749-1832).

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Арчибальд Арчибальдович ~

Арчибальд Арчибальдович - персонаж романа "Мастер и Маргарита", директор ресторана Дома Грибоедова.

Прототипом А. А. послужил Яков Данилович Розенталь (1893-1966) (по прозвищу "Борода"), в 1925-1931 гг. - директор ресторанов Дома Герцена (в романе спародирован как Дом Грибоедова), Дома Союза писателей (ул. Воровского, 56) и Дома печати (Суворовский бульвар, 8).

О прототипе А. А. сохранились колоритные воспоминания создателя Клуба театральных работников Б. М. Филиппова: "Ресторан клуба ТР возглавлялся энтузиастом заведения, любимцем всех муз Я. Д. Розенталем, прозванным актерами Бородой: обильная растительность, окаймлявшая его восточное лицо, вполне оправдывала это. По воспоминаниям друзей и знакомых легендарного бессменного директора, проработавшего десять лет в ресторане до самой войны, он имел внушительный рост, представительную внешность, густую черную ассирийскую, конусом, большую, по грудь, бороду".

О Я. Д. Розентале есть теплые слова в мемуарах известного певца и одного из пионеров советского джаза Леонида Утесова: "...Вспоминаю Бороду - так мы называли незабвенного Я. Д. Розенталя. Мы говорили: идем к Бороде, потому что чувствовали себя желанными гостями этого хлебосольного хозяина. Он не только знал весь театральный мир, но и вкусы каждого, умел внушить, что здесь именно отдыхают, а не работают на реализацию плана по винам и закускам. Это - начиная с конца двадцатых годов. Но и в шестидесятых элегантная фигура Бороды была знакома посетителям ВТО: в последние годы жизни он работал там и был доброй душой дома".

В первую мировую войну Я. Д. Розенталь был интендантским офицером, затем работал в Киеве, а в Москву перебрался в конце 1921 г., в одно время с Булгаковым. Он действительно мог круто обойтись с провинившимся официантом, как и А. А. в "Мастере и Маргарите". Портрет же А. А. явно совпадает с портретом прототипа: "Вышел на веранду черноглазый красавец с кинжальной бородой, во фраке и царственным взором окинул свои владения. Говорили, говорили мистики, что было время, когда красавец не носил фрака, а был опоясан широким кожаным поясом, из-за которого торчали рукоятки пистолетов, а его волосы воронова крыла были повязаны алым шелком, и плыл в Карибском море под его командой бриг под черным гробовым флагом с адамовой головой". Здесь - возможный намек на военную службу Я. Д. Розенталя, изобиловавшую необыкновенными приключениями.

Мистические же черты облика А. А., вероятно, во многом происходят от его литературного прототипа - инфернального персонажа романа А. Белого "Московский чудак" Эдуарда Эдуардовича фон-Мандро, человека неопределенного, загадочного происхождения, оказавшегося, в конце концов, евреем-подкидышем. Предки Я. Д. Розенталя были испанскими евреями сефардами. С именем героя Белого связано имя персонажа "Мастера и Маргариты" - английское Арчибальд по аналогии с английским же Эдуардом (Мандро выдает себя за шотландца), и так же, как у Белого, одинаково повторенное в отчестве.

В дневнике Е. С. Булгаковой сохранилась одна запись, посвященная Я. Д. Розенталю и датированная 11 августа 1939 г.: "Сегодня встретила одного знакомого ... - "слышал, что М.А. написал изумительную пьесу" ("Батум"). Слышал не в Москве, а где-то на юге. Забавный был случай: Бюро заказов Елисеева. То же сообщение - Фанни Ник. - А кто вам сказал? - Яков Данилыч. Говорил, что потрясающая пьеса. Яков Данилыч - главный заведующий рестораном в Жургазе. Слышал он, конечно, от посетителей. Но уж очень забавно: заведующий рестораном заказывает в гастрономе продукты - и тут же разговоры о пьесе, да, так, как будто сам он лично слышал ее".

Под влиянием этого эпизода и последовавшего за ним трагического для драматурга запрета "Батума" Булгаков несколько снизил образ А. А. в окончательном тексте "Мастера и Маргариты". Если в варианте 1934 г. А. А. покидал Дом Грибоедова перед самым пожаром с пустыми руками, то в последней редакции директор ресторана прихватывал с собой два ворованных балыка.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Жорж Бенгальский ~

Жорж Бенгальский - персонаж романа "Мастер и Маргарита", конферансье Театра Варьете.

Фамилия Бенгальский - распространенный сценический псевдоним. Не исключено, что Булгаков ориентировался на одного из эпизодических персонажей романа Федора Сологуба (Тетерникова) (1863-1927) "Мелкий бес" (1905) - драматического артиста Бенгальского.

Непосредственным прототипом Ж. Б. послужил один из конферансье, выступавших в Московском мюзик-холле (с которого списан во многом Театр Варьете) Георгий (или Жорж) Раздольский.

Однако у Ж. Б. был и другой прототип, очень хорошо известный Булгакову. Это - один из двух руководителей МХАТа Владимир Иванович Немирович-Данченко (1858-1943), в "Театральном романе" запечатленный в образе одного из двух директоров Независимого Театра - Аристархе Платоновиче, который почти безвылазно находился за границей. Булгаков Немировича-Данченко не любил и не скрывал этого, в частности, в письмах к третьей своей жене Е. С. Булгаковой, чья сестра Ольга Сергеевна Бокшанская (1891-1948) была секретарем Владимира Ивановича.

В письме от 2 июня 1938 г. автор "Мастера и Маргариты", диктовавший свояченице роман, опасался, что Немирович-Данченко завалит своего секретаря работой и тем остановит перепечатку главного для Булгакова произведения: "В особенно восторженном настроении находясь (речь идет об О. С. Бокшанской), называет Немировича "Этот старый циник!", заливаясь счастливым смешком.
Вот стиль, от которого тошно!
Эх, я писал тебе, чтобы ты не думала о театре и Немирове, а сам о нем. Но можно ли было думать, что и роману он сумеет причинить вред".

А 3 июня 1938 г. Булгаков сообщал жене: "Шикарная фраза (О. С. Бокшанской): "Тебе бы следовало показать роман Владимиру Ивановичу". (Это в минуту особенно охватившей растерянности и задумчивости.)
Как же, как же! Я прямо горю нетерпением роман филистеру показывать".

В "Театральном романе" Аристарх Платонович находится в Индии и шлет письма с берегов Ганга. А эта река как раз протекает по территории Бенгалии - исторической области Индии. Вероятно, здесь одна из причин, почему конферансье Театра Варьете получил фамилию Бенгальский. Он представлен в романе циником и обывателем (филистером).

В мнимой гибели Ж. Б., которому кот Бегемот открутил голову, но потом, по просьбам милосердных зрителей, вернул ее на место, отразилась сцена столь же мнимого убийства Сократа, одного из персонажей "Метаморфоз" Апулея (II в.): "И, повернув направо Сократову голову, она (Мероя, убийца) в левую сторону шеи ему до рукоятки погрузила меч и излившуюся кровь старательно приняла в поднесенный к ране маленький мех, так чтобы нигде ни одной капли не было видно" (впоследствии Сократ благополучно оживает).

Жоржу Бенгальскому Бегемот, "дико взвыв, в два поворота сорвал... голову с полной шеи", а потом, когда голова вернулась на место, все следы крови чудесным образом исчезли.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

– Булгаков, Иван Афанасьевич –

Булгаков Иван Афанасьевич (1900- 1969) - брат Булгакова.

Родился в 1900 г. в Киеве в семье А. И. и В. М. Булгаковых. Учился в Первой Александровской гимназии, однако из-за Октябрьской революции 1917 г. и последовавшей за ней гражданской войны не смог окончить полного курса.

В январе 1919 г. служил в белой Астраханской армии, в марте в Киеве болел тифом. Осенью 1919 г. вступил в ряды Добровольческой армии в Киеве. В начале 1920 г. в составе корпуса генерала Н. Э. Бредова интернирован в Польшу. В июле 1920 г. с отрядом Бредова прибыл в Крым, откуда в ноябре 1920 г. вместе с Русской армией генерала П. Н. Врангеля (1878-1928) эвакуировался в Галлиполи.

В 1921 г. вместе с армией переселился в Болгарию, где осел в Варне. Там организовал русский оркестр (Б. с детства хорошо играл на балалайке и пел). В 1924 г. Б. познакомился с Натальей Кирилловной Минко (1891-1974), дочерью героя русско-турецкой войны 1877 - 1878 гг. генерала К. В. Минко, на которой женился. 25 февраля 1925 г. у них родилась дочь Ирина.

В сентябре 1930 г. Б. с семьей по вызову брата Н. А. Булгакова уехал в Париж, где до конца своих дней проработал в оркестре русского ресторана. Из-за недостатка образования на более престижную работу Б. устроиться не мог. Необходимость же зарабатывать на содержание жены и дочери не позволила продолжить образование во Франции.

По устным воспоминаниям дочери Ирины, Б. писал нотные партитуры, сочинял музыку к собственным стихам и исполнял их во время ресторанных выступлений. Умер в Париже в 1969 г. от последствий ранения, полученного в гражданскую войну.

Б. очень любил брата Михаила. Сохранилось трогательное письмо Б. с дачи в Вуе от 11 июня 1912 г.: "Миша! Я не могу собирать, так как у нас идут дожди. Пока я собрал бабочек, жуков и прочих насекомых 40 шт. Ты обещал дать Косте (двоюродному брату, К. П. Булгакову) денег на булавки и эфир и не дал, поэтому я купил простых булавок и на них накалываю; эфира у меня осталась только 1-а бутыль, потому что их у меня было только две. Я пишу месяц, во время которого пойманы были насекомые. Пиши ответ. Твой брат Ваня Б." Позднее от старшего брата, помогавшего ему и Н. А. Булгакову материально в первые годы нелегкой эмигрантской жизни, Б. ждал совета в делах литературных.

Самое раннее из дошедших до нас писем Б. из эмиграции брату Михаилу датировано 26 января 1926 г. и приложено к его письму сестре Варе. Б. писал: "Ты мне давно, давно послал одно письмо с критическим мнением о моей старенькой вещице. Это дает мне право думать, что ты не будешь против напаженной переписки со мною. Пришлю тебя, ответь. Я посылаю несколько вещей. Хочу, чтобы ты прочел их и оценил".

К письму прилагалось восемь стихотворений. По крайней мере одно из них, "Страшный суд", повлияло на замысел "Мастера и Маргариты". Оно написано под несомненным воздействием "Краткой повести об Антихристе" из "Трех разговоров" (1900) Владимира Сергеевича Соловьева (1853-1900), где Антихрист-сверхчеловек "признал себя тем, чем в действительности был Христос", настоящим представителем того Бога, который "возводит солнце свое над добрыми и злыми, дождит на праведных и неправедных".

Антихрист выступал "последним судьей", судящим "не судом правды только, а судом милости". Он обещал всех различить и каждому дать то, что ему нужно. В "Страшном суде"
Одетый в пурпуры зарницы,
Брильянтами осыпан рос
Сойдет Антихрист, Сын Денницы,
Как небом посланный Христос.
Ему, последнему мессии,
Последняя открыта казнь.
Пред ним склонит покорно выю
Земле измученной боязнь.

Подобные эсхатологические представления были широко распространены среди русской эмиграции, переживавшей революционный кошмар. Например, почти тогда же, когда и Б., на "Краткую повесть об Антихристе" откликнулся известный философ Георгий Петрович Федотов (1886 - 1951) статьей "Об Антихристовом добре", опубликованной в 1926 г. в №5 журнала "Путь". Он подчеркивал, что "дело Антихриста у Соловьева совершается в форме служения добру".

У Булгакова в "Мастере и Маргарите" Воланд выступает и как исполнитель поручений Иешуа Га-Ноцри и как судия, воздающий каждому по его вере и заслугам. Булгаковский Понтий Пилат преодолевает и искупает свою трусость лишь в ночь последнего полета.

Б. писал старшему брату еще несколько раз, сообщая о своей трудной жизни. В частности, в письме от 29 августа 1931 г. говорилось: "Работаю сейчас музыкантом на балалайке, в качестве оркестранта и солиста Я... женат, у меня дочка - Ира. Ей сейчас скоро 7 лет. О тебе мои все хорошо осведомлены и любят тебя, как родного, радуются твоими радостями, болеют твоею болью. У меня есть многое о тебе, что хранию бережно и с любовью. Если хочешь, я могу прислать тебе ряд фотографий - наших и коленкальной выставки, где мы снимали и снимались. Я на ней в данное время работаю. Вступив в переписку, хочу знать, что тебя интересует, о чем хочешь беседовать. Я с тобой очень хочу быть в связи, но, лишь бы не мешать тебе и твоей работе. Сам я тоже пишу, вернее, писал очень много, главное - стихи, немного прозы. Хотел бы с тобой поделиться написанным. Сейчас только слишком занят работой (с 3 дня до полуночи). С Колей (братом, Н. А. Булгаковым) мне лечче теперь. Раньше чувствовалось одиночество, оторванность это всех.

Работаю много, Ната (моя жена) по мере сил помогает. Живем дружно - в мире и согласии. Пиши, родной мой! ... Очень интересно было бы знать все о твоей работе, иметь фотографии твои, твоей жены (мы "о ней" только знаем, а не "ее"). Любы (П. Е. Белозерской)".

Однако Ивану Михаил Булгаков писал редко, адресуя свои послания главным образом Н. А. Булгакову, который по мере сил помогал ему в публикации произведений и постановке пьес во Франции. Оценить стихи Б. все не находилось времени.

9 июня 1933 г. Б. вновь жаловался на занятость: "Занят я очень много. Ты не знаешь, наверное, что я работаю музыкантом каждый день с 4-х часов до полуночи, и имею для себя лично так мало свободного времени (галлицизмы стали уже обильно проникать в русскую речь Б.). Хотелось бы о многом с тобой поговорить, поделиться. Тебя я не забыл и не забуду (ты когда-то выразил это опасение). Все, что только мог собрать о тебе, берегу, как память. Сообщи мне, когда ты хотел бы, чтобы я послал тебе мои стихи, чтобы у тебя было время их разобрать. Я давно уже не имею возможности регулярно работать, но всегда полон мыслями об этом и очень мне хотелось бы с тобой всем, что имею и что во мне кипит, поделиться".

А 5 августа 1933 г., посылая новую партию своих стихов, Б. признавался: "Всегда горячо интересуюсь каждой новой вестью о тебе и о твоих делах. Сам я теперь пишу очень редко. Очень трудно в настоящих условиях мне работать на этом поприще. Все мое свободное время (очень малое по размерам) надо ухлопывать на личные дела, на чтение и пр. Иногда же бываешь так занят, что не успеваешь прочесть газету, не только заняться чем-либо серьезным. С трудом урываю время на чтение французского (находясь все время с русскими, с трудом можно найти возможность практики языка, а моя работа - в русском окружении). К сожалению, кусочек хлеба (да еще и с маслом, для семьи) приходится сейчас вырывать зубами. И я, и Ната сейчас работаем как волы. Вот эти-то заботы и утомляют, не дают возможности спокойно посвятить свое время, чему хочется, да и убивают все желание и, если хочешь, творческий подъем. Задумано было многое, но... и только".

Последнее из сохранившихся писем Б. брату датировано 4 мая 1934 г. и представляет собой ответ на короткое послание Булгакова от 21 апреля (писатель был обеспокоен прекращением известий от брата Николая). Б. повторил, что очень занят, работает в оркестре, дополнительно дает два урока музыки, и вновь просил: "Мне часто бы, если у тебя есть возможность, получить несколько строк критики давно тебе мною посланного. Ты их мне обещал... и замолк. Даже самое плохое мнение (не мне тебе об этом говорить!) - лучше молчания. Если есть на это время - черкани хоть несколько слов.

Сейчас нахожусь в тоске, сдабриваемой порядочной порцией скуки. Прибавив к этому сознание бессилия, невозможность вырваться из тисков, в которые зажата наша монотонная жизнь, - ты поймешь мое горячее желание общения с новым человеком, с новой мыслью, желание встряхнуться. Работаю я каждый день, без отдыха, себе остается так мало времени, да и не всегда, имея его, можешь настроиться на нужное и желанное. Иногда думается, сколько попусту потерянного времени в прошлом и как оно теперь пригодилось бы! Но все же - жду, надеюсь, верю".

Наконец, после этого письма, спустя восемь лет, Булгаков откликнулся на просьбу брата и послал ему разбор ранее присланных стихотворений: "Твоя муза мрачна и печальна, но у каждого своя муза, надо следовать за ней.

"Я жду тебя, певец полночный..." Начало правильное. Верно и "Тебе оно открыл нарочно и занавесь сорвал с окна..."

Но в остальном смысл затемнен. Певца полночного не видишь. И непонятно, почему поэт ждет его, если он "гость случайный". Лик пришедшего не ясен, благодаря тем определениям, которые дает автор. Что значит "страж ужаса?" В особенности, если далее идет "хранитель сна".

"Скажу - готов и не боюсь". Верно и сильно, а далее досадное ослабление.

И это во многих стихотворениях. Они написаны туманно. Не отточена в них мысль до конца, а это порождает дефекты внешности, неряшливость. Непонятно начало "Греха", непонятны "Облака", как и многое другое. А "Стара Планина" понятна. Продумано, закруглено, и читаешь с иным чувством и отмечаешь "осколок, словно знак вопроса"...

Невозможности ли, нежелание ли до конца разъяснить замысел, быть может, желание затушевать его нарочно, порождает очень большой порок, от которого надо немедленно начать избавляться: это постановка в стихах затертых, бледных, ничего не определяющих слов".

Данное письмо - не только единственный отзыв Булгакова о стихах брата, но и вообще единственный булгаковский отзыв о поэзии. Автор "Мастера и Маргариты" требовал от поэта ясности языка, точности употребляемых слов, логической непротиворечивости содержания. Возможно, он так долго тянул с ответом на стихи Б. потому, что поэзию вообще-то не любил (исключая пушкинские стихи) и затруднялся объективно оценить творчество брата.

Вот стихотворение "Стара Планина" (1929), которое Булгаков ставил наиболее высоко:
Балкан. Кровавые утесы.
Гигантской брошенный рукой
Осколок, словно знак вопроса,
И прорубив седой гранит,
Змеистый путь наверх бежит.
Пастух овец сбирает стадо,
Чтоб узкой горною тропой.
До темноты в селе быть надо,
Где после трудового дня
Прилечь у дымного огня.
Наш поезд мчится в пасть тоннеля.
Ловлю последний луч. Закат
На горы стелет алый плат,
Туманом пеленает element...
Какая мощь и старина
В тебе, угрюмая страна!

Вероятно, писателю импонировала подобная лирика с четко прорисованным горным пейзажем, заставляющим вспомнить о "Страшной мести" (1832) Николая Гоголя (1809-1852) (оттуда, возможно, нетрадиционное для русской речи название Балкан у Б. по аналогии с Карпатом у Гоголя). О гоголевской "безвыходной пропасти, которой не видали еще ни один человек", напоминает "пасть тоннеля" в "Старой Планине", как и пропасть, в которую уходят Воланд и его свита в последнем булгаковском романе.

После мая 1934 г. переписка братьев прекратилась. На это, скорее всего, повлияли неблагоприятные личные обстоятельства. В 1934 г. Б. развелся с женой. А в конце апреля 1934 г. брат Михаил подал прошение о двухмесячной поездке во Францию вместе с Е. С. Булгаковой, однако в июне получил унизительный отказ, глубоко потрясший его (см.: "Был май"). Исчезла надежда на встречу с братьями. В 1935 г. Булгаков подал новое прошение о заграничной поездке, но с тем же результатом. Б. он больше не писал, хотя в письмах Н. А. Булгакову обычно просил: "передай привет Ивану".

Судьба Б. в эмиграции, вероятно, побуждала старшего брата отказаться от мыслей оставить родину. На примере Б. он видел, как трудно жить на чужбине, понимал, что необходимость каждодневной борьбы за кусок хлеба оставит очень мало времени для творчества, еще меньше, чем в СССР, а прожить во Франции на литературные и театральные заработки будет практически невозможно, тем более что Булгаков главные свои произведения создавал на русском революционном и послереволюционном материале.

Наверх »

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Полоумный Журден"

"Полоумный Журден" - пьеса, имеющая подзаголовок "Мольериана в трех действиях".

При жизни Булгакова не ставилась и не публиковалась. Впервые опубликована: Булгаков М. Драмы и комедии. М.: Искусство, 1965. П. Ж. был написан в сентябре-ноябре 1932 г. Договор на перевод и адаптацию комедии Жана Батиста Мольера (Поклена) (1622-1673) "Мещанин во дворянстве" (1670) (такой свободной адаптацией и стал П. Ж.) был заключен еще 18 июля 1932 г. Однако постановка П. Ж. не осуществилась.

За основу пьесы Булгаков взял "Мещанина во дворянстве", но добавил героев и сцены из других мольеровских комедий: Дон Жуана и Статую Командора из "Дон Жуана" (1665), философа Панкрасса из "Брака поневоле" (1664) и слугу Брэндавуана из "Скупого" (1668). Последнюю комедию он также перевел целиком для издательства "Academia" в ноябре-декабре 1935 г. (булгаковский перевод был издан в 3-м томе собрания сочинений Ж. -Б. Мольера в 1939 г.).

Подобно пьесе "Багровый остров", П. Ж. построен как репетиция "Мещанина во дворянстве" в мольеровском театре "Старая Голубятня". Только, в отличие от "идеологической" пьесы халтурщика Дымогацкого, здесь на сцене запечатлен процесс театрального воплощения подлинного шедевра. Сам Мольер на сцене не появляется, как не появляется главный герой в пьесе "Александр Пушкин". По сравнению с оригиналом, Булгаков несколько смягчил сатирическую заостренность персонажей. Так, Журден в П. Ж. скорее комичный чудак, а не туповатый мещанин. В финале же, подобно главному герою пьесы "Дон Кихот", он переживает трагедию расставания со своими иллюзиями.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

⇦ :: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Стравинский ~

Стравинский - персонаж романа "Мастер и Маргарита", профессор, директор психиатрической клиники.

Одним из прототипов С. из числа современников Булгакова послужил профессор Григорий Иванович Россолимо (1860-1928) - директор клиники 1-го МГУ, возглавлявший лабораторию экспериментальной психологии при Неврологическом институте. Однако у С. был и литературный прототип - доктор-психиатр Равино из рассказа Александра Беляева (1884-1942) "Голова профессора Доуэля" (1925). Вероятно, фамилия Равино тоже произошла от Россолимо.

Доктор Равино, человек с демоническим обликом, возглавляет клинику, которая, как и клиника С., во многом выполняет функции тюрьмы (С. подобен Воланду). Скорее всего, фамилия Равино натолкнула Булгакова, знакомого с рассказом Беляева и уже назвавшего одного из персонажей Михаилом Александровичем Берлиозом, дать другому фамилию Стравинский, создав тем самым своеобразную "музыкальную перекличку" - в честь известных композиторов Гектора Берлиоза (1803-1869) и Игоря Федоровича Стравинского (1882-1971).

Что же касается расположения клиники Стравинского, то исследователи помещают ее на место Химкинской городской больницы №1 (Правобережная ул., 6а). С 1928 года здесь находилась Московская областная больница с крупным нервно-психиатрическим отделением. Она помещалась в особняке стиля модерн (с чертами рыцарского замка), построенного по заказу купца С.П. Патрикеева знаменитым архитектором Ф.О. Шехтелем (1859-1926) в 1908 г.

Из клиники С., похожей на старинный замок, открывался вид на "веселый сосновый бор" за рекой. Такой же бор лежит на другом берегу Москвы-реки против Химкинской больницы. Путь к ней из центра города проходит по Ленинградскому шоссе, как и к клинике С. Еще до революции С.П. Патрикеев создал в особняке Шехтеля самую современную по тем временам больницу, оборудование для которой заказывалось на лучших заводах Германии и Швейцарии. Таким же новейшим оборудованием снабжена и клиника Стравинского.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Булгаков, Афанасий Иванович ~

Страницы: 1 2

Булгаков Афанасий Иванович (1859-1907) - отец Булгакова, статский советник, профессор Киевской Духовной Академии по кафедре истории западных вероисповеданий.

Б. родился 17/29 апреля 1859 г. в семье православного священника Ивана Авраамьевича Булгакова (1830-1894) и Олимпиады Ферапонтовны Булгаковой (урожденной Ивановой) (1830-1910). В 1876-1881 гг. Б. обучался в Орловской духовной семинарии, в 1881-1885 гг. - в Киевской Духовной Академии, которую окончил со степенью кандидата богословия.

В 1885-1887 гг. преподавал древнегреческий язык в Новочеркасском духовном училище. В 1887 г. за книгу "Очерки истории методизма" (1886) Советом Академии был удостоен степени магистра богословия и в том же году определен на службу в КДА в должности доцента общей древней гражданской истории с чином надворного советника. В 1889 г. Б. перешел на кафедру истории и разбора западных исповеданий. Одновременно в 1890-1892 гг. преподавал историю в Киевском Институте благородных девиц. С 1892 г. параллельно с преподаванием Б. исполнил обязанности Киевского отдельного цензора по внутренней цензуре.

В 1902 г. Б. был избран экстраординарным профессором. 11 декабря 1906 г. удостоен степени доктора богословия, а 8 февраля 1907 г. Святейший синод утвердил Б. в звании ординарного профессора.

1 июля 1890 г. Б. женился на Варваре Михайловне Покровской (Булгаковой), дочери православного священника. У них было семеро детей: Михаил (1891), Вера (1892), Надежда (1893), Варвара (1895), Николай (1898), Иван (1900) и Елена (1902). 14 марта 1907 г. Б. скончался от наследственного нефросклероза.

В некрологе, написанном профессором КДА В. П. Рыбинским (1867-1944) и опубликованном в "Трудах КДА", отмечалось, что "почивший профессор был очень далек от того поверхностного либерализма, который с легкостью все критикует и отрицает; но в то же время он был противником и того неумеренного консерватизма, который не умеет различать между вечным и временным, между буквой и духом и ведет к косности церковной жизни и церковных форм".

Подобный умеренный либерализм Б. отчетливо отразился в его работах, особенно написанных после начала революционных событий 1905 г. Например, в статье "Французское духовенство в конце XVIII в. (в период революции)" Б. писал: "В то время среди французского народа началась проповедь о равенстве, братстве и свободе всех людей с точки зрения формально-правовых воззрений на отношение людей между собою. Что же стали делать высшие представители церкви? Как они отнеслись к этому? Вместо того, чтобы заняться выяснением истинно христианского смысла этих понятий (Мф. V, 44 - 48), они, как бы закрывая глаза на то, что эти понятия заимствованы из учения Господа нашего Иисуса Христа, стали проповедать о том, что безусловного равенства, братства и свободы никогда не было и быть не может. Но ведь дело шло совсем не об этом. Дело шло о равенстве всех пред законом, в основе которого (по идее) должен быть закон нравственный. Они начали также проповедать о необходимости безусловного повиновения законам, происходящим от Богом поставленной власти. Но на качество этих законов внимания не обращалось; не обращалось внимания на их отношение к духу христианства. Такою постановкою дела высшее духовенство скомпрометировало себя, и в таком отношении его к начавшемуся народному движению нужно искать происхождения того поистине грустного факта, который известен в истории Франции под именем объявления "культа разума".

Б. отмечал при этом, что низшее приходское духовенство во Франции накануне революции "было придавлено и вместе с простым народом делило его радости и горе. Оно страдало от бедности, несмотря на то, что не было обременено и связано тягостями семейной жизни; оно было под гнетом и духовной и светской власти, оно страдало и от провинциальной аристократии, которая своими связями с высшим клиром всегда имела возможность угнетать приходских священников (cures). Одним словом, конец XVIII века дает нам целый ряд картин, знакомых нам, близких нашему сердцу, напоминающих до мельчайших подробностей жизнь наших деревенских священников по их положению между простым народом и деревенской "знатью", начиная с господ и кончая их "дворецкими". Слово "cure" (приходской священник) сделалось таким же унизительным и обидным, почти позорным, как и теперь у нас слово "поп". А между тем этому-то именно духовенству и предстояла необходимость выступить со своим религиозно-нравственным влиянием в деле начинавшегося народного разрушительного движения. Что оно могло сделать? Как могло оно предотвратить братоубийственную народную резню? Оно не могло с открытою душою и с полным убеждением выступить на защиту старого порядка вещей; потому что это значило бы защищать полное попрание законов божеских и человеческих, и потому, - естественно, оно должно было или оставаться молчаливым зрителем ужасных событий или, сознавая справедливость народных требований, становиться в ряды недовольных и вместе с ними переживать все ужасы революции".

Автор "Французского духовенства в конце XVIII в." считал, что "когда теперь во Франции говорят об отделении Церкви от государства, то, в сущности, говорят о том, чтобы юридически констатировать уже совершившееся дело; а совершилось оно тогда, когда французское духовенство бросило своих пасомых на произвол судьбы, впуталось в государственные дела, и не хотело признать той истины, что совершение государственных переворотов не дело Церкви, что царство Божие не есть брашно или питие, но правда и мир, и радость о Духе Святе".

Б., судя по тексту "Французского духовенства" и других статей, был приверженец христианским идеалам братства, равенства и свободы, мечтал об устроении общества согласно нравственному закону. Воззрения Б. близки идеям христианского социализма, высказывавшимся философом, публицистом и общественным деятелем С. Н .Булгаковым, с которым Б. был знаком по созданному в марте 1905 г. Религиозно-философскому обществу памяти В. С. Соловьева.

В деятельности этого общества, основанного С. Н. Булгаковым, Б. принимал активное участие вплоть до своей смертельной болезни, обострившейся осенью 1906 г. Мысль Б. о том, что Царство Божие не может носить земного, материального характера, представляла собой критику марксизма с его земным коммунистическим раем и была близка идеям С. Н. Булгакова и Н. А. Бердяева.

Булгаков в "Мастере и Маргарите" идеальное царство истины и справедливости, о котором говорит Иешуа Га-Ноцри и которое достижимо лишь в надмирности, сравнивает с карикатурным осуществлением коммунистического идеала в современной ему Москве на примере обитателей Нехорошей квартиры, Дома Грибоедова и Театра Варьете.

Пророчество отца Булгакова
Демонстрация советского идиотизма в "Мастере и Маргарите"
Сборщики налогов превращают учение Христа в источник ненависти
Методы воспитания маленького Булгакова
Читайте завершение>>>

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Булгаков, Афанасий Иванович, часть 2 ~

Страницы: 1 2

Свою приверженность свободе и неприятие разрушительной революционной народной стихии автор "Мастера и Маргариты" выразил в письме правительству 28 марта 1930 г., где утверждал: "Борьба с цензурой, какая бы она ни была и при какой бы власти она не существовала, мой писательский долг, так же как и, призывы к свободе печати. Я - горячий поклонник этой свободы и полагаю, что, если кто-нибудь из писателей задумал бы доказывать, что она ему не нужна, он уподобился бы рыбе, публично уверяющей, что ей не нужна вода".

Здесь же Булгаков указал на свой "глубокий скептицизм в отношении революционного процесса, происходящего в моей отсталой стране, и противопоставление ему излюбленной и Великой Эволюции...".

Б. писал "Французское духовенство" еще только в самом начале революции, под явным впечатлением от расстрела демонстрации 9 января 1905 г., но как будто предвидел действительно широкомасштабную гражданскую войну с многочисленными жертвами.

Булгакову пришлось воочию наблюдать "братоубийственную народную резню" и не удалось остаться "молчаливым зрителем ужасных событий". Будучи мобилизован в армии всех сторон, участвовавших в гражданской войне, он позднее запечатлел эти события в "Белой гвардии" и "Днях Турбиных".

Б., сам сын бедного приходского священника, не понаслышке знал положение низшего русского духовенства, которое, в отличие от французского, было еще и обременено семьей, и предрекал столь же печальные последствия для дела веры, как во время Великой Французской революции. Булгаков писал "Мастера и Маргариту" в эпоху государственного атеизма и упадка религии, демонстрируя весь глубокий идиотизм официального отрицания Христа и христианства.

Под "истинно-христианским смыслом" равенства, братства и свободы Б. подразумевал следующее место из Евангелия от Матфея: "А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных. Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари (сборщики податей)? А если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники? Итак будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный" (Мф. V, 44-48).

Эти слова, возможно, не без влияния статьи отца, явились для Булгакова источником проповеди Иешуа Га-Ноцри о том, что злых людей нет на свете и что все люди добрые, включая избивающего его Марка Крысобоя и предателя Иуду из Кириафа. Евангелист стал персонажем "Мастера и Маргариты" под именем Левия Матвея. Этот герой, однако, уподоблен мытарю из проповеди Христа (его прежняя профессия сборщика податей в романе подчеркивается). Матвей сохраняет ненависть к Иуде и лишь смягчается по отношению к Понтию Пилату, когда узнает, что прокуратор организовал убийство корыстолюбивого юноши из Кириафа.

Булгаковский евангелист питает любовь только к любящему его Иешуа. В "Мастере и Маргарите" показано, что учение Иисуса Христа неизбежно будет толковаться мытарями и может стать источником не любви, а ненависти.

В 1903 г. Б. написал также статью "Современное франкмасонство в его отношении к церкви и государству". Эта статья нашла отражение в "Мастере и Маргарите" (см.: Масонство). Б. подчеркивал, что в масонстве "есть такая сторона, знание о которой доступно только самому ограниченному числу посвященных членов", в связи с чем среди масонов выделяются две группы: "те, которые не знают последнего слова, или, по крайней мере, последней цели союза" и "настоящие франкмасоны, которые хорошо знают, что говорят и что делают".

Автор "Современного франкмасонства" отметил, что "в настоящее время ряды франкмасонских лож наполняются евреями... понятное дело, что от таких лож нельзя ожидать ничего доброго для христианства. Но чего именно можно ожидать, это сказать трудно, потому что для этого самому нужно стоять в центре франкмасонства. А для этого необходимо достигнуть высших ступеней франкмасонства, к которому три низшие ступени (ученика, подмастерья и мастера) служат только преддверием; члены этих степеней знают только немногих представителей своих лож; они находятся под руководством членов высших разрядов: "Масонов шотландского обряда" , "Розенкрейцеров"... и "Невидимых" или "Задних лож"; чтобы достигнуть этого нужно иметь 33-ю степень франкмасонства. Собственно, имеющие эту степень и стоят во главе франкмасонского союза".

Б. подробно описывает обряд посвящения "мастера", отразившийся в сцене Великого бала у сатаны и последовавшего за этим извлечения Мастера из лечебницы.

Влияние Б. на будущего писателя было благотворным. Как вспоминала Н. А. Булгакова, в 1900 г. родители купили дачный участок в две десятины леса в поселке Буча под Киевом: "И на этом участке под наблюдением отца была выстроена дача в пять комнат и две большие веранды... Дача дала нам простор, прежде всего простор, зелень, природу. Отец (он был хорошим семьянином) старался дать жене и детям полноценный летний отдых... В первый же год жизни в Буче отец сказал матери: "Знаешь, Варечка, а если ребята будут бегать босиком?" Мать дала свое полное согласие, а мы с восторгом разулись и начали бегать по дорожкам, по улице и даже по лесу... И это вызвало большое удивление у соседей. Особенно поджимали губы соседки: "Ах! Профессорские дети, а босиком бегают!".

Как видно. Б., сам выросший в бедной семье, где было десять человек детей, достигнув известного положения, ничего не имел против того, чтобы его дети играли с детьми простонародья.

Н. А. Булгакова отмечала, что родители "как-то умело нас воспитывали, нас не смущали: "Ах, что ты читаешь? Ах, что ты взял?" У нас были разные книги. И классики русской литературы, которых мы жадно читали. Были детские книги... И была иностранная литература. И вот эта свобода, которую нам давали родители, способствовала нашему развитию, она не повлияла на нас плохо. Мы со вкусом выбирали книги". Любовь к хорошим книгам сохранилась у Булгакова на всю жизнь, и по числу литературных источников, использованных в своих произведениях, автор "Мастера и Маргариты" стоит на одном из первых мест среди русских писателей.

Н. А. Булгакова оставила нам развернутую характеристику Б.: "Когда отец умер, мне было 13 лет. Мне казалось, что мы, дети, плохо его знали. Ну что же, он был профессором, он очень много писал, он очень много работал. Много времени проводил в своем кабинете. И тем не менее, вот теперь, оглядываясь на прошлое, я должна сказать: только сейчас я поняла, что такое был наш отец. Это был очень интересный человек, интересный и высоких нравственных качеств. ... Над его гробом один из студентов, его учеников, сказал: "Ваш симпатичный, честный и высоконравственный облик". Действительно - честный, и чистый, и нравственный, как сказал его студент. Это повторяли и его сослуживцы. Отец проработал в академии 20 лет и за эти 20 лет у него ни разу не было не только ссоры или каких-нибудь столкновений с сослуживцами, но даже размолвки. Это было в его характере. У него была довольно строгая наружность. Но он был добр к людям, добр по-настоящему, без всякой излишней сентиментальности. И эту ласку к людям, строгую ласку, требовательную, передал отец и нам. В доме была требовательность, была серьезность, но мне кажется, я могу с полным правом сказать, что основным методом воспитания детей у Афанасия Ивановича и Варвары Михайловны Булгаковых были шутка, ласка и доброжелательность. Мы очень дружили детьми и дружили потом, когда у нас выросла семья до десяти человек. Ну, конечно, мы ссорились, было все что хотите, мальчишки и драпись, но доброжелательность, шутка и ласка - это то, что выковало наши характеры.

Еще одно качество нам передал отец. Отец обладал огромной трудоспособностью. Вот я помню. Он уезжал в Киев с дачи на экзамены, с экзамена он приезжал, снимал сюртук, надевал простую русскую рубашку-косоворотку и шел расчищать участок под сад или огород. Вместе с дворником они корчевали деревья, и уже один, без дворника, отец прокладывал на участке (большой участок - две десятины) дорожки, а братья помогали убирать снятый дерн, песок... Отец с большой любовью устраивал домашнее гнездо, но, к сожалению, это продолжалось недолго".

Какие-то черты отца Булгакова наряду с другими прототипами отразились в образах профессора Персикова в "Роковых яйцах" и профессора Преображенского в "Собачьем сердце".

« Назад

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Шестов Лев ~

Страницы: 1 2

Шестов Лев (настоящие имя и фамилия: Иегуда Лейб Исаакович Шварцман) (1866-1938) - русский философ, один из основоположников экзистенциальной философии, оказавший значительное влияние на творчество Булгакова. Наиболее отчетливо это влияние проявилось в романе "Мастер и Маргарита".

Ш. родился 24 января (5 февраля) (по другим данным - 31 января (12 февраля) 1866 г. в Киеве в семье крупного коммерсанта. В 1874 г. поступил в Третью киевскую гимназию, которую окончил в 1883 г. В том же году поступил на математический факультет Киевского университета. В 1884 г. перешел на юридический факультет, который окончил в 1889 г. Его дипломная работа называлась "Фабричное законодательство в России".

В конце 1880-х годов Ш. увлекается марксизмом, участвует в организации первых марксистских кружков в Киеве. В 1890-1891 гг., Ш. служит в армии, а с конца 1891 г. короткое время работает помощником присяжного поверенного в Москве. В 1892 г. Ш. возвращается в Киев и работает на предприятии отца. Публикует несколько статей по экономическим и финансовым вопросам.

В 1893-1894 гг., постепенно отходя от марксизма, обращается к вере. В 1895 г. Ш. опубликовал в Киеве свои первые статьи по философии и литературоведению - "Вопрос совести (О Владимире Соловьеве)" и "Георг Брандес о Гамлете". В 1896 г. Ш. уехал в Швейцарию в связи с тяжелым нервным расстройством, вызванным переутомлением. В 1899 г. вернулся в Россию. В 1898 г. вышла первая книга Ш. "Шекспир и его критик Брандес", не имевшая успеха. В 1899 г. выходит книга Ш. "Добро в учении гр. Толстого и Ф. Ницше", замеченная критикой и вызвавшая публичный диспут в Киеве.

С 1901 г. Ш. сотрудничает в журнале "Мир искусства", где в 1902 г. публикуется его новая книга "Достоевский и Ницше". В 1902 г. Ш. знакомится в Киеве с философами Н. А. Бердяевым и С. Н. Булгаковым. В 1905 г. выпускает книгу "Апофеоз беспочвенности: Опыт адогматического мышления", вызвавшую бурную дискуссию в ведущих журналах страны. В 1909 г. уезжает в Швейцарию в г. Коппе, где пишет книгу статей "Начала и концы". Работает над книгой "Sola fide - Только верою (Греческая и средневековая философия. Лютер и церковь)", однако из-за начала в 1914 г. первой мировой войны Ш. вынужден был оставить незавершенную рукопись вместе с обширной библиотекой трудов Мартина Лютера (1483-1546), средневековых мистиков и схоластов, а также современных немецких богословов, и вернуться в Москву.

В 1915 г. становится членом Московского психологического общества. В июне 1918 г. Ш. приехал в Киев, где начал читать в университете введение в философию права. В июне 1919 г. становится приват-доцентом философского отделения историко-филологического факультета Киевского университета, предполагая читать курс по истории древней философии.

В отзыве на труды Ш. в связи с получением им приват-доцентуры известный историк философии Василий Васильевич Зеньковский (1881-1962) (в то время - экстраординарный профессор по кафедре философии) отмечал: "Шестов с любовью и настойчивостью разыскивает повсюду иррациональное, алогическое, не укладывающееся в схемы разума; отсюда неизбежная близость его философии к скептицизму или по крайней мере к агностицизму. Однако было бы ошибочно причислять Л. И. Шестова к скептикам; положительный пафос его творчества определяется стремлением охранить своеобразие тех сторон действительности, которые часто трактуются слишком узко в духе рационализма".

В ноябре 1919 г. вместе с родителями и женой Н. Л. Барановой-Шестовой Ш. переезжает из Киева в Ялту. По ходатайству С. Н. Булгакова и профессора Киевской Духовной Академии И. П. Четверикова Ш. зачисляется в штат Таврического университета в Симферополе приват-доцентом. В январе 1920 г. вместе с семьей отбывает из Севастополя в Константинополь, откуда в феврале 1920 г. через Геную прибывает в Женеву. В 1920 г. во французском журнале "Меркур де франс" Ш. опубликовал статью "Что такое русский большевизм?"

В 1921 г. Ш. переехал в Париж и получил профессуру на Русском отделении Парижского университета (Сорбонны). Он читает там курс по философии, курс, посвященный философским идеям Федора Достоевского (1821-1881) и Блеза Паскаля (1623-1662), Достоевского и Сирена Кьеркегора (Киркегора, Киргегарда) (1813-1855), Владимира Соловьева (1853-1900), средневековой европейской философии и др.

В 1923 г. в Берлине в издательстве "Скифы" выходит книга Ш. "Potestas Clavium" ("Власть ключей"), привлекшая внимание Булгакова. В 1929 г. в Амстердаме Ш. знакомится с основателем феноменологии немецким философом Эдмундом Гуссерлем (1859-1938), оказавшим большое влияние на Ш. и в свою очередь испытавшим воздействие шестовских идей (несмотря на противоположность их взглядов). В том же году Ш. встретился с одним из наиболее известных немецких экзистенциалистов Мартином Хайдеггером (1889-1976), с которым, как и с Гуссерлем, подружился.

В 1929 г. в парижском издательстве "Современные записки" вышла книга Ш. "На весах Иова", в 1932 г. в парижском же "ИМКА-Пресс" - сборник статей "Скованный Парменид", а в 1936 г. на французском - исследование "Киргегард и экзистенциальная философия (на русском оно появилось уже посмертно в Париже в 1939 г. тиражом 400 экземпляров). Проблемам истории духовности посвящена книга Ш. "Афины и Иерусалим", изданная в 1938 г. на французском и немецком языках (на русском ее выпустили только в 1951 г.). В 1937 г. десять лекций Ш. о современной философии были переданы по французскому радио.

В последние годы жизни он увлекся индуистской философией. В конце 1937 г. из-за кровоизлияния в кишечник Ш. оставляет чтение лекций в Сорбонне. В связи с кончиной Э. Гуссерля во Фрейбурге в апреле 1938 г. Ш. пишет и публикует в "Русских записках" в Париже одну из последних своих статей "Памяти великого философа. Эдмунд Гуссерль".

20 ноября 1938 г. Ш. скончался в Париже от бронхита и открывшегося туберкулеза. Похоронен на Новом кладбище в Булони.

Ш. наряду с Н. А. Бердяевым считается основателем русского экзистенциализма, хотя в России и в мире в целом известен менее Бердяева. Но, по мнению В. В. Зеньковского (о. Василия), высказанному в "Истории русской философии" (1948-1950), Ш. являет нам тип философа, "во многом очень близкого к Бердяеву, но гораздо более глубокого и значительного, чем Бердяев". Вероятно, подобному суждению способствовал парадоксально-афористический и остроумный стиль изложения у Ш., во многом воспринятый им у Фридриха Ницше (1844-1900).

Ш. пытался отвергнуть этический рационализм европейской философской традиции и заменить ее мистической этикой Божественного Откровения, утвердить примат судьбы над разумом. В этом он был едва ли не самым последовательным из мыслителей XX в., что и привлекло к Ш. особые симпатии религиозных философов, вроде Зеньковского, поставившего его даже выше более секуляризованного Бердяева. Ш. очень убедительно и логично доказывает ограниченность человеческого разума, неспособного объяснить мир чувств. Сам Булгаков, в отличие от Ш., мистиком не был (см.: Христианство), однако, судя по тому, какая судьба постигла в "Мастере и Маргарите" "голого" рационалиста Михаила Александровича Берлиоза, мысль философа об ограниченности возможностей человеческого познания и предвидения разделял.

Наибольшие параллели в булгаковском творчестве обнаруживаются с "Властью ключей". В 1917 г. фрагмент этой работы был опубликован в ежегоднике "Мысль и слово", который редактировал известный философ и филолог Густав Густавович Шпет (1879-1937). Со Шпетом Ш. близко сошелся в Москве в 1914 г., а Шпет с Булгаковым подружились в 1925 г. в связи с женитьбой писателя на Л. Е. Белозерской и вступлением его в круг интеллигенции, связанной с Государственной Академией Художественных Наук.

Г. Г. Шпет был вице-президентом ГАХН с 1926 г. и до закрытия в 1930 г. (возникла академия в 1921 г.). Членами ГАХН были многие друзья Булгакова - филолог Н. Н. Лямин, философ и филолог П. С. Попов, писатель Сергей Заяицкий (1893-1930), в квартире которого в Долгом переулке, скорее всего, и произошло знакомство Шпета с Булгаковым. Шпет мог выступить посредником в знакомстве автора "Мастера и Маргариты" с работами Ш. Дополнительным психологическим основанием для особого внимания Булгакова к творчеству Ш. могло послужить то обстоятельство, что автор "Власти ключей", как и Шпет, был земляком писателя.

Ш. строит "Власть ключей" на противопоставлении судьбы и разума, стремясь доказать невозможность охвата живого многообразия жизни одним только рациональным мышлением. Основную часть своего труда он начинает с высказывания древнегреческого историка Геродота о том, что "и Богу невозможно избежать предопределения судьбы", подчеркивая различия фигурирующей здесь "мойре" - "судьбы" и "логоса" - "разума", тогда как в позднейшей философской традиции, по мнению Ш., "мойре" постепенно стала превращаться в "логос".

И именно этой фразой в редакции "Мастера и Маргариты", создававшейся в 1929-1930 гг., Воланд провожал Берлиоза, которому через несколько мгновений суждено было погибнуть под колесами трамвая. "Князь тьмы" предупреждал самоуверенного литератора: "Даже богам не возможно милого им человека избавить!.." (ясно подразумевалось - от судьбы, от смерти). Уповинал Воланд и то, что "дочь ночи Мойра (древнегреческая богиня судьбы) допряла свою нить", намекая на скорую гибель председателя МАССОЛИТа. На примере Берлиоза сатана демонстрировал бессилие разума перед судьбой, и в этом Булгаков следовал Ш. А предложение дать о предстоящей смерти телеграмму в Киев дяде можно понять и как указание на родину Ш.

"Знание есть скудость"
Бог награждает за веру, а не за добрые дела
Добро всегда проигрывает
Иван Бездомный-Нострадамус
Полемика со Спинозой
Читайте завершение»»»

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Шестов Лев, часть 2 ~

Страницы: 1 2

Автор "Власти ключей" шел дальше. Он утверждал, что "отдельная человеческая душа рвется на простор, прочь от домашних пенатов, изготовленных искусными руками знаменитых философов... Она не умеет дать себе отчета в том, что разум, превративший свой бедный опыт в учение о жизни, обманул ее. Ей вдруг дары разума - покой, тишина, приятства - становятся противны. Она хочет того, чему разуму и не снилось. По общему, выработанному для всех шаблону, она жить уже не может. Всякое знание ее тяготит - именно потому, что оно есть знание, т. е. обобщенная скудость".

Булгаковский Мастер в "Мастере и Маргарите" в своем романе о Понтии Пилате исторически точно, т.е. рационально, воссоздал события девятнадцативековой давности, но сломлен неблагоприятными жизненными обстоятельствами и мечтает лишь о "дарах разума" - тишине и покое.

Ш. различает высший, сверхъестественный свет Божественного Откровения, доступный принявшим это Откровение, свет, ниспадающий с Божьих высот, и низший, естественный свет, свет разума, выше которого не поднимутся те, кто все надежды возлагают только на рациональное познание действительности. В лучах этого низшего лунного света и являются Маргарита и Мастер во сне Ивану Бездомному.

Высшего, сверхъестественного света в финале удостоился только прощеный Понтий Пилат, встретившийся, наконец, с Иешуа Га-Ноцри на серебристой лунной дорожке. Для него главное - облегчить свою совесть. Прокуратор Иудеи хотел бы поверить, что Иешуа остался жив и "казни не было". Эту фразу постоянно твердит Понтий Пилат, пытаясь сделать бывшее не бывшим. Здесь он полностью повторяет мысль Ш., который во "Власти ключей" и других своих работах, развивал тезис средневекового итальянского философа и богослова кардинала Петра Дамиани (1007-1072). По словам Ш., Дамиани "утверждал, что для Бога возможно даже бывшее сделать никогда не бывшим", и, как полагал автор "Власти ключей", "вовсе не мешает вставить такую палку в колеса быстро мчащейся колеснице философии".

По мнению Ш., Божий промысел может влиять не только на настоящее и будущее, но и на прошлое, например, сделать так, чтобы Сократу не пришлось пить чашу с ядом. Как отмечал Н. А. Бердяев в "Русской идее" (1946): "Тема Шестова - религиозная. Это тема о неограниченных возможностях для Бога. Бог может сделать однажды бывшее небывшим, может сделать, что Сократ не был отравлен. Бог не подчинен ни добру, ни разуму, не подчинен никакой необходимости".

Булгаковский Понтий Пилат, подобно Ш., верит в силу Бога сделать так, чтобы случившейся по вине прокуратора казни не было, и за это он в конце концов награждается светом Божественного Откровения. Однако автор "Мастера и Маргариты" в финале романа специально подчеркивает, что Пилат и Иешуа - только персонажи. Воланд демонстрирует Мастеру выдуманного тем героя - Понтия Пилата - и предлагает кончить роман одной фразой. Мастер отпускает прокуратора навстречу Иешуа, с которым Пилат мечтает закончить беседу. Это звучит как пародия по отношению к философии Ш. Сам Булгаков явно не верил во всемогущую силу Божественного Откровения.

С помощью идей Ш. можно понять и проповедь добра, с которой выступает Иешуа Га-Ноцри. Во "Власти ключей" рассказывается о Мелите и Сократе. На ложный обвинительный приговор, которого добился первый, второй ответил только тем, что назвал своего противника "злым". Ш. отвергает здесь широко распространенную в философской традиции мысль о моральной победе Сократа: "В случае Сократа победила история, а не добро: добро только случайно восторжествовало. А Платону и его читателям кажется уже, что добро всегда по своей природе должно побеждать. Нет, "по природе" дано побеждать чему угодно - грубой силе, таланту, уму, знанию, только не добру..."

Проповедь добра, с которой пришел Иешуа, его теория о том, что "злых людей нет на свете", попытки разбудить в людях их изначально добрую природу не приносят успеха. Понтий Пилат, вроде поддавшийся ей, все равно отправляет Га-Ноцри на мучительную смерть, а для того, чтобы исправить свою малодушную ошибку, не находит ничего лучше, как организовать убийство "доброго человека" Иуды из Кириафа, т. е., согласно проповеди Иешуа, свершить зло, а не добро. Убить Иуду собирается и Левий Матвей, также испытавший воздействие Иешуа. Булгаков, как и Ш., идею "заражения добром" отрицает.

Возможно, что один афоризм Ш., сформулированный им в четвертой части книги "Афины и Иерусалим", повлиял на замысел "Мастера и Маргариты". Этот афоризм был опубликован в 1930 г. в Париже в первой книге сборника "Числа" и в №43 журнала "Современные записки". Он имеет порядковый номер XVII и название "Смысл истории". Вот текст афоризма: "От копеечной свечи Москва сгорела, а Распутин и Ленин - тоже копеечные свечи - сожгли всю Россию".

По сохранившимся фрагментам редакции 1929 г. нельзя судить, предусматривался ли в финале пожар Дома Грибоедова (или "Шалаша Грибоедова", как именовался тогда писательский ресторан). Зато в одном из вариантов второй редакции, написанном в 1931 или в начале 1932 г., Иван Бездомный, называвшийся тогда то Покинутым, то Безродным, оказался после дебоша в ресторане в психиатрической лечебнице и, получив успокаивающий укол, "пророчески громко сказал:

- Ну, пусть погибнет красная столица, я в лето от Рождества Христова 1943-е все сделал, чтобы спасти ее! Но... но победил ты меня, сын гибели, и заточил меня, спасителя... - Он поднялся и вытянул руки, и глаза его стали мутны и неземной красоты.

- И увижу ее в огне пожаров, - продолжал Иван, - в дыму увижу безумных, бегущих по Бульварному кольцу...".

В позднейших вариантах этой редакции были изображены грандиозные московские пожары с немалым числом жертв. Только в окончательном тексте масштаб пожаров был уменьшен, и обошлись они без гибели людей.

1943 г. из варианта 1931 г. понятен в свете сохранившейся в булгаковском архиве записи: "Нострадамус Михаил, род. 1503 г. Конец света 1943 г." Иван Бездомный как бы повторял пророчество М. Нострадамуса (1503-1566), знаменитого французского астролога и врача. Однако и суждение Ш. не было, очевидно, забыто. При появлении в "Шалаше Грибоедова" в этой, как и в последующей редакции романа, "Иванушка имел в руке зажженную церковную свечку". Большие пожары в Москве в ранних редакциях "Мастера и Маргариты", возможно, иллюстрировали уподобление Ш. революций вселенским пожарам. Г. Е. Распутин (Новых) (1872-1916), по мнению философа, во многом спровоцировал Февральскую революцию, а В. И. Ленин организовал Октябрьскую. У Булгакова Москву поджигают подручные Воланда, который одним из своих прототипов имеет Ленина.

Ш. в своих работах полемизировал с голландским философом Б. Спинозой (1632-1677), утверждавшим в "Богословско-политическом трактате" (1670), что тот, кто подвергает критике возможности человеческого разума, свершает Laesio majestatis, "оскорбление величества" разума.

У Булгакова это латинское название сохранилось среди подготовительных материалов к "Мастеру и Маргарите". Понтий Пилат, инкриминирующий Иешуа Га-Ноцри нарушение закона "об оскорблении величества", может быть пародийно уподоблен Спинозе, не допускавшем никаких сомнений в величии разума. Прокуратор чувствует надрациональную, нравственную правоту Га-Ноцри, но боится принять ее, опасаясь доноса Иосифа Каифы, и возмездия императора Тиберия (43 или 42 до н. э. - 37 н. э.), т. е. исходя из вполне рациональных оснований.

« Назад Наверх »

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Сенкевич Генрик ~

Сенкевич Генрик (1846-1916) - польский писатель и общественный деятель, один из основоположников польской реалистической литературы и современного литературного языка. С. оказал влияние на творчество Булгакова, особенно в романах "Белая гвардия" и "Мастер и Маргарита".

С. родился 5 мая 1846 г. в деревне Воля Окшейская в окрестностях г. Лукова Радомской губернии Королевства Польского, входившего тогда в состав Российской империи (ныне - Республика Польша), в обедневшей дворянской семье. В 1858 г. был зачислен в Варшавскую гимназию, по окончании которой поступил в 1866 г. по настоянию родителей на медицинский факультет Варшавской Главной школы (впоследствии, в 1869 г., преобразованной в Варшавский университет), чтобы иметь доходную профессию врача. Однако тяга к литературе все-таки пересилила, и в 1867 г. С. перевелся на историко-филологический факультет, который окончил в 1871 г., не сдав, однако, заключительного экзамена по греческому языку.

С. занялся журналистикой. В 1882 г. он становится редактором консервативной газеты "Слово". С 1872 С. также пишет и печатает беллетристические произведения, принесшие ему мировую славу. В 1883 г. оставляет журналистику. После 1900 г. С. принимает активное участие в деятельности умеренно-либеральной национал-демократической партии, однако после революции 1905-1907 гг. отходит от политической борьбы. Вскоре после начала в 1914 г. первой мировой войны С. эмигрировал в Швейцарию, где совместно с известным музыкантом Игнацы Яном Падеревским (1860-1941), впоследствии ставшим первым премьер-министром независимого польского государства, основал "Комитет вспомоществования жертвам войны в Польше". В 1915 г. был избран почетным академиком Российской академии наук. С. скончался 15 ноября 1916 г. в местечке Вевей в Швейцарии. В ноябре 1924 г. гроб с останками С. был перевезен в Польшу и погребен в склепе кафедрального собора Св. Яна в Варшаве.

Первым браком С. был женат в 1881-1885 гг. на Марии Шеткевич, дочери богатого дворянина (шляхтича). После ее смерти от чахотки остались сын Генрик и дочь Ядвига. Второй брак с дочерью одесского коммерсанта Марией Володкович в 1893 г. быстро распался, однако официальный развод с разрешения римского папы последовал только в 1895 г. Третьим браком С. был женат с 1904 г. на своей племяннице Марии Бабской.

Главные произведения С. - историческая трилогия о Польше середины XVII вв. - романы "Огнем и мечом", "Потоп" и "Пан Володыевский" (1883-1888), роман о борьбе Польши с Тевтонским орденом и Грюнвальдской битве 1410 г. "Крестоносцы" (1899-1900), роман "Quo vadis" ("Куда идешь") (1896) - о противостоянии язычества и христианства в Риме в эпоху императора Нерона (за это произведение С. был удостоен в 1905 г. Нобелевской премии по литературе). Из произведений о современности необходимо назвать дилогию, составленную романами "Без догмата" и "Семья Поланецких" (1889-1894), а также антинигилистический роман "Омуты" (в русских переводах "Омут", "Водоворот" и "В омуте жизни") (1909-1910), навеянный событиями 1905-1907 гг. и осуждающий революционный путь переустройства общества.

В произведениях Булгакова само имя С. встречается лишь однажды. В "Белой гвардии" при описании крестьянских восстаний на Украине 1918 г. автор сообщает:

"И в польской красивой столице Варшаве было видно видение: Генрик Сенкевич стал в облаке и ядовито ухмыльнулся". Это место, вне всякого сомнения, восходит к следующим строкам из начала романа "Огнем и мечом", повествующего о восстании на Украине, поднятом в 1648 г. гетманом Зиновием Богданом Хмельницким (1595-1657) и получившем страшное в памяти поляков и евреев название "хмельничина": "Над Варшавой являлись во облаке могила и крест огненный, по каковому случаю назначалось поститься и раздавали подаяние, ибо люди знающие пророчили, что мор поразит страну и погибнет род человеческий".

Но этим параллели с творчеством С. у Булгакова далеко не исчерпываются. Если прочесть самые первые фразы романа "Огнем и мечом": "Год 1647 был год особенный, ибо многоразличные знамения в небесах и на земле грозили неведомыми напастями и небывалыми событиями. Тогдашние хронисты сообщают, что весною, выплодившись в невиданном множестве из Дикого Поля, саранча поела посевы и травы, а это предвещало татарские набеги. Летом случилось великое затмение солнца, а вскоре и комета запылала в небесах", то станет ясен генезис зачина "Белой гвардии": "Велик был год и страшен год по Рождестве Христовом 1918, от начала же революции второй. Был он обилен летом солнцем, а зимой снегом, и особенно высоко в небе стояли две звезды: звезда пастушеская вечерняя Венера и красный, дрожащий Марс".

Еще один яркий эпизод "Белой гвардии" наверняка навеян "Огнем и мечом". Это - сон Алексея Турбина, вдруг увидевшего в раю гусарского полковника Най-Турса, которому суждено в дальнейшем погибнуть от пуль казаков С. В. Петлюры, и вахмистра Жилина, еще в 1916 г. павшего вместе с эскадроном белградских гусар. Най-Турс "был в странной форме: на голове светозарный шлем, а тело в кольчуге, и опирался он на меч, длинный, каких уже нет ни в одной армии со времен крестовых походов. Райское сияние ходило за Наем облаком". А из слов Жилина, который сам "как огромный витязь возвышался" в светящейся кольчуге, мы узнаем, что в раю Най-Турс оказался "в бригаде крестоносцев". У С. в рай попадает рыцарь - богатырь Лонгин Подбипятка. Сходство усиливается, если вспомнить, что непременный спутник Подбипятки - гигантский меч, такой же, как у Ная в раю, и что, подобно герою С., чей нагой труп отбили у казаков Хмельницкого товарищи, друзья Ная находят его обнаженное тело в морге. Най-Турс - "рыцарь без страха и упрека", как говорил в конце 20-х годов Булгаков своему другу философу и литературоведу П. С. Попову, "образ отдаленный, отвлеченный. Идеал русского офицерства. Каким бы должен был быть в моем представлении русский офицер", такой же как Подбипятка у С. - идеал польского рыцаря-шляхтича. Гибель обоих - зловещий символ. Кстати, и у Подбипятки, и у Най-Турса латинские имена - Лонгин (длинный) и Феликс (счастливый), однако долгой и счастливой жизни им не суждено.

В "Белой гвардии" изображение стихии крестьянского мятежа на Украине перекликается не только с "Огнем и мечом", но и с "Омутами". Здесь С. под впечатлением событий революции 1905-1907 гг. и постепенного погружения всего мира в пучину военной конфронтации, приведшей в конце концов к первой мировой войне, гениально предвидел потрясения и страдания, выпавшие на долю человечества в XX в. Он показал опасность доктрин, могущих провоцировать массовый стихийный взрыв возмущения черни, а также безразличие адептов этих доктрин к судьбе народа, к жизням людей, от имени и во имя которых они выступают.

Героиня романа, 16-летняя скрипачка Марина Збыстовская гибнет во время революционного погрома, защищая свою скрипку. Эта смерть становится как бы следствием нигилистических идей, проповедуемых влюбленным в Марину и застрелившимся после ее смерти студентом Ляскевичем. Шляхтич Гронский, выражая мысли С., говорит нигилисту: "Вы напоминаете собой плод, с одной стороны зеленый, а с другой гниющий. Вы больны. Этой болезнью и объясняется это безграничное отсутствие логики, основанное на том, что протестуя против войны, вы сами ведете войну; крича против военных судов, вы сами выносите приговор без суда и без разбора; протестуя против смертной казни, вы сами даете людям в руки браунинги и говорите им "убей!" Этой же болезнью объясняются ваши безумные порывы и ваше полнейшее равнодушие к тому, что будет впереди, равно как и к судьбе тех несчастных людей, которые служат вашим оружием. Пусть убивают, пусть грабят кассы, а что потом: повиснут ли они на перекладине, станут ли париями, все это вас не интересует. Ваш nihil дает вам возможность плевать и на кровь, и на нравственность. Вы настежь открываете двери заведомым нечестивцам и разрешаете им провозглашать не свое бесчестие, а вашу идею. Вы носите в себе гибель и Польшу ведете к гибели. В вашей партии есть люди искренние, готовые пожертвовать собой, но слепые, которые в слепоте своей служат не тому, кому думают".

Похороны Марины символизируют грядущую гибель современной цивилизации в океане насилия: "Идя за гробом Марины, д-р Шремский говорил Свидвицкому:
- Этот гроб имеет большее значение, чем мы думаем. Это - предвестник. Ошибка ли это? Нет. Это только случай. Мы сегодня хороним арфу, которая хотела играть людям, но которую растоптала своими грязными ногами чернь. Если так будет дальше, то возможно, что лет через десять, двадцать придется хоронить и нашу науку, и нашу культуру... Нужно просвещение, просвещение, просвещение...
- Просвещение без религии, - заметил Свидвицкий, - может воспитать только злодеев и экспроприаторов. Я думаю, что мы погибли безвозвратно. У нас остается только омут жизни, и не только омут на поверхности воды, под которой еще бывает спокойная глубь, но тот песчаный смерч, который бывает на земле. Теперь он идет с востока, и сухой песок заносит наши традиции, нашу цивилизацию, нашу культуру, - всю Польшу - и обращает ее в пустыню, на которой гибнут цветы и плодятся шакалы". Вслед за тем звучит похоронный марш, "Марш фюнебр" Фредерика Шопена (1810-1849).

У Булгакова в "Белой гвардии" таким же зловещим предзнаменованием выступают похороны офицеров, зарезанных мужиками. Эти похороны наблюдает Алексей Турбин, призывающий сделать все, "чтобы наши богоносцы не заболели московской болезнью", той же социалистической болезнью, которой поражен Ляскевич у С.

Булгаков разделял мнение автора "Омутов" о том, что спасение может прийти через просвещение народа. В пору написания "Белой гвардии" он верил в Бога, так что и мысль С. о необходимости соединения просвещения с религией была тогда близка Булгакову. Неслучайно именно страстная молитва Елены Турбиной ведет к выздоровлению тяжело больного Алексея и олицетворяет собой возможность грядущего выздоровления России от большевизма.

Фигура С., возникающая в облаке над Варшавой в "Белой гвардии", - это образ автора не только "Огнем и мечом", но и "Омутов". И сразу после этого видения следует история старца Дегтяренко, полного "душистым самогоном и словами страшными, каркающими, но складывающимися в его темных устах во что-то до чрезвычайности напоминающее декларацию прав человека и гражданина. Затем этот же Дегтяренко-пророк лежал и выл, и пороли его шомполами люди с красными бантами на груди. И самый хитрый мозг сошел бы с ума над этой закавыкой: ежели красные банты, то ни в коем случае недопустимы шомпола, а ежели шомпола - то невозможны красные банты..." Тут - перекличка с идеями "Омутов", где доказывается полная совместимость красных революционных бантов с насилием и террором.

Небольшой след "Огнем и мечом" есть и в пьесе "Бег". Здесь имя одного из главных героев, "потомка запорожцев" генерала Чарноты, очевидно восходит к эпизодическому персонажу романа С., реально существовавшему историческому лицу, - полковнику Чарноте, генеральному обозному в запорожском войске Хмельницкого.

Но гораздо более существенная связь с "Огнем и мечом" прослеживается в "Мастере и Маргарите" в награде, данной Мастеру. У С. один из персонажей, тоже историческое лицо, православный магнат Адам Кисель, воевода брацлавский и один из лидеров "партии мира" в Польше, безуспешно пытающийся примирить Хмельницкого с королем и подвергающийся несправедливым нападкам в обоих борющихся станах, восклицает: "...Пусть Бог судит нас за наши деяния, и да пошлет он хотя б после смерти покой тем, кто при жизни страдал сверх меры". У Булгакова рассказчик почти теми же словами описывает последний полет Мастера: "...Кто много страдал перед смертью... без сожаления покидает туманы земли, ее болотца и реки, он отдается с легким сердцем в руки смерти, зная, что только она одна успокоит его".

Еще одну важную мысль вложил С. в уста Киселя: "Раздоры равно гибельны для обеих сторон". В "Мастере и Маргарите" Воланд, демонстрируя Маргарите бедствия войны на своем волшебном глобусе, утверждает, что "результаты для обеих сторон бывают всегда одинаковы". Автор "Огнем и мечом" показывает весь ужас войны в эпилоге, запечатлев резню, устроенную польскими войсками татарам и казакам при Берестечко в 1651 г.: "И настал день гнева, поражения и суда... Кто не был затоптан или не утонул, от меча погибнул. Реки сделались красны: непонятно было, кровь они несут или воду. Толпа обезумела, в сумятице люди давили друг друга, и сталкивали в воду, и шли ко дну... Дух убийства пронизал самый воздух в тех ужасных лесах, вселился в каждого: казаки с яростью стали защищаться. Схватки завязывались на болоте, в чаще, посреди поля. Воевода брацлавский отрезал убегающим путь к отступлению. Тщетно приказывал король своим воинам остановиться. Жалость иссякла в сердцах, и резня продолжалась до самой ночи - такая резня, какой не доводилось видеть и старым, бывалым солдатам: при воспоминании о ней у них долго еще волосы на голове шевелились. Когда же наконец тьма окутала землю, сами победители устрашились того, что сотворили. Не прозвучало над лагерем "Te Deum" (католическая молитва: "Тебя Бога, славим...") и не радости слезы, но слезы печали и состраданья катились из благородных королевских очей...

Междоусобные войны... тянулись еще долгое время. Потом пришел мор, потом шведы. Татары стали постоянными гостями на Украине и всякий раз толпами уводили местный люд в неволю. Пустела Речь Посполитая, пустела и Украина. Волки выли на развалинах городов; цветущий некогда край превратился в гигантскую гробницу. Ненависть вросла в сердца и отравила кровь народов-побратимов, и долгое время ни из одних уст нельзя было услышать слов: "Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение".

Здесь С. демонстрирует неистребимость насилия: даже сторонник мира брацлавский воевода Адам Кисель вынужден участвовать в берестечской резне. С финалом "Огнем и мечом" перекликаются и заключительные строки "Белой гвардии": "Снаружи ночь расцветала и расцветала. Во второй половине ее вся тяжелая синева, занавес Бога, облекающий мир, покрылась звездами. Похоже было, что в неизмерной высоте за этим синим пологом у царских врат служили всенощную. В алтаре зажигали и зажигали огоньки, и они проступали на занавесе отдельными трепещущими огнями и целыми крестами, кустами и квадратами. Над Днепром с грешной и окровавленной и снежной земли поднимался в черную и мрачную высь полночный крест Владимира. Издали казалось, что поперечная перекладина исчезла - слилась с вертикалью, и от этого крест превратился в угрожающий острый меч. Но он не страшен. Все пройдет. Страдания, муки, кровь, голод и мор. Меч исчезнет, а вот звезды останутся, когда и тени наших тел и дел не останется на земле. Нет ни одного человека, который бы этого не знал. Так почему же мы не хотим мира, не хотим обратить свой взгляд на них? Почему?"

У Булгакова здесь и огонь церковных свеч, и превратившийся в меч крест. Как и у С., - кровь, голод и мор, и спасение в возносимой к звездам в высоком небе молитве, слова которой мешает произнести укоренившаяся в сердцах участниках междоусобицы ненависть друг к другу. С. отрицал насилие, исходя из исторического опыта, Булгаков - из лично пережитого во время двух войн - первой мировой и особенно гражданской.

Еще один образ из исторической трилогии С. отразился в произведениях Булгакова - Азия из "Пана Володыевского", сын татарского предводителя, реально существовавшего Тугай-бея, погибшего под Берестечко (сам Тугай-бей как второстепенный персонаж действует в "Огнем и мечом"). Азия служит полякам, но затем изменяет им и сжигает местечко, где стоит предводительствуемая им татарская хоругвь. У Булгакова в рассказе "Ханский огонь" последний представитель княжеского рода Тугай-бегов, как и его литературный прототип, одержимый жаждой разрушения и мщения, сжигает свою превращенную в музей усадьбу, дабы ею не мог пользоваться взбунтовавшийся народ. Кстати, в 1929 г. одну из глав первой редакции "Мастера и Маргариты", "Мания фурибунда", отданную 8 мая для отдельной публикации в альманахе "Недра", автор подписал псевдонимом "К. Тугай".

Булгакова и С. роднило неприятие насилия, отрицание целесообразности революционного переустройства общества в противоположность медленной эволюции и постепенному просвещению народа, а также консервативная приверженность культурной традиции против многочисленных эстетических новаций конца XIX - начала XX в. Оба писателя показывали ту опасность, которую представляет собой народная стихия, высвобождаемая во время мятежей и войн.

И С., и Булгаков признавали необходимым соединение просвещения с нравственным началом, причем автор "Quo vadis" и "Омутов" под таким началом понимал католическое христианство. Булгаков в "Белой гвардии" был в этом пункте очень близок к польскому писателю, заменив только католицизм на православие. В "Мастере и Маргарите" автор, в силу дальнейшей духовной эволюции, в образе Иешуа Га-Ноцри воплотил этический идеал, восходящий к христианским заповедям, но непосредственно не связанный с Богом, ибо Иешуа у Булгакова - не Сын Божий, а человек.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций
Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы
Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи
Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта
Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

"Ханский огонь"

"Ханский огонь" - рассказ. Опубликован: Красный журнал для всех. Л., 1924, №2.

В Х. о. описано подмосковное имение князей Юсуповых Архангельское, после революции превращенное в санаторий и музей.

Пожар в усадьбе, возможно, навеян пожаром усадьбы Муравишниково недалеко от села Никольского в Сычевском уезде Смоленской губернии, где Булгаков был земским врачом в 1916-1917 гг. Пожар этот случился вскоре после Февральской революции по невыясненным причинам.

Одним из прототипов главного героя Х. о. князя Тугай-Бега, вероятно, послужил персонаж романа польского писателя Г. Сенкевича "Пан Володыевский" (1888) татарин Азия Тугайбеевич, сын татарского предводителя Тугай-бея, убитого в 1651 г. поляками в битве при Берестечко.

Азия стал польским шляхтичем, но затем предал свою новую родину, сжег польское местечко и присоединился к татаро-турецким войскам. За свою измену Тугайбеевич заплатил страшной смертью на колу, куда его посадил сын убитого Азией шляхтича.

У Булгакова князь Тугай-Бег - потомок повелителя Малой Орды Хана Тугая. Он сжигает усадьбу, дабы народу не достались плоды культуры, в ней накопленные. Тугай-Бег при посещении музея-усадьбы выдает себя за иностранца, на поверку оказавшись русским эмигрантом.

"Пожилой богатый господин-иностранец, в золотых очках колесами, широком светлом пальто, с тростью" в Х. о. - прямой предшественник "иностранца" Воланда в "Мастере и Маргарите", представляющегося литераторам на Патриарших прибывшим издалека профессором черной магии (в ответ Иван Бездомный и Михаил Александрович Берлиоз тотчас заподозрили в нем иностранного шпиона или белоэмигранта).

Характерно, что в другом месте Х. о. подчеркивается серый цвет пальто у Тугай-Бега - намек на его инфернальность. Ведь дьявол - это "Некто в сером, именуемый Он", если воспользоваться образом пьесы Леонида Андреева (1871-1919) "Жизнь человека" (1907).

Одеяние князя в Х. о. сближает его с Воландом: в "Мастере и Маргарите" сатана "в дорогом сером костюме, в заграничных, в цвет костюма туфлях. Серый берет он лихо заломил на ухо, под мышкой нес трость с черным набалдашником в виде головы пуделя".

Князь в Х. о. проклинает бывший свой дворец: "Народное так народное, черт их бери", а в финале усадьба "Ханская Ставка" действительно достается черту: Тугай-Бег ее поджигает. Тем самым предвосхищен пожар в "Мастере и Маргарите", где в огне, зажженном подручными Воланда, гибнет Дом Грибоедова.

В Х. о. впервые в булгаковском творчестве встречается мотив человека-тени, человека, мертвого при жизни, получивший дальнейшее развитие в пьесе "Зойкина квартира" (1926), где мы встречаемся с Мертвым телом - тоже "бывшим", как и Тугай-Бег, только топящим свою злобу в вине. В Х. о. князь, которому ночью в усадьбе кажется, что оживают портреты на стенах и фотографии в шкафах, бормочет: " - Одно, одно из двух: или это мертво... а он... тот... этот... жив... или я... не поймешь...

Тугай провел по волосам, повернулся, увидал идущего к шкафу, подумал невольно: "я постарел", - опять забормотал: - По живой моей крови, среди всего живого шли и топтали, как по мертвому. Может быть, действительно я мертв? Я - тень? Но ведь я живу, - Тугай вопросительно посмотрел на Александра I, - я все ощущаю, чувствую. Ясно чувствую боль, но больше всего ярость. - Тугаю показалось, что голый мелькнул в темном зале, холод ненависти прошел у Тугая по суставам. - Я жалею, что я не застрелил. Жалею. - Ярость начала накипать в нем, и язык пересох".

Похожим образом в "Мастере и Маргарите" после сеанса черной магии в Театре Варьете финдиректор Римский находит в своем кабинете администратора Варенуху, не отбрасывающего тени, и рассказывающего ему фантастическую историю о похождениях директора Театра Варьете Степана Богдановича Лиходеева. Против Лиходеева у Римского нарастает давно копившаяся ярость, пока он не обнаруживает, что Варенуха не отбрасывает тени и видит в окне голую Геллу, сознавая, наконец, что столкнулся с нечистой силой.

Усадьба Юсуповых послужила прототипом усадьбы в Х. о., вероятно, потому, что Булгаков специально интересовался историей убийства Григория Ефимовича Распутина (Новых), (1872-1916), в котором видную роль играл князь Феликс Феликсович Юсупов (младший) (1887-1967).

В 1921 г. автор Х. о. собирался писать пьесу о Распутине и Николае II (1868-1918). В письме матери, В. М. Булгаковой, в Киев 17 ноября 1921 г. он просил передать сестре Наде: "...Нужен весь материал для исторической драмы - все, что касается Николая и Распутина в период 16-и 17-го годов (убийство и переворот). Газеты, описание дворца, мемуары, а больше всего "Дневник" Пуришкевича (Владимир Митрофанович Пуришкевич (1870-1920), один из лидеров крайне правых в Государственной Думе, монархист, совместно с князем Ф. Ф. Юсуповым и великим князем Дмитрием Павловичем (1891-1942) организовал убийство Г. Е. Распутина в декабре 1916 г., подробно описанное в посмертно изданном дневнике) - до зарезу! Описание костюмов, портреты, воспоминания и т. д... Лелею мысль создать грандиозную драму в 5 актах к концу 22-го года. Уже готовы некоторые наброски и планы. Мысль меня увлекает безумно... Конечно, при той иссушающей работе, которую я веду, мне никогда не удастся написать ничего путного, но дорога хоть мечта и работа над ней. Если дневник попадет в руки ей (Наде) временно, прошу немедленно теперь же списать дословно из него все, что касается убийства с граммофоном (граммофон должен был заглушить звук выстрелов, а до этого создать у Распутина впечатление, что в помещении по соседству находится жена Ф. Ф. Юсупова Ирина Александровна Юсупова (1895-1970), внучка Александра III (1845-1894) и племянница Николая II, которую вожделел "старец" Григорий), заговора Феликса и Пуришкевича, докладов Пуришкевича Николаю, личности Николая Михайловича (речь идет о великом князе Николае Михайловиче (1859-1919), председателе Русского исторического общества расстрелянном в ходе красного террора), и послать мне в письмах, (я думаю, можно? Озаглавив "Материал драмы"?) (Здесь - намек на широко распространенную перлюстрацию писем.)"

Однако пьесу о Распутине и Николае II Булгаков так и не написал. Само обращение автора Х. о. к этой теме достаточно говорит о его разочаровании в монархии. По цензурным условиям того времени в произведении любого жанра Николая II и других представителей семьи Романовых можно было изображать только негативно. Но и сам Булгаков относился к свергнутой династии в начале 20-х годов очень плохо. В дневниковой записи 15 апреля 1924 г. он в сердцах выразился грубо и прямо: "Черт бы взял всех Романовых! Их не хватало".

Неосуществленный замысел исторической пьесы, очевидно, отразился в Х. о. Здесь присутствует достаточно сильная антимонархическая тенденция. Николай II на фотографии описывается как "невзрачный, с бородкой и усами, похожий на полкового врача человек". На портрете Александра I (1777-1825) "лысая голова коварно улыбалась в дыму". Николай I (1796-1855) - это "белолосинный генерал". Его любовницей была когда-то старая княгиня, "неистощимая в развратной выдумке, носившая всю жизнь две славы - ослепительной красавицы и жуткой Мессалины". Она вполне могла бы оказаться среди выдающихся развратниц на Великом балу у сатаны, вместе с казненной в 48 г. распутной женой римского императора Клавдия I (10 до н. э. - 54 н. э.) Валерией Мессалиной.

Николай II сатирически изображен и в последней булгаковской пьесе "Батум". Тесно же связанный родством с императорской фамилией князь Тугай-Бег представлен как человек, обреченный на вымирание, не оставивший потомства и опасный для общества своей готовностью уничтожить семейное гнездо, лишь бы оно не стало достоянием тех, кого князь ненавидит. Его, если не черт взял, как желал Булгаков Романовым, то, безусловно, черт принес.

Прототипом князя Антона Ивановича Тугай-Бега мог быть отец и полный тезка убийцы Распутина князь Феликс Феликсович Юсупов (старший, урожденный граф Сумароков-Эльстон) (1856-1928). В 1923 г., когда происходит действие Х. о., ему было 67 лет.

Жена старшего Юсупова, Зинаида Николаевна Юсупова (1861-1939), в то время была еще жива, но Булгаков "заставил" жену героя Х. о. скончаться раньше, чтобы оставить его в полном одиночестве, как позднее Понтия Пилата и Воланда в "Мастере и Маргарите" (вспомним слова Воланда на Патриарших: "Один, один, я всегда один").

Упоминаемый в Х. о. младший брат Тугай-Бега Павел Иванович, служивший в конных гренадерах и погибший на войне с немцами имеет своим возможным прототипом старшего брата Ф. Ф. Юсупова (младшего) графа Николая Феликсовича Сумарокова-Эльстона (1883-1908), готовившегося поступить на службу в Кавалергардский корпус, но убитого на дуэли поручиком Кавалергардского полка графом А. Э. Мантейфелем, происходившим из прибалтийских немцев.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Курс истории СССР"

"Курс истории СССР" - незаконченный учебник по истории для учащихся 3-4-х классов начальной школы.

При жизни Булгакова не публиковался. Впервые: Творчество Михаила Булгакова. Исследования. Материалы. Библиография. Кн.1. Л.: Наука, 1991.

Конкурс на школьный учебник по истории СССР был объявлен 4 марта 1936 г. В этот день "Правда" и "Известия" опубликовали постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) "Об организации конкурса на лучший учебник для начальной школы по элементарному курсу истории СССР с краткими сведениями по всеобщей истории".

Вырезка из "Правды" с этим постановлением сохранилась в булгаковском архиве. Писатель обвел красным карандашом указанную здесь сумму первой премии - 100 000 рублей. В связи с этим на долю автобиографического Мастера в "Мастере и Маргарите" выпал лотерейный выигрыш точно такой же величины.

Булгаков подчеркнул и содержащееся в постановлении требование соблюдения "историко-хронологической последовательности в изложении исторических событий" в сочетании "с обязательным закреплением в памяти учащихся важных исторических явлений, исторических деятелей, хронологических дат" и с "ярким, интересным, художественным" изложением материала.

О времени начала работы над учебником в дневнике третьей жены писателя Е. С. Булгаковой сохранилась запись от 4 марта 1936 г. (на этот день пришлось седьмое представление "Кабалы святош"): "Сегодня объявлен конкурс на учебник по истории СССР: Миша сказал, что будет писать. Я поражаюсь ему. По-моему, это невыполнимо". На следующий день она отметила: "Миша начал работу над учебником". Также и на первой странице сохранившейся рукописи К. и. СССР Булгаков записал: "Начало работы 5 марта".

После появления 9 марта 1936 г. статьи "Правды" "Внешний блеск и фальшивое содержание" и последовавшего за этим снятия "Кабалы святош" шансы писателя на выигрыш в этой лотерее, и изначально-то невысокие, упали практически до нуля. Однако он продолжал работу над К. и. СССР и оставил ее только в июне 1936 г., когда понял, что не успеет представить учебник на конкурс к указанному жесткому сроку - 1 июля 1936 г.

Сохранились подготовительные материалы в виде конспективных записей событий первобытной истории и IX - начала XX вв. с отдельными фрагментами законченного текста, вроде очерка о татарах. Связный более или менее завершенный текст охватывает события от смерти Петра I (1672-1725) до похода отряда русских войск в Хиву в 1873 г. Следует отметить, что Булгаков стремился охватить все основные события политической, военной и социально-экономической истории, большое внимание уделял биографиям исторических деятелей.

Для написания К. п. СССР он использовал "Историю государства Российского" Н. М. Карамзина (1766-1826), "Историю России с древнейших времен" С. М. Соловьева (1820-1879), "Русскую историю" (1855) Н. Г. Устрялова (1805-1870), "Лекции по древней русской истории до конца XVI века" (1916) М. К. Любавского (1860-1936), "Учебник русской истории"(1907) К. В. Елпатьевского, статьи Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, Большой и Малой Советских Энциклопедий и некоторые другие источники, в том числе капитальный 6-томный юбилейный сборник "Великая реформа: Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем" (1911).

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Вьюга"

"Вьюга" - рассказ, имеющий подзаголовок "Записки юного врача". Опубликован: Медицинский работник, М., 1926, №№ 2, 3.

В. входит в автобиографический цикл "Записки юного врача".

Во В. отразился общий с рассказом "Стальное горло" мотив славы юного врача после успешной операции (во В. - это ампутация ноги девушке, попавшей в мялку, тогда как в "Стальном горле" молва распространяется о спасении больной дифтеритом девочки).

Слава вызывает наплыв пациентов: "Ко мне на прием по накатанному санному пути стали ездить сто человек крестьян в день. Я перестал обедать. Арифметика - жестокая наука. Предположим, что на каждого из ста моих пациентов я тратил только пять минут... пять! Пятьсот минут - восемь часов двадцать минут. Подряд, заметьте. И, кроме того, у меня было стационарное отделение на тридцать человек. И, кроме того, я ведь делал операции".

Цифра сто пациентов в день - вовсе не поэтическое преувеличение автора В. В удостоверении, выданном Булгакову Сычевским земством 18 сентября 1917 г., отмечалось, что за время работы "в должности врача, заведовавшего Никольской земской больницей", в период с 29 сентября 1916 г. по 18 сентября 1917 г. он принял 15 361 человека амбулаторных больных, а 211 человек подверглись стационарному лечению. Получается, что в среднем, считая и дни отпуска и отъездов из Никольского по делам, Булгаков должен был принимать в день примерно 44 человека, следовательно, в наиболее нагруженные дни число пациентов вполне могло возрастать и до сотни.

В. - единственный рассказ "Записок юного врача", где героя однажды постигла неудача: он не смог спасти невесту, дочь агронома, перед свадьбой получившую перелом основания черепа. В отличие от местного доктора, юный врач и здесь ставит верный диагноз. Это свойство Булгакова подтверждает его первая жена Т. Н. Лаппа: "Диагнозы он замечательно ставил. Прекрасно ориентировался".

Образ вьюги, в которую приходится ехать к безнадежной больной, проецируется на судьбу автора: "Несет меня вьюга, как листок. Ну вот, я домой приеду, а меня, чего доброго опять повезут куда-нибудь. Так и буду летать по вьюге".

Здесь как бы предвосхищается судьба автобиографического героя "Необыкновенных приключений доктора" (1922), которого ветры революции и гражданской войны бросают от одной воюющей стороны к другой.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Тьма египетская"

"Тьма египетская" - рассказ.

Опубликован: Медицинский работник, М., 1925, №№ 26,27, с подстрочным примечанием: "Из готовящейся к изданию книги "Записки юного врача". Т. е. входит в автобиографический цикл "Записки юного врача".

Заглавие рассказа имеет своим источником следующее место в Ветхом завете: "И сказал Господь Моисею: простри руку твою к небу, и была густая тьма по всей земле Египетской три дня; не видели друг друга, и никто не вставал с места своего три дня, у всех же сынов Израилевых был свет в жилищах их" (Исход, 10, 21-23).

Тьма египетская у Булгакова - это темнота крестьян, с которой вынужден бороться главный герой, юный врач сельской больницы, неся им свет "истинной веры" - знания.

Действие происходит в декабре 1917 г., однако дыхания Октябрьской революции еще не чувствуется в сельской глуши, в сорока верстах от уездного центра (здесь изображено село Никольское Сычевского уезда Смоленской губернии, где Булгаков работал земским врачом с сентября 1916 г. по сентябрь 1917 г.).

Тьма, охватившая лишенное фонарей село, вполне сравнима с темнотой крестьян, по-своему истолковывающих любые указания доктора, да так, что иной раз это приводит едва ли не к гибели пациентов от неправильного приема лекарств.

В финале Т. е. юный врач видит сон, где он сам, фельдшер и медсестры предстают как рыцари, которым предстоит побороть народную темноту: "Потянулась пеленою тьма египетская... и в ней будто бы я... не то с мечом, не то со стетоскопом. Иду... борюсь... В глуши. Но не один. А идет моя рать: Демьян Лукич, Анна Николаевна, Пелагея Иванна. Все в белых халатах, и все вперед, вперед..."

В романе "Белая гвардия" (1922-1924) во сне Алексея Турбина крестоносцу уподоблен погибший в первую мировую войну вахмистр Жилин, что говорит о честно им исполненном долге, как исполнили его и красные, павшие на Перекопе и тоже оказавшиеся в раю в бригаде крестоносцев.

В Т. е. Булгаков подчеркивает приоритет "малых дел", постепенного просвещения народа даже после Октябрьской революции, и врач вместе с помощниками уподоблен крестоносной рати - борцам за святое дело.

Однако происходит это лишь во сне, поскольку в 1926 г. Булгакову было уже очевидно, что новая власть никакими "малыми делами" заниматься не желает, а просветить народ на свой манер стремится в рамках масштабных и быстрых кампаний, вроде ликвидации неграмотности, достигая лишь поверхностного результата.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Самогонное озеро"

"Самогонное озеро" - фельетон. Впервые: Накануне. Берлин - М.. 1923. 29 июля. Вошел в сборник: Булгаков М. Трактат о жилище. М.-Л.: Земля и фабрика, 1926.

Фельетон представляет собой серию зарисовок из быта Нехорошей квартиры №50 в доме №10 по Б. Садовой. В тексте, включенном в сборник, был сделан ряд сокращений. Наиболее принципиальное из них - пропуск "Заключения": "У меня есть проект. В течение двух месяцев я берусь произвести осушение Москвы если не полностью, то на 90 процентов.

Условия: во главе стану я. Штат помощников подберу я сам из студентов. Жалованье им нужно положить очень высокое (рублей 400 золотом. Дело оправдает). 100 человек. Мне - квартиру в три комнаты с кухней и единовременно 1000 рублей золотом. Пенсию жене, в случае если меня убьют.

Полномочия неограниченные. По моему ордеру брать немедля. Судебное разбирательство в течение 24 часов и никаких замен штрафом.

Я произведу разгром всех Сидоровн и Макеичей и отраженный попутный разгром "Уголков", "Цветков Грузии", "Замков Тамары" и т. под. мест.

Москва станет как Сахара, и в оазисах под электрическими вывесками "Торговля до 12 час. ночи" будет только легкое красное и белое вино".

Данная купюра появилась неслучайно. В момент первой публикации С. о. Советская власть еще не отменила полностью введенный с началом первой мировой войны сухой закон и не выпускала государственной водки, поэтому фантастический булгаковский план искоренения решительными мерами самогоноварения в Москве не противоречил официальной политике безоговорочной борьбы с пьянством.

К моменту же выхода сборника "Трактат о жилище" государство опять взяло курс на "водочное" финансирование бюджета. Пожелание Булгакова, чтобы в продаже было только красное и белое сухое вино, успело уже стать анахронизмом, поскольку в государственных магазинах стала продаваться 30-градусная водка, прозванная в народе "рыковка" - в честь тогдашнего председателя Совнаркома А. И. Рыкова (1881-1938).

В дневнике Булгакова в записи в ночь на 3 января 1925 г. фиксируются такие анекдоты на эту тему: "Если бы к "рыковке" добавить "семашковки" (по фамилии наркома здравоохранения Н. А. Семашко (1874-1949), то получилась бы хорошая "совнаркомовка" и "Рыков напился по смерти Ленина по двум причинам: во-первых, с горя, а во-вторых, от радости". Здесь содержится намек на широко известное современникам пристрастие А. И. Рыкова к алкоголю.

Тема пьянства в Нехорошей квартире нашла свое завершение в "Мастере и Маргарите", где наследником героев С. о. выступает Степан Богданович Лиходеев. Ему после бурно проведенной ночи наутро, в период жестокого похмелья, является сам сатана со свитой.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций
Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы
Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи
Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта
Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Булгакова, Елена Сергеевна ~

Булгакова Елена Сергеевна (урожденная Нюрнберг (Нюренберг), по первому мужу - Неелова, по второму мужу - Шиловская) (1893-1970) - третья жена Булгакова с 1932 по 1940 год.

Елена Сергеевна родилась 21 октября (2 ноября) 1893 г. в Риге (впоследствии свой день рождения всегда отмечала 21 октября, несмотря на замену юлианского календаря григорианским). Отец Б., Сергей Маркович Нюренберг, был сначала учителем, а позднее податным инспектором, одновременно сотрудничая в рижских газетах.

Род Нюренбергов в России ведет свое происхождение от немца-ювелира Нюренберга, приехавшего в Житомир в 1768 г. в числе немецких переселенцев, приглашенных Екатериной II. В XIX в. многие представители этого рода переселились в Прибалтику и в значительной мере обрусели. С. М. Нюренберг из лютеранства перешел в православие. Его жена, мать Б., Александра Александровна Нюренберг (урожденная Горская) была дочерью православного священника.

В 1911 г. Б. окончила гимназию в Риге и в 1915 г. вместе с родителями переехала в Москву (после 1917 г. родители вернулись в Ригу). Как отмечала Б. в своей автобиографии: "Я научилась печатать на машинке и стала помогать отцу в его домашней канцелярии, стала печатать его труды по налоговым вопросам".

В декабре 1918 г. Б. обвенчалась в Москве с Юрием Мамонтовичем Нееловым, сыном знаменитого артиста Мамонта Дальского (1865-1918) и адъютантом командующего 16-й армией красных бывшего кадрового офицера Евгения Александровича Шиловского (1889-1952). В конце 1920 г. командующий отбил жену у адъютанта и состоялся брак Б. с Е. А. Шиловским, дослужившимся в Красной Армии до чина генерал-лейтенанта (в императорской армии он был капитаном).

В 1921 г. у них родился сын Евгений (1921-1957), а в 1926 г. - Сергей (1926-1975). В 20-е годы Шиловский был помощником начальника Академии Генштаба, в 1928-1931 гг. - начальником штаба Московского военного округа, а с 1931 г. - начальником кафедры в Академии Генштаба.

В октябре 1923 г. Б. писала своей сестре Ольге Сергеевне Бокшанской (1891-1948), работавшей секретарем дирекции МХАТа: "Ты знаешь, как я люблю Женей моих, что для меня значит мой малыш, но все-таки я чувствую, что такая тихая, семейная жизнь не совсем по мне. Или вернее так, иногда на меня находит такое настроение, что я не знаю, что со мной делается. Ничего меня дома не интересует, мне хочется жизни, я не знаю, куда мне бежать, но хочется очень. При этом ты не думай, что это является следствием каких-нибудь неладов дома. Нет, у нас их не было за все время нашей жизни. Просто, я думаю, во мне просыпается мое прежнее "я" с любовью к жизни, к шуму, к людям, к встречам и т.д. и т.д. Больше всего на свете я хотела бы, чтобы моя личная жизнь - малыш, Женя большой - все осталось так же при мне, а у меня кроме того было бы еще что-нибудь в жизни, вот так, как у тебя театр".

Те же настроения - в письме сестре, написанном месяц спустя, в ноябре 1923 г.: "Ты знаешь, я страшно люблю Женю большого, он удивительный человек, таких нет, малыш самое дорогое существо на свете, - мне хорошо, спокойно, уютно. Но Женя занят почти целый день, малыш с няней все время на воздухе, и я остаюсь одна со своими мыслями, выдумками, фантазиями, неистраченными силами. И я или (в плохом настроении) сажусь на диван и думаю, думаю без конца, или - когда солнце светит на улице и в моей душе - брожу одна по улицам".

Знакомство с Булгаковым наполнило жизнь Б. атмосферой игры, веселья, радости. В 1967 г. она вспоминала об этом знакомстве, состоявшемся 28 февраля 1929 г. на квартире художников Моисеенко (Б. Гнездниковский переулок, 10): "Я была просто женой генерал-лейтенанта Шиловского, прекрасного, благороднейшего человека. Это была, что называется, счастливая семья: муж, занимающий высокое положение, двое прекрасных сыновей. Вообще все было хорошо. Но когда я встретила Булгакова случайно в одном доме, я поняла, что это моя судьба, несмотря на все, несмотря на безумно трудную трагедию разрыва. Я пошла на все это, потому что без Булгакова для меня не было ни смысла жизни, ни оправдания ее... Это было в 29-м году в феврале, на масляную. Какие-то знакомые устроили блины. Ни я не хотела идти туда, ни Булгаков, который почему-то решил, что в этот дом он не будет ходить. Но получилось так, что эти люди сумели заинтересовать составом приглашенных и его, и меня. Ну, меня, конечно, его фамилия. В общем, мы встретились и были рядом. Это была быстрая, необычайно быстрая, во всяком случае, с моей стороны, любовь на всю жизнь.

Потом наступили гораздо более трудные времена, когда мне было очень трудно уйти из дома именно из-за того, что муж был очень хорошим человеком, из-за того, что у нас была такая дружная семья. В первый раз я смалодушествовала и осталась, и я не видела Булгакова двадцать месяцев, давши слово, что не приму ни одного письма, не подойду ни разу к телефону, не выйду одна на улицу. Но, очевидно, все-таки это была судьба. Потому что когда я первый раз вышла на улицу, то встретила его, и первой фразой, которую он сказал, было: "Я не могу без тебя жить". И я ответила: "И я тоже". И мы решили соединиться, несмотря ни на что. Но тогда же он мне сказал то, что я не знаю почему, приняла со смехом. Он мне сказал: "Дай мне слово, что умирать я буду у тебя на руках"... И я, смеясь, сказала: "Конечно, конечно, ты будешь умирать у меня на...". Он сказал: "Я говорю очень серьезно, поклянись". И в результате я поклялась".

В сентябре 1929 г. Булгаков посвятил Б. повесть "Тайному другу". В 1931 г. об их связи узнал Е. А. Шиловский. В связи с состоявшимся бурным объяснением с ним Булгаков сделал следующую надпись на парижском издании романа "Белая гвардия": "Справка. Крепостное право было уничтожено в... году. Москва, 5. II. 31 г.", а полтора года спустя приписал: "Несчастье случилось 25. II. 31 года". Первая дата - день объяснения Булгакова с Шиловским, вторая дата - время последней, как они тогда думали, встречи.

О разговоре Шиловского с Булгаковым вспоминает М. А. Чимишкиан, в то время - супруга драматурга Сергея Ермолинского (1900-1984): "Тут такое было! Шиловский прибегал (на Б. Пироговскую, где жили Булгаков и его вторая жена Л. Е. Белозерская), грозил пистолетом..."

По утверждению Чимишкиан, "Люба (Л. Е. Белозерская) тогда против их романа, по-моему, ничего не имела - у нее тоже были какие-то свои планы..." Шиловский заявил, что в случае развода детей не отдаст, и тем вынудил жену на время порвать с Булгаковым.

Возобновление отношений писателя с Б. относится к сентябрю 1932 г. На последнем листе парижского издания "Белой гвардии" Булгаков зафиксировал: "А решили пожениться в начале сентября 1932 года. 6. IX. 1932 г."

Сохранился отрывок булгаковского письма Шиловскому, датированный тем же числом: "Дорогой Евгений Александрович, я виделся с Еленой Сергеевной по ее вызову, и мы объяснились с нею. Мы любим друг друга так же, как любили раньше. И мы хотим пожениться".

Е. А. Шиловский, в свою очередь еще 3 сентября 1932 г. писал родителям Б. в Ригу: "Дорогие Александра Александровна и Сергей Маркович! Когда Вы получите это письмо, мы с Еленой Сергеевной уже не будем мужем и женой. Мне хочется, чтобы Вы правильно поняли то, что произошло. Я ни в чем не обвиняю Елену Сергеевну и считаю, что она поступила правильно и честно. Наш брак, столь счастливый в прошлом, пришел к своему естественному концу. Мы исчерпали друг друга, каждый, давая другому то, на что он был способен, и в дальнейшем (даже если бы не разыгралась вся эта история) была бы монотонная совместная жизнь больше по привычке, чем по действительному взаимному влечению к ее продолжению. Раз у Люси родилось серьезное и глубокое чувство к другому человеку, - она поступила правильно, что не пожертвовала им.

Мы хорошо прожили целый ряд лет и были очень счастливы. Я бесконечно благодарен Люсе за то огромное счастье и радость жизни, которые она мне дала в свое время. Я сохраняю самые лучшие и светлые чувства к ней и к нашему общему прошлому. Мы расстаемся друзьями".

3 октября 1932 г. брак Б. с Шиловским был расторгнут, а уже 4 октября заключен брак с Булгаковым. Сохранилась его шутливая записка, переданная на заседании в МХАТе режиссеру В. Г. Сахновскому (1886-1945): "Секретно. Срочно. В 3 3/4 дня я венчаюсь в Загсе. Отпустите меня через 10 минут".

Детей Шиловские поделили. Старший Женя остался с отцом, младший Сережа - с матерью, и Булгаков полюбил его как родного. Е. А. Шиловский помогал жене и сыну, но с Булгаковым более никогда не встречался.

С 1 сентября 1933 г. Б. начала вести дневник, который является одним из наиболее важных источников биографии Булгакова (сам он, после конфискации ОГПУ в 1926 г. дневника "Под пятой" дневниковых записей более не вел, да и к собственному дневнику сильно охладел еще за несколько месяцев до его изъятия органами).

В письме родителям 11 сентября 1932 г. она утверждала: "...Полтора года разлуки мне доказали ясно, что только с ним жизнь моя получит смысл и окраску. Мих. Аф., который прочел это письмо, требует, чтобы я приписала непременно: ...тем более, что выяснилось, с совершенной непреложностью, что он меня совершенно безумно любит".

14 марта 1933 г. Булгаков передал Б. доверенность на заключение договоров с издательствами и театрами по поводу своих произведений, а также на получение авторских гонораров. Б. печатала под диктовку все произведения писателя 30-х годов.

Б. послужила главным прототипом Маргариты в романе "Мастер и Маргарита". Там о любви главных героев говорится так: "Любовь выскочила перед нами, как из-под земли выскакивает убийца в переулке, и поразила нас сразу обоих!

Так поражает молния, так поражает финский нож!

Она-то, впрочем, утверждала впоследствии, что это не так, что любили мы, конечно, друг друга давным-давно, не зная друг друга..."

Не исключено, что первая встреча Мастера и Маргариты в переулке у Тверской воспроизводит первую встречу Мих. Булгакова с Б. после почти двадцатимесячной разлуки.

После смерти писателя Б. некоторое время была любовницей первого секретаря Союза советских писателей Александра Александровича Фадеева (Булыги) (1901-1956), с которым познакомилась во время последней болезни своего мужа. Б. подрабатывала печатанием на машинке и переводами с французского.

Она настойчиво трудилась над публикацией произведений Булгакова. В связи с этим Б. неоднократно обращалась в самые высокие инстанции, в том числе лично к И. В. Сталину. В частности, 7 июля 1946 г. она писала: "Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович!

В марте 1930 года Михаил Булгаков написал Правительству СССР о своем тяжелом писательском положении. Вы ответили на это письмо своим телефонным звонком и тем продлили жизнь Булгакова на 10 лет.

Умирая, Булгаков завещал мне написать Вам, твердо веря, что Вы захотите решить и решите вопрос о праве существования на книжной полке собрания сочинений Булгакова".

Однако первый сборник из двух булгаковских пьес, "Дни Турбиных" и "Александр Пушкин", Б. удалось издать только после смерти Сталина в 1955 г. Она сохранила обширный булгаковский архив, большую часть которого передала в Государственную библиотеку СССР им. В. И. Ленина (ныне Российская Государственная библиотека), а меньшую - Институту русской литературы АН СССР (Пушкинскому Дому).

Б. удалось добиться публикации "Театрального романа" и "Мастера и Маргариты", переиздания в полном виде "Белой гвардии", "Записок юного врача", издания большинства пьес.

Б. скончалась 18 июля 1970 г. и похоронена на Новодевичьем кладбище рядом с Булгаковым.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций
Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы
Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи
Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта
Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

– Ахматова –

Ахматова (Горенко) Анна Андреевна (1889-1966) - поэтесса и литературовед, участница поэтического течения акмеизма, ставшая в 1910 г. женой главы этого течения Николая Степановича Гумилева (1886-1921) (в 1918 г. они развелись).

А. была ближним другом Булгакова. Ее сын Лев Николаевич Гумилев (1912-1992), ставший впоследствии известным этнографом, и второй муж, искусствовед Николай Николаевич Пунин (1888-1953), неоднократно репрессировались (Н. Н. Пунин погиб в заключении), и Булгаков помогал А. хлопотать о них, поскольку после своего письма правительству 28 марта 1930 г. считался специалистом по составлению писем "наверх".

А. родилась 11/23 июня 1889 г. под Одессой в дворянской семье отставного флотского офицера. Училась в Царскосельской женской гимназии, как признавалась А. в автобиографии, "сначала плохо, потом гораздо лучше, но всегда неохотно".

Первоначально А. как поэт примыкала к символизму, но в 1910 г. вместе с Николаем Гумилевым, Осипом Мандельштамом (1891-1938) и их товарищами по Цеху поэтов избрала акмеистскую ориентацию. В 1912 г. вышел первый сборник стихотворений А. "Вечер", в 1914 г. - второй, "Четки", принесший ей широкую известность и выдержавший за короткое время 10 изданий. В 1911-1912 гг. А. совершила путешествие по Франции и Италии.

С середины 20-х годов советские власти практически запретили публикацию стихов А., что вынудило ее обратиться к литературоведческим штудиям, в частности, к изучению пушкинского творчества. А. доказала, например, что источником "Сказки о золотом петушке" послужила "Легенда об арабском звездочете" из книги американского писателя Вашингтона Ирвинга (1783-1859) "Альгамбра" (1832). Оттуда же Булгаков взял "живые шахматы", в которые играют на Великом балу у сатаны Воланд и Бегемот.

С 1940 г. и особенно в период Великой Отечественной войны возобновились публикации стихов А., многие из которых носили патриотический характер. Однако в 1946 г. в связи с принятием постановления ЦК ВКП(б) "О журналах "Звезда" и "Ленинград" творчество А. было осуждено как "упадническое" и вплоть до конца 50-х годов ее возможности публиковаться были весьма ограничены. А. пришлось обратиться к переводам.

В 1950г., в попытке спасти арестованных мужа и сына, напечатала в журнале "Огонек" стихи, посвященные И. В. Сталину. Вместе с тем, в 1939 г. А. была создана поэма "Реквием" - одно из наиболее сильных произведений, на личных трагических впечатлениях отобразившее эпоху террора 30-х годов, а в начале 40-х - гениальная "Поэма без героя", взгляд на эпоху Серебряного века из предвоенных и военных лет.

Только в 1961 г. вышел сборник избранных стихотворений А., а весной 1965 г. ей было присуждено звание почетного доктора литературы Оксфордского университета, в связи с чем летом 1965 г. А. посетила Англию, хоть перед смертью вырвавшись на свободу, о которой всю жизнь безуспешно мечтал обреченный на молчание в СССР Булгаков.

Скончалась А. в Домодедово, в подмосковном санатории, 5 марта 1966 г. от инфаркта и была погребена 10 марта на кладбище в ее любимом Комарове под Ленинградом.

10 мая 1926 г. на литературном вечере в Ленинградской филармонии (сохранилась афиша) Булгаков познакомился с А. Первое упоминание А. в связи с Булгаковым - в дневнике третьей жены писателя Е. С. Булгаковой 10 октября 1933 г.: "Вечером у нас: Ахматова, Вересаев, Оля (сестра Е. С. Булгаковой О. С. Бокшанская) с Калужским, Петя Попов с Анной Ильиничной. Чтение романа. Ахматова весь вечер молчала".

Здесь речь идет о чтении второй редакции романа "Мастер и Маргарита". В этом тексте содержалась гораздо более открытая сатира на советскую действительность, в ту пору уже представлявшая непосредственную угрозу для самого автора. Возможно, А. была встревожена этим обстоятельством и беспокоилась за судьбу Булгакова. Буквально через два дня последовали грозные события.
12 октября Е. С. Булгакова зафиксировала: "Утром звонок Оли: арестованы Николай Эрдман и Масс. Говорят, за какие-то сатирические басни. Миша нахмурился... Ночью М. А. сжег часть своего романа".

Действительно, в сохранившейся рукописи 1933 г. уничтожены отдельные листы, в том числе сцена, соответствовавшая в последней редакции Великому балу у сатаны (вероятно, среди гостей Воланда были какие-то известные политические деятели, изображение которых могло вызвать гнев властей).

В дальнейшем А. чаще всего появлялась у Булгаковых по печальным поводам - в связи с хлопотами за кого-нибудь из арестованных родных или друзей. Так, 1 июня 1934 г.
Е. С. Булгакова отметила в дневнике: "Была у нас Ахматова. Приехала хлопотать за Осипа Мандельштама - он в ссылке". Об Осипе Эмильевиче Мандельштаме, сосланном за антисталинское стихотворение о "кремлевском горце" сначала в Чердынь, а потом в Воронеж, идет речь и в посвященной А. записи 17 ноября 1934 г.: "Вечером приехала Ахматова... Рассказывала о горькой участи Мандельштама. Говорили о Пастернаке".

Возможно, здесь имеется в виду разговор Сталина с поэтом Борисом Леонидовичем Пастернаком (1890-1960) о судьбе Мандельштама, который состоялся 13 июня 1934 г. Сохранились воспоминания А. об этом разговоре: "Бухарин в конце своего письма к Сталину (об облегчении участи О. Э. Мандельштама) написал: "И Пастернак тоже волнуется". Сталин сообщил, что отдано распоряжение, что с Мандельштамом будет все в порядке. Он спросил Пастернака, почему тот не хлопотал. "Если бы мой друг поэт попал в беду, я бы лез на стену, чтобы его спасти". Пастернак ответил, что если бы он не хлопотал, то Сталин бы не узнал об этом деле. "Почему вы не обратились ко мне или в писательские организации?" - "Писательские организации не занимаются этим делом с 1927 года". - "Но ведь он ваш друг?" Пастернак замялся, и Сталин после недолгой паузы продолжил: "Но ведь он же мастер, мастер?" Пастернак ответил: "Это не имеет значения... Почему мы все говорим о Мандельштаме и Мандельштаме, я так давно хотел с вами поговорить". - "О чем?" - "О жизни и смерти". Сталин повесил трубку".

По свидетельству А., Борис Пастернак вел себя нерешительно, потому что опасался: Сталин проверяет в разговоре, знает ли он крамольное мандельштамовское стихотворение. Тем не менее, после разговора Сталина с Пастернаком наказание Мандельштама было смягчено: глухая Чердынь Пермской области была заменена любым городом по выбору, кроме 12 крупнейших. Мандельштам выбрал Воронеж.

В следующий раз А. навестила Булгакова, как отмечено в дневнике его жены, 7 апреля 1935 г., когда "приехала хлопотать за какую-то выслланную из Ленинграда знакомую". В этот раз А. остановилась у Надежды Яковлевны Мандельштам (1899-1980), жены поэта, жившей в том же писательском доме (Нащокинский пер., 3/5, впоследствии ул. Фурманова), что и Булгаковы. 13 апреля, согласно записи Е. С. Булгаковой, Булгаков навестил А., причем жена Мандельштама вспомнила, "как видела М. А. в Батуме лет четырнадцать назад, как он шел с мешком на плечах. Это из того периода, когда он бедствовал и продавал керосинку на базаре".

Следующая встреча с А. произошла в трагические для поэтессы дни. 30 октября 1935 г. Е. С. Булгакова зафиксировала в дневнике: "Днем позвонили в квартиру. Выхожу - Ахматова - с таким ужасным лицом, до того исхудавшая, что я ее не узнала и Миша тоже. Оказалось, что у нее в одну ночь арестовали и мужа (Пунина) и сына (Гумилева)". На следующий день с помощью Булгакова А. написала письмо Сталину, которое на этот раз возымело действие: арестованные были освобождены, чтобы вновь подвергнуться той же неприятной процедуре в 1938 г. (Н. Н. Пунину так и не суждено было вернуться из лагеря).

Единственный раз чтение А. Булгакову своих стихов отмечено в дневнике Е. С. Булгаковой 4 июня 1936 г. Почему это было так редко, объясняют воспоминания об А. и Булгакове друга поэтессы писателя Виктора Ефимовича Ардова (Зильбермана) (1900-1976), в чьей квартире она, начиная с 1934 г., неизменно останавливалась, во время своих приездов в Москву: "Анна Андреевна и Булгаков познакомились в 1933 году в Ленинграде на обеде у художника Н. Э. Радлова, и между ними возникла дружба (вероятно, в 1933 г. Булгаков и А. познакомились более тесно, чем во время мимолетной встречи в 1926 г.). Ахматова читала все произведения Михаила Афанасьевича.

А вот Фаина Григорьевна Раневская, близкий друг Ахматовой, в своих письмах Маргарите Алигер пишет: "В Ташкенте я часто у нее ночевала - лежала на полу (комната была так мала, что для второго ложа не было места) и слушала "Мастера и Маргариту" Булгакова. Анна Андреевна читала мне вслух, повторяя: "Фаина, ведь это гениально, он гений!". Конечно, Анна Андреевна любила Булгакова не только как писателя, но и как верного друга, на которого она всегда могла рассчитывать...

Булгаков не скрывал того, что не любит стихов, и Анна Андреевна, знавшая об этом, никогда не читала своих стихов при нем. Но Михаил Афанасьевич необычайно высоко ценил в Анне Андреевне ее неоспоримый талант, ее блестящую эрудицию, ее высокое человеческое достоинство. И Ахматова на всю жизнь сохранила свое восхищение Булгаковым-писателем и человеком".

Это восхищение отразилось в одном из лучших ахматовских стихотворений "Памяти М. Булгакова", написанном в марте 1940 г., вскоре после смерти автора "Мастера и Маргариты":

Вот это я тебе, взамен могильных роз,
Взамен кадильного куренья;
Ты так сурово жил и до конца донес
Великолепное презренье.
Ты пил вино, ты как никто шутил
И в дружных стенах задыхался,
И гостью страшную ты сам к себе впустил
И с ней наедине остался.
А нет тебя, и все вокруг молчит
О скорбной и высокой жизни,
Лишь голос мой, как флейта, прозвучит
И на твоей безмолвной тризне.
О, кто поверить смел, что полоумной мне,
Мне, плакальщице дней погибших,
Мне, тлеющей на медленном огне,
Все потерявшей, всех забывшей, -
Придется помянуть того, кто полный сил,
И светлых замыслов, и воли,
Как будто бы вчера со мною говорил,
Скрывая дрожь смертельной боли.

Это стихотворение А. впервые прочла Е. С. Булгаковой 16 апреля 1940 г., накануне булгаковских сороковин, отметив, как записала в дневнике вдова писателя, мистическое совпадение дат: Булгаков умер ровно через три года после смерти своего друга, писателя Евгения Ивановича Замятина (1884-1937), скончавшегося в Париже 10 марта 1937 г.

Так получилось, что встречи А. с Булгаковым часто были связаны с трагической судьбой поэта Осипа Мандельштама, погибшего в лагере. А. намеренно отразила эту связь и в стихотворении, посвященном памяти Булгакова. Слова "Ты так сурово жил и до конца донес великолепное презренье" восходят к мандельштамовскому переводу строк из 10-й песни "Ада" "Божественной комедии" (1307-1321) Данте Алигьери (1265 - 1321), помещенному в исследовании "Разговор о Данте" (1932 - 1933): "Как если бы уничижал ад великим презреньем". "Великолепным презреньем" наградил Булгаков ад советской жизни, в котором ему, как и А., пришлось пребывать до самой смерти.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Бенефис лорда Керзона"

"Бенефис лорда Керзона" - фельетон, имеющий подзаголовок "(От нашего московского корреспондента)". Опубликован: Накануне, Берлин - М., 1923, 19 мая.

В Б. л. К. описана массовая демонстрация в Москве, состоявшаяся 12 мая 1923 г. и направленная против меморандума министра иностранных дел Великобритании Дж. Н. Керзона (1859-1925) от 8 мая 1923 г. В этом меморандуме Керзон требовал компенсаций за конфискованную советским правительством британскую собственность - рыболовные суда в Белом море и расстрелянных по обвинению в шпионаже британских подданных, а также прекращения революционной пропаганды на Востоке и преследований религии в СССР.

В Б. л. К. Булгаков выступает в позе объективного наблюдателя организованной властями демонстрации, правда, не упустив случая кольнуть нелюбимого им Владимира Маяковского (1893-1930): "...Маяковский, раскрыв свой чудовищный квадратный рот, бухал над толпой надтреснутым басом..."; "Маяковский все выбрасывал тяжелые, как булыжники, слова..."

В действительности, Булгаков неодобрительно относился как к ноте Керзона, так и к реакции на нее советского руководства. В дневнике "Под пятой" первая запись от 24 мая 1923г. посвящена событиям, связанным с так называемым ультиматумом Керзона: "12-го мая вернулся в Москву. И вот тут начались большие события. Советского представителя Вацлава Вацлавовича Воровского убил Конради в Лозанне. 12-го в Москве была грандиозно инсценированная демонстрация. Убийство Воровского совпало с ультиматумом Керзона России: взять обратно дерзкие ноты Вайнштейна (тогдашнего начальника главного управления финансового госконтроля Наркомфина СССР А. И. Вайнштейна (1877-1938), предъявлявшего претензии британскому правительству в связи с интервенцией), отправленные через английского торгового представителя в Москве, заплатить за задержанные английские рыбачьи суда в Белом море, отказаться от пропаганды на Востоке и т. д. и т. п.

В воздухе запахло разрывом и даже войной. Общее мнение, правда, что ее не будет. Да оно и понятно, как нам с Англией воевать? Но вот блокада очень может быть. Скверно то, что зашевелились и Польша, и Румыния. Фош (верховный главнокомандующий войсками Антанты в конце первой мировой войны) сделал в Польшу визит. Вообще мы накануне событий. Сегодня в газетах слухи о посылке английских военных судов в Белое и Черное моря и сообщение, что Керзон и слышать не хочет ни о каких компромиссах и требует от Красина (тот после ультиматума немедленно смотался в Лондон на аэроплане) точного исполнения по ультиматуму" (Л. Б. Красин (1870-1926) был тогда советским полпредом в Лондоне и по совместительству наркомом внешней торговли).

В следующей записи, 11 июля 1923 г., Булгаков подвел неутешительные итоги: "Нашумевший конфликт с Англией кончился тихо, мирно и позорно. Правительство пошло на самые унизительные уступки, вплоть до уплаты денежной компенсации за расстрел двух английских подданных, которых советские газеты упорно называют шпионами".

Автор Б. л. К. большевикам не сочувствовал и прекрасно понимал, что выход толпы на Тверскую и другие центральные улицы, - это не стихийный народный гнев, а хорошо поставленная инсценировка. Однако он тяжело переживал национальное унижение России и опасался, что в случае новой интервенции территориальные претензии могут предъявить соседние государства. Советское правительство 11 мая 1923 г. отвергло британский ультиматум и инспирировало массовые демонстрации, но уже 23 мая выразило готовность принять почти все требования Керзона.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Берлиоз Михаил Александрович, часть 2 ~

Страницы: 1 2

Эпизод с отрезанной головой М. А. Б. имеет множество литературных параллелей, начиная от усекновения головы Иоанна Крестителя. Тут можно назвать, в частности, и готический роман английского писателя Чарльза Мэтьюрина (1782-1824) "Мельмот-скиталец" (1820), ставший важным источником линии, связанной с помещением поэта Ивана Бездомного в сумасшедший дом. У одного из героев Мэтьюрина, Стентона, очутившегося в психиатрической лечебнице, там "оказались два пренеприятных соседа", один из которых постоянно распевал оперные куплеты, а другой, прозванный "Буйной головой", все время повторял в бреду: "Руфь, сестра моя, не искушай меня этой телячьей головой (здесь имелась в виду голова казненного в 1649 г. в ходе Пуританской революции английского короля Карла I (1600-1649), из нее струится кровь; молю тебя, брось ее на пол, не пристало женщине держать ее в руках, даже если братья пьют эту кровь".

Во время Великого бала у сатаны отрезанная женщиной-вагоновожатой голова М. А. Б. превращается в чашу, к которой "прикасается женщина" - Маргарита. Она пьет из черепа М. А. Б. кровь, превратившуюся в вино, причем Коровьев-Фагот убеждает Маргариту: "Не бойтесь, королева, кровь давно ушла в землю. И там, где она пролилась, уже растут виноградные гроздья".

Отрезанная голова М. А. Б. заставляет также вспомнить "Голову профессора Доуэля" (1925) известного русского писателя-фантаста Александра Романовича Беляева (1884-1942). Мари Лоран, героиня этого рассказа, в 1937 г. переработанного в роман, видит в лаборатории профессора Керна голову Доуэля, прикрепленную к квадратной стеклянной доске, причем "голова внимательно и скорбно смотрела на Лоран, мигая веками".

У Булгакова на Великом балу у сатаны "веки убитого приподнялись, и на мертвом лице Маргарита, содрогнувшись, увидела живые, полные мысли и страдания глаза". Доуэль, как и М. А. Б., сначала умер (от астмы), а потом его голова, как и голова председателя МАССОЛИТа, была воскрешена, чтобы помогать в дьявольских опытах профессору Керну.

В "Мастере и Маргарите" голова М. А. Б. воскресла лишь затем, чтобы выслушать окончание доказательства Воланда, начатого гибелью литератора под трамваем на Патриарших прудах: "Все сбылось, не правда ли? - продолжал Воланд, глядя в глаза головы, - голова отрезана женщиной, заседание не состоялось, и живу я в вашей квартире. Это - факт. А факт - самая упрямая в мире вещь. Но теперь нас интересует дальнейшее, а не этот уже совершившийся факт. Вы всегда были горячим проповедником той теории, что по отрезании головы жизнь в человеке прекращается, он превращается в золу и уходит в небытие. Мне приятно сообщить вам, в присутствии моих гостей, хотя они служат доказательством совсем другой теории, о том, что ваша теория солидна и остроумна. Впрочем, ведь все теории стоят одна другой. Есть среди них и такая, согласно которой каждому будет дано по его вере. Да сбудется же это! Вы уходите в небытие, а мне радостно будет из чаши, в которую вы превращаетесь, выпить за бытие".

М. А. Б. не дано "жизни в смерти" не столько из-за его неверия (ведь на Великом балу у сатаны в реальность дьявола он, кажется, поверил), сколько по причине того, что после председателя МАССОЛИТа, в отличие от Мастера, не осталось на Земле ничего нетленного. У Беляева мозг гениального Доуэля способен существовать и без телесной оболочки. А для М. А. Б. жизнь заключена лишь в материальных благах, и существование его головы (или души) без тела теряет всякий смысл.

Совпадает и целый ряд деталей у Беляева и Булгакова. Профессор Доуэль, очнувшись, видит, что его голова лежит на кухонном столе, а рядом, на более высоком прозекторском столе покоится его обезглавленное тело с вскрытой грудной клеткой, из которой извлечено сердце. Точно так же в "Мастере и Маргарите" в прозекторской мы видим на одном столе отрезанную голову М. А. Б., а на другом - его тело с раздавленной грудной клеткой.

Керн, которому для своих опытов нужно достать пару трупов, рассуждает почти так же, как Воланд в беседе с М. А. Б.: "Каждый день с непреложностью закона природы в городе гибнет от уличного движения несколько человек, не считая несчастных случаев на заводах, фабриках, постройках. Ну и вот эти обреченные, жизнерадостные, полные сил и здоровья люди сегодня спокойно уснут, не зная, что их ожидает завтра. Завтра утром они встанут и, весело напевая, будут одеваться, чтобы идти, как они будут думать, на работу, а на самом деле - навстречу своей неизбежной смерти. В то же время в другом конце города так же беззаботно напевая, будет одеваться их невольный палач: шофер или вагоновожатый. Потом жертва выйдет из своей квартиры, палач выедет из противоположного конца города из своего гаража или трамвайного парка. Преодолевая поток уличного движения, они упорно будут приближаться друг к другу, не зная друг друга, до самой роковой точки пересечения их путей. Потом на одно короткое мгновение кто-то из них зазевается - и готово. На статистических счетах, отмечающих число жертв уличного движения, прибавится одна косточка. Тысячи случайностей должны привести их к этой фатальной точке пересечения. И тем не менее все это неуклонно совершится с точностью часового механизма, сдвигающего на мгновение в одну плоскость две часовые стрелки, идущие с различной скоростью".

Точно так же Воланд предсказывает М. А. Б., что его невольным палачом будет "русская женщина, комсомолка" - вагоновожатая трамвая, а не враги-интервенты, как заученно думает председатель МАССОЛИТа. Различие между романами Беляева и Булгакова оказывается в том, что "Голова профессора Доуэля" - это научная фантастика, а "Мастер и Маргарита" - волшебная фантастика. Поэтому у Беляева есть подробное объяснение, с помощью каких приспособлений может существовать отдельно от тела голова умершего профессора, а сама случайная гибель человека трактуется как статистическая закономерность.

У Булгакова же гибель М. А. Б. и пропажа его головы, вновь появляющейся и оживающей только на Великом балу у сатаны, представлена как результат деятельности потусторонних сил. Ее превращение в чашу-череп, из которой пьют кровь, ставшую вином, происходит в точном соответствии с законами шабаша.

В подготовительных материалах к первой редакции романа 1929 г. сохранилась выписка из статьи этнографа Л. Я.. Штернберга (1861-1927) "Шабаш ведьм", помещенной в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона: "Лошадиный череп, из которого пьют". В первоисточнике в этом месте говорится, что участники шабаша "едят лошадиное мясо, "а напитки пьют из коровьих копыт и лошадиных черепов".

М. А. Б. в романе выполняет функции, схожие с ролью мастера стула или председателя ложи в Масонстве, а один из вариантов расшифровки сокращения МАССОЛИТ - Масонский союз литераторов.

« Назад

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

~ Булгаков, Николай Афанасьевич ~

Булгаков Николай Афанасьевич (1898-1966) - брат Михаила Булгакова, прототип Николки в "Белой гвардии" и "Днях Турбиных".

Родился 20 августа (1 сентября) 1898 г. в Киеве в семье А. И. и В. М. Булгаковых. Окончил Первую Александровскую гимназию и в начале октября 1917 г. поступил в киевское Инженерное училище. Но юнкером, пережив драматические дни октябрьских боев (см.: "День восхищения"), пробыл недолго. Уже в конце декабря 1917 г. Б. стал студентом медицинского факультета Киевского университета.

Осенью 1919 г. вступил в ряды Добровольческой армии, возможно, был ранен во время октябрьских боев в Киеве и отправился в Феодосию, где служил в тыловых частях Добровольческой армии. Там Б. встретился с мужем сестры Вари Л. С. Карумом (1888-1968), преподававшим в местной стрелковой школе право.

Из Крыма Б. эвакуировался в ноябре 1920 г. вместе с Русской армией генерала барона П. Н. Врангеля (1878-1928) в Галлиполи, откуда в 1921 г. перебрался в Хорватию (тогда - часть Королевства сербов, хорватов и словенцев), где поступил в Загребский университет на медицинский факультет.

Первое из дошедших до нас писем Б. эмигрантского периода его жизни датировано 16 января 1922 г. и адресовано матери. Оно представляет собой ответ на письмо В. М. Булгаковой, посланное на загребский адрес сына, из чего можно заключить, что ранее, в конце 1921 г., в Киев было отправлено письмо Б. или его брата Ивана, к тому времени очутившегося в Болгарии.

Письмо от 16 января 1922 г. столь важно для биографии Б. и всей семьи Булгаковых, что можно привести его полностью: "Милая моя, дорогая мамочка и все близкие моему сердцу братья и сестры! Вчера я пережил незабываемые драгоценные минуты: нежданно-негаданно пришло твое письмо, когда я только вернулся из Университета. Слезы клубком подошли к горлу и руки тряслись, когда я вскрывал это драгоценное письмо. Я рыдал в полном смысле этого слова, до того я истосковался и наволновался. Столько времени ни о ком ни послова! Боже милосердный, неужели это правда!
Милая мамочка, почему ты ни слова не пишешь о Верочке, где она, что делает, здорова ли, пишет ли вам что-нибудь. Как я волновался за Мишу с Тасей и золотую мою Варюшечку, ведь только стороной, от чужих людей я узнал, что у нее будет ребеночек. Поздравь ее с Леней, пожелай выходить хорошую дочку - ведь я так горячо люблю хорошую, добрую Варюшу.
Как Надюша с Андреем выглядят, вспоминают ли меня когда-нибудь? Поцелуй их крепко-крепко.
Строки твоего письма о Лелечке глубоко меня потрясли и взволновали: добрая, золотая девочка. Пусть вспомнит она, как подружились мы с ней в последние дни, как трогательно горячо расставались. Дай Бог ей здоровья, счастья и благополучия - я столько раз вспоминал ее, молился о ней и рассказывал своим знакомым. Ее крепко целует и кланяется Оля Орлова, которая со мной иногда и рада поговорить о Киеве. Она танцует в балете.
Милый, добрый Иван Павлович, как я счастлив сознанием, что Вы стали близким родным человеком нашей семье. Сколько раз я утешал себя мыслью, что вы с Лелей поддержите мою добрую мамочку, и все волновался за Ваше здоровье. С Вашим образом у меня связаны самые лучшие светлые воспоминания, как о человеке, приносившем нашему семейству утешение и хорошие идеи доброго русского сердца и примеры безукоризненного воспитания. На словах мне трудно выразить все то, что Вы сделали маме в нашей трудной жизни, нашей семье и мне на заре моей учебной жизни. Бог поможет Вам, дорогой Иван Павлович. Как я рад знать, что с Вами вместе Костя, проявивший столько любви и чистой привязанности к Варе. Надеюсь, меня он очень помнит и может многое рассказать о совместной нашей жизни в период учения, службы и встреч у Варюши с Леней. Передайте ему, что о нем неоднократно справляются его родители, печалятся, что он не пишет. Я дал знать им, что он жив и здоров и по-прежнему живет у вас в Киеве. Надеюсь, они обрадуются. Ванюша не отвечает ни на одно мое письмо, и я уже начинаю беспокоиться. Сколько раз я убеждал его приехать ко мне, я давно бы устроил его в Университете! Даже адреса своего до сих пор не сообщил, а я знаю, что ему хотелось бы со мной поделиться рассказами о его жизни. Косте кланяется Георгий Сергеевич, который целое лето занимался со мной немецким языком. Семья его с ним.
Сколько бодрости и радости принесло мне известие, что вы все живы и здоровы! Теперь расскажу кое-что о себе: я, слава Богу, здоров и, вероятно, страшно переменился за эти годы: ведь мне уже 24-ый год.
Посылаю Вам одну из последних карточек. После довольно бедственного года, проведенного мною в борьбе за существование, я окончательно поправил свои легкие и решил снова начать учебную жизнь. Но не так легко это было сделать: понадобился целый год службы в одном из госпиталей, чтобы окончательно стать на ноги, одеться с ног до головы и достать хоть немного денег для начала тяжкого в нынешние времена учебного пути. Это была очень тяжелая и упорная работа: так, например, я просидел взаперти 22 суток один одинешенек с оспенными больными крестьянами, доставленными из пораженного эпидемией уезда. Работал в тифозном отделении с 50 больными и Бог меня вынес целым и невредимым.
Все это смягчалось сознанием, что близка намеченная цель. И, действительно, я скопил денег, оделся, купил все необходимое для одинокой жизни и уехал в Университет (Загребский), куда меня устроил проф. Лапинский по моим бумагам. Сначала работал, сколько сил хватало, чтобы показать себя.
Теперь я освобожден от платы за нравоучение и получаю от Университета стипендию, равную 20-25 рублей мирного времени. Половину этого (или немного менее) отнимает квартира, отопление, освещение, а остальное на прочие потребности жизни: еду и остальные. Жить приходится более чем скромно, но меня спасает то, что за время службы в госпитале я купил себе теплое пальто, 2 пары ботинок, кой-какой костюмчик (подешевле!), сделал несколько пар белья постельного и носильного и приобрел всякую дребедень: бритву, зубную щетку и проч. и проч. Есть даже кой-какая посуда. Живу я на окраине города в комнате с самой необходимой студенту обстановкой: печечка тоже железная, но обогревает хорошо (слава Богу, недавно дешево купил на железной дороге 1/2 сажени дров, а то зима, дает себя чувствовать основательно). Воду дают хозяева, которые очень хорошо ко мне относятся; ведь я не пью, не курю, не скандалю - тихий квартирант и платит аккуратно! Готовлю обычно сам, но иногда обедаю в столовках, что подешевле. На судьбу не жалуюсь, хотя страшно скучаю без вас всех. Конечно, не приходится думать о покупке нужных и дорогих пособий, цены на которые превышают все границы, но изредка урежу себя да и куплю какую-нибудь книжку. А больше всего работаю в Университетской библиотеке, в которой очень много хороших книг на немецком языке, который я изучал еще до поступления в университет, живя в госпитале, и понемногу овладеваю им (немецким языком). Студенты и профессора относятся ко мне очень хорошо. С приездом из Швейцарии одного местного профессора связана и моя жизнь, т. к. я, может быть, получу тогда дешевую комнату при Университете, т. к. буду работать у этого профессора. А мне необходимо материально подкрепиться!
Замечательно, что с момента, как видел тебя в последний раз перед моим отъездом за границу, я абсолютно ничем не болел, даже простудой, и вообще окреп.
Теперь буду писать очень часто и побольше, а вы все со своей стороны обязаны писать мне (можно коллективные письма, а то это удовольствие не по карманам). Напиши, не нужно ли тебе денег на марки, если да, то какими деньгами послать и как это сделать. Может быть, прислать бумаги и конвертов: у меня есть. Может быть, Михаилу это понадобится. Если будешь писать ему, напиши обо мне, пожелай от меня здоровья и благополучия, передай поцелуй ему с Тасей и обязательно сообщи его адрес. Посылаю Леле 10 рублей, что завалялись у меня, авось, пригодится.
Боюсь просить, но нужно! Если найдете где-нибудь в остатках моих вещей мой матрикул (зеленая книжка, оклеенная тонкой зеленой материей), называется: "Книжка записи на лекции". Ради Бога, пришлите ее мне. Она мне необходима! Боюсь, что будет дорого стоить, тогда я, может быть, пришлю вам денег, но нужно сообщить, сколько и как это сделать.
Если, даст Бог, найдете матрикул, пошлете, то вложите туда удостоверение от Киевского Университета о моих отметках (его, может быть, дадут в деканате медицинского факультета) и обязательно карточки всех моих родных, если это возможно.
Ну, пора кончать (только что кончил варить обед на завтра и послезавтра; пока писал - он кипел, а теперь готов).
Целую всех крепко, крепко. Боже благослови вас милых. Да, скажи о. Николаю, что я его помню и очень люблю, пусть помолится за меня.
Пишите, если возможно, почаще. Даст Бог - увидимся! (увидеться с родными Б. не довелось никогда, за исключением, вероятно, К. П. Булгакова, вскоре эмигрировавшего.)

Коля
Адрес тот же.

Не забывайте, что я совершенно один и не могу переносить одиночества, а бывать не у кого; кругом все чужие".

В тот период, когда было написано письмо, положение Михаила было еще хуже, чем у Б.: он с женой, Т. Н. Лаппа, буквально голодал (правда, к марту 1922 г. ситуация улучшилась). В целом же проблемы, стоявшие перед двумя братьями по обе стороны "железного занавеса", были удивительно схожи: квартирный вопрос и, в частности, высокая плата за жилье, возможность удовлетворять только минимальные потребности в еде и одежде, что осложнялось для Булгакова еще и необходимостью содержать жену.

Б. также не изведал прелестей коммунального быта Нехорошей квартиры... Он не мог, конечно, знать, что через несколько дней после получения письма мать погибнет от тифа, и старшим в семье останется Михаил, который, улучшив собственное материальное положение за счет публикации рассказов и фельетонов и постановки пьес, будет по мере сил помогать очутившимся за границей братьям.

23 января 1923 г. в письме сестре Вере он признавался: "С печалью я каждый раз думаю о Коле и Ване, о том, что сейчас мы никто не можем облегчить им жизнь", а 8 октября 1928 г. в письме Н. А. Булгаковой обещал позаботиться "насчет денег для Коли". Однако в 1929 г. в связи с прекращением публикаций в печати и снятием с репертуара пьес Булгаков уже не мог больше посылать денег братьям на чужбину.

Положение Б. к тому времени существенно изменилось в лучшую сторону. После окончания Загребского университета он был оставлен там при кафедре бактериологии в аспирантуре. В 1929 г. удостоился звания доктора философии, специализировался, с помощью хорватского ученого Владимира Сертича, по бактериофагам. На его работы обратил внимание первооткрыватель бактериофага профессор Феликс д'Эрелль (1873-1949) и вызвал к себе в Париж. Туда Б. прибыл в августе 1929 г., о чем сообщил 17 августа брату в Москву: "...Условия дают мне возможность скромно жить, ни от кого не завися, я этого давно не имел".

В 1932 г. Б. женился на Ксении Александровне Яхонтовой, дочери профессора-эмигранта, а в декабре 1935 г. по поручению д'Эрреля отбыл в Мексику, где в течение трех месяцев читал лекции. В 1941 г. после начала германо-югославской войны Б. как югославский подданный был арестован немецкими оккупационными властями во Франции и отправлен в лагерь для интернированных в районе Компьена, где стал работать врачом. Он участвовал в Сопротивлении, содействовал побегу нескольких узников. После войны работал в Пастеровском институте. Правительство Югославии за участие в движении Сопротивления наградило Б. орденом.

Умер Б. от разрыва сердца 13 июня 1966 г. в парижском пригороде Кламаре и был похоронен на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. За научные достижения Б. был награжден французским правительством орденом Почетного легиона.

Между Б. и Булгаковым в 1929-1939 гг. поддерживалась переписка. В декабре 1927 г. Б. писал брату: "Славный и добрый Миша, мне хорошо известно, что ты принимаешь самое горячее участие в поддержке меня, так же, как ты старался помогать в свое время Ване. Мне трудно в настоящий момент выразить тебе всю величину чувства к тебе, но верь, что оно велико... Местные театральные, литературные и вообще интеллигентские круги неоднократно расспрашивали о тебе, твоей работе".

Михаил 25 апреля 1929 г., узнав об уже решенном переезде Б. в Париж, просил немедленно сообщить ему парижский адрес, поскольку "возможно, что мне удастся помочь тебе материально". Еще в одном из майских писем 1929 г. Б. признавался: "В каком положении я иногда нахожусь, сейчас нет возможности описать". 3 июля 1929 г. Булгаков поздравил брата с окончанием университета, а его тогдашняя жена Л. Е. Белозерская сделала к письму замечательную приписку: "Милый Коля, я Вас очень сердечно поздравляю и верю в Ваше светлое будущее, потому что - по рассказам ваших родных - Вы - орел..."

24 августа 1929 г. писатель сообщил брату грозную весть: "...Положение мое неблагополучно. Все мои пьесы запрещены к представлению в СССР, и беллетристической ни одной строки моей не напечатают. В 1929 году совершилось мое писательское уничтожение. Я сделал последнее усилие и подал Правительству СССР заявление, в котором прошу меня с женой моей выпустить за границу на любой срок. В сердце у меня нет надежды. Был один зловещий признак - Любовь Евгеньевну не выпустили одну, несмотря на то, что я оставался (это было несколько месяцев тому назад). Вокруг меня уже ползет змейкой темный слух о том, что я обречен во всех смыслах.
В случае если мое заявление будет отклонено, игру можно считать оконченной, колоду складывать, свечи тушить.
Мне придется сидеть в Москве и не писать, потому что не только писаний моих, но даже фамилии моей равнодушно видеть не могут.
Без всякого малодушия сообщаю тебе, мой брат, что вопрос моей гибели это лишь вопрос срока, если, конечно, не произойдет чуда. Но чудеса случаются редко.
Очень прошу написать мне, понятно ли тебе это письмо, но ни в коем случае не писать мне никаких слов утешения, чтобы не волновать мою жену (точно так же в "Днях Турбиных" Алексей Турбин говорит Тальбергу: "Жену не волновать...")
Вот тебе более щедрое письмо (в своих письмах Б. неоднократно жаловался, что брат скуп на письма). Нехорошо то, что этой весной я почувствовал усталость, разлилось равнодушие. Ведь бывает же предел".

Булгаков не погиб, но и за границу так никогда и не был выпущен. После отчаянного письма правительству 28 марта 1930 г. и разговора с И. В. Сталиным он получил должность режиссера-ассистента во МХАТе, да некоторое время спустя были восстановлены там же "Дни Турбиных". Писатель остался в Москве, но был лишен возможности публиковаться.

Перед отправлением письма, решившего его участь, Булгаков 21 февраля 1930 г. прямо обращается к брату с мучительными раздумьями: "...Интересует ли тебя моя литературная работа? Это напиши. Если хоть немного интересует, выслушай следующее и, если можно, со вниманием:
... Я свою писательскую задачу в условиях неимоверной трудности старался выполнить, как должно. Ныне моя работа остановлена. Я представляю собой сложную (я так полагаю) машину, продукция которой в СССР не нужна. Мне это слишком ясно доказывали и доказывают еще и сейчас по поводу моей пьесы о Мольере. По ночам я мучительно напрягаю голову, выдумывая средство к спасению. Но ничего не видно. Кому бы, думаю, еще написать заявление?"

Писатель просил в счет его французских гонораров прислать денег, чай, кофе, две пары носков и простых дамских чулок. 7 августа 1930 г., уже после перемены своего положения, Булгаков вновь сообщал брату: "Деньги нужны остро. И вот почему: в МХТ жалованья назначено 150 руб. в месяц, но и их я не получаю, т.к. они мною отданы на погашение последней 1/4 подоходного налога за истекший год. Остается несколько рублей в месяц. Помимо них, 300 рублей в месяц я получаю в театре, носящем название ТРАМ (Театр рабочей молодежи). В него я поступил тогда же приблизительно, когда и в МХТ.
Но денежные раны, нанесенные мне за прошлый год, так тяжки, так непоправимы, что и 300 трамовских рублей как в пасть валятся на затыкание долгов...
Итак: если у тебя имеются мои деньги и если есть хоть какая-нибудь возможность перевести в СССР, ни минуты не медля, переведи".

В последующие месяцы финансовый кризис миновал, в материальной помощи Б. писатель нуждаться перестал. Содействие Б. брату ограничивалось переводами в Москву гонораров за постановки булгаковских пьес в Западной Европе.

В последний год жизни Булгакова между братьями в этом вопросе возникла досадная размолвка. 9 мая 1939 г. писатель известил Б., что издатель романа "Белая гвардия" З. Л. Каганский будто бы предъявил английскому акционерному обществу "Куртис Браун" "какую-то доверенность, на основании которой Куртис Браун гонорар по лондонской постановке моей пьесы "Дни Турбиных" разделил пополам и половину его направляет Каганскому... а половину - тебе... Ответь мне, что это значит? Получил ли ты какие-нибудь деньги?"

Этот инцидент третья жена драматурга Е. С. Булгакова зафиксировала в дневниковой записи от 18 апреля 1939 г., отметив реакцию мужа и свою собственную на письма, полученные от английской переводчицы Кельверлей и общества "Куртис Браун": "Оказывается, что К. Брауну была представлена Каганским доверенность, подписанная Булгаковым, по которой 50 процентов авторских надлежит платить З. Каганскому (его парижский адрес) и 50 процентов Николаю Булгакову в его парижский адрес, что они и делали, деля деньги таким путем!!!
Мы с Мишей как сломались! Не знаем, что и думать!"

19 мая 1939 г. Б. сообщил брату, что "все мои попытки обойти претензии Каганского... кончились судебным разбирательством, причем выяснилось, что Каганский имеет полномочия от Фишера (а через него еще и от Ладыжникова) и что сделанная тобою давно оплошность (доверенность на охрану авторских прав по пьесе "Зойкина квартира", выданная Булгаковым 8 октября 1928 г. берлинскому издательству Ладыжникова, с которым, как и с издательством Фишера, оказался связан Каганский) неизбежно будет тянуться дальше и всплывать каждый раз, когда где-либо будут для тебя деньги. Боясь, что и то немногое, что собиралось для тебя, уйдет на тяжбы и переезды, я решил... разделить пополам поступившие деньги между тобой и Каганским".

Судя по ответу, посланному 29 мая 1939 г., Булгаков не был вполне удовлетворен действиями Б.: "Хорошо, что прервалось молчание (в ходе переписки случались длительные периоды, когда письма не доходили до адресатов, последний перерыв со стороны Б. длился с апреля 1937 г. до мая 1939 г.), потому что неполучение твоих известий принесло мне много неприятных хлопот...
Об остальном в следующем письме, которое я пришлю тебе в самое ближайшее время. Прошу тебя все время держать меня в курсе дел".

Однако ближайшее время для М. А. Булгакова так и не наступило: вначале помешала напряженная работа над "Батумом", а затем - прогрессирующая смертельная болезнь. Последнее письмо от Б. датировано 21 июня 1939 г. и также отличается сухой лаконичностью: "Дорогой Михаил, твое письмо от 29 мая с.г. я благополучно получил и, конечно, очень рад, что нарушилось молчание, и ты можешь составить представление о том, как были мною защищены твои авторские права в Лондоне.
К сожалению, я до сих пор не получил обещанного тобою письма. Я 28-го июня уезжаю в отпуск на весь июль и боюсь, что твое письмо может придти сюда в мое отсутствие и должно будет лежать до моего возвращения".

24 мая 1939 г. Е. С. Булгакова записала в дневнике: "Сегодня письмо из Лондона от Куртис Брауна с двумя копиями писем Николая Булгакова. Совершенно ясно, что он, представив Мишину доверенность на "Зойкину" или какие-нибудь письма (по-видимому, так) - получал там деньги по "Турбиным". Представить себе это трудно, но приходится так думать". Письмо от Б., полученное 26 мая 1939 г., явно не удовлетворило Е. С. Булгакову: "Утром письмо от Николая из Парижа - он пишет, что он очень рад, что пришло, наконец, от Миши письмо, что он несколько раз писал Мише, но письма не доходили. Сообщает о том, что почел за лучшее с Каганским покончить дело по "Зойкиной" полюбовно, заключил с ним договор, по которому все платежи - пополам получают. Просит доверенность, та уже кончилась. Пишет, что у него для Миши 1600 с чем-то франков от "Зойкиной" и 42 фунта с чем-то от "Дней Турбиных".

Этих денег Булгаков так никогда и не увидел, и новой доверенности для Б., в свою очередь, не выслал. Е. С. Булгакова не послала Б. извещения о кончине Булгакова, и дело тут совсем не только в трудностях сношений с Францией изза начавшейся 1 сентября 1939 г. второй мировой войны.

Переписку с Б. она возобновила только 14 сентября 1960 г., отметив в первом письме: "Дорогой Никол, прошел 21 год со времени получения письма от Вас - от 21. VI.39. Это было еще при жизни Миши. Мы никак не могли объяснить наступившего после этого молчания... Я не задаю сейчас Вам никаких вопросов и не пишу о себе, буду ждать ответа от Вас". Лишь ответные письма Б. смягчили вдову писателя.

Булгаков очень радовался тому, что Б. избрал науку своим полем деятельности. 24 августа 1929 г. писатель выражал уверенность, что брат сделает ученую карьеру. 21 февраля 1930 г. Булгаков писал: "Дорогой Коля, ты спрашиваешь меня, интересует ли меня твоя работа? Чрезвычайно интересует! Я получил конспект "Bacterium prodigiosum" (бактерии чудотворные). Я рад и горжусь тем, что в самых трудных условиях жизни ты выбился на дорогу. Я помню тебя юношей, всегда любил, а теперь твердо убежден, что ты станешь ученым.
Меня интересует не только эта работа, но и то, что ты будешь делать в дальнейшем, и очень ты обрадуешь меня, если будешь присылать все, что выйдет у тебя. Поверь, что никто из твоих знакомых или родных не отнесется более внимательно, чем я, к каждой строчке, сочиненной тобой.
Многие из моих знакомых расспрашивали меня о нашей семье, и меня всегда утешало то, что я мог говорить о твоих больших способностях".

А 7 августа 1930 г брат Б. утверждал: "Счастлив, что ты погружен в науку. Будь блестящ в своих исследованиях, смел, бодр и всегда надейся".

В ряде писем к Б. Булгаков просил брата проследить за слишком вольной интерпретацией его пьес постановщиками и опасался бесконтрольной публикации за границей произведений, запрещенных в СССР. 6 сентября 1929 г. писатель обратился с просьбой "проверить слух о том, что на французском языке появилась якобы, моя запрещенная повесть "Собачье сердце". По счастью, слух оказался ложным, иначе Булгакова на родине могли ожидать крупные неприятности.

А 8 мая 1935 г. он требовал от Б. убрать из французского перевода пьесы "Зойкина квартира" двусмысленные фразы из монолога афериста Аметистова, вставленные туда французскими переводчиками: "...Несколько портретов Ленина. Этот славный Ильич... Об этом я вежливо намекнул Сталину... Сталин знает, чем он мне обязан..." Булгаков утверждал: "Абсолютно недопустимо, чтобы имена членов Правительства Союза фигурировали в комедийном тексте и произносились со сцены. Прошу тебя незамедлительно исполнить это мое требование и дать мне, не задерживаясь, телеграмму...".

Нельзя не признать, что названные вставки для пьесы были вполне органичны и усиливали ее сатирическое звучание и комедийный эффект. Однако в том мире, в котором жил Булгаков и который до конца не могли понять французы, а в какой-то мере - уже и сам Б., произнесение подобных шуток со сцены могло привести к репрессиям против драматурга, даже если он на самом деле и не был автором двусмысленных острот.

Интересно, что булгаковские слова из этого письма к Б. о недопустимости произнесения в комедии со сцены имен членов правительства почти буквально совпадают с одной из мотивировок запрета "Батума", переданной режиссером МХАТа В. Г. Сахновским (1886-1945) со ссылкой на "верхи" и занесенной в дневник Е. С. Булгаковой 17 августа 1939 г.: "Нельзя такое лицо, как И. В. Сталин, делать романтическим героем, нельзя ставить его в выдуманные положения и вкладывать в его уста выдуманные слова". Разумеется, отправляя за четыре года до этого письмо брату, Булгаков не мог думать о такой иронии судьбы.

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Булгакова, Варвара Афанасьевна ~

Булгакова Варвара Афанасьевна (в замужестве - Карум) (1895-1954) - сестра Булгакова.

Послужила прототипом Елены Турбиной (Тальберг) в романе "Белая гвардия" и пьесе "Дни Турбиных".

Родилась в 1895 г. в Киеве в семье А.И. и В.М. Булгаковых. Окончила киевскую Екатерининскую женскую гимназию, затем - три курса Киевской консерватории. Весной 1917г. вышла замуж за кадрового офицера, выпускника Петербургской военной юридической академии капитана Леонида Сергеевича Карума (1888-1968), происходившего из прибалтийских немцев (в "Белой гвардии" и "Днях Турбиных" - Тальберг), и переехала в Петроград, затем в Москву, поступила на заочные высшие московские курсы иностранных языков.

В мае 1918г. вернулась в Киев. Л. С. Карум служил у гетмана П. П. Скоропадского (1873-1945), потом - в белой Астраханской армии полковником, председателем суда. С осени 1919 г. - в Добровольческой армии, преподавателем в стрелковой школе в Феодосии, остался там вместе с Б. и при красных, в 1921 г. вернулся вместе с школой в Киев. 10 апреля 1921 г. у Б. родилась дочь Ирина.

В 1929 г. Карум был арестован и сослан в Новосибирск. Б. последовала за ним, давала там уроки музыки и немецкого, а Карум преподавал немецкий язык и латынь. Б. умерла в 1954 г. в психиатрической лечебнице в Новосибирске.

Первая жена Булгакова Т. Н. Лаппа вспоминала: "... Варя его (Л. С. Карума) любила. Она потом Михаилу такое ужасное письмо прислала: "Какое право ты имел так отзываться о моем муже... Ты вперед на себя посмотри. Ты мне не брат после этого..."

О том же свидетельствует и вторая жена писателя Л. Е. Белозерская: "Посетила нас и сестра Михаила Афанасьевича Варвара, изображенная им в романе "Белая гвардия" (Елена), а оттуда перекочевавшая в пьесу "Дни Турбиных". Это была миловидная женщина с тяжелой нижней челюстью. Держалась она, как разгневанная принцесса: она обиделась за своего мужа, обрисованного в отрицательном виде в романе под фамилией Тальберг. Не сказав со мной и двух слов, она уехала. Михаил Афанасьевич был смущен".

Эта сцена произошла в 1925 г., и после этого контакты сестры с Булгаковым почти прекратились.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций
Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы
Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи
Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта
Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Булгакова, Варвара Михайловна ~

Булгакова Варвара Михайловна (урожденная Покровская, во втором браке - Воскресенская) (1869-1922) - мать М. А. Булгакова.

Родилась 5/17 сентября 1869г. в г. Карачеве Орловской губернии в семье соборного протоиерея. Окончила Орловскую женскую гимназию с программой мужских гимназий. В 1888-1890 гг. была учительницей в 4-м классе Карачевской женской прогимназии. 1 июля 1890 г. вышла замуж за Афанасия Ивановича Булгакова и переехала в Киев. У них было семеро детей: Михаил (1891), Вера (1892), Надежда (1892), Варвара (1895), Николай (1898), Иван (1900) и Елена (1902).

После смерти мужа Б. с 1908 г. работала казначеем во Фребелевском обществе. В 1906 г. познакомилась с врачом-педиатром Иваном Павловичем Воскресенским (около 1879 - 1966), в мае 1918г. вышла за него замуж. Булгаков не одобрял связь матери с Воскресенским, возможно, из-за того, что Иван Павлович был значительно младше своей возлюбленной.

По воспоминаниям первой жены Булгакова Т. Н. Лаппа: "Михаил все возмущался, что Варвара Михайловна с Воскресенским... Он каждую субботу приезжал в Бучу (поселок в 30 км от Киева, где была дача семьи Булгаковых), а если они были в Киеве, приходил все время, поздно возвращался. Даже ночевать оставался где-то там... отдельно... не знаю, Михаила это очень раздражало. Он мне говорил: "Я просто...". Он выходил из себя. Конечно, дети не любят, когда у матери какая-то другая привязанность. Или они уходили гулять куда-то там на даче, он говорит: "Что это такое, парочка какая пошла". Переживал. Он прямо говорил мне: "Я просто поражаюсь, что мама затеяла роман с доктором". Очень был недоволен".

В "Белой гвардии" временем смерти матери Турбиных назван май 1918 г., когда состоялся брак Б. с И. П. Воскресенским. Булгаков не хотел говорить в романе о новой семье матери, но любовь к Б. сохранил на всю жизнь: в "Белой гвардии" мать главных героев - "светлая королева".

Б. скончалась от тифа в Киеве 1 февраля 1922 г. Булгаков не смог приехать на похороны из Москвы по причине отсутствия средств (этот и последующие месяцы были самыми тяжелыми, недаром в булгаковском дневнике 9 февраля 1922 г. отмечено: "Идет самый черный период моей жизни. Мы с женой голодаем").

Согласно записям сестры Булгакова, Надежды, в феврале 1922 г., после кончины Б., он написал письмо: "М. А. смертью матери был потрясен. Письмо это - вылитая в словах матери скорбь: обращаясь к матери на Ты (с большой буквы), он пишет ей о том, чем она была в жизни детей; пишет о необходимости сохранить дружбу всех детей во имя памяти матери... Михаил Афанасьевич взял это письмо у сестры "посмотреть" и не вернул...".

В ноябре 1939 г., уже будучи смертельно больным, Булгаков, как свидетельствуют дневниковые записи Н. А. Булгаковой, говорил ей: "Мать. Ее замужество с Иваном Павловичем. Булгакова-Воскресенская. (Узнал об этом только, посетив могилу, прочтя это на памятнике). "Я достаточно отдал долг уважения и любви к матери, ее памятник - строки в "Белой гвардии".

В письме своему другу философу и литературоведу П. С. Попову 24 апреля 1932 г. он утверждал: "С детства я терпеть не мог стихов (не о Пушкине говорю, Пушкин - не стихи!) и, если сочинял, то исключительно сатирические, вызывая отвращение тетки и горе мамы, которая мечтала об одном, чтобы ее сыновья стали инженерами путей сообщения. Мне неизвестно, знает ли покойная, что младший стал солистом-балалаечником во Франции, средний ученым-бактериологом, все в той же Франции, а старший никем стать не пожелал. Я полагаю, что она знает. И временами, когда в горьких снах я вижу абажур, клавиши, Фауста и ее (а вижу ее во сне в последние ночи вот уже третий раз. Зачем меня она тревожит?), мне хочется сказать - поедемте со мною в Художественный Театр. Покажу Вам пьесу. И это все, что могу предъявить. Мир, мама?"

Б. играла большую роль в воспитании своих детей. По воспоминаниям Н. А. Булгаковой, "мать - жизнерадостная и очень веселая женщина. Хохотунья. И вот в этой обстановке начинает расти смышленый, очень способный мальчик... Интересно, что произошло после смерти отца. Наша мать славилась среди родных и знакомых как великолепная воспитательница. И вот один из братьев отца (Петр Иванович Булгаков, священник русской посольской церкви в Токио), служивший в Японии, привез матери своих двоих сыновей и попросил взять их в нашу семью, потому что хотел дать своим сыновьям русское образование. Там не было полных русских гимназий. И вот появились у нас в семье два "японца" - так мы их называли: Коля и Костя. Костя - старший, Коля - младший. А через год, очень скоро после японцев, приехала уже с запада (из г. Холм Люблинской губернии) сестра, тоже Булгакова, двоюродная (Илария (Лиля) Михайловна Булгакова (1891-1982) Приехала в Киев на Киевские женские курсы. Она кончила гимназию раньше, чем я. И таким образом у вдовы-матери оказалось в семье десять человек детей. И мама с ними справлялась. Маме тогда, когда отец умер, шел 37-й год.

И вот эта женщина сумела нас сплотить, вырастить и дать нам всем образование. Это была ее основная идея. Она говорила нам потом, когда мы уже стали взрослыми: "Я хочу вам всем дать настоящее образование. Я не могу вам дать приданое или капитал. Но я могу вам дать единственный капитал, который у вас будет, - это образование". И действительно. Она дала нам всем образование. А вторая ее идея, превосходная идея, была: нельзя допустить, чтобы дети бездельничали. И мама давала нам работу. Мы и сами работали, даже летом. Например, моя обязанность была заниматься до обеда с младшими братьями. А обязанность братьев была сначала помогать отцу в расчистке дорожек, а затем убирать мусор с участка. Братья собирали песок, дерн, листья. И вот Михаил в 15-м году... пишет стихотворение:

Утро. Мама в спальне дремлет.
Солнце красное взойдет,
Мама встанет и тотчас же
Всем работу раздает:
"Ты иди песок сыпь в ямы,
Ты ж из ям песок таскай".

Миша, конечно, смеется. Причем мать сама весело смеялась в таких случаях. И у нас эти слова, когда речь заходила о работе, стали крылатыми словами, как и очень многие Мишины слова...

Мать, была, конечно, незаурядная женщина, очень способная. Вот сказки. Она рассказывала нам сказки, которые всегда сама сочиняла. Она вела нас твердой и умной рукой. Была требовательна. Мать не стесняла нашей свободы, доверяла нам. И мы со своей стороны были с нею очень откровенны. У нас не было того, что бывает в других семьях, - недоверия. Были товарищи братьев, были поклонники у нас. Меня спрашивали: "Надя, вам надо писать до востребования?" Я говорю: "Зачем? Пишите, если вы хотите мне писать, на нашу квартиру". - "Как? А мама?" - "А что мама? Мама наших писем не читает. И это правильно. Это было, подумайте, когда. В начале XX века. Мама наших писем не читала. А мы ей сами читали, если нам хотелось ей что-нибудь рассказать".

Мать была одной из первых, кто приобщил тогда еще юного Булгакова к сочинительству. Она также привила своим детям любовь к театру. Она выступала режиссером домашних спектаклей. Первый такой любительский спектакль, в котором играл Булгаков - это детская сказка "Царевна Горошина", поставленная в 1903-1904 гг. на квартире Сынгаевских, киевских друзей Булгаковых (Николай Сынгаевский послужил прототипом Мышлаевского в "Белой гвардии" и "Днях Турбиных"). Здесь двенадцатилетний Булгаков играл сразу две роли - атамана разбойников и Лешего. Как вспоминала позднее сестра Надя: "Миша исполняет роль Лешего, играет с таким мастерством, что при его появлении на сцене зрители испытывают жуткое чувство".

Иной раз у Булгакова с матерью бывали довольно резкие споры. 24 ноября 1913 г. племянница Б. Иллария Михайловна Булгакова сообщала в Москву Н. А. Булгаковой: "... У мамы принципиальные causeries (разговоры (фр.) с Мишей (знаешь, в каком тоне!)". Это замечание двоюродной сестры Н. А. Булгакова позднее прокомментировала так: "... В этих разговорах затрагивались и житейские, и весьма широкие вопросы мировоззрения, науки, искусства. Михаил Афанасьевич любил поражать мать, как и других своих собеседников, парадоксальностью, оригинальностью суждений, едкой иронией; говоря с матерью, он любил ниспровергать общепризнанные авторитеты".

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Булгакова, Вера Афанасьевна ~

Булгакова Вера Афанасьевна (1892-1972) - сестра Булгакова.

Родилась в 1892 г. в Киеве в семье А. И. и В. М. Булгаковых. Окончила киевскую женскую гимназию, затем - Фребелевский педагогический институт. В начале 20-х годов вышла замуж за Николая Николаевича Давыдова (1898-1971), потомка знаменитого поэта-партизана Дениса Давыдова (1784-1839) и уехала из Киева в Симферополь. В январе 1923 г. вернулась в Киев, а в середине 20-х переехала с мужем в Москву. Детей у них не было. Б. скончалась 22 января 1972г.

Судя по немногим сохранившимся письмам, Михаил был близок с Б. Так, 26 апреля 1921 г. он сообщал из Владикавказа в ответ на ее "обстоятельное письмо": "Я очень тронут твоим и Вариным пожеланием мне в моей литературной работе. Не могу выразить, как иногда мучительно мне приходится. Думаю, что это Вы поймете сами...
Я жалею, что не могу послать Вам мои пьесы. Во-первых, громоздко, во-вторых, они не напечатаны, а идут в машинных рукописях, списках, а в-третьих - они чушь.
Дело в том, что творчество мое разделяется резко на две части: подлинное и вымученное. Лучшей моей пьесой подлинного жанра я считаю 3-актную комедию-буфф салонного типа "Вероломный папаша" ("Глиняные женихи"). И как раз она не идет, да и не пойдет, несмотря на то, что комиссия, слушавшая ее, хохотала в продолжение всех трех актов... Салонная! Салонная! Понимаешь. Эх, хотя бы увидеться нам когда-нибудь всем. Я прочел бы Вам что-нибудь смешное. Мечтаю повидать своих. Помните, как иногда мы хохотали в №13 (Дом Булгаковых по Андреевскому спуску в Киеве, прообраз "дома Турбиных" в "Белой гвардии" и "Днях Турбиных")?
В этом письме посылаю тебе мой последний фельетон "Неделя просвещения", вещь совершенно ерундовую, да и притом узко местную (имена актеров). Хотелось бы послать что-нибудь иное, но не выходит никак... Кроме того, посылаю три обрывочка из рассказа с подзаголовком "Дань восхищения". Хотя они и обрывочки, но мне почему-то кажется, что они будут небезынтересны вам... Не удивляйся скудной присылке! Просто на память несколько печатных строк и программа Турбиных (от пьесы "Братья Турбины" из эпохи революции 1905 г. сохранилась только присланная Б. программка). А "Неделя" - образчик того, чем приходится мне пробавляться".

Вера Булгакова проявляла живейший интерес к литературным успехам брата, и именно ей Булгаков прислал образцы своего творчества, рассказал о цензурных препятствиях на своем пути. Пьесу "Глиняные женихи" он пытался возобновить вместе со своей второй женой Л. Е. Белозерской уже в Москве, о чем сохранился подробный рассказ в ее мемуарах.

В письме Б. 23 января 1923 г. в связи с ее возвращением в Киев старший брат говорил о своей мечте, "чтобы наши все осели бы, наконец, на прочных гнездах в Москве и в Киеве", возлагая надежды на нее и младшую сестру Елену, которые "вместе и дружно, могли бы наладить жизнь в том углу, где мама налаживала ее".

19 октября 1927 г. Михаил дал и сестрам Вере и Наде билеты на "Дни Турбиных" (на пьесу был устойчивый аншлаг). Незадолго до смерти, предчувствуя близкий конец, он пожелал увидеться с Б. 7 февраля 1940 г. сестра Елена (Леля) по его просьбе отправила ей телеграмму: "Миша брат просит навестить. Леля". Жить Булгакову оставался месяц, и он хотел попрощаться с самыми близкими людьми.

Последний раз Б., по свидетельству сестры Нади, видела брата умирающим в ночь с 9 на 10 марта 1940 г. (Б. заехала за ней на автомобиле в эту последнюю ночь). Так получилось, что сестры собрались вместе у Булгакова только накануне его кончины, хотя о встрече с ними он мечтал почти 20 лет, с тех пор как судьба раскидала семью из дома на Андреевском спуске в начале 20-х годов.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Булгакова, Елена Афанасьевна ~

Булгакова Елена Афанасьевна (в замужестве - Светлаева) (1902-1954) - сестра Булгакова.

Родилась в Киеве 21 марта (2 апреля) 1902 г. в семье А. И. и В. М. Булгаковых. Окончила киевскую женскую гимназию. В 1923 г. приехала в Москву, окончила здесь филологический факультет университета.

В Б. был влюблен писатель Валентин Петрович Катаев (1897-1986), друживший до середины 20-х годов с Булгаковым. Писатель Юрий Львович Слезкин (1885-1947) вспоминал об этом: "Катаев был влюблен в сестру Булгакова, хотел на ней жениться - Миша возмущался. "Нужно иметь средства, чтобы жениться", - говорил он".

Об истории любви Катаева и Б. в 1923 - начале 1924 г. говорит и первая жена Булгакова, Т. Н. Лаппа: "... Леля приехала в Москву к Наде. За ней стал ухаживать товарищ Миши по Киеву Николай Гладыревский (Николай Леонидович Гладыревский (1896-1973), как и Булгаков, по профессии врач); его брат Юрий Леонидович послужил прототипом Леонида Юрьевича Шервинского в романе "Белая гвардия" и пьесе "Дни Турбиных"). Но это отпадало, потому что он безбожно пил. Был у нее роман с Катаевым. Он в нее влюбился, ну и она тоже. Это году в 23-м, в 24-м было, в Москве. Стала часто приходить к нам, и Катаев тут же. Хотел жениться, но Булгаков воспротивился, пошел к Наде, она на Лельку нажала, и она перестала ходить к нам. И Михаил с Катаевым из-за этого так поссорились, что разговаривать перестали. Особенно после того, как Катаев фельетон про Булгакова написал - в печати его, кажется, не было, - что он считает, что для женитьбы у человека должно быть столько-то пар кальсон, столько-то червонцев, столько-то еще чего-то, что Булгаков того не любит, этого не любит, советскую власть не любит... ядовитый такой фельетон... Надя тоже встала на дыбы. Она Лельке уже приготовила жениха - Светлаева. Это приятель Андрея Земского (мужа Н. А. Булгаковой), с которым Булгаков грамматику делал (проект написания совместного учебника по грамматике не был осуществлен). И Леля вышла за него замуж... У них родилась девочка, и назвали они ее Варей".

Это случилось 28 марта 1929 г. Михаил Васильевич Светлаев (1898-1959) как и Андрей Михайлович Земский (1892-1946) преподавал в Московском городском педагогическом институте имени В. П. Потемкина (впоследствии - имени В. И. Ленина). Там же после окончания университета работала и Б. Скончалась Б. 3 мая 1954 г. в Москве.

Осенью 1939 г. во время последней болезни Булгакова Б. часто навещала его и заботилась об умиравшем брате. 8 ноября 1939 г. сестра Надя известила ее о болезни писателя. 17 ноября 1939 г. Б. писала: "Дорогая Надя! Сегодня я была у брата Миши, куда меня вызвали по телефону. Последние дни он чувствовал себя лучше, но сегодня перед моим уходом стал жаловаться на боли в пояснице (в области почек).
Елена Сергеевна (Булгакова, третья жена писателя) тоже больна, лежит. Я буду пока к ним ездить и сидеть с Мишей. Я пока свободна и могу бывать там ежедневно. 19-го (день именин Булгакова) могли бы туда приехать ты или Андрюша. Это не обязательно, но если этого Вам хочется. К нему допускают только по одному человеку и только с утра, т. к. вечерами у него врачи, процедуры, он чувствует себя плохо и очень раздражителен... Я взяла на себя роль распорядителя семейных визитов и буду тщательно и добросовестно ее исполнять (живу ближе всех и у меня есть телефон) (квартира Светлаевых - М. Каретный переулок, 9, кв.1 - ближе всего располагалась к квартире Булгакова в Нащокинском переулке; другие родственники жили на окраинах). Представляешь, сколько к ним рвется народу и как Елене Сергеевне трудно все планировать одной!..
Я думаю, нам всем, т. е. сестрам Вере, Надежде и Елене, следовало бы повидать его до санатория. Он тяжело болен, плохо выглядит, грустно настроен... Есть такие темы, на которые ему нужно отвечать дружно и единообразно. Ел. Серг. об этом просила. Миша не курит уже 31 день. Ему трудно без папирос. Пусть Андрей (если это будет он) при нем ни в коем случае не курит. Если попадешь к Мише без меня, говори, что отцу долго не могли поставить диагноз, что поэтому в начале болезни он не соблюдал диеты и т. п. Мишу мучает мысль, что у него все, как у отца".

В эти дни Б. прочитала последний булгаковский роман. В дневнике Е. С. Булгаковой 16 января 1940 г. отмечено: "Сестра Миши - Елена пришла, читала роман запоем (Мастер и Маргарита)". До публикации романа Б. не суждено было дожить. Она умерла от гипертонии в 52 года.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Булгакова, Надежда Афанасьевна ~

Булгакова Надежда Афанасьевна (в замужестве - Земская) (1893 - 1971) - сестра Булгакова.

Родилась в 1893 г. в Киеве в семье А. И. и В. М. Булгаковых. Окончила киевскую женскую гимназию, в 1912 г. переехала в Москву, где окончила филологический факультет Высших женских курсов. Летом 1917 г. Б. вышла замуж за Андрея Михайловича Земского (1892-1946) - выпускника филологического факультета Московского университета, по мобилизации направленного в Киевское артиллерийское училище, а после окончания училища - офицером-артиллеристом в тяжелый артиллерийский дивизион в Царское село. Осенью 1917 г. Б. приехала в Москву для сдачи государственного экзамена на филологическом факультете университета, а в 1918 г. вместе с мужем перебралась в Москву, а затем в Самару, где учительствовала. У Б. с Земским было три дочери. Б. умерла в 1971 г. от гипертонической болезни.

Б. была очень близка с братом Михаилом, особенно в годы юности. Она вела подробный дневник, а впоследствии собиралась писать биографию писателя. В 1910-е годы у Б. с братом происходили частые споры "на мировые темы".

25 марта 1910 г. она записала в дневнике: "Теперь о религии... Нет, я чувствую, что не могу еще! Я не могу еще писать. Я не ханжа, как говорит Миша. Я идеалистка, оптимистка... Я - не знаю... - Нет, я пока не разрешу всего, не могу писать. А эти споры, где Иван Павлович (Воскресенский, впоследствии - второй муж В. М. Булгаковой) и Миша защищали теорию Дарвина и где я всецело была на их стороне - разве это не признание с моей стороны, разве не то, что я уже громко заговорила, о чем молчала даже самой себе, что я ответила Мише на его вопрос: "Христос - Бог, по-твоему?" - Нет!"
Только, когда теперь меня спросят о моих личных чувствах, о моем отношении к вере, я отвечу, как Иван Павлович: "Это интервью?" и замолчу (позднейшее примечание Б.: "Иван Павлович был, по-видимому, совершенно равнодушен к религии и спокойно атеистичен и вместе с тем глубоко порядочен в самой своей сущности, человек долга до мозга костей")... Я не знаю! Я не знаю. Я не думаю... Я больше не буду говорить... Я боюсь решить, как Миша (позднейшее примечание Б.: "неверие")... я тороплюсь отвечать, потому что кругом с меня потребовали ответа - только искренно я ни разу, - нет, раз - говорила... решить, решить надо! А тогда... - Я не знаю... Боже! Дайте мне веру! Дайте, дайте мне душу живую, которой бы я все рассказала".

По тону записей Б. чувствуется, что она гораздо более страстно переживала вопросы веры и неверия, тогда как Булгаков в то время был ближе к "спокойному атеизму" И. П. Воскресенского, и это спокойствие сохранялось и в его позднейших колебаниях между верой и неверием. Он сознавал себя человеком со слабой волей, для которого Бог - лишь еще одна возможная опора в жизни (см.: Христианство).

Разговоры с сестрой о вечном продолжались. На Рождество 1912 г. Б. приехала в Киев из Москвы и 22 декабря 1912 г. зафиксировала в дневнике: "...Долго говорила сегодня с Сашей (А. П. Гдешинским (1893-1951), киевским другом Булгакова) и Мишей и натолкнулась на массу интересного... Конечно, они значительно интересней людей, с которыми я сталкиваюсь в Москве, и я бесконечно рада, что могу снова с ними говорить, спорить, что тут воскресают старые вопросы, которые надо выяснять, в новом ярком освещении".

28 декабря 1912 г. она передала суть этих споров: "Теперь мне надо разобраться во всем, да нет времени: гений, эгоизм, талантливость, самомнение, наука, ложные интересы, права на эгоизм, широта мировоззрения и мелочность, вернее, узость, над чем работать, что читать, чего хотеть, цель жизни, свобода человеческой

личности, дерзнуть или застыть, прежние идеалы или отрешение от них, непротивление злу - сиречь юродивость, или свобода делания хотя бы зла во имя талантливости, эрудиция и неразвитость, мошенничество или ошибка... Все эти вопросы, заглохшие в Москве... воскресли тут ярко и ново, т. к. развила меня Москва - с новой силой под влиянием разговоров с Мишей, встречи с одним из интереснейших людей, которых я когда-либо видела, моей давнишней инстинктивной симпатией - Василием Ильичом Экземплярским (в примечании, сделанном 8 декабря 1960 г. Б. пояснила: "Брат задел в сестре ряд глубоких вопросов, упрекая ее в том, что она не думает над ними и не решает их, взбудоражил ее упреками в застое"). Миша недавно в разговоре поразил меня широтой и глубиной своего выработанного мировоззрения - он в первый раз так разоткровенничался, - своей эрудицией, не оригинальностью взглядов, - многое из того, что он говорил, дойдя собственным умом, для меня было довольно старо, - но оригинальностью всей их компоновки и определенностью мировоззрения. Правда, с моим "юродивым" благодушием (соединяю два Мишины термина) я не могу согласиться с ним, но это не оттого, что я понимаю: нет, но он "дерзнул" (хоть на словах пока, - он бесконечный теоретик, как правильно заметил Саша), а у меня не хватает силы пока даже дерзнуть подумать, и я молчу, и это мое бессилие мне не больно, а нудно - скучно и тяжело ложится на душу... Плохо мне и потому, что, благодаря моей дряблости, может быть, у меня такая широкая, такая с некоторых точек зрения преступная терпимость (здесь в 1960 г. Б. сделала важное примечание: "У Миши терпимости не было") к чужим мнениям и верованиям, такая податливость и гибкость в их понимании... У Миши этого нет совершенно, да и у других ни у кого я этого не замечала. У Миши есть вера в свою правоту или желание этой веры, а отсюда невозможность или нежелание понять окончательно другого и отнестись терпимо к его мнению. Необузданная сатанинская гордость, развивавшаяся в мыслях все в одном направлении за папиросой у себя в углу, за односторонним подбором книг, гордость, поднимаемая сознанием собственной недюжинности, отвращение к обычному строю жизни - мещанскому и отсюда "права на эгоизм" и вместе рядом такая привязанность к жизненному внешнему комфорту, любовь, сознательная и оправданная самим, к тому, что для меня давно утратило свою силу и перестало интересовать. Если б я нашла в себе силы позволить себе дойти до конца своих мыслей, не прикрываясь другими и всосанным нежеланием открыться перед чужим мнением, то вышло бы, я думаю, нечто похожее на Мишу по "дерзновению", противоположное в некоторых пунктах и очень сходное во многом; - но не могу: не чувствую за собой силы и права, что главней всего. И безумно хочется приобрести это право, и его я начну добиваться... И конечно, если выбирать людей, с которыми у меня могло бы быть понимание серьезное, то первый, кому я должна протянуть руку, - это Миша. Но он меня не понимает, и я не хочу идти к нему, да пока и не чувствую потребности, гордость обуяла... Одна справлюсь, справлюсь, справлюсь. И добьюсь права перед собой прежде всего, потом перед другими... Правда, Мишка откровенней всех со мною, но все равно... Миша стал терпимее к маме - дай Бог. Но принять его эгоизма я не могу, может быть, не смею, не чувствую за собою прав. А выйдет ли из меня что-нибудь - Бог весть?.. Во всяком случае я начну действовать, но опять-таки не могу, как Миша, в ожидании заняться только самим собой, не чувствую за собой прав..."

В позднейшем комментарии Б. связала булгаковские взгляды с влиянием Фридриха Ницше (1844-1900): "Тогда Ницше читали и толковали о нем. Ницше поразил воображение неокрепшей молодежи".

Булгаков явно отвергал проповедь ненасилия Льва Толстого (1828-1910), считал ее "юродивой". В "Мастере и Маргарите" проблема "свободы делания хотя бы зла во имя талантливости" вновь встала в связи с образом Воланда и его отношений с Мастером. Герой вынужден принять помощь сатаны во имя сохранения своего творческого гения. Вопрос, поднимаемый в юношеские годы в спорах с Б., Булгаков осмысливал теперь в контексте своих отношений с И. В. Сталиным, предоставившим автору "Мастеру и Маргариты" возможность работать, но запретившим ему покидать страну и обнародовать свои произведения (в одном из черновых набросков Воланд предупреждал Мастера: "Ты не покинешь свой приют").

Упоминаемый Б. религиозный философ, профессор Киевской Духовной Академии и друг А. И. Булгакова В. И. Экземплярский (1875 - 1933) повлиял своими трудами и на замысел последнего булгаковского романа. В 1911 г. он был изгнан с кафедры нравственного богословия за статью "Л. Н. Толстой и св. Иоанн Златоуст в их взгляде на жизненное значение заповедей Христовых", где утверждал, что прошедшая через толстовское сознание "часть истины уже с первых веков христианства заключена в творениях великих провозвестников церковного учения". Сам же Толстой, по мнению философа, был "живой укор нашему христианскому быту и будитель христианской совести".

Вскоре после Октябрьской революции на заседании Киевского Религиозно-просветительского общества он сделал доклад "Старчество", и высказанные в нем мысли были созвучны спорам Б. со своим братом. Автор "Старчества" утверждал: "... С точки зрения христианского идеала, все главные устои древнего мира должны были быть осуждены. Так, например, чужд евангельскому духу был весь тогдашний строй государственной жизни, как, впрочем, таким он остается и до наших дней. Евангелие со своим заветом непротивления злу, проповедью вселенской любви, запрещением клятвы, убийства со своим осуждением богатства и т. д. - все эти заветы, если бы были даже осуществлены в жизни, должны были повести к крушению империи. Без армии, без узаконенного принуждения в государственной жизни, без штыков, без судов, без забот о завтрашнем дне государство не может и дня просуществовать. Не менее велик был разлад и между Евангелием и человеческим сердцем самого доброго язычника. Все отдать, всем пожертвовать, возненавидеть свою жизнь в мире, распяться со Христом, отказаться от всей почти культуры, созданной веками, - все это было неизмеримо труднее, чем поклониться новому Богу, все это должно было казаться безумием, а не светом жизни. Здесь источник такого отношения к евангельскому идеалу жизни в истории христианского общества, когда евангельский идеал был сознательно или бессознательно отнесен в бесконечную высь неба, а от новой религии потребовала жизнь самого решительного компромисса, вплоть до освящения всех почти форм языческого быта, совершенно независимо от их соответствия духу и букве Евангелия".

Экземплярский принимал те положения толстовского учения, которые не противоречили православию, в том числе идею "заражения добром", изначально доброй сущности всех людей и непротивления злу. У Булгакова же проповедь Иешуа Га-Ноцри о добрых людях приводит Понтия Пилата к убийству Иуды из Кириафа.

У Толстого в "Войне и мире" (1863-1869) славившийся своею жестокостью маршал Луи Никола Даву (1770-1823) во время допроса почувствовал в Пьере Безухове человека, как и он сам, и это невольное сочувствие, установившаяся между ними человеческая связь избавила арестанта от расстрела. В "Мастере и Маргарите" такое же сочувствие к Иешуа испытывает Пилат, но это не мешает прокуратору отправить Иешуа на казнь. У Булгакова, как и у В. И. Экземплярского, Га-Ноцри принимают за безумца, а не за носителя света жизни.

Автор "Старчества" прославлял тех, что достигли евангельского идеала в монашестве, удалившихся в пустыни, что "презрели мир до конца и всю свою жизнь посвятили исканию Царства Божия и правды Его на земле". Экземплярский цитировал слова аввы Дорофея своему ученику: "Не скорби, тебе не о чем беспокоиться; каждый продавший себя в послушание отцам имеет такое беспечалие и покой". Булгаков еще в 1923 г. в фельетоне "Киев-город" с грустной иронией вспоминал те легендарные времена, окончившиеся в 1917 г., "когда в садах самого прекрасного города нашей Родины жило беспечальное, юное поколение". В последнем булгаковском романе Мастеру и Маргарите приходится "продавать себя в послушание" не святым старцам, а дьяволу Воланду, чтобы вновь обрести "беспечалие и покой".

Метания Б. по вопросу веры сочетались с симпатиями ее и ее мужа к революции. Первая жена Булгакова, Т. Н. Лаппа вспоминала, что в 1916 г., когда она собиралась к мужу в госпиталь на Юго-Западный фронт, Б. дала ей пачку революционных листовок для распространения среди солдат. Булгаков, когда узнал, эту затею не одобрил, и прокламации были сожжены в печке.

Б. была одной из первых, кому Михаил признался в своем намерении стать писателем. 28 декабря 1912 г. она записала в дневнике: "Хорошую мне вещь показывал сегодня Миша (свои литературные наброски-замыслы) - хорошо и удивительно интересно! ...Миша хорошо пишет". К этой записи 8 декабря 1960 г. Б. сделала следующее примечание: "В этот вечер старший брат прочел сестре свои первые литературные наброски-замыслы и сказал: "Вот увидишь, я буду писателем".

Б. с юности испытывала тягу к литературе, училась на филологическом факультете. В ее дневниковой записи от 8 января 1913 г. есть характеристика булгаковской речи: "Смесь остроумных анекдотов, метких резких слов, парадоксов и каламбуров в Мишином разговоре; переход этой манеры говорить ко мне... Мишины красивые оригинальные проповеди".

И в последующие годы Б. оставалась среди сестер и братьев едва ли не самым близким Булгакову человеком. 3 октября 1917 г. он писал ей из Вязьмы: "Вообще обращаюсь к тебе с просьбой - пиши, если только у тебя есть время на это, почаще мне. Для меня письма близких в это время представляют большое утешение". А в апреле 1921 г. Булгаков, размышлявший о возможной эмиграции, сообщал сестре из Владикавказа: "Посылаю кой-какие вырезки и программы... Если я уеду и не увидимся, - на память обо мне".

Осенью 1921 г. муж Б. А. М. Земский приютил Булгакова в их квартире №50 в доме №10 по Б. Садовой (см.: Нехорошая квартира). В связи с предстоящим приездом брата Б. из Киева писала мужу в Москву 23 сентября 1921 г.: "А новая комбинация с мукой такая: у Миши с Тасей (Т. Н. Лаппа) ничего нет, и как они будут жить в Москве, пока Михаил устроится, я не представляю. Приходится поэтому отдать им половину того, что мы получили от мамы (ржаной муки). Мама тоже сторонница этой комбинации..."

В январе 1922 г. Булгаков побуждал Б. отправить из Киева несколько корреспонденций в "Торгово-Промышленный Вестник", где заведовал хроникой, однако к концу месяца это издание потерпело крах. Весной 1923 г. Булгаков сообщал Б., уже вернувшейся к тому времени вместе с А. М. Земским в Москву: "Живу я, как сволочь - больной и всеми брошенный. Я к Вам не показываюсь потому, что срочно дописываю 1-ую часть романа; называется она "Желтый прапор" (ранняя редакция "Белой гвардии")".

26 ноября 1926 г. Булгаков стал крестным отцом младшей дочери Б. Елены, о чем сохранилась его записка Б. от 24 ноября 1926 г.: "Милая Надя, Буду крестить. В пятницу (26-го) в 12 ч. дня жду Лелю (Е. А. Булгакову, которая была крестной матерью)". В феврале и октябре 1927 г. брат доставал Б. билеты на "Дни Турбиных", а 3 марта 1928 г. специальной запиской известил ее о том, что скоро будет читать "Бег".

Б. была дружна со второй булгаковской женой, Л. Е. Белозерской, однако с третьей женой, Е. С. Булгаковой, отношения не сложились. Возможно, поэтому Булгаков не пришел на первые, последовавшие за его браком с Е. С. Булгаковой именины сестры. Брат послал ей 1 октября 1933 г. специальное письмо с извинениями со ссылкой на нездоровье и просьбой не сердиться на то, что "редко даю знать о себе", а также 100 рублей ее детям.

Е. С. Булгакова в своем дневнике отзывалась о Б. достаточно нелестно. 11 декабря 1933 г. она записала: "Приходила сестра М. А. - Надежда. Оказывается, она в приятельских отношениях с тем самым критиком Нусиновым, который в свое время усердно травил "Турбиных", вообще занимался разбором произведений М. А и, в частности, написал статью (очень враждебную) о Булгакове для Литературной энциклопедии. Так вот, теперь энциклопедия переиздается, Нусинов хочет пересмотреть свою статью и просит для ознакомления "Мольера" и "Бег".
В это же время - как Надежда сообщает это - звонок Оли (О. С. Бокшанской, сестры Е. С. Булгаковой) и рассказ из Театра:
- Кажется, шестого был звонок в Театр - из Литературной энциклопедии. Женский голос: - Мы пишем статью о Булгакове, конечно, неблагоприятную. Но нам интересно знать, перестроился ли он после "Дней Турбиных"?
Миша:
- Жаль, что не подошел к телефону курьер, он бы ответил: так точно, перестроился вчера в 11 часов. (Надежде): - А пьес Нусинову я не дам.
Еще рассказ Надежды Афанасьевны: какой-то ее дальний родственник по мужу, коммунист, сказал про М. А. - Послать бы его на три месяца на Днепрострой, да не кормить, тогда бы он переродился.
Миша:
- Есть еще способ - кормить селедками и не давать пить (такой способ в гоголевском "Ревизоре" (1836) практиковал городничий по отношению к неугодным купцам)".

По этой записи уже видно некоторое отчуждение, возникшее между братом и сестрой, которая, как и ее муж, в большей мере готова была идти на компромисс с существовавшей властью и ее адептами, вроде И. М. Нусинова, попавшего в булгаковский список критиков и писателей, участвовавших в кампании против "Дней Турбиных". 25 февраля 1937 г. - еще одна раздраженная запись Е. С. Булгаковой: "Вечером звонок Надежды Афанасьевны. Просьба - прочесть роман какого-то знакомого. Ну, как не понимать, что нельзя этим еще загружать!"

Елена Сергеевна даже не поставила Б. в известность о последней болезни мужа. В дневнике Б. связанные с этим события изложены в записи от 8 ноября 1939 г.: "Оля (старшая дочь Б.) за утренним чаем говорит...: "А ты знаешь, что дядя Миша сильно болен? Меня Андрюша Пенсов (одноклассник) спрашивает: А что - выздоровел твой дядя? А я ему сказала: А я даже и не знаю, что он был болен". Андрюша мне сказал, что он был очень серьезно болен уже давно. Я испугалась и тотчас пошла звонить по телефону Елене Сергеевне, услыхала о серьезности его болезни, услыхала о том, что к нему не пускают много народа, можно только в определенный срок, на полчаса; тут же Е. С. делает попытку объяснить, почему она нас никак не известила (хотя этот факт, говорящий сам за себя, в объяснениях не нуждается), и от телефона, как была, в моем неприглядном самодельном старом пальтишке отправилась к нему, сговорившись об этом с Еленой Сергеевной.
Нашла его страшно похудевшим и бледным, в полутемной комнате в темных очках на глазах, в черной шапочке Мастера на голове, сидящим в постели". По воспоминаниям Б., она не видела брата с весны 1937 г., и потому "всю осень 1939 г. (да и весь год) беспокойные мысли о том, что делается с Михаилом и что делается у него".

Общее несчастье сблизило Б. с женой брата. 8 ноября 1939 г., согласно позднейшей записи Б.: "Когда я ухожу, плачем с Люсей (Е. С. Булгаковой), обнявшись, и она горячо говорит: "Несчастный, несчастный, несчастный!"

Б. неоднократно навещала больного брата. В один из ее визитов разговор зашел о биографах и биографиях: "Мое замечание о том, что я хочу писать воспоминания о семье. Он недоволен. "Неинтересно читать, что вот приехал в гости дядя и игрушек привез. Надо уметь написать. Надо писать человеку, знающему журнальный стиль и законы журналистики, законы создания произведения".

Булгаков не только сомневался в способностях Б. написать достаточно живую, могущую привлечь читателей книгу о нем и семье, но и не одобрял отношение сестры к его судьбе. Вряд ли писатель был знаком со словами, которые Б. внесла в свой дневник 11 декабря 1933 г., сразу после разговора о Нусинове и "перестройке": "Михаил Булгаков, который "всем простил". Оставьте меня в покое. Жена и детишки. Ничего я не хочу, только дайте хорошую квартиру и пусть идут мои пьесы". На самом деле писатель не смирился с судьбой до самого последнего дня, надеясь, что его "закатный" роман еще принесет сюрпризы.

7 февраля 1940 г. муж сообщил Б., что "Мише снова стало плохо и что необходимо его поскорее повидать". 8 февраля состоялась последняя беседа Б. с братом. В ходе ее он шутливо вспоминал о былой приверженности Б. и А. М. Земского народническим идеям, просил сестру в случае необходимости дежурить у его постели, причем "когда на минуту мы остаемся одни (все выходят) разговор о револьвере". Последний раз Б. видела брата уже умирающим в ночь с 9 на 10 марта 1940 г.

Б. оставила любопытные свидетельства о булгаковском участии в любительских спектаклях, ставившихся на даче в Буче. Булгаков исполнял роль жениха, мичмана Деревеева, в водевиле "По бабушкиному завещанию". В этом спектакле, поставленном в 1909 г., Б. играла роль невесты. Тогда же Булгаков выступил постановщиком и исполнителем роли спирита в фантазии "Спиритический сеанс" (с подзаголовком "Нервных просят не смотреть"). По воспоминаниям Б., это был "балет в стихах".

Михаил играл также роли Хирина и жениха Ломова в чеховских "Юбилее" (1891) и "Предложении" (1886). По поводу исполнения братом роли Арлекина в одноактной пьесе "Коломбина" летом 1910 г. Б. отметила в дневнике: "Роль первого любовника - не его амплуа".

Об этом и других спектаклях Б. писала своей двоюродной сестре Иларии (Лиле) Михайловне Булгаковой (1891- 1982) 13 июля 1910 г.: "В Бучанском парке подвизаются на подмостках артисты императорских театров Агарин и Неверова (Миша и Вера) под режиссерством Жоржа Семенцова (их товарища по Буче)... В воскресенье вечером мы были в парке, где Миша удивлял всех игрою (играл он, действительно, хорошо)".

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Бухарин Н. И. ~

Страницы: 1 2

Бухарин Николай Иванович (1888-1938) - один из лидеров Российской (с 1925 г. - Всесоюзной) коммунистической партии (большевиков), экономист, публицист, философ, литературовед и критик, отразившийся в романе Булгакова "Мастер и Маргарита" и фельетоне "Лестница в небо".

Б. родился 27 сентября/9 октября 1888 г. в семье учителей в Москве. В 1900 г. поступил в 1-ю Московскую (Поливановскую) гимназию, где, как он сам отмечал в автобиографии, написанной для Энциклопедического словаря Русского библиографического института "Гранат" (1929), "учился все время почти на пятерках, хотя не прилагал никаких к этому усилий, никогда не имел словарей, всегда "списывал" наспех "слова" у товарищей и "готовил" уроки за 5-10 минут до прихода учителей".

В 1907 г. Б. поступил на экономическое отделение юридического факультета Московского университета. К тому времени он уже активно занимался революционной деятельностью.

О первых шагах на этом поприще Б. вспоминал в автобиографии: "В 4-м или 5-м классе гимназии начали организовываться "кружки", "журналы" и т. д., сперва совершенно невинные. Как полагается, мы прошли и через стадию писаревщины. Потом началось чтение нелегальной литературы, затем кружки, "организации учащихся", куда входили и с.-р. и с.-д. (социалисты-революционеры, эсеры, и социал-демократы, эсдеки), а затем окончательное самоопределение в марксистском лагере... Тут подходила революция 1905 г., митинги, демонстрации и пр. Конечно, во всем этом мы принимали живейшее участие. В 1906 г. я официально стал числиться членом партии (Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков) и начал нелегальную работу. Во время выпускных экзаменов вел стачку на обувной фабрике Сладкова вместе с Ильей Эренбургом (спародированным в "Роковых яйцах" в образе писателя Эрендорга, автора пьесы "Курий дох"). Поступив в университет, использовал его, главным образом, или для явок, или для того, чтобы произвести какой-то теоретический "налет" на семинарии какого-либо почтенного либерального профессора".

В 1908 г. Б. вошел в Московский комитет РСДРП(б), а 23 мая 1909 г. был впервые арестован, но вскоре выпущен. Затем последовали новые аресты. С конца 1910 г. Б. задержался в тюрьме уже на полгода, а в июне 1911 г. его выслали в г. Онегу Архангельской губернии. Из ссылки Б. сразу же бежал и эмигрировал в Германию. В 1910 г. женился на Надежде Михайловне Лукиной, активной участнице революционного движения.

В 1912 г. Б. впервые встретился с В. И. Лениным в Кракове. В 1914 г. в Вене издал книгу "Политическая экономия рантье", а в 1915 г. - "Мировое хозяйство и империализм". Б. постепенно приобрел репутацию видного теоретика марксизма.

В Россию вернулся в конце марта 1917 г. из США. В июле 1917 г. стал членом ЦК РСДРП(б). Б. был одним из руководителей Октябрьского переворота в Москве, а в декабре 1917 г. сделался главным редактором центрального органа партии большевиков газеты "Правда". Вскоре Б. покинул этот пост из-за несогласия с заключением Россией Брестского мира с Германией и ее союзниками. 2 октября 1918 г. после преодоления разногласий между возглавляемой Б. группы "левых коммунистов" и партийным руководством он вернулся на пост редактора "Правды". В марте 1919 г. избран кандидатом в члены Политбюро.

В 1919 г. Б. в соавторстве с Е. А. Преображенским (1886-1937) выпустил "Азбуку коммунизма: популярное объяснение программы Российской коммунистической партии (большевиков)". Эта книга спародирована в булгаковском фельетоне "Лестница в рай". В 1920 г. было издано исследование Б. "Экономика переходного периода". 2 июня 1924 г. Б. избрали членом Политбюро. В 1924 г. он по совместительству стал редактором журнала "Большевик".

В 1924-1927 гг. Б. вместе с И. В. Сталиным активно боролся против Л. Д. Троцкого (Бронштейна), Г. Е. Зиновьева (Радомышельльского-Апфельбаума) (1883-1936), Л. Б. Каменева (Розенфельда) (1883-1936) и других деятелей антисталинской оппозиции, позднее названных Сталиным "объединенным троцкистско-зиновьевским блоком".

В декабре 1928 г. Б. стал действительным членом Академии Наук СССР. В 1929 г. Б. и его сторонники (А. И. Рыков (1881-1938), М. П. Томский (Ефремов) (1880-1936) и др.), выступавшие против форсирования темпов коллективизации сельского хозяйства, были сняты со своих постов сталинским большинством в Политбюро и ЦК и обвинены в "правом уклоне".

В апреле 1929 г. Б. отстранили от редактирования "Правды" и в мае назначили заведующим Научно-технического управления Высшего Совета Народного Хозяйства. В ноябре 1929 г. Б. был выведен из Политбюро. На тот же год пришелся и его развод со второй женой Э. И. Гурвич. В 1932 г. Б. стал членом коллегии Наркомата тяжелой промышленности. В том же году вышел сборник его работ "Этюды".

В январе 1933 г. Б. выступил на пленуме ЦК с речью, где признал ошибочность своей прежней позиции и призвал партию к сплочению вокруг Сталина. В начале 1934 г. он был переведен из членов в кандидаты в члены ЦК, а в феврале назначен главным редактором газеты "Известия". Б. принимал участие в I съезде советских писателей в августе 1934 г. Там он выступил с докладом "Поэзия, поэтика и задачи поэтического творчества в СССР". Весной 1936 г. по поручению ЦК ВКП(б) Б. ездил в Париж для переговоров о приобретении архивов Социал-демократической партии Германии.

В августе 1936 г. на процессе по делу "антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского блока" Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев и др. дали показания против Б., М. П. Томского и А. И. Рыкова (Томский в результате застрелился). Б. потребовал опровержения. 10 сентября 1936 г. в "Правде" было объявлено, что для процесса против Б. и А. И. Рыкова нет юридических оснований.

Тем не менее, в декабре 1936 г. на пленуме ЦК Б. предъявили обвинение в контрреволюционной деятельности. До этого, пытаясь спастись, Б. сразу после процесса Зиновьева и Каменева в письме к наркому обороны К. Е. Ворошилову (1881-1969), близкому к Сталину, утверждал: "Циник-убийца Каменев омерзительнейший из людей, падаль человеческая... Что расстреляли собак - страшно рад".

Однако уцелеть ему не удалось. 16 января 1937 г. Б. был снят с поста редактора "Известий". 23 января 1937 г. открылся процесс над Г. Л. Пятаковым (Киевским) (1890-1937), К. Б. Радеком (Собельсоном) (1885-1939), Г. Я. Сокольниковым (Бриллиантом) (1888-1939) и др., где также прозвучали обвинения в адрес Б. и признания подсудимых в связях с ним. Б. отказался явиться на пленум ЦК, рассматривавший его дело, и объявил голодовку. Позднее он все-таки решил принять участие в пленуме, получив обещание, что обсуждение будет объективным и обвиняемому дадут возможность защищаться.

27 февраля 1937 г. нарком внутренних дел Н. И. Ежов (1894-1940), ранее сменивший близкого Б. Г. Г. Ягоду (1891-1938), заявил, что Б. виновен в заговоре и борьбе против партии. Пленум постановил "исключить Бухарина и Рыкова из состава кандидатов в члены ЦК ВКП(б) и из рядов ВКП(б) и передать дело в НКВД".

Возможности оправдаться Б. не дали, его участь была предрешена заранее. Рыкова и Б. арестовали прямо на пленуме. Со 2 по 13 марта 1938 г. в Москве прошел процесс "правотроцкистского блока" - последний из серии "показательных процессов", фальшь которых была очевидна всем непредвзятым наблюдателям как за границей, так и в СССР. На скамье подсудимых оказались Б., А. И. Рыков, Г. Г. Ягода и др. 13 марта 1938 г. Б. вместе с большинством обвиняемых был приговорен к смертной казни и 15 марта расстрелян.

В 1934 г. Б. женился в третий раз на Анне Михайловне Лариной, дочери старого большевика М. З. Ларина (Лурье) (1882-1932), девушке необыкновенной красоты. В 1936 г. у них родился сын Юрий. После ареста Б. три его жены и двое детей были репрессированы.

Читайте в завершении:
Как Бухарин стал боровом в "Мастере и Маргарите"
Старый коммунист считал себя Антихристом, а свою мать - блудницей
Сатана поступил с "Бухариным" милосерднее, чем Хозяин
Сталин - "не человек, а дьявол, который пожрет нас"
Ирония судьбы: расстрел страстного поборника террора

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

Булгаков в романе "Мастер и Маргарита" довольно зло пародирует Б. в образе "нижнего жильца" Николая Ивановича, превратившегося в борова - "средство доставки" служанки Маргариты Наташи на Великий бал у сатаны.

Поводом для пародии могла послужить последовательно атеистическая позиция Б., доходившая порой до анекдотических признаний, Так, в автобиографии, помещенной в Энциклопедическом словаре "Гранат", Б. спокойно сообщал: "Примерно около этого времени (в 9-летнем возрасте или несколько позднее) я пережил первый т. н. "душевный кризис" и окончательно разделался с религией. Внешне это, между прочим, выразилось в довольно озорной форме: я поспорил с мальчишками, у которых оставалось почтение к святыням, и принес за языком из церкви "тело христово", победоносно выложив оное на стол. Не обошлось и здесь без курьезов. Случайно мне в это время подвернулась знаменитая "лекция об Антихристе" Владимира Соловьева (в данном случае речь идет о вставной повести об Антихристе в "Трех разговорах" (1900) В. С. Соловьева (1853-1900), и одно время я колебался, не антихрист ли я. Так как я из Апокалипсиса знал (за чтение Апокалипсиса мне был, между прочим, сделан строгий выговор школьным священником), что мать антихриста должна была быть блудницей, то я допрашивал свою мать - женщину очень не глупую, на редкость честную и трудолюбивую, не чаявшую в детях души и в высшей степени добродетельную, - не блудница ли она, что, конечно, повергло ее в величайшее смущение, так как она никак не могла понять, откуда у меня могли быть такие вопросы".

Булгаков превратил своего "нижнего жильца" Николая Ивановича в беса, сделав боровом. Здесь отразился рассказ Евангелия от Луки (VIII 26-39) о бесах, вышедших из человека и вошедших в стадо свиней. Автор "Мастера и Маргариты" знал, что Б. был казнен по сфальсифицированному приговору, и заставил восходящего к нему персонажа прибыть на Великий бал у сатаны, где оказываются и двое других подсудимых процесса "правотроцкистского блока".

"Нижний жилец" имеет общее с Б. имя и отчество и портретно схож с ним, в частности, обладает "чуть-чуть поросячьими чертами лица", носит светлую бородку клинышком и одет в старомодную серую жилетку. Б., как отметила 23 апреля 1935 г. в своем дневнике третья жена писателя Е. С. Булгакова, на приеме в американском посольстве был в старомодном сюртуке, старомодно была одета и его супруга А. М. Ларина. В эпилоге Булгаков подчеркивает, что Николай Иванович превратился в "пожилого и солидного человека с бородкой, в пенсне".

Воланд пародирует мотив казни В., когда приказывает отправить "нижнего жильца", выступающего в обличье борова, на кухню к поварам, но затем успокаивает Маргариту, что его там не зарежут, и Николай Иванович просто побудет на кухне до окончания Великого бала у сатаны.

Создатель "Мастера и Маргариты" не считал Б. ни подлинным злодеем, ни по-настоящему творчески одаренным человеком, поэтому эрудированному иллюстратору марксистских схем, (вернее, восходящему к нему герою), на балу места не находится.

Николай Иванович у Булгакова - не простой чиновник, а именно высокопоставленный ответственный работник, которого домой в особняк Маргариты доставляет персональная машина. Попытки же "нижнего жильца" соблазнить Наташу (в наказание за это его и превращают в борова), пародирует широко известное пристрастие Б. к прекрасному полу. Как раз в 1929 г., когда происходит действие "Мастера и Маргариты", Б. разошелся со своей второй супругой.

Любимым героем Б. был Фауст, а творчеству Иоганна Вольфганга Гёте (1749-1832) он в 1932 г. посвятил специальный доклад, где доказывал, что "конец "Фауста" - уже смутное предчувствие, пророческая греза о социализме". В этой связи финал "Мастера и Маргариты" можно прочесть и как полемику с этим утверждением Б., поскольку Мастер, чьим прототипом послужил Фауст, и его вечная спутница обретают последний приют, где автор романа о Понтии Пилате вновь получает возможность творить, зато оказывается отгорожен от социализма, сломавшего его жизнь.

Во время своего последнего пребывания в Париже (куда так и не смог добраться Булгаков, мечтавший увидеться с братьями) в марте - апреле 1936 г. Б. виделся с известным меньшевиком Ф. И. Даном (Гуревичем) (1871-1947) и его женой и говорил им о Сталине, что тот "даже несчастен оттого, что не может уверить всех, и даже самого себя, что он больше всех, и это его несчастье, может быть, самая человеческая в нем черта, может быть, единственная человеческая в нем черта, но уже не человеческое, а что-то дьявольское есть в том, что за это самое свое "несчастье" он не может не мстить людям, всем людям, а особенно тем, кто чем-то выше, лучше его... Если кто лучше его говорит, он - обречен, он уже не оставит его в живых, ибо - этот человек вечное ему напоминание, что он не первый, не самый лучший; если кто лучше его пишет - плохо его дело... Нет, нет, Федор Ильич, это маленький, злобный человек, не человек, а дьявол".

На вопрос Дана, как могли Б. и другие коммунисты доверить этому дьяволу судьбу страны, партии и свою собственную, собеседник признался: "...Вот уж так случилось, что он вроде как символ партии, низы, рабочие, народ верят ему, может, это и наша вина, но так это произошло, вот почему мы все и лезем к нему в хайло... зная наверняка, что он пожрет нас. И он это знает и только выбирает более удобный момент". Но стать невозвращенцем Б. отказался: "Нет, жить как вы, эмигрантом, я бы не мог... Нет, будь что будет... Да может, ничего и не будет".

Эта запись из архива Дана была обнародована десятилетия спустя после гибели Б. и смерти Булгакова. Разумеется, она осталась неизвестна автору "Мастера и Маргариты". Но в образе "нижнего жильца" Николая Ивановича Булгаков угадал многие черты, отразившиеся в цитированном выше разговоре Б. с Ф. И. Даном.

Николай Иванович, оказавшись во власти Воланда, более всего озабочен получением справки, оправдывающей его перед женой, точно так же, как Б. пытался получить удостоверение собственной невиновности после показаний, данных против него Г. Е. Зиновьевым и Л. Б. Каменевым.

Булгаковский герой пытался сохранить свой обывательский мир в царстве сатаны, а в эпилоге романа "нижний жилец" горько жалеет, что не смог в свое время улететь вместе с Маргаритой от опостылевшей жизни: " - Эх я, дурак! Зачем, зачем я не улетел с нею? Чего я испугался, старый осел! Бумажку выправил! Эх, терпи теперь, старый кретин!"

Терпеть Б. в реальной жизни после разговора с Ф. И. Даном пришлось недолго. В политическом завещании, продиктованном третьей жене А. М. Лариной, он признавал: "Ухожу из жизни. Опускаю голову не перед пролетарской секирой, должной быть беспощадной, но и целомудренной (террор Б. принимал, был одним из убежденных его сторонников в годы гражданской войны, но смириться с тем, что теперь объектом террора стал он сам, естественно, не смог). Чувствую свою беспомощность перед адской машиной, которая, пользуясь, вероятно, методами средневековья, обладает исполинской силой, фабрикует организованную клевету, действует смело и уверенно".

Почти точно так же булгаковский Воланд характеризует И. В. Сталина перед последним полетом: "У него мужественное лицо, он правильно делает свое дело, и вообще все кончено здесь".

12 июня 1929 г. в Москве докладами Е. М. Ярославского (М. И. Губельмана) (1878-1943) и Б. открылся Всесоюзный съезд безбожников. Возможно, поэтому в редакции "Мастера и Маргариты" 1929 г. к 12 июня приурочены чудеса, последовавшие за сеансом в Театре Варьете.

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Лестница в рай"

"Лестница в рай" - фельетон, имеющий подзаголовок "(С натуры)". Опубликован: Гудок, М.,1923 г., 12 дек.

Поводом для фельетона послужило письмо рабкора (рабочего корреспондента), вынесенное в качестве эпиграфа: "Лестница, ведущая в библиотеку ст. Москва-Белорусская (1-я Мещанская улица), совершенно обледенела. Тьма полная, рабочие падают и убиваются".

Бытовая зарисовка осмыслена Булгаковым в широком философском контексте. Суть - в тех книгах, которые рабочие несут в библиотеку или собираются оттуда взять. Рабочий Косин - человек, взявший "Войну и мир" (1863-1869), в результате падения получает "великолепный звездный разрыв на бедре" новых штанов, недавно купленных женой на Сухаревском рынке - иронический намек на ту роль, которую звездное небо как воплощение гармонии, несмотря ни на что существующей в мире, играет в романе Льва Николаевича Толстого (1828-1910).

Другой, рабочий Балчугов, любитель Николая Васильевича Гоголя (1809-1852), тоже терпит фиаско: "- Я тебя осилю, я тебя одолею, - бормотал он, прижимая к груди собрание сочинений Гоголя в одном томе, - я, может, на Карпаты в 15-м году лазил, и то ни слова не сказал. Ранен два раза... За спиной мешок, в руках винтовка, на ногах сапоги, а тут с Гоголем, - с Гоголем да не осилить... Я "Азбуку коммунизма" желаю взять, я... чтоб тебя разорвало!.. я (он терялся в кромешной тьме)... чтоб вам с вашей библиотекой ни дна ни покрышки!.."

Ключ для пониманья сатиры Л. в р. - в упоминании книги Н. И. Бухарина и Е. А. Преображенского (1886-1937) "Азбука коммунизма: популярное объяснение программы Российской коммунистической партии (большевиков)" (1919). Рабочий, пытающийся овладеть азами науки строительства коммунистического общества - новой лестницы в рай, сгинул во тьме из-за того, что вовремя не очистили настоящую лестницу ото льда. Здесь - та же тема "разрухи в головах", которая позднее получит свое законченное выражение в повести "Собачье сердце".

Булгаков относился к провозглашенной коммунистами задаче построения земного рая как к утопии, подчеркнув в письме к правительству 28 марта 1930 г. "черные и мистические краски... в которых изображены бесчисленные уродства нашего быта" и "глубокий скептицизм в отношении революционного процесса, происходящего в моей отсталой стране, и противупоставление ему излюбленной и Великой Эволюции".

В Л. в р. даже "мистический писатель" Гоголь не помогает одолеть невежества, и человеку с "Азбукой коммунизма" суждено провалиться в кромешную тьму. Н. И. Бухарин, один из авторов "Азбуки", в дальнейшем послужил прототипом "нижнего жильца" Николая Ивановича на Великом балу у сатаны.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Великий бал у сатаны, часть 2 ~

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11

Обильно украсив бальные залы розами, Булгаков учитывал сложную и многогранную символику, связанную с этим цветком. Писатель, без сомнения, был знаком со статьей имевшегося в его библиотеке Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона о розах в этнографии, литературе и искусстве. Там отмечалось, что в культурной традиции западноевропейских народов древности и Средневековья розы выступали олицетворением как траура, так и любви и чистоты. Розы были издавна включены в символику католической церкви. Еще у видного богослова Амвросия Миланского роза напоминала о крови Спасителя. У других духовных и светских писателей Западной Европы роза - это райский цветок, символ чистоты и святости, символ самого Христа или пресвятой девы Марии. В то же время розы оставались чужды русской и восточнославянской культурной традиции и практически не отразились в народной обрядности и поэзии. Здесь они приобрели некоторое значение не ранее XIX в.

В конце XIX - начале XX в. розы были важным мотивом в прозе и поэзии русских символистов, известной Булгакову. В статье Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона упоминались также розарии Древнего Рима - поминки по умершему, когда розами украшали могилы. Там же говорилось об обычаях римлян украшать розами храмы, статуи, венки в религиозных процессиях и на свадьбах. Рассказывалось и о праздниках роз в Риме, проводимых в мае, в период цветения. С учетом всего этого, розы на В. б. у с. можно рассматривать и как символ любви Маргариты к Мастеру, и как предвестие их скорой смерти. Розы здесь - и аллегория Христа, память о пролитой крови, и указание на грядущее в конце В. б. у с. убийство барона Майгеля (согласно древним мифам, розы возникли из капель крови Венеры или Адониса). Обилие роз - цветов, чуждых собственно русской традиции, подчеркивает иноземное происхождение Воланда и его свиты и придает В. б. у с. элемент пародии на католическую мессу.

В подготовительных материалах к последней редакции романа, относящихся к 1937-1938 гг., сохранилась следующая запись: "Стены роз молочно-белых, желтых, темно-красных, как венозная кровь, лилово-розовых и темно-розовых, пурпурных и светло-розовых". Скорее всего, здесь отразились впечатления от приема в американском посольстве.

Избрание Маргариты королевой В. б. у с. и ее уподобление одной из французских королев, живших в XVI в., также связано с Энциклопедическим словарем Брокгауза и Эфрона. Сохранились булгаковские выписки из статей этого словаря, посвященных двум французским королевам, носившим имя Маргарита - Наваррской и Валуа. Маргарита Валуа (1553-1615) в 1572 г. вышла замуж за короля Наваррского - будущего короля Франции Генриха IV (1553-1610), причем "ее свадьба, отпразднованная с большой пышностью, закончилась Варфоломеевской ночью, или парижской кровавой свадьбой", когда погибли тысячи протестантов-гугенотов. Толстяк, повстречавшийся Маргарите по дороге на В. б. у с., назвал ее "светлой королевой Марго" и "залопотал, мешая русские фразы с французскими, какой-то вздор про кровавую свадьбу своего друга в Париже Гессара, и про коньяк..." Здесь Булгаков показывает степень опьянения толстяка, ибо Гессар - это упоминаемый в статье о Маргарите Валуа издатель ее писем, живший в Париже в середине XIX в. Собеседник Маргариты спьяну совместил два события, разделенные почти тремя веками - Варфоломеевскую ночь 24 августа 1572 г. и издание писем королевы Франции Гессаром. В. б. у с. ассоциативно оказывается связан с резней гугенотов католиками.

Историческая Маргарита Валуа осталась бездетной, и Маргарита, следовательно, не могла быть ее потомком. Поэтому Булгаков связал королеву В. б. у с. с другой французской королевой - Маргаритой Наваррской (1492-1549), имевшей потомство. Она была "светлой королевой" - известной писательницей, автором сборника "Гептамерон" (1559), написанного в духе "Декамерона" (1350-1353) Джованни Боккаччо (1313-1375). Отметим, что в новеллах "Гептамерона" действуют условные рассказчики, декларирующие свое намерение рассказывать лишь об истинных происшествиях, свидетелями которых они были сами или о которых слышали от заслуживающих доверие людей. Точно такой же рассказчик есть у Булгакова в "Мастере и Маргарите" и "Мольере".

Обе исторические Маргариты покровительствовали писателям и поэтам, и булгаковская Маргарита оказывается связана с гениальным Мастером, извлечения которого из лечебницы она добивается после В. б. у с.

Еще один источник В. б. у с. - описание бала в Михайловском дворце, данное в книге маркиза Астольфа де Кюстина (1790-1857) "Россия в 1839 г." (1843) (эта работа была использована Булгаковым и при создании киносценария "Мертвые души" в 1934 г.):"... Свет отдельных групп цветных лампионов живописно отражался на колоннах дворца и на деревьях сада, в глубине которого несколько военных оркестров исполняли симфоническую музыку. Группы деревьев, освещенные сверху прикрытым светом, производили чарующее впечатление, также ничего не может быть фантастичнее ярко освещенной зелени на фоне тихой, прекрасной ночи.

Большая галерея, предназначенная для танцев, была декорирована с исключительной роскошью. Полторы тысячи кадок и горшков с редчайшими цветами образовали благоухающий боскет. В конце залы, в густой тени экзотических растений, виднелся бассейн, из которого беспрерывно вырывалась струя фонтана. Брызги воды, освещенные яркими огнями, сверкали, как алмазные пылинки, и освежали воздух...

Трудно представить себе великолепие этой картины. Совершенно терялось представление о том, где ты находишься. Исчезали всякие границы, все было полно света, золота, цветов, отражений и чарующей, волшебной иллюзии".

Подобную картину видит Маргарита на В. б. у с., ощущая себя в тропическом лесу, среди сотен цветов и разноцветных фонтанов и слушая музыку лучших в мире оркестров.

Бал ста королей
Булгаков читал Андреева!
Разыгравшееся воображение Маргариты
Живые шахматные фигурки
Читайте продолжение>>>

« Назад
Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Великий бал у сатаны, часть 3 ~

Изображая В. б. у с., Булгаков учитывал и традиции русского символизма, в частности "Северной" первой симфонии А. Белого. В. б. у с. назван "весенним балом полнолуния, или балом ста королей", у Белого же в надмирности в связи с вознесением королевны на небо устраивается пир почивших северных королей. Многие детали роскошного бассейна на В. б. у с. заимствованы из третьей симфонии А. Белого, "Возврата", где описан мраморный бассейн московских бань, украшенный чугунными изображениями морских обитателей.

В. б. у с., помимо симфоний А. Белого, имеет своим источником произведение еще одного автора, близкого к символистам. Это пьеса Леонида Андреева (1871-1919) "Жизнь человека" (1907), с успехом поставленная во МХАТе. Здесь на сцене постоянно присутствует безмолвствующий (он произносит речи лишь в прологе и эпилоге) Некто в сером, именуемый Он - олицетворение Рока, Судьбы или "князя тьмы". У Булгакова ему подобен Воланд в сцене В. б. у с. Главные же герои "Жизни человека" - Человек и Жена очень напоминают Мастера и Маргариту. Человек - это творческая личность, чья жизнь проходит перед зрителями от рожденья до смерти, познающий и бедность, и богатство, но всегда любимый своей Женой. Идея В. б, у с. могла родиться из следующего диалога:
Человек .... Вообрази, что это - великолепный, роскошный, изумительный, сверхъестественный, красивый дворец.
Жена Вообразила.
Человек Вообрази, что ты - царица бала.
Жена Готово.
Человек И к тебе подходят маркизы, графы, пэры. Но ты отказываешь им и избираешь этого, как его - в трико. Принца. Что же ты?
Жена Я не люблю принцев.
Человек Вот как! Кого же ты любишь?
Жена Я люблю талантливых художников.
Человек Готово. Он подошел. Боже мой, но ведь ты кокетничаешь с пустотой? Женщина!
Жена Я вообразила.
Человек Ну ладно. Вообрази изумительный оркестр. Вот турецкий барабан: бум-бум-бум!...
Жена Милый мой! Это только в цирке собирают публику барабаном, а во дворце...
Человек Ах, черт возьми! Перестань воображать. Воображай опять! Вот заливаются певучие скрипки. Вот нежно поет свирель. Вот гудит, как жук, толстый контрабас...
Жена Я царица бала."

И целая картина пьесы посвящена балу, который происходит "в лучшей зале обширного дома" внезапно разбогатевшего Человека. И этот же бал возникает в его памяти перед самой смертью.

В. б. у с., в частности, можно представить как плод воображения Маргариты, собирающейся покончить с собой. К ней как к царице (или королеве) бала подходят многие именитые вельможи-преступники, но всем Маргарита предпочитает своего возлюбленного - гениального писателя Мастера. Отметим, что В. б. у с. предшествует сеанс черной магии в похожем на цирк Театр Варьете, где в финале музыканты играют марш (а в произведениях этого жанра всегда велика роль именно барабанов).

Живые шахматные фигурки, которыми играют Воланд и Бегемот перед началом В. б. у с., скорее всего, возникли не без влияния повести известного экономиста-агрария Александра Васильевича Чаянова (1888-1937) "Венедиктов, или достопамятные события жизни моей" (1921). Эта книга, по свидетельству второй жены Булгакова Л. Е. Белозерской, была подарена писателю в 1926 г. художницей Н. А. Ушаковой (1899-1990), женой его друга Н. Н. Лямин (она иллюстрировала "Венедиктова"). В повести Чаянова рассказчик носил фамилию Булгаков и очень напоминал хроникера-рассказчика первой редакции "Мастера и Маргариты", создававшейся в 1929-1930 гг. В повести Чаянова, как и в булгаковском романе, рассказывалось о посещении сатаной Москвы, только в начале XIX в.

Главный герой, Венедиктов, в клубе лондонских дьяволов наблюдает черную мессу и играет в живые карты: "Порнографическое искусство всего мира бледнело перед изображениями, которые трепетали в моих руках. Взбухшие бедра и груди, готовые лопнуть, голые животы наливали кровью мои глаза, и я с ужасом почувствовал, что изображения эти живут, дышат, двигаются у меня под пальцами. Рыжий толкнул меня под бок. Был мой ход. Банкомет открыл мне пикового валета - отвратительного негра, подвергавшегося какой-то похотливой судороге, я покрыл его козырной дамой, и они, сцепившись, покатились кубарем в сладострастных движениях, а банкомет бросил мне несколько сверкающих треугольников". Ставки в этой игре делались человеческими душами в виде золотых треугольников.

В своих "живых шахматах" Булгаков ориентировался также на "Легенду об арабском звездочете" из книги американского писателя Вашингтона Ирвинга (1783-1859) "Альгамбра" (1832), где астролог демонстрирует султану Абер Абусу живые шахматные фигурки, движение которых означает, что враги уже идут на подвластную султану Гранаду (область Испании, дольше всего удерживавшуюся арабами). Звездочет предлагает на выбор: или заставить врагов отступить без пролития крови, коснувшись фигурок тупым концом копья, или спровоцировать среди них кровавое побоище, коснувшись фигурок острием копья. Султан выбирает кровопролитие, и происходит кровавая резня среди людей, которых обозначают фигурки. Таким образом, шахматная партия Бегемота и Воланда связана с гражданской войной в Испании 1936-1939 гг., бедствия которой Маргарита видит тотчас же на хрустальном глобусе Воланда. Там "кусок земли, бок которого моет океан" - это Пиренейский полуостров, где под бдительным оком демона войны Абадонны воюют друг с другом республиканцы и сторонники монархии. Эта война как бы предопределена заранее (учитывая, что действие московской части романа происходит в 1929 г. - за 7 лет до ее фактического начала) живыми шахматами и глобусом сатаны. Можно предположить, что в шахматной партии Бегемота и Воланда решается и дальнейшая судьба Мастера и Маргариты.

Гости на Балу: алхимики, фальшивомонетчики, чародеи, государственные изменники, отравители, чернокнижники. Подходящая компания для дьявола! Читайте продолжение>>>

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Великий бал у сатаны, часть 4 ~

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11

Череда гостей, которые проходят перед Маргаритой на В. б. у с., подобрана неслучайно. Шествие открывает "господин Жак с супругой", "один из интереснейших мужчин", "убежденный фальшивомонетчик, государственный изменник, но очень недурной алхимик", который "прославился тем... что отравил королевскую любовницу". Здесь речь идет об известном французском государственном деятеле XV в. Жаке Ле Кёре (1400-1456).

В статье "Алхимия" Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона отмечалось, что Кёр был алхимиком и вместе с королем Карлом VII (1403-1461) пускал в оборот фальшивую монету. В словарной же статье, непосредственно посвященной прототипу булгаковского персонажа, утверждалось, что он заведовал французскими финансами и, разбогатев, стал кредитором влиятельных людей королевства, причем "должники постарались избавиться от него при первой возможности", обвинив в изготовлении фальшивых денег и в отравлении королевской любовницы Агнессы Сорель (около 1422 - 1450), а также в государственной измене. Кёр был арестован, заключен под стражу, лишен своего многомиллионного состояния и изгнан из Франции. Вместе с тем, в статье подчеркивалось, что Кёр на самом деле был хорошим финансистом, а после изгнания папа Каликст III (1378-1458) вверил ему командование над частью флота в войне против турок. Дети Кёра, по предсмертной просьбе отца, получили от Карла VII назад часть конфискованного имущества, что косвенно свидетельствовало о вздорности выдвинутых против финансиста обвинений.

В булгаковском архиве сохранились выписки из Брокгауза и Эфрона, посвященные "господину Жаку": "фальшивомонетчик, алхимик и государственный изменник. Интереснейшая личность. Отравил королевскую любовницу". Булгаков, несомненно, знал, что реальный Кёр не был такой уж зловещей фигурой и что обвинения против него остались недоказанными и были порождены, прежде всего, наветами именитых должников. Но на В. б. у с. он сознательно вкладывает в уста Коровьева-Фагота в целом негативную характеристику Кёра - человека одаренного. Здесь подчеркнута связь таланта с нечистой силой (в такую связь и в средние века, и позднее обычно верила толпа). На В. б. у с. сатана и его свита оказывают покровительство, как преступникам так и замечательным личностям прошлого, которых неосновательно обвиняли в различных преступлениях. В натуре тех, кто предстает перед Маргаритой, добро и зло оказываются тесно переплетены между собой.

Исторический Жак ле Кёр умер своей смертью, но на В. б. у с. он предстает повешенным. Его казнь, скорее всего, понадобилась Булгакову для нагнетания атмосферы бального съезда. На самом деле Ле Кёр был отравителем мнимым, как и следующий за ним на В. б. у с. граф Роберт Дэдли Лейчестер (около 1532 - 1588) ("граф Роберт... был любовником королевы и отравил свою жену"). О нем тоже сохранились в архиве Булгакова выписки из Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона. Там отмечалось, что Лейчестер был фаворитом английской королевы Елизаветы I (1533-1603), мечтал о браке с ней и потому "интриговал против брачных предложений, исходивших от австрийского и французского дворов; его подозревали даже в отравлении жены его, Ами Робсарт, но подозрение это, послужившее сюжетом для романа Вальтера Скотта "Кенильворт", не может считаться доказанным". Официальных обвинений в отравлении жены против Лейчестера никогда не выдвигалось, и граф умер своей смертью, хотя за злоупотребления не раз подвергался опале. Булгаков, вслед за Вальтером Скоттом (1771-1832), сделал Лейчестера виновным в гибели Ами Робсарт (около 1532 - 1560), и казнил его, как и "господина Жака". В "Мастере и Маргарите" мнимое преступление превратилось в действительное, и за него следует воздаяние смертью. Характерно, что на В. б. у. с. Лейчестер появляется в одиночестве, поскольку его любовница королева к преступлению не причастна.

Перед Маргаритой проходит еще один "чародей и алхимик" - германский император Рудольф II (1576-1612), который, как сообщалось в статье "Алхимия" Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона, "был меценатом странствующих алхимиков, и его резиденция представляла центральный пункт алхимической науки того времени". Вместе с тем, в специально посвященной императору статье утверждалось, что Рудольф II "отличался вялым, апатичным характером, был крайне подозрителен, склонен к меланхолии" и что характерными его чертами были "своенравие, трусость и грубость". Булгаков противопоставил деятельность знаменитого алхимика, способствовавшую прогрессу знания, традиционному образу посредственного правителя, вынужденного в конце жизни отречься от престола.

Длинный ряд алхимиков, представленных на В. б. у с., начинается еще во время встречи Воланда с литераторами на Патриарших прудах. Там сатана утверждает, что "в государственной библиотеке обнаружены подлинные рукописи чернокнижника Герберта Аврилакского, десятого века". Из Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона Булгаков узнал, в частности, что Герберт Аврилакский (938-1003), будущий римский папа Сильвестр II, "в 967 г. отправился в Испанию, где ознакомился с арабской образованностью и даже, как передает средневековая легенда, учился в Кордовском и Севильском университетах арабскому чернокнижному искусству". Что же касается его научной деятельности, то, как отмечал тот же источник, Герберт Аври-лакский, обладая энциклопедическими знаниями, "как ученый... вряд ли имел себе равного между современниками". Он открывает галерею запечатленных в "Мастере и Маргарите" средневековых мыслителей и государственных деятелей, многим из которых приписывались сношения с дьяволом и различные преступления, чаще всего отравления.

Гости у сатаны - современники Булгакова
Покушение на Ежова. Версия Мастера
Профессор - насильник-садист
Читайте продолжение>>>

« Назад

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Великий бал у сатаны, часть 5 ~

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11

Последние мнимые отравители на В. б. у с. оказываются современниками Булгакова.
"По лестнице подымались двое последних гостей.
- Да это кто-то новенький, - говорил Коровьев, щурясь сквозь стеклышко, - ах да, да. Как-то раз Азазелло навестил его и за коньяком нашептал ему совет, как избавиться от одного человека, разоблачений которого он чрезвычайно опасался. И вот он велел своему знакомому, находящемуся от него в зависимости, обрызгать стены кабинета ядом.
- Как его зовут? - спросила Маргарита.
- А, право, я сам еще не знаю, - ответил Коровьев, - надо спросить у Азазелло.
- А кто с ним?
- А вот этот самый исполнительный его подчиненный".

В основу данного эпизода В. б. у с. легли материалы состоявшегося в марте 1938 г. процесса так называемого "право-троцкистского блока", в ходе которого были осуждены советские партийные и государственные деятели Н.И.Бухарин, А. И. Рыков (1881-1938), Н. Н. Крестинский (1883-1938), Г. Г. Ягода (1891-1938) и др. Согласно показаниям Павла Петровича Буланова(1895-1938), личного секретаря Генриха Григорьевича Ягоды в бытность его главой НКВД, после назначения Николая Ивановича Ежова (1894-1940) в сентябре 1936 г. на пост наркома внутренних дел Ягода будто бы опасался, что тот сможет выявить его роль в организации убийства главы ленинградских большевиков С. М. Кирова (Кострикова) (1886-1934) в декабре 1934 г., и решил устроить покушение на Ежова. Вот что утверждал на суде бывший секретарь Ягоды: "Когда он (Ягода) был снят с должности наркома внутренних дел, он предпринял уже прямое отравление кабинета и той части комнат, которые примыкают к кабинету, здания НКВД, там, где должен был работать Николай Иванович Ежов. Он дал мне лично прямое распоряжение подготовить яд, а именно взять ртуть и растворить ее кислотой. Я ни в химии, ни в медицине ничего не понимаю, может быть, путаюсь в названиях, но помню, что он предупреждал против серной кислоты, против ожогов, запаха и что-то в этом духе. Это было 28 сентября 1936 г. Это поручение Ягоды я выполнил, раствор сделал. Опрыскивание кабинета, в котором должен был сидеть Ежов, и прилегающих к нему комнат, дорожек, ковров и портьер было произведено Саволайненом (сотрудник НКВД) в присутствии меня и Ягоды". Ягода и Буланов, как и большинство других подсудимых, были приговорены к смертной казни и расстреляны 15 марта 1938 г.

Булгаков видел всю анекдотичность и фарсовость истории, рассказанной Булановым по подсказке следователей и выдержанной в духе средневековых легенд о великих отравлениях. Еще 8 июня 1937 г. в дневнике третьей жены автора "Мастера и Маргариты" появилась запись насчет одного из будущих подсудимых на процессе "правотроцкистского блока" кремлевского врача Д. Д. Плетнева: "Какая-то чудовищная история с профессором Плетневым. В "Правде" статья без подписи: "Профессор - насильник-садист". Будто бы в 1934-м году принял пациентку, укусил ее за грудь, развилась какая-то неизлечимая болезнь. Пациентка его преследует. Бред".

Однако этот бред вполне серьезно был повторен на суде, где Плетневу, Ягоде и другим были предъявлены обвинения также в отравлении и неправильном лечении шефа ОГПУ В. Р. Менжинского (1874-1934), одного из близких к Сталину государственных и партийных деятелей В. В. Куйбышева (1888-1935) и писателя Максима Горького (А. М. Пешкова) (1868-1936). Интересно, что эпизод с неправильным лечением Горького потом пародийно отразился в сатирическом романе английского писателя Джорджа Оруэлла (Эрика Блэра) (1903-1980) "Ферма животных" ("Скотный двор") (1944), где сообщники племенного хряка Снежка (Л.Д. Троцкого) - две овцы обвиняются в умерщвлении старого барана, особо преданного племенному хряку - диктатору Наполеону (И.В.Сталину). Барана они специально заставляли бегать вокруг костра, не обращая внимания на его кашель (именно в этом обвинили врачей, лечивших Горького от туберкулеза).

Такого же рода была и история с будто бы планировавшимся покушением на Н. И. Ежова. Мнимость готовившегося отравления подчеркнута в тексте "Мастера и Маргариты" тем обстоятельством, что идею отравить неугодное влиятельное лицо нашептал начальнику за коньяком демон-убийца Азазелло. И Ягода, и Буланов были отравителями мнимыми, а весь процесс очень явно напоминал средневековые суды над ведьмами, обвинявшимися в контактах с нечистой силой. Неслучайно Булгаков не называет имен последних гостей В. б. у с., а также того, кого они собирались отравить. После осуждения Ягоды и Буланова их было запрещено упоминать в печати. Та же участь через несколько месяцев постигла и всесильного прежде Н. И. Ежова, снятого в конце 1938 г. и расстрелянного по ложному обвинению в государственной измене в феврале 1940 г., незадолго до смерти самого Булгакова. Интересно, что эпизод с Ягодой, Булановым и Ежовым присутствует уже в тексте, созданном в середине 1938 г., но фамилия Ежова и там не упоминается. Автор "Мастера и Маргариты" как бы предугадал будущий печальный конец Н. И. Ежова и грядущий запрет на упоминание его имени.

Последний замысел Булгакова
Роковое покровительство Ягоды
"Горький - плохой психолог"
Читайте продолжение>>>

« Назад

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Великий бал у сатаны, часть 6 ~

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11

Фигура Г. Г. Ягоды отразилась в последнем замысле уже смертельно больного Булгакова. К этой пьесе сохранилась единственная булгаковская запись: "Задумывалась осенью 1939 г. Пером начата 6.1.1940 г.

Пьеса

Шкаф, выход. Ласточкино гнездо. Альгамбра (очевидно, здесь - название книги Вашингтона Ирвинга, соотнесенное также с прямым значением этого слова - арочный вход во дворец. Альгамбра есть, в частности, перед Воронцовским дворцом в Алупке в Крыму. Крым связан в пьесе со средневековой Гранадой (Гренадой) и, возможно, современной Булгакову Испанией.). Мушкетеры. Монолог о наглости. Гренада, гибель Гренады.

Ричард I.

Ничего не пишется, голова, как котел!.. Болею, болею". Позднее Е. С. Булгакова так передавала по памяти суть этого замысла:

Первая картина. Кабинет. Громадный письменный стол. Ковры. Много книг на полках. В кабинет входит писатель - молодой человек развязного типа. Его вводит военный (НКВД) и уходит. Писатель оглядывает комнату. В это время книжная полка быстро поворачивается, и в открывшуюся дверь входит человек в форме НКВД (Ричард Ричардович). Начинается разговор. Вначале ошеломленный писатель приходит в себя и начинает жаловаться на свое положение, настаивает на своей гениальности, просит, требует помощи, уверяет, что может быть очень полезен. Ричард в ответ произносит монолог о наглости. Но потом происходит соглашение. Писатель куплен, обещает написать пьесу на нужную тему. Ричард обещает помощь, обещает продвинуть пьесу, приехать на премьеру. Конец картины.

Вторая картина. Мансарда, где живет писатель со своей женой. Жена раздражена. Входит писатель, внешне оживлен, но внутренне смущен - сдал позиции. Рассказывает, что попугай на улице вынул для него билетик "с счастьем". Потом сообщает о разговоре с Ричардом. Ссора с женой. Она уходит от него. Писатель один. Это его в какой-то мере устраивает. Он полон надежд, начинает обдумывать будущую пьесу.

Третья картина (второй акт). За кулисами театра. Старики и молодежь (в пользу молодежи написаны характеры). Появляется писатель. Разговоры о ролях, о репетициях.

Четвертая картина. Там же. Генеральная. За кулисы приходит Ричард. Приглашает ведущих актеров и автора к себе на дачу - после премьеры.

Пятая картина (третий акт). Загородная дача. Сад. Стена из роз на заднем плане. Ночь. Сначала общие разговоры. Потом на сцене остаются Ричард и женщина (жена или родственница знаменитого писателя). Объяснение. Ричард, потеряв голову, выдает себя полностью, рассказывает, что у него за границей громадные капиталы. Молит ее бежать с ним за границу. Женщина холодная, расчетливая, разжигает его, но прямого ответа не дает, хотя и не отказывается окончательно. Ричард один. Взволнован. Внезапно во тьме, у розовых кустов, загорается огонек от спички. Раздается голос: "Ричард!" Ричард в ужасе узнает этот голос. У того - трубка в руке. Короткий диалог, из которого Ричард не может понять - был ли этот человек с трубкой и раньше в саду? - "Ричард, у тебя револьвер при себе?" - "Да". - "Дай мне". Ричард дает. Человек с трубкой держит некоторое время револьвер на ладони. Потом медленно говорит: "Возьми. Он может тебе пригодиться". Уходит. Занавес.

Шестая картина (четвертый акт). За кулисами театра. Общее потрясение - известие об аресте Ричарда. О самоубийстве его... О том, что он - враг... Пьеса летит ко всем чертям. Автор вылетает из театра.

Седьмая квартира. Мансарда. Там жена писателя. Появляется уничтоженный автор. Все погибло. Он умоляет простить, забыть. Уговаривает, что надо терпеливо ждать следующего случая...

Ричард - Яго. Писатель - типа В. (скорее всего, имеется в виду писатель и драматург Владимир Киршон (1902-1938). У него намечался роман с одной из актрис театра".

Вполне вероятно, что в своей записи во время предсмертной болезни Булгаков невольно сдвинул время возникновения замысла с весны на осень. В дневниковой записи Е. С. Булгаковой от 18 мая 1939 г. отмечалось: "Миша задумал пьесу ("Ричард Первый"). Рассказал - удивительно интересно, чисто "булгаковская пьеса" задумана". Здесь в роли "шекспировского злодея" типа Ричарда I и Яго явно подразумевался бывший глава карательных органов Генрих Ягода. Молодой известный писатель - это драматург Владимир Михайлович Киршон (1902-1938), запечатленный в рассказе "Был май" в качестве только что вернувшегося из-за границы "молодого человека ослепительной красоты" Полиевкта Эдуардовича, где этот герой чрезвычайно развязно беседует с автором, указывая ему, как надо исправлять пьесу. Киршон действительно был на одиннадцать лет моложе Булгакова и погиб молодым, в 36 лет, в разгар "ежовщины". Он пользовался оказавшимся роковым покровительством Ягоды и в своих пьесах воспевал ОГПУ и НКВД. Бездарные пьесы Киршона успешно вытесняли из репертуара МХАТа булгаковские. Е. С. Булгакова тесно связывала Киршона именно с Ягодой, записав в дневнике 4 апреля 1937 г.: "Киршона забаллотировали на общемосковском собрании писателей при выборах президиума. И хотя ясно, что это в связи с падением Ягоды, все же приятно, что Немезида и т.д.". В записи от 10 марта 1938г., в дни процесса над "правотроцкистским блоком", она в завуалированной форме выразила сомнение в реальности некоторых обвинений, предъявляемых Ягоде: "Ну что за чудовище - Ягода. Но одно трудно понять - как мог Горький, такой психолог, не чувствовать - кем он окружен, Ягода, Крючков! Я помню, как М. А. раз приехал из горьковского дома (кажется, это было в 1933-м году, Горький жил тогда, если не ошибаюсь, в Горках) и на мои вопросы: ну как там? что там? - отвечал: там за каждой дверью вот такое ухо! - и показывал ухо с пол-аршина". Подобным же образом соглядатаи окружают Нехорошую квартиру, что видит Маргарита, направляясь на В. б. у с.

Прототип борова - транспортного средства Наташи
Воланд милосерднее Сталина
Женщины на Балу: отравительницы, развратницы и сводницы
Читайте далее>>>

« Назад Наверх ^^

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Великий бал у сатаны, часть 7 ~

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11

Еще один подсудимый на процессе "правотроцкистского блока" появляется в Нехорошей квартире перед В. б. у. с. Это - превращенный в борова "нижний жилец" Николай Иванович. Он имеет не только общее имя и отчество с Н.И.Бухариным, но и наделен некоторым портретным сходством с незадачливым большевистским лидером: "Николай Иванович, видный в луне до последней пуговки на серой жилетке, до последнего волоска в светлой бородке клинышком". Бухарин присутствовал на приеме в американском посольстве 22 апреля 1935 г., как мы убедились из дневниковой записи Е. С. Булгаковой, а этот прием послужил прообразом В. б. у с. Совпадает и общая старомодность облика. Бухарин, по свидетельству Е. С. Булгаковой, был в старомодном сюртуке, булгаковский Николай Иванович - в старомодных же пенсне и жилетке. Похотливость "нижнего жильца", пытающегося соблазнить служанку Маргариты Наташу, наказывается превращением в борова - пародийный намек на широко известное донжуанство Бухарина. Последний в своей автобиографии признался, что в детстве считал себя антихристом. Булгаков превратил своего Николая Ивановича в борова, явно ориентируясь на известный рассказ Евангелия от Луки о бесах, что вышли из человека и вошли в стадо свиней, бросившихся затем в озеро и потонувших (VIII ; 26-39) (этот рассказ Федор Достоевский (1821-1881) сделал эпиграфом к роману "Бесы" (1871-1872).

Бухарин был казнен по приговору неправедного суда. Булгаков же в сцене перед началом В. б. у с. только пародирует казнь Николая Ивановича, превращенного в "транспортное средство" для доставки на бал Наташи. Воланд отправляет борова на кухню к поварам, но когда Маргарита пугается, думая, что Николая Ивановича там зарежут, выясняется, что борова просто подержат на кухне до окончания В. б. у с. - чести быть приглашенным на бал он так и не удостаивается. Николай Иванович - не настоящий злодей. Но он не способен к подлинному полету мысли и к настоящей любви (неслучайно "нижний жилец" требует справки, что был на В. б. у с., чтобы оправдаться перед ревнивой супругой). Воланд оказывается милосерднее Сталина, не пощадившего своего прежнего любимца Бухарина.

Во время В. б. у с. перед Маргаритой проходят не только мнимые отравители и убийцы, но и подлинные злодеи всех времен и народов. Интересно, что если все мнимые отравители на балу - мужчины, то все истинные отравительницы - женщины. Первой выступает "госпожа Тофана". Сведения об этой знаменитой итальянке автор "Мастера и Маргариты" почерпнул из статьи Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона "Аква Тофана" (это название яда, в дословном переводе - вода Тофаны). Выписки из этой статьи сохранились в булгаковском архиве. В ней сообщалось, что в 1709 г. Тофана была арестована, подвергнута пытке и задушена в тюрьме (эта версия отражена в тексте "Мастера и Маргариты"). Однако в Брокгаузе и Эфроне отмечалось, что по другим данным сицилийская отравительница еще в 1730 г. содержалась в темнице и, скорее всего, умерла там своей смертью.

Следующая отравительница на В. б. у с. - маркиза, которая "отравила отца, двух братьев и двух сестер из-за наследства". В более раннем варианте В. б. у с. 1938 г. Коровьев-Фагот называл маркизу по имени: "Маркиза де Бренвиллье... Отравила отца, двух братьев и двух сестер и завладела наследством... Господин де Годен, вас ли мы видим?" В подготовительных материалах к "Мастеру и Маргарите" сохранилось название посвященной маркизе де Бренвиллье статьи Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона. Там говорилось, что эта известная во Франции отравительница вместе со своим любовником Жаном-Батистом де Годеном де Сен-Круа "отравила своего отца, двух своих братьев и своих сестер, чтобы присвоить себе все их состояние" и была казнена за свои преступления в 1676 г.

На В. б. у с. Маргарита видит знаменитых развратниц и сводниц прошлого и современности. Тут и московская портниха, организовавшая в своей мастерской дом свиданий (Булгаков ввел в число участниц В. б. у с. прототипа главной героини своей пьесы "Зойкина квартира"), и Валерия Мессалина, третья жена римского императора Клавдия I (10-54), преемника тоже присутствующего на балу Гая Цезаря Калигулы (12-41). Имена Калигулы и Мессалины стали нарицательными для обозначения жестоких сластолюбцев. Калигула был убит солдатами преторианской гвардии. Мессалина же в отсутствие Клавдия вступила в брак со своим любовником Гаем Салием и за попытку возвести его на престол была казнена в 48 г.

Есть среди гостей В. б. у с. и "госпожа Минкина" - экономка и любовница всесильного при Александре I временщика графа А. А. Аракчеева (1769-1834) Настасья Федоровна Минкина. Эпизод убийства в 1825 г. этой жестокой женщины, истязавшей крепостных и из ревности изуродовавшей раскаленными щипцами для завивки лицо горничной, что и спровоцировало крестьянскую расправу, изложен по посвященной Минкиной статье Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона, где также отмечалось, что "крестьяне считали ее колдуньей, так как, систематически организовав шпионство, она узнавала самые тайные их намерения". Это обстоятельство стало еще одним побудительным мотивом поместить Минкину среди гостей В. б. у с.

На В. б. у с. присутствует и Малюта Скуратов (Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский), ближайший сподвижник царя Ивана Грозного (1530-1584) во всех его зверствах, погибший в 1573 г. при осаде Венденского замка в Ливонии, в связи с чем, справляя тризну по погибшему наперснику, царь приказал предать мучительной казни всех пленных. В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона сообщалось, что "память о Малюте Скуратове и его злодеяниях сохранилась в народных песнях и даже самое имя стало нарицательным именем злодея". Еще в пьесе "Бег" (1928) Булгаков спародировал имя, отчество и фамилию Малюты Скуратова в генерале Григории Лукьяновиче Чарноте (Чарнота - Бельский), имевшем одним из прототипов тоже нарицательного палача - Я. А. Слащева.

Маргарита подумывает о самоубийстве
Фрида
Почему все женщины на Балу нагие?
Воскресение мертвецов
Читайте об этом далее>>>

« Назад

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Великий бал у сатаны, часть 8 ~

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11

То, что на В. б. у с. перед Маргаритой проходит вереница убийц, отравительниц, палачей, развратниц и сводниц, совсем не случайно. Булгаковская героиня мучается из-за измены мужу и, пусть подсознательно, свой проступок ставит в один ряд с величайшими преступлениями прошлого и настоящего. Обилие отравителей и отравительниц, подлинных и мнимых, - это отражение в мозгу Маргариты мысли о возможном самоубийстве вместе с Мастером с помощью яда. В то же время, последующее отравление их, осуществленное Азазелло, можно счесть мнимым, а не действительным, поскольку практически все отравители-мужчины на В. б. у с. - отравители мнимые. Другое объяснение этого эпизода - самоубийство Мастера и Маргариты. Воланд, знакомя героиню со знаменитыми злодеями и развратницами, усиливает муки ее совести. Но Булгаков как бы оставляет и альтернативную возможность: В. б. у с. и все связанные с ним события происходят лишь в больном воображении Маргариты, мучающейся из-за отсутствия известий о Мастере и вины перед мужем и подсознательно думающей о самоубийстве. Подобное альтернативное объяснение применительно к московским похождениям сатаны и его подручных автор "Мастера и Маргариты" предлагает в эпилоге романа, ясно давая понять, что оно далеко не исчерпывает происходящего. Также и любое рациональное объяснение В. б. у с., согласно авторскому замыслу, никак не может быть полным.

Особую роль на В. б. у с. играет Фрида, показывающая Маргарите вариант судьбы того, кто переступит определенную Достоевским грань в виде слезы невинного ребенка. Фрида как бы повторяет судьбу Маргариты гетевского "Фауста" и становится зеркальным отображением Маргариты. В ее биографии отразились судьбы двух женщин из книги швейцарского психиатра и общественного деятеля Августа (Огюста) Фореля (1848-1931) "Половой вопрос" (1908), одного из первых трудов по сексологии. В архиве Булгакова сохранилась выписка из этой работы: "Фрида Келлер - убила мальчика, Кониецко - удавила младенца носовым платком". В образе Фриды контаминированы обе эти истории.

Из работы Фореля, вероятно, во многом почерпнуто изобразительное решение В. б. у с. Швейцарский профессор упоминал "бал нагих или полунагих", устраиваемый ежегодно в Париже "художниками и их натурщицами в обществе их ближайших друзей" и завершающийся "половой оргией". Поэтому на В. б. у с. все женщины, подобно натурщицам на парижском балу, обнажены. Кроме того, Париж - город, где жили Маргарита Валуа и Маргарита Наваррская, с которыми связана королева В. б. у с. - Маргарита.

Автор предисловия к одному из русских изданий "Полового вопроса" доктор В. А. Поссе (1864-1940) (его воспоминания о Льве Толстом послужили одним из толчков для разработки Булгаковым образа Понтия Пилата) так характеризовал автора книги: "Форель не гетевский Вагнер, хотя и не гетевский Фауст; в нем одна душа, чуждая метафизике и враждебная мистике, душа, в которой любовь к истине сливается с любовью к людям". Эти слова полностью применимы и к Булгакову.

К Фриде на В. б. у с. Маргарита проявляет милосердие, к которому призывал и Форель по отношению к Фриде Келлер. И опять Булгаков наказывает гостью В. б. у с. суровее, чем это было в жизни. В примечании 1908 г. Форель отмечал, что интеллигентские круги кантона Сен-Галлен все больше симпатизируют осужденной, и выражал надежду, что "бедную Фриду Келлер", которой смертный приговор был заменен пожизненным заключением, вскоре выпустят на свободу. Булгаков же свою Фриду, как и Гёте свою Маргариту, казнил, чтобы дать ей возможность оказаться на В. б. у с. (в бале участвуют только ожившие мертвецы).

Само воскресение мертвецов для В. б. у с заставляет вспомнить стихотворение А. Белого "И опять, и опять, и опять" (1918). У Булгакова "вдруг что-то грохнуло внизу в громадном камине, и из него выскочила виселица с болтающимся на ней полурассыпавшимся прахом. Этот прах сорвался с веревки, ударился об пол, и из него выскочил черноволосый красавец во фраке и в лакированных туфлях. Из камина выбежал полуистлевший небольшой гроб, крышка его отскочила, и из него вывалился другой прах. Красавец галантно подскочил к нему и подал руку калачиком, второй прах сложился в нагую вертлявую женщину в черных туфельках и с черными перьями на голове, и тогда оба, и мужчина и женщина, заспешили вверх по лестнице". У Белого: "/Из расколотых старых гробов /Пролетает сквозною струёй - /Мертвецов, Мертвецов, Мертвецов -/Воскресающий, радостный рой!" На В. б. у с. в разгар бального съезда из камина идет сплошной поток гробов, из которых появляются воскресшие и веселящиеся трупы.

Шабашные игрища
Антессер - заведующий шабашом
Как ставить дьяволу банки
Слуги хозяина Бала
Читайте продолжение>>>

« Назад

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Великий бал у сатаны, часть 9 ~

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11

В первых двух редакциях "Мастера и Маргариты", создававшихся в 1929-1936 гг., вместо В. б. у с. в Нехорошей квартире происходил шабаш. В подготовительных материалах к "Мастеру и Маргарите" сохранились выписки из книги М. А. Орлова "История сношений человека с дьяволом" (1904) с указанием страниц: "Антессер. Шабашные игрища (стр.36). Опилки и колокол (37)". Здесь внимание Булгакова привлекло описание шведского шабаша по материалам процесса над ведьмами 1670 г.: "По шведскому обычаю, колдуны и ведьмы отправлялись на шабаш не верхом на метлах и палках и не с помощью волшебных мазей, а просто выходили на один перекресток, на росстань, как выражаются в наших русских сказаниях. Около этого перекрестка находилась глубокая и мрачная пещера. Ведьмы становились перед этою пещерою и трижды восклицали: "Антессер, приди и унеси нас на Блокулу". Эта Блокула была гора, совершенно соответствующая немецкому Брокену или Лысой горе наших сказаний.

Антессер же - имя демона, который заведовал шабашными игрищами. Этот демон являлся на призыв своих поклонников одетым в серый кафтан, красные штаны с бантами, синие чулки и остроконечную шляпу. У него была большая рыжая борода. Он подхватывал всех своих гостей и мгновенно переносил их по воздуху на Блокулу, в чем ему помогала толпа чертей, которая являлась вслед за ним. Все эти черти принимали вид козлов; гости и мчались на шабаш, сидя на них верхом. Многие ведьмы водили с собою на шабаш детей. Эта мелкая публика доставлялась на шабаш особым способом, а именно: козлам ведьмы втыкали копья. Ребятишки и садились верхом на эти копья. По прибытии на Блокулу дело шло обычным порядком, т.е. шабаш справлялся, как и всюду в других местах. В шведском шабаше, отмечено, впрочем, несколько особенностей, которые, однако же, иногда, хотя изредка, упоминаются в сказаниях и у других народов. Шведские ведьмы во время шабаша делали себе уколы на пальцах и вытекшею кровью подписывали договор с дьяволом, который вслед за тем совершал над ними крещение, разумеется, уже во имя свое, причем давал им медные стружки, которые получаются при обтачивании колоколов. Ведьмы бросали эти стружки в воду, произнося при этом такие заклинания на собственную душу: "Как эти опилки никогда не вернутся к колоколу, с которого они содраны, так пусть и душа моя никогда не увидит Царствия Небесного".

Замечательно еще, что по шведскому народному верованию главною приманкою на шабашах является еда. Можно было бы подумать, что шведы великие чревоугодники, но, кажется, этого за ними не было замечено, и лишь по части выпивки они, сколько нам известно, тонко понимают дело. На шведских шабашах застольное пиршество - главный номер в программе увеселений. Народные сказания приводят даже полное меню шабашного стола: щи с салом, овсяная каша, коровье масло, молоко и сыр. Меню в своем роде характеристическое. Верно, не очень-то сытно жилось народу, коли он мечтал о таких пирах как о чем-то достижимом лишь при посредстве продажи души дьяволу (главным в меню шабаша было преобладание "скоромных" блюд, которые нельзя употреблять в христианский пост)! После застольного пира ведьмы принимались для развлечения драться между собою.

Хозяин бала, дьявол Антессер, ежели бывал в добром расположении духа, принимал участие в этих невинных забавах и собственноручно хлестал ведьм прутьями и при этом во все горло хохотал. Иногда, будучи в особо благодушном настроении, он услаждал своих гостей игрою на арфе. От брака демона с ведьмами, по шведскому поверью, нарождались на свете жабы и змеи. Отмечена еще одна любопытная подробность шведских сказаний. Иногда дьявол, присутствовавший на шабашах, оказывался больным. Чем именно и в чем выражалась болезнь, об этом история умалчивает; но зато объясняется, что гости шабаша усердно ухаживали за больным хозяином и лечили его - ставили ему банки. Своим верным приверженцам шведский черт давал верных рабов в виде разных животных - кому ворона, а кому кота. Этих зверей можно было посылать куда угодно и с каким угодно поручением, и они все аккуратно исполняли".

Многие детали шведского шабаша Булгаков использовал при описании В. б. у с. и предшествовавшего ему шабаша на берегу реки, на котором побывала Маргарита. Для полета на В. б. у с. она использует упоминаемые Орловым традиционные "транспортные средства" - волшебный крем и половую щетку. Зато Наташа берет транспорт, излюбленный именно шведскими ведьмами - превратившегося в беса-борова "нижнего жильца" Николая Ивановича. Обыграна в В. б. у с. и болезнь дьявола, характерная для шведских сказаний. В окончательном тексте "Мастера и Маргариты" перед началом В. б. у с. "Воланд широко раскинулся на постели, был одет в одну ночную длинную рубашку, грязную и заплатанную на левом плече. Одну голую ногу он поджал под себя, другую вытянул на скамеечку. Колено этой темной ноги и натирала какою-то дымящеюся мазью Гелла".

Далее дьявол сообщает Маргарите, что, по мнению приближенных, у него ревматизм, "но я сильно подозреваю, что эта боль в колене оставлена мне на память одной очаровательной ведьмой, с которой я близко познакомился в тысяча пятьсот семьдесят первом году в Брокенских горах, на Чертовой Кафедре". Здесь Булгаков заменил шведскую Блокулу на фигурирующий в немецких легендах и в "Фаусте" (1808-1832) Иоганна Вольфганга Гёте (1749-1832) Брокен. Вероятно, Булгаков рассматривал выписанное им имя Антессер как возможное имя дьявола в своем романе, поскольку русской публике оно было почти неизвестно, но потом остановился на Воланде как на имени, непосредственно связанном с поэмой Гёте. Наверняка автор "Мастера и Маргариты" обратил внимание на то, что в описании Орлова шведский шабаш однажды назван балом, и, возможно, уже тогда, в 1929 г., у него зародилась идея В. б. у с.

У Воланда, в полном соответствии со шведской традицией, есть слуги животные - кот Бегемот и грач, которые выполняют различные поручения. В частности, шофер-грач доставляет Маргариту на В. б. у с. У булгаковского сатаны есть и служанка-ведьма Гелла, которая "расторопна, понятлива, и нет такой услуги, которую она не сумела бы оказать".

Булгаков учел приведенное Орловым шведское поверье, что обильная еда - одно из притягательных свойств шабаша. Только традиционную и не блещущую разнообразием кухню североевропейских крестьян Булгаков заменил на жареное мясо, устрицы, икру, и ананасы, как на приеме в американском посольстве, где ему довелось побывать. После В. б. у с. происходят и шабашные игрища - "невинные забавы", когда притворно, "для развлечения", борются между собой Гелла и Бегемот. Воланд, в отличие от Антессера шведских сказаний, рыжей бороды не носит, зато шведскому дьяволу на В. б. у с. уподоблен Малюта Скуратов: Маргарита видит его лицо, "окаймленное действительно огненной бородой". Вероятно, Булгаков остановил свой выбор на шведском шабаше для В. б. у с. как на значительно менее известном русским читателям, поскольку подробно описан он только в книге М. А. Орлова.

Золотой фаллос
Происхождение ведьм
Всякий талант - от дьявола?
Читайте продолжение>>>

« Назад Наверх »

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Великий бал у сатаны, часть 10 ~

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11

Отметим, что в тексте 1933 г., в полном соответствии со шведским поверьем, на шабаше присутствовали и дети, а шабашные игрища были запечатлены куда подробнее и сексуальнее: "...На подушках, раскинувшись, лежал голый кудрявый мальчик, а на нем сидела верхом, нежилась ведьма с болтающимися в ушах серьгами и забавлялась тем, что, наклонив семисвечие, капала мальчику стеарином на живот. Тот вскрикивал и щипал ведьму, оба хохотали, как исступленные... Гроздья винограду появились перед Маргаритой на столике и она расхохоталась - ножкой вазы служил золотой фаллос. Хохоча, Маргарита тронула его, и он ожил в ее руке (как на живых дьявольских картах в "Бенедиктове" А. В. Чаянова). Заливаясь хохотом и отплевываясь, Маргарита отдернула руку. Тут подсели с двух сторон. Один мохнатый с горящими глазами, прильнул к левому уху и зашептал обольстительные непристойности, другой - фрачник - привалился к правому боку и стал нежно обнимать за талию. Девчонка уселась на корточки перед Маргаритой, начала целовать ее колени.

- Ах, весело! Ах, весело! - кричала Маргарита, - и все забудешь - Молчите, болван! - говорила она тому, который шептал, и зажимала ему горячий рот, но в то же время сама подставляла ухо". В дальнейшем, уступая внутренней цензуре, Булгаков сделал сцену В. б. у с. гораздо целомудреннее (столь откровенное описание тогда, в 30-е годы, уже не имело возможности проникнуть в печать). В окончательном тексте романа мальчик, забавляющийся с ведьмой, был заменен котом Бегемотом, играющим с Геллой, а в сцене последнего полета превращающимся в худенького юношу-пажа.

Сообщение Орлова о том, что по шведским сказаниям дети от брака дьявола с ведьмами рождаются на свет жабами и змеями, проявляется в присутствии на шабаше на берегу реки (очевидно, Днепра у Лысой горы под Киевом) толстомордых лягушек, играющих на дудочках.

Для сцены шабаша, а потом - В. б. у с. Булгаков сделал выписки из статьи "Шабаш ведьм" Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона. Там, в частности, говорилось, о более традиционной версии этого мероприятия, чем в рассказе М. А. Орлова об Антессере. В статье, написанной известным этнографом Л. Я. Штернбергом (1861 - 1927), отмечалось, что "перед полетом ведьмы мажут себя волшебными мазями", а для самого полета пользуются "метлами, кочергами, ухватами, лопатами, граблями и просто палками". Автор "Шабаша ведьм" указывал, что ведьмы и черти, которые в народных поверьях являются участниками этого дьявольского сборища, произошли от языческих богов и богинь, в том числе от древнегерманской Фрейи, традиционно изображавшейся верхом на борове. Булгаков пародийно уподобил Фрейе служанку Маргариты Наташу, отправляющуюся на В. б. у с. верхом на превратившемся в борова "нижнем жильце" - ответственном работнике Николае Ивановиче.

Картина шабаша, предшествующего в окончательном тексте В. б. у с., во многом соответствовала немецкому поверью, приводимому Л. Я. Штернбергом: "Среди сонма ведьм, оборотней и давно умерших женщин (души усопших в свите Одина) (Один - верховный бог древнегерманской мифологии Скандинавии, бог войны, хозяин вальхаллы, чертога мертвых, где находят приют павшие в битвах воины, продолжающие здесь свои героические подвиги; у древних германцев континентальной Европы Одину соответствовал бог Вотан, или Водан, от которого, возможно, произошел и Воланд средневековых легенд), слетевшихся на шабаш каждая со своим возлюбленным чертом, при свете пылающих факелов восседает на большом каменном столе сам сатана в образе козла, с черным человеческим лицом... Затем следует бешеная постыдная пляска ведьм с чертями, от которой на другой день остаются следы ног коровьих и козьих".

В тексте 1933 г. на шабаше в Нехорошей квартире большую роль играл козлоногий (в окончательном тексте он фигурирует только в предшествующем В. б. у с. шабаше на берегу реки), а Маргарита видит "скачущие в яростной польке пары". Отметим, что в ранней редакции на шабаш Маргарита попадает через камин. В окончательном тексте через камин на В. б. у с. попадают все гости (кроме Маргариты), и пасть камина соответствует той мрачной и глубокой пещере шведских поверий, откуда отправляются на шабаш его участники. Отсюда и сравнение с пещерой темного глаза Воланда, которым он смотрит на Маргариту перед В. б. у с.

Как можно судить по сохранившимся рукописям, в тексте 1933 г. шабаш в Нехорошей квартире продолжался до половины двенадцатого, а затем следовал малый бал у сатаны, причем часть рукописи, где этот бал, вероятно, описывается, в полном соответствии с рассказом Е. С. Булгаковой оказалась уничтожена.

Отметим, что на В. б. у с. присутствуют и музыкальные гении, непосредственно не связанные в своем творчестве с инфернальными мотивами. Маргарита встречает здесь "короля вальсов" австрийского композитора Иоганна Штрауса (1829 - 1899), бельгийского скрипача и композитора Анри Вьетана (1820 - 1881), а в оркестре играют лучшие музыканты мира. Тем самым Булгаков иллюстрирует идею, что всякий талант - в чем-то от дьявола, и "король вальсов" Штраус несказанно рад, когда его приветствует Маргарита - королева В. б. у с.

Прозорливый Булгаков
Правила коммунистической оргии
Читайте завершение>>>

« Назад

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Великий бал у сатаны, часть 11 ~

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11

То, что Булгаков не верил в подлинность обвинений, предъявленных тем фигурантам политических процессов 30-х годов, которые появляются на В. б. у с., доказывается воспоминаниями Валентина Петровича Катаева (1897-1986), дружившего с Булгаковым в первой половине 20-х годов, но затем рассорившегося с ним в связи с неудачным сватовством к булгаковской сестре Елене (Леле): "В 1937 году мы встретились как-то у памятника Гоголю. Тогда как раз арестовали маршалов. Помню, мы заговорили про это, и я сказал ему, возражая:
- Но они же выдавали наши военные планы! Он ответил очень серьезно, твердо:
- Да, планы выдавать нельзя". Очевидно, что для Булгакова, в отличие от Катаева, надуманность версии о "маршальском заговоре", равно как и кознях Ягоды, Бухарина и др., была очевидна.

В. б. у. с. имеет еще один неожиданный источник, прямо связанный с деятельностью подчиненных и соратников Г. Г. Ягоды. Речь идет о так называемой "коммуне Бокия". Глеб Иванович Бокий (1879-1937) - видный чекист, благополучно расстрелянный в 1937 г. Некоторые его сотрудники подверглись репрессиям уже после гибели "батьки Бокия" и на следствии дали о нем прелюбопытнейшие показания. Например, некто Н. В. Клименков на допросе 29 сентября 1938 г. сообщил: "С 1921 года я работал в спецотделе НКВД (тогда это была еще ВЧК.). Отдел в то время возглавлял Бокий Глеб Иванович, который через некоторое время назначил меня начальником 2-го отделения спецотдела.

В это время уже существовала созданная Бокием так называемая "Дачная коммуна", причем ее существование тщательно скрывалось от сотрудников отдела, и знали об этом только приближенные Бокия...

Последний в одно время сообщил мне, что им в Кучино создана "Дачная коммуна", в которую входят отобранные им, Бокием, люди, и пригласил меня ехать на дачу вместе с ним. После этого я на даче в Кучино бывал очень часто, хотя "юридически" и не являлся членом "коммуны", так как не платил 10 процентов отчислений зарплаты в ее фонд, но вся антисоветская деятельность которой мне известна.

При первом моем посещении "Дачной коммуны" мне объявили ее порядки, что накануне каждого выходного дня каждый член "коммуны" выезжает на дачу и, приехав туда, обязан выполнять все установленные "батькой Бокием" правила.

"Правила" эти сводились к следующему: участники, прибыв под выходной день на дачу, пьянствовали весь выходной день и ночь под следующий рабочий день. Эти пьяные оргии очень часто сопровождались драками, переходящими в общую свалку. Причинами этих драк, как правило, было то, что мужья замечали разврат своих жен с присутствующими здесь же мужчинами, выполняющими "правила батьки Бокия".

"Правила" в этом случае были таковы. На даче все время топилась баня. По указанию Бокия после изрядной выпивки партиями направлялись в баню, где открыто занимались групповым половым развратом.

Пьянки, как правило, сопровождались доходящими до дикости хулиганством и издевательством друг над другом: пьяным намазывали половые органы краской, горчицей. Спящих же в пьяном виде часто "хоронили" живыми, однажды решили похоронить, кажется, Филиппова и чуть его не засыпали в яме живого. Все это делалось при поповском облачении, которое специально для "дачи" было привезено из Соловков. Обычно двое-трое наряжались в это поповское платье, и начиналось "пьяное богослужение"...

На дачу съезжались участники "коммуны" с женами. Вместе с этим приглашались и посторонние, в том числе и женщины из проституток. Женщин спаивали допьяна, раздевали их и использовали по очереди, предоставляя преимущество Бокию, к которому помещали этих женщин несколько.

Подобный разврат приводил к тому, что на почве ревности мужей к своим женам на "Дачной коммуне" было несколько самоубийств: Евстафьев - бывший начальник технического отделен, бросился под поезд, также погиб Майоров, с женой которого сожительствовал Бокий, на этой же почве застрелился помощник начальника 5-го отделения Баринов...

Ежемесячно собирались членские взносы с каждого члена "коммуны" в размере 10 процентов месячного оклада, что далеко не хватало для покрытия всех расходов. "Дефицит" покрывался Бокием из получаемых отделом доходов от мастерских несгораемых шкафов, из сметы отдела на оперативные нужды. "Дефицит" покрывался также и спиртом из химической лаборатории, выписываемым якобы для технических надобностей. Этот спирт на "Дачной коммуне" оснащался ягодами и выпивался, т. е. на средства, украденные Бокием у государства...

К концу 1925 года число членов "Дачной коммуны" увеличилось настолько, что она стала терять свой конспиративный характер. В самом отделе участились скандалы между членами "Дачной коммуны" и секретарем отдела, выдающим заработную плату. Первые не хотели платить "членских взносов", а секретарь отдела упрекал их в том, что они получают "все удовольствия" на "даче", а платить не хотят..."

Показания "халявщика" Клименкова полностью подтвердил полноправный член "коммуны" "доктор" Гоппиус: "Каждый член коммуны обязан за "трапезой" обязательно выпить первые пять стопок водки, после чего члену коммуны предоставлялось право пить или не пить, по его усмотрению. Обязательным было также посещение общей бани мужчинами и женщинами. В этом принимали участие все члены коммуны, в том числе и две дочери Бокия. Это называлось в уставе коммуны - "культом приближения к природе". Участники занимались и обработкой огорода. Обязательным было пребывание мужчин и женщин на территории дачи в голом и полуголом виде…"

Атмосфера чекистской "коммуны" очень напоминает атмосферу В. б. у. с., в том числе и своей пародией на богослужение и христианские похороны, в результате которых один из участников едва не погиб. Конечно, Булгаков не мог быть знаком с показаниями арестованных в 1937-38 годах членов коммуны, однако, по признанию того же Клименкова к середине 20-х годов творившееся на даче Бокия перестало быть тайной для окружающих. А ведь в Кучино жили многие представители литературно-театрального мира, например, А. Белый. От них автор "Мастера и Маргариты" вполне мог узнать о нравах коммуны. Появляющимся на В. б. у. с. чекистам Ягоде и Буланову творящееся тут явно не в диковинку. И его законы, о которых говорит Коровьев-Фагот, совпадают с законами коммуны Бокия.

Спиртом, только чистым, без всяких ягод, Воланд угощает Маргариту. Устраивают на В. б. у. с. и своего рода похороны Михаила Александровича Берлиоза и Майгеля, только покойники тут настоящие, а не сонные пьяницы, и мысль о самоубийстве посещает Маргариту, когда она сознаёт, что к прошлому возврата нет, а Воланд не торопится предложить ожидаемую награду.

Гости Воланда столь же пьяны, а женщины столь же обнажены, как и на даче у Бокия. Правда, горчицей Бегемот мажет не половые органы незадачливых пьяниц, а их своеобразный заменитель - устрицу, которую тот тотчас съедает. А вот в ранней редакции шабаш в Нехорошей квартире был куда откровеннее, и одна из ведьм капала свечкой на половой член мальчика, с которым развлекалась. Чекисты, возможно, казались Булгакову современными аналогами нечистой силы. И действительно, оргии Бокия и его подчинённых даже превзошли то, что происходило на рождённом писательской фантазией В. б. у. с.

« Назад
Наверх »

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Война и мир"

"Война и мир" - инсценировка одноименного романа (1863-1869) Льва Николаевича Толстого (1828-1910). При жизни Булгакова не ставилась и не публиковалась. Впервые: Булгаков М. Пьесы. М.: Советский писатель, 1986.

На автографе В. и м. Булгаков записал: "работу над инсценировкой Войны и мира я начал 24-го сентября 1921 г… Но потом, увы, я бросил эту работу и возобновил ее только сегодня, 22 декабря 1931 г."

Ранее, в конце августа, был заключен договор с Ленинградским Большим Драматическим Театром на В. и м. Затем последовали договоры с МХАТом и Бакинским рабочим театром, но булгаковская инсценировка так и не была поставлена вплоть до сегодняшнего дня. 27 февраля 1932 г. Булгаков отослал текст В. и м. в Ленинград.

Работу над инсценировкой драматург воспринимал как тяжкий труд. 11 марта 1932 г. он писал брату Николаю в Париж: "Я свалил с плеч инсценировку "Войны и мира" Л. Толстого, и есть надежда, что за письма я теперь сяду". А в послании своему другу писателю Евгению Замятину (1884-1937) тоже в Париж 10 апреля 1933 г. признавался: "Бог мой! Слово - Толстой - приводит меня в ужас! Я написал инсценировку "Войны и мира". Без содрогания не могу проходить теперь мимо полки, где стоит Толстой. Будь прокляты инсценировки отныне и вовеки!"

Замысел инсценировки В. и м. возник у Булгакова во время короткой остановки в Киеве на пути в Москву в сентябре 1921 г., очевидно в связи с задуманным тогда же романом "Белая гвардия" - современным вариантом толстовской эпопеи. Позднее работа над "Белой гвардией" и пьесой "Дни Турбиных" отвлекла Булгакова от В. и м. Инсценировка в 1931-1932 гг. уже потеряла для Булгакова былую привлекательность, перестала быть внутренне обязательной. Идеи Льва Толстого он успел реализовать в "Белой гвардии", "Беге", "Днях Турбиных". К тому же Булгакова всё больше поглощала работа над романом, который теперь известен нам как "Мастер и Маргарита".

В письме правительству 28 марта 1930 г. Булгаков подчеркивал, что в своем первом романе и пьесах стремился изобразить русскую интеллигенцию эпохи гражданской войны "в традициях "Войны и мира". Хорошо знавший Булгакова в начале 20-х годов писатель Эмилий Миндлин (1900-1980) приводит булгаковский отзыв о Толстом: " - После Толстого нельзя жить и работать в литературе так, словно не было никакого Толстого. То, что он был, я не боюсь сказать: то, что было явление Льва Николаевича Толстого, обязывает каждого русского писателя после Толстого, независимо от размеров его таланта, быть беспощадно строгим к себе. И к другим".

Булгаков считал, по свидетельству Миндлина, что "самый факт существования в нашей литературе Толстого" обязывает любого писателя "к совершенной правде мысли и слова… К искренности до дна. К тому, чтобы знать, чему, какому добру послужит то, что ты пишешь! К беспощадной нетерпимости ко всякой неправде в собственных сочинениях!"

В В. и м. Булгаков взял главы толстовского романа, связанные с войной 1812 г. Рассуждения Толстого о движущих силах истории драматург передал Чтецу. В. и м. - самая "густонаселенная" из булгаковских пьес: в ней 115 персонажей. Заканчивается она, как и "Белая гвардия", умиротворяющей толстовской картиной звездного неба:

"Ч т е ц. И всё затихло. Звезды, как будто зная, что теперь никто не увидит их, разыгрались в черном небе. То вспыхивая, то потухая, то вздрагивая, они хлопотливо о чем-то радостном, но таинственном перешёптывались между собой".

В октябре 1937 г. дирижер и художественный руководитель Большого Театра С. А. Самосуд (1884-1964) и заместитель директора Большого театра Я. Л. Леонтьев (1899-1948) предлагали Булгакову написать либретто оперы "1812 год" по Льву Толстому. В дневниковой записи 5 октября 1937 г. третья жена драматурга Е. С. Булгакова отмечала, что муж охарактеризовал будущую работу над этим либретто как "портновскую" - он явно собирался выкроить его из В. и м. 7 октября 1937 г. в дневнике Е. С. Булгаковой зафиксированы наброски к "1812 году". Но проект оперы вскоре был оставлен.

Многие идеи "Войны и мира" отразились и в последнем булгаковском романе "Мастер и Маргарита". Так, толстовская идея "заражения добром", невозможность отправить на смерть подсудимого, если между ним и судьей установилась какая-то человеческая связь, преломилась в отношениях Иешуа Га-Ноцри и Понтия Пилата.

Булгаков включил в В. и м. знаменитую сцену между Пьером Безуховым и маршалом Даву: " Даву поднял глаза и пристально посмотрел на Пьера. Несколько секунд они смотрели друг на друга, и этот взгляд спас Пьера. В этом взгляде, помимо всех условий войны и суда, между этими двумя людьми установились человеческие отношения. Теперь Даву видел в нем человека".

Только сам Булгаков был гораздо более скептически настроен, чем Толстой. Понтий Пилат успел увидеть в Иешуа симпатичного ему человека, но всё-таки убоялся избавить его от казни. Он только сократил время мучений Га-Ноцри. И проповедь Иешуа о том, что все люди добрые, на прокуратора отнюдь не подействовала. Стремясь успокоить свою совесть, растревоженную казнью заведомо невиновного человека, он не нашёл ничего лучше, как организовать убийство "доброго человека" - предателя Иуды из Кириафа, т.е., по учению Га-Ноцри, совершить то же зло.

Булгаков не принял толстовскую проповедь ненасилия, и Платон Каратаев в В. и м. другой, чем в романе. Драматург взял лишь предсмертный, в бреду, рассказ Каратаева Пьеру о старике-каторжанине, покорно переносившем несправедливость и умершем раньше, чем пришла царская бумага о его невиновности. После этого француз-конвоир убивает Каратаева, утверждая реальность насилия.

Булгаковский же Пьер после гибели Каратаева, тоже бредя, произносит монолог, заставляющий вспомнить финал "Белой гвардии": "В середине бог, и каждая капля стремится расшириться, чтобы в наибольших размерах отражать его. И растет, и сливается, и сжимается, и уничтожает на поверхности, уходит в глубину и опять всплывает. Вот он, Каратаев, вот разлился и исчез… Каратаев убит. (Бредит) Красавица полька на балконе моего киевского дома, купанье и жидкий колеблющийся шар, и опускаюсь куда-то в воду, и вода сошлась над головой".

У Толстого Пьер вспоминает шар в связи со своим старым учителем географии, и "живой, колеблющийся шар, не имеющий размеров" - это глобус. Булгаков использовал образ глобуса в "Мастере и Маргарите", где работа демона Абадонны демонстрируется на живом хрустальном глобусе Воланда (на нем рельефно показаны бедствия войны).

В В. и м. шар Пьера не соотносится с глобусом. Упоминание Безуховым в "Войне и мире" в связи с рассуждениями о "жидком колеблющемся шаре" его киевского дома подсказало Булгакову поместить "сверкающий алмазный шар" в сон мальчика Петьки в финале "Белой гвардии", после ухода из Города (Киева) петлюровцев, творящих насилие. Там звезды уподоблены рассыпавшемуся от этого шара дождю "сверкающих брызг", а ночное небо названо "занавесом Бога".

В "Беге" же "разлился и исчез" мучивший Хлудова призрак убитого по его приказу вестового Крапилина. Исчез после того, как генерал-палач раскаялся и принял решение вернуться на суд людской и Божеский.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Воланд, часть 2 ~

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7 8 9

Булгаков истинное лицо Воланда скрывает лишь в самом начале романа, дабы читателей заинтриговать, а потом уже прямо заявляет устами Мастера и самого Воланда, что на Патриаршие точно прибыл сатана (дьявол). Версия с гипнотизерами и массовым гипнозом, которому якобы подвергли москвичей Воланд и его спутники, в "Мастере и Маргарите" тоже присутствует. Но ее назначение - отнюдь не маскировка. Таким образом Булгаков выражает способность и стремление обыденного советского сознания объяснять любые необъяснимые явления окружающей жизни, вплоть до массовых репрессий и бесследного исчезновении людей.

Автор "Мастера и Маргариты" как бы говорит: явись в Москву хоть сам дьявол со своей адской свитой, компетентные органы и марксистские теоретики, вроде председателя МАССОЛИТа Михаила Александровича Берлиоза, все равно найдут этому вполне рациональное основание, не противоречащее учению Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина, и главное, сумеют убедить в этом всех, в том числе и испытавших на себе воздействие нечистой силы.

Булгаков не мог быть знаком с теорией (или принципом) фальсификации выдающегося австрийского философа Карла Раймунда Поппера (1902-1993), появившейся уже после смерти создателя "Мастера и Маргариты". Поппер доказал, что марксистская теория, так же как и учение психоанализа австрийца Зигмунда Фрейда (1856-1939), способны объяснить в своих терминах любое явление и любой результат любого процесса, так что в принципе невозможно предложить какую-либо процедуру их опытной проверки. В "Мастере и Маргарите" Булгаков как бы сатирически предвосхитил теорию Поппера.

Подобно Мандро, Воланд, по утверждению Коровьева-Фагота, владеет виллой в Ницце. В этой детали отразилось не только знакомство с "Московским чудаком" и символическое значение Ниццы как курорта, где отдыхают богачи со всего мира, но и обстоятельства булгаковской биографии.

Весной 1934 г., перед началом работы над киносценарием "Мертвые души", писатель с женой подали прошение о двухмесячной поездке за границу, во Францию. В письме своему другу П. С. Попову 28 апреля Булгаков делился в связи с этим старыми мечтами: "Давно уже мне грезилась средиземная волна, и парижские музеи, и тихий отель, и никаких знакомых, и фонтан Мольера, и кафе, и - словом, возможность видеть все это. Давно уже с Люсей (Е. С. Булгаковой) разговаривал о том, какое путешествие можно было бы написать!"

Началом будущей книги послужил набросок "Был май". 10 мая 1934 г., еще полный надежд на заграничную поездку, Булгаков, как зафиксировала на следующий день в дневнике Е. С. Булгакова, на дурацкое предложение режиссера фильма "Мертвые души" И. А. Пырьева (1901-1968): "Вы бы, М. А., поехали на завод, посмотрели бы...", шутливо ответил: " - Шумно очень на заводе, а я устал, болен. Вы меня отправьте лучше в Ниццу".

После унизительного отказа в зарубежной поездке автор "Мастера и Маргариты" впал в депрессию. С мечтой о Ницце пришлось расстаться навсегда. Зато Воланд получил теперь виллу на этом курорте.

Нетрадиционность Воланда проявляется в том, что он, будучи дьяволом, наделен некоторыми явными атрибутами Бога. Булгаков был хорошо знаком с книгой английского церковного историка и епископа Ф. В. Фаррара "Жизнь Иисуса Христа" (1873). Выписки из нее сохранились в архиве писателя (см.: Христианство).

К этой книге, очевидно, восходит эпизод, когда буфетчик Театра Варьете Соков узнает от Воланда о своей неизлечимой болезни и скорой смерти, но все равно отказывается потратить свои немалые сбережения.

У Ф. В. Фаррара читаем: "Как при всей своей краткости богата рассказанная Им... маленькая притча о богатом глупце, который в своем жадном, до богозабвения самонадеянном своекорыстии намеревался делать то и другое, и который, совсем забывая, что существует смерть и что душа не может питаться хлебом, думал, что душе его надолго хватит этих "плодов", "добра" и "житниц" и что ей достаточно только "есть, пить и веселиться", но которому, как страшное эхо, прогремел с неба потрясающий и полный иронии приговор: "Безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?" (Лук. XII, 16-21)".

В "Мастере и Маргарите" Воланд следующим образом рассуждает о будущем буфетчика, когда выясняется, что "умрет он через девять месяцев, в феврале будущего года, от рака печени в клинике Первого МГУ, в четвертой палате":

- Девять месяцев, - задумчиво считал Воланд, - двести сорок девять тысяч... Это выходит круглым счетом двадцать семь тысяч в месяц (для сравнения: зарплата Булгакова как консультанта-либреттиста Большого театра в конце 30-х годов составляла 1000 рублей в месяц). Маловато, но при скромной жизни хватит...
- Да я и не советовал бы вам ложиться в клинику, - продолжал артист, - какой смысл умирать в палате под стоны и хрип безнадежных больных. Не лучше ли устроить пир на эти двадцать семь тысяч и, приняв яд, переселиться в другой мир под звуки струн, окруженным хмельными красавицами и лихими друзьями?"

В отличие от героя евангельской притчи Соков не наслаждается земными радостями, но не ради спасения души, а только из-за природной скупости. Воланд иронически предлагает ему уподобиться "богатому глупцу". Также и Берлиоз, думающий только о жизненных благах, вроде предстоящей поездки на отдых в Кисловодск, не внял предостерегающему гласу Воланда, убеждающего литераторов, что "Христос существовал" и что человек "внезапно смертен", и тотчас испытал доказательство на себе: председателю МАССОЛИТа, в полном соответствии со словами сатаны, отрезало трамваем голову. На месте богача-гедониста оказались жулик-скряга и литератор-конъюнктурщик.

Роль дьявольского портсигара в романе
Строители храма Соломонова
Воланд - муза литераторов
Читайте далее>>>

« Назад

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Воланд, часть 3 ~

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7 8 9

Автор - Опрышко Екатерина

Через книгу Ф. В. Фаррара оказывается возможным постигнуть и одно из значений бриллиантового треугольника на портсигаре Воланда. Автор "Жизни Иисуса Христа" писал: "Чтобы показать им (главным священникам, книжникам, раввинам, представителям всех классов Синедриона - высшего иудейского судебного органа), что самое писание пророчественно обличает их, Христос спросил, неужели они никогда не читали в Писании (Пс. CXVII) о камне, который отвергнут был строителями, но который тем не менее, по чудесным целям Божиим, сделался главой угла? Как могли они дальше оставаться строителями, когда весь план их строительства был отвергнут и изменен? Разве древнее мессианское пророчество не показывает ясно, что Бог призовет других строителей на создание своего храма? Горе тем, которые притыкались, как это было с ними, об этот отвергнутый камень; но даже и теперь еще было время избегнуть конечной гибели для тех, на кого может упасть этот камень. Отвергать Его в Его человечестве и смирении уже значило терпеть прискорбную потерю; но оказаться отвергающим Его, когда Он придет во славе, не значило ли бы это "окончательно погибнуть от лица Господа?" Сесть на седалище суда и осуждать Его - значило навлекать погибель на себя и на народ; но быть осужденным от Него - не будет ли это значить быть "стертым во прах" (Дан. II, 34-44)?"

Треугольник Воланда как раз и символизирует этот краеугольный камень - отвергнутый камень, сделавшийся главой угла. И ход событий в "Мастере и Маргарите" полностью соответствует притче, истолкованной Ф. В. Фарраром. Михаил Александрович Берлиоз и Иван Бездомный, сидя на скамейке ("седалище суда"), вновь, девятнадцать столетий спустя, судят Христа и отвергают его божественность (Бездомный) и само его существование (Берлиоз).

Треугольник Воланда - еще одно предупреждение председателю МАССОЛИТа, напоминание притчи о строителях Соломонова храма, особенно в сочетании со словами: "Кирпич ни с того ни с сего никому и никогда на голову не свалится... Вы умрете другою смертью". Берлиоз предупреждению не внял, не уверовал в существование Бога и дьявола, да еще вздумал погубить Воланда доносом, и поплатился за это скорой смертью.

Также слушатели Христа и их потомки, как подчеркивал Ф. В. Фаррар, не избегли мучительной гибели при взятии Иерусалима войсками Тита в 70г. н. э., что предрекает председателю Синедриона Иосифу Каифе прокуратор Понтий Пилат.

Бездомный после гибели Берлиоза уверовал в Воланда и историю Пилата и Иешуа Га-Ноцри, однако потом согласился с официальной версией, что сатана и его свита - только гипнотизеры. Поэт Иван Бездомный превратился в профессора Ивана Николаевича Понырева, пародийно обретя свой дом (фамилия связана со станцией Поныри в Курской области) и как бы став "другим" строителем. В этом же контексте надо воспринимать и слова Воланда о новом здании, которое будет построено на месте сгоревшего Дома Грибоедова - символа современной советской литературы. Однако храму новой литературы предстоит строиться по промыслу не Бога, а Воланда. Новый строитель Понырев вообще отрекся от поэзии и уверовал в собственное всезнание.

В масонской символике треугольник восходит к легенде, развивающей притчу о Соломоновом храме. Треугольник Воланда имеет поэтому отношение и к Масонству. Масоном является и герой "Московского чудака" Мандро. Подобно Эдуарду Эдуардовичу, Воланд через литературные источники связан с образом известного авантюриста, оккультиста и алхимика XVIII в. графа Алессандро Калиостро, за которого выдавал себя итальянец Джузеппе (Жозеф) Бальзамо (1743-1795).

Эпизод с сожжением Дома Грибоедова и словами Воланда о неизбежном в будущем возведении на его месте нового здания очень напоминает одну из сцен беллетризованной повести Михаила Кузмина (1872-1936) "Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро" (1916), во многом послужившей Булгакову образцом при написании "Мольера".

У Кузмина неизвестный молодой человек в сером плаще встречает юного Иосифа Бальзамо и спрашивает его, показывая на красивое розовое здание:"- Хотел бы ты иметь такой дом?Мальчик не любил, когда посторонние говорили с ним на "ты" и притом совсем не был подготовлен к такому вопросу; поэтому он промолчал и только перевел глаза на розовое здание. Незнакомец продолжал:- Но насколько прекраснее выстроить такой дом, нежели владеть им.Мальчик все молчал.- Как хорошо бы выстроить прекрасный светлый дом, который вместил бы всех людей, и где все были бы счастливы.- Дома строят каменщики!- Да, дитя мое, дома строят каменщики. Запомни, что я тебе скажу, но забудь мое лицо.При этом незнакомец наклонился к Иосифу, как будто именно для того, чтобы тот его лучше рассмотрел. Лицо его было прекрасно, и мальчик как бы впервые понял, что есть лица обыкновенные, уродливые и красивые. Молодой человек пробормотал:- Как ни тараще свои глаза, все равно ты позабудешь, что тебе не нужно помнить!"

Кара настигает Дом Грибоедова, где размещается МАССОЛИТ, за то, что оккупировавшие его литераторы не объединяют, а разъединяют и развращают людей своими лживыми конъюнктурными сочинениями, делают несчастным гениального Мастера. Кузминский человек в сером явно инфернален, и в полном соответствии с традицией изображения дьявола Воланд предстает то в сером костюме, то в черном трико оперного Мефистофеля.

На Патриарших в разговоре с Воландом Бездомный наделен теми же чертами наивного ребенка, что и мальчик Бальзамо в разговоре с неизвестным. В финале он забывает встречу на Патриарших, а Мастер в последнем приюте забывает земную жизнь. Слова о каменщиках, строящих дома, здесь тоже заставляют вспомнить о Масонстве, поскольку масоны - это вольные каменщики, строители Соломонова храма, и Воланд также связан с масонской символикой и обрядностью.

Однако цель Воланда - не только построение нового храма литературы, где все объединятся и будут счастливы, но пробуждение литераторов к творчеству, плоды которого могут оказаться угодны как Богу, так и дьяволу.

Граф Калиостро - один из прототипов Воланда
Правоверный марксист Берлиоз
Дьявол - уроженец Юга
Читайте продолжение>>>

« Назад
Наверх »

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Воланд, часть 4 ~

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7 8 9

Тот же граф Калиостро стал героем известного стихотворения Каролины Павловой (Яниш) (1807-1893) "Разговор в Трианоне" (1849). Как сообщила нам вторая жена Булгакова Л. Е. Белозерская, имя поэтессы было на слуху в том кругу друзей и знакомых, где писатель вращался в 20-е годы. "Разговор в Трианоне" построен в форме беседы графа Оноре Мирабо (1749-1791) и графа Калиостро накануне Великой Французской революции. Калиостро скептически настроен относительно просветительского оптимизма Мирабо:

Свергая древние законы,
Народа встанут миллионы,
Кровавый наступает срок;
Но мне известны бури эти,
И четырех тысячелетий
Я помню горестный урок.
И нынешнего поколенья
Утихнут грозные броженья;
Людской толпе, поверьте, граф,
Опять понадобятся узы,
И бросят эти же французы
Наследство вырученных прав".

Воланд тоже критикует казенный оптимизм "просвещенного" по-марксистски Берлиоза с позиций знания тысячелетий человеческой истории: "Позвольте же вас спросить, как же может управлять человек, если он не только лишен возможности составить какой-нибудь план хотя бы на смехотворно короткий срок, ну, лет, скажем, в тысячу, но не может ручаться даже за свой собственный завтрашний день?"

Как и Калиостро, Воланд указывает на непредсказуемость человеческих действий, часто приводящих к результатам, прямо противоположным тем, которые предполагались, особенно в долгосрочной перспективе. Дьявол убеждает литератора, что человеку не дано предвидеть свое будущее. Но Берлиоз, правоверный марксист, не оставляет в жизни места явлениям непредсказуемым, случайным, и за свой вульгарный детерминизм платит в полном смысле слова головой.

Между Калиостро из "Разговора в Трианоне" и Воландом есть портретное сходство. Калиостро "был сыном юга, /По виду странный человек: /Высокий стан, как шпага гибкой, /Уста с холодною улыбкой, /Взор меткий из-под быстрых век". Воланд - "росту был... просто высокого", неоднократно устремлял на Берлиоза пронзительный зеленый глаз и смеялся странным смешком. Бездомному в какой-то миг кажется, что трость Воланда превратилась в шпагу, и на шпагу опирается Воланд во время Великого бала у сатаны, когда Маргарита видит, что "кожу на лице Воланда как будто бы навеки сжег загар". Это действительно делает сатану похожим на выходца из теплых южных краев.

Подобно Воланду на Патриарших, инфернальный Калиостро К. Павловой вспоминает, как присутствовал при суде над Христом:

Я был в далекой Галилее;
Я видел, как сошлись евреи
Судить мессию своего;
В награду за слова спасенья
Я слышал вопли исступленья:
"Распни его! Распни его!"
Стоял величествен и нем он,
Когда бледнеющий игемон
Спросил у черни, оробев:
"Кого ж пущу вам по уставу?"
- "Пусти разбойника Варравву!"
Взгремел толпы безумный рев.

И в рассказе Воланда, тайно присутствовавшего и при допросе Пилатом Иешуа и на помосте во время объявления приговора, прокуратор именуется игемоном и содержится мотив "робости" (трусости) Пилата, хотя боится он здесь не воплей толпы, а доноса Иосифа Каифы кесарю Тиверию (43 или 42 до н. э. - 37 н. э.). В редакции 1929 г. лексика диалога Воланда и Берлиоза была еще ближе к монологу Калиостро:

"- Скажите, пожалуйста, - неожиданно спросил Берлиоз, - значит, по-вашему, криков "распни его!" не было?
Инженер снисходительно усмехнулся:
- Такой вопрос в устах машинистки из ВСНХ был бы уместен, конечно, но в ваших?.. Помилуйте! Желал бы я видеть, как какая-нибудь толпа могла вмешаться в суд, чинимый прокуратором, да еще таким, как Пилат! Поясню наконец сравнением. Идет суд в ревтрибунале на Пречистенском бульваре (здесь намеренно дано название, связанное с христианской традицией - на Пречистенке в 20-е годы действительно помещался штаб Московского военного округа, начальником которого был второй муж Е. С. Булгаковой Е. А. Шиловский, а при штабе должен был работать трибунал), и вдруг, воображаете, публика начинает завывать: "расстреляй, расстреляй его!" Моментально ее удаляют из зала суда, только и делов. Да и зачем она станет завывать? Решительно ей все равно, повесят ли кого или расстреляют. Толпа - во все времена толпа, чернь, Владимир Миронович!"

Роль черни в мировой истории
Взгляд Флоренского на дьявола
Маски Сатаны
Цель московской миссии Воланда
Читайте далее>>>

« Назад

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Воланд, часть 5 ~

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7 8 9

Здесь устами Воланда Булгаков полемизирует с "Разговором в Трианоне". Автор "Мастера и Маргариты", имея за плечами опыт революции и гражданской войны, пришел к выводу, что чернь сама по себе ничего не решает, ибо ее направляют преследующие собственные цели вожди, чего не сознавали еще К. Павлова и другие русские интеллигенты середины XIX в., рассматривавшие народ, толпу, как самодовлеющий стихийный фактор хода и исхода исторических событий.

Инженер Воланд также пародирует многочисленные призывы на собраниях общественности и в газетах применить высшую меру наказания ко всем подсудимым на фальсифицированном процессе группы инженеров, обвиненных во вредительстве (так называемое "шахтинское дело"). Этот процесс состоялся в Москве в мае - июле 1928 г. Тогда пятеро из подсудимых были приговорены к расстрелу.

Образ Воланда полемичен по отношению к тому взгляду на дьявола, который отстаивал в книге "Столп и утверждение истины" (1914) философ и богослов П. А. Флоренский: "Грех бесплоден, потому что он - не жизнь, а смерть. А смерть влачит свое призрачное бытие лишь жизнью и насчет Жизни, питается от Жизни и существует лишь постольку, поскольку Жизнь дает от себя ей питание. То, что есть у смерти - это лишь испоганенная ею жизнь же. Даже на "черной мессе", в самом гнезде диавольщины, Диавол со своими поклонниками не могли придумать ничего иного, как кощунственно пародировать тайнодействия литургии, делая все наоборот. Какая пустота! Какое нищенство! Какие плоские "глубины"!

Это - еще доказательство, что нет ни на самом деле, ни даже в мысли ни Байроновского, ни Лермонтовского, ни Врубелевского Диавола - величественного и царственного, а есть лишь жалкая "обезьяна Бога"...".

В редакции 1929-1930 гг. Воланд еще во многом был такой "обезьяной", обладая рядом снижающих черт: хихикал, говорил "с плутовской улыбкой", употреблял просторечные выражения, обзывая, например, Бездомного "врун свинячий", а буфетчику Театра Варьете Сокову притворно жалуясь: "Ах, сволочь-народ в Москве!" и плаксиво умоляя на коленях: "Не погубите сироту".

Однако в окончательном тексте "Мастера и Маргариты" Воланд стал иным, "величественным и царственным", близким традиции лорда Джорджа Байрона (1788-1824) и Иоганна Вольфганга Гёте, Михаила Лермонтова (1814 1841) и иллюстрировавшего его "Демона" (1841) художника Михаила Врубеля (1856-1910).

Воланд разным персонажам, с ним контактирующим, дает разное объяснение целей своего пребывания в Москве. Берлиозу и Бездомному он говорит, что прибыл, чтобы изучить найденные рукописи Герберта Аврилакского (938-1003), средневекового ученого, который, даже став римским папой Сильвестром II в 999 гг., сочетал свои обязанности с интересом к белой, или натуральной магии, в отличие от черной магии, направленной людям во благо, а не во вред. В редакции 1929-1930 гг. Воланд прямо называл себя специалистом по белой магии, как и Герберт Аврилакский (в окончательном тексте Воланд говорит уже о черной магии).

Сотрудникам Театра Варьете и управдому Никанору Ивановичу Босому Воланд объясняет свой визит намерением выступить с сеансом черной (в ранних редакциях - белой) магии. Буфетчику Театра Варьете Сокову уже после скандального сеанса сатана говорит, что просто хотел "повидать москвичей в массе, а удобнее всего это было сделать в театре".

Маргарите Коровьев-Фагот перед началом Великого бала у сатаны сообщает, что цель визита Воланда и его свиты в Москву - проведение этого бала, чья хозяйка должна непременно носить имя Маргариты и быть королевской крови. По утверждению помощника Воланда, из ста двадцати одной Маргариты не подходит никто, кроме героини романа.

Воланд многолик, как и подобает дьяволу, и в разговорах с разными людьми надевает разные маски, дает совсем несхожие ответы о целях своей миссии. Между тем, все приведенные версии служат лишь для маскировки истинного намерения - извлечения из Москвы гениального Мастера и его возлюбленной, а также рукописи романа о Понтии Пилате.

Сам сеанс черной магии отчасти понадобился Воланду для того, чтобы Маргарита, прослышав о происшедшем в Театре Варьете, уже была бы подготовлена к встрече с его посланцем Азазелло. При этом всевидение сатаны у Воланда вполне сохраняется: он и его люди прекрасно осведомлены как о прошлой, так и о будущей жизни тех, с кем соприкасаются, знают и текст романа Мастера, буквально совпадающего с "евангелием Воланда", тем самым, что было рассказано незадачливым литераторам на Патриарших.

Неслучайно Азазелло при встрече с Маргаритой в Александровском саду цитирует ей фрагмент романа о Понтии Пилате, чем и побуждает, в конце концов, возлюбленную Мастера согласиться отправиться к могущественному "иностранцу" - Воланду. Поэтому удивление Воланда, когда после Великого бала у сатаны он "узнает" от Мастера тему его романа - всего лишь очередная маска. Действия Воланда и его свиты в Москве подчинены одной цели - встрече с извлекаемым из лечебницы творцом романа об Иешуа Га-Ноцри и Понтии Пилате и с его возлюбленной для определения их судьбы.

Гофман и Булгаков
Воланд - носитель судьбы
Булгаков сделал Сатану христианским моралистом?
Читайте продолжение>>>

« Назад

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Воланд, часть 6 ~

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7 8 9

Появление Воланда и его свиты на Патриарших прудах дано автором "Мастера и Маргариты" в традициях Эрнста Теодора Амадея Гофмана (1776 -1822), создателя философско-мистической фантастики, первого в этом жанре среди плеяды немецких романтиков, автора острых сатир на обывателей.

Воланд, Коровьев-Фагот и Бегемот буквально "соткались из воздуха". Здесь вспоминается фельетон "Столица в блокноте" (1923), где есть конкретное указание на литературный источник: "... Из воздуха соткался милиционер. Положительно, это было гофманское нечто". Сцена на Патриарших перекликается с романом Гофмана "Эликсиры сатаны" (1815-1816). В предисловии к нему действие разворачивается в аллее парка тогда, когда "алое, как жар солнце садится на гребне".

Автор приглашает читателя разделить с ним общество на каменной скамье под сенью платанов, где "с томлением неизъяснимым смотрели бы мы с тобой на синие причудливые громады гор". Повествование в "Эликсирах сатаны" ведется от лица издателя записок, составленных монахом-капуцином Медардом. Устами этого рассказчика Гофман размышляет: "Наши, как мы их обычно именуем, грезы и фантазии являются, быть может, лишь символическим откровением сущности таинственных нитей, которые тянутся через всю нашу жизнь и связывает воедино все ее проявления; и я подумал, что обречен на гибель тот, кто вообразит, будто познание это дает ему право насильственно разорвать тайные нити и схватиться с сумрачной силой, властвующей над нами".

Издатель напутствует читателя: "Ты весь преисполнился таинственного трепета, навеянного чудесами житий и легенд, здесь воплощенными; тебе уже мерещится, что все это и впрямь совершается у тебя на глазах, - и ты всему готов верить. В таком-то настроении ты стал бы читать повествование Медарда, и странные видения этого монаха ты едва ли счел бы тогда одной лишь бессвязной игрой разгоряченного воображения..."

В "Мастере и Маргарите" события начинаются "в час небывало жаркого заката", "когда солнце, раскалив Москву, в сухом тумане валилось куда-то за Садовое кольцо". Перед появлением Воланда и его свиты Берлиоза охватывает "томление неизъяснимое" - неосознанное предчувствие скорой гибели. В редакции 1929 г. Воланд говорил что "дочь ночи Мойра допряла свою нить" (Мойра - древнегреческая богиня судьбы), намекая, что "таинственная нить" судьбы председателя МАССОЛИТа вскоре прервется.

Берлиоз обречен на смерть, поскольку самонадеянно полагал, что его знания позволяют безоговорочно отрицать и Бога, и дьявола, и сами живые, не укладывающиеся в рамки теорий, основы жизни. Воланд предъявил ему "седьмое доказательство" от противного: литератора настиг рок в виде Аннушки-Чумы, нерасчетливо пролившей подсолнечное масло на рельсы, и девушки-вагоновожатой, не сумевшей поэтому затормозить.

Воланд - носитель судьбы, и здесь Булгаков находится в русле давней традиции русской литературы, связывавшей судьбу, рок, фатум не с Богом, а с дьяволом.

Наиболее ярко проявилось это у Лермонтова в повести "Фаталист" (1841) - составной части романа "Герой нашего времени". Там поручик Вулич спорит с Печориным, "может ли человек своевольно располагать своею жизнью, или каждому из нас заранее назначена роковая минута", и в доказательство стреляет в себя из пистолета, но происходит осечка. Печорин предсказывает Вуличу скорую смерть, и в ту же ночь узнает, что поручик был зарублен пьяным казаком, который до этого гнался за свиньей и разрубил ее надвое. Обезумевший убийца заперся в избе, и Печорин, решив испытать судьбу, врывается к нему. Пуля казака срывает эполет, но отважный офицер хватает убийцу за руки, и ворвавшиеся следом обезоруживают его. Однако Печорин фаталистом все равно не делается: "Я люблю сомневаться во всем: это расположение не мешает решительности характера; напротив, что до меня касается, то я всегда смелее иду вперед, когда не знаю, что меня ожидает".

Здесь как бы продолжена евангельская притча о бесах, что, выйдя из человека ("бесноватого"), вошло в стадо свиней. Стадо затем бросилось с обрыва и погибло (Лук., VIII, 26-39). Разрубив свинью, казак выпустил из нее беса, который вошел в него, сделал безумным (бесноватым) и толкнул на бессмысленное убийство. Именно бес требует себе душу фаталиста Вулича, когда на вопрос поручика: "Кого ты, братец, ищешь?", казак отвечает: "Тебя!" и убивает несчастного. Тем самым Лермонтов говорит нам, что рукой судьбы, несущей гибель человеку, управляет не Бог, а дьявол. Бог же дает свободу воли, дабы своими действиями, смелыми, решительными и расчетливыми, отвратить дьявольский рок, как это удается Печорину в финале "Фаталиста".

У Булгакова Воланд, как ранее инфернальный Рок в "Роковых яйцах", олицетворяет судьбу, карающую Берлиоза, Сокова и других, преступающих нормы христианской морали. **Это первый дьявол в мировой литературе, который наказывает за несоблюдение заповедей Христа.**

Ещё один прототип Воланда
Причина мирового зла
Бог сотворил слишком мало денег
Бог - должник дьявола
Читайте продолжение>>>

« Назад

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Воланд, часть 7 ~

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7 8 9

У Воланда есть еще один прототип - из современной Булгакову версии "Фауста". Написанное литератором и журналистом Эмилием Львовичем Миндлиным (1900-1980) "Начало романа "Возвращение доктора Фауста"" (продолжения так и не последовало) было опубликовано в 1923 г. в том же самом втором томе альманаха "Возрождение", что и повесть "Записки на манжетах" (экземпляр альманаха сохранился в архиве Булгакова).

В "Возвращении доктора Фауста" действие происходит в начале XX в., причем Фауст, во многом послуживший прототипом Мастера ранней редакции "Мастера и Маргариты", живет в Москве, откуда потом уезжает в Германию. Там он встречает Мефистофеля, на визитке которого курсивом черным по белому выведено: "Профессор Мефистофель".

Точно также у Воланда на визитной карточке значится "профессор Воланд". В редакции 1929 г. эта надпись цитируется латиницей, а в окончательном тексте не воспроизводится: литераторы на Патриарших видят ее на визитной карточке, но не запоминают. Портрет Воланда во многом повторяет портрет Мефистофеля из романа Миндлина: "Всего... замечательнее было в фигуре лицо ее, в лице же всего замечательнее - нос, ибо форму имел он точную до необычайности и среди носов распространенную не весьма. Форма эта была треугольником прямоугольным, гипотенузой вверх, причем угол прямой приходился над верхней губой, которая ни за что не совмещалась с нижней, но висела самостоятельно... У господина были до крайности тонкие ноги в черных (целых, без штопок) чулках, обутые в черные бархатные туфли, и такой же плащ на плечах. Фаусту показалось, что цвет глаз господина менялся беспрестанно".

В таком же оперном обличье Воланд предстает перед посетителями Нехорошей квартиры, и в его лице сохранены те же неправильности, что и у миндлиновского Мефистофеля, а также разный цвет глаз, присутствовавший еще у поручика Мышлаевского в романе "Белая гвардия": "Правый в зеленых искорках, как уральский самоцвет, а левый темный..."

Из воспоминаний первой жены Булгакова Т. Н. Лаппа известно, что прототипом Мышлаевского послужил друг юности писателя Николай Сынгаевский. Однако, скорее всего, глаза у прототипа были одного цвета, и Булгаков просто и Мышлаевскому, и Воланду дал разные глаза, традиционные для дьявола, чтобы подчеркнуть инфернальность обоих героев.

У Миндлина Мефистофель - это фамилия, а зовут профессора из Праги (такого же иностранца в Германии, как Воланд в России) Конрад-Христофор. В редакции 1929 г. Воланда звали Теодор, что отражалось и на его визитке. Интересно, что оба имени оказываются парадоксально связаны с Богом. Христофор значит в переводе с греческого "Христоносец", что у Миндлина имеет пародийное значение. В "Возвращении доктора Фауста" Мефистофель с Богом не связан и предлагает Фаусту участвовать в организации коллективного самоубийства человечества, для чего они должны вернуться в Россию. Возможно, под самоубийством подразумевалась первая мировая война. Нельзя исключить и намек на Октябрьскую революцию, и поэтому продолжение романа не увидело свет.

У Булгакова Воланда в ранних редакциях звали Теодор, что в переводе с древнегреческого значит "божий дар". Здесь это не только пародия, но и указание на связь Воланда с Иешуа Га-Ноцри, который решает судьбу Мастера и Маргариты, но выполнить это решение просит Воланда.

Подобная "взаимодополняемость" Бога и дьявола восходит, в частности, к "Путевым картинам" (1826-1831) - основному публицистическому произведению немецкого поэта, сатирика и романтика Генриха Гейне (1797-1856). Здесь аллегорически изображена борьба между партиями консерваторов и либералов в Великобритании как борьба Бога и дьявола. Гейне иронически замечает, что "господь бог сотворил слишком мало денег" - этим и объясняется существование мирового зла.

Воланд мнимым образом восполняет мнимый же недостаток в деньгах, одаривая толпу червонцами, превращающимися позднее в простые бумажки. В "Путевых картинах" Гейне рисует яркую картину того, как Бог занял при сотворении мира денег у дьявола под залог Вселенной. В результате Господь не препятствует своему кредитору "насаждать смуту и зло. Но черт, со своей стороны, опять-таки очень заинтересован в том, чтобы мир не совсем погиб, так как в этом случае он лишится залога, поэтому он остерегается перехватывать через край, а господь бог, который тоже не глуп и хорошо понимает, что в корысти черта заключается для него тайная гарантия, часто доходит до того, что передает ему господство над всем миром, т. е. поручает черту составить министерство". Тогда "Самиэль берет начало над адским воинством, Вельзевул становится канцлером, Вицлипуцли - государственным секретарем, старая бабушка получает колонии и т.д. Эти союзники начинают тогда хозяйничать по-своему, и так как, несмотря на злую волю в глубине сердец они, ради собственной выгоды, вынуждены стремиться к мировому благу, то они вознаграждают себя за это принуждение тем, что для благих целей применяют самые гнусные средства".

Великий канцлер ада
Зло необходимо!
Маркиз де Сад сообщает...
Умнее быть злодеем
Читайте продолжение>>>

« Назад

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Воланд, часть 8 ~

В ранней редакции "Мастера и Маргариты" упоминался канцлер нечистой силы, а в подготовительных материалах к роману остались выписанные из книги М. А. Орлова "История сношений человека с дьяволом" (1904) имена различных демонов и сатаны, в числе которых упоминаемые Гейне Самиэль, Вельзевул, а также "Аддрамалех - великий канцлер ада". Один из названных в "Путевых картинах" демонов - Вицлипуцли сохранился и в окончательном тексте романа, где он оказывается тесно связан с Коровьевым-Фаготом.

Гейне иронически обыгрывал то место из гетевского "Фауста", которое стало эпиграфом к "Мастеру и Маргарите": "... так кто ж ты, наконец? - Я - часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо". У автора "Путевых картин", наоборот, потусторонние силы вынуждены стремиться к благим целям, но применять для этого самые негодные средства.

Немецкий романтик смеялся над современными политиками, которые провозглашают стремление к мировому благу, но в повседневной своей деятельности выглядят весьма несимпатично.

У Булгакова Воланд, как и герой Гёте, желая зла, должен совершать благо. Чтобы заполучить к себе Мастера с его романом, он карает литератора-конъюнктурщика Берлиоза, предателя Барона Майгеля и множество мелких жуликов, вроде вора-буфетчика Сокова или хапуги-управдома Никанора Ивановича Босого. Однако стремление отдать автора романа о Понтии Пилате во власть потусторонних сил - лишь формальное зло, поскольку делается с благословления и даже по прямому поручению Иешуа Га-Ноцри, олицетворяющего силы добра.

Однако, как и у Гейне, добро и зло у Булгакова творится, в конечном счете, руками самого человека. Воланд и его свита только дают возможность проявиться тем порокам и добродетелям, которые заложены в людях. Например, жестокость толпы по отношению к Жоржу Бенгальскому в Театре Варьете сменяется милосердием, и первоначальное зло, когда несчастному конферансье захотели оторвать голову, становится необходимым условием для проявления добра - жалости к лишившемуся головы конферансье.

Диалектическое единство, взаимодополняемость добра и зла наиболее полно раскрывается в словах Воланда, обращенных к Левию Матвею, отказавшемуся пожелать здравия "духу зла и повелителю теней": "Ты произнес свои слова так, как будто ты не признаешь теней, а также и зла. Не будешь ли ты так добр подумать над вопросом: что бы делало твое добро, если бы не существовало зла, и как бы выглядела земля, если бы с нее исчезли тени? Ведь тени получаются от предметов и людей. Вот тень от моей шпаги. Но бывают тени от деревьев и от живых существ. Не хочешь ли ты ободрать весь земной шар, снеся с него прочь все деревья и все живое из-за твоей фантазии наслаждаться голым светом? Ты глуп".

Здесь, помимо "Путевых картин" Гейне, приходит в голову философский трактат французского писателя, лауреата Нобелевской премии, Анатоля Франса (Тибо) (1867-1923) "Сад Эпикура" (1894), где утверждается: "Зло необходимо. Если бы его не существовало, то не было бы и добра. Зло единственная причина существования добра. Без гибели не было бы смелости, без страдания - сострадания.

На что бы годились самопожертвование и самоотвержение при всеобщем счастье? Разве можно понять добродетель, не зная порока, любовь и красоту, не зная ненависти и безобразия. Только злу и страданию обязаны мы тем, что наша земля может быть обитаема, и жизнь стоит того, чтобы ее прожить. Поэтому не надо жаловаться на дьявола. Он создал по крайней мере половину вселенной. И эта половина так плотно сливается с другой, что если затронуть первую, то удар причинит равный вред и другой. С каждым искорененным пороком исчезает соответствующая ему добродетель".

Это место "Сада Эпикура", очевидно, написано не без влияния "Путевых картин". Однако оно имеет еще один значительно более экзотический источник, известный, по всей видимости Гейне, но уж точно неизвестный Булгакову - роман скандально знаменитого и весьма почитавшегося Анатолем Франсом маркиза Донасьена Альфонса Франсуа де Сада (1740-1814) "Новая Жюстина" (1797), где, вместе с Вольтером (Мари Франсуа Аруэ) (1694-1778), автор риторически вопрошал: "... Не имеют ли люди, обладающие более философским складом ума, права сказать, вслед за ангелом Иезрадом из "Задига"(повесть Вольтера "Задиг, или Судьба" (1748), что нет такого зла, которое не порождало бы добро, и что, исходя из этого, они могут творить зло, когда им заблагорассудится, поскольку оно в сущности не что иное, как один из способов делать добро? А не будет ли у них повод присовокупить к этому, что в общем смысле безразлично, добр или зол тот или иной человек, что если несчастья преследуют добродетель, а процветание повсюду сопровождает порок, поскольку все вещи равны в глазах природы, бесконечно умнее занять место среди злодеев, которые процветают, нежели среди людей добродетельных, которым уготовано поражение?"

Вольтер, на которого ссылался де Сад, все же ставил добро выше зла, хотя и признавал, что на свете злодеев куда больше, чем праведников: "Что же, - спросил Задиг, - значит необходимо, чтобы были преступления и бедствия, и чтобы они составляли удел добрых людей?" - "Преступные, - отвечал Иезрад, - всегда несчастны, и они существуют для испытания немногих праведников, рассеянных по земле. И нет такого зла, которое не порождало бы добра". - "А что, - сказал Задиг, - если бы совсем не было зла и было бы одно добро?" - "Тогда, - отвечал Иезрад, - этот мир был бы другим миром, связь событий определила бы другой премудрый порядок. Но этот другой, совершенный порядок возможен только там, где вечно пребывает верховное существо, к которому зло не смеет приблизиться. Это существо создало миллионы миров, из которых ни один не походит на другой. Это бесконечное разнообразие - один из атрибутов его неизмеримого могущества. Нет двух древесных листов на земле, двух светил в бесконечном пространстве неба, которые были бы одинаковы, и все, что ты видишь на маленьком атоме, на котором ты родился, должно находиться на своем месте и в свое время согласно непреложным законам всеобъемлющего. Люди думают, что это дитя упало в воду случайно, что так же случайно сгорел тот дом, но случая не существует, - все на этом свете есть либо испытание, либо наказание, либо награда, либо предвидение".

Вольтер, стилизовавший свое сочинение под "восточную повесть" из "персидской жизни", дуализм добра и зла воспринял от древнеперсидской религии - зороастризма, где бог света Ормузд или Ахурамазда, упоминаемый в повести, находится в постоянном сложном взаимодействии с богом тьмы Ариманом или Анграмайнью. Оба они олицетворяют два "вечных начала" природы. Ормузд не может отвечать за зло, которое порождается Ариманом и принципиально неустранимо в этом мире, а борьба между ними - источник жизни. Вольтер помещает праведников под покровительство верховного существа - создателя иного совершенного мира.

Де Сад же сделал добро и зло равноправными в природе. К доброму началу человека, как он доказывает в "Новой Жюстине" и других своих романах, можно склонить не благодаря его изначальной предрасположенности к добру, а лишь внушив отвращение к ужасам зла. Почти все герои, готовые творить зло ради достижения собственного удовольствия, в романах де Сада погибают.

Франс, подобно де Саду, из вольтеровской концепции исключил верховное существо, а добро и зло уравнял в их значении. Такое же равноправие добра и зла отстаивает Воланд у Булгакова, причем автор "Мастера и Маргариты", в отличие от Вольтера, не был жестким детерминистом, поэтому Воланд наказывает Берлиоза как раз за пренебрежение случайным.

Воланд - на побегушках у Га-Ноцри
Чудесное совпадение
Смерть и Суд
Некто в сером
Читайте завершение>>>

« Назад
Наверх »

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Воланд, часть 9 ~

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7 8 9

Воланд выполняет поручения Иешуа Га-Ноцри - таким оригинальным способом Булгаков осуществляет взаимодополняемость доброго и злого начала. Эта идея, по всей вероятности, была подсказана отрывком о йезидах из труда итальянского миссионера Маурицио Гардзони, сохранившимся среди материалов к пушкинскому "Путешествию в Арзрум" (1836). Там отмечалось, что "йезиды думают, что бог повелевает, но выполнение своих повелений поручает власти дьявола".

Иешуа через Левия Матвея просит Воланда взять с собою Мастера и Маргариту. С точки зрения Га-Ноцри и его единственного ученика, награда, дарованная Мастеру, несколько ущербна - "он не заслужил света, он заслужил покой". А с точки зрения Воланда, покой превосходит "голый свет", ибо оставляет возможность для творчества, в чем сатана и убеждает автора романа о Понтии Пилате: "...Зачем же гнаться по следам того, что уже окончено? (т. е. продолжать уже завершенный роман)… о трижды романтический мастер, неужто вы не хотите днем гулять со своею подругой под вишнями, которые начинают зацветать, а вечером слушать музыку Шуберта? Неужели ж вам не будет приятно писать при свечах гусиным пером? Неужели вы не хотите, подобно Фаусту, сидеть над ретортой в надежде, что вам удастся вылепить нового гомункула?"

Воланд, как и Иешуа, понимает, что "голым светом" способен наслаждаться лишь преданный, но догматичный Левий Матвей, а не гениальный Мастер. Именно Воланд с его скепсисом и сомнением, видящий мир во всех его противоречиях (каким видит его и истинный художник), лучше всего может обеспечить главному герою достойную награду.

Слова Воланда в Театре Варьете: "Горожане сильно изменились... внешне, я говорю, как и сам город, впрочем. О костюмах нечего уж и говорить, но появились эти... как их... трамваи, автомобили... Но меня, конечно, не столько интересуют автобусы, телефоны и прочая... аппаратура... сколько гораздо более важный вопрос: изменились ли эти горожане внутренне?" удивительно созвучны мысли одного из основателей немецкого экзистенциализма Мартина Хайдеггера (1889-1976), высказанной в работе "Исток художественного творения" (1935-1936): "Самолеты и радиоприемники, правда, принадлежат теперь к числу ближайших вещей, но когда мы думаем о последних вещах, мы вспоминаем иное. Последние вещи - это Смерть и Суд".

Однако, хотя соответствующие доклады были прочитаны философом в 1935-1936 гг., напечатана работа Хайдеггера была только после второй мировой войны. Правда, чисто теоретически, автор "Мастера и Маргариты" мог узнать об "Истоке художественного творения" опосредованно от кого-то из слушателей (он дружил с философом П. С. Поповым). Может быть, краткий реферат доклада появился в каком-либо из научных журналов (слова Воланда об аппаратуре были написаны только на последней стадии работы над романом, в конце 30-х годов). Однако, скорее всего, просто мысли писателя и философа чудесным образом совпали. Интересно, что и следующие рассуждения Хайдеггера, непосредственно следующие за словами о Смерти и Суде, находят параллель в деяниях Воланда: "Если брать в целом, то словом "вещь" именуют все, что только не есть вообще ничто. Тогда в соответствии с таким значением и художественное творчество есть вещь, коль скоро оно вообще есть нечто сущее".

У Булгакова Воланд в буквальном смысле возрождает сожженный роман Мастера. Продукт художественного творчества, сохраняющийся только в голове творца, материализуется вновь, превращается в осязаемую вещь.

В подготовительных материалах к "Мастеру и Маргарите" сохранилась выписка, посвященная графу Калиостро:

"Калиостро, 1743-1795, родился в Палермо. Граф Александр Иосиф Бальзамо Калиостро-Феникс". Первоначально, в варианте 1938 г., Калиостро был среди гостей на Великом балу у сатаны, однако из окончательного текста соответствующей главы Булгаков графа Феникса убрал, дабы прототип не дублировал Воланд. Ни один из литературных и реальных прототипов Воланда в "Мастере и Маргарите" не упоминается и не фигурирует в качестве действующего лица.

Воланд, в отличие от Иешуа Га-Ноцри, считает всех людей не добрыми, а злыми. Цель его миссии в Москве как раз и заключается в выявлении злого начала в человеке. Воланд и его свита провоцируют москвичей на неблаговидные поступки, убеждая в полной безнаказанности, а затем сами пародийно наказывают их.

Важным литературным прототипом Воланда послужил Некто в сером, именуемый Он из пьесы Леонида Андреева (1871-1919) "Жизнь человека" (1907). Отметим, что этот персонаж упоминался в хорошо известной автору "Мастера и Маргариты" книге С. Н. Булгакова "На пиру богов" (1918), а андреевская пьеса во многом дала идею Великого бала у сатаны.

В прологе "Жизни человека" Некто в сером, символизирующий Судьбу, Рок, а также "князя тьмы", говорит о Человеке: "Неудержимо влекомый временем, он непреложно пройдет все ступени человеческой жизни, от низа к верху, от верха к низу. Ограниченный зрением, он никогда не будет видеть следующей ступени, на которую уже поднимается нетвердая нога его; ограниченный знанием, он никогда не будет знать, что несет ему грядущий день, грядущий час - минута. И в слепом неведении своем, томимый предчувствиями, волнуемый надеждами и страхом, он покорно совершит круг железного предначертания". Воланд предсказывает гибель "ограниченному знанием" Берлиозу, терзаемому тревожными предчувствиями, и предоставляет "последний приют" "ограниченному зрением" Мастеру, которому не дано увидеть свет Божественного Откровения и встретиться с Иешуа Га-Ноцри.

« Назад

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Демонология, часть 2 ~

Страницы: 1 2 3 4 5

Эпизод с визитом Азазелло к профессору Кузьмину также имеет соответствие в "Истории сношений человека с дьяволом". М. А. Орлов приводит много примеров превращений дьявола, в том числе и случай, происшедший в XVI в. с одним профессором Вюртенбергской академии. К нему однажды кто-то громко постучал в дверь. "Слуга отворил и увидел перед собой человека в очень странном костюме. На вопрос, что ему нужно, посетитель отвечал, что желает говорить с профессором. Тот приказал его принять. Посетитель немедленно задал профессору несколько трудных богословских вопросов, на которые опытный ученый, заматеревший в диспутах, немедленно дал ответы. Тогда посетитель предложил вопросы еще более трудные, и ученый сказал ему: "Ты ставишь меня в большое затруднение, потому что мне теперь некогда, я занят. А вот тебе книга: в ней ты найдешь то, что тебе нужно". Но, когда посетитель взял книгу, ученый увидел, что у него вместо руки с пальцами - лапа с когтями, как у хищной птицы. Узнав по этой примете дьявола, ученый сказал ему: "Так это ты? Выслушай же, что было сказано о тебе". И, открыв Библию, ученый показал ему в книге Бытия слова: "Семя жены сотрет главу змия". Раздраженный дьявол в великом смущении и гневе исчез, но при этом произвел страшный грохот, разбил чернильницу и разлил чернила и оставил после себя гнусный смрад, который долго еще слышался в доме". Азазелло в "Мастере и Маргарите" производит на столе профессора большой переполох: превратившись в воробья, он гадит в чернильницу и разбивает стекло на фотографии, а потом принимает облик сестры милосердия с птичьей лапой и мужским голосом. Кузьмин, как и вюртенбергский профессор, сначала отказывается принять буфетчика Театра Варьете Сокова, отговариваясь занятостью, но козней дьявола в таинственном воробье и медсестре так и не опознает. Наказан же булгаковский профессор за вымогательство. Хотя больных у него в тот день "было немного", первоначально он готов был принять буфетчика только 19-го числа, т.е. через шестнадцать дней, и лишь слова о смертельной болезни заставляют его осмотреть Сокова. Кузьмин, взяв гонорар в три дьявольских червонца, превратившихся в этикетки "Абрау-Дюрсо", ничем не смог помочь больному. За мнимую помощь он и получает мнимые деньги.

Орлов описывал, как один итальянский юноша в XVI в. в окрестностях Рима "повстречал дьявола, который принял вид очень грязного и неопрятного человека, в старой рваной одежде, с растрепанными волосами и бородой и очень злым лицом". Таким, только без бороды, видит Маргарита Воланда перед началом Великого бала у сатаны: "Два глаза уперлись Маргарите в лицо. Правый с золотою искрою на дне, сверлящий любого до дна души, и левый - пустой и черный, вроде как узкое игольное ухо, как выход в бездонный колодец всякой тьмы и теней. Лицо Воланда было скошено на сторону, правый угол рта оттянут книзу, на высоком облысевшем лбу были прорезаны глубокие параллельные острым бровям мор шины... Воланд широко раскинулся на постели, был одет в одну ночную длинную рубашку, грязную и заплатанную на левом плече". От взгляда сатаны Маргарита "усилием воли постаралась сдержать дрожь в ногах", значит, он действительно испугал ее.

М. А. Орлов вполне позитивистски излагал развитие понятий о добре и зле: "В бесчисленном сонме существ, которые окружали человека в жизни, он сразу должен был отличить тех, которые были для него благодетельны, от тех, которые были зловредны. Так и наметилось первое понятие о добрых и злых духах, и как известно лишь небольшое число религий, которые не различали бы благих божеств от злых, богов от демонов. С наибольшею же полнотою и силою этот дуализм выразился в религии древних иранцев, которые изложили свое учение в знаменитой "Зенд-Авесте". Здесь мы видим яркое олицетворение и воплощение доброго начала в Ахура-Мазде (Ормузде) и злого - в Ангро-Маньюсе (Аримане). Таким-то путем злое начало, злой дух приобрел полные права гражданства в религиозных представлениях народных масс.

Каждый раз, когда народ меняет свою прародительскую религию на новую, наблюдается одно и то же неизменное явление: боги старой веры превращаются в демонов новой веры, и вместе с тем вся богослужебная обрядность старой веры становится чародейством и колдовством перед лицом новой веры. Так вышло с первобытною арийскою религией, изложенною в "Ведах". Древние индийские божества девы превратились в злых демонов (д а е в а) "Зенд-Авесты". Боги Древней Греции и Рима в глазах отцов христианской церкви превратились в демонов и злых духов.

Таким-то путем и наша Европа, к своему великому бедствию, унаследовала от древнего первобытного язычества с бесконечною грудою всяких суеверий и верование в нечистую силу. Новая вера, т. е. христианство, всеми мерами боролась с этими суевериями. Сущность этого враждебного столкновения между языческими и христианскими воззрениями на дьявола очень легко понять и уяснить себе. Язычник не только верит в существование злого духа, но и служит ему. Злой дух для него такое же божество, как и добрый дух. Притом с добрым божеством ему не представляется никакой надобности и хлопотать с особенным усердием. Он всегда и без того уверен в добром расположении к нему благодетельных божеств. Иное дело злые боги. Их надо расположить в свою пользу, иначе от них, кроме зла и вреда, ничего не жди. Поэтому культ злого духа в первобытном человечестве разработан был гораздо глубже, подробнее и основательнее, нежели культ благодетельных богов.

Отсюда и нарождение колдовства, как посреднической инстанции между человеком и миром богов.

Христианство же стало по отношению к злому духу совершенно на другую точку. Признавая формально его существование, не думая его отрицать, введя это положение в догмат, оно объявило злого духа "сатаною" (т. е. противником), врагом благого божества, как бы противоположением божества. Богу довлеет поклонение, сатане же лишь ужас. Отринуться от сатаны, значит, служить и угождать Богу. Всякая попытка обращения к сатане, как к высшему духу, является богоотступничеством.

И вот народ, все еще пропитанный духом своего древнего язычества, никак не мог или не хотел понять и принять это новое воззрение на дух мрака и зла: для него он все еще был бог, и он служил ему, угождал ему, в чаянии благодати. Вот в чем состояла суть того конфликта между народными воззрениями и христианством, носители и хранители которого и вели с этими старыми языческими воззрениями ожесточенную борьбу чуть не тысячу лет подряд".

Булгаков в Мастере и Маргарите воспринял дуализм древних религий, где добрые и злые божества являются равноправными объектами поклонения. Один из гонителей Мастера неслучайно назван Ариановым - носителем злого начала, по имени зороастрийского божества. Как раз в годы создания последнего булгаковского романа народ под давлением власти менял "свою прародительскую религию на новую", коммунистическую, и Иисуса Христа объявили лишь мифом, плодом воображения (за слепое следование этой официальной установке наказан Берлиоз на Патриарших).

О борьбе коммунистов с христианством, "добром дьяволе" и о демоне пустыни читайте продолжение>>>

« Назад
Наверх »

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Демонология, часть 3 ~

Страницы: 1 2 3 4 5

Носители коммунистических воззрений, по убеждению или конъюнктуре, вели с христианством многолетнюю борьбу, которую довелось наблюдать и Булгакову. В дневниковой записи 5 января 1925г. он передает свои впечатления от чтения подшивки журнала "Безбожник": "Соль в идее: ее можно доказать документально - Иисуса Христа изображают в виде негодяя и мошенника, именно его. Этому преступлению нет цены". Христа действительно изображали так, как в свое время христианство изображало языческих божеств, делая из них демонов и злых духов. В "Мастере и Маргарите" поэт Иван Бездомный, представивший в своей поэме Иисуса Христа весьма малосимпатичной личностью, пародийно подталкивается Воландом к опровержению постулата: "Отринуться сатаны значит служить и угождать Богу". После гибели Берлиоза Иван Николаевич вынужден поверить в дьявола, а через это убедиться и в реальности Иешуа Га-Ноцри.

Идею же "доброго дьявола" Булгаков взял из книги А. В. Амфитеатрова "Дьявол в быте, легенде и в литературе средних веков". Там отмечалось: "...Нельзя не заметить, что понятие и образ злого духа, отличного от добрых, определяется в библейском мифотворчестве не ранее пленения (речь идет о Вавилонском пленении евреев).

В Книге Иова Сатана еще является среди ангелов неба и отнюдь не рекомендуется заклятым противником Бога и разрушителем его создания. Это только дух-скептик, дух-маловер, будущий Мефистофель, близость которого к человеческому сомнению и протесту против фатума предсказывает впоследствии так многих поэтов и философов. Власть его - еще по доверенности от божества и, следовательно, одного с ним характера: она только служебность, истекающая из высшей воли. В бедствиях Иова он не более как орудие. Ответственность за необходимость непостижимых и внезапных страданий праведника божество, собственными устами, принимает на себя в знаменитой главе, которая даже нашего резонера Ломоносова сделала поэтом. Дьявол Книги Иова - скептик, дурно думающий о человеке и завидующий ему перед лицом Высшей Святости, но, в конце концов, он только слуга по такого рода комиссиям, к которым Высшая Святость не может, так сказать, непосредственно прикоснуться, ибо это унизило бы идею ее совершенства. Это - фактотум неба по злым делам.

Еще выразительнее выступает роль такого фактотума в знаменитом эпизоде Книги Царств о духе, принявшем от Бога поручение обманом своим погубить царя Ахава. Этот дух даже не носит еще клички злого, темного, дьявола и т. п. Он - ангел, как все, как тот страшный ангел, который в одну ночь совершает необходимые бесчисленные бойни: избиение первенцев египетских, истребление Сен-хакеримовых полчищ и пр."

У Булгакова Воланд тоже выполняет поручение, даже, скорее, просьбу, Иешуа забрать к себе Мастера и Маргариту. Сатана в булгаковском романе - слуга Га-Ноцри "по такого рода комиссиям, к которым Высшая Святость не может... непосредственно прикоснуться". Недаром Воланд замечает Левию Матвею: "Мне ничего не трудно сделать". Высокий этический идеал Иешуа можно сохранить только в надмирности, а в земной жизни гениального Мастера от гибели могут спасти только сатана и его свита, этим идеалом в своих действиях не связанные. Человек творческий, каким является Мастер (подобно гетевскому Фаусту), всегда принадлежит не только Богу, но и дьяволу.

Амфитеатров особое внимание уделил апокрифической Книге Еноха, где "в ее древнейшей части впервые звучит идея близости дьявола с человеком, и вина его изображается как отступничество от божества в сторону человечества, измены небу для земли. Дьяволы Еноха - ангелы, павшие через любовь к дочерям человеческим и позволившие оковать себя путам материи и чувственности. Этот миф носит в себе глубокую идею - отсутствие в природе существ по самому происхождению злобно-демонических; такие существа, т.е. мысли и действия в образах, - плоды человеческой эволюции". В "Мастере и Маргарите" Воланд и подчиненные ему демоны существуют как отражение человеческих пороков, проявляющихся в контакте с Бегемотом, Коровьевым-Фаготом, Азазелло.

Последний, демон пустыни, происходит от "Азазела, демона безводных мест", как он был обозначен в булгаковских подготовительных материалах к роману. Об Азазеле пишет и Амфитеатров в "Дьяволе": "Евреи слишком долго жили кочевниками в жгучих пустынях, чтобы не вынести из них мифа о царящем в них злом духе Азазеле, - быть может, отголоске египетского Сэта, которому подчиненным египтяне считали Синайский полуостров. Пресловутый обычай выгонять в жертву этому Азазелю "козла искупления", нагруженного грехами Израиля, общеизвестен. Он держался в иудаизме едва ли не до падения иудейской государственной самостоятельности и, умирая, соприкоснулся с христианским символом-антитезою агнца, принявшего на себя грехи мира". Автор "Дьявола" добавляет, что апокрифическая книга "Берешитт раббан" "считает этого Азазела худшим из ангелов, пленившихся земными женщинами и чрез то сделавшихся демонами. Он научил женщин украшать себя драгоценностями и камнями, румяниться и белиться". У Булгакова Азазелло выполняет функцию демона-убийцы, функцию насилия, принимая на себя связанные с этим грехи. Он же дарит Маргарите волшебный косметический крем, превращающий ее в ведьму. И, наконец, именно Азазелло непосредственно извлекает Мастера из его арбатского подвальчика для полета в последний приют, причем Мастер - это московский аналог Иешуа, агнца, принявшего на себя грехи человечества.

Амфитеатров отмечал: "Противоречие между самым понятием "злого духа" с одной стороны и "добра" с другой, казалось, должно было бы помешать народу создать идею о добром черте, в контраст или в поправку к черту злому. Но не только народ, а и богословы не удержались от соблазна открыть двери этой примитивной идее". Один из таких добрых чертей в награду за службу в монастыре попросил "пеструю одежду с бубенчиками", и именно так в ранней редакции "Мастера и Маргариты" одет будущий Азазелло. Автор "Дьявола" цитирует немецкую лубочную историю о Фаусте, где тот "ведет с Мефистофелем длинный богословский разговор. Демон весьма обстоятельно и правдиво рассуждает о красоте, в которую облачен был на небе его повелитель Люцифер и которой лишился он за гордость свою, в падении мятежных ангелов; об искушениях людей дьяволами; об аде и его ужасных муках.

ФАУСТ. Если бы ты был не дьявол, но человек, что бы ты сделал, чтобы угодить Богу и быть любимым людьми?

МЕФИСТОФЕЛЬ, усмехаясь. Если бы я был человеком, тебе подобным, я преклонился бы пред Богом и молился бы ему до последнего моего издыхания, и делал бы все, что от меня зависит, чтобы не оскорбить Его и не вызвать Его негодование. Соблюдал бы Его учение и закон. Призывал бы, восхвалял бы, чтил бы только Его и, чрез то, заслужил бы, после смерти, вечное блаженство".

Столь же почтителен по отношению к Иешуа Га-Ноцри Воланд, позволяющий себе насмехаться только над ограниченным и недалеким от учеником Левием Матвеем. Амфитеатров упоминает и "чудесный малороссийский рассказ о чертяке, который, влюбившись в молоденькую девушку, попавшую в ведьмы не по собственной охоте, а по наследственности от матери, не только помогает этой бедняжке разведьмиться, но и продает себя в жертву за нее мстительным своим товарищам... Таким образом, народному черту оказывается доступной даже высшая ступень христианской любви и готовность положить душу свою за други своя. Мало того, бывают черти, которые добрыми своими качествами значительно превосходят людей и зрелище человеческой подлости и жестокости приводит их в искреннейшее негодование и ужас".

Родословная Маргариты
Любезный и милый черт
Астарот или Воланд?
"Пошлейший профессор"
Дьяволы-покаянники - читайте продолжение>>>

« Назад
Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций
Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы
Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи
Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта
Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Демонология, часть 4 ~

У Булгакова Маргарита становится ведьмой не по собственному желанию, а по зову крови, будучи прапраправнучкой одной из французских королев по имени Маргарита - Наваррской (1492-1549) или Валуа (1553-1615), которых молва связывала с нечистой силой. Кстати, в "Записной книжке" (1909) А. В. Амфитеатрова упоминаются "сочинения обеих Маргарит Валуа" - "подлинные памятники "любви", как понимало ее лучшее, самое избранное и образованное общество во Франции XV-XVII века", причем, по оценке автора, это "такая вонь, которой не то что в русских старинных памятниках литературы, но, пожалуй, даже и в изустных похабных сказках скоморошьих не встретишь. И притом, именно вонь грубая, беспримесная, без извинений и иллюзий. Вонь чувств и вонь языка". Может быть, в этом была одна из причин, почему Булгаков сделал французских королев любезными дьяволу. Воланд и его свита, подобно "добрым чертям" у Амфитеатрова, наказывают зло, карая Берлиоза, Поплавского, Степана Богдановича Лиходеева, Алоизия Могарыча и прочих, далеко не лучших представителей московского населения.

По мнению Амфитеатрова, "самый добропорядочный, милый и любезный из чертей, когда-либо вылезавший из ада на свет, конечно, Астарот" из рыцарской пародийной поэмы Луиджи Пульчи (1432-1484) "Большой Моргайте" (1482). Здесь добрый маг Маладжиджи, чтобы помочь Роланду и другим рыцарям-паладинам, вызывает дьявола Астарота, у которого "срывается с языка обмолвка, будто Бог-Сын не знает всего того, что ведомо Богу-Отцу". Маладжиджи озадачен и спрашивает, почему? Тогда дьявол поизносит новую, длинную-предлинную речь, в которой очень учено и вполне ортодоксально рассуждает о Троице, о сотворении мира, о падении ангелов. Маладжиджи замечает, что кара падших ангелов не очень-то согласуется с нескончаемой благостью Божьей. Это возражение приводит демона в бешеное негодование: "Неправда! Бог всегда был одинаково благ и справедлив ко всем своим тварям. Падшим не на кого жаловаться, кроме себя самих". Рыцарю же Ринальдо Астарот разъясняет "наиболее темные догматы веры", причем настаивает, что

Права лишь вера христиан.Закон их свят и справедливи крепко утвержден.

По прибытии в Ронсеваль Астарот прощается с рыцарями словами, вполне им оправданными:

Поверьте: в мире нет угла без благородства,Оно есть и в аду, средь нашего уродства.

Ринальдо сожалеет о разлуке с Астаротом, как будто теряет в нем брата родного. "Да, - говорит он, - есть в аду и благородство, и дружба, и деликатность!"

Вероятно, в связи с поэмой Пульчи в изложении Амфитеатрова Булгаков в подготовительных материалах к ранней редакции "Мастера и Маргариты" оставил имя Астарот как одно из возможных имен для будущего Воланда. Сатана в булгаковском романе к христианству относится уважительно, не борется с ним, а выполняет те функции, которые Иешуа и его ученику выполнять нельзя, почему и поручаются они потусторонним силам. По отношению к Мастеру и Маргарите Воланд и его свита ведут себя благородно и вполне галантно.

Булгаков учел и трактовку Амфитеатровым следующего места из гетевского "Фауста" (1808-1832): "Каков черт в роли проповедника морали в житейской мудрости, показал Мефистофель в "Фаусте" Гёте, дьявольски мороча студента, пришедшего к Фаусту за поучением и советом о выборе карьеры... Следуя дьявольским советам, студент - во второй части "Фауста" - обратился в такого пошлейшего 'приват-доцента", что самому черту стало совестно: какого вывел он "профессора по назначению". В "Мастере и Маргарите" поэт-богоборец Иван Бездомный из ученика ("студента") Берлиоза превращается в ученика Воланда и Мастера (чьим прототипом был Фауст). Следуя советам сатаны, он в финале действительно превращается в самоуверенного "пошлейшего профессора" Ивана Николаевича Понырева, неспособного повторить подвиг гениального Мастера.

Амфитеатров выделяет также "дьяволов-покаянников". Они - "довольно многочисленные в поэзии", "умевшие-таки найти спасение в милосердии Божием и возвращенные в рай, так сказать, на вторичную службу". К таким дьяволам он прежде всего отнес оплакавшего смерть Христа на Голгофе Аббадону из "Мессиады" (1751-1773) Фридриха Готлиба Клопштока (1724-1803). Эта поэма также послужила источником для создания образа булгаковского Абадонны, который, хотя и выступает беспристрастным демоном войны, но снимает свои темные очки, когда гибнет предатель барон Майгель, т.е. позволяет покарать зло.

В амфитеатровском "Дьяволе" перечислены определения сатаны, данные в Средние века: "сын печали, тайны, тени греха, страдания и ужаса". Булгаковский Левий Матвей называет Воланда "дух зла и повелитель теней", на что дьявол замечает, что "тени получаются от предметов и людей".

В заключение своей книги Амфитеатров утверждал: "Рост общественности есть рост нравственности; рост нравственности есть понижение страха внешней угрозы и повышение внутренней самоответственности. Вот почему из современных законодательств исчезает смертная казнь и многие жестокие кары, обыкновенные в прежнее время. И поэтому же исчезает и вера в дьявола-мучителя и в ад, полный осужденными грешниками, которым нет прощения. В средние века судьи, за самую ничтожную вину, угрожают смертью, а духовник адом, и оба имеют к тому основание, так как всякий другой довод был не убедителен в обществе буйном, грубом, невежественном и ничего не боявшемся, кроме смерти и загробной расплаты, воображаемой с чисто языческим материализмом. Повышение этического сознания параллельно погашает надобность и в смертной казни и в бесе. Царство страха сменяется царством разума. Правления деспотические сменяются правлениями либеральными. Впереди брезжит заря социалистического строя... Великому этическому деспоту, бесу, нечего делать в их условиях, и он исчезает, как король старого режима, бежавший от восставшего народа в бесповоротное и бесславное изгнание". Завершил же он свой труд словами итальянского исследователя Артуро Графа, чья книга о дьяволе послужила основой амфитеатровского труда: "Дело, начатое Христом восемнадцать веков назад (итальянец писал в конце XIX в. - Б. С.), закончила цивилизация. Она победила ад и навсегда искупила нас от дьявола".

Что страшнее: советские политические процессы или средневековые судилища над ведьмами? СССР - царство страха. "Говорящие галлюцинации". Читайте завершение>>>

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Демонология, часть 5 ~

Страницы: 1 2 3 4 5

А. В. Амфитеатров создавал своего "Дьявола" в 1911 г., еще до первой мировой войны и Октябрьской революции в России. Также до первой мировой войны была написана книга М. А. Орлова. Булгаков работал над "Мастером и Маргаритой" уже тогда, когда заря социализма над Россией взошла и стали очевидны все прелести нового строя, вплоть до политических процессов, напоминающих средневековые судилища над ведьмами (участники одного из таких процессов присутствуют на Великом балу у Сатаны.). О царстве истины и справедливости говорит Иешуа Га-Ноцри, однако Понтий Пилат прерывает его криком: "Оно никогда не настанет!"

Когда писался последний булгаковский роман, Советский Союз, как никакая другая страна прежде, представлял собой обновленное социализмом царство страха, и потому вполне уместным оказывается появление дьявола в Москве. Московские сцены "Мастера и Маргариты" происходят ровно через девятнадцать веков после казни Христа, и Булгаков совсем не так оптимистично, как А. В. Амфитеатров, А. Граф, М. А. Орлов или американец Чарльз Ли, на чью "Историю инквизиции" опирался автор "Истории сношений человека с дьяволом", смотрел на исчезновение социальных корней мистицизма. В письме правительству 28 марта 1930 г. писатель особо указал на "черные и мистические краски..., в которых изображены бесчисленные уродства нашего быта" в его сатирических повестях. Такие же краски присутствуют и в последнем булгаковском романе.

Важным источником Д. "Мастера и Маргариты" послужило не только исследование А. В. Амфитеатрова о дьяволе, но и его роман "Жар-цвет". Здесь уже присутствует описание московской психолечебницы, куда заключен сошедший с ума присяжный поверенный Петров. Больного мучает галлюцинация - любовница Анна, покончившая с собой из-за предстоящей женитьбы Петрова. Его приятель, Алексей Леонидович Дебрянский, заражается от Петрова сумасшествием, и после смерти Петрова призрак Анны преследует уже Дебрянского. Алексей Леонидович предугадывает смерть своего товарища, очнувшись от сна, хотя никто не мог ему о ней сообщить. У Булгакова проснувшийся Иван Бездомный чувствует, что Мастер и Маргарита уже умерли.

У Амфитеатрова подробно описывается история яда "аква тофана" и, в частности, отмечается, что яд этот обычно добавляли в суп. У Булгакова госпожа Тофана появилась на Великом балу у Сатаны благодаря статье об "аква тофана" в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона, однако детали с супом, имеющейся в "Мастере и Маргарите", в словарной статье не было. Скорее всего, знакомство с "Жар-цветом" побудило Булгакова искать дополнительные сведения об упомянутом там яде.

У Амфитеатрова есть второстепенные персонажи - дежурный по коридору в лечебнице Карпов и старый закрыстын Алоизий, которые, вероятно, дали свои имена курьеру Театра Варьете Карпову и Алоизию Могарычу.

Амфитеатров, как убежденный позитивист, считал, что все "мистические" явления поддаются строго научному объяснению за счет больного воображения, гипноза или психических заболеваний, порождающих галлюцинации. Последователь натурализма французского писателя Эмиля Золя (1840-1902), он многие произведения, вроде романа "Жар-цвет" и исследования о дьяволе, писал как антиоккультные, выражая в них свои взгляды по вопросам Д. в полном соответствии с натуралистической поэтикой. В "Жар-цвете" профессор-психиатр говорит Дебрянскому: "Звуковые галлюцинации - еще половина горя, а уж если пошли зрительные..." В "Мастере и Маргарите" "говорящей галлюцинацией" называет себя Бегемот. Однако, в соответствии с булгаковской поэтикой, присутствующее здесь рациональное объяснение (в виде гипноза и шизофрении) для сверхъестественных событий далеко не исчерпывает происходящего.

« Назад

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

⇦ :: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Египетская мумия"

"Египетская мумия" - фельетон, имеющий подзаголовок "Рассказ Члена Профсоюза".

Опубликован: Смехач, Л., 1924, №16. С некоторыми изменениями текста вошел в сборник: Булгаков М. А. Рассказы библиотеки "Смехач"(№15). Л., 1926.

В Е. м. за внешней канвой - разоблачением бдительным председателем месткома мошенников, демонстрирующих "говорящую мумию", будто бы привезенную из Египта 2500 лет тому назад, проступает сатира на самодовольного бюрократа и сочувствие девушке из "бывших", вынужденной зарабатывать на жизнь столь экстравагантно - исполнением роли мумии.

Председатель явно провокационно спрашивает: "А скажи, дорогая мумия, что ты делала до февральского переворота?". Подобное наверняка не раз приходилось выслушивать и самому Булгакову. Другие же вопросы и ответы на них в ироническом свете выставляли официальные штампы, вроде следующего: "А где теперь живет Карл Маркс? - Он живет в сердцах пролетариата".

Символичен и полет председателя с аттракциона "колесо смерти": "...Председатель оригинально вывихнул себе ногу и сломал одному гражданину палку красного дерева, со страшным криком ужаса. Причем он летел, и все падали на землю, так как наш председатель месткома человек с громадным весом. Одним словом, когда он упал, я думал, что придется выбирать нового председателя. Но председатель встал бодрый, как статуя свободы, и, наоборот, кашлял кровью тот гражданин с погибшей палкой".

Здесь в образе председателя зарождается Шариков, едва не погубивший обладателя точно такой же трости профессора Преображенского в "Собачьем сердце", и грозящий сократить подчиненную машинистку, не принявшую его домогательств.

Символично, что для советского бюрократа падение с "колеса смерти" проходит практически без последствий, страдают только мирные обыватели.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций
Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы
Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи
Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта
Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Бездомный Иван ~

Страницы: 1 2

Иван Бездомный (он же - Иван Николаевич Понырев) - персонаж романа "Мастер и Маргарита", поэт, становящийся в эпилоге профессором Института истории и философии.

Одним из прототипов И. Б. был поэт Александр Ильич Безыменский (1898-1973), чей псевдоним, ставший фамилией, спародирован в псевдониме Бездомный. В редакции "Мастера и Маргариты" 1929 г. упоминался памятник "знаменитому поэту Александру Ивановичу Житомирскому, отравившемуся в 1933-м году осетриной", причем памятник располагался напротив Дома Грибоедова. Учитывая, что Безыменский был родом из Житомира, намек здесь был еще прозрачнее, чем в окончательном тексте, где комсомольский поэт остался связан лишь с образом И. Б.

Безыменский выступал с резкими нападками на "Дни Турбиных", а его пьеса "Выстрел" (1929) пародировала это булгаковское произведение. "Выстрел" был высмеян в эпиграмме Владимира Маяковского (1893-1930), написанной в декабре 1929 г. или январе 1930 г., где о Безыменском было сказано достаточно резко: "Уберите от меня этого бородатого комсомольца!.." Ссора Безыменского и Маяковского спародирована в ссоре И. Б. с поэтом Александром Рюхиным (его прототипом послужил Маяковский).

Предсказание Воланда, что И. Б. окажется в сумасшедшем доме, восходит к роману английского писателя Чарльза Мэтьюрина (1782-1824) "Мельмот Скиталец" (1820). Там один из героев, некий Стентон, встречается с Мельмотом, продавшим душу дьяволу. Мельмот предсказывает, что их следующая встреча произойдет в стенах сумасшедшего дома ровно в двенадцать часов дня. В ранней редакции "Мастера и Маргариты" в психиатрической лечебнице профессора Стравинского перед И. Б. являлся не Мастер, а Воланд.

Стентон, самоуверенно полагавший, что ему нечего узнавать у посланца сатаны, действительно вскоре заключается своими близкими в сумасшедший дом, причем это вызвано "постоянными разговорами его о Мельмоте, безрассудной погоней за ним, странным поведением в театре и подробным описанием их необыкновенных встреч, которые делались с глубочайшей убежденностью". В лечебнице Стентон сначала буйствует, но потом решает, что "самым лучшим для него будет прикинуться покорным и спокойным в надежде, что с течением времени он либо умилостивит негодяев, в чьих руках он сейчас оказался, либо, убедив их в том, что он человек безобидный, добьется себе таких поблажек, которые в дальнейшем, может быть, облегчат ему побег". У героя Мэтьюрина в сумасшедшем доме "оказались два пренеприятных соседа", один из которых постоянно распевал оперные куплеты, а второй, прозванный "Буйной головой", все время повторял в бреду: "Руфь, сестра моя, не искушай меня этой телячьей головой (имеется в виду голова казненного во время Пуританской революции английского короля Карла I (1600-1649). Из нее струится кровь; молю тебя, брось ее на пол, не пристало женщине держать ее в руках, даже ежели братья пьют эту кровь". И однажды в полночь к Стентону в лечебницу является Мельмот.

Злоключения незадачливого героя Мэтьюрина у Булгакова в точности повторяет И. Б. Поэт гонится за Воландом; после рассказа о встрече с "иностранным профессором" на Патриарших, который будто бы беседовал с Понтием Пилатом, И. Б. принимают за сумасшедшего и заключают в клинику Стравинского. Там он приходит к той же линии поведения, что и Стентон в "Мельмоте Скитальце". Соседями И. Б. в лечебнице оказываются председатель жилтоварищества Никанор Иванович Босой, декламирующий во сне монолог пушкинского Скупого рыцаря, и конферансье Театра Варьете Жорж Бенгальский, бредящий о своей отрезанной во время сеанса черной магии голове.

В судьбе поэта Ивана Бездомного, превратившегося к финалу романа в профессора Института истории и философии Ивана Николаевича Понырева, Булгаков как бы дал ответ на предположение одного из видных мыслителей-евразийцев и гениального лингвиста князя Николая Сергеевича Трубецкого (1890-1938), который в 1925 г. в статье "Мы и другие", опубликованной в берлинском "Евразийском временнике", высказывал надежду, что "положительное значение большевизма может быть в том, что, сняв маску и показав всем сатану в его неприкрытом виде, он многих через уверенность в реальность сатаны привел к вере в Бога. Но, помимо этого, большевизм своим бессмысленным (вследствие неспособности к творчеству) ковырянием жизни глубоко перепахал русскую целину, вывернул на поверхность пласты, лежавшие внизу, а вниз - пласты, прежде лежавшие на поверхности. И, быть может, когда для созидания новой национальной культуры понадобятся новые люди, такие люди найдутся именно в тех слоях, которые большевизм случайно поднял на поверхность русской жизни. Во всяком случае, степень пригодности к делу созидания национальной культуры и связь с положительными духовными основами, заложенными в русском прошлом, послужат естественным признаком отбора новых людей. Те, созданные большевизмом новые люди, которые этим признаком не обладают, окажутся нежизнеспособными и, естественно, погибнут вместе с породившим их большевизмом, погибнут не от какой-нибудь интервенции, а от того, что природа не терпит не только пустоты, но и чистого разрушения и отрицания и требует созидания, творчества, а истинное, положительное творчество возможно только при утверждении начала национального и при ощущении религиозной связи человека и нации с Творцом Вселенной".

При встрече с Иваном, тогда еще Бездомным, Воланд призывает поэта сперва поверить в дьявола, рассчитывая, что тем самым И. Б. убедится в истинности истории Понтия Пилата и Иешуа Га-Ноцри, а затем поверит и в существование Спасителя. В полном соответствии с мыслями Н. С. Трубецкого поэт Бездомный обрел свою "малую родину", сделавшись профессором Поныревым (фамилия происходит от станции Поныри в Курской области), как бы приобщаясь тем самым к истокам национальной культуры. Однако нового И. Б. поразила бацилла всезнайства. Этот человек, поднятый революцией на поверхность общественной жизни, сначала - известный поэт, после - известный ученый. Он пополнил свои знания, перестав быть тем девственным юношей, который пытался задержать Воланда на Патриарших прудах.

Но в реальность дьявола, в подлинность истории Пилата и Иешуа И. Б. верил, пока сатана и его свита были в Москве и пока сам поэт общался с Мастером, чей завет И. Б. выполнил, отказавшись в эпилоге от поэтического творчества. Но подобным же образом Степан Богданович Лиходеев по рекомендации Воланда перестал пить портвейн и перешел на одну только водку, настоянную на смородиновых почках. Иван Николаевич Понырев убежден, что нет ни Бога, ни дьявола, а он сам в прошлом стал жертвой гипнотизера. Прежняя вера оживает у профессора только раз в год, в ночь весеннего полнолуния, когда он видит во сне казнь Иешуа, воспринимаемую как мировую катастрофу. Видит Иешуа и Пилата, мирно беседующих на широкой, заливаемой лунным светом дороге, видит и узнает Мастера и Маргариту. Сам же И. Б. к подлинному творчеству не способен, а истинный творец - Мастер - вынужден искать защиты у Воланда в последнем приюте.

Так проявился глубокий скептицизм Булгакова относительно возможности перерождения к лучшему тех, кто был привнесен в культуру и общественную жизнь Октябрьским переворотом 1917 г. Автор "Мастера и Маргариты" не видел в советской действительности таких людей, появление которых предсказывали и на которых надеялись князь Н. С. Трубецкой и другие евразийцы. Взращенные революцией, вышедшие из народа поэты-самородки, по мнению писателя, были слишком далеки от ощущения "религиозной связи человека и нации с Творцом Вселенной", и утопией оказалась идея, что они смогут стать творцами новой национальной культуры. "Прозревший" и превратившийся из Бездомного в Понырева Иван ощущает подобную связь лишь во сне.

Прототип Бездомного - Студент из "Фауста"
Почему Иван хотел сослать Канта на Соловки?
Смысл университетского обучения
Пошлость профессоров
Читайте завершение

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Китайская история"

"Китайская история" - рассказ, имеющий подзаголовок "6 картин вместо рассказа".

Опубликован: Петроградская правда, 1923 г., 6 мая. Иллюстрированное приложение. Вошел в сборник: Булгаков М., Дьяволиада, М.: Недра, 1925 г. (2-е изд. - 1926 г.).

К. и. описывает историю жизни и гибели китайца, вступившего в Красную Армию и героически погибшего за дело революции, о которой он сам, похоже, имел очень смутное понятие.

В годы первой мировой войны большое количество китайцев было завезено в европейскую часть России с Дальнего Востока и из Манчжурии для производства строительных работ в прифронтовой полосе и в тылу, так как из-за мобилизации ощущалась острая нехватка рабочих рук. После 1917 г. многие из них вступили в Красную Армию, где из китайцев и других иностранцев часто формировались интернациональные части.

Герой К. и. Сен-Зин-По живет только элементарными физиологическими потребностями и инстинктами, подтверждая тем самым мысль философа С. Н. Булгакова о народе, в революцию заботящемся только об удовлетворении физических потребностей и забывшем о духовном.

Наркотические галлюцинации Сен-Зин-По основаны на опыте Булгакова, описавшего позднее более подробно ощущения наркомана в рассказе "Морфий" (1927). Там видение героя К. и. ("Звон пробуждал смех в хрустале и выходил очень радостный Ленин в желтой кофте, с огромной и блестящей тугой косой, в шапочке с пуговкой на темени... Погремев в колокола, Ленин водил ходю на балкон - показывать Красную Армию") трансформировалось в бегущую, не касаясь земли, желтоволосую старушонку в кофте. Также совпадает "хрустальный эффект" - галлюцинации в К. и. и "Морфии" видятся словно через стекло или прозрачный хрусталь.

В. И. Ленин из наркотической галлюцинации китайца сродни "маленького роста кошмару в брюках в крупную клетку" из сна Алексея Турбина в "Белой гвардии", где он, несколько перефразируя, цитирует слова Карамзинова, одного из отрицательных персонажей романа "Бесы" (1871-1872) Федора Достоевского (1821-1881): "Святая Русь - страна деревянная, нищая и... опасная, а русскому человеку честь - только лишнее бремя".

В К. и. галлюцинация с Лениным иносказательно означает, что проповеди большевиков сродни духовному наркотику, что воспринимать их как благое явление, а не кошмар, могут под воздействием опиума только те, кто озабочен лишь удовлетворением элементарных материальных потребностей, без каких-либо признаков духовных интересов.

В финале рассказа Сен-Зин-По виртуозно расстреливает из пулемета наступающую белую цепь, причем люди для него - не более чем мишени на стрельбище. Китаец так и не понимает, почему на требование заплатить "красному виртуозу" премию юнкера закалывают его штыками. И перед смертью в сознании главного героя возникает прежняя "хрустальная" галлюцинация с колоколами. Здесь показан трагический результат гражданской войны, развязанной "очень радостным Лениным" - гибель людей.

Впоследствии образ не внушающего даже ненависти из-за своей душевной примитивности Сен-Зин-По превратился в пьесе "Зойкина квартира" (1926) в фигуру молодого китайского бандита Херувима, а из образа пожилого китайца, хозяина опиумного притона, развился в "Зойкиной квартире" образ хозяина прачечной (на деле -того же опиумного притона) Гандзолина.

И в рассказе, и в пьесе присутствует мотив любви китайца к русской девушке. Сен-Зин-По мечтает о Настьке, "красавице неописанной", а Херувим в финале пьесы убегает с прислугой Зойки Манюшкой.

В отличие от бессознательного, ради "спортивного интереса", убийцы Сен-Зин-По в К. и. Херувим убивает вполне осознанно, зарезав с целью грабежа ответственного советского работника Гуся (по аналогии с рождественским гусем), неосторожного посетителя Зойкиной квартиры.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций
Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы
Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи
Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта
Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н О П Р С Т У Ф Х Ц Ч Ш Щ Ы Э Ю Я :: А-Я ::

~ Лаппа ~

Лаппа Татьяна Николаевна (в первом браке Булгакова, в третьем браке Кисельгоф) (1892-1982) - первая жена Булгакова.

Оставила о нем устные воспоминания, записанные рядом исследователей булгаковского творчества.

Родилась 23 ноября (5 декабря) 1892 г. в Рязани в семье столбового дворянина действительного статского советника управляющего казенной палатой Николая Николаевича Лаппа.

В паспорте Л. проставила себе другую дату рождения, чтобы несколько "помолодеть" (это могло помочь в поисках работы) - 6 декабря 1896 г. (она не учла также, что в XIX в., в отличие от XX, разница между старым и новым стилем - юлианским и григорианским календарем - была не 13, а 12 дней). Подлинная дата рождения Л. устанавливается по церковной записи ее брака с Булгаковым.

Позднее семья Л. переехала в Саратов. С будущим писателем Л. познакомилась летом 1908 г., когда саратовская гимназистка приехала в Киев на каникулы к тетке Софье Николаевне Лаппа. С матерью Михаила, В. М. Булгаковой, тетка Л. вместе служила во Фребелевском институте - женском образовательном учреждении.

В 1911 г. Л. окончила гимназию и стала работать классной надзирательницей в ремесленном училище. В августе 1912 г. поступила в Киеве на историко-филологическое отделение Высших женских курсов (Фребелевского института).

26 апреля 1913 г. Л. с Булгаковым обвенчались. Еще до брака она была беременна и сделала аборт. После свадьбы Л. оставила учебу. Летом 1916 г. вместе с мужем поехала на фронт, где работала сестрой милосердия в госпиталях в Каменец-Подольском и Черновцах, а в сентябре переехала в село Никольское Сычевского уезда Смоленской губернии, где Булгаков служил земским врачом. В это время Л. сделала второй аборт, во многом из-за морфинизма мужа.

В сентябре 1917 г. переехала вместе с ним в Вязьму. В конце февраля 1918 г. вернулась с Булгаковым в Киев. Осенью 1919 г. Л. уехала к мужу во Владикавказ, где он служил военным врачом в Вооруженных силах Юга России. Летом 1921 г. вслед за Булгаковым едет в Тифлис и Батум, откуда в конце августа или начале сентября отбыла пароходом в Одессу, а затем в Киев и Москву, где в конце сентября воссоединилась с Булгаковым.

В апреле 1924 г. Л. развелась с ним. После развода устроилась на курсы машинисток, однако вынуждена была оставить это занятие из-за сильных головных болей, затем училась на курсах кройки и шитья. В 1927 г., чтобы получить профсоюзный билет, работала на стройке разнорабочей. Булгаков время от времени помогал бывшей жене материально. После получения профсоюзного билета Л. работала в регистратуре поликлиники.

В 1933 г. встретилась с братом бывшего друга Булгакова Ивана Павловича Крешкова Александром Павловичем, учившемся в Москве в мединституте, и в 1936 г. уехала с ним в г. Черемхово Иркутской области, где А. П. Крешков работал педиатром (их брак не был зарегистрирован).

В 1945 г. переехала с матерью в Харьков. В 1946 г. окончательно разошлась со вторым мужем, который вернулся с фронта с другой женщиной. Год снимала комнату в Москве, работала библиотекарем. Вышла замуж за бывшего друга Булгакова адвоката Давида Александровича Кисельгофа и в 1947 г. уехала вместе с ним в г. Туапсе, где и скончалась 10 апреля 1982 г.

Любовь Булгакова к Л. изобиловала драматическими моментами. Родители обоих были против этой связи. Так, на Рождество 1908 г. Л. не пустили в Киев, куда она обещала приехать, а отправили в Москву к бабушке. Друг Булгакова Александр Гдешинский (1893-1951) прислал телеграмму: "Телеграфируйте обманом приезд Миша стреляется". По воспоминаниям Л.: "Отец сложил телеграмму и отослал в письме сестре: "Передай телеграмму своей приятельнице Варе"...

Незадолго до свадьбы состоялся непростой разговор с В. М. Булгаковой, о котором Л. впоследствии вспоминала: "...Однажды я получаю записку от Варвары Михайловны: "Тася, зайдите, пожалуйста, ко мне". Ну, я пришла. Она говорит: "Тася, я хочу с вами поговорить. Вы собираетесь замуж за Михаила? Я вам не советую... Как вы собираетесь жить? Это совсем не просто - семейная жизнь. Ему надо учиться... Я вам не советую этого делать - и так далее" (в тот момент Л. уже была беременна).

Однако молодые решили пожениться, и родители смирились с этим. 30 марта 1913 г. В. М. Булгакова писала дочери Наде в Москву: "Давно собираюсь написать тебе, но не в силах в письме изложить тебе всю эпопею, которую я пережила в эту зиму: Миша совершенно измочалил меня... В результате я должна предоставить ему самому пережить все последствия своего безумного шага: 26 апреля предполагается его свадьба. Дела стоят так, что все равно они повенчались бы, только со скандалом и с разрывом с родными; так я решила устроить лучше все без скандала. Пошла к о. Александру Александровичу (Глаголеву, другу семьи Булгаковых, который и обвенчал позднее молодых) (можешь представить, как Миша с Тасей меня выпроваживали поскорее на этот визит!), поговорила с ним откровенно, и он сказал, что лучше, конечно, повенчать их, что "Бог устроит все к лучшему"... Если бы я могла надеяться на хороший результат этого брака; а то я, к сожалению, никаких данных с обеих сторон к каким бы то ни было надеждам не вижу, и это меня приводит в ужас. Александр Александрович искренне сочувствовал мне, и мне стало легче после разговора с ним... Потом Миша был у него; он, конечно, старался обратить Мишино внимание на всю серьезность этого шага (а Мише его слова как с гуся вода!), призывал Божье благословение на это дело..."

Интересно, что еще 20 августа 1912 г. Надя записала в своем дневнике о Булгакове и Л.: "Миша вернулся - en deux (в паре (франц.) с Тасей; она поступает на курсы в Киев. Как они оба подходят друг к другу по безалаберности натур! Любят они друг друга очень: вернее - не знаю про Тасю - но Миша ее очень любит..."

К этим последним словам сестра Булгакова 16 октября 1916 г. сделала следующее примечание: "Теперь я бы написала наоборот", пояснив в записи 1940 г.: "Мишин отъезд врачом в Никольское - Тася едет с ним". Из-за любви к Л. Булгаков в свое время забросил занятия и в 1912 г. вынужден был взять повтор курса в университете, однако после приезда возлюбленной экзамены благополучно сдал.

После развода Булгаков иногда навещал Л. Так, в 1930 г. после памятного разговора с И. В. Сталиным он, по воспоминаниям Л., изложил ей содержание беседы с диктатором: "Я просил, чтобы меня отпустили за границу. Но Сталин сказал: "Отпустить мы вас не можем, а что вы можете делать здесь?" Тогда я сказал: "Пусть меня возьмут работать во МХАТ".

Булгаков предположил, что теперь его дела пойдут лучше - и не ошибся, поскольку получил хотя бы гарантированный заработок. В отличие от версий разговора Булгаков - Сталин, излагаемых второй и третьей женами писателя - Л. Е. Белозерской и Е. С. Булгаковой, в изложении Л. не Булгаков отказался от предложения Сталина уехать за границу, а наоборот, Сталин не разрешил Булгакову эмигрировать.

Судя по всему, добрые чувства и даже любовь к Булгакову Л. сохранила до самого конца. Она вспоминала: "Крешков ревновал меня к Булгакову; порвал его рукописи, кричал - "Ты его до сих пор любишь!"... Однажды, когда я ездила к сестре, Крешков открыл стол и все, что было связано с Булгаковым уничтожил. Документы, фотографии... все".

По утверждению Л., в марте 1940 г. они со вторым мужем собирались приехать в Москву, но из-за плохой погоды перенесли поездку на апрель: "И вдруг мне Крешков газету показывает - Булгаков скончался. Приехала, пришла к Леле (сестре писателя Е. А. Булгаковой). Она мне все рассказала, и что он меня звал перед смертью... Конечно, я пришла бы. Страшно переживала тогда. На могилу сходила".

Очевидно, перед смертью Булгаков хотел попросить прощения у Л., которая провела с ним самые тяжелые годы его жизни. В смоленской глуши Л. не дала мужу погибнуть от морфинизма. Во Владикавказе в 1920 г. Л. выходила Булгакова от тифа, а в Москве провела вместе первый, самый голодный год.

Л. не имела каких-либо особых талантов или знакомств в литературно-театральных кругах, поэтому, как только Булгаков почувствовал себя писателем, он оставил ее, женившись на более интересной с точки зрения круга литературных знакомств Л. Е. Белозерской, хотя, как доказывают предсмертные слова, чувств своих к Л. не исчерпал даже через полтора десятилетия после разрыва.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Мастер и Маргарита", часть 2

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13

Автор М. и М., сам врач по образованию, уже чувствовал симптомы роковой болезни - нефросклероза, сгубившей его отца, А. И. Булгакова. Не случайно, на одной из страниц рукописи М. и М. была сделана драматическая заметка: "Дописать, прежде чем умереть!" Впоследствии Е. С. Булгакова вспоминала, что ещё летом 1932 года, когда они вновь встретились после того, как не виделись почти двадцать месяцев по требованию её мужа Е. А. Шиловского, Булгаков сказал: "Дай мне слово, что умирать я буду у тебя на руках".

Если представить, что это говорил человек не полных сорока лет, здоровый, с весёлыми голубыми глазами, сияющий от счастья, то, конечно, это выглядело очень странно. И я, смеясь, сказала: "Конечно, конечно, ты будешь умирать у меня на…" Он сказал: "Я говорю очень серьёзно, поклянись". И в результате я поклялась. И когда потом, начиная с 35-года, он стал почему-то напоминать мне эту клятву, меня это тревожило и волновало. Говорю ему: "Ну, пойдём, сходим в клинику, может быть, ты плохо себя чувствуешь?" Мы делали анализы, рентген, всё было очень хорошо. А когда наступил 39-ый год, он стал говорить: "Ну, вот пришёл мой последний год". И это он обычно говорил собравшимся. У меня был небольшой круг друзей, но очень хороший, очень интересный круг. Это были художники - Дмитриев Владимир Владимирович, Эрдман Борис Робертович, Вильямс Пётр Владимирович. Это был дирижёр Большого театра Мелик-Пашаев, Это был Яков Леонидович Леонтьев, замдиректора Большого театра. Все они с семьями, конечно, с жёнами. И моя сестра Ольга Сергеевна Бокшанская, секретарь Художественного театра, со своим мужем Калужским, несколько артистов Художественного театра: Конский, Яншин, Раевский, Пилявская. Это был небольшой кружок для такого человека, как Михаил Афанасьевич, но они у нас собирались почти каждый день. Мы сидели весело за нашим круглым столом, и у Михаила Афанасьевича появилась манера вдруг, среди самого веселья, говорить: "Да, вам хорошо, вы все будете жить, а я скоро умру". И он начинал говорить о своей предстоящей смерти. Причём говорил до того в комических, юмористических тонах, что первая хохотала я. А за мной и все, потому что удержаться нельзя. Он показывал это вовсе не как трагедию, а подчёркивал всё смешное, что может сопутствовать такому моменту. И все мы так привыкли к этим рассказам, что, если только попадался новый человек, он смотрел на нас с изумлением. А мы-то все уже думали, что это всего одна из тем смешных булгаковских рассказов, настолько он выглядел здоровым и полным жизни. Но он действительно заболел в 39-м году. И когда выяснилось, что он заболел нефросклерозом, то он это принял как нечто неизбежное. Как врач он знал ход болезни и предупреждал меня о нём. Он ни в чём не ошибался. Очень плохо было то, что врачи, лучшие врачи Москвы, которых я вызвала к нему, его совершенно не щадили. Обычно они ему говорили: "Ну что ж, Михаил Афанасьевич, вы врач, вы сами знаете, что это неизлечимо". Это жестоко, наверно, так нельзя говорить больному. Когда они уходили, мне приходилось много часов уговаривать его, чтобы он поверил мне, а не им. Заставить поверить в то, что он будет жить, что он переживёт эту страшную болезнь, пересилит её. Он начинал опять надеяться. Во время болезни он мне диктовал и исправлял "Мастера и Маргариту", вещь, которую он любил больше всех других своих вещей. Писал он ее двенадцать лет. И последние исправления, которые он мне диктовал, внесены в экземпляр, который находится в Ленинской библиотеке. По этим поправкам и дополнениям видно, что его ум и талант нисколько не ослабевали. Это были блестящие дополнения к тому, что было написано раньше.

Когда в конце болезни он уже почти потерял речь, у него выходили иногда только концы или начала слов. Был случай, когда я сидела около него, как всегда, на подушке, на полу, возле изголовья его кровати, он дал мне понять, что ему что-то нужно, что он чего-то хочет от меня. Я предлагала ему лекарство, питье - лимонный сок, но поняла ясно, что не в этом дело. Тогда я догадалась и спросила: "Твои вещи?" Он кивнул с таким видом, что и "да", и "нет". Я сказала: "Мастер и Маргарита"? Он, страшно обрадованный, сделал знак головой, что "да, это". И выдавил из себя два слова: "чтобы знали, чтобы знали".

По всей видимости, в 30-е годы Булгаков предчувствовал свою смерть и потому осознавал М. и М. как "последний закатный" роман, как завещание, как свое главное послание человечеству. Здесь, подобно булгаковским застольным разговорам о смерти, зафиксированным Е. С. Булгаковой, трагическая судьба Мастера, обреченного на скорое завершение своей земной жизни, мучительная смерть на кресте Иешуа Га-Ноцри выглядят не так тяжело и беспросветно для читателя в сочетании с по-настоящему искрометным юмором московских сцен, с гротескными образами Бегемота, Коровьева-Фагота, Азазелло и Геллы.

Но главным для автора М. и М. была заключенная в романе оригинальная синтетическая философская концепция и острая политическая сатира, скрытая от глаз цензуры и недоброжелательных читателей, но понятная людям, действительно близким Булгакову. Отношения с О. С. Бокшанской у него складывались далеко не просто, потому-то писатель выражал опасение, что она отнесется к М. и М. неодобрительно и не сможет понять главную мысль романа.

Булгаков не исключал, что политические намеки, содержавшиеся в М. и М., как и в повестях "Роковые яйца" и "Собачье сердце", принесут ему неприятности. По поводу "Роковых яиц" в булгаковском дневнике в записи в ночь на 28 декабря 1924 г. после чтения повести на "Никитинских субботниках" (собравшуюся там публику автор оценивал резко негативно) высказывалось опасение: "Боюсь, как бы не саданули меня за все эти подвиги "в места не столь отдаленные". Те же опасения иной раз появлялись у Булгакова по поводу М. и М., что и отразилось в иронической фразе в адрес свояченицы: "она не виновата".

**Булгаков, как и Гоголь, жег свой роман. Но по другим причинам.
Предсказания "ужасных последствий" для автора.
"Напечатать нельзя!"
Жанровая уникальность "Мастера и Маргариты". Доводы профессионалов.
Читайте далее>>>**

« Назад

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

"Мастер и Маргарита", часть 3

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13

Некоторые наиболее политически прозрачные места романа Булгаков уничтожил еще на ранних стадиях работы. 12 октября 1933 г. Е. С. Булгакова отметила, что после получения известия об аресте его друга драматурга Николая Робертовича Эрдмана (1900-1970) и пародиста Владимира Захаровича Масса (1896-1979) "за какие-то сатирические басни" "Миша нахмурился" и ночью "сжег часть своего романа". Однако и в последней редакции М. и М. осталось достаточно острых и опасных для автора мест. Первое чтение романа для близких друзей состоялось 27 апреля, 2 и 14 мая 1939 г. в три приема. Присутствовали драматург Алексей Михайлович Файко (1893-1978) с женой, завлит МХАТа Павел Александрович Марков (1897-1980) и его коллега Виталий Яковлевич Виленкин (1910/11 г. рождения), О. С. Бокшанская с мужем артистом Художественного театра Евгением Васильевичем Калужским (1896-1966), художник Петр Владимирович Вильямс (1902-1947) с женой, Е. С. Булгакова с сыном Женей (1921-1957).

Супруга писателя передает настроение слушателей в записи, сделанной по завершении чтений на следующий день, 15 мая 1939 г.: "Последние главы слушали почему-то закоченев. Все их испугало. Паша в коридоре меня испуганно уверял, что ни в коем случае подавать нельзя - ужасные последствия могут быть... Звонил и заходил Файко - говорит, что роман пленителен и тревожащ. Что хочет много спрашивать, говорить о нем". Такой опытный издательский работник, как бывший редактор альманаха "Недра" Н. С. Ангарский (Клестов) (1873-1941) был твердо убежден в нецензурности М. и М. Ангарский сразу определил: "А это напечатать нельзя".

Жанровая уникальность М. и М. не позволяет как-то однозначно определить булгаковский роман. Очень хорошо это подметил американский литературовед М. Крепе в своей книге "Булгаков и Пастернак как романисты: Анализ романов "Мастер и Маргарита" и "Доктор Живаго"" (1984): "Роман Булгакова для русской литературы, действительно, в высшей степени новаторский, а потому и нелегко дающийся в руки. Только критик приближается к нему со старой стандартной системой мер, как оказывается, что кое-что так, а кое-что совсем не так. Фантастика наталкивается на сугубый реализм, миф на скрупулезную историческую достоверность, теософия на демонизм, романтика на клоунаду". Если добавить еще, что действие ершалаимских сцен М. и М. - романа Мастера о Понтии Пилате происходит в течение одного дня, что удовлетворяет требованиям классицизма, то можно с уверенностью сказать, что в булгаковском романе соединились весьма органично едва ли не все существующие в мире жанры и литературные направления. Тем более, что достаточно распространены определения М. и М. как романа символистского, постсимволистского или неоромантического. Кроме того, его вполне можно назвать и постреалистическим романом. С модернистской и постмодернистской, авангардистской литературой М. и М. роднит то, что романную действительность, не исключая и современных московских глав, Булгаков строит почти исключительно на основе литературных источников, а инфернальная фантастика глубоко проникает в советский быт.

Видный русский мыслитель Михаил Михайлович Бахтин (1895-1975), впервые ознакомившись с текстом булгаковского романа осенью 1966 г., отозвался о нем в письме Е. С. Булгаковой 14 сентября 1966 г.: "Я сейчас весь под впечатлением от "Мастера и Маргариты". Это - огромное произведение исключительной художественной силы и глубины. Мне лично оно очень близко по своему духу".

Действительно, роман М. и М. во многом соответствовал признакам Менипповой сатиры (основатель жанра - древнегреческий поэт III в. до н. э. Менипп), столь близкой исследовательским интересам М. М. Бахтина. Булгаковский роман - мениппея постольку, поскольку он сочетает смешное и серьезное, философию и сатиру, пародию и волшебную инфернальную фантастику, а столь ценимая Бахтиным карнавализация действительности достигает своей кульминации в сеансе черной магии в Театре Варьете.

О хронологии московских и ершалаимских событий, о том, как Булгаков выбирал лучшее время для визита Воланда в Москву, о том, что Сатана явился в Страну Советов в период НЭПа, а также о том, что 1 мая - не что иное, как Вальпургиева ночь и шабаш ведьм, вы узнаете, если прочтете

продолжение>>>

« Назад

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

"Мастер и Маргарита", часть 4

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13

Хронология событий как в московской, так и в ершалаимской части М. и М. играет ключевую роль в идейном замысле и композиции. Однако в тексте романа прямо точное время действия нигде не названо. В редакции 1929-1930 гг. события в большинстве вариантов происходили в июне 1933 или 1934 г. (как и в повести "Роковые яйца", дистанция от времени работы над произведением взята в 4 года). В 1931 г. в сохранившихся набросках начало действия было отодвинуто в еще более отдаленное будущее - к 14 июня 1945 г. Но уже в редакции 1929 г. присутствовала и весенняя датировка московских сцен. Там Иван Бездомный захватил катафалк с телом Михаила Александровича Берлиоза, въехал на Крымский мост, слетел с него, раскинув руки, в воду, а следом за ним свалился катафалк с гробом, причем "ничего не осталось - даже пузырей - с ними покончил весенний дождь".

В самых ранних вариантах М. и М. и московские, и ершалаимские сцены были приурочены к одним и тем же июньским дням. Июньская датировка могла быть связана с христианским праздником Дня Вознесения Господня, отмечавшимся в 1929 г. 14 июня. Вероятно, поэтому визит буфетчика Театра Варьете к Воланду с требованием замены поддельных денег настоящими на следующий день после сеанса черной магии происходил в редакции 1929-1930 гг. 12 июня, а, следовательно, сатана со свитой и Мастером оставлял Москву как раз в ночь на 14 июня.

Однако месяц нисан, на который в Евангелиях приходятся события Страстной недели, распятия и Воскресения Иисуса Христа, в разные годы соответствовал марту или апрелю юлианского календаря (так называемого старого стиля), но никогда - июню. А приуроченность визита Воланда со свитой в Москву на Страстную неделю, несомненно, представлялась Булгакову соблазнительной возможностью. Между тем, в XX в. православные Страстная неделя и Пасха ни в одном году не могут приходиться на июнь. В последних главах Булгаков уже стал исправлять июньскую датировку на майскую, вернувшись к весенней приуроченности действия одного из вариантов 1929 г.

В окончательном тексте М. и М. нет точного указания, когда именно происходит встреча Воланда с литераторами на Патриарших прудах, но, оказывается, эту дату несложно вычислить.

Если исходить из предположения, что московские сцены М. и М., как и ершалаимские, происходят на православной Страстной неделе (православные - большинство верующих в Москве), то требуется определить, когда Страстная среда в XX в. приходится на май по григорианскому календарю (так называемому новому стилю), принятому в России с 14 февраля 1918 г. Именно в среду, в этот страшный майский вечер, Воланд и его свита прибыли в Москву. Только в 1918 и 1929 г. Страстная среда падала на 1 мая. Больше в XX в. такого символического совмещения не происходит.

1 мая - это официальный советский праздник, отмечавшийся шумными и многолюдными демонстрациями. Еще в 1918 г. философ и богослов С. Н. Булгаков в работе "На пиру богов" выражал возмущение столь кощунственным совпадением и высказывал сожаление, что интеллигенция прореагировала должным образом на отказ властей уважать чувства верующих только в тот злополучный год, а раньше и сама грешила равнодушием к вере.

1918 г. как время действия московской части М. и М. отпадает - в романе изображена явно не эпоха военного коммунизма, когда не было даже червонцев, которыми так щедро одаривают спутники Воланда публику в Театре Варьете. Визит сатаны и его свиты происходит в Москву эпохи нэпа, хотя эпоха эта уже на излете.

Очевидно, действие происходит в 1929г., когда Пасха приходилась на 5 мая (22 апреля по ст. ст.). 1929 г. был провозглашен И. В. Сталиным "годом великого перелома", призванного покончить с нэпом и обеспечить переход к сплошной коллективизации и индустриализации. Тогда же переломилась и судьба Булгакова: все его пьесы оказались под запретом. Если 1918 г. оказался годом гражданской войны и временем действия первого романа Булгакова "Белая гвардия", то другой год столь же рокового совпадения социалистического праздника и Страстной среды стал хронологическим стержнем "последнего закатного" булгаковского романа.

Горькая ирония: повествование начинается в день международной солидарности трудящихся. Люди в Москве разобщены еще сильнее, чем прежде. А спешащий на первомайское торжественное заседание председатель МАССОЛИТа Берлиоз давно уже думает только о собственном благополучии и следованию конъюнктуре, а не о свободном литературном творчестве. Ночь же на 1 мая - это знаменитая Вальпургиева ночь, великий шабаш ведьм на Брокене, восходящий еще к языческому древнегерманскому весеннему празднику плодородия. Прямо после Вальпургиевой ночи Воланд со свитой прибывает в Москву.

В М. и М. есть еще ряд доказательств приуроченности московских сцен к периоду со среды до субботы Страстной недели 1929 г. (последний полет Воланда, его товарищей и Мастера и Маргариты происходит в ночь на Пасху, с субботы 4-го на воскресенье 5-го мая). Одно из таких доказательств можно найти в истории Фриды. Здесь Булгаков в качестве источника использовал книгу швейцарского психолога и врача, одного из основоположников сексологии Августа Фореля "Половой вопрос" (1908). В булгаковском архиве сохранились выписки из этой книги, относящиеся к случаям швейцарки Фриды Келлер и силезской уроженки Кониецко. Фрида Келлер удавила своего незаконнорожденного ребенка, мальчика пяти лет. Кониецко же задушила новорожденного младенца носовым платком. Автор М. и М. в образе Фриды контаминировал Фриду Келлер и Кониецко, взяв за основу историю первой, но добавив важные детали из дела второй - носовой платок как орудие убийства и младенческий возраст погубленного ребенка. Фрида Келлер родила мальчика в мае 1899 г. Булгаков заставил свою Фриду задушить мальчика сразу после рождения, как это сделала Кониецко. Интересно, что Фрида Келлер убила своего ребенка тоже в мае, на католическую Пасху 1904 г., что, возможно, стало одним из поводов для автора М. и М. включить в роман ее историю. Слова Коровьева-Фагота о том, что вот уже тридцать лет камеристка кладет платок Фриде на стол, указывает на май 1929 г. как на время действия в московских сценах.

Приметы НЭПа в Москве и случайные анахронизмы
Как Булгаков подчеркнул автобиографичность романа
Московские сцены от ершалаимских отделяет 1900 лет
Иисус дожил до 37 лет
Читайте далее>>>

« Назад

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Мастер и Маргарита", часть 5

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13

Посещение Воландом Москвы именно в начале мая доказывается и тем, что Степан Богданович Лиходеев, увидев печать на двери Берлиоза, сразу думает о своем разговоре с председателем МАССОЛИТа, происходившем, "как помнится, двадцать четвертого апреля вечером". Разговор этот состоялся недавно, иначе Степа вряд ли бы мог помнить точную дату. Если принять первомайскую датировку начала событий в М. и М., то разговор с Берлиозом, который вспомнил испуганный исчезновением соседа и печатью на его двери Лиходеев, был недельной давности, и директор Театра Варьете не успел его позабыть.

В редакции 1937 г., на предложение поэта Ивана Бездомного отправить И. Канта годика на три в Соловки, Воланд ответствовал, что "водрузить его в Соловки невозможно, по той причине, что он уже сто двадцать пять лет находится в местах, гораздо более отдаленных от Патриарших прудов, чем Соловки". Кант скончался 12 февраля 1804 г., так что происходящее на Патриарших однозначно приурочено, принимая во внимание слова о майском вечере, к маю 1929 г. В окончательном тексте Булгаков заменил "сто двадцать пять лет" на "с лишком сто лет", чтобы избежать прямого указания на время действия, но косвенные указания на Страстную неделю 1929 г. сохранил.

Присутствуют в М. и М. и приметы конца эпохи нэпа. Извозчики на улицах еще соседствуют с автомобилями, еще функционируют писательские организации (РАПП, МАПП и т.д.), которые были распущены в 1932 г. и стали образцом для МАССОЛИТа, процветавшего в момент появления Воланда и его товарищей.

В то же время, в М. и М. есть и ряд анахронизмов по отношению к 1929 г., например, упоминание троллейбуса, увозящего дядю Берлиоза Поплавского к Киевскому вокзалу, прочь от Нехорошей квартиры. Троллейбусы появились в Москве только в 1934г., но вошли в М. и М. чисто механически вместе с эпизодом, написанным в середине 30-х годов.

Скрытая датировка действия содержится и в возрасте автобиографического героя - Мастера. Это - "человек примерно лет тридцати восьми", а именно столько Булгакову исполнилось 15 мая 1929 г., через неделю после сдачи в "Недра" главы из М. и М. и ровно через две недели после того, как Воланд и его компания очутились на Патриарших. Любопытно, что в 1937 и 1939 г., читая рукопись, а затем машинопись М. и М. близким друзьям, автор, как явствует из дневника Е. С. Булгаковой, вольно или невольно, приурочил окончание чтений к 15 мая - собственному дню рождения. Возможно, тем самым писатель стремился подчеркнуть не только автобиографичность, но и время действия московских сцен романа.

В редакции 1929 г., срок, прошедший с момента суда над Иешуа Га-Ноцри и его казни до появления в Москве Воланда со свитой и извлечения из лечебницы Мастера, был определен точно. Здесь Иешуа говорил Пилату, что "тысяча девятьсот лет пройдет, прежде чем выяснится, насколько они наврали, записывая за мной". Появление в Москве Воланда, рассказывающего свой вариант Евангелия, и Мастера, создающего роман о Понтии Пилате, совпадающий с рассказом сатаны, как раз и означает выяснение истины, открытой Иешуа, но искаженной переписчиками.

Если московские сцены датированы 1929 г., то срок в 1900 лет должен указывать, что ершалаимские сцены относятся к 29 г. В окончательном тексте М. и М. период между древней и современной частями указан менее точно, чтобы избежать прямого обозначения времени действия. Тут Воланд в финале говорит Мастеру и Маргарите, что Понтий Пилат несет свое наказание уже "около двух тысяч лет". И в последней редакции М. и М. сохранился ряд косвенных указаний на 29 г. как на дату ершалаимских сцен, а, следовательно, и на 1900-летний промежуток, отделяющий от них московские сцены.

Из чрезвычайно популярной во второй половине XIX и в начале XX в. книги французского историка религии Эрнста Ренана (1823-1892) "Жизнь Иисуса" (1863), выписки из которой сохранились в подготовительных материалах к М. и М., Булгаков знал, что казнь Иисуса была приурочена к иудейской Пасхе, отмечавшейся 14 нисана и падавшей на пятницу. Допрос Пилатом Иешуа и казнь в М. и М. происходят именно в этот день, гибель Иуды из Кириафа - в ночь на субботу, 15 нисана, встреча же Пилата с Левием Матвеем приходится на утро субботы. Кроме того, как вспоминает Левий Матвей, в среду, 12 нисана, Иешуа покинул его у огородника в Вифании, затем последовали арест Га-Ноцри и его допрос в Синедрионе, о чем лишь упоминается, чтобы сохранить классическое единство времени (в течение дня) основного действия. Таким образом, все события ершалаимских сцен, как и московских, укладываются в четыре дня Страстной недели, со среды до субботы.

Э. Ренан отмечал, что на пятницу 14 нисана приходилось в 29, 33 и 36 г., которые, следовательно, могли быть годами казни Иисуса. Французский историк склонялся к традиционному 33 г., считаясь с евангельскими показаниями о трехлетней проповеди Иисуса Христа и принимая, что ей непосредственно предшествовала проповедь Иоанна Крестителя, приходящаяся на 28 г. Ренан отвергал 36 г. как возможную дату казни Иисуса, поскольку в этом году еще до Пасхи главные действующие лица - римский прокуратор Понтии Пилат и иудейский первосвященник Иосиф Каифа лишились своих постов. Возраст же казненного историк оценивал в 37 лет.

У Булгакова Иешуа гораздо моложе, а его проповедническая деятельность продолжается короткое время. Данные обстоятельства, если связать их с евангельской датировкой проповеди Иоанна Крестителя 28 годом (согласно исследованиям историков), указывают на 29 г. как на наиболее вероятное время действия в ершалаимских сценах М. и М. Автор указывает, что Га-Ноцри - человек "лет двадцати семи".

Проповедовал он явно недолго, потому что, хотя его красноречие оценил сам Пилат, Иешуа успел увлечь за собой единственного ученика, а всезнающий, благодаря начальнику тайной стражи Афранию, прокуратор впервые услышал о Га-Ноцри только после его ареста. По ходу повествования Афраний упоминает, что он "пятнадцать лет на работе в Иудее" и "начал службу при Валерии Грате". Из книги немецкого религиеведа А. Мюллера "Понтий Пилат, пятый прокуратор Иудеи и судья Иисуса из Назарета"(1888) Булгаков выписал годы прокураторства как Понтия Пилата, так и Валерия Грата. Последний правил Иудеей с 15 по 25 г. Следовательно, если Афраний произносит свою речь в 29 г., то первым годом его службы действительно должен быть первый год прокураторства Валерия Грата - 15 г. н. э.

События московских глав в пародийном, сниженном виде повторяют события ершалаимских через промежуток ровно в 1900 лет. В финале М. и М. в Пасхальную ночь на воскресенье московское и ершалаимское время сливаются воедино. Это одновременно и 5 мая (22 апреля) 1929 г. и 16 нисана 29 г. (точнее, того года иудейского календаря, который приходится на этот год юлианского календаря) - день, когда должен воскреснуть Иешуа Га-Ноцри, и его видят только что прощенный Понтий Пилат, Мастер с Маргаритой и Воланд со своими помощниками.

О чем вы узнаете в продолжении?

О том, что "князь тьмы" объединяет всех и вся, о трёх мирах в "Мастере и Маргарите" и о пугающем сходстве персонажей из московского, ершалаимского и вечного потустороннего миров.

« Назад
Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций
Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы
Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи
Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта
Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

"Мастер и Маргарита", часть 6

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13

Становится единым пространство московского и ершалаимского миров, причем происходит это в вечном потустороннем мире, где властвует "князь тьмы" Воланд. Ход современной жизни смыкается с романом Мастера о Понтии Пилате. Оба этих героя обретают жизнь в вечности, как это было предсказано Пилату - внутренним голосом, говорившим о бессмертии, а Мастеру - Воландом, после прочтения романа о прокураторе Иудеи. Роман о Пилате в сцене последнего полета стыкуется с "евангелием от Воланда", и сам Мастер, прощая прокуратора, в один и тот же миг завершает и собственное повествование, и рассказ сатаны.

Затравленный в земной жизни автор романа о Понтии Пилате обретает бессмертие в вечности. Временная дистанция в 19 столетий при этом как бы свертывается, дни недели и месяца в древнем Ершалаиме и современной Москве совпадают друг с другом. Такое совпадение действительно происходит во временном промежутке в 1900 лет, включающем в себя целое число 76-летних лунно-солнечных циклов древнегреческого астронома и математика Калиппа - наименьших периодов времени, содержащих равное число лет по юлианскому и иудейскому календарям. День христианской Пасхи становится днем воскресения Иешуа в высшей надмирности и Мастера в потустороннем мире Воланда.

Три основных мира М. и М. - древний ершалаимский, вечный потусторонний и современный московский не только связаны между собой (роль связки выполняет мир сатаны), но и обладают собственными шкалами времени. В потустороннем мире оно вечно и неизменно, как бесконечно длящаяся полночь на Великом балу у сатаны. В ершалаимском мире - время прошедшее, в московском мире - настоящее. Эти три мира имеют три соотносящихся между собой ряда основных персонажей, причем представители различных миров формируют триады, объединенные функциональным подобием и сходным взаимодействием с персонажами своего мира, а в ряде случаев - и портретным сходством.

Первая и наиболее значимая триада - это прокуратор Иудеи Понтий Пилат - "князь тьмы" Воланд - директор психиатрической клиники профессор Стравинский. В ершалаимских сценах события развиваются благодаря действиям Понтия Пилата. В московских сценах все происходит по воле Воланда, который безраздельно царит в потустороннем мире, проникающем в мир московский всюду, где нарушены моральные и нравственные устои. Стравинскому же в его клинике вынуждены беспрекословно подчиняться персонажи московского мира, ставшие жертвами Воланда и его свиты. Свои свиты есть также у Пилата и Стравинского. Пилат пытается спасти Иешуа, но терпит неудачу. Воланд спасает Мастера, но только в своем, потустороннем мире, тогда как Стравинский безуспешно пытался спасти автора романа о Понтии Пилате в мире московском. Власть каждого из трех по-своему ограничена. Пилат не способен помочь Иешуа из-за своего малодушия. Воланд лишь предсказывает будущее тем, с кем соприкасается, и пробуждает дьявольские наклонности у своих жертв. Стравинский же оказывается не в силах предотвратить земную гибель Мастера или вернуть полное душевное спокойствие Ивану Бездомному.

Между персонажами первой триады существует портретное сходство. Воланд - "по виду - лет сорока с лишним" и "выбрит гладко". Стравинский - "тщательно, по-актерски обритый человек лет сорока пяти". У сатаны есть традиционный отличительный признак - разные глаза: "правый глаз черный, левый почему-то зеленый", "правый с золотой искрой на дне, сверлящий любого до дна души, а левый - пустой и черный, вроде как узкое угольное ухо, как выход в бездонный колодец всякой тьмы и теней". Профессор же - человек с "очень пронзительными глазами". Внешнее сходство Стравинского с Пилатом отмечает при первой встрече с профессором Иван Бездомный, живо представляющий себе прокуратора Иудеи по рассказу Воланда. Бездомный обращает внимание и на то, что директор клиники, как и римский прокуратор, говорит на латыни.

Вторая триада: Афраний, первый помощник Понтия Пилата, - Коровьев-Фагот, первый помощник Воланда, - врач Федор Васильевич, первый помощник Стравинского. Связь между Афранием и Фаготом устанавливается на основе замечательного соответствия их имен. В статье "Фагот" Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона указывается, что изобретателем этого музыкального инструмента был итальянский монах Афранио. Между персонажами есть и внешнее сходство. У Афрания "маленькие глаза... под прикрытыми, немного странноватыми, как будто припухшими веками", в них "светилось незлобное лукавство", и вообще начальник тайной стражи "был наклонен к юмору". У Коровьева "глазки маленькие, иронические и полупьяные", и он действительно неистощимый шутник, своими шутками наказывающий тех, кто прогневил Воланда.

Афраний же по негласному приказу Пилата карает Иуду из Кириафа за предательство смертью. Сходны и отдельные эпизоды с участием Афрания и Коровьева. Так, Пилат, после того как намеками дал понять, что Иуду надо убить, вспоминает, что однажды Афраний одолжил ему денег одарить толпу нищих в Ершалаиме. Этот эпизод придуман прокуратором, чтобы представить переданное начальнику тайной стражи вознаграждение за будущее убийство возвращением старого долга. Коровьев-Фагот проливает дождь денег в Театре Варьете. Но червонцы, которыми он по воле Воланда одаривает публику, столь же мнимые, как и монеты, будто бы одолженные Афранием Пилату для ершалаимской черни, и превращаются в простые бумажки.

У врача Федора Васильевича, третьего члена триады, есть сходство как с Афранием, так и с Коровьевым. Афраний во время казни Иешуа и Федор Васильевич во время первого допроса Ивана Бездомного восседают на одинаковых высоких табуретках на длинных ножках. Коровьев носит пенсне и усы, врач Федор Васильевич - очки и усы с клиновидной бородкой.

Третья триада: кентурион Марк Крысобой, командир особой кентурии, - Азазелло, демон-убийца, - Арчибальд Арчибальдович, директор ресторана Дома Грибоедова. Все трое выполняют палаческие функции, последний, правда, только в воображении рассказчика М. и М., когда превращается из директора ресторана в капитана пиратского брига в Карибском море, вздергивающего на рее незадачливого швейцара. "Холодный и убежденный палач" Марк Крысобой имеет своим аналогом в современном мире юмористическую фигуру.

Члены данной триады обладают и портретным сходством. Марк Крысобой и Арчибальд Арчибальдович оба высокого роста и широкоплечи. Кентурион при своем первом появлении закрывает собой солнце, а директор ресторана Дома Грибоедова предстает перед читателями как видение в аду. У Марка Крысобоя и Арчибальда Арчибальдовича широкие кожаные пояса с оружием (у директора ресторана, правда, - только в воображаемом облике пирата). Как у Азазелло, так и у Крысобоя - изуродованное лицо и гнусавый голос. И у всех троих палачей М. и М. есть "смягчающие вину обстоятельства". Марка Крысобоя, по убеждению Иешуа, злым сделали те, кто изуродовал его, и Га-Ноцри не винит кентуриона в своей смерти. Азазелло убивает предателя Барона Майгеля в потустороннем мире, заранее зная, что через месяц тому все равно предстоит закончить свой земной путь. Арчибальд Арчибальдович же совершает только воображаемую казнь.

Julia Vishnevskaya

Четвертая триада - это животные, в большей или меньшей степени наделенные человеческими чертами: Банга, любимый пес Пилата, - кот Бегемот, любимый шут Воланда, - милицейский пес Тузбубен, современная копия собаки прокуратора. Банга, единственное существо, понимающее и сочувствующее Пилату, в московском мире вырождается пусть в знаменитую, но милицейскую собаку. Интересно, что имя Банга- это домашнее прозвище второй жены Булгакова Любови Евгеньевны Белозерской, образовавшееся путем эволюции различных уменьшительных имен: Люба - Любаня - Любан - Банга (все эти имена встречаются в письмах Булгакова к Л. Е. Белозерской и в мемуарах последней).

Пятая триада - единственная в М. и М., которую формируют персонажи-женщины: Низа, агент Афрания, - Гелла, агент и служанка Фагота-Коровьева - Наташа, служанка (домработница) Маргариты. Низа заманивает в ловушку Иуду из Кириафа, Гелла завлекает на гибельный для него Великий бал у сатаны Барона Майгеля и вместе с обратившимся в вампира администратором Варенухой едва не губит финдиректора Театра Варьете Римского. В Нехорошей квартире при Коровьеве-Фаготе она выполняет роль служанки-горничной, поражая своим экстравагантным видом (большой шрам на шее, а из одежды - только кокетливый кружевной фартучек и белая наколка на голове) "неудачливых визитеров". Гелла, по определению Воланда, "расторопна, понятлива, и нет такой услуги, которую она не сумела бы оказать. Те же качества присущи и Наташе, пожелавшей сопровождать свою госпожу даже на Великом балу у сатаны.

Далее вы узнаете:
Враги и ученики Иешуа и Мастера
Три предателя
Реальные прототипы бездарных поэтов Бездомного и Рюхина

« Назад
Наверх »

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

"Мастер и Маргарита", часть 7

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13

Герои М. и М., противостоящие Пилату и Воланду и стремящиеся погубить Иешуа Га-Ноцри и Мастера, образуют две триады. Шестую составляют: Иосиф Каифа, "исполняющий обязанности президента Синедриона первосвященник иудейский", - Михаил Александрович Берлиоз, председатель МАССОЛИТа и редактор "толстого" литературного журнала, - неизвестный в Торгсине, выдающий себя за иностранца.

В Ершалаиме Каифа делает все, что в его силах, для гибели Иешуа. Берлиоз, девятнадцать веков спустя, как бы вторично убивает Иисуса Христа, утверждая, что он никогда не существовал на свете. Председателя МАССОЛИТа Стравинский путает с известным французским композитором Гектором Берлиозом (1803-1869), делая жертву Воланда как бы "мнимым иностранцем". Такого же "мнимого иностранца" мы видим покупающим рыбу в Торгсине, причем даже внешне он очень похож на Берлиоза - "не композитора".

Председатель МАССОЛИТа одет "в летнюю серенькую пару, был маленького роста, упитан, свою приличную шляпу пирожком нес в руке, и на хорошо выбритом лице его помещались сверхъестественных размеров очки в черной роговой оправе". А вот портрет торгсиновского "иностранца": "низенький, совершенно квадратный человек, бритый до синевы, в новенькой шляпе, не измятой и без подтеков на ленте, в сиреневом пальто и лайковых перчатках".

И Каифе, и Берлиозу, и мнимому иностранцу в сиреневом пальто в М. и М. уготована злая судьба. Иудейскому первосвященнику Пилат предрекает грядущую гибель вместе с Ершалаимом от римских легионов и подбрасывает Каифе записку, компрометирующую его в связях с Иудой из Кириафа. Берлиоз гибнет под колесами трамвая по точному предсказанию Воланда, чтобы оказаться в потустороннем мире на Великом балу у сатаны. Псевдоиностранца в Торгсине ждет куда меньшее несчастье - он оказывается в бочке с селедкой, которую только что собирался купить, а на необыкновенное явление, в лице Коровьева-Фагота с Бегемотом, он реагирует одинаково с Берлиозом - попыткой вызвать милицию, причем на чистейшем русском языке.

Мнимый иностранец - такой же скользкий и лишенный человеческих черт, как та селедка, в одной бочке с которой он оказался. Берлиоза же Булгаков обрекает на гибель и тем самым дает хоть какое-то искупление, да и Каифу рисует не одними черными красками, поскольку председатель Синедриона - человек твердый, гордый и бесстрашный. В этой триаде достигается максимальное снижение персонажа современного мира по сравнению с древним.

Седьмую триаду также образуют враги Иешуа и Мастера: Иуда из Кириафа, служащий в меняльной лавке и шпион Иосифа Каифы, - Барон Майгель, служащий Зрелищной комиссии "в должности ознакомителя иностранцев с достопримечательностями столицы", - Алоизий Могарыч, журналист, осведомляющий публику о новинках литературы. Все трое - предатели. Иуда предает Иешуа, Могарыч - Мастера, а Майгель пытается, но не успевает предать Воланда вместе со всеми участниками Великого бала у сатаны, причем его переход во власть "князя тьмы" предопределен с самого начала.

Иуду и Майгеля за предательство настигает смерть. Могарыч же выброшен в одних подштанниках из Москвы Воландом, почти так же, как ранее Степа Лиходеев - в поезд, идущий в Вятку (еще один временной знак - в 1934 г. Вятку переименовали в Киров, но, хотя сцена с Могарычем писалась в конце 30-х годов, автор М. и М. оставил прежнее название, подчеркивая тем самым, что действие происходит до 1934 г.). Однако Алоизий благополучно возвращается и возобновляет свою деятельность, заменив Римского на посту финансового директора Театра Варьете. Современный мир сатана исправить не в силах, это могут попытаться сделать только сами люди, в которых Воланд лишь обнажает существующие пороки, роднящие их с миром потусторонних сил.

Последнюю, восьмую триаду в М. и М. формируют те, кто выступает в роли учеников Иешуа и Мастера, а ранее - Каифы и Берлиоза: Левий Матвей, будущий евангелист и бывший сборщик податей, ставший единственным последователем Га-Ноцри, - поэт Иван Бездомный, друг Берлиоза и член МАССОЛИТа, ставший единственным учеником Мастера, а позднее превратившийся в профессора Института истории и философии Ивана Николаевича Понырева, - поэт Александр Рюхин, член МАССОЛИТа и бывший друг Бездомного, неудачно пытающийся встать вровень с Александром Пушкиным (1799-1837) и отчаянно ему завидующий.

Левий Матвей, по словам Иешуа, неверно записывает за ним. В поэме Бездомного облик Иисуса сильно искажен, что и доказывается "евангелием от Воланда". Бездарные же вирши Рюхина, который пишет бодрые революционные стихи, но в революцию давно уже не верит, профанируют пушкинские традиции поэтического слова.

Одним из прототипов Рюхина послужил поэт Владимир Маяковский (1893-1930), а Бездомного - поэт Александр Безыменский (1898-1973), которые находились в ссоре и высмеивали друг друга в эпиграммах (к обоим Булгаков относился плохо из-за их критики "Дней Турбиных"). Ссора Бездомного с Рюхиным как раз и пародирует ссору Безыменского с Маяковским. Рюхину не удается освободиться от "учения", навязанного Берлиозом, и он впадает в запой. Бездомный же в эпилоге М. и М. больше не член МАССОЛИТа (к тому времени проходит несколько лет с момента визита Воланда в Москву, и, вероятно, Булгаков здесь намекает, что МАССОЛИТ, как и его прототип РАПП, уже распустили).

Однако профессор Иван Николаевич Понырев, навсегда оставивший служение поэзии, так и не избавился от бациллы всезнайства, подобно тому, как Левий Матвей и после гибели Иешуа сохраняет свою нетерпимость к другим и уверенность, что лишь он один способен правильно истолковать учение Га-Ноцри. Не веривший в Бога Иван Бездомный под влиянием испытаний, устроенных ему Воландом, уверовал в дьявола. Точно так же Левий Матвей во время казни на Лысой Горе отрекся от Бога и обратился к помощи сатаны. Бездомный причастен и к потустороннему миру - в мир Воланда он ежегодно переносится во сне в ночь весеннего полнолуния, вновь встречая там Мастера и Маргариту.

Подвиги Иешуа и Мастера
Уникальность Маргариты
Московская толпа убийц, палачей, отравителей и развратников
Дьявол приходит с Запада
Спешите заглянуть в продолжение!

« Назад

Наверх »

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Мастер и Маргарита", часть 8

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13

Два таких тесно связанных друг с другом персонажа М. и М. как Иешуа Га-Ноцри и Мастер образуют не триаду, а диаду. Мастер принадлежит как современному, так и потустороннему миру. Он появляется на Великом балу у сатаны в праздничную, вечно длящуюся полночь и сопровождает Воланда в последнем полете. Иешуа Га-Ноцри совершает жертвенный подвиг во имя истины и убеждения, что все люди добрые, ценой жизни заплатив за желание говорить правду и только правду. Мастер же совершает подвиг творческий, создав роман о Понтии Пилате, но сломлен гонениями и озабочен уже не художественной истиной, а поисками покоя. Таким образом, и здесь московский персонаж снижен по сравнению с ершалаимским.

Маргарита, в отличие от Мастера, занимает в М. и М. уникальное положение, не имея аналогов среди других персонажей романа. Тем самым Булгаков подчеркивает неповторимость любви героини к Мастеру и делает ее символом милосердия и вечной женственности.

Понятие вечной женственности занимает важное место в софиологии (учении о Софии, премудрости Божией), разработанной такими философами как В. С. Соловьев (1853-1900), С. Н. Булгаков и П. А. Флоренский. Любовь Маргариты становится высшей ценностью на свете.

Три мира М. и М. имеют также ряд параллельных эпизодов и описаний. Мраморная лестница, окруженная стенами роз, по которой спускаются Понтии Пилат со свитой и члены Синедриона после утверждения приговора Иешуа, повторена в такой же лестнице на Великом балу у сатаны: по ней спускаются зловещие гости Воланда. Толпа убийц, палачей, отравителей и развратников заставляет вспомнить ершалаимскую толпу, слушающую приговор и сопровождающую казнимых к Лысой Горе, а также московскую толпу у касс Театра Варьете.

Понтий Пилат и прочие, отправившие на смерть Иешуа Га-Ноцри, как бы сразу перешли под власть "князя тьмы" и их законное место - среди гостей дьявольского бала. Московская же толпа, рвущаяся на сеанс черной магии профессора Воланда, тоже отдала себя в руки "князя тьмы" и поплатилась за это "полным разоблачением": в самый неподходящий момент доверчивые зрительницы лишаются подаренных Коровьевым-Фаготом модных французских туалетов и предстают перед окружающими в неглиже.

Как и в Москве, в Ершалаиме нестерпимо печет солнце - признак близкого появления дьявола. Получается, сам сатана направлял Понтия Пилата, когда тот утверждал роковой приговор. Почти буквально совпадают описания ершалаимской и московской грозы. В Ершалаиме "тьма, пришедшая со Средиземного моря, накрыла ненавидимый прокуратором город. Исчезли висячие мосты, соединяющие храм со страшной Антониевой башней, опустилась с неба бездна и залила крылатых богов над гипподромом, Хасмонейский дворец с бойницами, базары, караван-сараи, переулки, пруды... Пропал Ершалаим - великий город, как будто не существовал на свете". В Москве же "эта тьма, пришедшая с запада, накрыла громадный город. Исчезли мосты, дворцы. Все пропало, как будто этого никогда не было на свете". В полном соответствии с географическими реалиями на оба города гроза в М. и М. обрушивается с Запада, однако в этом есть одновременно и точное следование демонологической традиции, согласно которой, запад - сторона света, связанная с дьяволом.

Московская и ершалаимская грозы олицетворяют ту роль сил зла, которая отражена в эпиграфе к М. и М. из "Фауста" (1808-1832) Иоганна Вольфганга Гёте (1749-1832): "...так кто ж ты, наконец? - Я - часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо". Гроза в Ершалаиме сокращает муки Иешуа Га-Ноцри: из-за нее Понтии Пилат приказывает снять оцепление и добить распятых. Однако казнить Иешуа побудил прокуратора сам дьявол, так что посланная Воландом по обращенному к нему призыву Левия Матвея туча только умеряет зло, творимое сатаной, приносит благо, только частично уменьшающее злодейство. Равным образом московская туча гасит начавшиеся в городе пожары, но эти пожары устроили Коровьев и Бегемот - спутники Воланда.

На крыльях тучи сатана и его свита покидают Москву, унося с собой в свой вечный мир, в последний приют Мастера и Маргариту. Там автор романа о Понтии Пилате вновь обретет возможность творить. Но те, кто лишили Мастера нормальной жизни в Москве, затравили, выгнали из жилища и вынудили искать пристанища у дьявола, действовали с благословения Воланда. Это становится ясным из слов "князя тьмы" в тот момент, когда он покидает Москву:

" - Ну что же, - обратился к нему Воланд с высоты своего коня, - все счета оплачены? Прощание совершилось?

- Да, совершилось, - ответил мастер и, успокоившись, поглядел в лицо Воланду прямо и смело.

Тут вдалеке за городом возникла темная точка и стала приближаться с невыносимой быстротой. Два-три мгновения, точка эта сверкнула, начала разрастаться. Явственно послышалось, что всхлипывает и ворчит воздух.

- Эге-ге, - сказал Коровьев, - это, по-видимому, нам хотят намекнуть, что мы излишне задержались здесь. А не разрешите ли мне, мессир, свистнуть еще раз?

- Нет, - ответил Воланд, - не разрешаю. - Он поднял голову, всмотрелся в разрастающуюся с волшебной быстротою точку и добавил: - У него мужественное лицо, он правильно делает свое дело, и вообще все кончено здесь. Нам пора!

И тогда над горами покатился, как трубный голос, страшный голос Воланда:

- Пора!! - и резкий свист и хохот Бегемота".

Далее:

Сталин - наместник дьявола
В "Мастере и Маргарите" ни у кого нет родственников
Первые христиане - люди, которым нечего терять
"Крови еще будет"
Гуманен только дьявол

« Назад

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Мастер и Маргарита", часть 9

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13

Воланд не позволяет Коровьеву свистом уничтожить посланный против них истребитель и приказывает своей свите покинуть Москву, поскольку уверен, что этот город и страна останутся в его власти, пока здесь господствует человек с мужественным лицом, который "правильно делает свое дело" . Этот человек - И. В. Сталин.

Столь прямой намек, что "великий вождь и учитель", глава Коммунистической партии и абсолютный, к тому же безжалостный диктатор пользуется благорасположением дьявола, особенно напугал слушателей последних глав М. и М. 15 мая 1939 г. (а ведь роман Булгаков собирался подать наверх, т. е. Сталину!).

Это место в не меньшей степени страшило и последующих издателей булгаковского романа. Хотя цитированный фрагмент содержался в последней машинописи М. и М. и не был отменен последующей правкой, он не попал в основной текст ни в одном из осуществленных до сих пор изданий.

Во всех трех главных мирах М. и М. можно заметить одну очень важную черту. Практически никто из основных персонажей не связан между собой узами родства, свойства или брака. Упоминается отец Иешуа, которого Га-Ноцри не помнит, муж Маргариты и жена Мастера, жены и мужья некоторых других, сугубо второстепенных действующих лиц, дядя Берлиоза и его сбежавшая в Харьков с балетмейстером жена, но все они - на далекой периферии действия.

В отличие от многих всемирно известных произведений, представляющих собой семейные хроники, вроде "Войны и мира" (1863-1869) Льва Толстого (1828-1910), "Будденброков" (1901) Томаса Манна (1875-1955) или "Саги о Форсайтах" (1906-1928) Джона Голсуорси (1867-1933), в М. и М. основой развития сюжета служат связи между героями, вытекающие в первую очередь из их положения в древнем, инфернальном и современном обществе.

В ершалаимском мире и Иешуа, и Пилат, и Каифа, и Иуда из Кириафа, и Афраний, и Левий Матвей даны вне каких-либо семейных или родственных отношений, хотя такие отношения в римском и иудейском обществе I в. н. э. играли исключительно большую роль. В то же время, Римская империя и Иудея были обществами чрезвычайно иерархичными, и вполне закономерно, что в ершалаимских сценах М. и М. отношения главных действующих лиц определяются их положением в местной иерархии, поставленном в связь с судьбой Иешуа Га-Ноцри.

Например, Понтию Пилату подчинены Афраний и Марк Крысобой, Афранию - его агенты Толмай и Низа, а так же безымянные убийцы Иуды из Кириафа, кентуриону Марку - легионеры его кентурии и палачи, осуществляющие казнь. Все они по приказу прокуратора Иудеи сначала казнят Иешуа и двух разбойников, а затем осуществляют убийство Иуды.

Сам же Иуда находится на службе у иудейского первосвященника Иосифа Каифы и по его заданию доносит на Иешуа. Другое дело, что при этом он обуреваем страстью к деньгам и Низе (деньги для него - средство купить ее любовь), однако возлюбленная Иуды выполняет поручение Афрания и сама предает предателя, завлекая в роковую ловушку.

Иосиф Каифа находится на самой вершине иудейской иерархии, но над ним есть и более высокая власть римского прокуратора. А над прокуратором Понтием Пилатом, самым могущественным римлянином в Иудее, есть верховная власть хитрого и беспощадного кесаря Тиверия (43 или 42 до н. э. - 37 н. э.). Потому-то и трусит прокуратор и, опасаясь доноса Каифы в Рим, поступает против своей совести, утверждая приговор невиновному и очень симпатичному ему лично человеку - Иешуа Га-Ноцри.

Левий Матвей в М. и М. по своему общественному положению двойственен: с одной стороны, он иудей и обязан беспрекословно подчиняться Синедриону и Каифе, с другой стороны, собирает подати для римлян, находится пусть на одной из низших ступенек, но римской иерархии и потому сравнительно независим от иерархии иудейской.

Сам Иешуа Га-Ноцри - человек, стоящий вне какой-либо иерархии, обыкновенный бродяга. Его учение как раз и противостоит всякой иерархии, выдвигает на первый план свойства человека как такового. Неслучайно первым и единственным при жизни основателя последователем этого учения становится Левий Матвей, чье положение в общественной иерархии достаточно неопределенно. Ему психологически легче выйти из старой иерархии и войти в состав новой общины, на первых порах иерархии лишенной и состоящей всего из двух членов - Иешуа и его самого.

Кстати сказать, первыми христианами на самом деле становились люди, подобные Иешуа и Матвею, и здесь автор М. и М. нисколько не погрешил против исторической истины. Отношения Иешуа Га-Ноцри и Левия Матвея, учителя и ученика, строятся на признании вторым морального авторитета первого и его проповеди без какого-либо принуждения.

Однако в фигуре Левия Матвея уже можно увидеть грядущую трансформацию учения, из которого в будущем возникла строго иерархичная христианская церковь. Первый и единственный ученик Иешуа уже воплощает в себе крайнюю нетерпимость и стремление жестко разделить всех людей на друзей и врагов - а ведь это основа и для новой иерархии по степени приверженности учению, по чистоте следования догматам веры. Новая религия вызовет не менее страшные войны, чем прежде, станет поводом для истребления иноверцев, и это предвидит Левий Матвей, когда говорит Понтию Пилату, обвиняющему его в жестокости, что "крови еще будет".

Здесь находит завершение важная для Булгакова тема "цены крови", волновавшая его в "Красной короне" и "Белой гвардии", "Днях Турбиных" и "Беге". Автор М. и М. приходит к убеждению, что ничья жертва не заставит людей прекратить проливать кровь себе подобных.

Вечная, раз и навсегда данная строгая иерархия царит и в потустороннем мире. Воланду подвластна вся его свита. Самый близкий к дьяволу по положению - Коровьев-Фагот, первый по рангу среди демонов, главный помощник сатаны. Фаготу подчиняются Азазелло и Гелла. Несколько особое положение занимает кот-оборотень Бегемот, любимый шут и своего рода наперсник "князя тьмы" (таким же образом в ершалаимском мире с Пилатом оказывается связан только его любимый пес Банга).

Современный московский мир - тоже мир иерархический. Четкая иерархия есть в возглавляемом Берлиозом МАССОЛИТе, в Театре Варьете, в клинике Стравинского. Только отношения двух, в честь кого назван роман, определяются не иерархией, а любовью. Мастер не принадлежит к могущественной иерархии литературного, окололитературного или надлитературного мира, и поэтому его гениальный роман не может увидеть света. В обществе, построенном на строгой партийной иерархии, Мастеру, совершенно не знакомому с политической конъюнктурой, в конце концов не остается места. Подобно Иешуа, он, хотя и бессознательный, но бунтарь против железных тисков иерархии, и потому обречен на гибель, как и мирный проповедник крамольной мысли, что "злых людей нет на свете".

Приоритет простых человеческих чувств над любыми социальными отношениями Булгаков утверждает самим романом, неслучайно названном М. и М. В мире, где роль и действия человека определяются его общественным положением, все-таки существуют добро, правда, любовь, творчество, но им приходится скрываться в мир потусторонний, искать защиты у самого дьявола - Воланда. Автор романа полагал, что общество истины и справедливости можно создать, только опираясь на эти ценности гуманизма.

Трехмирность по Флоренскому
Москва - только пародия на Ершалаим
Священное число три
Немного философии и психоанализа
Читайте продолжение>>>

« Назад
Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Мастер и Маргарита", часть 10

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13

Трехмирность М. и М. можно соотнести со взглядами известного русского религиозного философа, богослова и ученого-математика П. А. Флоренского. В булгаковском архиве сохранилась его книга "Мнимости в геометрии" (1922), на которой автор М. и М. сделал многочисленные пометы. Булгаков был также хорошо знаком с главным трудом П. А. Флоренского "Столп и утверждение истины" (1914), который имелся, в частности, в библиотеке друга писателя П. С. Попова.

В этом сочинении философ развивал мысль о том, что "троичность есть наиболее общая характеристика бытия", связывая ее с христианской Троицей. В "Мнимостях в геометрии" Флоренский особо выделил надмирную область Неба, где должны действовать законы мнимого пространства. Троичная структура М. и М. во многом выглядит отражением этих идей философа.

У Булгакова персонажи современного и потустороннего миров как бы пародируют, воспроизводя в сниженном виде, героев древнего, евангельского мира, превращающегося в финале М. и М. в надмирность, где прощенный Пилат, наконец, встречается с Иешуа, но куда не дано попасть Мастеру и Маргарите, обретающим свой последний приют вне света. Мнимое пространство у Булгакова - это и местопребывание сил тьмы, куда возвращается Воланд со своей свитой.

Флоренский в "Столпе и утверждении истины" отмечал, что "число три, в нашем разуме характеризующее безусловность Божества, свойственно всему тому, что обладает относительной самозаключенностью, - присуще заключенным в себе видам бытия. Положительно, число три являет себя всюду как какая-то основная категория жизни и мышления".

В качестве примеров он привел трехмерность пространства; три основные категории времени: прошедшее, настоящее и будущее; наличие трех грамматических лиц практически во всех языках; минимальный размер полной семьи в три человека: отец, мать, дитя; философский закон трех моментов диалектического развития: тезис, антитезис, синтез; а также наличие трех координат человеческой психики, выражающихся в каждой отдельной личности: разума, воли и чувства.

Сюда можно добавить широко известный в лингвистике факт, что никогда не заимствуются из других языков названия первых трех числительных: один, два и три, а также то неоспоримое обстоятельство, что в художественной литературе трилогий значительно больше, чем дилогий или тетралогий.

Флоренский доказал, что троичность как основную категорию бытия невозможно логически вывести ни из каких оснований и потому возводил ее к изначальному триединству Божественной Троицы. Элементы троичности присутствуют не только в христианстве, но и в подавляющем большинстве других религий народов мира.

Если же подходить к проблеме троичности с точки зрения науки, а не веры, то троичность бытия можно объяснить троичностью человеческого, которая, в свою очередь, скорее всего связана с установленной асимметрией функций полушарий головного мозга. Ведь число 3 - это простейшее выражение асимметрии в целых числах по формуле 3=2+1, тогда как простейшая формула симметрии 2=1+1.

Троичность мышления сводится к тому, что окружающую действительность человек воспринимает как трехсоставную. В связи с этим можно указать также, что подавляющее большинство исторических и историософских теорий, призванных объяснить явления действительности, не относящиеся непосредственного к мышлению одного человека, все равно несут в себе троичную структуру. Поэтому они вряд ли корректны, поскольку передают не особенности объясняемого, а особенности мышления, бессознательно присущие творцам этих теорий.

В качестве примера можно привести то, что в истории различных цивилизаций, как и в жизни человека, всегда выделяют молодость, зрелость и старость (или зарождение, расцвет и упадок). На самом деле данная периодизация не имеет отношения к существованию той или иной цивилизации, а только к способу его истолкования историком или философом.

Еще один пример - выделение Я, ОНО и Сверх-Я в психоанализе австрийского психиатра Зигмунда Фрейда (1856-1939). Получается, что для объяснения действительности адекватно самой действительности нам необходимо абстрагироваться от особенностей нашего мышления. В М. и М. художественное истолкование действительности по сознательной воле автора оформлено в троичную структуру, ставшую основой композиции романа. Однако религиозного содержания сама по себе она здесь не несет.

Многие свойства троичности, выявленные Флоренским, отразились в М. и М. Для Булгакова троичность тоже оказывается соответствующей Истине, на ней не только основана пространственно-временная структура М. и М., но и держится этическая концепция романа. В М. и М. есть четвертый, мнимый мир и соответствующий ему ряд персонажей. Этот мир, в полном согласии с мыслями Флоренского, не является структурообразующим и не имеет самостоятельного значения.

Мнимый мир в романе
На доносчиков всегда есть спрос
Путаница с котами
Аннушка - пособник сатаны
Стоит заглянуть в продолжение!

« Назад

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

"Мастер и Маргарита", часть 11

Мнимый мир романа - это новая ипостась в недрах современного московского мира, связанная пространственно с Театром Варьете и Нехорошей квартирой №50 в доме 302-бис по Садовой. Персонажи мнимого мира дополняют триады первых трех миров до тетрад: 1) Понтий Пилат - Воланд - Стравинский - финдиректор Варьете Римский; 2) Афраний - Коровьев-Фагот- врач Федор Васильевич - администратор Варьете Варенуха; 3) Марк Крысобой - Азазелло - Арчибальд Арчибальдович- директор Театра Варьете Степан Богданович Лиходеев; 4) Банга - Бегемот - Тузбубен - кот, задержанный неизвестным в Армавире в эпилоге М. и М.; 5) Низа - Гелла - Наташа - соседка Берлиоза и Лиходеева Аннушка-Чума, 6) Иосиф Каифа - Михаил Александрович Берлиоз - неизвестный в Торгсине, выдающий себя за иностранца - Жорж Бенгальский, конферансье Театра Варьете, 7) Иуда из Кириафа - Барон Майгель - Алоизий Могарыч - Тимофей Квасцов, жилец дома 302-бис по Садовой; 8) Левий Матвей - Иван Бездомный - Александр Рюхин - Никанор Иванович Босой, председатель жилтоварищества дома 302-бис по Садовой.

В мнимом мире, в полном соответствии с положениями, разработанными Флоренским в книге "Мнимости в геометрии", герои свершают мнимые действия с мнимыми же результатами. Кажется, что Римский направляет весь ход действия в Театре Варьете (формальный глава Театра Варьете Степа Лиходеев исчезает в самом начале событий). Он сообщает куда следует о таинственных обитателях Нехорошей квартиры и о подозрительном сеансе черной магии заезжего гастролера Воланда. Однако на самом деле власть Римского призрачна и на ход событий никак не влияет. Финдиректор не в силах предотвратить, например, исчезновение администратора Варенухи, так и не добравшегося с донесением до компетентных органов, или последствия злополучного сеанса.

Когда Понтий Пилат ожидает прихода начальника тайной стражи Афрания с донесением об убийстве Иуды из Кириафа, ему кажется, что "кто-то сидит в пустом кресле" в тот момент, когда "приближалась праздничная ночь" и "вечерние тени играли свою игру". Прокуратору привиделся образ его помощника, которого на самом деле в кресле не было. В такую же ночь, предшествовавшую празднику весеннего полнолуния - Великому балу у сатаны, Римский, как Пилат Афрания, с неизъяснимой тревогой ждет возвращения своего помощника Варенухи, который выполняет функции доносчика, как и Иуда из Кириафа.

Наконец, финдиректор замечает администратора Театра Варьете сидящим в кресле в его, Римского, кабинете. Но вскоре выясняется, что в кресле сидит не прежний Варенуха, а не отбрасывающий тени вампир - мнимое подобие администратора. В отличие от Афрания, успешно организовавшего убийство Иуды из Кириафа, Варенуха задание Римского провалил, так и не добравшись до нужного ему учреждения: вместо ОГПУ администратор попал в нужник, где его избили Азазелло и Бегемот, а Гелла превратила в вампира. Однако новоявленный вампир пытается заставить Римского поверить, будто все обстоит благополучно, рассказывая фантастические подробности визита в органы.

Армавирского кота принимают за спутника Воланда, волшебного кота Бегемота, умеющего ходить на двух ногах, платить за себя в трамвае и говорить человеческим голосом. Потому-то несчастное животное ведут в милицию со связанными передними лапами. Но задержанный кот оказывается самым обыкновенным, и в кота-оборотня превращается только в воображении схватившего его не вполне трезвого гражданина.

Отчество Степы Лиходеева - Богданович откровенно пародийно. Не Бог, а черт принес пьяницу и развратника директора на голову сотрудников Театра Варьете. Неслучайно Римский постоянно чертыхается в его адрес. Лицо Лиходеева порой выглядит столь же уродливо, как и лицо искалеченного на войне Марка Крысобоя, но это - мнимое уродство, следствие непроходящего похмелья, в котором пребывает Степан Богданович.

Лиходеев - директор Театра Варьете, а Арчибальд Арчибальдович - директор ресторана Дома Грибоедова. Но им впору поменяться местами. Артистический Арчибальд Арчибальдович был бы на месте в Театре Варьете, а пьяница и чревоугодник Степа Лиходеев вольготно чувствовал бы себя на посту директора ресторана (недаром в эпилоге он стал заведующим большого ростовского гастронома, тогда как Арчибальд Арчибальдович успел покинуть Дом Грибоедова за мгновение до рокового пожара). Степа Лиходеев - мнимый директор Театра Варьете, от которого там ничего не зависит, и в самом начале действия аналог Лиходеева в потустороннем мире Азазелло по приказу Воланда выбрасывает Степана Богдановича из Москвы в Ялту.

Подобно тому, как Низа завлекает в ловушку Иуду, способствуя его гибели, Аннушка разливает масло на трамвайные рельсы, невольно (или по внушению Воланда?) вызывая смерть Берлиоза. Она здесь - лишь мнимый, невольный пособник потусторонних сил, тогда как Низа действует по прямому поручению Афрания.

Конферансье Жорж Бенгальский, как и Михаил Александрович Берлиоз, лишился головы, но гибель его только кажущаяся, мнимая, род фокуса, ибо к концу сеанса черной магии голову конферансье возвращают на место. Впрочем, она Бенгальскому для работы и не нужна - настолько механически, заучены и глупы все его остроты.

Соседи считают, что на председателя жилтоварищества Никанора Ивановича Босого донес Тимофей Квасцов. Но на самом деле Квасцов - предатель мнимый, так как злую шутку с Босым сыграл Коровьев-Фагот, который лишь назвался Квасцовым. Наказанный нечистой силой Никанор Иванович уверовал сразу и в Бога, и в дьявола, подобно тому, как поэт Иван Бездомный сначала поверил в реальность Воланда, а затем - в историю Иешуа и Пилата. Подобно Бездомному, ставшему Поныревым, Босой раскаивается и отрекается от своего прошлого... но только во сне, и его сон как бы пародийно предвосхищает следующий непосредственно за ним в повествовании сон Бездомного, где расположившийся по соседству с председателем жилтоварищества в клинике Стравинского поэт видит казнь Иешуа. А вот вернувшийся к исполнению прежних обязанностей и оставшийся хапугой и грубияном Никанор Иванович из своего сновидения вынес только необъяснимую ненависть к артисту Куролесову, ненависть вполне мнимую, поскольку артист никогда в жизни управдома не встречал и ничего дурного ему не сделал.

Мнимый мир как бы создан действиями Воланда и его свиты в качестве особого отражения мира потустороннего. На самом деле и Театр Варьете, где людей одаривают воображаемыми деньгами и нарядами, и Нехорошая квартира, разрастающаяся до "черт знает каких размеров" во время Великого бала у сатаны, - это часть современного московского мира, воплотившиеся в зрительные образы человеческие пороки. Другие миры М. и М. отражаются в мнимом мире как в громадном, причудливом зеркале.

Так, имя и отчество Бездомного (Иван Николаевич) почти повторяется в перевернутом виде в имени и отчестве Босого (Никанор Иванович). Имя Бенгальского (Жорж) - французского происхождения, как и фамилия председателя МАССОЛИТа (Берлиоз). Конферансье - такой же "мнимый иностранец", как и два других члена соответствующей тетрады, причем мнимость имени здесь очевидна, потому что Жорж Бенгальский - это наверняка сценический псевдоним.

Ценность творческой личности
"Мастер и Маргарита" - роман-памятник Москве
Булгаков терпеть не мог столицы
Как Советская власть дни недели устраняла
Об этом и многом другом - далее>>>

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Мастер и Маргарита", часть 12

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13

П. А. Флоренский в "Столпе и утверждении истины" пришел к выводу: "Личность, сотворенная Богом, - значит святая и безусловно ценная своею внутренней сердцевиною, - личность имеет **свободную творческую волю**, раскрывающуюся как систему действий...". Такой единственной творческой личностью в ершалаимском мире М. и М. выступает Иешуа, а в московском - Мастер.

Флоренский утверждал, что "получает человек по мере того, как отдает себя; и, когда в любви всецело отдает себя, тогда получает себя же, но обновленным, утвержденным, углубленным в другом, т. е. удваивает свое бытие". Маргарита в М. и М. обретает посмертное бытие за свою любовь к Мастеру, Мастер - за свой творческий подвиг, выразившийся в создании гениального романа о Понтии Пилате, а Иешуа Га-Ноцри - единственный, кто заслуживает высшее, надмирное бытие, за свою безоговорочно жертвенную приверженность Истине.

В М. и М. отразился даже оптический принцип, сформулированный Флоренским. Он проявляется, когда перед Великим балом у сатаны Маргарита смотрит в хрустальный глобус Воланда. Она "наклонилась к глобусу и увидела, что квадратик земли расширился, многокрасочно расписался и превратился как бы в рельефную карту. А затем она увидела и ленточку реки и какое-то селение возле нее. Домик, который был размером с горошину, разросся и стал как бы спичечная коробка. Внезапно и беззвучно крыша этого дома взлетела наверх вместе с клубом черного дыма, а стенки рухнули, так что от двухэтажной коробочки ничего не осталось, кроме кучечки, от которой валил черный дым. Еще приблизив свой глаз, Маргарита разглядела маленькую женскую фигурку, лежащую на земле, а возле нее в луже крови разметавшего руки маленького ребенка". Здесь эффект изображения по Флоренскому усиливает тревожное состояние Маргариты, пораженной ужасами войны.

Сама трехмирная структура М. и М. может служить своеобразной иллюстрацией к оптическому явлению, разобранному и истолкованному Флоренским. Когда читатель знакомится с ожившим миром древней легенды, реальным до осязаемости, потусторонний и московский миры воспринимаются порой как полусуществующие (хотя при этом мир Воланда часто кажется реальнее современного мира). Угаданный Мастером Ершалаим во многом ощущается как действительность, а город, где живет он сам, нередко кажется призрачным.

М. и М. - роман сатирический, философский, а в ершалаимских сценах - еще и эпический. Вместе с тем, это роман городской, ставший грандиозным памятником Москве, многие здания и улицы которой в нашем сознании связываются теперь с М. и М. Парадокс заключается в том, что сам Булгаков так до конца жизни и не смог полюбить Москву, отдавая предпочтение родному Киеву.

Это зафиксировано, в частности, в дневниковой записи сестры Булгакова Надежды о встрече с братом 7 января 1940 г., уже во время его смертельной болезни: "Разговор о нелюбви к Москве: даже женские голоса не нравятся (московский контральто)". Может быть, поэтому московские пейзажи в романе нарисованы с некоторой иронией, а герои-москвичи - персонажи сатирические или юмористические.

Время действия московских сцен М. и М. непосредственно предшествуют одной важной календарной реформе в СССР. Как раз в мае 1929 г. традиционная семидневная неделя была заменена шестидневкой (пять дней рабочих, шестой - выходной), в связи с чем прежние названия дней были заменены казенно-канцелярскими терминами: "первый день шестидневки", "второй день шестидневки" и т. д. Возврат к прежней семидневной неделе и названиям ее дней произошел только в июне 1940 г. Таким образом, события московской части М. и М. происходят в одну из последних дореформенных недель.

Советская власть стремилась порвать с календарем, тесно связанным с христианской религией, Булгаков же своим романом как бы восстанавливал непрерывность культуры в таком важном измерении человеческого бытия как время.

В М. и М. отразилась и антирелигиозная кампания, развернутая в советских газетах на Страстную неделю 1929 г. Например, в "Вечерней Москве" 29 апреля была помещена статья М. Шеина "Маскарад. Классовый враг под флагом религии". В булгаковском романе упоминается похожая по названию статья "Враг под крылом редактора", направленная против романа Мастера о Понтии Пилате и принадлежащая перу критика Аримана, чья фамилия (или псевдоним) заставляет вспомнить носителя злого начала в зороастрийской религии.

В статье М. Шеина сообщалось, что осенью 1928 г. в Брянске "местный православный архиерей в качестве почетного гостя присутствовал на богослужении в еврейской синагоге в праздник "Судный день". В том же номере газеты в статье Э. Гарда "Зарисовки с натуры в бывшем божьем особняке" рассказывалось о том, как в здании церкви разместилась выставка Наркомздрава. Это вызвало недоумение у старушек, по привычке зашедших в храм, где "на стенах, вместо постных святых, - картины и музейные экспонаты на боевую тему: - Как быть всегда здоровым".

Всесоюзный съезд безбожников
Фантастика Гофмана и Булгакова
Происхождение афоризма "Рукописи не горят"
Мастер и Маргарита воскресли из пепла
Читайте завершение>>>

« Назад

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций
Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы
Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи
Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта
Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

"Мастер и Маргарита", часть 13

Страницы: 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13

В М. и М. Воланд и его свита, заняв Нехорошую квартиру, служат там "черную мессу", причем Азазелло говорит про Степана Богдановича Лиходеева, что "он такой же директор, как я архиерей!" Пришедший в квартиру буфетчик Театра Варьете Соков застает там как бы церковную атмосферу: свет из окон похож на тот, что бывает в церкви, стоит запах ладана, а стол покрыт церковной парчой. В редакции 1929 г. буфетчик после неудачного визита к Воланду отправлялся в храм, который оказался превращен в аукционную камеру по продаже музейных экспонатов, вроде шубы царя Александра III (1845-1894). При этом, как и в заметке Э. Гарда, "ни одного лика святого не было в храме. Вместо них, куда ни кинь взор, висели картины самого светского содержания".

Интересно, что 12 июня 1929 г., как сообщила на следующий день газета "Правда", в Москве докладами секретаря ЦКК видного антирелигиозного публициста Емельяна Ярославского (М. И. Губельмана) (1878-1943) и Н. И. Бухарина открылся Всесоюзный съезд безбожников. В первой редакции М. и М., датированной 1929 г., к 12 июня были приурочены все чудеса, которые последовали за сеансом черной магии в Театре Варьете. В окончательном тексте за ними в тот же день следовал Великий бал у сатаны. Можно предположить, что и в ранней редакции подобный бал или шабаш также непосредственно следовал за чудесами черной магии и приходился на 12 июня, пародируя съезд безбожников.

1 мая 1929 г., судя по газетным сообщениям, в Москве наблюдалось резкое потепление, необычное для этого времени года. В М. и М. Булгаков трансформировал это явление природы в небывало жаркий вечер первого дня, когда Воланд со свитой прибыли в Москву. Здесь писатель учитывал, что сатану традиционно связывали с адским пламенем, и поэтому его приближение вызывает сильную жару.

В письме Е. С. Булгаковой от 6-7 августа 1938 г. автор М. и М. сообщал: "Я случайно напал на статью о фантастике Гофмана. Я берегу ее для тебя, зная, что она поразит тебя так же, как и меня. Я прав в "Мастере и Маргарите"! Ты понимаешь, чего стоит это сознание - я прав!" Речь здесь шла о статье литературоведа и критика Израиля Владимировича Миримского (1908-1962) "Социальная фантастика Гофмана", опубликованной в №5 журнала "Литературная учеба" за 1938 г. (этот номер сохранился в булгаковском архиве). Писатель был поражен, насколько характеристика творчества Эрнста Теодора Амадея Гофмана (1776-1822) оказалась приложима к М. и М.

Друг Булгакова драматург Сергей Ермолинский (1900-1984) вспоминал, как писатель разыграл его со статьей Миримского: "Однажды он пришел ко мне и торжественно объявил:
- Написали! Понимаешь, написали!
И издали показал мне номер журнала, одна из статей которого в ряде мест была им густо подчеркнута красным и синим карандашом.
- "Широкая публика его охотно читала, но высшие критики относительно него хранили надменное молчание", - цитировал Булгаков и, перебрасываясь от одной выдержки к другой, продолжал: - "К его имени прикрепляются и получают хождение прозвания, вроде спирит, визионер и, наконец, просто сумасшедший... Но он обладал необыкновенно трезвым и практическим умом, предвидел кривотолки своих будущих критиков. На первый взгляд его творческая система кажется необычайно противоречивой, характер образов колеблется от чудовищного гротеска до нормы реалистического обобщения. У него черт разгуливает по улицам города..." - Тут Булгаков даже руки простер от восторга: - Вот это критик! Словно он читал мой роман! Ты не находишь? - И продолжал:
- "Он превращает искусство в боевую вышку, с которой, художник творит сатирическую расправу над всем уродливым в действительности..." Булгаков читал, незначительно изменяя текст..."

По заключению Ермолинского, в этой статье "содержались замечания, пронзительно задевшие" автора М. и М. В работе Миримского Булгакова привлекло также определение стиля немецкого романтика. Писатель отметил следующие слова: "Стиль Гофмана можно определить как реально-фантастический. Сочетание реального с фантастическим, вымышленного с действительным. .." Булгаков явно соотносил со своим Мастером утверждение Миримского: "...Если гений заключает мир с действительностью, то это приводит его в болото филистерства, "честного" чиновничьего образа мыслей; если же он не сдается действительности до конца, то кончает преждевременной смертью или безумием" (последний вариант реализуется в судьбе булгаковского героя).

Творец М. и М. подчеркнул и мысль о том, что "смех Гофмана отличается необыкновенной подвижностью своих форм, он колеблется от добродушного юмора сострадания до озлобленной разрушительной сатиры, от безобидного шаржа до цинически уродливого гротеска". В М. и М. черт выходит на улицы Москвы, а добродушный смех над достойной сострадания публикой на сеансе черной магии в Театре Варьете, где оторванная голова бездумного конферансье Жоржа Бенгальского в конце концов благополучно становится на место, сочетается с сатирическим обличением советского литературного цеха, голова руководителя которого, Михаила Александровича Берлиоза, бесследно исчезает после гибели председателя МАССОЛИТа на трамвайных рельсах.

Слова Воланда "Рукописи не горят" и воскресение из пепла "романа в романе" - повествования Мастера о Понтии Пилате - это иллюстрация широко известной латинской пословицы: "Verba volant, scripta manent". Интересно, что ее часто употреблял М. Е. Салтыков-Щедрин, один из любимых авторов Булгакова. В переводе она звучит так: "Слова улетают, написанное остается".

То, что имя сатаны в М. и М. практически совпадает со словом "volant", скорее всего неслучайно. То, что слова действительно улетают, свидетельствует шум, похожий на получающийся от взмахов птичьих крыльев. Он возникает во время шахматной партии Воланда и Бегемота после схоластической речи последнего о силлогизмах. Пустые слова на самом деле не оставили после себя следа и нужны были Бегемоту только затем, чтобы отвлечь внимание присутствующих от жульнической комбинации со своим королем.

Роману же Мастера с помощью Воланда суждена долгая жизнь. Сам Булгаков, уничтоживший первую редакцию М. и М., убедился, что раз написанное уже невозможно изгнать из памяти, и в результате оставил после смерти в наследство потомкам рукопись великого произведения.

« Назад
Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Мейринк Густав ~

Страницы: 1 2

Мейринк (МАЙРИНК) Густав (1868-1932) - австрийский писатель, один из основоположников мистического реализма ("магический реализм", "черная фантастика", "черная романтика"). Оказал влияние на творчество Булгакова, особенно на роман "Мастер и Маргарита".

М. родился 19 января 1868 г. в столице Австрии Вене. Он был незаконнорожденным сыном австрийского государственного министра и театральной актрисы. Учился в гимназиях Мюнхена, Гамбурга и Праги. В 1888 г. М. окончил пражскую Торговую Академию. После этого вместе с племянником поэта Кристиана Моргенштерна основал торговый банк "Мейер и Моргенштерн".

В 1892 г. женился на Ядвиге Марии Цертель, однако брак быстро распался (официальный развод последовал в 1905 г.). В 1892 г. пережил острый духовный кризис, который привел его к идее самоубийства. То, что за этим последовало, М. описал в посмертно опубликованном автобиографическом рассказе "Лоцман": когда он уже хотел совершить задуманное, ему в дверную щель просунули тонкую брошюру "Жизнь после смерти", что резко переменило намерения потенциального самоубийцы.

М. увлекся оккультизмом, участвовал в учреждении пражского отделения теософского общества "У голубой звезды", там же в Праге вошел в кружок мистиков, возглавлявшийся Вебером Алоизом Майлендером. В 1892 г. М. был обвинен в использовании спиритизма при проведении банковских операций и, прежде чем была доказана его невиновность, два с половиной месяца он провел в тюрьме. Несмотря на недоказанность вины, этот случай негативно сказался на деловой репутации М., и он вынужден был оставить банковское дело.

С начала 1900-х годов М. писал сатирические рассказы для журнала "Симплициссимус". В 1905 г. женился на Филомене Берндт. В Вене М. издавал сатирический журнал "Либер Аугустин". В 1906 г. у М. и Ф. Берндт рождается дочь Фелицитас Сибилла, в 1908 г. - сын Харро Фортунат. В Италии М. познакомился с эзотерической группой "Цепь Мириам" итальянца Чиро Формизано, писавшего под псевдонимом Джулиан Креммерц, был посвящен в ее герметико-тантрическое учение, отразившееся в его первом романе "Голем" (1915), имевшем большой успех и переведенном тогда же на многие языки, в том числе и на русский.

Здесь М. дал свою версию средневековой иудаистской легенды о человекоподобном существе Големе, созданном пражским раввином Лоэвом. Вариант той же легенды - гомункулус средневековых алхимиков Германии и других стран, фигурирующий в "Фаусте" (1808-1832) Иоганна Вольфганга Гёте (1749-1832).

В 1916 г. М. публикует второй роман "Зеленый лик" и сборник рассказов "Летучая мышь", также пользующийся популярностью. Однако третий роман, "Вальпургиева ночь" (1917), успеха не имел. Далее последовали романы "Белый доминиканец" (1921) и "Ангел западного окна" (1927).

В 1927 г. М. принимает буддизм и полностью посвящает себя медитации. Согласно легендам, с помощью хатха-йоги он лечил все заболевания, не прибегая к услугам медиков. Хатха-йоге посвящена брошюра М. "На границе с потусторонним". Летом 1932 г. сын М. в возрасте 24 лет покончил с собой. М. потрясло такое совпадение с его собственным намерением свести счеты с жизнью в том же возрасте, что подтверждало его идею мистической передачи архетипов поведения от поколения к поколению. Через полгода после смерти сына, 4 декабря 1932 г., М. скончался на своей вилле "Дом у последнего фонаря" на берегу Штарнбергского озера. Вдова пережила мужа на 30 лет. М. чувствовал приближение смерти и просил жену не волноваться и воспринимать грядущее лишь как переход бессмертного "Я" из одного состояния в другое.

Творчество М. хорошо знал друг Булгакова писатель Евгений Иванович Замятин (1884-1937). В статье "Новая русская проза" (1923) он отмечал: "На Западе сейчас десятки авторов - в фантастике философской, социальной, мистической: Гаральд Бергштедт, Огэ Маделенд, Коллеруп, Бреннер, Мейринк, Фаррер, Мак-Орлан, Бенуа, Рандольф, Шнуда, Бернард Шоу, даже Эптон Синклер... В этот же поток понемногу начинает вливаться и русская литература: роман "Аэлита" А. Толстого, роман "Хулио Хуренито" И. Эренбурга, роман "Мы" автора этой статьи; работы писателей младшей линии - Каверина, Лунца, Леонова".

В этот же поток влились и булгаковские фантастические повести "Дьяволиада", "Роковые яйца" и "Собачье сердце" и роман "Мастер и Маргарита". Но с произведениями М. обнаруживаются и прямые параллели в булгаковском творчестве. В рассказе М. "Ж. М.", переведенном в 20-е годы на русский язык, главный герой Жорж Макинтош, человек с явными инфернальными чертами, возвращается в родной захолустный австрийский городок и, под предлогом обнаружения крупного месторождения золота, провоцирует земляков на снос домов по определенным улицам, а в финале выясняется, что разрушенные участки образуют в плане города его инициалы - Ж. и М. Улицы Москвы, на которых подручные Воланда устраивают пожары четырех зданий, при продолжении формируют фигуру, напоминающую его инициал - "дубль-вэ" (W).

Наибольшее сходство у "Мастера и Маргариты" с последним романом М. - "Ангел западного окна", до 1992 г. на русский язык не переводившимся. Вероятно, Булгаков был знаком с немецким текстом, а также мог знать о содержании этого произведения от того же Замятина или от двух других своих друзей - философа и литературоведа П. С. Попова и филолога-германиста Н. Н. Лямина (все трое прекрасно владели немецким и интересовались современной немецкой литературой).

Главный герой "Ангела западного окна" - живущий в XX в. барон Мюллер, одновременно выступающий и как видный английский ученый, алхимик и мистик XVI в. сэр Джон Ди (1527-1608), через цепь поколений связанный с бароном. Мюллер - последний представитель рода Глэдхиллов. Он оказывается обладателем рукописей своего далекого предка Джона Ди и, пытаясь, подобно адептам алхимии, обрести высшую внеземную и внематериальную истину, в конце концов сливается с образом предка, начинает ощущать себя Джоном Ди или новым земным воплощением (инкарнацией) знаменитого алхимика.

В последнем романе М. существенную роль играют русские персонажи. Агентом-провокатором по отношению к Мюллеру выступает старый русский эмигрант антиквар Липотин. Перед Джоном Ди он предстает как посланец русского царя Иоанна Грозного Маске, что означает, в переводе с англо-китайского жаргона, "пустяк", "ерунда", "нитшево". Липотин подчеркнуто восходит к одному из "бесов" одноименного романа (1871-1872) Федора Достоевского (1821-1881), губернскому чиновнику Липутину, человеку уже немолодому, но слывшему большим либералом и атеистом.

Липотин напоминает и другого героя русской литературы с подобной фамилией. Речь идет о провокаторе Липпанченко из романа А. Белого "Петербург", прототипом которого был знаменитый агент охранного отделения Евно Фишелевич Азеф (1869-1918). Липотин у М. - это агент богини зла, повелительницы черных кошек Исаис Черной и Бартлета Грина. Последний возглавляет "вороноголовых", английских повстанцев середины XVI в., боровшихся против церкви. Но одновременно Бартлет Грин - принц Черной Исаис, ее первый слуга и злой гений рода Джона Ди, стремящийся вырвать душу алхимика у сил света. В "Мастере и Маргарите" роль, сходную с ролью Липотина, играет Коровьев-Фагот, тоже генетически восходящий к ряду героев Достоевского.

Еще один русский в "Ангеле западного окна" - старый эмигрант барон Михаил Арангелович Строганов. Он умирает в самом начале повествования, причем Липотин предсказывает гибель Строганова, сообщая, что тот не переживет только что начатой последней пачки папирос. У Булгакова в самом начале "Мастера и Маргариты" погибает Михаил Александрович Берлиоз, инициалы которого совпадают со строгановскими. Воланд тоже предсказывает Берлиозу скорую гибель, и председатель МАССОЛИТа, некурящий, не успевает выкурить "последней пачки папирос", сотворенной сатаной "Нашей марки", как не успевает сделать этого и его курящий спутник, поэт Иван Бездомный.

Слова, вынесенные Булгаковым в качестве эпиграфа к "Мастеру и Маргарите" и представляющие собой диалог гетевских Мефистофеля и Фауста: "...так кто ж ты, наконец? - Я - часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо", цитируются (в "мефистофелевской" части) и в "Ангеле западного окна". Ими барон Мюллер характеризует Бартлета Грина, одного из "недальновидных демонов левой руки", персонажа, по своей роли в романе близкого булгаковскому Воланду.

Мюллер, перед тем как духовно слиться с Джоном Ди, приходит к выводу, что великий алхимик "ни в коем случае не мертв, он - скажем для краткости - некая потусторонняя персона, которая продолжает действовать сообразно своим четко сформулированным желаниям и целям и стремится осуществлять себя и впредь. Таинственные русла крови могут служить "отличным проводником" этой жизненной энергии... Предположим, что бессмертная часть Джона Ди циркулирует по этому руслу подобно электрическому току в металлической проволоке, тогда я - конец проводника, на котором скопился заряд по имени "Джон Ди", заряд колоссальной потусторонней силы... На меня возложена миссия. Цель - корона и реализация Бафомета - теперь на мне! Если только - достоин! Если выдержу! Если созрел... Исполнение или катастрофа, ныне и присно и во веки веков! И возложено это на меня, последнего!"

Поэтому козни Бартлета Грина, жертвой которых был Джон Ди, оказываются во благо Мюллеру, лишь помогая ему обрести свою истинную потустороннюю сущность. Воланд же - своеобразный проводник добра посредством злых козней. У М. силы зла и тьма олицетворяются не только Бартлетом Грином, но и Черной Исаис, земное воплощение которой - русско-кавказская (колхидская) княгиня Асайя Шатокалунгина. Борьба сил света и тьмы за душу барона Мюллера символизируется соперничеством его возлюбленной Иоганны Фром (под именем Яны ее любит Джон Ди) и Асайи Шатокалунгиной. У Булгакова же в образе Маргариты, причудливо соединены черты добра и зла, света и тьмы, чистой возлюбленной, символа вечной женственности, и ведьмы, в которую она превращается под воздействием волшебного крема Азазелло.

Вызываемый Джоном Ди Ангел Западного окна Иль - это тот же самый Азазил, к которому восходит Азазелло, - демон безводной пустыни и смерти, владыка демонов Запада, т. е. страны смерти. Адепт Гарднер-Гертнер (обе его фамилии в переводе с английского и немецкого означают "садовник"), тоже напоминающий булгаковского Воланда и помогающий Ди-Мюллеру противостоять Исаис и Бартлету Грину, следующим образом определяет Ангела Западного окна: " - Эхо, ничего больше! И о своем бессмертии он говорил с полным на то правом, ибо никогда не жил, а потому и был бессмертен. Смерть не властна над тем, кто не живет. Все, исходящее от него: знание, власть, благословение и проклятие, - исходило от вас, заклинавших его. Он - всего лишь сумма тех вопросов, знаний и магических потенций, которые жили в вас... Сколько еще таких "Ангелов" зреет там на зеленых нивах, уходящих в бесконечную перспективу Западного окна! Воистину, имя им - легион!"

Если у М. Ангел становится величественным олицетворением демонов самого человеческого сознания, порожденным им фантомом, то Азазелло у Булгакова - лишь один из подручных Воланда, выполняющий палаческие функции. В ранних редакциях "Мастера и Маргариты" Воланд звался Азазелло. Это сближало его с Ангелом Западного окна. Сатана у Булгакова тоже выступает отражением свойственных людям мыслей и пороков.

"Таинственным руслам крови" в булгаковском романе следует скорее не Мастер, подобный Джону Ди, а Маргарита - прапрапраправнучка французской королевы XVI в., современницы английского алхимика. Можно вспомнить слова Коровьева-Фагота о том, что "вопросы крови - самые сложные вопросы в мире!" и уподобление им кровной связи "причудливо тасуемой колоде карт". В одном из первоначальных вариантов последней редакции романа родство Маргариты с французской королевой объяснялось переселением душ, в полном соответствии с буддийским учением, приверженцем которого был М. Слова Коровьева-Фагота звучали так: "Вы сами королевской крови... тут вопрос переселения душ... В шестнадцатом веке вы были королевой французской... Воспользуюсь случаем принести вам сожаления о том, что знаменитая свадьба ваша ознаменовалась кровопролитием..."

В окончательном тексте связь Маргариты с королевой осталось лишь на уровне крови, но не переселения душ, поэтому исчезли и коровьевские извинения. Сохранилось и упоминание о "кровавой парижской свадьбе" - Варфоломеевской ночи 24 августа 1572 г., когда происходила свадьба Маргариты Валуа (1553-1615) с Генрихом IV Наваррским (1553-1610). Булгаков, в отличие от М., в переселение душ не верил и в поздних редакциях романа устранил этот мотив из своего повествования.

Ряд деталей "Мастера и Маргариты" и "Ангела Западного окна" совпадают. У М. герои совершают экскурсию на гигантском черном "линкольне" к развалинам таинственного замка Эльзбетштейн, которому в финале суждено погибнуть в вулканическом пламени. Их машина, развив сверхъестественную скорость, взлетает в воздух и продолжает полет над горами. Во время этого полета Иоганна убивает Асайю и "линкольн" с молчаливым шофером в кожаном одеянии в образе погибшего кузена барона Мюллера Джона Роджера разбивается о берег реки.

В ранней редакции булгаковского романа Маргарита совершает полет с шабаша в Нехорошую квартиру в компании ведьм и прочей нечисти на двух "линкольнах", причем в одном из них шофером был грач в клеенчатой шоферской фуражке, как у Джона Роджера. Тогда после перелета один "линкольн" врезался в овраг и там сгорел, а другой столкнулся на шоссе со встречной машиной, в результате чего гибнут люди. В окончательном тексте "линкольн" был заменен просто машиной неопределенной марки. В одном из вариантов в этой сцене фигурирует, как и у М., один "линкольн", а шофер-грач носит перчатки с раструбами, как в "Ангеле Западного окна".

В романе М. Бартлет Грин совершает жертвоприношение пятидесяти черных кошек, чтобы соединиться с их повелительницей Исаис (этот обряд называется "тайгерм"). В эпилоге "Мастера и Маргариты" происходит массовая охота на черных кошек, в результате чего около сотни "этих мирных, преданных человеку и полезных ему животных" было истреблено, а десятка полтора, "иногда в сильно изуродованном виде", доставлены в милицию. Это оригинальная пародия на "тайгерм".

Происхождение леденящей душу сцены с вампирами Геллой и Варенухой
Азазелло хотел прикончить Майгеля ножом, но потом передумал
Воланд Теодорович Сатана
Не каждая ведьма соблазнит добропорядочного семьянина!
Читайте завершение >>>

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

– Мейринк Густав, часть 2 –

Страницы: 1 2

Есть еще два параллельных эпизода в романах М. и Булгакова. В "Ангеле Западного окна" перед переходом барона Мюллера в инобытие (или вскоре после такого перехода, ибо время в романе М. размыто, и соотношение реального и потустороннего мира порой трудно свести к какой-то единой временной шкале) ему является Липотин. Шея антикварша повязана красным платком, чтобы скрыть кинкальную рану, нанесенную кем-то из его тибетских собратьев-монахов, владельцев тайн магии. Эти тайны Липотин-Мазеф будто бы разгласил Мюллеру, за что и поплатился. Во время их беседы к оконному стеклу "прилипло мертвенно бледное лицо княгини" Асайи. В конце же беседы барон понимает, что беседовал не со старинным-антикваром, а лишь с его призраком-привидением, ибо в кресле, где сидит Липотин, в действительности никого нет.

У Булгакова точно так же перед финансовым директором Театра Варьете Римским появляется администратор Варенуха, пытающийся под козырьком кепки скрыть огромный синяк у самого носа с правой стороны лица - косвенное свидетельство того, что ударивший его Азазелло - левша, "демон левой руки". Подобно Липотину, Варенуха говорит с Римским измененным голосом, а шею с укусом Геллы закрывает сереньким полосатым кашне. В конце беседы фридиректор с ужасом обнаруживает, что сидящий в кресле администратор не отбрасывает тени, а, значит, только призрак. В окне же Римский видит Геллу с явными трупными признаками разложения. Кстати, образ императора Рудольфа II (1552-1612), знаменитого покровителя алхимиков, мог появиться среди гостей на Великом балу у сатаны под влиянием "Ангела Западного окна", где императору-алхимику отведена заметная роль.

Главный герой романа М. барон Мюллер не только сливается с Джоном Ди ("Я сливался с ним, слился, сросся вводино; отныне он исчез, растворился во мне. Он - это я, и я - это он во веки веков"), но и, преодолев тем самым чары Черной Исаис, обретает подлинное бессмертие, став Всечеловеком, поднявшись над Бытием и Инобытием, отыскав в себе самом энергию, необходимую для достижения высшего духовного "Я". Это означает, согласно гностическим и теософским учениям, слияние с Иисусом Христом. Христос в романе М. - это Божественный Логос-Истина, и в этом же контексте фигурирует Понтий Пилат как вечный вопросом об Истине. В новом мире, стоящем как над Бытием, так и над Инобытием, барон Мюллер, литератор, нашедший рукописи Джона Ди (или сам их создавший?), мастер, прошедший путем Великого магистерия (с помощью главы масонского ордена розенкрейцеров адепта Гертнера), хотя и соединяется со своей мистической возлюбленной королевой Елизаветой в развалинах Эльзбетштейна (одновременно это - родовой замок Джона Ди в Мортлейке), но полностью лишен возможности заниматься литературой и вообще гуманитарными науками. Данное обстоятельство особо подчеркивается в "Ангеле Западного окна": "... Вопросами или книжным знанием в магии могущества не обретешь". Отныне местом приложения сил Мюллера-Ди "станет лаборатория: в ней ты сможешь осуществлять то, к чему всю жизнь стремилась душа твоя".

Здесь имеется в виду стремление Джона Ди к обретению философского камня (главной цели всех алхимиков) и через это - к достижению абсолютной духовной гармонии. Он становится "помощником человечества" и "до конца времен" сможет наблюдать земные бытие. Через Мюллера-Ди будет излучаться "благодатная эманация вечной жизни". Но, подобно лишь одному лику двуликого божества Бафомета, взгляд героя М. будет всегда обращен только назад, к земной жизни. Как и другим членам ордена розенкрейцеров, ему не дано знать, "что есть эта вечная жизнь", но, по словам Теодора Гертнера, все розенкрейцеры "обращены спиной к сияющей, непостижимо животворящей бездне. Яна же шагнула через черту времени, света, глядя вперед", так как "жены Яны - это женский, жертвенный путь. Он ведет туда, куда мы за ней следовать не можем и не имеем права. Наш путь - это Великий магистерий, мы оставлены здесь, на земле, дабы превращать".

Здесь - некая неполнота награды, данной Мюллеру-Ди. Возможная причина подобного исхода - в земном честолюбии мастера Джона Ди, из-за которого алхимик и слившийся с ним потомок навсегда обречен на земной, а не к вечной жизни. У М. полная награда принципиально недостижима ни для кого, и даже безгрешная Яна, пожертвовавшая собой ради спасения возлюбленного, "избегла и бытия и небытия", поскольку, по словам Гертнера, "также и нам не дано видеть или хотя бы предполагать, что такое вечность непостижимого Бога; она бласно одновременно недосягаемо далеко от нас, ибо пребывает в ином измерении". В разных измерениях вечно суждено пребывать Мюллеру-Ди и Иоганне-Яне. Как бы на границе этих измерений и расположен замок Эльзбетштейн.

Основные идеи и сюжетная схема "Ангела Западного окна" присутствуют еще в раннем рассказе М. "Мейстер Леонгард", где главный герой стремится найти совершенного мастера и в конце концов находит его в себе самом, на развалинах старого замка соединяясь со своей умершей возлюбленной.

У Булгакова Мастер воссоединяется в потусторонием мире с Маргаритой, обретая последний приют. В отличие от главного героя "Ангела Западного окна", он не только избавлен от земных забот и награжден покоем и тишиной, но и получает неограниченную возможность именно к литературному творчеству, к усвоению книжного знания. Воланд риторически спрашивает "трижды романтического мастера": "Неужели ж вам не будет приятно писать при свечах гусиным пером?", а Маргарита рисует перед ним соблазнительную перспективу: "Я знаю, что вечером к тебе придут те, кого ты любишь, кем ты интересуешься и кто тебя не встревожит. Они будут тебе играть, они будут петь тебе, ты увидишь, какой свет в комнате, когда горят свечи".

Воланд предлагает Мастеру "подобно Фаусту, сидеть над ретортой в надежде, что вам удастся вылепить нового гомункула". Но в "Фаусте" гомункул творит не Фауст, а сторонний гуманитарного, книжного знания Вагнер, которому и уподоблен главный герой "Мастера и Маргариты". Джон Ди у М. - алхимик, одержимый поисками философского камня, поэтому в своей последней обители он должен продолжать то, чем занимался на земле: лабораторные опыты.

Целью жизни Булгаковского Мастера было создание великого романа, творчество в духе романтиков конца XVIII - начала XIX в. Поэтому в последнем приюте он будет писать гусиным пером и наслаждаться книжным знанием, героями любимых книг. Каждому дано по его вере, как и провозглашают у Булгакова Воланд, а у М. - Теодор Гертнер. Кстати, имя Теодор, греческое "божий дар", носил доктор Воланд в ранней редакции, так что инфернальные герои обоих писателей пародийно связаны с Богом.

В финале "Ангела Западного окна" барон Мюллер обретает способность со стороны наблюдать свое земное бытие и читает в свежем номере газеты, что он будто бы погиб во время пожара "вулканического происхождения", который нельзя было потушить, несмотря на все старания "доблестной пожарной команды". Пожар этот произошел в доме №12 по Елизаветинской улице (намек на мистическую возлюбленную Джона Ди английскую королеву Елизавету I (1533-1603) в сочетании со священным числом 12), причем тело барона Мюллера так и не было обнаружено. В "Мастере и Маргарите" в пламени вызванного потусторонними силами пожара в квартире №50 дома 302-бис по Садовой исчезает труп Барона Майгеля, убитого во время Великого бала у сатаны, причем вытащить его и потушить пожар не было никакой возможности.

В ранних редакциях Азазелло приканчивал Майгеля с помощью ножа и только в окончательном тексте доносчик гибнет от револьверной пули. В "Ангеле Западного окна" барона Мюллера и Джона Ди неоднократно пытался убить Бенедикт, но каждый раз сохраняет двойственность судьбы Мюллера-Ди - то ли он погиб в пламени пожара, то ли его тело бесследно исчезло. У Булгакова Мастер и Маргарита или покончили с собой (были отравлены Азазелло), или бесследно исчезли (в эпилоге упоминается версия похищения их Воландом со свитой).

Рукопись барона Мюллера, которая и составляет роман "Ангел Западного окна", будто бы погибла в огне, но при этом чудесным образом стала достоянием читателей. Точно так же из пепла возрождается сожженная Мастером рукопись романа о Понтии Пилате, подтвержда слова Воланда о том, что "рукописи не горят".

Подобная черной кошке, Исаис Черная, как говорится в том же газетном сообщении о пожаре, бродит по пепелищу и нападает на домовладельца: "Рассказывают о какой-то подозрительно смелой даме в черном,у облегающем черном акрунном платье (куда только смотрит полиция нравов?!), которая из ночи в ночь бродит, словно что-то отыскивая, по пожарищу. Один солидный домовладелец, коего невозможно заподозрить в каких-либо романтических бреднях уже хотя бы потому, что он член христианско-социалистической партии, уделил сему "привидению" особое внимание и частенько шел за стройной женщиной следом, разумеется, для того лишь, чтобы объяснить ей вызывающее неприличие ее поведения: в самом деле, разгуливать по ночным улицам в таком узком, полупрозрачном платье! Так вот этот исключительно положительный мужчина, даже в позднюю ночную пору не забывавший о нравственности, настаивает на том, что в определенный момент ее отливающее серебром платье растворялось в воздухе и - о ужас! - стая совершенно голая дама подходила к свидетелю и, покушаясь на его честь примерного семьянина, пыталась вверглуть его в грех прелюбодеяния. Стоит ли говорить, что все ее очарования остались безрезультатными, с тем же успехом сия дщерь греха могла бы соблазнять телеграфный столб!"

Булгаковская Маргарита, превратившись в ведьму, безуспешно пытается соблазнить "добропорядочного семьянина" "нижнего жильца Николая Ивановича", а потом появляется нагой на Великом балу у сатаны. После бала она как кошка вцепляется в лицо Алоизию Могарычу, по доносу завладевшему комнатами Мастера.

В заметке, сообщающей о гибели главного героя "Ангела Западного окна" отмечалось: "Не только живущая по соседству с домом №12 молодежь, которая не находит себе лучшего занятия, как до глубокой ночи шататься по улицам, но и люди пожилые, коих трудно заподозрить в легкомыслии, утверждают, что на пожарище в период ущербной луны появляются привидения, причем одни и те же. Ну, спрашивается, почему сразу привидения?! Всем этим наивным людям почему-то не приходит в голову вполне естественная мысль о мистификации - если это вообще не обман зрения! - устроенной какими-то сумасбродными повесами, ряженными в карнавальные костюмы. Неужели среди добропорядочных жителей нашего города есть еще такие!".

В "Мастере и Маргарите" Воланд почти теми же словами убеждает буфетчика Театра Варьете Сокова, что червонцы, брошенные зрителям во время сеанса черной магии, были всего лишь мистификацией, отказываясь верить, что кто-то мог осмелиться воспользоваться ими как платежным средством:

" - Ай-ай-ай! - воскликнул артист, - да, неужели ж они думали, что это настоящие бумажки? Я не допускаю мысли, чтобы они это сделали сознательно.

Буфетчик как-то криво и тоскливо оглянулся, но ничего не сказал.

- Неужели мошенники? - тревожно спросил у гостя маг, - неужели среди москвичей есть мошенники?

В ответ буфетчик так горько улыбнулся, что отпали всякие сомнения: да, среди москвичей есть мошенники".

И у М., и у Булгакова потенциально имеется возможность рационального объяснения происходящего. Чисто теоретически "Ангел Западного окна" можно истолковать как сопровождающийся раздвоением личности шизофренический бред барона Мюллера, спровоцированный находкой рукописей Джона Ди и гипнотическим внушением со стороны Липотина. Но такое прочтение М. сознательно пародирует в заключающей роман газетной заметке как образец обывательского восприятия мистических явлений, в реальной возможности которых сам писатель нисколько не сомневался.

У Булгакова же шизофрения Ивана Бездомного, развившаяся после встречи с Воландом на Патриарших и гибели Берлиоза, описана клинически точно. Однако автор "Мастера и Маргариты", как и почитаемый им Эрнст Теодор Амадей Гофман (1776-1822), рациональным объяснением не исчерпывает всего происходящего в художественном пространстве произведения, что, однако, не свидетельствует о наклонности к мистицизму. В сохранившейся в архиве Булгакова статье И. В. Мичуринского (1908-1962) "Социальная фантастика Гофмана", опубликованной в № 5 журнала "Литературная учеба" за 1938 г., писатель подчеркнул следующие строки: "...цитируются с научной серьезностью подлинные сочинения знаменитых магов и демонологов (специалистов по демонологии), которых сам Гофман знал только понаслышке. В результате к имени Гофмана прикрепляются и полностью широкое хождение прозвания, вроде спирит, теософ, экстатик, визионер и, наконец, просто сумасшедший. Сам Гофман, обладавший, как известно, необыкновенно трезвым и практическим умом, предвидел кривотолки своих будущих критиков..."

По свидетельству близкого друга Булгакова драматурга Сергея Александровича Ермолинского (1900-1984), автор "Мастера и Маргариты" однажды успешно разыграл его с помощью этой статьи, просто заменяя фамилию "Гофман" на "Булгаков" - настолько все сказанное о немецком романтике касалось писателю подходящим к нему самому. Ермолинскому умирающий друг категорически заявил: "...Я не церковник и не теософ, упаси боже..."

М. таких слов никогда бы не произнес. Автор "Ангела Западного окна", искренне убежденный в том, что духовная гармония принципиально недостижима в пределах земного бытия, в последние годы жизни был приверженцем махаянистской ветви буддизма и в своих романах стремился показать возможность достижения подобной гармонии в некоем "третьем мире", за границей как бытия, так и инобытия.

Для Булгакова мистическое в "Мастере и Маргарите" было лишь литературным приемом, что он и подчеркнул в письме Правительству от 28 марта 1930 г., указав на "выступающие в моих сатирических повестях: черные и мистические краски (я - МИСТИЧЕСКИЙ ПИСАТЕЛЬ), в которых изображены бесчисленные уродства нашего быта..."

Для М. же мистическое было не приемом литературы, а способом преобразования собственного бытия.

« Назад

Наверх »

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций
Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы
Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи
Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта
Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

"Минин и Пожарский"

"Минин и Пожарский" - либретто оперы. При жизни Булгакова не ставилось и не публиковалось (в конце 1938 г. русские сцены М. и П. прозвучали по всесоюзному радио). Впервые опубликовано: Музыка России. Вып. 3. М., Советский композитор, 1980.

Музыку для М. и П. написал композитор и музыковед Борис Владимирович Асафьев (псевдоним: Игорь Глебов) (1884-1949), впоследствии ставший академиком АН СССР и председателем правления Союза советских композиторов.

Асафьеву принадлежит замысел оперы М. и П. В один из приездов в Москву из Ленинграда, где он тогда жил, композитор был приглашен за кулисы Большого Театра главным дирижером и художественным руководителем Самуилом Абрамовичем Самосудом (1884-1964). Асафьев, просматривая старые занавесы, обратил внимание, что на одном из них, значившимся в списке как "Въезд Михаила Романова в Кремль", на самом деле изображен "Въезд князя Дмитрия Пожарского и Козьмы Минина-Сухорука в Кремль", и решил, что это хороший сюжет для оперы. Самосуд загорелся идеей новой постановки.

Обратиться к Булгакову для создания либретто им посоветовал театральный художник Владимир Владимирович Дмитриев (1900-1948), давно друживший с писателем (в 1928 г. он сделал эскизы декораций для "Бега", а в 1930-1931 гг. - для мхатовской инсценировки "Мертвых душ").

16 июня 1936 г. третья жена Булгакова Е. С. Булгакова сделала в дневнике следующую запись: "Композитор Б. Асафьев - с предложением писать либретто (а он - музыку) оперы "Минин и Пожарский". Это - сватовство Дмитриева. М. А. говорил с Асафьевым уклончиво - Асафьев вообще понравился ему - он очень умен, остер, зол. Но после ухода Асафьева сказал, что писать не будет, не верит ни во что". (Драматург находился в депрессии после снятия, за три месяца до визита композитора, "Кабалы святош"). На следующий день к Булгакову явился сам С. А. Самосуд, о чем свидетельствует запись Е. С. Булгаковой от 17 июня 1936 г.: "Днем - Самосуд, худрук Большого театра, с Асафьевым. Самосуд, картавый, остроумный, напористый, как-то сумел расположить к себе М. А., тут же, не давая опомниться М. А., увез нас на своей машине в дирекцию Большого театра, и тут же подписали договор".

Договор с Асафьевым на музыку к М. и П. был подписан четырьмя днями позднее - 21 июня 1936 г. 6 июля 1936 г. Булгаков закончил черновик, а 20 июля - первую редакцию либретто. 23 июля композитор получил текст и начал работу над музыкой. В период с 8 по 16 октября 1936 г. был написан клавир, о чем Асафьев известил Булгакова телеграммой. Но в Большом театре готовились к постановке опер "Руслан и Людмила" (1842) М. И. Глинки (1804-1857) и "Поднятая целина" (1937) И. И. Дзержинского (1909-1978), поэтому к работе над М. и П. не приступали.

К тому времени, с 1 октября 1936 г., Булгаков, покинувший МХАТ, уже работал консультантом-либреттистом Большого театра. Руководство театра либретто одобрило, но вместе с Комитетом по делам искусств потребовало усилить патриотическое звучание оперы и дополнительно написать еще две картины с массовыми народными сценами. Так появились картины "Двор дома Минина в Нижнем Новгороде" и "Площадь в Костроме. Двор воеводы", а число картин возросло с 7 до 9.

Закончить музыку к М. и П. председатель Комитета по делам Искусств Платон Михайлович Керженцев (Лебедев) (1881-1940) в письме к Асафьеву от 1 марта 1937 г. просил к середине марта. Однако тут пошли слухи о переносе постановки М. и П. в филиал, что не устраивало композитора. 12 марта 1937 г. он писал Булгакову: "По всем данным опера не идет. По другим же слухам ее уже сослали в филиал. Очевидно, массовые сцены будут купюрованы? Когда у меня был Платон Михайлович и восторженно описывал мне, какой он сценически представляет себе нашу оперу с точки зрения политической значимости тематики, я все время ощущал большой размах, большой план и, следовательно, сцену Большого театра. Но если это мечты, если Большой театр не для меня, то ведь тогда, действительно, надо пересмотреть всю оперу и многое переделать в сторону большей экономии массовых сцен, усилить интимно-лирический элемент (или просто его воссоздать), уменьшить число действующих лиц и т. д., и т. д. Словом, эти слухи о филиале изнуряют и подтачивают мою творческую энергию едва лишь менее, чем сознание, что опера совсем не пойдет, к чему я все время стараюсь себя приучить".

И композитор, и либреттист не были уверены, что им удастся увидеть М. и П. на сцене. 7 апреля 1937 г., согласно записи Е. С. Булгаковой, драматурга вызвал сотрудник ЦК А. И. Ангаров (20 августа 1937 г. его арестовали): "Разговор был, по словам М. А., тяжкий по полной безрезультатности. М. А. рассказывал то, что проделали с "Пушкиным" (здесь речь идет об иске Харьковского театра русской драмы, требовавшего от Булгакова вернуть аванс за пьесу под предлогом, что пьеса не была разрешена к постановке; 2 апреля 1937 г. Булгаков выиграл дело в суде, доказав, что пьеса разрешена Главрепертконом), а Ангаров отвечал в таком плане, что он хочет указать М. А. правильную стезю. Говоря о "Минине", сказал: - Почему вы не любите русский народ? - и добавил, что поляки очень красивые в либретто".

Партийные деятели, быстро перестроившиеся с интернационального лада на патриотический, теперь подозревали Булгакова и Асафьева в чересчур привлекательном изображении "врагов", которыми теперь вместо "эксплуататоров" стали поляки. В этом тоже была одна из причин задержки с постановкой М. и П.

И Асафьев, и Булгаков ощущали свое одиночество в литературно-театральном и музыкальном мире. Композитор в письме драматургу от 23 июля 1936 г. жаловался: "Уверяю Вас, в моей жизни бывали "состояния", которые дают мне право сопереживать и сочувствовать Вам: ведь я тоже одиночка. Композиторы меня не признают... Музыковеды, в большинстве случаев, тоже. Но я знаю, что если бы только здоровье, - все остальное я вырву у жизни". А 7 апреля 1937 г. Е. С. Булгакова отметила, что "М. А. смотрит на свое положение безнадежно, что его задавили, что его хотят заставить писать так, как он не будет писать".

24 марта 1937 г. Булгаков заверял Асафьева, что "несмотря на утомление и мрак, я неотрывно слежу за "Мининым" и делаю все для проведения оперы на сцену". 20 апреля 1937 г., как отметила в своем дневнике Е. С. Булгакова, был арестован директор Большого театра В. И. Мутных, что, по всей вероятности, также повлияло на задержку постановки М. и П. 10 мая 1937 г. Булгаков сообщил об этом композитору ("о том, что Мутных уже не директор Большого театра и арестован, Вы, конечно уже знаете") и предупредил о другом, еще более грозном обстоятельстве: "На горизонте возник новый фактор, это - "Иван Сусанин", о котором упорно заговаривают в театре (имеется в виду новая редакция оперы М. И. Глинки "Жизнь за царя" (1836), искусственно очищенная от монархических мотивов и поставленная в Большом театре 21 февраля 1939 г.; новый текст либретто вместо прежнего, созданного бароном Егором Розеном (1800-1860), написал Сергей Городецкий (1884-1967). Если его двинут, - надо смотреть правде в глаза, - тогда "Минин" не пойдет. "Минин" сейчас в реперткоме. Керженцев вчера говорил со мной по телефону, и выяснилось, что он не читал окончательного варианта либретто".

Накануне отправки этого письма, 9 мая 1937 г., Е. С. Булгакова отметила: "Петя (художник П. В. Вильямс (1902-1947) сказал, что М. А. предложат писать либретто на музыку Глинки ("Жизнь за царя"). Это - после того как М. А. написал "Минина"!"

В письме от 10 мая 1937 г. и в нескольких следующих за ним посланиях Булгаков настойчиво уговаривал Асафьева приехать в Москву и повлиять на судьбу оперы. 15 декабря 1937 г. композитор прислал крайне подавленное письмо: "Вчера мне сообщили из здешнего Радио, что на их просьбу исполнить в виде обычного для них монтажа, как это принято делать с операми, "Минина", им ответили из Всесоюзного комитета сухим безапелляционным отказом. Смысл отказа: "опера не утверждена, еще пишется и до постановки в Большом театре ее исполнять нельзя...
Очевидно, я видел во сне, что я написал "Минина", что еще в прошлом году ее слушали и не отвергли (об этом напечатали), далее, что с марта я сделал по Вашей дополнительной редакции дополнительные сцены, которые давно сданы Большому театру. Я не раз обо всем этом писал Керженцеву... Пишу Вам, чтобы выяснить следующее: Если по мнению комитета опера "Минин" еще пишется, то значит и надо что-то писать, т.е. что-то вновь переделывать. Так не знаете ли Вы: что?!..
Правда, я догадываюсь, что Вам рекомендуется не общаться со мной, но ведь речь идет не о каком-либо новом Вашем либретто. Может быть, надо просто забыть и уничтожить "Минина"? Что ж, я готов. Я же просил вернуть мне клавир и освободить Ваш текст от моей музыки. Тогда и я буду свободен и Вы".

Асафьев в тот момент ощущал себя как бы полуопальным и подозревал, что личная неприязнь к нему где-то "наверху" тормозит постановку. Е. С. Булгакова 16 декабря 1937 г. так прокомментировала это письмо: "...Сплошная истерика... Чувствуется, что издерган до последней степени", а 24 декабря отметила: "М. А. кто-то говорил, что Асафьева хотят отодвинуть от "Минина", его музыка не нравится многим".

20 декабря 1937 г. Булгаков известил Асафьева: "14 декабря я был приглашен к Керженцеву, который сообщил мне, что докладывал о работе над "Мининым", и тут же попросил меня в срочном порядке приступить к переделкам в либретто, на которых он настаивает. Кратко главное:
а) Расширение Минина (ария, которую можно отнести к типу "О поле, поле... ")
б) Противодействие Минину в Нижнем.
в) Расширение роли Пожарского.
г) Перенесение финала оперы из Кремля на Москву-реку-мост.
Что же предпринимаю я? Я немедленно приступаю к этим переделкам..."

Более пространно изложил эти требования сам Керженцев в письме Асафьеву 20 декабря 1937 г. (копии его были отправлены Булгакову и Самосуду): "Моя тема снова "Минин и Пожарский". На днях я еще раз имел возможность беседовать об этом с руководящими товарищами (по их инициативе). Меня спросили, как подвигается опера. Думаю, это даст Вам новый толчок, чтобы работать над "Мининым и Пожарским".
На днях я имел длительную беседу с Булгаковым, указав ему, что именно либретто требует дополнения и развертывания.
Основное - это более широко и полно дать образ Минина, как героического народного вождя, дорисовать образ Пожарского, как доблестного честного воина, дать более развернутые и осложненные характеристики другим действующим лицам, более развернуто дать массу. Создать некоторые, не то что конфликты, но какое-то осложнение и разногласие в позициях Пожарского и Минина в Костроме. Например, что Пожарский несколько осторожен, требует выжидания в Костроме, чтобы подтянуть силы, а Минин более политически прозорлив, требует быстрейшего наступления на Москву, учитывая, что силы Ополчения пополнятся в процессе похода на Москву, и сознавая важность быстрого военного удара.
Я считаю необходимым, чтобы был написан полноценный политический монолог-ария для Минина, что-то вроде "О, дайте, дайте мне свободу" из "Князя Игоря". Это должна быть ария Минина соло, скажем, ранним утром на берегу Волги, где он поет о Волге, о народе угнетенном, о стране, опустошенной иноземцами.
Эта ария должна показать его как человека широкого политического кругозора, который болеет не за свою губернию, а за всю страну. Волга - это олицетворение большей части Руси. Это должна быть центральная героическая ария.
Я указал Булгакову, что в пьесе "Козьма Минин" Островского есть подобный монолог, где много хорошего, что можно позаимствовать. Вот над этой арией я прошу Вас особенно поработать. Это должно быть кульминацией. Думаю, что можно вставить ее в самом начале Новгородских сцен до веча.
Сцену веча тоже надо осложнить какими-то противодействиями, оппозицией боярской верхушки и каких-то их приспешников, сделать более драматической, иначе получается, что с первых слов Минина все с ним согласны, что не соответствует исторической правде.
Хорошо бы в оперу ввести еще две-три народные песни. Одну, например, против бояр, попов и гнета, под которым живет народ на Руси. Другую - какую-нибудь издевательскую против поляков, чтобы она имела острое политическое звучание для нашего времени. Она должна прохватить панов, их пустозвонство, сказать, что их вышибли из Руси и никогда их нос сюда не сунется. Третью - какую-то массовую волжскую, что ли, широкого размаха, показывающую мощь, удаль, талантливость русского народа. На массовые песни тоже прошу обратить особое внимание.
Я еще раз перечитал либретто Булгакова и считаю, что в основном оно очень не плохое, но еще схематично и требует значительной доработки. Ведь размер оперы пока что получился маленький. Конечно, надо еще проверить хронометраж, но все-таки усиление сцен в Нижнем, Костроме и у Москвы будет весьма важно.
Равным образом, требуется как-то иначе разрешить финал, чтобы он не был похож на финал "Ивана Сусанина". Я говорил т. Булгакову, что, может быть, нам сделать финальную сцену не у стен Кремля, а в Замоскворечье или на Москворецком мосту, где бы показать народ, массы, московских жителей, ремесленников, крестьян с соседних деревень и ополчение. Кремль будет нарисован где-то на заднике, а вся сцена непосредственно в народной массе, без той сугубо оперной пышности, которая имеется в финале "Ивана Сусанина". Может быть, здесь дать песню издевательства народа над поляками, посрамление поляков.
Я сообщил руководящим товарищам, что работа над "Мининым и Пожарским" у нас несколько отложилась из-за восстановления новой редакции "Ивана Сусанина", но что мы предполагаем иметь эту постановку в Большом театре в конце 1938 года.
Может быть, с нее мы начнем новый сезон 1938 года. Я уверен, что Булгаков доработает либретто хорошо".

Требования Керженцева лежали в русле марксистского мифотворчества. Здесь и "человек из народа" - нижегородский земский староста Кузьма Минин (Захарьев-Сухорук) (умер 1616), "подправляющий" заблуждающегося "интеллигента" и "барина" - князя Дмитрия Михайловича Пожарского (1578-1642), и решающая роль народных масс в истории, которых председатель Комитета по делам искусств хотел вывести на сцену при всяком удобном и неудобном случае. Отразились тут и конкретные реалии советской жизни. Например, пожелание показать происки "боярской верхушки и каких-то их приспешников" было явно навеяно атмосферой активно происходившего в 1937-1938 гг. отстрела "бояр" - руководящих партийных и советских работников. Сам Керженцев вскоре был снят со своего поста (хотя ему все-таки посчастливилось умереть в собственной постели).

Настойчивое же указание усилить черные краски в изображении поляков в М. и П. вполне соответствовало общей антипольской направленности советской внешней политики в 20-е и 30-е годы. К чести Булгакова, особой симпатии к полякам не питавшего, особенно со времени польской оккупации родного Киева в 1920 г. (см.: "Киев-город"), "песню издевательства народа над поляками" он писать не стал, хотя основные требования Керженцева вынужден был принять.

Безоговорочно согласился почти со всеми из них и композитор. В ответном письме Керженцеву 22 декабря 1937 г. Асафьев признавался: "Минин" для меня - опять экзамен на "аттестат зрелости" и политической, и технолого-профессиональной. Словом, поторопите Булгакова. К арии Минина, ситуация и содержание которой мне вполне понятны, я, полагаю, готов: в свое время я уже думал о такого рода монологе для Минина и кое-что сочинил, к тому же вокально-сольное".

Своему соавтору, в письме от 18 декабря 1937 г. упрекавшего композитора в неосновательных подозрениях, будто он, Булгаков, по чьему-то приказу отказывается вступать в сношения с автором музыки к своему либретто, Асафьев 19 декабря ответил: "Не надо на меня обижаться: в 53 года бороться за признание и право быть композитором и за право писать не только балеты, а и оперы и симфонии - дело нелегкое".

Создателю либретто М. и П. подавляющее большинство замечаний Керженцева были чужды и не совпадали с его собственным видением истории России. В частности, требование прославить в песне "мощь, удаль, талантливость русского народа" (который уже начали наделять всеми мыслимыми добродетелями) явно шло вразрез со взглядами драматурга, в письме правительству от 28 марта 1930 г. подчеркивавшего в своем творчестве "изображение страшных черт моего народа, тех черт, которые задолго до революции вызывали глубочайшие страдания моего учителя М. Е. Салтыкова-Щедрина".

Хотя Булгаков формально и выполнил почти все пожелания председателя Комитета по делам искусств, он ни в коем случае не пошел здесь против своих убеждений. Текст псевдонародной шапкозакидательской песни: "Эх, да не бывать тому, чтобы народ-силач, да не прогнал с земли стаи воронов... Эх, рать народная, могучая, сомкни несокрушимый строй..." был написан позднее Асафьевым, а не Булгаковым.

В требуемой арии Минина на берегах Волги вождь ополчения даже слова об угнетении народа произносит так, чтобы вызвать сочувствие угнетенным, а не ненависть к угнетателям: "И нету дыма в селеньях дальних, умерщвленных великим гневом божьим, гладом, мором и зябелью на всякий плод земной! Молчит родная Волга, но здесь в тиши я слышу стоны нищих, я слышу плач загубленных сирот, великий слышу плач народный, и распаляется огнем душа, и дальний глас зовет меня на подвиг!" Страдания народа воспринимаются оперным героем прежде всего как Божья кара. Антипольская песня в М. и П. издевки над врагами не содержит:
Уж заполонили-то Москву поляки злы,
Разобьем мы их, перевешаем,
Самого-то короля их в полон возьмем!

Поляки в либретто даны совсем не карикатурно и не одними только черными красками, а их песни в М. и П. звучат вполне благородно:
Любим, как братьев, литовских вояк,
Польшу прославивших в грозных боях!
Смело пойдем мы на штурм вражьих башен,
С немцами нам даже дьявол не страшен!
Рыцари наши лавром повиты!
Да живет вечно Речь Посполита!

Подобное изображение "панов" было неприемлемым, и неслучайно "польские сцены" были исключены из сделанного в конце 1938 г. радиомонтажа оперы.

Даже польский ротмистр Зборовский, пытающийся предательски убить Пожарского - это далеко не ходульный злодей, а скорее рыцарь, ослепленный блеском славы и в погоне за ней использующий, хотя и не без колебаний, любые средства и умирающий без раскаянья: "О нет! Не каюсь я ни в чем... и смерти не боюсь ... лавром повиты... лавром... Гетман! мне душно... Гетман, где моя слава?.. (Затихает)".

Булгаков решает ту же проблему, что и Лев Толстой (1828-1910) в "Войне и мире" (1863-1869) в образах Наполеона и Андрея Болконского, стремящегося к своему "Тулону", причем автор М. и П. приходит к выводу о никчемности славы, добытой ценой смерти других людей.

Бояре - сторонники польского королевича Владислава (будущего короля Владислава IV) (1595-1648), избранного на русский престол, - не жалкие изменники, а люди, по-своему верные долгу. Например, боярин Федька Андронов после поражения поляков в финале восклицает: "Убьют меня, Илья, убьют, не пожалеют! За что, Илья? Ведь присягал я Владиславу и свято я держал присягу! За что, владычица, за что?"

Кстати, вопреки исторической правде плохого боярина зовут уменьшительно Федькой, тогда как хорошего посадского Илью Пахомова - полным именем, хотя в действительности в начале XVII в. все было наоборот: боярин назывался полным именем, нередко и с отчеством, а посадский сын - только уменьшительно-уничижительным.

Асафьев из-за нездоровья все откладывал приезд в Москву и оказался здесь только в середине января 1938 г. 16 января Е. С. Булгакова записала: "Вчера наконец появился Асафьев. Пришел. Длинный разговор. Он - человек дерганый. Трудный. Но умен, остер и зол. Сыграл сцену из "Минина" - Кострому. Играет настолько хорошо, что даже и музыка понравилась" (к композиторскому творчеству Асафьева третья жена драматурга относилась прохладно).

Писатель и композитор продолжали работу над М. и П. Последнее письмо Асафьева Булгакову датировано 4 июня 1938 г. Оно очень печально и, очевидно, от волнения, в некоторых местах превращается в ритмизованную прозу: "Простите, что долго Вам не писал. Я так скорбно и горестно похоронил в своей душе "Минина" и прекратил и работу, и помыслы над ним, что не хотелось и Вас тревожить. В Большом театре и в Комитете меня как композитора знать больше не хотят".

В дневнике Е. С. Булгаковой Асафьев в последний раз упомянут 2 октября 1938 г.: "М. А. днем пошел в "Националь" навестить Асафьева, хотел объяснить ему свое молчание. Асафьева не застал, говорил с его женой - Ириной Степановной. Вечером Асафьев позвонил". Мы не знаем в точности, как происходил этот, возможно, последний разговор драматурга с композитором. Можно только с уверенностью сказать, что главной причиной того, что М. и П. далее переданного по радио в конце 1938 г. монтажа оркестрованных русских сцен не пошел, была работа над "Иваном Сусаниным".

Асафьев и Булгаков отказались выполнить только одно из требований Керженцева - перенести финальную сцену из Кремля в Замоскворечье. У композитора именно с этой сценой был связан весь замысел, рождение которого произошло как раз во многом благодаря старому театральному занавесу "Въезд князя Дмитрия Пожарского и Козьмы Минина-Сухорука в Кремль". А "кремлевский финал" М. и П. почти полностью совпадал с финалом "Ивана Сусанина". Невозможность одновременной постановки двух столь схожих опер стала окончательно ясна всем летом 1938 г., тем более, что переделка оперы Глинки затягивалась.

Таким образом, М. и П. мог увидеть сцену только в гипотетическом отдаленном будущем, когда "Иван Сусанин" сойдет с репертуара. Такая перспектива не стимулировала Асафьева к завершению музыки оперы. Она осталась без увертюры и в значительной части не оркестрованной. Оркестровка и увертюра были сделаны только для русских сцен в связи с радиомонтажом 1938 г.

Песня хора Народного ополчения:
Ой, вы, гой еси, люди добрые,
Оставляйте вы свои домы,
Покидайте ваших жен, дочерей,
Пойдем-ка мы сражаться
За матушку за родну землю.
За славный город Москву!-
широко исполнялась в годы Великой Отечественной войны (без приведенного выше антипольского окончания).

Слова одного из персонажей М. и П., гонца Мокеева, посланного Мининым и Пожарским в Кострому и убитого сторонником Владислава воеводой Шереметьевым: "Ответишь ты, воевода, за меня, гонца..." напоминают речь Ивана Бездомного из одного из ранних вариантов романа "Мастер и Маргарита", написанных в 1931 или 1932 гг.: "Ну, пусть погибнет красная столица, я в лето от Рождества Христова, 1943-е все сделал, чтобы спасти ее! Но... но победил ты меня, сын гибели, и заточил меня, спасителя..." Это пророчество в романе было связано с сохранившимся в подготовительных материалах пророчеством французского астролога и врача, автора знаменитых "Центурий" (1555) Мишеля Нострадамуса (1503-1566) о конце света в 1943 г.

В М. и П. нашествие поляков и захват ими Москвы также получали эсхатологическое истолкование, а Минин и Пожарский выступали в роли новых спасителей Руси от Божьей кары (именно так трактовались выпавшие на страну несчастья в "волжской" арии Минина).

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Берлиоз Михаил Александрович ~

Страницы: 1 2

Михаил Александрович Берлиоз - персонаж романа "Мастер и Маргарита", председатель МАССОЛИТа.

МАССОЛИТ, располагающийся в Доме Грибоедова, по аналогии с объединением МАСТКОМДРАМ (Мастерская коммунистической драматургии) можно расшифровать как Мастерская (или Мастера) социалистической литературы.

Организация, которую возглавляет М. А. Б., пародирует реально существовавшие в 20-е - начале 30-х годов литературные и драматические союзы. Помимо МАСТКОМДРАМа, это РАПП (Российская Ассоциация Пролетарских Писателей), МАПП (Московская Ассоциация Пролетарских Писателей) и другие, ориентированные на поддержку постулатов коммунистической идеологии в литературе и искусстве.

Некоторыми чертами портрета М. А. Б. напоминает известного поэта, автора антирелигиозных стихов, в том числе "Евангелия от Демьяна", Демьяна Бедного (Ефима Алексеевича Придворова) (1883-1945). Как и Бедный, М. А. Б. "был маленького роста, упитан, лыс, свою приличную шляпу пирожком нес в руке, а на хорошо выбритом лице его помещались сверхъестественных размеров очки в черной роговой оправе". К портрету автора "Евангелия от Демьяна" здесь добавлены роговые очки, а традиционная для Бедного шляпа пирожком из зимней по сезону превращена в летнюю (хотя летние головные уборы обычно так не называют).

Роговые же очки связывают М. А. Б. не только с подобным ему мнимым иностранцем в Торгсине (см.: "Мастер и Маргарита"), но и с еще одним реальным прототипом - председателем РАППа Леопольдом Леонидовичем Авербахом (1903-1939). Намек на эту фамилию в завуалированной форме, присутствует в эпизоде, когда Воланд угощает М. А. Б. И Ивана Бездомного именно тем сортом папирос, каковой желает Бездомный - "Нашей маркой". В связи с этим возникает ассоциация со сценой в погребе Ауэрбаха из "Фауста" (1808-1832) великого немецкого поэта Иоганна Вольфганга Гёте (1749-1832), где Мефистофель мгновенно предоставляет посетителям тот сорт вина, который они желают. Здесь надо иметь в виду практическое тождество фамилий Авербах и Ауэрбах.

В "Новом завете без изъяна евангелиста Демьяна" Д. Бедного, опубликованном в "Правде" в апреле-мае 1925 г., финал звучал следующим образом:
Точное суждение о Новом завете:
Иисуса Христа никогда не было на свете.
Так что некому было умирать и воскресать,
Не о ком было Евангелия писать.

Точно так же М. А. Б. убеждает Ивана Бездомного, что "главное не в том, каков был Иисус, плох ли, хорош ли, а в том, что Иисуса-то этого, как личности, вовсе не существовало на свете и что все рассказы о нем - простые выдумки, самый обыкновенный миф". Кстати, в булгаковском архиве сохранились вырезки из "Правды" с фельетонами Д. Бедного.

Предсказание Воландом гибели М. А. Б. сделано в полном соответствии с канонами астрологии (см.: Демонология). Сатана отмечал наличие Меркурия во втором доме эклиптики. Это означало, что председатель МАССОЛИТа счастлив в торговле. М. А. Б. действительно ввел торгующих в святой храм литературы и удачлив в коммерции - получении материальных благ в обмен на убеждения и отказ от свободы творчества (его последние минуты озаряет мечта о поездке на отдых в Кисловодск). За это следует наказание.

В редакции 1929 г. Воланд применительно к М. А. Б. подчеркивал, что "луна ушла из пятого дома" (в окончательном тексте осталось неопределенное "луна ушла..."). Это указывало на отсутствие у М. А. Б. детей, т. е. прямых наследников. Действительно, единственным его наследником остается киевский дядя, которому Воланд и предлагает дать телеграмму. Несчастье в шестом доме, о котором говорит сатана, означает неудачу в браке, и действительно, как выясняется в дальнейшем, супруга М. А. Б. сбежала в Харьков с балетмейстером. Седьмой дом, куда в этот вечер перемещается светило, связанное с М. А. Б. - это дом смерти. Поэтому председатель МАССОЛИТа гибнет под колесами трамвая сразу после разговора с дьяволом.

Предсказание судьбы М. А. Б. может быть соотнесено с романом немецкого романиста-мистика Эрнста Теодора Амадея Гофмана (1775-1822) "Эликсир сатаны" (1815-1816), где рассказчик приглашает читателя разделить его общество на каменной скамье под сенью платанов: "С томлением неизъяснимым смотрели бы мы с тобой на синие причудливые громады гор". Он утверждает, что "наши, как мы их обычно именуем, грезы и фантазии являются, быть может, лишь символическим откровением сущности таинственных нитей, которые тянутся через всю нашу жизнь и связывают воедино все ее проявления; я подумал, что обречен на гибель тот, кто вообразит, будто познание это дает ему право насильственно разорвать тайные нити и схватиться с сумрачной силой, властвующей над нами".

Воланд предупреждает М. А. Б. об этих "таинственных нитях", над которыми человек не властен: "...Тот, кто еще недавно полагал, что он чем-то управляет, оказывается вдруг лежащим неподвижно в деревянном ящике, и все окружающие, понимая, что толку от лежащего нет более никакого, сжигают его в печи. А бывает и еще хуже: только что человек соберется съездить в Кисловодск... пустяковое, казалось бы, дело, но и этого совершить не может, потому что неизвестно почему вдруг возьмет - поскользнется и попадет под трамвай! Неужели вы скажете, что это он сам собой управил так? Не правильнее ли думать, что управился с ним кто-то совсем другой?"

Председатель МАССОЛИТа, который отрицает существование и Бога, и дьявола и не привык к необыкновенным явлениям, обречен на гибель, поскольку самонадеянно вообразил, что его поверхностные знания в области христианства, почерпнутые из Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона (см.: Христианство), дают основание пренебрегать знамениями судьбы. К тому же М. А. Б. так и не узнал, кто был перед ним на Патриарших.

Отрезанная голова
А профессору Доуэлю-то за что?!
"Каждому будет дано по его вере"
Выпьем за бытие!
Читайте завершение>>>

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Босой Никанор Иванович ~

Никанор Иванович Босой - персонаж романа "Мастер и Маргарита", председатель жилищного товарищества дома 302-бис по Садовой, где расположена Нехорошая квартира.

В ранней редакции романа Н. И. Б. звался Никодимом Григорьевичем Поротым, заставляя вспомнить автора апокрифического Никодимова Евангелия, особенно подробно излагавшего историю Понтия Пилата.

Н. И. Б. завершает длинный ряд управдомов-мошенников в булгаковском творчестве, начатый "барашковым председателем" в "Воспоминании...", Швондером в "Собачьем сердце" и Аллилуйей-Портупеей в "Зойкиной квартире" и продолженный Буншей-Корецким в "Блаженстве" и "Иване Васильевиче".

Председатель жилтоварищества дома 302-бис достаточно далеко ушел от своего прототипа - управляющего домом №50 по Б. Садовой караима К. Сакизчи (в рассказе "№13. - Дом Эльпит-Рабкоммуна" он выведен под именем Христи), превратившись в русского, а после проделок Воланда уверовавшего в христианского Бога: " - Бог истинный, бог всемогущий, - заговорил Никанор Иванович, - все видит, а мне туда и дорога. В руках никогда не держал и не подозревал, какая такая валюта! Господь меня наказует за скверну мою, - с чувством продолжал Никанор Иванович, то застегивая рубашку, то расстегивая, то крестясь, - брал! Брал, но брал нашими, советскими! Прописывал за деньги, не спорю, бывало...

На просьбу не валять дурака, а рассказывать, как попали доллары в вентиляцию, Никанор Иванович стал на колени и качнулся, раскрывая рот, как бы желая проглотить паркетную шашку.

- Желаете, - промычал он, - землю буду есть, что не брал? А Коровьев - он черт.

Всякому терпению положен предел, и за столом уже повысили голос, намекнули, что ему пора заговорить на человеческом языке.

Тут комнату с этим самым диваном огласил дикий рев Никанора Ивановича, вскочившего с колен:

- Вон он! Вон он за шкафом! Вот ухмыляется! И пенсне его... держите его! Окропить помещение!

Кровь отлила от лица Никанора Ивановича, он, дрожа, крестил воздух, метался к двери и обратно, запел какую-то молитву и, наконец, понес полную околесицу".

Ловля Н. И. Б. черта - Коровьева-Фагота у следователя ОГПУ разительно напоминает поиски черта Иваном Карамазовым во время допроса в "Братьях Карамазовых" (1879-1880) Федора Достоевского (1821-1881), причем оба героя одинаково сходят с ума. У Булгакова идет пародийное снижение по сравнению с Достоевским: в черта, а через него и в Бога поверил не образованный богоборец-нигилист, а полуграмотный хапуга-управдом.

Эпизод сна Н.И.Б., где он видит себя в помещении своеобразного театра (там небритых мужчин заставляют сдавать валюту и ценности), навеяна личными впечатлениями близкого друга Булгакова филолога Н. Н. Лямина. Как вспоминала вторая жена Лямина Н. А. Ушакова (1899-1990), "Николая Николаевича тоже вызвали. Уж не знаю, почему они решили, что у нас что-то есть. Может быть, потому, что они уже вызывали первую жену Николая Николаевича - Александру Сергеевну Лямину, которая была из известной купеческой семьи Прохоровых, кроме того, у них уже сидела ее тетка. Николай Николаевич просидел там недели две".

В 1929 г. ОГПУ начало кампанию по изъятию у населения валюты, золота и драгоценностей. Подозреваемых "валютчиков" держали в тюремных камерах иногда по несколько недель в надежде, что те "добровольно" выдадут хотя бы часть того, что имеют. При этом задержанных кормили соленой пищей, а воды давали мало.

11 декабря 1933 г. третья жена писателя Е. С. Булгакова зафиксировала в дневнике, как дальний родственник А. М. Земского (1892-1946) (мужа сестры Булгакова Нади) "сказал про М. А. - послать бы его на три месяца на Днепрострой, да не кормить, тогда бы он переродился. Миша: - Есть еще способ - кормить селедками и не давать пить".

Здесь соответствующий способ Булгаков, очевидно ассоциировал не только с гоголевским Городничим, практиковавшим в "Ревизоре" (1836) подобное в отношении купцов, но и со страданиями Лямина и других "валютчиков".

Н. А. Ушакова свидетельствовала, что тетка ее мужа, Прохорова, "у них уже долго сидела. Какое-то ожерелье или колье они искали... не помню, чье оно и у кого было спрятано. И Николая Николаевича все время об этом спрашивали, но он от всего отказывался и говорил, что ничего не знает. А первую жену Николая Николаевича тоже туда вызывали и тоже колье спрашивали, но они заранее договорились ни в чем не признаваться. В общем, он ничего не говорил о тетке до тех пор, пока ее не провели перед ним. Тогда он убедился, что они ее все равно знают. Потом у нас сделали обыск, но у нас, конечно, ничего не было, и они унесли две дешевые побрякушки со стекляшками вместо камней, и Николая Николаевича выпустили. И вот, он Булгакову обо всем этом подробно рассказывал, и тот написал эту главу про сон Никанора Ивановича почти слово в слово".

Арест Лямина произошел осенью 1931 г. 26 октября 1931 г. Булгаков сообщал в письме своему другу философу и литературоведу П. С. Попову в Ленинград: "Коля (Н. Н. Лямин) живет пристойно, но простудился на днях". Слова о простуде могли быть иносказательным сообщением о задержании.

Первый вариант главы о сне Н. И. Б. был написан в сентябре 1933 г. Тогда она называлась "Замок чудес". 17 и 27 сентября, судя по записям Е. С. Булгаковой, писатель читал ее Лямину. В дальнейшем глава неоднократно переделывалась и частично уничтожалась, вероятно, из-за политической остроты содержания. Однако и в окончательном тексте сохранилась история тетки Пороховниковой на Пречистенке, скрывающей валюту и драгоценности.

В первом варианте главы "Последний полет" романа "Мастер и Маргарита", написанном в июле 1936 г., Воланд предупреждал Мастера: "Исчезнет из памяти дом на Садовой, страшный Босой, но исчезнет мысль о Ганоцри и о прощенном игемоне". Первоначально Н. И. Б. должен был быть фигурой более зловещей - не только взяточником, но и вымогателем и доносчиком, возможно, игравшим по отношению к Мастеру ту же роль, которая в окончательном тексте досталась Алоизию Могарычу.

Очевидно, тогда Н. И. Б. проецировался на кого-то из "теплой компании" жилтоварищества дома №50 по Б. Садовой, о которой Булгаков писал сестре Наде 1 декабря 1921 г.: "Одно время пережил натиск со стороны компании из конторы нашего дома. "Да А. М. (имеется в виду муж Н. А. Булгаковой А. М. Земский) триста шестьдесят пять дней не бывает. Нужно его выписать. И вы тоже неизвестно откуда взялись" и т.д. и т.д. Не вступая ни в какую войну, дипломатически вынес в достаточной степени наглый и развязный тон, в особенности со стороны С. смотрителя. По-видимому, отцепились. Андрея настоял не выписывать... С. довел меня до белого каления, но я сдерживаюсь, потому что не чувствую, на твердой ли я почве. Одним словом, пока отцепились".

24 марта 1922 г. писатель сообщал сестре: "...Дом уже "жилищного рабочего кооператива" и во главе фирмы вся теплая компания, от 4-7 по-прежнему заседания в комнате налево от ворот".

Также и Н. И. Б. наделен только одной страстью - к еде и выпивке. От любимого занятия его и отрывают сотрудники ОГПУ. В окончательном тексте Н. И. Б. - фигура уже не столь зловещая, в большей мере юмористическая.

Прототип Н. И. Б. запечатлен в рассказе "Воспоминание...": "Председатель домового управления, толстый, окрашенный в самоварную краску, человек, в барашковой шапке и с барашковым же воротником, сидел, распопырив локти, и медными глазами смотрел на дыры моего полушубка".

В "Мастере и Маргарите" также подчеркивается, что председатель жилтоварищества - "тучный", "толстяк с багровой физиономией" (багровым лицо у Н. И. Б. стало от потрясения, вызванного долларами, обнаруженными в вентиляции, и арестом).

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций
Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы
Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи
Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта
Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

"Пётр Великий"

"Пётр Великий" - либретто оперы. При жизни Булгакова опера не ставилась, а либретто к ней не публиковалось. Впервые опубликовано: Советская музыка, М., 1988, № 2.

Тема П. В. родилась во время общения с композитором и музыковедом Борисом Владимировичем Асафьевым (псевдоним: Игорь Глебов) (1884-1949) в связи с совместной работой над оперой "Минин и Пожарский". 12 декабря 1936 г., когда постановка "Минина и Пожарского" была отложена, Асафьев писал Булгакову: "Намерены ли Вы ждать решения судьбы "Минина" или начать думать о другом сюжете уже теперь? Сюжет хочется такой, чтобы в нем пела и русская душевная боль, и русское до всего мира чуткое сердце и русская философия жизни и смерти. Где будем искать: около Петра? В Радищеве? В Новгородских летописях (борьба с немцами и всякой прочей "нечистью") или во Пскове? Мне давно вся русская история представляется как великая оборонная трагедия, от которой и происходит извечное русское тягло. Знаете ли Вы наметки Грибоедова о "1812 годе", т. е. наброски трагедии из этой эпохи? Тема, тоже давно меня манящая. Там также личность ликвидируется тяглом. Конечно, бывали просветы (Новгород и Ганза, Петр и Полтава, Александр I и Париж), когда наступала эра будто бы утех, право государства на отдых после борьбы за оборону и отсюда ненадолго шло легкое раскрепощение личного сознания от государственного тягла, но и эти эпохи - мираж. Действительность с ее лозунгом "все на оборону" - иначе нам жить не дадут и обратят в Китай - вновь отрезвляет умы. Простите за косноязычные рассуждения, это всего лишь наметки для того, чтобы указать Вам, чего мне хочется. Трагедия жизни Пушкина, его "Медный всадник", Иван IV, жертвующий Новгородом; Екатерина II, жертвующая своими симпатиями к французской вольтерианской культуре, а вместе и Радищевым, и Новиковым; Петр, жертвующий Алексеем; Хмельницкий (Украиной в пользу Московии) и т. д., и т. д. - все эти вариации одной и той же оборонной темы. Не отсюда ли идет и на редкость странное, пренебрежительное отношение русского народа к жизни и смерти и неимоверная расточительность всех жизненных сил?!"

Сам Асафьев был профессиональным историком, в 1908 г. окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, под руководством академика С. Ф. Платонова (1860-1933) успешно защитил дипломную работу "Негласный комитет императора Александра I (1801-1803). Историческое исследование из эпохи преобразовательных стремлений императора Александра I в первые годы его царствования", посвященное как раз короткому периоду после очередной войны, когда наблюдалось относительное раскрепощение личности от "государственного тягла".

Безоговорочное официальное признание творчества Асафьева в советскую эпоху последовало в годы Великой Отечественной войны и в послевоенное время, когда на волне кампании "борьбы с космополитизмом", пусть в уродливой форме, произошло некоторое раскрепощение русского национального сознания: в 1943 г. композитор был удостоен Государственной премии и избран академиком АН СССР, в 1946 г. получил звание Народного артиста СССР, а в 1948 г. стал первым председателем правления Союза советских композиторов, одновременно сделавшись вторично лауреатом Государственной премии.

Булгаков во многом разделял взгляды Асафьева на русскую историю и, так же, как и композитор, видел зависимость личности от "государственного тягла". Еще в начале 30-х годов в антивоенной пьесе "Адам и Ева" драматург показал бесперспективность и опасность оборонной пропаганды, проникшей во все поры советской жизни, поскольку следствием новой войны непременно будут новые страдания и возможно даже - гибель всего человечества или возвращение его в первобытное состояние. В 1936 г. интерес к родной истории был одной из побудительных причин работы Булгакова над "Курсом истории СССР". Поэтому предложение Асафьева писать либретто новой оперы на тему русской истории он охотно принял.

Близость взглядов Асафьева и Булгакова доказывается также положительной характеристикой композитора в дневнике третьей жены писателя Е. С. Булгаковой. 16 июня 1936 г. в связи с первым визитом Асафьева к Булгаковым она отметила: "... Асафьев вообще понравился ему (Булгакову) - он очень умен, остер, зол". Как и драматург, композитор был зол на свое положение в советском обществе, отсутствие творческой свободы, невозможность реализовать замыслы, в первую очередь оперные (ставились только его балеты). В записи 16 января 1938 г., после новой встречи с Асафьевым, Е. С. Булгакова дословно повторила его характеристику - "умен, остер и зол". Взгляды композитора, как и либреттиста, не менялись со временем, и Булгаков чувствовал к нему стойкую симпатию, хотя ни одна из их совместных опер так и не была поставлена.

13 февраля 1937 г. драматург известил Асафьева: "Ко мне обратился молодой композитор Петунин и сказал, что хочет писать оперу о Петре, для которой просит меня делать либретто.
Я ему ответил, что эта тема у меня давно уже в голове, что я намереваюсь ее делать, но тут же сообщил, что Вы ее уже упомянули в числе тех, среди которых ищете Вы и, что если Вы захотите осуществить Петра, я, конечно, буду писать либретто для Вас.
Итак, желаете делать Петра или хотите остановиться на чем-нибудь другом, насчет чего мы с Вами можем подумать?
Если Петра не хотите, я скажу Петунину, что Петр свободен, а так как я все равно либретто это, полагаю, буду делать (если Большой примет тему), то пусть он сговаривается с Большим, пробует, тем более что он строит свои надежды на этой опере".

16 февраля 1937 г. Асафьев ответил: "Вкратце: о работах с Вами. Петра обязательно со мной. Я подбираюсь к нему давно и не хотел бы ни его, ни Вас уступить кому-либо. Затем, с Вами же намерен делать Хаджи Мурата (тоже давно облюбовываю и с ужасом услышал, как Керженцев (тогдашний глава Комитета по делам искусств) назвал эту тему для оперы в числе желанных: я его умолял никому ее не выдавать). И, наконец, в третью очередь (с Вами же) 1812 год по наметке трагедии А. С. Грибоедова... Если останусь жив, непременно сделаю эти три вещи".

Впервые работа над П. В. зафиксирована в дневнике Е. С. Булгаковой 15 июня 1937 г. (в черновиках начало работы над либретто помечено 7 июня 1937 г.): "М. А. работает сейчас над материалом для либретто "Петр Великий". Сегодня мы как раз говорили о том, как бы уберечь ему эту тему. Чтобы не вышло того, что с "Пугачевым". Миша придумал несколько месяцев назад эту тему для либретто, предложил Самосуду (главному дирижеру и художественному руководителю Большого театра Самуилу Абрамовичу Самосуду (1884-1964). Тот отвел. А потом оказалось, что ее будет писать композитор Дзержинский - очевидно, со своим братом-либреттистом. Вот что делают с Мишей!"

Над текстом П. В. Булгаков трудился все лето. О своей работе над либретто он сообщил Асафьеву и предложил тому писать музыку. Об этом говорится в недошедшем до нас письме, на которое композитор ответил 4 июля 1937 г.: "Насчет "Петра" не только не остыл, но безумно рад Вашему известию и готов взяться за работу в любой момент. Урывками, правда, но часто, все время, когда есть свободные часы, заглядывал в материалы по "Петру", пособрав их у себя порядком, поэтому я в "курсе дела". Значит, если Вы, милый, чуткий и добрый человек, хотите доверить оное либретто еще раз мне - мне, не только как мне, но и отверженному композитору, на которого гневается музыкальный Юпитер (как античник, я не помню, гневался ли олимпийский Юпитер на тех, кого он сам обижал!), я могу только от всей души вас благодарить. Только большая серьезная волнующая меня работа может поднять меня из состояния глубокой грусти, в какое меня загнали. Но ведь Комитет вычеркнет меня как композитора с обложки Вашего либретто? Или лучше написать и музыку, а потом уж преподнести все вместе?! Ну, Вам виднее, а я с нетерпением буду ждать либретто и еще Ваших писем, хотя и кратких".

У Булгакова не было оснований сомневаться, что добрые слова, сказанные Асафьевым в его адрес, были искренними. Еще 2 июля 1937 г. жена драматурга занесла в дневник рассказ только что приехавшего из Ленинграда одного из булгаковских друзей - театрального художника Владимира Владимировича Дмитриева (1900-1948): "Вечером Дмитриев опять пришел, сидел до трех часов ночи. Он сказал, что они с Асафьевым много говорили о М. А. и решили, что М. А. необычайно высоко стоит в моральном отношении, что, - как забавно сказал Дмитриев, - другого такого порядочного человека они не знают. М. А. сделал свою гримасу - поджал губы, поднял брови, голова набок. Дмитриев - дды!.."

21 августа 1937 г. Е. С. Булгакова занесла в дневник свои сомнения, связанные с П. В.: "М. А. сидит над "Петром". Не могу разобраться, не нравится мне эта вещь или я не люблю Петра. Вернее, конечно, последнее". А 22 августа, на следующий день, она зафиксировала первые тучи, начавшие сгущаться над либретто: "Зашла в дирекцию ГАБТ за Мишей, слышала конец его разговора с Самосудом... Трудно будет М. А. У Самосуда престранная манера работы, он делает все на ходу. Ничем не интересуется, кроме своих дел. Он обаятелен, но, конечно, предатель. Он явно хочет не пустить Асафьева на "Петра". М. А. волнуется, считая, что так поступать с Асафьевым нельзя".

1 сентября 1937 г. Булгаков закончил первую редакцию П. В., а 13 сентября - вторую. 16 сентября после безуспешных попыток заставить С. А. Самосуда прочесть П. В. драматург сдал текст в дирекцию Большого театра, а 17 сентября Е. С. Булгакова отвезла текст П. В. в Комитет по делам искусств для его председателя Платона Михайловича Керженцева (Лебедева) (1884-1940). 22 сентября она забрала его замечания на либретто в десяти пунктах, фактически ставившие крест на работе. Е. С. Булгакова отметила в дневнике: "Смысл этих пунктов тот, что либретто надо писать заново. Нет, так невозможно М. А. работать!"

Керженцев указывал:
"1. Нет народа (даже в Полтавской битве), надо дать 2-3 соответствующих фигуры (крестьянин, мастеровой, солдат и пр.) и массовые сцены.
2. Не видно, на кого опирался Петр (в частности - купечество), кто против него (часть бояр, церковь).
3. Роль сподвижников слаба (в частности, роль Меншикова).
4. Не показано, что новое государство создавалось на жесткой эксплуатации народа (надо вообще взять в основу формулировку тов. Сталина).
5. Многие картины как-то не закончены, нет в них драматического действия. Надо больше остроты, конфликтов, трагичности.
6. Конец чересчур идилличен - здесь тоже какая-то песнь угнетенного народа должна быть. Будущие государственные перевороты и междуцарствия надо также здесь больше выявить. (Дележ власти между правящими классами и группами.)
7. Не плохо было бы указать эпизодически роль иноземных держав (шпионаж, например, попытки использования Алексея).
8. Надо резче подчеркнуть, что Алексей и компания за старое (и за что именно).
9. Надо больше показать разносторонность работы Петра, его хозяйственную и другую цивилизаторскую работу. (Картина 2-я схематична.)
10. Язык чересчур модернизован - надо добавлять колориты эпохи. Итак, это самое первое приближение к теме, нужна еще очень большая работа".

Булгаков 2 октября 1937 г. с горечью сообщил Асафьеву: "Петра" моего уже нету, то есть либретто-то лежит передо мною переписанное, но толку от этого, как говорится, чуть.
А теперь по порядку: закончив работу, я один экземпляр сдал в Большой, а другой послал Керженцеву для ускорения дела. Керженцев прислал мне критический разбор работы в десяти пунктах. О них можно сказать, главным образом, что они чрезвычайно трудны для выполнения и, во всяком случае, означают, что всю работу надо делать с самого начала заново, вновь с головою погружаясь в исторический материал.
Керженцев прямо пишет, что нужна еще очень большая работа и что сделанное мною, это только "самое первое приближение к теме".
Теперь нахожусь на распутье. Переделывать ли, не переделывать ли, браться ли за что-нибудь другое или бросить все? Вероятно, необходимость заставит переделывать, но добьюсь ли я удачи, никак не ручаюсь.
Со многим, что говорил Пашаев (А. Ш. Мелик-Пашаев (1905-1963), дирижер Большого театра), прочитавший либретто, я согласен. Есть недостатки чисто оперного порядка. Но, полагаю, выправимые. А вот все дело в керженцевских пунктах.
Теперь относительно композитора. Театр мне сказал, что я должен сдать либретто, а вопрос о выборе композитора - дело Комитета и театра. Со всею убедительностью, какая мне доступна, я сказал о том, насколько было бы желательно, чтобы оперу делали Вы. Это все, что я мог сделать. Но, конечно, этот вопрос будет решать Комитет.
Мне кажется, что если бы либретто было бы сделано и принято, Вам следовало бы самому сделать шаги в Комитете. И, конечно, если бы они дали хороший результат, я был бы искренне рад!"

Однако писать оперу Асафьеву так и не пришлось. В декабре 1937 г. была активизирована работа над либретто оперы "Минин и Пожарский", поскольку замечания к нему того же Керженцева были значительно мягче. До середины 1938 г. еще сохранялись надежды на постановку этой оперы, так что и Булгаков, и Асафьев были заняты "Мининым и Пожарским".

В январе 1938 г. Керженцев был снят, но его преемник, бывший сотрудник "Правды" Назаров, вряд ли иначе, чем предшественник, отнесся к П. В. Е. С. Булгакова зафиксировала его характерное поведение на премьере в Большом театре оперы М. И. Глинки (1804-1857) "Иван Сусанин" 19 февраля 1939 г.: "Председатель Комитета по делам искусств - приехал ко второй части оперы. Женя (артист МХАТа Е. В. Калужский (1896-1966), муж сестры Е. С. Булгаковой О. С. Бокшанской (1891-1948), который сидел через два кресла от него, говорит, что Назаров сказал - колоколов не надо".

Бессмысленно было надеяться, что новый чиновник примет либретто П. В., отвергнутое Керженцевым. А на переработку времени у Булгакова не было. Он трудился над завершением "Мастера и Маргариты", "Дон Кихотом", "Батумом", в сентябре 1938 г. начал работу над новым либретто - "Рашель". Да и вряд ли драматург надеялся и желал нарисовать такой образ императора Петра I (1672-1725), который удовлетворил бы партийных цензоров. Что же не понравилось Керженцеву в П. В.?

Его замечания отражали марксистские стереотипы восприятия русской и всемирной истории. Тут и непременное подчеркивание роли народных масс во всех ключевых исторических событиях, и упор на классовый гнет, и показ соратников Петра, в особенности тех, кто, вроде Александра Даниловича Меншикова (1673-1729), по легенде были выходцами из народа. Не забыл председатель Комитета и происки иностранных шпионов, которых в ту пору усиленно вылавливали в СССР и которых требовалось найти и в петровское время. Воплотить в либретто вульгарную марксистскую социально-политическую схему было практически невозможно. Вряд ли и сам Керженцев сколько-нибудь ясно представлял себе как в арии или песне можно показать "дележ власти между правящими классами и группами".

По сравнению с первой редакцией, в окончательном тексте П. В. Булгаков смягчил или устранил некоторые моменты, которые могли вызвать цензурные нападки (что, впрочем, либретто не спасло). Линия царевича Алексея (1690-1718) сначала была дана с несколько большим сочувствием. Да и в окончательном тексте этот образ трактовался скорее в духе романа Дмитрия Мережковского (1886-1941) "Петр и Алексей" (1895). Из окончательного текста ушло определение Алексеем Петра "аки зверь, лютый зверь", зато появилась сцена с самострелом царевича. Алексей не выучился черчению и прострелил себе руку, чтобы не чертить чертежи. Ушла целая сцена, в которой царский посланник Петр Андреевич Толстой (1645-1729) выманивал Алексея из Неаполя, а также сцена, когда Петр получает сообщение о смертном приговоре и смерти сына, явно убитого по его приказу.

В последней редакции царевич малодушно лжет в лицо отцу, отрицая обвинения в заговоре. В первой редакции после доноса своей любовницы Ефросиньи Алексей, понимая собственную обреченность, бесстрашно бросает царю в лицо правду и проклинает Толстого, обещавшего ему прощение: "О, царь, ты правды добивался? Все правда, что она сказала. Да, смерти я твоей желал и бунта ждал затем, чтобы тебя убили! И все, что сделал ты, я б уничтожил! Ты жаждал правды? Вот она! (Толстому) А ты, Иуда... будь ты проклят и в жизни сей, и в жизни вечной".

Как и в окончательном тексте, здесь уже отразился мотив покоя и вечной любви, которых ищут Алексей с Ефросиньей у австрийского императора (цесаря):
"АЛЕКСЕЙ. Там, в чужих странах, мы сыщим покой. Там нас укроет могучий и ласковый цесарь. Там мы грозу переждем!
ЕФРОСИНЬЯ. Там, в чужих странах, стану твоею женою, верной подругой я буду твоей!..
АЛЕКСЕЙ ... верной и вечной...
ЕФРОСИНЬЯ ... вечной и верной!
АЛЕКСЕЙ. В края чужие, но не на век! Доверься мне, мы жизнь свою спасем... Там сгинут горести, пройдут печали, там ждет нас счастье и покой!.."

В последней редакции Булгаков только заменил "цесаря" (это было нормой в петровские времена) на евангельского "кесаря", сделав слова Алексея более созвучными словам первосвященника Иосифа Каифы в "Мастере и Маргарите" в ответ на угрозы прокуратора Понтия Пилата: "Знает народ иудейский, что ты ненавидишь его лютою ненавистью и много мучений ты ему причинишь, но вовсе ты его не погубишь! Защитит его бог! Услышит нас, услышит всемогущий кесарь, укроет нас от губителя Пилата!" (Алексей уподоблялся Каифе, а Петр - прокуратору Иудеи, что также было достаточно двусмысленно). Но ведущим мотивом для опального царевича оставался мотив покоя, счастья и вечной любви, роднящий его и Ефросинью с Мастером и Маргаритой, обретающими покой и вечную любовь в дарованном Воландом последнем приюте. Разница здесь только та, что покой и счастье в чужих краях Алексей, в отличие от Мастера, стремится обрести не навек, и монастырскую келью он рассматривает только как временное убежище перед грядущим обретением царской власти. Это, в конечном счете, вместе с предательством Ефросиньи, становится причиной его гибели.

В первой редакции гетман Иван Степанович Мазепа (1629-1709) в бессилии проклинал Петра: "Дракон московский, ты непобедим!" В окончательном тексте эта фраза исчезла, как и слова мазепинских запорожцев: "Всех москали нас заберут и замордуют" (осталось только "заберут") - намек на незавидную судьбу запорожцев и другого украинского населения, закрепощенного и притеснявшегося при Петре и его преемниках. Но и в последней редакции либретто остался мотив Петра-антихриста. Так называл царя Протопоп в беседе с Алексеем и монахами. Царевич же обещал восстановить на Руси православную веру: "И увидим опять в блеске дивных огней нашу церковь соборную радостной, разольется по всей по родимой Руси звон великий и мерный, и сладостный! Я верну благочиние, благолепие станет чудесное! И услышим опять по церквам на Руси православное пенье небесное! Не могу выносить я порядков отца! Омерзело мне все! Ненавижу его! Умирай! Умирай!"

Устраиваемый Петром маскарадный праздник по случаю мира со Швецией сопровождается глумлением над христианской верой - появлением маскарадных монашек с пьяной игуменьей, сатиров, медведей, Бахуса и др. - и напоминает Великий бал у сатаны. А следующая за маскарадом смерть Петра воспринимается как Божья кара за это глумление. Главное же, в финале умерший император провозглашается новым божеством:
"ГВАРДИЯ. Он умер, но в гвардии не умрет любовь к Петру, земному богу!"

Кстати, именно как земной бог выступает антихрист в "Трех разговорах" (1900) известного религиозного философа Владимира Сергеевича Соловьева (1853-1900). Но Петра I при жизни, да и после смерти никто не славил как земного бога. Зато в этом качестве пропаганда прославляла современного Булгакову правителя - И. В. Сталина. В 30-е годы, начиная с писавшегося тогда романа Алексея Николаевича Толстого (1882/83-1945) "Петр Первый" (1929-1945), подспудное отождествление деяний Петра и Сталина стало частью советского исторического мифа. Поэтому сходство Петра с антихристом в П. В. могло вызывать опасные ассоциации. Возможно, в этих ассоциациях и заключался секрет прохладного отношения Керженцева к булгаковскому либретто. Прямо сформулировать такие догадки в отзыве он, разумеется, не мог, поэтому посредством выдвижения ряда трудно исполнимых требований председатель Комитета по делам искусств стремился похоронить П. В., что ему в конечном счете и удалось.

В либретто Булгаков запечатлел время с финала Полтавской битвы до смерти Петра, т. е. ту эпоху, которую Асафьев считал периодом ослабления военной опасности (после Полтавы существованию России Швеция уже не угрожала), "когда наступала эра будто бы утех, право государства на отдых после борьбы за оборону, и отсюда ненадолго шло легкое раскрепощение личного сознания от государственного тягла". Драматург доказал на примере Алексея справедливость мнения композитора, что подобные эпохи в русской истории - всего лишь мираж. Особенно явственно это выступало в первой редакции, где прямо сообщалось о гибели царевича, ставшего жертвой Петровского самовластья и подчеркивалось стремление царя к усилению военной мощи державы.

На прекращение работы над П. В. повлияло и сообщение о появлении конкурирующего либретто. 5 января 1938 г. в "Вечерней Москве" была опубликована заметка "Петр Первый", где говорилось: "Композитор Иван Шишов приступил к работе над большой исторической оперой "Петр Первый"... Либретто, автором которого является Вл. Латов, строится на историческом документальном материале. В контрасте с прогрессивным образом Петра - строителя государства будет дан Алексей - представитель и опора консервативной знати, орудие темных и невежественных сил России, борющихся с Петром". Такая примитивная трактовка в духе простой оппозиции положительного и отрицательного культурных героев власть устроила бы гораздо больше, чем сложные, многомерные образы П. В. пера Булгакова.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Рашель"

"Рашель" - либретто оперы. При жизни Булгакова не ставилось и не публиковалось. Впервые: Музыкальная жизнь, М., 1988 г., №№ 10, 11. Сокращенная редакция либретто в обработке поэтессы Маргариты Алигер, сделанной уже после смерти Булгакова, опубликована: Новый журнал, Нью-Йорк, 1972, №108.

Р. написана по мотивам рассказа французского писателя Ги де Мопассана (1840-1893) "Мадемуазель Фифи" (1882). Работу над Р. Булгаков начал в сентябре 1938 г. Его третья жена Е. С. Булгакова в дневниковой записи 22 сентября 1938 г. зафиксировала звонок их друга, заместителя директора Большого театра, Якова Леонтьевича Леонтьева (1899-1964) и свой разговор с ним:

"-Где М. А.?

- Ушел в филиал.

- У меня к нему дело есть, интересное. Хороший разговор.

Потом оказалось, что Большой театр предлагает М. А. делать либретто по "M-elle Фифи" с Дунаевским-композитором.

Самосуд (дирижер и художественный руководитель Большого театра, друг Булгакова, Самуил Абрамович Самосуд (1884-1964) подчеркивал:

- Главное - интересная фабула!

Часть материалов раздобыли тут же - на обратном пути домой.

А сейчас, ночью, М. А. рассказал мне содержание всех пяти картин".

Новелла Мопассана из эпохи франко-прусской войны 1870-1871 гг. носила ярко выраженный антигерманский характер. В тот момент это обстоятельство вполне соответствовало советской политической конъюнктуре. В сентябре 1938 г. наступил Судетский кризис, вызванный германскими требованиями к Чехословакии о передаче Рейху территории Судетской области. Как раз в середине этого месяца чехословацкое правительство запросило советскую сторону, готов ли СССР выполнить свои обязательства в соответствии с чехословацко-советским пактом 1935 г. и придти на помощь Чехословакии в случае, если такая помощь, как предусматривалось соответствующими соглашениями, будет оказана и со стороны Франции. Вырисовывалась перспектива антигерманского союза СССР, Франции и Чехословакии против Германии Адольфа Гитлера (1889-1945). С этим и было связано стремление руководителей Большого Театра поскорее поставить оперу по "Мадемуазель Фифи". Они даже могли получить из ЦК ВКП(б) прямое указание о подготовке антигерманской постановки.

23 сентября 1938 г. Е. С. Булгакова отметила чтение мужем Мопассана, а в последующие три дня - ежевечернюю работу над текстом, как она называла, "Фифи", так что к исходу 26 сентября Булгаков уже читал жене первую картину. Замысел явно захватил драматурга. 28 сентября 1938 г. Е. С. Булгакова с тревогой записала: "Включила радио: войска идут через Берлин в полной готовности. Гитлер объявил Чехии ультиматум. Значит, действительно война! Боже". Однако Франция и Великобритания возможной войне предпочли Мюнхенское соглашение с Германией и Италией, передающее Судеты Гитлеру в обмен на гарантии германского ненападения на Чехословакию. Соглашение было заключено ночью 30 сентября. 29 сентября британский премьер министр Невиль Чемберлен (1869-1940) прибыл в Мюнхен, поэтому 30 сентября 1938 г., еще не зная о Мюнхенском соглашении, Е. С. Булгакова очень точно предсказала в дневнике: "Видимо, Чехословакию поделят без вмешательства военной силы". После Мюнхена начинается скрытая

переориентация советской внешней политики на временное сближение с Германией. Однако эта тенденция проводилась тайно, сделавшись явной только с заключением советско-германского пакта о ненападении 23 августа 1939 г. Тема Р. теряла свою актуальность, но ни Булгаков, ни С. А. Самосуд, ни Я. Л. Леонтьев о такой перемене обстоятельств, естественно, еще не знали.

3 сентября 1938 г., согласно записи Е. С. Булгаковой, "М. А. рассказывал Самосуду в театре содержание "Рашели" ("Фифи"). Тому понравилось, но он сейчас же, по своему обыкновению, стал делать предложения каких-то изменений. М. А. грустен, но ничего поделать нельзя. Приходится работать и подчиняться указаниям, делать исправления. Выхода никакого нет".

7 октября произошла первая встреча Булгакова с композитором Исааком Осиповичем Дунаевским (1900-1955). Е. С. Булгакова описала ее в дневнике: "Вчера вечером - очаровательно. Приехал Яков (Леонтьев) с Дунаевским и еще с одним каким-то приятелем Дунаевского (в позднейшей редакции приятель назван Туллером, сексотом из "Адама и Евы"). Либретто "Рашели" чрезвычайно понравилось. Дунаевский зажегся, играл, импровизируя, веселые вещи, польку, взяв за основу Мишины первые такты, которые тот в шутку выдумал, сочиняя слова польки. Ужинали весело. Но уже есть какая-то ерунда на горизонте. Яков сказал мне, что Самосуд заявил: Булгаков поднял вещь до трагедии, ему нужен другой композитор, а не Дунаевский. Что это за безобразие? Сам же Самосуд пригласил Дунаевского, а теперь такое вероломство!" В позднейшей редакции этой записи третья жена Булгакова выразилась еще резче: "Ну и предатель этот Самосуд. Продаст человека ни за грош. Это ему нипочем".

8 октября Самосуд уже предлагал заменить Дунаевского на Д. Б. Кабалевского. По утверждению Е. С. Булгаковой, "Миша говорил ему - как же теперь дирекция, интересно знать, будет смотреть в глаза Дунаевскому?" 14 октября 1938 г. Булгаков рассказал содержание Р. дирижеру Большого Театра А. Ш. Мелик-Пашаеву (1905-1964), которому либретто понравилось. Правда, по свидетельству Е. С. Булгаковой, сразу возник вопрос, можно ли показывать на сцене кюре в качестве положительного героя, не вызовет ли это цензурных возражений (жена драматурга указала на полную нехудожественность любой замены этого героя). 27 октября Булгаков прочел первую картину Р. художнику П. В. Вильямсу (1902-1947) с супругой, а 28 октября принялся за вторую картину. Затем работа прервалась примерно на месяц и возобновилась 25 ноября.

1 декабря Булгаков послал письмо Дунаевскому, тревожась, что композитор не подает весточки о себе: "Я отделываю "Рашель" и надеюсь, что на днях она будет готова. Очень хочется с Вами повидаться. Как только будете в Москве, прошу Вас: позвонить мне. И "Рашель", и я соскучились по Вас". В ответном письме 4 декабря 1938 г. Дунаевский просил: "Не сердитесь на меня и не обращайте никакого внимания на кажущееся мое безразличие. Я и днем и ночью думаю о нашей чудесной "Рашели". 22 декабря Булгаков прочел композитору первую картину Р. и часть второй. В этот день Е. С. Булгакова записала: "Вообще - (боюсь ужасно ошибиться!) Дунаевский производит на меня впечатление человека художественной складки, темпераментного, загорающегося и принципиального - а это много значит! Он хотел, чтобы Миша просто отдал бы ему "Рашель", не связываясь с Большим. Но Миша не может, он должен, по своему контракту с Большим, сдать либретто в театр. Решили, что Дунаевский будет говорить с Самосудом и твердо заявит, что делать "Рашель" будет он".

8 января 1939 г. драматург отослал композитору первую картину Р. Дунаевский оценил ее очень высоко и в письме Булгакову от 18 января высказался вполне панегирически: "Считаю первый акт нашей оперы с текстуальной и драматургической стороны шедевром. Надо и мне теперь подтягиваться к вам. Я получил письмо Якова Леонтьевича (Леонтьева) - очень хорошее и правильное письмо. Я умоляю Вас не обращать никакого внимания на мою кажущуюся незаинтересованность. Пусть отсутствие музыки не мешает вашему прекрасному вдохновению. Дело в том, что я всегда долго собираюсь в творческий путь. К тому же первый акт ставит неразрешимые для дальнейших картин задачи. Очень легко сбиться в нем на веселых немецких студентов. Вот тут-то и заковыка... Начнем с б… ей мадам Телье. Друг мой дорогой! Ни секунды не думайте обо мне иначе, как о человеке, беспредельно любящем свое будущее детище. Я уже Вам говорил, что мне шутить в мои 39 лет поздновато. Скидок себе не допускаю, а потому товар хочу показать высокого класса. Имею я право на длительную подготовку "станка"? Мне кажется, что да. Засим я прошу передать мой самый сердечный и низкий поклон Елене Сергеевне, симпатии которой я никогда не посмею нарушить творческим хамством в отношении Вас. Крепко жму Вашу руку и желаю действовать и дальше, как в первой картине. Я ее много раз читал среди друзей. Фурор! Знай наших!"

После письма Я. Л. Леонтьева Дунаевский уже не сомневался: именно ему предложено написать музыку Р. Но приниматься за дело не спешил, не желая тратить время на вещь, перспективы постановки которой оставались неопределенными. Линия советской внешней политики уже не отличалась антинемецкой направленностью. Булгаков, тем не менее, словам Дунаевского, призванным замаскировать неготовность форсировать работу, поверил и 22 января 1939 г. сразу по окончании отправил композитору вместе с письмом вторую картину, а 26 января - третью, призывая Дунаевского "ковать, ковать железо, пока горячо". Но тот не отвечал, и пыл Булгакова охладел.

26 марта 1939 г., закончив работу над Р., он лишь 7 апреля отослал Дунаевскому последние картины с крайне лаконичной запиской: "Дорогой Исаак Осипович! Посылаю при этом 4 и 5 картины "Рашели". Привет! М. Булгаков". Гораздо больше по объему оказалось добавленное Е. С. Булгаковой страстное обращение: "Дорогой Исаак Осипович, Миша мне поручил отправить Вам письмо, и я пользуюсь случаем, чтобы вложить мою записку. Неужели и "Рашель" будет лишней рукописью, погребенной в красной шифоньерке? Неужели и Вы будете очередной фигурой, исчезнувшей, как тень, из нашей жизни? У нас было уже много таких случаев. Но почему-то в Вас я поверила. Я ошиблась?"

К несчастью, жена драматурга и здесь оказалась пророчицей: на сцене Р. Булгаков так и не увидел. В марте 1939 г. последовал новый кризис в международных отношениях, вызванный германской оккупацией Чехословакии. До его разрешения невозможно было точно сказать, на чьей стороне окажется СССР - Германии или англо-французского блока, а от этого впрямую зависела возможность постановки Р. После заключения советско-германского пакта о ненападении 23 августа 1939 г. ситуация прояснилась.

Но еще раньше Дунаевский был настроен пессимистически. 25 февраля он приехал к Булгакову и, согласно записи Елены Сергеевны, "Миша был хмур, печален, потом говорит, что не может работать над "Рашелью", если Дунаевский не отвечает на телеграмму и если он ведет разговоры по поводу оперы в том роде, что "Франция ведет себя плохо", значит, не пойдет! Дунаевский играл до 4-х часов на рояле, кое-какие наметки "Рашели". А потом мы с Николаем Робертовичем (Эрдманом (1900-1970), драматургом, другом Булгакова) пилили Мишу, - что он своей мрачностью и сухостью отпугнул Дунаевского".

На следующий день, по свидетельству Е. С. Булгаковой, композитор и драматург впервые вместе трудились над Р.: "Только что уехал Дунаевский. Наконец-то плодотворно и организованно поработал он с Мишей над тремя картинами "Рашели". Играл наметку канкана. Но пока еще ничего не писал. Миша охотно принимает те поправки, которые предлагает Дунаевский, чтобы не стеснять музыкальную сторону. Но одну вещь Дунаевский предлагал совершенно неверно - любовную сатирическую песенку по адресу пирующих пруссаков вместо песенки по Беранже".

20 апреля 1939 г. от композитора пришло письмо, где он обещал вскоре написать музыку к первым картинам Р. 7 июня 1939 г. в интервью "Вечерней Москве" Дунаевский уверял, что с увлечением работает над Р., в связи с чем Е. С. Булгакова скептически заметила в дневнике: "Убеждена, что ни одной ноты не написал, так как пишет оперетту и музыку к киносценарию". И снова оказалась права. Вся работа Дунаевского по Р. ограничилась двумя набросками увертюры к опере. Позднее, в одном из предвоенных писем к своей хорошей знакомой ленинградке Раисе Павловне Рыськиной композитор признался: "Из-за пакта "Рашель" пришлось похоронить в младенческом возрасте".

Попытку реанимировать Р. Дунаевский предпринял в начале 1940 г., направив 4 января письмо заведующему творческой мастерской Большого театра В. К. Владимирову: "Что касается оперы, то у меня были попытки подытожить свои творческие поиски в каком-нибудь крупном вокально-музыкальном произведении. Вам, вероятно, известно, что Самуил Абрамович Самосуд год тому назад предложил мне написать оперу на сюжет "Мамзель Фифи" Мопассана. Было много планов для осуществления этого предложения. Так, в частности, М. А. Булгаков уже давно закончил либретто будущей оперы, которая называлась бы "Рашель". Правда, это либретто скорей представляет собой пьесу, так как либретто надо было бы только делать на основе этой пьесы. Но это, по сути, дела не меняет. Возможно, в руках опытного мастера (того же Булгакова, если его здоровье сейчас позволяет ему работать) либретто может превратиться в нужное и, главным образом, не тенденциозно направленное произведение. Это меня очень устроило бы, так как все же жаль не столько затраченной энергии, сколько мобилизации силы творческого духа, которая зря пропадает. При этом образ Рашели столь интересен, что я совершенно искренне считаю, что после "Кармен" можно было бы повторить такую женскую роль в "Рашель".

Владимиров ответил только через месяц, 4 февраля 1940 г.: "М. А. Булгаков, почувствовавший себя лучше в период 10-15 января, после этого опять серьезно занемог. Мне удалось побеседовать с ним лишь по телефону в самые последние дни. Он не считает возможной ту серьезную реконструкцию "Рашели", которая сняла бы все то, что делает саму тему неприемлемой в данный момент".

Умирающему Булгакову было уже явно не до кардинальной переделки Р. Да и устранить из либретто антигерманскую тенденцию было практически невозможно. Между тем, как раз в последние недели жизни драматурга в советской политике наметились перемены, которые в случае реализации открыли бы Р. "зеленую улицу". С февраля 1940 г. по указанию Сталина началась разработка планов советского нападения на Германию в момент начала ее активных боевых действий во Франции, а с марта, после окончания войны с Финляндией, - переброска к западным границам основной части войск. Только быстрый крах французского сопротивления в мае 1940 г. сорвал эти планы. Не исключено, что Дунаевский, пытаясь возродить интерес Большого Театра к Р., опирался на какие-то слухи о грядущем изменении генеральной линии в отношениях с Германией.

Час Р. пробил после начала Великой Отечественной войны 22 июня 1941 г. Поэтесса М. И. Алигер в 1943 г. переработала либретто для композитора Р. М. Глиэра (1874/75-1956). Она взяла только две последние картины, связанные с историей спасения Рашели священником Шантавуаном. Переработка свелась главным образом к исключению фигуры возлюбленного Рашели Люсьена, более тесно связанного с первыми картинами. Глиэр написал одноактную оперу, тогда же, в 1943 г., исполненную по московскому радио. 19 апреля 1947 г. Р. прозвучала в Концертном зале им. П. И. Чайковского в Москве в исполнении артистов Оперно-драматической студии им. К. С. Станиславского.

Р. - лучшее оперное либретто, написанное Булгаковым. В его архиве сохранились два черновых варианта Р., от которых окончательный машинописный отличается лишь стилистической правкой, поскольку изначально сложившийся замысел почти не подвергался коррективам. Драматург достаточно далеко отошел от новеллы Мопассана. Заведение госпожи Телье он взял из одноименного мопассановского рассказа (1881). Оттуда же он ввел и песенку "Бабушка" Пьера Жана Беранже (1780-1857) в собственном вольном переводе. По сравнению с Мопассаном, у Булгакова образ Рашели более возвышенный, резче обозначена патриотическая идея - даже мадам Телье на слова пьяного гостя: "... Вы - патриотка! Вы правы! Дайте рюмку водки!" с достоинством отвечает: "Прошу вас, сударь, не шутить над тем, что дорого и свято!" Проститутка Рашель оказывается единственной, кто нашел силы вступиться за поруганную честь своей страны, покарать захватчика, глумящегося над побежденными.

В отношениях Люсьена и Рашели многое напоминает любовь главных героев "Мастера и Маргариты" и любовь самого Булгакова и Елены Сергеевны. Имя Люсьен - это производное от "Люси" - домашнего имени третьей жены драматурга. Персонажа по имени Люсьен у Мопассана нет. Этот образ развился из заключительных строк новеллы: "Несколько времени спустя ее взял оттуда один патриот, чуждый предрассудков, полюбивший ее за этот прекрасный поступок, затем, позднее, полюбив ее уже ради нее самой, он женился на ней и сделал из нее даму не хуже многих других".

Кюре Шантавуан - персонаж, только упоминающийся в "Мадемуазель Фифи", у Булгакова превратился в один из основных образов. С ним связан ответ на вопрос, поставленный И. Кантом, - о праве человека на ложь из человеколюбия. Булгаков расходится с великим немецким философом, считавшим, что человек всегда должен говорить правду, независимо от последствий. Автор Р. утверждает, что правду непозволительно говорить тогда, когда она может оказаться предательством другого человека. Шантавуан сначала отказывается спрятать Рашель от германской погони, когда слышит, что она проститутка из Руана, убившая во время пира в замке немецкого офицера. Но когда Рашель рассказала, что убитый утверждал, что "мы теперь - рабы пруссаков, что женщины французские теперь продажные рабыни, что все французы - трусы! Когда ж я крикнула ему, что он - палач, что он клевещет, он грязною рукой меня ударил по лицу! И я ему вонзила в горло нож! Теперь он плавает в крови!", священник решает укрыть ее и обманывает пруссаков, рискуя своей жизнью и жизнями прихожан.

Первоначально положительный образ кюре Шантавуана вызывал цензурные опасения (официальный атеизм не допускал положительного изображения священнослужителей), но в момент подготовки новой редакции Р. в 1943 г. именно он стал центральным. Это было время, когда коммунистическая власть декларировала, особенно для внешнего мира, свою веротерпимость, так что булгаковский образ оказался, по иронии судьбы, очень кстати.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Путешествие по Крыму"

"Путешествие по Крыму" - очерк. Опубликован: Красная газета (вечерний выпуск), Л., 1925, 27 июля; 3, 10, 22, 24, 31 авг.

В П. по К. Булгаков иронизирует по поводу путеводителя "Крым" (1925), выпущенного под редакцией М. И. Саркизова-Серазини (1887-1964). Там старательно перечислялись все недостатки Коктебельского курорта, куда направлялся писатель со второй женой Л. Е. Белозерской по приглашению поэта Максимилиана Александровича Волошина (Кириенко-Волошина) (1877-1932).

Волошин положительно отозвался о романе "Белая гвардия", и между ним и Булгаковым завязались дружеские отношения. Упоминаемый в П. по К. приятель, приславший автору приглашение в Коктебель, - это Волошин. Он передал через директора издательства "Недра" Н. С. Ангарского (Клестова) (1873-1941) приглашение Булгакову остановиться летом 1925 г. у него на даче.

10 мая 1925 г. Булгаков, поблагодарив в письме за приглашение, спрашивал: "… Могу ли я с женой у Вас на даче получить отдельную комнату в июле - августе?". 28 мая Волошин ответил утвердительно и просил "привезти с собою все вами написанное (напечатанное и ненапечатанное)".

Согласно записи в "Домовой книге" Волошиных, Булгаковы прибыли в Коктебель 12 июня, а уехали 7 июля, как сообщала в письме мужу отдыхавшая вместе с ними пианистка М. А. Пазухина. 18 июня она рассказала о том, как Булгаков читал повесть "Собачье сердце" всем обитателям волошинского "Дома поэта" (писателю Леониду Леонову (1899-1995) с женой, супругам А. Г. и Н. А. Габричевским, искусствоведу и художнице, поэту Г. А. Шенгели и др.): "Третьего дня один писатель читал свою прекрасную вещь про собаку" (фамилии писателя и точного названия повести М. А. Пазухина предусмотрительно не упомянула).

Ее младший сын, полуторагодовалый Вадим ("Дым"), был любимцем всех отдыхающих в "Доме поэта", в том числе и Булгаковых, о чем М. А. Пазухина сообщала мужу 19 июня: "Как я выяснила с женой Булгакова... Дым даже вдохновил их иметь своего, - только если бы она знала, что мальчик... Сам Булгаков с ним у моря ходит на голове, кувыркается, и Дым ему во всем подражает. И никогда он не пройдет мимо него, не поговорив и не пошалив с ним".

В связи с Дымом между Булгаковым и М. А. Пазухиной произошел перед самым отъездом следующий характерный разговор, зафиксированный в ее письме 7 июля 1925 г. Пазухина заявила писателю: "А я скажу Вам вот что, - у Вас большая потребность иметь собственного сына, и Вы будете очень хорошим отцом". Булгаковскую реакцию она передала в следующих словах: "Он сначала сказал так задумчиво: "Да, - а потом говорит, - вы это сказали наверное по поводу Дымка. Нет, я и так хотел бы иметь, если бы знал, что он будет здоровый и умный, а не идиот, - тогда я хотел бы иметь, а так как я знаю, что он здоровым не может быть (он сам болезненный и нервный), то и не хочу. Ну, а Дымулю вашего я в частности страшно люблю. Это удивительный мальчик, с такой лукавой улыбкой - иногда даже кажется, что он обдумывает диссертацию, и страшно занятный мальчик, и страшно симпатичный..." Много говорил, я уж не запомнила... Он прямо с поразительной нежностью к нему относится, с каким-то... богатством чувств..."

Очевидно, Булгаков еще тогда опасался наследственного нефросклероза, сгубившего его отца, и негативного влияния на потомство собственной неврастении.

В булгаковском архиве сохранился путеводитель "Крым", где писатель, в частности, выделил следующие слова: "Крымское сирокко доводит нервных больных до исступления. Люди умственного труда чувствуют ухудшение... Неудобство комнат, полное отсутствие медицинской помощи... И не могут люди с больными нервами долго по ночам гулять... Как только мраком окутывается долина, идут они в свои комнатки и спят, тревожимые страшными сновидениями". И в Коктебеле Булгаков убедился в справедливости сказанного в путеводителе. Больше он туда не приезжал, хотя Волошин звал его в гости и на следующий год, прося также в письме от 26 апреля 1926 г. привезти окончание "Белой гвардии" и продолжение "Роковых яиц" (очевидно, имелось в виду "Собачье сердце").

По воспоминаниям Л. Е. Белозерской, Булгаков "не очень-то любил дальние прогулки. Кроме Карадага мы все больше ходили по бережку, изредка, по мере надобности, купаясь... М. А. оставался непоколебимо стойким в своем нерасположении к Крыму. Передо мной его письмо, написанное спустя пять лет, где он пишет: "Крым, как всегда, противненький..." И все-таки за восемь с лишним лет совместной жизни мы три раза ездили в Крым: в Коктебель, в Мисхор, в Судак, а попутно заглядывали в Алупку, Феодосию, Ялту, Севастополь... Дни летели, и надо было уезжать".

Однако в П. по К. писатель, полемизируя с путеводителем, говорил и о приятной стороне отдыха: "Заключенный в трубу, бежит холоднейший ключ. Пили из него жадно, лежали, как ящерицы на солнце. Зелени - океан; уступы, скалы... Не в шарфах и автомобилях нужно проходить этот путь, а пешком. Тогда только можно оценить красу Южного берега".

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Александр Рюхин ~

Александр Рюхин - персонаж романа "Мастер и Маргарита", поэт, член МАССОЛИТа. Прототипом А. Р. послужил поэт Владимир Маяковский (1893 - 1930). С ним Булгаков нередко играл в бильярд. Об этом сохранились воспоминания друга Булгакова, драматурга С. А. Ермолинского (1900 - 1984): "Если в бильярдной находился в это время Маяковский и Булгаков направлялся туда, за ними устремлялись любопытные. Ещё бы - Булгаков и Маяковский! Того гляди разразится скандал.

Играли сосредоточенно и деловито, каждый старался блеснуть ударом. Маяковский, насколько помню, играл лучше.

- От двух бортов в середину, - говорил Булгаков.

Промах.

- Бывает, - сочувствовал Маяковский, похаживая вокруг стола и выбираю удобную позицию. - Разбогатеете окончательно на своих тётях манях и дядях ванях, выстроите загородный дом, и огромный собственный бильярд. Непременно навещу и потренирую.

- Благодарствую. Какой уж там дом!

- А почему бы?

- О, Владимир Владимирович, но и вам клопомор не поможет, смею уверить. Загородный дом с собственным бильярдом выстроит на наших с вами костях ваш Присыпкин.

Маяковский выкатил лошадиный глаз и, зажав папиросу в углу рта, мотнул головой:

- Абсолютно согласен.

Независимо от результата игры прощались дружески. И все расходились разочарованные".

Те же бильярдные сражения в "Кружке" - Клубе работников искусств в Старопименовском переулке, только гораздо менее идиллически, описала вторая жена Булгакова Л. Е. Белозерская, объяснившая, почему Булгаков играл с Маяковским "с таким каменным замкнутым лицом". Автор пьесы "Клоп" (1928) отнёс Булгакова в "Словарь умерших слов" фантастического коммунистического будущего, призывал к обструкции булгаковских "Дни Турбиных" и утверждал в стихотворении "Лицо классового врага. "Буржуй-Нуво" (1928), что нэпманский "буржуй-нуво"

…На ложу
в окно
театральных касс
тыкая
ногтём лаковым
он
даёт
социальный заказ
На "Дни Турбиных" -
Булгаковым.

Впервые Булгаков отобразил Маяковского в образе развязно-фамильярного поэта Владимира Баргузина в неоконченной повести 1929 г. "Тайному другу", где Баргузин свысока критикует роман автобиографического героя повести. Революционное творчество Маяковского здесь ассоциируется с ураганным ветром - баргузином.

В "Мастере и Маргарите" ссора А. Р. с Иваном Бездомным пародирует действительные взаимоотношения Маяковского с поэтом Александром Безыменским, послужившим одним из прототипов Бездомного. Уничижительный отзыв о Безыменском есть в стихотворении Маяковского "Юбилейное" (1927): "Ну, а что вот Безыменский?!// Так…// Ничего…// морковный кофе". В эпиграмме 1930 г. характеристика Безыменского была не менее резкой: "Уберите от меня// этого// бородатого комсомольца!"

Стихотворение А. Р., посвящённое Первомаю, на которое нападает Бездомный, это, скорее всего, лозунговое стихотворение Маяковского к 1 мая 1924 г. Рассуждения А. Р. на счёт Пушкина (Булгаков пародийно наделил героя именем великого поэта): "Вот пример настоящей удачливости… - тут Рюхин встал во весь рост на платформе грузовика и руку поднял, нападая зачем-то на никого не трогающего чугунного человека, - какой бы шаг он ни сделал в жизни, что бы ни случилось с ним, всё шло ему на пользу, всё обращалось к его славе! Но что он сделал? Я не постигаю… Что-нибудь особенное есть в этих словах. "Буря мглою…"? Не понимаю!.. Повезло, повезло! - вдруг ядовито заключил Рюхин и почувствовал, что грузовик под ним шевельнулся, - стрелял, стрелял в него этот белогвардеец Дантес и раздробил бедро и обеспечил бессмертие..." - это отзвук посвященного Пушкину стихотворения Маяковского "Юбилейное" (1924).

У Булгакова спародировано стремление автора стихотворения фамильярно поздороваться с Пушкиным: "Александр Сергеевич, //разрешите представиться. // Маяковский. //Дайте руку! //Вот грудная клетка. //Слушайте, //уже не стук, а стон". А. Р. тоже поднимает руку, встав во весь рост и обращаясь к памятнику Пушкина на Тверском бульваре, только рука у него поднята скорее не для рукопожатия, а в бессильной злобе, рожденной завистью, как бы для удара.

Автор "Мастера и Маргариты" издевается над следующими словами Маяковского: "На Тверском бульваре //Очень к вам привыкли. //Ну, давайте, //подсажу на пьедестал. //Мне бы //памятник при жизни //полагается по чину. //Заложил бы // динамиту // - ну-ка, //дрызнь!". Слова же о "белогвардейце Дантесе" навеяны другим пассажем Маяковского: "Сукин сын Дантес! //Великосветский шкода. //Мы б его спросили: // - А ваши кто родители? //Чем вы занимались //до 17-го года? //Только этого Дантеса бы и видели".

В варианте 1929-1930 гг. Булгаков иронически давал понять, что Рюхин именно "левый поэт", как и Маяковский: "Иванушка шел плача и пытался укусить за руку то правого Пантелея, то левого поэта Рюхина..."

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Самоцветный быт"

"Самоцветный быт" - фельетон, имеющий подзаголовок "Из моей коллекции". Опубликован: Накануне, Берлин - М., 1923, 15 июля. Литературное приложение. Вошел в сборник: М. Булгаков. Рассказы библиотеки "Смехач. М., 1926, Юмористическая иллюстрированная библиотека журнала "Смехач", №15 (в этой публикации остались только две из восьми миниатюр, составляющих С. б.: "Средство от застенчивости" и "Сколько Брокгауза может вынести организм").

По крайней мере, ряд миниатюр, присутствовавших в С. б. в публикации "Накануне", не вошли в сборник по цензурным причинам. Неприемлемыми оказались, в частности, "Работа среди женщин" и "Р. У. Р.", где пародировались советские лозунги.

В первой из них провинциальный работник своеобразно понимает вопрос ответственного товарища из центра и отвечает, что с работой среди женщин в их просветительском учреждении все нормально: "Я с третьей бабой живу". Во второй осмеянию подвергается лозунг "Мы вам не Рур", выдвинутый в связи с оккупацией французскими войсками Рура в 1923 г. Булгаков расшифровывает "Р. У. Р." устами знакомой дамы как "Российское управление Романовых".

Вообще основная часть миниатюр С. б. - это вариации московских анекдотов начала 20-х годов. Исключение составляет миниатюра "Сколько Брокгауза может вынести организм", где высмеивается бездумное чтение энциклопедии, без осмысления прочитанного, причем полученная информация для малообразованного читателя оказывается абсолютно бесполезна. Именно к механическому поглощению знаний сводилась проводимая советским правительством кампания по ликвидации неграмотности.

Крах героя миниатюры происходит на чтении пятой книги Энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона, но названия статей намеренно искажены, чтобы дать представление об истинном образовательном уровне персонажа - "Бранецкие" вместо "Баранецких", "Баньюмас" вместо "Баньювангис" и др.

Статьи Брокгауза и Эфрона были широко использованы Булгаковым при создании романа "Мастер и Маргарита" (см. также: Понтий Пилат, Великий бал у сатаны, Гелла, Коровьев-Фагот, Демонология, Христианство). В булгаковском архиве сохранились многочисленные выписки из этого энциклопедического словаря.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций
Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы
Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи
Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта
Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Аркадий Аполлонович Семплеяров ~

Аркадий Аполлонович Семплеяров - персонаж романа "Мастер и Маргарита", председатель "акустической комиссии московских театров".

Фамилия "Семплеяров" произведена от фамилии хорошего знакомого Булгакова, композитора и дирижера Александра Афанасьевича Спендиарова(1871 - 1928). Вторая жена писателя Л. Е. Белозерская вспоминает о знакомстве со Спендиаровым и его семейством в начале 1927 г. и приводит дневниковый рассказ его дочери Марины (1903 - 1984): "Мы с папой были у Булгаковых. Любовь Евгеньевна спросила заранее, какое любимое папино блюдо. Я сказала: "Рябчики с красной капустой". С утра я искала папу, чтобы сообщить ему адрес Булгаковых... Помню его голос в телефоне: "Это ты, Марюшка? Ну, что ты? Ну, говори адрес... Хорошо, я приду, детка". Когда я пришла, Михаил Афанасьевич, Любовь Евгеньевна и папа сидели вокруг стола. Папа сидел спиной к свету на фоне рождественской елки. Меня поразило то, что он такой грустный, поникший. Он весь в себе был, в своих мрачных мыслях и, не выходя из своего мрачного в то время мирка, говорил, глядя в тарелку, о накопившихся у него неприятностях. Потом, как-то неожиданно для нас всех, перешел на восхваление Армении. Чувствовалось, что в сутолочной Москве он соскучился по ней".

Сама Л. Е. Белозерская отозвалась о прототипе А. А. С. так: "Мне Александр Афанасьевич понравился, но показался необычайно озабоченным, а поэтому каким-то отсутствующим". Именно таким выглядит А. А. С. после скандала в Театре Варьете, где были разоблачены Коровьевым-Фаготом его любовные похождения. Тогда супруга А. А. С. на телефонный звонок "ответила мрачно, что Аркадий Аполлонович нездоров, лег почивать и подойти к аппарату не может".

Главным же прототипом А. А. С., которого в какой-то мере маскировала фигура армянина А. А. Спендиарова, был грузин Авель Софронович Енукидзе (1877 - 1937), являвшийся в 1922 - 1935 гг. секретарем Президиума ЦИК и председателем Правительственной комиссии по руководству Большим и Художественным театрами. Для собственно театрального искусства эта комиссия была столь же бесполезна, как и акустическая комиссия А. А. С., однако представляла собой дополнительный барьер для появления "идеологически вредных" спектаклей. Енукидзе также был членом коллегии Наркомпроса и Государственной комиссии по просвещению, располагавшихся на Чистых прудах в доме №6. На Чистых прудах находилась и акустическая комиссия А. А. С.

Енукидзе был неравнодушен к прекрасному полу, особенно к актрисам подведомственных театров, что и послужило поводом для его падения в рамках очередной "чистки" в высшем эшелоне власти. 7 июня 1935 г. Пленум ЦК ВКП(б) принял резолюцию, один из пунктов которой звучал так: "За политическое и бытовое разложение бывшего секретаря ЦИК СССР т. А. Енукидзе вывести его из состава ЦК ВКП(б)". 16 декабря 1937 г. А. С. Енукидзе в компании с рядом других подсудимых, в том числе Б. С. Штейгером, прототипом Барона Майгеля, был осужден Военной коллегией Верховного суда СССР по обвинению "в измене Родине, террористической деятельности и систематическом шпионаже в пользу одного из иностранных государств" и расстрелян (в фантастичности этих обвинений вряд ли сомневались мыслящие современники).

А. А. С. фигурировал еще в 1931 г. в списке персонажей будущего романа. Тогда его звали Пафнутий Аркадьевич Семплеяров. В сцене сеанса черной магии в Театре Варьете А. А. С. впервые появился в варианте конца 1934 г. Сатирическое изображение в этом образе А. С. Енукидзе было вызвано тем, что именно ему Булгаков в конце апреля 1934 г. направил прошение о двухмесячной поездке за границу, а секретарь ВЦИК, как зафиксировала в дневнике 4 мая 1934 г. третья жена писателя Е. С. Булгакова, не рискнул единолично решить вопрос о выезде и наложил на прошении резолюцию: "Направить в ЦК". В результате поездка была сорвана. Отказ последовал в унизительной для писателя и его жены форме (см. "Был май").

"Разоблачение" А. А. С. на сеансе черной магии стало своеобразной местью Булгакова А. С. Енукидзе, причем еще задолго до падения Авеля Софрононовича. Но в эпилоге, написанном уже после казни незадачливого секретаря ВЦИК и председателя комиссии по двум главнейшим театрам страны, автор "Мастера и Маргариты" существенно смягчил участь героя по сравнению с прототипом: А. А. С. всего лишь отправляют заведовать грибозаготовочным пунктом в Брянске, поскольку "не клеились у Аркадия Аполлоновича дела с акустикой, и сколько ни старался он улучшить ее, она какая была, такая и осталась". Здесь - косвенный намек на бесплодность запретительно-разрешительной деятельности А. С. Енукидзе в качестве правительственного руководителя делами Большого Театра и МХАТа.

Имя и отчество А. А. С. - Аркадий Аполлонович, можно перевести как "пастух Аполлона", поскольку "Аркадий" означает пастух - иронический намек на служение А. А. С. богу - покровителю искусств (имя персонажа в черновике 1931 г. - Пафнутий - переводится с древнеегипетского как "принадлежащий Богу").

А. А. С. генетически связан с упоминаемым персонажем пьесы 1931 г. "Адам и Ева" - всесильным покровителем литератора-конъюнктурщика Пончика-Непобеды Аполлоном Акимовичем, который требует его "к священной жертве" совсем как бог Аполлон. Эту же функцию выполняет в "Мастере и Маргарите" А. А. С.

У А. А. С. был еще один неожиданный прототип. В письме своему другу С. А. Ермолинскому 14 июня 1936 г. сразу по прибытию в Москву после киевских гастролей МХАТа, Булгаков, среди прочего, сообщал: "Когда поезд отошел и я, быть может, в последний раз глянул на Днепр, вошел в купе книгоноша, продал Люсе "Театр и драматургию" №4. Вижу, что она бледнеет, читая. На каждом шагу про меня. Но что пишут! Особенную гнусность отморчил Мейерхольд. Этот человек беспринципен настолько, что чудится, будто на нем нет штанов. Он ходит по белу свету в подштанниках".

Данный эпизод отражен и в дневниковой, записи Е. С. Булгаковой 12 июня 1936 г.: "Когда ехали обратно, купили номер журнала "Театр и драматургия" в поезде. В передовой "Мольер" назван "низкопробной фальшивкой". Потом - еще несколько мерзостей, в том числе очень некрасивая выходка Мейерхольда в адрес М. А. А как Мейерхольд просил у М. А. пьесу - каждую, которую М. А. писал".

Номер "Театра и драматургии", который купили Булгаковы, был посвящен дискуссии на собрании театральных работников Москвы 26 марта 1936 г. вокруг нескольких статей "Правды" по вопросам искусства, в том числе и статьи "Внешний блеск и фальшивое содержание", из-за которой сняли во МХАТе "Кабалу святош" ("Мольера").

Всеволод Эмильевич Мейерхольд (1874-1940) утверждал: "Театральная общественность ждет, чтобы я в своем выступлении от критики других театров перешел к развернутой самокритике... Есть такой Театр сатиры, хороший по существу театр... В этом театре смех превращается в зубоскальство. Этот театр начинает искать таких авторов, которые, с моей точки зрения, ни в какой мере не должны быть в него допущены. Сюда, например, пролез Булгаков".

Возможно, эти слова Мейерхольда как-то повлияли на снятие доведенного до генеральной репетиции "Ивана Васильевича" в Театре сатиры. Творец "нового искусства" здесь не столько мстил Булгакову за нелестный отзыв в "Роковых яйцах" ("Театр имени покойного Всеволода Мейерхольда, погибшего, как известно, в 1927 году при постановке пушкинского "Бориса Годунова", когда обрушились трапеции с голыми боярами"), - ведь и после этого он просил у опального драматурга пьесы для постановки, сколько стремился продемонстрировать солидарность с партийным печатным органом в безнадежной попытке спасти свой театр. Не спас. В декабре 1937 г. театр Мейерхольда был закрыт, и, судя по записям Е. С. Булгаковой, Булгаков никакого сожаления по этому поводу не выразил.

Зато в монологе А. А. С. появилась явная пародия на выступление В. Э. Мейерхольда. В варианте 1934 г. речь А. А. С. звучала следующим образом: " - Все-таки нам было бы приятно, граждане артист... если бы вы разоблачили нам технику массового гипноза, в частности денежные бумажки...

- Пардон, - отозвался клетчатый, - это не гипноз, я извиняюсь. И в частности, разоблачать тут нечего...
- Виноват, - сказал Аркадий Аполлонович, - все же это крайне желательно. Зрительская масса..."

В окончательном же тексте А. А. С. выражался почти так же, как Мейерхольд на дискуссии в марте 1936 г.: "Зрительская масса требует объяснения". На Мейерхольда теперь было ориентировано и описание окружения А. А. С. в Театре Варьете: "Аркадий Аполлонович помещался в ложе с двумя дамами: пожилой, дорого и модно одетой, и другой - молоденькой и хорошенькой, одетой попроще. Первая из них, как вскоре выяснилось при составлении протокола, была супругой Аркадия Аполлоновича, а вторая - дальней родственницей его, начинающей и подающей надежды актрисой, приехавшей из Саратова и проживающей в квартире Аркадия Аполлоновича и его супруги". В. Э. Мейерхольд происходил из немцев Поволжья и поддерживал с Саратовом тесные связи, приглашая оттуда на постоянную работу в Театр Революции известного впоследствии режиссера А. М. Роома (1894-1976).

Булгаков спародировал слова Мейерхольда о том, что от него требуют самокритики, которая в мейерхольдовском выступлении была заменена критикой других. А. А. С. публично уличают в любовных похождениях и, пусть не прямо, как жертв французской моды, но фигурально выставляют на всеобщее обозрение в одних подштанниках. Вторая жена Мейерхольда, актриса его театра Зинаида Николаевна Райх (1894-1939), была на двадцать лет младше мужа, как и мнимая родственница из Саратова по отношению к А. А. С.

Имя и отчество Аркадий Аполлонович в "Мастере и Маргарите" и Аполлон Акимович в "Адаме и Еве" могли быть подсказаны Булгакову одним домашним обстоятельством: по воспоминаниям второй жены писателя Л. Е. Белозерской, ее инструктора по верховой езде звали Константин Аполлонович.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Сорок сороков"

"Сорок сороков" - фельетон. Опубликован: Накануне, Берлин-М., 1923, 15 апр.

Эпиграф: "Решительно скажу: едва/ Другая сыщется столица как Москва" - это искажённая реплика Фамусова из комедии Александра Грибоедова (1795-1829) "Горе от ума". Правильно должно было бы быть: "А, батюшка, признайтесь, что едва/ Где сыщется столица как Москва".

Грибоедовская Москва побудила автора "Мастера и Маргариты" сделать в романе символом московского мира Дом Грибоедова. В С. с. Булгаков даёт как бы четыре панорамы Москвы 1921-1923 гг., уподобляя фельетон киносценарию (тот же принцип применён в "Дьяволиаде"). Наблюдает автор С. с. Москву с крыши дома Э. К. Нирензее (Б. Гнездниковский пер., 10 - в этом доме помещалась редакция газеты "Накануне"). Отсюда же бросается на московскую мостовую главный герой "Дьяволиады" Коротков.

В С. с. зафиксировано постепенное улучшение столичного быта с развитием нэпа от момента прибытия Булгакова в Москву "в конце сентября 1921 года" (судя по записи в дневнике "Под пятой", сделанной 30 сентября 1923 года, это случилось 30-го числа) и до времени создания фельетона. Писатель заканчивает повествование на оптимистической ноте: "И, сидя у себя в пятом этаже, в комнате, заваленной букинистическими книгами, я мечтаю, как летом взлезу на Воробъёвы, туда, откуда глядел Наполеон, и посмотрю, как горят сорок сороков на семи холмах, как дышит, блестит Москва. Москва - мать".

Однако надежды на будущую цивилизованную жизнь не оправдались, и в позднейшем романе "Мастер и Маргарита" тот же московский пейзаж нарисован уже не столь радужно. А незадолго до смерти Булгаков признавался сестре Наде в своей нелюбви к Москве, оказавшейся для него скорее не матерью, а мачехой.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Спиритический сеанс"

"Спиритический сеанс" - рассказ. Опубликован: Рупор, М., 1922, №4.

В качестве эпиграфа С. с. имеет речитатив Мефистофеля из оперы Шарля Гуно (1818-1893) "Фауст" (1859): "Не стоит вызывать его!"

Прототипами героев рассказа послужили московские знакомые Булгакова Иван Павлович и Вера Федоровна Крешковы. По воспоминаниям первой жены писателя Т. Н. Лаппа, в их квартире (М. Бронная, 32, кв.24) по предложению Булгакова действительно был устроен спиритический сеанс: "Давай - соберемся, столик покрутим". Там мы с ним были, Крешковы были - Иван Павлович и Вера, может быть, Лямины были (булгаковский друг Н. Н. Лямин с женой Н. А. Ляминой-Ушаковой (1899-1990) жили в той же квартире, что и Крешковы). Он их надул, конечно. "Я, - говорит, - буду тебя толкать ногой, а ты делай, как я говорю". Какие-то звуки я там должна была издавать. Но так, все хорошо получилось, весело было. Я почему-то раньше пришла, а потом Михаил приходит. А домработница Крешковых говорит Вере: "Иди, там к тебе мужик пришел". А Иван Павлович услышал, говорит: "Что это такое?" Вообще, он ревновал Верку к Булгакову, потому что Михаил немного за ней ухаживал. "Давай возьмем бутылку вина, купим пирожных, позови Веру, посидим, потом я ее провожу". "Хорошо", - говорю. И когда Михаил напечатал "Спиритический сеанс", все это описал там, так Иван Павлович чуть не избил его. Его удержали, сказали: "Ты что, не понимаешь, это же шутка!" Вообще, Булгакова многие не любили".

Создавая С. с., и до этого организуя сам сеанс у Крешковых, Булгаков вспомнил фантазию "Спиритический сеанс", поставленную 5 июля 1909 г. в Буче, где располагалась булгаковская дача. Тогда будущий автор С. с., еще гимназист, был не только постановщиком этого, по определению его сестры Н. А. Булгаковой, "балета в стихах", но и исполнял роль спирита, вызывавшего духов.

Однако спектакль в квартире Крешковых ее хозяином был воспринят совсем не шуточно. Ивана Павловича явно шокировал эпизод, когда "дура Ксюшка доложила: - Там к тебе мужик пришел...", воспроизводящий диалог домработницы и В. Ф. Крешковой по поводу прихода Булгакова.

Главное же, рассуждения героя С. с. Павла Петровича о коммунизме, иронически пересыпанные по воле Булгакова сентенциями насчет пайковых папирос, звучат крайне двусмысленно и осведомленными читателями рассказа вполне могли быть отнесены к И. П. Крешкову с теми же, что и в С. с. последствиями ("Бобрицкий сидел неделю, квартирант и Ксаверий Антонович - 13 дней, а Павел Петрович - полтора месяца").

Вот эти пикантные рассуждения: " - Да-а... - немедленно начал волынку Павел Петрович, - "мужик" ... хе-хе! Ди-ка-ри! Форменные дикари. Я вот думаю: свобода там... Коммунизм. Помилуйте! Как можно мечтать о коммунизме, когда кругом такие Ксюшки! Мужик... Хе-хе! Вы уж извините, ради бога! Муж...
"А дурак!" - подумала madame Лузина и перебила:
- Да что ж мы в передней?.. Пожалуйте в столовую...
- Я и говорю, - продолжал Павел Петрович, обнимая за талию гостя, - коммунизм... Спору нет: Ленин человек гениальный, но... да, вот не угодно ли пайковую... хе-хе! Сегодня получил... Но коммунизм - это такая вещь, что она, так сказать, по своему существу... Ах, разорванная? Возьмите другую, вот с краю... По своей сути требует известного развития... Ах, подмоченная? Ну и папиросы! Вот, пожалуйста, эту... По своему содержанию... Погодите, разгорится... Ну и спички! Тоже пайковые... Известного сознания..."

Здесь присутствует пропагандистский штамп о ленинской гениальности, но произносит эту фразу тот из героев, которого окружающие считают, и не без основания, дураком. Слова Павла Петровича о необходимости для создания коммунизма определенного уровня развития и сознания пародируют марксистский постулат о достижении высокого уровня материального производства и общественного сознания для построения коммунистического общества. А вдумчивые читатели наверняка поняли намек о "подмоченности" и "разорванности" коммунистической идеи, которую символизируют подмоченные пайковые папиросы. Ведь паек - один из атрибутов общества, где отменены деньги.

Булгаков, заставив в С. с. дух императора Наполеона (1769-1821) (подразумевается и фигурирует в доносе Николай II (1868-1918) отвечать на вопрос героини, "стоит ли мне переходить из Главхима в Железком", ясно показал отсутствие монархических симпатий. Тут можно вспомнить и характерную запись в дневнике "Под пятой": "Черт бы взял всех Романовых! Их не хватало", сделанную 15 апреля 1924 г.

Злой сатирой были и фигура бравого революционного матроса в штанах-колоколах, выступающего в роли вдохновенного доносчика, и явление духа зла в виде сотрудника ВЧК: "...Дух предстал перед снежно-бледными спиритами. Он был кожаный. Весь кожаный, начиная с фуражки и кончая портфелем. Мало того, он был не один. Целая вереница подвластных духов виднелась в передней.
Мелькнула бронзовая грудь, граненый ствол, серая шинель, еще шинель...
Дух окинул глазами хаос спиритической комнаты и, зловеще ухмыльнувшись, сказал:
- Ваши документы, товарищи..."

Позднее в "Мастере и Маргарите" сатана Воланд и подчиненные ему демоны во многом направляют действия сотрудников сменившего ВЧК ОГПУ против неугодных им лиц.

В С. с. радость ряда присутствующих по поводу предсказания духа императора Наполеона, что большевики пробудут у власти три месяца наряду с признанием: "я их так ненавижу!" могли быть истолкованы компетентными органами очень неблагоприятно для прототипов.

Это обстоятельство и вызвало столь резкую реакцию И. П. Крешкова. Его брат, Александр Павлович, в дальнейшем стал вторым мужем Т. Н. Лаппа и однажды уничтожил ее переписку с Булгаковым.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции 5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций
Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы
Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи
Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта
Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Лиходеев Степан Богданович ~

Степан Богданович Лиходеев - персонаж романа "Мастер и Маргарита", директор Театра Варьете.

В редакции 1929 г. С. Б. Л. именовался Гарусей Педулаевым и имел своим прототипом владикавказского знакомого Булгакова кумыка Туаджина Пейзулаева, соавтора по пьесе "Сыновья муллы", история работы над которой изложена в "Записках на манжетах" и "Богеме".

В первой редакции "Мастера и Маргариты" Воланд выбрасывал Гарасю Педулаева во Владикавказ. Тогда этот город пролетал над крышей дома 302-бис на Садовой и тут же видел большой и очень красивый сад, а за ним "громоздящуюся высоко на небе тяжелую гору с плоской как стол вершиной" (знаменитую Столовую гору, у подножья которой расположен Владикавказ).

Перед взором Гараси возник "проспект, по которому весело позванивал маленький трамвай. Тогда, оборотясь назад, в смутной надежде увидеть там свой дом на Садовой, Гарася убедился, что сделать этого он никак не может: не было не только дома - не было и самой Садовой сзади... Гарася залился детскими слезами и сел на уличную тумбу, и слышал вокруг ровный шум сада. Карлик в черном... пиджаке и в пыльном цилиндре вышел из этого сада. Его бабье безволосое лицо удивленно сморщилось при виде плачущего мужчины.
- Вы чего, граждани? - спросил он у Гараси, дико глядя на него. Директор карлику не удивился.
- Какой это сад? - спросил он только.
- Трэк, - удивленно ответил карлик.
- А вы кто?
- Я - Пульз, - пропищал тот.
- А какая это гора? - полюбопытствовал Гарася.
- Столовая Гора.
- В каком городе я?
Злоба выразилась на крохотном личике уродца.
- Вы что, граждани, смеетесь? Я думал, вы серьезно спрашиваете!.."

Лилипут уходит от Гараси, возмущенный, и тогда тот кричит: " - Маленький человек!.. Остановись, сжалься!.. Я... все забыл, ничего не помню, скажи, где я, какой город.
- Владикавказ, - ответил карлик. Тут Гарася поник главой, сполз с тумбы и, ударившись головой оземь, затих, раскинув руки. Маленький человечек сорвал с головы цилиндр, замахал им вдаль и тоненько закричал: - Милиционер, милиционер!"

Здесь отразились булгаковские впечатления от гастролировавшей во Владикавказе труппы лилипутов. В последующих редакциях С. Б. Л. назывался Степой Бомбеевым или Лиходеевым, но вплоть до 1937 г. его выбрасывали из Нехорошей квартиры во Владикавказ. В 1936 г. Т. Пейзулаев скончался в Москве. Возможно, узнав о смерти прототипа, Булгаков решил убрать детали, связывающие с ним С. Б. Л. В последней редакции романа незадачливого директора Театра Варьете Азазелло по приказу Воланда отправлял уже не во Владикавказ, а в Ялту.

Тут становится очевидной связь С. Б. Л. с героем рассказа Михаила Зощенко (1895-1958) "Землетрясение" (1929) Снопковым, который "через всю Ялту... прошел в своих кальсонах. Хотя, впрочем, никто не удивился по случаю землетрясения. Да, впрочем, и так никто бы не поразился". В отличие от героя "Землетрясения", С. Б. Л. своим появлением в непотребном виде производит в Ялте смятение. Впрочем, он тоже выступает как жертва стихии, только не землетрясения, а потусторонних сил.

В происшествиях, случившихся со Снопковым и С. Б. Л., совпадают многие мелкие детали. Герой Булгакова наказан, среди прочего, и за пьянство: перед вынужденным путешествием в исподнем и без сапог в Ялту он выпил чересчур много водки и портвейна (его приключения во многом предвосхищают сюжет известного фильма Эльдара Рязанова "Ирония судьбы, или с легким паром", где вместо Ялты фигурирует Ленинград).

Точно так же герой Зощенко накануне землетрясения (речь идет о Большом Крымском землетрясении 11 сентября 1927 г. в районе Ялты) "выкушал полторы бутылки русской горькой", затем заснул, был ограблен и раздет до подштанников. Очнувшись и пройдя несколько верст от города, "он присел на камушек и загоюнился. Местности он не узнает, и мыслей он никаких подвести не может. И душа и тело у него холодеют. И жрать чрезвычайно хочется.
Только под утро Иван Яковлевич Снопков узнал как и чего. Он у прохожего спросил.
Прохожий ему говорит:
- А ты чего тут, для примеру, в кальсонах ходишь?
Снопков говорит:
- Прямо и сам не понимаю. Скажите, будьте любезны, где я нахожусь?
Ну, разговорились. Прохожий говорит:
- Так что до Ялты верст, может, тридцать будет. Эва куда ты зашел".

Сходным образом в окончательном тексте Булгаков описывает пребывание С. Б. Л. в Ялте: "Открыв слегка глаза, он увидел себя сидящим на чем-то каменном. Вокруг него что-то шумело. Когда он открыл как следует, глаза, он увидел, что шумит море... и что, короче говоря, он сидит на самом конце мола, и что под ним голубое сверкающее море, а сзади - красивый город на горах.
Не зная, как поступают в таких случаях, Степа поднялся на трясущиеся ноги и пошел по молу к берегу.
На молу стоял какой-то человек, курил, плевал в море. На Степу он поглядел дикими глазами. Тогда Степа отколол такую штуку: стал на колени перед неизвестным курильщиком и произнес:
- Умоляю, скажите, какой это город?
- Однако! - сказал бездушный курильщик.
- Я не пьян, - хрипло ответил Степа, - я болен, со мной что-то случилось, я болен... Где я? Какой это город?..
- Ну, Ялта...
Степа тихо вздохнул, покатился на бок, головою стукнулся о нагретый камень мола".

Просторечный стиль рассказчика совпадает в обоих случаях. А вот реакция героев на происходящее оказывается прямо противоположной. Само слово "Ялта" успокаивает Снопкова, узнающего, что он не так уж далеко от дома забрался в своих странствиях. Наоборот, С. Б. Л. оно повергает в ужас. Директор Театра Варьете не в состоянии понять, как он за одно мгновение очутился в сотнях километров от Москвы.

Различие здесь и в объектах осмеяния. У Зощенко разоблачается юмористический, бичующий пьянство. Его герой - простой сапожник. "Землетрясение" - это как бы иллюстрация к известной поговорке "пьян как сапожник". У Булгакова же образ С. Б. Л. - образ сатирический. Пьянство - не единственный и далеко не главный порок директора Театра Варьете. Он наказан прежде всего за то, что занимает не свое место.

В ранних редакциях С. Б. Л. был прямо назван "красным директором". Так официально именовались назначенцы из числа партийных работников, которых ставили во главе театральных коллективов с целью осуществления административных функций и контроля, причем "красные директора", как правило, никакого отношения к театральному искусству не имели. В эпилоге "Мастера и Маргариты" С. Б. Л. получает более подходящее при его страсти к выпивке и закуске назначение - директором большого гастронома в Ростове.

В образе С. Б. Л. отразился и материал фельетона "Чаша жизни". Известное замечание Воланда: "Я чувствую, что после водки вы пили портвейн! Помилуйте, да разве это можно делать!" выросло из сентенции одного из героев этого фельетона: "Портвейн московский знаете? Человек от него не пьянеет, а так, лишается всякого понятия".

С. Б. Л., пробудившись, припоминает только, как целовал какую-то даму и как ехал на таксомоторе со сектчистом Хустовым. В "Чаше жизни" один из героев, Пал Васильич, обнимает и целует неизвестную даму, а потом рассказчик помнит только, как они ехали на такси. Очнувшись же дома, он, как и директор Театра Варьете, оказывается не в состоянии подняться.

С. Б. Л. связан также с булгаковским фельетоном "День нашей жизни". Его герой возвращается домой после попойки и заплетающимся языком произносит последний монолог перед тем, как забыться: "Что, бишь, я хотел сделать? да лечь... Это правильно. Я ложусь... но только умоляю разбудить меня, разбудить меня, непременно, чтоб меня черт взял в десять минут пятого... нет, пять десятого... Я начинаю новую жизнь... Завтра". С. Б. Л. якобы назначает свидание Воланду на десять часов, а затем директора действительно "черт взял" и кинул из Москвы в Ялту. В эпилоге С. Б. Л. начинает "новую жизнь": отказывается от портвейна и пьет только водку, настоянную на смородиновых почках, буквально следуя совету Воланда, "стал молчалив и сторонится женщин".

Ирония заключена в отчестве С. Б. Л. - Богданович, поскольку скорее не Бог, а черт принес Степу в Театр Варьете, где от него стонут подчиненные, так что на предположение администратора Варенухи, не попал ли С. Б. Л., как и Михаил Александрович Берлиоз, под трамвай, финдиректор Римский отвечает: " А хорошо бы было..."

Сомнительный разговор с Берлиозом "на какую-то ненужную тему", происходивший, "как помнится, двадцать четвертого апреля", который директор Театра Варьете связывает с печатью на двери Берлиоза и возможным арестом председателя МАССОЛИТа, восходит к переписке Булгакова с одним старым знакомым.

19 апреля 1929 г. ему написал из Рязани актер Николай Васильевич Безекирский. Он знал Булгакова осенью 1921 г., во время работы в Лито (Литературном отделе) Главполитпросвета. Безекирский сообщал: "Вы вероятно очень будете удивлены, что малознакомый к Вам пишет, но я вспомня наше короткое с Вами знакомство в трудное время и зная, что Вы некоторое время сами были в скверном материальном положении, а, следовательно скорее поймете мое теперешнее ужасное положение: я административно выслан на 3 года минус 6 губерний. Причина для меня до сих пор довольно туманная - следователь ГПУ обвинял меня в контрреволюционном разговоре в одном доме, где я часто бывал, ну и в результате я в Рязани, лишился службы в Москве, не член уже стал союза и пр., и здесь я не могу нигде найти работы и я сейчас в таком положении, что хоть где-нибудь зацепись за крюк!"

Судя по тому, что второе и последнее из известных писем Безекирского Булгакову с благодарностью за помощь датировано 26 апреля 1929 г. на открытке "для ответа" и поступило к Булгакову, как можно заключить по почтовому штемпелю, 28 апреля, то не дошедшее до нас письмо Булгакова Безекирскому было написано и отослано 24 апреля 1929 г., как раз в тот день, когда произошел разговор С. Б. Л. с Берлиозом.

Дата 24 апреля - это также одно из косвенных доказательств, что действие "Мастера и Маргариты" в московской части происходит не позднее начала мая, иначе бы С. Б. Л. вряд ли мог бы вспомнить точно день "сомнительного разговора". Поскольку события романа приурочены именно к 1929 г., Булгаков, очевидно, сознательно использовал дату своего письма Безекирскому в эпизоде с разговором С. Б. Л. и председателя МАССОЛИТа.

Происшествие с сосланным в Рязань актером было использовано в образе Мастера в одной из редакций романа, где упоминались "рязанские страдания" героя.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

⇦ :: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Торговый ренессанс"

"Торговый ренессанс" - фельетон, имеющий подзаголовок "(Москва в начале 1922-го года)".

При жизни Булгакова не публиковался. Впервые: Социологические исследования, М., 1988, № 1.

Т. р. написан 13 января 1922 г. (в рукописи датирован следующим, 14-м числом) и в тот же день отправлен сестре Наде в Киев. В сопроводительном письме Булгаков просил: "...Посылаю тебе корреспонденцию "Торговый ренессанс". Я надеюсь, что ты не откажешь (взамен и я постараюсь быть полезным тебе в Москве) отправиться в любую из киевских газет по твоему вкусу (предпочтительно большую ежедневную) и предложить ее срочно".

Писатель рассчитывал, если Т. р. и его автором заинтересуются редакции, стать постоянным корреспондентом киевских газет в Москве и тем самым на какое-то время добыть себе средства к существованию.

Срочность с публикацией Т. р. диктовалась тем обстоятельством, что московская газета "Торгово-Промышленный Вестник", где работал Булгаков, обанкротилась, о чем он с тревогой сообщал сестре в том же письме.

Т. р. напечатан не был, поскольку в Киеве газеты находились в столь же бедственном положении, как и в Москве, а имя автора фельетона еще не было известно в журналистских кругах.

Т. р. - первое произведение, созданное Булгаковым в Москве. В нем отразились ростки нэпа в московской жизни. Характерно, что здесь писатель единственный раз употребил первоначально принятое сокращение "НЭПо" (новая экономическая политика), вскоре замененное привычным для нас словом "нэп".

В Т. р. Булгаков приветствовал постепенное возрождение свободной торговли, подавленной при военном коммунизме: "До поздней ночи шевелится, покупает и продает, ест и пьет за столиками народ, живущий в невиданном еще никогда торгово-красном Китай-городе", хотя и сетовал на дороговизну.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Коровьев-Фагот ~

Страницы: 1 2 3

Коровьев-Фагот - персонаж романа "Мастер и Маргарита", старший из подчиненных Воланду демонов, черт и рыцарь, представляющийся москвичам переводчиком при профессоре-иностранце и бывшим регентом церковного хора.

Фамилия Коровьев сконструирована по образцу фамилии персонажа повести Алексея Константиновича Толстого (1817-1875) "Упырь" (1841) статского советника Теляева, который оказывается рыцарем Амвросием и вампиром. Интересно, что Амвросием зовут одного из посетителей ресторана Дома Грибоедова, расхваливающего достоинства его кухни в самом начале романа. В финале же визит в этот ресторан Бегемота и Коровьева-Фагота заканчивается пожаром и гибелью Дома Грибоедова, а в заключительной сцене последнего полета Коровьева-Фагота, как и Теляев у А. К. Толстого, превращается в рыцаря.

Коровьев-Фагот связан и с образами произведений Федора Михайловича Достоевского (1821-1881). В эпилоге "Мастера и Маргариты" среди задержанных по сходству фамилий с Коровьевым-Фаготом названы "четыре Коровкина". Здесь сразу вспоминается повесть "Село Степанчиково и его обитатели" (1859), где фигурирует некто Коровкин. Дядя рассказчика полковник Ростанев считает этого героя одним из близких себе людей. Полковник "вдруг заговорил, неизвестно по какому поводу, о каком-то господине Коровкине, необыкновенном человеке, которого он встретил три дня назад где-то на большой дороге и которого ждал теперь к себе в гости с крайним нетерпением". Для Ростанева Коровкин "уж такой человек; одно слово, человек науки! Я на него как на каменную гору надеюсь: побеждающий человек! Про семейное счастье как говорит!" И вот перед гостями появляется давно ожидаемый Коровкин "не в трезвом состоянии души-с". Костюм его, состоящий из изношенных и поврежденных предметов туалета, когда-то составлявших вполне приличную одежду, напоминает костюм Коровьева-Фагота.

Коровкин схож с булгаковским героем и разительными приметами пьянства на физиономии и в облике: "Это был невысокий, но плотный господин, лет сорока, с темными волосами и с проседью, выстриженный под гребенку, с багровым круглым лицом, с маленькими, налитыми кровью глазами, в высоком волосяном галстухе, в пуху и в сене, и сильно лопнувшем под мышкой, в pantalon impossible (невозможных брюках (фр.) и при фуражке, засаленной до невероятности, которую он держал на отлете. Этот господин был совершенно пьян".

А вот портрет Коровьева-Фагота: "...прозрачный гражданин престранного вида. На маленькой головке жокейский картузик, клетчатый кургузый воздушный... пиджачок... гражданин ростом в сажень, но в плечах узок, худ неимоверно, и физиономия, прошу заметить, глумливая"; "...усики у него, как куриные перья, глазки маленькие, иронические и полупьяные, а брюки клетчатые, подтянутые настолько, что видны грязные белые носки".

Здесь полный контраст физических черт - Коровкин низкий, плотный и широкоплечий, Коровьев-Фагот же высокий, худой и узкоплечий. Однако при этом совпадает не только одинаковая небрежность в одежде, но и манера речи. Коровкин обращается к гостям:" - Атанде-с... Рекомендуюсь: дитя природы... Но что я вижу? Здесь дамы... А зачем же ты не сказал мне, подлец, что у тебя здесь дамы? - прибавил он с плутовскою улыбкою смотря на дядю, - ничего? не робей!.. представимся и прекрасному полу... Прелестные дамы! - начал он, с трудом ворочая язык и завязая на каждом слове, - вы видите несчастного, который... ну, да уж и так далее... Остальное не договаривается... Музыканты! польку!

- А не хотите ли заснуть? - спросил Мизинчиков, спокойно подходя к Коровкину.
- Заснуть? Да вы с оскорблением говорите?
- Нисколько. Знаете, с дороги полезно...
- Никогда! - с негодованием отвечал Коровкин. - Ты думаешь, я пьян? - нимало... А впрочем, где у вас спят?
- Пойдемте, я вас сейчас проведу.
- Куда? в сарай? Нет, брат, не надуешь! Я уж там ночевал... А, впрочем, веди... С хорошим человеком отчего не пойти?.. Подушки не надо; военному человеку не надо подушки... А ты, мне, брат, диванчик, диванчик сочини... Да, слушай, - прибавил он останавливаясь, - ты, я вижу, малый теплый; сочини-ка ты мне того... понимаешь? ромео, так только, чтоб муху задавить... единственно, чтоб муху задавить, одну, то есть рюмочку.
- Хорошо, хорошо! - отвечал Мизинчиков.
- Хорошо... Да ты постой, ведь надо ж проститься... Adieu, mesdames и mesdemoiselles... Вы, так сказать пронзили... да уж ничего! после объяснимся... а только разбудите меня, как начнется... или даже за пять минут до начала... а без меня не начинать! слышите? не начинать!.."

Пробудившись же, Коровкин, по словам лакея Видоплясова, "многоразличные вопли испускали-с. Кричали: как они представятся теперь прекрасному полу-с? а потом прибавили: "Я не достоин рода человеческого!" и все так жалостно говорили-с, в отборных словах-с". Почти также говорит и Коровьев-Фагот, обращаясь к Михаилу Александровичу Берлиозу и изображая из себя похмельного регента:
" - Турникет ищите, гражданин? - треснувшим тенором осведомился клетчатый тип, - сюда пожалуйте! Прямо, и выйдете куда надо. С вас бы за указание на четверть литра... поправиться... бывшему регенту!".

Как и герой Достоевского, Коровьев-Фагот просит выпивку "для поправления здоровья". Его речь, как и речь Коровкина, делается отрывистой и малосвязной, что характерно для пьяного. Присущую Коровкину интонацию плутовской почтительности Коровьев-Фагот сохраняет и в разговоре с Никанором Ивановичем Босым, и в обращении к дамам на сеансе черной магии в Театре Варьете. Коровьевское "Маэстро! Урежьте марш!" явно восходит к коровкинскому "Музыканты! польку!". В сцене же с дядей Берлиоза Поплавским Коровьев-Фагот "жалостливо" и "в отборных словах-с" ломает комедию скорби.

"Село Степанчиково и его обитатели" представляет собой также пародию на личность и произведения Николая Гоголя (1809-1852). Например, дядя рассказчика, полковник Ростанев, во многом пародирует Манилова из "Мертвых душ" (1842-1852), Фома Фомич Опискин - самого Гоголя, а Коровкин - Хлестакова из "Ревизора" и Ноздрева из "Мертвых душ" в одном лице, с которыми столь же связан и Коровьев-Фагот.

С другой стороны, образ Коровьева-Фагота напоминает кошмар "в брюках в крупную клетку" из сна Алексея Турбина в "Белой гвардии". Этот кошмар, в свою очередь, генетически связан с образом либерала-западника Карамзинова из романа Достоевского "Бесы" (1871-1872). К.-Ф. - это также материализовавшийся черт из разговора Ивана Карамазова с нечистым в романе "Братья Карамазовы" (1879-1880).

Между Коровкиным и Коровьевым-Фаготом есть, наряду со многими чертами сходства, одно принципиальное различие. Если герой Достоевского - действительно горький пьяница и мелкий плут, способный обмануть игрой в ученость лишь крайне простодушного дядю рассказчика, то Коровьев-Фагот - это возникший из знойного московского воздуха черт (небывалая для мая жара в момент его появления - один из традиционных признаков приближения нечистой силы). Подручный Воланда только по необходимости надевает различные маски-личины: пьяницы-регента, гаера, ловкого мошенника, проныры-переводчика при знаменитом иностранце и др. Лишь в последнем полете Коровьев-Фагот становится тем, кто он есть на самом деле, мрачным демоном, рыцарем Фаготом, не хуже своего господина знающим цену людским слабостям и добродетелям.

За что наказан рыцарь Фагот?
Неудачный каламбур о Свете и Тьме
Столетия вынужденного шутовства
Демонические прототипы Коровьева из "Истории сношений человека с дьяволом"
"Легенда о жестоком рыцаре"
Читайте продолжение>>>

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Чаша жизни"

"Чаша жизни" - фельетон, имеющий подзаголовок: "(Веселый московский рассказ с печальным концом)".

Опубликован: Накануне, Берлин - М., 1922, 31 дек. (Литературное приложение).
Перепечатан: Новая вечерняя газета, Владивосток, 1923, 27 фев.

Название фельетона повторяет название рассказа Ивана Бунина (1870-1953), вышедшего в 1913 г.

Один из героев Ч. ж., советский начальник Пал Васильич, пьющий "чашу жизни" перед неизбежным арестом за растрату, стал своеобразным предшественником Степана Богдановича Лиходеева в романе "Мастер и Маргарита".

У Пала Васильича "лицо красное, и портвейном от него пахнет", причем рассказчик специально замечает: "Портвейн московский, знаете? Человек от него не пьянеет, а так - лишается всякого понятия". Лиходеев же предстает перед Воландом с опухшей физиономией, и причину несчастий директора Театра Варьете сатана, как и рассказчик Ч. ж., связывает с портвейном: "Я чувствую, что после водки вы пили портвейн! Помилуйте, да разве это можно делать?"

Пал Васильич на Страстной площади "какую-то даму обнял и троекратно поцеловал: в правую щеку, в левую и опять в правую. Помню, хохотали мы, а дама так и осталась в оцепенении". Подобно ему, Степан Богданович припоминает, что "кажется, вчера и неизвестно где он стоял с салфеткой в руке и пытался поцеловать какую-то даму, причем обещал ей, что на другой день, и ровно в полдень, придет к ней в гости. Дама от этого отказалась, говоря: "Нет, нет, меня не будет дома!" - а Степа упорно настаивал на своем: "А я вот возьму и приду!".

Пал Васильич подчеркивает, что он "ответственный работник", равно как и Лиходеев в ранних редакциях романа прямо именовался "красным директором".

Рассказчик Ч. ж. получает от Пала Васильича "дьявольские деньги" - 500 миллионов, которые в конечном счете губят его: приводят к аресту и увольнению со службы. В "Мастере и Маргарите" взятка, данная Коровьевым-Фаготом Никанору Ивановичу Босому, вызывает арест председателя жилтоварищества, а деньги, полученные Театром Варьете за сеанс черной магии, чудесным образом превращаются в валюту, из-за чего пострадал приехавший сдавать выручку безобидный бухгалтер Василий Степанович Ласточкин.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

"Чёрное море"

"Чёрное море" - либретто оперы. При жизни Булгакова не ставилось и не публиковалось. Впервые опубликовано: Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина. Записки отдела рукописей. Вып. 47. М.: Книжная палата, 1988.

9 сентября 1936 г., согласно записи в дневнике третьей жены писателя Е. С. Булгаковой, с предложением сделать либретто оперы о гражданской войне к нему обратились композитор Сергей Иванович Потоцкий (1883-1958) и режиссер Большого театра Т. Е. Шарашидзе: "Вечером - композитор Потоцкий и режиссер Большого театра Шарашидзе Тициан. Пришли с просьбой - не переделает ли М. А. либретто оперы Потоцкого "Прорыв". М.А., конечно, отказался. Потоцкий впал в уныние. Стали просить о новом либретто. Потоцкий играл фрагменты из "Прорыва".

Композитор и представители Большого театра продолжали уламывать Булгакова. Драматург в ту пору конфликтовал с МХАТом, где служил режиссером-ассистентом, по поводу снятия "Кабалы святош" и разногласий насчет инсценировки шекспировских "Виндзорских проказниц". 14 сентября 1936 г. Е. С. Булгакова записала: "Поздно вечером приехали: совсем больной, простуженный Самосуд (главный дирижер и художественный руководитель Большого театра Самуил Абрамович Самосуд (1884-1964), Шарашидзе и Потоцкий - "на полчаса". Сидели до трех часов ночи. Самосуд:
- Ну, когда приедете писать договор - завтра? Послезавтра?
Это его манера так уговаривать. Сказал, что если М. А. не возьмется писать либретто, то он не поставит оперы Потоцкого.
М.А. в разговоре сказал, что, может быть, он расстанется с МХАтом.
Самосуд:
- Мы вас возьмём на любую должность. Хотите - тенором?"

15 сентября 1936 г. Булгаков подал заявление об уходе из МХАТа и об отказе от инсценировки "Виндзорских проказниц". В связи с этим Е. С. Булгакова отметила: "Теперь остается решить, что делать с Большим театром. М. А. говорит, что он не может оставаться в безвоздушном пространстве, что ему нужна окружающая среда, лучше всего - театральная. И что в Большом его привлекает музыка. Но что касается сюжета либретто... Такого ясного сюжета, на который можно было бы написать оперу, касающуюся Перекопа, у него нет. А это, по-видимому, единственная тема, которая сейчас интересует Самосуда".

В связи с планами создания либретто Булгаковы 26 сентября 1936 г. посетили С. И. Потоцкого, музыка которого произвела на жену драматурга скверное впечатление: "Были у Потоцких. Он играл свои вещи. Слабо. Третий сорт". 1 октября 1936 г. Булгаков подписал договоры о работе консультантом-либреттистом в Большом театре и на либретто оперы Ч. м. для С. И. Потоцкого. В тетради с подготовительными материалами автор либретто датировал начало работы над Ч. м. 16 октября 1936 г. Время окончания работы над первой редакцией драматург поставил в рукописи 18 ноября 1936 г., но, скорее всего, завершил Ч. м. на несколько дней раньше.

Как фиксирует в дневнике Е. С. Булгакова 15 ноября 1936 г.: "Были на "Бахчисарайском фонтане". После спектакля М. А. остался на торжественный вечер. Самосуд предложил ему рассказать Керженцеву (председателю Комитета по делам искусств) содержание "Минина" (либретто "Минин и Пожарский"), и до половины третьего ночи в кабинете при ложе дирекции М. А. рассказывал Керженцеву не только "Минина", но и "Черное море".

Ч. м. П. М. Керженцеву (Лебедеву) (1881-1940) не понравилось. Е. С. Булгакова свидетельствует, что 17 ноября 1936 г. после спектакля в Большом театре "Керженцев подошел к М. А. и сказал, что он сомневается в "Черном море". На следующий день драматург читал либретто Потоцкому и Шарашидзе, причем, по утверждению Е. С. Булгаковой, композитору либретто понравилось.

3 февраля 1937 г. Булгаков получил аванс по договору на Ч. м. Но дирекция театра, не без влияния Керженцева, потребовала доработок, усиливающих революционное звучание либретто. Согласно записям Е. С. Булгаковой, в марте 1937 г. драматург трудился над второй редакцией и 18 марта "после бешеной работы М. А. закончил "Черное море". На следующий день текст либретто был прочитан Потоцкому и сдан в Большой театр. Работа над Ч. м. в театре не шла, композитор не спешил писать музыку. Очевидно, одобрения Керженцева так и не последовало. Надежды на постановку исчезли. Потоцкий 1 ноября 1937 г. предложил Булгакову выправить его новое либретто о Стеньке Разине (по отзыву Е. С. Булгаковой, это либретто - "очень дурно"), но драматург стать соавтором наотрез отказался.

Не исключено, что С. А. Самосуд разочаровался в музыкальных способностях Потоцкого и поэтому отказался от постановки Ч. м. У Булгакова же симпатии к этому композитору, в отличие от другого своего оперного партнера, Б. В. Асафьева (Глебова) (1884-1949), и подавно не было (в записи от 3 декабря 1937 г. Е. С. Булгакова вообще назвала Потоцкого болваном).

Булгаков в Ч. м. трансформировал в соответствии со спецификой оперного либретто многие образы своей пьесы "Бег", посвященной последним боям в Крыму осенью 1920 г. Генерал Хлудов, имевший своим прототипом Я. А. Слащева, стал генералом Анатолием Сидоровичем Агафьевым. Этот герой теперь умирал от разрыва сердца накануне эвакуации Севастополя, повторяя здесь судьбу другого белого генерала Владимира Зеноновича Май-Маевского (1867-1920), известного уникальным по размаху пьянством. Приват-доцент Голубков превратился в художника Алексея Петровича Болотова, а Серафима Корзухина - в певицу Ольгу Андреевну Болотову. Полковник де-Бризар теперь назывался командиром белого полка Брегге, а начальник контрразведки Тихий был переименован в полковника Маслова.

К Белому Главнокомандующему в Ч. м. добавились также красные военачальники - командующий фронтом Михайлов, командир конной армии и др. Михайлов своим очевидным прототипом имел командующего Южным фронтом Михаила Васильевича Фрунзе (1885-1925), чьим партийным псевдонимом была фамилия Михайлов. В Ч. м. появились и принципиально новые герои - предводитель красно-зеленых Марич и его возлюбленная Зейнаб, с которыми была связана романтическая любовная линия.

Конечно, по содержанию Ч. м. - это лишь бледная тень "Бега". В полном соответствии с советскими схемами для эпохи гражданской войны, интеллигенты теперь становятся на сторону красных и помогают им. Болотова спасает от погони Марича, а Болотов убивает арестовавшего его жену контрразведчика Маслова. Обреченность белого Севастополя подчеркивается названием ресторана, где умирает Агафьев - "Гоморра", а все душевные метания Хлудова свелись здесь к короткому предсмертному монологу совершенно фарсового характера: "Да что ж это такое? Мне нету отдыху, мне нет покоя, мне негде душу отвести! Пришел сюда, чтоб отдохнуть... и вот сперва один надоедало поит меня гнуснейшим суслом... потом является какой-то зверь из бездны и дерзости мне говорит. А я ведь тоже человек и у меня неврастения... (Плачет.)"

Еще хуже были патетические добавления, сделанные во второй редакции:
ХОР. Если ж погибнуть придется нам в этот час боевой...
МИХАЙЛОВ. Полки республики! Полки республики!
ХОР (в отдалении). Новых придут миллионы, станут в незыблемый строй.
МИХАЙЛОВ. В честь годовщины третьей воскликнем: Крым будет наш!
ХОР. Крым будет наш!
МИХАЙЛОВ. Оставим же память в столетьях! Войска! Войска республики, вперед!
КОМАНДАРМ и КОМКОННОЙ. Через Сиваш!"

Несомненно, Булгаков сознавал полную никчемность своего "революционного" либретто. Поэтому в дневнике жены и в булгаковской переписке не найти никаких следов попыток драматурга добиться постановки Ч. м. или огорчения по поводу того, что оно так и не было принято. А ведь за другие либретто - "Рашель", "Минин и Пожарский" и "Петр Великий" Булгаков переживал и делал все возможное, чтобы увидеть их на сцене.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Шансон Д`Этэ"

"Шансон д'Этэ" ("Песнь лета" - фр.) - фельетон. Опубликован: Накануне, Берлин - М., 1923, 16 авг.

Ш. д'Э. рассказывает о дождливом московском лете 1923 г., однако главным для Булгакова здесь является изображение "примет нэпа" в московском быте. В образах студентов-лоточников, которым изучение учебника "Исторического материализма" Н. И. Бухарина не мешает бойко торговать, скрыта ирония.

Писатель смеется над марксистской догмой об отмирании товарно-денежных отношений, вступающей в противоречие с живой жизнью. Вместе с тем, сопутствующая нэпу дороговизна явно не нравится Булгакову, как и большинству москвичей. Поэтому объектом сатиры становятся "пейзане" (крестьяне) подмосковных мест, дерущие втридорога с приезжих дачников.

Безудержная нажива осуждается автором Ш. д'Э., не любившим социализм, но отнюдь не идеализировавшим капитализм. Булгаков приветствует наведение новой властью порядка на улицах города, пусть даже системой штрафов, и оздоровление быта за счет свободы торговли, но настаивает: "Книжке - время, а торговле - час".

Не столько в нэпе, сколько в освоении народом культуры, книжного знания, писатель видел залог благополучия страны.

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

"Юрий Слезкин (силуэт)"

Страницы: 1 2

"**Ю**рий Слёзкин (Силуэт)", статья. Опубликована: Сполохи, Берлин, 1922, №12. Вошла в качестве предисловия в книгу: Слезкин Ю. Роман балерины. Рига: Литература, 1928.

Ю. С. С. - практически единственная в наследии Булгакова литературно-критическая статья в собственном смысле слова. Она посвящена творчеству известного еще до 1917 г. писателя Юрия Львовича Слезкина (1885-1947). С ним Булгаков познакомился в 1920 г. во Владикавказе. Их дружба продолжалась и в Москве вплоть до середины 20-х годов. Позднее пути Булгакова и Слезкина разошлись.

В Ю. С. С. Булгаков выделяет кинематографичность прозы Ю. Слезкина: "Где так быстро летят картины? Где они вспыхивают и тотчас же гаснут, уступая свое место другим?
На экране кино.
Ю. Слезкин - словесный кино-мастер, стремительный и скупой. Там ценен каждый метр ленты, его не истратят даром, он не истратит даром ни одной страницы. Жестоко ошибается тот, кто подумает, что это плохо. Быть может, ни у одного из русских беллетристов нашего времени нет такой выраженной способности обращаться со словом бережно".

В данном случае автор Ю. С. С. в творчестве Слезкина выделил то, что было свойственно и его собственной прозе. Друг Булгакова писатель Евгений Иванович Замятин (1884-1937) указал в 1924 г. на подобие булгаковского текста кино, проявившееся уже в повести "Дьяволиада". Куски, напоминающие киносценарий, есть и в романе "Белая гвардия", например, следующий: "Николкины глаза вспоминают:
Училище. Облупленные александровские колонны, пушки. Ползут юнкера на животиках от окна к окну, отстреливаются. Пулеметы в окнах.
Туча солдат осадила училище, ну, форменная туча. Что поделаешь. Испугался генерал Богородицкий и сдался с юнкерами. Па-а-зор...
Здравствуйте, дачницы,
Здравствуйте, дачники,
Съемки у нас уж давно начались.
Туманятся Николкины глаза.
Столбы зноя над червонными украинскими полями. В пыли идут пылью пудренные юнкерские роты. Было, было все это и вот не стало. Позор. Чепуха".

Здесь Булгаков дал воспоминания Николки Турбина фактически как ряд сменяющих друг друга кинокадров и титров с текстом возгласов и песен (тех же "Съемок", ставших позднее лейтмотивом "Дней Турбиных"). Возможно, этот прием автор Ю. С. С. использовал в том числе и под влиянием прозы Ю. Слезкина. Позднее, в 30-е годы, уже в век звукового кино, Булгаков создал и два киносценария по гоголевским произведениям - "Мертвые души" и "Ревизор".

Что же касается бережного отношения к слову, то булгаковским текстам оно свойственно в еще большей степени, чем произведениям Слезкина. Язык Булгакова лаконичен, максимально приближен к норме и лишен избыточной (по сравнению с живым разговорным языком) метафоричности, столь характерной для прозы 20-х годов в лице Юрия Олеши (1899-1960), Валентина Катаева (1897-1986), Исаака Бабеля (1894-1940), Михаила Зощенко (1895-1958), Осипа Мандельштама (1891-1938) и др. (но не Ю. Слезкина).

Автор Ю. С. С. ценит у своего героя способность к выдумке, что роднит писателя с "Великим Немым": "Выдумщик Слезкин. Вспомните историю с гробом, отосланным пьяной гвардейской кампанией на Бассейную ("То, чего мы не узнаем"), "Госпожу", соблазнившую слугу, морфий, стэк и дуэльный пистолет в мирном Прилучье, где у другого автора все персонажи тихо спились бы, не прибегая к дуэльным ухищрениям и не проделывая молодецких поездок с мертвецом в экипаже, "Негра из летнего сада" и многое другое. Ю. Слезкин всегда выдумывает. Вероятно, он не садится писать, не придумав для своей новой ленты очередного трюка. А боевики имеют их по несколько... В тот период времени, когда Слезкин выходил на арену, выдумка становилась поистине желанным гостем в беллетристике. Ведь положительно жутко делалось от необыкновенного умения русских литераторов наводить тоску... Фантазер на сереньком фоне тяжко-думных российских страниц был положительно необходим. Такого расцвеченного фантазера с котом Брамбиллой, с грезами о том, чего мы никогда не узнаем, с дуэльным пистолетом гусара Галдина беллетристика получила в лице Ю. Слезкина. Это было вовремя и вовсе не плохо.
Весь вопрос в том, что выдумка выдумке рознь. Так ведь во всем на свете. Невыразимо неудачен был трюк с гробом на Бассейной, но в виде компенсации сколько блестяще построенной лжи дал Ю. Слезкин всюду... Да еще большой вопрос - ложь ли это? Жизнь куда хитрее на выдумки самого хитрого выдумщика. Автор, желающий щеголять блестящими страницами, должен идти на выдумку и вся задача лишь в том, чтобы ее оправдать. Исполнил это - он хороший фабулист, нет - неудачный выдумщик... И в огромном большинстве так, Ю. Слезкин - сильный фабулист. Но срывы возможны у самого первоклассного... Это - ляспусы, тонущие в массе хорошо пригнанного и жизненно верного материала".

Подобное соединение выдумки с жизнью Булгаков прекрасно продемонстрировал еще в повести "Дьяволиада" (1923). Правда, у него, в отличие от Слезкина, ляпсусов не случалось даже в этом раннем и не самом лучшем произведении, не говоря уже о последующих, более совершенных. Принцип, что "жизнь куда хитрее на выдумки самого хитрого выдумщика", Булгаков разделял с героем Ю. С. С., последовательно проводя его в своем творчестве вплоть до "Мастера и Маргариты", где самые фантастические события новой Дьяволиады находят основание в реалиях современной московской жизни.

Булгаков в Ю. С. С. нисколько не преувеличивал подлинные масштабы слезкинского дарования: "Величина размаха - вещь относительная, и в пределах своего романа Ю. Слезкин исчерпывает все возможности. Взяв задание, он исполняет его до конца. У него хватает сил, умения и чуткого понимания, чтобы взятых им героев исчерпать до самого дна. Тонкие душевные движения им изучены хорошо, те тайные изгибы, по которым бежит и прячется душа человеческая, для него открыты, а проявление в действии скрытых пружин, руководящих человеческими поступками, сделано неизменно художественно, то есть правдиво и ясно.
Нет ничего труднее и опаснее, чем какой-нибудь единицей меры мерить глубину писателя. Так же опасен и скользок путь сравнений с другими и желание высчитать, на сколько вершков один глубже другого. Мой стакан мал. Но я лью из моего стакана (афоризм известного французского поэта Альфреда де Мюссе (1810-1857). Так может ответить и измеряемый нами Ю. Слезкин. Слова о стакане особенно применимы к нему. Во-первых, стакан у него собственного фасона, а, во-вторых, вмещает ровно столько, чтобы напоить до полного упоения".

Этот пассаж по поводу Юрия Слезкина, возможно, имел в виду Е. И. Замятин, когда в 1924 г. в статье "О сегодняшнем и современном" писал о "Дьяволиаде", может быть, и чересчур резко, что "вся повесть плоскостная, двухмерная, все - на поверхности и никакой, даже вершковой, глубины сцен - нет". Заметив родство Булгакова со Слезкиным, Замятин определил булгаковскую прозу терминами, как будто взятыми из Ю. С. С., - "кино" и "фантастика, корнями врастающая в быт".

Характеризуя язык Слезкина, Булгаков также не смог удержаться от иронии, используя цитату из пушкинского "Евгения Онегина": "Ю. Слезкин пишет хорошим языком, правильным, чистым, почти академическим, щеголевато отделывая каждую фразу, гладко причесывая каждую страницу.
...Как уст румяных без улыбки...
Румяные уста беллетриста Ю. Слезкина никогда не улыбаются. Внешность его безукоризненна.
...Без грамматической ошибки...
Нигде не растреплется медовая гладкая речь, нигде он не бросит без отделки ни одной фразочки, нигде не допустит изъяна в синтаксической конструкции. Стиль в руке, пишет словно кропотливый живописец, мажет кисточкой каждую черточку гладко осиянного лика. Пишет до тех пор, пока все не закруглит и не пригладит. И выпустит лик таким, что ни к чему придраться нельзя. Необычайно гладко".

Позже, в 1936-1937 гг., когда отношения писателей давно уже стали антагонистическими, Булгаков, создавая "Театральный роман", сатирически изобразил Слезкина в образе писателя Ликоспастова, произведя фамилию персонажа от отмеченной в Ю. С. С. "иконописной" манеры письма прототипа. В рассказе же Ликоспастова "Жилец по ордеру" запечатлен автор "Записок покойника" драматург Максудов, прототипом которого был сам Булгаков: "...В рассказе был описан... я!
Брюки те же. Ну, я, одним словом! Ну, клянусь, всем, что было у меня дорогого в жизни, я описан несправедливо. Я вовсе не хитрый, не жадный, не лукавый, не карьерист и чепухи такой, как в том рассказе, никогда не произносил!"

В завершении вы прочтете:
Причина ссоры друзей-писателей
Зависть - двигатель творчества
"Бесы" Достоевского - "злобный пасквиль"
Слёзкин - прототип безумного гусара де Бризара
Булгаков иронизирует

Наверх

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции 5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций
Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы
Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи
Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта
Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

Здесь речь идет о романе Ю. Слезкина "Девушка с гор (Столовая гора)" (1925), где с Булгакова списан малосимпатичный персонаж, бывший военный врач, а потом журналист Алексей Васильевич (намек на военного врача Алексея Васильевича Турбина в романе "Белая гвардия"). Публикация "Девушки с гор" в 1925 г. послужила одной из причин прекращения дружбы писателей. В отрывках романа, ранее появившихся в берлинской газете "Накануне", никаких негативных черт в образе Алексея Васильевича еще нет, и Булгаков был удивлен черной неблагодарностью друга, изобразившего его не только карикатурно, но и близко к популярному в то время жанру литературного доноса.

Ю. Слезкину могли, конечно, не понравиться некоторые определения, данные Булгаковым в Ю. С. С. Например, такое: "Его закоулок - область краевой лжи". Но главным мотивом создания карикатуры на Булгакова в "Девушке с гор" была, безусловно, зависть. Слезкин мучительно завидовал художественному таланту автора Ю. С. С., превосходство которого над своим собственным в глубине души не мог не сознавать. Завидовал и гражданскому мужеству писателя, отказывающегося в своих произведениях идти на признание благотворности свершившейся революции и необходимости участия интеллигенции в провозглашенном коммунистами "строительстве новой жизни". Потому-то главные черты характера Ликоспастова в "Театральном романе" - лживость и злобность.

В "Девушке с гор" Алексей Васильевич не сочувствует революции, и Слезкин ясно дает это понять читателям, когда одна из героинь романа бросает в лицо булгаковского двойника суровые по тем временам обвинения: "Вы хотите смутить меня? Вы хотите сказать, что страна, где невинные люди месяцами сидят по тюрьмам (о бессудных расстрелах невиновных чекистами Слезкин упомянуть не рискнул), не может быть свободной... Я до сих пор помню ваш рассказ о гуманном человеке. Вы нанизываете один случай за другим, собираете их в своей памяти и ничего уж не можете видеть, кроме этого. Вы приходите в ужас от созданной вами картины и заставляете бояться других. Только грязь, разорение, убийства видите вы в революции, как на войне вы видели только искалеченные тела, разорванные члены и кровь. А зачем была кровь, во имя чего люди шли и умирали, вы не хотите видеть, потому что это, по-вашему, глупо. Откуда разорение, грязь, примитивность - этого вы знать не хотите. Как этому помочь, как это изжить - вы тоже не думаете. Голод, вши, убийства - говорите вы, пряча голову, как страус. Значит, я должна ненавидеть Россию и революцию и отвернуться от того, что мне кажется необычайным. Но вам это не удастся. Слышите - не удастся! Я сама слишком замучилась, слишком передумала, чтобы иметь свое мнение. И если кто-нибудь виноват в том, что происходит тяжелого и дурного, так это вы - вы все, стонущие, злобствующие, критикующие и ничего не делающие для того, чтобы скорее изжить трудные дни".

В "Девушке с гор" прямо упоминалась и наркомания Алексея Васильевича, и его дезертирство из всех армий гражданской войны, в том числе и из красной, не даром свой будущий роман "он назвал бы "Дезертир", если бы только не эта глупая читательская манера всегда видеть в герое романа автора".

Главной причиной негативного изображения Алексея Васильевича в "Девушке с гор", возможно, было то, что Слезкин сознавал моральное превосходство Булгакова. Ведь автор Ю. С. С. не поступался своими убеждениями в антигуманности и разрушительности революции, не желая признавать ее даже в конъюнктурных целях. Сам же Слезкин, выходец из дворянской семьи, сын генерала, в студенческие годы примыкал к большевикам, а в революцию 1905-1907 гг. в большевистской фракции на юридическом факультете Петербургского университета даже редактировал альманах "Грядущий день", с антибольшевистским булгаковским фельетоном "Грядущие перспективы" никак не связанный, но будущее России представлявшим совсем по-другому.

Позднее писатель отошел от большевиков ради занятия литературой, и в начале 20-х годов принимал советскую власть уже не по внутреннему убеждению, а лишь с целью обеспечить себе возможность добывать средства к существованию литературным трудом. В искренность автора "Девушки с гор" Булгаков не верил, а тот, в свою очередь, не мог простить своему другу отказ демонстрировать лояльность новой власти.

В Ю. С. С., писавшемся, когда отношения между Булгаковым и Слезкиным еще не претерпели драматического ухудшения, тем не менее отмечалась некая беспринципность, свойственная персонажу статьи: "Галдин (герой романа "Помещик Галдин" (1911) Ю. Слезкина и Карамзинов Достоевского - люди одной среды, но лишь стоящие на ее крайних полюсах. Первый - барская деревня, второй - лощеный европеизм. Первый - низ лестницы, второй - ее верхушка.
И тех и других Ю. Слезкин умеет писать, но, изображая их, проникаясь их чувствами, в те моменты, когда становится особенно выпуклым, являет волей-неволей и сам черты Карамзинова. И быть иначе не может. Фигура из злобного гениального пасквиля Достоевского (столь резко аттестует Булгаков роман "Бесы" (1871-1872) - тонкий наблюдатель, известный писатель".

Когда в "Белой гвардии" во сне перед Алексеем Турбиным предстает Карамзинов как кошмар "в брюках в крупную клетку" и глумливо произносит свою замечательную фразу: "русскому человеку честь - одно только лишнее бремя..."; в этом образе при желании можно найти что-то не только от героя Достоевского, но и от Слезкина, готового в своих произведениях поступиться честным изображением действительности ради соображений идеологической конъюнктуры.

Ю. Слезкин послужил прототипом еще одного булгаковского персонажа. В Ю. С. С. главный герой назван маркизом - "со своей психологией европеизированного русского барчука, с его жеманфишизмом, с вычурным и складным языком маркиза XX-го столетия, с его пестрыми выдумками". Здесь - не только констатация аристократического происхождения писателя и соответствующего содержания его романов (из жизни дворянства), но и указание на связь автора "Помещика Галдина" с литературой XVIII века, причем не русской, а французской.

Булгаков утверждает: "Когда читаешь Слезкина, начинает казаться, что он опоздал родиться на полтораста лет. Ему бы к маркизам, в дворянские гнезда, где дома с колоннами. В мир фижм и шитых кафтанов, в мир, где мужчины - вежливые кавалеры, а дамы с томными лицами - и манящи, и лживы, и прекрасны". Для автора Ю. С. С. Слезкин это "маркиз, опоздавший на целый век и очутившийся среди грубого аляповатого века и его усердных певцов". Герои Слезкина "не жизнеспособны и всегда на них смертная тень или печаль обреченности", и потому "о смерти пишет печальный маркиз-беллетрист".

В пьесе "Бег" (1928) выведен полковник белой армии гусар маркиз де Бризар (можно вспомнить часто поминаемого в Ю. С. С. гусара Галдина, которому приплось везти в экипаже мертвое тело, выдавая его за живого человека). Он - тоже же аристократ конца XVIII или начала XIX в., волею фантазии драматурга брошенный в водоворот гражданской войны 1920 г. и оказавшийся убежденным папачом.

Де Бризар в конце концов сходит с ума и исполняет балладу Томского из оперы П. И. Чайковского (1840-1893) "Пиковая дама" (1890) по пушкинской повести: "Графиня, ценой какого раскаянья, хотите, пожалуй, я вам назову..". При этом помешавшийся маркиз принимает Белого Главнокомандующего за императора Александра 1 (1777-1825) и, смешивая времена и эпохи, рапортует: "Когда будет одержана победа над красными, я буду счастлив первый стать во фронт вашему величеству в Кремле!", что в контексте происходящего воспринимается собеседником просто как несвоевременное выражение крайних монархических взглядов, весьма распространенных в белой армии.

Достаточно сказать, что безумный де Бризар здесь почти дословно цитирует ироническую фразу, которой в своей книге "Белые мемуары" (1923) И. М. Василевский (Не-Буква) (1882-1938), первый муж второй жены Булгакова Л. Е. Белозерской, характеризует юнкера врангелевской армии А. Вонсяцкого, крайнего монархиста, а потом одного из лидеров русских фашистов: "Я бесконечно счастлив, что сегодня на том свете я смогу стать во фронт его величеству".

Де Бризар - это вариант судьбы героя Ю. С. С., если бы тот был не писателем, а военным, как его дед. Булгаков писал о Слезкине: "Манерный и утонченный человек - писатель в цилиндре, сжав тонкие губы, смотрит со стороны на жизнь, но общего с ней ничего не имеет и не желает иметь. Его грезы в чем-то другом".

В Ю. С. С. автор приводит отрывок из слезкинского рассказа "Пармские фиалки", дабы дать представление о языке писателя, "который так тесно и выпукло облекает его внутреннее существо":
"Я гулял по Кузнецкому (в Москве), когда ко мне подошла женщина очень прилично, даже, если хотите, изысканно одетая, и, извиняясь за беспокойство, спросила, который час. Я любезно приподнял котелок, мельком глянув в лицо незнакомки, скрытое густой черной вуалеткой (помню еще, на вуалетке вышитые бабочки), и, достав из бокового кармана свой старый золотой брегет, посмотрел на стрелки".

Здесь Булгаков иронизирует над языком новеллы: "Господин, любезно приподнявший котелок, - слащавый господин, а, кроме того, необычайно точный господин: о Кузнецком говорит и добавляет, что он в Москве. И ведь не потому добавляет, что думает, будто есть на свете хоть один читатель, который бы этого не знал, а нарочно добавляет... Господин, встретившийся с дамой, отмечает ее изысканный наряд, не указывая, в чем его изысканность. Значит, и сам он человек понимающий, со вкусом, и в читателях своих вкуса ожидающий".

В полемике с описанием встречи человека в котелке с незнакомкой на Кузнецком, автор "Мастера и Маргариты" сотворил классическую по чистоте стиля сцену встречи главных героев на Тверской: "Она несла в руках отвратительные, тревожные желтые цветы. Черт их знает, как их зовут, но они первые почему-то появляются в Москве. И эти цветы очень отчетливо выделялись на черном ее весеннем пальто. Она несла желтые цветы! Нехороший цвет. Она повернула с Тверской в переулок и тут обернулась. Ну, Тверскую вы знаете? По Тверской шли тысячи людей, но я почему-то заключаю, что увидела она меня одного и поглядела не то что тревожно, а даже как будто болезненно. И меня поразила не столько ее красота, сколько необыкновенное, никем не виданное одиночество в глазах!"

Тут даже слова "черт их знает" не только символизируют участие нечистой силы в этой нечаянной встрече, но и лексически перебивают литературно правильную речь героя разговорным выражением. В булгаковском описании намеренно нет ничего лишнего. Не только не указывается, разумеется, что Тверская находится в Москве, но и сама улица описывается как заведомо известная собеседнику (и читателям), поскольку важно здесь лишь то, что по Тверской одновременно идут тысячи людей. И в портрете Маргариты выделяется только одна черта, поразившая Мастера: одиночество в глазах.

Слезкинский же пассаж из "Пармских фиалок" блестяще спародирован в "Мастере и Маргарите" в сцене встречи Азазелло с Маргаритой на скамеечке в Александровском саду. Азазелло - "маленького роста, пламенно-рыжий, с клыком, в крахмальном белье, в полосатом добротном костюме, в лакированных туфлях и с котелком на голове. Галстук был яркий". Слащавый господин в котелке Слезкина превратился в щеголя-демона, и разговаривают они с Маргаритой не о времени (который час?), а об обретшем вечный покой Михаиле Александровиче Берлиозе, которого хоронят без головы, ибо ее похитил другой подручный Воланда - Бегемот.

Булгаковский Мастер - иной, чем герой Ю. С. С. Булгаков утверждает: "Как бы ни пришептывал Ю. Слезкин а la Карамзинов, все же он настоящий мастер". Однако слезкинское мастерство - чисто фабульное, это не более чем умение создать красивую ложь, которая должна понравиться читателям.

У Булгакова же Мастер - автор гениального романа о Понтии Пилате - стремится постичь художественную и этическую истину, но не в силах повторить нравственный подвиг Иешуа Га-Ноцри - бестрепетно отдать жизнь за право всегда и всюду говорить правду.

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Глава 2 ~

Главы: 1 2 3 4 5 6 7 8 9 Эпилог

Учиться читать совершенно ни к чему, когда мясо и так пахнет за версту. Тем не менее, ежели вы проживаете в Москве и хоть какие-нибудь мозги у вас в голове имеются, вы волей-неволей выучитесь грамоте, и притом безо всяких курсов. Из шестидесяти тысяч московских псов разве уж какой-нибудь совершенный идиот не умеет сложить из букв слово "колбаса".

Шарик начал учиться по цветам. Лишь только ему исполнилось четыре месяца, по всей Москве развесили зелено-голубые вывески с надписью "МСПО. Мясная торговля". Повторяем, что все это ни к чему, потому что и так мясо слышно. И путаница раз произошла: равняясь по голубоватому едкому цвету, Шарик, обоняние которого зашиб бензинным дымом мотор, вкатил вместо мясной в магазин электрических принадлежностей братьев Голуб на Мясницкой улице. Там у братьев пес отведал изолированной проволоки, а она будет почище извозчичьего кнута. Этот знаменитый момент и следует считать началом шариковского образования. Уже на тротуаре, тут же, Шарик начал соображать, что "голубой" не всегда означает - "мясной", и, зажимая от жгучей боли хвост между задними лапами и воя, припомнил, что во всех мясных первой слева стоит золотая или рыжая раскоряка, похожая на санки - "М".

Далее пошло еще успешнее. "А" он выучил в "Главрыбе", на углу Моховой, а потом "Б" (подбегать ему было удобнее с хвоста слова рыба, потому что в начале слова стоял милиционер).

Изразцовые квадратики, облицовывавшие угловые места в Москве, всегда и неизбежно означали "С-ы-р". Черный кран от самовара, возглавлявший слово, - бывшего хозяина Чичкина, горы голландского красного сыра и толпу зверей-приказчиков, ненавидевших собак, опилки на полу и гнуснейший, дурно пахнущий сыр бакштейн.

Если играли на гармонике и пахло сосисками, первые буквы на белых плакатах чрезвычайно удобно складывались в слово "неприли...", что означало "неприличными словами не выражаться и на чай не давать". Здесь порою винтом закипали драки, людей били кулаком по морде, правда, в редких случаях, а псов всегда салфетками или сапогами.

Если в окнах висели несвежие окорока ветчины и лежали мандарины... гау-гау... га... строномия. Если темные бутылки с плохой жидкостью... Ве-и-вин-а-вина... Елисеевы братья бывшие.

Неизвестный господин, притащивший пса к дверям своей роскошной квартиры, помещавшейся в бельэтаже, позвонил, а пес тотчас же поднял глаза на большую черную с золотыми буквами карточку, висящую сбоку широкой застекленной двери. Три первые буквы он сложил сразу: "Пэ-эр-о - Про". Но дальше шла пузатая двубокая дрянь, неизвестно что обозначающая.

"Неужели пролетарий? - подумал Шарик с удивлением... - Быть этого не может". Он поднял нос кверху, еще раз обнюхал шубу и уверенно подумал: "Нет, здесь пролетарием и не пахнет. Ученое слово, а бог его знает, что оно значит".

За розовым стеклом вспыхнул неожиданный и радостный свет, еще больше оттенив черную карточку. Дверь совершенно бесшумно распахнулась, и молодая красивая женщина в белом фартучке и кружевной наколке предстала перед псом и господином. Первого из них обдало божественным теплом, и юбка женщины запахла, как ландыш.

"Вот это да, это я понимаю", - подумал пес.

- Пожалуйте, господин Шарик, - иронически пригласил господин, и Шарик благоговейно пожаловал, вертя хвостом.

Великое множество предметов загромождало богатую переднюю. Тут же запомнилось зеркало до самого пола, немедленно отразившее второго истасканного и рваного Шарика, страшные оленьи рога в высоте, бесчисленные шубы и галоши и опаловый тюльпан с электричеством под потолком.

- Где же вы такого взяли, Филипп Филиппович? - улыбаясь, спрашивала женщина и помогала снимать тяжелую шубу на черно-бурой лисе с синеватой искрой. - Батюшки, до чего паршивый!

- Вздор говоришь. Где ж он паршивый? - строго и отрывисто спрашивал господин.

По снятии шубы он оказался в черном костюме английского сукна, и на животе у него радостно и неярко засверкала золотая цепь.

- Погоди-ка, не вертись, фить... да не вертись, дурачок. Гм... Это не парши... да стой ты, черт... гм... А-а! Это ожог. Какой же негодяй тебя обварил? А? Да стой ты смирно!

"Повар-каторжник повар!" - жалобными глазами молвил пес и слегка подвыл.

- Зина! - скомандовал господин. - В смотровую его сейчас же, а мне халат.

Женщина посвистела, пощелкала пальцами, и пес, немного поколебавшись, последовал за ней. Они вдвоем попали в узкий, тускло освещенный коридор, одну лакированную дверь миновали, пришли в конец, а затем попали налево и оказались в темной комнате, которая мгновенно не понравилась псу своим зловещим запахом. Тьма щелкнула и превратилась в ослепительный день, причем со всех сторон засверкало, засияло и забелело.

"Э, нет... - мысленно взвыл пес, - извините, не дамся! Понимаю, о черт бы взял их с колбасой! Это меня в собачью лечебницу заманили. Сейчас касторку заставят жрать и весь бок изрежут ножами, а до него и так дотронуться нельзя!"

- Э нет, куда?! - закричала та, которую звали Зиной.

Пес извернулся, спружинился и вдруг ударил в дверь здоровым правым боком так, что хрястнуло по всей квартире. Потом, отлетев назад, закрутился на месте, как кубарь под кнутом, причем вывернул на пол белое ведро, из которого разлетелись комья ваты.

Во время верчения кругом него порхали стены, уставленные шкафами с блестящими инструментами, запрыгал белый передник и искаженное женское лицо.

- Куда ты, черт лохматый?! - кричала отчаянно Зина. - Вот окаянный!

"Где у них черная лестница?.." - соображал пес. Он размахнулся и комком ударил наобум о стекло, в надежде, что это вторая дверь. Туча осколков вылетела с громом и звоном, выпрыгнула пузатая банка с рыжей гадостью, которая мгновенно залила пол и завоняла. Настоящая дверь распахнулась.

- Стой! С-скотина, - кричал господин, прыгая в халате, надетом на один рукав, и хватая пса за ноги. - Зина, держи его за шиворот, мерзавца!

- Ба... батюшки! Вот так пес!

Еще шире распахнулась дверь, и ворвалась еще одна личность мужского пола в халате. Давя битые стекла, она кинулась не к псу, а к шкафу, раскрыла его и всю комнату наполнила сладким и тошным запахом. Затем личность навалилась на пса сверху животом, причем пес с увлечением тяпнул ее повыше шнурков на ботинке. Личность охнула, но не потерялась. Тошнотворная жидкость перехватила дыхание пса, и в голове у него завертелось, потом ноги отвалились, и он поехал куда-то криво и вбок. "Спасибо, конечно, - мечтательно подумал он, валясь прямо на острые стекла. - Прощай, Москва! Не видать мне больше Чичкина и пролетариев и краковской колбасы. Иду в рай за собачье долготерпение. Братцы, живодеры, за что ж вы меня?"

И тут он окончательно завалился на бок и издох.

Когда он воскрес, у него легонько кружилась голова, и чуть-чуть тошнило в животе, бока же как будто не было, бок сладостно молчал. Пес приоткрыл правый томный глаз и краем его увидел, что он туго забинтован поперек боков и живота. "Все-таки отделали, сукины дети, - подумал он смутно, - но ловко, надо отдать им справедливость".

- "От Севильи до Гренады... в тихом сумраке ночей", - запел над ним рассеянный и фальшивый голос.

Пес удивился, совсем открыл оба глаза и в двух шагах увидел мужскую ногу на белом табурете. Штанина и кальсоны на ней были подтянуты, и голая желтая голень вымазана засохшей кровью и йодом.

"Угодники! - подумал пес. - Это, стало быть, я его кусанул. Моя работа. Ну, будут драть!"

- "Р-раздаются серенады, раздается стук мечей!" Ты зачем, бродяга, доктора укусил? А? Зачем стекло разбил? А?..

- У-у-у, - жалобно заскулил пес.

- Ну ладно. Опомнился и лежи, кретин!

- Как это вам удалось, Филипп Филиппович, подманить такого нервного пса? - спросил приятный мужской голос, и триковая кальсона откатилась книзу. Запахло табаком, и в шкафу зазвенели склянки.

- Лаской-с! Единственным способом, который возможен в обращении с живым существом. Террором ничего поделать нельзя с животным, на какой бы ступени развития оно ни стояло. Это я утверждал, утверждаю и буду утверждать. Они напрасно думают, что террор им поможет. Нет-с, нет-с, не поможет, какой бы он ни был: белый, красный или даже коричневый! Террор совершенно парализует нервную систему. Зина! Я купил этому прохвосту краковской колбасы на один рубль сорок копеек. Потрудитесь накормить его, когда его перестанет тошнить.

Захрустели выметаемые стекла, и женский голос кокетливо заметил:

- Кра-ковской! Господи, да ему надо было купить на двугривенный в мясной обрезков. Краковскую колбасу я сама лучше съем.

- Только попробуй. Я тебе съем! Это отрава для человеческого желудка. Взрослая девушка, а, как ребенок, тащит в рот всякую гадость. Не сметь! Предупреждаю: ни я, ни доктор Борменталь не будем с тобой возиться, когда у тебя схватит живот. "Всех, кто скажет! Что другая!.. Здесь равняется с тобой..."

Мягкие дробные звоночки сыпались в это время по всей квартире, а в отдалении из передней то и дело слышались голоса. Зазвенел телефон. Зина исчезла.

Филипп Филиппович бросил окурок папиросы в ведро, застегнул халат, перед зеркальцем на стене расправил пушистые усы и окликнул пса:

- Фить-фить. Ну, ничего, ничего. Идем принимать.

Пес поднялся на нетвердые ноги, покачался и подрожал, но быстро оправился и пошел следом за развевающейся полой Филиппа Филипповича. Опять пес пересек узкий коридор, но теперь увидел, что он ярко освещен сверху розеткой. Когда же открылась лакированная дверь, он вошел с Филиппом Филипповичем в кабинет, и тот ослепил пса своим убранством. Прежде всего он весь полыхал светом: горело под лепным потолком, горело на столе, горело на стене и в стеклах шкафов. Свет заливал целую бездну предметов, из которых самым занятным оказалась громадная сова, сидящая на стене на суку.

- Ложись, - приказал Филипп Филиппович.

Противоположная резная дверь открылась, вошел тот, тяпнутый, оказавшийся теперь в ярком свете очень красивым, молодым, с черной острой бородкой, подал лист и молвил:

- Прежний...

Тотчас бесшумно исчез, а Филипп Филиппович, распростерши полы халата, сел за громадный письменный стол и сразу сделался необыкновенно важным и представительным.

"Нет, это не лечебница, куда-то в другое место я попал, - в смятении подумал пес и привалился на ковровый узор у тяжелого кожаного дивана, - а сову эту мы разъясним..."

Дверь мягко открылась, и вошел некто, настолько поразивший пса, что он тявкнул, но очень робко.

- Молчать! Ба-ба, да вас узнать нельзя, голубчик!

Вошедший очень почтительно и смущенно поклонился Филиппу Филипповичу.

- Снимайте штаны, голубчик, - скомандовал Филипп Филиппович и поднялся.

"Господи Иисусе, - подумал пес, - вот так фрукт!"

На голове у фрукта росли совершенно зеленые волосы, а на затылке они отливали в ржавый табачный цвет. Морщины расползались на лице у фрукта, но цвет лица был розовый, как у младенца. Левая нога не сгибалась, ее приходилось волочить по ковру, зато правая прыгала, как у детского щелкуна. На борту великолепнейшего пиджака, как глаз, торчал драгоценный камень.

От интереса у пса даже прошла тошнота.

- Тяу, тяу... - он легонько потявкал.

- Молчать! Как сон, голубчик?

- Хе-хе! Мы одни, профессор? Это неописуемо, - конфузливо заговорил посетитель. - Пароль д'оннер - двадцать пять лет ничего подобного, - субъект взялся за пуговицу брюк, - верите ли, профессор, каждую ночь обнаженные девушки стаями. Я положительно очарован. Вы кудесник.

- Хм, - озабоченно хмыкнул Филипп Филиппович, всматриваясь в зрачки гостя.

Тот совладал наконец с пуговицами и снял полосатые брюки. Под ними оказались невиданные никогда кальсоны. Они были кремового цвета, с вышитыми на них шелковыми черными кошками, и пахли духами.

Пес не вынес кошек и гавкнул так, что субъект подпрыгнул.

- Ай!

- Я тебя выдеру! Не бойтесь, он не кусается.

"Я не кусаюсь?" - удивился пес.

Из кармана брюк вошедший выронил на ковер маленький конвертик, на котором была изображена красавица с распущенными волосами. Субъект подпрыгнул, наклонился, подобрал его и густо покраснел.

- Вы, однако, смотрите, - предостерегающе и хмуро сказал Филипп Филиппович, грозя пальцем, - все-таки смотрите, не злоупотребляйте!

- Я не зло... - смущенно забормотал субъект, продолжая раздеваться, - я, дорогой профессор, только в виде опыта.

- Ну и что же? Какие результаты? - строго спросил Филипп Филиппович.

Субъект в экстазе махнул рукой.

- Двадцать пять лет, клянусь богом, профессор, ничего подобного. Последний раз в 1899 году в Париже на рю де ла Пэ.

- А почему вы позеленели?

Лицо пришельца затуманилось.

- Проклятая "Жиркость"! Вы не можете себе представить, профессор, что эти бездельники подсунули мне вместо краски! Вы только поглядите, - бормотал субъект, ища глазами зеркало, - ведь это же ужасно. Им морду нужно бить! - свирепея, добавил он. - Что ж мне теперь делать, профессор? - спросил он плаксиво.

- Хм. Обрейтесь наголо.

- Профессор, - жалобно воскликнул посетитель, - да ведь они опять же седые вырастут. Кроме того, мне на службу носа нельзя будет показать, я и так уж третий день не езжу. Эх, профессор, если бы вы открыли способ, чтобы и волосы омолаживать!

- Не сразу, не сразу, мой дорогой, - бормотал Филипп Филиппович. Наклоняясь, он блестящими глазами исследовал голый живот пациента. - Ну, что ж, прелестно, все в полном порядке. Я даже не ожидал, сказать по правде, такого результата. "Много крови, много песен!.." Одевайтесь, голубчик!

- "Я же той, кто всех прелестней!.." - дребезжащим, как сковорода, голосом подпел пациент и, сияя, стал одеваться. Приведя себя в порядок, он, подпрыгивая и распространяя запах духов, отсчитал Филиппу Филипповичу пачку белых денег и нежно стал жать ему обе руки.

- Две недели можете не показываться, - сказал Филипп Филиппович, - но все-таки прошу вас: будьте осторожны.

- Профессор, - из-за двери в экстазе воскликнул голос, - будьте совершенно спокойны, - он сладостно хихикнул и пропал.

Рассыпной звонок пролетел по квартире, лакированная дверь открылась, вошел тяпнутый, вручил Филиппу Филипповичу листок и заявил:

- Годы показаны неправильно. Вероятно, пятьдесят четыре - пятьдесят пять. Тоны сердца глуховаты.

Он исчез и сменился шуршащей дамой в лихо заломленной набок шляпе и со сверкающим колье на вялой и жеваной шее. Страшные черные мешки сидели у нее под глазами, а щеки были кукольно-румяного цвета.

Она очень сильно волновалась.

- Сударыня! Сколько вам лет? - очень сурово спросил ее Филипп Филиппович.

Дама испугалась и даже побледнела под коркой румян.

- Я, профессор... Клянусь, если бы вы знали, какая у меня драма...

- Лет вам сколько, сударыня? - еще суровее повторил Филипп Филиппович.

- Честное слово... Ну, сорок пять.

- Сударыня, - возопил Филипп Филиппович, - меня ждут. Не задерживайте, пожалуйста. Вы же не одна!

Грудь дамы бурно вздымалась.

- Я вам одному, как светилу науки, но, клянусь, - это такой ужас...

- Сколько вам лет?! - яростно и визгливо спросил Филипп Филиппович, и очки его блеснули.

- Пятьдесят один! - корчась от страху, ответила дама.

- Снимайте штаны, сударыня, - облегченно молвил Филипп Филиппович и указал на высокий белый эшафот в углу.

- Клянусь, профессор, - бормотала дама, дрожащими пальцами расстегивая какие-то кнопки на поясе, - этот Альфонс... Я вам признаюсь, как на духу...

- "От Севильи до Гренады..." - рассеянно запел Филипп Филиппович и нажал педаль в мраморном умывальнике. Зашумела вода.

- Богом клянусь! - говорила дама, и живые пятна сквозь искусственные продирались на ее щеках. - Я знаю, это моя последняя страсть. Ведь это такой негодяй! О, профессор! Он карточный шулер, это знает вся Москва. Он не может пропустить ни одной гнусной модистки. Ведь он так дьявольски молод! - Дама бормотала и выбрасывала из-под шумящих юбок скомканный кружевной клок.

Пес совершенно затуманился, и все в голове у него пошло кверху ногами.

"Ну вас к черту, - мутно подумал он, положил голову на лапы и задремал от стыда, - и стараться не буду понять, что это за штука, - все равно не пойму".

Очнулся он от звонка и увидел, что Филипп Филиппович швырнул в таз какие-то сияющие трубки.

Пятнистая дама, прижимая руки к груди, с надеждой глядела на Филиппа Филипповича. Тот важно нахмурился и, сев за стол, что-то записал.

- Я вам, сударыня, вставлю яичники обезьяны, - объявил он и посмотрел строго.

- Ах, профессор, неужели обезьяны?

- Да, - непреклонно ответил Филипп Филиппович.

- Когда же операция? - бледным и слабым голосом спрашивала дама.

- "От Севильи до Гренады..." Угум... В понедельник. Ляжете в клинику с утра, мой ассистент приготовит вас.

- Ах, я не хочу в клинику. Нельзя ли у вас, профессор?

- Видите ли, у себя делаю операции лишь в крайних случаях. Это будет стоить очень дорого - пятьдесят червонцев.

- Я согласна, профессор!

Опять загремела вода, колыхнулась шляпа с перьями, потом появилась какая-то лысая, как тарелка, голова и обняла Филиппа Филипповича. Пес дремал, тошнота прошла, пес наслаждался утихшим боком и теплом, даже всхрапнул и успел увидеть кусочек приятного сна: будто бы он вырвал у совы целый пук перьев из хвоста... потом взволнованный голос тявкнул над головой:

- Я слишком известен в Москве, профессор. Что же теперь делать?

- Господа! - возмущенно кричал Филипп Филиппович, - Нельзя же так! Нужно сдерживать себя. Сколько ей лет?

- Четырнадцать, профессор... Вы понимаете, огласка погубит меня. На днях я должен получить заграничную командировку.

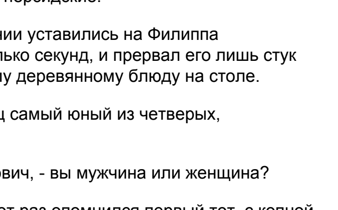
- Да ведь я же не юрист, голубчик... Ну, подождите два года и женитесь на ней.

- Женат я, профессор.

- Ах, господа, господа!

Двери открывались, сменялись лица, гремели инструменты в шкафу, и Филипп Филиппович работал, не покладая рук.

"Похабная квартирка, - думал пес, - но до чего хорошо! А на какого черта я ему понадобился? Неужели же жить оставит? Вот чудак! Да ведь ему только глазом мигнуть, он таким бы псом обзавелся, что ахнуть! А может, я и красивый. Видно, мое счастье! А сова эта дрянь... Наглая".



Окончательно пес очнулся глубоким вечером, когда звоночки прекратились, и как раз в то мгновение, когда дверь пропустила особенных посетителей. Их было сразу четверо. Все молодые люди, и все одеты очень скромно.

"Этим что нужно?" - удивленно подумал пес. Гораздо более неприязненно встретил гостей Филипп Филиппович. Он стоял у письменного стола и смотрел, как полководец на врагов. Ноздри его ястребиного носа раздувались. Вошедшие топтались на ковре.

- Мы к вам, профессор, - заговорил тот из них, у кого на голове возвышалась на четверть аршина копна густейших вьющихся черных волос, - вот по какому делу...

- Вы, господа, напрасно ходите без калош в такую погоду, - перебил его наставительно Филипп Филиппович, - во-первых, вы простудитесь, а во-вторых, вы наследите мне на коврах, а все ковры у меня персидские.

Тот, с копной, умолк, и все четверо в изумлении уставились на Филиппа Филипповича. Молчание продолжалось несколько секунд, и прервал его лишь стук пальцев Филиппа Филипповича по расписному деревянному блюду на столе.

- Во-первых, мы не господа, - молвил наконец самый юный из четверых, персикового вида.

- Во-вторых, - перебил его Филипп Филиппович, - вы мужчина или женщина?

Четверо вновь смолкли и открыли рты. На этот раз опомнился первый тот, с копной.

- Какая разница, товарищ? - спросил он горделиво.

- Я - женщина, - признался персиковый юноша в кожаной куртке и сильно покраснел. Вслед за ним покраснел почему-то густейшим образом один из вошедших - блондин в папахе.

- В таком случае вы можете оставаться в кепке, а вас, милостивый государь, попрошу снять головной убор, - внушительно сказал Филипп Филиппович.

- Я вам не "милостивый государь", - резко заявил блондин, снимая папаху.

- Мы пришли к вам... - вновь начал черный с копной.

- Прежде всего - кто это "мы"?

- Мы - новое домоуправление нашего дома, - в сдержанной ярости заговорил черный. - Я - Швондер, она - Вяземская, он - товарищ Пеструхин и Жаровкин. И вот мы...

- Это вас вселили в квартиру Федора Павловича Шаблина?

- Нас, - ответил Швондер.

- Боже! Пропал Калабуховский дом! - в отчаянии воскликнул Филипп Филиппович и всплеснул руками.

- Что вы, профессор, смеетесь? - возмутился Швондер.

- Какое там смеюсь! Я в полном отчаянии, - крикнул Филипп Филиппович, - что же теперь будет с паровым отоплением?

- Вы издеваетесь, профессор Преображенский?

- По какому делу вы пришли ко мне, говорите как можно скорее, я сейчас иду обедать.

- Мы, управление дома, - с ненавистью заговорил Швондер, - пришли к вам после общего собрания жильцов дома, на котором стоял вопрос об уплотнении квартир дома...

- Кто на ком стоял? - крикнул Филипп Филиппович, - потрудитесь излагать ваши мысли яснее.

- Вопрос стоял об уплотнении...

- Довольно! Я понял! Вам известно, что постановлением от 12-го сего августа моя квартира освобождена от каких бы то ни было уплотнений и переселений?

- Известно, - ответил Швондер, - но общее собрание, рассмотрев ваш вопрос, пришло к заключению, что в общем и целом вы занимаете чрезмерную площадь. Совершенно чрезмерную. Вы один живете в семи комнатах.

- Я один живу и р-работаю в семи комнатах, - ответил Филипп Филиппович, - и желал бы иметь восьмую. Она мне необходима под библиотеку.

Четверо онемели.

- Восьмую? Э-хе-хе, - проговорил блондин, лишенный головного убора, - однако, это здо-о-рово.

- Это неописуемо! - воскликнул юноша, оказавшийся женщиной.

- У меня приемная, заметьте, она же - библиотека, столовая, мой кабинет - три. Смотровая - четыре. Операционная - пять. Моя спальня - шесть и комната прислуги - семь. В общем, не хватает... Да впрочем, это неважно. Моя квартира свободна, и разговору конец. Могу я идти обедать?

- Извиняюсь, - сказал четвертый, похожий на крепкого жука.

- Извиняюсь, - перебил его Швондер, - вот именно по поводу столовой и смотровой мы и пришли говорить. Общее собрание просит вас добровольно, в порядке трудовой дисциплины, отказаться от столовой. Столовых ни у кого нет в Москве.

- Даже у Айседоры Дункан! - звонко крикнула женщина.

С Филиппом Филипповичем что-то сделалось, вследствие чего его лицо нежно побагровело, но он не произнес ни одного звука, выжидая что будет дальше.

- И от смотровой также, - продолжал Швондер, - смотровую прекрасно можно соединить с кабинетом.

- Угу, - молвил Филипп Филиппович каким-то странным голосом, - а где же я должен принимать пищу?

- В спальне, - хором ответили четверо.

Багровость Филиппа Филипповича приняла несколько сероватый оттенок.

- В спальне принимать пищу, - заговорил он придушенным голосом, - в смотровой - читать, в приемной - одеваться, оперировать в комнате прислуги, а в столовой - осматривать? Очень возможно, что Айседора Дункан так и делает. Может быть, она в кабинете обедает, а кроликов режет в ванной. Может быть. Но я не Айседора Дункан!! - вдруг рявкнул он, и багровость его стала желтой. - Я буду обедать в столовой, а оперировать в операционной! Передайте это общему собранию, и покорнейше прошу вас вернуться к вашим делам, а мне предоставить возможность принять пищу там, где ее принимают все нормальные люди, то есть в столовой, а не в передней и не в детской.

- Тогда, профессор, ввиду вашего упорного противодействия, - сказал взволнованный Швондер, - мы подаем на вас жалобу в высшие инстанции.

- Ага, - молвил Филипп Филиппович, - так? - Голос его принял подозрительно вежливый оттенок. - Одну минуточку, прошу вас подождать.

"Вот это парень, - в восторге подумал пес, - весь в меня. Ох, тяпнет он их сейчас, ох, тяпнет. Не знаю еще каким способом, но так тяпнет... Бей их! Этого голенастого сейчас взять повыше сапога за подколенное сухожилие... р-р-р..."

Филипп Филиппович, стукнув, взял трубку с телефона и сказал в нее так:

- Пожалуйста... да... благодарю вас. Петра Александровича попросите пожалуйста. Профессор Преображенский. Петр Александрович? Очень рад, что вас застал. Благодарю вас, здоров. Петр Александрович, ваша операция отменяется. Что? Совсем отменяется... Равно, как и все остальные операции. Вот почему: я прекращаю работу в Москве и вообще в России... Сейчас ко мне вошли четверо, из них одна женщина, переодетая мужчиной, двое вооруженных револьверами, и терроризировали меня в квартире с целью отнять часть ее...

- Позвольте, профессор, - начал Швондер, меняясь в лице.

- Извините... У меня нет возможности повторить все, что они говорили. Я не охотник до бессмыслиц. Достаточно сказать, что они предложили мне отказаться от моей смотровой, другими словами, поставили меня в необходимость оперировать вас там, где я до сих пор резал кроликов. В таких условиях я не только не могу, но и не имею права работать. Поэтому я прекращаю деятельность, закрываю квартиру и уезжаю в Сочи. Ключи могу передать Швондеру. Пусть он оперирует.

Четверо застыли. Снег таял у них на сапогах.

- Что же делать... Мне самому очень неприятно... Как? О, нет, Петр Александрович! О, нет. Больше я так не согласен. Это уже второй случай с августа месяца. Как? Гм... Как угодно. Хотя бы. Но только одно условие: кем угодно, что угодно, когда угодно, но чтобы это была такая бумажка, при наличности которой ни Швондер, ни кто-либо другой не мог бы даже подойти к дверям моей квартиры. Окончательная бумажка. Фактическая. Настоящая. Броня. Чтобы мое имя даже не упоминалось. Конечно. Да. Да. Я для них умер. Да, да. Пожалуйста. Кем? Ага... Ну, это другое дело. Ага. Хорошо. Сейчас передаю трубку. Будьте любезны, - змеиным голосом обратился Филипп Филиппович к Швондеру, - сейчас с вами будут говорить.

- Позвольте, профессор, - сказал Швондер, то вспыхивая, то угасая, - вы извратили наши слова.

- Попрошу вас не употреблять таких выражений.

Швондер растерянно взял трубку и молвил:

- Я слушаю. Да... Председатель домкома... Мы же действовали по правилам... Так у профессора и так исключительное положение... Мы знаем о его работах... Целых пять комнат хотели оставить ему... Ну, хорошо... Раз так... Хорошо...

Совершенно красный, он повесил трубку и повернулся.

"Как оплевал! Ну и парень! - восхищенно подумал пес. - Что он, слово, что ли, такое знает? Ну, теперь можете меня бить, как хотите, а отсюда я не уйду".

Трое, открыв рты, смотрели на оплеванного Швондера.

- Это какой-то позор! - несмело вымолвил тот.

- Если бы сейчас была дискуссия, - начала женщина, волнуясь и загораясь румянцем, - я бы доказала Петру Александровичу...

- Виноват, вы не сию минуту хотите открыть эту дискуссию? - вежливо спросил Филипп Филиппович.

Глаза женщины сверкнули.

- Я понимаю вашу иронию, профессор, мы сейчас уйдем... Только... Я, как заведующий культотделом дома...

- За-ве-дующая, - поправил ее Филипп Филиппович.

- Хочу предложить вам, - тут женщина из-за пазухи вытащила несколько ярких и мокрых от снега журналов, - взять несколько журналов в пользу детей Германии. По полтиннику штука.

- Нет, не возьму, - кратко ответил Филипп Филиппович, покосившись на журналы.

Совершенное изумление выразилось на лицах, а женщина покрылась клюквенным налетом.

- Почему же вы отказываетесь?

- Не хочу.

- Вы не сочувствуете детям Германии?

- Равнодушен к ним.

- Жалеете отдать полтинник?

- Нет.

- Так почему же?!

- Не хочу.

Помолчали.

- Знаете ли, профессор, - заговорила девушка, тяжело вздохнув, - если бы вы не были европейским светилом, и за вас не заступались бы самым возмутительным образом, - блондин дернул ее за край куртки, но она отмахнулась, - лица, которых, я уверена, мы еще разъясним, вас следовало бы арестовать.

- А за что? - с любопытством спросил Филипп Филиппович.

- Вы ненавистник пролетариата, - горячо сказала женщина.

- Да, я не люблю пролетариата, - печально согласился Филипп Филиппович и нажал кнопку. Где-то прозвенело. Открылась дверь в коридор.

- Зина, - крикнул Филипп Филиппович, - подавай обед. Вы позволите, господа?

Четверо молча вышли из кабинета, молча прошли приемную, молча переднюю, и слышно было, как за ними закрылась тяжело и звучно парадная дверь.

Пес встал на задние лапы и сотворил перед Филиппом Филипповичем какой-то намаз.

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Глава 3 ~

Главы: 1 2 3 4 5 6 7 8 9 Эпилог

На разрисованных райскими цветами тарелках с черною широкой каймой лежала тонкими ломтиками нарезанная семга, маринованные угри. На тяжелой доске кусок сыру в слезах, и в серебряной кадушке, обложенной снегом, - икра. Меж тарелками несколько тоненьких рюмочек и три хрустальных графинчика с разноцветными водками. Все эти предметы помещались на маленьком мраморном столике, уютно присоседившемся у громадного резного дуба буфета, изрыгавшего пучки стеклянного и серебряного света. Посредине комнаты - тяжелый, как гробница, стол, накрытый белой скатертью, а на нем два прибора, салфетки, свернутые в виде папских тиар, и три темных бутылки.

Зина внесла серебряное крытое блюдо, в котором что-то ворчало. Запах от блюда шел такой, что рот пса немедленно заполнился жидкой слюной. "Сады Семирамиды!", - подумал он и застучал, как палкой, по паркету хвостом.

- Сюда их! - хищно скомандовал Филипп Филиппович. - Доктор Борменталь, умоляю вас, оставьте икру в покое. И если хотите послушаться доброго совета, налейте не английской, а обыкновенной русской водки.

Красавец-тяпнутый - он был уже без халата, в приличном черном костюме - передернул широкими плечами, вежливо ухмыльнулся и налил прозрачной.

- Ново-благословенная? - осведомился он.

- Бог с вами, голубчик, - отозвался хозяин, - это спирт, Дарья Петровна сама отлично готовит водку.

- Не скажите, Филипп Филиппович, все утверждают, что очень приличная. Тридцать градусов.

- А водка должна быть в сорок градусов, а не в тридцать, это во-первых, - наставительно перебил Филипп Филиппович, - а во-вторых, бог их знает, что они туда плеснули. Вы можете сказать, что им придет в голову?

- Все, что угодно, - уверенно молвил тяпнутый.

- И я того же мнения, - добавил Филипп Филиппович и вышвырнул одним комком содержимое рюмки себе в горло, - э... мм... доктор Борменталь, умоляю вас: мгновенно эту штучку, и если вы скажете, что это плохо, я ваш кровный враг на всю жизнь. "От Севильи до Гренады!.."

С этими словами он подцепил на лапчатую серебряную вилку что-то похожее на маленький темный хлебик. Укушенный последовал его примеру. Глаза Филиппа Филипповича засветились.

- Это плохо? - жуя, спрашивал Филипп Филиппович. - Плохо? Вы ответьте, уважаемый доктор.

- Это бесподобно, - искренне ответил тяпнутый.

- Еще бы... Заметьте, Иван Арнольдович: холодными закусками и супом закусывают только не дорезанные большевиками помещики. Мало-мальски уважающий себя человек оперирует закусками горячими. А из горячих московских закусок - это первая. Когда-то их великолепно приготовляли в Славянском Базаре. На, получай.

- Пса в столовой прикармливаете, - раздался женский голос, - а потом его отсюда калачом не выманишь.

- Ничего... Он, бедняга, наголодался, - Филипп Филиппович на конце вилки подал псу закуску, принятую тем с фокусной ловкостью, и вилку с грохотом свалил в полоскательницу.

Засим от тарелок подымался пахнущий раками пар, пес сидел в тени скатерти с видом часового у порохового склада, а Филипп Филиппович, заложив хвост тугой салфетки за воротничок, проповедовал:

- Еда, Иван Арнольдович, штука хитрая. Есть нужно уметь, и, представьте себе, большинство людей вовсе этого не умеет. Нужно не только знать, что съесть, но и когда и как. (Филипп Филиппович многозначительно потряс ложкой.) И что при этом говорить. Да-с. Если вы заботитесь о своем пищеварении, вот добрый совет - не говорите за обедом о большевизме и о медицине. И, боже вас сохрани, не читайте до обеда советских газет.

- Гм... Да ведь других нет?

- Вот никаких и не читайте. Вы знаете, я произвел тридцать наблюдений у себя в клинике. И что же вы думаете? Пациенты, не читающие газет, чувствовали себя превосходно. Те же, которых я специально заставлял читать "Правду", теряли в весе.

- Гм... - с интересом отозвался тяпнутый, розовея от супа и вина.

- Мало этого. Пониженные коленные рефлексы, скверный аппетит, угнетенное состояние духа.

- Вот черт...

- Да-с. Впрочем, что же это я! Сам же заговорил о медицине. Будемте лучше есть.

Филипп Филиппович, откинувшись, позвонил, и в вишневой портьере появилась Зина. Псу достался бледный и толстый кусок осетрины, которая ему не понравилась, а непосредственно за этим ломоть окровавленного ростбифа. Слопав его, пес вдруг почувствовал, что он хочет спать и больше не может видеть никакой еды. "Странное ощущение, - думал он, захлопывая отяжелевшие веки, - глаза бы мои не смотрели ни на какую пищу. А курить после обеда - это глупость".

Столовая наполнилась неприятным синим сигарным дымом. Пес дремал, уложив голову на передние лапы.

- Сен-Жульен - приличное вино, - сквозь сон слышал пес, - но только ведь теперь же его нету.

Глухой, смягченный потолками и коврами хорал донесся откуда-то сверху и сбоку.

Филипп Филиппович позвонил, и пришла Зина.

- Зинушка, что это такое означает?

- Опять общее собрание сделали, Филипп Филиппович, - ответила Зина.

- Опять! - горестно воскликнул Филипп Филиппович. - Ну, теперь, стало быть, пошло. Пропал Калабуховский дом. Придется уезжать, но куда, спрашивается? Все будет как по маслу. Вначале каждый вечер пение, затем в сортирах замерзнут трубы, потом лопнет котел в паровом отоплении и так далее. Крышка Калабухову.

- Убивается Филипп Филиппович, - заметила, улыбаясь Зина и унесла груду тарелок.

- Да ведь как же не убиваться! - возопил Филипп Филиппович. - Ведь это какой дом был! Вы поймите!

- Вы слишком мрачно смотрите на вещи, Филипп Филиппович, - возразил красавец-тяпнутый, - они теперь резко изменились.

- Голубчик, вы меня знаете! Не правда ли? Я человек фактов, человек наблюдения. Я враг необоснованных гипотез. И это очень хорошо известно не только в России, но и в Европе. Если я что-нибудь говорю, значит, в основе лежит некий факт, из которого я делаю вывод. И вот вам факт: вешалка и калошная стойка в нашем доме.

- Это интересно...

"Ерунда - калоши. Не в калошах счастье, - подумал пес, - но личность выдающаяся".

- Не угодно ли - калошная стойка. С 1903 года я живу в этом доме. И вот, в течение времени до марта 1917 года не было ни одного случая - подчеркиваю красным карандашом "ни одного"! - чтобы из нашего парадного внизу при общей незапертой двери пропала бы хоть одна пара калош. Заметьте, здесь двенадцать квартир, у меня прием. В марте семнадцатого года в один прекрасный день пропали все калоши, в том числе две пары моих, три палки, пальто и самовар у швейцара. И с тех пор калошная стойка прекратила свое существование. Голубчик! Я не говорю уже о паровом отоплении. Не говорю. Пусть: раз социальная революция - не нужно топить. Так я говорю: почему, когда началась вся эта история, все стали ходить в грязных калошах и в валенках по мраморной лестнице? Почему калоши нужно до сих пор еще запирать под замок и еще приставлять к ним солдата, чтобы кто-либо не стащил? Почему убрали ковер с парадной лестницы? Разве Карл Маркс запрещает держать на лестнице ковры? Где-нибудь у Карла Маркса сказано, что второй подъезд Калабуховского дома на Пречистенке следует забить досками и ходить кругом через черный двор? Кому это нужно? Почему пролетарий не может оставить свои калоши внизу, а пачкает мрамор?

- Да у него ведь, Филипп Филиппович, и вовсе нет калош... - заикнулся было тяпнутый.

- Ничего подобного! - громовым голосом ответил Филипп Филипповичи налил стакан вина. - Гм... Я не признаю ликеров после обеда, они тяжелят и скверно действуют на печень... Ничего подобного! На нем есть теперь калоши, и эти калоши... мои! Это как раз те самые калоши, которые исчезли весной 1917 года. Спрашивается, кто их попер? Я? Не может быть. Буржуй Шаблин? (Филипп Филиппович ткнул пальцем в потолок.) Смешно даже предположить. Сахарозаводчик Полозов? (Филипп Филиппович указал вбок). Ни в коем случае! Да-с! Но хоть бы они их снимали на лестнице! (Филипп Филиппович начал багроветь.) Какого черта убрали цветы с площадок? Почему электричество, которое, дай бог памяти, потухало в течение двадцати лет два раза, в теперешнее время аккуратно гаснет раз в месяц? Доктор Борменталь! Статистика - жестокая вещь, вам, знакомому с моей последней работой, это известно лучше, чем кому бы то ни было другому.

- Разруха, Филипп Филиппович!

- Нет, - совершенно уверенно возразил Филипп Филиппович, - нет. Вы первый, дорогой Иван Арнольдович, воздержитесь от употребления самого этого слова. Это - мираж, дым, фикция. - Филипп Филиппович широко растопырил короткие пальцы, отчего две тени, похожие на черепах, заерзали по скатерти. - Что такое эта ваша "разруха"? Старуха с клюкой? Ведьма, которая выбила все стекла, потушила все лампы? Да ее вовсе не сушествует! Что вы подразумеваете под этим словом? - яростно спросил Филипп Филиппович у несчастной деревянной утки, висящей кверху ногами рядом с буфетом, и сам же ответил за нее: - Это вот что: если я, вместо того, чтобы оперировать, каждый вечер начну у себя в квартире петь хором, у меня настанет разруха. Если я, посещая уборную, начну, извините меня за выражение, мочиться мимо унитаза и то же самое будут делать Зина и Дарья Петровна, в уборной начнется разруха. Следовательно, разруха не в клозетах, а в головах. Значит, когда эти баритоны кричат "Бей разруху!" - я смеюсь. (Лицо Филипп Филиппович перекосило так, что тяпнутый открыл рот.) Клянусь вам, мне смешно! Это означает, что каждый из них должен лупить себя по затылку! И вот, когда он вылупит из себя всякие галлюцинации и займется чисткой сараев - прямым своим делом, разруха исчезнет сама собой. Двум богам нельзя служить! Невозможно в одно и то же время подметать трамвайные пути и устраивать судьбы каких-то испанских оборванцев! Это никому не удается, доктор, и тем более людям, которые вообще, отстав от развития европейцев лет на двести, до сих пор еще не совсем уверенно застегивают собственные штаны!

Филипп Филиппович вошел в азарт, ястребиные ноздри его раздувались. Набравшись сил после сытного обеда, гремел он подобно древнему пророку, и голова его сверкала серебром.

Его слова на сонного пса падали, точно глухой подземный гул. То сова с глупыми желтыми глазами выскакивала в сонном видении, то гнусная рожа палача в белом грязном колпаке, то лихой ус Филипп Филипповича, освещенный резким электричеством из абажура, то сонные сани скрипели и пропадали, а в собачьем желудке варился, плавая в соку, истерзанный кусок ростбифа.

"Он мог бы прямо на митингах деньги зарабатывать, - мутно мечтал пес, - первоклассный деляга. Впрочем, у него и так, по-видимому, куры не клюют".

- Городовой! - кричал Филипп Филиппович. - Городовой! - "Угу, гу, гу, гу!" - какие-то пузыри лопались в мозгу пса... - Городовой! Это и только это. И совершенно неважно, будет он с бляхой или же в красном кепи. Поставить городового рядом с каждым человеком и заставить этого городового умерить вокальные порывы наших граждан. Вы говорите - разруха. Я вам скажу, доктор, что ничто не изменится к лучшему в нашем доме, да и во всяком другом доме, до тех пор, пока не усмирите этих певцов! Лишь только они прекратят свои концерты, положение само собой изменится к лучшему!

- Контрреволюционные вещи вы говорите, Филипп Филиппович, - шутливо заметил тяпнутый, - не дай бог вас кто-нибудь услышит!

- Ничего опасного, - с жаром возразил Филипп Филиппович, - никакой контрреволюции! Кстати, вот еще одно слово, которое я совершенно не выношу. Абсолютно неизвестно, что под ним скрывается! Черт его знает! Так я и говорю: никакой этой самой контрреволюции в моих словах нет. В них лишь здравый смысл и жизненная опытность...

Тут Филипп Филиппович вынул из-под воротничка хвост блестящей изломанной салфетки и, скомкав, положил ее рядом с недопитым стаканом вина. Укушенный тотчас поднялся и поблагодарил: "Мерси".

- Минутку, доктор! - приостановил его Филипп Филиппович, вынимая из кармана брюк бумажник. Он прищурился, отсчитал белые бумажки и протянул их укушенному со словами: - Сегодня вам, Иван Арнольдович, сорок рублей причитается. Прошу.

Пострадавший от пса вежливо поблагодарил и, краснея, засунул деньги в карман пиджака.

- Я сегодня не нужен вам, Филипп Филиппович? - осведомился он.

- Нет, благодарю вас, голубчик. Ничего делать сегодня не будем. Во-первых, кролик издох, а во-вторых, сегодня в Большом - "Аида". А я давно не слышал. Люблю... Помните дуэт... Тара... ра... рим...

- Как это вы успеваете, Филипп Филиппович? - с уважением спросил врач.

- Успевает всюду тот, кто никуда не торопится, - назидательно объяснил хозяин. - Конечно, если бы я начал прыгать по заседаниям и распевать целый день, как соловей, вместо того, чтобы заниматься прямым своим делом, я бы никуда не поспел, - под пальцами Филиппа Филипповича в кармане небесно заиграл репетир, - начало девятого... Ко второму акту поеду... Я сторонник разделения труда. В Большом пусть поют, а я буду оперировать. Вот и хорошо, и никаких разрух... Вот что, Иван Арнольдович, вы все же следите внимательно: как только подходящая смерть, тотчас со стола, в питательную жидкость и ко мне!

- Не беспокойтесь, Филипп Филиппович, патологоанатомы мне обещали.

- Отлично. А мы пока этого уличного неврастеника понаблюдаем, обмоем. Пусть бок у него заживет...

"Обо мне заботится, - подумал пес, - очень хороший человек. Я знаю, кто это. Он волшебник, маг и кудесник из собачьей сказки... Ведь не может же быть, чтобы все это я видел во сне. А вдруг сон? (Пес во сне дрогнул.) Вот проснусь... и ничего нет. Ни лампы в шелку, ни тепла, ни сытости. Опять начнется подворотня, безумная стужа, оледеневший асфальт, голод, злые люди... Столовка, снег... Боже, как тяжело это будет!.."

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций
Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы
Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи
Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта
Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Глава 4 ~

Главы: 1 2 3 4 5 6 7 8 9 Эпилог

Но ничего этого не случилось. Именно подворотня растаяла, как мерзкое сновидение, и более не вернулась.

Видно, уж не так страшна разруха. Не взирая на нее, дважды в день серые гармоники под подоконниками наливались жаром, и тепло волнами расходилось по квартире.

Совершенно ясно: пес вытащил самый главный собачий билет. Глаза его теперь не менее двух раз в день заливались благодарными слезами по адресу пречистенского мудреца. Кроме того, все трюмо в гостиной-приемной между шкафами отражали удачливого красавца пса.

"Я - красавец. Быть может, неизвестный собачий принц-инкогнито, - размышлял пес, глядя на лохматого кофейного пса с довольной мордой, разгуливающего в зеркальных далях. - Очень возможно, что бабушка моя согрешила с водолазом. То-то я смотрю - у меня на морде белое пятно. Откуда оно, спрашивается? Филипп Филиппович - человек с большим вкусом, не возьмет он первого попавшегося пса-дворника.

В течение недели пес сожрал столько же, сколько в полтора последних голодных месяца на улице. Но, конечно, только по весу. О качестве еды у Филиппа Филипповича и говорить не приходилось. Если даже не принимать во внимание того, что ежедневно Дарьей Петровной закупалась груда обрезков на Смоленском рынке на восемнадцать копеек, достаточно упомянуть обеды в семь часов вечера в столовой, на которых пес присутствовал, несмотря на протесты изящной Зины. Во время этих обедов Филипп Филиппович окончательно получил звание божества. Пес становился на задние лапы и жевал пиджак, пес изучил звонок Филипп Филипповича - два полнозвучных отрывистых хозяйских удара, и вылетал с лаем встречать его в передней. Хозяин вваливался в черно-бурой лисе, сверкая миллионом снежных блесток, пахнущий мандаринами, сигарами, духами, лимонами, бензином, одеколоном, сукном, и голос его, как командная труба, разносился по всему жилищу.

- Зачем же ты, свинья, сову разорвал? Она тебе мешала? Мешала, я тебя спрашиваю? Зачем профессора Мечникова разбил?

- Его, Филипп Филиппович, нужно хлыстом отодрать хоть раз, - возмущенно говорила Зина, - а то он совершенно избалуется. Вы поглядите, что он с вашими калошами сделал.

- Никого драть нельзя! - взволновался Филипп Филиппович. - Запомни это раз и навсегда. На человека и на животное можно действовать только внушением. Мясо ему давали сегодня?

- Господи! Он весь дом обожрал. Что вы спрашиваете, Филипп Филиппович. Я удивляюсь, как он не лопнет.

- Ну и пусть ест на здоровье... Чем тебе помешала сова, хулиган?

- У-у! - скулил пес-подлиза и полз на брюхе, вывернув лапы.

Затем его с гвалтом волокли за шиворот через приемную в кабинет. Пес подвывал, огрызался, цеплялся за ковер, ехал на заду, как в цирке. Посредине кабинета на ковре лежала стеклянноглазая сова с распоротым животом, из которого торчали какие-то красные тряпки, пахнущие нафталином. На столе валялся вдребезги разбитый портрет.

- Я нарочно не убирала, чтобы вы полюбовались, - расстроенно докладывала Зина, - ведь на стол вскочил, какой мерзавец! И за хвост ее - цап! Я опомниться не успела, как он ее всю растерзал. Мордой его потычьте в сову, Филипп Филиппович, чтобы знал, как вещи портить.

И начинался вой. Пса, прилипавшего к ковру, тащили тыкать в сову, причем пес заливался горькими слезами и думал: "Бейте, только из квартиры не выгоняйте".

- Сову чучельнику отправить сегодня же. Кроме того, вот тебе восемь рублей и шестнадцать копеек на трамвай, съезди к Мюру, купи ему хороший ошейник с цепью.

На следующий день на пса надели широкий блещущий ошейник. В первый момент, поглядевшись в зеркало, он очень расстроился, поджал хвост и ушел в ванную комнату, размышляя, как бы ободрать его о сундук или ящик. Но очень скоро пес понял, что он - просто дурак. Зина повела его гулять на цепи. По Обухову переулку пес шел, как арестант, сгорая от стыда, но пройдя по Пречистенке до храма Христа, отлично сообразил, что значит в жизни ошейник. Бешеная зависть читалась в глазах у всех встречных псов, а у Мертвого переулка какой-то долговязый с обрубленным хвостом дворняга облаял его "барской сволочью" и "шестеркой". Когда пересекали трамвайные рельсы, милиционер поглядел на ошейник с удовольствием и уважением, а когда вернулись, произошло самое невиданное в жизни: Федор-швейцар собственноручно отпер парадную дверь и впустил Шарика. Зине он при этом заметил:

- Ишь, каким лохматым обзавелся Филипп Филиппович. И удивительно жирный.

- Еще бы! За шестерых лопает, - пояснила румяная и красивая от мороза Зина.

"Ошейник - все равно, что портфель", - сострил мысленно пес и, виляя задом, последовал в бельэтаж, как барин.

Оценив ошейник по достоинству, пес сделал первый визит в то главное отделение рая, куда до сих пор вход ему был категорически воспрещен, именно - в царство поварихи Дарьи Петровны. Вся квартира не стоила и двух пядей Дарьиного царства. Всякий день в черной сверху и облицованной кафелем плите стреляло и бушевало пламя. Духовой шкаф потрескивал. В багровых столбах горело вечною огненной мукой и неутоленной страстью лицо Дарьи Петровны. Оно лоснилось и отливало жиром. В модной прическе на уши и с корзинкой светлых волос на затылке светилось двадцать два поддельных бриллианта. По стенам на крюках висели золотые кастрюли, вся кухня громыхала запахами, клокотала и шипела в закрытых сосудах...

- Вон! - завопила Дарья Петровна. - Вон, беспризорный карманник! Тебя тут не хватало! Я тебя кочергой...

- Чего ты? Ну, чего лаешься? - умильно щурил глаза пес. - Какой же я карманник? Ошейник вы разве не замечаете? - и он боком лез в дверь, просовывая в нее морду.

Шарик обладал каким-то секретом покорять сердца людей. Через два дня он уже лежал рядом с корзиной углей и смотрел, как работает Дарья Петровна. Острым и узким ножом она отрубала беспомощным рябчикам головы и лапки, затем, как яростный палач, с костей сдирала мякоть, из кур вырывала внутренности, что-то вертела в мясорубке. Шарик в это время терзал рябчикову голову. Из миски с молоком Дарья Петровна вытаскивала куски размокшей булки, смешивала их на доске с мясною кашицей, заливала все это сливками, посыпала солью и на доске лепила котлеты. В плите гудело, как на пожаре, а на сковороде ворчало, пузырилось и прыгало. Заслонка с грохотом отпрыгивала, обнаруживала страшный ад. Клокотало, лилось.

Вечером потухала пламенная страсть, в окне кухни, над белой половиной занавесочкой стояла густая и важная пречистенская ночь с одинокой звездой. В кухне было сыро на полу, кастрюли сияли таинственно и тускло, на столе лежала пожарная фуражка. Шарик лежал на теплой плите, как лев на воротах и, задрав от любопытства одно ухо, глядел, как черноусый и взволнованный человек в широком кожаном поясе за полуприкрытой дверью в комнате Зины и Дарьи Петровны обнимал Дарью Петровну. Лицо у той горело мукой и страстью, все, кроме мертвенного напудренного носа. Щель света лежала на потрете черноусого, и пасхальный розан свисал с него.

- Как демон пристал, - бормотала в полумраке Дарья Петровна, - отстань. Сейчас Зина придет. Что ты, чисто тебя тоже омолодили?

- Нам ни к чему, - плохо владея собой и хрипло отвечал черноусый. - До чего вы огненная...

Вечерами пречистенская звезда скрывалась за тяжкими шторами, и, если в Большом театре не было "Аиды" и не было заседания Всероссийского хирургического общества, божество помещалось в кресле. Огней под потолком не было, горела только одна зеленая лампа на столе. Шарик лежал на ковре в тени и, не отрываясь, глядел на ужасные дела. В отвратительной едкой и мутной жиже в стеклянных сосудах лежали человеческие мозги. Руки божества, обнаженные по локоть, были в рыжих резиновых перчатках, и скользкие тупые пальцы копошились в извилинах. Временами божество вооружалось маленьким сверкающим ножиком и тихонько резало желтые упругие мозги.

- "К берегам священным Нила", - тихонько напевало божество, закусывая губы и вспоминая золотую внутренность Большого театра.

Трубы в этот час нагревались до высшей точки. Тепло от них поднималось к потолку, оттуда расходилось по всей комнате, в песьей шубе оживала последняя, еще не вычесанная самим Филиппом Филипповичем, но уже обреченная блоха. Ковры глушили звуки в квартире. А потом далеко звенела выходная дверь.

"Зинка в кинематограф пошла, - думал пес, - а как придет, ужинать, стало быть, будем. На ужин, надо полагать, телячьи отбивные".

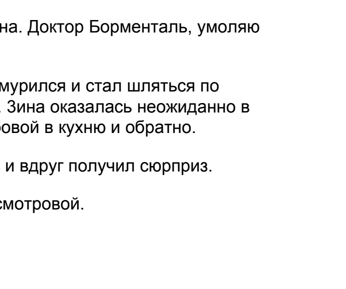
И вот в этот ужасный день, еще утром, Шарика кольнула предчувствие. Вследствие этого он вдруг заскучал и утренний завтрак - полчашки овсянки и вчерашнюю баранью косточку - съел без всякого аппетита. Он скучно прошелся в приемную и легонько подвыл там на собственное отражение. Но днем после того, как Зина сводила его погулять на бульвар, день прошел как обычно. Приема сегодня не было, потому что, как известно, по вторникам приема не бывает, и божество сидело в кабинете, развернув на столе какие-то тяжелые книги с пестрыми картинками. Ждали обеда. Пса несколько оживила мысль о том, что сегодня на второе блюдо, как он точно узнал на кухне, будет индейка. Проходя по коридору, пес услышал, как в коридоре Филиппа Филипповича неприятно и неожиданно прозвенел телефон. Филипп Филиппович взял трубку, прислушался и вдруг взволновался.

- Отлично, - послышался его голос, - сейчас же везите, сейчас же!

Он засуетился, позвонил и вошедшей Зине приказал срочно подавать обед. Обед! Обед! В столовой тотчас застучали тарелками, Зина забегала, из кухни послышалась воркотня Дарьи Петровны, что индейка не готова. Пес опять почувствовал волнение.

"Не люблю кутерьмы в квартире", - раздумывал он... И только он это подумал, как кутерьма приняла еще более неприятный характер. И прежде всего благодаря появлению тяпнутого некогда доктора Борменталя. Тот привез с собой дурно пахнущий чемодан и, даже не раздеваясь, устремился с ним через коридор в смотровую. Филипп Филиппович бросил недопитую чашку кофе, чего с ним никогда не случалось, выбежал навстречу Борменталю, чего с ним тоже никогда не бывало.

- Когда умер? - закричал он.



- Три часа назад, - ответил Борменталь, не снимая заснеженной шапки и расстегивая чемодан.

"Кто такое умер?" - хмуро и недовольно подумал пес и сунулся под ноги. - Терпеть не могу, когда мечутся".

- Уйди из-под ног! Скорей, скорей, скорей! - закричал Филипп Филиппович на все стороны и стал звонить во все звонки, как показалось псу. Прибежала Зина. - Зина! К телефону Дарью Петровну, записывать, никого не принимать! Ты нужна. Доктор Борменталь, умоляю вас, скорей, скорей, скорей!

"Не нравится мне. Не нравится", - пес обиженно нахмурился и стал шляться по квартире, а вся суета сосредоточилась в смотровой. Зина оказалась неожиданно в халате, похожем на саван, и начала летать из смотровой в кухню и обратно.

"Пойти, что ль, поесть? Ну их в болото", - решил пес и вдруг получил сюрприз.

- Шарику ничего не давать, - загремела команда из смотровой.

- Усмотришь за ним, как же.

- Запереть!

И Шарика заманили и заперли в ванной.

"Хамство, - подумал Шарик, сидя в полутемной ванной комнате, - просто глупо..."

И около четверти часа он пробыл в ванной в странном состоянии духа - то в злобе, то в каком-то тяжелом упадке. Все было скучно, неясно...

"Ладно, будете вы иметь калоши завтра, многоуважаемый Филипп Филиппович, - подумал он, - две пары пришлось прикупить, и еще одну купите. Чтоб вы псов не запирали".

Но вдруг его яростную мысль перебило. Внезапно и ясно почему-то вспомнился кусок самой ранней юности, солнечный необъятный двор у Преображенской заставы, осколки солнца в бутылках, битый кирпич, вольные псы-побродяги.

"Нет, куда уж, ни на какую волю отсюда не уйдешь, зачем лгать, - тосковал пес, сопя носом, - привык. Я барский пес, интеллигентное существо, отведал лучшей жизни. Да и что такое воля? Так, дым, мираж, фикция... Бред этих злосчастных демократов..."

Потом полутьма ванной стала страшной, он завыл, бросился на дверь, стал царапаться.

- У-у-у! - как в бочку полетело по квартире.

"Сову раздеру опять", - бешено, но бессильно думал пес. Затем ослаб, полежал, а когда поднялся, шерсть на нем стала вдруг дыбом, почему-то в ванне померещились отвратительные волчьи глаза...

И в разгар муки дверь открыли. Пес вышел, отряхнувшись, и угрюмо собрался в кухню, но Зина за ошейник настойчиво повлекла его в смотровую. Холодок прошелся у пса под сердцем.

"Зачем я им понадобился? - подумал он подозрительно. - Бок зажил - ничего не понимаю".

И он поехал лапами по скользкому паркету, и так был привезен в смотровую. В ней сразу поразило невиданное освещение. Белый шар под потолком сиял до того, что резало глаза. В белом сиянии стоял жрец и сквозь зубы напевал про священные берега Нила. Только по смутному запаху можно было узнать, что это Филипп Филиппович. Подстриженная его седина скрывалась под белым колпаком, напоминающим патриаршую скуфейку. Жрец был весь в белом, а поверх белого, как епитрахиль, был надет резиновый узкий фартук. Руки в черных перчатках.

В скуфейке оказался и тяпнутый. Длинный стол был раскинут, а сбоку придвинули маленький четырехугольный на блестящей ноге.

Пес здесь больше всего возненавидел тяпнутого и больше всего его сегодняшние глаза. Обычно смелые и прямые, ныне они бегали во все стороны от песьих глаз. Они были настороженные, фальшивые, и в глубине их таилось нехорошее, пакостное дело, если даже не целое преступление. Пес глянул на него тяжело и пасмурно, ушел в угол.

- Ошейник, Зина, - негромко молвил Филипп Филиппович, - только не волнуй его.

У Зины мгновенно стали такие же мерзкие глаза, как у тяпнутого. Она подошла к псу и явно фальшиво погладила его. Тот с тоской и презрением поглядел на нее.

"Что ж... вас трое. Возьмите, если хотите. Только стыдно вам... Хоть бы я знал, что будете делать со мной".

Зина отстегнула ошейник, пес помотал головой, фыркнул. Тяпнутый вырос перед ним, и скверный мутнящий запах разлился от него.

"Фу, гадость... Отчего мне так мутно и страшно..." - подумал пес и попятился от тяпнутого.

- Скорее, доктор, - нетерпеливо молвил Филипп Филиппович.

Резко и сладостно пахнуло в воздухе. Тяпнутый, не сводя с пса настороженных дрянных глаз, высунул из-за спины правую руку и быстро ткнул псу в нос ком влажной ваты. Шарик оторопел, в голове у него легонько закружилось, но он успел еще отпрянуть. Тяпнутый прыгнул за ним и вдруг залепил всю морду ватой. Тотчас же заперло дыхание, но еще раз пес успел вырваться. "Злодей... - мелькнуло в голове. - За что?" И еще раз облепили. Тут неожиданно посреди смотровой представилось озеро, а на нем в лодках очень веселые загробные, небывалые, розовые псы. Ноги лишились костей и согнулись.

- На стол! - веселым голосом бухнули где-то слова Филиппа Филипповича и расплылись в оранжевых струях. Ужас исчез, сменился радостью, секунды две угасающий пес любил тяпнутого. Затем весь мир перевернулся дном кверху, и была еще почувствована холодная, но приятная рука под животом. Потом - ничего.

На узком операционном столе лежал, раскинувшись, пес Шарик, и голова его беспомощно колотилась о белую клеенчатую подушку. Живот его был выстрижен, и теперь доктор Борменталь, тяжело дыша и спеша, машинкой въедаясь в шерсть, стриг голову Шарика. Филипп Филиппович, опершись ладонями на край стола, блестящими, как золотые обода его очков, глазками наблюдал за этой процедурой и говорил взволнованно:

- Иван Арнольдович, самый важный момент - когда я войду в турецкое седло. Мгновенно, умоляю вас, подайте отросток и тут же шить. Если там у меня начнет кровить, потеряем время и пса потеряем. Впрочем, для него и так никакого шанса нету, - он помолчал, прищурив глаз, заглянул как бы насмешливо в полуприкрытый спящий глаз пса и добавил: - А знаете, жалко его. Представьте, я привык к нему.

Руки он вздымал в это время, как будто благословлял на трудный подвиг злосчастного пса Шарика. Он старался, чтобы ни одна пылинка не села на черную резину.

Из-под выстриженной шерсти засверкала беловатая кожа собаки. Борменталь отшвырнул машинку и вооружился бритвой. Он намылил беспомощную маленькую голову и начал брить. Сильно хрустело под лезвием, кое-где выступила кровь. Обрив голову, тяпнутый мокрым бензиновым комком обтер ее, затем оголенный живот пса растянул и молвил, отдуваясь: "Готово".

Зина открыла кран над раковиной, и Борменталь бросился мыть руки. Зина из склянки полила их спиртом.

- Можно мне уйти, Филипп Филиппович? - спросила она, боязливо косясь на бритую голову пса.

- Можешь.

Зина пропала. Борменталь засуетился дальше. Легкими марлевыми салфеточками он обложил голову Шарика, и тогда на подушке оказался никем невиданный лысый песий череп и странная бородатая морда.

Тут шевельнулся жрец. Он выпрямился, глянул на собачью голову и сказал:

- Ну, господи, благослови. Нож!

Борменталь из сверкающей груды на столике вынул маленький брюхатый ножик и подал его жрецу. Затем он облекся в такие же черные перчатки, как и жрец.

- Спит? - спросил Филипп Филиппович.

- Хорошо спит.

Зубы Филиппа Филипповича сжались, глазки приобрели остренький колючий блеск, и, взмахнув ножичком, он метко и длинно протянул по животу Шарика рану. Кожа тотчас разошлась, и из нее брызнула кровь в разные стороны. Борменталь набросился хищно, стал комьями ваты давить шарикову рану, затем маленькими, как бы сахарными щипчиками зажал ее края, и она высохла. На лбу у Борменталя выступил пот. Филипп Филиппович полоснул второй раз, и тело Шарика вдвоем начали разрывать крючьями, ножницами, какими-то скобками. Выскочили розовые и желтые, плачущие кровавой росою ткани. Филипп Филиппович вертел ножом в теле, потом крикнул:

- Ножницы!

Инструмент мелькнул в глазах у тяпнутого, как у фокусника. Филипп Филиппович залез в глубину и в несколько поворотов вырвал из тела Шарика его семенные железы с какими- то обрывками. Борменталь, совершенно мокрый от усердия и волнения, бросился к стеклянной банке и извлек из нее другие, мокрые, обвисшие семенные железы. В руках у профессора и ассистента запрыгали, завились короткие влажные струны. Дробно защелкали кривые иглы в зажимах, семенные железы вшили на место шариковых. Жрец отвалился от раны, ткнул в нее комком марли и скомандовал:

- Шейте, доктор, мгновенно кожу!

Затем оглянулся на круглые белые стенные часы.

- Четырнадцать минут делали, - сквозь стиснутые зубы пропустил Борменталь и кривой иголкой впился в дряблую кожу.

Затем оба заволновались, как убийцы, которые спешат.

- Нож! - крикнул Филипп Филиппович.

Нож вскочил ему в руки как бы сам собой, после чего лицо Филиппа Филипповича стало страшным. Он оскалил фарфоровые и золотые коронки и одним приемом навел на лбу Шарика красный венец. Кожу с бритыми волосами откинули, как скальп, обнажили костяной череп. Филипп Филиппович крикнул:

- Трепан!

Борменталь подал ему блестящий ворот. Кусая губу, Филипп Филиппович начал втыкать коловорот и высверливать в черепе Шарика маленькие дырочки в сантиметр расстояния друг от друга, так что они шли кругом всего черепа. На каждую он тратил не более пяти секунд. Потом пилой невиданного фасона, всунув ее хвостик в первую дырочку, начал пилить, как выпиливают дамский рукодельный ящик. Череп тихо визжал и трясся. Минуты через три крышку черепа с Шарика сняли.

Тогда обнажился купол Шарикового мозга - серый с синеватыми прожилками и красноватыми пятнами. Филипп Филиппович въелся ножницами в оболочки и их выкроил. Один раз ударил тонкий фонтан крови, чуть не попал в глаза профессору и окропил его колпак. Борменталь с торзионным пинцетом, как тигр, бросился зажимать и зажал. Пот с Борменталя полз потеками, и лицо его стало мясистым и разноцветным. Глаза его метались от рук Филиппа Филипповича к тарелке на столе. Филипп же Филиппович стал положительно страшен. Сипение вырывалось из его носа, зубы открылись до десен. Он ободрал оболочку с мозга и пошел куда-то вглубь, выдвигая из вскрытой чаши полушария мозга. И в это время Борменталь начал бледнеть, одною рукой схватил грудь Шарика и хрипловато сказал:

- Пульс резко падает...

Филипп Филиппович зверски оглянулся на него, что-то промычал и врезался еще глубже. Борменталь с хрустом сломал стеклянную ампулку, насосал из нее в шприц и коварно кольнул Шарика где-то у сердца.

- Иду к турецкому седлу, - зарычал Филипп Филиппович и окровавленными скользкими перчатками выдвинул серо-желтый мозг Шарика из головы. На мгновение он скосил глаза на морду Шарика, и Борменталь тотчас же сломал вторую ампулу с желтой жидкостью и вытянул ее в длинный шприц.

- В сердце? - робко спросил он.

- Что вы еще спрашиваете?! - злобно заревел профессор. - Все равно он уже пять раз у вас умер. Колите! Разве мыслимо! - Лицо у него при этом стало как у вдохновенного разбойника.

Доктор с размаху, легко всадил иглу в сердце пса.

- Живет, но еле-еле, - робко прошептал он.

- Некогда рассуждать тут - живет, не живет, - засипел страшный Филипп Филиппович, - а я в седле. Все равно помрет... ах, ты че... "К берегам священным Нила..." Придаток давайте!

Борменталь подал ему склянку, в которой болтался на нитке в жидкости белый комочек. Одной рукой ("Не имеет равных в Европе... ей-богу", - смутно подумал Борменталь) он выхватил болтающийся комочек, а другой ножницами выстриг такой же в глубине где-то между распяленными полушариями. Шариков комочек он вышвырнул на тарелку, а новый заложил в мозг вместе с ниткой и своими короткими пальцами, ставшими точно чудом тонкими и гибкими, ухватился янтарною нитью его там замотать. После этого он выбросил из головы какие-то распялки, пинцет, мозг упрятал назад в костяную чашу, откинулся и уже поспокойнее спросил:

- Умер, конечно?

- Нитевидный пульс, - ответил Борменталь.

- Еще адреналину.

Профессор оболочками забросал мозг, отпиленную крышку приложил, как по мерке, скальп надвинул и взревел:

- Шейте!

Борменталь минут в пять зашил голову, сломав три иглы.

И вот на подушке появилась на окрашенном кровью фоне безжизненное потухшее лицо Шарика с кольцевой раной на голове. Тут же Филипп Филиппович отвалился окончательно, как сытый вампир, сорвал одну перчатку, выбросив из нее облако потной пудры, другую разорвал, швырнул на пол и позвонил, нажав кнопку в стене. Зина появилась на пороге, отвернувшись, чтобы не видеть Шарика в крови.

Жрец снял меловыми руками окровавленный клобук и крикнул:

- Папиросу мне сейчас же, Зина. Все свежее белье и ванну.

Он подбородком лег на край стола, двумя пальцами раздвинул правое веко пса, заглянул в явно умирающий глаз и молвил:

- Вот, черт возьми. Не издох. Ну, все равно издохнет. Эх, доктор Борменталь, жаль пса, ласковый был, но хитрый.

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Глава 5 ~

Главы: 1 2 3 4 5 6 7 8 9 Эпилог

Тетрадь доктора Ивана Арнольдовича Борменталя. Тонкая, в писчий лист форматом. Исписана почерком Борменталя. На первых двух страницах он аккуратен, уборист и четок, в дальнейшем размашист, взволнован, с большим количеством клякс.

22 декабря 1924 года. Понедельник.

История болезни.

Лабораторная собака, приблизительно двух лет от роду. Самец. Порода - дворняжка. Кличка - Шарик. Шерсть жидкая, кустами, буроватая, с подпалинами. Хвост цвета топленого молока. На правом боку следы совершенно зажившего ожога. Питание до поступления к профессору - плохое, после недельного пребывания - крайне упитанный. Вес 8 килограммов *(знак восклицательный)*.

Сердце, легкие, желудок, температура - в норме.

23 декабря. В восемь с половиной часов вечера произведена первая в Европе операция по профессору Преображенскому: под хлороформенным наркозом удалены яичники Шарика и вместо них пересажены мужские яичники с придатками и семенными канатиками, взятые от скончавшегося за 4 часа 4 минуты до операции мужчины 28 лет и сохранявшиеся в стерилизованной физиологической жидкости по профессору Преображенскому.

Непосредственно вслед за сим удален после трепанации черепной коробки придаток мозга - гипофиз и заменен человеческим от вышеуказанного мужчины.

Истрачено 8 кубиков хлороформа, 1 шприц камфары, 2 шприца адреналина в сердце.

Показание к операции: постановка опыта Преображенского с комбинированной пересадкой гипофиза и яичек для выяснения вопроса о приживаемости гипофиза, а в дальнейшем - о его влиянии на омоложение организма у людей.

Оперировал профессор Ф. Ф. Преображенский.

Ассистировал доктор И. А. Борменталь.

В ночь после операции: грозные повторные падения пульса. Ожидание смертного исхода. Громадные дозы камфары по Преображенскому.

24 декабря. Утром - улучшение. Дыхание вдвое учащено. Температура 42°. Камфара, кофеин под кожу.

25 декабря. Вновь ухудшение. Пульс еще прощупывается, похолодание конечностей, зрачки не реагируют. Адреналин в сердце и камфара по Преображенскому. Физиологический раствор в вену.

26 декабря. Некоторое улучшение. Пульс 180, дыхание 92. Температура 41°. Камфара, питание клизмами.

27 декабря. Пульс 152, дыхание 50. Температура 39,8°. Зрачки реагируют. Камфара под кожу.

28 декабря. Значительное улучшение. В полдень внезапный проливной пот. Температура 37,0°. Операционные раны в прежнем состоянии. Перевязка.

Появился аппетит. Питание жидкое.

29 декабря. Внезапно обнаружено выпадение шерсти на лбу и на боках туловища. Вызваны для консультации профессор по кафедре кожных болезней Василий Васильевич Бундарев и директор московского ветеринарного показательного института. Ими случай признан не описанным в литературе. Диагностика осталась неустановленной. Температура -- нормальна.

(Запись карандашом.)

Вечером появился первый лай (8 ч. 15 мин.). Обращает внимание резкое изменение тембра и тона (понижение). Лай вместо слова "гау, гау" на слоги "а-о". По окраске отдаленно напоминает стон.

30 декабря. Выпадение шерсти приняло характер полного облысения. Взвешивание дало неожиданный результат - вес 30 кило за счет роста (удлинение костей). Пес по-прежнему лежит.

31 декабря. Колоссальный аппетит.

(В тетради - клякса. После кляксы торопливым почерком.)

В 12 ч. 12 мин. дня пес отчетливо пролаял "А-б-ы-р"!!

(В тетради перерыв, и дальше отчетливо, очевидно, по ошибке, написано):

1 декабря. (Перечеркнуто, поправлено): 1 января 1925 г.

Фотографирован утром. Отчетливо лает "Абыр", повторяя это слово громко и как бы радостно. В 3 часа *(крупными буквами)* засмеялся (?), вызвав обморок горничной Зины.

Вечером произнес 8 раз подряд слово "Абыр-валг", "Абыр".

(Косыми буквами карандашом):

Профессор расшифровал слово "Абыр-валг", оно означает "Главрыба"... Что-то чудовищ...

2 января. Фотографирован во время улыбки при магнии.

Встал с постели и уверенно держался полчаса на задних лапах. Моего почти роста.

(В тетради вкладной лист.)

Русская наука чуть не понесла тяжкую утрату. История болезни профессора Ф. Ф. Преображенского. В 1 час 13 мин. глубокий обморок с профессором Преображенским. При падении ударился головой о ножку стула. Tinct. valer.

В моем и Зины присутствии пес (если псом, конечно, можно назвать) обругал профессора Преображенского по матери.

(Перерыв в записях.)

6 января. (То карандашом, то фиолетовым чернилами.)

Сегодня, после того, как у него отвалился хвост, он произнес совершенно отчетливо слово "пив-ная". Работает фонограф. Черт знает, что такое...

Я теряюсь.

Прием у профессора прекращен. Начиная с пяти часов дня из смотровой, где расхаживает это существо, слышатся явственная вульгарная ругань и слова "еще парочку".

7 января. Он произносит очень много слов: "Извозчик", "Мест нету", "Вечерняя газета", "Лучший подарок детям" и все бранные слова, какие только существуют в русском лексиконе.

Вид его странен. Шерсть осталась только на голове, на подбородке и на груди. В остальном он лыс, с дрябловатой кожей. В области половых органов - формирующийся мужчина. Череп увеличился значительно, лоб скошен и низок.

Ей-богу, я с ума сойду.

Филипп Филиппович все еще чувствует себя плохо. Большинство наблюдений веду я (фонограф, фотографии).

По городу расплылся слух.

Последствия неисчислимые. Сегодня днем весь переулок был полон какими-то бездельниками и старухами. Зеваки стоят и сейчас еще под окнами. В утренних газетах появилась удивительная заметка:

"Слухи о марсианине в Обуховском переулке ни на чем не основаны. Они распущены торговцами с Сухаревки и будут строго наказаны".

О каком, к черту, марсианине? Ведь это кошмар!

Еще лучше в вечерней - написали, что родился ребенок, который играет на скрипке. Тут же рисунок - скрипка и моя фотографическая карточка, и под ней подпись: "Проф. Преображенский, делавший кесарево сечение у матери". Это что-то неописуемое... Новое слово - "милиционер".

Оказывается - Дарья Петровна была в меня влюблена и свистнула карточку из альбома Ф. Ф.. После того, как прогнал репортеров, один из них пролез на кухню и так далее...

Что творится во время приема!! Сегодня было 82 звонка. Телефон выключен. Бездетные дамы с ума сошли и ждут...

В полном составе домком во главе со Швондером. Зачем - сами не знают.

8 января. Поздним вечером поставили диагноз. Ф. Ф. как истый ученый признал свою ошибку - перемена гипофиза дает не омоложение, а полное о ч е л о в е ч е н и е *(подчеркнуто три раза)*. От этого его изумительное, потрясающее открытие не становится ничуть меньше.

Тот сегодня впервые прошелся по квартире. Смеялся в коридоре, глядя на электрическую лампу. Затем, в сопровождении Филиппа Филипповича и моем, он проследовал в кабинет. Он стойко держится на задних *(зачеркнуто)*... на ногах и производит впечатление маленького и плохо сложенного мужчины.

Смеялся в кабинете. Улыбка его неприятна и как бы искусственна. Затем он почесал затылок, огляделся, и я записал новое отчетливо произнесенное слово "буржуи". Ругался. Ругань эта методическая, беспрерывная и, по-видимому, совершенно бессмысленная. Она носит несколько фонографический характер: как будто это существо где-то раньше слышало бранные слова, автоматически, подсознательно занесло их в свой мозг и теперь изрыгает их пачками. А впрочем, я не психиатр, черт меня возьми.

На Филиппа Филипповича брань производит почему-то удивительно тягостное впечатление. Бывают моменты, когда он выходит из сдержанного и холодного наблюдения новых явлений и как бы теряет терпение. Так, в момент ругани он вдруг нервно выкрикнул:

- Перестань!

Это не произвело никакого эффекта.

После прогулки в кабинете общими усилиями Шарик был водворен в смотровую.

После этого мы имели совещание с Ф. Ф. Впервые, я должен сознаться, видел я этого уверенного и поразительно умного человека растерянным. Напевая по своему обыкновению, он спросил: "Что же мы теперь будем делать?" И сам же ответил буквально так: "Москшвея, да... "От Севильи до Гренады". Москшвея, дорогой доктор..." Я ничего не понял. Он пояснил: "Я вас прошу, Иван Арнольдович, купить ему белье, штаны и пиджак".

9 января. Лексикон обогащается каждые пять минут (в среднем) новым словом, с сегодняшнего утра, и фразами. Похоже, что они, замерзшие в сознании, оттаивают и выходят. Вышедшее слово остается в употреблении. Со вчерашнего дня фонографом отмечены: "Не толкайся", "Подлец", "Слезай с подножки", "Я тебе покажу", "Признание Америки" и "Примус".

10 января. Произошло одевание. Нижнюю сорочку позволил надеть на себя охотно, даже весело смеясь. От кальсон отказался, выразив протест хриплыми криками: "В очередь, сукины дети, в очередь!" Был одет. Носки ему велики.

(В тетради какие-то схематические рисунки, по всем признакам изображающие превращение собачьей ноги в человеческую.)

Удлиняется задняя половина скелета стопы (Tarsus). Вытягивание пальцев. Когти.

Повторное систематическое обучение посещения уборной. Прислуга совершенно подавлена.

Но следует отметить понятливость существа. Дело вполне идет на лад.

11 января. Совершенно примирился со штанами. Произнес длинную веселую фразу, потрогав брюки Филиппа Филипповича: "Дай папиросочку, у тебя брюки в полосочку".

Шерсть на голове слабая, шелковистая. Легко спутать с волосами. Но подпалины остались на темени. Сегодня облез последний пух с ушей. Колоссальный аппетит. С увлечением ест селедку.

В пять часов дня событие: впервые слова, произнесенные существом, не были оторваны от окружающих явлений, а явились реакцией на них. Именно, когда профессор приказал ему:

- Не бросай объедки на пол...

Неожиданно ответил:

- Отлезь, гнида.

Ф. Ф. был поражен. Потом оправился и сказал:

- Если ты еще раз позволишь себе обругать меня или доктора, тебе влетит.

Я сфотографировал в это мгновенье Шарика. Ручаюсь, что он понял слова профессора. Угрюмая тень легла на его лицо. Поглядел исподлобья довольно раздраженно, но стих.

Ура! Он понимает.

12 января. Закладывание рук в карманы штанов. Отучаем от ругани.

Свистал. "Ой, яблочко".

Поддерживает разговор.

Я не могу удержаться от нескольких гипотез: к чертям омоложение пока что. Другое неизмеримо более важное: изумительный опыт профессора Преображенского раскрыл одну из тайн человеческого мозга. Отныне загадочная функция гипофиза - мозгового придатка - разъяснена. Он определяет человеческий облик. Его гормоны можно назвать важнейшими в организме, - гормонами облика. Новая область открывается в науке: без всякой реторты Фауста создан гомункул. Скальпель хирурга вызвал к жизни новую человеческую единицу. Профессор Преображенский, вы - творец! *(клякса)*.

Впрочем, я уклонился в сторону... Итак, он поддерживает разговор. По моему предположению, дело обстоит так: прижившийся гипофиз открыл центр речи в собачьем мозгу, и слова хлынули потоком. По-моему, перед нами оживший развернувшийся мозг, а не мозг, вновь созданный. О, дивное подтверждение эволюционной теории! О, цепь величайшая от пса до Менделеева-химика! Еще моя гипотеза: мозг Шарика, в собачьем периоде его жизни, накопил бездну понятий. Все слова, которыми он начал оперировать в первую очередь, - уличные слова, он их слышал и затаил в мозгу. Теперь, проходя по улице, я с тайным ужасом смотрю на встречных псов. Бог их знает, что у них таится в мозгах.

Шарик читал. Читал *(три восклицательных знака)*.

Это я догадался. По главрыбе. Именно с конца читал. И я даже знаю, где разрешение этой загадки: в перекресте зрительных нервов у собаки.

Что в Москве творится - уму не постижимо человеческому. Семь сухаревских торговцев уже сидят за распространение слухов о светопреставлении, которое навлекли большевики. Дарья Петровна говорила и даже называла точно число: 28 ноября 1925 года, в день преподобного мученика Стефана Земля налетит не небесную ось... Какие-то жулики уже читают лекции. Такой кабак мы сделали с этим гипофизом, что хоть вон беги из квартиры. Я переехал к Преображенскому по его просьбе и ночую в приемной с Шариком. Смотровая превращена в приемную. Швондер оказался прав. Домком злорадствует. В шкафах ни одного стекла, потому что прыгал. Еле отучили.

С Филиппом что-то страшное делается. Когда я ему рассказал о своих гипотезах и о надежде развить Шарика в очень высокую психическую личность, он хмыкнул и ответил: "Вы думаете?" Тон его зловещий. Неужели я ошибся? Старик что-то придумал. Пока я вожусь с этой историей болезни, он сидит над историей того человека, от которого мы взяли гипофиз.

(В тетради вкладной лист.)

Клим Григорьевич Чугункин, 25 лет. Холост. Беспартийный, сочувствующий. Судился 3 раза и оправдан: в первый раз благодаря недостатку улик, второй раз происхождение спасло, в третий - условно каторга на 15 лет. Кражи. Профессия - игра на балалайке по трактирам.

Маленького роста, плохо сложен. Печень расширена (алкоголь). Причина смерти - удар ножом в сердце в пивной "Стоп-сигнал" у Преображенской заставы.

Старик, не отрываясь, сидит над климовской болезнью. Не понимаю, в чем дело. Бурчал что-то насчет того, что вот не догадался осмотреть в патолого-анатомическом весь труп Чугункина. В чем дело, не понимаю. Не все ли равно, чей гипофиз?

17 января. Не записывал несколько дней. Болел инфлюэнцей.

За это время облик окончательно сложился:

а) совершенный человек по строению тела,

б) вес около 3-х пудов,

в) рост маленький,

г) голова маленькая,

д) начал курить,

е) ест человеческую пищу,

ж) одевается самостоятельно,

з) гладко ведет разговор.

Вот так гипофиз! *(клякса.)*

Этим я историю болезни заканчиваю. Перед нами новый организм, и наблюдать его нужно сначала.

Приложение: стенограммы речей, записи фонографа, фотографические снимки.

Подпись: ассистент профессора Ф. Ф. Преображенского

доктор Борменталь

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций
Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы
Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи
Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта
Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

– Глава 6 –

Главы: 1 2 3 4 5 6 7 8 9 Эпилог

Был зимний вечер. Конец января. Предобеденное, предприемное время. На притолоке у двери в приемную висел белый лист бумаги, на коем было написано рукою Филиппа Филипповича:

"Семечки есть в квартире запрещаю. *Ф. Преображенский*".

И синим карандашом крупными, как пирожные, буквами рукой Борменталя:

"Игра на музыкальных инструментах от 5 часов дня до 7 часов утра воспрещается".

Затем рукой Зины:

"Когда вернетесь, скажите Филиппу Филипповичу: я не знаю, куда он ушел. Федор говорил, что со Швондером".

Рукой Преображенского:

"Я сто лет буду ждать стекольщика?"

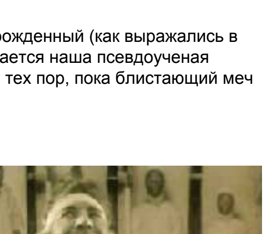
Рукою Дарьи Петровны. Печатно:

"Зина ушла в магазин. Сказала, приведет".

В столовой было совершенно по-вечернему, благодаря лампе под вишневым абажуром. Свет из буфета падал перебитый пополам, - зеркальные стекла были заклеены косым крестом от одной фасетки до другой. Филипп Филиппович, склонившись над столом, погрузился в громадный лист газеты. Молнии коверкали его лицо, и сквозь зубы сыпались обрывистые, куцые, воркующие слова. Он читал заметку:

Никаких сомнений нет в том, что это его незаконнорожденный (как выражались в гнилом буржуазном обществе) сын. Вот как развлекается наша псевдоученая буржуазия! Семь комнат каждый умеет занимать до тех пор, пока блистающий меч правосудия не сверкнул над ним красным лучом.

Шв-р.



Очень неустойчиво, с залихватской ловкостью играли за двумя стенами на балалайке, и звуки хитрой вариации "Светит месяц" смешивались в голове Филиппа Филипповича со словами заметки в ненавистную кашу. Дочитав, он сухо плюнул через плечо и машинально запел сквозь зубы:

- Све-е-етит месяц... светит месяц... светит месяц... Тьфу, прицепилась, вот окаянная мелодия!

Он позвонил. Зинино лицо просунулось между полотнищами портьеры.

- Скажи ему, что пять часов, чтобы прекратил. И позови его сюда, пожалуйста.

Филипп Филиппович сидел у стола в кресле. Между пальцами левой руки торчал коричневый окурок сигары. У портьеры, прислонившись к притолоке, стоял, заложив ногу за ногу, человек маленького роста и несимпатичной наружности. Волосы у него на голове росли жесткие, как бы кустами на выкорчеванном поле, а на лице покрывал небритый пух. Лоб поражал своей малой вышиной. Почти непосредственно над черными кисточками раскиданных бровей начиналась густая головная щетка.

Пиджак, прорванный под левой мышкой, был усеян соломой, полосатые брючки на правой коленке продраны, а на левой выпачканы лиловой краской. На шее у человека был повязан ядовито-небесного цвета галстук с фальшивой рубиновой булавкой. Цвет этого галстука был настолько бросок, что время от времени, закрывая утомленные глаза, Филипп Филиппович в полной тьме то на потолке, то на стене видел пылающий факел с голубым венцом. Открывая их, слеп вновь, так как с полу, разбрызгивая веера света, швырялись в глаза лаковые штиблеты с белыми гетрами.

"Как в калошах", - с неприятным чувством подумал Филипп Филиппович, вздохнул, засопел и стал возиться с загасшей сигарой. Человек у двери мутноватыми глазами поглядывал на профессора и курил папиросу, посыпая манишку пеплом.

Часы на стене, рядом с деревянным рябчиком, прозвенели пять. Внутри них что-то стонало, когда вступил в беседу Филипп Филиппович.

- Я, кажется, два раза уже просил не спать на полатях в кухне, тем более днем?

Человек кашлянул сипло, точно, подавившись косточкою, и ответил:

- Воздух в кухне приятнее.

Голос у него был необыкновенный, глуховатый и в то же время гулкий, как в маленький бочонок.

Филипп Филиппович покачал головой и спросил:

- Откуда взялась эта гадость? Я говорю о галстуке.

Человечек, глазами следуя пальцу, скосил их через оттопыренную губу, и любовно поглядел на галстук.

- Что ж... "гадость", - заговорил он, - шикарный галстук. Дарья Петровна подарила.

- Дарья Петровна вам мерзость подарила. Вроде этих ботинок. Что это за сияющая чепуха? Откуда? Я что просил? Ку-пить при-лич-ные бо-тин-ки, а это что? Неужели доктор Борменталь такие выбрал?

- Я ему велел, чтоб лаковые. Что я, хуже людей? Пойдите на Кузнецкий - все в лаковых.

Филипп Филиппович повертел головой и заговорил веско:

- Спанье на полатях прекращается. Понятно? Что это за нахальство? Ведь вы мешаете! Там женщины.

Лицо человека потемнело, и губы оттопырились.

- Ну, уж и женщины. Подумаешь. Барыни какие. Обыкновенная прислуга, а форсу, как у комиссарши. Это все Зинка ябедничает!

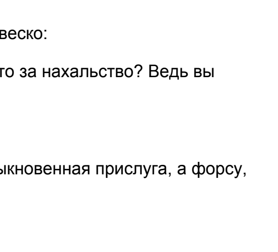
Филипп Филиппович глянул строго:

- Не сметь называть Зину Зинкой. Понятно-с?

Молчание.

- Понятно ли, я вас спрашиваю?

- Понятно.



- Убрать эту пакость с шеи. Вы... ты... вы посмотрите на себя в зеркало - на что вы похожи. Балаган какой-то. Окурки на пол не бросать, в сотый раз прошу. Чтобы я более не слышал ни одного ругательного слова в квартире. Не плевать. Вон плевательница. С писсуаром обращаться аккуратно. С Зиной всякие разговоры прекратить. Она жалуется, что вы в темноте ее подкарауливаете. Смотрите! Кто ответил пациенту "пес его знает"? Что вы, в самом деле, в кабаке, что ли?

- Что-то вы меня, папаша, больно утесняете, - вдруг плаксиво выговорил человек.

Филипп Филиппович покраснел, очки сверкнули.

- Кто это тут вам "папаша"? Что это за фамильярности? Чтобы я больше не слышал этого слова! Называть меня по имени и отчеству!

Дерзкое выражение загорелось в человечке.

- Да что вы все... То не плевать. То не кури. Туда не ходи... Что ж это на самом деле. Чисто как в трамвае. Что вы мне жить не даете?! И насчет "папаши" - это вы напрасно. Разве я вас просил мне операцию делать? - человек возмущенно лаял. - Хорошенькое дело! Ухватили животную, исполосовали ножиком голову, а теперь гнушаются. Я, может, своего разрешения на операцию не давал. А равно (человек завел глаза к потолку, как бы вспоминая некую формулу), а равно и мои родные. Я иск, может, имею право предъявить!

Глаза Филиппа Филипповича сделались совершенно круглыми, сигара вывалилась из рук. "Ну, тип", - пролетело у него в голове.

- Как-с, - прищуриваясь, спросил он, - вы изволите быть недовольным, что вас превратили в человека? Вы, может быть, предпочитаете снова бегать по помойкам? Мерзнуть в подворотнях? Ну, если бы я знал!..

- Да что вы все попрекаете - помойка, помойка. Я свой кусок хлеба добывал. А ежели бы я у вас помер под ножом? Вы что на это выразите, товарищ?

- Филипп Филиппович! - раздраженно воскликнул Филипп Филиппович. - Я вам не товарищ! Это чудовищно! "Кошмар, кошмар", - подумалось ему.

- Уж, конечно, как же, - иронически заговорил человек и победоносно отставил ногу, - мы понимаем-с. Какие уж мы вам товарищи! Где уж. Мы в университетах не обучались, в квартирах по пятнадцать комнат с ваннами не жили. Только теперь пора бы это оставить. В настоящее время каждый имеет свое право...

Филипп Филиппович, бледнея, слушал рассуждения человека. Тот прервал речь и демонстративно направился к пепельнице с изжеванной папиросой в руке. Походка у него была развалистая. Он долго мял окурок в раковине с выражением, ясно говорящим: "На! На!" Затушив папиросу, он на ходу вдруг лязгнул зубами и сунул нос под мышку.

- Пальцами блох ловить! Пальцами! - яростно крикнул Филипп Филиппович. - И я не понимаю, откуда вы их берете?

- Да что ж, развожу я их, что ли? - обиделся человек. - Видно, блоха меня любит, - тут он пальцами пошарил в подкладке под рукавом и выпустил в воздух клок рыжей легкой ваты.

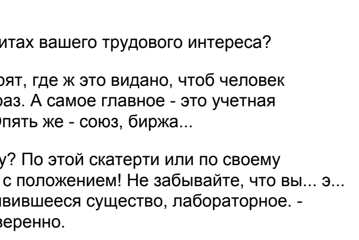
Филипп Филиппович обратил взор к гирляндам на потолке и забарабанил пальцами по столу. Человек, казнив блоху, отошел и сел на стул. Руки он при этом, опустив кисти, развесил вдоль лацканов пиджака. Глаза его скосились к шашкам паркета. Он созерцал свои башмаки, и это доставляло ему большое удовольствие. Филипп Филиппович посмотрел туда, где сияли резкие блики на тупых носках, глаза прижмурил и заговорил:

- Какое дело еще вы мне хотели сообщить?

- Да что ж дело! Дело простое. Документ, Филипп Филиппович, мне надо.

Филиппа Филипповича несколько передернуло.

- Хм... Черт! Документ! Действительно... Кхм... Да, может быть, без этого как-нибудь можно? - голос его звучал неуверенно и тоскливо.



- Помилуйте, - уверенно ответил человек, - как же так без документа? Это уж извиняюсь. Сами знаете, человеку без документа строго воспрещается существовать. Во-первых, домком!

- При чем тут этот домком!

- Как это при чем? Встречают, спрашивают, - когда ж ты, говорят, многоуважаемый, пропишешься?

- Ах ты, господи, - уныло воскликнул Филипп Филиппович, - "встречаются, спрашивают"... Воображаю, что вы им говорите. Ведь я же вам запрещал шляться по лестницам.

- Что я, каторжный? - удивился человек, и сознание его правоты загорелось у него даже в рубине. - Как это так "шляться"? Довольно обидны ваши слова. Я хожу, как все люди.

Филипп Филиппович умолк, глаза его ушли в сторону. "Надо все-таки сдерживать себя", - подумал он. Подойдя к буфету, он одним духом выпил стакан воды.

- Отлично-с, - поспокойнее заговорил он, - дело не в словах. Итак, что говорит этот ваш прелестный домком?

- Что ж ему говорить? Да вы напрасно его прелестным ругаете. Он интересы защищает.

- Чьи интересы, позвольте осведомиться?

- Известно чьи. Трудового элемента.

Филипп Филиппович выкатил глаза.

- Почему вы - труженик?

- Да уж известно, не нэпман.

- Ну, ладно. Итак, что же ему нужно в защитах вашего трудового интереса?

- Известно что: прописать меня. Они говорят, где ж это видано, чтоб человек проживал непрописанным в Москве. Это раз. А самое главное - это учетная карточка. Я дезертиром быть не желаю. Опять же - союз, биржа...

- Позвольте узнать, по чему я вас пропишу? По этой скатерти или по своему паспорту? Ведь нужно все-таки считаться с положением! Не забывайте, что вы... э... гм... вы ведь, так сказать, неожиданно появившееся существо, лабораторное. - Филипп Филиппович говорил все менее уверенно.

Человек победоносно молчал.

- Отлично-с. Что же, в конце концов, нужно, чтобы вас прописать и вообще устроить все по плану этого вашего домкома? Ведь у вас же нет ни имени, ни фамилии.

- Это вы несправедливо. Имя я себе совершенно спокойно могу избрать. Пропечатал в газете, и шабаш.

- Как же вам угодно именоваться?

Человек поправил галстук и ответил:

- Полиграф Полиграфович.

- Не валяйте дурака, - хмуро отозвался Филипп Филиппович, - я с вами серьезно говорю.

Язвительная усмешка искривила усики человека.

- Что-то не пойму я, - заговорил он весело и осмысленно. - Мне по матушке нельзя. Плевать - нельзя. А от вас только и слышу: "дурак" да "дурак". Видно, только профессорам разрешается ругаться в Ресефесере.

Филипп Филиппович налился кровью и, наполняя стакан, разбил его. Напившись из другого, подумал: "Еще немного, он меня учить станет и будет совершенно прав. В руках не могу держать себя".

Он повернулся, преувеличенно вежливо склонив стан, и с железною твердостью произнес:

- Из-вините. У меня расстроены нервы. Ваше имя показалось мне странным. Где вы, интересно узнать, откопали такое себе?

- Домком посоветовал. По календарю искали, какое тебе, говорят. Я и выбрал.

- Ни в каком календаре ничего подобного быть не может.

- Довольно удивительно, - человек усмехнулся, - когда у вас в смотровой висит.

Филипп Филиппович, не вставая, закинулся к кнопке на обоях, и на звонок явилась Зина.

- Календарь из смотровой.

Протекла пауза. Когда Зина вернулась с календарем, Филипп Филиппович спросил:

- Где?

- 4 марта празднуется.

- Покажите. Гм... черт... В печку его, Зина, сейчас же.

Зина, испуганно тараща глаза, ушла с календарем, а человек покрутил укоризненно головой.

- Фамилию позвольте узнать.

- Фамилию я согласен наследственную принять.

- Как-с? Наследственную? Именно?

- Шариков.

В кабинете перед столом стоял председатель домкома Швондер в кожаной тужурке. Доктор Борменталь сидел в кресле. При этом на румяных от мороза щеках доктора (он только что вернулся) было столь же растерянное выражение, как и у Филиппа Филипповича.

- Как же писать? - нетерпеливо спросил он.

- Что же, - заговорил Швондер, - дело не сложное. Пишите удостоверение, гражданин профессор. Что так, мол, и так, предъявитель сего действительно гражданин Шариков Полиграф Полиграфович, гм... зародившийся в вашей, мол, квартире.

Борменталь недоуменно шевельнулся в кресле. Филипп Филиппович дернул усом.

- Гм... вот черт! Глупее ничего себе и представить нельзя. Ничего он не зародился, а просто... ну, одним словом...

- Это ваше дело, - со спокойным злорадством молвил Швондер, - зародился или нет... В общем и целом ведь вы же делали опыт, профессор! Вы и создали гражданина Шарикова.

- И очень просто, - пролаял Шариков от книжного шкафа. Он вглядывался в галстук, отражавшийся в зеркальной бездне.

- Я бы очень просил вас, - огрызнулся Филипп Филиппович, - не вмешиваться в разговор. Вы напрасно говорите "и очень просто" - это очень не просто.

- Как же мне не вмешиваться, - обидчиво забубнил Шариков, а Швондер немедленно его поддержал:

- Простите, профессор, гражданин Шариков совершенно прав. Это его право - участвовать в обсуждении его собственной участи, в особенности поскольку дело касается документов. Документ - самая важная вещь на свете.

В этот момент оглушительный трезвон над ухом оборвал разговор. Филипп Филиппович сказал в трубку: "Да..", покраснел и закричал:

- Попрошу не отрывать меня по пустякам. Вам какое дело? - И хлестко всадил трубку в рога.

Голубая радость разлилась по лицу Швондера. Филипп Филиппович, багровея, прокричал:

- Одним словом, кончим это.

Он оторвал листок от блокнота и набросал несколько слов, затем раздраженно прочитал вслух:

- "Сим удостоверяю"... Черт знает, что такое... Гм... "Предъявитель сего - человек, полученный при лабораторном опыте путем операции на головном мозгу, нуждается в документах"... Черт! Да я вообще против получения этих идиотских документов. Подпись - "профессор Преображенский".

- Довольно странно, профессор, - обиделся Швондер, - как так вы документы называете идиотскими? Я не могу допустить пребывания в доме бездокументного жильца, да еще не взятого на воинский учет милицией. А вдруг война с империалистическими хищниками?

- Я воевать не пойду никуда, - вдруг хмуро тявкнул Шариков в шкаф.

Швондер оторопел, но быстро оправился и учтиво заметил Шарикову:

- Вы, гражданин Шариков, говорите в высшей степени несознательно. На воинский учет необходимо взяться.

- На учет возьмусь, а воевать - шиш с маслом, - неприязненно ответил Шариков, поправляя бант.

Настала очередь Швондера смутиться. Преображенский и злобно и тоскливо переглянулся с Борменталем: "Не угодно ли - мораль". Борменталь многозначительно кивнул головой.

- Я тяжко раненный при операции, - хмуро подвывал Шариков, - меня, вишь, как отделали, - и он указал на голову. Поперек лба тянулся очень свежий операционный шрам.

- Вы анархист-индивидуалист? - спросил Швондер, высоко поднимая брови.

- Мне белый билет полагается, - ответил Шариков на это.

- Ну-с, хорошо-с, не важно покамест, - ответил удивленный Швондер. - Факт в том, что мы удостоверение профессора отправим в милицию, и нам выдадут документ.

- Вот что, э... - внезапно перебил его Филипп Филиппович, очевидно терзаемый какой-то думой, - нет ли у вас в доме свободной комнаты, я согласен ее купить.

Желтенькие искры появились в карих глазах Швондера.

- Нет, профессор, к величайшему сожалению. И не предвидится.

Филипп Филиппович сжал губы и ничего не сказал. Опять как оглашенный загремел телефон. Филипп Филиппович, ни слова не спрашивая, молча сбросил трубку с рогулек так, что она, покрутившись немного, повисла на голубом шнуре. Все вздрогнули. "Изнервничался старик", - подумал Борменталь, а Швондер, сверкая глазами, поклонился и вышел.

Шариков, скрипя сапожными рантом, отправился за ним следом.

Профессор остался наедине с Борменталем.

Немного помолчав, Филипп Филиппович мелко потряс головой и заговорил:

- Это кошмар, честное слово. Вы видите? Клянусь вам, дорогой доктор, я измучился за эти две недели больше, чем за последние четырнадцать лет. Ведь тип, я вам доложу...

В отдалении глухо треснуло стекло, затем вспорхнул заглушенный женский визг и тотчас потух. Нечистая сила шарахнула по обоям в коридоре, направляясь к смотровой, там чем-то грохнуло и мгновенно пролетело обратно. Захлопали двери, и в кухне отозвался низкий крик Дарьи Петровны. Затем завыл Шариков.

- Боже мой! Еще что-то! - закричал Филипп Филиппович, бросаясь к дверям.

- Кот, - сообразил Борменталь и выскочил за ним вслед. Они понеслись по коридору в переднюю, ворвались в нее, оттуда свернули в коридор к уборной и ванной. Из кухни выскочила Зина и вплотную наскочила на Филиппа Филипповича.

- Сколько раз я приказывал, котов чтобы не было! - в бешенстве закричал Филипп Филиппович. - Где он?! Иван Арнольдович, ради бога, успокойте пациентов в приемной!

- В ванной, в ванной, проклятый черт, сидит, - задыхаясь, закричала Зина.

Филипп Филиппович навалился на дверь ванной, но та не поддавалась.

- Открыть сию секунду!

В ответ в запертой ванной по стенам что-то запрыгало, обрушились тазы, дикий голос Шарикова глухо проревел за дверью:

- Убью на месте...

Вода зашумела по трубам и полилась. Филипп Филиппович налег на дверь и стал ее рвать. Распаренная Дарья Петровна с искаженным лицом появилась на пороге кухни. Затем высокое стекло, выходящее под самым потолком из ванной в кухню, треснуло червивой трещиной, и из него вывалились два осколка, а за ними выпал громаднейших размеров кот в тигровых кольцах и с голубым бантом на шее, похожий на городового. Он упал прямо на стол в длинное блюдо, расколов его вдоль, с блюда на пол, затем повернулся на трех ногах, а правой взмахнул, как будто бы в танце, и тотчас просочился в узкую щель на черную лестницу. Щель расширилась, и кот сменился старушечьей физиономией в платке. Юбка старухи, усеянная белым горохом, оказалась в кухне. Старуха указательным и большим пальцами обтерла запавший рот, припухшими и колючими глазами окинула кухню и произнесла с любопытством:

- О, господи Иисусе!

Бледный Филипп Филиппович пересек кухню и спросил старуху грозно:

- Что вам надо?

- Говорящую собачку любопытно поглядеть, - ответила старуха заискивающе и перекрестилась.

Филипп Филиппович еще более побледнел, к старухе подошел вплотную и шепнул удушливо:

- Сию минуту из кухни вон.

Старуха попятилась к дверям и заговорила, обидевшись:

- Чтой-то уж больно дерзко, господин профессор.

- Вон, я говорю, - повторил Филипп Филиппович, и глаза его сделались круглые, как у совы. Он собственноручно трахнул черной дверью за старухой, - Дарья Петровна, я же просил вас?!

- Филипп Филиппович, - в отчаянии ответила Дарья Петровна, сжимая обнаженные руки в кулаки, - что ж я поделаю? Народ целые дни ломится, хоть все бросай.

Вода в ванной ревела глухо и грозно, но голоса более не слышалось. Вошел доктор Борменталь.

- Иван Арнольдович, убедительно прошу...гм...сколько там пациентов?

- Одиннадцать, - ответил Борменталь.

- Отпустите всех, сегодня принимать не буду.

Филипп Филиппович постучал костяшкой пальца в дверь и крикнул:

- Сию минуту извольте выйти! Зачем вы заперлись?

- Гу! Гу! - жалобно и тоскливо ответил голос Шарикова.

- Какого черта?.. Не слышу? Закройте воду!

- Гау... угу...

- Да закройте воду! Что он сделал, не понимаю?! - приходя в исступление, вскричал Филипп Филиппович.

Зина и Дарья Петровна, открыв рты, в отчаянии смотрели на дверь. К шуму воды прибавился подозрительный плеск. Филипп Филиппович еще раз погрохотал кулаком в дверь.

- Вон он! - выкрикнула Дарья Петровна из кухни.

Филипп Филиппович ринулся туда. В разбитом окне под потолком показалась и высунулась в кухню физиономия Полиграфа Полиграфовича. Она была перекошена, глаза плаксивы, а вдоль носа тянулась, пламенея от свежей крови, царапина.

- Вы с ума спятили? - спросил Филипп Филиппович. - Почему вы не выходите?

Шариков и сам в тоске и страхе оглянулся и ответил:

- Защелкнулся я.

- Откройте замок! Что ж, вы никогда замка не видели?

- Да не открывается, окаянный, - испуганно ответил Полиграф.

- Батюшки! Он предохранитель защелкнул! - вскричала Зина и всплеснула руками.

- Там пуговка есть такая, - выкрикивал Филипп Филиппович, стараясь перекричать воду, - нажмите ее книзу... Вниз нажимайте! Вниз!

Шариков пропал, через минуту вновь появился в окошке.

- Ни пса не видно, - в ужасе пролаял он в окно.

- Да лампу зажгите! Он взбесился!

- Котяра проклятый лампу раскокал, - ответил Шариков, - а я стал его, подлеца, за ноги хватать, кран вывернул, а теперь найти не могу.

Все трое всплеснули руками и в таком положении застыли.

Минут через пять Борменталь, Зина и Дарья Петровна сидели рядышком на мокром ковре, свернутом трубкою у подножия двери, и задними местами прижимали его к щели под дверью, а швейцар Федор с зажженной венчальной свечой Дарьи Петровны на деревянной лестнице лез в слуховое окно. Его зад в крупной серой клетке мелькнул в воздухе и исчез в отверстии.

- Ду... гугу! - что-то кричал Шариков сквозь рев воды. Из окошка под напором брызнуло несколько раз на потолок кухни, и вода стихла.

Послышался голос Федора:

- Филипп Филиппович, все равно надо открывать, пусть разойдется, отсосем из кухни!

- Открывайте! - сердито крикнул Филипп Филиппович.

Тройка поднялась с ковра, дверь из ванной нажали, и тотчас вода хлынула в коридорчик. В нем она разделилась на три потока: прямо - в противоположную уборную, направо - в кухню и налево - в переднюю. Шлепая и прыгая, Зина захлопнула в нее дверь. По щиколотку в воде вышел Федор, почему-то улыбаясь. Он был как в клеенке - весь мокрый.

- Еле заткнул, напор большой, - пояснил он.

- Где этот? - спросил Филипп Филиппович и с проклятием поднял одну ногу.

- Боится выходить, - глупо усмехнувшись, объяснил Федор.

- Бить будете, папаша? - донесся плаксивый голос Шарикова из ванной.

- Болван! - коротко отозвался Филипп Филиппович.

Зина и Дарья Петровна в подоткнутых до колен юбках, с голыми ногами, и Шариков со швейцаром, босые, с закатанными штанами, швыряли мокрыми тряпками по полу кухни и отжимали их в грязные ведра и раковину. Заброшенная плита гудела. Вода уходила через дверь на гулкую лестницу прямо в пролет лестницы и падала в подвал.

Борменталь, вытянувшись на цыпочках, стоял в глубокой луже на паркете передней и вел переговоры через чуть приоткрытую дверь на цепочке.

- Не будет сегодня приема, профессор нездоров. Будьте добры отойти от двери, у нас труба лопнула...

- А когда же прием? - добивался голос за дверью. - Мне бы только на минуту...

- Не могу, - Борменталь переступил с носков на каблуки, - профессор лежит, и труба лопнула. Завтра прошу. Зина! Милая! Отсюда вытирайте, а то она на парадную лестницу выльется.

- Тряпки не берут.

- Сейчас кружками вычерпаем, - отозвался Федор, - сейчас!

Звонки следовали один за другим, и Борменталь уже всей подошвой стоял в воде.

- Когда же операция? - приставал голос и пытался просунуться в щель.

- Труба лопнула...

- Я бы в калошах прошел...

Синеватые силуэты появлялись за дверью.

- Нельзя, прошу завтра.

- А я записан.

- Завтра. Катастрофа с водопроводом.

Федор у ног доктора ерзал в озере, скреб кружкой, а исцарапанный Шариков придумал новый способ. Он скатал громадную тряпку в трубку, лег животом в воду и погнал ее из передней обратно к уборной.

- Что ты, леший по всей квартире гоняешь? - сердилась Дарья Петровна, - выливай в раковину.

- Да что в раковину, - ловя руками мутную воду, отвечал Шариков, - она на парадное вылезет.

Из коридора со скрежетом выехала скамеечка, и на ней вытянулся, балансируя, Филипп Филиппович в синих с полосками носках.

- Иван Арнольдович, бросьте вы отвечать. Идите в спальню, я вам туфли дам.

- Ничего, Филипп Филиппович, какие пустяки.

- В калоши станьте.

- Да ничего. Все равно уже мокрые ноги.

- Ах, боже мой! - расстраивался Филипп Филиппович.

- До чего вредное животное, - отозвался вдруг Шариков, и выехал на корточках с суповой миской в руке.

Борменталь захлопнул дверь, не выдержал и засмеялся. Ноздри Филиппа Филипповича раздулись и очки вспыхнули.

- Вы про кого говорите? - спросил он у Шарикова с высоты. - Позвольте узнать.

- Про кота я говорю. Такая сволочь, - ответил Шариков, бегая глазами.

- Знаете, Шариков, - переводя дух, отозвался Филипп Филиппович, - я положительно не видел более наглого существа, чем вы.

Борменталь хихикнул.

- Вы, - продолжал Филипп Филиппович, - просто нахал. Как вы смеете это говорить? Вы все это учинили и еще позволяете... Да нет! Это черт знает, что такое!

- Шариков, скажите мне, пожалуйста, - заговорил Борменталь, - сколько времени еще вы будете гоняться за котами? Стыдитесь! Ведь это же безобразие!

- Дикарь!

- Какой я дикарь, - хмуро отозвался Шариков, - ничего я не дикарь. Его терпеть в квартире невозможно. Только и ищет, как бы чего своровать. Фарш пропал у Дарьи. Я его проучить хотел.

- Вас бы самого проучить! - ответил Филипп Филиппович, - вы поглядите на свою физиономию в зеркале.

- Чуть глаза не лишил, - мрачно отозвался Шариков, трогая глаз черной мокрой рукой.

Когда черный от влаги паркет несколько просох, все зеркала покрылись банным налетом, и звонки прекратились. Филипп Филиппович в сафьяновых красных туфлях стоял в передней.

- Вот вам, Федор.

- Покорнейше благодарим.

- Переодеться сейчас же. Да, вот что: выпейте у Дарьи Петровны водки.

- Покорнейше благодарю, - Федор помялся, потом сказал: - тут еще, Филипп Филиппович. Я извиняюсь, уж прямо и совестно. Только за стекло в седьмой квартире... Гражданин Шариков камнями швырял...

- В кота? - спросил Филипп Филиппович, хмурясь, как облако.

- То-то, что в хозяина квартиры. Он уж в суд грозился подать.

- Черт!

- Кухарку Шариков ихнюю обнял, а тот его гнать стал... Ну, повздорили.

- Ради бога, вы мне всегда сообщайте сразу о таких вещах... Сколько нужно?

- Полтора.

Филипп Филиппович извлек три блестящих полтинника и вручил Федору.

- Еще за такого мерзавца полтора целковых платить, - послышался в дверях глухой голос, - да он сам...

Филипп Филиппович обернулся, закусил губу и молча нажал на Шарикова, вытеснил его в приемную и запер его на ключ. Шариков изнутри тотчас загрохотал кулаками в дверь.

- Не сметь! - явно больным голосом воскликнул Филипп Филиппович.

- Ну, уж это действительно, - многозначительно заметил Федор, - такого наглого я в жизнь свою не видел...

Борменталь как из-под земли вырос.

- Филипп Филиппович, прошу вас, не волнуйтесь.

Энергичный эскулап отпер дверь в приемную, и оттуда донесся его голос:

- Вы что? В кабаке, что ли?

- Это так... - добавил решительный Федор, - вот это так... Да по уху бы еще...

- Ну, что вы, Федор, - печально буркнул Филипп Филиппович.

- Помилуйте, вас жалко, Филипп Филиппович.

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

~ Глава 7 ~

Главы: 1 2 3 4 5 6 7 8 9 Эпилог

- Нет, нет и нет, - настойчиво заговорил Борменталь, - извольте заложить.

- Ну что, ей-богу, - забурчал недовольно Шариков.

- Благодарю вас, доктор, - ласково сказал Филипп Филиппович, - а то мне уже надоело делать замечания.

- Все равно не позволю есть, пока не заложите. Зина, примите майонез у Шарикова.

- Как это так "примите"? - расстроился Шариков. - Я сейчас заложу.

Левой рукой он заслонил тарелку от Зины, а правой запихнул салфетку за воротничок и стал похож на клиента в парикмахерской.

- И вилкой, пожалуйста, - добавил Борменталь.

Шариков длинно вздохнул и стал ловить куски осетрины в густом соусе.

- Я еще водочки выпью, - заявил он вопросительно.

- А не будет вам? - осведомился Борменталь - Вы последнее время слишком налегаете на водку.

- Вам жалко? - осведомился Шариков и глянул исподлобья.

- Глупости говорите... - вмешался суровый Филипп Филиппович, но Борменталь его перебил.

- Не беспокойтесь, Филипп Филиппович. Я сам. Вы, Шариков, чепуху говорите, и возмутительнее всего то, что говорите ее безапелляционно и уверенно. Водки мне, конечно, не жаль, тем более, что она не моя, а Филиппа Филипповича. Просто - это вредно. Это раз, а второе - вы и без водки держите себя неприлично. - Борменталь указал на заклеенный буфет. - Зинушка, дайте мне, пожалуйста, еще рыбы.

Шариков тем временем потянулся к графинчику и, покосившись на Борменталя, налил рюмочку.

- И другим надо предложить, - сказал Борменталь, - и так: сперва Филиппу Филипповичу, затем мне, в заключение себе.

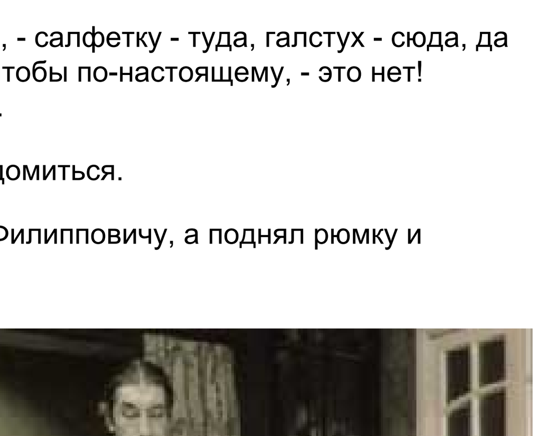
Шариковский рот тронула едва заметная сатирическая улыбка, и он разлил водку по рюмкам.

- Вот все у нас, как на параде, - заговорил он, - салфетку - туда, галстух - сюда, да "извините", да "пожалуйста", "мерси", а так, чтобы по-настоящему, - это нет! Мучаете сами себя, как при царском режиме.

- А как это "по-настоящему", позвольте осведомиться.

Шариков на это ничего не ответил Филиппу Филипповичу, а поднял рюмку и произнес:

- Ну, желаю, чтобы все...



- И вам также, - с некоторой иронией отозвался Борменталь.

Шариков выплеснул водку в глотку, сморщился, кусочек хлеба поднес себе к носу, понюхал, а затем проглотил, причем глаза его налились слезами.

- Стаж, - вдруг отрывисто и как бы в забытьи проговорил Филипп Филиппович.

Борменталь удивленно покосился.

- Виноват...

- Стаж, - повторил Филипп Филиппович и горько качнул головой. - Тут уж ничего не поделаешь. Клим!

Борменталь с чрезвычайным интересом остро вгляделся в глаза Филиппа Филипповича.

- Вы полагаете, Филипп Филиппович?

- Нечего полагать, уверен в этом.

- Неужели... - начал Борменталь и остановился, покосившись на Шарикова. Тот подозрительно нахмурился.

- Spater [1]... - негромко сказал Филипп Филиппович.

- Gut [2], - отозвался ассистент.

Зина внесла индейку. Борменталь налил Филиппу Филипповичу красного вина и предложил Шарикову.

- Я не хочу. Я лучше водочки выпью. - Лицо его замаслилось, на лбу проступил пот, он повеселел. И Филипп Филиппович несколько подобрел после вина. Его глаза прояснились, он благосклоннее поглядывал на Шарикова, черная голова которого в салфетке сияла, как муха в сметане.

Борменталь же, подкрепившись, обнаружил склонность к деятельности.

- Ну-с, что же мы с вами предпримем сегодня вечером? - осведомился он у Шарикова.

Тот, моргая глазами, ответил:

- В цирк пойдем лучше всего.

- Каждый день в цирк, - благодушно заметил Филипп Филиппович, - это довольно скучно, по-моему. Я бы на вашем месте хоть раз в театр сходил.

- В театр я не пойду, - неприязненно ответил Шариков и перекосил рот.

- Икание за столом отбивает у других аппетит, - машинально сообщил Борменталь. - Вы меня извините... Почему, собственно, вам не нравится театр?

Шариков посмотрел в пустую рюмку, как в бинокль, подумал и оттопырил губы.

- Да дурака валяние... Разговаривают, разговаривают... Контрреволюция одна.

Филипп Филиппович откинулся на готическую спинку и захохотал так, что во рту у него засверкал золотой частокол. Борменталь только повертел головой.

- Вы бы почитали что-нибудь, - предложил он, - а то, знаете ли...

- Уж и так читаю, читаю... - ответил Шариков и вдруг хищно и быстро налил себе полстакана водки.

- Зина! - тревожно закричал Филипп Филиппович. - Убирай, детка, водку. Больше уж не нужна. Что же вы читаете? - В голове у него вдруг мелькнула картина: необитаемый остров, пальма, человек в звериной шкуре и колпаке. "Надо будет Робинзона..."

- Эту... как ее... переписку Энгельса с этим... как его, дьявола... с Каутским.

Борменталь остановил на полдороге вилку с куском белого мяса, а Филипп Филиппович расплескал вино. Шариков в это время изловчился и проглотил водку.

Филипп Филиппович локти положил на стол, вгляделся в Шарикова и спросил:

- Позвольте узнать, что вы можете сказать по поводу прочитанного?

Шариков пожал плечами.

- Да не согласен я.

- С кем? С Энгельсом или с Каутским?

- С обоими, - ответил Шариков.

- Это замечательно, клянусь богом. "Всех, кто скажет, что другая..." А что бы вы со своей стороны могли предложить?

- Да что тут предлагать... А то пишут, пишут... конгресс, немцы какие-то... Голова пухнет. Взять все да и поделить.

- Так я и думал, - воскликнул Филипп Филиппович, шлепнув ладонью по скатерти, - именно так и полагал.

- Вы и способ знаете? - спросил заинтересованный Борменталь.

- Да какой тут способ, - становясь словоохотливее после водки, объяснил Шариков, - дело не хитрое. А то что ж: один в семи комнатах расселился, штанов у него сорок пар, а другой шляется, в сорных ящиках питание ищет.

- На счет семи комнат - это вы, конечно, на меня намекаете? - горделиво прищурившись, спросил Филипп Филиппович.

Шариков съежился и промолчал.

- Ну что ж, хорошо, я не против дележа. Доктор, скольким вы вчера отказали?

- Тридцати девяти человекам, - тотчас ответил Борменталь.

- Гм... Триста девяносто рублей. Ну, грех на трех мужчин. Дам - Зину и Дарью Петровну - считать не станем. С вас, Шариков, сто тридцать рублей, потрудитесь внести.

- Хорошенькое дело, - ответил Шариков испугавшись, - это за что такое?

- За кран и за кота, - рявкнул вдруг Филипп Филиппович, выходя из состояния иронического спокойствия.

- Филипп Филиппович, - тревожно воскликнул Борменталь.

- Погодите. За безобразие, которое вы учинили и благодаря которому сорван прием. Это нестерпимо. Человек, как первобытный, прыгает по всей квартире, рвет краны... Кто убил кошку у мадам Полласухер?! Кто...

- Вы, Шариков, третьего дня укусили даму на лестнице, - подлетел Борменталь.

- Вы стоите... - рычал Филипп Филиппович.

- Да она меня по морде хлопнула, - взвизгнул Шариков, - у меня не казенная морда!

- Потому что вы ее за грудь ущипнули, - закричал Борменталь, опрокинув бокал, - вы стоите...

- Вы стоите на самой низшей ступени развития, - перекричал Филипп Филиппович, - вы еще только формирующееся, слабое в умственном отношении существо, все ваши поступки чисто звериные, а вы в присутствии двух людей с университетским образованием позволяете себе с развязностью совершенно невыносимой подавать советы космического масштаба и космической же глупости о том, как надо все поделить, и вы в то же время, наглотались зубного порошку!..

- Третьего дня, - подтвердил Борменталь.

- Ну, вот-с, - гремел Филипп Филиппович, - зарубите себе на носу, - кстати, почему вы стерли с него цинковую мазь? - что вам нужно молчать и слушать, что вам говорят. Учиться и стать хоть сколько-нибудь приемлемым членом социалистического общества. Кстати, какой негодяй снабдил вас этой книжкой?

- Все у вас негодяи, - испуганно ответил Шариков, оглушенный нападением с двух сторон.

- Я догадываюсь, - злобно краснея, воскликнул Филипп Филиппович.

- Ну, что же. Ну, Швондер и дал. Он не негодяй. Чтоб я развивался.

- Я вижу, как вы развились после Каутского, - визгливо и пожелтев, крикнул Филипп Филиппович. Тут он яростно нажал кнопку в стене. - Сегодняшний случай это показывает как нельзя лучше! Зина!

- Зина! - кричал Борменталь.

- Зина! - орал испуганный Шариков.

Зина прибежала бледная.

- Зина! Там в приемной... Она в приемной?

- В приемной, - покорно ответил Шариков, - зеленая, как купорос.

- Зеленая книжка...

- Ну, сейчас палить! - отчаянно воскликнул Шариков. - Она казенная, из библиотеки!!

- Переписка - называется... как его?.. Энгельса с этим чертом... В печку ее!

Зина повернулась и улетела.

- Я бы этого Швондера повесил бы, честное слово, на первом суку, - воскликнул Филипп Филиппович, яростно впиваясь в крыло индюшки, - сидит изумительная дрянь в доме, как нарыв. Мало того, что он пишет всякие бессмысленные пасквили в газетах...

Шариков злобно и иронически начал коситься на профессора. Филипп Филиппович в свою очередь отправил ему косой взгляд и умолк.

"Ох, ничего доброго у нас, кажется, не выйдет в квартире", - вдруг пророчески подумал Борменталь.

Зина внесла на круглом блюде рыжую с правого и румяную с левого бока бабу и кофейник.

- Я не буду ее есть, - сразу угрожающе и неприязненно заявил Шариков.

- Никто вас и не приглашает. Держите себя прилично. Доктор, прошу вас.

В молчании закончился обед.

Шариков вытащил из кармана смятую папиросу и задымил. Откушав кофею, Филипп Филиппович поглядел на часы, нажал на репетир, и они проиграли нежно восемь с четвертью. Филипп Филиппович откинулся по своему обыкновению на готическую спинку и потянулся к газете на столике.

- Доктор, прошу вас, съездите с ним в цирк. Только, ради бога, посмотрите, в программе котов нету?

- И как такую сволочь в цирк допускают, - хмуро заметил Шариков, покачивая головой.

- Ну, мало ли кого туда допускают, - двусмысленно отозвался Филипп Филиппович. - Что там у них?

- У Соломонского, - стал вычитывать Борменталь, - четыре каких-то... Юссемс и человек мертвой точки.

- Что это за Юссемс? - подозрительно осведомился Филипп Филиппович.

- Бог их знает. Впервые это слово встречаю.

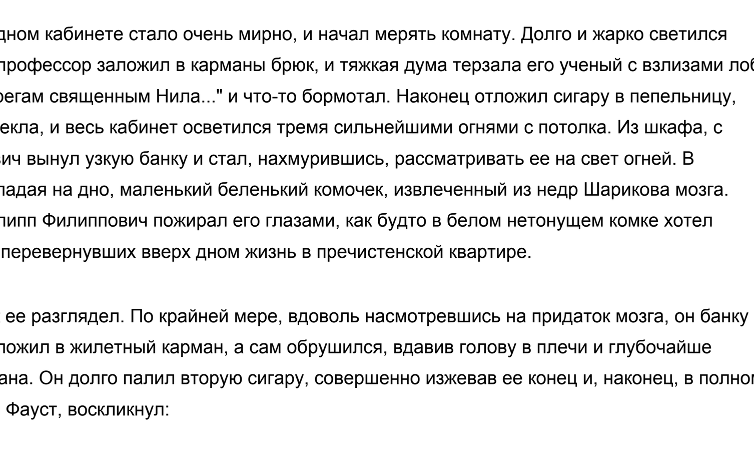
- Ну, тогда лучше смотрите у Никитина. Необходимо, чтобы все было ясно.

- У Никитина... У Никитина... гм... слоны и предел человеческой ловкости.

- Тэк-с. Что вы скажете относительно слонов, дорогой Шариков? - недоверчиво спросил Филипп Филиппович у Шарикова.

Тот обиделся.

- Что ж, я не понимаю, что ли? Кот - другое дело, а слоны - животные полезные, - ответил Шариков.



- Ну-с, и отлично. Раз полезное, поезжайте поглядите на них. Ивана Арнольдовича слушаться надо. И ни в какие разговоры не пускаться в буфете. Иван Арнольдович, покорнейше прошу, пива Шарикову не предлагать.

Через десять минут Иван Арнольдович и Шариков, одетый в кепку с утиным носом и в драповое пальто с поднятым воротником, уехали в цирк. В квартире стихло. Филипп Филиппович оказался в своем кабинете. Он зажег лампу под тяжелым зеленым колпаком, отчего в громадном кабинете стало очень мирно, и начал мерять комнату. Долго и жарко светился кончик сигары бледно зеленым огнем. Руки профессор заложил в карманы брюк, и тяжкая дума терзала его ученый с взлизами лоб. Он причмокивал, напевая сквозь зубы "К берегам священным Нила..." и что-то бормотал. Наконец отложил сигару в пепельницу, подошел к шкафу, сплошь состоящему из стекла, и весь кабинет осветился тремя сильнейшими огнями с потолка. Из шкафа, с третьей стеклянной полки Филипп Филиппович вынул узкую банку и стал, нахмурившись, рассматривать ее на свет огней. В прозрачной и тяжелой жидкости плавал, не падая на дно, маленький беленький комочек, извлеченный из недр Шарикова мозга. Пожимая плечами, кривя губы и хмыкая, Филипп Филиппович пожирал его глазами, как будто в белом нетонущем комке хотел разглядеть причину удивительных событий, перевернувших вверх дном жизнь в пречистенской квартире.

Очень возможно, что высокоученый человек ее разглядел. По крайней мере, вдоволь насмотревшись на придаток мозга, он банку спрятал в шкаф, запер его на ключ, ключ положил в жилетный карман, а сам обрушился, вдавив голову в плечи и глубочайше засунув руки в карманы пиджака, в кожу дивана. Он долго палил вторую сигару, совершенно изжевав ее конец и, наконец, в полном одиночестве, зелено окрашенный, как седой Фауст, воскликнул:

- Ей богу, я, кажется, решусь.

Никто ему не ответил на это. В квартире прекратились всякие звуки. В Обуховом переулке в одиннадцать часов, как известно, затихает движение. Редко-редко звучали отдаленные шаги запоздалого пешехода, они постукивали где-то за шторами и угасали. В кабинете нежно звенел под пальцами Филиппа Филипповича репетир в карманчике. Профессор нетерпеливо поджидал возвращения доктора Борменталя и Шарикова из цирка.

---

1 Позднее *(нем.)*
2 Хорошо *(нем.)*

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

~ Глава 8 ~

Главы: 1 2 3 4 5 6 7 8 9 Эпилог

Неизвестно, на что решился Филипп Филиппович.

Ничего особенного в течение следующей недели он не предпринимал и, может быть, вследствие его бездействия квартирная жизнь переполнилась событиями.

Через шесть дней после истории с водой и котом из домкома к Шарикову явился молодой человек, оказавшийся женщиной, и вручил ему документы, которые Шариков немедленно заложил в карман пиджака и немедленно после этого назвал доктора Борменталя:

- Борменталь!

- Нет, уж вы меня по имени отчеству, пожалуйста, называйте, - отозвался Борменталь, меняясь в лице. Нужно заметить, что в эти шесть дней хирург ухитрился раз восемь поссориться со своим воспитанником. и атмосфера в обуховских комнатах была душная.

- Ну и меня называйте по имени и отчеству, - совершенно основательно ответил Шариков.

- Нет! - загремел в дверях Филипп Филиппович. - По такому имени и отчеству в моей квартире я вас не разрешу называть. Если вам угодно, чтобы вас перестали именовать фамильярно "Шариков", и я, и доктор Борменталь будем называть вас "господин Шариков".

- Я не господин, господа все в Париже! - отлаял Шариков.

- Швондерова работа! - кричал Филипп Филиппович. - Ну ладно, посчитаюсь я с этим негодяем. Не будет никого, кроме господ, в моей квартире, пока я в ней нахожусь! В противном случае или я, или вы уйдем отсюда и, вернее всего, вы. Сегодня я помещу в газетах объявление и, поверьте, я вам найду комнату.

- Ну да, такой я дурак, чтобы съехал отсюда, - очень четко ответил Шариков.

- Как? - спросил Филипп Филиппович и до того изменился в лице, что Борменталь подлетел к нему и тревожно взял его за рукав.

- Вы, знаете, не нахальничайте, мосье Шариков! - Борменталь очень повысил голос. Шариков отступил, вытащил из кармана три бумаги, зеленую, желтую и белую, и, тыча в них пальцами, заговорил:

- Вот. Член жилищного товарищества, и жилплощадь мне полагается определенно в квартире номер пять у ответственного съемщика Преображенского, в шестнадцать квадратных аршин, - Шариков подумал и добавил слово, которое Борменталь машинально отметил в мозгу как новое: - Благоволите.

Филипп Филиппович закусил губу и сквозь нее неосторожно вымолвил:

- Клянусь, что я этого Швондера в конце концов застрелю.

Шариков в высшей степени внимательно и остро принял эти слова, что было видно по его глазам.

- Филипп Филиппович, vorsichtig [1]...- предостерегающе начал Борменталь.

- Ну уж, знаете... Если уж такую подлость!.. - вскричал Филипп Филиппович по-русски. - Имейте в виду, Шариков... господин, что я, если вы позволите еще одну наглую выходку, я лишу вас обеда и вообще питания в моем доме. Шестнадцать аршин - это прелестно, но ведь я вас не обязан кормить по этой лягушачьей бумаге?

Тут Шариков испугался и приоткрыл рот.

- Я без пропитания оставаться не могу, - забормотал он, - где ж я буду харчеваться?

- Тогда ведите себя прилично, - в один голос заявили оба эскулапа.

Шариков значительно притих и в этот день не причинил никакого вреда никому, за исключением самого себя: пользуясь невольной отлучкой Борменталя, он завладел его бритвой и распорол себе скулу так, что Филипп Филиппович и доктор Борменталь накладывали ему на порез швы, отчего Шариков долго выл, заливаясь слезами.

Следующую ночь в кабинете в зеленом полумраке профессора сидели двое - сам Филипп Филиппович и верный, привязанный к нему Борменталь. В доме уже спали. Филипп Филиппович был в своем лазоревом халате и красных туфлях, а Борменталь в рубашке и синих подтяжках. Между врачами на круглом столе, рядом с пухлым альбомом, стояла бутылка коньяку, блюдечко с лимоном и сигарный ящик. Ученые, накурив полную комнату, с жаром обсуждали последнее событие: этим вечером Шариков присвоил в кабинете Филиппа Филипповича два червонца, лежащие под прессом, пропал из квартиры, вернулся поздно и совершенно пьяный. Этого мало. С ним явились две неизвестных личности, шумевших на парадной лестнице и изъявивших желание ночевать в гостях у Шарикова. Удалились означенные личности лишь после того, как Федор, присутствовавший при этой сцене в осеннем пальто, накинутом сверху белья, позвонил по телефону в сорок пятое отделение милиции. Личности мгновенно отбыли, лишь только Федор повесил трубку. Неизвестно куда после ухода личностей задевалась малахитовая пепельница с подзеркальника в передней, бобровая шапка Филиппа Филипповича и его же трость, на каковой трости золотою вязью было написано: "Дорогому и уважаемому Филипп Филипповичу благодарные ординаторы в день...", дальше шла римская цифра XXV.

- Кто они такие? - наступал Филипп Филиппович, сжимая кулаки, на Шарикова. Тот, шатаясь и прилипая к шубам, бормотал насчет того, что личности ему неизвестны, но что они не сукины сыны какие-нибудь, а хорошие.

- Изумительнее всего, что ведь они же оба пьяные, как же они ухитрились? - поражался Филипп Филиппович, глядя на то место в стойке, где некогда помещалась память юбилея.

- Специалисты, - пояснил Федор, удаляясь спать с рублем в кармане.

От двух червонцев Шариков категорически отперся и при этом выговорил что-то неявственное насчет того, что вот, мол, он не один в квартире.

- Ага! Быть может, это доктор Борменталь свистнул червонцы? - осведомился Филипп Филиппович тихим, но страшным по оттенку голосом.

Шариков качнулся, открыв совершенно посоловевшие глаза и высказал предположение:

- А может быть, Зинка взяла...

- Что такое?! - закричала Зина, появившись в дверях как привидение, закрывая на груди расстегнутую кофточку ладонью. - Да как он...

Шея Филиппа Филипповича налилась красным цветом.

- Спокойно, Зинуша, - молвил он, простирая к ней руку, - не волнуйся, мы все это устроим.

Зина немедленно заревела, распустив губы, и ладонь запрыгала у нее на ключице.

- Зина, как вам не стыдно! Кто же может подумать? Фу, какой срам, - заговорил Борменталь растерянно.

- Ну, Зина, ты - дура, прости господи, - начал Филипп Филиппович.

Но тут Зинин плач прекратился сам собой, и все умолкли. Шарикову стало нехорошо. Стукнувшись головой об стену, он издал звук - не то "и", не то "е" - вроде "эээ". Лицо его побледнело, и судорожно задвигалась челюсть.

- Ведро ему, негодяю, из смотровой дать!

И все забегали, ухаживая за заболевшим Шариковым. Когда его отводили спать, он, пошатываясь, в руках Борменталя, очень нежно и мелодически ругался скверными словами, выговаривая их с трудом.

Вся эта история произошла около часу, а теперь было три часа пополуночи, но двое в кабинете бодрствовали, взвинченные коньяком с лимоном. Накурили они до того, что дым двигался густыми медленными плоскостями, даже не колыхаясь.

Доктор Борменталь приподнялся, бледный, с очень решительными глазами, поднял рюмку со стрекозиной тальей.

- Филипп Филиппович! - прочувствованно воскликнул он, - я никогда не забуду, как я полуголодным студентом явился к вам, и вы приютили меня при кафедре. Поверьте, Филипп Филиппович, вы для меня гораздо больше, чем профессор-учитель... Мое безмерное уважение к вам... Позвольте вас поцеловать, дорогой Филипп Филиппович...

- Да, голубчик мой... - растерянно промычал Филипп Филиппович и поднялся навстречу. Борменталь его обнял и поцеловал в пушистые, сильно прокуренные усы.

- Ей-богу, Филипп Фили...

- Так растрогали, так растрогали... Спасибо вам, - говорил Филипп Филиппович, - голубчик, я иногда на вас ору на операциях. Уж простите стариковскую вспыльчивость. В сущности, ведь я так одинок... "От Севильи до Гренады..."

- Филипп Филиппович, не стыдно ли вам!.. - искренно воскликнул пламенный Борменталь. - Если вы не хотите меня обидеть, не говорите мне больше таким образом.

- Ну, спасибо вам... "К берегам священным Нила..." И я вас полюбил как способного врача.

- Филипп Филиппович, я вам говорю... - страстно воскликнул Борменталь, сорвался с места, плотнее прикрыл дверь, ведущую в коридор, и, вернувшись, продолжал шепотом: - Ведь это единственный исход. Я не смею вам, конечно, давать советы, но, Филипп Филиппович, посмотрите на себя, вы совершенно замучились, ведь нельзя же больше работать!

- Абсолютно невозможно! - вздохнув, подтвердил Филипп Филиппович.

- Ну вот, это же немыслимо, - шептал Борменталь, - в прошлый раз вы говорили, что боитесь за меня, и если бы вы знали, дорогой профессор, как вы меня этим тронули. Но ведь я же не мальчик, и сам соображаю, насколько это может получиться ужасная штука. Но по моему глубокому убеждению, другого выхода нет.

Филипп Филиппович встал, замахал на него руками и воскликнул:

- И не соблазняйте, даже и не говорите, - профессор заходил по комнате, закачав дымные волны, - и слушать не буду. Понимаете, что получится, если нас накроют. Нам ведь с вами на "принимая во внимание происхождение" отъехать не придется, невзирая на нашу первую судимость. Ведь у нас нет подходящего происхождения, мой дорогой?

- Какой там черт... Отец был судебным следователем в Вильно, - горестно ответил Борменталь, допивая коньяк.

- Ну вот-с, не угодно ли. Ведь это же дурная наследственность. Пакостнее ее и представить ничего себе нельзя. Впрочем, виноват, у меня еще хуже. Отец - кафедральный протоиерей. Мерси. "От Севильи до Гренады в тихом сумраке ночей..." Вот, черт ее возьми.

- Филипп Филиппович, вы - величина мирового значения, и из-за какого-то, извините за выражение, сукиного сына... Да разве они могут вас тронуть, помилуйте!

- Тем более не пойду на это, - задумчиво возразил Филипп Филиппович, останавливаясь и озираясь на стеклянный шкаф.

- Да почему?

- Потому что вы-то ведь не величина мирового значения?

- Где уж...

- Ну вот-с. А бросать коллегу в случае катастрофы, самому же выскочить на мировом значении, простите... Я - московский студент, а не Шариков.

Филипп Филиппович горделиво поднял плечи и сделался похож на французского древнего короля.

- Филипп Филиппович, эх... - горестно воскликнул Борменталь, - значит, что же? Теперь вы будете ждать, пока удастся из этого хулигана сделать человека?

Филипп Филиппович жестом руки остановил его, налил себе коньяку, хлебнул, пососал лимон и заговорил:

- Иван Арнольдович, как по-вашему, я понимаю что-нибудь в анатомии и физиологии, ну, скажем, человеческого мозгового аппарата? Как ваше мнение?

- Филипп Филиппович, что вы спрашиваете? - с большим чувством ответил Борменталь и развел руками.

- Ну, хорошо. Без ложной скромности. Я тоже полагаю, что в этом я не самый последний человек в Москве.

- А я полагаю, что вы - первый не только в Москве, а и в Лондоне и в Оксфорде! - яростно перебил его Борменталь.

- Ну, ладно, пусть будет так. Ну так вот-с, будущий профессор Борменталь: это никому не удастся. Кончено. Можете и не спрашивать. Так и ссылайтесь на меня, скажите, Преображенский сказал. Финита. Клим! - вдруг торжественно воскликнул Филипп Филиппович, и шкаф ответил ему звоном, - Клим! - повторил он.- Вот, что, Борменталь, вы первый ученик моей школы и, кроме того, мой друг, как я убедился сегодня. Так вот вам как другу сообщу по секрету, - конечно, я знаю, вы не станете срамить меня, - старый осел Преображенский нарвался на этой операции, как третьекурсник. Правда, открытие получилось, вы сами знаете, какое, - тут Филипп Филиппович горестно указал руками на оконную штору, очевидно намекая на Москву, - но только имейте в виду, Иван Арнольдович, что единственным результатом этого открытия будет то, что все мы теперь будем иметь этого Шарикова вот где, - здесь Преображенский похлопал себя по крутой и склонной к параличу шее, - будьте спокойны-с! Если бы кто-нибудь, - сладострастно продолжал Филипп Филиппович, - разложил меня здесь и выпорол, я бы, клянусь, заплатил червонцев пять... "От Севильи до Гренады..." Черт меня возьми... Ведь я пять лет сидел, выковыривая придатки из мозгов. Вы знаете, какую я работу проделал, уму непостижимо. И вот теперь спрашивается - зачем? Чтобы в один прекрасный день милейшего пса превратить в такую мразь, что волосы дыбом встают.

- Исключительное что-то...

- Совершенно с вами согласен. Вот, доктор, что получается, когда исследователь, вместо того, чтобы идти ощупью и параллельно с природой, форсирует вопрос и приподымает завесу! На, получай Шарикова и ешь его с кашей.

- Филипп Филиппович, а если бы мозг Спинозы?

- Да! - рявкнул Филипп Филиппович. - Да! Если только злосчастная собака не помрет у меня под ножом, а вы видели, какого сорта эта операция. Одним словом, я, Филипп Преображенский ничего труднее не делал в своей жизни. Можно, конечно, привить гипофиз Спинозы или еще какого-нибудь такого лешего и соорудить из собаки чрезвычайно высоко стоящего. Но на какого дьявола, спрашивается. Объясните мне, пожалуйста, зачем нужно искусственно фабриковать Спиноз, когда любая баба может его родить когда угодно. Ведь родила же в Холмогорах мадам Ломоносова этого своего знаменитого. Доктор, человечество само заботится об этом и в эволюционном порядке каждый год, упорно выделяя из массы всякой мрази, создает десятками выдающихся гениев, украшающих земной шар. Теперь вам понятно, доктор, почему я опорочил ваш вывод в истории шариковской болезни. Мое открытие, черти б его съели, с которым вы носитесь, стоит ровно один ломаный грош... Да не спорьте, Иван Арнольдович, я все ведь уже понял. Я же никогда не говорю на ветер, вы это отлично знаете. Теоретически это интересно, ну, ладно. Физиологи будут в восторге... Москва беснуется... Ну, а практически что? Кто теперь перед вами? - Преображенский указал пальцем в сторону смотровой, где ночевал Шариков.

- Исключительный прохвост.

- Но кто он? Клим, Клим! - крикнул Профессор, - Клим Чугункин! - Борменталь открыл рот. - Вот что-с: две судимости, алкоголизм, "все поделить", шапка и два червонца пропали. - Тут Филипп Филиппович вспомнил юбилейную палку и побагровел. - Хам и свинья... Ну, эту палку я найду. Одним словом, гипофиз - закрытая камера, определяющая человеческое данное лицо. Данное!.. "От Севильи до Гренады..." - свирепо вращая глазами, кричал Филипп Филиппович. - А не общечеловеческое! Это в миниатюре сам мозг! И мне он совершенно не нужен, ну его ко всем свиньям. Я заботился совсем о другом, об евгенике, об улучшении человеческой породы. И вот на омоложении нарвался! Неужели вы думаете, что я из-за денег произвожу их? Ведь я же все-таки ученый...

- Вы великий ученый, вот что, - молвил Борменталь, глотая коньяк. Глаза его налились кровью.

- Я хотел проделать маленький опыт, после того как два года тому назад впервые получил из гипофиза вытяжку полового гормона. И вместо этого что ж получилось, боже ты мой! Этих гормонов в гипофизе, о господи... Доктор, передо мной тупая безнадежность, я, клянусь, потерялся.

Борменталь вдруг засучил рукава и произнес, косая глазами к носу:

- Тогда вот что, дорогой учитель, если вы не желаете, я сам на свой риск покормлю его мышьяком. Черт с ним, что папа судебный следователь. Ведь в конце концов, это ваше собственное экспериментальное существо.

Филипп Филиппович потух, обмяк, завалился в кресло и сказал:

- Нет, я не позволю вам этого, милый мальчик. Мне шестьдесят лет, я вам могу давать советы. На преступление не идите никогда, против кого бы оно ни было направлено. Доживите до старости с чистыми руками.

- Помилуйте, Филипп Филиппович, да ежели его еще обработает этот Швондер, что ж из него получится? Боже мой, я только теперь начинаю понимать, что может выйти из этого Шарикова!

- Ага? Теперь поняли. А я понял через десять дней после операции. Ну так вот, Швондер и есть самый главный дурак. Он не понимает, что Шариков для него еще более грозная опасность, чем для меня. Ну, сейчас он всячески старается натравить его на меня, не соображая, что если кто-нибудь, в свою очередь, натравит Шарикова на самого Швондера, то от него останутся только рожки да ножки.

- Еще бы, одни коты чего стоят! Человек с собачьим сердцем.

- О, нет, нет, - протяжно ответил Филипп Филиппович, - вы, доктор, делаете крупнейшую ошибку, ради бога, не клевещите на пса. Коты - это временно... Это вопрос дисциплины и двух-трех недель. Уверяю вас. Еще какой-нибудь месяц, и он перестанет на них кидаться.

- А почему же теперь?

- Иван Арнольдович, это элементарно, что вы, на самом деле, спрашиваете. Да ведь гипофиз не повиснет же в воздухе. Ведь он все-таки привит на собачий мозг, дайте же ему прижиться. Сейчас Шариков проявляет уже только остатки собачьего, и поймите, что коты - это лучшее из всего, что он делает. Сообразите, что весь ужас в том, что у него уже не собачье, а именно человеческое сердце. И самое паршивое из всех, которые существуют в природе.

До последней степени взвинченный Борменталь сжал сильные худые руки в кулаки, повел плечами, твердо молвил:

- Кончено. Я его убью!

- Запрещаю это, - категорически ответил Филипп Филиппович.

- Да помилуйте...

Филипп Филиппович вдруг насторожился, поднял палец.

- Погодите-ка... Мне шаги послышались.

Оба прислушались, но в коридоре было тихо.

- Показалось, - молвил Филипп Филиппович и с жаром заговорил по-немецки. В его словах несколько раз звучало русское слово "уголовщина".

- Минуточку, - вдруг насторожился Борменталь и шагнул к двери. Шаги послышались явственно и приблизились к кабинету. Кроме того, бубнил голос. Борменталь распахнул дверь и отпрянул в изумлении. Совершенно пораженный Филипп Филиппович застыл в кресле.

В освещенном четырехугольнике коридора предстала в одной ночной сорочке Дарья Петровна с боевым и пылающим лицом. И врача и профессора ослепило обилие мощного и, как от страху показалось обоим, совершенно голого тела. В могучих руках Дарья Петровна волокла что-то, и это "что-то", упираясь, садилось на зад, и небольшие его ноги, крытые черным пухом, заплетались по паркету. "Что-то", конечно, оказалось Шариковым, совершенно потерянным, все еще пьяненьким, разлохмаченным и в одной рубашке.

Дарья Петровна, грандиозная и нагая, тряхнула Шарикова, как мешок с картофелем, и произнесла такие слова:

- Полюбуйтесь, господин профессор, на нашего визитера Телеграфа Телеграфовича. Я замужем была, а Зина - невинная девушка. Хорошо, что я проснулась.

Окончив эту речь, Дарья Петровна впала в состояние стыда, вскрикнув, закрыла грудь руками и унеслась.

- Дарья Петровна, извините, ради бога, - опомнившись, крикнул ей вслед красный Филипп Филиппович.

Борменталь повыше засучил рукава рубашки и двинулся у Шарикову. Филипп Филиппович, заглянув ему в глаза, ужаснулся.

- Что вы, доктор! Я запрещаю...

Борменталь правой рукой взял Шарикова за шиворот и тряхнул его так, что полотно сзади на сорочке треснуло, а спереди с горла отскочила пуговка.

Филипп Филиппович бросился наперерез и стал выдирать щуплого Шарикова из цепких хирургических рук.

- Вы не имеете права биться! - полузадушенный, кричал Шариков, садясь наземь и трезвея.

- Доктор! - вопил Филипп Филиппович.

Борменталь несколько пришел в себя и выпустил Шарикова, после чего тот сейчас же захныкал.

- Ну, ладно, - прошипел Борменталь, - подождем до утра. Я ему устрою бенефис, когда он отрезвится.

Тут он ухватил Шарикова под мышки и поволок его в приемную спать. При этом Шариков сделал попытку брыкаться, но ноги его не слушались.

Филипп Филиппович растопырил ноги, отчего лазоревые полы разошлись, возвел руки и глаза к потолочной лампе в коридоре и молвил:

- Ну-ну...

---

[1] Осторожно *(нем.)*

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций
Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы
Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи
Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта
Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Глава 9 ~

Главы: 1 2 3 4 5 6 7 8 9 Эпилог

Бенефис Шарикова, обещанный доктором Борменталем, не состоялся, однако, на следующее утро по той причине, что Полиграф Полиграфович исчез из дома. Борменталь пришел в яростное отчаяние, обругал себя ослом за то, что не спрятал ключ от парадной двери, кричал, что это непростительно? и кончил пожеланием, чтобы Шариков попал под автобус. Филипп Филиппович сидел в кабинете, запустив пальцы в волосы, и говорил:

- Воображаю, что будет твориться на улице... Вообража-а-ю. "От Севильи до Гренады..." Боже мой.

- Он в домкоме еще может быть, - бесновался Борменталь и куда-то бегал.

В домкоме он поругался с председателем Швондером до того, что тот сел писать заявление в народный суд Хамовнического района, крича при этом, что он не сторож питомца профессора Преображенского, тем более, что этот питомец Полиграф не далее как вчера, оказался прохвостом, взяв в профкоме якобы на покупку учебников в кооперативе, семь рублей.

Федор, заработавший на этом деле три рубля, обыскал весь дом сверху донизу. Нигде никаких следов Шарикова не было.

Выяснилось только одно, что Полиграф отбыл на рассвете в кепке, шарфе и пальто, захватив с собой бутылку рябиновой в буфете, перчатки доктора Борменталя и все свои документы. Дарья Петровна и Зина, не скрывая, выразили свою бурную радость и надежду, что Шариков больше не вернется. У Дарьи Петровны Шариков занял накануне три рубля пятьдесят.

- Так вам и надо! - рычал Филипп Филиппович, потрясая кулаками. Целый день звенел телефон, звенел телефон на другой день, врачи принимали необыкновенное количество пациентов, а на третий день вплотную встал в кабинете вопрос о том, что нужно дать знать в милицию, каковая должна разыскивать Шарикова в московском омуте.

И только было произнесено слово "милиция", как благоговейную тишину Обухова переулка прорезал лай грузовика и окна в доме дрогнули. Затем прозвучал уверенный звонок, и Полиграф Полиграфович вошел с необычайным достоинством, в полном молчании снял кепку, пальто повесил на рога и оказался в новом виде. На нем была кожаная куртка с чужого плеча, кожаные же потертые штаны и английские высокие сапожки на шнуровке до колен. Неимоверный запах котов тотчас расплылся по всей передней. Преображенский и Борменталь точно по команде скрестили руки на груди, стали у притолоки и ожидали первых сообщений от Полиграфа Полиграфовича. Тот пригладил жесткие волосы, кашлянул и осмотрелся так, что видно было: смущение Полиграф желает скрыть при помощи развязности.

- Я, Филипп Филиппович, - начал он наконец говорить, - на должность поступил.

Оба врача издали неопределенный сохой звук горлом и шевельнулись. Преображенский опомнился первым, руку протянул и молвил:

- Бумагу дайте.

Было напечатано: "Предъявитель сего товарищ Полиграф Полиграфович Шариков действительно состоит заведующим подотделом очистки г. Москвы от бродячих животных (котов и прочее) в отделе МКХ".

- Так, - тяжело молвил Филипп Филиппович, - кто же вас устроил? Ах, впрочем, я сам догадываюсь.

- Ну да, Швондер, - ответил Шариков.

- Позвольте-с вас спросить, почему так отвратительно пахнет?

Шариков понюхал куртку озабоченно.

- Ну, что ж, пахнет... известно: по специальности. Вчера котов душили, душили.

Филипп Филиппович вздрогнул и посмотрел на Борменталя. Глаза у того напоминали два черных дула, направленных на Шарикова в упор. Без всяких предисловий он двинулся к Шарикову и легко и уверенно взял его за глотку.

- Караул! - пискнул Шариков, бледнея.

- Доктор!

- Ничего не позволю себе дурного, Филипп Филиппович, не беспокойтесь, - железным голосом отозвался Борменталь и завопил: - Зина и Дарья Петровна!

Те появились в передней.

- Ну, повторяйте, - сказал Борменталь и чуть-чуть притиснул горло Шарикова к шубе, - извините меня...

- Ну хорошо, повторяю, - сиплым голосом ответил совершенно пораженный Шариков, вдруг набрал воздуху, дернулся и попытался крикнуть "караул", но крик не вышел, и голова его совсем погрузилась в шубу.

- Доктор, умоляю вас.

Шариков закивал головой, давая понять, что он покоряется и будет повторять.

- ...Извините меня, многоуважаемая Дарья Петровна и Зинаида...

- Прокофьевна, - шепнула испуганно Зина.

- Уф, Прокофьевна... - говорил, перехватывая воздуху, охрипший Шариков.

- ...что я позволил себе...

- ...позволил...

- ...себе гнусную выходку ночью в состоянии опьянения...

- ...опьянения...

- Никогда больше не буду...

- Не бу...

- Пустите, пустите его, Иван Арнольдович, - взмолились одновременно обе женщины, - вы его задавите!

Борменталь выпустил Шарикова на свободу и сказал:

- Грузовик вас ждет?

- Нет, - почтительно ответил Полиграф, - он только меня привез.

- Зина, отпустите машину. Теперь имейте ввиду следующее: вы опять вернулись в квартиру Филипп Филипповича?

- Куда же мне еще! - робко ответил Шариков, блуждая глазами.

- Отлично-с. Быть тише воды, ниже травы. В противном случае за каждую безобразную выходку будете иметь со мною дело. Понятно?

- Понятно, - ответил Шариков.

Филипп Филиппович во все время насилия над Шариковым хранил молчание. Как-то жалко он съежился у притолоки и грыз ноготь, потупив глаза в паркет. Потом вдруг поднял их на Шарикова и спросил, глухо и автоматически:

- Что же вы делаете с этими... с убитыми котами?

- На польты пойдут, - ответил Шариков, - из них белок будут делать на рабочий кредит.

Засим в квартире настала тишина и продолжалась двое суток. Полиграф Полиграфович утром уезжал на гремящем грузовике, появлялся вечером, тихо обедал в компании Филиппа Филипповича и Борменталя. Несмотря на то что Борменталь и Шариков спали в одной комнате - приемной, они не разговаривали друг с другом, так что Борменталь соскучился первым.

Дня через два в квартире появилась худенькая с подрисованными глазами барышня в кремовых чулочках и очень смутилась при виде великолепия квартиры. В вытертом пальтишке она шла следом за Шариковым и в передней столкнулась с профессором.

Тот, оторопелый, остановился, прищурился и спросил:

- Позвольте узнать?..

- Я с ней расписываюсь, это наша машинистка, жить со мной будет. Борменталя надо будет выселить из приемной, у него своя квартира есть, - крайне неприязненно и хмуро пояснил Шариков.

Филипп Филиппович поморгал глазами, подумал, глядя на побагровевшую барышню, и очень вежливо пригласил ее.

- Я вас попрошу на минуточку ко мне в кабинет.

- И я с ней пойду, - быстро и подозрительно молвил Шариков.

И тут моментально вынырнул как из-под земли решительный Борменталь.

- Извините, - сказал он, - профессор побеседует с дамой, а уж мы с вами побудем здесь.

- Я не хочу, - злобно отозвался Шариков, пытаясь устремиться вслед за сгорающей от стыда барышней и Филиппом Филипповичем.

- Нет, простите, - Борменталь взял Шарикова за кисть руки, и они пошли в смотровую.

Минут пять из кабинета ничего не слышалось, а потом вдруг глухо донеслись рыдания барышни.

Филипп Филиппович стоял у стола, а барышня плакала в грязный кружевной платочек.

- Он сказал, негодяй, что ранен в боях, рыдала барышня.

- Лжет, - непреклонно отвечал Филипп Филиппович, - он покачал головой и продолжал: - Мне вас искренне жаль, но нельзя же так с первым встречным только из-за служебного положения... Детка, ведь это безобразие. Вот что...

Он открыл ящик письменного стола и вынул три бумажки по три червонца.

- Я отравлюсь, - плакала барышня, - в столовке солонина каждый день... и угрожает, говорит, что он красный командир... со мною, говорит, будешь жить в роскошной квартире... каждый день ананасы... психика у меня добрая, говорит, я только котов ненавижу... Он у меня кольцо на память взял...

- Ну, ну, ну, ну, психика добрая, "От Севильи до Гренады...", - бормотал Филипп Филиппович, - нужно перетерпеть - вы еще так молоды...

- Неужели в этой самой подворотне?

- Берите деньги, когда дают взаймы, - рявкнул Филипп Филиппович.

Затем торжественно распахнулись двери, и Борменталь по приглашению Филиппа Филипповича ввел Шарикова. Тот бегал глазами, и шерсть на голове у него возвышалась, как щетка.

- Подлец, - выговорила барышня, сверкая заплаканными размазанными глазами и полосатым напудренным носом.

- Отчего у вас шрам на лбу, потрудитесь объяснить этой даме, - вкрадчиво спросил Филипп Филиппович.

Шариков сыграл ва-банк:

- Я на колчаковских фронтах ранен, - пролаял он.

Барышня встала и с громким плачем вышла.

- Перестаньте! - крикнул Филипп Филиппович. - Погодите! Колечко позвольте, - сказал он, обращаясь к Шарикову.

Тот покорно снял с пальца дутое колечко с изумрудом.

- Ну, ладно, - вдруг злобно сказал он, - попомнишь ты у меня. Завтра я тебе устрою сокращение штатов.

- Не бойтесь его, - крикнул вслед Борменталь, - я ему не позволю ничего сделать. - Он повернулся и поглядел на Шарикова так, что тот попятился и стукнулся затылком о шкаф.

- Как ее фамилия? - спросил у него Борменталь. - Фамилия!!! - заревел он вдруг и стал дик и страшен.

- Васнецова, - ответил Шариков, ища глазами, как бы улизнуть.

- Ежедневно, - взявшись за лацкан шариковской куртки, выговорил Борменталь, - сам лично буду справляться в очистке, не сократили ли гражданку Васнецову. И если только вы... узнаю, что сократили, я вас... собственными руками здесь же пристрелю! Берегитесь, Шариков, говорю русским языком!

Шариков, не отрываясь, смотрел на борменталевский нос.

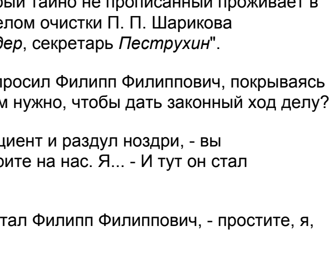
- У самих револьверы найдутся... - пробормотал Полиграф, но очень вяло, и вдруг, изловчившись, брызнул в дверь.

- Берегись! - донесся ему вдогонку борменталевский крик.

Ночь и половину следующего дня в квартире висела туча, как перед грозой. Но все молчали. И вот на следующий день, когда Полиграф Полиграфович, которого утром кольнуло скверное предчувствие, мрачный уехал на грузовике к месту службы, профессор Преображенский в совершенно неурочный час принял одного из своих прежних пациентов, толстого и рослого человека в военной форме. Тот настойчиво добивался свидания и добился. Войдя в кабинет, он вежливо щелкнул каблуками.

- У вас боли, голубчик, возобновились? - спросил его осунувшийся Филипп Филиппович. - Садитесь, пожалуйста.

- Мерси. Нет, профессор, - ответил гость, ставя шлем на угол стола, - я вам очень признателен. Гм... Я приехал к вам по другому делу, Филипп Филиппович... Питая большое уважение... гм... Предупредить. Явная ерунда. Просто он прохвост... - Пациент полез в портфель и вынул бумагу. - Хорошо, что мне непосредственно доложили...



Филипп Филиппович оседлал нос пенсне поверх очков и принялся читать. Он долго бормотал про себя, меняясь в лице каждую секунду.

"... а также угрожая убить председателя домкома товарища Швондера, из чего видно, что хранит огнестрельное оружие. И произносит контрреволюционные речи, и даже Энгельса приказал своей социал-прислужнице Зинаиде Прокофьевне Буниной спалить в печке, как явный меньшевик со своим ассистентом Борменталем Иваном Арнольдовичем, который тайно не прописанный проживает в его квартире. Подпись заведующего подотделом очистки П. П. Шарикова удостоверяю. Председатель домкома *Швондер*, секретарь *Пеструхин*".

- Вы позволите мне это оставить у себя? - спросил Филипп Филиппович, покрываясь пятнами. - Или, виноват, может быть, это вам нужно, чтобы дать законный ход делу?

- Извините, профессор, - очень обиделся пациент и раздул ноздри, - вы действительно очень уж презрительно смотрите на нас. Я... - И тут он стал надуваться, как индейский петух.

- Ну извините, извините, голубчик, - забормотал Филипп Филиппович, - простите, я, право, не хотел вас обидеть.

- Мы умеем читать бумаги, Филипп Филиппович!

- Голубчик, не сердитесь, меня он так задергал...

- Я думаю, - совершенно отошел пациент, - но какая все-таки дрянь! Любопытно было бы взглянуть на него. В Москве прямо легенды какие-то про вас рассказывают.

Филипп Филиппович только отчаянно махнул рукой. Тут пациент разглядел, что профессор сгорбился и даже как будто поседел за последнее время.

Преступление созрело и упало, как камень, как это обычно и бывает. С сосущим нехорошим сердцем вернулся в грузовике Полиграф Полиграфович. Голос Филиппа Филипповича пригласил его в смотровую. Удивленный Шариков пришел и с неясным страхом заглянул в дуло на лице Борменталя, а затем и Филиппа Филипповича. Туча ходила вокруг ассистента, и левая рука его с папиросой чуть вздрагивала на блестящей ручке акушерского кресла.

Филипп Филиппович со спокойствием очень зловещим сказал:

- Сейчас заберите вещи - брюки, пальто, все, что вам нужно, - и вон из квартиры.

- Как это так? - искренне удивился Шариков.

- Вон из квартиры сегодня, - монотонно повторил Филипп Филиппович, щурясь на свои ногти.

Какой-то нечистый дух вселился в Полиграфа Полиграфовича, очевидно, гибель уже караулила его, и рок стоял у него за плечами. Он сам бросился в объятия неизбежного и гаркнул злобно и отрывисто:

- Да что такое, в самом деле? Что я, управы, что ли, не найду на вас? Я на шестнадцати аршинах здесь сижу и буду сидеть.

- Убирайтесь из квартиры, - задушенно шепнул Филипп Филиппович.

Шариков сам пригласил свою смерть. Он поднял левую руку и показал Филипп Филипповичу обкусанный, с нестерпимым собачьим запахом шиш. А затем правой рукой по адресу опасного Борменталя из кармана вынул револьвер. Папироса Борменталя упала падучей звездой, а через несколько секунд прыгающий по битым стеклам Филипп Филиппович в ужасе метался от шкафа к кушетке. На ней распростертый и хрипящий, лежал заведующий подотделом очистки, а на груди у него помещался хирург Борменталь и душил его беленькой малой подушкой.

Через несколько минут доктор Борменталь не со своим лицом прошел на парадный ход и рядом с кнопкой звонка наклеил записку:

"Сегодня приема по случаю болезни профессора нет. Просят не беспокоить звонками".

Блестящим перочинным ножичком он перерезал провод звонка, в зеркале осмотрел исцарапанное в кровь свое лицо и изодранные, мелкой дрожью прыгающие руки. Затем он появился в дверях кухни и настороженным Зине и Дарье Петровне сказал:

- Профессор просит вас никуда не уходить из квартиры.

- Хорошо, - робко ответили Зина и Дарья Петровна.

- Позвольте мне дверь запереть на черный ход и забрать ключ, - заговорил Борменталь, прячась за дверь в стене и прикрывая ладонью лицо. - Это временно, не из недоверия к вам. Но кто-нибудь придет, а вы не выдержите и откроете, а нам нельзя мешать, мы заняты.

- Хорошо, - ответили женщины и сейчас же стали бледными.

Борменталь запер черный ход, забрал ключ, запер парадный, запер дверь из коридора в переднюю, и шаги его пропали у смотровой.

Тишина покрыла квартиру, заползла во все углы. Полезли сумерки, скверные, настороженные, одним словом, мрак.

Правда, впоследствии соседи через двор говорили, что будто бы в окнах смотровой, выходящих во двор, в этот вечер горели у Преображенского все огни и даже будто бы они видели белый колпак самого профессора... Проверить это трудно. Правда, и Зина, когда уже все кончилось, болтала, что в кабинете у камина, после того, как Борменталь и профессор вышли из смотровой, ее до смерти напугал Иван Арнольдович. Якобы он сидел в кабинете на корточках и жег в камине собственноручно тетрадь в синей обложке из той пачки, в которой записывались истории болезни профессорских пациентов. Лицо будто бы у доктора было совершенно зеленое и все, ну, все... вдребезги исцарапанное. И Филипп Филиппович в тот вечер сам на себя не был похож. И еще, что... Впрочем, может быть, невинная девушка из пречистенской квартиры и врет...

За одно можно поручиться. В квартире в тот вечер была полнейшая и ужаснейшая тишина.

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Эпилог ~

Главы: 1 2 3 4 5 6 7 8 9 Эпилог

Ночь в ночь через десять дней после сражения в смотровой в квартире профессора Преображенского, что в Обуховском переулке, ударил резкий звонок. Зину смертельно напугали голоса за дверью:

- Уголовная милиция и следователь. Благоволите открыть.

Забегали шаги, застучали, стали входить, и в сверкающей от огней приемной с заново застекленными шкафами оказалась масса народу. Двое в милицейской форме, один в черном пальто, с портфелем, злорадный и бледный председатель Швондер, юноша-женщина, швейцар Федор, Зина, Дарья Петровна и полуодетый Борменталь, стыдливо прикрывающий горло без галстуха.

Дверь из кабинета пропустила Филиппа Филипповича. Он вышел в известном всем лазоревом халате, и тут же все могли убедиться сразу, что Филипп Филиппович очень поправился в последнюю неделю. Прежний властный и энергичный Филипп Филиппович, полный достоинства, предстал перед ночными гостями и извинился, что он в халате.

- Не стесняйтесь, профессор, - очень смущенно отозвался человек в штатском, затем он замялся и заговорил: - Очень неприятно. У нас есть ордер на обыск в вашей квартире и, - человек покосился на усы Филиппа Филипповича и докончил, - и арест в зависимости от результатов.

Филипп Филиппович прищурился и спросил:

- А по какому обвинению, смею спросить, и кого?

Человек почесал щеку и стал вычитывать по бумажке из портфеля:

- По обвинению Преображенского, Борменталя, Зинаиды Буниной и Дарьи Ивановой в убийстве заведующего подотделом очистки МКХ Полиграфа Полиграфовича Шарикова.

Рыдания Зины покрыли конец его слов. Произошло движение.

- Ничего не понимаю, - ответил Филипп Филиппович, королевски вздергивая плечи, - какого такого Шарикова? Ах, виноват, этого моего пса... которого я оперировал?

- Простите, профессор, не пса, а когда уже он был человеком. Вот в чем дело.

- То есть он говорил? - спросил Филипп Филиппович. - Это еще не значит быть человеком. Впрочем, это не важно. Шарик и сейчас существует, и никто его решительно не убивал.

- Профессор, - очень удивленно заговорил черный человек и поднял брови, - тогда его придется предъявить. Десятый день, как пропал, а данные, извините меня, очень нехорошие.

- Доктор Борменталь, благоволите предъявить Шарика следователю, - приказал Филипп Филиппович, овладевая ордером.

Доктор Борменталь, криво улыбнувшись, вышел. Когда он вернулся и посвистел, за ним из двери кабинета выскочил пес странного качества. Пятнами он был лыс, пятнами на нем отрастала шерсть. Вышел он, как ученый циркач, на задних лапах, потом опустился на все четыре и осмотрелся. Гробовое молчание застыло в приемной, как желе. Кошмарного вида пес с багровым шрамом на лбу вновь поднялся на задние лапы и, улыбнувшись, сел в кресло.

Второй милиционер вдруг перекрестился размашистым крестом и, отступив, сразу отдавил Зине обе ноги.

Человек в черном, не закрывая рта, выговорил такое:

- Как же, позвольте?.. Он же служил в очистке...

- Я его туда не назначал, - ответил Филипп Филиппович, - ему господин Швондер дал рекомендацию, если я не ошибаюсь.

- Я ничего не понимаю, - растерянно сказал черный и обратился к первому милицейскому. - Это он?

- Он, - беззвучно ответил милицейский. - Форменно он.

- Он самый, - послышался голос Федора, - только, сволочь, опять оброс.

- Он же говорил... кхе... кхе...

- И сейчас еще говорит, но только все меньше и меньше, так что пользуйтесь случаем, а то он скоро совсем умолкнет.

- Но почему же? - тихо осведомился черный человек.

Филипп Филиппович пожал плечами.

- Наука еще не знает способа обращать в людей зверей. Вот я и попробовал, да только неудачно, как видите. Поговорил и начал обращаться в первобытное состояние. Атавизм.

- Неприличными словами не выражаться! - вдруг гаркнул пес с кресла и встал.

Черный человек внезапно побледнел, уронил портфель и стал падать на бок, милицейский подхватил его сбоку, а Федор сзади. Произошла суматоха и в ней отчетливее всего были слышны три фразы.

Филиппа Филипповича: "Валерианки. Это обморок".

Доктора Борменталя: "Швондера я собственноручно сброшу с лестницы, если он еще раз появится в квартире профессора Преображенского".

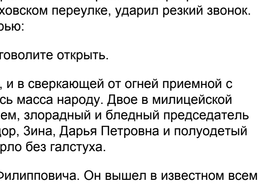
И Швондера: "Прошу занести эти слова в протокол".

Серые гармонии труб горели. Шторы скрыли густую пречистенскую ночь с ее одинокою звездою. Высшее существо, важный песий благотворитель сидел в кресле, а пес Шарик, привалившись, лежал на ковре у кожаного дивана. От мартовского тумана пес по утрам страдал головными болями, которые мучили его кольцом по головному шву. Но от тепла к вечеру они проходили. И сейчас легчало, легчало, и мысли в голове пса текли складные и теплые.

"Так свезло мне, так свезло. - думал он, задремывая, - просто неописуемо свезло. Утвердился я в этой квартире. Окончательно уверен я, что в моем происхождении нечисто. Тут не без водолаза. Потаскуха была моя бабушка, царство ей небесное, старушке. Утвердился. Правда, голову всю исполосовали зачем-то, но это заживет до свадьбы. Нам на это нечего смотреть".

В отдалении глухо позвякивали склянки. Тяпнутый убирал в шкафах смотровой.

Седой же волшебник сидел и напевал:



- "К берегам священным Нила..."

Пес видел страшные дела. Руки в скользких перчатках важный человек погружал в сосуд, доставал мозги. Упорный человек, настойчивый, все чего-то добивался в них, резал рассматривал, щурился и пел:

- "К берегам священным Нила..."

Январь - март 1925 года

Москва

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ СМИ о БЭ ~

Воланд вновь посетит Москву

Если раньше фанаты известного булгаковского романа «Мастер и Маргарита» часами топтались у «нехорошей» квартиры №50 на Садовой улице, исписывая стены, потолки и всю оставшуюся поверхность здания изливая таким образом свою любовь к автору, произведению или отдельным ее персонажам, то с приходом в нашу жизнь Интернета многие предпочитают оставлять признания своей любви на страницах и форумах веб-сайтов, посвященных творчеству Булгакова.

Один из самых известных сайтов среди поклонников творчества писателя – "Булгаковская Энциклопедия", по праву признается одним из лучших ресурсов рунета, где можно найти много интересной информации как о жизни и творчестве писателя, так и о романах и других малоизвестных произведениях.

И вот популяризация Булгакова пришла и в рунет. Сайт «Булгаковская Энциклопедия» с декабря 2002 года по март 2003 г. проводит на своих страницах первый творческий крупномасштабный мультиконкурс, посвященный 111-летию самого загадочного русского писателя двадцатого века - М.А. Булгакова.

Конкурс будет проходить по четырем направлениям: графический, фотоконкурс, литературный, и самый ответственный – «Лицо проекта», где конкурсантам необходимо предстать в образе персонажей знаменитого булгаковского романа.

Финалистам конкурса выпадет честь принять участие в зрелищном шоу "Булгаков 111, или БАЛ ВОЛАНДА". По словам организаторов мероприятия презентация "Бал Воланда" будет максимально приближен к сценарию бала Сатаны из романа М. Булгакова "Мастер и Маргарита".

« Назад

18 декабря 2002 *Internet.ru*

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ СМИ о БЭ ~

Сайт дня: Веб-мастер и Маргарита

Поклонники творчества и личности Михаила Афанасьевича Булгакова, ранее разрисовывавшие окрестности "нехорошей квартиры" всяческой булгаковщиной, обратили свой взор и руки на еще более общественное место – на Сеть.

Одним из новых булгаковских мест Рунета является сайт Bulgakov.ru, где можно найти множество текстов, посвященных самому Булгакову и, разумеется, его героям. Есть также изображения демонов, выполенные одним из авторов сайта, Юлией Вишневской.

Пока что содержимое сайта базируется только на материалах "Булгаковской Энциклопедии" Бориса Соколова, которая по сути является развернутым комментарием к "Мастеру и Маргарите" и некоторым другим сочинениями Булгакова. Однако сетевой проект Bulgakov.ru будет развиваться и дальше - об этом, а также о других деталях работы над булгаковским сайтом рассказала "Нетоскопу" сама Юлия Вишневская.

- Кто работает над проектом, на какие средства он существует?

- Проект делает UB Studio в лице двух поклонников творчества Мастера. Проект существует непосредственно на наши средства: всю техническую работу мы выполняем сами. Я, Юлия Вишневская, студентка МГУ, занимаюсь контентом, а Юрий Кузнецов - технической стороной.

- Книга Бориса Соколова – единственный источник информации для сайта?

- Это отправная точка проекта, призванная обеспечить ресурс начальным контентом. Но мы не собираемся ограничиваться только этим источником и планируем совершенствовать Энциклопедию.

- На каких условиях используются материалы "Булгаковской энциклопедии"?

- Материалы используются нами на основании договоренности с издательством. Ссылка на покупку печатной версии "Энциклопедии" находится на каждой странице сайта. Все права издательства сохранены. Надо сказать, что оригинальный контент был полностью переработан и адаптирован для Интернета.

- Каковы ваши планы на будущее?

- Сосредоточить в рамках сайта определенное образованное community, сделать ресурс интерактивным (благо вся программная часть уже написана). Ну, и дальше наполнять сайт разнообразной информацией о жизни и деятельности Мастера. На определенном этапе мы также планируем подключить книжный магазин.

« Назад

30 января 2002 *Нетоскоп*

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ СМИ о БЭ ~

Булгаковская энциклопедия полностью выложена в Сеть

В Интернете по адресу http://www.bulgakov.ru/ открылся большой сайт, посвященный жизни и творчеству Михаила Булгакова.

В основу сайта положена известная "Булгаковская энциклопедия" Бориса Соколова, в которой раскрываются замысловатые аллюзии и намеки в основных произведениях писателя, не без оснований считающегося "самым загадочным русским писателем XX века" - биографические, политические и и так далее вплоть до демонологических.

В первую очередь, конечно, внимание уделяется героям и коллизиям "Мастера и Маргариты".

Книга была адаптирована специально для Сети вдохновителем проекта Юлией Вишневской. Кроме того, на сайте содержатся редкие фотографии и авторские иллюстрации, выполненные непосредственно для него.

Знакомство с сайтом показывает, что утверждение создателей - UB Studio - о том, что "путешествовать по сайту легко и приятно" вполне можно считать соответствующим действительности.

« Назад

22 января 2002 *Lenta.ru*

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ СМИ о БЭ ~

Первая в Сети Булгаковская энциклопедия

Энциклопедия рассчитана на массового читателя, и дает разгадки многих тайн булгаковской биографии и произведений, рассказывает о прототипах полюбившихся персонажей, раскрывает замысловатые шифры "Мастера и Маргариты", «Белой гвардии», «Собачьего сердца», «Роковых яиц», «Бега».

По мнению создателей энциклопедии, "здесь разрушаются мифы, созданные вокруг имени Булгакова, и исследуются мифы, сотворенные самим писателем".

Изюминка сайта – редкие фотографии и оригинальные авторские иллюстрации.

Проект bulgakov.ru реализован UB Studio – группой молодых разработчиков и криэйторов, "содействующих представлению русской культуры в Интернете".

Справедливости ради стоит отметить, что энциклопедия действительно познавательна. Но действительно интересующимся биографией и творчеством писателя стоит ознакомиться, к примеру, с работой известного исследователя творчества Булгакова доктора филологических наук Б.В.Соколова. Книга называется "Три жизни Михаила Булгакова".

« Назад

22 января 2002 *Internet.ru*

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Дом-музей М. А. Булгакова в Киеве ~

Содержание: [предисловие] [часть 1] [часть 2]

Тексты: Юлия Вишневская, фото: Юрий Кузнецов

5 мая 2002 года создатели сайта bulgakov.ru Юлия Вишневская и Юрий Кузнецов в очередной раз совершили паломничество на родину М. А. Булгакова - в прекрасный город Киев. Цель нашей "командировки" - не только насладиться каштановым Крещатиком, послушать колокола Лавры и переплыть Днепр, но и, самое главное, - сделать накануне булгаковского 111-летия фоторепортаж из дома № 13 по Андреевскому спуску. Сегодня это единственный во всем бывшем СССР дом-музей Мастера и героев "Белой гвардии".

Дом Турбиных в Киеве стоит на Андреевском спуске, и народная тропа к нему вымощена мемориальной брусчаткой. По замыслу его основателя и главного хранителя Анатолия Кончаковского все вещи братьев Турбиных выкрашены в ирреальный белый цвет: белые шинели, белая гитара, белый самовар... Подлинные булгаковские предметы представлены в натуральном виде. В одной экспозиции совмещены две: мир героев романа и мир его автора.

Всем поклонникам Мастера, кто еще не бывал в киевском доме-музее Булгакова, мы очень советуем его посетить. Московский "ободранный" вариант ему и в подметки не годится: это настоящий, полноценный литературный мемориал.

Одев смешные белые тапочки и поднявшись по узкой лестнице на второй этаж, вы попадаете в мир молодого Михаила Булгакова - студента и начинающего врача. Вот стол, за которым он писал свои первые вещи. Вот его любимая лампа с зеленым абажуром, это семейные фотографии. Чернильница, канделябр, университетские учебники, пособия практического врача - кажется, что молодой хозяин сейчас вернется и расскажет вам замысел своего первого романа.

Но это и мир семьи Турбиных, списанный с мира семьи Булгаковых. Вот печка с Николкиными надписями и его гитара, а это страшная комната, где умирал Алексей Турбин. Когда заглядываешь туда, свет меркнет и все вещи начинают кружиться вокруг тебя, светит только Еленина лампадка…

Переполненный впечатлениями и ощущением, что ты - один из героев романа или друг семьи Булгаковых, покидаешь ты этот околдованный дом, в котором сохранился дух начала прошлого века. А с Андреевского холма, залитого сиренью и солнцем и увенчанного дивным храмом, открывается великоторжественный вид на Подол, на излучину могучей реки, на Царские сады, на заднепровские дали - на любимый Булгаковым и нами Город.

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Часть 1 ~

Содержание: [предисловие] [часть 1] [часть 2]

Тексты: Юлия Вишневская, фото: Юрий Кузнецов

Андреевский храм, венчающий одноименный холм. Пройдя от него вниз по Андреевскому спуску в сторону Подола, вы попадете в дом № 13. Рядом с храмом - киевский Монмартр.

Ресторанчик сразу за домом-музеем Булгакова. Бегемот выполнен на лучшем уровне, все остальное ничем не напоминает Булгакова и его героев. А жаль - было бы культовое место для всех поклонников Мастера. И уж ели бы мы там явно не краковскую колбасу...

Стоп! Нашли! Этот номер - самый нужный нам номер на Андреевском спуске!

А вот и сам дом-музей М. А. Булгакова. Весь этот дом занимала с 1906 по 1919 гг. семья Булгаковых. Здесь же жили и Турбины.

Мемориальная доска на доме. В Киеве Булгакова любят и постоянно перечитывают.

Добро пожаловать в музей!

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Часть 2 ~

Содержание: [предисловие] [часть 1] [часть 2]

Тексты: Юлия Вишневская, фото: Юрий Кузнецов

Граффити напротив дома Булгакова. Раньше здесь была какая-то помойка, а сейчас сюда ходят как в музей под открытым небом. Молодцы киевляне! Москва, бери пример!
увеличить фотографию

Часть граффити, изображающая Маргариту в день встречи с Мастером.

Сцена из романа "Мастер и Маргарита". Авторское прочтение.

Присяжнюк нарисовал это яркое панно на стене, прочитав сочинение Мастера. Рукописи не горят, они вдохновляют на новые шедевры!
увеличить фотографию

Граффити "Пожар Грибоедова"

Настенная фотография Булгакова. Он смотрит прямо на свой дом.

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Квартира-музей М. А. Булгакова в Москве ~

Содержание: [предисловие] [подъезд 1] [подъезд 2] [квартира 1] [квартира 2] [квартира 3] [квартира 4]

Тексты: Юлия Вишневская, фото: Юрий Кузнецов. 21 мая 2002

На Большой Садовой
Стоит дом здоровый.
Живет в доме наш брат
Организованный пролетариат.
И я затерялся между пролетариатом
Как какой-нибудь, извините за выражение,
Атом…

Квартира № 50 по Садовой, 10, по сравнению с киевским домом-музеем Булгакова, выглядит так, будто в ней только что закончился Великий бал у Сатаны. Причём с каждым нашим визитом мы убеждаемся, что положение к лучшему не меняется. Запущенный подъезд, который несколько оживляют рисунки булгаковских поклонников-ходоков, протекающий потолок со свисающей дранкой. Грязно, неуютно, и кажется, что Булгаков здесь никогда не жил, а только всё время шастала Аннушка со своим бидоном. Больно слышать и видеть, но это факт: квартира, в которой происходило действие самого загадочного романа XX века, квартира-реликвия, квартира-легенда - находится в ужасном состоянии и изменений к лучшему не предвидится.

Музея там практически нет. А если есть, то его можно заносить в книгу рекордов Гиннесса в раздел "Самая быстро меняющаяся экспозиция в мире". Бесплатный вход, абсолютная "ничейность" и заброшенность, а также известный культурный уровень посетителей сделали своё черное дело: большая часть булгаковских оригинальных вещей, связанных с этой квартирой, разворована. Голодные фанаты крадут даже постоянно восстанавливаемую хранителями музея куриную косточку из кармана Азазелло. Сейчас выставлять практически нечего: остались голые стены. Но и в них человек с хорошим воображением может представить себе похмельного Стёпу Лиходеева, увидевшего кота Бегемота с сосиской на вилке, Великий бал у Сатаны или Марго в чёрной хламиде прямо на голое тело. Ауру булгаковского закатного романа украсть невозможно.

Но ауру экспонировать не будешь, и поэтому здесь время от времени проводятся выставки художников, пишущих на темы булгаковские и далёкие от них; демонстрируются Les reminiscences - тексты воспоминаний Константина Паустовского, А. Бенуа, Елизаветы Викар, Анастасии Цветаевой, Георгия Иванова и Александра Грина; интересна фотовыставка "Москва Михаила Булгакова" С. Николаева, где представлены фотографии дома, где жила Маргарита, подвала Мастера, Патриарших прудов, камня Голгофа на Новодевичьем кладбище.

Отдельно стоит упомянуть презентацию уникального издания "Мастер и Маргарита" (Спб., Вита Нова, 2001) с великолепными иллюстрациями Геннадия Калиновского и комментариями Мариэтты Чудаковой. Роман в романе напечатан на белых страницах, остальные страницы - жёлтые.

Наиболее интересный экспонат сейчас в булгаковской квартире, на наш взгляд - это ксерокопии остатков дневника "Под пятой" и рукописи "Мастера и Маргариты", которые Булгаков порвал и сжёг.

Комната, где, собственно, и жил Мастер, теперь недоступна для осмотра. Там идёт затяжной ремонт. Вообще, как объяснила нам Инна Омаровна Мишина - ответственный секретарь неофициального Булгаковского фонда и хранитель музея - ремонт вряд ли когда будет окончен. Причина банальна: нет денег, и положение, которое занимает музей в квартире № 50, непрочно. Против Булгаковского фонда идут войной Швондеры из Фонда спасения Булгаковского дома - отбирают помещение, не пускают поклонников и всячески противодействуют. Да и правительству столицы не до квартиры-музея писателя, прославившего Москву в своих произведениях. Хотя 2002-й год и объявлен официально годом М. А. Булгакова, на ремонт квартиры № 50 по Большой Садовой не будет потрачено ни копейки. Имя Булгакова не присвоят хотя бы 4-й улице 8 марта (в Киеве уже давно есть улица Булгакова). Зато планируется обустроить Патриаршие пруды, построив там летние кафе под памятником Мастеру. Видно, ещё пустят на Патриарших трамвай.

Но Булгаковский фонд не опускает руки. В ближайших планах - организация булгаковского Молодёжного фонда и театра. Всё - собственными силами, чиновников и спонсоров, обжёгшись, боятся как огня. Но спонсоры, если хотят заслужить Свет, очень нужны.

Главное отличие московской квартиры от киевского дома - большая часть выставки создана руками булгаковских почитателей. Правильнее было бы назвать эту квартиру не музеем, а клубом. Люди приходят сюда нарисовать любимого персонажа на стене подъезда, на ней же излить свою душу, вести переписку в книге отзывов, встречаться на ступеньках под номером 50, преодолев препятствие в виде местных злобных бабулек и борзых детей, захлопывающих дверь у вас перед носом и просящих 50 рублей за вход в подъезд. Единственная проблема - клуб поклонников Мастера находится сейчас не в квартире, а в подъезде. Нехорошая квартира пуста и заполнена только нашим воображением.

Из письма Михаила Булгакова сестре Вере от 24 марта 1922 года: "…Самый ужасный вопрос в Москве - квартирный. Живу в комнате, оставленной мне по отъезде Андреем Земским. Больш. Садовая, 10, кв. 50. Комната скверная, соседство тоже, оседлым себя не чувствую, устроиться в нее стоило больших хлопот…"

Координаты музея-квартиры М. А. Булгакова для спонсоров: Москва, Б. Садовая, 10, кв. 50. Тел.: (095) 299 53 66 (13-18 ч.). Контактные лица: Чудакова М. О., Мишина И. О., Алексей.

Содержание: [предисловие] [подъезд 1] [подъезд 2] [квартира 1] [квартира 2] [квартира 3] [квартира 4]

Тексты: Юлия Вишневская, фото: Юрий Кузнецов. 21 мая 2002

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Подъезд ~

Содержание: [предисловие] [подъезд 1] [подъезд 2] [квартира 1] [квартира 2] [квартира 3] [квартира 4]

Тексты: Юлия Вишневская, фото: Юрий Кузнецов. 21 мая 2002

Тот самый дом на Б. Садовой с Нехорошей квартирой.

Мемориальная доска на доме № 10 по Б. Садовой.

Всем сомневающимся в существовании Дьявола.

Портрет Воланда. Неизвестный автор. Сажа, подъездная стена.

Так независимая группа Alldone представляет себе Азазелло.

Аннушка, заботливо разливающая масло на рельсы. По-моему, больше похоже на сестрицу Аленушку.

Настенная роспись на религиозный сюжет.

Кот Бегемот. Прямо как живой.

Содержание: [предисловие] [подъезд 1] [подъезд 2] [квартира 1] [квартира 2] [квартира 3] [квартира 4]

Тексты: Юлия Вишневская, фото: Юрий Кузнецов. 21 мая 2002

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций
Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы
Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи
Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта
Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Подъезд 2 ~

Содержание: [предисловие] [подъезд 1] [подъезд 2] [квартира 1] [квартира 2] [квартира 3] [квартира 4]

Тексты: Юлия Вишневская, фото: Юрий Кузнецов. 21 мая 2002

Верная Банга из Мытищ.

Фрагмент настенной фрески.

Фрагмент настенной фрески.

Рисунок на 3 этаже.

Фрагмент подъездной росписи.

Фрагмент настенной живописи.

Кот Бегемот с примусом.

Настенная философия.

Парадный вход в квартиру-музей Булгакова - Нехорошую квартиру.

Содержание: [предисловие] [подъезд 1] [подъезд 2] [квартира 1] [квартира 2] [квартира 3] [квартира 4]

Тексты: Юлия Вишневская, фото: Юрий Кузнецов. 21 мая 2002

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Квартира 1 ~

Содержание: [предисловие] [подъезд 1] [подъезд 2] [квартира 1] [квартира 2] [квартира 3] [квартира 4]

Тексты: Юлия Вишневская, фото: Юрий Кузнецов. 21 мая 2002

Плакат на входе в квартиру.

Стенд в первой комнате музея.

Первое, что вы видите при входе в московский музей Булгакова.

Мастер творит...

Стенды, посвященные биографии и драматургии Булгакова.

Азазелло с куриной косточкой в кармане.

Силуэт Повелителя Теней.

Закадычные друзья за стопочкой очень хорошего коньяку.

Михаилу Булгакову - 111. Оригинальное решение музея.

Панно-иллюстрация к роману.

Содержание: [предисловие] [подъезд 1] [подъезд 2] [квартира 1] [квартира 2] [квартира 3] [квартира 4]

Тексты: Юлия Вишневская, фото: Юрий Кузнецов. 21 мая 2002

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций
Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы
Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи
Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта
Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Квартира 2 ~

Содержание: [предисловие] [подъезд 1] [подъезд 2] [квартира 1] [квартира 2] [квартира 3] [квартира 4]

Тексты: Юлия Вишневская, фото: Юрий Кузнецов. 21 мая 2002

Отличный вместительный сундук... Экспонат музея.

Комод, где рождались картины первой пьесы Булгакова.

Театральная экспозиция.

Иллюстрация к "Мастеру и Маргарите".

Добро пожаловать... Комната в Нехорошей квартире, где жил Булгаков.

Оригинальное решение музея. Фото на кирпиче.

Ключевой экспонат в этой комнате. На первом плане - свитки с рукописями. На заднем - бутылки из-под Аннушкиного растительного масла.

Стилизация под уютный домашний быт.

Загадочная экспозиция, по-видимому, как-то связана с творчеством Булгакова...

Содержание: [предисловие] [подъезд 1] [подъезд 2] [квартира 1] [квартира 2] [квартира 3] [квартира 4]
Тексты: Юлия Вишневская, фото: Юрий Кузнецов. 21 мая 2002

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Квартира 3 ~

Содержание: [предисловие] [подъезд 1] [подъезд 2] [квартира 1] [квартира 2] [квартира 3] [квартира 4]

Тексты: Юлия Вишневская, фото: Юрий Кузнецов. 21 мая 2002

Beaux arts в булгаковской квартире.

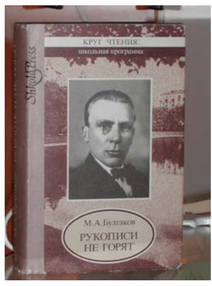
Les reminiscences.

А у нас фотография лучше! (на главной).

Собрание различных изданий булгаковских произведений.

Ксерокопии остатков дневника "Под пятой" и рукописи "Мастера и Маргариты", которые Булгаков порвал и сжег.

Собрание сочинений о М. Булгакове.



Пример одного из них.

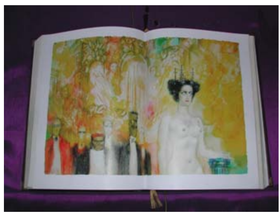
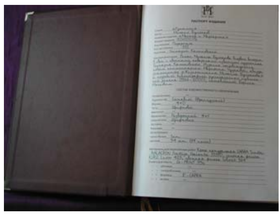


Иллюстрация Г. Калиновского к новому изданию "Мастера и Маргариты".



То самое уникальное издание "Мастера..." с рисунками Калиновского, комментариями Чудаковой и выделенным "романом в романе".

Две страницы из ранней редакции "Мастера и Маргариты" (1928), уничтоженной автором (1930) и реконструированной в начале 1970-х М. Чудаковой.

Содержание: [предисловие] [подъезд 1] [подъезд 2] [квартира 1] [квартира 2] [квартира 3] [квартира 4]

Тексты: Юлия Вишневская, фото: Юрий Кузнецов. 21 мая 2002

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

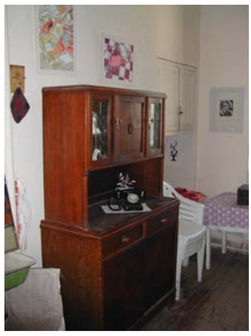
От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций
Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы
Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи
Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта
Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Квартира 4 ~

Содержание: [предисловие] [подъезд 1] [подъезд 2] [квартира 1] [квартира 2] [квартира 3] [квартира 4]

Тексты: Юлия Вишневская, фото: Юрий Кузнецов. 21 мая 2002

Реалии в московском музее Булгакова.



По этому телефону разговаривал сам Мастер. По нему же глумился над москвичами Коровьев-Фагот.

Печатная машинка Булгакова.

Диплом Михаила Афанасьевича. Свое медицинское образование он скрывал до конца жизни.

Портрет 1936 года.

Денежный дождь пролился и на Садовой, 10.

Официальный портрет М. А. Булгакова.

Абстракционистская обложка романа.

Вот что ждет тех, кто не убирает в музеях.

Содержание: [предисловие] [подъезд 1] [подъезд 2] [квартира 1] [квартира 2] [квартира 3] [квартира 4]

Тексты: Юлия Вишневская, фото: Юрий Кузнецов. 21 мая 2002

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ Булгаковед Л. Паршин: "Я открываю тайны Булгакова..." ~

Леонид Константинович Паршин - автор вышедшей в год столетия Булгакова книги **"Чертовщина в Американском посольстве в Москве, или 13 загадок Михаила Булгакова".**

Что побудило нас познакомить вас, наших читателей, с автором и его произведением? Эта книга выгодно отличается от многочисленных булгаковских биографий тем, что исследователю удалось получить информацию поистине сенсационную! Наконец нам доступна полная, неискаженная картина ранних лет жизни Булгакова - периода, который именитые литературоведы в один голос называли "темным". А ведь это едва ли не самая интересная и драматичная часть жизни Михаила Булгакова - что только он не пережил в бурные революционные годы до приезда в Москву в 1921-ом! Вы всё сами знаете… А вот и не знаете!

Правда о Булгакове - в книге Паршина. Домыслов здесь нет, это документ. Говорим это смело, ибо историю о жизни и творчестве Михаила Булгакова до 1924 года поведала Паршину не кто иной как верная спутница писателя, спасшая его от тифа и морфинизма, прошедшая с ним самый трудный период, - его первая жена Татьяна Николаевна Лаппа (по второму мужу - Кисельгоф). Тася была с Михаилом всюду, куда бросала его судьба - в Киеве при петлюровцах, в российской глуши, на Кавказе, в Москве. Она видела все, что происходило, слышала все, что говорилось. Уникальные воспоминания Т. Н. Кисельгоф теперь доступны нам благодаря Леониду Паршину. А он не останавливается на раскрытии одной тайны…

Булгаковская Энциклопедия еще не раз будет обращаться к материалам, добытым Леонидом Константиновичем. Как первая встреча с известным булгаковедом - это интервью.

1) Леонид Константинович, когда Вы "влюбились" в Булгакова? Что подтолкнуло Вас стать булгаковедом?

Если я что-то в чем-то понимаю, то здесь не один вопрос, а два.

1-а) Когда Вы "влюбились" в Булгакова?

В Булгакова я не "влюблялся". Лучше говорить о произведениях Булгакова. Впервые это было так.

Однажды 30 лет назад глубокой ночью я рыскал по грохочущему радиоэфиру в поисках "вражеских голосов". Глушилки работали вовсю, и только часа через два я нащупал слабый с английским акцентом знакомый голос. "Надо удержать до передачи новостей" - думал я, крутя ручки и щелкая переключателями. А голос мягко произносил что-то необычное и завораживающее:

Тут мне начало казаться по вечерам, что из белой страницы выступает что-то цветное. Присматриваясь, щурясь, я убедился в том, что это картинка. И более того, что картинка эта не плоская, а трехмерная. Как бы коробочка, и в ней сквозь строчки видно: горит свет и движутся в ней те самые фигурки, что описаны в романе…

Я замер и увидел, как в глубине радиоприемника возникает и освещается картинка… Глушилки вскоре перехватили канал, и я так и не узнал, что это был Михаил Булгаков, что это был "Театральный роман". Но эти несколько минут запомнил на всю жизнь.

Ни раньше, ни несколько лет после этого я не слышал фамилии "Булгаков" и не читал его произведений. Но однажды мне на одну ночь дали ксерокопию "Мастера и Маргариты". Далее все ясно.

1-б) Что подтолкнуло Вас стать булгаковедом?

"…ведом" нельзя стать от толчка. Это постепенный долгий процесс, редко завершающийся успешно. В его начале никто не знает, долог ли путь, куда и к чему приведет. В 1978 году я случайно наткнулся на фильм о Булгакове, и меня резанули сплошные нестыковки и недомолвки. Я почувствовал, что за каждым кадром - нераскрытая тайна. А к тайнам с детства питал большую слабость. Далее тоже все ясно.

2) Расскажите, пожалуйста, о Вашей литературно-критической деятельности, связанной с изучением булгаковского творчества.

Литературно-критической деятельностью я вообще не занимаюсь. В этой сфере я не специалист. Я только раскрываю тайны, и не только связанные с Булгаковым. Занимался расследованием секретных операций, сейчас больше занимаюсь загадками "необъяснимого" поведения человека.

3) Какие Ваши работы о Булгакове Вы посоветуете почитать юным булгаковедам?

Конечно, все. Не могу же я сказать: "Вот это не читайте - сплошная ахинея".

4) Кого Вы считаете корифеем в области булгаковедения? Перечислите, пожалуйста, имена литературоведов, занимающихся Булгаковым. Что нового обрело булгаковедение за последние 10 лет?

Ну, тут уже три вопроса.

4-а) Кого Вы считаете корифеем в области булгаковедения?

Я долго, опершись лапами, смотрел в зеркало. Себя, естественно. А еще кому же? Определенно, я.

4-б) Перечислите, пожалуйста, имена литературоведов, занимающихся Булгаковым.

Перечислить невозможно - столько их стало. Сплошные защиты диссертаций. А о дипломных и курсовых и говорить не приходится.

4-в) Что нового обрело булгаковедение за последние 10 лет?

Спокойствие. А если говорить о работах - повторю, что я не специалист. Не могу понять, кому нужна работа "Особенности пространственно-временного континуума в романе Булгакова "Мастер и Маргарита". Напомню записанные Ермолинским слова Булгакова о литературоведах: "…Ни читателю, ни писателю это абсолютно неинтересно. Они пишут друг для друга". С исследовательской точки зрения интересными и полезными кажутся появившиеся недавно полные звукозаписи воспоминаний первой жены Булгакова, Татьяны Николаевны Лаппа. Почему-то ни одна российская организация не пожелала их приобрести. Такое намерение высказали лишь Гарвардский и Таллиннский университеты и Библиотека Конгресса США.

5) Если не секрет, что Вы исследуете в творчестве Булгакова на данный момент? Ходят слухи, Вы проводите некую таинственную экспертизу... Можно поподробнее?

На данный момент - ничего. С экспертизой не совсем понятно, о чем речь. Мне давали три текста на предмет установления авторства Булгакова, но об этом не могу говорить подробно - материал частного собрания. Еще недавно закончил сравнительное компьютерное исследование психологии Булгакова и его литературных героев. В конце прошлого года этот доклад обнародован на международном симпозиуме в Бухаресте.

6) Какие у Вас еще увлечения и серьезные занятия, помимо Булгакова?

Плавание, турпоходы, психодиагностика, вкусная еда (побольше), вышивание гобеленов и все, что весело.

7) Как Вы относитесь к сегодняшнему "повышению спроса" на Булгакова? Будете ли Вы способствовать популяризации имени Михаила Афанасьевича? (поддерживаете ли Вы проекты создания серьезного музея, памятника писателю, называния московской улицы его именем и т.п.?)

Я положительно отношусь к сегодняшнему "повышению спроса" на Булгакова. Буду способствовать популяризации имени Михаила Афанасьевича (поддерживаю проекты создания серьезного музея, памятника писателю, называния московской улицы его именем и т.п.).

8) Что бы Вы хотели пожелать посетителям Булгаковской Энциклопедии?

Ничего. Глупо желать кому-нибудь то, чего хочешь ты. Может быть, он желает как раз обратного.

Редактирование текста (вопросов и ответов) запрещено.

© Леонид Паршин, 2002.

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

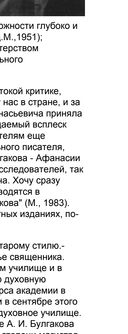
Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ Отец Мастера ~

Игорь Лазебник (1987)



После долгих лет неприятия и забвения Михаилу Афанасьевичу Булгакову - автору "Мастера и Маргариты", "Белой гвардии", "Театрального романа", "Бега", "Жизни господина де Мольера" и других произведений - отведено достойное место среди классиков советской литературы. Эта метаморфоза хорошо прослеживается по посвященным М. А. Булгакову статьям в различных изданиях Большой Советской Энциклопедии: "Такой характер устремлений ставит Булгакова на крайний правый фланг современной русской литературы, делая его художественным выразителем правобуржуазных слоев нашего общества" (БСЕ. 1-е изд.М.,1927); "в романе "Белая гвардия" (1924) пытался идеализировать белогвардейцев. Стремлением оправдать белогвардейщину отмечена также и написанная им позднее пьеса "Бег"... Ошибочные и во многом идейно-чуждые взгляды Булгакова не дали ему возможности глубоко и верно раскрыть и явления исторического прошлого" (БСЕ. 2-е изд.М.,1951); "Булгаков- драматург и повествователь - владел отточенным мастерством реалистической техники, сатиры, гибкой, живой речи и стремительного сюжета" (БСЕ. 3-е изд.М.,1971).

Если ранее произведения М.А. Булгакова либо подвергались жесткой критике, либо замалчивались, то в настоящее время имя восторгаются и у нас в стране, и за рубежом, а публикация романов и постановка пьес Михаила Афанасьевича приняла лавинообразный характер. Вследствие этого естественен наблюдаемый всплеск интереса к личности М.А. Булгакова, к его биографии. Исследователям еще предстоит во всем многообразии описать жизнь этого замечательного писателя, Мастера. Думаю, что собранный мной материал об отце М.А. Булгакова - Афанасии Ивановиче - может представлять интерес как для этих будущих исследователей, так и для широкого круга почитателей таланта Михаила Афанасьевича. Хочу сразу сделать оговорку, что некоторые сведения об А.И. Булгакове приведены в прекрасной книге Л.М. Яновской "Творческий путь Михаила Булгакова" (М., 1983). Однако материал, найденный мной в уникальных книжных и газетных изданиях, по-моему, значительно дополняет эти сведения.

Афанасий Иванович Булгаков родился 21 апреля (все даты - по старому стилю.- Авт.) в селе Бойтичи Брянского уезда Орловской губернии, в семье священника. Начальное и среднее образование получил в Орловском духовном училище и в Орловской духовной семинарии. В 1881 году поступил в Киевскую духовную академию на церковно-историческое отделение. По окончании курса академии в 1885 году А. И. Булгаков получил степень кандидата богословия и в сентябре этого года был назначен учителем греческого языка в Новочеркасское духовное училище. 27 мая 1887 года совет Киевской духовной академии за сочинение А. И. Булгакова "Очерки истории методизма" (Киев, 1886) признал его достойным степени магистра богословия. 21 августа того же года Афанасий Иванович указом синода был утвержден в этой степени. С 20 сентября 1887 года и почти до самого последнего своего дня А. И. Булгаков служит в Киевской духовной академии. С 29 октября 1887 года Афанасий Иванович - доцент кафедры древней гражданской истории, с 17 января 1889 года - доцент кафедры истории и разбора западных исповеданий, а с 21 марта 1902 года - экстраординарный профессор этой же кафедры. 11 декабря 1906 года за сочинения "Старокатолическое и римско-католическое богословие и его отношение к римско-католическому богослужению и вероучению" (Киев, 1901) и "О законности и действительности английской иерархии с точки зрения православной церкви" (Киев, 1906) совет академии удостоил А. И. Булгакова степени доктора богословия и ходатайствовал перед синодом о присуждении Афанасию Ивановичу звания ординарного профессора. 8 февраля 1907 года это ходатайство было удовлетворено. Одновременно со службой в академии А. И. Булгаков с 1890 по 1892 год состоял преподавателем истории в Киевском институте благородных девиц, а с 1893 года и до самой своей смерти исполнял обязанности киевского отдельного цензора по иностранной литературе. По гражданской службе Афанасий Иванович в соответствии с установленной Петром I табелью о рангах имел звание статского советника (V класс табели о рангах; для сравнения: генерал-майор- IV класс, а полковник- VI класс табели о рангах).

Профессор А.И. Булгаков имел незаурядные способности и обладал редким трудолюбием. Кроме большого количества статей и отдельных брошюр, написанных им на религиозные темы, Афанасий Иванович перевел с латинского языка на русский многие произведения так называемых "отцов церкви" - блаженного Августина, Иеронима и других, принимал активное участие в работе Киевского религиозно-просветительного общества, читал лекции в различных собраниях, исполняя обязанности присяжного заседателя в окружном суде. В хранящихся в Российской государственной библиотеке сборниках "Извлечение из журналов Совета Киевской Духовной Академии" за 1903-1908 годы имя А. И. Булгакова упоминается многократно. Здесь отражены и его работа в различных комиссиях совета академии, и отзывы А. И. Булгакова на сочинения его коллег и студентов академии, и отзывы на работы самого Афанасия Ивановича, и многие другие грани его педагогической и научной деятельности.

Для характеристики А. И. Булгакова интересны, на мой взгляд, следующие отрывки из его отзывов на сочинения студентов IV курса академии (сочинения были представлены на соискание степени кандидата богословия). "История, как и всякая наука, должна быть объективна. Но это - идеал, и как идеал является для исследователей недостижимым потому, что историк не обладает одним из главнейших средств для объективного исследования и изложения приобретенного материала: он не может непосредственно наблюдать его и не может производить опытных исследований; он имеет дело с материалом, добытым другими и прошедшим иногда через очень многие руки. Таким образом, при самом искреннем желании быть объективным автор-историк не имеет в своем распоряжении данных для этого". "Современные интеллигенты хотят, чтобы Церковь выступила вместе с ними на социально-политическую борьбу, направленную к развитию так называемых свободных учреждений, - на борьбу под знаменем, на котором написаны подменennые Западом девизы: "равенство, братство и свобода". Они прекрасно понимают, что это противно духу Церкви и что ее представители не могут это сделать. Вот где причина разлада и разрыва с Церковию современной интеллигенции". "Желательно было бы, чтобы автор более ясно выразил и обосновал мысль о том, что социализм есть порождение римского католицизма, ввиду возможного возражения, что социализм и его теории осуждены главами римско-католического мира, как не имеющие под собою христианских основы... Не является ли социализм - как и протестантизм - реакцию против социальных воззрений римского католицизма..."

31 августа 1904 года за статьи "Церковь и её отношение к прогрессу", "Предположение о принятии еще одного догмата в римско-католическую догматику" и "Современное франкмасонство в его отношении к церкви и государству", помещенные в 1903 году в сборнике "Труды Киевской Духовной Академии", А. И. Булгаков был удостоен наставнической Макарьевской премии. Эта премия (250 рублей), установленная московским митрополитом Макарием (М. П. Булгаковым) в его посмертном завещании, была присуждена Афанасию Ивановичу также 19 сентября 1906 года за работы "Французское духовенство в конце XVIII в." (Киев, 1905) и "О законности и действительности английской иерархии с точки зрения православной церкви" (Киев, 1906). Первая из указанных работ являлась попыткой определить на основе исторических параллелей место духовенства в связи с революционными событиями 1905 года. Последняя из названных работ А. И. Булгакова 12 марта 1907 года, за два дня до смерти её автора, была выдвинута на присуждение наиболее почетной премии академии, юбилейной премии имени митрополита Макария, - ежегодной премии "За лучшие сочинения по всем наукам академического курса", учрежденной митрополитом Макарием в день юбилея Киевской духовной академии, 28 сентября 1869 года. 4 сентября 1907 года, уже после смерти Афанасия Ивановича, указанная его работа была удостоена половинной юбилейной премии имени митрополита Макария. Присуждение половинной премии мотивировалось тем, что работа "с одной стороны, представляет выдающиеся научные достоинства, а с другой, являясь трудом далеко не законченным, выполняющим лишь небольшую часть намеченного успешим автором плана исследования" (из протокола собрания совета Киевской духовной академии). Денежное содержание премии (400 рублей) было выдано семье покойного профессора.

Афанасий Иванович отличался отменным здоровьем. Тем неожиданнее было почувствованное им в мае 1906 года серьезное недомогание. Болезнь резко прогрессировала. Уже в августе того же года она привела к потере зрения и общему значительному ухудшению состояния А.И. Булгакова. Врачи констатировали хроническое заболевание почек (от этой же болезни впоследствии умер и М. А. Булгаков). Проведенное киевскими врачами, а затем и их московскими коллегами интенсивное лечение не привело к желаемому результату. 10 марта 1907 года Афанасий Иванович подал прошение об отставке: "Состоя около 22 лет на духовно-учебной службе и работая на этом поприще не щадя своих сил, я получил серьезное расстройство своего здоровья, которое, несмотря на принятые мною меры, не поддается лечению. Находясь в данное время в тяжелом болезненном положении, лишающем меня не только возможности продолжать службу, но и обходиться без постороннего посторонняго ухода, покорнейше прошу Совет Киевской Духовной Академии ходатайствовать перед Святейшим Синодом о назначении мне полного оклада пенсии, причитающейся ординарному профессору за тридцатилетнюю службу, в размере 3000 рублей". Совет академии ходатайствовал перед Синодом о назначении А.И. Булгакову пенсии в указанном размере. Однако получать ее пришлось уже вдове профессора. 14 марта 1907 года, в 9 часов утра Афанасий Иванович скончался.

А. И. Булгаков был похоронен в Киеве, на Старом Байковом кладбище, рядом с могилой своего младшего брата, умершего на несколько лет раньше. На траурной церемонии присутствовали преподаватели и студенты академии, духовенство, друзья и близкие покойного, его сослуживцы по цензурному комитету. Из речи исполняющего обязанности ректора академии профессора В. П. Рыбинского: "В бытность свою на школьной скамье Афанасий Иванович, по отзывам товарищей, пользовался любовью за свою простоту, общительность, готовность войти в товарищескиe интересы и поделиться своими знаниями. Искренними симпатиями Афанасий Иванович пользовался и среди своих сослуживцев... В товарищеском кругу Афанасий Иванович был простой человек, чуждый зависти и того мелочного самолюбия, которое столь часто является источником печальных недоразумений". Из прощального слова профессора Д. И. Богдашевского: "Не послал тебе Господь богатства материального, но дал тебе то, что бесконечно выше и превосходнее такого рода преимуществ,- послал тебе счастливейшую семейную жизнь. Хорошая семья всегда, а особенно в нынешнее время,- это истинная святыня. И мы видели и восторгались красотою почившего как семьянина. В твоей семье, этой поистине "малой церкви", среди твоих прекрасных детей, я всегда находил истинную отраду, освежение и ободрение... "Отпусти", - вот последнее твое предсмертное слово своей горячо любящей тебя и горячо любимой тобою супруге".

В заключение хочу отметить следующее. Известным библиографом и историком литературы С. А. Венгеровым была проделана большая работа по составлению биографических словарей русских писателей и ученых. При подготовке этих изданий С. А. Венгеров обратился с просьбой прислать свои автобиографии к деятелям литературы и науки. Значительное их число откликнулось на эту просьбу. С. А. Венгеров писал, что у него имеется около 3500 автобиографий объемом от 10-20 строк до 40-50 страниц. В списке лиц, приславших свои автобиографии, под номером 1419 значится Булгаков Афанасий Иванович (см.: Венгеров С. А. Предварительный список русских писателей и ученых и первые о них справки. Пг., 1915). Это означает, что в еще не разобранном колоссальном архиве С. А. Венгерова, хранящемся в Петербурге, в Пушкинском доме, есть и автобиография А. И. Булгакова. Поэтому не исключены новые интересные находки...

При подготовке данного материала, кроме упоминавшихся, были использованы мною следующие источники: Труды Киевской Духовной Академии (Киев, 1907,Т.2, кн. 5; кстати, здесь между страницами 132 и 133 приведен портрет А.И. Булгакова), газеты "Киевлянин" за 15 и 18 марта 1907 года и "Киевская мысль" за 15 марта 1907 года.

Послесловие автора

Эта статья была написана в 1987 году. Я предлагал её последовательно редакциям нескольких советских журналов. Статью брали, но через какое-то время возвращали обратно. В одной редакции мне заявили, что сейчас все материалы должны быть посвящены празднованию 70-летия Великого Октября. В другой посоветовали написать об огромных достижениях советской промышленности. В третьей сказали, что данный материал не является актуальным... В редакции "Альманаха Библиофила" статьей заинтересовались и собирались опубликовать её в ближайшем выпуске. По разным причинам произошла задержка на несколько лет... Статья (вместе с упомянутым выше и приведенным здесь портретом А.И. Булгакова) была опубликована в 28 Альманахе Библиофила (Москва, Книголюб, 1993).

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ 1901-1910 ~

Дела и дни: [1891-1900] [1901-1910] [1911-1920] [1921-1930] [1931-1940]

1901 г.
22 августа - после окончания приготовительного класса начинает учебу в первом классе Первой киевской мужской Александровской гимназии (Бибиковский бульвар,14).

1902 г.
Переезд Булгаковых на Прозоровскую улицу, 10.
19 марта - рождение сестры Булгакова Елены. Покупка Булгаковыми земли и строительство дачи в поселке Буча под Киевом, где теперь семья регулярно проводит летние месяцы.

1904 г.
Переезд Булгаковых на Ильинскую улицу,5/8.

1905 г.
Переезд Булгаковых в Кудрявский переулок,10.

1906 г.
Переезд Булгаковых в Дионисьевский переулок, 4.

1907г.
Переезд Булгаковых на Андреевский спуск,13 (кв. 2).
14 марта - смерть отца, А. И. Булгакова, от нефросклероза. Похоронен на Байковом кладбище в Киеве.

1908 г.
Лето - знакомство Булгакова с саратовской гимназисткой Татьяной Николаевной Лаппа, дочерью управляющего Казенной палаты, приехавшей в Киев на каникулы.

1909 г.
Май - Булгаков оканчивает Первую Александровскую гимназию.
8 июня - получает аттестат зрелости.
17 июля - подает прошение ректору Киевского университета о зачислении студентом медицинского факультета.
21 августа - Булгаков зачисляется студентом медицинского факультета Киевского университета.

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ 1911-1920 ~

Дела и дни: [1891-1900] [1901-1910] [1911-1920] [1921-1930] [1931-1940]

1911 г.
Декабрь - поездка Булгакова вместе с Т. Н. Лаппа к ее родителям в Саратов.

1912/15 г.
Повторное обучение Булгакова на втором курсе университета.

1912 г.
Лето - поездка Булгакова в Саратов. 20 августа - возвращение в Киев вместе с Т. Н. Лаппа.

1915 г.
26 апреля - венчание Булгакова с Т, Н. Лаппа в Киево-Подольской церкви Николы Доброго. Венчал их друг семьи Булгаковых о. Александр Глаголов.
Апрель - Булгаков и Т. Н. Лаппа снимают квартиру на Рейтарской, 25.
Осень - переезжают на Андреевский спуск, 38.

1914 г.
Лето - после начала 19 июля первой мировой войны Булгаков помогает организовать при Казенной палате в Саратове лазарет для раненых и работает там врачом.
Осень - возвращается в Киев для продолжения занятий в университете.

1915 г.
Конец апреля - начало мая - Булгаков изъявляет желание служить врачом в морском ведомстве, однако признается негодным к несению военной службы по состоянию здоровья.
18 мая - с разрешения ректора университета Булгаков поступает на работу в Киевский военный госпиталь на Печерске.

1916 г.
Февраль - март - успешная сдача Булгаковым университетских выпускных экзаменов.
6 апреля - Булгакову выдано "Временное свидетельство" об окончании университета.
Май - сентябрь - работа врачом в прифронтовых госпиталях городов Каменец-Подольска и Черновиц.
16 июля - Булгаков зачисляется "врачом резерва Московского военно-санитарного управления" для откомандирования в распоряжение смоленского губернатора с целью работы в земствах.
29 сентября (по другим данным - 27 сентября) - начало работы врачом Никольской земской больницы Сычевского уезда Смоленской губернии.
31 октября - получение Булгаковым в Киевском университете диплома об утверждении "в степени лекаря с отличием со всеми правами и преимуществами, законами Российской Империи сей степени присвоенными".
Первые литературные опыты Булгакова.

1917 г.
Февраль - поездка в Саратов к родителям жены, где в конце февраля - начале марта Булгаков узнает о Февральской революции.
7 марта - Булгаков приезжает в Киев и забирает в канцелярии университета диплом и другие документы.
Конец марта - возвращается в Никольское.
Лето - начало регулярного употребления Булгаковым морфия после того, как он вынужден был сделать себе прививку от дифтерита, опасаясь заражения вследствие проведенной трахеотомии у больного ребенка; начавшийся сильный зуд стал заглушать морфием, и в результате употребление наркотика вошло в привычку. 18 сентября - разрешение на перевод Булгакова в Вяземскую городскую земскую больницу заведующим инфекционным и венерическим отделением; он получает удостоверение Сычевской уездной земской управы о том, что "зарекомендовал себя энергичным и неутомимым работником".
20 сентября - начало службы в Вяземской больнице.
Осень - начало работы над циклом автобиографических рассказов о медицинской практике в Никольской больнице.
Декабрь - поездка Булгакова к родным в Москву и к родителям жены в Саратов.

1918 г.
19 февраля - Булгаков освобожден от военной службы по болезни.
22 февраля - получает от Вяземской уездной земской управы удостоверение в том, что "выполнял свои обязанности безупречно".
Конец февраля - возвращение Булгакова с женой в Киев, где они поселяются в родительском доме (Андреевский спуск, 13, кв. 2).
Весна - Булгаков избавляется с помощью второго мужа матери врача Ивана Павловича Воскресенского от морфинизма и открывает частную практику как венеролог.
14 декабря - по воспоминаниям Булгакова, записанным его другом философом и литературоведом Павлом Сергеевичем Поповым, "был на улицах города. Пережил близкое тому, что имеется в романе" ("Белая гвардия"). В этот день в город вошли войска Украинской Директории во главе с С. В. Петлюрой, а Булгаков в составе офицерской дружины безуспешно пытался защитить правительство гетмана П. П. Скоропадского.

1919 г.
Начало февраля - мобилизация Булгакова как военного врача в армию Украинской Народной Республики.
В ночь на 3 февраля - при отступлении украинских войск из Киева Булгаков успешно дезертирует.
Лето - начало осени - Булгаков пишет "Наброски земского врача" (раннюю редакцию цикла "Записки юного врача") и рассказы "Недуг" и "Первый цвет".
Конец августа - Булгаков предположительно мобилизован в Красную Армию в качестве военного врача и вместе с ней покидает Киев. 14-16 октября - вместе с частями Красной Армии возвращается в Киев, в ходе боев на улицах города переходит на сторону Вооруженных сил Юга России (или попадает к ним в плен); становится военным врачом (начальником санитарного околотка) 3-го Терского казачьего полка.
Конец октября или начало ноября - прибытие Булгакова на Северный Кавказ.
Ноябрь - в составе 3-го Терского казачьего полка Булгаков в качестве военного врача участвует в походе на Чечен-аул и Шали-аул против восставших чеченцев.
26 ноября - первая публикация Булгакова - фельетон "Грядущие перспективы" в газете "Грозный".
Конец ноября или начало декабря - приезд Булгакова во Владикавказ, работа в военном госпитале.
Конец декабря - Булгаков оставляет службу в госпитале и вообще занятия медициной, начинает работать журналистом в местных газетах.

1920 г.
18 января - публикация фельетона "В кафэ" в "Кавказской газете" (Владикавказ).
18 февраля - публикация в "Кавказской газете" фельетона (или рассказа) с подзаголовком "Дань восхищения" (предположительное название произведения - "Юнкер").
28 февраля - выход во Владикавказе первого номера ежедневной газеты "Кавказ", среди сотрудников которой объявлен Булгаков.
Конец февраля или начало марта - Булгаков заболевает возвратным тифом (болезнь продолжается до начала апреля).
Начало апреля - работа заведующим литературным отделом (Лито) подотдела искусств Владикавказского ревкома.
Конец мая - Булгаков становится заведующим театральным отделом (Тео) подотдела искусств.
Весна - лето - параллельно с работой в Лито и Тео Булгаков читает лекции перед спектаклями оперной и драматической труппы местного Русского театра, пишет пьесу "Самооборона" (юмореска в одном действии).
4 июня - премьера пьесы "Самооборона" на сцене Первого Советского театра Владикавказа.
1 июля - Булгаков выступает с докладом на диспуте о Пушкине.
Июль - август - пишет "большую четырехактную драму" "Братья Турбины (Пробил час)".
Сентябрь - преподает в Народной драматической студии Владикавказа.
21 октября - премьера пьесы "Братья Турбины (Пробил час)" в Первом Советском театре Владикавказа.
28 октября - Комиссия по обследованию деятельности подотдела искусств резко критикует деятельность этого учреждения.
25 ноября - Булгаков вместе с заведующим писателем Юрием Львовичем Слезкиным и еще двумя сотрудниками изгоняется из подотдела искусств.
Ноябрь - декабрь - Булгаков работает над комедией-буфф "Глиняные женихи (Вероломный папаша)", которая так и не была поставлена. В это время Булгаковы живут на Слепцовской улице, 9, кв. 2.

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

Жаут!

bulgakov.ru

Булгаковская энциклопедия

рукописи не горят

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций
Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы
Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи
Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта
Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ 1921-1930 ~

Дела и дни: [1891-1900] [1901-1910] [1911-1920] [1921-1930] [1931-1940]

1921 г.
Конец января - начало февраля - за 10 дней Булгаков создает пьесу "Парижские коммунары", принятую к постановке в местном театре. Посылает три пьесы: "Самооборону" "Братья Турбины" и "Парижские коммунары" в Москву на конкурс в Мастерскую коммунистической драматургии, но безрезультатно. Одновременно работает над романом по канве раннего наброска "Недуг".
Середина марта - премьера пьесы "Парижские коммунары" в Первом Советском театре Владикавказа.
1 апреля - публикация во владикавказской газете "Коммунист" фельетона "Неделя просвещения".
Конец апреля - начало мая - совместно с юристом Туадженом Пейзулаевым, кумыком по национальности, Булгаков пишет пьесу "Сыновья муллы".
15 мая - открытие Горского Народного художественного института во Владикавказе. Булгаков приглашен на должность декана театрального факультета. Премьера пьесы "Сыновья муллы" на сцене Первого Советского театра в исполнении актеров-любителей.
26 мая - отъезд Булгакова в Тифлис (Тбилиси) через Баку.
Июнь - жизнь в Тифлисе, безуспешные попытки поставить свои пьесы на местной сцене.
Конец июня - отъезд Булгакова с женой в Батум (Батуми).
Июль - август - попытки Булгакова отплыть в Константинополь или найти литературный заработок в Батуме.
Первая половина сентября - отъезд Булгакова из Батума в Киев (до Одессы - пароходом).
17 сентября - прибытие Булгакова в Киев.
24 сентября - делает первые наброски инсценировки романа Льва Толстого "Война и мир".
28 сентября, ночью - приезд Булгакова в Москву. Вместе с прибывшей сюда ранее в сентябре женой поселяется в Тихомировском студенческом общежитии Первого медицинского института (Малая Пироговская улица, 18).
Конец сентября - Булгаковы переезжают в квартиру при детском саде печатников "Золотая рыбка" (Воротниковский переулок, 1, кв. 2) к родственникам Надежды Андреевны Земской, жены сестры Булгакова (жена брата А. М. Земского Бориса Мария Даниловна заведовала детским садом и имела при нем квартиру).
30 сентября - Булгаков подает заявление о зачислении в Литературный отдел (Лито) Главполитпросвета Наркомпроса (Сретенский бульвар, 6, кв. 65).
1 октября - Булгаков зачисляется на должность секретаря Лито.
Начало октября - Булгаков с женой въезжают в комнату А. М. Земского (Большая Садовая улица, 10, кв. 50) (Земский в это время уехал в Киев).
Октябрь - ноябрь - Булгаков работает секретарем Лито: протоколирует заседания, составляет лозунги о помощи голодающим Поволжья, выпускает поэтические сборники классиков и др. Пишет фельетоны "Евгений Онегин", и "Муза мести" (о поэте Николае Некрасове). Эти фельетоны при жизни Булгакова не были опубликованы. Задумывает историческую драму о Николае II и Г. Е. Распутине.
Ноябрь - с помощью руководительницы Главполитпросвета Н. К. Крупской Булгаков и его жена прописываются в квартире №50 дома 10 по Б. Садовой.
23 ноября - в связи с расформированием Лито Булгаков объявляется уволенным с 1 декабря.
Конец ноября - поступает заведующим хроникой в ежемесячную газету "Торгово-промышленный вестник".
Ноябрь - декабрь - Булгаков диктует машинистке И. С. Раабен первую часть повести "Записки на манжетах".

1922 г.
13 января Булгаков пишет фельетон "Торговый ренессанс (Москва в начале 1922 года)" и отсылает его в Киев к сестре Наде с просьбой пристроить его в местной прессе. При жизни писателя фельетон не был опубликован.
Середина января - закрытие газеты "Торгово-промышленного вестника".
1 февраля - в Киеве от сыпного тифа умерла мать, В. М. Булгакова. Похоронена на Байковом кладбище.
4 февраля - публикация в газете "Правда" репортажа "Эмигрантская портняжная фабрика". Это первое булгаковское произведение, появившееся в московской прессе.
Февраль - март - служба Булгакова заведующим издательской частью в Военно-редакционном совете Научно-технического комитета Военно-воздушной академии им. Н. Е. Жуковского.
Конец февраля - Булгаков устраивается репортером в газету "Рабочий".
1 марта - в первом номере газеты "Рабочий" репортаж "Когда машины спят. 1-я ситцевая фабрика в Москве" под псевдонимом "Михаил Булл". С марта по сентябрь здесь опубликовано 29 булгаковских репортажей и статей под различны ми псевдонимами (М. Б., Булл., М. Булл., Михаил Булл, и др.).
Начало марта - Булгаков пишет рассказ "Необыкновенные приключения доктора".
Март - Булгаковы сближаются со знакомыми Земских - Верой Федоровной и Иваном Павловичем Крешковыми, бывают у них в доме на Патриарших прудах (Малая Бронная, 32, кв. 24); там проводятся спиритические сеансы.
Начало апреля - Булгаков поступает обработчиком писем в газету "Гудок", позднее становится штатным фельетонистом.
12 апреля - публикация первого репортажа в "Гудке" "У курян", подписанного М. Б. Всего за 1922-1926 гг. в "Гудке" было напечатано более 120 булгаковских репортажей, очерков и фельетонов.
Май - начало сотрудничества в берлинской газете "Накануне" и, в частности, в ее "Литературном приложении". В начале мая Булгаков упоминается среди предполагаемых авторов "Накануне".
Конец мая - начало июня - публикация в №2 московского журнала "Рупор" рассказа "Необыкновенные приключения доктора".
18 июня - публикация глав из 1-ой части "Записок на манжетах" в "Литературном приложении" к "Накануне".
Июль - публикация рассказа "Спиритический сеанс" в №4 журнала "Рупор". Прототипами главных героев послужили супруги Крешковы, что привело к разрыву их отношений с Булгаковым. **Лето** - посещение Булгаковым подмосковного имения князей Юсуповых Архангельское и возникновение замысла рассказа "Ханский огонь".
30 июля - публикация очерка "Москва краснокаменная.1. Улица" в газете "Накануне".
24 сентября - публикация фельетона "Похождения Чичикова" в "Литературном приложении" к "Накануне".
Октябрь - ноябрь - Булгаков направляет письма в ряд периодических изданий с просьбой к писателям прислать ему сведения о себе для планируемого библиографического "Словаря русских писателей"; семь из этих писем публикуются (в "Правде", "Известиях", "Накануне" и др.), однако словарь так и не был составлен.
22 октября - публикация рассказа "Красная корона" в "Литературном приложении" к "Накануне".
Осень - участие в заседаниях литературного кружка "Зеленая лампа" (на Малой Дмитровке). Здесь Булгаков читает рассказы, а позднее - главы романа "Белая гвардия", повести и пьесы.
7 декабря - сообщение газеты "Накануне", что 13 писателей, включая Булгакова, работают над большим коллективным романом о гражданской войне в России; роман так и не был написан.
Портрет М. А. Булгакова, сделанный художником А. Куренным на заседании "Никитинских субботников" 22 декабря 1923 г.
10 декабря - публикация рассказа "В ночь на 3-е число" с подзаголовком " Из романа "Алый мах"". Этот рассказ представлял собой фрагмент ранней редакции романа "Белая гвардия".
21 декабря - начало публикации цикла очерков "Столица в блокноте" в газете "Накануне". Продолжение цикла последовало 20 января, 9 февраля и 1 марта.
Декабрь - публикация рассказа "N 13 - Дом Эльпит-Рабкоммуна" в №2 ленинградского "Красного журнала для всех" и статьи "Юрий Слезкин: Силуэт" в №12 берлинского журнала "Сполохи". Знакомство Булгакова с адвокатом Давидом Александровичем Кисельгофом, будущим третьим мужем первой булгаковской жены, и с супругами Коморскими: юристом Владимиром Евгеньевичем и Зинаидой Васильевной. У последних, живших в Малом Козихинском переулке, 12, кв. 12, писатель часто бывал.
31 декабря - публикация в "Литературном приложении" к "Накануне" фельетона " Чаща жизни".

1923 г.
Январь - публикация 2-й части "Записок на манжетах" в московском журнале "Россия".
14 января - чтение Булгаковым "Записок на манжетах" на заседании литературного общества "Никитинские субботники".
Январь - февраль - работа над первой частью романа "Белая гвардия" (рабочее название - "Желтый прапор"); выступления Булгакова в различных литературных кружках. Неудачная попытка создать журнал "Ревизор", на издание которого так и не удалось получить разрешения.
19 февраля - Булгаков вступает в профсоюз работников просвещения (секция работников печати) в качестве обработчика газеты "Гудок".
15 марта - публикация очерков "КАЭНПЕ и КАПЕ" и "В школе городка III Интернационала" в №4 московского журнала "Голос работника просвещения".
15 апреля - публикация очерков "Сорок сороков" в газете "Накануне" и "1-я детская коммуна" в №5-6 журнала "Голос работника просвещения".
20 апреля - вступление Булгакова во Всероссийский Союз писателей (в этот день ему выдан членский билет).
21 апреля - командирован в Киев газетой "Накануне" и пробыл там до 10 мая.
6 мая - публикация рассказов "Китайская история" в "Иллюстрациях "Петроградской правды"" и "Московские сцены. 1. На передовых позициях" в "Литературном приложении" к "Накануне".
12 мая - Булгаков возвращается из Киева в Москву и принимает участие в демонстрации протеста против ультиматума британского министра иностранных дел лорда Керзона советскому правительству.
19 мая - публикация очерка "Бенефис лорда Керзона" в "Накануне".
25 мая - публикация очерка "Путевые заметки. Скорый №7 "Москва - Одесса"" в "Накануне".
30 мая - Булгаков участвует в литературном вечере, устроенном на квартире Коморских в честь приехавшего из Берлина писателя Алексея Николаевича Толстого.
15 июня - публикация очерка "Птицы в мансарде" в №7-8 журнала "Голос работника просвещения".
20 июня - публикация очерка "Комаровское дело" в "Накануне".
6 июля - публикация очерка "Киев-город" в "Накануне".
15 июля - публикация цикла сатирических миниатюр "Самоцветный быт. Из моей коллекции" в "Литературном приложении" к "Накануне".
29 июля - публикация фельетона "Самогонное озеро" в газете "Накануне".
16 августа - публикация очерка "Шансон д'Этэ" в "Накануне".
31 августа - в письме своему тогдашнему другу писателю Юрию Слёзкину Булгаков сообщает об окончании повести "Дьяволиада" и завершении вчерне романа "Белая гвардия": "Роман я кончил, но он еще не переписан, лежит грудой, над которой я много думаю. Кое-что исправлю".
Лето - знакомство с секретарем издательства "Недра" П. Н. Зайцевым на чтении Юрием Слезкиным повести "Шахматный ход" у Коморских.
2 сентября - публикация фельетона "День нашей жизни" в "Накануне".
23 сентября - публикация рассказа "Псалом" в "Накануне".
30 сентября - начало публикации в газете "Накануне" цикла очерков о Всероссийской сельскохозяйственной выставке в Москве под названием "Золотистый город". Продолжение последовало 6,12 и 14 октября.
Середина октября - знакомство Булгакова с главой издательства и альманаха "Недра" Н. С. Ангарским. Передача в "Недра" повести "Дьяволиада".
17 октября - публикация первого фельетона в "Гудке" "Беспокойная поездка. Монолог начальства. (Не сказка, а быль)"; подпись "Герасим Петрович Ухов", пародировала ГПУ, что не было замечено сотрудниками "Гудка".
26 октября - согласно дневниковой записи Булгакова, в издательстве "Недра" П. Н. Зайцев сообщает, что "повесть моя "Дьяволиада" принята, но не дают больше, чем 50 рублей за лист. И денег не будет раньше следующей недели. Повесть дурацкая, ни к черту не годная. Но Вересаеву (он один из редакторов "Недр") очень понравилась".
1 ноября - публикация фельетона "Тайны Мадридского двора" в "Гудке" за подписью "Г. П. Ухов", аналогичной той, какой был подписан предыдущий фельетон "Беспокойная поездка". На этот раз сотрудники редакции расшифровали псевдоним, что вызвало у них легкую панику.
22 декабря - на заседании литературного общества "Никитинские субботники" художник А. А. Куренной рисует портрет Булгакова.

1924 г.
1 января - публикация глав 1-й части "Записок на манжетах" в "Бакинском рабочем".
Начало января - участие Булгакова в вечере, устроенном издателями "Накануне" в Бюро обслуживания иностранцев (Бюробин) в особняке в Денежном переулке. Знакомство на вечере с недавно вернувшейся из-за границы Любовью Евгеньевной Белозерской, будущей второй женой.
24 января - Булгаков прощается с телом В. И. Ленина в Колонном зале Дома Союзов.
Начало февраля - публикация рассказа "Воспоминание..." в №1-2 московского журнала "Железнодорожник".
25 февраля - публикация повести "Дьяволиада" в №4 альманаха "Недра".
Февраль - публикация рассказа "Ханский огонь" в №2 "Красного журнала для всех".
Февраль - март - чтение Булгаковым романа "Белая гвардия" в различных литературных кружках. Знакомство с писателем Сергеем Сергеевичем Заяицким, филологом Николаем Николаевичем Ляминым и его женой художницей Наталией Абрамовной Ушаковой.
26 марта - публикация фельетона "Белобрысова книжка: Формат записной" в газете "Накануне".
30 марта - публикация фельетона "Бурнаковский племянник" в газете "Бакинский рабочий".
6 апреля - публикация цикла фельетонов "Золотые документы: Из моей коллекции" в "Накануне".
9 апреля - публикация фельетона "Площадь на колесах": Дневник гениального гражданина Полосухина" в №9 московского журнала "Заноза".
15-19 апреля - Булгаков присутствует на Всероссийском съезде железнодорожников в Колонном зале Дома Союзов.
Апрель - развод с Татьяной Николаевной Лаппа (Булгаковой).
20 апреля - публикация фельетона "Багровый остров. Роман тов. Жюля Верна. С французского на эзоповский перевел Михаил А. Булгаков" в "Накануне".
27 мая - начало публикации очерка "Москва 20-х годов" в "Накануне". Окончание последовало 12 июня.
Конец мая - публикация отрывка из романа "Белая гвардия" "Конец Петлюры" в №5 одесского журнала "Шквал" (2 ноября перепечатан тифлисской газетой "Заря Востока").
31 мая - начало публикации главы из романа "Белая гвардия" под названием "Вечерок у Василисы" в газете "Накануне". Окончание - 3 июня.
Июнь - публикация главы из романа "Белая гвардия" под названием "Петлюра идет на парад" в №6 "Красного журнала для всех".
2 августа - выход №2 альманаха "Возрождение" с 1-й частью повести "Записки на манжетах" (на титульном листе книги альманаха стоит 1923 г.).
18 августа - публикация фельетона "Три застенка" в "Бакинском рабочем".
Август - переезд Булгакова и Т. Н. Лаппа из кв. 50 в кв. 34 дома 10 по Большой Садовой.
Сентябрь - публикация фельетона "Египетская мумия" в №16 ленинградского журнала "Смехач". Начало совместной жизни с Л. Е. Белозерской - сначала в деревянном особнячке в Арбатском переулке; потом на антресолях служебных помещений школы на улице Герцена, 46, директором которой была сестра Булгакова Н. А. Земская; а с конца октября - начала ноября в комнате на втором этаже флигеля во дворе дома 9 (кв.4) по Чистому (Обухову) переулку.
Начало октября - Булгаков закончил повесть "Роковые яйца" и предложил в издательство "Недра". Знакомство через "Недра" с писателем Викентием Викентиевичем Вересаевым.
Октябрь - написана первая автобиография.
Октябрь - декабрь - публикация рассказов "Обмен веществ" и "Записная книжка" в журнале "Смехач" и "Три вида свинства" в журнале "Красный перец".
Осень - Булгаков совместно с Л. Е. Белозерской пишет оставшуюся незаконченной комедию из "французской жизни" "Белая глина", скорее всего, повторяющую сюжет его владикавказской пьесы "Глиняные женихи".
Конец года - знакомство Булгакова с сотрудниками Государственной Академии Художественных Наук (ГАХН) Б. В. Шапошниковым, А. Г.Габричевским, В. Э. Морицем, С. В. Шервинским, а также с зоологом А. Н. Северцовым и др.
27 декабря - публикация в №4 журнала "Россия" за 1925 г. первой части романа "Белая гвардия". Чтение Булгаковым на "Никитинских субботниках" повести "Роковые яйца".

1925 г.
3 января - Булгаков заключает договор с издателем "России" З. Л. Каганским на публикацию романа "Белая гвардия".
4 января - публикация рассказа "Богема" в №1 московского журнала " Красная нива".
16 января - Булгаков присутствует на вечере писателя Андрея Белого, устроенном на квартире его литературного секретаря П. Н. Зайцева.
19 января - делает первые наброски пьесы "Белая гвардия" по мотивам романа.
Январь - Булгаков начинает повесть "Собачье сердце".
Начало февраля - завершение первой редакции повести "Собачье сердце".
15 февраля - чтение Булгаковым повести "Собачье сердце" на квартире у Н. С. Ангарского.
Февраль - публикация повести "Роковые яйца" в №6 альманаха "Недра". В сокращенном виде повесть позднее была перепечатана в ленинградском журнале "Красная панорама" в период с 10 мая по 13 июня, причем в части номеров повесть называлась "Луч жизни", а в части - "Роковые яйца".
7 марта - чтение Булгаковым 1-й части "Роковых яиц" на "Никитинских субботниках". 2-я часть была прочитана там же 21 марта.
3 апреля - Булгаков получает приглашение режиссера МХАТа Б. И. Вершилова придти в театр для разговора, в ходе которого следует предложение написать инсценировку романа "Белая гвардия".
6 апреля - Булгаков принимает участие в вечере в Колонном зале Дома союзов по случаю трехлетия журнала "Россия".
Конец апреля - публикация второй части романа "Белая гвардия" в №5 журнала " Россия". Переговоры о публикации последней части и об отдельном издании "Белой гвардии".
30 апреля - регистрация брака с Л. Е. Белозерской.
10 мая - Булгаков посылает письмо поэту Максимилиану Александровичу Волошину в Коктебель в ответ на его более раннее послание, выражая желание познакомиться с Волошиным, высоко оценившим роман "Белая гвардия".
1 июня - получает письмо от Волошина с предложением приехать к нему в гости в Коктебель.
12 июня - Булгаков с женой приезжают в Коктебель и останавливаются у Волошина.
7 июля - отъезд из Коктебеля морем в Ялту и далее автомобилем до Севастополя, откуда Булгаковы вернулись в Москву поездом.
Июль - публикация статьи "Караул!!!" в №6-7 московского журнала "Журналист". Выход в свет в издательстве "Недра" булгаковского сборника "Дьяволиада".
27 июля - начало публикации цикла очерков "Путешествие по Крыму" в вечернем выпуске ленинградской "Красной газеты". Продолжение последовало 3,10, 22, 24 и 31 августа.
Июль - начало августа - Булгаков завершает работу над первой редакцией пьесы "Белая гвардия".
15 августа - публикация в №33 ленинградского журнала "Красная панорама" рассказа "Стальное горло" - первого из цикла "Записки юного врача".
Середина августа - Булгаков сдает во МХАТ первую редакцию пьесы "Белая гвардия".
17 августа - относит в журнал "Россия" третью часть романа "Белая гвардия". Ее публикация не состоялась из-за закрытия журнала.
23 августа - публикация рассказа "Таракан" в тифлисской газете "Заря Востока".
Начало сентября - чтение Булгаковым пьесы "Белая гвардия" труппе МХАТа в присутствии Константина Сергеевича Станиславского. Студия Е. Б. Вахтангова предлагает драматургу написать современную комедию. Булгаков начинает работу над пьесой "Зойкина квартира".
Сентябрь - начало октября - заканчивает вторую редакцию пьесы "Белая гвардия" и отдает ее в репертуарный отдел МХАТа.
14 октября - обсуждение пьесы "Белая гвардия" на репертуарно-художественной коллегии МХАТа.
15 октября - Булгаков пишет резкое письмо одному из руководителей МХАТа артисту В. В. Лужскому, протестуя против намерения поставить пьесу "Белая гвардия" на Малой сцене и не ранее будущего сезона, а также против коренной ломки "стержня пьесы", которой требовали многие из выступавших на коллегии. Вместе с тем, драматург готов был внести отдельные изменения в текст. Руководство МХАТа приняло булгаковские условия.
25 октября - начало публикации рассказа "Крещение поворотом" в московском журнале "Медицинский работник". Окончание публикации - 2 ноября. 31 октября - чтение Булгаковым пьесы "Белая гвардия" труппе МХАТа.
Ноябрь - декабрь - работа Булгакова над пьесами "Белая гвардия" и "Зойкина квартира". Зарождение замысла пьесы "Багровый остров" по мотивам одноименного фельетона. В книге Е. Ф. Никитиной "Русская литература от символизма до наших дней", вышедшей в издательстве "Никитинские субботники", опубликована булгаковская "Автобиография". Октябрь 1924 г.

1926 г.
1 января - Булгаков заключает договор со Студией Е. Б. Вахтангова на комедию "Зойкина квартира".
2 января - читает текст "Зойкиной квартиры" труппе вахтанговцев.
18 января - начало публикации рассказа "Вьюга" в журнале "Медицинский работник". Окончание публикации - 25 января.
26 января - согласие руководства Художественного театра на начало репетиций "Белой гвардии".
29 января - чтение Булгаковым третьей редакции пьесы "Белая гвардия" новому составу исполнителей.
30 января - заключает договор с Московским Камерным театром на пьесу "Багровый остров".
Конец января - февраль - репетиции "Белой гвардии" во МХАТе.
12 февраля - выступление на диспуте "Литературная Россия" в Колонном зале Дома Союзов. Согласно донесению неизвестного осведомителя ОГПУ, Булгаков, как и выступивший на диспуте писатель и литературовед Виктор Борисович Шкловский, требовал прекратить "фабрикацию "красных Толстых" и утверждал: "Пора перестать большевикам смотреть на литературу с узкоутилитарной точки зрения и необходимо, наконец, дать место в своих журналах настоящему "живому слову" и "живому писателю". Надо дать возможность писателю писать просто о "человеке", а не о политике".
21 февраля - чтение Булгаковым фельетона "Похождения Чичикова" на вечере литературного юмора в Политехническом музее.
2 марта - заключение Булгаковым договора с МХАТом на пьесу "Собачье сердце" - инсценировку одноименной повести.
Первая половина марта - начало репетиций "Зойкиной квартиры" в Театре им. Евг. Вахтангова. Продолжение репетиций "Белой гвардии" в Художественном театре.
26 марта - показ первых двух актов спектакля "Белая гвардия" К. С. Станиславскому.
20 апреля - Булгаков заключает договор на постановку пьес "Белая гвардия" и "Зойкина квартира" в Ленинградском Большом драматическом театре.
24 апреля - первая генеральная репетиция "Зойкиной квартиры" в Театре им. Евг. Вахтангова. Принято решение о продолжении работы над спектаклем.
26 апреля - выход в свет второго [illegible]
Апрель - работа Булгакова над [illegible]
7 мая - обыск в комнате Булгакова в Обуховом переулке, произведенный сотрудниками ОГПУ. Изъяты машинописные экземпляры повести "Собачье сердце" и рукопись булгаковского дневника (возвращены писателю три с лишним года спустя; не ранее 3 августа 1929 г. и не позднее начала марта 1930 г., по ходатайству Алексея Максимовича Горького, после чего дневник Булгаков уничтожил).
9 мая - отъезд Булгакова в Ленинград. Выступление в Большом зале Ленинградской филармонии с чтением фельетона "Похождения Чичикова". В вечере также принимают участие ленинградские писатели Михаил Михайлович Зощенко, Евгений Иванович Замятин и Анна Андреевна Ахматова, с которыми познакомился Булгаков (с Ахматовой и Замятиным он в дальнейшем подружился).
11-12 мая - пребывание Булгакова в Ленинграде. Договоренность об издании сборника фельетонов в юмористической иллюстрированной библиотеке журнала "Смехач". Переговоры с ленинградскими театрами о постановке уже написанных и создании новых пьес.
13 мая - возвращение из Ленинграда и вызов к следователю ОГПУ для дачи показаний.
16 мая - публикация рассказа "Акафист нашему клерку" в вечернем выпуске "Красной газеты".
4 июня - письмо Булгакова Совету дирекции МХАТа, где драматург выступает против исключения петлюровской сцены из пьесы "Белая гвардия" и перемены названия пьесы на "Перед концом". В случае отказа требует снять пьесу с постановки. На это письмо сохранился шуточный ответ члена Высшего совета МХАТа В. В. Лужскому: "Что Вы, милый наш мастер, Михаил Афанасьевич? Кто Вас так взвинтил?"
24 июня - первая закрытая генеральная репетиция с декорациями и оркестром пьесы "Белая гвардия".
25 июня - разрешение Главреперткома на постановку "Белой гвардии".
26 июня - закрытие сезона в Художественном театре и перерыв в репетициях "Белой гвардии".
Конец июня - начало июля - переезд Булгакова с женой на новую квартиру по адресу: Малый Левшинский переулок, 4, кв.1.
Июль - выход сборника рассказов и фельетонов Булгакова в 15-й книжке библиотеки ленинградского юмористического иллюстрированного журнала "Смехач" ("Рассказы библиотеки "Смехач").
20 июля - начало публикации рассказа "Тьма египетская" в журнале "Медицинский работник". Окончание публикации - 27 июля.
Июль - август - переписка Булгакова с режиссером Театра им. Евг. Вахтангова А. Д. Поповым по поводу пьесы "Зойкина квартира". Работа над переделкой текста "Зойкиной квартиры" на даче Понсовых в Крюкове под Москвой.
12 августа - начало публикации рассказа "Звездная сыпь" в журнале "Медицинский работник". Завершение публикации - 19 августа.
24 августа - совещание Булгакова с руководством МХАТа о продолжении репетиций " Белой гвардии". Принятие нового названия пьесы - "Дни Турбиных" ("Белая гвардия").
Конец августа - начало сентября: репетиция "Дней Турбиных" в Художественном театре.
10 сентября - завершение работы над текстом пьесы и утверждение ее окончательного названия - "Дни Турбиных".
12 сентября - начало публикации рассказа "Полотенце с петухом" в журнале "Медицинский работник". Окончание публикации - 18 сентября.
15 сентября - чтение Булгаковым нового варианта комедии "Зойкина квартира" вахтанговской труппе.
17 сентября - первая открытая генеральная репетиция "Дней Турбиных" во МХАТе с приглашением представителей Главреперткома.
22 сентября - вызов Булгакова на допрос в ОГПУ. На допросе он, в частности, показал: "На крестьянские темы я писать не могу потому, что деревню не люблю. Она мне представляется гораздо более кулацкой, нежели это принято думать. Из рабочего быта мне писать трудно. Я быт рабочих представляю себе хотя и гораздо лучше, нежели крестьянский, но все-таки знаю его не очень хорошо. Да и интересуюсь я им мало и вот по какой причине: я занят. Я очень интересуюсь бытом интеллигенции русской, люблю ее, считаю хотя и слабым, но очень важным слоем в стране. Судьбы ее мне близки, переживания дороги. Значит, я могу писать только из жизни интеллигенции в советской стране. Но склад моего ума сатирический. Из-под пера выходят вещи, которые порою, по-видимому, остро задевают общественно-коммунистические круги. Я всегда пишу по чистой совести и так, как вижу. Отрицательные явления жизни в советской стране привлекают мое пристальное внимание, потому что в них я инстинктивно вижу большую пищу для себя (я - сатирик)".
23 сентября - генеральная репетиция "Дней Турбиных" в Художественном театре с приглашением публики, прессы, высшего театрального руководства и представителей правительства.
25 сентября - официальное разрешение "Дней Турбиных".
Конец сентября - начало октября - последние генеральные репетиции "Дней Турбиных", сопровождавшиеся некоторыми изменениями в тексте.
2 октября - начало публикации рассказа "Пропавший глаз" в журнале "Медицинский работник". Окончание публикации - 12 октября.
5 октября - премьера пьесы "Дни Турбиных" во МХАТе. После премьеры - фотографирование Булгакова в мастерской М. Наппельбаума (на фотографии драматург - с моноклем в глазу). Банкет по случаю премьеры "Дней Турбиных" с участием Булгакова и Л. Е. Белозерской на квартире актера МХАТа В. А. Степуна (Сивцев Вражек, 41). В октябре "Дни Турбиных" прошли 13 раз, в ноябре и декабре - по 14 раз.
11 октября - диспут о "Днях Турбиных" в Доме печати под названием "Суд над "Белой гвардией"".
21 октября - разрешение Главреперткома на постановку пьесы "Зойкина квартира".
28 октября - премьера "Зойкиной квартиры" в Театре им. Евг. Вахтангова. 10 ноября - отклонение президиумом коллегии Наркомата просвещения просьбы Булгакова о разрешении к постановке в провинции пьесы "Зойкина квартира".
17 ноября - Булгаков получает первые авторские гонорарные отчисления за постановку "Дней Турбиных" после погашения ранее выданных МХАТом авансов.
18 ноября - вызов и допрос Булгакова в ОГПУ.
26 ноября - в качестве крестного отца Булгаков участвует в крещении по православному обряду младшей дочери своей сестры Н. А. Земской (Булгаковой) Елены. В качестве крестной матери выступает младшая сестра Булгакова Елена (Леля) Афанасьевна Булгакова (в замужестве - Светлаева).
8 декабря - начало публикации рассказа "Я убил" в журнале "Медицинский работник". Окончание публикации - 12 декабря.
Декабрь - начало работы над пьесой, в окончательной редакции получившей название "Бег". Продолжение работы над пьесой "Багровый остров". Выход в свет в издательстве "Земля и Фабрика" сборника рассказов Булгакова "Трактат о жилище". Разрешение к постановке пьесы "Зойкина квартира" в театрах Киева, Свердловска, Ростова-на-Дону, Баку, Саратова, Симферополя, Тифлиса, Риги. Публикация булгаковской "Автобиографии", написанной в октябре 1924 г., в сборнике "Писатели. Автобиографии и портреты современных прозаиков", вышедшем в московском издательстве "Время" под редакцией В. Г. Лидина (ранее, в 1925 г., данная "Автобиография" публиковалась в справочнике Е. Ф. Никитиной "Русская литература от символизма до наших дней", вышедшем в московском издательстве "Никитинские субботники"). Булгаков знакомится с филологом и философом Павлом Сергеевичем Поповым, ставшим в дальнейшем его ближайшим другом и первым биографом. Попов делает со слов Булгакова биографические записи.

1927 г.
14 января - юбилейный 50-й спектакль "Дней Турбиных" во МХАТе.
7 февраля - выступление Булгакова на диспуте "Дни Турбиных" и "Любовь Яровая"" в Театре им. В. Э. Мейерхольда.
Февраль - завершение пьесы "Багровый остров".
Февраль - март - встречи Булгакова с приехавшим в Москву М. А. Волошиным.
4 марта - Булгаков сдает пьесу "Багровый остров" в Московский Камерный театр.
Март - апрель - работает над первой редакцией будущей пьесы "Бег", называвшейся тогда "Рыцарь Серафимы" ("Изгои").
19 апреля - МХАТ расторгает договор с Булгаковым на инсценировку "Собачьего сердца" в связи с запретом повести и требует вернуть аванс.
Конец апреля - Булгаков заключает договор с МХАТом на пьесу "Рыцарь Серафимы" ("Изгои") с обязательством представить текст не позднее 20 августа, причем аванс, выданный ранее в счет договора на инсценировку "Собачьего сердца", теперь считается выданным в счет договора на новую пьесу.
Май - июль - отдых Булгакова с женой в Судаке в Крыму на даче композитора А. А. Спендиарова.
13 мая - Булгаков посещает Дом-музей А. П. Чехова в Ялте и оставляет следующую запись в альбоме памятных гостей музея, адресованную сестре писателя Марии Павловне Чеховой: "Напрасно вы надеетесь, дорогая Мария Павловна, что я "умру по дороге"! Я не умру и вернусь в Ялту за обещанным Вами письмом Антона Павловича!"
1 августа - Булгаков заключает договор с застройщиком А. Ф. Стуем на аренду трехкомнатной квартиры по адресу: Большая Пироговская улица, 35-б, кв. 6. Переезд Булгаковых на новую квартиру состоялся в конце августа.
17 сентября - известие о снятии "Дней Турбиных". Вскоре это решение было отменено.
20 октября - возобновление "Дней Турбиных" во МХАТе.
Октябрь - постановка пьесы "Семья Турбиных" (один из промежуточных вариантов названия пьесы "Дни Турбиных") в Риге в Театре русской драмы.
Ноябрь - выход в Риге отдельным пиратским изданием романа "Белая гвардия", которому было дано второе название "Дни Турбиных", придуманное по канве пьесы.
9 ноября - снятие с репертуара пьесы "Зойкина квартира" в Театре им. Евг. Вахтангова.
Начало декабря - Булгаков выходит из Московского общества драматических писателей и композиторов (МОДПиК) в знак протеста против позиции его председателя наркома просвещения А. В. Луначарского, резко критиковавшего "Дни Турбиных" и воспрепятствовавшего показу этого спектакля во время гастролей МХАТа во Франции. Вступает в Драмсоюз.
9 декабря - начало публикации в журнале "Медицинский работник" рассказа "Морфий". Публикация была продолжена 17 и 23 декабря.
Декабрь - в Париже в издательстве "Конкорд" по соглашению с Булгаковым выходит первый том романа "Белая гвардия" (второй том вышел в 1929 г.). Начало борьбы Булгакова против бывшего издателя "России" З. Л. Каганского и связанных с ним иностранных издателей за авторские права на роман "Белая гвардия", пьесу "Дни Турбиных" и другие произведения.

1928 г.
2 января - Булгаков заключает договор с МХАТом на пьесу "Бег".
Январь - начало работы Булгакова над статьей "Драматург и критика", которая в дальнейшем получила название "Премьера" и была уничтожена автором 26 сентября. Статья предназначалась для театрального альманаха Драмсоюза, готовившегося Е. И. Замятиным и А. Р. Кугелем. Как писал Булгаков Замятину 27 сентября, сообщая о сожжении "Премьеры", "при живых людях, окружающих меня, о направлении в печать этого сочинения и речи быть не может".
Январь - февраль - работа над пьесой "Бег".
Середина февраля - Булгаков подает в Административный отдел Моссовета заявление о двухмесячной поездке за границу для устройства своих издательских и постановочных дел.
1 марта - Булгаков заключает с МХАТом новый договор на пьесу "Бег".
8 марта - Административный отдел Моссовета отказывает Булгакову в выезде за границу.
16 марта - Булгаков сдает текст пьесы "Бег" в Художественный театр.
Апрель - поездка Булгакова в Ленинград по поводу постановки пьесы "Бег" в Большом драматическом театре. Возобновление "Зойкиной квартиры" в Театре им. Евг. Вахтангова.
21 апреля - середина мая - поездка Булгакова с женой на Кавказ. Посещение Тифлиса, Батума, Зеленого Мыса, Владикавказа, Гудермеса.
18 мая - решение Главреперткома о запрете пьесы "Бег".
17 июня - решение Главреперткома о снятии пьес "Дни Турбиных" и "Зойкина квартира".
Вторая половина августа - поездка Булгакова в Одессу и Киев.
22 августа - чтение Булгаковым пьесы "Бег" Художественному совету Театра русской драмы в Одессе.
24 августа - Булгаков заключает договор на постановку пьесы "Бег" в Киевском Русском театре.
11 сентября - 200-е представление "Дней Турбиных" во МХАТе.
26 сентября - разрешение Главреперткома на постановку пьесы "Багровый остров".
9 октября - обсуждение пьесы "Бег" Художественным советом МХАТа и членами Главреперткома с участием А. М. Горького.
8 октября - Булгаков дает берлинскому издательству Ладыжникова разрешение на перевод на немецкий язык пьесы "Зойкина квартира". Двусмысленная фраза в этом письме: "Настоящим письмом разрешаю Издательству Ladyschnikow перевод на немецкий язык моей пьесы "Зойкина квартира", включение этой пьесы в число пьес этого издательства и охрану моих авторских интересов на условиях, указанных в письме Издательства Ladyschnikow от 3-го октября 1928 года" позволило тесно связанному с издательством Ладыжникова З. Л. Каганскому трактовать разрешение Булгакова как передачу авторских прав на все произведения и получать на свой счет значительную часть зарубежных булгаковских гонораров. В письме от 3-го октября издательство Ладыжникова выражало готовность взять представительство интересов Булгакова по поводу всех его пьес, и драматург попался в ловушку.
11 октября - разрешение Главреперткома на постановку пьесы "Бег". Начало репетиций "Бега" во МХАТе и ленинградском Большом драматическом театре.
24 октября - окончательное запрещение Главреперткомом пьесы "Бег".
9 декабря - закрытый просмотр спектакля "Багровый остров" в московском Камерном театре.
11 декабря - премьера "Багрового острова".
Декабрь - возникновение замысла романа, позднее названного "Мастер и Маргарита".

1929 г.
25 января - последняя репетиция пьесы "Бег" во МХАТе.
2 февраля - И. В. Сталин пишет письмо драматургу В. Н. Билль-Белоцерковскому, в ответ на его обращение по поводу "Бега", выступая против постановки пьесы.
28 февраля - Булгаков знакомится с Еленой Сергеевной Шиловской, своей будущей третьей женой. Знакомство происходит на квартире художников Моисеенко (Большой Гнездниковский переулок, 10). Первое упоминание в донесении неизвестного осведомителя ОГПУ о работе Булгакова над ранней редакцией будущего романа "Мастер и Маргарита".
6 марта - публикация решения Главреперткома о снятии с репертуара всех пьес Булгакова.
17 марта - последнее, 198-е представление "Зойкиной квартиры" в Театре им. Евг. Вахтангова. Более эта пьеса при жизни Булгакова не возобновлялась.
Апрель - снятие с репертуара МХАТа "Дней Турбиных".
8 мая - Булгаков сдает в издательство "Недра" главу "Мания фурибунда" из романа "Копыто инженера" (будущего "Мастера и Маргариты"), подписанную псевдонимом "К. Тугай". Публикация не была осуществлена. Начало июня - последнее представление "Багрового острова" в Московском Камерном театре. Спектакль более не восстанавливался при жизни драматурга.
Начало июля - Булгаков пишет письма-заявления И. В. Сталину, М. И. Калинину, начальнику Главискусства А. И. Свидерскому и А. М. Горькому с просьбой разрешить выезд из СССР, поскольку на родине невозможно добыть средства к существованию. В конце июля А. И. Свидерский беседует с Булгаковым.
3 августа секретарь ЦК А. П. Смирнов предлагает Политбюро Булгакова за границу не выпускать, а перейти к "линии на привлечение его к исправлению".
3 сентября - Булгаков пишет письмо секретарю ЦИК СССР А. С. Енукидзе и А. М. Горькому с просьбой походатайствовать о разрешении выехать за границу.
28 сентября - повторное письмо А. М. Горькому по поводу выезда из страны.
Сентябрь - работа Булгакова над неоконченной повестью "Тайному другу", обращенной к Е. С. Шиловской. Впоследствии эта повесть послужила основой для "Театрального романа", став как бы его первой редакцией.
2 октября - подает заявление о вступлении во Всероссийский Союз писателей.
14 октября - дирекция МХАТа расторгает договор с Булгаковым на постановку пьесы "Бег" и требует вернуть аванс.
Октябрь - Булгаков начинает работу над пьесой о Мольере.
6 декабря - закончена первая рукописная редакция пьесы о Мольере "Кабала святош".
Декабрь - перепечатка и чтение пьесы "Кабала святош" Булгаковым на своей квартире и на квартире Н. Н. Лямина. Доработка текста перед подачей "Кабалы святош" в Главрепертком. Возникновение у Булгакова замысла пьесы "Блаженство". Создание первых глав романа "Театр" - ранней редакции "Театрального романа".

1930 г.
Январь - в письмах к брату Николаю в Париж Булгаков сообщает о неблагоприятной для себя литературно-театральной ситуации и тяжелом материальном положении.
19 января - рассказывает о содержании пьесы "Кабала святош" на совещании литературно-репертуарного комитета МХАТа.
Конец января - начало февраля - встречи Булгакова с писателями Е. И. Замятиным и Борисом Андреевичем Пильняком.
11 февраля - чтение Булгаковым пьесы "Кабала святош" (второе название - "Мольер") в Драмсоюзе.
18 марта - Булгаков получает из Главреперткома письмо, где сообщается о запрете "Кабалы святош". Сжигает черновики комедии "Блаженство", "романа о дьяволе" ("Копыто инженера") и начало романа "Театр".
28 марта - Булгаков пишет письмо Правительству СССР с просьбой определить его судьбу и, либо дать право эмигрировать, либо предоставить возможность работать режиссером-ассистентом во МХАТе.
3 апреля - Булгаков подписывает договор с Театром рабочей молодежи (ТРАМ) о работе с 1 апреля консультантом.
17 апреля - принимает участие в похоронах Владимира Владимировича Маяковского, застрелившегося 14 апреля.
18 апреля - Булгакову позвонил И. В. Сталин. В разговоре было решено, что драматург обратится с просьбой зачислить его режиссером-ассистентом во МХАТ.
10 мая - Булгаков подает заявление в дирекцию Художественного театра и зачисляется на должность ассистента режиссера.
Май - работа Булгакова над первым вариантом инсценировки гоголевских "Мертвых душ" для МХАТа.
7 июля - Художественный совет МХАТа отвергает первую редакцию булгаковской инсценировки "Мертвых душ".
14 июля - 3 августа - поездка Булгакова с ТРАМом в Крым, в Мисхор.
Август - сентябрь - работа Булгакова над "Мертвыми душами". Обсуждение с заведующим литературной частью Красного театра Е. М. Шереметьевой будущей пьесы "Адам и Ева". Возвращение к замыслу инсценировки романа Льва Толстого "Война и мир".
Октябрь - поездка Булгакова в Ленинград, встреча с руководством Красного театра.
31 октября - чтение Булгаковым во МХАТе второй редакции инсценировки "Мертвых душ".
Ноябрь - доработка Булгаковым инсценировки "Мертвых душ" по замечаниям Художественного совета МХАТа. 2 декабря - первая репетиция "Мертвых душ" на сцене МХАТа.
28 декабря - Булгаков пишет стихотворный отрывок "Funeralles" ("Похороны").
Декабрь - начало января 1931 г. - встреча Булгакова с Е. С. Шиловской в подмосковном доме отдыха. Продолжение работы над "Мертвыми душами" и начало работы над пьесой "Адам и Ева".

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций
Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы
Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи
Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта
Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ 1931-1940 ~

Дела и дни: [1891-1900] [1901-1910] [1911-1920] [1921-1930] [1931-1940]

1931 г.
Январь - февраль - репетиции "Мертвых душ" во МХАТе.
25 февраля - разрыв Булгаковых отношений с Е. С. Шиловской по настоянию ее второго мужа, крупного военачальника Е. А. Шиловского.
15 марта - Булгаков увольняется из ТРАМа по собственному желанию.
18 марта - подает заявление в дирекцию МХАТа с просьбой зачислить в актерский состав театра.
17 апреля - Булгаков подписывает соглашение с Московским передвижным санитарно-просветительным театром Института санитарной культуры (Мясницкая, 42) о режиссерской работе над пьесой писательницы Натальи Алексеевны Венкстерн "Одиночка".
30 мая - Булгаков пишет письмо Сталину с просьбой о заграничном отпуске и размышлениями о своей творческой судьбе. Письмо осталось без ответа.
5 июля - Булгаков подписывает договор "на пьесу о будущей войне", впоследствии названную "Адам и Ева", с ленинградским Красным театром.
8 июля - заключает договор с Театром им. Евг. Вахтангова на пьесу о будущей войне.
10-22 июля - Булгаков вместе с Л. Е. Белозерской отдыхает на даче Н. А. Венкстерн в г. Зубцов на Волге. Работает над пьесой "Адам и Ева" и поправками к пьесе "Кабала святош".
22 августа - завершение первой рукописной редакции "Адама и Евы".
Сентябрь - поездка Булгакова в Ленинград, заключение договора на инсценировку "Войны и мира" с Большим драматическим театром. Чтение пьесы "Адам и Ева" дирекции Красного театра. Пьеса не была принята. Сентябрь - начало ноября - продолжение работы Булгакова над "Кабалой святош", "Адамом и Евой" и инсценировкой "Мертвых душ".
Осень - чтение Булгаковым пьесы "Адам и Ева" в Театре им. Евг. Вахтангова. Присутствовавший на чтении начальник Военно-воздушных сил Красной Армии Я. И. Алкснис заявляет, что пьесу нельзя ставить, так как по ходу действия гибнет Ленинград. 30 октября - Булгаков направляет А. М. Горькому исправленный по замечаниям Главреперткома экземпляр пьесы " Мольер", названной так, поскольку, как сообщает он в сопроводительном письме, "предложено заменить название "Кабала святош" другим".
3 октября - разрешение Главреперткомом пьесы "Мольер".
12 октября - Булгаков заключает договор с Большим драматическим театром на постановку "Мольера".
15 октября - заключение договора с МХАТом на "Мольера".
2 ноября - Булгаков заключает договор с Бакинским Рабочим театром на постановку " Адама и Евы", которая не была осуществлена.
14 ноября - участвует в проводах Е. И. Замятина и его жены, Л. Н. Замятиной, отъезжающих за границу. Конец ноября - отсылает в Красный театр вторую редакцию "Адама и Евы".
Декабрь - репетиции "Мертвых душ" во МХАТе по тексту второй редакции инсценировки. Булгаков участвует в них в качестве режиссера-ассистента. Получает телеграмму из ленинградского Красного театра об отказе ставить "Адама и Еву", так как пьеса не прошла цензуру.
22 декабря - Булгаков начинает работу над инсценировкой "Войны и мира", отметив в рукописи, что впервые пытался инсценировать роман Л. Н. Толстого 24 сентября 1921 г.

1932 г.
15 января - звонок Булгакову администратора МХАТа Ф. Н. Михальского с сообщением, что правительство приняло решение возобновить "Дни Турбиных".
Начало февраля - договор с МХАТом об инсценировке "Войны и мира".
11 февраля - первая публичная генеральная репетиция новой постановки "Дней Турбиных" во МХАТе.
18 февраля - первый спектакль возобновленных "Дней Турбиных".
25 февраля - Булгаков завершил работу над инсценировкой "Войны и мира" и 27 февраля отослал ее в Ленинград в Большой драматический театр. Постановка ни там, ни в Художественном театре не была осуществлена.
14 марта - дирекция Большого драматического театра сообщает Булгакову об отклонении пьесы "Мольер" и о расторжении договора.
31 марта - начало репетиций "Мольера" в Художественном театре.
9 мая - Булгаков заключает договор с московской киностудией "Межрабпромфильм" на переделку диалогов в звуковой картине "Восстание рыбаков" и 18 мая сдает на киностудию переписанные диалоги 1-й части сценария.
11 июля - заключает договор с издательским объединением "Жургаз" на создание биографии драматурга Жана Батиста Мольера для серии "Жизнь замечательных людей".
18 июля - заключение Булгаковым договора с Театром-студией Ю. А. Завадского на перевод пьесы Мольера "Мещанин во дворянстве". В счет этого договора Булгаков написал по канве "Мещанина во дворянстве" пьесу "Полоумный Журден" - вольный перевод мольеровского произведения.
Июль - август - работа над книгой о Мольере. Возобновление связи Булгакова с Е. С. Шиловской. Сентябрь - начало работы над пьесой "Полоумный Журден".
1 октября - публикация в вечернем выпуске "Красной газеты" отрывка из пьесы "Бег" ("Сон седьмой"). 3 октября - развод Булгакова с Л. Е. Белозерской.
4 октября - регистрация брака с Е. С. Шиловской, принявшей фамилию Булгакова.
15-28 октября - поездка Булгакова с женой в Ленинград для решения вопросов, связанных с постановкой там "Мертвых душ" и "Бега". Чтение "Мертвых душ" в Красном театре. Возобновление работы над будущим "Мастером и Маргаритой".
Конец октября - переезд Е. С. Булгаковой с младшим сыном Сергеем в квартиру Булгакова на Большой Пироговской улице.
18 ноября - Булгаков заканчивает пьесу "Полоумный Журден". Ее постановка не была осуществлена.
25 ноября - перерыв репетиций "Мольера" во МХАТе.
28 ноября - премьера инсценировки "Мертвых душ" в Художественном театре.
Зима 1932/33 г. - продолжение работы Булгакова над романом "Мастер и Маргарита".

1933 г.
5 марта - заканчивает биографию "Мольер".
8 марта - сдача биографии "Мольер" в редакцию "ЖЗЛ".
10 марта - возобновление репетиций пьесы "Бег" во МХАТе.
Конец марта - Булгаков присутствует на вечере, устроенном в его честь британским подданным Сиднеем Бенабу, находящимся в Москве по делам Главконцессиона. В связи с этим особый отдел ОГПУ, подозревавший Бенабу в сотрудничестве с британской разведкой, 25 мая запросил секретно-политический отдел, "имеются ли у Вас какие-либо компрометирующие сведения о БУЛГАКОВЕ, его связи и окружении, а также не является ли он Вашим секретным сотрудником". Продолжения эта история не имела.
7 апреля - отрицательный отзыв редактора "ЖЗЛ" А. Н. Тихонова (Сереброва) на биографию "Мольер".
12 апреля - Булгаков направляет ответ на отзыв А. Н. Тихонова с отказом переделывать мольеровскую биографию.
29 апреля - заключение нового договора с МХАТом на пьесу "Бег".
Первая половина мая - предложение Ленинградского мюзик-холла Булгакову написать трехактную эксцентрическую комедию.
18 мая - заключение договора с Ленинградским мюзик-холлом на комедию "Блаженство".
26 мая - начало работы Булгакова над пьесой "Блаженство".
Июнь - Булгаков работает над новой редакцией пьесы "Бег".
10-22 июля - поездка Булгакова с женой в Ленинград для переговоров о постановке "Бега". Встречи с А. А. Ахматовой на квартире художника Н. Э. Радлова.
Лето - осень - продолжение работы над романом "Мастер и Маргарита". Переписка с братом Н. А. Булгаковым по поводу постановки пьесы "Зойкина квартира" в Париже в театре "Старая голубятня".
Сентябрь - продолжение работы над пьесой "Бег". Обсуждение пьесы во МХАТе. Чтение Булгаковым глав "Мастера и Маргариты" на квартире Н. Н. Лямина.
9 сентября - беседа Булгакова с А. М. Горьким во МХАТе.
Октябрь - Булгаков пишет ответы на вопросы анкеты "Литературного наследства" о М. Е. Салтыкове-Щедрине.
11 октября - участвует в обсуждении музыкально-шумового оформления спектакля "Бег" в Художественном театре.
15 октября - прекращение репетиций "Бега" во МХАТе.
9 ноября - Булгаков завершает работу над второй редакцией пьесы "Бег".
29 ноября - решение дирекции МХАТа об исключении "Бега" из планов работы театра.
8 декабря - Булгаков делает наброски к пьесе "Блаженство" с вариантами названий: "Грезы Рейна", "Рейн грезит" и "Острова блаженные".
9 декабря - Булгаков исполняет роль Судьи на просмотре во МХАТе первых шести картин инсценировки Н. А. Венкстерн "Записки Пиквикского клуба" Ч. Диккенса. В дальнейшем в 1934-1935 гг. Булгаков играл эту роль регулярно.
16 декабря - начинает диктовать жене пьесу "Блаженство".
23 декабря - читает пьесу "Мольер" во МХАТе новому составу исполнителей.
25 декабря - возобновление репетиций "Мольера" в Художественном театре.

1934 г.
Январь - продолжение, после перерыва, работы над романом "Мастер и Маргарита".
18 февраля - Булгаковы переезжают в трехкомнатную квартиру в кооперативном писательском доме по адресу: Нащокинский переулок (позднее - улица Дмитрия Фурманова), 35, кв. 66.
Февраль - встречи Булгакова с А. А. Ахматовой, приезжавшей из Ленинграда.
23 марта - Булгаков заключает договор на постановку пьесы "Блаженство" с Московским Театром сатиры.
28 марта - заканчивает работу над первой рукописной редакцией пьесы "Блаженство".
30 марта - заключение договора с московской киностудией "Союзфильм" на создание киносценария "Мертвые души" по Гоголю.
11 апреля - Булгаков завершает вторую редакцию "Блаженства" и 12 апреля читает ее друзьям.
23 апреля - окончание работы над машинописной третьей редакцией пьесы "Блаженство".
25 апреля - Булгаков сдает "Блаженство" в Театр сатиры и читает пьесу труппе.
Конец апреля - подает секретарю ЦИК СССР А. С. Енукидзе заявление с просьбой разрешить двухмесячную заграничную поездку вместе с женой.
Начало мая - Булгаков пишет экспозицию сценария "Похождения Чичикова, или Мертвые души".
10 мая - обсуждает экспозицию киносценария "Похождения Чичикова" с режиссером И. А. Пырьевым и заместителем директора кинофабрики "Союзфильм" И. В. Вайсфельдом.
17 мая - Булгаков заканчивает "Дополнение" к экспозиции сценария "Похождения Чичикова". Вместе с женой заполняет анкеты для получения загранпаспортов.
29 мая - Булгаков подает заявление о приеме в Союз советских писателей.
4 июня - принят в Союз советских писателей.
7 июня - Булгаковым отказано в выдаче загранпаспортов.
10 июня - Булгаков пишет письмо Сталину с изложением истории с отказом в заграничной поездке и просьбой о помощи в этом вопросе. Письмо осталось без ответа.
13 июня - поездка в Ленинград с МХАТом на гастроли.
Июнь - работа Булгакова над киносценарием "Похождения Чичикова или Мертвые души".
20 июня - 500-й спектакль "Дней Турбиных" во МХАТе.
Начало июля - Булгаков читает пьесу "Блаженство" директору Красного театра В. Е. Вольфу.
4 июля - знакомит И. А. Пырьева и И. В. Вайсфельда с первой редакцией киносценария "Похождения Чичикова".
12 июля - начинает новую редакцию романа "Мастер и Маргарита".
17 июля - возвращение Булгаковых из Ленинграда в Москву.
Вторая половина июля - работа над второй редакцией киносценария "Мертвые души".
Конец июля - начало августа - Булгаковы отдыхают на даче в Звенигороде под Москвой. Продолжение работы над киносценарием "Мертвые души".
12 августа - Булгаков завершает и сдает на кинофабрику третью редакцию киносценария "Мертвые души".
15 августа - дирекцией кинофабрики "Союзфильм" киносценарий "Мертвые души" утверждается к постановке.
16 августа - Булгаков заключает договор с киевской киностудией "Украинфильм" о создании киносценария "Ревизор" по Гоголю.
17-23 августа - поездка Булгакова с женой в Киев. Переговоры о постановке "Мольера" в Театре русской драмы и о киносценарии "Ревизор".
25 августа - публикация в многотиражке "Союзфильма" "За большевистский фильм" интервью Булгакова о работе над киносценарием "Мертвые души". Начинает работу над киносценарием "Ревизор". Зарождение замысла пьесы о Пушкине с привлечением В. В. Вересаева для разработки исторического материала.
31 августа - Булгаков знакомится с исполнителями американской постановки "Дней Турбиных" и режиссером постановки Вельсом на его квартире (улица Волхонка, 8).
8 сентября - беседа Булгакова с режиссером МХАТа И. Я. Судаковым о возможности постановки пьесы "Бег".
10 сентября - Булгаков возобновляет работу над романом "Мастер и Маргарита".
15 сентября - режиссер И. А. Пырьев посылает Булгакову экземпляр киносценария " Мертвые души" со своими поправками.
Сентябрь - октябрь - Булгаков делает первые наброски к пьесе "Александр Пушкин".
9 октября - заключение договора с Театром сатиры о переработке "Блаженства" в другую пьесу, впоследствии получившую название "Иван Васильевич".
10-15 октября - работа Булгакова над первой редакцией киносценария "Ревизор".
16 октября - возобновление репетиций "Мольера" во МХАТе.
17 октября - чтение Булгаковым сценария "Ревизор" представителям киевской кинофабрики.
18 октября - на даче В. В. Вересаева Булгаков предлагает ему писать совместно пьесу о Пушкине по булгаковскому плану. Вересаев соглашается.
24 октября - Булгаков завершает работу над второй редакцией киносценария "Ревизор".
Конец октября - завершение первого полного варианта романа "Мастер и Маргарита" из 37 глав.
30 октября - Булгаков начинает новую тетрадь рукописных дополнений к "Мастеру и Маргарите".
3 ноября - генеральная репетиция инсценировки "Пиквикский клуб" во МХАТе с участием Булгакова в роли Судьи.
5 и 18 ноября - Булгаков вносит поправки в киносценарий "Мертвые души".
9 ноября - Булгаков пишет варианты финальной сцены пьесы "Бег" (с самоубийством и без самоубийства Хлудова).
21 ноября - сообщение о запрещении пьесы "Бег".
Конец ноября - знакомство Булгакова с режиссером "Украинфильма" М. С. Каростиным и совместная работа с ним над сценарием "Ревизор". Булгаков начинает пьесу "Иван Васильевич" - новую редакцию "Блаженства".
27 ноября - отказ Московской кинофабрики от поправок, сделанных Булгаковым к киносценарию "Мертвые души", и возвращение сценария на доработку.
1 декабря - премьера спектакля "Пиквикский клуб" в Художественном театре. Булгаков исполняет роль Судьи.
17 декабря - заключение Булгаковым договора с Театром им. Евг. Вахтангова на пьесу о Пушкине.
27 декабря - радиопремьера мхатовского спектакля "Пиквикский клуб" с участием Булгакова.

1935 г.
Январь - февраль - Булгаков продолжает работу над пьесой о Пушкине и киносценариями " Мертвые души" и "Ревизор".
Середина февраля - интенсификация репетиций "Мольера" в Художественном театре с участием К. С. Станиславского.
28 февраля - Булгаков завершает работу над новой редакцией сценария "Ревизор".
Март - апрель - продолжение репетиций пьесы "Мольер" во МХАТе.
26 марта - Булгаков возобновляет работу над пьесой о Пушкине.
27 марта - завершение черновой редакции пьесы "Александр Пушкин".
5 апреля - Булгаков читает друзьям последние картины пьесы о Пушкине в квартире В. В. Вересаева.
7 и 13 апреля - встречается с приехавшей в Москву А. А. Ахматовой.
8 апреля - Булгаков знакомится с поэтом Борисом Леонидовичем Пастернаком во время вечера на квартире драматурга Константина Андреевича Тренёва. Пастернак предлагает тост за Булгакова как за "незаконное явление" в советской литературе.
22 апреля - Булгаков пишет письмо К. С. Станиславскому с отказом переделывать пьесу "Мольер". Булгаковские соображения принимаются во внимание.
22-23 апреля - Булгаков с женой присутствуют на большом приеме в американском посольстве. 7 мая - Булгаков читает отрывки из пьесы "Иван Васильевич" актерам Театра сатиры.
10 мая - заканчивает новую редакцию пьесы "Зойкина квартира".
2 и 18 июня - Булгаков читает пьесу "Александр Пушкин" вахтанговцам.
15 июня - подает заявление в Иностранный отдел Мособлисполкома о заграничной поездке вместе с женой. Середина июля - в заграничной поездке Булгаковым отказано.
Лето - работа Булгакова над пьесой "Александр Пушкин". Переписка с В. В. Вересаевым в связи с разногласиями соавторов в трактовке исторического материала и образов пьесы о Пушкине.
9 сентября - Булгаков завершает работу над пьесой "Александр Пушкин".
20 сентября - разрешение Главреперткомом пьесы "Александр Пушкин".
Конец сентября - Булгаков заключает договор с Харьковским театром русской драмы на постановку пьесы "Александр Пушкин".
30 сентября - Булгаков завершает работу над пьесой "Иван Васильевич".
2 октября - читает "Ивана Васильевича" труппе Театра сатиры.
3 октября - композитор С. С. Прокофьев предлагает Булгакову писать оперу на основе пьесы "Александр Пушкин". Эта идея не была реализована.
7 октября - Булгаков сдает "Ивана Васильевича" в Театр сатиры.
29 октября - пьеса "Иван Васильевич" разрешена Главреперткомом к постановке.
30 октября - приход А. А. Ахматовой к Булгаковым с известием об аресте мужа, Н. Н. Пунина, и сына, Л. Н. Гумилева. Булгаков помогает ей составить письмо И. В. Сталину.
31 октября - Булгаков вносит поправки в текст "Ивана Васильевича". Е. С. Булгакова вместе с Ахматовой относят письмо в секретариат Сталина.
1 ноября - читает пьесу "Иван Васильевич" артистам Театра сатиры.
4 ноября - освобождение ранее арестованных Н. Н. Пунина и Л. Н. Гумилева.
5 ноября - Булгаков начинает работу над переводом пьесы Мольера "Скупой" ("Скряга").
10 ноября - заключает договор на перевод пьесы "Скупой" с издательством "Academia".
18 ноября - начало репетиций пьесы "Иван Васильевич" в Театре сатиры.
Конец года - работа Булгакова в соавторстве с М. С. Каростиным над сценарием "Ревизор" и публикация его сокращенного варианта под названием "Необычайное путешествие, или Ревизор (по Гоголю)" для участников совещания кинематографистов. Продолжение репетиций "Мольера" во МХАТе. К. С. Станиславский отказывается от работы над постановкой "Мольера", предложив выпускать спектакль режиссеру Н. М. Горчакову. Работу над "Мольером" в качестве главного режиссера завершает Владимир Иванович Немирович-Данченко.
19 декабря - В. В. Вересаев снимает свое имя с пьесы "Александр Пушкин", однако в финансовом отношении по настоянию Булгакова остается его соавтором.

1936 г.

6 января - Булгаков читает пьесу "Александр Пушкин" руководителям Большого театра - директору В. И. Мутных, заместителю директора Я. Л. Леонтьеву, а также дирижеру А. Ш. Мелик-Пашаеву и композитору Д. Д. Шостаковичу. Возникает мысль о создании оперы о Пушкине с булгаковским либретто и музыкой Шостаковича.
16 января - Булгаков заканчивает перевод пьесы Мольера "Скупой".
28 января - публикация в "Правде" редакционной статьи "Сумбур вместо музыки" с резкой критикой оперы Д. Д. Шостаковича "Леди Макбет Мценского уезда". Вопрос о написании им музыки к опере о Пушкине отпадает.
5 февраля - первая генеральная репетиция "Мольера" во МХАТе.
6 февраля - у Булгакова возникает замысел пьесы о Сталине.
9 февраля - вторая генеральная репетиция "Мольера" в Художественном театре.
11 февраля - закрытый просмотр для "пролетарского студенчества" спектакля "Мольер" во МХАТе.
15 февраля - генеральная репетиция "Мольера" с публикой. В многотиражке МХАТа "Горьковец" публикуется интервью Булгакова о пьесе "Мольер" под названием "Он был велик и неудачлив".
16 февраля - премьера "Мольера" в Художественном театре.
21 февраля - общественный просмотр спектакля "Мольер" во МХАТе.
Конец февраля - начало марта - продолжение репетиций пьесы "Иван Васильевич" в Театре сатиры. Серия отрицательных рецензий в прессе на мхатовскую постановку "Мольера". Прекращение съемок фильма М. С. Каростина "Ревизор" по булгаковскому сценарию.
4 марта - объявление в газете конкурса на школьный учебник по истории СССР. Булгаков решает принять в нем участие.
5 марта - Булгаков начинает работу над "Курсом истории СССР".
9 марта - в "Правде" появляется статья "Внешний блеск и фальшивое содержание", направленная против мхатовского спектакля "Мольера". Снятие "Мольера" с репертуара. Спектакль успел пройти семь раз.
16 марта - публикация в газете "Советское искусство" интервью друга Булгакова артиста МХАТа М. М. Яншина "Поучительная неудача" с критикой постановки "Мольера". Булгаков разрывает отношения с Яншиным.
Конец марта - апрель - работа Булгакова над поправками к пьесе "Иван Васильевич". Нападки в прессе на репетирующийся в Театре им. Евг. Вахтангова спектакль "Александр Пушкин". Продолжение работы над "Курсом истории СССР", который так и не был завершен.
11 мая - Булгаков участвует в просмотре "Ивана Васильевича" в Театре сатиры.
13 мая - генеральная репетиция "Ивана Васильевича" в Театре сатиры, во время которой пьеса запрещается к представлению.
19 мая - Булгаков отвергает требования Театра им. Евг. Вахтангова внести изменения в текст пьесы "Александр Пушкин". Заключает договор с МХАТом на вольный перевод (в духе "Полоумного Журдена") пьесы Шекспира "Виндзорские проказницы" и начинает работу над переводом.
31 мая - Булгаков с женой уезжают в Киев на гастроли МХАТа.
4 июня - присутствует в Киеве на мхатовском спектакле "Дни Турбиных".
12 июня - возвращение Булгаковых в Москву.
16 июня - композитор Борис Владимирович Асафьев предлагает Булгакову написать либретто оперы "Минин и Пожарский".
7 июня - договор Булгакова с Большим театром на либретто оперы "Минин и Пожарский".
Вторая половина июня - июль - Булгаков живет на даче в Загорянке под Москвой. Начинает последнюю тетрадь дополнений к рукописному тексту "Мастера и Маргариты". Пишет либретто "Минин и Пожарский" и 23 июля посылает его Б. В. Асафьеву.
27 июля - Булгаков с женой уезжает в Синоп под Сухуми в Абхазии.
Август - продолжение работы над переводом "Виндзорских проказниц", в который решено включить также фрагменты другой шекспировской пьесы "Генрих IV".
Конец августа - приезд в Синоп режиссера МХАТа Н. М. Горчакова, пытавшегося уговорить Булгакова дописать две-три новые картины к пьесе "Мольер". Решительный отказ Булгакова: "Запятой не переставлю". Требование Горчакова, чтобы при переводе "Виндзорских проказниц" Булгаков следовал его указаниям. Булгаков заявляет, что отказывается от работы над переводом "Виндзорских проказниц" и отвергает заверения завлита МХАТа П. А. Маркова, что театр может охранить булгаковский перевод от посягательств Горчакова. После прекращения работы над переводом Булгаковы уезжают в Тифлис, а оттуда - во Владикавказ. **1 сентября** - возвращение Булгаковых в Москву.
14 сентября - предложение художественного руководителя Большого театра дирижера С. А. Самосуда Булгакову написать либретто оперы о боях на Перекопе в 1920 г. На замечание драматурга, что он думает уходить из МХАТа, Самосуд предлагает взять его на работу в Большой театр.
15 сентября - отказ Булгакова от работы во МХАТе и продолжения перевода "Виндзорских проказниц".
1 октября - Булгаков подписывает договоры о поступлении в Большой театр либреттистом-консультантом и о создании либретто оперы "Черное море" (на тему о Перекопе) для композитора С. И. Потоцкого. По договору Булгаков обязан ежегодно писать по одному либретто для Большого театра.
Октябрь - ноябрь - работа над либретто оперы "Черное море".
23 ноября - Булгаков делает наброски либретто оперы "О Владимире" на сюжет из жизни киевского князя Владимира Святого. Развития эта тема в булгаковском творчестве не получила.
26 ноября - Булгаков у себя дома читает два акта либретто "Минин и Пожарский" писателям Илье Ильфу и Евгению Петрову и драматургу Сергею Ермолинскому. Начало работы над "Театральным романом (Записки покойника)".
Декабрь - Е. С. Булгакова записывает устные шуточные булгаковские рассказы о Сталине и его приближенных.

1937 г.
Начало февраля - Главрепертком приостанавливает работу вахтанговцев над пьесой "Александр Пушкин".
Середина февраля - композитор Е. В. Петунин предлагает Булгакову написать для него либретто оперы о Петре I.
13 февраля - Булгаков сообщает Б. В. Асафьеву о предложении Е. В. Петунина и спрашивает, по-прежнему ли Асафьев рассматривает историю Петра как возможную тему для одной из своих опер (о своем желании создать оперу о Петре Великом композитор сообщил в письме Булгакову от 12 декабря 1936 г.)
16 февраля - Б. В. Асафьев пишет письмо Булгакову, где просит делать "Петра обязательно со мной".
18 марта - Булгаков завершает первую редакцию либретто "Черное море".
20 марта - либретто "Черное море" сдано в Большой театр. Булгаков пишет новый вариант "Автобиографии".
Конец марта - завершение второй редакции либретто "Минин и Пожарский" и работа Булгакова над его постановкой в Большом театре.
22 марта - иск Харьковского театра русской драмы о возврате денег по заключенному в конце сентября 1935 г. договору на пьесу "Александр Пушкин" на том основании, что она не значится в списке разрешенных пьес.
2 апреля - Булгаков получает в Главрепертком справку о том, что пьеса "Александр Пушкин" была разрешена к постановке Театру им. Евг. Вахтангова, но что "Комитет приостановил работу над ней". Булгаков выигрывает в Московском городском суде дело у Харьковского театра русской драмы.
7 апреля - вызов Булгакова в ЦК партии и его беседа с сотрудником ЦК А. И. Ангаровым о судьбах пьесы "Александр Пушкин" и либретто "Минин и Пожарский".
Апрель - май - Булгаков читает друзьям главы "Театрального романа".
Весна - лето - переписка с братом Н. А. Булгаковым по поводу парижской постановки " Зойкиной квартиры" и авторских прав на булгаковские произведения за границей.
7 июня - начало работы Булгакова над либретто оперы "Петр Великий" для композитора Б. В. Асафьева.
Июнь - режиссер Театра им. Евг. Вахтангова В. В. Куза предлагает Булгакову заняться инсценировкой романа "Дон Кихот" Мигеля де Сервантеса или "Нана" Эмиля Золя.
Июнь - июль - Булгаков работает над либретто "Петр Великий".
Вторая половина июля - первая половина августа - Булгаков с женой отдыхают на даче в Богунье под Житомиром на Украине по приглашению отдыхавшего там же на даче своих родственников Тарасовичей актера МХАТа В. А. Степуна. На обратном пути Булгаковы больше недели прожили в Киеве.
14 августа - возвращение в Москву. 13 сентября - Булгаков завершает либретто "Петр Великий".
17 сентября - сдает либретто "Петр Великий" в Комитет по делам искусств.
22 сентября - получает замечания главы Комитета по делам искусств П. М. Керженцева на либретто "Петр Великий".
26 сентября - 1 октября - Булгаков правит вторую редакцию пьесы "Бег", экземпляр которой запросили в Комитет по делам искусств.
4 октября - Булгаков обсуждает с Я. Л. Леонтьевым возможность переделать свою инсценировку "Войны и мира" в оперное либретто "1812 год".
7 октября - Булгаков начинает работу над либретто оперы "1812 год". Дело не продвинулось дальше первоначальных набросков.
11 октября - актер и режиссер Театра им. Евг. Вахтангова А. И. Горюнов предлагает Булгакову сделать для вахтанговцев либо инсценировку "Дон Кихота" М. Сервантеса, либо пьесу об А. В. Суворове.
Ноябрь - работа Булгакова над романом "Мастер и Маргарита".
3 декабря - Булгаков заключает договор с Театром им. Евг. Вахтангова на инсценировку "Дон Кихота".
8 декабря - начинает работу над инсценировкой "Дон Кихота".
14 декабря - Булгаков вызван к П. М. Керженцеву, который просил сделать поправки в либретто "Минин и Пожарский", а насчет инсценировки "Дон Кихота" сказал, что "надо сделать так, чтобы чувствовалась современная Испания".
Ноябрь - декабрь - Булгаков правит текст оперного либретто "Иван Сусанин", написанный поэтом Сергеем Митрофановичем Городецким.

1938 г.
29 января - Булгаков с женой присутствуют на первом исполнении Пятой симфонии Д. Д. Шостаковича в Московской консерватории.
4 февраля - Булгаков пишет письмо Сталину с просьбой облегчить положение драматурга Николая Робертовича Эрдмана, которому было запрещено жить в Москве. Письмо не имело последствий.
Зима - весна - Булгаков делает дополнения к либретто "Минин и Пожарский" и интенсивно работает над романом "Мастер и Маргарита".
2 мая - Булгаков читает три первых главы "Мастера и Маргариты" Н. С. Ангарскому, который говорит о невозможности напечатать роман.
В ночь на 23-е мая - Булгаков заканчивает последнюю рукописную редакцию "Мастера и Маргариты".
26 мая - 24 июня - перепечатка рукописи "Мастера и Маргариты" сестрой Е. С. Булгаковой Ольгой Сергеевной Бокшанской и правка романа Булгаковым.
25 июня - Булгаков уезжает к семье в г. Лебедянь, где Е. С. Булгакова с сыном Сергеем живет с 26 мая в доме счетовода В. И. Андриевского.
22 июля - Булгаков возвращается в Москву.
Конец июля - август - пишет инсценировку "Дон Кихота", параллельно занимается испанским языком, чтобы читать роман Сервантеса в оригинале.
4 сентября - чтение Булгаковым инсценировки "Дон Кихота", сначала друзьям, а позднее, в ночь на 5 сентября - пришедшим к нему домой актерам и режиссерам Театра им. Евг. Вахтангова.
9 сентября - завершение перепечатки инсценировки "Дон Кихота". Визит к Булгакову завлита МХАТа П. А. Маркова и сотрудника литературной части МХАТа В. Я. Виленкина с предложением писать пьесу о Сталине для Художественного театра.
12 сентября - чтение Булгаковым у себя на квартире инсценировки "Дон Кихота" вахтанговцам.
22 сентября - предложение руководства Большого театра Булгакову сделать либретто оперы по рассказу Ги де Мопассана "Мадмуазель Фифи" для композитора Исаака Осиповича Дунаевского.
23 сентября - начало работы Булгакова над либретто оперы по "Мадмуазель Фифи", получившем название "Рашель".
Сентябрь - начало сбора материала для пьесы о Сталине.
8 октября - Булгаков завершает работу над инсценировкой "Дон Кихота".
23 октября - публикация в "Правде" статьи П. А. Маркова о МХАТе без упоминания имени Булгакова и пьесы "Дни Турбиных". По утверждению секретаря дирекции МХАТа и личного секретаря В. И. Немировича-Данченко О. С. Бокшанской, имя Булгакова и название его пьесы вычеркнули из статьи Маркова уже в редакции "Правды". Вторая половина октября - к юбилею МХАТа Булгаков пишет сценарий шуточного приветствия от Большого театра - "Юбилейное заседание".
31 октября - 2 ноября - Булгаков в Большом театре готовит шуточное "Юбилейное заседание" в честь МХАТа.
3 ноября - Булгаков выступает в приветствии "Юбилейное заседание" Большого театра МХАТу в Доме актера.
5 ноября - слух о прохождении инсценировкой "Дон Кихота" цензуры.
9 ноября - Театр им. Евг. Вахтангова дает подтверждение разрешения Главреперткомом инсценировки "Дон Кихота", оказавшееся ложным.
10 ноября - Булгаков читает инсценировку "Дон Кихота" в Театре им. Евг. Вахтангова театральной труппе.
Осень - зима - работа Булгакова над либретто "Рашель", инсценировкой "Дон Кихота" и романом "Мастер и Маргарита". Трансляция по радио оперы "Минин и Пожарский".
27 декабря - новая редакция булгаковского "Дон Кихота" поступает в Главрепертком. 1939 г.
2 января - публикация Булгаковым в многотиражке Большого театра "Советский артист" юмористического репортажа "Детский рассказ".
17 января - инсценировка "Дон Кихота" разрешена Главреперткомом.
Январь - Булгаков работает над либретто "Рашель" и пьесой о Сталине, получившей в конце концов название "Батум".
26 марта - заканчивает либретто "Рашель".
Январь - апрель - правит роман "Мастер и Маргарита".
Начало апреля - начинаются репетиции "Дон Кихота" вахтанговцами, но вскоре прекращаются.
26 апреля - 14 мая - Булгаков читает полный текст "Мастера и Маргариты" своим друзьям.
18 мая - возникновение у Булгакова замысла пьесы "Ричард Первый" (другое название - "Ласточкино гнездо"). Замысел не был реализован из-за болезни и смерти драматурга.
28 мая - зарождение у Булгакова замысла оперного либретто по сказке Ганса Христиана Андерсена "Калоши счастья". Замысел не осуществился.
9 июня - беседа Булгакова в дирекции Художественного театра о содержании пьесы "Батум" и условиях договора на нее. Обещание директора МХАТа Г. М. Калишьяна к концу года добиться получения Булгаковым четырехкомнатной квартиры большей площади, чем имеется у него сейчас. Обещание не было выполнено.
15 июня - Булгаков заключает договор с МХАТом на пьесу "Батум".
2 июля - чтение драматургом артистам МХАТа фрагментов пьесы "Батум". Присутствовавший на чтении, проходившем в булгаковской квартире, артист Н. П. Хмелев, рассчитывающий на роль Сталина, рассказал, согласно записи Е. С. Булгаковой, что "Сталин раз сказал ему: хорошо играете Алексея. Мне даже снятся ваши черные усики (турбинские). Забыть не могу".
11 июля - Булгаков читает "Батум" в Комитете по делам искусств.
24 июля - завершает работу над "Батумом" и отдает текст в Художественный театр.
27 июля - чтение Булгаковым пьесы "Батум" во МХАТе.
14 августа - отъезд Булгакова вместе с женой во главе постановочной бригады МХАТа в Грузию для работы над пьесой "Батум". Возвращение Булгаковых в Москву после телеграммы, отменяющей поездку. На обратном пути и в Москве Булгаков почувствовал резкое ухудшение зрения - первый признак нефросклероза.
19 августа - Булгаков начинает записи итальянским языком.
26 августа - предложение С. А. Самосуда сделать из "Батума" оперу.
27 августа - предложение представителя киностудии "Союздетфильм", еще не знающего о запрете "Батума", написать на основе этой пьесы киносценарий. Г. М. Калишьян подтверждает, что все материальные обязательства по договору о "Батуме" МХАТ выполнит и деньги можно получить когда угодно.
8 сентября - предложение Г. М. Калишьяна Булгакову заключить договор с МХАТом на новую пьесу или инсценировку тургеневских "Вешних вод".
10 сентября - Булгаков с женой уезжает в Ленинград.
11 сентября - новое резкое ухудшение зрения у Булгакова.
15 сентября - возвращение Булгаковых в Москву. Консилиум врачей подтверждает поставленный в Ленинграде диагноз: гипертонический нефросклероз.
4 октября - начало диктовки Булгаковым жене последних исправлений текста "Мастера и Маргариты".
10 октября - составление Булгаковым доверенности жене на ведение всех дел и завещания.
14 октября - Е. С. Булгакова официально получает доверенность на ведение дел мужа.
18 октября - звонок Булгакову секретаря Союза Советских писателей Александра Александровича Фадеева с обещанием навестить больного писателя.
24 октября - Художественный совет МХАТа одобряет предстоящую постановку пьесы "Александр Пушкин".
11 ноября - первый визит к Булгакову А. А. Фадеева.
16 ноября - Булгаков заключает договор с ленинградским Большим драматическим театром на постановку инсценировки "Дон Кихота".
18 ноября -18 декабря - Булгаков находится на лечении в подмосковном санатории Барвиха. Временное улучшение состояния здоровья, восстановление зрения.
Конец года - выход в ленинградском "Гослитиздате" (куда издательство поглотило ликвидированное в 1938 г. издательство "Academia") третьего тома собрания сочинений Мольера с булгаковским переводом пьесы "Скупой".

1940 г.
6 января - Булгаков делает последние записи к задуманной ранее пьесе "Ричард I" ("Ласточкино гнездо"), но не прекращает работу из-за болезни.
22 января - Булгаков подписывает договор с МХАТом на постановку пьесы "Александр Пушкин".
13 февраля - Булгаков последний раз диктует поправки к тексту "Мастера и Маргариты".
24 февраля - по письму Булгакова, указавшего на нарушение договорных сроков постановки "Дон Кихота" - к 1 января 1940 г., Театр им. Евг. Вахтангова выплачивает ему неустойку и заключает новое соглашение, где крайним сроком сдачи спектакля указано 1 апреля 1941 г. (премьера "Дон Кихота" у вахтанговцев состоялась 8 апреля 1941 г.)
Февраль - начало марта - дежурство у постели Булгакова его друзей и близких. Визиты А. А. Фадеева, излагавшего планы поездки Булгакова на юг Италии для лечения.
4 марта - согласно записи Е. С. Булгаковой, этот день проходит так: "Утро. Проснулся... Потом заговорил: "Я хотел служить народу... Я хотел жить в своем углу... (Сергею Шиловскому) Ты знаешь, что такое рубище? Ты слышал про Диогена? Я хотел жить и служить в своем углу... я никому не делал зла..."

10 марта - в 16 часов 39 минут **Михаил Афанасьевич Булгаков** умирает.

11 марта - гражданская панихида в здании Союза Советских писателей (улица Воровского, 52). Перед панихидой московский скульптор С. Д. Меркуров снимает с лица Булгакова посмертную маску. С прощальным словом на панихиде выступают писатель Всеволод Вячеславович Иванов, драматург Алексей Михайлович Файко, актеры Василий Осипович Топорков и Борис Аркадьевич Мордвинов.
12 марта - кремация тела Булгакова. Урна с прахом захоронена на Новодевичьем кладбище.

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ От редакции ~

Чертовщина в "нехорошем" доме

Обсуждение статьи

В субботу в доме на Большой Садовой, где расположена "нехорошая квартира" № 50, открылся культурно-просветительский центр "Булгаковский дом". Новое учреждение создавалось по всем канонам антикризисной науки: с выставлением за дверь прежних хозяев, сменой охраны, легким рукоприкладством и пикетами жителей дома, обзывающих культурный центр "гнездом экстремизма". Тем не менее руководство центра обещает превратить "Булгаковский дом" в модное место для любителей классической русской культуры.

Чертовщина в "нехорошем" доме

Дом № 10 по Большой Садовой имеет в списке "жильцов" нескольких знаменитостей: профессора черной магии Воланда, пройдоху Коровьева, кота Бегемота и некоторых других граждан сомнительных нравственных качеств. Всех этих персонажей романа "Мастер и Маргарита" поселил в квартиру № 50 Михаил Булгаков, где они и живут без прописки вот уже почти век. Видимо, в силу этого "обстоятельства непреодолимой силы" последние десять-пятнадцать лет дом и пребывает в состоянии хронического скандала.

Начитавшиеся "Мастера и Маргариты" туристы-иностранцы и студенты-романтики рвутся в 50-ю квартиру - вдохнуть булгаковской мистики. Жители соседних квартир, среди которых четыре коммуналки, обороняются от нашествия "булгаколюбов" как могут - дескать, романтики норовят напиться пива, написать на стенках подъезда разные слова и вообще по-всякому нарушают порядок. Десятилетний опыт борьбы воспитал из жильцов дома настоящих бойцов - их невероятно активная община под руководством Александра Морозова прошлой зимой составила ядро протеста в истории с изгнанием скульптурной композиции Александра Рукавишникова (в просторечии "примуса") с Патриарших прудов. В самой квартире № 50 "прописан" Фонд Булгакова", возглавляемый Мариэттой Чудаковой. В доме также действуют фирмы, арендующие квартиры под офисы, и работает занимающаяся расселением коммуналок, уполномоченная мэрией фирма "Ликом-центр". Столкновение всех этих пестрых интересов периодически приводит к демонстрациям, скандалам и судам, что, по-видимому, истощило терпение городских властей - обстановку решено было разрядить, как на обанкротившемся заводе, при помощи внешнего управления.

"Мы прорубим щель в таблоидном сознании современного зрителя"

На роль менеджера был выбран Николай Голубев, представляющий юридическую компанию "Энергоюрсервис", - кризисный управляющий с 8-летним опытом.

- Мы хотим наполнить это место жизнью, - рассказал он "Известиям". - Сделать так, чтобы сюда пришли нормальные горожане, живущие здесь и сейчас. Ходят же они читать книжку и обедать в "ОГИ", а за дешевыми подарками отправляются, как лемминги, в магазины "Путь к себе". Мы хотим сделать примерно то же самое здесь, только на основе классической русской культуры.

Будущее модное культурное место представляет собой первый этаж соседнего с "нехорошей квартирой" подъезда. Внутри - несколько комнат. В одной - выставка графики Гарифа Басырова - иллюстрации к "Мастеру и Маргарите". В другой - несколько достаточно случайных макетов, явно взятых по знакомству из Архитектурного института, - называется "Старая Москва". Зато в третьей - нечто совершенно неожиданное под названием "Электронная экспозиция": десяток плоских компьютерных мониторов, развешенных по стенам, как картины, - в рамах. На них сменяются слайды с фотографиями Булгакова, копиями рукописей, писем, документов. Показывают отрывки из фильмов "Собачье сердце", "Бег" и "Иван Васильевич меняет профессию". Посетители, сидя на диванчиках, смотрят, не отрываясь, как никогда не смотрели бы те же самые документы, выложенные в музейных витринах.

- Потенциал электронной формы не оценен до конца. К примеру, мы поменяем диск, и здесь будет Брейгель, - рассказывает Николай Голубев. - Пять минут Брейгеля! Или Леонардо да Винчи. Мы прорубаем щель в таблоидном сознании современного зрителя. На следующей неделе откроем терминалы - все желающие смогут приходить и делать свои виртуальные выставки. На любые темы - хотя Булгаков и будет проходить "красной нитью", на нем свет клином не сошелся. Думаем устроить лавку - торговать качественными копиями картин, выставленных здесь, или продавать сделанные на глазах посетителя копии подлинных старинных предметов - каких-нибудь шпингалетов, фрагментов лепнины... Место должно окупаться - нельзя все время искать спонсоров или сидеть на шее у одного несчастного "Саввы Морозова".

"Встретимся в суде!"

По поводу прежних, менее продвинутых желающих эксплуатировать славу Булгакова, Голубев высказался так: "Будем дружить". С "Фондом Булгакова" Мариэтты Чудаковой уже дружат - Мариэтта Омаровна благословила пришельцев, явившись на открытие центра. В 50-й квартире со временем обещают открыть экспозицию, посвященную Булгакову, и всячески помогать фонду.

С Александром Морозовым и его командой жителей дома подружиться сложнее. Они были прежними обитателями нынешнего помещения культурного центра (правда, по мнению представителей "Ликом-центра", занимали его незаконно). Выселили их оттуда, мягко говоря, не слишком деликатно: просто сменили охрану, выставив за дверь домового "секьюрити" - на основании решения районной комиссии по борьбе с терроризмом. Неудивительно, что разъяренные жители пикетировали открытие центра, расклеивали и раздавали всем желающим листовки, где центр назван "гнездом экстремизма". А всем готовым слушать рассказывали о своих боевых потерях.

- Мы просто подошли к двери, - рассказывает Рамиля Сабирова. - Просто стояли. Меня избили, устроили сотрясение мозга. Актриса Елена Морозова - она тоже пострадала. В помещении остались наши вещи - проект реконструкции дома, инженерная документация на дом... Старинный патефон с набором пластинок, реквизит детского театра... Нас приглашали на открытие. Мы, конечно, не пошли. Встретимся в суде!

Их противники в ответ рассказывают, как пришедших на субботник добровольцев встретили дамы, дравшиеся зонтиками, как накануне открытия "морозовцы" пытались заварить дверь в 50-ю квартиру, как пытались "изгонять дьявола" из вновь отремонтированного центра... Рассказывают, посмеиваясь: "После того как мы захватили пару заводов, это сопротивление просто смешно". Кто главный в булгаковском доме, уже выяснили. Удастся ли сделать его местом паломничества горожан, теперь зависит от дипломатических способностей "антикризисной команды".

« Назад

***21 мая 2004** Газета "Известия"*

~ Обсуждение статьи ~

Добавить сообщение

Николай 07.06.04 [00:02]	Ну и вранье почти все.Про день рождения МА ничего...Про людей пришедших на 302 бис в этот день тоже...А могла бы написать про вдову Гарифа Басырова,про клуб "Готика",про шампанское на открытии..."Случайные макеты"-это же надо!Просто один зал-артефакты (где Г.Басыров),другой-виртуальный(где живые картины),третий-объемный(макеты зданий того времени).Все это вместе-и дает гостям возможность получить настоящее ВПЕЧАТЛЕНИЕ .А что запомнилось каждому больше всего на тему Булгакова- так это у кого как...Дети,они как раз больше макетами зданий того времени интересуются...

Добавление сообщения

Имя:	
E-Mail:	
Заголовок:	
Форматирование:	B i u Img URL Цвет шрифта: По умолчанию Закрыть теги
Ответы по email:	☑
Сообщение:	
	Опубликовать сообщение

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

Телесериал "Мастер и Маргарита"

Обсуждение статьи

Владимир Бортко: "Телесериал "Мастер и Маргарита" сопоставим разве что с "Войной и Миром" Сергея Бондарчука"

Главный режиссер телеканала "Россия" Владимир Бортко только что вернулся из Болгарии, где он выбирал место для съемок нового проекта канала - десятисерийной экранизации романа Михаила Булгакова "Мастер и Маргарита". Перед началом съемок Владимир БОРТКО встретился с обозревателем "Известий" Анной КОВАЛЕВОЙ.

- Что вы нашли в Болгарии?

- Софийскую киностудию "Баяна", где год назад снимался американский кинофильм "Спартак". Он, кстати, сейчас выходит и на российский экран. У себя на студии болгары на американские деньги создали целый комплекс античных построек, который не просто похож, но, прямо скажем, полностью соответствует дворцу Ирода в Иерусалиме. Там-то мы и будем снимать историю Иешуа и Пилата.

- То есть Израиль как площадка вас не интересует?

- Нет, почему, часть съемок пройдет и там. Но учитывая сложную политическую обстановку в этой стране, мы будем снимать только общие планы Иерусалима. Кое-что будет сниматься в Ялте.

- А что есть в Ялте, что хоть как-то соответствует теме?

- Судакская крепость и Ливадийский дворец, как ни странно. Ворота судакской крепости очень похожи на ворота древнего Иерусалима. Фонтаны Ливадийского дворца весьма напоминают фонтаны дворца Ирода.

- Где будут проходить съемки других частей романа?

- В Петербурге, в павильонах и на улицах, даже в Москве.

- А ходят легенды, что Москву вы хотите снимать в Петербурге.

- Это не легенды. От Москвы тридцатых годов, слава богу, для жителей современной Москвы ничего не осталось, зато таких мест в Петербурге, увы, немало. Так что большая часть Москвы и в самом деле отыщется у нас. Тем не менее кое-что подходящее найдется и в Москве. Есть такие исторические места, которые довольно трудно заменить: Александровский сад, Дом Пашкова, Чистые пруды. На этом, пожалуй, весь список и исчерпывается.

- А что это за места, которых, к счастью для москвичей, уже больше нет?

- Я имел в виду, что нет больше старой Москвы. Она вся такая новая, ухоженная, замечательная... Очень красивая, молодая столица, то, что нужно для жизни. Но, к сожалению, она не имеет ничего общего с Москвой тридцатых годов. К сожалению для нашей съемочной группы.

- Как долго вы будете снимать?

- Очень долго. Пока мы предполагаем, что съемочный период продлится дней двести.

- По нынешним временам это и в самом деле немало - для телесериала. В чем причина?

- Потому что по сложности съемки "Мастера и Маргариты" сопоставимы с "Войной и миром".

- Сколько человек участвует в процессе?

- Разумеется, не сто пятьдесят тысяч, как в "Войне и мире", но тоже немало.

- Вы уже знаете, кто получит ключевые роли?

- На восемьдесят пять процентов.

- И кто эти люди?

- Не скажу! Потому что жизнь наша такова, что измениться может все что угодно в любой момент, а мои слова, между прочим, затрагивают человеческие судьбы. И потому говорить об этом нехорошо.

- Но мы знаем их имена?

- Да, если вы вообще интересуетесь кино.

- А вы с этими людьми раньше работали?

- Да, и надеюсь, что получится и на этот раз... А вообще я старый человек. Я успел поработать со многими актерами...

- У этого романа сложная история: считается, что снять его невозможно. Те, кто за него брался, либо не могли начать съемки, либо не могли довести их до конца, либо не могли выпустить в прокат свой фильм...

- ...ну, если вы говорите о проблемах режиссера Юрия Кары, вам на эту тему лучше пообщаться с ним. Все остальные - на Западе - благополучно этот роман экранизировали. А народная молва меня не интересует, потому что она в основном создается журналистами. Если бы я сейчас сказал, что взял роман в руки и они покрылись коростой, вы бы с удовольствием об этом написали.

- Вы путаете профиль издания.

- Ну хорошо, кто-нибудь с удовольствием бы об этом прочитал. Ну нет у меня проблем с этим романом и его экранизацией. Нет. А трудности могут быть только одни. Написан очень интересный роман очень талантливым человеком. И вся трудность заключается в том, чтобы адекватно, во всяком случае, близко и без больших потерь передать это в кино. Это серьезная задача, и я слегка побаиваюсь.

- Какие части романа не войдут в сериал?

- Не знаю, получится ли у нас снимать дословно, но никаких купюр не планируется, мы собираемся снимать близко к тексту.

- Когда мы сможем увидеть то, что получилось?

- Наверное, в конце следующего года. Но сроки показа зависят не от съемочной группы, а от телекомпании "Россия".

Что Вы ждете от сериала Бортко по роману "Мастер и Маргарита"? Как Вы думаете, удастся ли он и не слишком ли равнодушно режиссер относится к необычному, мягко говоря, материалу? Кто, по Вашему мнению, снимется в главных ролях в сериале? Давайте это обсудим на сайте "Булгаковская Энциклопедия". Приглашаю выразить Ваше мнение.

« Назад

***16 апреля 2004** Газета "Известия"*

~ Обсуждение статьи ~

Добавить сообщение

Re: Телесериал "Мастер и Маргарита"
Саша Б. 19.04.04 [09:43]
А что, по-моему, классная задумка - будет сериал "МиМ", будем смотреть как Бригаду или Бандитский Петербург. Мастера сыграет, естественно, Безруков, а Маргариту та актриса, что Настасью Филипповну в Идиоте играла - как раз волосы черные. Сухоруков как-нибудь подвяжется обязательно, ну и все сериальные актеры.
Надо же искусство приближать к народу - а то когда они еще книгу прочитают!

Re: Телесериал "Мастер и Маргарита"
Ира 20.04.04 [18:05]
По-моему, это прекрасная мысль. Вот только советую всем, кто будет заниматься этим сериалом, быть поосторожнее. Михаил Александрович ни за что не даст разгадать Роман. Так что осторожнее. Мало ли что...

Re: Телесериал "Мастер и Маргарита"
[illegible] 20.04.04 [19:26]
надеюсь все выйдет и тогда вас можно будет поздравлять а сейчас совет не ходите в церковь!

Re: Телесериал "Мастер и Маргарита"
Лёха 20.04.04 [21:43]
Несомненно, отличная задумка снять сериал по шедевру мировой классики. Этот роман произвел на меня неизгладимое впечатление и очень хотелось бы увидеть его на экране. Равнодушно к нему ни в коем случае нельзя относится. Жду с нетерпением и удачи!

Re: Телесериал "Мастер и Маргарита"
Хитюнги 22.04.04 [08:36]
В наш славной стране за последнее время был снят хоть один хороший сериал? Да не врите! И этот не исключение не будет. Испортят всё к чёртовой матери как с Антикиллером было. Надо ведь сначала дорасти до Булгакова, а наши телевизионщики разве на это способны?

Re: Телесериал "Мастер и Маргарита"
Станислав 22.04.04 [21:34]
Когда-то года 1,5 - 2 назад было интервью с М.Захаровым он говорил, что в полне возможно появится снять фильм по МиМ. Уверен, это получилось бы у него великолепно со свойственной ему и [illegible] Булгакова тонкостью, временами едва уловимой и временами явной иронией. С сожалением думаю теперь о том, что [illegible] :(С неправильным удовольствием посмотрел бы одну, двух серийную картину в постановке М.Захарова, нежели 10 серий другого режиссера, в данном случае Бортко.

Re: Телесериал "Мастер и Маргарита"
azazel 23.04.04 [17:03]
Жаль все-таки,что Янковский не захотел играть Воланда... Без него уже не то. Единственный в своем роде.
А в Москве почему так мало съемок?Я-то надеялась хоть одним глазком поглядеть,может,и в массовку затесаться... Ах,мечты,мечты...Всем привет.

Re: Телесериал "Мастер и Маргарита"
azazel 23.04.04 [17:04]
Ира,вы хотите сказать-Афанасьевич?.
С уважением.

Re: Телесериал "Мастер и Маргарита"
Анатолий, Германия 23.04.04 [23:08]
Ну что ж, хорошо уже то, что фильм не втиснут в одну-две серии, однако важно не потерять за сюжетом стиль и колорит, динамику. Хорошо ещё, если бы удалось как-то бережно сберечь максимум текста "от автора", тут уже деликатно. И мне ещё кажется, что если режиссёру удастся быть как можно ближе к автору, не пытаясь допускать малейших ненужных толкований типа "я так вижу", это может в значительной степени способствовать успеху фильма. Жаль, что Калягин уже староват, [illegible] представлялся именно он в роли Бегемота. Будем ждать.

Re: Телесериал "Мастер и Маргарита"
David 25.04.04 [09:45]
Ex... Не нравится мне как Бортко про старую Москву (и Петербург) говорит.. Что бы чувствовать "МиМ", я думаю необходимо любить такие вещи. [illegible] www.bulgakov.ru [illegible]

Re: Телесериал "Мастер и Маргарита"
Victoria 26.04.04 [00:55]
Бог в помощь!
Если хоть на чуть-чуточку удастся передать чувства и энергию МиМ, фильм, мешок Бортко можно будет гордиться особой. Готова многое отдать за участие в массовке (как-то приобщиться к шедевру).
С уважением,
Виктория

Re: Телесериал "Мастер и Маргарита"
Жеманная Дьявола 26.04.04 [13:36]
Великолепно,больше слов нет!!!

Re: Телесериал "Мастер и Маргарита"
Стена 26.04.04 [14:18]
Режиссера, снявшего "Собачье сердце" тоже зовут Владимир Бортко...Это не он ли?

Re: Телесериал "Мастер и Маргарита"
Стена 26.04.04 [14:43]
Режиссера, снявшего "Собачье сердце" тоже зовут Владимир Бортко...Это не он ли?

Re: Телесериал "Мастер и Маргарита"
Анатолий, Германия 26.04.04 [22:19]
Похоже, что он, потому что другого Владимира Бортко я не знаю. Если получится так же, как "Собачье сердце" (а там действительно и Булгаков сохранился, и актёры великолепные), то лучшего и желать не приходится.

Re: Телесериал "Мастер и Маргарита"
GELLA 27.04.04 [14:54]
A po-moemu na rol Volanda bolshe vsego podhodit Al Pacino.

Re: Телесериал "Мастер и Маргарита"
Юлия 29.04.04 [13:04]
Буду ждать с нетерпением. В роли Мастера вижу Меньшикова. "Идиот" был великолепен, ощущение - словно воспроизвели твое видение прочитанного. Ожидаю того же от "Мастера и Маргариты"

Re: Телесериал "Мастер и Маргарита"
Гелла 30.04.04 [22:16]
Вы слушали аудиоверсию МиМ? Думаю,Леонид Ярмольник неплохо смотрелся бы в роли Воланда и в сериале. А Меньшиков и т.п. [illegible] мне кажется (при всей моей любви к этим актерам). Если в МиМ будут актеры как во всех других сериалах, есть ли смысл? Просто костюмы сменили. И так ничего по ТВ смотреть нельзя - везде одни и те же, только имена разные.

Re: Телесериал "Мастер и Маргарита"
Михаил 03.05.04 [21:21]
А смогут-ли ? Не так-то просто поставить ТАКОЙ роман.

Re: Телесериал "Мастер и Маргарита"
Элен 05.05.04 [22:16]
Если не будут жалеть денег, фильм получится хороший. И актеров нужно хорошо подобрать, а то весь фильм привлекательность потеряет. Но думаю у профессионалов все получится как нельзя лучше!

Re: Телесериал "Мастер и Маргарита"
Sashok 06.05.04 [07:48]
Если это будет как 10-серийный "Идиот" прошлого года, то будет обалденно (не Бортко ли его снимал? я не помню...). Согласен с тем, что Меньшиков был бы хорош в роли Мастера (хотя в роли Иешуа, наверно, был бы лучше, но по возрасту уже вряд ли?). Вообще, на такой проект нужно мобилизовать весь цвет российского кино и телевидения. С нетерпением жду результата !

Re: Телесериал "Мастер и Маргарита"
Почитатель Булгакова 06.05.04 [13:36]
В роли Маргариты Анна Самохина была бы неотразима!

Re: Телесериал "Мастер и Маргарита"
Почитатель Булгакова 06.05.04 [13:38]
В роли Маргариты Анна Самохина была бы неотразима!

Re: Телесериал "Мастер и Маргарита"
Angel 06.05.04 [16:42]
Роман действительно "ТАКОЙ", как Михаил отозвался. В него погружаешься и теряешь реальность и как будто ты уже не существуешь. И если удастся сделать сериал, который передаст это на экран - великая слава тогда режиссеру и всем, кто его делает. Удачи!

Re: Телесериал "Мастер и Маргарита"
06.05.04 [23:44]

Re: Телесериал "Мастер и Маргарита"
Николай 08.05.04 [13:41]
Да дай Бог удачи Вл.Бортко.Надеюсь что и на этот раз его муза ему не изменит...Трудный и неординарный текст , парадоксально переплетенные смыслы..Бездна иронии.. Роман [illegible] российский читатель.. И соответственно [illegible] Режиссеру придется стать живым мостом между М.А. и "внуками" Шарикова... Правда ,для Вл.Бортко это не в первый раз- человек ,который [illegible] Достоевском способен на мой взгляд.

Re: Телесериал "Мастер и Маргарита"
Сашка А. 08.05.04 [14:40]
Надеюсь, что не испортят. надеюсь, что не испортят. Хотелось бы, чтобы получилось как "Собачье сердце", то есть - замечательно! [illegible]

Re: Телесериал "Мастер и Маргарита"
08.05.04 [22:05]

Re: Телесериал "Мастер и Маргарита"
10.05.04 [22:21]
С 15 мая в в Булгаковском доме (№10 по улице Большая Садовая),НА ПЕРВОМ ЭТАЖЕ (вход со двора,в 52 помещении) открывается Культурно просветительный центр "Булгаковский дом".

В помещении Центра постепенно будет показана уникальная электронная экспозиция, посвященная жизни и творчеству М.А.Булгакова. Вы сможете ознакомиться с фотографиями писателя,с фрагментами из фильмов,спектаклей по мотивам его произведений.

Посетителей Культурного Центра ожидают следующие события:

1. Открытие Культурного Центра «Булгаковский дом» и презентация электронной экспозиции, посвященной жизни и творчеству М.А.Булгакова (15.05 в 15.00)
2. Выставка графических работ художника Гарифа Басырова. Иллюстрации к роману М.Булгакова «Мастер и Маргарита». (15.05 – 15.06)
3. Выставка архитектурных макетов «Москва. Центр» (экспонаты предоставлены музеем МАРХИ) (15.05 – 20.06)

Мы будем рады видеть Вас -

Телефон для справок: 506-57-35 - Светлана

Re: Телесериал "Мастер и Маргарита"
tehnik 11.05.04 [15:29]
Роман экранизировать, не отступая от текста нельзя.

Re: Телесериал "Мастер и Маргарита"
Сашка А. 11.05.04 [20:53]
Можно и ещё как! Вы видели "Собачье сердце"? Практически дословно!

Re: Телесериал "Мастер и Маргарита"
Ольга 12.05.04 [12:15]
Не знаю... В свое время мне казалось, что фильм может действительно получиться. В роли Маргариты я видела и Самохину и Вертинскую [illegible] Сейчас, просмотрев достаточно большое количество фильмов, я по-другому смотрю на эту экранизацию. [illegible] Я удивлюсь, что в Голливуде до сих пор ничего не сняли на эту тему.

Re: Телесериал "Мастер и Маргарита"
Artyom 12.05.04 [19:33]
Katati, v Gollivude oni nikogda ne smogut snyaty TAKOY roman. Ideya prekrasnaya, tolyko vsyo delo v kastinge. Esli kasting budet plaxoy - film ne poluchitsya.
S uvajeniem,
Artyom iz Yerevana.

Re: Телесериал "Мастер и Маргарита"
Бегемотик 12.05.04 [19:35]
Пожалуйста, найдите действительно "булгаковских" актеров! И удачи...

Re: Телесериал "Мастер и Маргарита"
Бегемотик 12.05.04 [19:37]
Пожалуйста, найдите действительно "булгаковских" актеров! И удачи...

Re: Телесериал "Мастер и Маргарита"
11 12.05.04 [21:21]
ват:)
да кастинг это очень важно!

Re: Телесериал "Мастер и Маргарита"
Stalker 13.05.04 [15:29]
Бред!!! Наши сериалы только и могут снимать про спецназ и моральных уродов, разные бригады и бумеров. Где актёры, где режиссёры??? И сюжет ветра в карманах.

Re: Телесериал "Мастер и Маргарита"
Сашка А. 14.05.04 [12:48]
[illegible]
P.S. [illegible]

Re: Телесериал "Мастер и Маргарита"
Лейла 14.05.04 [18:27]
Я лично не хочу видеть МиМ на экране. Не думаю,что найдутся подходящие актеры, а неподходящие испортят всё впечатление от романа. [illegible]

Re: Телесериал "Мастер и Маргарита"
Алексей 14.05.04 [22:05]
Я вот тоже критически отношусь к этому сериалу. [illegible] Посмотрим, что получится. [illegible]

Лучше бы сни "Собачье сердце" почаще показывали.

Re: Телесериал "Мастер и Маргарита"
16.05.04 [12:45]
Только бы не было в главных ролях наших популярных актеров. Я ничего не критикую их творчество, но вот в роли Мастера Безрукова, Башарова, Меньшикова и т.п. представить себе никак не могу! Хочется, чтобы в кадре появились новые лица! Хотя бы на роль Воланда, Мастера, Маргариты. Воланда и Иешуа...

Re: Телесериал "Мастер и Маргарита"
Марга 17.05.04 [13:26]
Конечно хотелось бы видеть пусть 3-4 часовой, но однородный фильм и на экранах лучших кинотеатров. С хорошим, немного декадентским, музыкальным оформлением в духе 30-х и характерными НЕ СЕРИАЛЬНЫМИ актерами, да так, чтоб ведущих из кожи не было от удовольствия и гордости за нашего Булгакова. [illegible]

Re: Телесериал "Мастер и Маргарита"
19.05.04 [17:01]
А почему сериал? Я бы с большим удовольствием посмотрела полнометражный фильм, нежели это мыло.

Re: Телесериал "Мастер и Маргарита"
Николай 19.05.04 [17:06]
Довольно пессимистично, по-моему.Но это что-то!
Известия http://www.izvestia.ru/capital/106383_print

Re: Телесериал "Мастер и Маргарита"
Shbrilla 20.05.04 [12:38]
"...Как сообщили "Ведомостям" источники на "Ленфильме", съемки нового фильма Владимира Бортко "Мастер и Маргарита" начнутся в июне 2004 г. Они будут проходить в Москве, Петербурге (где, по словам Бортко, 30-е годы сохранились лучше, чем в столице), Болгарии (в декорациях, оставшихся от съемок американского фильма "Спартак") и Иерусалиме. В фильме планируется использовать беспрецедентное для нашего кино количество компьютерной графики - около 160 минут. А общая продолжительность фильма должна составить восемь часов. Пока не утверждены кандидатуры исполнителей Маргариты и Ивана Бездомного. Остальные роли на сегодняшний день распределены так: Воланд - Олег Басилашвили, Иешуа - Сергей Безруков, Мастер - Владимир Машков, Пилат - Олег Янковский, Азазелло - Александр Филиппенко, [illegible] - Нина Усатова."
(c) "Ведомости"

Телесериал Мастер и Маргарита
Игорь 20.05.04 [15:16]
[illegible]

Re: Телесериал "Мастер и Маргарита"
Анатолий, Германия 20.05.04 [17:24]
[illegible]

Re: Телесериал "Мастер и Маргарита"
Bellatrix 20.05.04 [17:46]
[illegible]

Re: Телесериал "Мастер и Маргарита"
Bellatrix 20.05.04 [17:51]
Не увидела сообщения по поводу актеров... По моему, отличный состав! Только вот Машкова в роли Мастера пока что не могу представить...

Re: Телесериал "Мастер и Маргарита"
Bellatrix 20.05.04 [17:58]
Не увидела сообщения по поводу актеров... По моему, отличный состав! Только вот Машкова в роли Мастера пока что не могу представить...

Re: Телесериал "Мастер и Маргарита"
Николай 21.05.04 [02:33]
Совершенно согласен с Анатолием! [illegible]

Re: Телесериал "Мастер и Маргарита"
Андрей 21.05.04 [11:17]
[illegible]

Re: Телесериал "Мастер и Маргарита"
Товарищ Че 21.05.04 [12:09]
http://www.radiomayak.ru/culture/04/04/28/29429.html

Re: Телесериал "Мастер и Маргарита"
Товарищ Че 21.05.04 [12:39]
http://www.radiomayak.ru/culture/04/04/28/29429.html

http://subscribe.ru/archive/rest.cinema.videonews/200405/09162928.html

"Мастер и Маргарита": Отчет пошел

3 мая 2004 года на Ленфильме состоялось совещание продюсеров нового 10-серийного телефильма "Мастер и Маргарита" по роману Михаила Булгакова. Во встрече участвовали Владимир Бортко (режиссер фильма и создатель знаменитых экранизаций "Собачье сердце" и "Идиот"), Валерий Тодоровский (продюсер телеканала "Россия"), а также представители компании "Централ Партнершип". На встрече обсуждался окончательный бюджет проекта (который обещает стать одним из самых больших в истории российского телевидения) и актерский состав.

Поскольку Ваш покорный слуга в течение двух месяцев принимал посильное участие в кастинге (в частности, доставал для ассистентов Бортко видеокассеты с фильмами, где были заняты интересующие их актеры), ко мне обратилась газета "Книжное обозрение" с просьбой взять у Владимира Бортко интервью. Что я и сделал 3 мая утром, за пару часов до совещания продюсеров. Интервью будет опубликовано в газете после праздников.

Съемки фильма начнутся в июне 2004 года и продлятся год - до мая 2005-го. Они будут проходить в Москве (Патриаршие пруды, Александровский сад, набережная Москва-реки), Петербурге (где, по словам Бортко, 30-е годы сохранились лучше, чем в столице), Болгарии (в декорациях, оставшихся от съемок американского фильма "Спартак") и Иерусалиме. В фильме планируется использовать беспрецедентное для нашего кино количество компьютерной графики - около 160 минут. А общая продолжительность фильма должна составить 8 часов.

Ниже вы можете увидеть утвержденный актерский состав фильма "Мастер и Маргарита" по состоянию на 8 мая 2004 года. К настоящему моменту, к сожалению, все еще не утверждены кандидатуры на две ключевые роли - Маргариты и Ивана Бездомного. Пробы продолжаются.

Воланд - Олег Басилашвили
Иешуа - Сергей Безруков
Мастер - Владимир Машков
Пилат - Олег Янковский
Азазелло - Александр Филиппенко
Арчибальд - Николай Бурляев
Бегемот - Александр Баширов
Берлиоз - Александр Адабашьян
Босой - Валерий Золотухин
Варенуха - Андрей Жарков
Гелла - Татьяна Школьник
Жорж Бенгальский - Андрей Урвант
Иуда/Барон Майгель - Дмитрий Нагиев
Каифа/Человек во френче - Валентин Гафт
Коровьев - Александр Абдулов
Латунский - Станислав Ландграф
Стела Лиходеева - Александр Домогаров
Матфей - Семен Стругачев
Наташа - Ксения Назарова
Николай Иванович - Вадим Лобанов
Поплавский - Роман Карцев
Римский - Илья Олейников
Семплеяров - Валентин Смирнитский
Следователь - Александр Чабан
Стравинский - Андрей Смирнов
Счетовод - Владимир Толоконников
Фокин - Лев Борисов
Штурман Жорж - Нина Усатова

Re: Телесериал "Мастер и Маргарита"
Хольтер 29.05.04 [16:25]
Приветствую! Список актёров разочаровал... Я конечно не знаю, как там прилагаются актёры в фильмы, но... Машков - Мастер?! Иешуа - Безруков?! Что-то не вяжутся эти актёры и роли... Басилашвили прекрасный актёр - но староват... Ведь добились же согласия Янковского, ну почему он не Воланд? А вот Пилата я вижу в Порошковщикове... Почему Миронов не сыграет Иешуа? Ведь его князь Мышкин вполне вел себя так же, говорил с теми же интонациями, что и Иешуа? А на Безрукова-то бы взял Бегемота. Это его фантазии конечно, но как хочется чтобы это состоялось на высшем уровне! Хоть референдум объявляй! С уважением...

Re: Телесериал "Мастер и Маргарита"
Алексей 29.05.04 [18:13]
По мне так несколько странноватый подбор актеров. Хотя, конечно, могло быть хуже. Впрочем, сейчас изучать список бессмысленно, когда будет снят и покажут фильм, тогда можно будет поговорить, а сейчас надо ждать и надеяться.

Re: Телесериал "Мастер и Маргарита"
Антон, Германия 31.05.04 [17:22]
Хотелось бы сказать по поводу как бы уже снятого экранизации "Мастер и Маргарита". Надеюсь, что Владимир Бортко удастся воссоздать образы всех героев романа так хорошо, как это он сделал в "Собачьем Сердце" [illegible] "Собачье сердце", оставив "булгаковский язык" без изменения. В "МиМ", на мой взгляд, отличный актерский состав. Сергей Безруков в роли Иешуа, [illegible] Маргарита. Конечно никакой связи нет, но хотелось бы её видеть в этой роли. Её образ очень близок к булгаковской Маргарите.Желаю огромных успехов на съемках. С нетерпением жду выхода сериала.

Re: Телесериал "Мастер и Маргарита"
Аня 01.06.04 [14:06]

Re: Телесериал "Мастер и Маргарита"
Аня 01.06.04 [14:09]
Простите,а можно узнать у вас о роли Маргариты?

Re: Телесериал "Мастер и Маргарита"
Антон, Германия 03.06.04 [01:33]
О роли Маргариты я ничего еще не знаю. Эта роль еще не утверждена. Мне просто хотелось бы видеть в этой роли Екатерину Гусеву. Мне кажется она смогла бы сыграть Маргариту, ближе к образу Булгакова. Посмотрим...

Re: Телесериал "Мастер и Маргарита"
БулгаковFan 03.06.04 [13:02]
Какой Иешуа из Безрукова???Только глаза голубые!Не сможет он сыграть,[illegible]!ТАКУЮ роль портить нельзя!

Александр 06.06.04 [14:11]
Кот Бегемот - ТОЛЬКО СЕРГЕЙ РОСТ!

Re: Телесериал "Мастер и Маргарита"
Antares 06.06.04 [15:09]
Интересно будет посмотреть на результаты, главное, чтобы не испортили. Такой роман никак нельзя портить плохой экранизацией.

А по поводу актеров...я рада, что Воланда играет Басилашвили, на это я и надеялась, [illegible] Безрукова в роли Иешуа, но зря вы на него возмущаетесь, Безруков хороший актер. Видели его в "Школе злословия", он меня сразил. Очень надеюсь, что он правильно прочувствует образ и хорошо сыграет.

Александр 08.06.04 [21:05]
Воланд - Дмитрий Нагиев!

Сашка 09.06.04 [08:43]
Да, Александр, хорошая идея. По-моему, Воланд должен быть спортивным, подвижным, с неудержимой иронией в глазах (даже сарказмом)

Александр 09.06.04 [08:49]
Жаль, что Нагиев будет участвовать только в мимолетной роли Иуды, а фактический толстячок Сергей Рост - не будет Бегемотом :(. Баширов хороший артист, но он - не типаж Бегемота. Он кулуарен, скандалист, такой, как в Ассе или в Игле, а вот Рост - это то самое обаяние, готовность, мягкость... Жаль, что будет не так.

Колян 09.06.04 [17:42]
А я бы на Воланда пригласил Максима Суханова. А Безрукову дал бы Коровьева. А Маргариту - Евгению Крюкову. А Мастером/Иешуа сделал бы Миронова.

Александр 09.06.04 [17:49]
Сегодня в газете Смена интервью с Ковальчук на тему МиМ и еще написано, что Мастер - Галибин. Может отвечаться? Кто-нибудь представляет себе Мастера Пашку Ивину? Я нет.

Колян 09.06.04 [17:51]
А Пилатом бы сделал либо, действительно, Пороха. Или Филю Антипова.

Колян 09.06.04 [17:52]
Он уж давно Николая II сыграл, вырос мальчик.

Александр 09.06.04 [20:53]
Все равно не Мастер...

Витек 10.06.04 [14:58]
А не логично ли на Мастера найти актера, внешне похожего на Булгакова ?

Рамзес 10.06.04 [15:02]
Внешность у Михал Афанасьича была заурядная... Это Елена Сергеевна была Маргаритой (Терехова лет 20 тому подошла бы очень). А Николай Денисов сейчас как выглядит, не подойдет?

Александр 11.06.04 [14:19]
Вроде как все-таки Машков

Разочарован
Арье 13.06.04 [19:11]
Как всегда господин бортко использует хороший и звездный актерсекий состав для спасения своей средней режиссерской работы. Какой из Абдулова коровьев? А из Адыбашьяна Берлиоз? И почему господин Бортко не открывает новых имен? Его актерский ансамбль качует из сериала в сериал.... В его фильме "Собачье сердце" Мною в пору его премьеры школьником 22 режиссерские не доработки. Если господин БОртко захочет мне ответить я оставляю здесь свою эллектронную почту. baytalski@rambler.ru
Арье Израиль

Арье 13.06.04 [19:15]
Сильно разочарован! Эти катеры уже так намозолили глаза.... качуют из сериала в сериал... Т почему господин Бортко не открывает новых имен? А использует звезд, чтобы скрыть среднею режиссуру.
Если господин Бортко захочет ответить мне моя почта baytalski@rambler.ru 10 серий это слишком много...
Арье Израиль

Арье 13.06.04 [19:16]

Aleksey 14.06.04 [01:17]
Неужели вы серьезно обсуждаете всех этих актеров и знаменитостей? Вся эта идея - это сплошное безумие.. Как можно снять то, чего невозможно снять в принципе. Вы когда-нибудь пробовали рассказать свой сон, сохранив переживаемые чувства?.. Это невозможно. И то, что из этого получится - не более чем уродская фотокопия великого произведения великого автора. Точка. Можете бросать камни.

А я верю в успех
Николай В. 14.06.04 [11:10]
Прочитал в последней Комсомолке (Толстушке) состав актеров. Я с Бортко, в целом, согласен. И надеюсь на его вкус и мастерство актеров из этого списка. Только кто же будет поэта Бездомного играть? Хорошо бы, Евгений Миронов?! Еще раз: В Бортко я верю: его "Собачье сердце" и "Идиот" мне очень понравились. Будем ждать выхода этого сериала с огромным нетерпением и надеждой.

Марга 14.06.04 [13:25]
При всем моем семилетнем уже фанатизмме к Миронову, я не понимаю, как многие хотят его видеть в роли Иешуа. Может у него и получилась бы эта роль, но такое впечатление, как будто не люди, не режесер (это касается и Безрукова) не понимают кто такой Иешуа и не видели никогда как Он выглядит. Неужели актеры со славянской внешностью и не высокого роста подойдут на эту роль? Тем более я слышала, что Безруков поправился, да и взгяд у него повесы, глубины нет.

Марга 14.06.04 [13:25]
При всем моем семилетнем уже фанатизмме к Миронову, я не понимаю, как многие хотят его видеть в роли Иешуа. Может у него и получилась бы эта роль, но такое впечатление, как будто не люди, не режесер (это касается и Безрукова) не понимают кто такой Иешуа и не видели никогда как Он выглядит. Неужели актеры со славянской внешностью и не высокого роста подойдут на эту роль? Тем более я слышала, что Безруков поправился, да и взгяд у него повесы, глубины нет.

Ксения 14.06.04 [17:19]
На мой взгляд ни Безруков, ни Машков не подходят на предлагаемые им роли, Мастер\Иешуа получился бы у Миронова, Янковский - Воланд, Басилашвили - Пилат \Стравинский.

Александр 15.06.04 [10:22]
Друзья, спорить и предлагать уже бесполезно. На днях в СПб уже начались съемки. В Вестях на РТР уже прошел целый сюжет.

Колян 15.06.04 [12:43]
http://www.trud.ru/002_Vtr/200406151090603.htm

Толян 15.06.04 [17:11]
Труд №109 за 15.06.2004

КУЛЬТУРА

БОРТКО НАШЕЛ СВОЮ МАРГАРИТУ

Режиссер Владимир Бортко, задумавший съемки телевизионного сериала по роману Булгакова “Мастер и Маргарита”, определился наконец с исполнителями главных ролей. После многомесячных проб выбор пал на известного актера и режиссера Александра Галибина, который сыграет Мастера. Роль его возлюбленной Маргариты поручена 27-летней петербургской актрисе Анне Ковальчук.

Телезрители знают ее по сериалу “Тайны следствия”, где она играет главную роль - обаятельного следователя Швецову. А театралы - по ролям в Театре им. Ленсовета. Именно там, говорят, и приглядел ее Бортко, не один месяц искавший героиню для своей новой картины.

- Анна, читали ли вы знаменитый роман Михаила Булгакова, в киноизложении которого вам предстоит сниматься? - поинтересовалась для начала я у молодой актрисы.

- И не один раз! Очень люблю эту книгу. Мне всегда хотелось сыграть Маргариту. Но, честно сказать, боялась об этой роли даже мечтать. Приглашение Владимира Бортко и удивило, и обрадовало. Сначала я прошла несколько фотопроб. После чего были еще три кинопробы. На них я играла сцену, в которой Мастер сжигает свой роман.

- И как игралось с Галибиным - сразу нашли взаимопонимание?

- Мы с ним в кадре еще не встречались. Во время проб я снималась со статистом. И один раз с Владимиром Машковым, который, как предполагалось, будет Мастером. Но в последний момент он участвовать в съемках отказался, не сошлись с режиссером по срокам.

- Слышала, что перед пробами вы примерили костюм, сшитый еще несколько лет назад для съемок, которые тогда так и не состоялись, и он вам подошел “один в один”?

- Да, это так. Я не знаю, кого предполагал тогда снимать в роли Маргариты Владимир Владимирович, он сам на эту тему не любит говорить, но платье, а также шляпки, туфли оказались мне впору. Добрый знак!

- Вы вообще суеверны?

- Стараюсь не слишком придавать значения разным мистическим знакам. Страха перед съемками “Мастера и Маргариты” у меня нет. Как и у режиссера. Его уверенность в успешной работе передается всем.

- И самого Бортко не боитесь? Он, по слухам, на съемочной площадке “страшный деспот”.

- У меня о нем сложилось иное впечатление. Профессионал с большой буквы.

- Скажите, Анна, а летать вы уже учитесь - будет в фильме сцена полета Маргариты на метле?

- Я умею летать во сне. На съемочной площадке такой задачи пока не ставили.

Это короткое интервью Анна дала мне в перерывах между съемками очередной серии “Тайн следствия”. Приостанавливать свое участие в этой работе она не планирует. Продолжит играть и в театре. На время съемок “Мастера и Маргариты” берет паузу только в общении с журналистами.

Владимир Бортко такую паузу уже взял. Я позвонила ему, чтобы узнать подробней о пробах Ковальчук и о том, кто еще из известных актеров будет занят в фильме. Владимир Владимирович поначалу рассердился. Но, узнав, что звонят из “Труда”, сменил гнев на милость:

- Анна Ковальчук понравилась мне потому, что она талантлива и красива. Это главные условия для исполнения роли Маргариты. Среди ее партнеров будут Александр Домогаров (Лиходеев), Валентин Смирнитский (Берлиоз), Илья Олейников (финдиректор Римский). Съемки начинаются уже на днях.

К СЛОВУ

Самые известные фильмы Владимира Бортко: "Блондинка за углом", "Собачье сердце", "Бандитский Петербург", телевизионный сериал "Идиот". Лауреат Государственной премии. Его фильмы неоднократно получали призы на престижных международных кинофестивалях.

Николаева Людмила.

Полян
18.06.04 [12:06]

Владимир Бортко: Анна Ковальчук - настоящая ведьма
В Петербурге начались долгожданные съемки сериала по мистическому роману Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита»

Петербургский Дом офицеров. Ничем не примечательный кабинет на втором этаже. Письменный стол с зеленым сукном, два шкафа под потолок. Первый день съемок, а сцена снимается вовсе не из начала романа. Но это нормально, кино зачастую снимают «задом наперед». Зато потом при монтаже кадры выстроятся строго по сюжету.

Актерский фейерверк сегодня не предусмотрен планом съемок, в кадре работают всего два актера.

Итак, кабинет следователя. Арестованный Никанор Иванович Босой (Валерий Золотухин) вызван, чтобы дать объяснения, как попала валюта в вентиляцию его квартиры. Если помните, председатель жилищного товарищества дома № 302-бис по Садовой улице в Москве погорел из-за шутки нечистой силы. Рубли, врученные ему Коровьевым, превратились в доллары.

До команды «Мотор!» остаются считанные минуты. А пока режиссер Владимир Бортко успевает дать интервью «Комсомолке».

- Владимир Владимирович, вы очень долго выбирали актеров на роли.

- Да, пробы проводились достаточно ДОЛГО, что я в общем-то редко делаю. В «Идиоте», например, я практически никого не пробовал. Здесь же это было долго и мучительно. При том, что в сегодняшний проект перешла половина актеров, утвержденных для «Мастера и Маргариты» четыре года назад.

- Подбор на роль вызвал наибольшие мучения?

- Как-то случается, что у меня всегда непросто с претендентками на главную женскую роль. И в прошлом я не пробовал никого, кроме Настасьи Филипповны, и сейчас с Маргаритой тоже не так все просто было. Пробовалось очень много замечательных актрис, но в конце концов мы решили остановиться на артистке Анне Ковальчук.

Исполнительница роли Маргариты Анна Ковальчук похожа на жену Булгакова.

- А что именно определило выбор?

- Она ведьма. А если серьезно, то она талантлива, умна и красива. К тому же, на мой взгляд, она очень похожа на Елену Сергеевну, жену Булгакова. У нее лицо того времени.

- Известно, что на роль Мастера претендовал Владимир Машков.

- Более того, у нас с ним была договоренность. Но Володя подписал два контракта в Голливуде. Я понимаю его, хотя мне какое-то время было достаточно сложно. Но выбор артиста Александра Галибина - не компромисс, а просто другое решение проблемы. Это не повлияло ни в коем случае на концепцию фильма.

- А из суеверия кто-то из актеров отказался от роли?

- Да. Хотя для меня это смешно и нелепо. Замечательный писатель написал замечательную книгу. Как другой замечательный писатель написал книгу «Фауст». Он, конечно, умер, но, уверяю вас, не от этого.

- Как обошлись с котом Бегемотом?

- В основном это будет электронный робот, который на экране должен вести себя как стопроцентный актер. Собственно, он и будет партнером Басилашвили и Абдулова.

Александр Галибин играл Николая II, на очереди - булгаковский Мастер.

У нас есть замечательные мастера, они давно и много работают для кино по той же технологии, что и в Голливуде. К тому же у нас несколько сократился бюджет картины, и хоть мы ни можем заплатить им так, как договаривались раньше, эти люди сказали: «Мы будем работать, сколько бы ни заплатили!» Если американский кот стоил бы три миллиона долларов, то наш обойдется значительно дешевле. Хотя в принципе он ничем не должен отличаться от американского.

- А кроме куклы?

- Есть такой хороший артист - Александр Баширов. Когда кот превращается в человека, его сыграет Баширов, а вот мимику электронному коту Бегемоту подарит другой замечательный актер - Семен Фурман. Так что это образ синтетический.

- Скажите, а тот случай, который произошел с вами на Чистых прудах, - ваша выдумка?

- Нет. На самом деле была такая странная встреча четыре года тому назад, когда я в Москве выбирал натуру для съемок «Мастера и Маргариты». Проходил мимо меня человек и сказал: «Ничего у вас не получится». Согласитесь, было бы нелепо бежать за человеком и спрашивать: «Простите, вы не черт случайно?»

- Маргарита в фильме будет летать?

- А как же! В результате сложных трюковых съемок и последующей их обработки на компьютере.

- Правда ли, что каскадерша на репетиции полетов ребро сломала?

- Не сломала, но, конечно, было очень тяжело, и синяков она получила достаточно.

- Как долго продлятся съемки?

- До января. А показать фильм собираются в эфире телеканала «Россия», по заказу которого и делается эта работа.

ИЗ ДОСЬЕ «КП»
Актрисе Анне Ковальчук, звезде сериала «Тайны следствия», еще нет тридцати, а актеру Александру Галибину в следующем году исполнится пятьдесят лет. Он снялся более чем в двадцати фильмах («Трактир на Пятницкой», «Мужество», «Красная корона»), сыграл роль Николая Второго в картине Глеба Панфилова «Романовы. Венценосная семья».

КТО ЕСТЬ КТО В НОВОМ ФИЛЬМЕ?
Всего в фильме легендарных семь персонажей. Назовем лишь часть:
Маргарита - Анна Ковальчук
Мастер - Александр Галибин
Воланд - Олег Басилашвили
Понтий Пилат - Кирилл Лавров
Иешуа - Сергей Безруков
Азазелло - Александр Филиппенко
Коровьев - Александр Абдулов
Бегемот - Александр Баширов
Берлиоз - Александр Адабашьян
Поплавский - Роман Карцев
Председатель жилтоварищества Босой - Валерий Золотухин
Финдиректор варьете Римский - Илья Олейников
Андрей Фокич, буфетчик варьете - Лев Борисов
Иван Бездомный - Владислав Галкин
Литератор Штурман Жорж - Нина Усатова
Канфа - Валентин Гафт
Левий - Семен Стругачев
Иуда - Дмитрий Нагиев

Татьяна МАКСИМОВА.
Фото Ольги МОИСЕЕВОЙ.
Санкт-Петербург.

Александр
21.06.04 [20:50]

Этот роман экранизировать НЕВОЗМОЖНО. Дело не в актерах, не в режиссере и прочая... Дело в принципе. Посмотрите 4-х серийный польский фильм. От текста ни шагу, а получился абсолютно статичный фильм. Я уж не говорю о югославском варианте. Все прелесть романа - в его магии, а это на экран перенести невозможно. Несмотря на несомненную удачу Бортко - "Собачье сердце" - с большой тревогой жду, что сделают из моего любимого романа.

НЕВОЗМОЖНО

Юлия Вишневская
22.06.04 [09:16]

Согласна с Александром на все сто!
Роман - на то и роман, а не пьеса, чтобы его экранизировать. Когда Булгаков хотел, чтобы его произведение игралось в театре (сечас - в кино), он переписывал его в драматургическом ключе. Так он поступил с "Белой гвардией", и "Дни Турбиных" прекрасно идут на сцене. "Мастер и Маргарита" же играть нельзя, хотя бы потому, что в этом романе шорохо больше потаенных смыслов, чем может выразить кинематограф.

Колян
22.06.04 [15:10]

А как же замечательный спектакль Любимова на Таганке ?
Притом сильный именно теми компонентами, которые казались на сцене невоспроизводимыми. Один вроде бы статичный Пилат Шаповалова чего стоил!

Юлия Вишневская
22.06.04 [15:19]

:-/

Добавление сообщения

Имя:	
E-Mail:	
Заголовок:	
Форматирование:	B I u Img URL Цвет шрифта: По умолчанию — Закрыть теги
Ответы по email:	☑
Сообщение:	
	Опубликовать сообщение

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии
Архив публикаций
Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы
Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи
Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта
Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

Нехорошей квартире нехорошо

Обсуждение статьи

Тексты: Юлия Вишневская, фото: Юрий Кузнецов

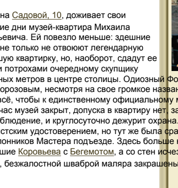
Вчера, 8 февраля 2004 года, редакция "Булгаковской Энциклопедии" в полном составе совершила очередной рейд по главным булгаковским местам Москвы - Патриаршим Прудам и Нехорошей квартире. Нашей целью было не только навестить эти святыни, но и подвести итог скандалу, творящемуся вокруг этих культовых для каждого булгаколюба мест, написать репортаж "по горячим следам" и зафиксировать все изменения на пленку, точнее, "на цифру".

Сразу обрадую единомышленников: Патриаршие пруды остались прудами, над которыми витает дух Мастера. Весной по дорожкам вокруг Прудов снова можно будет прогуливаться под руку с любимым человеком и кататься на лодочке и представлять, как почти век тому назад близ этих темных вод возник маэстро Воланд со своей свитой и наступил великий месяц Нисан в Красной столице.

Патриаршие, насколько можно судить зимой, а сейчас они представляют собой стихийный необустроенный каток, похорошели и приобрели статус официальной культурной зоны Москвы. На это указывает вывешенный на одной из сторон пруда Генеральный план реконструкции Патриарших прудов за подписью Градоначальника. На грандиозном полотнище аккуратно прорисованы существующие и еще не посаженные деревья и обозначено место, где будет стоять памятник Булгакову (еще если их не утерли слухи, что он будет представлять собой гигантский непочиненный примус). Больше всего авторам сего художества удалось зарисовок с натуры мемориального комплекса Ивана Крылова - единственного реального объекта на Патриарших.

Пруд обнесен миленьким заборчиком, но скамейки пока не появились, будем ждать до весны. Тогда же выяснится экстерьер памятника Булгакову и общий вид Патриарших, занесенных сегодня снегом и покрытых льдом.

В любом случае, Пруды у нас остались и не превратились, как мы боялись, в комплекс элитного жилья "На Патриарших". Благодарить за это необходимо исключительно жильцов близлежащих домов, горой вставших на защиту своего "парка для гуляний", в основном и не подозревая, что их двор является для нас чем-то особым. Если бы не они, городские власти и не заметили бы, что с лица Москвы исчезла еще одна культурная и историческая достопримечательность. Если уж не защитили Воентогр, гостиницу "Москва" и сотни других памятников с менее громкими названиями, то что уж говорить о "каких-то" Патриарших прудах, которые, на свою несчастье, расположились в лакомом месте города - на самом Садовом кольце.



Там же, на Садовой, 10, доживает свои последние дни музей-квартира Михаила Афанасьевича. Ей позволено меньше: здешние жильцы не только не отвоюют легендарную Нехорошую квартиру, но, наоборот, стоят со всеми потрохами очередному скупщику квадратных метров в центре столицы. Одинокий Фонд спасения Булгаковского дома во главе с неким Морозовым, несмотря на свое громкое название, уже добился закрытия музея Булгакова и делает всё, чтобы в единственном официальном мемориале писателя заросла народная тропа. Уже сейчас музей закрыт, допуск в квартиру нет, за подъездом дома №10 ведется видеонаблюдение, и круглосуточно дежурит охрана. Злобных поклонников редакция БЭ отвадила журналистским удостоверением, но тут же была сражена гулкой пустотой, царящей в закрытом для поклонников Мастера подъезде. Здесь больше нет Клуба встреч, утихли шаги по лестнице, так веселившие Коровьева с Бегемотом, а со стен исчезли все рисунки, признания и вдохновенные надписи, безжалостной шваброй маляра закрашены даже шедевры. "В порядок" привели в надежде на богатого покупателя квартиры.

Вся художественная и музейная ценность дома №10 по Садовой и квартиры №50 после этого варварского "ремонта" утеряна навсегда... Бесценная история в фотографиях и комментариях осталась только на нашем сайте вот по этому адресу. Теперь уже осталась только в творчестве Булгакова, в Москве больше нет. Нехорошая квартира осталась в воспоминаниях его поклонников и на сайте "Булгаковской Энциклопедии". Москве, которую Мастер прославил и описал как никто другой в своем великом романе, Булгаков не нужен - столица презрительно относится к провинциалам. Здесь нет ни улицы его имени, ни памятника ему, а теперь уже выселили и из квартиры.

Да будет благословен Киев, который, несмотря на то, что роман всей жизни писателя был посвящен не ему, хранит память о Михаиле Булгакове, не отрекаясь от Гения ради 30 тетрадками.

Ссылки по теме:
читайте статью "Известий" "Все Булгаков, Булгаков... А Шолохова, например, не читают".
Нехорошая квартира на Большой Садовой опечатана, культовый музей в ней закрыт
Жильцы Дома Булгакова пытаются отстоять здание-памятник у арендаторов

9 февраля 2004 Юлия Вишневская

Назад

~ Обсуждение статьи ~

Добавить сообщение

Долой Швондеров!!!
Юрий Кузнецов, 09.02.04 [14:43]
Уважаемые поклонники творчества Мастера! До каких пор мы будем терпеть этих бездушных Швондеров, которые сравнивают с землей священные для нас места?
Михаил Афанасьевич всю жизнь высмеивал и беспощадно боролся с этими варварами, для которых нет ничего святого, которым надо все поделить, уничтожить, застроить нелепыми и ужасными турецкими высотками. Очень обидно, что администрация города действует выборочно: чтобы поднять свой рейтинг, они устроили огромные празднества по поводу юбилея Александра Пушкина. А Михаилу Афанасьевичу, который всегда высмеивал бюрократию, эта самая бюрократия и отплачивает.
Швондеры наступают, потому что чувствуют свою безнаказанность. Давайте покажем им, что мы будем сражаться за наши ценности и не дадим осквернить имя величайшего Мастера. Эх-х-х, Воланда на них нет...

Re: Долой Швондеров!!!
Марина-азазель, 11.02.04 [13:00]
УНадо что-то делать!?И,почему в конце концов для нас сделал Михаил Афанасьевич,а мы что? Ограничимся прочтением великих книг?Да...как жаль...Неужели я так и не побываю там??Это нечестно!Воооланд!Ну что ты смотришь?Я не понимаю...

Re: Долой Швондеров!!!
Алим (фанат Булгакова), 12.02.04 [22:04]
Воланд, прошу, вернись и наведи порядок!!!!!! наш мастер оскорблен, надо что-то делать, помоги!!!!!

Тоже мне-комитет по культуре!!!
azazel, 14.02.04 [13:08]
Ну ни в какие ворота не лезет!Это уже действительно меня злит!Давайте,сносите все музеи,храмы культуры!Продайте их к чертовой матери!Может,она нам их через Воланда или Бегемота передаст...вы же все равно останетесь с носом!У нас длинные руки!..

Re: Долой Швондеров!!!
Зажигалка, 15.02.04 [00:12]
Самое главное то, что, похоже, кроме наших Высших Сил спасти Нехорошую Квартиру не может и не хочет... я уже писала как-то в форуме по этому поводу о том, что отправляла письмо нашему глубокоуважаемому В.В. Путину и, несмотря на уверения типа: "Вам обязательно ответят, ни одно письмо без ответа не останется", ничего не изменилось...
Хотя, может быть, это просто-напросто "игнор", действительно, зачем же заниматься спасением какой-то там квартиры какого-то там Булгакова, поклонники его все равно ни на что не способны и пусть не побеспокоятся и вообще...
В очередной раз задаю себе вопрос:"Есть ли разница с нашей страной между властью и анархией, если и в том, и в другом случае ничего не происходит?!"
эээх..."дикий мы, темный, несчастный народ!"

Re: Долой Швондеров!!!
Зажигалка, 16.02.04 [02:05]
мне кажется, что призывать Воланда и при этом молча созерцать постепенное разложение остатков российской культуры - слишком ничтожно и мало! Мы, поклонники Булгакова обязаны хотя бы попытаться что-то сделать!!! для начала можно попытаться еще раз написать в В.В.Путину адрес сайта www.kremlin.ru,правда, ОГРОМНОЕ кол-во писем он не в состоянии будет проигнорировать, тем более, в связи грядущими выборами).
Также неплохо бы попробовать написать Лужкову на www.major@mos.ru Мэру Москвы!!!
Давайте же попытаемся сохранить то малое, что нам осталось от Мастера!!!

Re: Долой Швондеров!!!
Мария Щепилова, 17.02.04 [20:53]
Интересно, неужели среди обитателей подъезда нет ни одного, кто гордился бы соседством с Нехорошей квартирой? Осенью 2003 на подъезде Булгакова сидел бомжеватого вида старик, и сначала я предпринимала попытку проникнуть в святые места Булгакова. Я очень хочу увидеть эту квартиру, хочу, чтобы она осталась. Вы знаете, не всем жильцам квартиры просто хочется жить спокойно, а из-за поклонников им это не удается. Кроме того, им мешают жить постоянные паломничества поклонников Мастера, тем более что среди этих поклонников, судя по некоторым глупым и грубым надписям в подъезде, встречаются люди и мало отличающиеся тактом и культурой... Но неужели нельзя ничего отмыть и отреставрировать? Думается, что булгаковские маскулитики мешают тоже. Вы уж извините, по минимуму, именно придав этому месту официальный статус музея, памятника, установив специальные часы для посещений...
Чудовищно грустно и обидно. Интересно, как на это смотрят министр культуры Швыдкой, наш просвещённый мэр Лужков?

Ну, блин, даёте!!!
Копрник, 18.02.04 [12:40]
Алим, воландист чёртов, ты идиот! Прочти "Похождения Чичикова" и убедись, что порядок наводит сам Булгаков (в "МиМ"-е - руками Воланда)! Так что:
"Миша, вернись!!!"

Re: Долой Швондеров!!!
Jokris, 19.02.04 [00:34]
Нет! Так нельзя!!! Нельзя, товарищи за деньги и наживу продавать собственную страну, культуру, достояние веков!!! Как же вам, товарищи (а вернее не товарищи) не стыдно, что вы совершенно прямо и открыто... Вам ли не знать, что Что же это вы бесстыдники творите? Чтобы вас, уродов нравственных, черти взяли!!! А мы не сдадимся! Мы будем вам ,пародиям, масло на дороге разливать, чтоб ваши малоумные головы летели трезвыйшую эстетично по мощатым мостовым!!! А потом и к нам и к таким гостям покажут не бесчестные люди ,а просто хамы, грубияны, исходящими от проклотых шин государств. Хоть бы жгли, то жгли бы с порога. Мерзостно вы неблагодарно к нам или ,лучше, в Сибирь снег убирать! А ещё, товарищи нелепые, у вас начнется паранойя связанная с галлюцинациями крови обидчиков творчества Михаила Афанасьевича Булгакова!!! ВЫ УНИЧТОЖИЛИ НАШУ СВЯТЫНЮ!!! МИССИР ВАМ ЭТОГО НЕ ПРОСТИТ!!!

Re: Долой Швондеров!!!
Jokris, 19.02.04 [18:13]
Друзья, прошу пришлите ответ на моё сообщение! Очень хочу познакомиться с вами!

Марине Щепиловой
Jokris, 19.02.04 [18:38]
Уважаемая! Что я думаю по поводу вопроса, касающегося квартиры Мастера, это полная уверенность с моей стороны в том,что весь дом на Большой Садовой 302-бис нужно было бы отдать на музей посвященной деятельности гениального писателя и знать в тонкостях художественную выставку ... По моему субъективное мнение исходит из того, что этот дом, кстати,этого место проживания бессмертного Михаила Афанасьевича, место святым и судьбоносным. Нужен будущий сквер, пригибаться, никто не будет мешать,наоборот это дом, где можно дышать тем же воздухом,что когда - то дышал высший Мастер! Хочется от собственного бессилия сказать следующее будущему жильцу-самоубийце: Товарищ! Не мешайте Божий дар с яичницей! Уносите ноги пока ваша жизнь не стала сущим кошмаром! Ей богу! Вы атеист, мне нет! Вам снятся черти?
Эх, в России две беды: дураки и дороги...Первая беда встречается гораздо чаще!...

Re: Долой Швондеров!!!
Мария Щепилова, 20.02.04 [22:28]
Уважаемый Jokris, боюсь, Ваша гневная тирада останется риторической - вряд ли её прочтут те, кто так безнаказанно распоряжается судьбой квартиры. Тем более, что большая часть поклонников творчества Булгакова - зачем этот сайт тем, кому наплевать и на Мастера, и на стремящихся с ним свиданий?

точно!
снова azazel, 21.02.04 [13:34]
Зажигалка(извините,не знаю Вашего имени...)отличная идея!Спасибо!Думаю,лучше президенту сразу,пока он не ушел:) Обязательно для всех!!!!!!!!!!Это единственный шанс спасти квартиру!Интересно,Путин читал Булгакова?..

Джокрису...
Марина, 21.02.04 [13:38]
Браво,Jokris!..

Смешно не правда ли?!
Jokris, 22.02.04 [16:14]
Здравствуйте, дорогие друзья!
Хочется сказать большое Спасибо за ответы на мои высказывания в адрес, так называемых, Швондеров. Что касается того, что злоумышленники не прочтут мою гневную речь-это, конечно, не очень хорошо (в точнее отвратительно), но дело в том, что клуб Михаила Афанасьевича я обнаружила совсем недавно и вступила сюда нужно ведь было с чего то начать! Итак я начала свою жизнь в клубе с примитивных,но более чем, понятных слов многоуважаемым поклонникам творчества Булгакова.
А пол мой, граждане, женский...

Марине
Jokris, 22.02.04 [16:27]
Если будет интересна история моего ника или информация связанная со мной: прошу задавайте вопросы, ответить на них я буду не сказано рада!

Re: Долой Швондеров!!!
Зажигалка, 23.02.04 [01:20]
Я ничего не имею против "новеньких" (глупое слово в данном контексте) в наших рядах, но...Мне казалось, что данная тема здесь создана по конкретному поводу, ведь знакомиться можно и в форуме...Без обид, просто мне очень горько от того, что, кажется, кроме нескольких человек НИКТО не разделяет моих "воинственных" настроений...Да, я для себя решила, что ПОСТАРАЮСЬ сделать все, что в моих силах, чтобы хоть как-то помочь решению ситуации с Нехорошей. Но, благодаря такому невиданному "энтузиазму", руки постепенно опускаются...Черт, в тысячный раз хочется повторить, что же мы за поклонники такие, если ничего не можем (или не хотим) сделать для Мастера, для Его памяти...
Я ВЗЫВАЮ к вам, давайте же объединимся, у нас еще есть шанс что-то сделать!!! Ведь есть уже у нас есть что-то, хоть какую-нибудь частичку от того, что когда-то было!
Да, у нас действительно есть немалые шансы - благодаря выборам. Сейчас главное - выиграть время, они не посмеют пропустить наш протест мимо ушей. Если нас будет много, если мы выстроим свой кордон против кордона соседских Швондеров, мы сможем победить!!! Сколько же можно молчать?!
Эх...наверное, зря я это написала...наверно, вы посчитаете меня истеричкой, "повернутой" или кем-нибудь еще...но я сказала то, что думала, что чувствовала...Я еще раз прошу не обижаться на меня за, быть может, резкие выражения...просто,действительно, горько...

Зажигалке
Jokris, 23.02.04 [18:17]
Драгоценнейшая Зажигалка!
Здравствуйте, любезнейшая, во-первых!
Сказать хочется очень многое, начну по порядку, постараюсь ни о чем не забыть...
Итак...
1.)Что касается "новичка", я новый человек только на этом сайте, творчество же Михаила Афанасьевича для меня своего рода маяк, который по мере возможности действует на меня как антидепрессант... "Мастер и Маргарита" для меня является Библией (не мне Вам объяснять).
2.) "Воинственности" у меня тоже хватает и если бы Вы меня видели летом 2003 года (июль) в Москве на известной улице, перед известным подъездом, Вы бы, милейшая, меня бы за раз отправили к замечательнейшему доктору Стравинскому со словами: "Не выпускайте ее. Опасна для общества!!!" Но, конечно, словами:"если бы да кабы" делу не поможешь, хотя что можно сделать человеку, который далеко от Москвы (хотя желает прожить именно в этом городе) и приезжает только на каникулы?! Безусловно, это не оправдание. Вы только скажите, что делать и я первая побегу давить проклятых Швондеров!!!Ну да ладно...
3.) А "горько" всем! Я лично пронапланла целый час около подъезда Мастера и что делу это, опять же, не помогло, только мои друзья подумали, что у меня с головой не всё в порядке...Горько...

Вот так вот!....
Jokris, 23.02.04 [21:19]
А общаться мне здесь больше нравится, хотя и не место для этого вовсе...
И знаете почему?
Потому что, форумы не выношу-неудобные они какие-то...

Re: Долой Швондеров!!!
Зажигалка, 24.02.04 [01:28]
=))) лан, я ж грю, без обид=)))
насчет того, что конкретно я предлагаю - я об етом писала в этой теме и в здешнем форуме...кроме всего прочего мне посоветовали обратиться к Людмиле Путиной и на канал ТВЦ, сама на данный момент этим занятьса не могу: денег на карточке нет почти, т. ч. предлагаю вам написать всем вышеперечисленным...Я уверена, что у нас получится!=)
все, интернет на исходе...до свидания!

Re: Долой Швондеров!!!
костя, 24.02.04 [07:05]
Они просто козлы какие-то! Возмущению действиями властей Москвы нет предела! Кабаки они открывают в этом же дворе! Советую Лужкову прочитать Собачье сердце!

Все в сборе?
azazel, 24.02.04 [18:31]
Милая моя Зажигалочка!Не волнуйся!Мы все с тобой!Письма Володьке я отправила,втором на подходе...ВСЕ-БУДЕТ-ХО-РО-ШО.Эта квартира прошла многое,и ее нельзя просто так закрыть.Ведь это невозможно.Это -факт.*А факт-самая упрямая вещь..."Ну,вы знаете!Поднять гоол пожары...Я там никогда не была,но сегодня мне эта квартира снилась,и я сделаю ВСЕ, чтобы попасть туда.ВСЕ!Но я надеюсь,что таких,как мы,будет много.Я Ы!.подскажи,что там еще можно сделать?..

Косте
Jokris, 24.02.04 [20:15]
Здравствуйте, синьёр!
На счет "Собачьего Сердца"это верно!!! Это вы подметили верно!!! Согласна, поднимаю две руки "за"!
Не культурное министерство России, а непонятно что!!!
Всякий там Швыдкой, который совершенно не представляет что такое культура и литературное наследие, щурится на нас с экранов полыбых экранов и усильно втирает, опять же нам бедным, что в России не нужна цензура печати и телевидения, да и вообще зачем нам и нашим будущим детям какой-то там Булгаков с какими-то облезлыми квартирами!
Сволочи они!!!!!!!! Ненавижу!!!!!!!! Не общество и не современность,а огромное скопление придуров-Шариковых!!! Тоже мне 21 век!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!
Переубивала бы на фиг всех!!!!!!!
ДАЙТЕ МНЕ ГРАНАТОМЕТ!!!!!!!!!!!!!!!!!!

Re: Долой Швондеров!!!
Анатолий, №222, 26.02.04 [22:24]
Происходящие события заставляют задуматься, что московские власти не просто потомки Швондера и Шарикова; это их наихудший современный вариант. Пролетарски-примые, откровенно тупые или идейно окрылённые фигуры прошлого меркнут перед меркантилистской наглой свелочью современности. Хотелось бы, чтобы москвичи, чтящие память Булгакова, не забыли это при очередных выборах мэра Москвы. Кроме того, пожелание тем же чтящим: неужели вы не можете хотя бы здесь писать грамотно? Да за одно слово "мИссир" я отказал бы автору от членства в клубе. А "КАльма", а "синьЁр"? Видимо, москвичей испортил не только квартирный вопрос...

Анатолию
Jokris, 27.02.04 [00:43]
Вот не буду Вам ничего отвечать на резкие замечания по поводу грамотности... Не также напишешь от переизбытка чувств и возмущения, а от нехватки времени, тем более!

Помогите!
да azazel я azazel!, 28.02.04 [12:48]
Как написать Людмиле Путиной?!

Re: Долой Швондеров!!!
Юля, 01.03.04 [16:29]
Во все времена существовали Швондеры. Они, "как нарыв", заселяли какую-нибудь выбранную ими территорию и начинали ее форматировать по-своему, прикрываясь общественной идеей, которую, в сущности, и искажали до неузнаваемости. И Швондеры придут и будут гребить до тех пор, пока будут появляться такие утопические идеи, как та, которой руководствовались революционеры.

Re: Долой Швондеров!!!
Зажигалка, 01.03.04 [21:35]
Насчет Людмилы Путиной - надо посмотреть в нете...я искала. но ничего не нашла толкового..то это еще ни о чем не говорит: адреса МинКультуры и третьей полосы у меня в тоске с третьей попытки нашла=)
пойду посмотрю еще...
кстати, насчет того, что жильцы хотят отстоять квартиру М.А. ...я уже вообще ничего не понимаю...то эти жильцы зловредно настроены, вроде бы, то они все резко спасают......)

Re: Долой Швондеров!!!
azazel, 02.03.04 [18:36]
Когда ТУДА снова все поедут?А?Так,чтобы нас много было..Товари-щи!Ответьте!Хочу бороться и протестовать за правду!!Уважаемые создатели!Не шутка!Вы где-то!

Re: Долой Швондеров!!!
04.03.04 [00:54]
Дамы и Господа!Уважаемые создатели!Прежде чем "бороться и протестовать за правду",неплохо было бы эту самую правду выяснить.Вот редакция,например,сделала такое предложение "чтобы по святым местам"совсем заблудилась и читателя с собой завела.То жильцы-кровососы со своей злобными ограничениями-полканами, возглавляемые одиозным Морозовым, культуру душат,то ,наоборот,спасают. И даже с некоторым риском для жизни пытаются спасти весьма сумную деревянную скульптуру высотой с хорошую трешку. Разница между публикациями-месяц.Вобщем, довольно невдумчиво для людей,ценящих предмет обсуждения.Как бы сказал М.А. -разруха в головах,а не где-то еще.

Re: Долой Швондеров!!!
николай, 04.03.04 [01:08]
Прошу прощения,не представился.Меня зовут Николай.

Николаю
Юлия Вишневская, 05.03.04 [16:21]
Насчет двух статей, выражающих противоположные мнения.
Редакция БЭ придерживается именно того мнения, которое она высказала в своей статье, т.к. лично произвела рейд и говорит то, что видела собственными глазами.
Статья из "Комсомолки" приведена здесь не случайно, а чтобы показать, какая путаница царит вокруг Нехорошей квартиры. За мнение журналиста "КП" редакция БЭ не несет ответственности - оно приведено для баланса как противоположное.
По-моему, всё предельно ясно. Разные редакции - разные мнения.
А разруха, действительно, "имеет место быть"...

Николаю
Понтий Пилат, 06.03.04 [20:44]
"Что есть истина?"...

Re: Долой Швондеров!!!
Марга, 10.03.04 [21:23]
Подавленность. Страх. Черно-белая жизнь.
И ожиданье какого-то чуда.
Кто-то пикует. Кто-то дрожит, от неизбежного...
Поздно, но будет.

Дерево.Стол. Мысли вокруг.
Дивно витают над камерным светом
Не керосинка Буржуй-абажур.
Круг от него - вечный спутник поэта.

Что же творится у Вас в голове?
Что в ней рождается так не здорово,
Не ли ск скончаемо сложно и ново
Сказки о правде? Может о зле?

Сказки о тех, в переулках шумящих
От ветра скрипящих иных времен.
Когда посмеялся над городом " спящим", в помоях" сидящим"
30-х годов - САтана.

Он посмеялся, поиздевался
Вместе со свитой дружков - негодяев,
В своей же квартире не колебаясь,
Вы их поселили под грохот трамваев.

Вы доказали ЛЮБОВЬ-значит ВеЧНО
Любовь не для всех живет на земле
И одарили ЕЕ бесконечно
Желаньем о НЕМ и судьбе на метле.

Пронизан печальной иронией стиль
В фантазиях пляшут спектакля картины.
За это Он вечен, за это один
Октанный морфием образ глубинный.

Пройдет много ног, размножатся поколения
На Патриарших Вас быстро забудут.
Потом так же быстро вспыхнут огни
На них ГЕНИАЛЬНОСТЬ и СЛАВА ДА ПОЗДНО, НО БУДУТ!!!!!

Re: Долой Швондеров!!!
Светлана, 12.03.04 [02:17]
Приветствую!
Я с интересом и участием слежу за дискуссиями на этом сайте. Я согласна со многими изложенными в статьях. Ситуация с булгаковской квартирой в Москве действительно отчаянная. И, мне кажется, пора уже что-то сделать по этому поводу.
Сейчас в квартиру по-прежнему никому не пускают. В самом музее я была несколько лет назад. Помню, что меня поразило убожество и неухоженность помещения. экспозиция как таковой там не было, да и атмосфера особой не ощущалось. Но я постаралась вообразить, как все-таки там выглядела квартира, и все-таки уша восхищенная.
Насколько я знаю, сейчас даже на стенах на лестнице не осталось рисунков - а это жаль, среди них были неплохие. Видимо, поленились те, кто делал там ремонт, разобраться, закрасить, может, быть, оставить лучшие, а хорошие рисунки -оставить.
Я участник инициативной группы, которая небезразлична судьба "нехорошей квартиры". У нас появилась идея организовать там субботник. И её нам, и есть такая возможность - координатор инициативной группы Нехорошей договорился о том, чтобы нас пустили. Так что - это, отзовитесь! Давайте соберемся и сделаем там уборку. Мы готовы закупить всякие моющие средства - для этого нам надо знать, сколько человек придет. Пожалуйста, пишите мне, как только соберется группа - начнем. Мой мейл atlana@yandex.ru
И - еще одна идея. Мы хотим создать электронную версию "нехорошей квартиры". Если у кого есть какие-то документы, фотографии - просим прислать электронную версию. Мы хотим делать, а не огорчаться по поводу того, как все плохо и ничего не делается. , Давайте сотрудничать!

Re: Долой Швондеров!!!
twc, 12.03.04 [11:45]
А толку? Ни письма, ни жалобы -- ничего не поможет. Чиновники совершенно бездушны -- если они действуют (или **бездействуют**) каким-либо образом, то ничто, кроме денег, их не остановит, а сопротивляться почти совершенно бесполезно. От государства ничего не дождешься, надеяться нужно на себя -- следует действовать самостоятельно. Полностью поддерживаю инициативную группу.

Re: Долой Швондеров!!!
Светлана, 12.03.04 [13:03]
Привет!
twc, спасибо за поддержку! По поводу чиновников - нам удалось договориться о субботнике, так что - никаких проблем. Давайте собираться уже! Мой мейл я указала, а вот еще телефон для связи - 506-57-35 (Светлана или Роман)
Жду ваших откликов!

12.03.04 [18:32]
2Светлана
С большим удовольствием приму участие в любом мероприятии в пользу любимого писателя. Тем более, я собираюсь написать статью о проблеме безвременной ситуации с булгаковскими местами Москвы.

Re: Долой Швондеров!!!
Стёпа, 12.03.04 [19:25]
Это мое было последнее сообщение. Сорри, писалось в автономке, поэтому имя вылетело. Подтверждаю свои намерения еще раз.

Вставай,Москва!..
azazel, 18.03.04 [17:03]
Полностью присоединяюсь к вышесказанному.Никак не могу найти людей и поехать туда.Рада,что есть инициативная группа.Может,её и нашим знакомым сделать свое дело!В.Вишня как,сущности-немыслимо. я Есть что-нибудь, ты когда просто-"БУЛГАКОВЦЫ"!Забавно...

Re: Долой Швондеров!!!
Надя, 18.03.04 [20:36]
К сожалению, среди моих друзей нет людей, которые бы "болели" Булгаковым так же, как я. Я очень рада, что нашла этот сайт. Оказывается такие, как я и вы, есть и много! Светлана,полностью поддерживаю ваше предложение, буду рада помочь. Мне очень не повезло- я пришла в первый раз на Б. Садовую только в прошлое воскресенье, т.е. 14 марта и оказалась у закрытых дверей с вывеской "Музей не работает". Было ужасно обидно. Правда, я не знала, что там есть музей, я вообще не знала, что там. Я так и не поняла, что происходит с другими квартирами в этом подъезде - жилые они или принадлежат Фонду Булгакова, что там? Я была очень расстроена, что так и не удалось ничего узнать. Мне бы хотелось, просветите, пожалуйста! Я как и многие, чувствую, что в тот вечер меня жили. Уважаемые братья по разуму,

Prosba
Anna M, 20.03.04 [19:25]

Данилов Сергей Викторович, 21.03.04 [00:18]
К 15 маю (дню рождения М.А. Булгакова) хотел посвятить поэтическую версию романа "Мастер и Маргарита", которая вышла в декабре 2003 года. Может быть, необходимо прикрепить к этому дню и его дома "Большой сход его почитателей"?

Субботник!!!
Светлана, 23.03.04 [16:33]
Приветствую! Что-то все-таки двигается в этом мире. Договоренности достигнуты, и субботник назначается на 14.00 27 марта (суббота).
Слов было сказано достаточно, теперь можно приступить к делам. Если уж делать действительно свое и уникальное место - то стоит делать это хорошо. Разберем двор, потом возьмемся за подъезд, и до квартиры, думаю, доберемся. Конфликтов с жильцами не будет, если мы будем, ведь мы делаем это для всех них тоже.
На субботнике все и познакомимся, а потом, думаю, соберемся, поговорим, принимаются новые идеи. Это реальный шанс сделать все так, как нам кажется правильно, не дожидаясь каких-то дядь сверху.
Если кто хочет присоединиться, то время еще есть, качество просим. Звоните по этим телефонам: 8-916-567-00-09 Светлана (это я) или 506-57-35 Роман. Пишите на почту.

Re: Долой Швондеров!!!
Зажигалка, 24.03.04 [17:02]
Неплохо было бы еще и заранее в сети обговорить,то конкретно поедет, где конкретно будут встречаться и тд=)
Сама я,думаю, поеду...но в данном случае, увы, и я не сама себе хозяйка...Но Я ПОСТАРАЮСЬ!...и еще народ сагитирую=)

Re: Долой Швондеров!!!
николай, 24.03.04 [23:59]
Нам не дано предугадать,как слово наше отзовется...Вот уж действительно,шутки в сторону...Мне кажется,я начинаю понимать почему в Киеве отличный музей М.А.,а у нас в Москве сами знаете что.Видимо люди настроенные на атмосферу романа "Белая Гвардия" существенно отличаются от поклонников романа"Мастер и Маргарита".Разница видна и невооруженным взглядом - по поводу субботника из Киева и то больше писем,чем из Первопрестольной.А ведь какая работа проделана инициативной группой!Столько труда,времени потрачено в маленьких кабинетах!Только-только дело стронулось с мертвой точки,еле-еле преодолели барьер недоверия ,добились первого,еще настороженного"Нуу попробуйте..."А с кем пробовать-то?Кто всего несколько-оказались только несколько человек с руками !Остальные,похоже только "с клавой"дружат...Ну да ладно.Мы сами бездействовать не собираемся.Будем делать дело.Я уверен ,что все наши планы будут реализованы и за Москву стыдно не будет.Только вот кажется мне, что тут-то мы и познакомимся с остальными "любителями клавы"и"Великими Булгаковедами",а также много чего нового услышим о себе...Зато теперь я твердо знаю, что разговорами дело и ограничится.

Re: Долой Швондеров!!!
Екатерина, 28.03.04 [22:20]
Господа! Увы, я поздновато набрела на этот замечательнейший сайт! если вы еще что-нибудь будете предпринимать относительно спасения Булгаковских мемориалов, то считайте меня еще одним энтузиастом в помощь! нет времени на большее, но остаюсь неизменным обожателем Писателя. С уважением к вам. Екатерина

Re: Долой Швондеров!!!
Светлана, 29.03.04 [02:15]
Субботник состоялся, о чем вы, верно, знаете из сообщения на форуме. Подробности на http://www.atlana.narod.ru/302.htm
Работа продолжается.

Re: Долой Швондеров!!!
Екатерина, 30.03.04 [14:03]
а когда будет вторая попытка?

Re: Долой Швондеров!!!
Drova, 02.04.04 [15:24]
Аквапарк, взрывы в метро, Манеж... Произойди такие события в любой другой столице на нашей планете, будь та в африканской стране, да где угодно, мэр давным-давно бы подал в отставку. А если не подал бы, то опасался выходить на улицы. Нашему Юлиану Марковичу все нипочем-если третий срок купил... А вы молчите, сокрушаетесь. Подписи надо собирать!!!

Re: Долой Швондеров!!!
николай, 05.04.04 [02:16]
Уважаемые Дрова!Что-то не припоминаю я ,что бы мэр NY подал в отставку после 11 сентября (хотя побольше там народу погибло ,чем в Москве).Может быть дело в том,что не африканская у нас столица?Или "наша планета ",столь "интернационально" настроенные Дров ,не Земля называется,а как-то иначе?Может быть вы, Дрова ,вместе с каким-то загадочным Юлианом Марковичем какие-нибудь инопланетные пришельцы?! Не знаю...А!Кажется понял!!Юлиан Маркович -это переделанный антисемитским пьяным клином Юрий Михайлович!Тогда ясно,т.Дрова в предыдущей жизни видимо изволили быть ,видимо, Забором.Иначе откуда бы взялась эта роковая тяга к бессмысленным надписям (и подписям)!?

Re: Долой Швондеров!!!
Nonpael, 05.04.04 [22:33]
Уроды они все!

Кхе-кхе..
azazel, 07.04.04 [19:56]
Ну,ребят,с вами не соскучишься!..Чего это вы вздумали мэров обсуждать?Подписи

Re: Долой Швондеров!!!
Елена Петерс, 08.04.04 [19:54]
Диву даешься! Что ж это они все к рукам прибирают, а москвичи молчат!? Такая огромная страна, а никто никто не встает!? А вот мы, даже бывшие киевляне, молодцы. Такого Монмартра нет даже на Монмартре. Мы там бывали, знаем,что это такое. Андреевский Узвоз - это Вам не "was ist das", это шедевр украинской культуры! Убедитесь сами. Там в рестран "За двумя зайцами" сходишь и выучишь весь украинский язык, потому как только на Украине можно так сладко, по-украински, покушать блюда с такими названиями! Над самими меню можно так обхохотаться, что не дай боже! Радость неимоверная! Чисто по-нашему. Я помню, в Молодежном театре раз восемь смотрела "За двумя зайцами" и не надоедало! А там и произведение - в меню.
Зайдите в "Музей одной улицы" (там же, на Узвозе). В принципе, от самих окон музея не оторваться! Молодец Андрей Вутянов и со. Такой шедевр - только на Украине!
Походите по мастерским наших художников. Какой там Монмартр, ему еще плыть и плыть до Андреевского Узвоза!
Сходите в Андреевскую церковь. Там же рядом. Пригладитесь к дому под названием Ричард, Львиное Сердце. Походите по брусчатке той самой улицы, в одном из домов которой жили и Булгаковы и Турбины. Зайдите, наконец, в сам дом. Такого очарования Вы ни за какими границами не встретите.
Побродите по Киеву, посмотрите на Дом с химерами, сходите в отстроенные церкви (наши прадедушка и прабабушка Терех жили и вдоме с химерами, который потом почему-то назвали, так и не поняли, что их отсюда быстренько отправят куда подальше, и спали в конюшне снесенного для здания ЦК собора в студенческие годы. Слава богу, его отстроили, да еще и как!). Вот это история, начиная с Киевской Руси, которую потом почему-то начали именовать "окраиной" вместо Украины. Молодцы мы! Братцы, а мы ведь и по-нашему заговорили! А то все националистами были, говорящими почему-то не по-национальному. На главной площади теперь архангел охраняет нас, а не указующий перст убийц! Вот чудо!
Куда до нас москвичам, только Воланда и осталось призывать на помощь!
Хай живе!

Re: Долой Швондеров!!!
Николай, 10.04.04 [00:21]
Рады за вас,Киевляне!Дай вам Бог всего доброго!Спасибо на добром слове!Про "воланда "классно,с сочувствием христианским!Молодцы вы!Братцы!Вот чудо!На главной площади охраняет вас от нас натовские офицеры!Как в прошлые разы!(Если вспомните,какие еще господ которые офицеры вас эээ...охраняли-вам станет понятно ,почему Киевская Русь превратилась "почему-то" в окраину,а потом в Украину)А может еще вспомните,что писал М.А.Булгаков по этому вопросу?!Как же все-таки на Украинской мові будет КИТ?А КТ?!

Re: где она, Москва Булгакова?!
Аська, 16.04.04 [00:00]
Ужасно. Все сломали. Так нечестно. Зимой была в Москве, гуляла по булгаковским местам. Ночь, снег, крышу сносило страшно. Потом смотрела настоящий "шедевр" - спектакль по роману Михаила Афанасьевича. Не знала, плакать ил смеяться. Изуродовали, одним словом.
Летом поеду в Киев, видимо, там, Булгакова тоже больше любят. 1-го мая снова буду в Москве. Собрались с мыслями и решилась написать о Патриарших прудах, о старой Москве и т.п. Обидно, что Нехорошей квартиры больше нет. До слез обидно.
Очень хочется встретиться с редакцией "Булгаковской Энциклопедии". Надеюсь на дружескую помощь в подготовке материала - вам это все-таки ближе. Питерские журналисты вас не забудут!
stasia198321@yandex.ru

Re:
Полина, 21.04.04 [17:30]
Мы цепляемся за этот музей.Конечно он нам нужен но пока не чего не получается.Пока мы будем думать как этот музей вернуть много времени пройдет.Можно собираться в другом месте и тем самым вести дело с квартирой.Будет ещё меньше людей если мы не будем собираться.А щас нечего не происходит мы только ругаемся письменно а в место этого мы могли вмести придумать что делать дальше.

Re:
Светлана, 21.04.04 [20:58]
Приветствую! Я бы сказала - все-таки происходит. Например - завтра. Все, кого интересуют подробности и кто хочет поучаствовать и помочь - звоните мне 506-57-35 (с 11 до 01)
Светлана.

Re:
Елена Петерс, 22.04.04 [21:41]
Вот читаю я Вас, Коля, и удивляюсь. Ну, не нравятся Вам эти архангелы. И не пойму Ваших намеков, честно слово! Кто кого когда охранял, такое запутанное дело, что попробуй доказаться! Я же Вам про Хому, а Вы мне про Ерему. Я Вам о прекрасном, а Вы мне про историю. Я Вас подбиваю на хорошие дела, а Вы сразу в историю. Ладно.
Если Вы учили историю, то должны знать: когда война, революция, пертрубации, нет правых и виноватых, есть павшие и живые, замученные и растерзанные и нерешённые страшные минуты.
Мой дедушка, Коля, Елинков Иосиф, русский, родом из под Курска, а жил на Украине. Погиб на Курской дуге.
О НАТОвцах:я их там не видела. Если не в прямом смысле Ваш намек, то скажу честно, як дід нашого бердун, яке не ..., то трiска, как говорят украïнськой мовою. Нас всегда кто-то хотел заработать. Если имеете ввиду Петлюру и притеплюровцев, то и это надо знать. У них на телегах было написано:"Бей белых, пока не покраснеют, бей красных, пока не побелеют". Так что им всё равно было, лишь бы свобода. Нас ведь учили, что была, а правда ли? А другие-то партизанами были...
А если вспомните фильм с участием Ролана Быкова, так там немолодая мама-командир бросила своего новорожденного ребенка на киевском еврейскою семьи и помчалась опять в бой. Помните, как Быков риторически спрашивает у ворот, за которыми стоять спасённые: "Господи, да что же это за люди такие?!" Так что все мы хороши, если что. Да и не всегда бывает выбор у человека. В том же фильме прекрасно показано, как "опять власть поменялась". А люди-то жить хотят... Жакивали и нам и тунны, и монголы, и татары, и турки, и немцы, и поляки-собаки, и советы. И козаков разогнали по Сибирям и Волгам. Историю, Коля. Они, пациенты, там что-то себе понапридумывают
и начинают внедрять. А за ними слепые граждане с серпами махать. Почитайте хотя бы дневники Пушкина о перестройке каждые 25 лет. Чему Вы удивляетесь? Что люди свободы хотят? Вспомните Тараса Бульбу, как он своего сына пристрелил, когда тот переметнулся в Польшу (учиться)! Трагедия ведь, с католиком подался. Или гения Тараса Шевченко, который так был в 25 лет в царской армии (рабом был). если бы не русские писатели-художники, его выкупившие.
Среди нас есть и плохие, и хорошие. Как два начала в самом человеке.
Вот честно, отбирают все,а потом плачут о погибшем! Самые все разговаривали, а потом другие виноваты. Надо же было людей за горло не брать, дать воздухом дохнуть. Но это же не Вы,Коля, делали, правда? Или надеюсь, правильные было бы сказать. На Украине люди не плохие, работящие, добрые и отзывчивые, на каком языке бы Вы не разговаривали. Ответят и по-Вашему, и по-нашему, и по-польски (язык моей мамы), и по-нашему (мой родной язык), и по-польски (язык моего папы), и по-закордонному. Теперь скажите, какой я национальности?!
Однако, интересно было бы, если бы в Лондоне все говорили бы по-Вашему,-нашему, а не по-тамошнему, честное слово. А вот честно, Коля, чего им надо от той Москвы. Или на атаь, или на друзья), другие кричат скадрами голосами слово. А вот честно киевляне молодцы, что так хорошо, стали на сторону.
Ну, честно, Коля, что они нам все вместе показывают? На какой, да перстами указательными, а то и всей ручищей? Одни на Москву показывают, "Go West". Лучше бы перестали к Вашим и у наших отвлеченных кромсать, пока налгают мне ужасных основания.
Я могу понять и тех людей, которые в том доме живут. Они ведь тоже хотят. У них ведь тоже дети спят. Вот тут бы и перст с указанием (Давай мир!) пригодился бы. Ну, не бальзам на душу, а?! Так что не надо никому обижаться. Любите друг друга, братцы. Я от Вас так далеко. Я Вас всех люблю: и наших, и Ваших. Будьте здоровы (по-нашему), т.е. будьмо (тоже по-нашему)!
I хай живе!

Re:
Елена Петерс, 24.04.04 [13:19]
Извините, Николай, за слово "пертрубации". Надо было бы в кавычки взять, я оростоволосилась. Это у нас на работе в Академии наук так говорила одна моя сотрудница, у которой муж комсомольским вожаком был. Так с тех пор и употребляем...

Re:
Nonparel, 24.04.04 [23:54]
ха

Re:
08.05.04 [15:05]
Мда...Елена..Читаете и удивляетесь?Я вот тоже.Как мы взаимны...Не понимаете намеков-скажу прямо-в вашем предыдущем послании вы по моему мнению не о прекрасном"написали.Злорадно слишком для прекрасного.Я рад,что на Украине стало лучше жить.Что хорошие граждане киевляне,что у вас красивый город и куршов стало немного поменьше на нашей чертовой Тверской улице ...Я ведь и сам родился в славном городе Днепропетровске и прекрасно чувствую родные души (к сожалению ,правда уже по ту сторону государственной границы).Считаю это разделение не просто недоразумением,а злым умыслом хитрых политиков,разделивших братские народы как баранов на отары (видимо им было так удобней стричь нас).Я то учил историю ,и в отличии от вас понимаю-в войне ВСЕГДА есть и правые и виноватые , невинноубиенные и убийцы.В Париже ,говорите бывает?Я вот тоже.Но готов поспорить ,что до Дахау и Освенцима девушке с подобной философией "ваших родителей не сберечь тут. Зачем не доехать никогда.А вот мы с друзьями доехали , поклонились памяти сгинувших и потерявших этим иллюзии про отсутствие правых и виноватых на войне...Ну и дальше - просто читать стыдно.То у вас полячки-собаки,то будто в Украине,разделим наше.убиенного страшного?(собакой вами стало быть обозванного).Сказал бы я вам разве что.Но не то ,по которой,по ведь и вашей наконец-то и ваших теперь.
Как и ясность изложения.И "подбивать"нас на хорошие дела не надо,"подбивают" обычно на гадости.А центр Булгаковский в Москве мы уже построили и откроем его с Божьей(а не на Ваших основаниях) как раз ко дню рождения Михаила Афанасьевича.Дай вам Бог здоровья,с наилучшими пожеланиями от всех москалей.Н.

Re: Долой Швондеров!!!
Николай, 19.05.04 [17:16]
Центр Булгакова открыт.Приходите в гости.Б.Садовая д.10(Булгаковский дом),первый этаж,вход со двора,помещение 52.Публикация в Известиях-http://www.izvestia.ru/capital/106383_print

Re:
Елена Петерс, 19.05.04 [19:50]
Опять для Николая.
У нас с Вами какой-то не совсем приятный тон в переписке. На кого Вы так сердиты, не знаю, но считаю, что вовсе не я виновата. Может быть, Вы и правы, но, я, поняла, что, мне кажется, не все жалуют. Вот как ввозили народ родном и близком, общем с Вами, все мы земляки, не правда ли? Я Вам показать доброе и злое начала хотела, как видно, не получилось. А вот этой-то самой машкой Вы меня зря так злорадно обзываете. Свои корни я всегда помню. Ежедневно, в своей работе тоже. Может, мое изложение и не точное, а же Вам отвечала. И снова отвечаю.
Я рада, что на Вашей улице меньше стало из "наших", буду рада, если меньше станет и "Ваших", и других национальностей. У нас наших улиц вам уже не стало. Здесь другая национальность стоит на дорогах. Ешьвелю и грязнее. Из тутешних.
О недоразумениях я уже Вам ответила. Ничего не изменишь уже. Насчет корней: десять лет я свою заплату отсылала своей сестре на Украине, чтобы ее дети и муж-шахтер не померли с голоду. На Родину, которая их без войны хотела доконать. Отсылала до последней копейки. Хорошо, муж понятливый.
О правых и виноватых: я имела ввиду Вас и нас всех, а о дедях я Вам писала. Вспомните анекдот, когда Гитлер вернулся из ада, и его спрашивают, как там. Говорит: "Все нечем. Одна беда: когда Сталин разжигающий муж. Всех сергом и молотом заставляет кушать".
О завоевателях: а что, не правда? Если Вы с Украины, то знаете, всегда примиянкой была сладкой, как и тот же грязный Донецк или Днепропетровск. Они сейчас еще грязнее и беднее. Если в придачу описать невывоз мусора из частных дворов, то еще печальнее станет. А ведь Вы знаете, что в этих городах велика доля частного сектора.
Высотных домов на выработках не построишь.
О моей философии: да нормальная она, пережившая Чернобыль тоже. Тоже я виновата, что ли? Или без войны войноватые?
О национальности моей: я смесь всяких языков и национальностей. И уважаю их в равной степени. Больше не вернешь. Я ошибки всяких дележек не исправлю уже. На всех своих языках я разговариваю. Перевожу. Поддерживаю. Вот с дочкой родной-то, никак не управлюсь на утреннем украинском. Говорит, ей бы по-английски да по-немецки не забыть, а то никуда на работу не устроится. Жаль, очень. Мама из меня плохая вышла. А все из-за Чернобыля. Папа-то наш по-украински ну ничегошеньки...
Насчет лагерей: я же не опишу Вам всю свою жизнь. Коля. Да и кому это надо?! Однако, в Аушвице я была. Если не верите, могу простым фактом доказать: нет там уже людских волос, которые мой муж еще застал. Он из за-злость волос не и стал туда заходить при тех чувствах, стоящего в камерах для пыток, у меня до сих пор в горле стоит. Просто ужас! Не А вот запах (или как это еще назвать), стоящий в камерах для пыток, у меня до сих пор в горле стоит. Просто ужас! Не дай бог такому повториться еще раз. Опять это без Родины, отказавшиеся от своих пап-мам, дедушек-бабушек, а ведь тоже той же национальности были... Хотите, пришлю фотографии? Мы вот с Холокосту мои снимки использовали для стенгазеты со студентами. Вы все-таки не знаете.
Насчет неправильных моих слов и выражений: москалями и хохлами, машками я Вас не обзывала. Примите во внимание, что вот уже почти 20 лет я не живу на Родине из моих 46-ти. Разница всего в паду лет между "тутешними і тамтешніми" периодами. Перемена времен на ином месте мне дали. Одна беда: когда Сталин разжигающий муж. Все покупатели-то сталкиваешься. Так что что-то не получается в стиле с языками. Ищу слово, задумываюсь, когда "не" пришлется. Ведь Вас уже не обманешь. Для Вашего "предыдущего послания", то его выражение не подбивалось, а подбирая слова.
Однако, с маленькой буквы я еще не пишу, как никого не писала, что каждый. Как и язык был, остается неприятное.
Вы сам такой злой-то?
О Булгаковском центре: я Вас всех поздравляю. Не сдались! Молодцы! Всегда бы так.
А больше я Вам отвечать не буду. Коля, нет смысла. Об этом можно спорить до конца жизни, с однозначным ответу все равно не придешь. Если я Вам не угодила, то и Ваша чувства обидела, извините.
Однако, Вы тоже хорош!...

И все же: всего Вам хорошего!

Елена Петерс, делегат от нашего/их города в Государственное самоуправление украинцев в Венгрии

Re:
Николай, 21.05.04 [03:20]
Извините ради Бога,за резкость моего тона!Вот уж действительно,"хорош"...Нагрубил даме...Просто ,прошу понять,очень личное у меня отношение к земле моих предков-России Белой,Малой и Великой...И еще вы так обидно вашим "благословили "нашу Украину в конце первого вашего письма-что совсем непонятно на душе мне стало.Ну и написал в сердцах.Поймите если можете ...И прошу-простите...Вот вам еще другу ссылочка -http://www.museum.ru/N18371 приглашаю в гости,приезжайте!Может что то у вас изменится в сердце после этого,станете менее благодушной и чуть-чуть злее.Это часто помогает перед тяжелой работой.А работы у нас здесь много.Делать-непеределать.Милости просим!

Re: Николаю
Елена Петерс, 21.05.04 [15:05]
Бальзам на душе, ей-богу! Слава Богу, масло собрано. А то как в том анекдоте:"Мамо, кажіть пароль, а то стріляти буду"
Поздравляю Вас с Вашими достижениями, постоянством мыслей, идей и дел! Страничку Вашу я обязательно посмотрю. Хотите, посмотрите на мою: www.ukrajinci.hu Там, как войдете, в самом низу, есть интересные сайты, например, украинская идея. Прочтите, Коля, не пожалеете. Создавали эти странички некоторые из моих друзей тоже. Художественное оформление - художника, неоднократно приезжавшего ко мне в летний художественный пленэр. Да простит этим дороги. О моем городе и наших соотечественниках там данных еще нет, по скоро будут.
Вот там и познакомитесь с тем, как мы здесь прославляем нашу Родину.
На открытии памятнику королеве Киевской-княгине Киевской Анастасии и ее мужу королю Андраашу в Тихоне (слово-то какое наше! А венгры и не знали, что такое) президент украинского парламента Ярослава Хортяни сказала замечательные слова: "Так от, щоб Ви знали: ми тут були, є і будемо!"
Так будьмо мы все, будьмо там, где нам хочется, и не забудьмо своих родных корней! И чтоб не серпом и молотом кушать, а детей здоровыми и свободными растить, и чтобы они чтили, держав нашим тоже здоровых внуков родили! И чтобы этих наши внуки тоже знали, откуда их корни растут.
И нехай довго живуть!
Елена

Добавление сообщения

Имя:
E-Mail:
Заголовок:
Форматирование: B i u Img URL Цвет шрифта: По умолчанию Закрыть теги
Ответы по email: ☑
Сообщение:

Опубликовать сообщение

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ СМИ о Булгакове ~

Все Булгаков, Булгаков... а Шолохова, например, не читают

Нехорошая квартира на Большой Садовой опечатана, культовый музей в ней закрыт

"Может, продадут ее - здесь многие квартиры проданы"

Народная тропа к "нехорошей квартире" протоптана многими поколениями студентов, школьников и иностранцев. Посидеть на ступеньках закрыв глаза и представить, как вылетал из двери буфетчик или прибывала на бал Маргарита, - минимум раз в жизни это проделывал любой нормальный московский учащийся. "Электоральный" адрес использовал и мэр Москвы - известно, например, что дом входил в одну из предвыборных программ Лужкова наравне с храмом Христа Спасителя. Правда, в последнее время пройти по культовой тропе становилось все труднее. Двор, где находится "нехорошая квартира", закрыли решеткой и оборудовали видеосигнализацией. Подъезд года два назад заперли, установив домофон. А теперь на замке и сама квартира. Откроется ли она когда-нибудь, неизвестно.

Охранник, следящий за порядком во дворе, объясняет, что в квартире сделали ремонт, а подъезд закрыли, чтобы не шастали - "все подъезды в Москве закрывают, чем этот хуже?"

- Может быть, продадут ее - здесь многие квартиры проданы. Сюда по-прежнему ходят, но уже меньше: смотрят на дверь, разворачиваются и уходят, заперто. По-моему, правильно - а то все Булгаков, Булгаков... А Шолохова, например, не читают!

"Никаких музеев в подъезде жилого дома быть не может по закону"

Последние десять лет в квартире обитал Фонд Булгакова, возглавляемый исследовательницей творчества писателя Мариэттой Чудаковой. Он выставлял редкие издания писателя, отмечал его юбилеи, проводил театральные постановки - по-взрослому поддерживал детскую игру в "Мастера и Маргариту". Квартира стала чем-то вроде подросткового клуба по месту жительства, многие из булгаковских поклонников приходили сюда петь авторские песни. На стенах подъезда писали любовные послания и отчаянные полудетские крики души. "Я знаю, Мастер, ты исполнишь мою просьбу. Я так хочу, чтобы мама с папой и Маруся были здоровы, жили долго и были счастливы. Я брошу свои амбиции и сделаю так, как хочет мама..." Поверх слов Воланда: "Да, человек смертен. Но это еще полбеды. Иногда он внезапно смертен" - лихая надпись: "Здесь был 8А". Портреты кота Бегемота в разных видах и призыв: "Господа, рисуйте качественные рисунки!" Была даже создана концепция организации в квартире культурного центра, которая, по словам ответственного секретаря фонда Инны Мишиной, была одобрена во всех инстанциях.

В ноябре 2002 года в доме начался ремонт - готовились к очередной годовщине со дня рождения Булгакова. Он продолжался десять месяцев. Накануне дня рождения писателя, 14 мая, квартира была опечатана сотрудниками префектуры. На следующий день поклонники Булгакова впервые праздновали день его рождения под открытым небом, во дворе, под злорадными взглядами реальных, не мифических жителей подъезда. Под руководством Александра Морозова, главы Фонда спасения Дома Булгакова и злейшего недруга "нехорошей квартиры", жители выставили кордоны и не пускали в подъезд никого из собравшихся, среди которых были весьма известные и уважаемые люди. С тех пор прошло больше полугода, но квартира так и не открыта.

- Историческая ценность квартиры после ремонта нулевая, - заявил "Известиям" Морозов, возглавляющий организованное сопротивление жителей дома нашествию стихийных визитеров. - Никаких музеев в подъезде жилого дома быть не может по закону: для этого нужен отдельный вход. Мемориальная квартира - да, но только с согласия соседей. А они его никогда не дадут. И подъезд не откроем - потому что это будет, как раньше: притон, бомжатник, пьянь и рвань.

"Мастер, мы вас помним..."

- Мы и не претендовали на открытие музея, - рассказывает Инна Мишина. - Это культовое место, стихийный памятник. Можно как-то решить вопрос со статусом места, но это квадратные метры, которые принадлежат нашей культуре.

По мнению Мишиной, ситуация небезнадежна: фонд подписал с префектурой протокол о намерениях, где говорится, что в квартире будет организована булгаковская выставка - "в феврале мы туда попадем, а еще через два месяца откроем двери для посетителей". Правда, юридических оснований для оптимизма немного. Если раньше фонд сидел в "нехорошей квартире" на праве аренды за символическую плату 1 рубль за метр в год, то теперь срок договора истек. И возобновлять его город не спешит. Ко всему прочему, фонду пришлось проходить долгие процедуры перерегистрации, после которых его право претендовать на бывшую "жилплощадь" свелись практически к нулю. Фонду предложено оформить квартиру в социальный наем - сейчас квартира находится в оперативном управлении у города. Но правовые основания, реальные последствия и вообще перспективы этой сделки довольно сомнительны.

Между тем пока префектура мучительно решает, как разрулить ситуацию, народная тропа с активной помощью обитателей злополучного подъезда потихоньку зарастает. Турагентства, работающие с иностранными туристами, постепенно перестают включать Большую Садовую, дом 10, в список интересных мест Москвы. На подъезде стараниями Морозова и его единомышленников вывешено письмо из Комитета по культуре города Москвы. В нем за подписью Ю.С. Егорова стоят решительные строчки: "Вопрос о создании музея М.А. Булгакова в квартире № 50 никогда не рассматривался. Оснований для создания музея ввиду отсутствия мемориальной коллекции не существует. Дополнительно сообщаем, что согласно действующему законодательству музеи в жилых помещениях могут создаваться на первых этажах жилых зданий и должны иметь отдельный вход. Что касается популяризации творческого наследия М.А. Булгакова, этими вопросами занимаются городские учреждения культуры (музеи, театры и библиотеки) в помещениях, которые они занимают".

Поперек полусодранного объявления коряво нацарапано: "Мастер, мы вас помним"...

« Назад

9 февраля 2004 *Газета "Известия"*

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции

5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»

Архив публикаций

Энциклопедия

Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы

Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера

Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека

Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ СМИ о Булгакове ~

Жильцы Дома Булгакова пытаются отстоять здание-памятник у арендаторов

Жильцы Дома Булгакова на Большой Садовой провели в четверг митинг в защиту своего дома. На первом этаже здания-памятника находится выставочный центр, но накануне его помещения были заняты представителями компании "Ликом-центр". Жильцы опасаются, что компания распродаст квартиры в их доме. Митинг закончился дракой демонстрантов с охранниками "Ликом-центра", передает "Коммерсант".

Двенадцать лет назад дом 10 на Большой Садовой, где некогда проживал Михаил Булгаков, был признан памятником истории и архитектуры. Жильцы дома в память о писателе организовались в домсовет, выполняющий функции самодеятельного фонда Булгакова. На первом этаже дома фонд устроил театральную студию, литературный клуб и выставочную площадку, наняв для безопасности охранников.

По словам жителей дома, во вторник к двери фонда пришел участковый милиционер Игорь Дюжев в сопровождении охранников "Ликом-центра". Он объяснил местной охране, что группа намерена проверить здание на предмет незарегистрированных граждан и взрывчатки.

После осмотра двери фонда заперли, вытолкав местную охрану, а жителям запретили заходить в эти помещения. С тех пор оттуда никто не выходил, хотя жильцы уверяют, что на первом этаже по вечерам "горит свет" и из окон "раздаются голоса".

"В захваченном помещении, между прочим, остались культурные ценности: экспонаты выставок, подарки зарубежных гостей, - рассказывает глава совета дома Александр Морозов. - Там, например, очень ценная полутораметровая деревянная скульптура кота Бегемота работы немецкого скульптора Эккахарта Бушона. С его перевозкой даже помогали "Аэрофлот" и немецкое посольство. Так что мы подали заявление в милицию и написали лично Юрию Михайловичу (Лужкову), чтобы ценности кто-нибудь спас".

По мнению жителей, захватившая спорную территорию компания "Ликом-центр" "фактически отдала в собственность неизвестным лицам с договором о предварительном ремонте помещений 18 пустующих квартир. Она, очевидно, претендует и на помещения первого этажа, надеясь на прибыли от продажи квартир в центре города".

Замдиректора компании "Ликом-центр" Ильдар Халилюлин сообщил, что компания не продает квартиры, а лишь является уполномоченным органом префектуры ЦАО и организует конкурсы на "продажу прав инвестиций на проведение ремонтных работ в доме".

По словам замдиректора, компания заключила договор с городскими властями на аренду первого этажа дома, который намерена использовать "как вспомогательные помещения квартиры-музея Михаила Булгакова".

По мнению господина Халилюлина, жители "спекулируют на имени классика, а права на дом принадлежат городу, который компания представляет".

Корреспондент "Коммерсант", побывавший у дома Булгакова, застал жильцов стучащими в дверь своего фонда. Через полчаса появились охранники "Ликом-центра", которые стали выкручивать жильцам руки. Как объяснил газете сотрудник службы охраны, "митингующие, очевидно, хотели выломать дверь дома, и мы просто обязаны были их остановить".

« Назад

1 марта 2004 *www.kp.ru*

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ От редакции ~

Студия FutureSite поздравляет «Булгаковскую Энциклопедию» с присуждением премии Р.Л.Е. и объявляет о начале работ над новой, современной, версией сайта

Обсуждение статьи

Первый некоммерческий клиент Студии - **"Булгаковская Энциклопедия"** - (www.bulgakov.ru) победила в номинации "Искусство и культура, литература" и стала обладательницей ноябрьской премии "Реклама. Лучшим. Ежемесячно". Учредители премии - **RLE Banner Network**, система управления контекстной рекламой **"Бегун"**, Интернет-агентство **Interno** и **Subscribe.ru**.

Коллектив **Студии** от всей души поздравляет редакцию **"Энциклопедии"** с присуждением заслуженной премии. Отрадно, что двухлетняя работа по созданию литературного Интернет-ресурса была оценена мировой общественностью. Сайт **"Энциклопедии"** собрал под своими знаменами тысячи поклонников творчества великого писателя по всему миру и стал центром их общения и культурного обмена.

Сайт **"Булгаковская Энциклопедия"** создавался в течение двух лет и был выложен в Сеть 10 января 2001 года. За эти годы технологии сайтостроения ушли далеко вперед. Желая модернизировать техническую сторону проекта, студия **FutureSite** приступает к глобальной переделке литературного Интернет-ресурса.

В 2004 году **"Булгаковская энциклопедия"** сменит обложку и будет радовать своих поклонников уникальным "движком", который специально для этого проекта начали разрабатывать программисты **Студии**. Кроме прочего, навигация по **"Энциклопедии"** будет существенно улучшена, а редакторы **"БЭ"** добавят новые разделы.

Спешим сообщить, что основная информация, содержащаяся в статьях **"БЭ"**, изменена не будет. Сохранится также гостевая книга. Новая версия сайта обогатится современным форумом, но старый не прекратит работу, и будет существовать наравне с новым.

Файловая система новой версии проекта будет разработана с учетом того, чтобы со старых URL-страниц пользователи попадали на новые. Такой подход необходим по той веской причине, что большое количество сетевых ресурсов размещало ссылки на конкретные страницы **"Энциклопедии"**. Студия **FutureSite** не позволит популярным ссылкам потерять актуальность, разработав новую файловую систему.

Специалисты Студии с радостью начинают работу над созданием новой версии **"Булгаковской Энциклопедии"** и призывают поклонников творчества **Мастера** к совместному созиданию. Делитесь своими идеями и пожеланиями, каким вы хотите видеть дизайн **"Энциклопедии"**, из каких разделов, по вашему мнению, должна состоять **"БЭ"**, что включить в "интерактив" ресурса www.bulgakov.ru. Усовершенствуем вместе наш любимый сайт!

« Назад

7 декабря 2003 *www.futuresite.ru*

~ Обсуждение статьи ~

Добавить сообщение

Добавление сообщения	
Имя:	
E-Mail:	
Заголовок:	
Форматирование:	B i u Img URL Цвет шрифта: По умолчанию Закрыть теги
Ответы по email:	☑
Сообщение:	
	Опубликовать сообщение

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ От редакции ~

Принимаем поздравления и подарки! БЭ стала лауреатом премии Р.Л.Е.!

Обсуждение статьи

Ура!!!

Поздравляем всех читателей и почитателей **"Булгаковской Энциклопедии"**! Спасибо Вам за поддержку! Заслуженное признание, ранее выражавшееся в Ваших восторженных письмах и широкой известности создателей сайта в узких кругах, наконец, обрело новые формы и воплотилось в награждении "БЭ" известными Интернет-компаниями.

"Булгаковская Энциклопедия" победила в номинации "Искусство и культура, литература" и стала обладательницей ноябрьской премии "Реклама. Лучшим. Ежемесячно". Учредители премии - **RLE Banner Network**, система управления контекстной рекламой **"Бегун"**, Интернет-агентство **Interno** и **Subscribe.ru**.

Они и вручили подарки победителю. Отметим, что все награды нашему детищу служат его дальнейшему развитию и распространению в Сети и осуществляют рекламную поддержку ресурса.

Кроме того, создатели "Булгаковской Энциклопедии" приглашены принять участие в работе Наблюдательного Совета премии. Совет состоит из лауреатов премии и решает вопросы, связанные с предварительным выдвижением и награждением, а также с совершенствованием концепции премии.

Вот выдержки из письма организаторов премиального фонда создателям БЭ:

"Добрый день, Юлия.

Позвольте поблагодарить Вас и Ваших соратников за создание и поддержку великолепного веб-ресурса "Булгаковская энциклопедия". Рады сообщить, что ваш сайт стал обладателем ноябрьской премии "Реклама. Лучшим. Ежемесячно". Надеемся, наш скромный совместный подарок поможет вашему ресурсу выполнить свою благородную задачу. Кроме того, рассчитываем на вашу помощь в дальнейшем развитии нашей премии".

Премия "Реклама. Лучшим. Ежемесячно" создана для поддержки качественных русскоязычных веб-ресурсов. Полная информация о премии, ее номинантах, лауреатах и учредителях доступна на страницах официального сайта премии (http://premium.rle.ru).

« Назад

2 декабря 2003 *Юлия Вишневская*

~ Обсуждение статьи ~

Добавить сообщение

Добавление сообщения	
Имя:	
E-Mail:	
Заголовок:	
Форматирование:	B i u Img URL Цвет шрифта: По умолчанию Закрыть теги
Ответы по email:	☑
Сообщение:	
	Опубликовать сообщение

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ От редакции ~

Булгаковская Энциклопедия – номинант премии Р.Л.Е.

Обсуждение статьи

Булгаковская Энциклопедия www.bulgakov.ru номинирована на Премию "Реклама. Лучшим. Ежемесячно" в категории "Искусство и культура, литература". Премия "Реклама. Лучшим. Ежемесячно" создана для поддержки качественных русскоязычных веб-ресурсов.

Создатели Булгаковской Энциклопедии надеются на победу и уповают на то, что поклонники Михаила Булгакова и читатели Энциклопедии поддержат нас!

Информация о номинировании Булгаковской Энциклопедии находится по адресу http://premium.rle.ru/nomenees/index.html?6

« Назад

20 октября 2003 *Юлия Вишневская*

~ Обсуждение статьи ~

Добавить сообщение

Добавление сообщения	
Имя:	
E-Mail:	
Заголовок:	
Форматирование:	B i u Img URL Цвет шрифта: По умолчанию Закрыть теги
Ответы по email:	☑
Сообщение:	
	Опубликовать сообщение

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ От редакции ~

Булгаковская Энциклопедия счастлива поздравить вас с Новым 2003 годом и Рождеством!

Обсуждение статьи

Дорогие друзья!

Булгаковская Энциклопедия счастлива поздравить вас с Новым 2003 годом и Рождеством!

Пусть ваша жизнь в новом году будет красивой и полной приключений! Пусть вам всегда светит солнце познания и добра! Пусть девушкам повезет встретить своего единственного Мастера, а юношам - свою любимую Маргариту!

С Новым годом вас! Принесите в 2003 год все самое хорошее, что есть в вашем сердце!

« Назад

31 декабря 2002 *www.bulgakov.ru*

~ Обсуждение статьи ~

Добавить сообщение

Добавление сообщения	
Имя:	
E-Mail:	
Заголовок:	
Форматирование:	B i u Img URL Цвет шрифта: По умолчанию Закрыть теги
Ответы по email:	☑
Сообщение:	
	Опубликовать сообщение

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ От редакции ~

Клуб Мастера

Обсуждение статьи

Добро пожаловать в клуб Мастера! Цель клуба - объединение огромной армии поклонников самого загадочного русского писателя.

Мы не можем допустить, чтобы такие силы интеллигентной и любознательной молодёжи (кто читает Булгакова - всегда молод душой!) были разрознены и прозябали в духовной эмиграции, отдельно от братьев по разуму.

Программа-минимум нашего абсолютно аполитичного Клуба - вытащить на белый свет всех поклонников Булгакова, составить представление об их количестве (и качестве), познакомить почитателей Булгакова друг с другом, положить начало их творческим встречам, наконец!

А программа-максимум клуба Мастера состоит в поддержке памяти Михаила Афанасьевича в веках и воспитании будущих поколений всего мира с опорой и на основе булгаковских бессмертных творений.

« Назад

24 августа 2002 *Юлия Вишневская*

~ Обсуждение статьи ~

Добавить сообщение

Добавление сообщения	
Имя:	
E-Mail:	
Заголовок:	
Форматирование:	B i u Img URL Цвет шрифта: По умолчанию Закрыть теги
Ответы по email:	☑
Сообщение:	
	Опубликовать сообщение

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

~ От редакции ~

Квартира-музей М. А. Булгакова в Москве

Обсуждение статьи

На Большой Садовой
Стоит дом здоровый.
Живет в доме наш брат
Организованный пролетариат.
И я затерялся между пролетариатом
Как какой-нибудь, извините за выражение,
Атом…

Квартира № 50 по Садовой, 10, по сравнению с киевским домом-музеем Булгакова, выглядит так, будто в ней только что закончился Великий бал у Сатаны. Причём с каждым нашим визитом мы убеждаемся, что положение к лучшему не меняется. Запущенный подъезд, который несколько оживляют рисунки булгаковских поклонников-ходоков, протекающий потолок со свисающей дранкой. Грязно, неуютно, и кажется, что Булгаков здесь никогда не жил, а только всё время шастала Аннушка со своим бидоном. Больно слышать и видеть, но это факт: квартира, в которой происходило действие самого загадочного романа XX века, квартира-реликвия, квартира-легенда - находится в ужасном состоянии и изменений к лучшему не предвидится.

Музея там практически нет. А если есть, то его можно заносить в книгу рекордов Гиннесса в раздел "Самая быстро меняющаяся экспозиция в мире". Бесплатный вход, абсолютная "ничейность" и заброшенность, а также известный культурный уровень посетителей сделали своё черное дело: большая часть булгаковских оригинальных вещей, связанных с этой квартирой, разворована. Голодные фанаты крадут даже постоянно восстанавливаемую хранителями музея куриную косточку из кармана Азазелло. Сейчас выставлять практически нечего: остались голые стены. Но и в них человек с хорошим воображением может представить себе похмельного Стёпу Лиходеева, увидевшего кота Бегемота с сосиской на вилке, Великий бал у Сатаны или Марго в чёрной хламиде прямо на голое тело. Ауру булгаковского закатного романа украсть невозможно.

Но ауру экспонировать не будешь, и поэтому здесь время от времени проводятся выставки художников, пишущих на темы булгаковские и далёкие от них; демонстрируются Les reminiscences - тексты воспоминаний Константина Паустовского, А. Бенуа, Елизаветы Викар, Анастасии Цветаевой, Георгия Иванова и Александра Грина; интересна фотовыставка "Москва Михаила Булгакова" С. Николаева, где представлены фотографии дома, где жила Маргарита, подвала Мастера, Патриарших прудов, камня Голгофа на Новодевичьем кладбище.

Отдельно стоит упомянуть презентацию уникального издания "Мастер и Маргарита" (Спб., Вита Нова, 2001) с великолепными иллюстрациями Геннадия Калиновского и комментариями Мариэтты Чудаковой. Роман в романе напечатан на белых страницах, остальные страницы - жёлтые.

Наиболее интересный экспонат сейчас в булгаковской квартире, на наш взгляд - это ксерокопии остатков дневника "Под пятой" и рукописи "Мастера и Маргариты", которые Булгаков порвал и сжёг.

Комната, где, собственно, и жил Мастер, теперь недоступна для осмотра. Там идёт затяжной ремонт. Вообще, как объяснила нам Инна Омаровна Мишина - ответственный секретарь неофициального Булгаковского фонда и хранитель музея - ремонт вряд ли когда будет окончен. Причина банальна: нет денег, и положение, которое занимает музей в квартире № 50, непрочно. Против Булгаковского фонда идут войной Швондеры из Фонда спасения Булгаковского дома - отбирают помещение, не пускают поклонников и всячески противодействуют. Да и правительству столицы не до квартиры-музея писателя, прославившего Москву в своих произведениях. Хотя 2002-й год и объявлен официально годом М. А. Булгакова, на ремонт квартиры № 50 по Большой Садовой не будет потрачено ни копейки. Имя Булгакова не присвоят хотя бы 4-й улице 8 марта (в Киеве уже давно есть улица Булгакова). Зато планируется обустроить Патриаршие пруды, построив там летние кафе под памятником Мастеру. Видно, ещё пустят на Патриарших трамвай.

Но Булгаковский фонд не опускает руки. В ближайших планах - организация булгаковского Молодёжного фонда и театра. Всё - собственными силами, чиновников и спонсоров, обжёгшись, боятся как огня. Но спонсоры, если хотят заслужить Свет, очень нужны.

Главное отличие московской квартиры от киевского дома - большая часть выставки создана руками булгаковских почитателей. Правильнее было бы назвать эту квартиру не музеем, а клубом. Люди приходят сюда нарисовать любимого персонажа на стене подъезда, на ней же излить свою душу, вести переписку в книге отзывов, встречаться на ступеньках под номером 50, преодолев препятствие в виде местных злобных бабулек и борзых детей, захлопывающих дверь у вас перед носом и просящих 50 рублей за вход в подъезд. Единственная проблема - клуб поклонников Мастера находится сейчас не в квартире, а в подъезде. Нехорошая квартира пуста и заполнена только нашим воображением.

Из письма Михаила Булгакова сестре Вере от 24 марта 1922 года: "…Самый ужасный вопрос в Москве - квартирный. Живу в комнате, оставленной мне по отъезде Андреем Земским. Больш. Садовая, 10, кв. 50. Комната скверная, соседство тоже, оседлым себя не чувствую, устроиться в нее стоило больших хлопот…"

Координаты музея-квартиры М. А. Булгакова для спонсоров: Москва, Б. Садовая, 10, кв. 50. Тел.: (095) 299 53 66 (13-18 ч.). Контактные лица: Чудакова М. О., Мишина И. О., Алексей.

« Назад

5 июля 2002 *Юлия Вишневская*

~ Обсуждение статьи ~

Добавить сообщение

Добавление сообщения	
Имя:	
E-Mail:	
Заголовок:	
Форматирование:	B i u Img URL Цвет шрифта: По умолчанию Закрыть теги
Ответы по email:	☑
Сообщение:	
	Опубликовать сообщение

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite

От редакции
5.06.2004
Новая редакция Булгаковской Энциклопедии »»»
Архив публикаций

Энциклопедия
Биография (1891-1940)
Персонажи
Произведения
Демонология
Великий бал у Сатаны
Булгаковская Москва
Театр Булгакова
Родные и близкие
Философы

Булгаков и мы
Булгаковедение
Рукописи
Фотогалереи

Сообщество Мастера
Клуб Мастера
Новый форум
Старый форум
Гостевая книга
СМИ о Булгакове
СМИ о БЭ
Лист рассылки
Партнеры сайта
Старая редакция сайта

Библиотека
Собачье сердце (иллюстрированное)
Остальные произведения
Книжный интернет-магазин
Лавка Мастера

:: А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н П Р С Т Ф Х Ч Ш Ю Я :: А-Я ::

~ От редакции ~

Дом-музей М. А. Булгакова в Киеве

Обсуждение статьи

5 мая 2002 года создатели сайта bulgakov.ru Юлия Вишневская и Юрий Кузнецов в очередной раз совершили паломничество на родину М. А. Булгакова - в прекрасный город Киев. Цель нашей "командировки" - не только насладиться каштановым Крещатиком, послушать колокола Лавры и переплыть Днепр, но и, самое главное, - сделать накануне булгаковского 111-летия фоторепортаж из дома № 13 по Андреевскому спуску. Сегодня это единственный во всем бывшем СССР дом-музей Мастера и героев "Белой гвардии".

Дом Турбиных в Киеве стоит на Андреевском спуске, и народная тропа к нему вымощена мемориальной брусчаткой. По замыслу его основателя и главного хранителя Анатолия Кончаковского все вещи братьев Турбиных выкрашены в ирреальный белый цвет: белые шинели, белая гитара, белый самовар... Подлинные булгаковские предметы представлены в натуральном виде. В одной экспозиции совмещены две: мир героев романа и мир его автора.

Всем поклонникам Мастера, кто еще не бывал в киевском доме-музее Булгакова, мы очень советуем его посетить. Московский "ободранный" вариант ему и в подметки не годится: это настоящий, полноценный литературный мемориал.

Одев смешные белые тапочки и поднявшись по узкой лестнице на второй этаж, вы попадаете в мир молодого Михаила Булгакова - студента и начинающего врача. Вот стол, за которым он писал свои первые вещи. Вот его любимая лампа с зеленым абажуром, это семейные фотографии. Чернильница, канделябр, университетские учебники, пособия практического врача - кажется, что молодой хозяин сейчас вернется и расскажет вам замысел своего первого романа.

Но это и мир семьи Турбиных, списанный с мира семьи Булгаковых. Вот печка с Николкиными надписями и его гитара, а это страшная комната, где умирал Алексей Турбин. Когда заглядываешь туда, свет меркнет и все вещи начинают кружиться вокруг тебя, светит только Еленина лампадка…

Переполненный впечатлениями и ощущением, что ты - один из героев романа или друг семьи Булгаковых, покидаешь ты этот околдованный дом, в котором сохранился дух начала прошлого века. А с Андреевского холма, залитого сиренью и солнцем и увенчанного дивным храмом, открывается великоторжественный вид на Подол, на излучину могучей реки, на Царские сады, на заднепровские дали - на любимый Булгаковым и нами Город.

« Назад

24 мая 2002 *Юлия Вишневская*

~ Обсуждение статьи ~

Добавить сообщение

Добавление сообщения	
Имя:	
E-Mail:	
Заголовок:	
Форматирование:	B i u Img URL Цвет шрифта: По умолчанию Закрыть теги
Ответы по email:	☑
Сообщение:	
	Опубликовать сообщение

© 2000-2004 Bulgakov.ru
Сделано в студии FutureSite